

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2021

55 лет факультету психологии в СПбГУ: эстафета поколений

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

19–22 октября 2021 года

Санкт-Петербург
2021

УДК 159.9
ББК 88.3
А64

Редакционная коллегия:

Аллахвердов В.М., доктор психологических наук, профессор;
Балин В.Д., доктор психологических наук, профессор;
Бордовская Н.В., доктор педагогических наук, профессор;
Верещагина Л.А., кандидат психологических наук, доцент;
Водопьянова Н.Е., доктор психологических наук, профессор;
Гнедых Д.С., кандидат психологических наук, доцент;
Головей Л.А., доктор психологических наук, профессор;
Горбатов С.В., кандидат психологических наук, доцент;
Гуриева С.Д., доктор психологических наук, профессор;
Зайцева Ю.Е., кандидат психологических наук, доцент;
Дейнека О.С., доктор психологических наук, профессор;
Карпова Э.Б., кандидат психологических наук, доцент;
Костромина С.Н., доктор психологических наук, профессор;
Ловягина А.Е., кандидат психологических наук, доцент;
Логонова Н.А., доктор психологических наук, профессор;
Мамайчук И. И., доктор психологических наук, профессор;
Миланич Ю. М., кандидат психологических наук, доцент;
Мусс А.И., кандидат философских наук, старший преподаватель;
Мухамедрахимов Р.Ж., доктор психологических наук, профессор;
Столярчук Е.А., старший преподаватель;
Стрижицкая О.Ю., доктор психологических наук, профессор;
Ходырева Н.В., кандидат психологических наук, старший преподаватель;
Шаболтас А.В., доктор психологических наук, профессор;
Щелкова О.Ю., доктор психологических наук, профессор;
Щербакова О.В., кандидат психологических наук, доцент.

А64 Ананьевские чтения — 2021: материалы международной научной конференции, 19–22 октября 2021 года / Под общей редакцией А.В. Шаболтас. Отв. ред. В.И. Прусаков. — СПб.: Скифия-принт, 2021. — 889 с.

ISBN 978-5-98620-558-8

В настоящем издании собраны публикации, представленные на международной научной конференции «Ананьевские чтения», проходившей 19–22 октября 2021 года и приуроченной к 55-летию факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Материалы сборника отражают широкий круг проблем современной психологической науки и включают как обсуждение творческого наследия выдающихся ученых, поколения наших учителей, так и результаты современных научных изысканий в работах молодого поколения психологов.

В сборнике представлены работы как универсантов, так и сотрудников многих других образовательных, практических и научных центров России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

ISBN 978-5-98620-558-8

© Авторы тезисов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов издания 35

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

<i>Артёмьева О.А.</i> История и методология психологии в пространстве психологического исследования.	36
<i>Ждан А.Н.</i> Место истории психологии в современном психологическом образовании	38
<i>Йованович Г.Р.</i> Новый материализм и история психологии.	40
<i>Кошутин О.Н.</i> Психология жизненных изменений и театральность в научных исканиях Б.Г. Ананьева	42
<i>Логина Н.А.</i> Биографические исследования истории психологии	44
<i>Мазилев В.А.</i> М.С. Роговин как историк психологии	46
<i>Мазилев В.А., Слепко Ю.Н.</i> М.С.Роговин: философ психологии	48
<i>Марищук Л.В.</i> Памяти Владимира Лаврентьевича Марищука.	50
<i>Няголова М.Д.</i> Московская школа С.Л. Рубинштейна в 60-е годы XX века	52
<i>Няголова М.Д., Олейник Ю.Н.</i> Болгаро-советские научные отношения в психологии 30-х — 40-х годов XX века	54
<i>Плавинская Ю.Б.</i> Ленинградская психологическая школа и психотехнические исследования	56
<i>Рафикова В.А.</i> Тенденции развития психологии личности в 1930 гг. в СССР и США: сравнительный анализ	58
<i>Тихонова Э.В.</i> Книга Б.Г. Ананьева «Теория ощущений» в историко- психологическом времени и пространстве (к 60-летию выхода в свет)	60

<i>Тугайбаева Б.Н.</i>	Ценностные отношения к семье россиян и трансформации менталитета	62
<i>Умрихин В.В.</i>	К проблеме объективности в развитии российской психологии после И.П. Павлова и В.М. Бехтерева.....	64
<i>Харитоновна Е.В.</i>	Трансформация менталитета: семья и историческое время	66
<i>Холондович Е.Н.</i>	Психология семейных отношений в пословицах русского народа	68
<i>Щукина М.А., Бутузова С.В.</i>	Статус события в истории психологи: проблема глубины ретроспективы.....	71

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА И ПСИХОТЕРАПИЯ

<i>Ахмерова И.З., Захарова Е.В.</i>	Диагностика когнитивных функций детей с ОВЗ с использованием автоматизированных систем	73
<i>Багненко Е.С.</i>	Стратегии и личностные ресурсы копинга женщин с косметологическими проблемами кожи лица	75
<i>Березниковский В.В., Матасов Ю.Т.</i>	Применение танцевально-двигательной терапии и танцев в работе с людьми с нарушениями зрения.....	77
<i>Бирт Ю.В.</i>	Опыт сочетания психотерапевтической и телесно-ориентированной работы у пациентов с хроническим психосоматическим заболеванием	79
<i>Бойко О.М.</i>	Соотношение между коммуникативным использованием интернета и качеством адаптации психически больных.....	81
<i>Бочаров В.В., Шишкова А.М.</i>	Предикторы ресурсного потенциала, препятствующего выгоранию родственников в процессе опеки больных с химической аддикцией ...	83
<i>Вагайцева М.В.</i>	Экзистенциальная беседа как основной инструмент коррекции эмоционального состояния взрослого человека в ситуации онкологического заболевания	85
<i>Васильева Н.Г., Бочаров В.В., Шишкова А.М., Фомичева М.В.</i>	Особенности переживания кризисной ситуации, связанной с пандемией у медицинских работников, профессиональная	

деятельность которых непосредственно связана с риском заражения коронавирусной инфекцией	87
<i>Васильева Н.Г., Чулкова В.А., Пестерева Е.В.</i>	
Мифологизация психосоматических соотношений в ситуации онкологического заболевания	89
<i>Вассерман Л.И., Никифорова Е.А., Чугунов Д.Н.</i>	
Биопсихосоциальная парадигма в сфере здоровья личности и интеграционные процессы в медицинской психодиагностике.....	91
<i>Воликова С.В., Горшкова Е.Г.</i>	
Социальная тревожность и речевой перфекционизм как мишени психологической помощи при заикании в юношеском возрасте	93
<i>Зайцева Д.В., Исурина Г.Л.</i>	
Социально-психологические детерминанты внутренней картины болезни у пациентов с мочекаменной болезнью.....	95
<i>Зиброва Д.В., Есманская Н.Е.</i>	
Стили психосоматического поведения у студентов с разными типами акцентуаций характера.....	97
<i>Зубова А.В., Русина Н.А.</i>	
Исследование уровня алекситимии и совладающего поведения пациентов с аутоиммунными заболеваниями.....	99
<i>Исурина Г.Л.</i>	
Кто обращается сегодня за психологической помощью?.....	101
<i>Кошанская А.Г.</i>	
Эмоциональные схемы и дисфункциональные стили реагирования у пациентов с сахарным диабетом II типа	103
<i>Крючков К.С., Петровский В.А.</i>	
Репрезентация этических норм в сознании психологов-практиков — пилотное исследование	105
<i>Ларионов П.М.</i>	
Новые возможности изучения эмоциональной сферы в психосоматической медицине: адаптация Краткой формы Пертской шкалы эмоциональной реактивности	107
<i>Ларионов П.М., Агеенкова Е.К., Деденок М.И.</i>	
Возрастные особенности эмоциональной сферы лиц с психосоматическими расстройствами	109
<i>Лебедева Е.И.</i>	
Супервизия онлайн: привычное и особенное.....	111
<i>Лисакова А.А., Миланич Ю.М.</i>	
Особенности эмоционально-волевой сферы и самооценки подростков с различным опытом включенности в ситуации кибербуллинга	113

<i>Мамайчук И.И., Миланич Ю.М.</i>	
Психологическая адаптация матерей во время госпитализации новорожденных с поражением центральной нервной системы	115
<i>Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Станкевич М.А.</i>	
Лексический анализ высказываний о COVID-19 людей с высоким уровнем эзотерического мышления	117
<i>Молчанова В.Р., Есманская Н.Е.</i>	
Особенности социофобий у лиц с разным уровнем депрессии	119
<i>Нелюбина А.С.</i>	
Роль представлений о болезни в интерпретации пациентом своего телесного опыта	121
<i>Нестерова А.В.</i>	
Феномен контрзависимости и отказа от близости у лиц с аддиктивным поведением	123
<i>Пеккер М.В., Щелкова О.Ю.</i>	
Связь нарушений критичности с выраженностью клинической симптоматики и нарушениями социального функционирования у больных параноидной шизофренией	125
<i>Пуговкина О.Д., Сыроквашина А.Д.</i>	
Связь руминаций и симптомов депрессии: вклад дефицита способности к гибкому переключению и принятию опыта.....	127
<i>Романова Е.А.</i>	
Навстречу своему страху, навстречу себе: влияние музейного пространства на детей с неврозоподобными расстройствами.....	129
<i>Русина Н.А., Баранов М.В.</i>	
Исследование когнитивных и эмоциональных аспектов нарушения феномена телесности пациентов	131
<i>Русякова Е.Е.</i>	
Психологическое сопровождение родителей больного ребенка в цифровой среде	133
<i>Рыжова А.А., Трусова А.В.</i>	
Нарушения эмоциональной регуляции у лиц с проблемным использованием социальных сетей	135
<i>Самбикина О.С., Чукичева Н.Г.</i>	
Свойства интегральной индивидуальности как детерминанты межличностной зависимости у мужчин	137
<i>Степанов Г.К., Пропустина В.А., Юрина Д.Д., Васильева С.А.</i>	
Влияние реабилитационного тренинга на динамику зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта	139
<i>Тактаракова С.С., Логинова И.О.</i>	
Методологическое обоснование исследования прогнозирования частоты возникновения рецидивов у пациентов с атопическим дерматитом в зависимости от устойчивости жизненного мира	141

<i>Федюкович Е.И., Трусова А.В.</i>	
Особенности распознавания эмоций по лицевой экспрессии у лиц с зависимостью от психоактивных веществ.....	143
<i>Холмогорова А.Б., Рахманина А.А., Калантарова М.В., Суботич М.И.</i>	
Специфика работы психологической службы в условиях стационара скорой помощи.....	145
<i>Шевеленкова Т.Д.</i>	
Связь представлений о смерти и особенностей психологического благополучия в норме и патологии	147
<i>Щелкова О.Ю., Усманова Е.Б., Исурина Г.Л.</i>	
Динамика показателей качества жизни пациентов, перенесших операцию в связи с опухолевым поражением позвоночника	149
<i>Яковлева М.В., Усманова Е.Б.</i>	
Качество жизни пациентов, проходящих различные виды хирургического лечения онкологического поражения нижних конечностей	151
<i>Якунина О.Н.</i>	
Различные направления психодиагностики при эпилепсии	153

КОГНИТИВНАЯ НЕЙРОБИОЛОГИЯ РЕЧЕВЫХ ПРОЦЕССОВ

<i>Блинова Е.Н., Щербакова О.В.</i>	
Влияние семантического конфликта на динамику окулomotorной активности при чтении иконических текстов абстрактного и конкретного содержания	155
<i>Васильева М.Ю., Князева В.М., Партанен Э., Александров А.А., Штыров Ю.Ю.</i>	
Нейрональные корреляты быстрого научения («fast mapping») новой лексике в развивающемся мозге	157
<i>Гнедых Д.С., Цветова Д.М., Мкртычян Н.А., Благовещенский Е.Д., Костромина С.Н., Штыров Ю.Ю.</i>	
Влияние транскраниальной электрической стимуляции области Брока на усвоение конкретных и абстрактных слов.....	159
<i>Исаева Т.Е., Щербакова О.В.</i>	
Полнота понимания текстов разного формата у современных читателей.....	161
<i>Перикова Е.И., Филиппова М.Г., Наследов А.Д., Мирошник К.Г., Благовещенский Е.Д., Щербакова О.В., Кирсанов А.С., Штыров Ю.Ю.,</i>	
Влияние ТЭС на лексико-семантическое усвоение слов, выученных с помощью имплицитной и эксплицитной стратегий	163

ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ВОЗМОЖНОГО

<i>Антонов Д.Д., Марцинковская Т.Д.</i> Различные форматы игровой активности как пространства самореализации личности.....	165
<i>Балашова Е.Ю.</i> О некоторых аспектах психического здоровья личности при старении.....	167
<i>Белашева И.В.</i> Трансформация эмоциональных компетенций подростков в условиях цифровой социализации.....	169
<i>Беловол Е.В., Шурупова Е.Ю.</i> Психологические типы лиц, склонных к эскапизму.....	171
<i>Бехтер А.А., Филатова О.А.</i> Временная перспектива и реактивные стратегии как факторы проактивного совладающего поведения в молодом возрасте.....	173
<i>Васильев В.Е., Кондратова Н.А.</i> Особенности жизненных моделей молодежи с разным уровнем религиозности.....	175
<i>Гребенникова О.В.</i> Коммуникативная потребность современных подростков в ситуации транзитивности.....	177
<i>Гусельцева М.С.</i> Антропологический подход в психологии личности.....	179
<i>Добротворский В.А., Мироненко И.А.</i> Взаимосвязь рефлексивности и особенностей религиозности личности.....	181
<i>Дьячук А.А.</i> Переживания времени и копинг-стратегии студентов во время пандемии.....	183
<i>Зиновьева Е.В., Кузнецова Е.А.</i> Жизненные цели цифровых лидеров мнений, транслируемые ими в социальных сетях.....	185
<i>Колесникова Е.А., Аванесян М.О.</i> Образная сфера и возможные Я человека.....	187
<i>Ляо Ц., Мироненко И.А.</i> Взаимосвязь личностных особенностей и принципов моральных суждений у российских и китайских студентов.....	189
<i>Мамаева-Найлз В.Д., Гришина Н.В.</i> Процесс изменений личности в ситуации помогающих отношений..	191
<i>Марцинковская Т.Д., Преображенская С.В.</i> Представление молодежи о будущем — прогнозирование и предвидение.....	193

<i>Митина О.В., Юлдашева М.И.</i>	
Психосемантический анализ мотивационной сферы личности в условиях пандемии COVID-19	195
<i>Москвичева Н.Л., Чжоу Ч.</i>	
Особенности поведения китайских и российских пользователей Интернета в конфликте социальных сетях	197
<i>Нартова-Бочавер С.К.</i>	
Аутентичность личности с точки зрения личностно-центрированного подхода, экзистенциальной психологии и психологии субъекта	199
<i>Одинцова М.М.</i>	
Взаимосвязь интернет-контента и жизненных моделей в пространстве возможного	201
<i>Полева Н.С.</i>	
Психология транзитивности как психология возможного	203
<i>Реттгес С.В., Лебедева А.Д.</i>	
О выборе стратегий взаимодействия в межличностном конфликте в связи особенностями временной перспективы личности	205
<i>Родионов Г.А., Зиновьева Е.В.</i>	
Опыт переживания изменения Я трансгендерными людьми: постановка проблемы	207
<i>Ронзин Д.В.</i>	
Вклад Л. М. Веккера в общепсихологическую теорию личности в сопоставлении с некоторыми эмпирическими обобщениями современной психотерапевтической практики	209
<i>Сунгурова Н.Л., Акимкина Ю.Е.</i>	
Виртуальная и реальная социальная активность студентов	211
<i>Устин П.Н., Попов Л.М.</i>	
Предикторы характеристик личности в социальной сети «ВКонтакте»	213
<i>Филясова Ю.А.</i>	
Анализ понятия «перфекционизм» в отечественных исследованиях	215

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

<i>Беломестнова Н.В.</i>	
Эвристическая роль математической модели в единой теории психических процессов Л.М. Веккера	217
<i>Горбунов И.А., Морозова С.В.</i>	
Моделирование динамики статистической практики в психологии	219
<i>Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю.</i>	
Условия индивидуально-интеллектуальных интеграций	221

<i>Морозова С.В.</i>	
Две методологии в психологии: сходства и различия	223
<i>Мусс А.И., Боровиков А.В., Постовалов А.В., Головина М.</i>	
Отражение в психологии: исследование понятия	225
<i>Панов В.И.</i>	
Экопсихологический подход и парадигмы изучения психики	227
<i>Цюхай Е.И.</i>	
К методологии исследования эмоционального выгорания	229

ОБЩАЯ И КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Варламов А.В., Яковлева Н.В.</i>	
Мишени коррекции пугающего образа у людей с высокой личностной тревожностью	231
<i>Взорин Г.Д., Семенова М.А., Нуркова В.В.</i>	
Как мы судим о счастье и об осмысленности жизни других людей: исследование движения глаз	233
<i>Галкина Е.В., Краснощекова С.В.</i>	
Вербализация причины эмоционального состояния в речи моно- и двуязычных детей в сравнении с инофонами, осваивающими русский язык как иностранный.	235
<i>Джаошвили Ю.Г., Зайцева Ю.Е.</i>	
Масштаб контекстуализации при решении взрослыми задачи реконструкции предложений: прайминг эффект и поколение постмодерна	237
<i>Клумова С.Б., Меньшикова Г.Я.</i>	
Особенности движений глаз при восприятии лицевых экспрессий у людей с разным уровнем эмоционального интеллекта	239
<i>Коган А.А., Сабодош П.А., Комаровская А.И., Хазарян А.Г.</i>	
Идиома с пропущенным словом как форма подсказки в задаче на решение анаграмм	242
<i>Коган А.А., Меньшикова Г.Я.</i>	
Связь эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности с процессами зрительного поиска лицевых экспрессий.	244
<i>Мазанкина Е.В., Захарова Е.В.</i>	
Влияние уровня агрессивности на время прохождения тестирования в виртуальной среде	246
<i>Митина О.В., Эркинова М.Б.</i>	
Психосемантический анализ представлений о правде и лжи как стратегий в переговорном процессе в Узбекистане	248
<i>Нуркова В.В., Гофман А.А.</i>	
Уроки Уханя: сравнение образов будущего до и после пандемии COVID-19	250

<i>Опекина Т.П.</i>	
Представления о самореализации и образ самореализованной личности у взрослых.....	252
<i>Пичугина А.О., Меньшикова Г.Я.</i>	
Особенности восприятия нейтральных экспрессий у лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта	254
<i>Прохоров А.О.</i>	
Ментальная регуляция психических состояний	256
<i>Прохоров А.О., Карташева М.И.</i>	
Взаимосвязь смысловых структур и компонентов системы Я в ментальной регуляции студентов	258
<i>Пульцина К.И., Бочаров А.Д.</i>	
Взаимосвязь пространственно-временных характеристик при зрительном восприятии	260
<i>Рассказова М.А., Буряченко Е.Р., Кулиева А.К.</i>	
Неосознаваемая детекция ошибок в задаче сравнения в условиях ложной обратной связи.....	262
<i>Сергеюк А.А., Щербакова О.В.</i>	
Влияние медитации открытого мониторинга на эффект намеренного забывания	264
<i>Ткачева Л.О., Флакман М.А., Коротаяевская Е.А.</i>	
Психосемантическое исследование англоязычной звукоизобразительности	266
<i>Чернов А.В.</i>	
Взаимосвязь составляющих системы Я и операциональных средств саморегуляции студентов	268
<i>Шалина О.С., Скрипник К.Д., Петухова Н.А.</i>	
Восприятия временных интервалов: методические принципы исследования	270
<i>Шестова М.А., Корнилова Т.В.</i>	
Личностная регуляция принятия решений в игре «Доверие»	272
<i>Юртаева М.Н.</i>	
Исследование закрытости личности на стыке различных направлений психологии	274
<i>Юсупов М.Г.</i>	
Ментальные механизмы регуляции психических состояний студентов.....	276

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

<i>Бельских А.В., Третьяков В.П.</i> «Мотиваторы игровой деятельности у людей различных профессий»	278
<i>Верещагина Л.А., Короткова Ю.С., Рогов О.К.</i> Эргономические характеристики и ресурсы работы электромонтажников судостроительного предприятия.....	280
<i>Власюк Е.Н.</i> Социально-психологические особенности сотрудников уголовно-исполнительной системы	282
<i>Воронина О.В., Сопина А.Л.</i> Динамика отношения к дистантному обучению у преподавателей и студентов в период пандемии.	284
<i>Гаврилова Е.И., Ложечкина А.Д.</i> Влияние социально-психологического климата организации на удовлетворенность трудом и мотивацию персонала	286
<i>Деревянко А.С., Ложечкина А.Д.</i> Социально-психологический климат в коллективе в период пандемии как фактор проявления разобщенности	288
<i>Круглова М.А., Ляпина Ю.Н.</i> Трудные рабочие ситуации и проактивное управление жизнестойкостью	290
<i>Лейхнер В.В., Круглов В.Г.</i> Факторы креативности участников фокус-групп в онлайн-формате ..	292
<i>Лепехин Н.Н.</i> Личностные и организационные и предикторы удовлетворенности трудом медицинского, образовательного и производственного персонала	294
<i>Лепехин Н.Н., Калашиник О.А.</i> Распределенное лидерство и удовлетворенность работой в agile-командах.....	296
<i>Локишина В.И.</i> Профессиональная мотивация педагогов дошкольного образования ..	298
<i>Мальсагова М.М., Барабанищикова В.В.</i> Профессионально важные качества разработчиков программного обеспечения	300
<i>Меньшикова Л.В., Кыргыз Д.Н., Марусова Е.В.</i> Связь инновационных характеристик личности студентов с предпочтением организационной культуры	302

<i>Орехова С.О., Ложечкина А.Д.</i>	
Исследование влияния стилей управленческой деятельности на эффективность работы организации	304
<i>Репина Е.А., Воронина О.В.</i>	
Факторы проактивности при трудоустройстве у начинающих психологов-консультантов.....	306
<i>Рубеко Я.Ю., Старченкова Е.С., Столярчук Е.А., Водопьянова Н.Е.</i>	
Вертикальное развитие лидеров в условиях нестабильности и неопределенности	308
<i>Руднова Н.А.</i>	
Регуляторные предикторы прокрастинации на рабочем месте	310
<i>Салтыкова А.Э., Погребницкая В.Е.</i>	
Ранний этап профессионализации: копинг-стратегии в трудных рабочих ситуациях и их личностные предикторы	312
<i>Старикова М.А., Маничев С.А.</i>	
Проактивность в профессиональной карьере	314
<i>Столярчук Е.А., Юркова Ю.Ю., Водопьянова Н.Е., Рубеко Я.Ю.</i>	
Психологические факторы безопасности в профессиональной деятельности IT организаций.....	316
<i>Шевелева М.С.</i>	
Роль перфекционизма и феномена самозванца в увлеченности работой и субъективном благополучии.....	318
 ОТ ОБРАЗА К МЫСЛИ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Л.М. ВЕККЕРА	
<i>Аверьянова В.А., Щербакова О.В.</i>	
Вклад когнитивных и эмоциональных особенностей реципиента в понимание имплицитных смыслов вербальных текстов.....	320
<i>Блинова Е.Н., Щербакова О.В.</i>	
Понимание иконических текстов абстрактного и конкретного содержания	322
<i>Молошная Д.В., Осорина М.В.</i>	
Исследование пространственных и модальностных характеристик образов воображения.	324
<i>Степанова Ю.В.</i>	
Сравнительный анализ концепций Л.М. Веккера, Б.Ф. Ломова и Н.А. Бернштейна	326
<i>Холодная М.А.</i>	
Понятийные способности и эффективность совладающего поведения.....	328
<i>Чередникова Т.В.</i>	
Механизмы патологической и нормативной неологизации с позиций теории психики Л.М. Веккера	330

Щербакова О.В.

Дефицит понимания переносного смысла как интеллектуальная черта поколения.....332

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Гаркуша С.А., Дейнека О.С.

Апробация опросника отношения к экономической глобализации334

Дейнека О.С., Лахов Н.С.

Образ политический партий у граждан современной России336

Кленова М.А.

Взаимосвязь социальной ответственности, протестной и политической активности молодежи.....338

Корниенко Д.С., Балева М.В., Ячменева Н. П.

Толерантность к неопределенности и ориентация на материализм в связи с экономическими поведением студентов340

Кузнецова А.С., Свешикова Н.О.

Методология изучения феномена молодежного экстремизма342

Медяник О.В., Малютина О.Е., Медяник С.И.

Влияние цифровых технологий на финансовое поведение россиян ..344

Свешикова Н.О., Евтухова З.М.

Проблемное поле психологических исследований медиаобраза в информационном пространстве.....346

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И РАННЕЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

Аникина В.О., Пионова К.А.

Использование шкалы KID для оценки представлений матери о развитии её ребенка в младенческом возрасте.....348

Асламазова Л.А., Мухамедрахимов Р.Ж.

Реакции на фрустрацию у детей, воспитывающихся в замещающих семьях350

Быченко И.В., Докукина Т.В.

Особенности детско-родительских отношений, как социально-психологический фактор, обуславливающий развитие соматоформных расстройств352

Вахабова А.А., Блох М.Е.

Стресс и копинг-стратегии у беременных женщин во время пандемии коронавируса.....354

Горн А.С., Солодунова М.Ю., Мухамедрахимов Р.Ж.

Особенности эмоционального тона во взаимодействии с близким взрослым у детей с ДЦП в домах ребенка и семьях356

<i>Игнатенко Н.С., Мухамедрахимов Р.Ж., Самарина Л.В., Комиссарчук Е.Д.</i> Оценка эффективности Денверской модели раннего вмешательства для детей с РАС в российских семьях.....	358
<i>Кагарманов Д.И., Мухамедрахимов Р.Ж., Сергиенко Е.А.</i> Факторная структура компонентов модели психического у детей, воспитывающихся в семьях биологических родителей.....	360
<i>Казаева Е.А., Абакумова Е.А., Шабардина О.Г.</i> Социализации детей с РАС с использованием метода АВА-терапии	362
<i>Ковшова О.С.</i> Особенности эмоционального состояния и социально-психологической адаптации женщин, воспитывающих недоношенного ребенка.....	364
<i>Кузмицкая Ю.Л.</i> Эмоциональное выгорание матерей детей младенческого и раннего детского возраста.....	366
<i>Куланова А.А., Аринцина И.А.</i> Сравнительное изучение эмоциональных переживаний, родительских установок и отношения к семейной роли матерей детей с РАС, с ДЦП и с типичным развитием.....	368
<i>Майер М.А., Андрущенко Н.В., Мухамедрахимов Р.Ж.</i> Раннее развитие недоношенных детей с экстремально-низкой массой тела при рождении с позиции биопсихосоциальной модели здоровья.....	370
<i>Наследов А.Д., Мирошников С.А., Ткачева Л.О.</i> Разработка шкал для психодиагностики риска РАС у детей 3–4 лет	372
<i>Николаева А.С., Аринцина И.А.</i> Изучение отношения к беременности и к будущему ребенку у женщин, использовавших вспомогательные репродуктивные технологии.....	374
<i>Пальмов О.И., Шарагина А.С.</i> Потребности и ожидания родителей детей раннего и дошкольного возраста с нарушениями развития в программах помощи ребенку и семье.....	376
<i>Первушина О.Н., Горбач А.С.</i> Особенности отношений родителей к детям с РАС.....	378
<i>Петрова Н.В., Вагнер К.В., Катышева А.А., Каган А.В.</i> Адаптация питания и рутины кормления у недоношенных детей в младенческом возрасте.....	380
<i>Плотникова Е.В., Андрущенко Н.В., Биличенко С.В., Катышева А.А.</i> Опыт междисциплинарного сопровождения и комплексной реабилитации детей раннего возраста, родившихся до срока.....	382

<i>Ракова Г.Н.</i>	
Влияние родительских отношений на роды: результаты лонгитюдного исследования.	384
<i>Самарина А.А., Самарина Л.В., Мухамедрахимов Р.Ж.</i>	
Эффективность раннего вмешательства для пар «мать-младенец» при нарушении пищевого поведения у детей.....	386
<i>Селезнева Е.П., Тромбчиньски П.К.</i>	
Актуальность изучения взаимосвязи отношений с отцом в детстве и собственного опыта родительства у молодых мужчин	388
<i>Симоненко И.А.</i>	
Развитие интегративной (интрапсихической и межперсональной) детской психотерапии в России.....	390
<i>Туманьян К.Г., Черного Д.И., Мухамедрахимов Р.Ж.</i>	
Чувствительность взрослых при взаимодействии с детьми раннего возраста в домах ребенка и замещающих семьях РФ.....	392
<i>Фролова О.В.</i>	
Анализ лицевой экспрессии детей, воспитывающихся в детском доме, в ситуациях взаимодействия с взрослыми и сверстниками.....	394
<i>Черного Д.И., Туманьян К.Г., Мухамедрахимов Р.Ж.</i>	
Сравнительное лонгитюдное исследование дневного ритма секреции кортизола у детей в замещающих семьях	396
<i>Шабалина Е.В., Мухамедрахимов Р.Ж.</i>	
Особенности наблюдаемого поведения детей, переведенных из типичного дома ребенка в замещающие семьи.....	398
<i>Шевченко А.В., Симоненко И.А.</i>	
Особенности детско-отцовских отношений в семье ребенка с гастроуденитом.....	400
<i>Щелокова Е.Г.</i>	
Сравнительный анализ достижений в речевом развитии детей раннего возраста с типом отношения к родительству у их матерей ...	402
<i>Эрнепесова Е.Д., Аникина В.О.</i>	
Особенности планирования беременности и отношения к ребенку у женщин, использовавших для зачатия вспомогательные репродуктивные технологии	404

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Рунец О.В.</i>	
Гипотетическая модель профессии «приемный родитель»	406
<i>Белашева И.В., Есян М.Л.</i>	
Психологическая устойчивость как проявление толерантности личности.....	408

<i>Белых С.Л., Сокольский А.А., Бельский П.В.</i> Управление ментальными моделями профессиональной деятельности обучающихся в вузе	410
<i>Белых С.Л., Каспер Н.В., Рукавишников Е.Л.</i> Способность к воссозданию визуального образа по тактильному восприятию как профессионально важное качество специалиста по ландшафтному дизайну	412
<i>Выбойщик И.В., Солдатова Е.Л.</i> Психологическая безопасность как фактор сохранности личности в системе служебной деятельности: на примере профессионального сообщества муниципальных служащих	414
<i>Грачев М.А., Дмитриева Ю.А.</i> Жизнестойкость как фактор совладания со стрессом у студентов медицинского ВУЗа в период пандемии	416
<i>Духновский С.В.</i> Особенности самоотношения государственных гражданских служащих с разным уровнем психовременной зависимости	418
<i>Ермолова Е.О., Шамишкова О.А.</i> Взаимосвязь социально-психологических установок и черт личности военнослужащих контрактной службы	421
<i>Ивлева Е.О., Соболева М.А.</i> Особенности мотивации достижений и локуса контроля у специалистов-консультантов по продажам	423
<i>Ипатов А.В., Шишигина Т.Р.</i> Психология профессиональной деятельности в условиях Арктики и регионов Крайнего Севера	425
<i>Кондратюк Н.Г., Бурмистрова-Савенкова А.В., Цыганов И.Ю.</i> Факторная структура методики М. Савикаса и Э. Порфели «Шкала карьерно-адаптационных способностей» на российской выборке подростков	427
<i>Кондрашихина О.А., Медведева С.А.</i> Динамика базовых показателей профессионального становления будущих психологов	429
<i>Коропец О.А.</i> Психологическая безопасность педагогов высшей школы в условиях цифровизации образования	431
<i>Курлова Д.В., Никифоров Г.С.</i> Представление о здоровье как жизненной ценности у студентов с различной выраженностью локуса контроля	433
<i>Медина Бракамонте Н.А., Филимоненко Ю.И.</i> Особенности психологического экспертного оценивания при работе с фотоматериалом	435

<i>Муслумов Р.Р., Степанова Е.С., Рябков А.М.</i> Особенности реализации программы профилактики криминальной зараженности несовершеннолетних в условиях пенитенциарной системы	437
<i>Петровская М.В.</i> Проблема психологического благополучия субъектов образовательного процесса военных вузов: заявления и факты	439
<i>Правдина Л.Р., Софронова М.А.</i> Профессиональная мотивация и стресс у сотрудников многофункциональных центров	441
<i>Прокопьев Д.Л.</i> Изучение смысложивненных ориентаций педагогов	443
<i>Ракитская О.Н.</i> О содержании представлений о психологическом благополучии у сотрудников пенитенциарной системы	445
<i>Рой А.П., Суроегина А.Ю.</i> Психологический тренинг как метод профилактики профессионального выгорания ординаторов	448
<i>Рябков А.М., Степанова Е.С., Муслумов Р.Р.</i> Разработка методики оценки уровня криминальной зараженности несовершеннолетних в УИС	450
<i>Сергиенко Е.Л.</i> Психологическое сопровождение профессиональной деятельности актера.	452
<i>Стрельникова Ю.Ю.</i> Экзистенциальный аспект влияния психотравмирующих ситуаций профессиональной деятельности на сотрудников МЧС России	454
<i>Тарасова А.А., Бахметьева К.С.</i> Специфика базовых убеждений психологов экстремального профиля.	456
<i>Черемисова И.В., Нельга Л.В.</i> Доминирующие стресс-факторы в процессе адаптации к срочной воинской службе.	458
<i>Шангутов О.А., Шангутов А.О.</i> Противодействие деструктивным тактическим медиа в войсках национальной гвардии.	460

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

<i>Алёшичева А.В., Самойлов Н.Г.</i> Психологическое здоровье личности бывших спортсменов, получивших высшее медицинское образование	462
--	-----

<i>Антонова Н.Л.</i>	
Здоровьесберегающее городское пространство как инструмент реализации права на город	464
<i>Астащенко А.П., Епихина Т.В., Яценко И.Н., Волкова С.А.</i>	
Предвзятость зрительного внимания как биомаркер психоэмоционального стресса	466
<i>Быченко И.В.</i>	
Алекситимия, как психологический фактор, обуславливающий развитие соматоформных расстройств	468
<i>Вередина С.Е., Гофман О.О.</i>	
Барьеры здорового питания	470
<i>Вець И.В., Бондаренко И.Н.</i>	
Особенности взаимосвязи саморегуляции, копинг-стратегий и акцентуаций характера в период восстановления после операции. . .	472
<i>Гофман О.О.</i>	
Влияние дистанционного формата обучения на психологическое благополучие и здоровье младших школьников	474
<i>Демчук М.А., Циринг Д.А.</i>	
Особенности сбора эмпирического материала при проведении психодиагностики онкобольных на различных стадиях заболевания	476
<i>Дорошева Е.А., Маткасимова А.А.</i>	
Осознанность (mindfulness) как совладающее со стрессом поведение	478
<i>Евстафеева Е.А., Циринг Д.А., Кузнецова А.И.</i>	
Взаимосвязь базисных убеждений и компонентов ментального здоровья у женщин больных раком молочной железы на разных стадиях	480
<i>Есенкова Н.Ю.</i>	
Клинико-психологические особенности отношения к здоровью у студентов, перенесших COVID-19	482
<i>Земзюлина И.Н.</i>	
Особенности переживания вторичного бесплодия у женщин репродуктивного возраста.	484
<i>Зинатуллина А.М., Березина Т.Н.</i>	
Физическое и психологическое здоровье студентов магистратуры в России.	486
<i>Золотарева А.А., Аверина П.А., Тимошина А.Л.</i>	
Психологическое благополучие в «третьем возрасте»: результаты кросс-секционного исследования.	488
<i>Игнатова Е.С., Голубева Н.Ю.</i>	
Базисные убеждения и эмоциональные схемы в связи с обсессивными проявлениями	490

<i>Мамина Т.М., Карпинская В.Ю.</i>	
Исследование эффективности применения игрового метода на подвесном оборудовании «Дом Совы» в реабилитации детей с нарушением осанки	492
<i>Мартынова В.П., Ларина А.В., Назарова Н.В.</i>	
Нейропсихологический анализ нарушений высших психических функций у пациентов, после перенесённой новой коронавирусной инфекции COVID-19	494
<i>Михайлова О.Б., Фаренникова Е.С.</i>	
Проявления тревожности и стрессоустойчивости у российских и китайских студентов, обучающихся дистанционно	496
<i>Мошквская В.А., Бурина Е.А.</i>	
Исследование психологического пола в парах с различным репродуктивным анамнезом, ожидающих рождения ребенка.	498
<i>Нартова-Бочавер С.К., Ерофеева В.Г.</i>	
Диспозициональная устойчивость и трудные жизненные ситуации учащихся в период «становящейся взрослости»	500
<i>Никифоров Г.С.</i>	
Н.В. Краинский об энергетической психологии.	502
<i>Пахомова Я.Н., Циринг Д.А., Важенин А.В.</i>	
Уровень субъективного контроля женщин с раком молочной железы, проживающих в сельской местности	503
<i>Пономарева И.В., Циринг Д.А., Кузнецова А.И., Миронченко М.Н.</i>	
Обзор исследований психологических особенностей больных онкологическими заболеваниями различных локализаций.	505
<i>Попова В.В.</i>	
Психологическое благополучие и социальный интеллект в подростковом возрасте	507
<i>Ходырева Н.В.</i>	
Проблемы и задачи психология здоровья в условиях пандемии Ковид-19	509
<i>Ходырева Н.В., Халиповская Е.О.</i>	
Партнерское насилие и конфликтность в отношениях на разных этапах пандемии COVID-19.	511
<i>Циринг Д.А., Пономарева И.В.</i>	
Субъективный контроль здоровья у женщин с раком молочной железы впервые обратившихся за медицинской помощью	513
<i>Цыбуля В.И., Курилова Е.В.</i>	
Теоретическая модель интегрального показателя здоровья специалистов МЧС России	515
<i>Шмойлова Н.А.</i>	
Ценность здоровья в сознании самоактуализирующейся личности.	517

ПСИХОЛОГИЯ КРИЗИСНЫХ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Аноцкая Е.М., Кузнецова Е.А.

К вопросу о психологических факторах риска партнерского насилия в немоногамных романтических отношениях 519

Зайцева Л.С., Карпова Э.Б.

Картина мира и способы совладания с трудными ситуациями у людей юношеского возраста, переживших травму потери в подростковом периоде 521

Карташвили Г.М., Семенова Н.Д.

Психологические аспекты до- и послетестового консультирования в связи с тестированием на ВИЧ-инфекцию 523

Курилова Е.В., Алпатова О.С.

Особенности когнитивного оценивания и способов совладания с трудными жизненными ситуациями молодежи г. Карачаевск и г. Владикавказ 525

Пахомова Я.Н., Гладков Ю.О., Миронченко М.Н.

Базисные убеждения и жизненные ориентации у пациенток с раком молочной железы 527

Первушин Н.С.

Стратегии российских медиа в период эпидемии COVID-19 и психологические последствия 529

Пятакова Г.В.

Изучение психологических ресурсов у подростков с ортопедическими заболеваниями 531

Трусова А.Д., Фаустова А.Г.

Взаимосвязь психопатологических симптомов и ранних дезадаптивных схем у людей, переживших насилие в детском и подростковом возрасте 533

Чечурина К.А., Пестерева Е.В., Вагайцева М.В.

Личностные особенности людей, занимающихся волонтерской деятельностью с онкологическими пациентами 535

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКА

Артеменко А.В., Шингаев С.М.

Особенности эмоционального интеллекта как профессионально важного качества представителей социономических профессий 537

Артищева Л.В.

Степень вовлеченности студентов в условиях цифровизации образовательного процесса 539

<i>Бондаренко И.Н.</i>	Специальные регуляторные ресурсы успешности по русскому языку в средней школе.	541
<i>Бордовская Н.В., Кошкина Е.А.</i>	Эффективность образовательных технологий смешанного типа в высшем образовании: анализ результатов отечественных исследований	543
<i>Булат Р.Е., Байчорова Х.С., Строцкая Е.Е.</i>	Психологические особенности очной формы обучения в период пандемии.	545
<i>Воронко Е.В.</i>	Особенности индивидуального стиля саморегуляции студентов медицинского университета	547
<i>Вэй Л., Даринская Л.А.</i>	Роль дидактической игры в процессе обучения российских дошкольников китайскому языку	549
<i>Григорьева Е.В.</i>	Динамика духовных ориентаций личности студентов деонтологического профиля в период обучения в вузе	551
<i>Гусева Н.А., Крайнюков С.В., Бондарева М.О., Новикова И.А.</i>	Психические состояния и ранние дезадаптивные схемы у студентов вузов в период пандемии COVID-19	553
<i>Даринская Л.А., Молодцова Г.И.</i>	Преподаватели и студенты о невербальной коммуникация в условиях онлайн-обучения	555
<i>Жабакова Т.В.</i>	Возможности метафорических ассоциативных карт в условиях практико-ориентированной подготовки будущих педагогов.	557
<i>Жебровская О.О.</i>	Педагогический дизайн в высшем образовании	559
<i>Жебровская О.О., Поволоцкий А.В.</i>	Проблемы декомпозиции компетенций и создания фонда оценочных средств в рабочих программах преподавателя высшей школы	561
<i>Завьялова Е.К., Посохова С.Т.</i>	Интеграция личностных факторов получения дополнительного образования в зрелом возрасте	563
<i>Звягина А.А., Баранова А.Ю., Гречухина В.В., Самсонова Н.Г.</i>	Опыт применения метафорических ассоциативных карт в работе с детьми с нарушениями опорно-двигательного аппарата по развитию жизнестойкости.	565

<i>Зиновьева М.Е.</i>	
Феномен авторитаризма у преподавателей школ и студентов педагогических вузов России.	567
<i>Игошин Д.А., Молодцова Г.И.</i>	
Проблемы построения учебного текста в школьных учебниках.	569
<i>Казаева Е.А., Токарева Ю.А., Рубцова А.Ю.</i>	
Изучение психологических особенностей адаптации иностранных студентов.	571
<i>Канина Н.А., Аргентова Л.В.</i>	
Особенности иерархической организованности ценностных ориентаций студентов с различным уровнем социального интеллекта.	573
<i>Касаткина Н.В.</i>	
Самооценка и уровень притязаний младших подростков с легкой степенью умственной отсталостью	575
<i>Катькало К.Д., Печеркина А.А.</i>	
Эмоциональное благополучие как фактор личностно-профессиональной самореализации педагога.	577
<i>Кац Е.Э., Колосова Т.А., Сорокин В.М.</i>	
Научное наследие М.С. Певзнер в пространстве современной дефектологии (к 120-летию со дня рождения)	579
<i>Кияткина А.Д., Шадриков В.Д.</i>	
Неопределенность как фактор понимания в учебной деятельности	581
<i>Короткина Е.Д., Махрова Н.Б.</i>	
Формирование социальных навыков у детей с расстройством аутистического спектра в общеобразовательном учреждении	583
<i>Крутелева Л.Ю., Кара Ж.Ю.</i>	
Особенности смысложизненных и ценностных ориентаций и мотивации профессиональной деятельности студентов помогающих профессий	585
<i>Кузьмичева Т.В., Афонькина Ю.А.</i>	
Адаптивная стратегия урока как способ индивидуализации образовательной деятельности обучающихся с ОВЗ.	587
<i>Леньков С.Л., Рубцова Н.Е., Низамова Е.С.</i>	
Структура психологической готовности к исследовательской деятельности.	589
<i>Меньшикова Л.В.</i>	
Концепция индивидуальности Б. Г. Ананьева как основание в деятельности психологической службы вуза	591
<i>Носкова А.В., Голованова Н.Ф.</i>	
Особенности мотивов изучения русского языка у иностранных студентов.	593

<i>Носкова М.В.</i>	
Цифровые технологии в образовательном процессе	595
<i>Оськина А.Н., Даринская Л.А.</i>	
Педагогика творчества в условиях электронного обучения	597
<i>Плотникова А.В., Демьянчук Р.В.</i>	
Субъективное восприятие времени младшими школьниками с синдромом дефицита внимания и гиперактивности	599
<i>Полещук Ю.А., Бойко С.И.</i>	
Профессиональные типы личности белорусских и российских студентов сферы управления	601
<i>Пономаренко И.В., Сарычева Ю.В., Космынин С.А.</i>	
Параметры временной перспективы и ее связь с эмоциональным состоянием студентов ВУЗа	603
<i>Посохова С.Т., Лукошко-Смолкина Д.А.</i>	
Личностные особенности родителей в замещающих семьях	605
<i>Ряжкин А.О.</i>	
Особенности ценностной сферы студентов с различным уровнем саморегуляции поведения.	607
<i>Садоха Е.И., Григорьева Е.В.</i>	
Уровень исследовательского потенциала студентов разной профессиональной направленности.	609
<i>Сорокин В.М., Кац Е.Э., Шукин А.В.</i>	
Феноменология детства в контексте психопатологии развития. К 130 — летию со дня рождения Г.Е. Сухаревой	611
<i>Сороков Д.Г.</i>	
Влияние внешней и внутренней академической мотивации на мотивационные смыслы базовых индивидуальных и метаценностей студентов, обучающихся консультативной психологии	613
<i>Тибеева Л.Ф., Устин П.Н.</i>	
Вербальная готовность соблюдения моральных норм младших подростков в решении моральных дилемм	615
<i>Тихомирова М.А., Гнедых Д.С., Яковлева М.В.</i>	
Мотивация учения студентов-первокурсников медицинского факультета при разных формах обучения	617
<i>Цыганов И.Ю., Кондратюк Н.Г., Морсанова В.И.</i>	
Осознанная саморегуляция достижения целей и карьерно-адаптационные способности в профессиональном саморазвитии учащихся	619
<i>Шабас С.Г.</i>	
Коммуникативная компетентность педагогов в условиях инклюзивного образования в детском саду	621

<i>Шалина О.С., Савчук М.М.</i>	
Особенности пространственного гнозиса и восприятия ритма леворукими школьниками	623
<i>Шаньгина Е.П.</i>	
Исследование гендерных особенностей тревожности у обучающихся 4-х классов в связи с их мотивами обучения	625
<i>Юхновец Т.И.</i>	
К вопросу о структуре и содержании установки к неопределенности студентов и учителей-дефектологов	627

ПСИХОЛОГИЯ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ И РИСКОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ

<i>Gimenez G.E., Tkacheva L., Barrado B.</i>	
Severe crimes affect bullying in Costa Rican Schools.....	629
<i>Беляева С.И.</i>	
Этнопсихологические особенности социальной перцепции подростков с девиантным поведением.....	631
<i>Вихман А.А.</i>	
Эмпирические исследования как основа проектирования программ профилактики кибербуллинга	633
<i>Гусева Н.А.</i>	
Изменение психического состояния бездомных в процессе психологической помощи и социальной реабилитации в условиях Приюта	636
<i>Максимов Д.В., Шаболтас А.В., Шаповалова В.Г.</i>	
Исследование суицидального риска у подростков с инструментальным и соматическим самоповреждающим антивитальным поведением	638
<i>Першина К.В., Осин Р.В.</i>	
Исследование связи между отношением к смерти и экзистенциальной исполненностью	640

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Алексеева О.С., Бурдукова Ю.А., Ржанова И.Е.</i>	
Снижение памяти у детей с опухолями головного мозга.....	642
<i>Ануфриюк К.Ю.</i>	
Направленность самоосуществления и психоэмоциональное благополучие в юношеском возрасте	644
<i>Байрамян Р.М.</i>	
Самоотношение как предиктор совладающего поведения в младшем школьном возрасте	646

<i>Баскаева О.В.</i>	Различающееся родительское отношение к потомкам в детстве и взрослости	648
<i>Белов В.В., Редина А.В.</i>	Системно-эволюционный подход к изучению феномена одиночества в подростковом и раннем юношеском возрасте.....	650
<i>Белов Е.В., Шурупова Е.Ю.</i>	Мир глазами ребенка цифрового поколения	652
<i>Бубновская О.В.</i>	Двадцать лет спустя: внутренние конфликты и вакуумы молодежи ..	654
<i>Ван С., Микляева А.В.</i>	Взаимосвязь психологического благополучия и семейного окружения у китайских подростков	656
<i>Вартанова И.И.</i>	Проявление когнитивно-эмоционального конфликта в видеодialoge и самоотношение старшеклассников	658
<i>Востокова А.А., Манукян В.Р.</i>	Оптимизм и стратегии социального поведения у взрослых с разным типом профессиональной карьеры	660
<i>Головей Л.А.</i>	Внутриличностные конфликты и профессиональное самоопределение в подростково-юношеский период развития	662
<i>Данилова М.В., Рыкман Л.В., Троицкая К.Б.</i>	Проявление жизнестойкости в трудных жизненных ситуациях в подростковом и юношеском возрастах	664
<i>Жукова Н.Ю.</i>	Возрастные различия в отношении к смерти (подростки, юноши, взрослые)	666
<i>Захарова Е.И., Карabanова О.А., Старостина Ю.А.</i>	Планы построения профессиональной и семейной карьеры у студенток региональных и столичных вузов	668
<i>Истомина И.П., Дудина Е.А.</i>	Нравственные ориентиры и проблема взросления современной молодежи.....	670
<i>Канторова Е.В., Горбачевская Н.Л.</i>	Предпосылки познавательных трудностей у учащихся начальных классов общеобразовательной школы.....	672
<i>Клементьева М.В.</i>	Биографическая рефлексия как предиктор толерантности к неопределенности в молодости	674
<i>Клешнев Е.А., Ляксо Е.Е.</i>	Анализ эмоциональной речи детей 7–8 лет: пилотное исследование	676

<i>Кобзева О.В.</i>	Особенности социального пространства молодежи в условиях Арктического региона.....	678
<i>Крылова М.А.</i>	Особенности когнитивно-стилевых характеристик личности, защитно-совладающего поведения и компонентов ментальной репрезентации в поздней юности и средней взрослости	680
<i>Куфтяк Е.В., Секацкая Е.О.</i>	Связь проактивного совладания и индивидуально-личностных показателей в период взрослости	682
<i>Лебедева Е.И.</i>	Социальная компетентность у детей младшего школьного возраста .	684
<i>Лебеденко О.А.</i>	Особенности толерантности младших школьников с разным уровнем тревожности	686
<i>Мамина В.А., Старостина Ю.А.</i>	Особенности мотивационной сферы дошкольника в условиях форсирования познавательного развития	688
<i>Мухортова Е.А.</i>	Отношение к природе обучающихся в подростково-юношеском возрасте	690
<i>Никитина Е.А.</i>	Психологическое благополучие студентов с разным уровнем осознанности	692
<i>Пирогова О.Д., Василенко В.Е.</i>	Удовлетворенность образом тела у подростков в связи с параметрами Я-концепции	694
<i>Платонова Н.С.</i>	Эмоциональное лидерство: взаимосвязь лидерского потенциала, самоотношения и эмоционального интеллекта.....	696
<i>Полякова М.К.</i>	Возрастные и гендерные особенности генеративных предпочтений взрослых.....	698
<i>Попова Т.А., Наставникова А.В.</i>	Взаимосвязь локуса ролевого конфликта, смысложизненных ориентаций, свойств личности и отношения к себе в зрелом и пожилом возрасте.....	700
<i>Потанина А.М.</i>	Исследование некогнитивных предикторов академической успешности старшеклассников: дифференциально-регуляторный подход.....	702

<i>Рыкман Л.В., Данилова М.В., Казаченко О.А.</i>	
Контроль поведения в связи с представлениями о свободе и ответственности в подростковом возрасте	704
<i>Рязанцева Е.Ю.</i>	
Исследование личностных проектов в юности и молодости	706
<i>Садовникова Т.Ю., Карбанова О.А.</i>	
Возможности проективной методики «пословицы» для исследования ценностных ориентаций подростков в сфере моральных норм	708
<i>Сергеева Т.Б.</i>	
Структура личностной мобильности в позднем возрасте.....	710
<i>Смирнова Я.К.</i>	
Айтрекинг исследование трудностей обучения, связанных с особенностями совместного внимания у детей с аномалиями анализаторных систем	712
<i>Сороков Д.Г., Перельгина Л.Т.</i>	
Экспериментальная оценка эффективности тренинга смыслового выбора (на материале тем курсовых работ) для студентов, начавших обучение психологическому консультированию	715
<i>Спицына В.В., Филиппова О.Г.</i>	
Анализ феномена хитрости как формы социального интеллекта в старшем дошкольном возрасте	717
<i>Степанова М.А.</i>	
Цифровая социализация как предмет исследования в психологии развития	719
<i>Шипова Н.С.</i>	
Сочувствие к себе как предиктор благополучия старших школьников	721
<i>Яковлева Е.В., Блох М.Е.</i>	
Психоэмоциональное состояние беременных женщин во время пандемии.....	723

ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Астраханцева А.М., Елманов Н.А.</i>	
Психологический феномен телесности в бадминтоне	725
<i>Ветвицкая Т.В.</i>	
Отношение к себе спортсменок, занимающихся художественной гимнастикой.....	727
<i>Гаврилова М.П., Голуб Я.В.</i>	
Стабилизации (регуляции) психоэмоционального состояния спортсменов посредством нейросенсорной коррекции	729

<i>Галашин В.А., Огородова Т.В., Галашина А.В.</i>	
Влияние мотивации достижения на стрессоустойчивость спортсмена- стрелка высшей квалификации.....	731
<i>Зиновьева Д.М., Павлоцкая Я.И.</i>	
Компоненты профессионального благополучия и психологическая подготовка спортсмена	733
<i>Иванова И.Г., Астраханцева А.М.</i>	
Ведение спортивных дневников в разных видах спорта.....	735
<i>Ивашко С.Г.</i>	
Экспериментальное исследование агрессивности и психологических защит спортсменов	737
<i>Коваль Т.Е., Лукина С.М., Ярчиковская Л.В.</i>	
Психологические аспекты онлайн коммуникаций в студенческом спорте	739
<i>Круглова Н.Е.</i>	
Особенности эмоционально-личностной сферы спортсменов- конников.....	741
<i>Маликова Л.А., Байковский Ю.В.</i>	
Особенности самоэффективности спортсменов с травмами конечностей	743
<i>Ромашко Ю.С., Горская Г.Б.</i>	
Взаимосвязь метакогнитивных умений и готовности тренера к профессионально-педагогическому саморазвитию.....	745
<i>Сопов В.Ф., Макаров А.Ю.</i>	
Влияние агрессивности на игровую эффективность вратарей высокой квалификации в хоккее.....	747
<i>Сохликова В.А.</i>	
Особенности психологического обеспечения национальной команды РФ по плаванию.....	749
<i>Тиунова О.В., Филатова С.И.</i>	
Практические аспекты передачи опыта психологической работы со спортивной командой.....	751
<i>Уляева Л.Г.</i>	
Дефиниция «Самореализация личности в спорте»	752
<i>Фоминых А.Я.</i>	
Взаимосвязь самоэффективности (self-efficacy) и психологического благополучия у спортсменов разного уровня профессионализма	754
<i>Шалина О.С., Зайцева Л.В., Полякова А.А.</i>	
Психологическая оценка эффективности детских программ адаптивной физической культуры	756

<i>Яковлев Б.П.</i>	Спортивная одарённость детей дошкольников и младших школьников в условиях спортивной деятельности.....	758
<i>Ярмонова А.А., Есманская Н.Е.</i>	Исследование копинг-стратегий в стрессовых ситуациях у студентов-спортсменов.....	760

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

<i>Балин В.Д.</i>	Сферическая модель психики в свете трехкомпонентной системы классификации психологического знания.....	762
<i>Греченко Т.Н.</i>	Взаимодействие микроорганизмов при формировании социальных структур.....	764
<i>Григорьев А.С.</i>	Выявление связей между психологическими показателями студентов медицинского вуза и успешностью выполнения заданий перцептивного эксперимента.....	766
<i>Жукова Д.И., Балин В.Д.</i>	Напряжение сюжета в модифицированном варианте анкеты «36 сюжетов».....	768
<i>Зверева Н.В., Бондаренкова Е.А.</i>	Экспериментальное исследование эмоционального отклика молодых людей на идентичные стимулы в тактильной и зрительной модальности.....	772
<i>Иванова Н.А., Гладков Ю.О.</i>	Жизненные ориентации трудоустроенных и не работающих женщин с раком молочной железы.....	774
<i>Козлова А.П., Суботялов М.А.</i>	Нейродинамические особенности мальчиков 13–14 лет в зависимости от соматотипа.....	776
<i>Огнев А.С., Лихачева Э.В., Николаева Л.П.</i>	Психофизиологические нетраспортные окулокардиографические предикторы индивидуальных особенностей субъекта.....	778
<i>Орлова Р.А., Суботялов М.А.</i>	Оценка психологического статуса подростков, обучающихся в профильном и специализированном классах.....	781
<i>Разумникова О.М., Алешина А.В.</i>	Связь самооценки идентификации с природой и особенностей активации мозга.....	782

<i>Тарасова А.А.</i>	
Психофизиологические особенности специалистов МЧС России	784
<i>Хавыло А.В., Леонова Е.В., Енгальцев В.Ф., Еремина И.И.</i>	
Проявление эмоционального возбуждения в мимической активности при восприятии знакомых и незнакомых лиц	786

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Алборова А.В., Дреева С.В.</i>	
Психологические факторы доверия в межэтнических отношениях ...	788
<i>Аристова А.С., Лысенко Е.В.</i>	
Социально-психологическая адаптация лиц, освободившихся от наказания в уголовно-исправительных учреждениях	790
<i>Аянян А.Н.</i>	
Некоторые аспекты вынужденной самоизоляции у московских студентов в период начала пандемии Covid-19	792
<i>Битюцкая Е.В.</i>	
Возможности игры-головоломки как методики для исследований группового копинга	794
<i>Бочарова Е.Е.</i>	
Позитивная и негативная амбивалентность перфекционизма в детерминации социальной активности учащейся молодежи	796
<i>Гагарина М.А.</i>	
Особенности долгового поведения в условиях пандемии COVID-19	798
<i>Горбатовская Ю.В.</i>	
Психологический портрет современной матери: из опыта практической деятельности педагога-психолога	800
<i>Денисенкова Н.С., Тарунтаев П.И.</i>	
Взаимосвязь уровня развития умственных способностей старших дошкольников, детско-родительских отношений и использования детьми цифровых устройств	802
<i>Екимчик О.А., Рулева Е.С.</i>	
Фаббинг в дружеских и романтических отношениях	804
<i>Екимчик О.А., Смирнова С.С.</i>	
Связь субъективного благополучия личности и качества близких партнерских отношений	806
<i>Забелина Е.В., Курносова С.А.</i>	
Психологическое время и субъективное экономическое благополучие у представителей малого бизнеса в сфере «зеленой» экономики	808
<i>Злоказов К.В., Куфлевский А.Ю.</i>	
Социальный статус в представлении бездомных	810

<i>Иванова А.А., Агисова Ф., Сауткина Е.В., Кабанова В.С., Патракова Н.А., Ивандэ К.</i>	
Разработка российской шкалы проэкологического поведения	812
<i>Керимова И.А.</i>	
Социальные представления современной молодежи о любви	814
<i>Киреева О.В., Басова Е.А.</i>	
Финансовый самоконтроль и прокрастинация у молодежи	816
<i>Киселькова А.А., Тихомирова Е.В.</i>	
Качество отношений с супругом и вовлеченность в интернет-среду у женщин в период взрослости.....	818
<i>Константинов В.В., Осин Р.В.</i>	
Трудовые мигранты и принимающее население: социальная дистанция в условиях пандемии COVID-19.....	820
<i>Корниенко Д.С., Горбушина Е.А.</i>	
Гендерные различия в интенсивности использования и профилях социальной сети	822
<i>Куликов Л.В.</i>	
Гендерные различия в эмотивной лексике.....	824
<i>Курносова С.А., Забелина Е.В.</i>	
Карта научного наблюдения в исследовании экономического поведения коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации	826
<i>Леоненко Н.О., Потапова М.В., Ибатуллин А.А., Потапова Ю.В.</i>	
Доминирующие интересы подростков к контенту блогосферы	829
<i>Меренков В.А.</i>	
Преодоление проявлений выученной беспомощности у лиц с ограниченными возможностями здоровья в рамках групповой работы	831
<i>Митина О.В., Актамов Ш.Т.</i>	
Влияние языковой и этнической принадлежности на стереотипы обыденного сознания в Узбекистане	833
<i>Михайлова И.В.</i>	
Особенности когнитивного стиля и личностных конструктов обучающихся с разным социометрическим статусом	835
<i>Мышкина М.С.</i>	
Эксперимент как метод диагностики идентичности	837
<i>Недошивина М.А.</i>	
Один за всех или все за одного? Социальное доказательство и влияние меньшинства как факторы готовности к участию в благотворительности	839

<i>Опекина Т.П., Голубева А.А.</i>	
Связь негативных аффектов в близких отношениях с «темными» чертами партнеров	841
<i>Подольская М.В., Винькова Г.А.</i>	
Доброта и гедонизм у молодежи мигрантов из Центральной Азии с разным типом этнической идентичности	843
<i>Постанина А.В., Гуриева С.Д.</i>	
Value orientations and gender peculiarities of modern women's career building	845
<i>Садовникова Т.Ю.</i>	
Межличностные отношения со сверстниками в ранней молодости (на примере девушек-студенток ВУЗов)	847
<i>Смирнова А.И.</i>	
Индивидуальные языковые особенности как маркер карьерного потенциала личности	849
<i>Соловьева Е.В., Смирнов А.А.</i>	
Выраженность параметров эмпатии при уровнях суеверности и стереотипии	851
<i>Титова О.И., Аликулова Ф.Э., Титов А.К.</i>	
Факторы социального взаимодействия у субъектов фемининного и андрогинного типа: отличительные особенности.	853
<i>Толстых Н.Н.</i>	
Социальное представление студентов о пандемии Covid-19: штрихи к портрету поколения	855
<i>Трушина И.А., Честюнина Ю.В.</i>	
Экономическая активность трудоспособного населения в период пандемии.	857
<i>Тучина О.Р., Тарасова В.В.</i>	
Исследование представлений о будущем в условиях неопределенности: межпоколенный аспект	859
<i>Удавихина У.А., Гуриева С.Д.</i>	
Doing & Undoing Gender: применение гендерных стратегий при построении карьеры женщинами в России	861
<i>Шамионов Р.М.</i>	
Соотношение приверженности к гражданской активности и субъективного благополучия провинциальной молодежи.	863
<i>Шляпников В.Н., Васильева К.Е.</i>	
Особенности волевой регуляции якутов	865
<i>Юрченко Н.И.</i>	
Отношение студентов разных профилей к своей культуре	867

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Адмакина Т.А.</i>	Воспитательные искажения у матерей, проживающих отдельно от ребенка в условиях развода и судебного спора	869
<i>Борисова С.Е.</i>	Возможности информационно-психологического воздействия новостного видеоконтента на правосознание водителей транспортных средств	871
<i>Воронова Ю.В., Драгальчук А.С.</i>	Психологические основы анализа «символов» в серийных преступлениях	873
<i>Горбатов С.В., Арбузова Е.Н., Абрамович Е.М.</i>	Регуляция поведения у молодых женщин, практикующих самоповреждение	875
<i>Горбатов С.В., Арбузова Е.Н.</i>	Социально-психологические основы исследования проблемы воздействия	877
<i>Ермолин А.В.</i>	Мотив экстремистской деятельности как предмет судебной психолого-лингвистической экспертизы	879
<i>Караяни А.Г.</i>	Направления информационно-психологической защиты сотрудников органов внутренних дел	881
<i>Караяни А.Г., Цветков В.Л.</i>	Влияние мнения анонимной номинальной группы на оценку интернет-публикаций участниками социальных сетей	883
<i>Николаева Д.В., Вартамян Г.А., Куркова Е.В.</i>	Концепция собственного будущего несовершеннолетних осуждённых	885
<i>Поздняков Р.В., Позднякова Т.Б.</i>	К вопросу о лингвистических особенностях речи при эмоциональном напряжении	887

От редакторов издания

Международная научно-практическая конференция «Ананьевские чтения» 2021 года является кульминационным событием празднования 55-летнего юбилея факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

СПбГУ занимает особое место в истории отечественной психологии — именно здесь впервые в нашей стране психология стала преподаваться в качестве учебной дисциплины, были защищены первые диссертации по научной психологии. В 1959–1963 гг. на базе Университета под руководством выдающихся ученых и организаторов Б.Ф. Ломова, Е.С. Кузьмина и Б.Г. Ананьева были созданы три исследовательских лаборатории (инженерной психологии, социальной психологии, дифференциальной психологии и антропологии), положившие начало Ленинградской психологической школе и факультету психологии ЛГУ, образованному в 1966 г.

Все эти годы факультет объединяет высококлассных преподавателей, видных учёных и практиков различных направлений: общей и экспериментальной психологии, возрастной и дифференциальной психологии, медицинской и патопсихологии, социальной и политической психологии, юридической, спортивной, педагогической психологии, психологии кризисных ситуаций, психологии личности, психологии здоровья и поведения, психологии менеджмента, психического здоровья. Факультет психологии СПбГУ сегодня — один из крупнейших российских центров психологического образования и науки, наш коллектив отличает бережное отношение к опыту прошлого и умение сохранять исторические традиции в сочетании с неизбывным стремлением к творческому и научному поиску и инновациям, высокие стандарты преподавания, уважение и любовь к своей alma mater, студентам, преподавателям и выпускникам.

На юбилейной конференции, кроме традиционного формата представлений наших достижений и обмена опытом в различных областях психологии, мы уделили большое внимание истории развития психологической науки в России в свете эволюции методологии, методических подходов, идей, обсудили творческое наследие выдающихся ученых, достижения наших учителей, а также современное состояние психологической науки и практики в работах молодого поколения психологов.

За четыре дня конференции прошло тридцать пять мероприятий: секций, круглых столов, симпозиумов, дискуссий, лекций и мастер-классов. «Ананьевские чтения – 2021» объединили более 400 участников из разных регионов нашей страны, стран ближнего и дальнего зарубежья. Такой неподдельный интерес профессионального сообщества в очередной раз стал ярким подтверждением высокого организационного и научного уровня конференции, многие годы являющейся одной из крупнейших площадок для обмена опытом между психологами, врачами, педагогами и другими специалистами. Материалы конференции «Ананьевские чтения – 2021. 55 лет факультета психологии в СПбГУ: эстафета поколений» представлены в данном издании.

Артемяева О.А.
Иркутск, ИГУ

История и методология психологии в пространстве психологического исследования

История психологии, методология психологии, советская психология, научный коллектив, психологическое исследование

История и методология психологии представляют собой активно разрабатываемые области исследования отечественных психологов. Они определяют содержание дискуссий, ведущихся на страницах научных журналов, монографий и научных сборников. Очевидно, рост интереса отечественных исследователей как к методологии, так и к истории психологии был в свое время вызван особенностями переходного постсоветского периода в развитии науки. И уже в XXI веке подхвачен в силу изменений в мировой психологии, связанных с трансформацией традиционных ценностей и социокультурной организации общества, ростом числа военно-политических конфликтов, кризисом идентичности личности и групп.

Современные социальные изменения актуализируют значение не только социально-психологического, но и методологического и историко-психологического анализа. Последние две области психологического исследования выполняют функцию рефлексии развития психологического познания: методология — формулируя требования к организации научного познания, история психологии — выявляя конкретные принципы и формы психологического познания в реальной истории его развития. Кроме этого, на основе данных и методов методологического и историко-психологического исследования возможно выявление единой системы психологического знания, связи исследовательских традиций, подходов, определение места психологии в комплексе наук. При этом реализуется их интегрирующая функция. Также методологи и историки психологии участвуют в определении вероятностных вариантов дальнейшего развития психологии. В этом состоит их прогностическая функция. Если выделенные функции истории психологии уже осмысливались отечественными и зарубежными авторами (Якунин, 2001; Кольцова, 2008), то в отношении методологии психологии и ее связи с историей науки все еще требуют конкретизации.

Как можно определить характер связи методологии и истории психологии? Методолог пользуется историко-психологическим знанием при систематизации психологического знания, обосновании принципов и категорий, обсуждении проблем психологии. Основные результаты методологического анализа представляются в контексте развития психологического познания, определяемого в работах по истории психологии. Имеет место и обратный процесс: выделение в ходе методологического анализа категорий и принципов открывает новые возможности

осмысления закономерностей исторического развития психологического знания, постановки исследовательских проблем и их решения. В частности, в наших историко-психологических исследованиях ведущих научных коллективов в истории советской психологии в таком качестве используются принцип субъекта и категория коллектива (Артемьева, 2015; Артемьева, 2020). Хотя необходимо заметить, что особенности социальной история развития психологии в СССР являются причиной скептицизма некоторых авторов в отношении эвристического потенциала категории «коллектив».

В целом история и методология психологии являются взаимодополняющими областями психологического исследования, развитие которых позволяет решать не только ретроспективные задачи по рефлексии достижений и кризисов психологической науки и практики, но и определять перспективные направления и средства психологического анализа для решения как фундаментальных, так и прикладных задач.

1. Артемьева, О. А. Научное сообщество как субъект научной деятельности / О. А. Артемьева // Психологический журнал. — 2015. — Т. 36. — № 4. — С. 67–75.
2. Артемьева, О. А. В поисках научного коллектива Л. С. Выготского/ О. А. Артемьева, О. В. Синёва // Психология и Психотехника. — 2020. — № 4. — С. 89–102.
3. Кольцова, В. А. История психологии: проблемы методологии / В. А. Кольцова. — М.: Ин-т психологии РАН, 2008. — 511 с.
4. Якунин, В. А. История психологии / В. А. Якунин. — СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. — 379 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00675.

Место истории психологии в современном психологическом образовании

История психологии, учебные планы, фундаментальная наука, РАО, инициативы историков психологии.

На «Ананьевских чтениях» поставлена очень важная проблема, может быть, мы сильно опоздали с осознанием ее важности. Напомню о ней прекрасным языком Л.С. Выготского: «Мы не хотим быть Иванами, не помнящими родства; мы не страдаем манией величия, думая, что история начинается с нас; мы не хотим получить от истории чистенькое и плоское имя; мы хотим имя, на котором осела пыль веков. Мы должны рассматривать себя в связи и в отношении с прежним; даже отрицая его, мы опираемся на него» — так юный Выготский выразил понимание роли истории в развитии психологической науки. Всем своим творчеством он доказывал истинность такого положения вещей. Критики даже ставили ему в упрек обильное цитирование мыслителей и ученых как российских, так и зарубежных практически всех стран и эпох. Не означает ли это, что Выготскому это было нужно для выражения собственных новаторских взглядов? Я склонна утверждать, что так. Не для украшения, не для демонстрации своей эрудиции или еще каких-то соображений, выходящих за рамки науки пересказывал Выготский идеи своих предшественников — Спинозу, Канта, Маркса, Вундта, Дарвина и др. Он считал, что никакое научное исследование невозможно без опоры на научную традицию, невозможно без учета накопленного научного знания. Но если это так, значит истории психологии надо учить, она нужна как учебный предмет в образовательной программе подготовки будущих специалистов. Даже краткий экскурс в историю показывает, что в 40-х гг. XX в. история психологии занимала большое место в учебных планах. Тогда читался общий курс и проводились семинарские занятия отдельно по истории отечественной и зарубежной психологии. Существовали также спецкурсы по отдельным темам, проблемам, историческим фигурам. Так историю русской психологии читал М.В. Соколов. Б.М. Теплов читал курс по истории зарубежной и русской психологии (до XIX в.), считая, что история психологии необходима для успешного решения актуальных задач современности. Он указывал на несомненное значение исторического подхода для культуры научного исследования. Выдающийся вклад в изучение наследия прошлого и в преподавание истории психологии внесли наши классики — Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, П.Я. Гальперин.

К сожалению, в настоящее время история психологии утратила свои позиции в системе подготовки профессиональных психологов. Нет такой мудрости, чтобы за 32 часа — а именно столько времени отводится в современном учебном плане для изучения этой дисциплины — сколько-нибудь полноценно изложить важнейшие этапы развития психологической мысли за 25 веков. Объем часов по истории психологии должен быть существенно увеличен. Должны выполняться студенческие курсовые и дипломные работы по истории психологии, защищаться диссертации.

Актуальной задачей является проведение инвентаризации положения дел в истории психологии.

Важно также разработать единую программу по истории психологии, по которой эта дисциплина преподавалась бы во всех университетах нашей страны. В различных регионах она может быть дополнена за счет спецкурсов путем включения материалов, накопленных местными учеными и недостаточно известными широкой научной общественности. Надо помочь с распространением их достижений если не в масштабах всей страны, но все-таки в каком-то более широком формате. Преподавание истории психологии не должно быть делом вкуса ученого.

Кто выступит организатором этих и других направлений работы в области истории психологии? Нельзя ожидать выполнения этих задач без всякого плана, за счет энтузиазма добровольцев, одиночек. Необходимо поднять уровень профессионального внимания к историко-психологическим исследованиям. Может быть, в нашей академии образования (РАО) следует создать группу и возложить на нее соответствующие задачи. Недостаточно ограничиться только обсуждением наших проблем.

1. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. // Выготский Л.С. Собр.соч. М.Педагогика, 1982.

Новый материализм и история психологии

Новый материализм, история психологии, антропоцентризм, дискурсивный поворот, плоская онтология, распределенные агентства, Выготский

Эта статья преследует две цели: во-первых, проанализировать последствия так называемого поворота к новому материализму для психологии как науки и для ее прошлой и будущей истории, а во-вторых, сформулировать возможные психологические ответы на утверждения нового материализма и его критики психологии. Новый материализм возник в начале нового тысячелетия как проект, направленный на преодоление ограничений и тупиков дискурсивных и культурных поворотов, которые характеризовали гуманитарные и социальные науки, включая психологию, во второй половине 20-го века (Barad, 2003, 2007; Bennett, 2010; Coole & Frost, 2010). В то же время новый материализм критиковал исторически предшествующие формы материализма, особенно исторический материализм.

Поскольку новый материализм в своем возвращении к забытой материи разработал программу, направленную против антропоцентризма, против приписывания агентного статуса только человеческим субъектам, против предпочтения языка над материей, становится ясно, что он обращается к ключевым вопросам психологии. Еще более важно рассмотреть последствия нового материализма для психологии, поскольку новый материализм понимает себя как радикальный эпистемологический и социально-политический освободительный проект.

До сих пор психология была явной или неявной целью критики с точки зрения нового материализма. Психология, безусловно, находится под влиянием критики антропоцентризма новым материализмом. Несмотря на то, что в истории психологии существовали школы, стирающие различие между психологией животных и человека (бихевиоризм), в истории психологии нет поддержки утверждений нового материализма о том, что нет фундаментальной разницы между людьми как субъектами и вещами как агентствами. Вопреки новому материализму психология приписывает символическим инструментам, и особенно языку, особую роль в индивидуальном и историческом развитии человека.

Против существующей позиции психологии как объекта критики со стороны нового материализма, я буду доказывать в этой статье, что у психологии есть концептуальные и теоретические инструменты, чтобы подвергнуть сомнению как критические, так и утвердительные утверждения нового материализма, особенно те, которые относятся к предмету исследования психологии — а это человеческие субъекты в социокультурном мире.

После описания особенностей нового материализма, относящихся конкретно к предмету психологии (плоская онтология, распределенные агентства, переоценка символического), на следующем этапе будут рассмотрены психологические теоретические ресурсы, доступные до сих пор в истории психологии, которые можно использовать для того, чтобы поставить под сомнение обоснованность требований

нового материализма. Для этого в основном будет использоваться культурно-историческая теория Выготского (Выготский, 1931).

В заключение утверждается, что, помимо существующей критики нового материализма, история психологии может предоставить веские аргументы, ставящие под сомнение многие утверждения нового материализма и приводящие доводы в пользу более многообещающих перспектив будущего психологии и необходимости разработки более обоснованных освободительных проектов.

1. Выготский, Л.С. История развития высших психических функций. В: Выготский, Л.С. Собрание сочинени, Т. 3. Москва: Педагогика, 1983 (1931- первое издание)
2. Barad, K. Posthumanist performativity: Toward an understanding of how matter comes to matter. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 2003, 28(3), 801–831. <https://doi.org/10.1086/345321>
3. Barad, K. *Meeting the universe halfway: Quantum physics and the entanglement of matter and meaning*. Durham: Duke University Press, 2007.
4. Bennett, J. *Vibrant matter: A political ecology of things*. Durham: Duke University Press, 2010.
5. Coole, D. & Frost, S. (Eds.). *New materialisms. Ontology, agency and politics*. Durham: Duke University Press, 2010.

Психология жизненных изменений и театральность в научных исследованиях Б.Г. Ананьева

Переживание жизни, переживание сценического действия, переживание чувства истории, роль, игра, обмен человеческими свойствами, социальные изменения

Б.Г. Ананьев исходил из связей человека с биотическими факторами природы и историческим развитием общества. Силой жизни осваивается\изменяется природная и общественная среда. Занятие там места — предпосылка к наполнению жизни, набору социального веса. Мы стремимся быть иными, выходим за границы (Монтень). Я — «другой Я» (Я + не-Я) — изменившаяся Я. Искусство удвоения\умножения себя порождает феномены «другого во мне» и других во вне меня. От древнеегипетского Ка (двойника) через герметичность древних мистерий к античному театру с его публичным действием, обусловленным экспрессивным видом маски со звуком\голосом\речью из нее. Перенос функции маски на ролевое поведение (Шекспир: «весь мир театр, а люди в нем актеры») открыл трансфер схем конфликтов и ролей между игрой в театре и игрой в жизни — условностью искусства и непосредственностью жизни. Синтетичная форма игры интегрирует общение и познание (Б.Г. Ананьев, 1977). Распознавание\различение ролевого другого образуют связи театральной коммуникативности. Л.Е. Пинский (1971) выделил в трагедиях Шекспира типы театральности: в первом актер играет другого, во втором актер под видом другого играет себя, в третьем (экстатическом) возвышается игрой над прежней ролью, «выходит из себя», перерастает себя и как безличный орган высшего сознания оценивает через себя человеческую жизнь. Выражая акт истории в антропологическом плане. Посыл Тейяра де Шардена (1965): расшифровка наиболее подвижной точки ткани универсума [человека] — познание того как образовался мир и как должен продолжать образовываться — дополнен тезисом Б.Г. Ананьева (1968) о «чувстве истории» переживаемом личностью. Переживания, пишет Н.А. Логинова (1978), «отражают события и обстоятельства жизни в их отношении к самому субъекту». Правдивость характера переживаний предопределяет соответствие\не соответствие жизни (Б.Г. Ананьев, 1945). Сенека учил хорошо сыгранной жизни, театр по Станиславскому: отражая прожитую жизнь — созидает жизнь современности — в обстоятельствах достоверности театральной игры. Эффект разыгрывания «другой жизни» зависит от психического переживания (приема сценического действия в системе Станиславского) направленного, акцентирует Б.Г. Ананьев (1941), на внутренне реалистическое отражение действительной жизни в созидании индивидуального воплощения роли на сцене. Одобрив деятельность Н.С. Говорова и его труд «Театр рассказа» Б.Г. Ананьев указал: «работа актера над собой является таким возделыванием человеческой природы, которая эффективна только в том случае, если она соответствует законам искусства и самой человеческой природе» (2008). Н.С. Говоров (Ананьевские чтения, 1999) выявил совпадение идей И.П. Павлова и Б.Г. Ананьева о моделировании оптимума психической нормы в актерском мастерстве. Э. Бентли (2004) видит театр односторонне: А играет Б на

глазах у С. По Ананьеву: «благодаря общению поступок А становится обстоятельством жизни В,С,D, а их поступки, экспрессивные действия сказываются на поведении А» (1977). Коммуникативное влияние множится социальной сетью. Произвольность действия, его направленность невозможна вне сознания — знания своей/общества жизни. Б.Г. Ананьев (1968,1997) отсылал к универсалии обмена человеческими свойствами и роли других людей в жизненном пути. Что обрело в коллективе Н.С Говорова формы практик «школы жизни общества» и «школы жизни в обществе». Обучение социальной активности тренингом обозначено О.Н. Ушакова, О.Н. Кошутин (Ананьевские чтения, 2006). Произведение событий в модусах социальной значимости П.И. Смирнов (2018) связывает с личностными типами: первый не осмысляет свою жизнь, второй получает смысл жизни от других, третий переосмысляет усвоенное с выбором собственной линии поведения. Ход обновлений жизни намечен у Б.Г. Ананьева в лекциях (2006): роль — осуществление социальной функции, выполнение определенной деятельности определяет смысл роли, эффект поступка личности (действия с социальным смыслом) — социальные изменения в окружающих, в обстоятельствах, в самом себе.

Биографические исследования истории психологии

История психологии, аспекты научного развития, биография ученого, виды биографических текстов, задачи и трудности биографического исследования.

Личность ученого, его жизненный путь — своеобразные предметы изучения профессионального историка науки. Мы согласны с положением, сформулированным М.Г. Ярошевским, что есть три аспекта в развитии и соответственно в изучении науки: предметно-научный, социально-исторический и биографический.

Биографические публикации существуют в научной литературе в разных формах. Персональные поздравления, некрологи, статьи об ученом к памятной дате, биографические очерки и монографии. Последнее в отличие от первых трех является продуктом специального историко-психологического исследования. Действительно, первые три — это вторичные и третичные публикации в том смысле, что они часто опираются на уже имеющиеся исследования историков и не обязательно предполагают собственные историко-психологические изыскания автора публикации.

В структуре опубликованных биографий ученых можно выделить три линии. Личная — предки, семья родителей, годы учения, начало научной деятельности и ее содержание, учителя, круг общения, «значимые другие», значимые для становления личности художественные, исторические и другие впечатления. Вторая линия, самая главная, это творчество ученого — первые исследования и первые публикации, дальнейшие исследования и лейтмотив, становление собственных теоретических взглядов, влияние на развитие науки. Фазы развития личности и жизненного пути и генетические переходы между ними. Третья линия — влияние на социум — организаторская, общественная деятельность, общение с сотрудниками, студентами, друзьями, создание собственной среды развития. Все эти линии соотносятся с историческим временем, с эпохой и состоянием науки, современной изучаемому персонажу.

Апофеозом биографического исследования должна стать реконструированная и осмысленная концептуальная система ученого как плод его общего и специального развития, оценка его вклада и места в истории психологической науки, ее существования после смерти ученого, оценка перспективности его теории и отдельных идей, исследовательских программ.

Перед психологом-биографом встают следующие задачи. Составление хроники жизни и творчества персонажа. Собираение и критика свидетельств современников. Причем не только сторонников и поклонников, но и противников. Поиск и анализ автобиографических текстов — анкеты и жизнеописания из личного дела, личные и деловые письма, дневники, записные книжки. Анализ прочих продуктов объективации — тексты интервью, обращения в органы государственного управления, стенограммы публичных выступлений, пометки на полях книг,

художественные произведения ученого и т.п. К тому же нужны фотографии и прочие изображения по теме.

На пути решения этих задач встают специфические препятствия и затруднения, например, требование научной объективности при личностной вовлеченности биографа, его симпатии к персонажу, его идеям и труду. Есть и опасность соскальзывания в научно-популярный жанр типа ЖЗЛ, который имеет свои достоинства, но отличается от научного большей произвольностью авторской интерпретации, акцентированием драматических событий биографии ученого, ее беллетризацией.

На помощь приходит современная наука, где выделилась целая отрасль о жизненном пути и личности — биографическая психология (Абульханова-Славская, 1991; Логинова, 2016, 2017 и др.). Здесь уже намечен понятийный аппарат, соответствующий структуре жизненного пути в пространстве и времени. Опыт биографических исследований Петербургской психологической школы свидетельствует о важном значении такого труда для понимания истории и сути психологии.

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Логинова Н.А. Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: ИП РАН, 2016.
3. Логинова Н.А. Становление понятийной системы биографической психологии // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: Векторы развития современной науки психологической науки. Ч. 1. СПб: РГПУ. 2017. С. 169–176 (электронное издание).

М.С. Роговин как историк психологии

История психологии, М.С.Роговин, мировая психология, становление психологической науки

В 2021 году отмечается столетие со дня рождения М.С.Роговина, замечательного отечественного психолога. Его работа «Введение в психологию» не рассматривается обычно в корпусе историко-психологических исследований в отечественной психологической науке, что, на наш взгляд, совершенно не оправдано. В этой книге максимально полно выражены позиции М.С.Роговина как историка психологии, кроме того им опубликован целый ряд статей историко-психологического содержания (Мазилев, 2006).

Обозначим основные положения историко-психологической концепции М.С.Роговина.

1. Знание историческое представляет собой единство знания предметного и знания методологического.
2. История психологии, описываемая историками психологии, представляет часть единого процесса, который берет начало в древности и продолжается сейчас и будет продолжаться дальше. История психологии далека от «финальности».
3. Выделение психологии вряд ли было четко датируемым событием: «Процесс формирования научной дисциплины длительный, сложный, диалектически противоречивый; поэтому следует стремиться определить лишь исторический отрезок времени, на который приходится сочетание условий, в максимальной степени способствовавших ее становлению» (Роговин, 1969, с. 96). Становление психологии как самостоятельной науки пока не завершено — идет процесс становления.
4. Необходимо руководствоваться принципом единства исторического и логического.
5. Развитие психологии происходит в противоборстве и взаимодополнении двух противоположных тенденций — дифференциации и интеграции психологического знания.
6. Для понимания психического и его механизмов особое значение имеет психопатология. В психических нарушениях проявляются труднодоступные для исследователя механизмы психики: психическое нарушение выявляет механизмы работы психики, которые оказываются недоступны другим методам исследования. Важно, что такой подход оказывается необходимо целостным.
7. В истории психологии существуют «внешняя» и «внутренняя» истории психологии. «Для того, чтобы проследить развитие психологии, мы — хотя и с большой долей условности — выделяем «внешнюю» и «внутреннюю» стороны этого процесса. Первую составляют факты истории науки, вторую, в основном, изменения содержания психологических понятий и динамика факторов, обуславливающих эти изменения» (Роговин, 1969, с.12).

8. В истории психологии должен реализоваться уровневый подход: на первом уровне факты из истории психологии как науки являются основным показателем движения психологических понятий; на втором уровне выявляются внутренние взаимоотношения психологических понятий, их самодвижение, связанное с функционированием определенных психологических механизмов; на третьем уровне рассматривается динамика понятий внутри теоретических систем современной психологии (Роговин, 1969, с.12–13).
9. Развитие психологии может быть понято как взаимодействие, сосуществование трех различных составляющих, трех психологий, отличающихся по происхождению, времени появления, составу, методам и т.п. — донаучной, философской и научной. Важными для понимания развития являются моменты происхождения нового знания и, соответственно, «новой» психологии — донаучной, философской, научной психологий. Каждая из психологий характеризуется через систему используемых понятий и методов, психологии различаются не столько самими методами, сколько изменением их внутренней структуры и изменением роли и места в более общих структурах познания.

Использование такого подхода позволило обнаружить препятствия и опасности на пути развития психологической науки (Роговин, 1969), которые не были видны его современникам (Мазилев, 2021).

1. Мазилев В.А. Психология в борьбе за существование // Методология современной психологии. Вып 13. М. — Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2021, с.259–287
2. Мазилев В.А. Михаил Семенович Роговин — методолог психологии // Методология и история психологии, Т. 1, Вып. 2., 2006, с. 103–113.
3. Роговин М.С. Введение в психологию. М., 1969. 385 с.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 18-18-00157*

М.С.Роговин: философ психологии

История психологии, философия психологии, М.С.Роговин, мировая психология, становление психологической науки

В октябре 2021 года исполнится 100 лет со дня рождения М.С. Роговина (1921–1993), выдающегося отечественного психолога, внесшего значительный вклад в разработку многих вопросов психологии (Мазилов, 2006, 2011). М.С.Роговин был оригинальным философом психологии, имеющим свое представление о происхождении и развитии психологии, что позволило ему вскрыть противоречия и тенденции развития психологической науки. Отметим, что он смог увидеть те опасности на пути развития психологической науки, которые не были видны его современникам (Роговин, 1968, 1969).

Все это можно легко свести к единому знаменателю: отсутствует целостное понимание предмета психологии, в результате возникает разобщенность предметного содержания, как следствие путаются в сознании психолога исследуемые явления и «строительные леса», вспомогательные конструкции. Сама психология, не имея предметного единства, утрачивает статус единой науки, готова к распаду на совокупность отдельных частных дисциплин, которые конституируются не предметом науки, а областью приложения психологических понятий («тематикой») (Роговин, 1969, с.6). Иными словами, отсутствует адекватная философия психологии и как следствие происходит «недостаточная ориентировка в общих проблемах своей науки, непонимание ее специфики, истории ее развития».

Акцентируем внимание лишь на тех вопросах, которые составляют особую актуальность для современной психологии. В свое время соображения М.С.Роговина не были услышаны и восприняты психологическим сообществом. Более того, они прозвучали явным диссонансом: психология в шестидесятые годы находилась «на подъеме», существовала явная эйфория по поводу ее перспектив, разделяемая и зарубежными и отечественными психологами.

Главной идеей, необходимой для правильной трактовки подхода М.С. Роговина, является понимание того, что знание историческое — это единство знания предметного и знания методологического. М.С.Роговин мыслит категориями мировой психологии. Обратим внимание на то, что это означало неприятие некоторых догм, разделявшихся большинством советских психологов. М.С.Роговин был сторонником идей французской школы, которая традиционно рассматривала проблемы нормальной психологии в связи с нарушениями психики. Глубокая мысль, что сама природа ставит эксперимент, изучение психического нарушения позволяет выявлять механизмы работы психики, которые оказываются недоступны другим методам исследования. Очень важно, что такой подход оказывается необходимо целостным, он не оставляет ни тени сомнения в реальности существования психики, в том, что психика имеет несомненный онтологический статус. Именно представление М.С.Роговина о целостной психике человека позволило ему сделать фундаментальные открытия в научной психологии. Это представление совершенно

не соответствовало доминировавшим в советской психологии ограниченным моделям, взявшим за основу категории отражения и деятельности. Идеи отражения и деятельности несомненно позволили психологии «выжить» в тридцатые годы XX столетия, выступали в качестве «охранной грамоты» перед идеологией, но далее стали явным тормозом развития научной психологии. Достаточно сказать, что ориентация на категорию «отражение» по сути лишала психическое онтологического статуса.

Как представляется, экспликация философии психологии, разработанной М.С.Роговиным, актуальна в настоящее время, когда перед современной отечественной психологией стоит задача разработки философии психологии как необходимого раздела психологической науки.

1. Мазиллов В.А. Михаил Семенович Роговин — методолог психологии // Методология и история психологии. Т. 1. Вып. 2., 2006, с. 103–113.
2. Мазиллов В.А. Михаил Семенович Роговин: философ психологии // Сибирский психологический журнал, № 40, 2011, с. 80–88.
3. Роговин М.С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории: автореф. дис. ... док. пед. наук. М., 1968. 28 с.
4. Роговин М.С. Введение в психологию. — М., 1969. 385 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00157)

Памяти Владимира Лаврентьевича Маришука

Персоналии, стресс, минимизация, напряжённость, диссертации, аспиранты публикации

История психологии — не только борьба идей, но и персоналии. 55 лет тому назад был создан факультет психологии, многие из присутствующих учились здесь, в том числе и у Владимира Лаврентьевича Маришука, многие работали, защищали диссертации, в том числе и у Владимира Лаврентьевича, многих уже нет, как нет и его.

В 1963 году он защитил в Ленинградском государственном университете диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (по психологии) на тему: «О совершенствовании эмоциональной устойчивости курсантов-летчиков, как средства предупреждения и преодоления напряжённости в полетах». После защиты профессор Б.Г.Ананьев предложил ему подготовить курс «Поведение человека в экстремальных условиях». Он создал этот курс и читал его на отделении и факультете психологии ЛГУ с 1965 по 1975 год, молодой, красивый майор, летчик.

В 1982 году на том же факультете, В.Л. Маришук защитил докторскую диссертацию «Психологические основы формирования профессионально значимых качеств», был членом Совета по защите диссертаций, председателем ГЭК, пользовался авторитетом и уважением коллег.

В.Л. Маришук проникся антропологическим подходом и в этом русле работал всю свою жизнь. Изучение эмоциональной напряженности летчиков привело его к познанию личности военнослужащего (курсанта, спортсмена), ее духовного склада, убеждений, зрелости, показателем которой для него выступала социальная ответственность, сформированность мировоззрения, профессионализм.

С 1955 по 2015 год (60 лет) полковник В.Л.Маришук служил, а затем работал профессором кафедры гуманитарных дисциплин в Военном институте физической культуры (ВИФКе), читал психологию и педагогику, написав ряд учебников и учебных пособий, множество пособий методических. Список его трудов составляет более 700 наименований.

По проблеме стресса и преодоления эмоциональной напряженности, им была выдвинута идея «минимизации» — перераспределения функциональных резервов в русле господствующей установки. Он разделил стадию «повышенной резистентности» на 2 фазы — «перекрестной резистентности» и «перекрестной сенсбилизации», переходящую в «фазу истощения» не общим потоком снижения всех психофизиологических функций, а своеобразным «веером», сохраняющим даже за счет друг друга необходимые для реализации деятельности резервы. Важным теоретическим вкладом в психологическую теорию стало «воскрешение» ряда положений теории Джеймса-Ланге о влиянии на механизмы эмоций произвольных воздействий на внешние их проявления, на этой основе была разработана методика

С-КР (самоконтроль-саморегуляция), внедренная в подготовку летно-подъемного состава ВВС СССР.

В области профориентации и профотбора (в основном летно-подъемного состава и штурманов) В.Л.Маришук обратил внимание на необходимость изучения не только психологических, психомоторных и физических качеств абитуриентов, но качеств нравственных, в том числе дисциплинированности, честности, взаимоотношениям в группе. Его «Методики психодиагностики в спорте» — реализация антропологического подхода в психологии спорта, вызвавшие горячие дискуссии противников и сторонников «обнародования» психологического инструментария, выдержали три переиздания.

В дальнейшем, работая над психологическим обоснованием проблем педагогики, В.Л.Маришук модифицировал известную инвертированную V- кривую Йеркса-Додсона в трапециевидную, дав этому объяснение с позиций нейродинамики, показав необходимость соблюдения категории меры при дозировании воспитательных воздействий для недопущения «отравления эмоциями».

Его первая диссертация, подготовленная еще в годы обучения в ВИФКЕ и историческом факультете ЛГПИ им.А.И Герцена, но не защищенная, посвящена истории физкультурного образования. Архивные материалы, собранные в эти годы, представлены в трех кандидатских диссертациях его учеников и монографии «Вопросы истории физкультурного педагогического образования» (1998). Его многогранность послужила основанием для избрания почетным членом Академии Акмеологии и других организаций. Светлая ему память.

Московская школа С.Л. Рубинштейна в 60-е годы XX века

История отечественной психологии, история зарубежной психологии, московская научная школа С.Л. Рубинштейна, шестидесятники, общая психология, психология личности

В истории современной психологии активно разрабатываются проблемы научного наследия С.Л. Рубинштейна. Празднование 130 летнего юбилея выдающегося ученого, стало очередным поводом для проведения новых исследований и конференций, с обсуждением теоретико-методологических взглядов и современного развития его идей. Опубликованы оригинальные сопоставления его философско-психологической теории с концепциями других известных российских и зарубежных ученых.

К тому же времени, решительный шаг вперед был сделан и иностранным рубинштейноведением. Психологов европейских стран, США и Латинской Америки интересует, не только становление рубинштейновской концепции субъекта психики и субъекта деятельности, но и применение его субъектно-деятельностной теории, в практических исследованиях разных видов деятельности.

За последнее десятилетие, число российских и зарубежных разработок увеличивается не только в количественном, но и в содержательном отношении. Это позволяет обратить внимание и развитию идей, в рамках его научной школы. Возникает вопрос о том, как претворяя принципы С.Л. Рубинштейна, его ученики создают свои собственные оригинальные научные концепции, которые также представляют собой вклад в новейшую историю психологии.

Цель настоящего исследования заключается в изучении научной деятельности ведущих представителей Московской психологической школы С.Л. Рубинштейна в период 60-х годов XX века.

К составу школы, сформированной в 50-ые годы, числятся М. И. Смирнов, Е. Н. Соколов, Е. А. Будилова, З. П. Исаева, Л. И. Анцыферова, Ф. А. Сохин, И. С. Якиманская, А. М. Матюшкин, К. А. Абульханова — Славская, И. М. Жукова, Е. П. Кринчик, А. В. Брушлинский, Д. Б. Туровская — Богоявленская и болгарский психолог Д.Д. Василев.

В 1960 году, С.Л. Рубинштейна не стало. Созданная им научная школа на базе Сектора психологии Института философии АН СССР лишилась своим руководителем. Его сотрудникам, аспирантам и студентам пришлось продолжить самостоятельно свой путь в науке, в сложной ситуации борьбы за новую психологию с гуманистическим лицом. После смерти Учителя, защитили свои кандидатские диссертации А.М. Матюшкин (1960), К. А. Абульханова-Славская (1961), А. В. Брушлинский (1964), Д.Д. Василев (1966), Д.Б. Туровская-Богоявленская (1971). Е.П. Кринчик, в 1956 г., защитила свою дипломную работу под руководством С.Л. Рубинштейна и впоследствии принимала участие в экспериментальных исследованиях мышления как процесса, поступила в аспирантуру к А.Н. Леонтьеву.

В 1963 г., она защитила свою кандидатскую диссертацию «Некоторые особенности процесса переработки информации человеком».

Молодые исследователи мышления как процесса развивают рубинштейновские идеи в области педагогической психологии. И.С. Якиманская разрабатывает проблему о развивающем обучении. А.М. Матюшкин исследует проблемное обучение. А. В. Брушлинский и Д.Б. Туровская-Богоявленская изучают творческий характер мышления, в общепсихологическом аспекте. К.А. Абульханова-Славская посвящает свою первую книгу проблеме мышления и действия личности.

Наряду с систематическими исследованиями мышления как процесса и его отношения к деятельности личности, ученики С.Л. Рубинштейна рассматривают его в историко-психологическом плане. Проблеме мышления в истории русской и советской психологии, посвящен сборник статей «Исследования мышления в советской психологии» (1966). Одним из первых исследований зарубежной истории мышления, в советской психологии 60-х годов, является коллективный труд «Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах» (1966).

В итоге, необходимо подчеркнуть, что 60-е годы оказались очень плодотворным периодом развития московской школы С.Л. Рубинштейна. Исследования ее представителей по проблемам мышления как процесса очень удачно согласовались с новыми перспективными тенденциями развития методологии и истории психологической науки в СССР.

1. Кольцова В.А. История психологии. Проблемы методологии. Москва: Институт психологии РАН. 2008.
2. Умрихин В.В. Историко-методологические проблемы анализа научных школ в психологии. Методология и история психологии. 2007. Том 2. Выпуск 4. С. 5–14.

Няголова М.Д.
Велико Търново, ВТУ им. Святых Кирилла и Мефодия

Олейник Ю.Н.
Москва, Московский гуманитарный университет

Болгаро-советские научные отношения в психологии 30-х — 40-х годов XX века

История психологии, история педологии, общая психология, психология личности, педагогическая психология, политическая психология, психология религии, Вторая мировая война, Великая Отечественная война СССР

Первые научные связи с советскими педологами, налаживает Д.Т. Кацаров еще во второй половине 20-х годов. Его статьи были опубликованы в советских журналах и сборниках. Он активно изучает теорию и практику комплексного обучения в СССР, основываясь на произведениях М. М. Рубинштейна „Жизненные комплексы в трудовой школе” и С. В. Иванова „Комплексная система обучения”. Во второй половине 30-х годов, на страницах издаваемого им журнала «Свободное воспитание», Д.Т. Кацаров опубликовал целый ряд переводов советских авторов по проблемам педагогической психологии. Особое внимание он обращал на труды К. Н. Корнилова. Читал и конспектировал его книги. Содействовал изданию на болгарском языке его учебника „Психология” (1947). Изучал подробно все его работы, которые относились к проблемам действия и поведения, в целом. В качестве члена Исполнительного комитета Международной Лиги о новом воспитании, Кацаров работал о восстановлении членства в организации российских ученых, потерявших эту возможность в связи с политической и культурной изоляцией Советской России после разгрома педологии Сталинской властью.

Критическую позицию по отношению педологического движения в Советской России, отстаивают болгарские философы и психологи — марксисты Тодор Павлов, Сава Гановский и Асен Киселинчев. Первые двое, также являются профессорами Института Красной профессуры в Советской России. В 1928 г., Сава Гановский опубликовал в журнале «Народное Просвещение» статью «Научный переворот в области психологии», в которой определил взгляды П.П. Блонского, Э., С. Энчмена и В. Я. Струминского как «упрощение, ведущее к разрушению психики, утратившей свою специфику». Сильное впечатление производит факт, что данная статья была опубликована за два года до «советских дискуссий 1930–1931 годов о состоянии советской психологии» (Димитрова Н.) или до начала погромов против российских педологов и психоаналитиков. В 1947 г., А. Киселинчев продолжает критику педологии, в своей книге «Прогрессивные и реакционные идеи в педагогике», но он считает, что главным российским педологом является С.И. Гессен, который, как известно, находился в эмиграции с 1922 г.

Независимо от мнения ученых-марксистов, педологическая теория и практика пользуется большим авторитетом в болгарской науке и педагогической практике. В середине 30-х годов, когда в СССР, предъявляют обвинения в педологическом уклоне и самому Л.С. Выготскому, в болгарских публикациях, увеличивается рост

цитирования его работ. При том, на его работы ссылаются не только специалисты области педагогики и педагогической психологии, но и авторы, в области прикладных психологических дисциплин, как, например, политический психолог Сотир Янев. Распространению идей Л.С. Выготского в Болгарии, способствует и издание болгарского перевода его произведения «Умственное развитие детей в процессе обучения».

В конце 30-х и начале 40-х годов, среди болгарских психологов, приобретает большую известность труд С.Л. Рубинштейна «Основы психологии» (1935). Его часто цитируют на страницах научных журналов и монографических исследований. Цвятко Петков и Спиридон Казанджиев анализируют отдельные части рубинштейновской работы, в своих книгах. В 1943 г., Иван Панчовский, в своей монографии «Психология религии», тоже, ссылается на книгу С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» (1940). Для болгарских ученых, личность С.Л. Рубинштейна олицетворяет героическое поведение советских психологов, во время Великой Отечественной войны.

В послевоенные годы, особенно популярным в Болгарии, оказывается и творчество Б.Г. Ананьева. На болгарском языке, переводятся его статьи, а в 1976 году, выходит в свет и болгарский перевод его труда «Человек как предмет познания».

Проведенный историко-психологический анализ позволяет заключить, что особенности международных отношений Болгарии и СССР и военное время ограничивают свободное научное общение психологов двух стран. Вопреки невозможности личных встреч, существует активный обмен публикаций и научных идей.

1. Виготски Л.С. Умственото развитие на децата в процеса на обучението. София: Цанко Марков. 1937.
2. Димитрова Н. Основные моменты развития психологии в Болгарии в первой половине XX века, Методология и история психологии, 2010, Том 5, Выпуск 2, с. 49–56.
3. Кацаров Д. Т. Комплексное обучение в Болгарии // Новые пути зарубежной педагогики, под ред. С. В. Иванова и Н. И. Иорданского. Москва: Работник просвещения. 1927.
4. Минькова Е.С. Особенности становления психологии развития в России второй половины XIX — первой трети XX века // Методология и история психологии, 2010. Вып. 2. с. 40–48.
5. Пирьев Г. За подема на педагогическите и психологическите науки след Победата // Победата над фашизма и духовният прогрес // Известия 2'86. Година XII. София: Научно изследователски институт по културата при комитета за култура и БАН. 1986. С. 72–76.

Работа подготовлена при финансовой поддержке грантов ФНИ № ДНТС Русия / 02/19, 18.06. 2018 г. и РФФИ № 19-013-00779 А

Ленинградская психологическая школа и психотехнические исследования

История психологии, психотехника, Ленинградская психологическая школа, В.М. Бехтерев, Центральная лаборатория по изучению труда

Начало XX века в России — очень сложное время, однако этот период можно охарактеризовать как очень результативный в развитии отечественной психологии. Главными школами российской психологии являются Московская и Петербургская, представители которых внесли неоценимый вклад в её развитие (Ждан, 2015).

Основателем Петербургской психологической школы по праву считается В.М. Бехтерев (1857–1927) (Логинава, 2006). Ученый необычайного по своему масштабу дарования, он вел широкие научные исследования и оставил яркий след в мировой науке. В 1907 году В.М. Бехтерев открыл в Петербурге Психоневрологический институт. Ученый-гуманист так обозначил его главную задачу: «не просто только познать человека, но и любить в нем все человеческое и уважать в нем права человеческой личности» (Бехтерев, 1921).

В первой трети XX века среди прикладных психологических дисциплин особое место занимала психотехника, являвшаяся своеобразной предтечей психологии труда.

В.М. Бехтерев чутко реагировал на все новые веяния. В 1918 году под его руководством начал работать Институт изучения мозга и психической деятельности, подразделением которого была Центральная лаборатория по изучению труда — первый в послереволюционной России научный центр такого рода. По мнению ученого, необходимо такое осуществление трудового процесса, «который бы давал максимум производительности при оптимуме или максимуме здоровья, при отсутствии не только переутомления, но и при гарантии полного здоровья и развития личности трудящихся» (Бехтерев, 1921).

В лаборатории по изучению труда активно проводились и психотехнические исследования. Ученых интересовали проблемы профориентации, способы повышения производительности труда на различных производствах. Был накоплен богатый фактический материал, вызвавший оживленную дискуссию, и в январе 1921 года в Москве состоялась 1 Всероссийская конференция по научной организации труда и производства, где председателем был В.М. Бехтерев.

Сотрудником лаборатории по изучению труда был Н.М. Щелованов, являвшийся одним из крупных представителей отечественной психотехники. Он исследовал психофизические особенности работников в связи с выбором ими той или иной профессии. Изучение производилось путем эксперимента как «в естественной обстановке труда», так и «в специальной лаборатории» (Щелованов, 1921).

Круг проблем, которыми занимались ленинградские психотехники, был очень широк: сотрудники лаборатории организовали кружки по научной организации труда при Ленинградском университете, райкомах партии, Доме работников просвещения. В период с 1924 по 1925 год были проведены психотехнические

обследования курсантов военно-морских училищ, работников биржи труда, порта и т.д. В мае 1924 года при Институте изучения мозга по инициативе А.Ф. Кларка была основана Лаборатория профконсультации. По методам, разработанными психотехниками Ленинграда, было обследовано свыше 7,5 миллионов человек по всему СССР.

Работы В.М. Бехтерева и сотрудников лаборатории по изучению труда даже сегодня представляют собой ценное наследие, являющееся актуальным как в плане развития теоретических представлений, так и для решения практических задач. Они послужили фундаментом для развития отечественной психологии труда.

1. Бехтерев В.М. Отчет о работах Института по изучению мозга и психической деятельности с июля 1919 г. по январь 1921 г. // Вопросы изучения и воспитания личности. — 1921. — № 3. — с. 473–500.
2. Ждан А.Н. Становление традиций отечественной психологии: Петербургские (Ленинградские) и Московские научные школы // Вестник СПбГУ. — Сер. 16. — 2015. — Вып. 1. — с. 74–80.
3. Логинова Н.А. О Петербургской-Ленинградской психологической школе // Психология. Журнал ВШЭ. — 2006. — Т. 3, № 4. — с. 47–56.
4. Щелованов Н.М. Работы Института по изучению мозга и психической деятельности в направлении изучения проблемы труда // История советской психологии труда: Тексты (20–30-е гг. XX в.). — М., 1983. — с. 333–337.

Тенденции развития психологии личности в 1930 гг. в СССР и США: сравнительный анализ

История психологии, психология личности, психология в СССР, психология в США

Период 1930-х гг. включает в себя ряд моментов высокой значимости, переломных для истории советской психологии, в числе которых — внутривнутрипартийная борьба 1930-х гг. с последовавшими за ней политическими и идеологическими последствиями. Этот период стал временем глобальных изменений не только для отечественной науки: для американской психологии 1930 годы стали тоже судьбоносными, на них пришелся период, который многие исследователи называют «смещением интеллектуального центра из Европы в Америку» [2], связанный с состоянием немецкой психологической науки во время становления и последующего разгрома фашизма и эмиграцией ученых-психологов из Германии. В данном исследовании были раскрыты основные факторы, повлиявшие на то, какой облик имеет мировой психологическая наука сегодня.

Анализ архивных материалов, российских и зарубежных источников позволил сделать следующие выводы: 1930–1935-е годы являются переломом как для отечественной, так и для зарубежной психологии, который был вызван социально-политическими факторами, такими как необходимость переориентации уже выстроенных (в 1920-х годах и ранее) идеологических и методологических основ науки, необходимость поиска нового самоопределения (на что в СССР повлиял четко артикулированный властью курс на борьбу с инакомыслием и немарксистскими формами научного поиска, а в США — осознание невозможности дальнейшей зависимости от одного материального источника и необходимости пересмотра собственных оснований для ответа на актуальные запросы своего времени). 1935–1939 годы характеризуются кризисом практикоориентированных направлений (разгром психотехники и педологии в СССР [2] и кризис прикладной психологии в США [5]); закрепление вмешательства идеологии в науку и самоопределение психологии (первыми результатами чего стали работы советских и американских психологов, отражающие определенный социальный заказ); осознание феномена отдельного ученого как двигателя науки и инструмента влияния (что в отечественной психологии проявилось в репрессиях в отношении некоторых деятелей науки, а в США — в массовом переезде признанных деятелей психологии из нацистской Германии, который определил смещение интеллектуального центра из Европы в США).

1. Кольцова В.А., Носкова О.Г., Олейник Ю.Н. И.Н. Шпильрейн и советская психотехника // Псих. журн., 1990, Т.11, ц 2, С. 111–133.
2. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. Под ред. А.В. Брушлинского. — М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. — 576 с.

3. Реактологическая дискуссия в Психологическом институте // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 21–31.
4. Cartwright, D. (1979). Contemporary social psychology in historical perspective. *Social Psychology Quarterly*, 42(1), 82–93.
5. Robinson, D. N. (1976). *An intellectual history of psychology*. Macmillan.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-313-90004.

Книга Б.Г. Ананьева «Теория ощущений» в историко-психологическом времени и пространстве (к 60-летию выхода в свет)

Ананьев Б.Г., «Теория ощущений», проблема чувственного познания, психология ощущений, классификация ощущений.

Интерес Б.Г. Ананьева к изучению сенсорно-перцептивной организации психики человека возник ещё в 30–40-х годах XX века, во время его работы в Институте мозга. Проблема чувственного познания на долгие годы заняла центральное место в творчестве Б.Г. Ананьева. Именно эта программа оказалась наиболее завершённой [Логинова, 2016, с.21]. Полученные в её рамках материалы легли в основу пяти монографий ученого, в ряду которых важное место занимает «Теория ощущений» (1961), написанная в наиболее продуктивный и зрелый период его научной деятельности.

В книге «Теория ощущений» представлен целостный подход, обобщающий накопленные автором научные данные об основных видах ощущений, дана их развернутая и дифференцированная классификация, проанализирована роль ощущения в структуре чувственного отражения человеком окружающей действительности, описан механизм возникновения ощущений, представлены возможности приложения теории ощущений к разным областям практики.

Б.Г. Ананьев исходил из того, что ощущения являются первичным элементом процесса отражения субъектом явлений материального мира, подчеркивая, что «взаимодействие неощущающей и ощущающей материи является не только далеким прошлым филогенеза, но и самым общим условием жизнедеятельности человека, работы его органов чувств и мозга, необходимой чертой его бытия» [Ананьев, 1961, с.16].

Ананьев Б.Г. считал ощущения очень важным звеном в цепочке познания человеком окружающей действительности. Он выступал против попыток выведения изучения ощущений за рамки психологической науки, доказывая, что это полноценный, хотя и элементарный, психический процесс. Более того, ощущения ученый считал «универсальным источником всего развития человека» [там же, с.90] Ощущения отражают мир, но, в то же время, обладают внутренней детерминацией со стороны человека как субъекта с его психобиосоциальной структурой.

Особую научную ценность теории ощущений Б.Г. Ананьева придает классификация ощущений, в которой вместо традиционных пяти представлены одиннадцать видов ощущений: зрительные, слуховые, вибрационные, тактильные, температурные, болевые, мышечно-суставные, статико-динамические, обонятельные, вкусовые и внутриорганические. В качестве обоснования классификации ощущений Б.Г. Ананьев выбрал представления о формах и уровнях материи, выступающей в качестве раздражителя (стимула). Исходя из этого он выделял четыре категории видов ощущений: механические; физические; химические; ощущения, непосредственно связанные с жизнедеятельностью

организма (биологические). Подробно рассматривается и механизм действия всей сенсорной системы человека, всех его анализаторов.

Б.Г. Ананьев выступает как сторонник ассоциативного подхода, описывая взаимосвязь отдельных ощущений, их комбинаторные связи, которые образуют первичные представления. Ученый также раскрывал и подчеркивал роль ощущений в возникновении образов памяти, мышления, воображения, речи, высших чувств и воли. Оригинальность теории Ананьева Б.Г. придаёт установленная им взаимосвязь ощущений с потребностями разного порядка — причем как низших, так и высших, духовных.

В итоге своей книги Ананьев подводит нас к выводу, что ощущения лежат в основе всего психического развития, начиная от психических функций и кончая структурой личности и её внутренним миром. Н.А. Логинова полагает, что точнее назвать концепцию Б.Г. Ананьева теорией чувственности человека, поскольку «ощущения не просто отражают объективную реальность, это явления жизнедеятельности человека. Все виды ощущений участвуют в регуляции поведения личности, деятельности субъекта и процессов в организме индивида. Ощущения становятся потребностью организма и личности» [там же, с.22].

В книге Б.Г. Ананьева «Теория ощущений» была задана высокая планка комплексного подхода к эмпирико-теоретическим исследованиям познавательных процессов. До сих пор это наиболее фундаментальный труд по проблеме психологии ощущений. По этому пути идут немногие, поскольку он сложен, длителен, требует системности. Достойным примером продолжения исследований в заданной Б.Г. Ананьевым парадигме может служить теория психических процессов его ученика, Л.М. Веккера.

1. Ананьев Б.Г. Теория ощущений. — Л.: ЛГУ, 1961—457 с. http://elib.gnpbu.ru/text/ananyev_teoriya-oschuscheniy_1961/go,66;fs,1
2. Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания / Отв. ред. А. В. Брушлинский, В. А. Кольцова; Рос. акад. наук, Ин-т психологии. — М.: Наука, 2001. — 277с. (Памятники психологической мысли).
3. Логинова Н.А. Антропологическая психология Бориса Ананьева. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. — 366 с.
4. Мазилев В.А. Б.Г. Ананьев и методологические вопросы психологии // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 4. С.59–69.

Ценностные отношения к семье россиян и трансформации менталитета

Семья, ценностные предпочтения, менталитет, трансформации семейных отношений, историко-психологическое исследование

Изучение менталитета является одной из современных проблем в междисциплинарном поле социо-гуманитарных наук, занимает значимое место в историко-психологических исследованиях. Генезис российского менталитета изучался на протяжении нескольких лет в ряде работ ученых коллектива Института психологии РАН, в которых с позиций системной методологии было дано понимание менталитета и предложены исследовательские подходы (К.А. Абульханова, 1997; В.А. Кольцова, 2009, 2016; А.А. Гостев, 1994, 2010; М.И. Воловикова, 2003; Б.Н. Тугайбаева, 2015, 2016; Е.В. Харитоновна, 2015; Е.Н. Холондович, 2016; А.В. Юревич, 2013, 2015 и др.). Менталитет — динамически изменяющийся, сложно и иерархически организованный феномен, выполняющий функции объединения социальной общности; он представляет собой часть культуры, ее субъективный аспект, включающий ценностные отношения к разным сторонам жизни (Журавлев, Кольцова, 2016). Семья выступает устойчивой формой любой социальной общности; в семье происходит передача основных ценностных представлений, характерных для народа, социализация и культурация новых поколений, обучение традициям и нормам. Через призму процессов изменений в семейных отношениях, в представлениях и ценностных установках, в гендерных ролях членов российских семей становятся видимыми трансформации, произошедшие и происходящие на уровне общественного сознания, в менталитете в целом.

В настоящее время в нашей стране отмечается значительный процесс трансформации семейных ценностей, что приводит к изменению представлений о взаимоотношениях в семье, смене ролевых отношений её членов, потере родовых ценностей, снижению статуса родителей и старшего поколения. Семейные ценности, значение семьи в системе ценностных предпочтений, представление о том, что такое семья — эти вопросы выделены как центральные на данном этапе запланированного нами историко-психологического исследования. Цель данного исследования заключается в том, чтобы проанализировать сложившееся в российском менталитете отношение представителей различных социальных групп к семейным ценностям. Общая задача историко-психологического проекта — выявление тенденций изменения на уровне общественного сознания (менталитета) в сопоставлении с изменениями отношений к значимым сторонам жизни россиян, в частности в семейной сфере, в период последних 20 лет современной истории. В исследовании приняли участие в основном жители Московского региона, выборка распределилась по следующим возрастным и социальным группам: студенты и работающая молодежь (в возрасте от 20 до 35 лет), работники гос. предприятий и предстатели малого бизнеса, наемные работники и предприниматели (возраст 36–55 лет), пенсионеры (56–70 лет). По гендерному составу в выборке 65 мужчин, 85 женщин.

По возрасту группы не выравнивались, больше всего респондентов было в молодежной возрастной группе (50 человек). В качестве метода исследования использовалось группирование ценностей (предложенное М. Рокичем).

Основные различия по возрастным группам: первое место при ранжировании в средней и старшей возрастной группе занимает «здоровье», затем «счастливая семейная жизнь», затем следует «материальное благополучие», в то время как в молодежной группе первое место занимает ценность «развитие», затем следует «свобода». При этом отмечаются различия в выборах юношей и молодых людей от девушек и молодых женщин — для последних более значимыми является «развитие», «получение образования», а затем «любовь». «Счастливая семейная жизнь» занимает в целом по молодежной выборке 4 место. Мы предполагаем, что происходит изменение в смысловом наполнении понятия «семья», связанное с возникновением и легализацией новых форм семейной жизни (Солодников, 2018). У юношей и молодых мужчин, а также у девушек и молодых женщин семейные ценности переосмыслиются и сочетаются с ценностями личностной самореализации, личностного развития и свободы.

1. Журавлев А.Л., Кольцова В.А. Российский менталитет как предмет психологического исследования: сущностные характеристики и факторы формирования / Историко-генез и современное состояние российского менталитета. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–37.
2. Солодников В.В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С.269–332. [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>.

Работа выполнена по гранту РФФИ №20-013-00390 «Историко-психологическое исследование трансляции менталитета в российской семье».

К проблеме объективности в развитии российской психологии после И.П. Павлова и В.М. Бехтерева

*Российская психология, объективность, субъективная психология сознания,
рефлексология, физиология высшей нервной деятельности*

Основной замысел доклада — показать развитие принципа объективности в развитии российской психологии со времен И.П. Павлова и В.М. Бехтерева и в тесной связи с их пониманием проблемы объективности применительно к психологии.

Как известно, в отличие от И.М. Сеченова, который одним из первых показал, что психика имеет не только субъективное выражение, но и объективные проявления в деятельности индивида, а, следовательно, может быть подвергнута объективному научному анализу, отношение И.П. Павлова и В.М. Бехтерева к психологии опиралось в основном на традиционное понимание психики, исповедуемое крестовско-лодковской в своей основе классической психологией сознания: психика трактовалась как явление чисто субъективное, доступное исключительно также субъективному, а значит ненаучному, с их точки зрения, методу самонаблюдения. На этом основании научное познание психики признавалось ими невозможным (по крайней мере, на момент развития современной им науки). Характерно также и то, что оба этих крупных ученых неуклонно двигались от первоначального использования психологических понятий («психическое отделение» у И.П. Павлова и «объективная психология» у В.М. Бехтерева) к разработке строго объективистского подхода к анализу поведения (концепция высшей нервной деятельности И.П. Павлова и рефлексология В.М. Бехтерева).

В то же время развитие российской психологии демонстрировало новые тенденции в понимании предмета и метода психологического познания: психическая реальность стала рассматриваться не как чисто субъективное образование, но объективно проявляющаяся и существующая в деятельности индивида.

В докладе прослеживаются две линии анализа переориентации российской психологии на принципы объективного подхода.

Первая связана с дискуссиями о связи психологии с павловской физиологической концепцией. После так называемой «павловской сессии» 1950 г. развернулась кампания за лишение права психологии на самостоятельное существование как науки, за ее «перестройку» на основе учения И.П. Павлова, а на деле — за фактическую замену им. В этой ситуации особое значение приобрел вклад Б.М. Теплова. Этот известный советский психолог, применивший идеи И.П. Павлова к объяснению физиологических основ индивидуально-психологических различий человека, опираясь на идеи И.М. Сеченова, провел специальную работу по обоснованию объективности предмета и метода психологического познания, переломившую ход дискуссии в благоприятную для психологии сторону.

Вторая линия анализа связана с развитием трактовки возможности объективного психологического познания у группы психологов — выходцев из

бехтеревской научной школы — А.Ф. Лазурского, М.Я. Басова и В.Н. Мясищева. Для этих исследователей требование объективности метода также не уничтожило возможностей существования научной психологии, но предполагало новую онтологическую трактовку психики, понимаемой в единстве ее субъективных и объективных компонентов.

1. Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова: Стеногр. отчет. М., 1950.
2. Известия АПН РСФСР, вып. 45. М., 1953

Трансформация менталитета: семья и историческое время

Менталитет, семья, историческое время, ценности, традиции, глобализация.

Базовые черты, характеризующие менталитет того или иного народа, отличаются стабильностью, сохраняются на протяжении многих столетий. Однако, менталитет не является неким абсолютно неизменным образованием. Он создается коллективным субъектом и определяется особенностями его жизнедеятельности, в процессе изменений которой возникают и накапливаются новые ментальные характеристики.

Современная социокультурная реальность подвержена воздействию глобальных тенденций, что ведет к ее изменчивости, неустойчивости, это в свою очередь, детерминирует и трансформацию менталитета. Несмотря на достаточную устойчивость менталитета интенсивность влияния, внедрение новых мировоззренческих установок приводят к преобразованиям в его структуре, что проявляется в изменении ценностных ориентаций, языке, далее в поведении.

В системе ценностей происходит смещение приоритетов, которое проявляется в том числе, на уровне семьи, семейных отношений, семейных ценностях в целом. Состояние современной семьи многие исследователи оценивают, как критическое, что отражается в росте числа разводов, снижении рождаемости, новых тенденциях внутри семейных отношений, например, индивидуализации семейных ролей. Внутри семьи это приводит к «индивидуализации» проблем и ответственности за их решение (Бек, 2001). Размывается одна из главных ценностей семьи взаимная поддержка, сплоченность, но в тоже время: «Индивидуализация семейных ролей ведет к сильной тенденции к симметрии мужских и женских моделей поведения в семье, к совместности или взаимозамещению членов семьи в выполнении многих семейных обязанностей» (Голофаст, 2006, с.199). Современная семья приобретает, таким образом новые ценности, которые связаны с равенством, самовыражением, ответственностью, однако готовность взять на себя ответственность, быть осознанным мужем или женой, осознанными родителями готовы не все, это может объясняться влиянием исторического времени на разные поколения, в том числе.

В рамках нашего исследования мы обратились к понятию «историческое время», которое: «...формируется постепенно и зависит от главных мировоззренческих идей эпохи..., которые господствуют в данное время в данном обществе (Герасимов, 2018, с.30). _

В рамках исторического времени в истории психологии можно рассматривать как личность, так и психологические особенности группового субъекта, в том числе, ментальные характеристики. «Историческое время, как и все общественное развитие... есть фактор первостепенного значения для индивидуального развития человека. Все события... всегда располагаются относительно к системе измерения исторического времени. События в жизни отдельного народа и всего человечества... определяют даты исторического времени и конкретные системы его отсчета (Ананьев, 2001, с.84).

Современное действительность насыщена событиями, особого внимания заслуживает пандемия коронавирусной инфекции, психологическое воздействие которой в том числе на состояние семьи еще предстоит исследовать. На наш, взгляд насыщенность исторического времени оказывает и более выраженное влияние на ценности, установки и менталитет в целом.

Трансформация семьи в современном обществе –это прежде всего ориентация не на семью, а на индивида, что влияет и на взаимоотношения между родителями и детьми. Прежде всего, это проявляется в том, что дети перестают быть носителями семейных традиций, их ценности сформированы иным историческим временем. Социальные условия позволяют им без опоры на традиции семьи утвердиться в обществе. Таким образом, современная семья представляет собой продукт социальной эволюции, в которой традиционные ценности менталитета под воздействием актуального исторического времени претерпевают закономерные изменения. Однако, несмотря на все изменения, семья продолжает оставаться одним из самых важных для человека социальным институтом общества.

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — СПб.: Питер, 2001.
2. Бек У. Что такое глобализация. — М.: Прогресс-Традиция, 2001
3. Герасимов В.И. Историческое время //Философия и культура, 2018, № 4, с. 28–38.
4. Голофаст В.Б. Социология семьи. — Спб.: Алетей, 2006.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00390.

Психология семейных отношений в пословицах русского народа

Менталитет, семейные отношения, язык, фольклор, языковая картина мира

Важнейшим психологическим свойством как группового, так и индивидуального субъекта является менталитет. Это системное целостное образование, включающее в себя коллективные представления, установки, стереотипы, которые выражены в отношениях и поведении людей. Одним из трансляторов менталитета является язык народа, так как в нем зафиксированы в вербальной форме особенности мышления и поведения, его «языковая картина мира», накопленный веками опыт. Неоценимым кладом культурного наследия выступает фольклор, включающий в себя традиционные установки коллективного сознания/бессознательного народа. По мнению лингвистов, пословицы, как часть фольклора, хранят следы национальной культуры, в них заложены коллективные представления народа о должном и необходимом, отношении к тем или иным особенностям общественной жизни, характеристики людей, оценку их поведения и т.п. Круг тем, отраженных в пословицах, очень широк. Одна из таких тем — семейные отношения.

Семья традиционно рассматривается как важнейший общественный институт, отражающий ментальные установки народа в ту или иную историческую эпоху. Так А.Я. Гуревич, выдвигая вопрос об изучении личности в истории, обращается к исследованию мировоззрения и поведения людей средневековой культуры и одним из существенных показателей выделяет, наряду с социальным статусом, профессиональным статусом, временем жизни, семейные отношения. Для описания мировоззрения средневекового человека, он обращается к литературным источникам «Проповедям Бертольда Регенбургского» — обращение пастора к своей пастве, в которых преломляются представления народа об окружающей жизни (Гуревич, 2020).

Исследуя влияние менталитета на формирование российской семьи в различные периоды отечественной истории (Холондович, 2020), мы в системе семейных отношений рассматривали следующие показатели: взаимодействие мужчины и женщины, особенности межпоколенных отношений, особенности сексуальной сферы (по Дружинину) (Дружинин, 2005). Для более глубокого понимания представлений русских о семье, сложившихся в сознании народа на протяжении веков, мы проанализировали пословицы русского народа, относящиеся к сфере семьи.

В сборнике «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля (Даль, 2018) пословицы, относящиеся к сфере семейных отношений, выражают психологические характеристики мужчины и женщины, особенности взаимодействия между супругами (в быту, сексуальность), поведение детей и родителей по отношению друг к другу, ценностные ориентации.

Всего было отобрано 84 пословицы, из них наибольшее количество — 35 относятся к характеристике мужчины и женщины и отношениям между ними, детям

и межпоколенным отношениям посвящены 29 пословиц, характеристика семьи в целом — 10, отношению к женитьбе — 10. Женский образ амбивалентный: есть положительные качества у женщины, но они как правило определяются наличием мужа. Оценка имеет покровительственный тон. Положительные качества — красота, ум, здоровье, работоспособность, верность, домовитость, при этом домовитость и работоспособность ставится на первое место по отношению к внешним данным (С лица не воду пить, умела бы пироги печь). Отрицательные качества — хитрость, неверность, легкомыслие. Возраст в семейных отношениях играет важную роль: это причина раздора в семейных отношениях. Причем, богатство одного из супругов вызывает смешанные чувства: приветствуется, но не приносит счастья (Лучше на убогой жениться, чем с богатой браниться). Характеристика мужчины: положительные качества — жесткость, ум, честность, работоспособность, отрицательные — ревность, робость, лень. Обязательным в поведении мужа к жене является строгость, жену полагается и побить, чтобы слушалась мужа и была покладиста (Кого люблю, того и бью. Жену не бить милу не быть!). В сексуальных отношениях на первое место ставится продолжение рода, поэтому мужчина должен быть активен, ему отводится главенствующая роль (Жены стыдиться — детей не видать!). В межпоколенных отношениях важным аспектом является наличие детей (ответственностью за это лежит на женщине — Не умела родить ребенка, корми серого котенка!), особенно сына, который остается в доме, в то время как дочь покидает родную семью. В пословицах указывается на необходимость уважения к старшим (На свете все найдешь, кроме отца и матери), подчеркивается роль силы и здоровья у молодых и мудрости у пожилых, положительно оценивается физическое воздействие на детей. Вообще наличие института семьи в жизни человека (будь то мужчина или женщина) является необходимостью. Крепкая семья характеризуется взаимопониманием и поддержкой ее членами друг друга. Интересным аспектом семейных отношений выступает характеристика семьи как дома. При этом родственные связи не всегда оцениваются положительно.

Проведя анализ пословиц, можно сделать следующие выводы. Пословицы, как отражение опыта семейных отношений русского народа, показывают традиционную патриархальную семью, где в основу положено главенство мужа над женой, с четко выраженными детско-родительскими отношениями, представление о семье как о доме и тесной связи между членами семьи, что характерно для патриархальной христианской семьи. При этом, нужно отметить наличие скрытого противостояния мужчины и женщины, более выраженного в древнерусской семье. Таким образом, можно говорить о том, что в русских пословицах отражается представление о семье, характерное для многовековой исторической традиции.

1. Гуревич А.А. Избранные труды. Средневековый мир. М.; СПб.: Цент гуманитарных инициатив. 2020. — 560 с.
2. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Аргументы недели 2018. — 544 с.
3. Дружинин В.Н. Психология семьи // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 3. С. 60–77
4. Холондович Е.Н. Влияние российского менталитета на формирование семейных отношений: историко-психологический анализ. Институт психологии Российской

академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. №3(19). С. 80–109.

Работа выполнена по гранту РФФИ № 20-013-00390 «Историко-психологическое исследование трансляции менталитета в российской семье»

Статус события в истории психологи: проблема глубины ретроспективы

Историческое событие, история постсоветской психологии, открытие первой в России психологической лаборатории

Разрабатывая проблему историографии отечественной психологии постсоветского периода, мы столкнулись с трудностью выделения событий как основных единиц исторического времени. В истории психологии событие — это не просто факт или момент во времени, это те вехи развития, которые характеризуются высокой мерой значимости и влиятельности по отношению к дальнейшему развертыванию отрасли знания, научной или практической дисциплины. Важно, что статус события не является объективным, он присваивается, закрепляется или снимается исследователями, наделяющими особыми смыслами происходящее. Свершившийся факт может быть оценен как историческое событие как в актуальном для него времени, так и ретроспективно. Одни происшествия сразу же по их прохождению рассматриваются как значимые, иные — приобретают этот статус только спустя некоторое время при оценке современниками или потомками.

В этой связи проблемным остается вопрос: когда, кем именно и на каких основаниях будет определяться статус события за избранными историческими моментами новейшей истории психологии Новой России. В текущей ситуации историки медлят решать эти задачи, продолжая смотреть на прошедшие три десятилетия как на современность, пренебрегая исторической оптикой. Справедливости ради, важно отметить, что кроме методологических трудностей, которые влияют на это и обсуждались нами ранее (Щукина М.А., Бутузова С.В., 2020), историков сдерживает объективная нехватка временной перспективы. Ведь и ранее в истории отечественной психологической науки мы можем встретить случаи, когда свершившийся факт был оценен только спустя многие годы.

В качестве примера приведем момент основания в 1885 г. В. М. Бехтеревым первой в России психологической лаборатории при психиатрической клинике, что в настоящее время оценивается историками психологии событие первостепенной важности, как событие, знаменующее открытие эры отечественной экспериментальной психологии (Ломов Б.Ф., 1986), а в Казанского федеральном университете регулярно проводятся конференции психологов, приуроченные к юбилейным датам открытия лаборатории. Однако в контексте вышесказанного об исторической оценке событий возникает проблема восприятия факта основания лаборатории в сознании современников данного открытия. Для решения обозначенной проблемы были изучены публикации 1885–1886 гг. выпуска в периодической печати России по направлениям психиатрии и неврологии.

В «Протоколах заседаний общества психиатров в Санкт-Петербурге», членом которого В.М. Бехтерев являлся с 1879 г., за 1885 г. указано четыре научных сообщения Владимира Михайловича. Все они присланы из лаборатории профессора Флексига в Лейпциге, где в это время работал автор, и посвящены неврологической тематике. В 1886 г. В.М. Бехтерев не участвовал в заседаниях общества. Важно, что ни он сам, ни иные члены общества в своих сообщениях не упоминают об открытии лаборатории. В журналах «Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии» за 1885 и 1886 гг. опубликованы статьи Бехтерева в разделе «Неврология». Во втором номере за 1885 г. указано, что автор получил место экстраординарного профессора душевных болезней в Казани. Однако ни в этом номере, ни в последующих, нет никаких упоминаний о лаборатории. Журнал «Вестник судебной медицины и общественной гигиены, издаваемый медицинским департаментом» за 1885 и 1886 гг. также не содержит сведений о вновь появившейся лаборатории. Таким образом, произведенный анализ показал, что современная факту открытия лаборатории научная печать не оценила значимости сего события. Его важность была признана ретроспективно.

Данный пример заставляет задуматься. Как будут оцениваться в ретроспективе события постсоветских трех десятилетий в психологии? Что из происходящего сегодня останется и истории? И что должно происходить, чтобы остаться в истории?

1. Ломов Б.Ф. Начало развития экспериментальной психологии в России / Б.Ф. Ломов // Психологический журнал. 1986. Т. 7, № 3. С. 18–25.
2. Щукина М.А., Бутузова С.В. Проблема историографии отечественной психологии Новой России // Ананьевские чтения — 2020: материалы международной научной конференции, 8–11 декабря 2020 года / Под общей редакцией А.В. Шаболтас, Е.Л. Солдатовой. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 179–180.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА И ПСИХОТЕРАПИЯ

Ахмерова И.З.
Самара, ФГБОУ ВО САМГМУ Минздрава России

Захарова Е.В.
Самара, ФГБОУ ВО САМГМУ Минздрава России

Диагностика когнитивных функций детей с ОВЗ с использованием автоматизированных систем

Дети с нарушениями развития, когнитивные функции, психологическая диагностика, автоматизированные системы диагностики и коррекции

Введение. 15 % населения мира имеет какую-либо форму инвалидности, и число инвалидов прогрессивно увеличивается. По данным Росстата, в 2017 году численность детей-инвалидов в нашей стране составляла 636 тыс., в 2018–651 тыс., к началу 2019 года — 670 тыс. [4].

В основе оказания психологической помощи и реабилитации детей с нарушениями развития лежит психологическая диагностика, позволяющая оценить широту, глубину и иерархию нарушений и выстроить программу оказания помощи, а также оценить ее эффективность.

Постановка проблемы. В 1989 году В.И. Лубовский писал о том, что ограниченность диагностических возможностей психологического обследования обусловлена недостатком специальных или адаптированных для детей с ОВЗ методик [1]. До сих пор психодиагностика в большинстве случаев осуществляется вручную и устаревшими методиками. Как правило, обстоятельства не позволяют психологу отводить необходимое количество времени на обследование детей, в результате чего может отмечаться как гипер-, так и гиподиагностика нарушений [2].

Методы и результаты исследования. Исследование осуществлялось на базе ГБУЗ Самарская городская детская больница №2. Выборку исследования составили 20 детей 4–7 лет с диагнозами умственная отсталость, ЗПР, ДЦП, РДА. Исследование когнитивной сферы осуществлялось традиционными методиками и при помощи компьютерной программы. Полученные данные показали, что при исследовании традиционным способом у 42% детей с нарушениями развития отмечалась гипердиагностика когнитивных нарушений, а при диагностике с использованием компьютерной программы количество выявленных нарушений было меньшим. Это связано, прежде всего, с качеством и актуальностью стимульного материала, предъявляемого детям. Предметы, изображенные в традиционном психодиагностическом альбоме, являются морально устаревшими и в большинстве случаев не знакомы респондентам. Отсутствие ответа в таком случае зачастую трактуется как нарушение развития. Однако замена стимульного материала на

понятный детям показывает отсутствие нарушения или меньшую степень его выраженности. Особенно это проявляется в группах детей с УО и ЗПР. Для детей с РДА сама форма предъявления оказалась более доступной и интересной нежели традиционная.

Автоматизированная компьютерная программа позволяет сохранять предыдущие результаты диагностики, что является важным при проведении лонгитюдного исследования респондентов и планировании коррекционной работы. Кроме того, снижается субъективность оценки экспериментатора.

Обсуждение. Современный уровень развития технических средств позволяет качественно пересмотреть существующие подходы к психодиагностике детей с ОВЗ различных форм и степеней тяжести. В связи с трудностями объективной и точной диагностики когнитивных функций детей с ОВЗ важно разрабатывать современные высокочувствительные средства диагностики, позволяющие максимально точно выявить нарушения развития у детей, унифицировать и объективизировать их обработку. Потребность в современных средствах психодиагностики, позволяющих получать более точные результаты и экономить время специалистов, крайне высока.

Автоматизированный способ предъявления стимульного материала облегчает доступ для пациентов и оптимизирует работу специалистов, а также обеспечивает создание базы данных для учета динамики развития ребенка в условиях психокоррекционных мероприятий. Автоматизация позволяет, кроме того, при расширении базы стимульного материала, использовать его для развития когнитивных функций детей. Подача развивающего материала посредством современных компьютерных технологий не только облегчает работу специалистов, давая возможность выстраивать индивидуальные траектории диагностики и развития, но также мотивирует детей к занятиям, стимулируя их интерес и вовлеченность.

Выводы. Компьютерная реализация диагностики и коррекции когнитивных функций детей с ОВЗ выгодно отличается от традиционных форм работы: яркий стимульный материал, охват нескольких анализаторных систем, «эффект новизны», возможность разнообразной компоновки элементов, сохранения результатов в базе и сопоставление их в динамике с учетом принципа развития — все это свидетельствует о пользе создания автоматизированных систем диагностики и коррекции нарушений когнитивного развития детей с ОВЗ.

1. Лубовский, В.И. Психологические проблемы диагностики аномального развития детей / В.И. Лубовский. — Текст: непосредственный. — М.: Педагогика, 1989. — 104 с.
2. Родин, Ю.И. Проблема диагностики психического развития аномального ребенка / Ю.И. Родин. — Текст: непосредственный // Специальное образование. — 2014. — №X. — С. 251–254.

Стратегии и личностные ресурсы копинга женщин с косметологическими проблемами кожи лица

Косметический дефект, косметологическая коррекция, психологические характеристики, возраст, эффективность лечения.

Введение. Дефекты кожи лица обладают высокой стрессогенностью. Очевидно, что изучение механизмов психологического преодоления стресса у женщин с косметологическими проблемами могло бы усилить психотерапевтический потенциал лечебной коррекции. Однако психологические исследования в косметологии крайне малочисленны [1, 3].

Цель исследования: выявить стратегии и личностные ресурсы копинга у женщин с косметологическими проблемами кожи лица.

Метод. Исследовано 110 женщин, обратившихся в Санкт-Петербургский Институт красоты в связи с дефектами кожи лица. Средний возраст $35,64 \pm 1,11$ лет. Распределение по диагнозам: 23,6% — гравитационный птоз; 33,6% — мимические морщины; 17,3% — акне; 25,5% — дегидратация кожи лица. Средняя длительность проблемы — 20,2 месяца. Используются методы психологической диагностики: «Способы совладающего поведения» (ССП) [2], «Большая пятерка» (BIG V) [5], «Смысложизненные ориентации» (СЖО) [4]. Математико-статистический анализ проведен с использованием Т-критерия Уилкоксона.

Результаты. Сравнительный анализ показателей методики СПП женщин клинической группы с данными, полученными авторами методики на российской нормативной выборке ($n=1600$) [2], показал снижение ($p \leq 0,01$) показателя шкалы «самоконтроль» пациенток по сравнению с нормативной выборкой. Это снижение указывает на импульсивность в оценке проблемной ситуации и выборе способов ее преодоления, эмоциональную неустойчивость. По сравнению с нормативной выборкой пациентки чаще ($p \leq 0,05$) используют копинг-стратегию «бегство-избегание», которая предполагает преодоление негативных переживаний путем интеллектуального отстранения, уклонения от ответственности, использования физических методов нормализации эмоционального состояния.

При исследовании личностных особенностей (методика BIG V) выявлено преобладание ($p \leq 0,001$) показателя шкалы «самосознание» в клинической группе по сравнению с нормативными данными ($n=131$) [5], а также снижение по сравнению с этими данными показателей шкал «Эмоциональная стабильность» ($p \leq 0,001$) и «Личностные ресурсы» ($p \leq 0,001$), что характеризует пациенток как более целеустремленных, приверженных стереотипам, а также более эмоционально возбудимых и неустойчивых по сравнению со «средней нормой».

При исследовании смысложизненных ориентаций получено преобладание показателей методики СЖО в клинической группе по сравнению с нормативной группой ($n=100$) [4] по четырем шкалам из шести: «Цели в жизни» ($p \leq 0,001$), «Результативность жизни» ($p \leq 0,001$), «Локус контроля — Я» ($p \leq 0,001$), «Общий показатель осмысленности жизни» ($p \leq 0,001$).

Вывод: пациентки косметологической клиники обладают достаточными личностными ресурсами (прежде всего, высокой интернальностью и целеустремленностью) для преодоления стрессовых ситуаций и жизненных трудностей. В то же время эмоциональная неустойчивость и предпочтение эмоционально ориентированного копинга «бегство-избегание» могут отражать затруднения психологической адаптации и зависимость ее от эмоционально-аффективных факторов.

1. Багненко Е.С. Система значимых отношений женщин, обращающихся за косметологической помощью // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2012. №3. С. 42–47.
2. Вассерман Л.И. с соавт., Психологическая диагностика совладающего со стрессом поведения // Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности: Коллект. моногр. СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 323–345.
3. Караваева Т.А., Васильева А.В., Брычева А.В. Внешность женщины: косметологические или психологические проблемы? // Женское психическое здоровье — от истерии к гендерно-сенситивному подходу. 2020: НМИЦ психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева. С. 201–215.
4. Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2006. 15 с.
5. Яничев Д. П. Когнитивные аспекты самовосприятия личностных черт у пациентов с невротической и неврозоподобной симптоматикой: автореф. дис. ... канд. психол. наук СПб., 2006. 26 с.

Применение танцевально-двигательной терапии и танцев в работе с людьми с нарушениями зрения

Танцевально-двигательная терапия, танцевальные занятия, реабилитация, люди с нарушениями зрения, психотерапия.

Использование танцевально-двигательной терапии (ТДТ) и танцев, как вида исполнительского искусства, является весьма эффективным психокоррекционным методом в работе с людьми с нарушениями зрения.

Зрительная депривация ведёт к значительным трудностям и ограничениям при взаимодействии с окружающей действительностью. Процесс активного познания, общения и адаптации во многом определяется двигательной активностью субъекта, а моторные проявления, ориентировка в пространстве, взаимодействие незрячих имеют свои особенности.

Реабилитационные возможности ТДТ в работе с людьми с нарушениями зрения весьма широки. Танцевальная терапия способствует снятию мышечной скованности, позволяет людям с нарушениями зрения овладеть основами координационных механизмов, перенести двигательные навыки, которые они получили в процессе занятий, в повседневную деятельность для адекватного взаимодействия в социальной среде. Танец и как вид искусства, и как инструмент терапии таит в себе богатейшие возможности самовыражения, личностного роста и самосовершенствования. Телесные движения человека рассматриваются как отражение его внутренней психической жизни и взаимоотношений с окружающим миром.

Для незрячего танец становится способом познания собственных индивидуальных качеств, дает возможность расширить границы представлений человека о самом себе, раскрыть новые линии самовыражения и взаимодействия с окружающими.

В историческом аспекте переход танца в терапевтическую модальность связан с обнаружением психологических возможностей воздействия танца и последующим перенесением акцента с танцевальной техники на выражение индивидуальности посредством движения. Таким образом, танец воспринимается не просто как выражение эмоций, а как интеграция интеллекта, тела и чувств человека. Сочетание в танце музыки и движения помогают человеку понять самого себя.

Техники танцевальной терапии можно определить как динамическую релаксацию. ТДТ отличается от танца тем, что в танцевальной терапии наибольшее значение имеет то, как движение ощущается человеком, а не то, как оно выглядит. В танцевальной терапии ошибочно воспринимать танец только как вид исполнительского искусства, внимание терапевта должно концентрироваться на взаимоотношениях между внутренним и внешним пространством, между

осознанными и неосознанными движениями участников, а основной инструментарий танца — пространство, ритм, движения — помогает расширить внутренний мир танцующего.

ТДТ использует танец, пластику и ритмику в лечебных и профилактических целях. В данном случае тело выступает инструментом, а движение — процессом, помогающим занимающимся пережить, распознать и выразить свои чувства.

Наиболее популярными танцевальными стилями у лиц с нарушениями зрения являются национальные танцы. Так, например, в США довольно популярными видами танцев в работе с людьми с ограниченными возможностями являются хип-хоп, рок-энд-ролл, в Южной Америке — это аргентинское танго, в Испании отдается предпочтение фламенко, в Индии — национальному индийскому танцу, в Китае же — классическому балету.

Благодаря ярко выраженному ритму фламенко обладает характерным тактом, который легко воспринимается людьми с нарушениями зрения. Кроме того, экспрессивная окраска этого танца вызывает позитивные эмоции, помогает раскрепоститься и проявить себя.

Преподаватель индийского танца завязывает себе глаза на время занятия для того, чтобы достичь взаимосвязи с танцующими, использовать возникающие в этот момент образы и сравнения.

К основным задачам ТДТ в работе с людьми с нарушениями зрения можно отнести рост уровня двигательной активности занимающихся, интеграцию двигательной активности с хореографией, танцевальными элементами, музыкальными образами, активизацию творческих и эстетических способностей, осмысление потенциала своего тела, обеспечение способности самовыражения эмоций, духовной поиск человека.

1. Гренлюнд, Э., Танцевальная терапия. Теория, методика, практика [Текст] / Э. Гренлюнд, Н. Ю. Оганесян. — СПб.: Речь, 2011. — 288 с.
2. Сабанцева, Т. В. Хореография как средство реабилитации слепых и слабовидящих детей [Текст] / Т. В. Сабанцева, К. И. Хмелевская // Омский научный вестник. — 2015. — №3 (139). — С. 177–180
3. Espenak, L. Dance therapy, theory and application / L. Espenak. — Springfield: Charles C. Thomas, 1981. — 192 p.
4. Николаева, К. И. Исторические аспекты развития танцевальной двигательной терапии в работе с лицами с депривацией зрения [Текст] / К. И. Николаева // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. — 2015. — № 3 (121). — С. 93–97.
5. Payne, H. Dance Movement Therapy: Theory, Research and Practice / H. Payne. — UK: Routledge. — 2006. — 262 p.

Опыт сочетания психотерапевтической и телесно-ориентированной работы у пациентов с хроническим психосоматическим заболеванием

Психосоматические заболевания, техники саморегуляции, стресс, хронические заболевания, избыточный вес.

Пациентка средней возрастной группы с хроническим онкологическим заболеванием обратилась с проблемой избыточного веса, как следствием очередного курса лечения.

В связи с запросом на нормализацию веса и улучшение показателей здоровья с использованием системного интегративного подхода, было принято решение о совмещении психологического консультирования и физических тренировок, а также о совмещении профессиональных ролей психолога и тренера.

Первичная диагностика показала высокий уровень хронического стресса, стойкое снижение качества сна, дисфункциональное пищевое поведение, хронические ограничения амплитуды и диапазона движений, нарушение функциональных двигательных паттернов.

Была выбрана следующая тактика нормализации показателей здоровья: снижение уровня хронического стресса, освоение современных техник саморегуляции, коррекция пищевого поведения, оптимизация мышечного тонуса, выработка функциональных паттернов движения; формирование системы мотивации с опорой на новые, конструктивные драйверы.

В ситуациях противоречия профессиональных позиций психолога и тренера выбор делался в пользу первой. Десятимесячный процесс работы полностью подтвердил эффективность и работоспособность комплексного подхода.

В совмещении работы с телом и психикой под контролем одного специалиста выявлены следующие плюсы. Известная связь эмоционального и мышечного напряжения (Дж. Гриндберг, 2004) позволяет эффективно снимать эмоциональное напряжение через работу с телом. То, что соматические и психоэмоциональные процессы курирует один человек, позволяет решать задачи нестандартными методами. Например, кардинально менять психоэмоциональное состояние пациента во время тренировки, построенной с учетом актуального состояния и направленной на балансирование работы отделов вегетативной нервной системы.

И наоборот, зная, что происходит с эмоциональным состоянием пациента, быстрее и легче находить его связь с возникновением и обострением соматических болевых синдромов.

Таким образом, сочетание психотерапевтического и соматического направлений работы взаимно усиливают друг друга, создают синергетический эффект и значительно ускоряют динамику терапевтического процесса.

Кроме этого, возможность пациента флукутировать от больших свобод, ответственности, структурированности к меньшим, и обратно, от большей активности в процессах к меньшей, и обратно, а также возможность выбирать

наиболее актуальный в конкретный момент времени контекст для работы, позволяют пациенту продолжать движение к изменениям в своем темпе, уменьшая вероятность прерывания терапевтического процесса или выхода из него.

Выводы: опробованный формат работы предлагаю считать эффективным и перспективным; важно, чтобы у специалиста был большой и разноплановый опыт работы с телом; также может быть перспективна командная работа психолога и тренера при условии общего понимания целей в работе с пациентом и причинно-следственных связей в работе тела и психики.

1. Гринберг Дж. Управление стрессом. — 7-е изд. — СПб.: Питер, 2004. — 75с.

Соотношение между коммуникативным использованием интернета и качеством адаптации психически больных

Интернет, социальная адаптация, психические заболевания

Текущая пандемия новой коронавирусной инфекции, сопровождающаяся длительными локдаунами и рекомендациями по ограничению физических контактов, продемонстрировала существенную значимость интернет-технологий в поддержании контактов между людьми практически во всех сферах жизни. Последнее представляется очень востребованными в социальной адаптации людей, страдающих психическими заболеваниями, так как может предоставить возможности поддерживать имеющиеся контакты и находить новые несмотря на ограничения, накладываемые течением психического заболевания. Несмотря на это, современные исследования в области клинической психологии рассматривают интернет-технологии в основном с патологизирующей стороны: как объект зависимости [Колесников], способ получения информации, искажающей восприятие реальности, способ нахождения запрещенных или вредных для психического здоровья материалов. В лучшем случае, как механизм проведения терапевтической интервенции [3]

Оценки потенциала интернет-технологий в социальной адаптации психически больных было проведено исследование связи между коммуникативным использованием интернета мужчинами, страдающими психическими заболеваниями, и качеством их социальной адаптации.

Целью исследования стала оценка связей между коммуникативным использованием интернета и качеством социальной адаптации у мужчин, страдающих психическими заболеваниями.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 82 пациента мужчины, с диагнозом расстройства шизофренического спектра (F.20), возраст от 16 до 32 лет (ср. возраст $22,25 \pm 4,29$). Использовались: SCL-90-R, полуструктурированное интервью [2], полуструктурированное интервью «использование интернета» с параметрами: (коммуникативное, информационное, развлекательное, хозяйственное). Коммуникативное использование интернета включало в себя: общение в он-лайн играх, использование социальных сетей для общения, использование интернета для поиска новых контактов, для общения с поддержания контактов с родственниками, со старыми друзьями.

Результаты. Об использовании интернета с коммуникативной целью сообщили 61 человек, 21 — не используют. Статистическая обработка с применением U-критерия Манна-Уитни показала: при использовании интернета для коммуникации ниже уровень психотической симптоматики (PSY) ($U=446^*$ $p \leq 0,05$), депрессии ($U=453^*$) и больше людей, с которыми респонденты проводят своё свободное время ($U=910,5^*$), с которыми их связывает общность на основе профессии ($U=860^*$), больше людей с общими интересами ($U=867,5^*$) и ценностями ($U=873^*$), больше друзей и знакомых ($U=804^*$), больше ровесников ($U=814^*$), женщин в кругу

знакомых ($U=793^*$), больше число людей которым респондент часто оказывает инструментальную поддержку ($U=761,5^*$).

Обсуждение результатов. У мужчин, страдающих расстройствами шизофренического спектра, использующих интернет с коммуникативными целями, ниже уровень психопатологической симптоматики и выше качество социальной адаптации. Это может указывать на наличие реабилитационного потенциала интернет-технологий при психических заболеваниях. Последнее важно учитывать при разработке реабилитационных программ для людей, страдающих психическими заболеваниями.

1. Колесников В.Н. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте / В.Н. Колесников, Ю.И. Мельник, Л.И. Теплова // Национальный психологический журнал. — 2019. — № 1(33). — С. 34–46. doi: 10.11621/npj.2019.0104
2. Phillips S. L. Network characteristics related to the well-being of normals: A comparative base / S.L. Phillips // Schizophrenia Bulletin. — 1981. — 7(1) — 117–124. <https://doi.org/10.1093/schbul/7.1.117>
3. Thomas N. Are people with severe mental illness ready for online interventions? Access and use of the Internet in Australian mental health service users. / N. Thomas, F. Foley, K. Lindblom, S. Lee // Australasian Psychiatry. — 2017. -№25(3). — 257–261.

Предикторы ресурсного потенциала, препятствующего выгоранию родственников в процессе опеки больных с химической аддикцией

Аддитивные расстройства, родственники больных, вовлеченность, выгорание, предикторы, созависимость.

Зависимость от психоактивных веществ оказывает разрушительное влияние не только на страдающего ею больного, но и на вовлеченных во взаимодействие с ним близких, переживания которых традиционно рассматриваются через призму концепции созависимости. Применение данной концептуальной основы обуславливает интерпретацию стремления родственников бороться с болезнью близкого и заботиться о поддержании его благополучия как патологического процесса, требующего специализированной коррекции. Такое понимание и разработанные на его основе интервенции, часто приводят к игнорированию базовых потребностей личности родственников, способствуя их выгоранию в процессе опеки больного.

Целью настоящего исследования являлось изучение факторов, определяющих наличие ресурсного потенциала, препятствующего выгоранию родственников в процессе опеки больных с химической аддикцией.

В исследовании приняли участие 297 близких родственников пациентов с химической аддикцией (145 родственников пациентов с опиоидной зависимостью и 152 родственника пациентов с алкогольной зависимостью), находившихся на этапе реабилитации в СПбГБУЗ «ГНБ» и ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева». Постановка диагноза (F10.2; F11) больным осуществлялась врачами психиатрами-наркологами (по МКБ-10).

В качестве тестовых психодиагностических методов применялись: оригинальная методика «Уровень эмоционального выгорания родственников» (УЭВР), «Шкала семейного окружения», «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО), методика Symptom Checklist-90-Revised (SCL-90-R) в адаптации Н.В. Тарабиной и другие.

Методика УЭВР состоит из 2-х блоков: блока «выгорание» и блока «вовлеченность». В качестве феноменов «вовлеченности» рассматриваются противоположные выгоранию явления, диагностируемые шкалами «Энергия», «Наполненность смыслом», «Самозффективность в лечении родственника» и «Ресурс».

Для определения предикторов использовался метод линейной регрессии. Были построены модели, в которых в качестве зависимых переменных выступали показатели шкал методики УЭВР, а в качестве независимых переменных включались клинические и социально-демографические характеристики, значения шкал методик SCL-90-R, ШСО, СЖО и др. Для полученных моделей был рассчитан коэффициент детерминации — скорректированный R2.

Результаты исследования показали, что набор факторов, определяющих выраженность проявлений вовлеченности у родственников пациентов с химической зависимостью, различен.

В то же время существуют и общие для исследуемых групп параметры, которые во многом связаны с наличием энергетического потенциала, мотивации к оказанию помощи больному родственнику, предопределяют личностную значимость деятельности по его опеке. Так, например, параметр «Морально-нравственные аспекты» (методика ШСО) выступает в качестве предиктора большинства исследуемых показателей ресурсного потенциала. Это отражает важность принятия родственником традиционной «культурнозаданной» роли человека, помогающего заболевшему в семье. Такое принятие обеспечивает сглаживание возможных противоречий, возникающих между повседневными обязанностями, требованиями и затратами, которые накладывает опека аддикта.

Значимую роль в формировании ресурсной составляющей, играет также эмоциональная вовлеченность опекающего родственника в деятельность, направленную на борьбу с болезнью и поддержание благополучия химически зависимого.

Перегруженность обязанностями и конфликт ценностей (противоречия между личностными ценностями и выполняемой деятельностью), напротив, выступают в качестве факторов, препятствующих поддержанию ресурсного потенциала личности родственников.

Значимость информационной поддержки от специалистов для формирования ощущения самоэффективности в лечении близкого говорит о необходимости разработки специализированных мероприятий как в области психообразования, так и в области улучшения качества и интенсивности сотрудничества специалистов с родственниками, опекающими больных с аддиктивными расстройствами.

Экзистенциальная беседа как основной инструмент коррекции эмоционального состояния взрослого человека в ситуации онкологического заболевания

Онкология, дистресс, психологическая помощь, экзистенциальная беседа

Психологическая помощь онкологическим пациентам в России до сих пор не стандартизирована. Ассоциацией онкопсихологов Северо-Западного региона России разрабатываются методические рекомендации по оказанию психологической помощи в онкологии. В основе рекомендаций лежит полувековой опыт наблюдений отечественных специалистов в данной области, а также расширенный опыт современных штатных медицинских психологов Санкт-Петербурга и Москвы (членов Ассоциации Онкопсихологов Северо-Западного региона России).

Цель данного доклада заключается в предоставлении базовой части оказания психологической помощи человеку в ситуации онкологического заболевания.

При столкновении с тяжелым хроническим заболеванием онкологические пациенты и их ближайшее окружение не утрачивают свой психический статус, однако живут в условиях пролонгированного дистресса. Оказание психологической помощи в онкологии не предполагает работу с психическими нарушениями. Задачи онкопсихологов относятся к адаптации человека в условиях высокого психотравмирующего риска и сверхсильного эмоционального напряжения. Чаще всего онкопсихологи оказывают экстренную психологическую помощь. Плановая помощь также чаще носит краткосрочный характер. В данном подходе не применяются методы диагностики, характерные для других направлений клинической психологии.

Наблюдения десятилетнего периода позволили выделить основной инструмент коррекции эмоционального состояния взрослого человека в ситуации болезни (онкологический пациент или идентифицированный пациент — родственник пациента, сотрудник профильного учреждения здравоохранения). Таким инструментом является экзистенциальная беседа. Наблюдение представлено на выборке 12500 человек, а также подкреплено теоретической базой в онокопсихологии [1, 2].

Экзистенциальная беседа является универсальным методом эмоциональной коррекции в специфических условиях оказания психологической помощи во взрослой онкологии. Техники экзистенциальной беседы по своей структуре ближе к техникам психологического консультирования в гуманистическом подходе. При оказании плановой психологической помощи формируется индивидуальный план с использованием расширенного инструментария. Чаще всего бывают востребованы технологии когнитивно-поведенческой, иногда телесно-ориентированной терапии. В направлении длительной психологической реабилитации онкологических пациентов применяются элементы арт-терапии и эрго-терапии. Практически не используется глубинное исследование личности. Помощь оказывается, исходя из актуального

состояния пациента (идентифицированного пациента). Экзистенциальная беседа дает возможность «здесь и сейчас» рассмотреть ведущую проблематику человека в ситуации выраженной витальной угрозы — свободу выбора и ответственности и поиск новых смыслов существования [3].

Результатом применения данного метода становится снижение дистресса и повышение адаптационных ресурсов людей в ситуации онкологического заболевания.

Целесообразно в ходе повышения квалификации клинических психологов, планирующих работу в онкологии особое внимание уделять подкреплению навыков ведения экзистенциальной беседы.

1. Руководство «Онкопсихология», 2018 под ред. В.А.Чулковой. https://www.niioncologii.ru/science/inno_2018
2. Holland, J.C. The IPOS new International Standard of Quality Cancer Care: integrating the psychosocial domain into routine care / J. Holland, M. Watson, J. Dunn// *Psycho-Oncology*, Vol.20, N 7, 2011.-P.677–680.
3. Holland, J.C. Psychology: where are we, and where are we going? // *J. Psychosoc. Oncol.*, 1992, vol.10, N 2.- P. 103–112.

Васильева Н.Г.
Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева

Бочаров В.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Шишкова А.М.
Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева

Фомичева М.В.
Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева

Особенности переживания кризисной ситуации, связанной с пандемией у медицинских работников, профессиональная деятельность которых непосредственно связана с риском заражения коронавирусной инфекцией

Медицинский работник, выгорание, совладание, Covid-19

Профессиональная деятельность медицинских работников связана со значительным числом факторов, потенциально способных вызывать стресс, в частности, высокой ответственностью за здоровье и жизнь других людей, необходимостью постоянного общения и проявления эмпатии к больным.

В связи с распространением в мире новой коронавирусной инфекции (COVID-19), особую значимость приобретают исследования, направленные на изучение переживаний, возникающих у медицинских работников, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с риском заражения коронавирусной инфекцией. Медицинские работки, профессиональная деятельность которых подразумевает частый контакт с потенциально зараженными людьми, испытывают выраженное стрессовое воздействие, которое усиливается существенными изменениями условий привычной профессиональной деятельности, сочетающейся с недостаточной организационной отработанностью рабочего процесса. Такие условия труда, характеризующиеся высокой нагрузкой и риском в процессе выполнения профессиональной деятельности, могут способствовать эмоциональному выгоранию, ошибкам при выполнении профессиональных действий, значительному снижению качества жизни специалистов.

В онлайн исследовании приняло участие 416 человек, после проверки ответов на достоверность было оставлено 361 анкета. В исследовании приняли участие 172 врача, 135 медицинских сестер (братьев), 40 медицинских психологов и 14 санитарок, 277 женщин и 84 мужчины.

В проведенном исследовании мы спрашивали испытуемых о переживаниях в связи с возможными последствиями эпидемии и изучали уровень выгорания (методика «Профессиональное выгорание», вариант для медицинских работников, а адаптации Водопьяновой и Старченковой). Исследование показало, что возможность возникновения хотя бы одной из предлагаемых ситуаций тревожит 99% опрошенных. Наиболее часто испытуемые отмечали значимость ситуации возможной болезни близкого (71% опрошенных), ухудшения материального

состояния (45%). На втором месте по частоте собственная болезнь (24%), утрата жизненной перспективы (20%) и потеря работы (14%).

Последствия, связанные только со здоровьем, близкого человека или своим, тревожат 21% опрошенных. 78% отмечали от 2 до 6 ситуаций, как правило включающих и опасение за состояние здоровья, и опасения за сохранение работы, дохода и нематериальные последствия: утрату жизненной перспективы, одиночество.

В свободной форме медицинские работники отмечали у себя страх смерти близкого человека, психологическое состояние близких, эмоционально-неустойчивое состояние окружающих в целом, ограничение свобод передвижения, посещения близких, досуга, а также тяжелые условия труда и высокие цены.

В аддиктивном поведении группы также были отмечены существенные изменения. Только треть опрошенных (34%) не отметили у себя появления новых привычек. Стали злоупотреблять алкоголем и курением 13 и 16% соответственно. Отметили у себя новую привычку злоупотреблять едой 32% опрошенных, излишними покупками — 24%. В свободной форме были отмечены избыточный сон, увлечение успокоительными таблетками.

Совладающее поведение исследуемой группы включало в себя как конструктивные — погружение в работу, в общение с близкими, пребывание на природе (дача), самообразование, чтение, так и дезадаптивные модели поведения — алкоголь, успокоительные препараты.

Полученные данные согласуются с результатами опросника «Профессиональное выгорание». Уровень выгорания в общей группе по шкалам эмоциональное истощение $26,22 \pm 12,41$ балла (высокий), деперсонализация $14,38 \pm 5,42$ балла (высокий), редукция профессиональных достижений $33,64 \pm 7,5$ балла (средний уровень).

1. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2017. — 343 с.

Васильева Н.Г.
Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева

Чулкова В.А.
Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ онкологии им. Н.Н. Петрова

Пестерева Е.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Мифологизация психосоматических соотношений в ситуации онкологического заболевания

Онкологическое заболевание, профессиональная позиция, психологические защиты, мифологизация

Несмотря на разработанность проблемы психосоматических соотношений и ее исключительную сложность мы снова и снова возвращаемся к идеям, не получившим подтверждения в научном сообществе. Причинно-следственная связь между стрессом и возникновением соматического заболевания, существование органа-мишени, профиля психосоматической личности не доказаны. Но тенденция в отстаивании приоритета психологических детерминант некоторых соматических заболеваний, по-видимому, имеет глубокие корни, и захватывает новые регистры, например, отдельные нарушения поведения или онкологию.

Мы наблюдаем, что онкологические пациенты в поисках причин своего заболевания часто обращаются к эмоциональным потрясениям, утратам, конфликтным отношениям, предшествующим установлению диагноза. Но также в результате осмысления своего личного опыта работы с онкологическими пациентами снова и снова воспроизводятся специалисты, опирающиеся в практической работе не столько на современные знания об этиопатогенезе широкого спектра онкологических заболеваний, сколько на представления о психосоматической природе рака. Такая профессиональная позиция в значительной степени затрудняет взаимопонимание с врачами онкологами и снижает авторитет нашей специальности.

Современные исследования не подтверждают связь между пережитыми стрессами, чертами личности, тревогой или депрессией с риском развития злокачественной патологии. Это большие, с десятками тысяч испытуемых, когортные проспективные исследования с продолжительностью наблюдения 6, 8, 9 лет учитывают выраженность изучаемого фактора или вид рака. Группы в них формируются без участия исследователя, испытуемые здоровы, но имеют один из опытов, таких как стрессовые жизненные события или депрессия. Результаты подчас даже парадоксальны, так в группе женщин, переживших очень сильный стрессовый эпизод, заболеваемость РМЖ ниже, чем в группе женщин, чей стресс был умеренной силы [1].

Иррациональные представления психологов, психотерапевтов об этиологии рака во многом основаны на «мифологическом мышлении», свойственном всем людям уровень сознания, обеспечивающий необходимую защиту от множественной неопределенности окружающего мира. Такие свойства мифа как архаичность, неосознаваемость, мощная охранная функция, а также способность утилизировать

тревогу и, одновременно, высокая степень искажения реальности сближают его с примитивными психологическими защитами. С мифологизацией болезни мы можем столкнуться у наших пациентов. Возникают вопросы: насколько мы готовы с этим работать и насколько мы осознаем собственную склонность защищаться от неопределенности, связанной с течением онкологического заболевания, сходным образом.

Для прояснения позиции врачей мы провели пилотное исследование, в котором приняли участие слушатели курса переподготовки по онкологии на базе кафедры онкологии Северо-западного медицинского университета. Были опрошены 23 человека, 15 мужчин и 8 женщин. Средний возраст 39 лет, общемедицинский стаж от 2 до 29 лет. В том числе 15 хирургов, 1 нейрохирург, 1 дерматовенеролог, 3 гематолога и 3 акушера-гинеколога. Им были предложены вопросы, касающиеся их представлений о патогенезе онкологических заболеваний.

Были получены следующие результаты. 74% опрошенных считают, что патогенез онкологических заболеваний в основном неясен для специалиста. На прямой вопрос о психосоматической природе рака врачи в основном отвечают отрицательно, но они в большинстве допускают существование предрасположенности к заболеванию на уровне личности и уверены в том, что стресс может стать причиной его начала.

Противоречия в позициях специалистов может быть объяснены следующим образом. В работе с пациентами, переживающими ситуацию онкологического заболевания, может происходить актуализация собственного страха заболеть, утратить контроль над своей жизнью, актуализация страха смерти. возникнуть вторичная травматизация.

Упрощенно понятая психосоматическая модель онкологического заболевания в отличие от сложной и малопонятной модели актуального знания намного успешнее справляется с задачей снижения собственной тревоги специалиста.

Онкопсихолог работает с категориями качества жизни, ВКБ. Ему необходимы знания о специфике различных раков, методах их лечения, факторах риска. Ему также необходим эмоциональный опыт, высокий уровень осознания собственных эмоциональных реакций, способность работать с экзистенциальными проблемами. Необходимы развитые навыки кризисного консультирования и практический опыт работы в клинике онкологии [2].

Базовая подготовка онкопсихологов включает изучение специфики психологического состояния пациентов на различных этапах онкологического заболевания. Она готовит к возможному регрессу в психике пациента, встрече с его иррациональными, мифологизированными представлениями о своем заболевании. Специалисту понадобится способность переносить высокий уровень неопределенности и умение сохранять профессиональную позицию.

1. Особенности взаимосвязи социально-психологических характеристик с риском развития онкологических заболеваний: обзор исследований / Е.П. Лукошкина, Т.А. Караваева, А.В. Васильева // Сборник научных статей Актуальные проблемы психосоматики в общемедицинской практике. — 2016. — С. 98–104
2. Онкопсихология для врачей-онкологов и медицинских психологов. Руководство // А.М. Беляев и коллектив авторов / Ред. А.М. Беляев, В.А. Чулкова, Т.Ю. Семиглазова, М.В. Рогачев. — СПб: Издательство АНО «Вопросы онкологии», 2017. — 350 с.

Вассерман Л.И.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Никифорова Е.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ, ПНД №1

Чугунов Д.Н.
Санкт-Петербург, ПНД №4

Биопсихосоциальная парадигма в сфере здоровья личности и интеграционные процессы в медицинской психодиагностике

Медицинская психодиагностика; социальная психология здоровья; биопсихосоциальная парадигма

Современная медицинская психодиагностика (МП) рассматривается как системная деятельность по выявлению и оценке значимых критериев в сфере здоровья личности. Традиция рассмотрения личности в единстве ее биологических, социальных и психологических проявлений в отечественной школе психологии имеет более чем столетнюю историю и прослеживается в работах В.М. Бехтерева, А.Ф. Лазурского, Б.Г. Ананьева [1], В.Н. Мясищева [2]. В последние десятилетия концепция системных исследований здоровья утвердила себя в связи с развитием биопсихосоциальной парадигмы, позволила упрочить ее методологические основы и расширить репертуар методов [3]. В сфере МП это выражается в многомерности проводимых исследований, а также в широком спектре диагностических задач и интеграции в другие области психологической науки.

Отдельного внимания заслуживает сфера социальной психологии здоровья. Понятие социально-стрессовых расстройств все чаще обсуждается в связи с ростом количества пограничных нервно-психических расстройств. Таким образом, МП сталкивается с широкими социальными проблемами здоровья личности. Учет и квалификация сложно структурируемых соотношений личностно-средовых факторов патогенеза (социогенеза) позволяет уточнять механизмы формирования предболезненных, слабоструктурированных проявлений расстройств психической адаптации, оценивать реальную или потенциальную стрессогенность условий социального функционирования [4]. Стоит отметить роль МП в решении задач профессионального отбора и социальной гигиены, оценки стрессоустойчивости личности и факторов риска психической дезадаптации.

В области психотерапии и социотерапии как в клинике, так и у контингента риска развития пограничных расстройств (напряженная профессиональная деятельность, трудности межличностного взаимодействия) методы МП позволяют выявить основные мишени психокоррекции, в том числе личностный смысл здоровья, а также оценить эффективность уже проделанной работы.

Развитие современных методов аппаратной диагностики (ЭЭГ, фМРТ, КТ, УЗИ) влияет на структуру и арсенал психодиагностических исследований, и в сочетании с нейropsихологическими данными уточняет диагностику и оценку динамики функциональных церебральных патологий. Методы МП используются при разработке, апробации лекарственных препаратов. Благодаря сопряжению

биохимических, нейрофизиологических и нейропсихологических данных возможна оценка эффективности применения лекарств и сопоставление с другими формами терапии.

При исследовании возрастных аспектов здоровья личности особо значима дифференциальная диагностика детских нейротравм, аномального развития в подростковом возрасте, когда закладывается потенциал будущего здоровья и социальной адаптивности.

Независимо от конкретного содержания психодиагностических задач, современные исследования должны отвечать требованиям высокой надежности и воспроизводимости, в связи с чем особенно актуальна разработка новых стандартизованных методов исследования. Информационные технологии позволяют создавать банк информации психопрофилактических, скрининговых и проспективных исследований и выявлять факторы риска дестабилизации личностно-социального взаимодействия. Однако не следует преднамеренно разделять клинико- и экспериментально-психологические методы, поскольку это единый процесс в общей системной МП.

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер; 2001.
2. Мясищев В.Н. Проблемы личности в психологии и медицине. Сб. науч. тр.: Актуальные вопросы медицинской психологии. Л.; 1974. С. 5–25.
3. Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю. Медицинская психодиагностика: Теория, практика, обучение. — СПб. — М.: Академия, 2003.
4. Вассерман Л.И., Дубинина Е.А. Социальный стресс и здоровье. В кн.: Руководство по психологии здоровья. Под ред. А.Ш. Тхостова, Е.И. Расказовой. М.: Издательство Московского университета; 2019. С. 363–392.

Социальная тревожность и речевой перфекционизм как мишени психологической помощи при заикании в юношеском возрасте

Заикание, перфекционизм, речевой перфекционизм, социальная тревожность, мишени психотерапии

Введение. Большинство авторов сходятся во мнении, что тревожность является одной из ведущих личностных черт заикающихся. Зарубежные авторы отмечают у них выраженную социальную тревожность. Однако феномен социальной тревоги при заикании почему-то оказался вне фокуса внимания отечественных клинических психологов. Анализ личностных факторов, усиливающих заикание, позволяет выделить в качестве такового неадаптивный перфекционизм, результаты исследования которого представлены лишь в единичных зарубежных работах. В отечественной литературе рассматривается уровень притязаний заикающихся, но данные носят противоречивый характер. Исследователи предполагают, что перфекционизм является связующей составляющей между заиканием и социальной тревожностью. Юношество и молодежь с заиканием зачастую остро переживают свои речевые проблемы. Актуальным остается вопрос своевременной и эффективной психологической помощи данной группе пациентов. Для повышения эффективности помощи необходимо исследовать и понимать факторы, влияющие на усиление и хронификацию заикания, в том числе более подробно исследовать социальную тревожности и речевой перфекционизм.

Цель исследования — исследование связи речевых перфекционистских установок с эмоциональным неблагополучием (тревогой и депрессией), социальной тревогой, общими перфекционистскими установками у юношества с заиканием.

Выборка. В исследовании приняли участие 133 испытуемых юношеского возраста с заиканием (основная группа) и 137 без заикания (контрольная группа) в возрасте 18–25 лет.

Методы: 1) выявление эмоционального неблагополучия (шкала тревоги А.Бека, шкала депрессии А.Бека), 2) выявление дисфункциональных личностных установок (опросник перфекционизма (Н.Г.Гараян, А.Б.Холмогорова), оригинальный опросник речевого перфекционизма (Горшкова Е.Н., Воликова С.В.), Шкала социального избегания и дистресса (SADS; Watson, Friend), Шкала страха негативной оценки (FNE; Watson, Friend)).

Результаты. В ходе исследования было выявлено, что уровень речевого перфекционизма выше у заикающихся, сопоставим с уровнем неадаптивного перфекционизма у пациентов с тревожными расстройствами и является фактором заикания. Заикающиеся считают, что другие предъявляют к ним нереалистично завышенные стандарты, критически оценивающих их деятельность. Они постоянно

селектируют негативную информацию, при этом не замечая и обесценивая собственные достижения и успехи. Им свойственно мыслить по типу «все или ничего». Социальная тревожность и перфекционистские установки влияют на самооценку выраженности заикания, которая связана с фиксированностью на собственном дефекте. Чем выше перфекционизм в отношении речи, тем негативнее оценивается собственная речь.

Результаты этого исследования подтверждают необходимость выделения высокой социальной тревожности и неадаптивного перфекционизма в качестве мишеней психотерапевтической работы с заикающимися. Когнитивно-поведенческая терапия доказала свою эффективность в группе взрослых заикающихся при работе с обозначенными факторами. Зарубежные авторы пишут о значительной пользе сочетания когнитивно-бихевиоральной терапии и логопедической коррекции для пациентов с заиканием. В качестве методов КБТ чаще всего используются классические методы в виде работы с негативными автоматическими мыслями и дисфункциональными базовыми убеждениями, релаксация, навыки фокусировки и переключения внимания, поведенческие эксперименты. Эти методы имеют целью помочь пациенту с заиканием снять напряжение, понять, что заикаться не стыдно, что все люди допускают ошибки в речи, и это не делает их хуже, не является причиной отвержения со стороны других, и в результате принять свои речевые проблемы. Следует обратить внимание на то, что отдельно применяемая психотерапия не всегда приводит к улучшению беглости речи, однако положительно влияет на качество жизни, эмоциональное состояние, социальное взаимодействие пациента, значительно снижая риск рецидивов и хронификации заикания.

1. Кисельникова Н.В., Данина М.М. Стратегическая психотерапия заикания: структура проблемы, направления и техники работы с клиентами // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 2. С. 131–141. doi:10.17759/cpp.2015230208
2. Холмогорова А.Б., Гараян Н.Г. Эмоциональные расстройства и современная культура на примере соматоформных, депрессивных и тревожных расстройств // Консультативная психология и психотерапия. — 1999. — №2. — С. 61–90.
3. Cognitive-behavioral treatment of perfectionism / Egan S.J., Wade T.D., Shafran R., Antony M.M., Antony M.M. — New York: The Guilford Press. — 2014. — 416 p.

Социально-психологические детерминанты внутренней картины болезни у пациентов с мочекаменной болезнью

Мочекаменная болезнь, приверженность терапии, комплаенс, отношение к болезни, внутренняя картина болезни

Введение. Мочекаменная болезнь (уролитиаз) относится к одной из основных урологических патологий, описанной еще Гиппократом. Несмотря на появление новых методов лечения и профилактики, заболеваемость уролитиазом в нашей стране продолжает возрастать [1]. Распространенность заболевания в Европе составляет 5–9%, в Азии — 1–5%, в Северной Америке — 13% [5]. Около 50% пациентов имеют хотя бы один случай рецидива заболевания, а у 10% пациентов отмечается многократное рецидивирование [3]. На повторное образование камней влияет ряд факторов, в том числе и следование послеоперационным рекомендациям врача. Показано, что проблема следования предписаниям врача является важным фактором успешности лечения [2, 4].

Целью настоящего исследования являлось определение индивидуально-психологических, социально-психологических факторов формирования внутренней картины болезни и их влияние на уровень приверженности терапии у пациентов с мочекаменной болезнью.

Выборка. 43 пациента с мочекаменной болезнью, проходящих лечение в Клинике урологии СПбГУ им. И.П. Павлова.

Методы. Структурированное интервью, методика диагностики типов отношения к болезни (ТОБОЛ), опросник внимательности и осознанности (MAAS), опросник уровня комплаентности, тест межличностных отношений

Результаты. В группе пациентов с высоким уровнем приверженности терапии был выявлен более высокий уровень осознанности ($p=0,001$). Наибольшее влияние на уровень приверженности терапии оказывает уровень осознанности ($p=0,05$). Для пациентов со средним уровнем приверженности терапии характерны достоверно большая напряженность и отчужденность в межличностных отношениях, чем для пациентов с высоким уровнем приверженности терапии ($p=0,000$ и $p=0,001$). В группе пациентов с высоким уровнем приверженности терапии был выявлен более высокий уровень информированности о заболевании, чем в группе пациентов со средним уровнем приверженности ($p=0,041$). Анализ факторов, влияющих на уровень приверженности терапии, показал достоверную связь с осознанностью ($p=0,05$).

Обсуждение результатов. У обследованных пациентов с мочекаменной болезнью отмечается высокий и средний уровни приверженности терапии. Анализ социально демографических характеристик показал схожие данные в обеих группах, единственный показатель, по которому данные значительно отличались — частота госпитализаций. В группе с высокой приверженностью терапии процент пациентов, которые были госпитализированы от трех до пяти раз, составляет лишь 8%, в то время как в группе пациентов со средней приверженностью этот показатель составляет 21%. В группе высоко приверженных терапии пациентов преобладают

эргопатический и гармонический типы отношения к болезни, а в группе средне приверженных — анозогнозический, ипохондрический и эргопатический. Второй по частоте встречаемости тип реагирования на заболевание в группе со средней приверженностью — ипохондрический. Дисфорический и паранойяльный типы также встречаются в группе со средней приверженностью, в то время как в группе с высокой приверженностью данные типы не встречаются вообще.

Полученные данные по методике СОМО, указывают, что в группе пациентов со средней приверженностью терапии отмечается напряженность и отчужденность во взаимоотношениях, что согласуется с данными по методике ТОБОЛ. В группе пациентов со средней степенью приверженности терапии наблюдаются такие типы отношения к болезни, которые способны оказать негативное и разрушающее влияние на межличностные отношения пациента.

Выявлено, что в группе с высокой приверженностью пациенты чаще давали правильные ответы о диете, солевом балансе и т.д.

Выводы. Пациенты с высокой приверженностью терапии характеризуются более высоким уровнем информированности и осознанности, более гармоничные межличностные отношения и типы отношения к болезни, не приводящие к значительной дезадаптации. У пациентов со средним уровнем приверженности чаще отмечаются типы отношения к болезни, которые сопряжены с дезадаптивным поведением, реакциями по типу тревожности, слабости, раздражительности, обвинением окружающих в заболевании пациента.

1. Аполихин О.И., Сивков А. В., Солнцева Т. В. и др. Заболеваемость мочекаменной болезнью в Российской Федерации 2005–2016 годы // Экспериментальная и клиническая урология. 2018. №4. С. 4–14
2. Вассерман Л.И, Щелкова О.Ю. Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности / Л.И. Вассерман, О.Ю. Щелкова. — Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2014. — 408 с.
3. Тюрк С. Мочекаменная болезнь: пер. с англ. / под ред. Григорьева. Европейская организация урологов, 2015. — 97 с. [Türk C., Knoll T., Petrik A., Sarica K., Straub M., Seitz C. Guidelines on Urolithiasis. European Association of Urology 2015. — 97 p.]
4. Khambati A., Matulewicz R. et al Factors Associated with Compliance to Increased Fluid Intake and Urine Volume Following Dietary Counseling in First-Time Kidney Stone Patients // Journal of Endourology. 2017. Vol. 31(6). P. 605–610
5. Ramello A., Vitale C., Marangella M. Epidemiology of Nephrolithiasis // Journal of Nephrology. 2000. Vol. 13(3). P.45–50

Стили психосоматического поведения у студентов с разными типами акцентуаций характера

Психосоматика; психосоматическое расстройство; психосоматическое поведение; акцентуация; акцентуации характера.

Данная работа посвящена одной из важных проблем современной психологической науки — исследованию стилей психосоматического поведения у студентов с разными типами акцентуаций характера. Нами рассмотрены черты характера, находящиеся в пределах клинической нормы, их влияние на возникновение психосоматических симптомов, поведенческие установки, а также потенциальная связь акцентуированных личностных черт с психосоматическими расстройствами.

Данная проблема очень важна с точки зрения просвещения студентов-психологов как будущих специалистов в области психологии и повышения их компетенций в области клинической психологии.

Актуальность исследования обусловлена значимостью проблемы соотношения нормы и патологии в клинической психологии, все большей распространенностью психосоматических расстройств в современном мире.

Цель исследования — изучение стилей психосоматического поведения у студентов с разными типами акцентуаций характера.

В качестве объекта исследования мы рассматриваем стили психосоматического поведения.

В качестве гипотезы исследования выступило предположение о наличии определенных стилей психосоматического поведения у студентов с разными акцентуациями характера, а именно: 1) у студентов с демонстративным, тревожным и лабильным типом акцентуации характера преобладает эмоциональный стиль психосоматического поведения; 2) у студентов с возбудимым и циклотимным типом акцентуации более выражен психофизический стиль психосоматического поведения; 3) студенты с педантичной и дистимической акцентуацией характера имеют когнитивный и поведенческий стили психосоматического поведения; 4) студенты с гипертимной акцентуацией имеют социально-культурный стиль психосоматического поведения.

Данная гипотеза была сформулирована на основании типологии личности Э. Кречмера, исследований К. Леонгарда и А. Е. Личко и их классификаций акцентуаций характера, исследований В. М. Бызовой и А. Е. Ловягиной.

Базой эмпирического исследования выступает Воронежский государственный университет. Объем выборки составляет 100 студентов 3 и 4 курсов,

Методические средства исследования:

- 1) Методика определения акцентуаций характера К. Леонгарда [2].
- 2) Опросник «Стили психосоматического поведения» (В. М. Бызова, Е. И. Перикова, А. Е. Ловягина) [1].

При проведении корреляционного анализа с использованием коэффициента г-Спирмена были выявлены статистически значимые взаимосвязи между типами акцентуации характера студентов и стилями их психосоматического поведения.

Наиболее часто встречающимся стилем психосоматического поведения студентов является социально-культурный стиль. Его придерживается приблизительно 37% испытуемых (36.67%). Когнитивного стиля придерживается приблизительно 27% студентов (26.67%), поведенческий стиль свойственен 20% испытуемых, эмоциональный составил примерно 13% (13.33%), а психофизический — около 3% (3.33%).

Такой результат говорит о том, что большинство студентов адекватно оценивают ухудшения своего здоровья, понимают важность умения справиться со стрессовыми ситуациями и используют различные методы самопомощи. Чаще всего студенты упоминали физические упражнения, аутогенные тренировки, медитативные практики, массаж, прогулки на свежем воздухе, занятие хобби и др. Риск развития психосоматических заболеваний у студентов, имеющих данный стиль психосоматического поведения, связан с неуверенностью в собственном умении справиться со стрессом.

Студентам, имеющим когнитивный стиль психосоматического поведения, свойственно анализировать свое состояние и находить рациональные и логические причины психосоматическим заболеваниям. Они испытывают трудности в распознавании собственных эмоций и телесных ощущений, сдержанно описывают проблемы со здоровьем. Эмоциональный и поведенческий стили психосоматического поведения имеют среднюю выраженность среди опрошенных студентов. Студентам с этим стилями свойственно вытеснять любые мысли о болезни, либо наоборот заикливаться на своем здоровье, чрезмерно тревожиться и пессимистично оценивать свои шансы на преодоление заболевания. Факторами риска являются внутриличностные конфликты, алекситимия, склонность к ипохондрии и повышенная тревожность.

В связи с результатами проведенного нами исследования мы можем предложить следующие рекомендации для студентов и преподавателей, направленные на коррекцию психосоматического поведения студентов:

- 1) необходимо следить за физическим и психологическим здоровьем студентов в курируемой группе. Если студенты испытывают трудности в преодолении психосоматических нарушений, важно помочь им в нахождении адекватной стратегии преодоления заболевания.
 - 2) в работе со студенческими группами целесообразно учитывать типы акцентуаций характера студентов, а также стили их психосоматического поведения.
1. Бызова В. М., Ловягина А. Е. Стили психосоматического поведения у студентов с разными приемами саморегуляции в ситуации экзамена // Экология человека. 2017. № 7. С. 25–31.
 2. Леонгард К. Акцентуированные личности. — Ростов на Дону: Феникс, 1997–544 с.

Исследование уровня алекситимии и совладающего поведения пациентов с аутоиммунными заболеваниями

Эмоции, совладающее поведение, алекситимия, самооценка, ревматоидный артрит, аутоиммунный тиреоидит, сахарный диабет первого типа

Введение: Значимой задачей является изучение эмоциональных проявлений и совладающего поведения пациентов при аутоиммунных заболеваниях, выявление возможных психологических факторов риска их возникновения.

Проблема состоит в сложности рассмотрения данного аспекта в контексте болезни. **Методы:** Диагностика копинг-механизмов Э.Хейма, Торонтская Алекситимическая Шкала, Шкала дифференциальных эмоций К. Изарда в адаптации Леоновой А.В., Методика диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн. Выборка: 30 пациентов с аутоиммунным тиреоидитом (АИТ), 28 пациентов с ревматоидным артритом (РА), 32 пациента с сахарным диабетом 1 типа (СД-1), 30 здоровых чел.

Результаты: 1. Обратная взаимосвязь между уровнем алекситимии пациентов и конструктивностью их копинга выявлена в группе РА: чем старше пациент, тем чаще он прибегает к более эффективным стратегиям решения проблемной ситуации. 2. Обратная взаимосвязь между уровнем алекситимии пациентов и конструктивностью их копинга выявлена среди общей группы пациентов с аутоиммунными заболеваниями: чем слабее способность пациента отслеживать и выражать свои эмоции, тем реже он использует адаптивные когнитивные стратегии решения проблемных ситуаций, причем с возрастом данная тенденция становится только более явной. 3. Чем интенсивнее пациент с СД-1 проявляет негативные эмоции, тем сильнее он склонен к тревожно-депрессивным эмоциям. Чем чаще пациент испытывает тревогу, тем реже он использует эффективные стратегии решения проблемы в своем поведении. Чем слабее способность пациента осознавать и выражать свои эмоции, тем менее он склонен к позитиву и тем сильнее его неудовлетворенность собой. Чем старше пациент, тем сильнее он недоволен собой. Чем сильнее неудовлетворенность пациента собой, тем реже он выбирает эффективный эмоциональный способ совладания с проблемной ситуацией 4. Чем старше пациент с АИТ, тем слабее его способность выражать свои эмоции в общем, но тем чаще он испытывает именно положительные эмоции в частности, однако недовольство собой при этом только усиливается. 5. Чем выше уровень алекситимии пациента с РА, тем реже он использует когнитивные и эмоциональные копинги и тем выше его неудовлетворенность собой. Чем старше пациент, тем чаще он прибегает к более эффективным стратегиям решения проблемной ситуации. 6. Чем слабее способность пациента с аутоиммунным заболеванием отслеживать и выражать свои эмоции, тем реже он использует адаптивные когнитивные стратегии решения

проблемных ситуаций, причем с возрастом данная тенденция становится только более явной. Чем меньше пациент склонен к позитивному восприятию событий, тем сложнее ему справляться с проблемными ситуациями с эмоциональной точки зрения и тем меньше он доволен собой. Чем сильнее пациент подвержен тревожным переживаниям, тем сложнее ему поступать эффективно в решении проблемной ситуации.

Выводы: 1. Сравнение пациентов с группой условно здоровых респондентов показало, что люди с аутоиммунными заболеваниями имеют высокий уровень алекситимии. 2. Выбор пациентом копинг-стратегии и проявление его эмоциональной сферы неразрывно связаны.

Рекомендации: 1. В группе СД-1 рекомендуется помогать пациенту отслеживать и конструктивно выражать эмоции, как позитивные, так и негативные, работать с уровнем личностной тревожности, чтобы снизить ее отрицательное влияние на адаптивность, учесть конструктивными эмоциональным и когнитивным копинг-стратегиям. 2. В группе АИТ рекомендуется помогать пациенту с отслеживанием и выражением эмоций в конструктивном русле, т.к. подавление негатива в пользу позитива ведет в данном случае к постепенному накоплению неудовлетворенности собой, которая с возрастом может начать сильно влиять на адаптивность пациента. 3. В группе РА рекомендуется обратить внимание на работу с уровнем алекситимии, т.к. в данном случае она сильнее всего влияет на адаптивность пациента и его самооценку, следует учитывать, что с возрастом пациент с РА уходит к рациональности при решении проблем, поэтому работа в эмоциональной сфере может складываться труднее.

Кто обращается сегодня за психологической помощью?

Психологическая помощь, психологическое консультирование, консультативный запрос, психологические проблемы, инфантильность

В настоящее время значительно увеличилось количество обращений за психологической помощью. Об этом говорят и практикующие психологи, и СМИ; обращение к психологу по сути рекламируется как часть жизни «современного» человека. С одной стороны, это свидетельствует о востребованности нашей профессии и понимании ее значимости, а с другой, ставит перед нами вопрос — кто и с какими ожиданиями обращается за помощью к психологу. Обращаются две основные категории: люди, имеющие отдельные невротические симптомы, не достигающие уровня клинически оформленных расстройств (условно, пациенты), и здоровые люди с психологическими проблемами. Направленность работы с пациентом, имеющим клинический симптом, определяется его запросом: есть симптом, и человек хочет от него избавиться. С помощью психолога он продвигается к пониманию, что состояние его связано не только и не столько с биологическими причинами, сколько с причинами психологическими. Психологическое консультирование и психотерапия в этом случае направлены на понимание пациентом самого себя, своих проблем, сложностей, связи его симптомы с его особенностями и ситуацией, что следовало бы изменить, чтобы в конечном счете избавиться от симптома, быть здоровым.

Если же речь идет о здоровых, то тут далеко не все так однозначно. Какова цель обращения здорового человека к психологу? Если немного упростить, то в конечном счете он приходит для того, чтобы стать счастливым, благополучным, успешным, решить все свои проблемы. Сам по себе этот запрос по меньшей мере инфантилен. Проблемы, с которыми обращаются здоровые люди, это жизненные проблемы, которые человек может и должен решать сам. У него есть опыт, который он получил в семье, в общении с другими, за счет анализа поведения других людей и ситуаций, из книг, кинофильмов. Получается, что, он не жил, не общался, не читал, не видел, не слышал, не чувствовал и не приобрел никакого психологического опыта, получается, что он не способен понять себя, наладить отношения с близкими, с коллегами, ставить перед собой определенные цели и достигать их. Безусловно, это не так, но человек хочет получить все сразу и в готовом виде. Поэтому он идет к психологу, предоставляя ему проделать ту внутреннюю работу, которую он способен проделать сам. Кстати, есть немало психологов, охотно откликающихся на подобный запрос, готовых «учить жизни» в самых разных ее проявлениях (как стать счастливым, богатым, приобрести друзей, выйти замуж и т.д. и т.п.).

Пандемия и самоизоляция проявили и в чем-то усугубили эту ситуацию. СМИ постоянно говорят о депрессии, тревоге и других негативных явлениях, связывая это не столько со страхом заболеть COVIDом (что вполне понятно, как и страх за своих близких), сколько с самоизоляцией. Что же такого происходило в ситуации самоизоляции, что привело к развитию таких состояний? На самом деле ничего

катастрофического не происходило, а были даже некоторые плюсы: можно было много общаться со своими близкими, детьми, можно было читать книги, смотреть фильмы, слушать музыку, можно было заниматься своим хобби, можно было сделать то, что давно собирался, но не хватало времени. Ничего трагичного в этом нет. Просто человек не хочет брать на себя ответственность за самого себя и свою жизнь, искать новые варианты. Он не готов встретиться с реалиями собственной жизни, собственной судьбы. И тогда он обращается за помощью к психологу. Безусловно, есть такие ситуации, с которыми человеку самостоятельно справиться трудно. Но с эти мы сталкиваемся не слишком часто. Обычно речь идет о рутинных человеческих коллизиях и ситуациях, с которыми человек способен справиться самостоятельно. С одной стороны, замечательно, что доступна психологическая помощь, а с другой — оказывая ее, мы в каком-то смысле поддерживаем и усугубляем эмоционально незрелые, инфантильные и даже иждивенческие позиции. Не способствуем ли мы тем самым, если не деградации человека как вида, то во всяком случае его инфантилизации?

Эмоциональные схемы и дисфункциональные стили реагирования у пациентов с сахарным диабетом II типа

Сахарный диабет, декомпенсированное течение, эмоциональные схемы, когнитивные стратегии

Заболеваемость населения России сахарным диабетом (СД) с годами только растет, как показывает статистика, на начало 2020 года было зарегистрировано 5,1 млн заболеваний СД у взрослого населения в России, преимущественно за счет СД 2 типа. В связи с этим большое значение приобретают методы реабилитации, опирающиеся на повышение представления пациентов о соблюдении терапевтического режима, о своих эмоциях и стратегиях реагирования на стрессовые ситуации.

С целью изучения эмоциональных схем и дисфункциональных стилей реагирования у пациентов СД II типа на базе эндокринологического отделения ГБУЗ РА «Адыгейская республиканская клиническая больница» были исследованы 406 больных СД II типа, средний возраст $60,4 \pm 16,5$ года. Нами были использованы методики: шкала эмоциональных схем Р. Лихи [2], опросник «Когнитивная регуляция эмоций» (Н. Гарнефски и В. Крайга) [1], статистическая обработка результатов проводилась с помощью программы SPSS 20.0. Анализируя данные интервью, 68% пациентов СД II типа не готовы к изменению образа жизни и соблюдению терапевтического режима. Негативное влияние на течение заболевания оказывает сопутствующее депрессивное состояние, что влияет на режим питания, вызывает астению, гиподинамию и пессимизм.

По данным Шкалы эмоциональных схем Р. Лихи выявлено, что для пациентов с СД II типа при различных вариантах течения заболевания характерны «Упрощенное представление об эмоциях» и «Склонность к рационализации чувств». Данными шкалами выявлено предпочтение рациональности над эмоциональным опытом с тяжелым проживанием сложных чувств, пациенты не могут переживать амбивалентность. Шкалы «Чувство вины за собственные эмоции» и «Низкая эмоциональная экспрессивность» указывают на стремление скрывать проявление своих эмоций, считая, что их эмоциональные реакции могут быть зорным или неуместным. Пациенты СД II типа также боятся потерять контроль при переживании сильных эмоций, склонны разделять эмоции на «хорошие» и «плохие», не позволяя себе ярко проявлять «плохие» эмоциональные реакции. Снижение показателей по шкалам «Обесценивание эмоций» и «Прогнозируемая длительность эмоций» показывают, что пациенты с СД II типа в возникающих сложных жизненных ситуациях ориентируются за свои ценности, принимают собственный эмоциональный опыта и понимают, что эмоции не бесконечны и имеют определенный временной интервал, это не дает личности подкреплять чувство безнадежности. Значимые различия в группе респондентов выявлены по шкале «Эмоциональное оцепенение», более выражены у пациентов с декомпенсированным течением и у получающих инсулинотерапию, что указывает на подавление эмоций,

то есть им кажется, что эмоции не ярко выражены или совсем отсутствуют. Отмечена выраженная взаимосвязь ($p<0,05$) высокого уровня алекситимии и содержания кортизола и катехоламинов в крови, что имеет патогенетическое значение в развитии СД II типа.

По методике «Когнитивная регуляция эмоций» пациенты с декомпенсированным течением заболевания чаще используют деструктивные когнитивные стратегии преодоления стресса: самообвинение, руминацию, катастрофизацию и обвинение других в том, что случилось с ними. Деструктивные когнитивные стратегии взаимосвязаны с депрессивной симптоматикой ($p<0,05$) и диабетическими осложнениями у пациентов СД II типа. Таким образом, изучение эмоциональных схем и выявление дисфункциональных стилей реагирования у пациентов СД II типа поможет более эффективно применять способы преодоления негативных эмоций, что будет способствовать снижению состояния внутреннего напряжения и улучшению качества их жизни.

1. Рассказова, Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций / Е.И. Рассказова, А.Б. Леонова, И.В. Плужников // Вестник психологии. — Серия 14. — Психология. — 2011. — №4. — С. 161–179.
2. Сирота, Н.А. Психодиагностика эмоциональных схем: результаты апробации русскоязычной краткой версии шкалы эмоциональных схем Р. Лихи / Н.А. Сирота Н.А., Д.В. Московченко, В.М. Ялтонский, Я.А. Кочетков, А.В. Ялтонская // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М.Бехтерева. — 2016 — №1.- С.76–83.

Репрезентация этических норм в сознании психологов-практиков — пилотное исследование

Психологическая этика, этика психотерапии, внутренняя этика, этические кодексы, факторный анализ

Ведущиеся в последние годы активные обсуждения о необходимости регламентации психологической помощи, о необходимости принятия закона о психотерапии или подобного, делают тему этики безусловно актуальной. В то же время, эмпирических исследований этики не так много (см., напр.: Гараян, Захарова, Сорокова, 2020). Сами по себе законы и кодексы при этом являются инструментом необходимым, но недостаточным для профилактики и решения этических проблем, ведь даже сами составители кодексов зачастую могут проявлять крайне неэтичное профессиональное поведение (см. Kryuchkov, 2021, Крючков, 2018). Важным вопросом является реальное восприятие и отношение практиков к этическим нормам.

Цель исследования: выявление того, как репрезентируются этические нормы в сознании психологов-практиков.

Выборка: 68 психологов-практиков, представляющих 19 различных подходов, нельзя сказать, что какой-либо подход являлся преобладающим. 48 специалистов из 68 являются частно-практикующими.

Испытуемым предлагалось оценить 19 этических постулатов, зафиксированных в качестве основных этических принципов в этических кодексах трех мета-модальных ассоциаций (не придерживающихся какого-либо единого подхода) — Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги (ОППЛ), Российского психологического общества (РПО) и Российской психотерапевтической ассоциации (РПА) по 10 критериям посредством шкалы Ликерта от -3 до +3.

Критерии выделялись экспертами в области практики психотерапии и психотерапевтических исследований.

Критерии оценки были предложены следующие:

- Релевантность/нерелевантность
- Выполнимость/ невыполнимость
- Согласие/несогласие
- Соответствие моим ценностям/несоответствие моим ценностям
- Разумность/неразумность
- Однозначность (четкость)/Неоднозначность (нечеткость)
- Универсальность (общечеловеческая применимость)/узкоспециальность
- Справедливость/несправедливость
- Нужность/ненужность
- Помогают работе/препятствуют работе

Для оценки критерии были сформулированы в виде утверждений («Данное правило релевантно для моей практики/нерелевантно»).

Для возможности обработки данных посредством факторного анализа трехмерная структура (68 оценок по 10 критериям 19-ти объектов) была

трансформирована в двухмерную — оценки были реорганизованы в наблюдения (680 наблюдений для 19 объектов).

Первоначально факторный анализ дал пять слабонагруженных факторов. Методом наибольшего правдоподобия с вращением промакс и ограничением на выделение двух факторов было выделено два фактора, к первому из которых в крайней точке отнеслись принципы, связанные с благом клиента — «не навреди», «добросовестность», «уважение прав и достоинства людей». К другому фактору относятся преимущественно принципы, направленные на благо психотерапевтического сообщества — регулирующие рекламу, взаимодействие с коллегами.

Выводы. Этические нормы воспринимаются практиками как направленные на благо клиента или на благо сообщества. Можно предположить, что при решении реальных этических казусов практики руководствуются одним из двух полюсов — благом клиента или благом сообщества. Дальнейшие направления исследований: изучение репрезентации норм конкретных сообществ (модальностей), изучение мотивации практиков при решении этических вопросов.

1. Гараян Н.Г., Захарова Ю.В., Сорокова М.Г. Этические установки российских психологов-консультантов: область разногласий и потенциальных конфликтов // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 1. С. 87–112. doi:10.17759/cpp.2020280106
2. Крючков К.С. Как же сделать практическую психологию этичной? Или об этике внешней и этике внутренней // Психология и Психотехника. — 2018. — № 3. — С. 49–57. DOI: 10.7256/2454-0722.2018.3.26603 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26603
3. Kryuchkov K. The Hoffman report: The lesson we learned (?) // Psychotherapy and Politics International. — С. e1576. 2021.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект 20-313-90031.

Новые возможности изучения эмоциональной сферы в психосоматической медицине: адаптация Краткой формы Пертской шкалы эмоциональной реактивности

Краткая форма Пертской шкалы эмоциональной реактивности, психометрические свойства, валидация, эмоциональная реактивность, темперамент

Введение. При изучении роли биологической predisposition в возникновении психосоматической патологии исследователи чаще всего обращаются к факторным теориям личности и темперамента. Однако как типы темперамента, так и, например, суперфакторы в модели личности «Большая пятерка» или теории Г.Ю. Айзенка являются чрезмерно обобщенными для изучения высокоспецифичных этиопатогенетических механизмов развития психосоматических расстройств [1].

Постановка проблемы. Учитывая ведущую роль эмоциональных факторов в развитии психосоматической патологии [2; 3], видится перспективным углубленное исследование связанных с аффективной сферой биологических детерминант. Изучение эмоциональной реактивности (ЭР) как темпераментальной черты, определяемой в виде уровня активации, интенсивности и длительности отдельно для положительных и отрицательных эмоций, позволяет глубоко исследовать эмоциональную сферу личности. В 2019 году для изучения вышеописанных свойств ЭР австралийские исследователи D. Preese с соавт. разработали 18-пунктовую Краткую форму Пертской шкалы эмоциональной реактивности (Perth Emotional Reactivity Scale–Short Form, PERS–S). С целью создания психодиагностических возможностей для углубленного изучения эмоциональной сферы в психосоматической медицине была проведена валидизация PERS–S на русскоязычной выборке [1].

Методы. 268 практически здоровых респондентов (237 женщин и 31 мужчина) в возрасте 18–55 (Me = 20, Q1 = 19, Q3 = 22) лет заполняли следующие опросники: 1. Краткую форму Пертской шкалы эмоциональной реактивности; 2. Шкалу эмоциональной реактивности из опросника «Темперамент — формальные характеристики поведения» (Formal Characteristics of Behaviour–Temperament Inventory, FCB–TI); 3. Шкалу позитивного и негативного аффекта; 4. Шкалу воспринимаемого стресса.

Результаты. С помощью конфирматорного факторного анализа была подтверждена оригинальная структура опросника PERS–S (6-факторная модель с двумя и без двух факторов высшего порядка). Надежность (альфа Кронбаха, α) шкал опросника была высокой ($\alpha > 0,70$), кроме подшкалы интенсивность позитивных эмоций ($\alpha = 0,58$). Подтверждена конвергентная и дивергентная валидность PERS–S. Отмечены положительные взаимосвязи реактивности негативных эмоций со Шкалой эмоциональной реактивности из опросника FCB–TI, с негативным эффектом и стрессом. Общая реактивность позитивных эмоций была прямо взаимосвязана с позитивным аффектом и отрицательно с негативным аффектом, но не связана с

уровнем стресса. Женщины характеризовались большей реактивностью негативных эмоций ($p < 0,001$).

Обсуждение. Полученные в процессе валидации PERS–S результаты согласуются с данными авторов-разработчиков шкалы, что свидетельствует о соответствии русскоязычной версии опросника оригинальной версии. На основе проведенного исследования можно отметить, что высокая реактивность негативных эмоций может быть фактором риска расстройств психосоматического спектра (вероятно посредством развития хронического стресса), в то время как высокая реактивность позитивных эмоций — протекторным фактором [1].

Выводы. Русскоязычная версия PERS–S является валидным и надежным психодиагностическим инструментом для изучения активации, интенсивности и длительности позитивных и негативных эмоций.

Примечание. Бланк русскоязычной версии опросника PERS–S и его психометрические свойства опубликованы в [1].

1. Ларионов П.М., Агеенкова Е.К., Белашина Т.В. Психометрические свойства русскоязычной версии краткой формы Пертской шкалы эмоциональной реактивности // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2021. Том 13, № 2. С. 26–33. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2021-2-26-33>
2. Великанова Л.П., Шевченко Ю.С. Психосоматические расстройства: современное состояние проблемы (Часть 1) // Социальная и клиническая психиатрия. 2005. Том 15, № 4. С. 79–91.
3. Щелкова О.Ю. Основные направления научных исследований в Санкт-Петербургской школе медицинской (клинической) психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2012. № 1. С. 53–90.

Ларионов П.М.
Будгощ, Университет Казимира Великого

Агеенкова Е.К.
Минск, Минский инновационный университет

Деденок М.И.
Минск, Минский инновационный университет

Возрастные особенности эмоциональной сферы лиц с психосоматическими расстройствами

Психосоматические расстройства, эмоциональная сфера, возрастные особенности, тревога, депрессия, невротические симптомы, факторы риска, психопрофилактика

Введение. Особенности проявления эмоциональной сферы чаще всего рассматриваются среди основных факторов возникновения психосоматических расстройств (ПСР) [1]. Так, на заре формирования психосоматической медицины в качестве предикторов, например, артериальной гипертензии, были изучены явления застойных эмоциональных состояний. Их появление связано с пролонгированием негативных эмоций, вызванных конфликтными ситуациями, когда застойные эмоциональные состояния сохраняются даже после устранения самих этих ситуаций [2]. В настоящее время среди психологических факторов формирования ПСР чаще всего рассматриваются некоторые личностные черты, приводящие к нарушениям регуляции эмоций и способствующие формированию длительного негативного аффекта [3; 4].

Постановка проблемы. Предполагается, что специфические формы эмоционального реагирования на трудные и стрессовые жизненные ситуации формируются как определенный навык у людей молодого возраста, что может быть связано с наличием у них тех или иных симптомов ПСР без существенных нарушений работы органов. Подобные предположения высказывались также Е.В. Великановой и Ю.С. Шевченко, которые отметили необходимость раннего выявления ПСР на донологическом этапе их развития [1, с. 114].

Гипотеза исследования. ПСР, выявляемые у взрослых пациентов, могут быть следствием наличия определенных особенностей эмоциональной сферы, сформированных еще в молодом возрасте.

Методы. 200 человек белорусской популяции (80% женщин) в возрасте 18–55 лет ($M=26,89$; $SD=7,82$) заполняли следующие опросники: 1) Краткую форму Пертской шкалы эмоциональной реактивности; 2) Шкалу воспринимаемого стресса; 3) Шкалу руминации из Опросника когнитивной регуляции эмоций; 4) Опросник регуляции эмоций; 5) Опросник здоровья пациента-4; 6) выбранные 11 невротических симптомов из Симптоматического опросника Е. Александровича. По результатам самоотчета учитывалось наличие ПСР (гастрит, язва желудка, бронхиальная астма, сахарный диабет, артериальная гипертензия и др.). Данные лиц с психическими расстройствами были исключены из анализа. С целью изучения особенностей психологического функционирования лиц в зависимости от

наличия/отсутствия ПСР и молодого/среднего возраста (≤ 25 и более 25 лет соответственно) выборка была разделена на 4 группы.

Результаты. Обнаружено, что молодые лица вне зависимости от наличия ПСР имели больше депрессивных и тревожных симптомов, чем лица среднего возраста. Молодые люди и среди них особенно лица с ПСР характеризовались наиболее выраженным уровнем стресса и невротических симптомов по сравнению с лицами среднего возраста без ПСР. Таким образом, молодые люди и особенно молодые лица с ПСР характеризуются наиболее неблагоприятным психосоматическим статусом, чем соответствующие группы лиц среднего возраста.

Обсуждение. Несмотря на устоявшиеся взгляды, что любые формы ПСР проявляются и закрепляются в зрелом возрасте, наши исследования показали, что именно в молодом возрасте отмечается выраженная психоэмоциональная напряженность и высокореактивное эмоциональное реагирование в стрессовой ситуации, а также появление симптомов ПСР. Предполагается, что в молодом возрасте, несмотря на более высокие адаптивные возможности организма, формируется повышенная реактивность органа-мишени к воздействию на него стрессового агента.

Выводы. Именно в молодом возрасте при наличии склонности к нарушениям регуляции эмоций следует предпринимать превентивные меры для их коррекции с целью профилактики ПСР.

1. Великанова Л.П., Шевченко Ю.С. Первичная профилактика психосоматических расстройств. Часть III // Социальная и клиническая психиатрия. 2006. Том 16, № 3. С. 114–121.
2. Агеенкова Е.К. Произвольное пролонгирование психоэмоционального стресса как фактор риска сердечно-сосудистых заболеваний // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2016. № 4(15). С. 98–103.
3. Ларионов П.М. Алекситимия и агрессия как предикторы психоэмоциональных нарушений // Вестник психотерапии. 2020. № 74(79). С. 76–96.
4. Ларионов П.М. Роль враждебности и дисфункциональной когнитивной регуляции эмоций в развитии психоэмоциональных нарушений // Психологические исследования. 2020. Том 13, № 72. С. 4.

Супервизия онлайн: привычное и особенное

Супервизия, онлайн-формат, принцип безопасности

Супервизия (буквально «взгляд сверху») психолога-практика является неотъемлемой частью его профессиональной работы. Так как проведение сессий психотерапии и консультирования в основном проходит за закрытыми дверями, необходимость супервизии своего профессионального опыта является постоянной составляющей практики серьезного профессионала. Это дает возможность увидеть более объективную картину своей работы.

В связи с пандемией большой сегмента профессиональной психологической практики вынужденно перешел в онлайн режим. Это же обстоятельство затронуло и супервизию. Сессии супервизии все чаще стали реализовываться в онлайн режиме. Предметом супервизии являются технические сложности и возможности развития профессионального взаимодействия с клиентом. Что принципиально изменилось от перевода супервизии в онлайн режим?

В Центре «12 коллегий» постоянно действует супервизорская группа. Сессии 2020–21 года вынужденно проходили исключительно в онлайн режиме. Можно подвести итоги этого опыта и ответить на следующие вопросы:

1. Обеспечивает ли такой формат работы реализацию основных функций супервизии? Функциями супервизии в психологической практике (по П.Ховкинсу и Р. Шохету) являются следующие.

А. Образовательная — развитие умений и навыков понимания процесса. На реализацию этой функции онлайн режим не повлиял. Есть место каждому участнику дать рекомендации и поделиться опытом разрешения аналогичных сложностей в своей практике. Так же как в реальной группе не только опытные профессионалы оказываются полезными для тех, кто только начинает свой путь в профессию. Есть и обратное движение: молодые коллеги порой более осведомлены о новых тенденциях в области психологической практики и, тем более, молодые более естественно чувствуют себя в режиме онлайн.

Б. Поддерживающая — противостояние сомнению в себе в связи с негативом со стороны клиентов и отсутствием ожидаемых эффектов. Эта функция реализуется вполне, если традиционно сложились отношения доверия между участниками.

В. Направляющая — осознанный поиск разрешения сложностей. Эта функция супервизии реализуется за счет опыта проведения подобных сессий ранее и регламентирующих действий ведущих группу.

2. Позволяет ли онлайн формат поддерживать необходимый уровень психологической безопасности?

Необходимым условием эффективности проведения анализа профессионального опыта является психологическая безопасность (Кулаков С.А., Оттен Х.). Психологическая безопасность основана на осознании собственной ценности как профессионала, собственного статуса. Психологическую безопасность обеспечивает:

- Соблюдение принципа конфиденциальности. Доверие ведущему.
- Четкая структура сессии, состоящая из семи шагов: заявление о желании представить случай; выбор кейса; рассказ случая; формулировка вопроса участникам, касающегося технической стороны процесса; вопросы участников, для прояснения ситуации; формулировка ответов на вопрос рассказчика; обратная связь.
- Определенный временной формат, 2 встречи (обычно пятница и суббота) по 4 часа. Регулярность.
- Признание ценности, личной и профессиональной, заявителя и важности его истории.
- Соблюдение правил группы, устойчивость ее состава. Стиль поведения участников группы сложился и определен: допустимость/недопустимость поведенческих реакций, высказываний.

3. Удастся ли поддерживать глубину анализа сравнимую с оффлайн форматом?

По отзывам участников группы супервизии глубина и содержательность анализа кейсов не изменились. Участники быстро адаптировались к технической стороне онлайн сессий. Покинули группу по причине изменения формата всего 2 человека. Однако для поддержания уровня содержательности были приняты условия ограничения числа участников (не более 12). Содержание запросов тоже фактически осталось прежним. Самой большой ущерб при онлайн проведении сессий претерпел уровень личностности контакта участников между собой и ведущим. Разумеется, теряется большая часть невербальной информации. Однако отчасти этот ущерб компенсируется тем, что мы получаем доступ к личному пространству участников.

Кроме того, существенно, что теперь доступ к работе получает все больше людей из разных городов. Географические ограничения фактически снимаются. В сессиях принимают участие профессионалы из трех-пяти городов.

Можно сказать, что проведение онлайн сессий становится повседневной практикой и выбор он- или офф-лайн формата становится вопросом личных предпочтений специалистов.

1. Булюбаш, И. Д. Основы супервизии в гештальт-терапии / И.Д. Булюбаш. — М.: Издательство Института психотерапии, 2003. — 224 с.
2. Залевский, Генрих Введение в психологическую супервизию / Генрих Залевский. — М.: Palmarium Academic Publishing, 2012. — 252 с.
3. Кулаков, С. А. Практикум по супервизии в консультировании и психотерапии / С.А. Кулаков. — М.: Речь, 2002. — 236 с.
4. Старшенбаум, Геннадий Владимирович Работа психолога над собой. Техники внутренней супервизии / Старшенбаум Геннадий Владимирович. — М.: Феникс, 2014. — 579 с.
5. Федоряка, Денис Супервизия в психотерапевтической практике. 2-е издание, дополненное / Денис Федоряка. — М.: Издательские решения, 2011.

Особенности эмоционально-волевой сферы и самооценки подростков с различным опытом включенности в ситуации кибербуллинга

Кибербуллинг, кибертравля, эмоционально-волевые особенности, жертва, агрессор, наблюдатель

Включенность в ситуации кибербуллинга (КБ) рассматривается как фактор ухудшения психологического самочувствия и затруднений социальной адаптации у подростков, подвергающихся, иницирующих и наблюдающих травлю онлайн. Предметом исследований в ряде работ стали проявления тревоги, агрессивности, способности к эмпатии, особенности социальной поддержки и ощущения самоэффективности, самооценки участников кибербуллинга (Patchin et al., 2010; Sourander et al., 2011; Волкова с соавт., 2017; Бенгина с соавт., 2018; Antoniadou et al., 2019; Колодезникова с соавт., 2020). Многие вопросы, касающиеся особенностей личности подростков, включенных в ситуации КБ, не изучены или не имеют однозначного ответа.

Цель данного исследования — изучение особенностей эмоционально-волевой сферы и самооценки подростков с различным опытом в ситуациях КБ. Участвовали 105 подростков 13–15 лет. Была разработана анкета для выявления опыта включенности в КБ. Изучалась частота вовлеченности в ситуации КБ в различных ролях, выявлялись виды и каналы КБ. На основе анкеты вся выборка была поделена на 4 группы: 1) «агрессор» — 40 человек; 2) «жертва» — 39; 3) «наблюдатель» — 15; 4) «без опыта КБ» — 11. Проводился сравнительный анализ эмоционально-волевых характеристик личности и самооценки, выявленных с помощью подросткового варианта опросника Кеттелла, опросника Басса-Дарки и методики Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан, в четырех группах. Использовался У-критерий Манна-Уитни с поправкой Холма-Бонферрони.

Результаты. Более 50% респондентов подвергались КБ, более 80% были свидетелями и около 12% инициировали КБ. Наиболее распространенными видами КБ были обидные сообщения, распространения сплетен, имперсонация, угрозы, а наиболее популярными каналами для этих действий — социальная сеть Вконтакте и чаты многопользовательских онлайн-игр. Девушки чаще описывали свой опыт в роли «жертвы», а юноши — в роли «агрессора».

«Агрессоры» в сравнении с не включенными в КБ менее эмоционально устойчивы (фактор С опросника Кеттелла) ($p=0,002$), имеют более слабый волевой контроль и более слабую ориентацию на социальные требования (фактор Q3) ($p=0,001$), менее уверены в себе (фактор O) ($p=0,002$). При этом «жертвы» и «наблюдатели» не отличаются по данным характеристикам от подростков, не включенных в ситуации КБ. От «жертв» совершающие КБ также отличаются более

слабым самоконтролем (фактор Q3) ($p=0,01$). Как от «жертв», так «наблюдателей» и не включенных в КБ, «агрессоры» отличаются склонностью к внутреннему напряжению, более низким порогом фрустрации (фактор Q4) ($p=0,001$, $p=0,002$, $p=0,005$). «Агрессоры» и «жертвы» характеризуются большей раздражительностью в общении в сравнении с не включенными в КБ (шкала «Раздражение» опросника Басса-Дарки) ($p=0,001$, $p=0,001$). В сравнении с «жертвами» и не вовлеченными в ситуации КБ, «агрессоры» характеризуются более низкой оценкой своего характера ($p=0,007$, $p=0,002$), а «наблюдатели» ниже, чем подростки, не сталкивающиеся с кибертравлей, оценивают свою уверенность в себе ($p=0,005$). Самооценка «жертв» не отличается от самооценки респондентов, не включенных в ситуации КБ, ни по одному из качеств.

Таким образом, подростки с различным опытом включенности в ситуации КБ, имеют отличительные особенности эмоционально-волевой сферы и самооценки. Такие признаки могут быть признаны внутренними факторами риска столкновения с ситуациями кибертравли, а также факторами, определяющими ролевое поведение.

1. Бенгина Е.А., Гришаева С.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка // Вестник университета. 2018. № 2. С. 153–157.
2. Волкова Е.Н., Волкова И.В. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга // Вестник Мининского университета. 2017. № 3 (20).
3. Колодезникова М.В., Николаев Е.В. Кибербуллинг и его психологические Последствия // The Scientific Heritage. 2020. №56–5. С. 52–54.
4. Antoniadou N., Kokkinos C.M., Fanti K.A. Traditional and cyber bullying/victimization among adolescents: examining their psychosocial profile through latent profile analysis. *International journal of bullying prevention*. 2019, Vol. 1, No. 2, pp. 85–98.
5. Patchin J. W., Hinduja S. Cyberbullying and self-esteem. *Journal of school health*. 2010. Т. 80, No. 12, pp. 614–621.
6. Sourander A, Brunstein Klomek A, Ikonen M, et al. Psychosocial Risk Factors Associated With Cyberbullying Among Adolescents: A Population-Based Study. *Arch Gen Psychiatry*, 2011, 67(7), pp. 720–728.

Психологическая адаптация матерей во время госпитализации новорожденных с поражением центральной нервной системы

Психологическая адаптация, матери, новорожденные, поражение центральной нервной системы

Качество адаптации родителей к болезни и госпитализации новорожденного имеет долгосрочные последствия, являясь предиктором формирования гармоничного отношения к ребенку и сохранения психического здоровья взрослого (Muller-Nix et al., 2004; Feldman et al., 2007; Zelkowitz et al., 2007; Latva et al., 2008; Forcada-Guex et al., 2011; Flacking et al., 2012; Stefana et al., 2016). Это определяет важность оказания психологической помощи, которая должна строиться дифференцированно с учетом особенностей адаптации. Актуальны исследования внутригрупповых различий в адаптации родителей при конкретной патологии новорожденного. При этом важен акцент не на объективных критериях ситуации, которые в случае относительной однородности группы детей будут сходными, а на субъективном опыте: восприятии и отношении к событию.

В исследовании принимали участие 65 матерей новорожденных, госпитализированных по причине гипоксического поражения ЦНС. Одним из исследователей проводилось оригинальное полуструктурированное интервью, направленное на оценку: А) когнитивно-эмоционального компонента адаптации (предлагалось дать оценку состояния больного; описать ситуации, которые вызывали негативные и положительные переживания во время госпитализации); Б) поведенческого компонента адаптации (предлагалось описать свое поведение во время бодрствования новорожденного, контакт со специалистами клиники и удовлетворенность их работой, стратегии получения информации о диагнозе, развитии и воспитании ребенка, стратегии получения и источники эмоциональной поддержки от окружения и ее эффективность).

Вторым автором проводился анализ стенограмм интервью. Когнитивно-эмоциональный компонент оценивался по соотношению упоминаемых источников негативных и позитивных переживаний. Формулировался вывод о преобладании негативной или позитивной/амбивалентной оценки ситуации. Поведенческий компонент оценивался по соотношению упоминаемых активных и пассивных стратегий поведения в общении с ребенком, специалистами и близкими, в поиске информационной и эмоциональной поддержки. Формулировался вывод о преобладании активных или пассивных стратегий, при этом не учитывалось упоминание необходимых действий по жизнеобеспечению, мониторингу, уходу и кормлению ребенка. В качестве активных рассматривались стратегии как конфликтного, так и неконфликтного поведения.

По сочетанию характеристик двух компонентов были выделены четыре группы матерей: 1) позитивно-активный тип (18% от всей выборки), 2) позитивно-пассивный тип (30%), 3) негативно-пассивный тип — (27%), 4) негативно-активный тип — (12%). По стенограммам интервью 13% матерей не удалось сделать однозначный

вывод о преобладании какой-либо оценки ситуации и стратегий поведения в виду формальности, скудности или защитного характера ответов. Таким образом, около 69 % матерей (респонденты 2, 3 и 4-ой групп) обнаружили признаки неблагополучия в адаптации к ситуации госпитализации новорожденного, и нуждаются в психологической помощи.

Стенограммы респондентов 2, 3 и 4-ой групп анализировались также на предмет иррациональных убеждений. У женщин позитивно-пассивного типа выявлены установки в виде избегания решения проблемы, «обесценивания Я» с признанием неспособности контролировать ситуацию, упования на высшие силы, «избирательного абстрагирования», проявляющегося в минимизации тяжести состояния ребенка и благоприятного сравнения с другими. У матерей двух негативных типов проявляются установки «катастрофизации» настоящего и будущего, «негативного фильтра» и «глобального оценивания» в виде фиксации на источниках и неизбежности негативных переживаний. При этом у респондентов негативно-пассивного типа обнаруживается мыслительный паттерн «обесценивание Я», у респондентов негативно-активного типа — «долженствование» в виде жестких, нереалистично завышенных требований к окружающим и себе.

1. Feldman R. Parent-infant synchrony and the construction of shared timing: physiological precursors, developmental outcomes, and risk conditions. *J Child Psychol Psychiatry*, 2007, vol. 48 (3–4), pp. 329–354.
2. Flacking R., Lehtonen L., Thomson G. et al. Closeness and separation in neonatal intensive care. *Acta Paediatrica*, 2012, vol. 101 (10), pp. 1032–1037.
3. Forcada-Guex M., Borghini A., Pierrehumbert B., Ansermet F., Muller-Nix C. Prematurity, maternal posttraumatic stress and consequences on the mother-infant relationship. *Early Human Development*, 2011, vol. 87 (1), pp. 21–26.
4. Latva R., Korja R., Salmelin R., et al. How is maternal recollection of the birth experience related to the behavioral and emotional outcome of preterm infants? *Early Human Development*, 2008, vol. 84, pp. 587–594.
5. Muller-Nix C., Forcada-Guex M., Pierrehumbert B., Jaunin L., Borghini A., Ansermet F. Prematurity, maternal stress and mother-child interactions. *Early Human Development*, 2004, vol. 79 (2), pp. 145–158.
6. Stefana A., Lavelli M. Parental engagement and early interactions with preterm infants during the stay in the neonatal intensive care unit: protocol of a mixed-method and longitudinal study. *BMJ OPEN*, vol. 7 (2), e013824.
7. Zelkowitz P., Bardin C., Papageorgiou A. Anxiety affects the relationship between parents and their very low birth weight infants. *Infant Mental Health Journal*, 2007, vol. 28 (3), pp. 296–313.

Исследование поддержано грантом РФФИ (проект № 19-013-00450 А)

Медведева Т.И.
Москва, ФГБНУ НЦПЗ

Ениколопов С.Н.
Москва, ФГБНУ НЦПЗ

Бойко О.М.
Москва, ФГБНУ НЦПЗ

Станкевич М.А.
Москва, ФИЦ "Информатика и управление" РАН

Лексический анализ высказываний о COVID-19 людей с высоким уровнем эзотерического мышления

COVID-19, лексический анализ, эзотерическое мышление, СТИ

Пандемия SARS-CoV-2 негативно влияет на психическое состояние людей [1]. Психологическое неблагополучие проявляется в интерпретациях происходящего, что может иметь диагностическое и прогностическое значение. Цель исследования — анализ высказываний о COVID-19 людей с высоким уровнем эзотерического мышления.

Материалы и методы. Интернет опрос 23.03.20–29.01.21: Опросник Конструктивного Мышления (СТИ) [2] (шкала «Эзотерическое мышление»); Опросник SCL-90R; мнение о происходящем в свободной форме. Ответы обработаны качественным смысловым анализом и методами компьютерного частотного лексического анализа (PLATIn) и Linguistic Inquiry and Word Count (LIWC). Отдельно предлагалось оценить степень согласия с высказываниями: «Власти моей страны скрывают истинные масштабы эпидемии коронавируса в стране», «Коронавирус является изобретением человека, результатом разработок в области биологического оружия», «Коронавирус — это наказание или знак, посланные людям свыше?», «Появление коронавируса — это реакция Земли на ее загрязнение и эксплуатацию человеком».

Результаты и обсуждение. Получен 621 ответ. Выявлен значимый рост «эзотерического мышления» в ходе пандемии (критерий Джонкхиера–Терпстра=2,245, $p=,025$). Эзотерическое мышление значимо чаще у женщин, людей более старшего возраста, менее образованных, менее экономически благополучных.

Свободные высказывания (310 текстов) о пандемии были разделены на группы — «с высоким эзотерическим мышлением» (144 чел.) и «с низким эзотерическим мышлением» (166 чел.), в каждой из которых оценена частотность встречаемости лексики.

При высоком уровне эзотерического мышления значимо чаще встречаются эмоциональные высказывания «страха, тревоги, паники» (на основе качественного анализа смысла высказываний) (27,8% при высоком уровне эзотерического мышления, по сравнению с 16,9%). Их эмоциональное состояние подтверждается корреляцией уровня эзотерического мышления с уровнем депрессии ($,085^*$), тревоги ($,097^*$), «общего индекса тяжести состояния» в SCL-90 ($,130^{**}$), они отмечают у себя

более выраженные страхи за свою жизнь (23,4% против 14,5% в группе с низким уровнем эзотерического мышления). Компьютерный лексический анализ показывает частое использование лексики из тематических групп «Грусть», «Помеха». Вероятно, они испытывают потребность в выражении своего состояния, и поэтому пишут более сложные тексты (глубина синтаксического дерева 25 против 14 в группе с низким эзотерическим мышлением), но это тексты с элементами резонерства.

При усилении эзотерического мышления растет вера в теории заговора (корреляция Спирмена ,370** с верой в то, что пандемия — результат применения биологического оружия), интерпретации происхождения пандемии как результата наказания за грехи (,355**) и пр., вера в сокрытие информации о пандемии (,167**). Это усиливает и так высокую эмоциональную нестабильность и мешает принимать конструктивные решения.

Рост эзотерического мышления во время пандемии объясняет возросшее стремление к поиску смысла происходящего с привлечением экзистенциальных объяснений или религии, что мы видим при анализе текстов (частота обращения к теме — 0,5% против 0,3%). Так как официальные религии не могут предложить своим последователям средства, гарантирующие защиту от заражения, это угрожает снижением критичности по отношению к сектам. Поэтому важно предоставление реалистичной научно подтвержденной информации о предотвращении заражения, вакцинации со стороны представителей власти, средств массовой информации, специалистов в области здравоохранения.

1. Бойко О.М. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы / О.М. Бойко, Т.И. Медведева, С.Н. Ениколопов, О.Ю. Воронцова, О.Ю. Казьмина // Психологические исследования. — 2020. — №13(70) — 1 — URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n70/1731-boyko70.html> (дата обращения 24.05.2021).
2. Epstein S. CTI: Constructive Thinking Inventory: professional manual. / S. Epstein; Lutz. — FL: Psychological Assessment Resources, 2001.

Особенности социофобий у лиц с разным уровнем депрессии

Социофобии, социальные страхи, депрессия, тревожность.

Актуальность исследования особенностей социофобий у лиц с разным уровнем депрессии связана с тем, что в настоящее время в мире неуклонно растет количество людей, страдающих от социальной фобии. Социальные фобии существенно осложняют жизнь, в тяжелых случаях приводит к появлению коморбидных расстройств, в частности, к депрессиям и зависимому поведению [2]. Именно поэтому необходимо углубленное изучение проявлений данного феномена в связи с другими психическими расстройствами.

Причинами возникновения социальных фобий ученые называют генетическую предрасположенность (в раннем возрасте выражается в торможении поведения и страхе перед незнакомцами), низкую самооценку и стиль поведения, который используют родители. Излишне контролирующий стиль с отсутствием поддержки и эмоциональной теплоты и гиперопекающий стиль воспитания, могут способствовать формированию социальных фобий, так как препятствуют получению полноценного и разнообразного опыта социального взаимодействия [2].

Официально термин «социальная фобия» был предложен в 1903 году французским психологом, психиатром и неврологом Пьером Жане [4]. В конце 1960 годов социофобии как отдельное расстройство были включены в третье издание DSM (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders). В DSM-IV под термином «социальные фобии» понимают выраженный и стойкий страх одной или более социальных ситуаций, в которых человек подвергается столкновению с незнакомыми людьми или возможной оценкой окружающими людьми. В сочетании с депрессией социальная фобия осложняет диагностику, а это зачастую приводит к тому, что человек обращается за помощью только в тех случаях, когда выраженность депрессии и социальной фобии становится крайне большой и индивид фактически выпадает из общества. Более того, часты случаи, когда такие люди и вовсе остаются без помощи или же за них к специалисту обращаются родственники. Ситуация такого типа опасна тем, что в таких случаях мотивация может совершенно отсутствовать, кроме того наличие гиперопекающих близких, часто, созависимых и неосознанно поощряющих неадаптивные способы поведения приводит к ухудшению состояния человека.

На основании теоретического анализа рассматриваемой проблемы нами, с целью изучения особенностей социофобий у лиц с разным уровнем депрессии, разработана и реализуется программа эмпирического исследования.

Объект исследования — социальная фобия, предметом является особенности социофобии у лиц с разным уровнем депрессии.

В качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что социальные фобии имеют различия, у лиц с разным уровнем депрессии, а именно:

- у лиц с отсутствием выраженного депрессивного расстройства явные проявления социальных фобий будут отсутствовать, либо будут незначительно выражены;
- у лиц с умеренной депрессией, симптомы социофобий будут проявляться более остро и в большем количестве ситуаций социального взаимодействия;
- у лиц с тяжелой депрессией, проявления социофобий будет оказывать существенное влияние на поведение и состояние в целом, включая соматические проявления.

В качестве обоснования выдвинутой гипотезы можно привести исследование А. Бека и группы ученых, в котором изучалась частота сопутствующих личностных расстройств при различных видах депрессии. Было выявлено, что около 50% лиц, страдающих депрессивным расстройством, имеют одно или несколько коморбидных расстройств, причем большая часть их относилась к группе тревожно-фобических расстройств. Для лиц, страдающих большим депрессивным расстройством, был выявлен более высокий процент (69%) [1].

Методические средства исследования: 1) Шкала депрессии А. Бека (взрослый вариант) [1]. 2) Опросник социальной тревоги и социофобии (Сагалакова О.А., Труевцев Д.В.) [3].

Базой эмпирического исследования выступит Воронежский государственный университет. Объем выборки составит 100 студентов 3 и 4 курсов, 50 из которых обучаются по специальностям Психология и Психолого-педагогическое образование, а другие 50 являются обучающимися технических специальностей.

Материалы и выводы нашего исследования могут быть использованы в просветительской работе психологов, а апробированные в нем методики — в диагностической деятельности практических психологов различных направлений.

1. Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессий. — Санкт-Петербург: Питер, 2003. — 298 с.
2. Воронова, Е. И. Реактивные (психогенные) депрессии / Воронова Е. И., Дубницкая Э. Б. // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2015. — № 2. — С. 75- 85.
3. Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Опросник социальной тревоги и социофобии [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. — 2012. — N 4 (15). — URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 29.03.2021).
4. Leora R. Heckleman, Franklin S. Schneierer; Social Phobia Diagnosis, Assessment, Treatment. 1995.

Роль представлений о болезни в интерпретации пациентом своего телесного опыта

Восприятие болезни, представления о болезни, телесный опыт, психология больного, симптом, интерпретации, ВКБ

Концепции внутренней картины болезни постулируют тезис о связи ее основных уровней — чувственного и интеллектуального. Эта связь иллюстрируется авторами концепций на примерах плацебо-эффекта, ипохондрического расстройства, отсутствия рефлекслируемой чувственной ткани на ранних стадия онкологического процесса и т.д. (Тхостов, 2020).

Цель статьи — обобщить ряд эмпирических исследований, проведенных под нашим руководством и направленных на изучение особенностей интерпретации телесного опыта больного в зависимости от его восприятия своего заболевания и представлений о нем.

В качестве исследовательских моделей были выбраны соматические заболевания со схожей симптоматикой на ранних стадиях развития, когда их дифференциальная диагностика не ясна даже врачу и требует дополнительного инструментальной диагностики. Такими моделями стали: доброкачественные и злокачественные новообразования молочных желез на ранних стадиях (дипломная работа Е.Е. Тунцовой, дипломная работа В.А.Петровой), язвенная болезнь желудка и рак желудка 1–2 стадии (дипломная работа А.И. Кураченковой).

Методы: в исследовании приняло участие 70 пациенток, страдающие раком молочных желез 1–2 стадии, которые сравнивались с данными 50 пациенток с доброкачественными новообразованиями молочных желез (фиброзно-кистозная мастопатия), а также 22 пациента с диагнозом рак желудка 1–2 стадии, которые сравнивались с данными 20 больных язвенной болезнью желудка. Все пациенты находились под медицинским наблюдением, недавно прошли дифференциальную диагностику и знали о диагнозе. Представления о болезни изучались при помощи клинической беседы, основанной на нарративном интервью А. Kleinman. Особенности интерпретации телесного опыта — при помощи теста «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» (Тхостов, Елшанский, 2003, модификация Тхостов, Нелюбина, 2013). При исследовании телесного опыта анализировался объем и состав словарей, описывающих телесный опыт болезни: словарь «знакомых телесных ощущений», «важных», «опасных» и «часто испытываемых ощущений». Данные обрабатывались частотным анализом и непараметрическим критерием Манна-Уитни для определения статистических различий между группами.

Результаты и их обсуждение. Объем всех словарей интрацептивных ощущений статистически не различается в группах пациентов, но различается их состав. Так, пациентки, страдающие раком молочной железы, воспринимают болезнь как угрожающую их жизни: в структуру ощущений, связанных с болезнью, они включают не только телесные ощущения (диффузные и конкретные), но и множество

дескрипторов, описывающих психическое состояние и чувства. Отметим, что депрессия категоризируется пациентками как один из основных симптомов заболевания. Те же тенденции мы обнаружили у пациентов, страдающих раком желудка. Приписывание заболеванию в качестве симптомов не только телесных ощущений, но и эмоциональных переживаний, может приводить к неверным ожиданиям от терапии. Для пациенток с доброкачественными изменениями молочных желёз болезнь имеет смысл телесного недуга: словарь интрацептивных ощущений, связанных с болезнью, состоит преимущественно из конкретных телесных ощущений, связанных с грудью. Отметим, что эти пациентки интерпретировали ощущение боли в позитивном ключе, поскольку знали от врачей, что онкологическое заболевание на ранних стадиях не даёт болевого синдрома — ощущение боли использовалось ими как подтверждение неопасного диагноза.

Выводы. Поскольку в начале формирования заболевания телесный опыт болезни у пациентов с изучаемыми онкологическими и неонкологическими заболеваниями был похож — локализация ощущений, характер жалоб, их интенсивность, мы предполагаем, что выявленные различия в восприятии болезни на чувственном уровне обусловлены не объективной картиной заболевания, а пациентскими интерпретациями телесного опыта, связанными с представлениями о болезни.

1. Тхостов А.Ш. Культурно-историческая психология М.: Канон-плюс, 2020.
2. Tkhostov A., Nelyubina A. Illness perceptions in patients with coronary heart disease and their doctors // *Procedia — social and behavioral sciences*. 2013. №86. P.574–577. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.08.616>
3. Когония Л.М., Нелюбина А.С., Маркарова Е.В., Тунцова Е.Е. Чувственное восприятие болезни пациентами в зависимости от степени ее осознания при раке молочной железы // *Медицинский совет*. 2019. № 19. С. 84–91. <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2019-19-84-91>

Феномен контрзависимости и отказа от близости у лиц с аддиктивным поведением

Контрзависимость, отказ от близости, аддиктивное поведение

Отказ от близости или контрзависимость — достаточно новая для психологии тема, хотя сходные исследования существовали и ранее. Так, концепция выученной беспомощности — одна из моделей формирования депрессии — показывает, как формируется поведение отказа от активных действий под влиянием негативного опыта. Исследования последних лет расширяют категорию отказа от активных действий и распространяют ее на сферу близких отношений. Этой категории придается особый статус, в частности, для объяснений феноменов неадаптивного поведения. Число контрзависимых отношений растет не только в связи с негативным индивидуальным опытом. Существует также целый ряд проблем, связанных с изменениями в обществе, которые еще предстоит осмыслить, однако уже сейчас очевидно связанных с изменчивостью, неустойчивостью, непредсказуемостью событий, утратой нравственных и этических императивов, свойственных философской парадигме постмодернизма. Феномен отказа от близких отношений наблюдается также при аддиктивном поведении.

Современное общество приобретает все больше контрзависимых черт. Люди становятся не способными строить близкие доверительные отношения, испытывая страх перед эмоциональной близостью. Таким образом контрзависимое поведение — это поведение отказа от привычных сторон жизни, уход в некую новую реальность, где человек свободен, независим и одинок. В качестве компенсаторных механизмов такого отказа выступает погружение либо в виртуальную реальность, либо в иллюзорно-компенсаторную деятельность. [1]

В работах последних лет описан феномен контрзависимости у лиц с аддиктивным поведением. [2] Возможно существует сложная причинно-следственная связь, одним из звеньев которой может оказаться феномен отказа от любого типа привязанности.

В своем поведении аддикт проявляет неприступность, независимость, самодостаточность. На сознательном уровне преобладает страх интимности, на подсознательном — страх быть покинутым. Для оправдания дистанцирования избираются разные способы — уход в работу, активная общественная деятельность, спорт, алкоголизация и пр.

При исследовании контрзависимости у аддиктивных пациентов был использован опросник контрзависимости Берри Уайнхолда (SELF — QUIZ «How Counter-Dependent Are You»), базирующийся на его теории контрзависимой личности, испытывающей трудности в сближении с людьми и в сохранении близости, и скрывающей эти трудности от других и себя самого за внешней успешностью. Тест направлен на диагностику выраженности контрзависимых черт. Автор выделяет четыре уровня контрзависимости: низкий — малое количество контрзависимых привычек, оказывает незначительное влияние или совсем не влияет

на уровень функционирования. Средний — несколько контрзависимых привычек, оказывает слабое влияние на уровень функционирования. Высокий — большое количество контрзависимых привычек, оказывает умеренное влияние на уровень функционирования. Очень высокий — очень большое количество контрзависимых привычек, оказывающих серьезное влияние на уровень функционирования. [3]

В исследовании, проведенном под нашим руководством, (П.О Сергеевой) приняли участие 78 человек в возрасте от 16 до 50 лет (40 — в группе с аддитивным поведением, 38 — в контрольной группе). Группа лиц с аддитивным поведением набиралась среди людей с официально подтвержденным диагнозом химической зависимости (алкогольной и наркотической). Обе группы соответствовали друг другу по полу, возрасту, образованию, социальному положению.

Эмпирическое исследование показало, что между группами существуют значимые различия по показателю контрзависимости. Более высокие показатели были у лиц с аддитивным поведением ($p \leq 0,05$). В целом в двух группах преобладали испытуемые со средним уровнем контрзависимости. Однако в группе аддиктов имелись лица с очень высоким уровнем контрзависимости. В контрольной группе они отсутствовали. В контрольной группе в два раза больше было тех, у кого количество контрзависимых привычек было на низком и среднем уровне, что не влияло на общий уровень функционирования.

Таким образом, лица с аддитивным поведением в большей мере, чем люди без аддикций, испытывали трудности в сближении с людьми и в сохранении близости. Они больше опасались интимных ситуаций, чувствовали себя неуверенно, когда не могли контролировать отношения. При этом они создавали компенсирующие, «отвлекающие» модели поведения, помогающие им скрывать это от других и от себя.

1. Братусь Б.С. Психологический анализ изменения личности при алкоголизме. М.: Издательство Московского университета. 1974. с.96
2. Москаленко В.Д. Зависимость: семейная болезнь. 8-е изд., стереотип. — М.: Институт консультирования и системных решений, 2015. — 368 с.
3. Уайнхолд Берри К., Уайнхолд Джерей Б. / Weinhold Barry K., Weinhold Janae/. Бегство от близости. Избавление ваших отношений от контрзависимости — другой стороны созависимости. М.: Издательство: Весь, 2011. — 528 с.

Связь нарушений критичности с выраженностью клинической симптоматики и нарушениями социального функционирования у больных параноидной шизофренией

Критичность, метакогнитивные функции, клиническая симптоматика, социальное функционирование

Способность к распознаванию психических нарушений учитывается клиницистами при лечении и диагностике параноидной шизофрении, однако возможности для ее концептуализации и операционализации ограничены в виду рефлексивной природы феномена, а способы его оценки несовершенны. Под критичностью нами понималась неспецифическая способность оценивать и вносить корректирующие изменения, рассматриваемая в рамках концепции метакогнитивных функций (Блейхер, 1995; Flavell, 1976).

Основным способом измерения критичности является клиническая (клинико-психологическая) оценка (Beck et al., 2004; Иржевская и соавт., 2008). Мы предположили, что способом оценки критичности, может являться соотнесение показателей когнитивного функционирования и клинико-психологической оценки (с учетом данных об отношении испытуемых к своим ошибкам) (Иванчей, 2014). Так может быть зафиксировано отчетливое несоответствие между картиной объективно наблюдаемых нарушений и оценкой испытуемым своей продуктивности. Используемая методология не ставит целью расчёт абсолютных значений показателя критичности, а призвана указать на связь относительной сохранности метакогнитивной способности к корректному распознаванию ошибочных суждений с вторичными нарушениями повседневного функционирования и выраженностью клинической симптоматики.

Было привлечено к участию 100 пациентов в возрасте от 18 до 49 лет (средний возраст — 33 года). Все пациенты находились на стационарном лечении в отделениях СПб ГБУЗ «Больница им. П.П. Кащенко». Исследование пациентов проводилось с помощью специально разработанной клинико-психологической процедуры оценки критичности и комплекса экспериментально-психологических методов, с помощью которых исследовались когнитивные функции. С помощью кластеризации (метод Уорда) и предшествовавшей ей процедуры факторного анализа пациенты были разделены на две группы по выявляемому клинико-психологически уровню критичности, обнаружив достоверные различия в когнитивном функционировании. Анализ межгрупповых различий производился с помощью критерия Манна-Уитни и поправки Беньямини-Хохберга.

Для определения степени выраженности психопатологических симптомов использовалась клиническая шкала PANSS. Для определения уровня социального

функционирования использовалась клиническая шкала PSP. Результаты верифицированы клинической оценкой врача-психиатра.

Результаты и их обсуждение. Пациенты группы с более высокой критичностью (ВК) характеризуются умеренными нарушениями социального функционирования, а для пациентов с более низкой критичностью (НК) свойственны выраженные симптомы ($p=0,009^{**}$) и чаще наблюдаются противоправные действия ($p=0,019^*$), серьезное ухудшение социального и профессионального функционирования ($p=0,019^*$), с полным отсутствием дружеских отношений ($p=0,022^*$), неспособностью к самообслуживанию ($p=0,018^*$) и проявлениями враждебности ($p=0,019^*$).

Для пациентов группы НК были характерны и клинические проявления враждебности в форме не прямых, скрытых проявлений гнева ($p=0,009^{**}$); снижения контроля импульсивности ($p=0,031^*$); тенденция к более выраженному ограничению социальных контактов и потере их качества ($p=0,005^{**}$); существенно чаще их поведение выражало отсутствие интереса к беседе, скуку, а ответы давались механически ($p=0,005^{**}$); они чаще проявляли социальную отгороженность и притупленный аффект ($p=0,031^*$); дезориентированность ($p=0,009^{**}$). Пациенты ВК были не склонны к проявлениям враждебности в отношении собеседника ($p=0,009^{**}$), были более инициативны и демонстрировали интерес к окружающим ($p=0,009^{**}$); чаще проявляли инициативу в беседе ($p=0,009^{**}$).

Выводы. Обнаруженные различия в выраженности клинической симптоматики и нарушений социального функционирования разнообразны, что позволяет подчеркнуть значение критичности, как метакогнитивного инструмента, осуществляющего регуляцию на различных уровнях. При этом наиболее яркие различия между группами относятся к нарушениям социального функционирования, поэтому пациенты с более низкой критичностью нуждаются в более интенсивных мерах социальной реабилитации.

1. Блейхер, В.М. Толковый словарь психиатрических терминов / В.М. Блейхер, И.В. Крук. — Воронеж: НПО «Модэк», 1995. — 638 с.
2. Иванчей И.И. Знание «как» без знания «почему»: роль метакогнитивной чувствительности в научении искусственной грамматике // Вестник СПбГУ Серия 16. Психология. Педагогика. 2014. выпуск 4. С. 109–123.
3. Иржевская В.П. Рупчев Г.Е., Тхостов А.Ш., Морозова М.А. Проблема инсайта в современной патопсихологии // Вопросы психологии. 2008. №2. с. 145–153.
4. A new instrument for measuring insight: The Beck Cognitive Insight Scale / A.T. Beck [et al.] // Schizophrenia Research. — 2004. Vol. 68(2). — P. 319–329. doi:10.1016/s0920–9964(03)00189–0.
5. Flavell, J.H. Metacognitive Aspects of Problem Solving / J.H. Flavell. // The Nature of Intelligence. / Ed. by L.B. Resnick. — N.Y.: Hillsdale, 1976. — P. 231–235.

Связь руминаций и симптомов депрессии: вклад дефицита способности к гибкому переключению и принятию опыта

Руминации, майндфулнесс, когнитивные факторы, депрессивные расстройства, хронификация

Введение. Руминации как цепочки повторяющихся неприятных размышлений считаются одним из самых дисфункциональных когнитивных факторов риска возникновения и хронификации депрессивных расстройств (Nolen-Hoeksema, Morrow, 1991). Вместе с тем, руминации достаточно широко встречаются и при обследовании испытуемых в контрольных группах. У здоровых испытуемых выраженность руминаций, как и у пациентов, прямо коррелирует с субъективным дискомфортом (снижение удовлетворенности качеством жизни, выраженность отдельных симптомов тревоги и депрессии) (Колпаков, Ялтонский, 2013). При каких условиях негативно заряженные размышления, представляющие собой переработку неприятного опыта у здоровых лиц, становятся предикторами возникновения и хронификации аффективных расстройств?

В исследованиях руминаций часто обращается внимание на два аспекта: их содержания (эпизоды конфликтов, стыда, невыраженной агрессии и др.) и динамических характеристик (вязкости, ригидности). В диагностических шкалах эти аспекты пересекаются. Содержание руминаций описывают пункты опросников, а степень вязкости этих размышлений оценивается по частоте возникновения и/или уровню беспокойства, которое они вызывают.

В настоящем исследовании для выделения фактора ригидности был выбран отдельный от измерения руминаций инструмент — шкала дефицита майндфулнесс (MAAS). Нарушение способности к гибкому переключению и принятию опыта (майндфулнесс) выступало показателем когнитивной ригидности.

Результаты и обсуждение. В исследование были включены 22 пациента с депрессивными расстройствами (F 32.X, 33.X) 18–54 лет, в контрольную группу — 200 испытуемых в возрасте 17–63 лет. Методический комплекс включал опросники руминаций (RRS — Ruminative Response Style, RRS, Nolen-Hoeksema, Morrow, 1991) и дефицита майндфулнесс (Mindful Attention Awareness Scale, MAAS, Brown, Ryan, 2003; адаптация Голубева, 2012), а также симптоматический опросник SCL-90-r.

Корреляционный анализ обнаруживает устойчивую прямую связь между руминациями (RRS) и показателями депрессии (SCL-90-r): $r = 0.71, p \leq 0.001$. При последующем контроле фактора ригидности (дефицит майндфулнесс, MAAS), связь этих переменных несколько ослабевает ($r = 0.63, p \leq 0.001$).

При проведении модераторного анализа для контроля мультиколлинеарности было предварительно осуществлено центрирование переменных руминаций и

дефицита майндфулнесс, вслед за чем была проведен регрессионный анализ влияния переменных руминаций, дефицита майндфулнесс и их взаимодействия на симптомы депрессии. Для визуального анализа была произведена группировка выборки по параметру когнитивной ригидности — образованы группы со значением когнитивной ригидности выше и ниже среднего.

Влияние взаимодействия руминаций и дефицита майндфулнесс на выраженность симптомов депрессии при использовании непрерывной переменной оказалось незначимо, а при использовании категориальной — отражающий модерацию угол между прямыми оказался сравнительно невелик, что говорит о невысокой силе переменной-модератора.

Выводы: несмотря на то, что в исследовании были зафиксированы относительно слабые эффекты взаимного влияния изучаемых переменных, полученные данные уточняют картину взаимодействия факторов руминаций и когнитивной ригидности в развитии симптомов депрессии.

1. Nolen-Hoeksema S., Morrow J. (1991). A prospective study of depression and posttraumatic stress symptoms after a natural disaster: The 1989 Loma Prieta earthquake. *Journal of Personality and Social Psychology*, 61, 115–121.

Навстречу своему страху, навстречу себе: влияние музейного пространства на детей с неврозоподобными расстройствами.

Дети с неврозоподобными расстройствами; музейное пространство, музейная арттерапия; эффекты арттерапии в работе с детьми с неврозоподобными расстройствами.

Поиск новых путей психологической коррекции нарушений психического здоровья, вызванных патологическими особенностями головного мозга, является одной из главных задач современной клинической психологии. В категорию детей с неврозоподобными расстройствами входят пациенты с признаками резидуальной церебрально-органической недостаточности и следующими проявлениями: тикозные нарушения, энурез, энкопрез, заикание, нарушение активности и внимания, смешанные специфические расстройства развития, элективный мутизм, специфические расстройства речевой артикуляции. Для помощи и коррекции перечисленных расстройств применяются следующие виды воздействий: медикаментозное лечение, игровая терапия, логопедическая коррекция.

В последнее время актуальным методом коррегирования особенностей психического развития детей нашего центра становится арттерапия — в комплексе с медикаментозной и психолого-педагогической помощью. Спецификой выбранного направления является то, что арттерапевтические занятия проводятся на базе Государственного музея «Эрмитаж». Выбор места проведения данного курса предопределен тем, что, во-первых, это самый большой и самый красивый музей в городе. Во-вторых, для ребят с неврозоподобной симптоматикой большое значение имеет пространство — территория, насыщенная огромным количеством информации, которую хочется узнавать, открывать для себя. Пространство, в пределах которого живет некое биологическое сообщество, должно быть достаточно обширным и богатым возможностями для удовлетворения основных потребностей его членов (Осорина М.В., 2000). Через самостоятельное знакомство с территорией ребенок впервые может ощутить свои границы: своего тела, своего "я" — и того чужого мира, что окружает малыша. Благодаря освоению пространства, ребенок находит свой собственный путь, который может отличаться от выбранного пути других детей и взрослых. Ребенок ощущает себя первопроходцем, открывателем и хозяином собственного мира (Осорина М.В., 2000). Эрмитаж может являться для детей тем местом, где сокрыто много сокровищ, тайн, то есть быть субъективно значимым, эмоционально окрашенным островком в огромном пространстве.

В какие далекие страны и эпохи путешествуют ребята? Преодолевая века и тысячелетия, дети открывают для себя Древний Египет, наслаждаются красотой Древней Греции и ее завораживающими мифологическими сюжетами, участвуют в Рыцарском турнире, постигают тайны Часов и мира Камней. После насыщенных экскурсий-путешествий маленькие исследователи с большим удовольствием и вдохновением вспоминают все увиденное и услышанное посредством карандашей и бумаги; создают что-то новое, свое. Рисуют они разное —

кто веселое, а кто и страшное, — но лица у всех довольные; переживания, даже очень экспрессивно выраженные, разрешаются всегда положительно (Выготский Л.С., 1998).

Целью арттерапевтической программы является развитие коммуникативных навыков с помощью искусства и творчества. И музейное пространство, тем самым, помогает решать следующие психологические задачи: развитие автономии и эмоциональной сепарации от матери; обращение к своим чувствам через взаимодействие "образа-я" и пространства: как я ощущаю себя здесь, что я чувствую; формирование зрелой самооценки и самоконтроля; гармонизация отношений с другими; расширение словарного запаса. По результатам психологического исследования, у детей с невротоподобными состояниями после арттерапии выявлены тенденции к более критичному отношению к своим умственным и речевым способностям, что указывает на формирование более зрелой самооценки. И повышение субъективной значимости членов расширенной семьи, что может быть показателем развития автономии ребенка (Миланич Ю.М., Романова Е.А., 2018).

1. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых/ М.В. Осорина. — Санкт-Петербург, 2000. — 64 с.
2. Выготский Л.С. Психология искусства/ Л.С. Выготский. — Минск, 1998.
3. Миланич Ю.М., Романова Е.А., Эффекты арттерапии в работе с детьми с невротоподобными расстройствами// Ананьевские чтения: тезисы докл.Межд. конф. — Санкт-Петербург, 23–26 окт. 2018. — 267 с.

Исследование когнитивных и эмоциональных аспектов нарушения феномена телесности пациентов

Когнитивные и эмоциональные особенности телесности, телесные искажения при операциях и поражениях костно-мышечной системы

Введение: изучались когнитивные и эмоциональные особенности телесности пациентов с онкологическими заболеваниями, ревматоидным артритом, ампутацией конечности.

Проблема: недостаточная изученность телесности пациентов в связи с телесными искажениями и отсутствием рекомендаций в целях оказания им психотерапевтической помощи.

Методы: «Локус контроля и самоэффективность в отношении болезни и лечения», Торонтская шкала алекситимии, «Когнитивное представление о болезни», "Эмоциональное реагирование на болезнь", Шкала дифференциальных эмоций К. Изарда в адаптации А.В. Леоновой.

Выборка: В исследовании участвовали 55 человек, средний возраст 42 года: 20 пациентов с ревматоидным артритом с тяжелой формой заболевания, 10 человек с ампутацией конечности при сахарном диабете 2 типа и атеросклерозе сосудов нижней конечности, 20 пациентов с онкологическими заболеваниями после мастэктомии.

Результаты и обсуждение: Применение Н-критерия Краскала-Уоллеса для сравнения 3-х групп выявило особенности каждой группы пациентов. Пациенты с ревматоидным артритом отмечают негативный смысл заболевания, тем самым подчёркивая важность своего состояния болезни, вероятно, для привлечения большего внимания к себе. Индекс положительных эмоций выше, чем в других группах, характеризует степень позитивного эмоционального отношения субъекта к ситуации. Удивление, как эмоция, возникает в ответ на неприятные ощущения в теле, которые противоречат представлениям пациента об образе своего тела. Но они не видят своего участия в лечении и обезличивают этот процесс вместе с причинами, приведшими к этому заболеванию. Скорее всего, это связано с защитной реакцией. Пациенты с онкологическими заболеваниями, перенесшие операцию, лучше справляются с негативным смыслом события, в данном случае заболевания. Это происходит потому, что онкологическое заболевание является по своей сути смертельно опасным, что заставляет пациентов переосмысливать свою жизнь и искать позитивные моменты для борьбы за выживание. Поэтому они могут обратить недостатки сложившейся ситуации в тенденцию к борьбе за выживание, взяв на себя ответственность за этот процесс. Пациенты, прошедшие операцию по ампутации конечности видят причины случившегося с ними недуга во внешних обстоятельствах, однако и помощи тоже ждут извне, убеждённые, что в их случае

помогут только другие люди или какой-либо случай. Они испытывают определённые трудности в нахождении внутриличностных ресурсов. За реакциями безличности в отношении лечения и причин болезни стоит защитное поведение, которое в состоянии стресса помогает таким людям в клинике после операции на первых этапах принятия своего нового состояния, изменившегося образа тела, изменившейся телесности. Стратегии, подчёркивающие негативное значение болезни, как и у пациентов с ревматоидным артритом, могут указывать на их желание подчеркнуть важность своего состояния, вероятно, для привлечения большего внимания к себе со стороны.

Выводы:

1. Пациенты с ревматоидным артритом более алекситимичны, более экстернальны в отношении болезни и лечения, имеют более высокий внешний локус контроля в отношении причин заболевания и его лечения, более склонны к реализации стратегий, подчёркивающих негативное значение болезни.
2. Пациенты с онкологическими заболеваниями более склонны прибегать к стратегиям позитивного переформулирования ситуации болезни, лучше справляются с негативным смыслом события, обратив недостатки сложившейся ситуации в тенденцию к борьбе за выживание, взяв на себя ответственность за этот процесс.
3. Пациенты, прошедшие ампутацию конечности, более нейтрально реагируют на ситуацию болезни в эмоциональном плане, т.к. короткий промежуток времени манифестации болезни и внезапной хирургической операции не сформировал значительного изменения образа тела и телесности в её когнитивных и эмоциональных аспектах. За реакциями безличности в отношении лечения и причин болезни стоит защитное поведение.
4. На основании исследования можно составить рекомендации по работе с данными группами пациентов.

Психологическое сопровождение родителей больного ребенка в цифровой среде

Психологическое сопровождение, больной ребенок, родитель, психологическая помощь, цифровая среда, онлайн

Актуальным остаются создания системы психологического сопровождения, в том числе дистанционного сопровождения с адекватным использованием цифровых технологий. Возрастающее количество детей страдающих хронической патологией и инвалидов рассматривается многими исследователями сегодня как национальная трагедия России [2]. Как показала современная ситуация в мире мало стабильности, пандемия поставила нас в условия вынужденной социальной изоляции. Необходим подбор специальных программ, обладающих преимуществами цифровых технологий, наиболее адекватно отвечающих целям психологического сопровождения.

Цель: разработать программу, подобрать технологии психологического сопровождения семей больного ребенка в цифровом пространстве; формирование адекватной родительской позиции, способствующей адаптации и интеграции ребенка в социальное пространство. Объект: семьи, воспитывающие детей с отклонениями в состоянии здоровья (функциональные и соматические). Предмет: цифровые технологии, необходимые для формирования у родителей отношения к ребенку, способствующего социальной адаптации, независимо от состояния здоровья их ребенка. Предполагается, что программа психологического сопровождения в цифровой среде будет иметь преимущества. Методики: опросник АСВ (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис); методика PARI; тест-опросник родительского отношения (Л.Я. Варга и В.В. Столина). В программе участвовали три группы семей: родители не участвующие в программе; родители, участвующие в программе с дистанционными технологиями и родители участвующие в очной программе без дистанционных технологий. Теоретическая и практическая значимость состоит в том, чтобы расширить репертуар методов психологического сопровождения семей с детьми и подростками, независимо от состояния их здоровья, создать условия для формирования у родителей адекватного отношения к ребенку, способствующего социальной адаптации, используя современные цифровые инструменты [4].

Психологическое сопровождение — это целостная, системно организованная деятельность, в процессе которой создаются индивидуально-психологические и социально-психологические условия для успешного формирования личности в социуме (в семье, образовательном учреждении, на работе и пр.) [1]. В программе принимали участие социальные педагоги и лечащие врачи детей. Использовались цифровые технологии: Zoom, YouTube, Vk, Mentimeter, Miro, Tiktok, обязательная обратная связь, дискуссия и задания. Главное преимущество, что в момент психологического сопровождения родители могли сохранять активность, что решило проблему разрыва между ценностно-мотивационной сферой — поведением [3]. По

сравнительным результатам исследования на констатирующем и контрольном этапе во всех трех группах статистически значимых различий не выявлено. Однако отмечено изменение основных компонентов отношения к ребенку до и после проведения программы. Таким образом, создать дистанционную программу психологического сопровождения, ориентированную на развитие и изменение отношения родителей к возможностям детей и подростков, независимо от состояния их здоровья, возможно.

Проект "Новый взгляд на возможности людей и пространство инклюзивных проектов "Мир на кончиках пальцев" реализовывался Автономной некоммерческой организацией содействия благополучию семьи "Открытый институт проектирования" при поддержке Фонда президентских грантов в 2019–2020г., всего в мероприятиях проекта приняло участие более тысячи человек с разным уровнем и состоянием здоровья.

1. Мамайчук И.И. Методы психологической коррекции детей и подростков. Изд-во: СПбГУ, 2020. 300с.
2. Орел В.И., Серeda В. М., Ким А.В. и др. Здоровье детей Санкт-Петербурга // Педиатр. Т. 8. №1. 2017. С. 112–119.
3. Русякова Е.Е. Проблема социальной активности и психологической грамотности родителей больного ребенка // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2017 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/04SFK117.pdf> (доступ свободный).
4. The attitude of a mother to her sick child. Ruslyakova E.E., Lyzlova I.A. // Criar Educação. 2017. Т. 6. № 1. С. 10.

Нарушения эмоциональной регуляции у лиц с проблемным использованием социальных сетей

Проблемное использование социальных сетей, эмоциональная дисрегуляция, депрессия

Использование социальных сетей (СС) становится проблемным, когда оно приводит к нарушениям социального и эмоционального функционирования, а также к снижению субъективного благополучия. [1, 2] Проблемное использование СС связано с рядом психических расстройств, в частности, с депрессией. [3] Пользователи СС могут использовать их для избегания собственных чувств и регуляции своего эмоционального состояния, что может приводить к зависимости от использования СС, характеризуемой неконтролируемым и навязчивым использованием СС. [4]

Целью данного исследования являлось изучение связей между депрессией, нарушениями эмоциональной регуляции и проблемным использованием СС.

Выборку исследования составили 520 молодых пользователей СС от 18 до 35 лет (средний возраст — $23 \pm 4,2$ года), из них 400 женщин (76,9%) и 120 мужчин (23,1%). Все участники исследования использовали СС не реже, чем раз в неделю; 483 участника — несколько раз в день.

Данные были собраны посредством онлайн-опроса. Были использованы следующие методики: опросник проблемного использования социальных сетей (Сирота и соавторы, 2018), опросник эмоциональной дисрегуляции (Польская и Развальяева, 2017) и русскоязычная версия опросника РНQ-9 (Погосова и соавторы, 2014).

Для изучения взаимосвязей между депрессией, дисфункциональными формами эмоциональной регуляции (такими как избегание, руминация и трудности ментализации) и проблемным использованием СС использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Для изучения роли нарушений эмоциональной регуляции в связи между депрессией и проблемным использованием СС использовалось моделирование структурными уравнениями.

В результате применения корреляционного анализа были выявлены значимые взаимосвязи между проблемным использованием СС и дисфункциональными формами эмоциональной регуляции (избегание: $r=0,278$, $p<0,01$; руминация: $r=0,341$, $p<0,01$; трудности ментализации: $r=0,290$, $p<0,01$), между депрессией и дисфункциональными формами эмоциональной регуляции (избегание: $r=0,519$, $p<0,01$; руминация: $r=0,653$, $p<0,01$; трудности ментализации: $r=0,452$; $p<0,01$), и между депрессией и проблемным использованием СС ($r=0,307$, $p<0,01$).

В ходе применения моделирования структурными уравнениями была создана латентная переменная «Эмоциональная дисрегуляция», включающая в себя показатели по шкалам «Избегание», «Руминация» и «Трудности ментализации». Было выявлено прямое влияние показателей депрессии на показатели проблемного использования СС: показатели депрессии оказывали положительное значимое влияние на показатели эмоциональной дисрегуляции ($\beta=0,753$; $p<0,001$), а показатели

эмоциональной дисрегуляции оказывали положительное значимое влияние на показатели проблемного использования СС ($\beta=0,440$; $p<0,001$). При этом, прямой значимой связи между показателями депрессии и проблемного использования СС выявлено не было.

Полученные результаты позволяют предположить, что нарушения эмоциональной регуляции являются одним из факторов, влияющих на формирование и развитие проблемного использования социальных сетей, а также свидетельствуют о том, что эмоциональная дисрегуляция является механизмом, опосредующим связь между депрессией и проблемным использованием социальных сетей. Полученные данные могут являться одной из предпосылок для выбора мишеней психопрофилактики психотерапии проблемного использования СС.

1. Marino, C., Gini, G., Angelini, F., Vieno, A., & Spada, M. M. (2020). Social norms and emotions in problematic social media use among adolescents. *Addictive behaviors reports*, 11, 100250.
2. Marino, C. (2018). Quality of Social-Media Use May Matter More Than Frequency of Use for Adolescents' Depression. *Clinical Psychological Science*, 6(4), 455–455.
3. Hussain, Z., & Starcevic, V. (2020). Problematic social networking site use: A brief review of recent research methods and the way forward. *Current Opinion in Psychology*, 36, 89–95.
4. Andreassen, C.S. (2015). Online Social Network Site Addiction: A Comprehensive Review. *Current Addiction Reports*, 2, 175–184.

Свойства интегральной индивидуальности как детерминанты межличностной зависимости у мужчин

Межличностная зависимость, аддикция, индивидуальность

Проблема межличностной зависимости в последние годы все больше привлекает внимание психологов, как теоретиков, так и практиков. С одной стороны, любой человек, находясь в системе социальных отношений, так или иначе, становится зависимым от других людей, с другой, далеко не каждая зависимость подобного рода приобретает характер аддикции. В связи с этим возникает вопрос о том, какие факторы способствуют возникновению межличностной аддикции. В основе нашего подхода к исследованию детерминант межличностной зависимости лежит теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина, в соответствии с которой индивидуальность человека содержит ряд взаимосвязанных между собою иерархических уровней индивидуальных свойств [1]. По нашему мнению, каждый из этих уровней определенным образом коррелирует с межличностной зависимостью.

В эмпирической части исследования приняло участие 27 мужчины в возрасте от 30 до 40 лет. Для диагностики разноуровневых свойств интегральной индивидуальности использовались «Опросник структуры темперамента» В.М.Русалова, «Опросник самооотношения» В.В.Столина и С.П.Панталева, методика «Детско-родительские отношения подростков» О.А.Карабановой и П.В.Троянской. Межличностная зависимость исследовалась с помощью Теста профиля отношений Р.Борнштейна в адаптации О.П.Макушиной.

В результате корреляционного анализа по Пирсону выявлены статистически значимые взаимосвязи показателей межличностной зависимости с показателями свойств психодинамического уровня интегральной индивидуальности мужчин: здоровая зависимость взаимосвязана с социальной эргичностью ($r=0,58$, $p\leq 0,05$), темпом ($r=0,49$, $p\leq 0,05$), социальным темпом ($r=0,48$, $p\leq 0,05$), эмоциональностью ($r=-0,44$, $p\leq 0,05$) и социальной эмоциональностью ($r=-0,57$, $p\leq 0,05$).

Статистически достоверные взаимосвязи обнаружены у показателей межличностной зависимости с показателями свойств личностного уровня: здоровая зависимость коррелирует с самоуверенностью ($r=0,45$, $p\leq 0,05$) и самоинтересом ($r=0,51$, $p\leq 0,05$); деструктивная зависимость взаимосвязана с самообвинением ($r=0,57$, $p\leq 0,05$); деструктивная сверхзависимость ($r=-0,53$, $p\leq 0,05$) и дисфункциональное отделение ($r=-0,56$, $p\leq 0,05$) взаимосвязаны с самопониманием.

Статистически значимые взаимосвязи выявлены у показателей межличностной зависимости с показателями свойств социально-психологического уровня (ретроспективная оценка взаимоотношений с матерью и отцом в подростковом возрасте): здоровая зависимость взаимосвязана с эмпатией со стороны отца ($r=0,56$, $p\leq 0,05$), демократичными отношениями в диаде «отец — сын» ($r=0,45$, $p\leq 0,05$) и авторитарностью со стороны отца ($r=-0,52$, $p\leq 0,05$); дисфункциональное отделение коррелирует с такими показателями оценки отношений с матерью, как «эмпатия» ($r=0,45$, $p\leq 0,05$), «эмоциональная дистанция» ($r=0,49$, $p\leq 0,05$), «мониторинг» ($r=0,45$,

$p \leq 0,05$), «контроль» ($r=0,63$, $p \leq 0,05$) и «оказание поощрений» ($r=0,55$, $p \leq 0,05$), и рядом показателей оценки отношений с отцом: «конфликтность» ($r=0,49$, $p \leq 0,05$), «контроль» ($r=0,63$, $p \leq 0,05$), «реализация наказаний» ($r=0,44$, $p \leq 0,05$).

Таким образом, гипотеза о взаимосвязи межличностной зависимости со свойствами психодинамического, личностного и социально-психологического уровней интегральной индивидуальности мужчин подтвердилась.

1. Мерлин, В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / В.С. Мерлин. — М.: Педагогика, 1986. — 349 с.

Степанов Г.К.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Пропустина В.А.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Юрина Д.Д.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Васильева С.А.
Москва, ФГБУ «НМХЦ им. Н.И. Пирогова»

Влияние реабилитационного тренинга на динамику зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта

Синдром неглекта; зрительно-пространственный поиск; авторская методика «Пазлы»; реабилитационный тренинг; теория планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий П.Я.Гальперина; стратегия «Маяк»

Синдром неглекта является уникальным психоневрологическим феноменом, проявляющимся в неспособности реагировать на раздражители, локализованные на противоположной пораженному полушарию стороне пространства.

В настоящее время в силу ряда очевидных причин повышается интерес со стороны исследователей к проблеме реабилитации пациентов с синдромом неглекта. Одним из путей реабилитационного процесса выступает нелекарственный путь, ярким примером которого предстает реабилитационный тренинг. Его цель состоит в первоначальном осознании собственного дефекта и адаптации пациентов с когнитивными нарушениями к условиям повседневной жизни и адекватному функционированию в ней.

Проблема нейропсихологической реабилитации пациентов с синдромом неглекта в основном рассматривалась в рамках зарубежного подхода и изучалась такими учеными, как Ben-Yishay Y. (Ben-Yishay, 1985), Cicerone K., Calvanio R., Niemeier J., Wilson B. и др.

Цель исследования заключалась в разработке и реализации реабилитационного тренинга, направленного на возможное изменение динамики зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта.

Мы предполагали, что разработанный нами реабилитационный тренинг улучшит показатели зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта, тем самым минимизируя проявление левостороннего игнорирования.

В исследовании использовались следующие методы:

1. Метод нейропсихологической диагностики с применением следующих диагностических методик: «батарея тестов А.Р. Лурия»; Trail Making Test и Bells Test; авторская методика «Пазлы» на констатирующем и контрольном этапах исследования.
2. Количественный и качественный анализ результатов эмпирического исследования; методы статистической обработки.

Настоящее исследование проводилось в несколько этапов. На I этапе нами были выявлены особенности зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта с применением авторской диагностической методики «Пазль». Чувствительность данной методики при диагностике пациентов с синдромом неглекта была доказана с помощью применения U-критерия Манна-Уитни ($p < 0,05$).

II этап включал в себя разработку и реализацию реабилитационного тренинга, а также оценку его влияния на изменение динамики зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта. Содержательно реабилитационный тренинг основывался на теории планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий П.Я.Гальперина (Гальперин, 2017) и стратегии «Маяк» (Niemeier, 1998). В качестве объективных показателей оценивались количество поворотов головы влево, общая зрительная активность пациента и время, затраченное на выполнение методики.

Эмпирическая часть исследования проходила на базе ФГБУ «Национальный медико-хирургический Центр имени Н.И. Пирогова» (г. Москва) в отделении медицинской реабилитации. В нем приняли участие 47 пациентов с неврологическими нарушениями различной этиологии и локализацией очага поражения в области правого полушария головного мозга (I этап) и 5 пациентов с синдромом неглекта (II этап).

Сравнительный анализ результатов исследования до и после проведения тренинга продемонстрировал тенденцию к улучшению показателей зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта.

В настоящее время исследование не завершено. Для улучшения результатов и выявления значимых статистических различий мы предполагаем увеличить выборку и в дальнейшем провести статистическую оценку влияния тренинга на показатели зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта.

1. Гальперин П.Я. Опыт изучения формирования умственных действий // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. №4, 2017. С. 3–20.
2. Ben-Yishay Y., Rattok J., Lakin P. et al. Neuropsychological rehabilitation: Quest for a holistic approach // Seminars in neurology. V. 5, N 3, 1985. P. 252–259.
3. Niemeier J. The Lighthouse Strategy: use of a visual imagery technique to treat visual inattention in stroke patients // Brain injury. V. 12, N 5, 1998. P. 399–406.

Методологическое обоснование исследования прогнозирования частоты возникновения рецидивов у пациентов с атопическим дерматитом в зависимости от устойчивости жизненного мира

Атопический дерматит, рецидивы атопического дерматита, устойчивость жизненного мира, психологическое здоровье, психодерматология.

Введение. Атопический дерматит (АД) — это воспалительное и рецидивирующее заболевание кожи. По своим проявлениям оно соматическое, но имеет психогенное происхождение. По статистике уровень распространенности АД среди населения стабильно высокая. Факторами патогенеза АД выступают психологические аспекты, не только запускающие кожное заболевание, но и придающие ему рецидивирующее течение [1].

Постановка проблемы. Возможности прогнозирования частоты возникновения рецидивов АД в различных публикациях. Однако, авторы не выделяют определенного психологического (системообразующего или ведущего) фактора, выступающего в качестве прогностического показателя частоты возникновения рецидивов у пациентов с АД.

Проводимые на кафедре клинической психологии и психотерапии с курсом ПО Красноярского государственного медицинского университета имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого исследования под руководством д.пс.н., профессора Логиновой И.О. указывают на возможность выделения такого психологического фактора, как устойчивость жизненного мира человека [2].

Предполагается на основе теоретически и эмпирически обоснованных взаимосвязей выделить факторные модели прогнозирования частоты возникновения рецидивов у пациентов с АД в зависимости от устойчивости жизненного мира.

Общий контекст исследования ориентирован на положения системной антропологической психологии (Э.В. Галажинский, В.Е. Ключко, и др.) и концептуальных оснований теории жизненного самоосуществления человека (И. О. Логинова.), определяющих возможность изучения универсальных системных психологических характеристик -эмерджентных свойств человека [3], [4].

Научная новизна состоит в рассмотрении устойчивости жизненного мира человека в качестве прогностического показателя частоты возникновения рецидивов у пациентов с АД, выступающего системообразующим или ведущим фактором разрабатываемой модели.

Объектом нашего исследования выступают пациенты с АД. Предметом - устойчивость жизненного мира как прогностического показателя частоты возникновения рецидивов АД.

Методы исследования. Для создания прогностической модели возникновения рецидивов у пациентов с АД необходимо провести качественное исследование их психологических особенностей, поэтому мы подобрали, на наш взгляд, оптимальный набор методик:

1. «Исследование устойчивости жизненного мира человека» (И.О. Логинова);

2. «Локус контроля» (Дж. Роттер);
3. «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф);
4. ТОБОЛ — Тип отношения к болезни (А.Е. Личко, Н.Я. Иванов);
5. Эссе: «Моя болезнь» (обработка методом контент-анализа);
6. Дерматологический индекс качества жизни (A.Y Finlay, Gk Khan).

Выводы. Таким образом, исходя из анализа теоретических эмпирических аспектов выбранных нами методик, мы предполагаем, что объединение данного инструментария воедино для комплексного обследования каждого пациента будет крайне эффективным в выявлении психологических особенностей пациентов, страдающих АД, что может быть использовано в построении факторных моделей прогнозирования частоты возникновения рецидивов у пациентов с АД в зависимости от устойчивости жизненного мира.

1. Асхаков, М. С. Этиология и патогенез атопического дерматита / М. С. Асхаков // *Medicus*. — 2017. — №3 (15). — С. 53–55.
2. Логинова, И. О. Особенности устойчивости жизненного мира людей в период пандемии Covid-19 / И. О. Логинова — DOI 10.25146/1995-0861-2020-52-2-211// *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*. — 2020. — Т. 2, № 52. — С. 183–196.
3. Логинова, И.О. Концептуальные основания теории жизненного самоосуществления человека: продолжение идей системной антропологической психологии / И. О. Логинова // *Вестник алтайского государственного педагогического университета*. — 2017. — №2(31). — С. 73–77.
4. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат / В.Е. Клочко, Э.В. Галажинский, О.М. Красноярцева, [и др.]. — DOI 10.17223/17267080/56/2// *Сибирский психологический журнал*. 2015.- №56. — С. 9–20.

Особенности распознавания эмоций по лицевой экспрессии у лиц с зависимостью от психоактивных веществ

Распознавание эмоций, Зависимость от алкоголя, зависимость от наркотиков.

Введение. Распознавание эмоций другого человека по лицевой экспрессии лежит в основе способности формировать и поддерживать межличностные отношения, поскольку позволяет изменять свое поведение относительно этих социальных сигналов. Межличностные отношения являются источником сильных как позитивных, так и негативных аффектов и в случае зависимости от ПАВ входят в число облигатных психотерапевтических мишеней. По данным ряда исследований, люди с зависимостью от ПАВ не только часто имеют затруднения в межличностном взаимодействии, но и затруднения в распознавании эмоций по лицевой экспрессии [3, 4]. Известно, что хроническое употребление психоактивных веществ влияет на изменение нейронных цепей, которые регулируют социальное познание и регуляцию эмоций [5]. Цель исследования — изучение особенностей распознавания эмоций у лиц с химической зависимостью.

Методы. Оценка распознавания эмоций проводилась с помощью компьютерной программы «Emotion Recognition» (WebStorm), разработанной специально для проведения исследования на основе базы данных Emotional Facial Expression (KDEF-dyn data base) [1,2]. Математико-статистическая обработка результатов включала межгрупповое сравнение U-критерием Манна-Уитни для независимых выборок. Оценивалось количество правильных ответов при распознавании эмоции и средняя задержка ответа (мс).

Основная группа (зависимые от ПАВ) — 21 чел., из них 8 женщин (38%), средний возраст — 36(7) лет (M(σ)), группа сравнения (здоровые испытуемые, не имеющие химической зависимости) — 27 чел., из них 25 женщин (92,5%), средний возраст 23,7(3,4) лет. Исследование было одобрено Этическим комитетом СПбГУ, все участники дали свое письменное информированное добровольное согласие на участие в исследовании.

Результаты. Были обнаружены статически достоверные различия между участниками с зависимостью от ПАВ и здоровыми лицами: зависимые участники хуже и медленнее распознавали печаль ($p=0,002$, $p=0,005$), гнев ($p=0,020$, $p=0,014$), страх ($p=0,002$, $p=0,035$) и отвращение ($p=0,000$, $p=0,0024$).

Полученные предварительные данные свидетельствуют о нарушениях точности и скорости распознавания эмоций негативного модуса (печали, гнева, страха и отвращения) по мимической экспрессии других людей у пациентов, зависимых от ПАВ.

Заключение. Полученные предварительные данные свидетельствуют о специфических нарушениях распознавания эмоций по лицевой экспрессии у лиц с химической зависимостью. Нарушения распознавания эмоций другого человека, относящихся к негативному спектру, могут частично объяснять проблемы межличностного взаимодействия и, как следствие, появление рецидивов и

нарушения адаптации у таких пациентов в периоде ремиссии. Предполагается дальнейший набор эмпирических данных и их сравнительный анализ с учетом типа предпочитаемого ПАВ.

1. Calvo M.G., Fernández-Martín A., Recio G. and Lundqvist D. Human Observers and Automated Assessment of Dynamic Emotional Facial Expressions: KDEF-dyn Database Validation. // Front. Psychol. Vol. 9. 2018. — P. 2052. doi: 10.3389/fpsyg.2018.02052
2. Calvo M.G., Fernández-Martín A., Gutiérrez-García A. et al. Selective eye fixations on diagnostic face regions of dynamic emotional expressions: KDEF-dyn database // Sci Rep 8. 2018. — P. 17039. doi: 10.1038/s41598-018-35259-w
3. Freeman C.R., Wiers C.E., Sloan M.E., Zehra A., Ramirez, V., Wang, G.-J. and Volkow, N.D. Emotion Recognition Biases in Alcohol Use Disorder // Alcohol Clin Exp Res 42: 2018 — P. 1541–1547.
4. Schmidt A., Borgwardt S., Gerber H., Wiesbeck G.A., Schmid O., Riecher-Rössler A., Smieskova R., Lang U.E., Walter M. Acute Effects of Heroin on Negative Emotional Processing: Relation of Amygdala Activity and Stress-related Responses // Biological Psychiatry. 76 (4). 2014. — P. 289–296
5. Volkow N.D., Baler R.D., Goldstein R.Z. Addiction: pulling at the neural threads of social behaviors // Neuron. 69: 2011. — P. 599–602.

Исследование проводится при поддержке РФФИ, научный проект № 20-313-90040.

Специфика работы психологической службы в условиях стационара скорой помощи

Психологическая служба в соматической клинике, психологическое консультирование

Несмотря на первостепенную важность медицинской помощи, пациентам, попадающим на лечение в скоромощной стационар, согласно международному опыту, рекомендуется психологическая помощь для улучшения процесса их восстановления и адаптации [1]. Весной 2018 года на базе НИИ СП им Н.В. Склифосовского была организована служба психологической помощи пациентам и их родственникам с круглосуточным графиком работы [2]. На первом этапе работы задача психологов заключалась в поддержке пациентов и их родственников, и помощи в принятии новой жизненной ситуации, связанной с неожиданно возникшим заболеванием или травмой в рамках приемно-диагностического отделения, но впоследствии распространилась на другие клинические и реанимационные отделения.

Специфика психологической работы в условиях скоромощного стационара обусловлена краткосрочностью нахождения пациентов на лечении и наличием актуальной кризисной ситуации, связанной с заболеванием, причем эта ситуация непосредственно затрагивает и родственников больных в связи с серьезными рисками здоровью, угрозы трудоспособности, а нередко и жизни больного. Поэтому психологу важно иметь представление о личности и жизненном опыте пациента, чтобы понять реакцию пациента на заболевание и оказать необходимую помощь в краткосрочном формате. Можно сказать, что психологическая работа в рамках стационара выступает в качестве первого звена реабилитационного процесса и включает помимо задачи стабилизации эмоционального состояния выработку адекватной установки для решения будущих задач реабилитации, после выписки из скоромощного стационара.

Помимо содержательной стороны меняется сеттинг: ввиду соматического состояния пациентов, зачастую консультации проходят в палате в присутствии других людей, что накладывает свои ограничения, в первую очередь этические. Консультирование родственников также может проводиться в непредвиденных условиях из-за того, что новости о пациенте могут провоцировать развитие острой реакции в виде неконтролируемого плача, расторможенности или ступора. Работа дежурного психолога предполагает и ненормированное количество первичных вызовов и повторных консультаций ввиду экстренного характера помощи, в связи с чем продолжительность консультаций претерпевает изменения как в сторону сокращения в случае большого количества пациентов, так и в сторону увеличения, если тяжелое эмоциональное состояние пациента или родственника требует более длительного наблюдения психолога. Ограничениями для психологической работы выступают недостаток мотивации у пациентов, когда запросы на консультации поступают от лечащих врачей без активного желания самого пациента, а также само соматическое состояние пациентов (астения, сильная боль).

В отделении неотложной сосудистой неврологии консультация медицинского психолога назначается рутинно всем пациентам. Это обусловлено необходимостью оценить состояние эмоционально-личностной сферы и когнитивных функций пациента, нарушения которых как правило составляют часть симптоматики при острых нарушениях мозгового кровообращения (ОНМК). При этом основные для скоропомощного стационара варианты запроса на психологическую помощь сохраняются. Таким образом, в отделении неотложной неврологии психологическая помощь осуществляется в двух направлениях — в отношении реакции на болезнь с одной стороны и в отношении самого заболевания (нейропсихологическая диагностика и реабилитация в остром и подостром периоде), с другой.

Таким образом, психологическая служба является важным звеном в системе оказания скорой медицинской помощи. Ее экстренный характер накладывает отпечаток на понимание рамок консультирования в целом, имеет выраженную специфику в аспекте организации и этики диагностической и консультативной работы, которые необходимо учитывать при выработке функционала работы клинического психолога в условиях скоропомощного стационара.

1. Warren A.M, Stucky K, Sherman J.J. Rehabilitation psychology's role in the Level I trauma center// Journal of Trauma Acute Care Surgery. — 2013. — № 74(5). — P. 1357–1362. doi: 10.1097/TA.0b013e3182858ab9
2. Холмогорова А. Б. Испытываемый уровень стресса и тревоги у пациентов многопрофильного медицинского центра / А. Б. Холмогорова, М. И. Суботич, А. А. Рахманина [и др.] // Неотложная медицинская помощь. Журнал им. Н.В. Склифосовского. — 2019. — Т. 8. — № 4. — С. 384–390. — DOI 10.23934/2223–9022–2019–8-4–384–390.

Связь представлений о смерти и особенностей психологического благополучия в норме и патологии

Танатическая тревога, экзистенциальные защиты, психологическое благополучие

Человек сталкивается с упоминаниями о смерти практически ежедневно и имплицитное представление о смерти есть у каждого. Однако в современной психологической науке феномен смерти не разработан, не исследовано то, как факт ограниченности жизни связан с личностным ростом человека, его целями, ощущением удовлетворенности жизнью и способностью к позитивному функционированию.

С позиций экзистенциально-гуманистической традиции, смерть — одна из конечных данностей, характерным отношением к ней является страх смерти, активизирующий экзистенциальные защитные механизмы. Расстройства настроения, как и тревога по поводу своего здоровья, могут быть связаны с темой смерти, становящейся центральной экзистенциальной проблемой и приводящей к повышенному напряжению экзистенциальных защитных механизмов.

В исследовании поставлен вопрос: связаны ли уровень психологического благополучия, тревога по поводу смерти и отношение к ней с характером экзистенциальных защит в норме, у респондентов с депрессивными состояниями, а также у респондентов, склонных к ипохондрии здоровья.

Использованы методики: «Шкала для психологической диагностики слабоструктурированных депрессивных расстройств» (Беспалько, 2004 г.), опросник «Отношение к смерти», опросник «Страх личной смерти» (Чистопольская, Ениколопов и др., 2012 г.), «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф, «Экзистенциальные защитные механизмы» (Новые теоретико-методологические подходы..., 2013 г.), «Краткий опросник тревоги о здоровье» (Salkovskis, Rimes Warwick, 2002 г.).

В исследовании приняли участие жители Москвы и Московской области в возрасте от 20 до 25 лет, имеющие высшее образование: 30 человек, относящиеся к условной норме; 30 человек в депрессивном состоянии; 30 человек, склонных к ипохондрии здоровья.

В группе условной нормы представление о смерти характеризуется ее нейтральным принятием, уровень актуального психологического благополучия в пределах нормативных значений. Смерть воспринимается как неизбежность, без негативного к ней отношения, наличие различных вариантов отношения к смерти, страха смерти и напряжения экзистенциальных защит от страха смерти не связано в данной группе со снижением психологического благополучия. Респонденты не имеют выраженных экзистенциальных конфликтов и проблем; от страха смерти их защита реализуется продуктивным защитным механизмом «Вера в свою исключительность». Группа условной нормы обнаруживает высокие значения по шкалам «Принятие — приближение к смерти» и «Избегание темы смерти», что

может отражать социальную ситуацию — ситуацию мировой пандемии, когда тема смерти стала актуальной и менее табуированной.

У респондентов, находящихся в депрессивном состоянии, психологическое благополучие значимо снижено по сравнению с другими обследованными группами, нет значимых связей шкал психологического благополучия с отношением к смерти, поскольку страх смерти заставляет игнорировать данную тему. Центральная экзистенциальная проблема — переживание тревоги, связанной со смертью, высокое напряжение всех экзистенциальных защит и использование патологической защиты от страха смерти — «вера в конечного спасителя». Тема смерти не избегается, страх смерти доминирует.

У респондентов, склонных к ипохондрии здоровья, психологическое благополучие снижено, но значимо выше, чем у людей, находящихся в депрессивном состоянии. Характерным отношением к смерти является «Принятие смерти как бегства»: респонденты чувствуют себя благополучными, когда игнорируют тему смерти, стремясь не демонстрировать никакого к ней отношения. Шкалы психологического благополучия исключительно отрицательно связаны с отношением к смерти и выраженностью страхов смерти. Человек, склонный к ипохондрии здоровья, переживает благополучие, когда не принимает важных жизненных решений, не берет ответственность за свои жизненные выборы. Высокая выраженность страха «Последствий для тела» (страха физических последствий смерти) важная особенность данной группы респондентов.

1. Новые теоретико-методологические подходы к исследованию в клинической психологии: Сборник статей / Под ред. Т.Д. Шевеленковой. — М.: Левь, 2013.
2. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Храмелашвили В.В., Казанцева В.Н., Журавлева Т.В. Адаптация опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» на русскоязычной выборке // Суицидология. — 2014. — Том 5. — № 2 (15). С. 60–69.
3. Шкала для экспресс психологической диагностики слабоструктурированных депрессивных расстройств: пособие для психологов и врачей / И.Г. Беспалько. — СПб., 2004.
4. Salkovskis P.M., Rimes K.A., Warwick H.M.C. The Health Anxiety Inventory: development and validation of scales for the measurement of health anxiety and hypochondriasis, *Psychological Medicine*, 2002, 32, pp. 843–853.

Щелкова О.Ю.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Усманова Е.Б.
Москва, ФГБУ "НМИЦ онкологии им. Н.Н.Блохина" Минздрава России

Исурина Г.Л.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Динамика показателей качества жизни пациентов, перенесших операцию в связи с опухолевым поражением позвоночника

Качество жизни, динамическое исследование, опухоли позвоночника

В современных условиях достигается существенное улучшение качества жизни онкологических больных за счет внедрения новых высокотехнологичных методов лечения, и актуальными становятся вопросы адекватного психологического сопровождения лечебного процесса, индивидуализированной психологической помощи больным на всех этапах лечения. В связи с этим особый интерес представляет изучение психологических и социальных аспектов и факторов эффективности новейшего хирургического лечения пациентов с опухолевым поражением позвоночника.

Цель исследования: изучение динамики основных параметров качества жизни пациентов с опухолевым поражением позвоночника в периоперационном периоде хирургического лечения. Исследованы 63 пациента (средний возраст — 55,0 лет, $\delta=13,8$; мужчины 35,5%), находящихся на лечении в отделении вертебральной хирургии НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина в связи с опухолевым поражением различных отделов позвоночника (у 54 чел. (87,1%) — метастатическое поражение). Использованы общий опросник качества жизни (SF-36) [3], специализированные опросники качества жизни при онкологической патологии (QLQ-C30) [1], при опухолевом поражении позвоночника (SOSG-OQ) [2], апробированные в отечественных исследованиях [4]. Статистический анализ проведен с использованием U-критерия Манна-Уитни.

Установлено статистически значимое ($p \leq 0,05$) и близкое к статистической значимости ($0,05 \leq p < 0,1$) улучшение 12 из изученных 29 показателей качества жизни в послеоперационном периоде по сравнению с периодом до операции, среди которых: «общая оценка здоровья и качества жизни», «физическая активность», «эмоциональная активность», «социальная активность» и «когнитивная активность», а также показатели, отражающие симптомы соматического неблагополучия (за исключением взрослого показателя неврологической дисфункции, отражающего ожидаемые для этого периода такие симптомы, как слабость в ногах, потребность в помощи при ходьбе и ослабление контроля над функциями кишечника и мочеиспускания). Произошли также существенные изменения структуры параметров качества жизни (соотношения шкальных оценок опросника SOSG-OQ): доминирующими после операции являются показатели шкал «Социальная активность» и «Общая оценка здоровья», в то время как до операции доминировали симптомы соматического неблагополучия, боль и нарушения сна, значительно

ограничивающие функциональные возможности человека и удовлетворенность качеством жизни.

Таким образом, новые возможности хирургии открывают перспективы существенного улучшения функционального состояния, продления жизни и оптимизации ее качества у этой категории пациентов. В связи с этим возникает актуальная потребность конкретизировать основные направления психологической помощи и социальной реабилитации больных, поэтому перспективы клинико-психологических исследований в этой области связаны с дальнейшим изучением психологических факторов качества жизни пациентов с целью разработки программ их функциональной, социальной и психологической реабилитации.

1. Fayers P., Aaronson N., Bjordal K., Sullivan M. QLQ C-30 Scoring Manual / EORTC Study Group on Quality of Life. Brussels, 1995. 50 p.
2. Janssen S.J., Teunis T., van Dijk E. Validation of the Spine Oncology Study Group- Outcomes Questionnaire to assess quality of life in patients with metastatic spine disease // Spine J. 2017. V. 17 (6). P. 768–776.
3. Ware J.E., Snow K. K., Kosinski M., Gandek B. SF-36 Health Survey Manual and Interpretation Guide. Boston, MA: New England Medical Center, The Health Institute, 1993, 11 p.
4. Усманова Е.Б., Сушенцов Е.А., Щелкова О.Ю. Качество жизни пациентов с опухолями костей // Саркомы костей, мягких тканей и опухоли кожи. 2015. № 1. С. 55–61.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 19-013-00154 А

Качество жизни пациентов, проходящих различные виды хирургического лечения онкологического поражения нижних конечностей

Качество жизни, связанное со здоровьем; онкологические заболевания; изолированная химиотерапевтическая перфузия; ампутация конечностей; копинг-поведение

Введение. Онкологические поражения конечностей не относятся к широко распространенным патологиям, однако они несут витальную угрозу, а их лечение представляет сложность и зачастую ведет к инвалидизации пациентов. Качество жизни, связанное со здоровьем (КЖ), является ведущим критерием для выбора стратегии лечения пациентов и для оценки эффективности как лечебных, так и реабилитационных мероприятий. При этом КЖ пациентов не является сугубо медицинским феноменом; оно определяется широким спектром экономических, организационных, социальных и психологических факторов (Щелкова с соавт., 2020).

Альтернативным методом лечения онкологического поражения конечностей является изолированная регионарная химиотерапевтическая перфузия, позволяющая сохранить конечность и предполагающая более высокие показатели КЖ после лечения. Однако эмпирические данные в отношении этих показателей разнятся.

Т. о. была сформулирована цель исследования: сравнительная оценка КЖ пациентов, проходящих терапию онкологического поражения нижних конечностей различными хирургическими методами.

Материал и методы исследования. В исследовании приняло участие 36 пациентов, проходящих лечение в НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина (Москва). Средний возраст выборки — 58,22 года, 53% — мужского пола. В первую группу были включены больные, проходящие лечение методом изолированной перфузии (15 человек), во вторую — перенесшие ампутацию нижней конечности в связи с онкологическим заболеванием (21 человек). Были использованы следующие психометрические методы: «Краткий общий опросник оценки статуса здоровья» (SF-36) (Ware с соавт., 1993); «Опросник качества жизни при онкологической патологии» («Quality of Life Questionnaire-Core 30» — EORTC QLQ-C30) (Fayers с соавт., 1995); опросник «Способы совладающего поведения».

Результаты. Проведение одновыборочного Т-теста позволило установить, что по большинству параметров КЖ пациенты из двух групп значимо не различаются (SF-36; $p > 0,1$). Методика QLQ-C30 установила межгрупповые различия по следующим показателям: в первой группе выше «Слабость» ($p > 0,05$), «Тошнота и рвота» ($p > 0,001$), «Финансовые затруднения» ($p > 0,05$). Исследование копинг-поведения пациентов позволило установить, что в первой группе есть ряд значимых

взаимосвязей между используемыми пациентами копинг-стратегиями и показателями SF-36: «Физическая активность» положительно коррелирует с копингом «Самоконтроль» ($p \leq 0,05$), «Социальная активность» отрицательно коррелирует с «Конфронтацией» ($p \leq 0,05$), «Дистанцированием» ($p \leq 0,05$), «Бегством–Избеганием» ($p \leq 0,01$), «Боль» отрицательно связана с «Поиском социальной поддержки» ($p \leq 0,01$) и «Положительной переоценкой» ($p \leq 0,05$).

Обсуждение. Полученные результаты согласуются с имеющимися в литературе данными о слабом влиянии характера проводимого хирургического лечения на КЖ пациентов с опухолевым поражением костей и мягких тканей конечностей и о значимом влиянии психологических факторов на КЖ больных. Существует острая необходимость психологического сопровождения данного контингента пациентов на всех этапах терапии и реабилитации.

1. Щелкова О.Ю., Усманова Е.Б., Яковлева М.В., Софронов Д.И., Сушенцов Е.А. Психосоциальные факторы качества жизни онкологических больных после ампутации нижней конечности: постановка проблемы и методология исследования // Саркомы костей, мягких тканей и опухоли кожи, 2020. — Т. 12, № 1. — С. 53–61.
2. Fayers P., Aaronson N., Bjordal K., Sullivan M. QLQ C-30 Scoring Manual. — Brussels: EORTC Study Group on Quality of Life, 1995. — 50 p.
3. Ware J.E., Snow K.K., Kosinski M., Gandek B. SF-36 Health Survey Manual and Interpretation Guide. — Boston, MA: New England Medical Center, The Health Institute, 1993. — 11 p.

Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ «Психосоциальные факторы качества жизни онкологических пациентов после ампутации нижней конечности» (Рег. № 20-013-00573).

Различные направления психодиагностики при эпилепсии

Эпилепсия, психодиагностика, особенности личности, адаптационные возможности

Введение. Психологическая диагностика при эпилепсии повышает процент обнаружения нарушений в психической сфере, особенно на ранних стадиях заболевания, когда уточняется диагноз и верифицируются возможные, часто только психологически диагностлируемые изменения. Актуальность этих исследований заключается в том, что они, раскрывая психологический статус больных, способствуют пониманию особенностей заболевания в целом.

Цель исследования. Изучение психических особенностей больных с различными клиническими, структурно-морфологическими, электрофизиологическими нарушениями, резистентностью к противоэпилептической терапии, с разным уровнем семейной и трудовой адаптации. Изучались отдельные качества больных и их соотношение в общей структуре личности. Проводилось сравнительное и лонгитюдное исследование психологического статуса на разных стадиях эпилептогенеза: доклиническая стадия, начальный период заболевания, длительное, прогрессивное течение заболевания, период становления и стойкой ремиссии припадков. Осуществлялся поиск мишеней для психокоррекционной работы.

Методы и результаты исследования. Проведено комплексное исследование личностных особенностей взрослых пациентов. Для диагностики когнитивных функций, использовались простые бланковые методики, «тесты действия», и методика интегральной оценки интеллекта. Диагностика эмоциональной и поведенческой сферы осуществлялась методиками на самооценку функционального состояния, типа отношения к болезни, уровня агрессивности, копинг-стратегий, алекситимии, механизмов психологической защиты, микроклимата в семье и др. При анализе полученных результатов применялись статистические методы с использованием компьютерных программ Excel и SPSS.

Обнаружена тенденция к формированию нейрокогнитивного дефицита, эмоциональных и поведенческих нарушений, глубина и выраженность которых соотносится со структурно-морфологическими и нейрофизиологическими нарушениями. Структура личности этих больных изменена в большей степени, им труднее адаптироваться к окружающей среде. Имеются возрастные и гендерные различия психологического статуса больных. Проведённое исследование показало, что резистентные к медикаментозной терапии пациенты имеют более выраженные изменения различных сфер психической деятельности: когнитивный дефицит, аффективные нарушения, дезадаптивные типы отношения к болезни. Эти пациенты обладают более низким уровнем возможностей социально-психологической адаптации в сравнении с пациентами, у которых достигнут контроль припадков. Результаты пациентов с длительностью заболевания до 1 года, в ряде наблюдений, незначительно отличаются от одноименных показателей у здоровых лиц. В то же время, по мере увеличения длительности заболевания результаты психологической

диагностики ухудшаются. Изучение личностных качеств больных и их соотношение в общей, целостной структуре личности показало наличие тесных корреляционных связей между ними. Обнаружена связь успешности трудовой деятельности с особенностями личности. У пациентов со сниженным уровнем трудоспособности имелось нарушение когнитивных и эмоциональных характеристик, ослабление коммуникативных возможностей, преобладание неадаптивных способов совладающего поведения. Исследование психологического климата семей, внутрисемейных отношений больных эпилепсией, особенностей их адаптации показали сложность этого процесса, его зависимости от клинических, психологических и социальных факторов. Мишенью психотерапевтических воздействий при эпилепсии является актуальная система отношений, представлений и переживаний, а также более стойкая система отношений, сформированная предшествующим жизненным опытом больного. Помимо клинических аспектов, здесь сочетаются элементы просветительской и воспитательной работы, под влиянием которой расширяется кругозор больного, приобретаются навыки саморегуляции.

Выводы. Полученные результаты представляют научный и практический интерес и используются в клинической практике при диагностике, лечении и реабилитации больных эпилепсией.

КОГНИТИВНАЯ НЕЙРОБИОЛОГИЯ РЕЧЕВЫХ ПРОЦЕССОВ

Блинова Е.Н., Щербакова О.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Влияние семантического конфликта на динамику окуломоторной активности при чтении иконических текстов абстрактного и конкретного содержания

Чтение, семантический конфликт, окуломоторная активность, образные структуры мышления, иконический текст, абстрактное и конкретное содержание

Существующие эмпирические данные позволяют предполагать, что роль иллюстраций в понимании читателями иконического текста может зависеть от степени обобщенности описываемых в нем идей. Так, несмотря на то, что вербальные компоненты иконических текстов прорабатываются читателями тщательнее иллюстративных (Hochröchler et al., 2013), последние могут исказить представления реципиентов о словесном наполнении текста в случае, если они содержат конкретные и детализированные изображения описываемых предметов (Schüler et al., 2019). Эффективным способом анализа роли иллюстраций в понимании читателями иконических текстов является моделирование ситуации семантического конфликта (рассогласования смысла вербальных и иллюстративных компонентов текста). Можно ожидать, что его влияние на динамику чтения текстов конкретного содержания будет более значимым, чем на динамику чтения текстов абстрактного содержания.

Эта гипотеза была протестирована в эксперименте: респонденты ($N = 26$; 65% — ж.; 18–29 лет, $M = 21.1$) читали два иконических текста, различающихся по 1) степени обобщенности содержания (абстрактное/конкретное) и 2) наличию/отсутствию в материале семантического конфликта (стимульные тексты состояли из 8 слайдов, последний из которых мог содержать или не содержать рассогласование между вербальной и иллюстративной составляющими). Во время чтения записывалась окуломоторная активность участников с помощью айтрекера EyeLink 1000+ (500 Hz). Для статистической обработки данных использовались t -критерий Уэлча и дисперсионный анализ (сравнивались паттерны окуломоторной активности при чтении двух различных версий финального слайда для каждого из текстов).

По результатам анализа не было выявлено значимых различий во времени чтения текста абстрактного содержания, связанных с наличием в нем семантического конфликта ($t = 1.982$, $df = 21.048$, $p = 0.060$). При работе с текстом конкретного содержания участники значительно дольше ($t(20.961) = -2.348$, $p = 0.029$) работали с версией текста, содержащей конфликт ($M_{конф.} = 25.83$, $M_{согл.} = 17.16$). При анализе

количества фиксаций на вербальной составляющей стимульных текстов было обнаружено значимое взаимодействие ($F(1, 48) = 4.303, p = 0.043, \eta^2 = 0.082$) обоих факторов: при работе с текстом абстрактного содержания больше фиксаций совершалось участниками в случае отсутствия в материале конфликта (Мсогл. = 55.71, Мконф. = 46.67), а при работе с текстом конкретного содержания — при его наличии (Мсогл. = 52.50, Мконф. = 68.21). Аналогичный эффект взаимодействия был обнаружен и при анализе количества зрительных переходов между вербальной и иллюстративной составляющими текстов ($F(1, 48) = 4.108, p = 0.048, \eta^2 = 0.079$). Так, при работе с текстом абстрактного содержания участники совершали больше таких переходов в случае, если его содержание было согласованным (Мсогл. = 5.43, Мконф. = 4.67), а при работе с текстом конкретного содержания, наоборот, если в нем присутствовал конфликт (Мсогл. = 4.83, Мконф. = 7.00).

На основании полученных результатов можно заключить, что наличие семантического конфликта значительно чаще нарушало динамику чтения респондентами текста конкретного содержания. Описанные паттерны окуломоторной активности согласуются с нашей гипотезой и позволяют предполагать, что заданные извне образные компоненты играют важную роль в усвоении читателями смысла текстов конкретного содержания, в то время как понимание текстов абстрактного содержания происходит преимущественно за счет самостоятельного конструирования реципиентами ментальной репрезентации прочитанного.

1. Hochpöchler U., Schnotz W., Rasch T., Ullrich M., Horz H., McElvany N., Baumert J. Dynamics of mental model construction from text and graphics // *European Journal of Psychology of Education*. — 2013. — 28(4). — P. 1105–1126.
2. Schüler A., Arndt J., Scheiter K. Does text-picture integration also occur with longer text segments? // *Applied Cognitive Psychology*. — 2019. — 33(6). — P. 1–10.

Исследование поддержано грантом Правительства РФ № 14.W03.31.0010

Васильева М.Ю.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Князева В.М.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Партанен Э.
Хельсинки, Университет Хельсинки

Александров А.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Штыров Ю.Ю.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ, Орхусский Университет

Нейрональные корреляты быстрого научения («fast mapping») новой лексики в развивающемся мозге

Вызванные потенциалы мозга, развивающийся мозг, семантическое ассоциативное научение, освоение новой лексики, ментальный лексикон, дети дошкольного возраста

Введение. Человеческий мозг оснащен уникальным инструментарием для быстрого освоения больших объемов новой лексики, при этом особенно эффективно он задействуется в развивающемся мозге при освоении родного языка. При этом ключевым элементом на ранних онтогенетических этапах является нейрокогнитивный механизм «быстрого отображения», т.н. «fast mapping», опосредующий процессы быстрого увеличения лексикона в раннем возрасте. Данный механизм действует посредством контекстно-зависимой дедукции и на основе метода исключения, что позволяет ребенку в условиях естественной коммуникативной среды быстро осваивать новые слова даже после однократного знакомства с новыми языковыми элементами. Предполагается, что в развивающемся мозге механизм «fast mapping» активируется в ситуациях, требующих сверхбыстрого конструирования и запоминания значения новых слов. В этом случае формирование репрезентаций новых словоформ идет не по классическому двухэтапному пути (гиппокампальное кодирование, кортикальная консолидация), а осуществляется одноэтапно, с минимальным участием гиппокампа, что приводит к сверхбыстрому формированию следов памяти непосредственно в неокортексе. Однако к настоящему времени нейрофизиологические основы данного механизма остаются малоизученными. В связи с этим целью настоящего исследования было изучение нейрональных коррелятов механизма быстрого освоения новых словоформ родного языка в задаче однократного семантического ассоциативного научения у детей дошкольного возраста методом вызванных потенциалов, с последующим анализом источников нейрональных активаций.

Методы. В исследовании приняли участие дети-дошкольники (N=20; возраст M=5.8±0.8). Использовали парадигму быстрого ассоциативного научения, включавшую контрбалансированные пары акустических и визуальных стимулов. В ходе научения каждой знакомой или новой словоформе (предъявляемой бинаурально через наушники) присваивался семантический референт — изображение знакомого

или незнакомого объекта (предъявляемое на экране в наборе из пяти стимулов: четыре знакомых и один незнакомый объект). Участники таким образом определяли значение нового слова из семантического контекста методом исключения и операцией логического вывода. Все аудиовизуальные пары предъявляли однократно, в псевдослучайном порядке. Акустические стимулы представляли собой двусложные слова и псевдослова русского языка; точкой распознавания стимула служило начало второго слога. После обучающей сессии регистрировали ЭЭГ при пассивном прослушивании знакомых и новых словоформ. Анализ источников нейрональных активаций проводили с использованием алгоритма sLORETA в программном обеспечении Brainstorm. Для этого усредненные изображения МРТ, соответствующие возрасту участников (5–7 лет; Neurodevelopmental MRI Database (Richards et al., 2016), были сегментированы с использованием пакета BrainSuite и атласа мозга VCI-DNI.

Результаты. Анализ ВП выявил значимый эффект научения: уменьшение фронто-центральной негативности (сопровождается небольшим правополушарным сдвигом) при предъявлении вновь выученных слов на временном интервале ~300–320 мс после точки распознавания стимула, по сравнению с контрольными псевдословами. При этом амплитуда ВП на новые слова, использованные в задаче быстрого семантического научения, на указанном интервале значимо не отличалась от таковой на знакомые слова, что свидетельствует о формировании новых следов памяти, аналогичных уже существующим вербальным репрезентациям. Анализ источников электрической активности (sLORETA) подтвердил снижение активации правого височного полюса для вновь выученных слов по сравнению с контрольными псевдословами и выявил левополушарное усиление активации в области супрамаргинальной извилины для обоих типов новых словоформ, как использованных, так и не использованных в задаче научения.

Выводы. Результаты исследования позволяют предположить о существовании в развивающемся мозге быстрого и высокопластичного механизма формирования следов памяти для новой лингвистической информации, который срабатывает мгновенно, после однократного предъявления нового языкового элемента, и задействует обширные нейрональные корковые сети.

1. Richards, J. E., Sanchez, C., Phillips-Meek, M., & Xie, W. (2016). A database of age-appropriate average MRI templates. *Neuroimage*, 124, 1254–1259.

Работа поддержана грантом №14.W03.31.0010

Влияние транскраниальной электрической стимуляции области Брока на усвоение конкретных и абстрактных слов

ТЭС, абстрактные понятия, конкретные понятия, контекстное усвоение

Транскраниальная электрическая стимуляция (ТЭС) зоны Брока в основном применяется при изучении процессов речепроизводства [2; 3]. При этом роль данной области в семантической обработке слов изучена недостаточно. Целью настоящего исследования является выявление влияния ТЭС зоны Брока на процессы усвоения абстрактной и конкретной семантики.

Подготовка стимульных материалов включала создание 20 новых псевдослов (на основе существующих в русском языке слов, напр.: пистолет → писторин*) и 20 новых значений, описывающих конкретные объекты или абстрактные явления. В эксперименте приняли участие 72 здоровых испытуемых (средний возраст 21.6 ± 4.22), которые были случайным образом поделены на три группы (по 24 человека в каждой). Участникам необходимо было изучить новые абстрактные и конкретные слова, которые предъявлялись на экране компьютера. Каждое новое слово было представлено в контексте 5 предложений, прочитав которые испытуемые должны были догадаться о его значении. До начала обучения проводилась 15-ти минутная анодная, катодная или фиктивная (плацебо) ТЭС зоны Брока. Усвоение новых слов оценивалось посредством четырех заданий — воспроизведение словоформ по памяти, узнавание, формулировка и выбор определений — сразу после обучения и на следующий день. Статистический анализ проводился с помощью критериев Манна-Уитни и Вилкоксона с поправками на множественные сравнения.

Было выявлено, что группа, получившая катодную стимуляцию зоны Брока, лучше справилась с воспроизведением конкретных слов в первый день проверки, чем группа плацебо ($p=0,036$). Также в первый день участники, получившие анодную и катодную ТЭС, более точно распознали новые абстрактные слова по сравнению с испытуемыми из группы плацебо-стимуляции ($p=0,044$).

Кроме того, были выявлены различия в эффективности усвоения новых слов при сравнении результатов заданий, полученных в первый и во второй день. Спустя 24 часа после обучения участники во всех группах вспомнили меньше абстрактных и конкретных слов по сравнению с первым днем проверки (все значения $p \leq 0,018$). Точность распознавания новых слов была ниже во второй день по сравнению с первым в группах с катодной ($p=0,020$ для конкретных слов) и анодной ($p=0,060$ для конкретных и $0,016$ для абстрактных слов) стимуляцией. Качество сформулированных респондентами определений было ниже на второй день проверки по сравнению с первым днем во всех группах и для обоих типов семантики (все значения $p \leq 0,012$). В задании на выбор определений группа плацебо продемонстрировала снижение точности во второй день для абстрактных слов ($p=0,020$), в то время как группа, получившая катодную ТЭС зоны Брока, — для

конкретных ($p=0,026$). Однако анодная стимуляция не оказала подобного влияния ни на абстрактные, ни на конкретные слова.

Полученные данные указывают на положительное влияние как анодной, так и катодной ТЭС области Брока на контекстное усвоение новых слов. В частности, анодная стимуляция способствовала лучшему запоминанию новых слов, что отразилось в результатах выполнения некоторых проверочных заданий спустя 24 часа после обучения. Результаты исследования свидетельствуют о большей вовлеченности зоны Брока в усвоение абстрактной семантики, что согласуется с ранее полученными данными о роли данной области в обработке абстрактных слов [1].

1. Binder J.R., Westbury C.F., McKiernan K.A., Possing E.T., Medler D.A. Distinct brain systems for processing concrete and abstract concepts // *Journal of Cognitive Neuroscience*. — 2006. — №17(6). — P. 905–917.
2. Fiori V., Cipollari S., Di Paola M., Razzano C., Caltagirone C., Marangolo P. tDCS stimulation segregates words in the brain: Evidence from aphasia // *Frontiers in Human Neuroscience*. — 2013. — №7:269.
3. Marangolo P., Fiori V., Calpagnano M. A., Campana S., Razzano C., Caltagirone C., Marini A. tDCS over the left inferior frontal cortex improves speech production in aphasia // *Frontiers in Human Neuroscience*. — 2013. — №7:539.

Исследование поддержано грантом Правительства РФ № 14.W03.31.0010.

Полнота понимания текстов разного формата у современных читателей

Понимание текста, цифровая среда, печатный текст, цифровой текст

В современном мире обучение с использованием цифровых технологий помогает решить проблемы, которые часто встречаются при традиционном обучении в физической среде [1]. При этом эффективность процесса обучения, в частности, работы с текстом, в цифровой среде с точки зрения познавательных процессов не доказана, поскольку цифровая среда предъявляет уникальные требования к обработке информации, отличающиеся от требований к чтению в печатной среде [2]. На данный момент известно, что читатели гораздо успешнее находят причинно-следственные связи внутри напечатанного на бумаге текста, нежели в его цифровом аналоге [3]. Также «неосвязаемость» цифрового текста приводит худшему формированию его когнитивной карты [4]. Приведенные факты позволяют говорить о том, что информация в электронной среде может усваиваться хуже, чем в печатной, следовательно, полнота понимания текста в цифровой среде может быть ниже.

Мы предположили, что существует взаимосвязь полноты понимания текста со средой его предъявления: в цифровой среде полнота понимания будет ниже, чем в печатной. Выборка составила 100 человек: 40 (31 жен., $M=19,5\pm 0,5$ лет) приняли участие на пилотажном, 60 (39 жен., $M=20\pm 0,6$ лет) — на основном этапе сбора данных. Испытуемые были случайно распределены на три группы, читавшие текст в печатном, цифровом или гибридном формате. Полнота понимания текста оценивалась 1) с помощью специально разработанного теста и 2) на основе протоколов глубинного полуструктурированного интервью, которое было проведено с каждым респондентом для диагностики распределения его когнитивных ресурсов в процессе работы с текстом.

Для проверки нашей гипотезы мы сравнили количество ошибок, допущенных в анкетах в разных группах, с помощью критерия Краскала — Уоллиса. Это не дало статистических значимых результатов ($p>0.01$), поэтому мы также сравнили ответы респондентов на вопросы интервью, связанные с полнотой понимания текста, с помощью критерия Фишера. Уровень точной значимости оказался выше 0.05 во всех четырех вопросах: вопрос «О чем текст?» ($p=0.226$); вопрос «Пересказ текста» ($p=0.309$); вопрос «Если обобщить, то о чем текст?» ($p=0.734$); вопрос «В чем смысл текста?» ($p=0.831$). Это позволяет сделать вывод о том, что статистически значимых различий между полнотой понимания текста в разных средах его предъявления не обнаружено.

Полнота понимания текста в группах, читавших его в разных средах, статистически значимо не различалась — вероятно, в силу того, что большая часть респондентов демонстрировала низкий уровень понимания текста в ответах на вопросы интервью независимо от формата его предъявления. Возможно, ежедневное нахождение в цифровой среде и освоение в ней больших объемов информации

приводит к преобладанию более поверхностных режимов чтения, а, следовательно, к снижению навыков понимания прочитанного.

1. Liu T. C., Peng H., Wu W. H., Lin M. S. The effects of mobile natural-science learning based on the 5E learning cycle: A case study // *Journal of Educational Technology & Society*, 2009. V. 12. №. 4. P. 344–358.
2. Hartman D. K., Morsink P. M., Zheng J. From print to pixels: The evolution of cognitive conceptions of reading comprehension // *The new literacies: Multiple perspectives on research and practice*, 2010. P. 131–164.
3. Clinton V. Reading from paper compared to screens: A systematic review and meta-analysis // *Journal of Research in Reading*, 2019. V. 42. №. 2. P. 288–325.
4. Payne S. J., Reader W. R. Constructing structure maps of multiple on-line texts // *International Journal of Human-Computer Studies*, 2006. V. 64. №. 5. P. 461–474.

Поддержано грантом Правительства РФ №14.W03.31.0010.

Перикова Е.И.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Филитова М.Г.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Наследов А.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Мирошник К.Г.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Благовещенский Е.Д.,
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Щербакова О.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Кирсанов А.С.,
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Штыров Ю.Ю.,
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ, Орхусский Университет

Влияние ТЭС на лексико-семантическое усвоение слов, выученных с помощью имплицитной и эксплицитной стратегий

Транскраниальная электрическая стимуляция, эксплицитное и имплицитное научение, язык, речевые зоны головного мозга.

Ряд исследований показывает, что транскраниальная электрическая стимуляция (ТЭС) речевых зон мозга оказывает положительное влияние на обработку и хранение семантической информации [1], а также на усвоение новых слов [2], однако не до конца проясненным является участие конкретных речевых зон в процессах эксплицитного и имплицитного языкового научения. Для ответа на этот вопрос мы провели исследование, включающее комплексную оценку эффектов ТЭС в условиях имплицитного и эксплицитного научения с артикуляцией словоформ и без неё при различных полярностях (анодная/катодная/плацебо), полушариях (левое/правое) и зонах стимуляции (Брока/Вернике и их гомологи в правом полушарии).

Выборку составили 228 респондентов (18–35 лет), которые были в случайном порядке распределены на 9 групп стимуляции. Каждый участник подвергался 15-минутной ТЭС постоянным током в 1,5 мА, после чего проходил обучение. Обучающая часть эксперимента заключалась в предъявлении испытуемым на слух 8 новых словоформ с семантической привязкой по 10 раз каждой. В качестве показателей эффективности усвоения новых словоформ на лексическом и семантическом уровнях использовались время реакции и количество ошибок в двух проверочных заданиях: узнавании и семантическом соотнесении.

Обработка данных проводилась в SPSS Statistics 26.0. с использованием обобщённых линейных смешанных моделей (GLMM; номер испытуемого и тип

задания оценивались как случайные эффекты), а также хи-квадрата для двух заданий и ANOVA с повторными измерениями для узнавания.

Результаты GLMM показали, что респонденты после реальной стимуляции быстрее выполняли задания, чем после плацебо (все p -значения $.010$). В группе плацебо не было обнаружено значимого взаимодействия Артикуляции и Типа научения, однако время реакции для артикулируемых эксплицитно выученных словоформ было меньше, чем для неартикулируемых ($p \leq .001$). Значимым оказалось взаимодействие факторов Артикуляция, Тип научения и Группа стимуляции как для левого ($F(15,1628)=5.086$; и случайные эффекты $p \leq .001$ и $SD=1055$, $p \leq .001$ соответственно), так и для правого полушария ($F(15,1580)=3.659$, $p \leq .001$ и $SD=921$, $p \leq .001$): время узнавания и семантического соотнесения эксплицитно выученных артикулируемых словоформ оказалось меньше, чем неартикулируемых в группах анодной ТЭС зоны Вернике ($p \leq .01$), катодной ТЭС зоны Брока ($p \leq .001$) и катодной ТЭС гомолога Брока ($p \leq .001$). Результаты ANOVA обнаружили значимое взаимодействие факторов Артикуляция, Тип научения и Группа стимуляции ($F(8,263)=2.315$; $p \leq .05$): время узнавания имплицитно выученных артикулируемых словоформ было меньше, чем неартикулируемых после катодной ТЭС зоны Брока ($p \leq .05$) и плацебо ($p \leq .001$).

Наибольшую точность ответов (по сравнению с плацебо) по двум заданиям респонденты показали после катодной ТЭС зон Брока ($\chi^2(1)=5.4$; $p \leq .05$) и Вернике ($\chi^2(1)=8.3$; $p \leq .005$) и анодной ТЭС гомолога зоны Вернике ($\chi^2(1)=3.8$; $p \leq .05$). GLMM обнаружил значимое взаимодействие факторов Артикуляция, Тип научения и Полярность как для левого ($F(7,1016)=2.30$; $p \leq .05$ и $SD=.08$, $p \leq .001$), так и для правого полушария ($F(7,1016)=2.12$; $p \leq .05$ и $SD=.08$, $p \leq .001$): артикулируемые имплицитные словоформы узнавались лучше неартикулируемых после катодной ТЭС в правом полушарии ($p \leq .05$). Результаты ANOVA для числа ошибок в узнавании обнаружили значимое взаимодействие факторов Артикуляция, Тип научения и Полярность для левого ($F(1,126)=3.809$; $p=0.05$), но не правого полушария.

Итак, обнаружено неспецифическое положительное влияние катодной и анодной ТЭС речевых зон мозга на эксплицитное научение, а также специфическое влияние катодной ТЭС — на имплицитное научение.

1. Brückner S., Kammer T. Both anodal and cathodal transcranial direct current stimulation improves semantic processing // *Neuroscience*. — 2017.—343.—P.269–275.
2. Flöel A., Rösser N., Michka O., Knecht S., Breitenstein C. Noninvasive brain stimulation improves language learning // *Journal of Cognitive Neuroscience*. —2008. —20(8). — P.1415–1422.

Работа поддержана грантом Правительства РФ №14.W03.31.0010.

ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ВОЗМОЖНОГО

Антонов Д.Д.
Москва, РГГУ

Марцинковская Т.Д.
Москва, РГГУ, ФГБНУ "Психологический институт РАО"

Различные форматы игровой активности как пространства самореализации личности

Макиавеллизм, сознательность, гендерные особенности, Темная триада, компьютерные игры

В настоящее время усиливается тенденция к индивидуализации современной молодежи. Эта тенденция отмечается не только в больших городах, но и в небольших поселениях и даже в республиках, традиционно склонных к коллективизму. Появление все большего многообразия путей и вариантов самореализации и индивидуализации подростков, юношей и взрослых связано с новыми пространствами деятельности, их профессиональными увлечениями. Повседневность настоящего открывает веер возможностей для выбора стратегий самореализации. Это связано не только с изменяющейся городской и цифровой повседневностью, но и с новыми возможностями самопрезентации себя и своих умений и мотивов. И, конечно, хобби, интересы становятся одним из наиболее предпочитаемых и доступных путей самореализации.

Одним из путей индивидуализации стратегий социализации является игровая деятельность, которая в настоящее время приобрела качественно новый характер, уйдя не только от ролей и правил, но и от закономерностей, характерных для традиционных, в том числе агональных спортивных игр. И одной из ведущих функций современных игр становится как раз самопрезентация и самореализация. Это предполагает не только изменение игровых форматов, но и связь выбранных форматов с индивидуальными и личностными особенностями игроков.

Эти теоретические положения определили цель данного исследования, в котором изучались личностные и гендерные особенности людей, предпочитающих разные форматы игровой активности.

Выборку образовали три группы: игроки в компьютерные MMORPG — «Геймеры» (37 человек, 24 женского пола), игроки в настольную ККИ МТГ — «Маги» (17 человек, 16 мужчин) и игроки в настольные варгеймы с миниатюрами — «Варгеймеры» (17 человек, 16 мужчин). Методическая основа исследования: краткий опросник Тёмной триады (Паршикова, Егорова, 2015); краткий опросник HEXACO (Егорова и др., 2015); методика Иерархия идентичности (Гавриченко, 2009).

Группа «Геймеры» отличается от группы «Маги» выраженным стремлением к управлению другими людьми, для извлечения личных выгод («Макиавеллизм», $p \leq 0,023$) и на уровне тенденции, не достигающей статистической значимости, от группы «Варгеймеры» ($p \leq 0,055$). «Геймерам» присуща большая дисциплинированность, надежность, организованность по сравнению с «Варгеймерами» («Сознательность», $p \leq 0,012$). В свою очередь «Варгеймеры», на уровне тенденции, не достигающей статистической значимости, более склонны к социальному взаимодействию, чем «Геймеры» («Экстраверсия», $p \leq 0,065$). Попарные сравнения трех групп по анкете, разработанной на основе ответов на методику «Иерархия идентичности» показало различие по одной из шкал. «Маги» значительно отличаются от «Геймеров» и «Варгеймеров» по шкале «ИмPLICITная модель познания» ($p \leq 0,016$ и $p \leq 0,037$, соответственно). Принимая решения или совершая выбор, «Маги» больше склонны ориентироваться на дискретные категории и не допускать «творческие» решения задачи. При этом внутренне обусловленные категории позволяют им с определенной легкостью совершать выбор одного из вариантов.

С точки зрения половой дифференциации женщины демонстрируют значимо большую открытость новому опыту, предрасположенность к исследованию окружающего мира по сравнению с мужчинами («Открытость новому опыту» $p \leq 0,037$). Также для них характерна достоверно большая ориентация на эмоциональные детерминанты в процессе принятия решения (шкала «Эмоциональные детерминанты выбора», $p \leq 0,038$). Различия не являются экстраординарными и подтверждают определенные социальные стереотипы.

Внутри группы геймеров женщины значительно отличаются от мужчин большей открытостью новому опыту («Открытость», $p \leq 0,042$) и на уровне тенденции большей эмоциональностью («Эмоциональность», $p \leq 0,064$). В свою очередь мужчинам свойственна значимо большая склонность к сотрудничеству и уступкам («Сотрудничество», $p \leq 0,024$). По показателям Темной триады и факторам значимых различий между мужчинами-геймерами и женщинами-геймерами не выявлено.

1. Гавриченко О.В.. Профессиональная идентичность студентов театрального ВУЗа // Психологические исследования, 2009, 4 (6), www.psystady.ru.
2. Егорова М.С., Паршикова О.В. Адаптация опросника HEXACO-PI-R на российской выборке. В кн.: Н.А. Батурин (Ред.), Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. Т. 1, с. 129–134.
3. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады. // Психологические исследования, 2015, 8(43), 1. <http://psystady.ru>

О некоторых аспектах психического здоровья личности при старении

Личность, старение, психическое здоровье, самооценка

Введение. Задача сохранения психического здоровья в позднем возрасте является очень важной. В последние десятилетия стала крайне актуальной разработка новых теоретических подходов и практических рекомендаций, направленных на оптимизацию психологической культуры старения. Подобные проблемы привлекают внимание не только ученых, но и самых обычных людей. Различные идеи, высказываемые в процессе научных и иных дискуссий, нуждаются в обсуждении и осмыслении. На сегодняшний день представления о психическом здоровье личности в позднем возрасте являются весьма неоднозначными, что связано со сложной многофакторной детерминацией старения как биопсихосоциального феномена.

Например, наряду с констатацией заострения в старости присущих ранее человеку черт характера, отмечаются и противоположные тенденции — умиротворенность, обращение к осмыслению важных жизненных ценностей (Краснова, Лидерс, 2002). Разноречивы мнения и о старении эмоциональной сферы. Ее перестройки связаны как с соматическими, так и с социальными факторами, с изменениями реакций на стресс, которые характеризуются большим диапазоном индивидуальных различий. В позднем онтогенезе существенно изменяется самооценка. Специалисты отмечают ретроспективный характер самооценки, ее неустойчивость, тенденцию к снижению, тесную зависимость от занятости, состояния здоровья и эмоционального тонуса (Бороздина, Молчанова, 1988). Предпосылками позитивного восприятия себя при старении является уменьшение расхождения между реальным и идеальным «я», формирование навыков построения отношений с разными людьми, что создает достаточно устойчивый круг общения, потенциальную возможность обретения помощи и поддержки. При старении меняется не только восприятие себя, но и других людей.

Особые «приобретения» и «потери» пожилых людей становятся своеобразным источником внутренней мотивации. Соотношение таких приобретений и потерь, придание им личностного смысла во многом зависит от пассивности или активности субъекта.

Представляют несомненный интерес и вопросы о связи в позднем возрасте личностных особенностей с сохранностью когнитивной сферы, о сохранении работоспособности и творческих возможностей. Здесь возможны разные сценарии развития: и сужение круга интересов, направленное на сбережение ресурсов для обеспечения ведущего мотива — самосохранения; и высокая сохранность интеллекта и психических функций у лиц высокообразованных, занимающихся творческим трудом. По мнению ученых, личность творческого человека толерантна к старению.

В сохранении психического здоровья личности важную роль играет фактор социального окружения, прежде всего, качество социальных связей (Фролькис, 1998, Стрижицкая, 2016). Вместе с тем, важна и тенденция к сокращению количества социальных связей, выражающая стремление пожилых людей больше находиться наедине с собой.

Заключение. Следует подчеркнуть, что не всегда имеет место совпадение взглядов на психическое здоровье самих пожилых людей и их окружения (Балашова, 2020). Кроме того, для современной ситуации развития науки и общества характерна значительная подвижность, транзитивность многих представлений о старении, в частности, образа психического здоровья личности.

1. Балашова Е.Ю. Категория психической нормы в нейропсихологии старения // Материалы Международной научно-практической конференции «Зейгарниковские чтения». Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований. Под ред. А.Б. Холмогоровой. М.: Изд-во МГППУ, 2020. С. 765–767.
2. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старения. М.: Академия, 2002.
3. Бороздина Л.В., Молчанова О.Н. Особенности самооценки в позднем возрасте // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1988. № 1. С.23–41.
4. Стрижицкая О.Ю. Основы психогеронтологии. СПб: Издательство СПбГУ, 2016.
5. Фролькис В.В.. Геронтология на рубеже веков // Наука и жизнь. 1998. № 11. С. 18–23.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00075 «Человек в повседневности: психологическая феноменология и закономерности»

Трансформация эмоциональных компетенций подростков в условиях цифровой социализации

Цифровая социализация, эмоциональные компетенции подростков

Современную социальную ситуацию развития подростка невозможно охарактеризовать без учета влияния цифровых технологий и их эффектов, распространяющихся на все сферы жизнедеятельности, от межличностных коммуникаций и организации быта до образования и сферы развлечения. Это позволило ввести в научный обиход понятие «цифровой социализации» как важнейшего аспекта формирования и существования современного подростка и активно разрабатывать методологию исследований цифровой социализации [1]. Социализация подростка — процесс двусторонний — это и усвоение подростком социального опыта и активное воспроизводство им системы социальных связей через вхождение в социальную среду. Существенную роль в процессе социализации играет усвоение социального опыта переживания и выражения эмоций и воспроизводства стратегий эмоционального переживания и реагирования.

Одним из важнейших результатов социализации выступает эмоциональная компетентность, связанная с умением понимать собственные эмоциональные состояния, способностью различать и понимать эмоции других людей, способностью использовать «словарь» эмоций, умением проявлять эмпатию, определением эмоциональных переживаний по внешней экспрессии, способностью к адаптивной эмоциональной саморегуляции и регуляции эмоционального поля межличностного общения. Эти «эмоциональные» умения [2] являются и результатом и основой для социализации в целом, а также предикторами социальной компетентности, субъективного психологического благополучия и профессиональной успешности в будущем.

Логично предположить, что в условиях цифровой социализации, когда за онлайн ресурсами и социальными сетями прочно закрепляется статус важнейшей для подростков платформы освоения различных социальных ролей, экспериментирования с идентичностью (возможность создания вариаций собственного «Я»), игр с эмоциональным состоянием, самореализации, когда Интернет является культурным орудием, способствующим порождению других, отличающихся от привычных «офлайновских», способов деятельности, культурных практик, феноменов, значений и смыслов [1], когда виртуальное общение осуществляется с использованием закодированного «языка эмоций» как заменителя невербальной возможности репрезентации своих эмоциональных состояний [3] и имеет место своеобразие процессов протекания межличностного восприятия в условиях отсутствия невербальной информации или части каналов ее поступления, изменяются пути и способы освоения и воспроизводства социального опыта эмоциональных переживаний, проявлений и регуляции, происходят трансформации в формировании эмоциональных компетенций подростков.

В результате актуализируется необходимость исследования проблемы влияния цифровой социализации подростков на формирование эмоциональных компетенций в плане:

- трансформации структуры эмоциональных компетенций;
- трансформации традиционного соотношения норма/ патология;
- пересмотра возрастной нормативности и ее вариаций;
- пересмотра соответствующих развивающих и коррекционных технологий;
- выделения особенностей цифровой среды, определяющих изменения в развитии эмоциональных компетенций подростка;
- определения рисков чрезмерной вовлеченности подростка в онлайн-среду и цифровую реальность для негативной трансформации или редукции эмоциональных компетенций, нарушений социально-психологической адаптации и психического здоровья.

Речь идет не только о теоретической концептуализации, но и о разработке новых диагностических моделей сформированности эмоциональных компетенций подростков, социализирующихся в условиях цифровой реальности.

1. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 71–80.
2. Saarni C. The Development of Emotional Competence/C. Saarni. Guilford Press, New York, NY, USA, 1999.
3. Изотова Е.И. Инструменты эмоциональной насыщенности интернет-сообщения: эмоциональный интеллект и способы кодирования эмоций. Психологические исследования, 2014, 7(37), 5.

Психологические типы лиц, склонных к эскапизму

Эскапизм, формы эскапизма, воображаемые миры, уход в фантазию, самореализация личности

В реалиях современной культуры существует явление, обозначенное термином «эскапизм». Оно обратило на себя общественное внимание и всё чаще становится предметом исследований. Современный человек находится в ситуации, когда, с одной стороны, он ограничен жёсткими рамками действительности, диктующей ему определённые поведенческие и смысловые шаблоны, с другой — наделён почти безграничной свободой в создании своей жизни и выборе своего «Я». В этой точке и возникает проблема эскапизма, как стратегии поведения или образа жизни в условиях современной культуры, когда неумение пользоваться своей свободой может привести к самоотчуждению, а умение — к самореализации (Теславская, 2017).

Целью данного исследования является психологическое изучение типов лиц, склонных к эскапизму. Для выделения основных форм эскапизма использовался опросник диагностики основных форм эскапизма (Беловол, 2018). Для изучения психологических особенностей лиц, склонных к эскапизму использовалась батарея методик, направленная на изучение рефлексивности, счастья, смысловых ориентаций, самоактуализации личности, переживания потока, а также методика для диагностики внутриличностного конфликта. В исследовании приняло участие 237 респондентов в возрасте 17–47 лет.

На первом этапе выделялись группы респондентов по двум признакам, которые соответствуют субшкалам опросника диагностики основных форм эскапизма: «положительный эскапизм» и «отрицательный эскапизм». С помощью кластерного анализа (метод Варда) было выделено четыре кластера. Первый кластер объединяет испытуемых со склонностью уходить от проблем, которая сочетается у них со способностью и потребностью создавать альтернативную реальность. Данная группа названа «эскаписты в широком смысле». Второй кластер объединяет людей, склонных уходить от проблем и избегать трудностей жизни, при этом они не обнаруживают склонность создавать альтернативную реальность и не расценивают отвлечение от реальности положительно. Эта группа получила название «эскаписты–». В третьем кластере — респонденты не склонные конструировать альтернативную реальность и не склонные избегать проблемы. Это представители, которых можно объединить в группу «неэскапистов». Четвёртый кластер объединяет респондентов, не проявляющих склонности уходить от проблем и трудностей жизни. Группа получила название «эскаписты+». Психологические особенности выделенных типов, изучались с помощью критерия Краскела–Уоллиса. Учитывались статистически значимые различия на уровне 0,05.

Результаты сравнительного анализа позволили следующим образом описать выделенные психологические типы лиц, склонных к эскапизму. Первый тип характеризуется высоким уровнем рефлексии, склонностью к самокопанию и квазирефлексии. Им присущи высокие показатели счастья, познавательной потребности, для них характерен низкий уровень внутриличностной конфликтности. Второй тип характеризуется высоким показателем по шкале «самокопание» в сочетании со средними и низкими показателями по всем остальным шкалам, при этом сверхвысокий уровень внутриличностной конфликтности отражает высокий уровень иррациональности их поведения. Третий тип характеризуются средними показателями творческого отношения к жизни, а также рефлексии: они в наименьшей степени склонны к самокопанию и фантазированию, переживанию состояния потока и субъективного счастья, они имеют высокие показатели осмысленности жизни, самовосприятия, познавательной потребности. Четвертый тип характеризуются средним уровнем рефлексии, высокими значениями осмысленности жизни и самовосприятия, они склонны к фантазированию.

1. Беловол, Е. В. Эскапизм «хороший» и эскапизм «плохой»: эмпирическая верификация модели/Е. В. Беловол, А. А. Кардапольцева//Прикладная юридическая психология. — 2018. — № 4(45). — С. 38–48.
2. Эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии/О. Теславская, А. Кардапольцева, Е. Беловол, Т.Савченко//Психологический журнал. — 2017. — Том 38, № 6. — С. 52–64.

Временная перспектива и реактивные стратегии как факторы проактивного совладающего поведения в молодом возрасте

Временная перспектива, реактивное и проактивное совладающее поведение, молодой возраст

Совладающее поведение период ранней взрослости тесно связано с такими личностными характеристиками как проактивность, уверенность в себе, способность к планированию, к саморегуляции, позитивное отношение к будущему и т.д. В молодом возрасте возрастает значимость социальных задач — получение профессии, поиск работы, установление личных взаимоотношений, создание семьи. Проактивное поведение — это, в первую очередь, целевое управление, а не меры по снижению риска. Изменяющаяся внешняя ситуация требует хорошего планирования и прогнозирования разных ситуаций, поэтому изучение факторов проактивного совладающего поведения в этом возрасте является важным в контексте саморазвития и самоопределения молодого человека.

Предмет исследования — временная перспектива и реактивные стратегии как факторы проактивного совладающего поведения в молодом возрасте. Цель нашего исследования — выявление факторов проактивного совладающего поведения в молодом возрасте. Методики были выбраны следующие: 1) «Proactive Coping Inventory (PCI) (в адаптации Е.П. Белинской и др.); 2) опросник копинг-стратегий Р. Лазаруса (в адаптации Т.Л.Крюковой и др.); 3) тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева); 4) опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (в адаптации О.В.Митиной, А. Сырцовой); 5) методика рефлексивности А.Б. Карпова. Опрос проводился с помощью Google- формы. В исследовании приняли участие 236 молодых людей в возрасте от 19 до 23 лет ($SD=20,1$).

Факторный анализ (Варимакс вращение) результатов нашей выборки показал наличие двух значимых факторов. Первый фактор включает в себя возраст, показатели проактивного совладания (стратегическое планирование (0,99137), поиск эмоциональной (0,98657) и информационной поддержки (0,90748), реактивные стратегии (конфронтация (0,98999), дистанцирование (0,99028), самоконтроль (0,98931), поиск социальной поддержки (0,98657), принятие ответственности (0,98719), бегство-избегание (0,98327), планирование решения проблемы (0,98517), показатели рефлексивности (0,97653) и принятие риска (0,96095), а также возраст (0,93614).

Мы предполагаем, что первые пять показателей являются важными в этом факторе и составляют разные этапы формирования одного из видов проактивного совладания — стратегического планирования (в него входит и положительная переоценка проблемы, и дистанцирование, и социальная поддержка). Возраст также является определяющим параметром, несмотря на то, что он замыкает список вместе с поиском информационной поддержки. Вероятно, для молодого возраста больше характерно принятие риска и определенный уровень рефлексивности, чтобы запустить развитие реактивных стратегий, которые имеют тенденцию к

проактивным. Наличие большого количества числа реактивных стратегий позволяет размечать этот фактор как «фактор реактивности совладания».

Второй фактор включает в себя показатели проактивного совладания (проактивное (0,980094), превентивное, рефлексивное преодоление), временной перспективы (положительное прошлое (0,960516), будущее (0,869687) и гедонистическое настоящее (0,746093), негативное прошлое (0,924527), фаталистическое настоящее (0,750112), жизнестойкости (контроля (0,796709) и вовлеченности (0,926788)). Мы полагаем, что при определенном уровне вовлеченности и контроля в происходящее, (при условии сформированного реактивного совладания) образуются и качественно улучшаются виды проактивного совладания — превентивное, рефлексивное и собственно проактивное. В данном факторе присутствуют все параметры времени прошлое-настоящее-будущее как основа для формирования более общей тенденции к категории будущего. Поэтому данный фактор мы можем обозначить как «фактор временной перспективы».

Таким образом, в молодом возрасте значимыми оказываются два фактора: сформированность реактивных стратегий совладающего поведения и временной перспективы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО № 21-513-07004 («Совладание с вызовами сложности изменяющегося мира в период ранней взрослости (молодости)»)

Особенности жизненных моделей молодежи с разным уровнем религиозности

Психология религии, религиозность, жизненные модели молодежи

Активно развивающейся в настоящее время областью психологии является психология изменений, или психология перемен, методологические и теоретические подходы которой наиболее адекватны изучению проблем современного общества и личности. Разрабатываются новые теоретические понятия, раскрывающие личность именно со стороны ее движения, становления. К таким понятиям относится, понятие «жизненная модель», предложенное для операционализации концепта «жизненный сценарий». Жизненная модель определяется как фрагмент жизненного сценария в конкретной сфере жизнедеятельности человека, который может быть описан на структурном (событийном) и процессуальном (активность и настойчивость усилий в достижении жизненных целей) уровнях. На основе данного понятия был разработан опросник «Жизненные модели молодежи» [1].

Актуальной видится задача изучения особенностей жизненных моделей молодежи с разным уровнем религиозности. В России после 1990 года активно растут религиозные институты, развивается религиозное образование. В активную религиозную жизнь вовлечены до 10% граждан России. При этом, результаты роста влияния религии в общественной жизни и в личной судьбе людей неоднозначны и мало исследованы. Как влияет религиозность молодых людей на характер их жизненных целей, планов и готовность их реализовывать? Как соединяются в них ответы на реалии современного мира, современные вызовы и традиционные взгляды на жизненные цели человека, транслированные через семью и воспитание?

Цель исследования: выявить особенности жизненных моделей молодых людей с разным уровнем религиозности. Выборка составила 112 человек, 42 мужчины и 70 женщин в возрасте 18–30 лет. Средний возраст респондентов 22,2 года. Все респонденты проживают в городах и имеют высшее образование, либо получают его.

Методики: 1) опросник «Ориентеры жизненных моделей молодежи»; 2) тест для определения структуры индивидуальной религиозности Ю.В. Щербатых.

Результаты. По итогам исследования религиозности были выделены три группы респондентов: с высоким (30,5%), средним (39%) и низким (30,5%) уровнем религиозности. Распределение по типам жизненных моделей оказалось следующим. Для подавляющего большинства участников исследования оказались характерны жизненные модели высокой активности — автономные и целеустремлённые (52%) и новаторы (42%). И только у 8% был обнаружен консервативный тип с низким показателем жизненной активности. Такой результат может быть объяснён особенностью выборки — городской образованной молодежью.

Далее были проведены сравнения средних величин показателей пяти факторов жизненных моделей между группами с разным уровнем религиозности. Для оценки статистической значимости различий применялся t-критерий Стьюдента. Три фактора не показали значимых различий: «Активная жизненная позиция»,

«Ориентация на достаток и личное благополучие», «Ориентация на стабильность или готовность к изменениям»

По двум факторам значимые различия выявлены. По фактору «Традиционные семейные ценности» между группами с высоким и низким ($t=4,734$) и высоким и средним ($t=4,643$) уровнем религиозности ($p \leq 0,001$). По фактору «Близость с родительской семьей» между группами с высокой и низкой религиозностью ($t=2,062$, $p \leq 0,05$).

Таким образом, на процессуальном уровне значимых различий между жизненными моделями молодежи с различным уровнем религиозности не наблюдается.

На структурном уровне основное различие жизненных моделей в том, что молодые люди с высоким уровнем религиозности в постановке своих целей в большей степени ориентируются на традиционную модель семьи и позитивней оценивают опыт своей родительской семьи, чем молодые люди со средним и низким уровнем религиозности.

1. Костромина С. Н., Москвичева Н. Л., Зиновьева Е. В., Гришина Н. В. Жизненная модель: операционализация конструкта и его эмпирическая валидация // Психология жизненного пространства: Теория и феноменология / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020.

Коммуникативная потребность современных подростков в ситуации транзитивности

Потребность в аффилиации, общении, межличностные отношения, старшие подростки, социализация, ситуация транзитивности

Современная социальная ситуация развития, а именно ситуация транзитивности подразумевает смену старых парадигм, изменение норм и ценностей, превалирование виртуального общения над реальным. Коммуникативная потребность выступает в роли фактора обеспечения позитивной социализации человека и важность построения коммуникативного пространства подростка определяется его стремлением к общению, находящему своей референтной группы, умением встраиваться в групповые нормы и правила.

Не случайно, поэтому выделение в зарубежной психологии такого собирательного понятия, как «потребность в аффилиации». Это потребности: контактировать с людьми, быть членом группы, взаимодействовать с окружающими, оказывать и принимать помощь. Потребность в аффилиации — потребность быть с другими людьми, входить в общество, устанавливать дружеские отношения, сотрудничать и др. [4]. Она проявляется в стремлении установить близкие отношения, участвовать в совместных действиях, целью которых является процесс общения, приносящий удовлетворение. Цель этой потребности может быть различной, и даже взаимоисключающей (достижение близких отношений или/и использование собеседника в своих целях) [1].

Потребность аффилиации проявляется тройко: потребность в периодических разговорах; налаживание отношений, контактов; потребность поделиться своими проблемами [2].

Общение в подростковом возрасте выступает условием успешной социализации и формирования идентичности. Оно играет важнейшую роль в формировании чувства взрослости — одного из основных достижений данного возрастного периода. Основным условием и результатом успешного общения является признание со стороны сверстников, отношения с которыми приобретают первостепенную значимость. Одним из ведущих мотивов выступает потребность в принадлежности группе, установка дружеских отношений, что актуализирует проблему исследования [3].

Целью нашего эмпирического исследования стало исследование потребности в аффилиации у современных подростков 15–16 лет.

В качестве методов исследования выступили: методика межличностных отношений Т. Лири; опросник К. Леонгарда — С. Шмишека; методика «Мотивация аффилиации» А. Мехрабиана в модификации М.Ш. Магомед-Эминова.

Выборку составили: 90 подростков, в возрасте 15–16 лет, обучающихся в образовательных учреждениях г. Москвы. Респонденты дали согласие на проведение исследования.

Обобщив полученные результаты, мы сделали следующие выводы:

1. В ситуации транзитивности, большинство современных подростков имеют потребность в аффилиации, которая актуализируется через тип межличностных отношений, черты характера, стремлению к принятию и страхом отвержения группы сверстников.
2. Тип межличностных отношений, характеризующийся дружелюбием, гибкостью и компромиссом при решении проблем в конфликтных ситуациях, общительностью, низкой агрессивностью, низкой эгоистичностью и низким авторитаризмом способствует развитию коммуникативной потребности у старших подростков.
3. Такие черты характера как гипертимность, демонстративность, циклотимность и эмотивность обуславливают межличностное общение старших подростков в ситуации транзитивности.
4. Девочки-подростки более чувствительны к принятию и отвержению в группе сверстников, чем мальчики старшего подросткового возраста.
 1. Большая психологическая энциклопедия 2007 М.: Эксмо, 2007.
 2. Виллонас В.К. 2010- Виллонас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во МГУ, 2010.
 3. Возрастная психология 2014: учеб.пособие для студ. учреждений высш. образования / [Т.П. Авдулова, О.В. Гавриченко, Т.В. Гармаева и др.]; под ред. Т.Д. Марцинковской. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2014.
 4. Филиппов А.В., Романова Н.Н., Летьгова Т.В. Тысяча состояний души. 2011- Филиппов А.В., Романова Н.Н., Летьгова Т.В. Краткий психолого-филологический словарь. М.: Флинта, 2011.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 19-18-00516 «Транзитивное и виртуальное пространства — общность и различия»

Антропологический подход в психологии личности

Методология, психология личности, антропологический подход, человек и мир, современность

В процессах самоорганизации современного социогуманитарного знания трансдисциплинарность проявляется не столько в качестве осознанных методологических стратегий, сколько стихийности исследовательских практик. В этой ситуации исследовательские поля психологии личности, психологии повседневности, социологии изменений, антропологии современности неминуемо смешиваются. В психологии личности роль неявного интегратора знания в изучении текущих изменений человека и мира играет антропологический подход. Латентные антропологии в психологии представлены сегодня не только в реконструкциях традиции петербургской научной школы (Логинова, 2017), но и в современных направлениях психологии личности, психологии субъекта, психологии повседневности (Гусельцева, 2021).

Явно или неявно антропологический подход в психологии личности способствует достижению целостности и полноты знаний о человеке, выступает обобщающей концептуальной рамкой изучения человека и мира в потоке изменений, позволяет сделать акценты на факторах процессуальности и контекстуальности человеческого бытия (Гришина, 2019). Антропологический подход в психологии личности помогает решать методологические (дизайн исследования) и общегуманитарные (дидактические, просвещенческие) задачи.

Современная антропология — наука о разнообразии человеческого бытия, о человеке в глобальных и локальных контекстах культуры, личности в мире и мирах личности, сообществах и индивидуумах, пребывающих в изменениях. Антропология — наука о Другом, отличающемся и одновременно похожем человеке, его эволюции в истории и изменениях в текущей повседневности.

Критический и рефлексивный повороты, происшедшие в антропологии конца XX в., показали, что изменяющийся мир нуждается в изменившихся способах познания (Rabinow, Marcus et al., 2008), для изучения пребывающего в изменениях человека необходимы специально разработанные теории (Eriksen, Nielsen, 2013). В таких направлениях как антропология современности (anthropology of the contemporary) и антропология глобализации (anthropology of globalization) сегодня разрабатывается инструментарий именно для изучения изменений. Обновление исследовательской оптики в самом общем виде совершается тремя путями: 1) в процессах коммуникации с другими культурами; 2) постижении иных способов мышления через изучение языков; 3) посредством выхода в меж(транс)дисциплинарные поля современной науки. В каждом случае обновление обусловлено открытостью и усилием преодоления границ, коммуникацией с чем-то иным, выводящим субъекта из привычного состояния (status quo).

Антропологический подход в психологии личности — лишь одно из средств методологического обновления. Антропологическая оптика означает не только

наблюдение за незнакомым и инаковым, изучение образов жизни, выходящих за пределы текущей нормативности, но и способ увидеть свое как чужое, осознать привычное как странное (Eriksen, Nielsen, 2013), а, стало быть, возможность обнаружить те аспекты изменений, которые не попадают в фокус сложившейся исследовательской парадигмы.

Несмотря на тяготение психологической науки к построению систем, обращаясь к личности и ее жизненному миру психология в большей степени имеет дело со случаями (cases), где охватить целостную жизнь человека в потоках его бытия помогают этнографические описания. Гуманитарная же миссия антропологии — осознание человечества как разнообразного, но взаимосвязанного целого (Ibid).

1. Гришина Н.В. (Ред.). Психология личности: Пребывание в изменении. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019.
2. Гусельцева М.С. Проблема человека в российской психологии и за ее пределами // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 2. С. 72–95.
3. Логинова Н.А. Проблема человека в современной российской психологии // Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 81–110.
4. Eriksen T.H., Nielsen F.S. A History of Anthropology. L.: Pluto Press, 2013.
5. Rabinow P., Marcus G.E., Faubion J.D., Rees T. Designs for an Anthropology of the Contemporary. Durham, NC: Duke University Press, 2008.

Взаимосвязь рефлексивности и особенностей религиозности личности

Рефлексия, рефлексивность, дифференциальный тип рефлексии, религиозная ориентация, религиозная мотивация

Рефлексивность рассматривается как составная часть духовных способностей личности, тесно связанных с религиозной сферой, однако, взаимосвязь рефлексии и религиозности изучается относительно редко, а имеющиеся эмпирические данные противоречивы [3]. Мы предположили, что существующие противоречия в отношении связи рефлексивности и религиозности можно объяснить тем, что они были получены без учета разграничения типов рефлексии.

Теоретико-методологическими основаниями нашего исследования стали: исследование нелинейной связи между рефлексивностью и качеством принятия решений в работах А. В. Карпова; концепция Д. А. Леонтьева о дифференциальных типах рефлексии в зависимости от ее направленности: интроспекция, квазирефлексия и системная рефлексия [1]; концепция Г. Олпорта о внешней и внутренней религиозной ориентации личности; представление об автономной и контролируемой религиозной мотивации, развиваемое в рамках теории самодетерминации Дейси и Райна [2].

Использовался следующий инструментарий:

- 1) «Опросник рефлексивности» (А. В. Карпов) и опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (Д. А. Леонтьев).
- 2) «Шкала религиозной ориентации» (Г. Олпорт) и опросник «Интернализации религиозности» (Р. С. Титов).
- 3) Полупроективные методики: «Кто Я?» (Кун — Макпартленд, модификация Т. В. Румянцевой) и модификация методики «Неоконченные предложения» (Сакс-Леви).

Выборка состояла из 123 православных граждан Российской Федерации в возрасте от 18 до 75 лет. Полученные данные обрабатывались с помощью следующих математических методов: ранговая корреляция Спирмена, U-критерий Манна — Уитни.

Результаты исследования показали различие в рефлексивности между людьми с внутренней и внешней религиозной ориентацией. Более высокий уровень рефлексивности был обратно связан с частотой выполнения таких религиозных действий как посещение церкви, чтение традиционных текстов и просмотр религиозных передач. Это объяснимо тем, что людям с высокой рефлексией в большей степени свойственны различные сомнения, которые могут снижать частоту выполнения религиозной активности. Сниженная квазирефлексия была прямо связана с частотой просмотра религиозных телепередач и посещением религиозных

сайтов, а системная рефлексия обратно связано с посещением сайтов. Вероятно люди, которым не свойственно отвлекаться от актуальной жизненной ситуации, стараются быть более осведомлёнными о современной религиозной жизни. А системная рефлексия при этом выступает фактором, который способствует тому, что в целом для человека интернет-активность не используется как средство отвлечения.

Интроспекция, являющаяся в определенной степени дезадаптивной формой рефлексии, прямо связана именно с внешней религиозной ориентацией, а с внутренней обратно. Это подтверждается и результатом сравнения групп. Мы объясняем это тем, что людям, которым свойственна излишняя концентрация на своих переживаниях, также свойственно искать ресурс для преодоления их негативных видов, который представляет им религиозная вера.

Сравнение групп показало, что системная рефлексия в большей степени свойственна людям, которые глубже и полнее принимают религиозную систему в свою структур ценностей по сравнению с теми, кто следует религии из-за стремления поддерживать самооценку и избегать негативных эмоций, связанных с самообвинением. Это объяснимо тем, что системная рефлексия играет важную роль в процессе прояснения «Я»-концепции и выстраивания непротиворечивой внутренней иерархией ценностей.

1. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.
2. Титов Р. С. Интернализация религиозности и ее диагностика в теории самодетерминации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 138–147.
3. Yilmaz, O., I. Ozan, Reflection increases belief in God through self-questioning among non-believers // Judgment and Decision Making, Vol. 14, No. 6, November 2019, pp. 649–657.

Переживания времени и копинг-стратегии студентов во время пандемии

Копинг-стратегии, переживание времени, студенты, пандемия, совладающее поведение

Вызванные пандемией изменения в жизнедеятельности человека, длительная работа с использованием технических средств, нарастающее напряжение, неопределенность ситуации привели к повышению уровня стрессогенности и актуализировали вопросы, связанные с совладанием, копинг-поведением. Совладающее поведение динамично и связано с переживанием ситуации и себя в этой ситуации, которые могут быть описаны как интегративные образования сознания. Уникальность данной ситуации состоит в том, что не имеет аналогов в опыте людей, приводит к изменению прежнего порядка, связано с разрывом временных связей, когда прошлое перестает быть ресурсом, основанием для настоящего и будущего, которое неопределенно. Мы полагаем, что особенности переживания времени соотносятся с выбираемыми студентами копинг-стратегиями.

В интернет опросе, проводимого в январе-феврале 2021 г. после двух пиков заболеваемости, приняли участие студенты 1–4 курсов в возрасте от 17 до 26 лет ($SD=21,7$) г.Красноярска ($n=876$). С помощью «Шкал переживания времени» участники оценивали свои переживания в настоящий момент. Изучение копинг-стратегий осуществлялось с помощью методики COPE, а также опросника «Проактивный копинг». Взаимосвязь выявлялась с помощью критерия Спирмена.

В результате анализа количества связей переживаний с копингами были выделены характеристики времени, которые могут быть рассмотрены как значимые в переживании ситуации пандемии: переживание быстроты времени — скорость изменений; раздробленность и прерывистость, которые характеризуют континуальность–дискретность времени; насыщенность как характеристика напряженности; организованность, связанная со структурой времени, а также эмоциональное отношение к нему — приятное / неприятное.

Для группы эмоционально-ориентированных копинг-стратегии практически не выявлены связи с переживанием времени, кроме обращения к юмору по поводу ситуации, который может выступать как определенный способ решения противоречий.

Обращение к юмору соотносится с переживаниями времени как быстро текущего, насыщенного, непрерывного, цельного, организованного и приятного. Юмор как стратегия совладания более сходна с проактивными копингами: превентивным, рефлексивным и стратегическим планированием, общими для которых являются переживания непрерывного, цельного и организованного и приятного времени. Отличия наблюдаются в переживании скорости и насыщенности для превентивного, отсутствием связи с эмоциональным отношением ко времени для рефлексивного копинга.

Данные соотношения также характеризуют и проблемно-ориентированные копинги. При этом можно выделить сдерживание совладания и инструментальную

поддержку как более сходные с проактивными копингами, а подавление конкурирующей деятельности характеризуется противоположными к данной группе копингов переживаниями времени. Активные действия соотносятся с переживанием неорганизованности времени, обдумывание того, как действовать в отношении трудной жизненной ситуации, — с пустотой.

Копинг-стратегии, связанные с изменением самочувствия, соотносятся с переживанием пустоты и неорганизованности времени, что характерно для концентрации на неприятных эмоциях. При обращении к «успокоительным» для избегания проблемы и улучшения самочувствия к данным переживаниям добавляются переживания медленного течения времени, скачкообразного, раздробленного и неприятного. Мысленный и поведенческий уход имеет разную структуру связей, что говорит о разных механизмах восприятия себя в ситуации и оценки ресурсов: использование фантазирования, сна для отвлечения от неприятных мыслей соотносится с переживанием времени как скачкообразного, а отказ от достижения целей и регуляции усилий на взаимодействии со стрессором соотносится с переживанием времени как неограниченного и приятного.

Выделенные связи копинг-стратегий и переживания времени показывают, что при анализе совладающего поведения, обращения личности к определенным копинг-стратегиям необходимо учитывать временную структуру переживания ситуации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта №20-413-242905

Жизненные цели цифровых лидеров мнений, транслируемые ими в социальных сетях

Жизненные цели, цифровые лидеры мнений, цифровое поколение

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что дети по активности освоения Интернета давно опередили взрослых. Однако все еще недостаточное внимание уделяется изучению воздействия Интернета и, в частности, социальных сетей, на цифровое поколение. Исследования показывают, что социальные сети сегодня являются важнейшей площадкой для социализации, такой же, как семья или школа (Moskvicheva et al., 2020). Все чаще можно встретить термин «цифровая социализация», вместо понятия «информационная социализация» (Солдатова и др., 2017). В качестве агентов цифровой социализации можно рассматривать так называемых «цифровых лидеров мнений» цифрового поколения. В отличие от информационных лидеров мнения, такие лидеры часто не являются профессионалами или экспертами в какой-либо отдельной области (Кузнецова, Зиновьева, 2020). Лидеры цифрового поколения становятся таковыми благодаря высокой чувствительности к потребностям своей аудитории и умению создавать контент, в котором эти потребности находят отражение. В тоже время, контент, который они предлагают, нельзя рассматривать лишь как продукт, возникающий в ответ на запрос аудитории, в нем всегда можно увидеть следы личности лидера, в том числе его ценностные ориентиры.

Целью нашего исследования стало выявление в контенте, предлагаемом цифровыми лидерами мнений своей аудитории ценностных позиций, касающихся жизненных целей современного человека. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе, с помощью опроса выявлялись цифровые лидеры мнений, на втором этапе посредством контент-анализа изучался их контент, предлагаемый для просмотра своим пользователям. На первом этапе в исследовании приняли участие подростки в возрасте от 15 до 17 лет в количестве 390 человек ($\Sigma=16,14$; $\Omega=\pm 0,8$), они отвечали на вопросы о том, кого они считают авторитетными среди «инфлюенсеров» в социальных сетях, чье мнение относительно тех или иных сфер жизни их интересует. В пятерку лидеров по количеству названий вошли Анастасия Ивлева, Данила Милохин, Данила Поперечный, Юрий Дудь, DAVA (Давид Манукян). 87% участников отметило, что регулярно просматривает контент этих персон, однако не рассматривает их в качестве авторитетов для себя. В тоже время, они отмечали, что им интересна их точка зрения по поводу тех или иных событий или тем.

На втором этапе было проанализировано 546 видеоматериалов, которые были размещены в социальной сети YouTube этими персонами за три месяца. Анализ полученных данных, позволил выявить шесть основных посланий относительно жизненных целей человека, присутствующих у всех из вышеперечисленных лидеров: это «найти такое дело своей жизни, чтобы жить в удовольствие» ($\chi^2=0,716$), «нужно стремиться много путешествовать» ($\chi^2=0,678$), «нужно научиться не бояться

говорить и делать то, что хочется» ($\chi^2=0,612$), «нужно стремиться к успеху и деньгам, быть лучшим в том, что ты делаешь» ($\chi^2=0,591$), «нужно окружать себя людьми которые тебя развивают, а не подавляют («не токсичные»)» ($\chi^2=0,565$), «не нужно вступать в отношения только ради отношений» ($\chi^2=0,546$). Как видно из посланий они фокусируются больше вокруг скорее жизненного стиля, чем конкретных событий (карьера, брак, дети, покупка вещей).

В дальнейшем мы планируем сопоставить жизненные цели цифровых лидеров с жизненными целями представителей цифрового поколения.

1. Moskvicheva N., Kostromina S., Zinovieva E., Grishina N. Life models of youth in the space of social networks: research experience // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, PSYRGGU 2020. с.522–530
2. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. —М.: Смысл, 2017. — 375 с
3. Кузнецова, Е.А., Зиновьева, Е.В., Психологические аспекты определения и изучения лидеров мнений в цифровой среде // Мир науки. Педагогика и психология. №5, 2020, с.1

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00738 «Влияние мнения лидера поколения в цифровой среде на ценностные установки поколения Z».

Образная сфера и возможные Я человека

Образная сфера, возможные Я, репрезентация возможных Я, фантазирование

Концепция возможных Я (possible selves) была разработана Х. Маркус (H. Markus) и П. Нуриус (P.Nurius), которые понимали их как идеи людей о том, кем они могут стать, кем хотели бы стать и кем они боятся стать. Важно то, что это не любые надежды или опасения, а только те, которые подразумевают Я как активного агента, включенного в будущую ситуацию. В этом отличие возможных Я от более абстрактных понятий, напр., жизненных планов или задач: возможные Я — это конкретные проявления, которые придают индивидуальный смысл более абстрактным устремлениям (Markus, Nurius, 1986; Erikson, 2007). Выделяют такие категории возможных Я как общие описания черт, своих физических данных, образа жизни, способностей, профессии, отношений к себе других людей. Обычно выделяют такие формы возможных Я как концепты, образы или нарративы (Erikson, 2007). В последнее время приоритет отдается нарративной форме репрезентации Я, которая позволяет подчеркнуть их информационную насыщенность, взаимосвязь друг с другом, наполненность личностно значимым смыслом. Однако нарративная форма не позволяет ухватить важную характеристику возможных Я — их укорененность в реальности, включенность Я в ситуацию будущего. Нас интересовало, как способность к визуализации связана с содержательными характеристиками возможных Я — как желательных, так и нежелательных (каким человек хотел/ не хотел бы стать). В исследовании участвовали 35 чел.: 28 ж. и 7 м. в возрасте 15–26 лет ($M=20,1$). С помощью опросника Д. Маркса был определен уровень яркости-четкости визуальных представлений («фантазийности»), а в интервью на основе методики К.Хукер были получены словесные описания желательных и нежелательных возможных Я.

На основе категоризации полученных данных Е.А.Колесникова выделила две характеристики возможных Я. Первая из них — индивидуальность содержания Возможных Я, отражавшая степень их проработанности и детализированности: от стереотипных обобщенных описаний до наполненных разнообразными подробностями образов себя-в-ситуации. Степень индивидуальности содержания желательных Возможных Я оказалась значимо связана с уровнем фантазийности ($r(35) = 0.5469$, $p = 0.0007$). Негативные образы возможного будущего, наоборот, были более обобщенными, лишенными содержательных деталей. Мы заметили, что в процессе интервью респонденты тратили больше времени на то, чтобы их актуализировать и меньше на то, чтобы их описать. Сравнение желательных и нежелательных возможных Я по степени индивидуальности показало, что два этих вида Возможных Я достоверно различаются ($\chi^2 = 6.812$, $p = 0.034$).

Вторая характеристика возможных Я — степень динамичности их репрезентаций. Статичные образы респонденты описывали как «картинка без движений», «слайд-шоу», «фотография». В кратких динамичных формах движение носит либо фоновый, циклический характер (например, «единственное, что

двигалось — пар от кружки», «представляется, как колышутся деревья»), либо образует цельную кратковременную сцену («Были образы, как я хожу туда-сюда на работу... как я могу лежать на диване и ничего не делать... как маленькие гифки»). Динамичные образы отличаются большей длительностью представления и наличием последовательности действий («Могу представить, как я еду за фурой, она вдруг останавливается, я улетаю под нее, это (прим. представление) секунд 10–15 может быть»). Сюжетные динамичные образы содержали целую историю, в т.ч. коммуникативные ситуации. Сравнение желательных и нежелательных Возможных Я по динамичности также обнаружил значимые различия ($\chi^2 = 9.591$, $p = 0.023$).

Было выдвинуто предположение, что в случае с нежелательными Я деятельность фантазии сворачивается, не допуская отождествления человека с неприятными образами, ведущими к ухудшению эмоционального состояния.

1. Erikson M.G. The Meaning of the Future: Toward a More Specific Definition of Possible Selves // *Review of General Psychology*. 2007. Т. 11, №. 4. С. 348–358.
2. Markus H., Nurius P. Possible selves // *American Psychologist*. 1986. 41(9). С. 954–969.

Взаимосвязь личностных особенностей и принципов моральных суждений у российских и китайских студентов

Моральная психология, принципы моральных суждений, темная триада, культурная обусловленность морали

Кросскультурные исследования показывают наличие как общих закономерностей моральных суждений, так и межкультурные различия, чреватые угрозой конфликтов в глобальном мире. Наряду с этим, в психологии имеют место исследования влияния на моральные суждения личностных особенностей людей, как общих, так и специфически связываемых с моралью, прежде всего, так называемой «Темной триады»: нарциссизм, макиавеллизм и психопатия. Проблема того, как культура обуславливает и опосредует влияние на моральные суждения тех или иных свойств личности, остается практически не исследованной. Постановка этой проблемы составляет новизну и оригинальность нашего исследования.

В исследовании участвовало 281 человек, в том числе 76 российских студентов; 81 китайский студент, проживающий в России; 124 китайских студента, обучающихся и проживающих в Китае.

Для определения личностных особенностей использовались стандартные методики «Большая Пятерка» и «Темная триада». Для изучения особенностей моральных суждений использовался «Тест морального чувства» [2]. Этот тест, разработанный на основе популярной теории двойственного процесса моральных суждений, измеряет соответствие ответов испытуемого трем универсальным (предположительно основанным на автоматически-эмоциональной реакции) принципам моральных суждений: (а) вред, причиненный действием, хуже вреда, причиненного бездействием (принцип действия), (б) вред, предназначенный в качестве средства достижения цели, хуже вреда, предусмотренного в качестве побочного эффекта цели (принцип намерения), и (в) вред, связанный с физическим контактом с жертвой, хуже вреда, не связанного с физическим контактом (принцип контакта). Методика состоит из 30 моральных дилемм и двух контрольных сценариев. В каждой из дилемм герой стоял перед выбором спасения пяти незнакомых людей за счет причинения смертельного вреда одному незнакомому человеку. Герой дилеммы всегда совершал утилитарный выбор, т. е. решал спасти пятерых за счет смерти одного. Участникам исследования предлагалось оценить допустимость его утилитарного действия (или бездействия) по семибалльной шкале. Ранее проводились сравнения россиян и западных европейцев по данному тесту [1]. Сравнения россиян и китайцев не проводились.

Результаты работы показали как наличие общих особенностей моральных суждений в группах россиян и китайцев, так и имеющиеся различия. Во всех трех группах подтвердились принципы действия, намерения и контакта. Однако, выявлены и межкультурные различия. Наибольшие различия моральных суждений выявлены между китайскими студентами, проживающими и обучающимися в Китае, и россиянами. Общая суммарная оценка допустимости нанесенного прагматическим

решением героев сценариев вреда значимо выше у россиян. Китайские студенты, обучающиеся и проживающие в России, в отношении особенностей моральных суждений занимают своего рода промежуточную позицию между россиянами и китайцами, проживающими в Китае.

Корреляционный и регрессионный анализ подтвердил наличие взаимосвязей личностных черт и принципов моральных суждений. Для выявления межкультурных особенностей взаимосвязи личностных черт и принципов моральных суждений использовался факторный дисперсионный анализ 2×3 (страна происхождения (Китай или Россия) \times уровень выраженности личностной черты (слабый, средний, сильный)). Результаты показали, что влияние черт личности на моральные суждения во всех группах в значительной степени совпадало по направлению и степени. Однако, были выявлены различия в направлении и силе влияния макиавеллизма и нарциссизма на моральные суждения в ситуациях намеренного нанесения вреда.

1. Arutyunova, K.R., Yu.I. Alexandrov, V.V. Znakov, and M.D. Hauser. "Moral Judgments in Russian Culture: Universality and Cultural Specificity". *Journal of Cognition and Culture* 13.3–4 (2013): 255–285
2. Cushman, Fiery, et al. "The Role of Conscious Reasoning and Intuition in Moral Judgment: Testing Three Principles of Harm." *Psychological Science*, vol. 17, no. 12, Dec. 2006, pp. 1082–1089

Процесс изменений личности в ситуации помогающих отношений

Изменения идентичности, жизненная ситуация, помогающие отношения, ПТСР, самоощущенность

Психологическая травма, полученная человеком в результате пережитого травмирующего события, изменяет жизненную ситуацию, как самого пострадавшего, так и жизнь окружающих его близких, психологические проблемы которых, однако, редко оказываются в поле внимания специалистов. Предметом нашего исследования стали изменения идентичности близких людей, оказывающих помощь лицам, страдающим от ПТСР. Имеющиеся в литературе данные свидетельствуют о том, что близкие ветеранов страдают от хронического стресса, затрагивающего физические, эмоциональные и поведенческие аспекты, что ведет к потере идентичности, изоляции, приводит к дисфункции и дистрессу в браке [1].

В задачи нашего исследования входило изучение изменений и трансформации идентичности лиц в связи с принятием на себя ответственности в ситуации помогающих отношений. Методологической основой исследования стали представления К. Левина об описании ситуации в ее субъективном понимании человеком, концепты «определение ситуации» (У. Томас) и «переживание» (Л. Выготский). Восприятие и интерпретация своей жизненной ситуации влияет не только на поведение человека, но и меняет его идентичность, определяемую данной ситуацией.

Для изучения процесса изменений личности близких в жизненной ситуации помогающих отношений была использована методика «Шкала идентичности семейного опекуна» Е. Eifert [2] и проведено глубинное полу-структурированное интервью 10 женщин — жен и интимных партнеров ветеранов, диагностированных ПТСР. Полученные данные обрабатывались при помощи контент-анализа.

Было выделено 7 значимых тем, которые дают наглядное представление об основных стадиях процесса изменений личности в изменившейся жизненной ситуации женщин, вступивших в помогающие отношения с человеком с ПТСР.

Первая стадия включает в себя изменение жизненной ситуации и жизненного пространства в связи с ПТСР партнера. Недостаточная осведомленность о проблеме ПТСР и чувство вины за свою неспособность понять и помочь партнеру, ведут к эмоциональному дистрессу, увеличению бремени заботы о страдающем партнере. Это отражено в темах: Недостаточная осведомленность о ПТСР. Чувство вины. Повседневный стресс.

На второй стадии происходит осознание и интерпретация изменившейся жизненной ситуации, жизненного пространства и своей личности. Респонденты осознают собственную поглощенность ролью опекуна и потерю самоощущенности. Темы: Формирование идентичности опекуна. Деструктивная ответственность. Возникает потребность личности определить другой способ взаимодействия с окружающим миром и обратиться к поиску новых ресурсов для

сохранения супружеских отношений, восстановить равновесие в диадической идентичности и сохранить самоидентичность. Результаты интервью показали, что этими ресурсами являются забота о себе, неформальная и профессиональная поддержка, приверженность к сохранению отношений, любовь, оптимизм и вера в будущее, жизнестойкость. Тема: Стратегии и копинг ресурсы.

Третья стадия: женщинам, сумевшим принять конструктивную ответственность за сохранение или восстановление самоидентичности, в конечном итоге удалось справиться с непростой жизненной ситуацией, интегрировать идентичность опекуна в структуру своей личности, но при это научиться управлять требованиями этой «встроенной» идентичности. Возвращение к главной идентичности происходит через осознание авторства своей жизни и принятие на себя конструктивной ответственности. В результате взаимодействия с новой реальностью окружающего мира, необходимостью и готовностью личности к самоизменению и развитию своего потенциала, возникает удовлетворенность существующей жизненной ситуацией. Тема: Самоидентичность и авторство своей жизни.

1. Calhoun P. S., et al. Caregiver burden and psychological distress in partners of veterans with chronic posttraumatic stress disorder //Journal of traumatic stress. — 2002. — Т. 15. — №. 3. — P. 205–212
2. Eifert E. K. Measuring caregiver identity: scale development and validation. — The University of North Carolina, 2014. — 117p

Представление молодежи о будущем — прогнозирование и предвидение

Будущее, молодежь, подростки, прогнозирование

Стремление прогнозировать будущие изменения или хотя бы предвидеть грядущее, было и остается одним из основных мотивов людей. Недаром во все времена пользуются такой популярностью гадалки и астрологи, да и искусство и наука также не обходят стороной вопрос о дальнейшей судьбе человечества и отдельных людей. Если прогнозирование является прерогативой науки, то предвидения, предчувствия и мечты о будущем становятся константой размышлений художников и переживаний людей всех возрастов (Martsinkovskaya, Preobrazhenskaya, 2020). Но, конечно, один из основных периодов жизни, для которых будущее является наиболее манящим, значимым и амбивалентным по эмоциональному наполнению — это юность. Молодые люди строят планы, мечтают о самореализации — профессиональной и личностной, и, конечно, формируют свой образ будущего мира. И в этом образе кристаллизуются переживания эпохи, ценностные ориентации поколения и эталоны современности.

Поэтому так важны представления о будущем современных подростков для психологии, ведь они не только раскрывают их картину мира, но и дают возможность увидеть их переживания и стремления.

Эти положения стали основанием для проведения эмпирического исследования, проведенного в мае 2021 года на выборке московских студентов первого курса, обучающихся на экономических специальностях. Результаты сравниваются с предыдущими замерами на выборке студентов, обучающихся на психологических специальностях.

При анализе представлений о будущем в данном исследовании были выявлены следующие закономерности: четких представлений и осознанности при описании будущего не представлено у большинства респондентов; почти у половины респондентов присутствует описание только своего личного будущего. Оптимистичным будущее видит чуть больше половины выборки, при этом не встречаются яркие эмоциональные описания, нереальные и недостижимые образы. Незначительное количество респондентов представляют будущее в негативном свете, при этом также не встречается эмоциональных описаний.

Данные, полученные в этом исследовании, позволили выявить различия в ответах женской и мужской части выборки. У девушек значительно чаще встречаются образы только своего личного будущего и описание будущей семьи, тогда как мужчины склонны больше описывать будущее всего мира. Женская часть выборки описывает будущее преимущественно в положительном свете, более того ни одна из респонденток не использовала отрицательных описаний в рассказе.

В содержательной части текстов по всей выборке четко прослеживается проектирование образа будущего на основании существующего положения вещей, практически не встречаются фантастические образы. Единственной анкетой с предположением о легких путешествиях между мирами и общением с инопланетянами начинается со слов: «т.к. тест анонимный, я могу выделить свои мысли». Свое будущее в большинстве случаев описано подробно и затрагивает несколько аспектов жизни: будущая семья, будущая карьера и интересы, будущее место жительства. В анкетах не единожды встречается описание своего будущего с позиции «как я впишусь в будущее мира», что говорит о большой осознанности и серьезном подходе к проектированию своей жизни. Часть респондентов четко очерчивали временные границы: «мое будущее (~ через 15–20 лет); «спустя 5 лет» и т. д.; в отсутствии временного пояснения — «на данный момент я представляю будущее так...». В нескольких случаях описание своего будущего написано от третьего лица. Несмотря на специфическую эпидемиологическую ситуацию в мире, тема пандемии и медицины не была упомянута ни в одной анкете. В свою очередь, популярной оказалась тема политики.

При сравнении данных с результатами прошлого года (Марцинковская, Преображенская, 2020) выявлены существенные различия. Полученные результаты требуют дальнейшего обсуждения, т.к. многие отличия могут быть связаны со спецификой профессиональной направленности исследуемых групп.

1. Марцинковская Т.Д., Преображенская С.В. Информационная социализация студентов в транзитивном мире // Вопросы психологии. 2020. Т.66. №3. С. 45–55.
2. T. Martsinkovskaya, S. Preobrazhenskaya. Culture in transitive space // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Article no: 52 Pages 428–434 Doi: 10.15405/epsbs.2020.11.02.52

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №19-313-90026 «Влияние современного информационного, транзитивного пространства на психическое развитие школьников».

Психосемантический анализ мотивационной сферы личности в условиях пандемии COVID-19

Социальные представления, атрибутивная психосемантическая методика, пандемия COVID-19, саморегуляция, ценностные ориентации

Стремительное распространение пандемии COVID-19 в начале 2020 года за рекордно короткий срок изменило жизнь миллионов людей по всему миру. Изменения в повседневной жизни людей, нарушение организации трудовой и учебной деятельности, тревожность на фоне ожидаемых и пережитых потерь, разрушительные экономические последствия. Все это привело к ситуации интенсивного и вместе с тем продолжительного стресса, который в той или иной степени оказал влияние на все сферы социальной и личной жизни. [4] Диагностика мотивационного профиля личности и интересующей нас не декларируемой информации возможна с помощью психосемантических методов, позволяющих выявлять содержание индивидуального и группового сознания, представлений и отношений человека, бессознательных переживаний. [2]

В данном исследовании изучались представления людей о природе COVID-19 и поведении в условиях пандемии, а также отношение людей к сложившимся условиям самоизоляции у людей с различными саморегуляционными ориентациями. В исследовании приняли участие 76 респондентов (38 мужчин и 38 женщин) в возрасте от 20 до 33 лет проживающие в городе Ташкент. Для сбора данных использовались: авторская разработка атрибутивной мотивационной матрицы, где представления людей о природе COVID-19 и поведении в условиях пандемии, выявленные в ходе и по результатам пилотажного исследования атрибутировались, мотивационными конструктами, составленными с опорой на теорию Ш. Шварца, а также опросные методики Ш. Шварца (PVQ-R) [3] и методика исследования самоуправления Ю. Куля и А. Фурмана (SSI).[1]

Таким образом мы определили, что существует семантическое мотивационное пространство, на основе приписывания различным представлениям людей о природе COVID-19 и поведении в условиях пандемии определенных мотивов подтвердилась, причем категории в этом пространстве задаются обобщенными мотивационными конструктами (Избегания угрозы, Аффилиации, Достижения, Власти).

Было выявлено, что приписывание тем или иным действиям и позициям, связанным с пандемией COVID-19 определенных мотивов связано со структурой саморегуляции человека и его ценностными ориентациями. Была обнаружена значимая положительная корреляция шкалы Самоконтроль со всеми выделенными нами четырьмя факторами-мотивами: Избеганием угрозы (0,347), Аффилиацией (0,322), Достижением (0,371), Властью (0,396). Данный факт свидетельствует о том, что независимо от представлений о том, как должен вести себя человек, чтобы

минимизировать риски в это сложное время и почему он себя ведет так или иначе респонденты предпочитают когнитивный самоконтроль как ведущую стратегию самоуправления, которая позволит достичь желаемого ему эффекта.

Было показано, что респонденты с высоким уровнем самоконтроля, приписывали большинству действий в период пандемии COVID-19 и представлений о ней мотив избегания угрозы. Респонденты с высоким уровнем социальной направленности и стремлением устанавливать связи с людьми и группами, приписывали большинству представлений о природе COVID-19 и поведении в условиях пандемии мотив аффилиации. Люди, характеризующиеся активной индивидуальной направленностью для получения выгоды для себя, несмотря на всю трудность и неопределённость периода пандемии COVID-19, рассматривают сложившиеся условия как новый опыт и возможности для самореализации. Респонденты с более высоким уровнем самодетерминации, приписывают большинству представлений о природе COVID-19 и поведении в условиях пандемии мотив достижения значимо чаще.

1. Митина О.В., Рассказова Е.И. Методика исследования самоуправления Ю. Куля и А. Фурмана: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психологический журнал. 2019, Т. 40, № 2, с. 111–127.
2. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. — М.: Эксмо, 2010. — 486 с.
3. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2, с. 43–70.
4. Trougakos J.P., Chawla N., McCarthy J.M. Working in a pandemic: Exploring the impact of COVID-19 health anxiety on work, family, and health outcomes // Journal of Applied Psychology. 2020. Vol. 105 (11), pp. 1234–1245.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 21-18-00624

Особенности поведения китайских и российских пользователей Интернета в конфликте социальных сетей

Конфликт, виртуальный конфликт, социальные сети, чувство справедливости, культура

Конфликты в интернет-пространстве становятся массовыми во многих странах. Их изучение должно опираться на имеющиеся психологические традиции: интрапсихические трактовки, ситуационный подход, акцентирование субъективного восприятия конфликта и др. (Гришина, 2008). Однако, значимую роль играют особенности цифровой ситуации — определенная анонимность участников, их большое количество, возможность и отсроченного общения, выход конфликта в офлайн, и в целом, радикализация конфликтного дискурса (Белинская и др.; Хоу Юйбо). Цель исследования — изучение того, насколько сходны конфликты в социальных сетях Китая и России, т. е. детерминированы характером взаимодействия в цифровом пространстве, и выявление различий, связанных с особенностями национальной культуры, в частности, с представлениями о справедливости. Методы: контент-анализ высказываний в социальной сети, разработка кейса, методики «Вера в справедливый мир» и «Чувствительность к справедливости» (адаптации Нартовой-Бочавер, Su Zhiqiang, Xie Huxian, Liu Yi), «Смысложизненные ориентации» (Леонтьев, Yin Meiqi). Обработка данных: сравнительный анализ (критерий Манна-Уитни), корреляционный анализ (Спирмен), факторный анализ. Исследовались две ситуации, вызвавшие бурное обсуждение как в китайских (Вейбо), так и в российских (Вконтакте) социальных сетях, происшедшие с известными китайскими медийными лицами в 2020 году (в первой обсуждаемое лицо было жертвой кибербуллинга, во второй — нарушителем моральных норм). Выборку составили тексты постов и комментариев 140 пользователей (по 35 китайских и российских текстов для каждой из ситуаций) и 82 человека (по 41 китайских и российских пользователей соцсетей, средний возраст 26 ± 7.2). В кейсе, кратко описывающем те же ситуации, была удалена информация, указывающая на объект обсуждения, и предлагалось оценить степень согласия с реальными высказываниями из Сети. Выявлено, что преобладающими типами высказываний как китайских, так и российских пользователей соцсетей были характеристики образа оппонента в конфликте (соответственно 23,14% и 24,82% от общего объема высказываний), обнаружено больше дизъюнктивных (11,86% и 10,47%), чем конъюнктивных эмоций (2,29% и 7,37%). Выявлены определенные различия в дискурсе в двух ситуациях. В целом, в китайской выборке значимо чаще апеллируют к социальной идентичности — упоминают страну, вуз, социальную группу и др. ($p=0,001$); указывают на моральную ответственность известных людей ($p=0,001$); пристрастность оппонентов ($p=0,000$) и справедливость по критериям равного отношения и доказательств ($p=0,012$). В российской выборке чаще говорят о моральных нормах социума ($p=0,008$), справедливости по критерию усилий и распределения благ ($p=0,000$), поддерживают «героев» конъюнктивными эмоциями ($p=0,000$), указывают на личные качества оппонентов ($p=0,011$). Факторизация

конфликтных высказываний позволила провести корреляционный анализ, показавший сходство и различие взаимосвязей конфликтного дискурса и личностных характеристик. В обеих выборках выявлены прямые взаимосвязи чувствительности к справедливости с выраженностью фактора активной нравственной гражданской позиции (в китайской — $r=0,016$; в российской — $r=0,018$). В китайской выборке она (наряду с общей верой в справедливость мира) также коррелирует с убежденностью в социальной ответственности публичных людей ($p=0,001$) и поддержкой обсуждаемого актера ($p=0,027$). В российской выборке вера в справедливость мира прямо связана с указаниями об ответственности за поведение в Интернете ($p=0,011$), идеализации знаменитостей ($p=0,003$) и отрицательно — с поддержкой актера ($p=0,025$). Сформированность смысло-жизненных ориентаций только в российской выборке прямо связана с указаниями на пристрастность участников конфликта. В целом, полученные данные подтверждают гипотезы об общих чертах, связанных с ситуативными характеристиками конфликта (протеканием в сети Интернет) и различиях, связанных с ценностно-смысловыми характеристиками пользователей разных стран.

1. Гришина Н. В. Психология конфликта.— СПб.: Питер, 2008.

Аутентичность личности с точки зрения личностно-центрированного подхода, экзистенциальной психологии и психологии субъекта

Аутентичность, психология субъекта, личностно-центрированный подход, экзистенциальная психология

Аутентичность личности — это свойство человека (чаще имеющее статус черты) создавать условия для того, чтобы быть верным самому себе, своей индивидуальности, траектории жизненного пути и той целостной ситуации, в которой человек находится. Проектирование и реализация своего призвания, переживание подлинности, целостности, естественности — все эти позитивные явления так или иначе связаны с аутентичностью личности, изучение которой остро актуально в современных условиях жизни, когда человек может несколько раз изменить свою идентичность на протяжении жизненного пути.

Наиболее известна роджерсианская модель аутентичности, согласно которой эта черта включает в себя Аутентичную жизнь (Authentic living), отсутствие Самоотчуждения (Self-alienation) и Принятия внешнего влияния (Accepting external influence) (Wood et al., 2007). Многолетние усилия по адаптации в России опросника, подкрепляющего эту концепцию (Authenticity Scale), не увенчались, однако, полным успехом: после нескольких итераций была получена рабочая сильно модифицированная версия опросника, однако его использование продемонстрировало культурную специфичность понимания и переживания того, что считается аутентичным (Nartova-Bochaver et al., 2021). Возможно, это связано с выраженным индивидуалистическим содержанием роджерсианской концепции аутентичности, не оставляющей пространства для подлинных межличностных или социальных отношений, что весьма существенно для россиян, принадлежащих к коллективистической культуре. Все взаимодействия, оказывающие влияние на поведение и выборы человека, согласно этой концепции, рассматриваются как «внешнее влияние», угрожающее аутентичности личности.

Менее известна экзистенциальная концепция аутентичности, согласно которой люди способны переживать свои связи с окружающим миром как подлинные, а мериллом аутентичности является согласованность мыслей, чувств, реального поведения и самоотношения человека (Kernis and Goldman, 2006). Для изучения выраженности аутентичности в рамках этой концепции также был предложен опросник (Authenticity Inventory), который, к сожалению, в силу нестабильности субшкал не получил широкого распространения, однако в настоящий момент готовится к публикации в России. Согласно экзистенциальной модели, аутентичность личности включает четыре составляющих: Осознанность (Awareness), Поведение (Behavioral), Отношения (Relational Orientation) и Непредвзятость (Unbiased Processing). Таким образом, аутентичная личность разбирается в себе, ведет себя в соответствии с собственными убеждениями и переживаниями, ценит отношения с людьми и свободна от предубеждений при оценке собственных слабых

сторон и недостатков. Содержательно эта модель видится более стереоскопичной и нюансированной, и есть ожидания относительно интересных связей, полученных благодаря использованию этого опросника.

Тем не менее, многолетние исследования привели нас к заключению о высокой культурной обусловленности аутентичности личности, особенно ввиду ее слабой обусловленности качествами темперамента и характера (Нартова-Бочавер и др., 2020). Поэтому нами была предложена концепция аутентичности, разработанная в рамках субъектного подхода, особенность которого состоит в понимании неразрывной целостности человека и окружающего мира. На наш взгляд, аутентичность предполагает не только создание «лучшей версии себя», но также принятие своей связи со временем и пространством своей жизни, своего предназначения и траектории жизненного пути, то есть видение себя в контексте более обширных бытийных связей. Для фиксации этих составляющих аутентичности личности нами разработана ультракраткая Московская шкала аутентичности, включающая пять пунктов (Reznichenko et al., 2021). На наш взгляд, этот подход, релевантный российской культуре и традиции изучения личности и подкрепленный оригинальным экологически валидным инструментом, может оказаться наиболее эвристичным.

1. Нартова-Бочавер С. К., Ирхин Б. Д., Резниченко С. И. Диспозициональная аутентичность во внутриличностном пространстве // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — Т. 17. — №. 3. — С. 500–519.
2. Nartova-Bochaver S., Reznichenko S., Maltby J. The Authenticity Scale: Validation in Russian Culture // *Frontiers in Psychology*. — 2021–11. — 3762. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.609617>
3. Kernis M. H., Goldman B. M. A multicomponent conceptualization of authenticity: Theory and research // *Advances in Experimental Social Psychology*. — 2006. — V. 38. — Pp. 283–357. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(06\)38006-9](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(06)38006-9)
4. Reznichenko S. I., Irkhin B. D., Nartova-Bochaver S. K. Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms // *Psychology in Russia: State of the Art*. — 2021. — № 3.
5. Wood A. M., Linley P. A., Maltby J., Baliouis M., Joseph S. The Authentic Personality: A Theoretical and Empirical Conceptualization and the Development of the Authenticity Scale // *Journal of Counseling Psychology*. — 2008. — V. 55. — № 3. — Pp. 385–399. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.55.3.385>

Исследование подготовлено при поддержке РФФ (проект № 20-18-00262)

Взаимосвязь интернет-контента и жизненных моделей в пространстве возможного

Жизненные модели, социальные сети, внутри поколенная трансмиссия, молодежь, интернет-контент, семантическое пространство

Сегодня возникает противоречие между идеями о жизненных перспективах, транслируемых СМИ, и традиционными представлениями о жизненных задачах, принятых в семьях. Современная молодежь много времени проводит в социальных сетях, которые воспринимаются как часть повседневности. Результаты современных психологических исследований демонстрируют неразрывную связь реального и интернет-пространства в условиях процесса социализации личности, структурирования жизненного сценария [1,2,3,4].

Наше исследование посвящено изучению роли интернет-контента в становлении жизненных моделей молодежи. В исследовании приняло 166 человек, относящихся к периоду позднего юношеского возраста, периоду ранней зрелости (18–27 года) в рамках возрастных периодов развития психических функций. Средний возраст испытуемых составил 21 год ($SD = 2,7$), из них 110 девушки и 56 юношей.

В эмпирической части исследования на основании разработанного нами авторского опросника о предпочитаемом интернет-контенте, а также внешнего анализа популярного интернет-контента были изучены жизненные модели молодых людей, влияние на их становление контента социальных сетей в виртуальном пространстве (Шкала экзистенции А.Лэнгле и К.Орглер в адаптации Ю.М. Коряжиной, Опросник /полуструктурированное интервью «Жизненные модели» (С.Н. Костромина, Н.В. Гришина, Е.В. Зиновьева, Н.Л. Москвичева), Ценностный опросник (ЦО) Ш. Шварца, Опросник самоотношения В.В.Столина, С.Р.Пантилеева). Обработка данных проводилась с помощью контент-анализа и программы IBM SPSS Statistics 26, с использованием следующих методов: дисперсионного, факторного, кластерного, дискриминантного анализа. По результатам исследования была выявлена 8-ми факторная модель, определяющая структуру жизненной модели. Различная выраженность этих факторов разделяет структуру на 5 типов жизненных моделей: «Домашний бунтарь», «Энтузиаст своего поколения», «Семьянин», «Поколение «новых» ценностей», «Традиционалист». Отличительными особенностями данных моделей стали: разное отношение к выстраиванию собственной семьи, поколению сверстников, разная степень схождения во взглядах с родителями, различная степень активности и целеустремленности, а также проявление желания к изменениям в противовес желания стабильности. Среди предпочтений в интернет-пространстве, предсказывающих в той или иной степени тип жизненной модели можно выделить «Направленность на близкие отношения», интерес к «Контенту самообразования и самореализации». Так повышенный интерес к контенту об отношениях, семье, использование соцсетей для выстраивания отношений характерно для таких жизненных моделей, респонденты которых сами направлены на семью «Семьянин», «Традиционалист» и не только — «Энтузиасты

своего поколения». Предпочтение образовательного контента и использование социальных сетей для самореализации свойственно молодым людям жизненной модели «Домашний бунтарь». Респонденты «Поколения «новых ценностей» не интересуются ни отношениями, ни саморазвитием социальных сетях.

1. Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 1–26.
2. Марцинковская, Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. 2010. № 3. С. 90–102
3. Костромина, С. Н. Жизненные модели современной российской молодежи//Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология: сборник статей / под ред. Н.В.Гришиной, С.Н.Костроминой. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. — 223–247 с.
4. Костромина С.Н., Гришина Н.В., Зиновьева Е.В., Москвичева Н.Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 341–357.

Психология транзитивности как психология возможного

Категория возможного, психология личности, психология транзитивности, психология изменений и самоизменений

Ключевым ориентиром нового подхода к пониманию личности и развития психологии личности XXI в., согласно работам Д.А. Леонтьева, выступает расширение понятия о детерминациях развития личности. Это достигается введением в предметную область психологии личности категории возможного, что позволяет по-новому определить взаимосвязь естественно-научной и гуманитарной парадигм, соотношение традиционной и экзистенциальной психологии, детерминированности и самодетерминации и т.д. (Леонтьев, 2011).

Одно из значений понятий возможность и возможное (которые обладают не полной синонимией) определяет возможное как потенциальное бытие, как будущее, которое содержится в настоящем. Возможное — это то, что при определенных условиях может стать действительным или мыслиться как действительное, выполняя прогностическую функцию. При этом важно подчеркнуть относительный (не абсолютный) характер связи между возможным и действительным, между возможным и невозможным. Действительное мыслится как актуальное бытие, возможное — как потенциальное. Но переход возможного в действительное может и не осуществиться, поэтому возможность — это, одновременно, и невозможность. Вероятность является количественной характеристикой возможности, определяя пределы ее реализации и степень ее близости к действительности. Важно помнить, что сущность возможности заключается в неочевидности и сохранении непредсказуемости. Поэтому даже максимальная вероятность осуществления возможности не гарантирует переход возможного в действительное. Таким образом, главной и существенной характеристикой категории возможного, является ее относительность, которая исключает наличие однозначной определенности (Мулюкова, 2014).

Именно эта характеристика относительности категории возможного отражает принципиальную непредопределенность развития личности, неопределенность современного транзитивного мира с его изменчивостью и вариативностью. В различных «точках бифуркации» развития личности и принятия решений возникает множество «разветвлений» возможного развития, которые имеют вероятностный характер реализации. Выбор одной из «ветвей» и переход ее из возможного в актуальное бытие личности исключают реализацию других возможностей. Либо одна из «ветвей» возможностей может способствовать появлению нового «куста» возможностей для последующих выборов и реализации.

Таким образом, психология транзитивности связана с ориентацией на вероятностную вариативность реализации потенциального возможного. Усиление тенденции к индивидуализации в психологии транзитивности предполагает исследование проблемы конструирования пространства личностного развития, экзистенции как пространства возможного, пространства конструирования и

реализации личностных ценностей и смыслов, что актуализирует проблемы развития рефлексивной сложности, выбора, свободы и ответственности и др., которые основаны на понимании соотношения двух уровней детерминации (Марцинковская, 2016). Гибкость и открытость современных теорий и концептов позволяет говорить о соотносительности и взаимодополнительности подхода к психологии личности Д.А. Леонтьева, психология транзитивности Т.Д. Марцинковской и конструкта психологии изменений (самоизменений) Н.В. Гришиной (Гришина, 2019) в контексте понимания ими конструирования пространства возможного, как пространства вероятностных личностных изменений, развития и самореализации.

1. Гришина, Н.В. Психология личности: Пребывание в изменении /Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: СПбГУ, 2019. С. 117–154; С.221–282.
2. Леонтьев, Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
3. Марцинковская, Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: «Смысл», 2016.
4. Мулюкова, Л.Ф. Специфика смысловых коннотаций категории «возможное» // Вестник ОГУ. 2014. №7 (168). С.17–22.

О выборе стратегий взаимодействия в межличностном конфликте в связи особенностями временной перспективы личности

Межличностный конфликт, стратегия поведения, совладающее поведение, временная перспектива, конструктивное разрешение конфликта

Под конфликтом обычно понимают субъективно воспринимаемое «актуализировавшееся противоречие» [1, с. 55], при разрешении которого действия индивида непременно переорганизуются и приобретают соответствующий ситуации характер [3, с. 67]. В межличностном конфликте его участники находятся перед неизбежным выбором путей взаимодействия, ориентированных либо только на свои потребности, либо и на свои, и на потребности другого.

Исходя из этого реакция человека на ситуацию межличностного конфликта чаще описывается с точки зрения поведенческих стратегий К. Томаса: соперничество, компромисс, сотрудничество, приспособление, избегание. Однако, некоторые авторы (Э. Хейм, Р.Лазарус и Ф.Фолькман) [2, с. 38–40], рассуждая о том, что конфликт, будучи проблемой, так или иначе вызывает стресс, говорят о роли совладающего поведения личности (копинг — стратегиях), на основе которого она способна выстраивать своё взаимодействие с окружающими в трудной ситуации, т.е. осуществлять выбор.

Анализируя взгляды учёных на содержание данных понятий, мы предположили, что копинг — стратегии, отражающие в том числе особенности временной перспективы, являются механизмом, определяющим выбор поведенческих стратегий в межличностном конфликте.

Разумеется, выбор человеком путей взаимодействия в конфликте полидетерминирован, в то же время аспект влияния копинг-стратегий и временной перспективы на этот процесс недостаточно изучен. В связи с этим, на базе исправительного учреждения в 2020–2021 году нами было проведено исследование 35 сотрудников с целью выявления факторов, влияющих на выбор как конструктивных, так и деструктивных поведенческих стратегий.

С помощью методики К. Томаса, опросника временной перспективы Зимбардо (ZTPИ) и методики диагностики копинг-механизмов Э. Хейма удалось установить, что помимо прочих факторов на поведение человека также влияет его отношение ко времени (временная перспектива) [4, с. 246–247]. При этом отметим, что изучалась взаимосвязь временной перспективы как со стратегиями поведения, так и с копинг — стратегиями личности.

В результате было выявлено, что безнадежное и беспомощное отношение человека к своей жизни в настоящем, а также негативное отношение к опыту (прошлому), связаны с неадаптивными поведенческими копингами, а последние в

свою очередь с деструктивными стратегиями поведения в конфликте (соперничеством и избеганием).

Результаты исследования показывают, что преобладание таких направленностей временной перспективы личности как «фаталистическое настоящее» и «негативное прошлое», препятствует возможности анализа актуальной ситуации, поиску рациональных вариантов её разрешения, исходя из собственных ресурсов, и, как следствие, использованию таких конструктивных стратегий как «симметричный компромисс» и сотрудничество.

Полученные результаты могут иметь практическую ценность при создании условий для осуществления выбора конструктивных способов разрешения конфликтов конкретной личностью (преимущественно по средствам сотрудничества). Данная способность может обеспечить не только продуктивную социализацию, развитие индивида, но и становление его как профессионала в трудовой деятельности.

1. Анцупов, А.Я. Конфликтология: Учебник для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. Санкт-Петербург: Питер, 2007. 496 с. — ISBN: 5-7695-1029-3.
2. Бутаев, З.В. Копинг — стратегия при стрессовой ситуации / З.В. Бутаев // Проблемы и перспективы развития России: Молодежный взгляд в будущее: Сборник научных статей Всероссийской научной конференции. В 4-х томах, Курск, 17–18 октября 2018 года / Ответственный редактор А.А. Горохов. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018. С. 38–40.
3. Хасан, Б.И. Конструктивная психология конфликта / Б.И. Хасан. Санкт-Петербург: Питер, 2003. 250 с. — ISBN: 978-5-534-06474-2.
4. Хачатурова, М.Р. Временная перспектива личности и выбор стратегий совладающего поведения в ситуации межличностного конфликта / М.Р. Хачатурова, А.К. Болотова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 10. С. 241–249.

Опыт переживания изменения Я трансгендерными людьми: постановка проблемы

Трансгендерность, трансгендерный переход, ЛГБТ, феноменология переживаний, изменения Я

Понятие жизненного опыта в психологии на данный момент не имеет однозначного определения, четких границ, ясно обозначенной структуры [1]. В нашем исследовании данный феномен рассматривается с точки зрения личностных структур (смыслов, переживаний), что позволяет понимать личность как активную и динамичную по отношению к жизненному опыту. Несмотря на влияние повседневно-жизненного опыта на личностные изменения, в нашем исследовании рассматриваются критические жизненные события, оказывающие изменяющее воздействие на личность [2].

Мы рассматриваем опыт трансгендерных людей — людей, чья гендерная идентичность отличается от гендерных норм, связанных с предписанным при рождении гендером [3]. Имеющиеся исследования концентрируются на сравнении транслюдей с цисгендерными и на негативном влиянии трансфобии [4]. Рассмотрение жизненного опыта транслюдей с позиции аффирмативного подхода с признанием влияния системной трансфобии отражает авторскую позицию, позволяет избежать объективации и соответствует современной этике в области психологического здоровья транслюдей. Трансгендерный переход рассматривается нами как критическая жизненная ситуация, ведущая к изменению Я посредством создания новых смыслов [5]. Целью исследования является изучение переживаний и смыслов, связанных с изменениями Я транслюдей в ходе трансперехода, включающего осознание и принятие собственной трансгендерности и гендерно-аффирмативные процедуры.

Пилотажное исследование в виде анализа имеющихся в СМИ интервью с транслюдьми позволило выявить значимые темы, проживаемые и формирующие опыт изменения Я: телесное Я, отношение к Я, будущее и реальное Я. Выявлены неравномерные процессы изменения Я, связанные с сильными переживаниями, приводящими к противоречивому отношению к Я. Анализ позволил сформулировать гипотезу исследования: переживания, сопровождающие транспереход, характеризуются высоким эмоциональным напряжением и противоречивостью, что создает необходимость изменения Я посредством конструирования новых смыслов о себе, других и мире.

Пилотажное исследование позволило составить текст интервью, которое планируется провести с трансженщинами, трансмужчинами и небинарными персонами. Интервью содержит вопросы о переживаниях и новых смыслах, связанных с транспереходом, пересмотре содержания Я и его трансформации. Контент-анализ текстов позволит выявить переживания и смыслы, сопровождающие транспереход, на основе которых будет составлена анкета, оптимизирующей сбор

данных, наряду с которой планируется применение стандартизированных методик, позволяющих изучить процессы изменения Я.

Данное исследование позволит расширить и углубить знания об опыте и переживаниях транслюдей и влиянии новых жизненных смыслов на их Я.

1. Зиновьева, Е. В. Преломление жизненного опыта в жизненном пространстве человека / Е. В. Зиновьева. — Текст : непосредственный. // *Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология: сборник статей.* — 2020. — С. 342–369.
2. Pals, J. L. Narrative identity processing of difficult life experiences: Pathways of personality development and positive self-transformation in adulthood / J. L. Pals // *Journal of personality.* — 2006. — Vol. 74. — №. 4. — PP. 1079–1110. DOI: 10.1111/j.1467-6494.2006.00403.x.
3. Hughto, J. M. W. Transgender stigma and health: A critical review of stigma determinants, mechanisms, and interventions / J. M. W. Hughto, S. L. Reisner, J. E. Pachankis // *Social science & medicine.* — 2015. — Vol. 147. — PP. 222–231. DOI: 10.1016/j.socscimed.2015.11.010.
4. Reisner, S. L. Global health burden and needs of transgender populations: a review / S. L. Reisner et al. // *The Lancet.* — 2016. — Vol. 388. — №. 10042. — PP. 412–436. DOI: 10.1016/S0140-6736(16)00684-X.
5. Lancaster, B. L. Coping with major life events: The role of spirituality and self-transformation / B. L. Lancaster, J. T Palframan // *Mental Health, Religion and Culture.* — 2009. — Vol. 12. — №. 3. — PP. 257–276. DOI: 10.1080/13674670802500684.

Вклад Л. М. Веккера в общепсихологическую теорию личности в сопоставлении с некоторыми эмпирическими обобщениями современной психотерапевтической практики

Общепсихологическая теория личности, Веккер Л. М., психический субъект, непосредственное ощущение/восприятие/переживание Собственного Я как психического субъекта

Заслугой Л. М. Веккера является ясная постановка вопроса о необходимости развития общепсихологической теории личности, наряду с персонологией. Им были обозначены предметные области для каждой из этих научных областей и место этих теорий в исследовании личности [1].

Важным вкладом ученого является прояснение ряда общенаучных методологических принципов, в частности, необходимость четкого различения отношений «часть — целое» и «носитель свойств — свойства носителя»; необходимость при раскрытии понятий через род и видовое отличие исходить из ближайшего рода, а при научном объяснении свойства выводить его из особенностей именно ближайшего носителя этого свойства и др. [1].

Новым является и вывод Л. М. Веккера о существовании иерархии носителей психических свойств. Исходным уровнем в этой иерархии выступает телесный носитель психических свойств, а каждый последующий уровень иерархии носителей является свойством второго, третьего и т. п. порядка телесного носителя. Высшей ступенью этой иерархии носителей является личность как интегральный психический субъект = психический носитель психических свойств личности как свойство n-го порядка телесного носителя.

Веккер высказывает интересную догадку о психофизиологическом механизме, позволяющем человеку чувственно, сенсорно различать своё непосредственно переживаемое тело и свою непосредственно переживаемую «душу», себя как психического субъекта, свое Я. И эта догадка объясняет, как именно связаны между собой тело и психика [1].

Таким образом, Личность, Я по Л. М. Веккеру — это психический субъект как психическое образование, имеющее свой психический субстрат или психическую ткань, как об этом говорит Л. М. Веккер, соответствующие структурные особенности, вытекающие из этого свойства, которые определяют возможности функционирования этого образования.

Интересно сопоставить теоретические разработки Л. М. Веккера с эмпирическими обобщениями, накопленными в психотерапии. Так, в психоанализе сформировалось представление об этапах формирования структуры личности — психотической, пограничной, невротической и нормальной. Этим этапам или уровням развития структуры личности соответствуют характерные особенности (в частности, ограничения) психического функционирования людей.

Среди стержневых параметров, характеризующих поэтапное формирование структуры личности, в психоанализе выделены дифференцированность

(Собственного Я), целостность, константность, автономность и др. (напр., [2]). Эмпирические описания поэтапных изменений этих параметров личности фактически воспроизводят описания актуального генеза психического образа, а также развития возможностей психического отражения отношений при переходе от восприятия и представления как образных уровней психического отражения к общемыслительному и, далее, к понятийному или концептуальному уровням, по Веккеру Л. М. [1].

Приемы психотерапевтической помощи, используемые в самых разных её направлениях (психоанализе, гештальттерапии, когнитивно-поведенческой терапии, клиент-центрированной терапии, экзистенциальной и др.) можно интерпретировать как приемы, помогающие клиентам лучше, полнее, точнее ощутить, воспринять Свое Я как психическое образование, то есть сформировать точный, целостный, устойчивый образ Собственного Я как психического субъекта в пространстве отношений с образами других психических субъектов.

Все вышеуказанное позволяет поставить вопрос о теоретической возможности разработать единую теорию психотерапии на основе обеспсихологической теории личности в трактовке Л. М. Веккера.

1. Веккер, Л. М. Психика и реальность: На пути к единой теории психических процессов / Л. М. Веккер. — Москва: Смысл, 1998. — 685 с. — Текст: непосредственный.

2. Тэхкэ, В. Психика и ее лечение: Психоаналитический подход / Пер. с англ. В. В. Старовойтова. — Москва: Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. — 464 с. — Текст: непосредственный.

Виртуальная и реальная социальная активность студентов

Виртуальное образование, киберсоциализация, социальная активность.

Ввиду стремительного развития цифровых технологий происходит интенсивная киберсоциализация студенческой молодежи. «Виртуальность» стала естественным, повседневным и привычным компонентом жизни молодежи.

Процесс киберсоциализации формирует ряд потребностей и установок, а также новые виды социальной активности человека. В новом виртуальном жизненном пространстве происходит изменение структуры самосознания личности [1]. Социальная активность представляет собой направленную активность на преобразование социальной ситуации, в процессе которой личность подвергается изменениям [2]. Студенческая молодежь сталкивается с многообразием проблем на пути профессионального становления. Проявление социальной активности студентами необходимо для профессионального развития личности.

Авторами было проведено эмпирическое исследование социально-ориентированной активности студенческой молодежи. Объем выборки составили 157 студентов РУДН, в возрасте от 17 до 23 лет. В работе была использована «Методика диагностики компонентов социально-ориентированной активности» Р.М.Шамяионов, М.В.Григорьева (модифицирована нами в отношении конструкта «виртуальный мир»)[3]. Метод статистической обработки Т — критерий Уилкоксона. Компьютерная обработка данных осуществлялась с использованием программных пакетов «Excel» и «IBM SPSS Statistics 21».

Анализ средних рангов, с использованием Т-критерия Уилкоксона, выявил в отношении шкал социально-ориентированной активности в традиционных и виртуальных условиях достоверный ситуационный сдвиг. Оценка средних рангов по шкалам «Когнитивный компонент» в реальной жизни (далее РЖ) — 32,18 и в виртуальной жизни (далее ВЖ) — 81,5 показала отрицательную тенденцию ($T=10,181$, $p=0,000$). Данные свидетельствуют о снижении когнитивного компонента у студенческой молодежи в реальной жизни. Средние ранги по шкалам «Эмоционально-статусный компонент» в РЖ (59,16) и «Эмоционально-статусный компонент» в ВЖ (77,45), также демонстрируют отрицательную тенденцию ($T=8,869$, $p=0,000$). Успешность социальных контактов и стремление произвести впечатление в определенных социальных группах на просторах Интернета более доступна и актуальна для молодежи. Виртуальный мир становится местом социального комфорта во взаимодействии с окружающим миром. При этом средние ранги по шкалам «Мотивационный компонент» в РЖ (59,99) «Мотивационный компонент» в ВЖ (44,64) показывают положительную тенденцию ($T=6,427$, $p=0,000$), где активность в реальных традиционных условиях выше и преобладает над виртуальным. Анализ результатов по шкалам «Поведенческий компонент» в РЖ (47,45) и «Поведенческий компонент» в ВЖ (37,07) выявил, также, положительную тенденцию активности молодых людей в реальном мире над виртуальным ($T=5,034$, $p=0,000$). Это говорит о том, что у студентов, несмотря на важную роль виртуального

взаимодействия в жизни, сохранились традиционные ценности в стремлении оказать и получить физическую поддержку, помочь нуждающимся в реальной жизни.

Таким образом, результаты исследования показали, что социально-ориентированная активность студентов в условиях традиционного и виртуального взаимодействия имеет различия. Виртуальный мир стал пространством социального комфорта, где заводятся желаемые знакомства, поддерживается связь более успешно чем в реальном мире. При этом проявление поддержки и оказание помощи близким людям в реальном мире предпочтительнее студентами чем в Интернет-сети.

1. Баткаева Е. Р. — Феномен виртуализации: социологический аспект // известия ПгПу им. в. г. белинского. 2012. No 28. с. 35–37.
2. Сунгурова Н.Л., Акимкина Ю.Е. Социальная активность и доверие к людям в сетевой коммуникации студенческой молодежи. XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: Сборник материалов.- Москва: МАКС Пресс, 2021. — 1210–1213 с.
3. Shamionov, R.M., Grigoryeva, M.V. Technique for Diagnostic Assessment of Socially-Oriented Activity Components. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal* — Siberian journal of psychology. 2019; 74: 26–41. doi: 10.17223/17267080/74/2.

Предикторы характеристик личности в социальной сети «ВКонтакте»

Социальные сети, предикторы, психометрия, прогностика, поведение, личность, Я-виртуальное

Масштабное развитие процессов, связанных с феноменом цифровой среды, оказывает значительное влияние на современную модель социальной реальности. Отражением данных процессов выступает виртуализация социально-психологических процессов, когда происходит слияние реальной активности личности с ее активностью в виртуальном пространстве. В результате в структуре «Я-концепции» современной личности принято выделять «Я-виртуальное» — относительно новый компонент, который, является отражением ее Я-реального.

Одним из атрибутов цифровой среды и изменений в модели социальной реальности выступают социальные сети, где взаимодействие происходит как через непосредственное общение людей между собой, так и через разнообразные продукты их виртуальной активности, которые представлены в виде метрик персонального профиля в социальных сетях, например, посты, фото-аудио-видео-контент, лайки, сообщества и т.д. Данные метрики как результаты виртуальной активности личности отображают ее виртуальный образ, который в свою очередь выступает отражением ее Я-реального. Следовательно, метрики персонального профиля пользователя социальных сетей выступают предикторами, через которые можно прогнозировать поведение человека в реальной жизни.

Обозначенная проблема находит отражение в работах, где авторы показывают прогностические возможности социальных сетей. Например, это исследование взаимосвязей показателей персонального профиля с самооценкой (Blomfield Neira & Barber, 2014) и с сексуальными ориентациями личности (Kosinski & Wang, 2018). При этом большинство работ опирается на результаты анализа содержательных характеристик персонального профиля (содержание постов, лайков и др.).

Цель данного исследования — выделить психологические закономерности проявления ряда характеристик личности на основе анализа количественных показателей метрик ее персонального профиля в социальных сетях.

На рандомизированной выборке объемом 900 испытуемых были проведены психодиагностические процедуры и проведен анализ влияния ряда характеристик личности на особенности ее виртуальной активности в «ВКонтакте» — одной из наиболее популярных социальных сетей в России. Статическая обработка данных осуществлялась с помощью пакета математической статистики IBM SPSS Statistics 23. Использование однофакторного дисперсионного анализа ANOVA позволило выделить влияние личностных характеристик на метрики персонального профиля пользователей социальных сетей. Например, обнаружено, что нейротизм напрямую влияет на степень заполнения страницы личностью ее персонального профиля в социальных сетях ($F=2,755$, $p<0,028$). Установлено разнонаправленное влияние креативности на количество фотографий в профиле ($F=4,779$, $p<0,000$) — при низких

значениях креативности прямое влияние, при высоких — обратное. Показано прямое влияние мотивации достижений личности на количество ее фотографий в персональном профиле социальных сетей ($F=2,061$, $p\leq 0,003$). Также обнаружено прямое влияние мышления на количество видео ($F=1,447$, $p\leq 0,05$) в персональном профиле пользователя социальных сетей.

Работа отражает результаты решения одной из задач проекта, который выполняется при финансовой поддержке РНФ и направлен на разработку теоретико-прикладной модели прогнозирования жизненной активности личности через социальные сети.

1. Blomfield Neira C.J. Social networking site use: Linked to adolescents' social self-concept, self-esteem, and depressed mood / C.J. Blomfield Neira, B.L. Barber. // Australian Journal of Psychology. — 2014. — Vol. 66. — № 1. — pp. 56–64.
2. Kosinski M. Deep neural networks are more accurate than humans at detecting sexual orientation from facial images / M. Kosinski, Y. Wang // Journal of Personality and Social Psychology. — 2018. — Vol. 114. — № 2. — pp. 246–257.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00253, “Нейросетевая психометрическая модель когнитивно-поведенческих предикторов жизненной активности личности на базе социальных сетей”)

Анализ понятия «перфекционизм» в отечественных исследованиях

Нарциссизм, копинг-стратегии, прокрастинация, тревожность, депрессия

Перфекционизм — это ингерентный компонент конструкта личности, отличающейся высокими целями и ожиданиями, относящимися к академической и профессионально-трудовой деятельности индивида. Одновременно, перфекционизм связан с ограничениями каузальной природы, снижающими эффективность деятельности индивида. Перфекционизм является причиной трудоголизма, лени, синдрома выгорания, самокритичности, депрессии, тревоги, аффективных расстройств.

В качестве материала исследования послужили 682 названия статей в научной электронной библиотеке eLibrary (от 27.04.2021 г.), содержащих термин «перфекционизм». В результате анализа было выявлено, что перфекционизм рассматривается в психологии как науке и практике, в том числе в православной, доказательной, зарубежной психологии, акмеологии, глубинно-психологической парадигме, психологических тренингах. Психологические аспекты перфекционизма личности были условно разделены на пять категорий:

1) содержание понятия перфекционизм (246): соматизация, самоконтроль, самоотношение, самооценка, самопрезентация, самопринятие, саморазвитие, самосознание, самоуважение, самоутверждение, самоактуализация, саморегуляция, сверхконтроль, идеальный образ Я, идеальный образ мира, образ будущего, избегание неудач, высшие устремления личности, идеалы, когнитивные аспекты, локус контроля, личностные детерминанты, жизненная стратегия, онтогенез, мотивация достижения и успеха, невротические расстройства, неудовлетворенность своим телом, адаптация, антиципационная состоятельность, дезадаптация, формирование, эмоциональный интеллект, отношение к будущему, к опасности, к себе и другим, оценка внешности, психическая устойчивость, психическая ригидность, психическое здоровье, психическое развитие, психическое состояние, психологические корреляты, жизнестойкость, защитные механизмы, психологическое благополучие и здоровье, психопатология, психосоматические заболевания, сценарий отложенной жизни, суицидальные намерения, суицидальный риск, трудоголизм, кросс-культурная устойчивость, успешность, восприятие времени, барьеры, смысло-жизненные ориентации;

2) эмоциональные корреляты перфекционизма (84): агрессивность, аффективные и шизоаффективные расстройства, благополучие, враждебность, выгорание, гнев, депрессия, зависть, ипохондрия, беспокойность, ответственность, одиночество, неблагополучие, переживания, счастье, невроз, страх, стресс, тревожность, уверенность, удовлетворенность, эмпатия;

3) виды перфекционизма (154): адаптивный и дезадаптивный, высокого, среднего, низкого уровней, деловой, деструктивный, дисфункциональный, западный, здоровый, клинический, личностный, моральный, наивный, нарциссический,

невротический, негативный, нормальный, конструктивный, патологический, позитивный, профессиональный, речевой, телесный, технологический, устойчивый, физический;

4) направления изучения перфекционизма (96): история, предпосылки, причины, подходы, функции, развитие, отношение, факторы, взаимосвязи, междисциплинарность, парадоксы, проблемы, последствия, прогнозы, перспективы;

5) диагностика и коррекция перфекционизма (102): методы исследования, апробация и адаптация методик, динамика факторов и показателей, надежность, валидность, показатели, характеристики, копинг-стратегии, коррекция, тесты, опросники, модели, систематизация, стандартизация, оптимизация, механизмы, системный анализ, терапия, проектирование, игры, тренинги.

Перфекционизм рассматривается как конструктивная модель мышления, так и проблемная характеристика личности, неспособной к достижению поставленных целей и имеющей тенденцию к прогрессирующим психическим отклонениям эмоционального плана в результате иррациональных когнитивных установок, которая требует активного внешнего вмешательства для коррекции отклоняющегося поведения личности.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Беломестнова Н.В.
Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина

Эвристическая роль математической модели в единой теории психических процессов Л.М. Веккера

Математические модели в психологии, уровни изоморфизма, искусственный интеллект

Психология в её естественнонаучной части стремится к точности не только в количественных экспериментальных исследованиях, но и в математических моделях, дающих понимание качественных отличий психических явлений. И математическая модель, подтверждённая экспериментальными данными (то есть соответствующая реальным природным закономерностям), обладает большой эвристической силой, показывая вектор научного поиска, который с наибольшей вероятностью приведёт к новым знаниям. Работы Л.М. Веккера — прямое подтверждение эффективности математических моделей в понимании работы психики.

Даже в период начала становления психологии как естественной науки (а не дискурсивно-философской дисциплины) психические явления и нервная деятельность мыслились как качественно разнородные и принципиально несопоставимые. Но И.М. Сеченов [Сеченов, 1947] в 1883 году показал единство в общей организации психического явления и нервного сигнала. Это было началом поиска связи нервного сигнала и элементарного психического отражения (сенсорного сигнала), выраженной в конкретной количественной или качественной форме. Около 70 лет до 60-х годов XX века эти поиски не были в приоритете у исследователей, но психофизиология сенсорных систем в её как теоретико-экспериментальных, так и прикладных исследованиях обращалась к этим взаимосвязям (нервного сигнала и психического). Инженерная психология, дисциплина сугубо прикладная, в той её части, которая призвана решать проблемы конструирования технических систем в их соответствии возможностям человека, стала выяснять закономерности перехода сенсорного образа в перцептивный с целью оптимизации работы оператора-диспетчера [Ломов, 1963]. В результате были описаны этапы становления перцептивного образа в дескриптивных терминах: стадия диффузного пятна, целостное пятно с нечётким контуром, неясный контур с выделением перепадов кривизны, понятный геометрический контур с флюктуирующим отражением величины объекта, полное адекватное отражение тест-объекта. Это был первый шаг в исследовании динамики становления перцептивного образа (гештальтисты исследовали законы организации уже «готового» перцепта).

Л.М. Веккер, работая именно в этой экспериментальной парадигме, осмыслил эти этапы в математических категориях форм изоморфизма — полноты соответствия

перцептивного образа и отражаемого объекта: топологический изоморфизм, проективный изоморфизм, аффинный изоморфизм, изоморфизм подобия и метрический изоморфизм. Эта шкала уровней изоморфизма совпала с этапами становления математических понятий в онтогенезе [Пиаже, 1969], осмысленными именно в этих же категориях. И Жан Пиаже произвёл не только экспериментальное изучение у детей, но и дискурсивное исследование по истории математики, в процессе которого показал, что математическая мысль человечества проходила эти же этапы в той же последовательности, но в обратном порядке — от геометрии Эвклида (метрический изоморфизм) к топологической математике. Значит, сразу три независимых друг от друга подхода и способа исследования — этапы актуального перцептогенеза в инженерной психологии Л.М. Веккера, онтогенез математических понятий в генетической психологии Ж. Пиаже и исторический процесс развития математической мысли — привели к одному результату.

Эти исследования дают стратегические цели для нейронаук (исследования чувственного познания на нейронном уровне), для семиотики (динамика кодовых систем в процессе биологической эволюции), для исследований в области искусственного интеллекта (конструирование распознающих систем) и дают материал для приближения к философской проблеме познаваемости мира.

1. Веккер Л.М. Психические процессы. — Л.: ЛГУ, том 1, 1974, 335с.; том 2, 1976, 343с.; том 3, 1981, 327с.
2. Ломов Б.Ф. Человек и техника. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 266с.
3. Пиаже Ж. Избранные психологические труды: Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. — М.: Просвещение, 1969. 659с.
4. Сеченов И.М. Избранные философские и психологические сочинения. — М., 1947.

Моделирование динамики статистической практики в психологии

Статистическая практика, математические методы, динамика, моделирование, полнотекстовые базы публикаций, PsycARTICLES

Конечной задачей нашего проекта было исследование динамики применения математических методов психологами, публикующимися в журнале Американской психологической ассоциации (APA). Анализ публикационной активности по ключевым запросам к базе данных часто используется как аргумент в статьях по мета-анализу определенных проблем, но необходима проверка валидности этого метода. Были проанализированы данные о публикациях за период 106 лет, в которых использовались те или иные математические методы. Для этого мы обработали информацию, хранящуюся в полнотекстовой базе PsycARTICLES, которая была доступна нам через ресурсы библиотеки имени А. М. Горького по подписке.

Были выбраны 32 математических метода для анализа их динамики, такие как Дисперсионный анализ, Факторный анализ, Байесов анализ, Корреляционный анализ, t -тест, χ^2 и т.п. (Горбунов И.А. 2019). Для исследования был выбран список журналов APA из различных областей психологии: American Psychologist, Journal of Experimental Psychology: General, Journal of Applied Psychology, Journal of Abnormal Psychology, Journal of Comparative Psychology, Journal of Consulting and Clinical Psychology, Journal of Educational Psychology, Journal of Personality and Social Psychology.

В результате работы с базой была собрана информация о результатах 32 запросов относящихся к разным классам математических методов к поисковому алгоритму EBSCO, содержащих 204384 библиографические записи, сохраненные в RIS файлах, включающих информацию о 38432 статьях, найденных по этим запросам.

Мы провели коррекцию данных, полученных поисковым алгоритмом EBSCO. Входными данными для корректирующего нейросетевого алгоритма были частоты используемых слов в названии и аннотации каждой статьи, а также исходное решение поискового алгоритма базы (0 не попала в результаты запроса по данному методу/ 1 — попала) об использовании этого метода.

В результате коррекции надежность выявления методов увеличилась более чем в 2,9 раза (средняя ошибка до — 14,5%, после — 4,89%)

Было выявлено, что использование поисковых алгоритмов полнотекстовых баз данных для оценки практики использования различных методов исследования является не достаточно надежным способом и нуждается в коррекции. Предложенный алгоритм коррекции может быть также использован в процессе разработки психодиагностических шкал вопросников, дифференцирующих бинарные события, например наличие заболевания, пригодность по большой совокупности пунктов теста.

В ходе исследования динамики статистической практики использования популярных математических методов в психологии мы анализировали долю публикаций, использующих тот или иной метод, по отношению к общему количеству публикаций во всех журналах из списка за полугодие. Для анализа динамики статистической практики были выведены графики зависимости частоты использования определенного метода от времени.

Кроме рядов использования каждого метода были получены временные ряды двух основных факторов, включенных в модель SEM. Они также подвергались дальнейшему анализу выявления периодических колебаний.

В процессе анализа временных рядов, по виду некоторых кривых, мы предположили, что динамика использования методов, хорошо описывается скачками изменения частоты использования, с последующими затухающими колебаниями.

Такие скачки могут быть вызваны появлением ключевых событий в «жизни» данного метода. Динамика колебаний после данного скачка, возможно, связана с изменениями качества публикаций, в связи с растущей, или уменьшающейся популярностью данного метода. Удалось описать до 99% дисперсии динамики статистической практики методов несколькими моделями затухающего колебания маятника.

Исследование поддержано грантом РФФИ 19-013-00279 «ИмPLICITные аспекты использования математических моделей в психологии».

Условия индивидуально-интеллектуальных интеграций

Индивидуальность, интеллект, креативность, индивидуально-интеллектуальные интеграции

Введение. Вопреки все большей дифференциации научных знаний, существует и противоположная тенденция. Она обозначает один из важнейших путей построения общей теории человекознания, ориентирует на целостный подход к изучению человека, его комплексное изучение и высокий уровень интеграции разнородных и разнопорядковых научных знаний о нем (Ананьев, 2001). В рамках интегративного тренда предлагается выделять и более низкие, частные уровни интеграции, которые выдвигают на первый план объединение нескольких теорий. В нашей работе они касаются теории интегральной индивидуальности (ИИ) В. С. Мерлина (1986), структурно-динамической теории интеллекта Д. В. Ушакова (2003), теории дивергентного (креативного) мышления Дж. Гилфорда (Guilford, 1950). Чаще всего эти линии исследований проходили отдельно, поэтому возникает вопрос: на каких основаниях и по каким критериям возможна их интеграция? Проблема их интеграции возникает еще и потому, что свойства индивидуальности устойчивы, а интеллект и креативность подвижны.

Некоторые идеи такой интеграции были изложены в рамках системно-интегративного подхода (Вяткин, Дорфман, 2018). На основании полисистемного анализа системы индивидуальности и интеллектуальной системы Л.Я. Дорфманом было предложено рассматривать в качестве критерия интеграции общее, а в общем различать каузальное общее, генерализованное общее, перекрещивающееся общее. Пока эти разновидности общего носят чисто теоретический характер и нуждаются в эмпирической поддержке. Операционализация данных понятий и их тестирование было целью настоящего исследования.

Методы. Выборку исследования составили студенты вузов г. Перми в количестве 235 человек (76 % девушки) в возрасте от 17 до 22 лет ($M = 18.61$, $SD = 0.88$). Психодиагностический инструментарий: 1) Big Five Inventory–2 К. Сото и О. Джона в адаптации С.А. Щебененко, А.Ю. Калугина, А.М. Мишкевич; 2) «Четырехфакторный опросник Я» Л.Я. Дорфмана; 3) «Матрицы Равена»; 4) «Универсальный интеллектуальный тест» (вербальные шкалы) Н.А. Батурина и Н.А. Курганского; 5) «Необычное использование» в адаптации И.С. Авериной и Е.И. Щелбановой. Анализ данных осуществлялся с помощью IBM SPSS AMOS v. 27. Основным методом анализа данных было структурное моделирование.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты тестирования первой модели поддержали предположение о том, что переменные ИИ имеют наибольшие факторные нагрузки при подтверждающем однофакторном анализе переменных ИИ, интеллекта и креативности ($p(\chi^2) > 0.05$, $\chi^2 / df 0.95$, RMSEA 0.05). В первом приближении, переменные ИИ можно понимать как каузальное общее. Во второй

модели (медиаторной) переменные кристаллизованного и флюидного интеллекта служили опосредующими звеньями между переменными ИИ и креативности ($p(\chi^2) 0.001$, $\chi^2 / df 0.90$, RMSEA 0.08). Поскольку основой объединения переменных ИИ и креативности были переменные интеллекта, это значит, что последние выступают в роли генерализованного общего. Таким образом, вторая гипотеза о том, что у переменных ИИ, интеллекта и креативности есть генерализованное общее, получила эмпирическую поддержку по критерию опосредования. Третья модель, модель взаимосвязей по полиморфному типу, была отлично согласована с эмпирическими данными ($p(\chi^2) 0.05$, $\chi^2 / df 0.95$, RMSEA 0.05). При этом гипотеза о перекрещивании не получила эмпирической поддержки. Однако это не означает, что при другом наборе переменных ИИ, интеллекта и креативности их перекрещивание не возникнет.

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
2. Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я. Системная интеграция индивидуальности человека. М.: Институт психологии РАН, 2018.
3. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
4. Ушаков Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М.: Институт психологии РАН, 2003.
5. Guilford J.P. Creativity // American Psychologist. 1950. V. 5. P. 444–454.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07046.

Две методологии в психологии: сходства и различия

Математические методы, методология, журналы

На предыдущем этапе исследования мы получили свидетельства в пользу гипотезы о существовании двух методологий в психологии. Об этом феномене в психологии говорил еще Л. Кронбах в 1957 г. в президентском обращении к членам АПА. (Cronbach L.J., 1957) На данном этапе исследования мы осуществили сравнительный анализ двух методологий, сосредоточившись на специфике использования математических методов в различные периоды времени.

Выборку составили 24657 статей из 8 журналов (American Psychologist, Journal of Abnormal Psychology, Journal of Applied Psychology, Journal of Comparative Psychology, Journal of Educational Psychology, Journal of Experimental Psychology: General, Journal of Personality and Social Psychology, Journal of Consulting and Clinical Psychology), издающихся АПА. Анализировалось использование следующих методов: ANOVA, t Student's test, correlational analysis, factor analysis, reliability analysis, regression analysis, SEM. Методы были объединены в две латентные переменные.

Общая процедура исследования включала несколько этапов: 1. подготовка данных к анализу, 2. расчёт основной и двух альтернативных структурных моделей (SEM), 3. Сохранение значений латентных переменных, вычисленных с помощью регрессии; 4. анализ групповых различий.

Результаты моделирования структурными уравнениями описаны в (Морозова С.В., 2020). Вычисленные значения латентных переменных, полученных в SEM, были сохранены как две новые переменные F1 (методы анализа групповых различий) и F2 (методы анализа взаимной изменчивости). Далее, были рассчитаны средние значения для каждого года по каждому из 8 журналов и сохранены в новые переменные meanF1 и meanF2. Кроме того, была добавлена номинальная переменная с тремя градациями years (before 1958/1958–1984/1985 and later). Для анализа полученного массива данных были использованы статистические пакеты: FSA, stats, psych, ggpubr, ggplot2, pdp.

Анализ различий среднегодовых значений латентных переменных в 8 журналах мы сделали с помощью критерия Н Крускалла-Уоллеса и теста Данна с поправкой по методу Холма. (Dinno A., Dinno M. A., 2017) Для обеих переменных были получены статистически значимые различия: meanF1 (Kruskal-Wallis chi-squared=133.43, df=7, p-value2.2e-16), meanF2 (Kruskal-Wallis chi-squared=167.37, df=7, p-value2.2e-16), years для meanF1 (Kruskal-Wallis chi-squared=465.16, df=2, p-value2.2e-16), years для meanF2 (Kruskal-Wallis chi-squared=475.05, df=2, p-value2.2e-16). Результаты всех апостериорных сравнений статистически значимы. Для уточнения результатов мы также сравнили значения по 8 журналам для каждого временного периода отдельно. В итоге также были получены статистически значимые различия по обеим переменным.

Полученные результаты свидетельствуют, что с течением времени среднегодовые значения частоты использования матметодов увеличиваются. До 1985 года низкие сходные показатели по методам анализа групповых различий имеют журналы *American Psychologist* и *Journal of Experimental Psychology: General*. Начиная с 1985 года средними сходными среднегодовыми значениями по методам анализа взаимной изменчивости обладают *Journal of Consulting and Clinical Psychology* и *Journal of Applied Psychology*.

1. Горбунов И.А. Использование программного «робота» при анализе статистической практики (на примере базы PsycARTICLES) // *Ананьевские чтения* — 2019. Скифия-принт, 2019. С. 154–155
2. Морозова С. В. Две методологии в психологии // *Ананьевские чтения*—2020. Скифия-принт, 2020. С. 535–536.
3. Cronbach L. J. The two disciplines of scientific psychology // *American psychologist*. 1957. Vol. 12. №. 11. P. 671–684
4. Dinno A., Dinno M. A. Package ‘dunn.test’ //CRAN Repos. doi. — 2017. — Т. 10.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00279.

Отражение в психологии: исследование понятия

Методология психологии, общая психология, психические процессы, отражение, марксистская философия

В настоящее время в рамках общей психологии психические процессы вслед за ключевыми для ленинградской психологической школой фигурами определяются через понятие “отражение”, что, несомненно, подчеркивает значимость этого понятия для психологии, однако в понятийной структуре общей психологии это понятие, являясь основой для определения, само остается неопределенным, что требует обращения к первоисточникам с целью прояснения его содержания и его сопоставление с актуальным состоянием психологической науки. Именно прояснение содержания данного понятия и явилось темой нашего исследования.

Предшествующий этап данного исследования показал, что в качестве источника понятия “отражения” можно рассматривать марксистско-ленинскую философию, причем использование данного слова во многом связано как с особенностями перевода с немецкого, когда 3–4 слова, имеющие схожее значение, переводятся как “отражение”, так и с текстами В.И. Ленина, в которых “отражение” и “теория отражения” упоминаются в контексте утверждения материализма[2].

Эти данные могут, как минимум, требовать уточнения как в отношении источников, так и содержания рассматриваемого понятия, причем работы многочисленных философов и психологов, которые публиковались с 1920-х годов, не столько опираются на классиков марксизма, сколько пытаются ввести и прояснить содержание понятия “отражения”, связав через него психологию, кибернетику и марксистскую философию [4].

Итог дискуссий 1920–1930 гг. представлен в работе И.Ф. Куразова “Введение в историческую психологию” (1931), в которой он говорит о психическом как о субъективном отображении объективного мира его биологических и социальных законов [1].

В 1936 году публикуется работа Т. Павлова, в которой говорится об отражении как о свойстве развивающейся материи [3]. Эти взгляды были доработаны им во второй издании книги в 1949. При этом уже “Основах общей психологии” (1946) С.Л. Рубинштейн использует оба понятия для определения психических процессов: ощущение и восприятие определяются им через отображение, а мышление — через отражение [5].

Обсуждение содержания понятия отражения и его значения для философии и психологии продолжилось в 1950–1960 гг., причем, если для авторов первой четверти XX века было важно буквальное следование идеям марксизма в отношении функционирования общества, то в этот период постепенно выстраивается рассмотрение психики и общества через идеи биологии, что было представлено не только в трудах основателей ленинградской психологической школы, но в работах П.К. Анохина, посвященных опережающему и функциональному отражению [4].

В 1970-е понятие “отражения” получает более последовательную оценку с точки зрения содержания (см. работы С. Васильева), а также включения понятийного аппарата кибернетики для того, чтобы показать различие проявлений отражения на разных уровнях организации материи. Более того, утверждение о всеобщности этого свойства в совокупности со специфическими характеристиками этих проявлений становится для авторов, таких как Л.И. Пахарь, Д.И. Дубровский и др., поводом для рассмотрения отражения не в качестве понятия, а категории [4].

Таким образом, понятие “отражение” появилось в марксистской философии для описания свойства материи, необходимого для возникновения информационных процессов и психики. Причем содержание этого понятия — предмет многочисленных дискуссий, а, значит, следует прояснить итоги этих дискуссий а также их философские и научные основания.

1. Куразов И.Ф. Введение в историческую психологию. М., Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931.
2. Муус А.И., Ермилова В.А., Постовалов А.В., Головина М., Боровиков А.В. Истоки и источники теории отражения в психологии. В печати.
3. Павлов Т. Теория отражения. Л.: Соцэкгиз, 1936.
4. Пахарь Л.И. Функциональное отражение. Рига: Зинатне, 1984.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1946.

Экопсихологический подход и парадигмы изучения психики

Изучение психики, парадигмы, гносеологическая, онтологическая, трансцендентальная, экопсихологическая поход

Проблемность в концептуализации порождения психических явлений:

- опредмеченность как фундаментальное свойство психики
- ненаблюдаемость процессуального порождения психических феноменов;
- постулат антропоцентризма в психологической науке;
- совпадение психички как объекта исследования и как средства исследования (методологический парадокс «барона Мюнхаузена»);
- методологическая ограниченность гносеологической парадигмы для изучения порождения психических явлений и необходимость использования для этой цели онтологической парадигмы.

В отличие от традиционного понимания психики в качестве объекта исследования, в рамках экопсихологического подхода психика изначально рассматривается как форма бытия, феномены которой порождаются и развиваются посредством взаимодействий в системе отношений «индивид — среда». Поэтому в качестве основных конструктов используются отношение «индивид — среда» и экопсихологическая типология субъект-средовых взаимодействий, включающая объект-объектные, субъект-объектные, субъект-обособленные, субъект-совместные и субъект-порождающие типы взаимодействий (Панов, 2014).

Исходя из этого происходит парадигмальное расширение представления о психике. В рамках гносеологической парадигмы она выступает в двух формах ставшего бытия. С одной стороны — в виде реальных, эмпирически фиксируемых феноменов, для исследования которых применяется «вещная» логика естественных наук, предельное воплощение которой мы видим в нейрокогнитивных науках. С другой стороны — в виде психических феноменов, опредмеченных во внешней среде человека, в его орудиях труда, памятниках культуры и антропогенных свойствах природной и социальной среды. В этом виде психика выступает в качестве средовых факторов и условий психического развития человека, что находит свое воплощение в разных направлениях экологической (средовой) психологии.

В рамках онтологической парадигмы психика выступает в виде психических феноменов в становящейся форме их бытия — как процессуальный продукт субъект-средовых взаимодействий в системе отношений «индивид — среда», проживающий стадии «порождения», «развития» и «умирания (перехода в другую форму бытия)». При этом самое отношение «индивид — среда» в онтологическом плане предстает как единый субъект (метасубъект) порождения психических феноменов. А субъект-средовые взаимодействия между индивидом и средой могут выступать в качестве предмета исследования и/или в качестве теоретического конструкта для эмпирического и парадигмального анализа. Предметом исследования выступают условия и в определенном смысле «механизмы» порождения психических явлений.

В рамках трансцендентальной парадигмы психика выступает в виртуальной форме («бытия в возможности»), т.е. как формы бытия, имеющей возможность к проявлению себя в виде порожденного психического феномена, как продукта взаимодействий в системе «субъект психической активности (человек или иное существо) — окружающая среда». Предметом исследования в данном случае выступают трансцендентальные принципы, обеспечивающие возможность порождения психических явлений. психика в форме «бытия в возможности».

Заключение. Полагая психику общеприродной формой бытия, мы выходим на такие фундаментальные принципы порождения ее феноменов, которые должны иметь универсальный характер и для других форм природного бытия, в том числе представляющих предмет естественных наук. Это дает надежду на своеобразную методологическую инверсию. Вместо переноса физикальных методов научного познания на изучение психики будет происходить методологический перенос принципов изучения и формопорождения психической реальности на изучение явлений физической и биологической природы, например, микромира и мегамира (физика), а также растительной и животной форм жизни (биология).

1. Панов В.И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. — М.: Психологический институт РАО; СПб.: Нестор_История. 2014. — 304 с.

К методологии исследования эмоционального выгорания

Эмоциональное выгорание; истощение; деперсонализация; осмысленность; интервью

Тема эмоционального выгорания продолжает исследоваться учеными, так как проблема по-прежнему не имеет универсального решения. Исследователи продолжают поиск концепции понимания этого феномена и соответствующих профилактических мер [4].

Наиболее распространенным инструментом оценки степени эмоционального выгорания является опросник МВІ, построенный на модели, предложенной С. Maslach и S. Jackson в рамках экзистенциального подхода. В этой модели, выделяются три компонента: истощение, личная неэффективность и цинизм (деперсонализация) [4]. В русскоязычных выборках для подобных целей используется его адаптированная версия — опросник «Профессиональное выгорание» Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой [1].

При заполнении опросника предлагается участнику исследования предстоит провести некоторую саморефлексию. Однако стремление к социально желательным результатам не позволяет ему более точно отразить собственное состояние и одновременно структурировать свой субъективный опыт. Другое дело — использование интервью или созданной для этих целей карты наблюдения в качестве дополнительных инструментов диагностики эмоционального выгорания. Они способны помочь исследователю более ясно определить ценности деятельности опрашиваемого, что в целом будет способствовать росту эффективности работы специалистов-психологов по борьбе с негативными последствиями эмоционального выгорания. Кроме того, описание опрашиваемыми собственного субъективного опыта в естественном контексте способствует более глубокому пониманию их состояния.

Проблема эмоционального выгорания охватывает как раз область переживания, в результате которого формируется субъективный опыт человека. Чтобы постигнуть суть переживания, целесообразно рассматривать феномены психической жизни в совокупности и с учетом взаимосвязей [2, с. 63], так как адаптация человека к окружающей реальности происходит именно в ходе переживания. Полученные в результате исследований эмоционального выгорания данные требуют не столько придания большей прозрачности психологии (количественные методы), сколько интерпретации с выходом за рамки отдельных психических процессов (качественные методы).

Внутренняя жизнь человека всегда имеет смысл, который в некоторой степени становится доступен в виде переживания. Согласно В. Франклу, также как животным не понять цели и действия человека, так и «человек едва ли способен иметь понятие о сверхмире» [3, с. 162]. Он указывает на существование смысла, к постижению которого сознание человека отчаянно стремится. Утрата ощущения осмысленности выполняемой деятельности обуславливает возникновение «экзистенциального вакуума», внутреннего дискомфорта и стимулирует к поиску истинного смысла, что

отличается большой затратностью и способствует росту истощения внутренних ресурсов человека на фоне внешне не изменившихся условий труда. По мнению А.М. Pines, утрата осмысленности в работе проявляется как раз в форме переживания эмоционального выгорания [5, с. 40].

В ходе тематического интервью, создаются предпосылки обнаружения говорящим смысла выполняемой деятельности, что позволяет предполагать потенциал интервью в отношении выгорания. Возможность выговориться позволяет человеку более точно отрефлексировать собственное состояние и противостоять фрустрации стремления к смыслу. Под маской эмоционального выгорания, когда, «выкладываясь» на работе, вытесняются попытки осмыслить деятельность и жизнь в целом. Отсюда и высокие показатели истощения у «выгорающих» специалистов. Попытки интенсифицировать поиск смысла деятельности ведут к отстраненности от окружающих с целью концентрации на собственных чувствах, т.е. рост деперсонализации.

Невозможно рассматривать эмоциональное выгорание в отрыве от осмысленности деятельности. Полагаем, переживание эмоционального выгорания — есть процесс восстановления утраченного ощущения осмысленности выполняемой деятельности, сопровождающийся эмоциональным, когнитивным и физическим истощением и/или некоторой степенью деперсонализации.

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. — Санкт-Петербург: Питер, 2008. — 336 с.
2. Кучинский, Г.М. Феноменологический метод в психологии. Карл Ясперс // Весник БДУ. — 2009. — Сер. 3. — № 1. — С. 59–67.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. — Москва: Прогресс, 1990. — 368 с.
4. Maslach C., Leiter M.P. It's time to take action on burnout // Burnout Research. — 2015. — No. 2. — P. IV–V.
5. Pines A.M. Burnout: An existential perspective // Professional burnout: Recent developments in theory and research. — Philadelphia, PA, US, 1993. — P. 33–51.

Варламов А.В., Яковлева Н.В.
Рязань, ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России

Мишени коррекции пугающего образа у людей с высокой личностной тревожностью

Пугающий образ, тревожно-фобическое расстройство, виртуальная реальность

Введение. Определенные страхи часто являются симптомом тревожно-фобического расстройства. В отдельных случаях они могут быть основной причиной его формирования [1]. Комплексная проработка страхов с использованием интервенций из различных психотерапевтических подходов и экспозиционных техник — эффективное и перспективное направление при работе со страхами людей с тревожно-фобическими расстройствами и высокой личностной тревожностью [2].

Постановка проблемы. Составление и проверка эффективности эклектически направленных программ психокоррекционной работы с тревожно-фобическими расстройствами может внести значимый вклад в современную доказательную психотерапию. Эмпирическое подтверждение целесообразности применения определенных техник и способов работы — основа их укрепления и дальнейшего развития в психотерапевтической практике. Наиболее актуальной эта работа представляется в контексте повсеместного внедрения компьютерных технологий и, в частности, виртуальной реальности в качестве инструмента психологической экспозиции [3].

Методы. Разработанная для исследования авторская программа психокоррекционного воздействия включала психологические интервенции из когнитивно-поведенческого, рационально-эмотивного и эмоционально-образного направлений. Были использованы экспозиционные техники (имагинативные и с помощью оборудования виртуальной реальности) для актуализации пугающих образов. Для проведения исследования были отобраны 20 добровольцев (6 мужчин и 14 женщин, $24 \pm 2,56$ лет), имеющих в анамнезе один из доступных для виртуальной экспозиции определенных страхов — пауков, высоты, темноты, замкнутых пространств или глубины — и высокий уровень личностной тревожности (шкала STAI). Авторская схема психокоррекционного воздействия состояла из этапов актуализации образа, десенсибилизации и когнитивной трансформации и учитывала энергетическую, когнитивную и эмоциональную составляющие пугающих образов.

Результаты. По итогам исследования выявлена высокая эффективность предложенной схемы воздействий на актуальное состояние испытуемых. Зафиксированы статистически значимое снижение уровня личностной и ситуативной тревожности (STAI), выраженности актуального страха (ИСАС), а также рост показателей самочувствия, активности и настроения (САН). Выявлены

предполагаемые личностные предикторы эффективности предложенного формата работы, связанные с динамикой отдельных исследуемых показателей. Ими являются такие черты, как высокая смелость и низкая педантичность (для личностной тревожности), практичность (для уровня выраженности прорабатываемого страха), экзальтированность и эмотивность (для самочувствия) и мечтательность (для активности и настроения). Составлены уравнения линейной регрессии, иллюстрирующие вклад отдельных личностных черт испытуемых в эффективность схемы психокоррекционного воздействия. Предложены способы составления индивидуальных программ, ориентированных на работу с определенными страхами.

Обсуждение. Полученные результаты свидетельствуют о целесообразности применения эклектических схем психокоррекционной работы с пугающими образами у людей с высокой личностной тревожностью. Совмещение техник когнитивной, поведенческой и образной проработки интенсивной предметно-ориентированной эмоциональной реакции страха приводит к снижению тревожности и выраженности определенно страха, а также гармонизирует психическое состояние.

Выводы. Комплексный подход к формированию схем психологической коррекции эффективен и целесообразен при работе с пугающими образами. Включение имажинативной и виртуальной экспозиции для актуализации образа позволяет достичь необходимого уровня эмоционального напряжения для его эффективной оценки и проработки. Вместе с тем, существуют определенные личностные особенности, связанные с эффективностью подобных воздействий. Их предварительная диагностика и учет позволят сформировать наиболее эффективные индивидуальные программы психологической коррекции.

1. Locke A.B., Kirst N., Shultz C.G. Diagnosis and management of generalized anxiety disorder and panic disorder in adults [Electronic resource]. — URL: <https://www.aafp.org/afp/2015/0501/p617.html> (date of treatment: 25.05.2021);
2. Тревожно-фобические расстройства у взрослых. Клинические рекомендации [Электронный ресурс] // Министерство здравоохранения Российской Федерации URL: https://medi.ru/klinicheskie-rekomendatsii/trevozhno-fobicheskie-rasstrojstva-u-vzroslykh_14300.html (дата обращения: 25.05.2021);
3. Kaczurkin A.N., Foa E.B. Cognitive-behavioral therapy for anxiety disorders: an update on the empirical evidence // Dialogues in clinical neuroscience [Electronic resource]. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4610618.html>. (date of treatment: 25.05.2021).

Как мы судим о счастье и об осмысленности жизни других людей: исследование движения глаз

Биографическая компетентность, автобиографическая память, культурный жизненный сценарий, Линия жизни, ай-трекинг

Люди выносят суждения о личностных качествах и психологическом благополучии окружающих, во многом опираясь на услышанные от них жизненные истории. За подобной «биографической компетентностью» стоит представление о том, что в рассказ о жизни в сжатой форме включаются наиболее насыщенные смысловыми единицами прошлого опыта — автобиографические события, которые выражают внутренний мир рассказчика и могут быть адекватно оценены слушателем. Показано, что способность генерировать авторские жизненные истории и понимать чужие жизненные истории развиваются в тесной взаимосвязи и базируются на освоении «культурного жизненного сценария», то есть разделяемого большинством носителей культуры знания о системе наиболее значимых событий жизни человека, их эмоциональной валентности и возрастном «расписании» [2, 3]. Однако на сегодняшний день неясно, существуют ли в историях жизни возрастные периоды, которые рассматриваются как более информативные относительно тех или иных свойств личности или её интегральных оценок. В связи с этим, нами было предпринято поисковое исследование, в рамках которого мы с помощью фиксации глазодвигательной активности попытались выделить такие периоды.

В исследовании приняло участие 44 человека (36 женщин) в возрасте от 19 до 26 лет (студенты МГУ имени М.В. Ломоносова). Для предъявления стимульного материала и записи параметров движения глаз использовался компьютер с установкой бесконтактной регистрации движений глаз фирмы Mangold International GmbH.

Материалом для предъявления служили «Линии жизни» (ЛЖ), которые представляли собой горизонтально пересекающую экран ось времени и расположенные на разном расстоянии от неё точки с подписями (события жизни человека). Верхняя полуплоскость обозначала позитивную часть жизни человека, а нижняя полуплоскость — негативную. Расстояние от оси до точки-события выражало степень эмоциональности события. На основании полученных ранее данных о культурном жизненном сценарии россиян [1] были подготовлено три варианта стимула. При предъявлении первого стимула требовалось ответить на вопрос «Насколько счастлив этот человек?», второго — «Насколько осмыслена жизнь этого человека?», третий выступал контрольным условием и не сопровождался целевым вопросом. Анализировались глазодвигательные параметры рассматривания 8 зон интереса, выделенных по возрасту (детство, юность, зрелость, старость) и по валентности (негативная или позитивная полуплоскость).

При оценке степени счастья испытуемые значимо дольше по сравнению с контрольным условием рассматривали области как позитивной, так и негативной зрелости ($t(42) = 8,06$, $p \leq 0,001$), и значимо меньше рассматривали области

позитивной юности ($t(42) = -4,84, p \leq 0,001$) и негативной старости ($t(42) = -3,36, p = 0,002$). Примечательно, что чем дольше они рассматривали область позитивной зрелости, тем более низкие оценки счастья они присваивали ($r = -0,44, p = 0,003$). При оценке осмысленности жизни человека испытуемые значимо дольше рассматривали негативную юность ($t(42) = 5,47, p \leq 0,001$), и меньше — позитивную ($t(42) = -3,41, p = 0,001$), а также меньше негативную старость ($t(42) = -5,04, p \leq 0,001$).

Таким образом, наши результаты показали, что наиболее информативной областью для оценки счастья по «линии жизни» является зрелость, а наиболее информативной областью для оценки осмысленности жизни — негативные события юности.

1. Нуркова В. В. Жизнь — инструкция по применению: результаты графической экспликации Культурного Жизненного Сценария // Международный журнал исследований культуры. — 2018. — Т. 30. — № 1. — С. 55–73.
2. Нуркова В. В., Днестровская М. В., Михайлова К. С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования (электронный журнал). — 2012. — Т. 5, № 25.
3. Habermas T. Autobiographical reasoning: Arguing and narrating from a biographical perspective // New directions for child and adolescent development. — 2011. — Т.1. — №. 131. — С. 1–17.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (Грант №АААА-А19-119111390041-3)

Вербализация причины эмоционального состояния в речи моно- и двуязычных детей в сравнении с инофонами, осваивающими русский язык как иностранный.

Эмоциональное состояние, каузальность, двуязычие, нарратив.

Способность говорить о собственном состоянии и состоянии других относится к модели ментальности человека и является важной предпосылкой успешной коммуникации. Показано, что в возрасте 4 лет дети могут различать эмоции других людей, понимать чужие намерения и их причины. Говорить о психическом состоянии (Берестова 2012) человек обучается в процессе опыта социальных взаимодействий, при котором немаловажную роль играет речевое окружение, количество и качество получаемого языкового материала (Сергиенко 2009, Цейтлин 2009).

Целью данного исследования было выяснить, насколько речевое окружение и степень развития языковых навыков влияют на формирование и использование тех или иных способов вербализации причин эмоционального состояния других людей или живых существ.

Материал исследования был собран на основе анализа нарративов (пересказ истории с опорой на картинки) по серии картинок MAIN (Gagarina 2012), полученных от нескольких групп информантов: (1) русскоязычные дети с типичным (ТР) речевым развитием (4–5 лет, n=20); (2) русскоязычные дети с диагнозом ОНР «общее недоразвитие речи» I-II степени (4–5 лет, n=20); (3) дети-билингвы (БЛ) из двуязычных семей, постоянно проживающие в Швеции (7–9 лет, n=20); (4) взрослые инофоны (ИФ) — студенты, изучающие русский язык как иностранный (20–25 лет, n=20); (5) контрольная группа (ВЗ) — взрослые русскоязычные студенты (20–25 лет, n=20). Информантам 7–9 и 20–25 лет задавались вопросы на понимание; с детьми 4–5 лет проводился тест «модель психического» по методике Е. Сергиенко (2009). (Анализировались только нарративы информантов, успешно прошедших тест и понимающих смысл сюжета).

Результаты. В целом эмоциональные состояния героев истории (страх, радость, удивление) упоминались информантами в соотношении: 63% ТР, 50% ОНР, 44% БЛ, 89% ИФ, 93% ВЗ. О причине состояний говорили 28% ТР, 29% ОНР, 10% БЛ, 40% ИФ, 42% ВЗ рассказчиков. Среднее число употреблений причинно-следственных конструкций в группах: 5,4 ТР; 2,7 ОНР; 3,2 БЛ; 5,2 ИФ; 8,6 ВЗ. Количество способов передачи причинно-следственных отношений: 12 ТР; 9 ОНР; 6 БЛ; 7 ИФ; 14 ВЗ.

Внешние причины эмоциональных состояний (чужие действиями по отношению к персонажу) описывали 40% ТР; 20% ОНР; 15% БЛ; 45% ИФ; 75% ВЗ. Внутренние причины (собственное восприятие) упоминали 25% ТР, 15% ОНР; 0% БЛ; 60% ИФ; 100% ВЗ.

В ходе анализа результатов интересно отметить следующие моменты: эмоциональное состояние в целом упоминаются взрослыми обеих групп чаще чем детьми. При описании причинности эмоциональных состояний, дети в основном указывают на обусловленность внешнего характера, в то время как взрослые информанты больше описывают внутренние причины состояния персонажей. Максимальные частота и разнообразие способов описания наблюдаются среди русскоязычных информантов. Рассказы детей ОНР отличаются меньшей вариативностью по сравнению с ТР, однако, более разнообразны по лексическому составу, чем у БЛ. Двуязычные дети наименее склонны акцентировать внимание на описании внутренних причин эмоционального состояния, а внешние причины, по сравнению с информантами остальных групп, упоминаются ими значительно реже. Что касается взрослых иноязычных информантов, по вариативности способов передачи ПС отношений, ИФ отстают не только от ВЗ информантов, но и от детей с НР и ОНР, что, вероятно, связано как с недостаточностью языковых средств, так и с общей трудностью выражения на неродном языке логических отношений.

Таким образом, формирование тех или иных способов вербализации причин психического состояния можно считать в наибольшей степени детерминированным речевым окружением и связанным с уровнем владения языком. В то время как, способность к дифференцированному описанию различных видов причинности, вероятно, более обусловлена уровнем развития когнитивных механизмов, чем степенью развития языковых навыков.

1. Берестова О. Г. Средства выражения каузальности состояния в современном русском языке // Казанская наука. № 11. 2012. С. 177–180.
2. Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Институт психологии РАН, 2009.
3. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
4. Gagarina N. MAIN Multilingual Assessment Instrument For Narratives // ZAS Papers in Linguistics. 2012. 56. P. 1–135.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 21-18-00624

Масштаб контекстуализации при решении взрослыми задачи реконструкции предложений: прайминг эффект и поколение постмодерна

Когнитивная схема, поколение постмодерна, понимание текста, масштаб контекстуализации, прайминг-эффект, мемы

В процессе экспериментального исследования когнитивных схем, конструирующих личную я-историю, и мнемических искажений в процессе ее реконструкции в различных коммуникативных контекстах, мы обнаружили интересный побочный результат. Большая часть испытуемых (64,7%: 79 человек из 122, старше 18 лет, русский язык — родной) допустили как минимум одну ошибку при решении задачи на восстановление пропущенных слов из контекста. Мы применили тест сформированности навыка чтения “Реконструкция предложений” для второго класса из батареи Л.Я Ясюковой [1]: отрывок из сказки Г.Х. Андерсена «Дикие лебеди», состоящий из пяти предложений, в которых пропущены 10 слов, значение каждого можно однозначно восстановить из контекста. Задание предлагалось под видом “капчи” с инструкцией “докажите, что вы не робот, вставьте пропущенные слова”. Мы ожидали от испытуемых экспериментальных групп попыток “пошутить”, доказывая свою экспертность в юморе. В качестве “постэффета” деятельности по анализу интернет-мемов и графических шуток мы ждали неоднозначных семантических решений, но не грамматических и речевых ошибок. В 50,8% случаев (62 человека) искажения были существенными и характерными: контекст, из которого реконструировалось пропущенное слово, был заужен до словосочетаний. Реконструкция проводилась не по тексту в целом, а по отдельным тропам. Например, частая синтаксическая ошибка: “Высокие стволы [деревьев] плотными рядами, точно стены”. Нарушались и речевые клише: “Ни одна [муха] не залетала сюда”.

Первым предположением было: невнимательны. Известно, что цифровой формат предъявления текста снижает уровень его понимания, так как требует затрат большего количества когнитивных ресурсов на обработку информации, чем печатный формат [2]. Но распределение ошибок в двух экспериментальных группах оказалось значимо различающимся (χ^2 -квadrat=7,35; $p=0,007$). В первой группе (ЭГ1), до этого анализировавших графические шуток “комедии положений”, ошибки заужения контекста сделали 20 человек из 53. Во второй (ЭГ2), работавших с интернет-мемами (например, котик “вжух”), такую ошибку допустили 42 человека из 69. Мы предположили, что тип материала, с которыми работают испытуемые оказывает своеобразный “прайминг-эффект”. Мы предположили, что когнитивная схема построения и прочтения нарратива могла быть актуализирована шутками разного типа. Характерные для культуры модерна “полипозиционные” шутки, где герой комедии положений занимает не соответствующее контексту место, и типичные для эпохи постмодерна “поликонтекстуальные” шутки, где герой “отсылает” к исторически закрепленному контексту, а шутка заключается в

неправомерном масштабировании и смешении дискурсов, могли актуализировать различные когнитивные схемы. Культурное требование модерна предполагает апелляцию к единому дискурсу, общим значениям, целостности смысла истории, тогда как постмодерн терпим к фрагментарности, множественности и одновременности дискурсов, противоречивости значений [3]. Мы проверили последнее предположение, через сравнение группы более старших (поколение X, 1964–1984 г.р., N=39) и более младших (поколение Y, 1985–2003 г.р., N=83) [4] участников исследования. Влияние прайминга типом шуток на количество ошибавшихся было получено стат. значимо ($\chi^2=6,147$, $p=0,013$) только на выборке поколения Y (ЭГ1 N=30; ЭГ2 N=53) — детей, выросших в культуре постмодерна. Т.о. поколение постмодерна актуализирует разные когнитивные схемы понимания в зависимости от контекста.

1. Ясюкова Л.А. Методика определения готовности к школе: прогноз и профилактика проблем обучения в начальной школе. СПб.: Иматон, 1999.
2. Исаева Т. Е., Щербакова О. В. Взаимосвязь полноты понимания текста и формата его предъявления (цифрового или печатного) // Психология XXI века, 2020. С. 63.
3. Липовецки Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма. СПб.: В. Даль, 2001.
4. Strauss W., Howe N. The fourth turning: an american prophecy: what the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny. NY, 1997.

Особенности движений глаз при восприятии лицевых экспрессий у людей с разным уровнем эмоционального интеллекта

Эмоциональный интеллект, ай-трекинг, стратегии восприятия (холистическая и аналитическая), базовые экспрессии, сильные и слабые лицевые экспрессии

Эмоциональный интеллект (ЭИ) активно начал изучаться в девяностых годах прошлого века. ЭИ определяется как умение человека регулировать эмоции, как свои, так и чужие, способность различать их, использовать полученную от них информацию для усиления продуктивности мышления (Mayer, Salovey, 1990).

В настоящее время наблюдается смещение исследования ЭИ в сторону межличностных отношений, причем в самых разных отраслях (политика, бизнес, управление и т.д.). Если раньше в приоритете находились умственные, когнитивные способности, то теперь они составляют лишь часть успеха, наравне с тем, как человек преподносит себя в обществе (Люсин, Ушаков, 2009).

Одним из важных вопросов является вопрос о взаимосвязи ЭИ с различными когнитивными процессами — восприятием, мышлением, памятью и т.д. Опираясь на определение ЭИ, можно предположить, что уровень развития ЭИ может оказывать влияние на процессы познания: человек с высоким ЭИ может выбирать и интерпретировать внешнюю информацию по-другому по сравнению с человеком с низким ЭИ.

В нашем исследовании мы задались вопросом о том, как процессы восприятия лицевых экспрессий различаются у лиц с разным уровнем ЭИ. Актуальность нашего исследования связана с нерешенным вопросом о том, какие процессы зрительного восприятия отражают уровень ЭИ. Одним из наших предположения является гипотеза о различиях в движениях глаз при восприятии лицевых экспрессий.

К этому вопросу можно подходить с точки зрения комплексного подхода, рассматривая ЭИ с разных сторон, с одной — как способность, которую можно измерить с помощью опросников, с другой — как динамическое образование, чьи характеристики прослеживаются в деятельности при решении задач.

Существует много методик для измерения уровня развития ЭИ, англоязычная методика Саловея Карузо была адаптирована Сергиенко на русский язык с оригинальным стимульным материалом, она тестирует уровень ЭИ по показателям: «Распознавание (идентификация) эмоций», «Использование эмоций для решения задач», «Понимание эмоций» и «Управление эмоциями»; а также показатели по разделам: «Лица», «Изображения», «Ситуации», «Фасилитация», «Эмпатия», «Изменения», «Смешивание», «Динамика», «Управление своими эмоциями», «Влияние на эмоции других» (Е.Сергиенко Хлевная, Ветрова, Никитина, 2019).

Регистрация движ глаз позволяет с высокой точностью оценивать положение взора в режиме реального времени в процессах опознания и поиска лицевой

экспрессии. Параметры перемещения взора позволяют анализировать динамику протекания процессов обработки эмоциональной информации.

Восприятие лица — сложный процесс, в котором можно выделить аналитические (основанные на анализе отдельных черт как самостоятельных репрезентаций) и холистические (основанные на восприятии лица как целого) компоненты (Меньшикова, Лунякова, 2018).

Цель нашего исследования заключалась в изучении влияния ЭИ на процессы восприятия и опознания лицевых экспрессии. Основная гипотеза заключалась в том, что процессы восприятия лицевых экспрессий будут различаться у людей с разным уровнем ЭИ. Вторичные гипотезы: При сравнении данных двух групп (высокого и низкого ЭИ) будут различаться:

- 1) опознание лицевых экспрессий в зависимости от типа экспрессии;
- 2) опознание лицевых экспрессий в условиях разрушения конфигурации экспрессии;
- 3) стратегии движений глаз (фиксации на зонах интереса).

Уровень ЭИ мы смотрели по результатам методики Сергиенко. Было выделено две контрастные группы по распределению. Мы набрали выборку из 43 человек (28 ж, 15 м), возрастом от 18 до 23 лет, студентов психологического, геологического, химического, исторического, мех-мат факультетов МГУ, с нормальным или скорректированным зрением. Мы разработали стимульный материал, включающий 7 лицевых экспрессий (6 базовых эмоций по Экману (Ekman, 1992) и одно нейтральное выражение лица) в трех вариантах: лицо без изменений, инвертированное лицо и морфинг лица (глаза, губы и нос перемешаны). Стимулы включали лица шестерых людей, троих мужчин и трех женщин, которые представляли каждую из семи экспрессий. Каждое лицо было представлено в трех типах, которые мы описали ранее. Всего получилось 126 стимулов. Лица предъявлялись на 2000 мс, после чего требовалось выбрать увиденную эмоцию из семи предложенных вариантов ответа. Затем испытуемые проходили опросник Сергиенко.

Далее мы изучали различия по выделенным зонам интереса у двух групп: низкого и высокого интеллекта. Значимой отрицательной корреляции обнаружено не было обнаружено между количеством ошибок и баллом за тест. Мы обнаружили, что эмоция гнева хуже распознается людьми с высоким уровнем ЭИ по сравнению с людьми из группы низкого ЭИ для прямо ориентированного и инвертированного типов лиц. Для условий обычного предъявления (прямо ориентированный тип) люди с низким уровнем ЭИ хуже всего распознают экспрессии страха и печали, с высоким уровнем ЭИ — страха и гнева. Для инвертированных лиц у группы с высоким ЭИ ошибки наблюдаются для экспрессий страха, печали и гнева, а для низкого ЭИ стаха, печали и отвращения. Лучше всего обе группы распознают радость и отвращение для прямо ориентированных лиц, и нейтральное выражение и радость — для скремблированных. Для экспрессий радости, удивления и грусти у людей с низким ЭИ больше выражен эффект левосторонней доминантности в условиях естественного наблюдения (прямо ориентированные лица). При восприятии сильных лицевых экспрессий (радость, гнев, отвращение) у людей из группы высокого ЭИ больше выражена холистическая стратегия восприятия лицевой экспрессии (прямо

ориентированный и инвертированный тип), при восприятии слабых экспрессий распределение взора по зонам становится более однородным.

В дальнейшем необходимо упорядочить все это количество данных, возможно изучить другие переменные, не только dwell time, возможно также отобрать значения маленькие (ниже 100 мс) и посмотреть, сколько людей из каждой группы обращали внимание на ту или иную зону в зависимости от разных факторов. Как я уже пробовала делать с нулевыми значениями. Требуется подробнее изучить вопрос о том, почему люди с высоким уровнем ЭИ хуже опознают эмоцию гнева и проверить идею о том, что холистические процессы у них выражаются ярче при опознании сильных экспрессий, таких как радость, гнев, отвращение и страх.

1. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Никитина А.А. Тест эмоционального интеллекта — русскоязычная методика // Социальная психология и общество. Том 10. № 3, 2019;
2. Меньшикова Г. Я., Луныкова Е. Г. Индивидуальные стратегии движений глаз в задаче опознания экспрессий композитных лиц // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлёв. — М.: Изд\во Институт психологии РАН, 2018;
3. Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к измерениям: сб. ст. / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. — М.: ИП, 2009;
4. Ekman, P. Are there basic emotions? Psychological Review, 99(3), 550–553, 1992.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07392\19

Коган А.А.
Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова

Сабадош П.А.
Москва, ФГБУН ИП РАН

Комаровская А.И.
Москва, ФГАО ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова

Хазарян А.Г.
Москва, Государственный академический университет гуманитарных наук

Идиома с пропущенным словом как форма подсказки в задаче на решение анаграмм

Творчество, подсказка, анаграммы, креативность, прайминг, идиомы

Введение. При изучении творческого мышления отдельный интерес вызывает у исследователей феномен подсказки, которая положительно сказывается на скорости и успешности решения. Одним из возможных объяснений может являться то, что подсказка преактивирует решение в семантической сети (Anderson, 1996), после чего даже небольшая дополнительная активация приводит к преодолению порога осознания (Bowden, Jung-Beeman, 2003). На успешность решения с помощью подсказки также влияют индивидуальные особенности испытуемого (Mendelson, Griswold, 1964), например, развитость дивергентного мышления и способность вовлекать иррелевантную информацию в процесс решения. В качестве подсказки, во многих исследованиях, выступает решение или его часть, что сужает изучение влияния подсказки до изучения влияния прайминга.

Целью данного исследования было изучить влияние подсказки, в которой не происходит непосредственного предъявления ответа испытуемому, на решение задачи.

В качестве творческих задач были взяты анаграммы, решение которых часто сопровождается инсайтом и на материале которых продемонстрирован феномен функциональной фиксированности (Ellis et al., 2014). Подсказкой выступали устойчивые идиомы с пропущенным словом (например «Он опытный. Стрелянный ...»). Предполагалось, что неосознанное прочтение идиомы активирует пропущенное слово в семантической сети, что ускорит процесс поиска решения и положительно повлияет на число верных решений. Также предполагалось, что эффективность использования имплицитной подсказки будет связана с показателями тестов креативности.

Методы. В исследовании приняло участие 28 испытуемых в возрасте от 19 до 28 лет. В начале эксперимента участник заполнял следующие методики: тест Гилфорда; субтест «Незаконченные фигуры» (Торренс); тест Медника.

В ходе эксперимента участнику необходимо было выполнить две задачи. Первая задача состояла в том, чтобы за короткое время (400мс) из трех предложений найти то, которое оканчивается на восклицательный знак. Вторая задача была решить анаграмму. В первой задаче среди предложений могла содержаться идиома-

подсказка с пропущенным словом, которое является ответом (конгруэнтная пара), отвлекающая идиома с пропущенным словом (неконгруэнтная пара) или не содержащаяся идиома (контрольная).

Результаты. Не обнаружено эффекта подсказки на время решения анаграмм ($F(2, 54) = 0.75, p = 0.48$). Было обнаружено значимое влияние подсказки на частоту верных ответов ($F(2, 54) = 19.64, p 0.001$): в случае неконгруэнтной пары участники давали меньше верных ответов, чем в случае контрольной и конгруэнтной пары ($F(2, 54) = 19.64, p 0.001$). Наличие восклицательного знака возле неконгруэнтной идиомы снижает частоту верных ответов ($F(1,27) = 10.4, p 0,001$). Отдельно была проанализирована связь личностных характеристик с чувствительностью к подсказке. Чувствительность рассчитывалась как разница частот ответов в контрольной паре и в паре с идиомами. Были выделены такие значимые предикторы как беглость и оригинальность по Гилфорду, гибкость и оригинальность по Торренсу и уникальность по Меднику.

Обсуждение и выводы. Положительного влияния идиомы с пропущенным словом на решение обнаружено не было. При этом было найдено негативное влияние неконгруэнтной идиомы на процесс поиска решения. Вероятно, произвольная активация связанного с идиомой слова интерферирует с активацией, связанной с поиском решения анаграммы, затрудняя нахождение необходимого слова. Отсутствие выраженного позитивного влияния может объясняться оригинальностью методики предъявления подсказки. Такие показатели креативности как беглость (Гилфорд), оригинальность (Гилфорд и Торренс) и уникальность (Медник) связаны с чувствительностью к иррелевантной информации при поиске решения.

1. Ammalainen A., Moroshkina N. The effect of true and false unreportable hints on anagram problem solving, restructuring, and the Aha!-experience // Journal of Cognitive Psychology. 2020.
2. Anderson, J. R. ACT: A simple theory of complex cognition // American Psychologist. 1996. Vol. 51(4). P. 355–365.
3. Bowden E., Jung-Beeman M. Aha! Insight experience correlates with solution activation in the right hemisphere // Psychonomic Bulletin & Review. 2003. Vol. 10(3). P. 730–737.
4. Ellis J. J., Reingold E. M. The Einstellung effect in anagram problem solving: evidence from eye movements // Frontiers in psychology. 2014. Vol. 5. Article 679.
5. Mendelsohn G. A., Griswold B. B. Differential use of incidental stimuli in problem solving as a function of creativity // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1964. Vol. 68(4). P. 431–436.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00812.

Связь эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности с процессами зрительного поиска лицевых экспрессий.

Эмоциональный интеллект, эмоциональная креативность, экспрессии, зрительный поиск

В данном исследовании изучались такие конструкты как эмоциональный интеллект (ЭИ) и эмоциональная креативность (ЭК) и связь с процессами восприятия. ЭИ можно определить, как способность «воспринимать и выражать эмоции, использовать эмоции в мышлении, понимать эмоций, и сознательно регулировать свои и чужие эмоции» (Mayer, Salovey, 1997). Понятие эмоциональной креативности впервые было предложено Эаериллом в рамках его теории эмоциональных синдромов (Averill, 1999). Эмоциональные синдромы — это сложные паттерны реакций, включающие представление об эмоции, субъективное переживание и правила поведения. ЭК необходима для возникновения в социуме новых, эффективных и аутентичных эмоциональных реакций.

Работы, направленные на изучение связи ЭК с ЭИ дают неоднозначные результаты. В ряде исследований были показаны слабо положительные, слабо отрицательные или незначимые корреляции шкал ЭК со шкалами ЭИ.

Целью данной работы было изучение связи ЭИ и ЭК с процессами зрительного восприятия лицевых экспрессий в задаче зрительного поиска. Предполагается, что процессы зрительного восприятия являются базовым процессом для переработки эмоциональной информации и будут связаны как с ЭИ так и с ЭК.

Методика. Процедура состояла из двух частей. В первой части участники выполняли задачу зрительного поиска лицевых экспрессий. Эксперимент состоял из пяти серий, в каждой из которых было 30 проб. Целевыми стимулами выступали лицевые экспрессии, выражающие эмоции радости, гнева, страха, печали или отвращения. Использовались фотографии лиц в анфас из базы KDEP (Gutiérrez-Cobo et al., 2016). Перед каждой серией участнику сообщалась целевая лицевая экспрессия, которую необходимо было найти на экране.

Целевой стимул предъявлялся на экране среди определенного количества отвлекающих стимулов, в качестве которых выступали изображения лиц с эмоциональными выражениями, отличными от целевого. Пространственное положение целевого и отвлекающих стимулов на экране генерировалось отдельно для каждой пробы. Задачей участника было как можно быстрее найти на экране целевой стимул и нажать на пробел. Фиксировались такие поведенческие параметры как время реакции, длительность фиксаций и количество саккад. Регистрация движений глаз осуществлялась при помощи установки регистрации движения глаз SMI iViewXTM RED 500 с частотой 500 Гц.

Во второй части исследования проводилась оценка уровня ЭИ и ЭК по следующему методикам: русскоязычная методика ТЭИ (Тест эмоционального интеллекта) (Сергиенко и др., 2019), опросник Дж. Эверилла на эмоциональную

креативность в адаптации Е.А. Валуевой (Валуева, 2009), тест эмоциональной креативности «Неконгруэнтные эмоции» (предложен Д.В. Ушаковым и О. Ивановой), тест Дж. Эверилла «Эмоциональные последствия» (перевод С.С. Беловой, Е.А. Валуевой).

Предварительная обработка результатов пилотного исследования позволяет выделить различия в скорости поиска экспрессий «гнева» и «страха»: лица с высоким ЭИ находили данные экспрессии быстрее, чем участники с низким уровнем. При этом в обеих группах поиск экспрессий «гнева» оказался самым неэффективным. Эффективнее всего испытуемые находили экспрессии «радости». При анализе длительности фиксации для лиц с высоким ЭИ наблюдается тенденция к большей длительности фиксации и меньшему количеству саккад. Дальнейший анализ будет включать опросники и тесты на ЭК, а также увеличение выборки для более детального анализа глазодвигательных параметров.

1. Валуева Е.А. Диагностика эмоциональной креативности: адаптация опросника Дж. Эверилла // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люпина, Д.В. Ушакова. М: Изд-во «Институт психологии РАН». 2009. С. 216–227.
2. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Мигун Ю.П. Эмоциональный интеллект: разработка русскоязычной методики ТЭИ (Тест эмоционального интеллекта) // Психологические исследования. 2019. Т. 12, № 63. С. 5.
3. Averill, J. Individual Differences in Emotional Creativity: Structure and Correlates // Journal of personality. 1999. Vol. 67. P. 331–71.
4. Gutiérrez-Cobo M. J., Cabello R., Fernández-Berrocal P. The relationship between emotional intelligence and cool and hot cognitive processes: a systematic review // Frontiers in Behavioral Neuroscience. 2016. Vol. 10.
5. Mayer, J. D., Salovey, P. 1997. What is emotional intelligence? In P. Salovey & D. Sluyter (Eds.), Emotional development and emotional intelligence: Implications for educators (pp. 3–31). New York: Basic Books.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ проект №19-29-07392.

Влияние уровня агрессивности на время прохождения тестирования в виртуальной среде

Агрессивность, негативизм, виртуальная реальность, VR-технологии, психодиагностика

Психодиагностика как часть практической области знаний, а также как объективный метод исследования, остается достаточно сложным и трудоемким процессом. Актуальность проблемы обуславливается особенностями данного процесса: опосредованный характер исследования, зависимость определенных параметров от внутренних и внешних факторов, вероятностный характер полученных результатов, влияние отношения к исследованию, обуславливающие снижение объективности полученных результатов [1].

Помимо этого, на результаты исследования может влиять отсутствие мотивации испытуемых участия и проявление негативных реакций по отношению к предлагаемой деятельности. Фиксация подобных проявлений в психологическом исследовании затруднена, а значимость их проявления оценивается исключительно субъективным взглядом исследователя.

Цель исследования — выявить взаимосвязи между уровнем агрессивности, основными формами ее проявления и временем прохождения тестирования в виртуальной реальности. В исследование применялись следующие методы исследования: опросник уровня агрессивности Басса — Дарки и специально сконструированная сцена в виртуальной реальности. Сцена виртуальной реальности включала в себя сюжетный сценарий, в котором исследуемым было необходимо взаимодействовать с виртуальными объектами для завершения тестирования. Статистическая обработка данных производилась с помощью программы SPSS Statistic (критерий ранговой корреляции Спирмана). В исследовании приняли участие 84 женщины и 70 мужчин в возрасте от 23 до 48 лет.

Использование VR-технологий в тестировании позволило точно фиксировать временные отметки, количество взаимодействий с виртуальной средой и отслеживать направленность взаимодействий. В исследовании учитывалось количество целенаправленных и нецеленаправленных действий, которые не приближали испытуемых к завершению тестирования.

По результатам анализа полученных данных была выявлена статистически значимая взаимосвязь между показателями, фиксируемыми с помощью VR-технологии и показателями шкалы негативизма и общего уровня агрессии, полученными в результате использования опросника, выявляющего уровень агрессивности.

Высокий уровень негативизма способствует значительному увеличению времени прохождения тестирования. При этом негативизм также способствует увеличению количества совершаемых действий и движений в процессе тестирования, не способствующие решению поставленной задачи, а лишь создают

иллюзию заинтересованности респондента деятельностью, к которой он привлекается.

При появлении неожиданных стимулов и раздражителей у людей с высоким уровнем агрессивности увеличено количество действий и движений, которые не являются целенаправленными, а представляют собой хаотичные взаимодействия с виртуальной средой. Таким образом, высокий уровень агрессивности может значительно снижать продуктивность и качество выполняемой деятельности и увеличивает время решения задачи.

Результаты исследования совпадают с мнением А.А. Костригина, И.А. Плякина о том, что развитие информационных технологий дает возможность создавать среды и платформы для создания новых методов и способов проведения психодиагностических исследований. Разработка автоматизированных психодиагностических комплексов, реализующих принцип адаптивной измерительной процедуры для оценки психологических свойств человека и других психических параметров является наиболее эффективным [2].

Область применения VR-технологий в психодиагностической практике имеет очевидные преимущества: появляется возможность фиксировать точные временные интервалы, количество и качество движений и действий, тем самым снижая субъективность и увеличивая количество получаемых данных.

Результаты получены в рамках реализации программы деятельности Лидирующего исследовательского центра, реализующего дорожную карту по "сквозной" цифровой технологии "Технологии виртуальной и дополненной реальности" при финансовой поддержке Минкомсвязи России и АО "РВК" (Договор о предоставлении гранта №003/20 от 17.03.2020 г., идентификатор соглашения о предоставлении субсидии — 0000000007119P190002)

1. Гнездова Е. А. Классификация подходов к автоматизации психодиагностических исследований / Е. А. Гнездова, К. Н. Болсунов // Известия СПбГЭТУ "ЛЭТИ". — 2004. — №1. — С.13–18
2. Костригин А.А. Использование компьютерной геймификации в разработке психодиагностической методики (на примере исследования фрустрации) / А.А. Костригин, И.А. Плякин // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. — 2018. — №1. — С.39–47.

Результаты получены в рамках реализации программы деятельности Лидирующего исследовательского центра, реализующего дорожную карту по "сквозной" цифровой технологии "Технологии виртуальной и дополненной реальности" при финансовой поддержке Минкомсвязи России и АО "РВК" (Договор о предоставлении гранта №003/20 от 17.03.2020 г., идентификатор соглашения о предоставлении субсидии — 0000000007119P190002)

Митина О.В.
Москва, ФБГОУ ВО МГУ им. М.В.Ломоносова

Эркинова М.Б.
Ташкент, ФБГОУ ВО МГУ им. М.В.Ломоносова

Психосемантический анализ представлений о правде и лжи как стратегий в переговорном процессе в Узбекистане

Переговорный процесс, стратегия, правда, ложь, искренность, неискренность, психосемантика

Переговорный процесс — это сложная форма взаимодействия, которая создается сторонами с целью договориться о чем-либо (Мокшанцев, 2002). Так, использование правды и лжи, включающие весь информационный, а в последующем поведенческий аспект переговоров — выступают базовыми стратегиями ведения переговоров.

Большой вклад в развитие представлений о лжи и правде внес В. В. Знаков (2005). Однако в психологии все еще остается открытым вопрос представлений о правде и лжи в контексте переговоров, а также закономерности их порождения в связи с культурными особенностями.

Данное исследование было проведено с помощью психосемантического анализа (Петренко, 2005) с использованием фразеологизмов и архетипичных, специфичных ролей для воссоздания семантического пространства узбекской культуры (Митина, Петренко, 2018).

Методикой исследования выступала специально разработанная краткая психосемантическая методика множественной идентификации, задающая культурный контекст представлений о правде и лжи (Митина, Эркинова, 2021), включающая 10 (специфичных и архетипичных) ролей и 10 фразеологизмов, относящиеся к узбекской культуре и задающее некое отношение к правде и лжи. Методика была представлена на русском и узбекском языках.

В исследовании приняли участие 113 респондентов узбекской национальности (владеющие только узбекским языком, не владеющими узбекским языком и билингвами) и русской национальности, проживающих в Узбекистане.

С помощью факторного анализа были выделены две главные стратегии ведения переговоров относительно правды и лжи: «Правда и только правда» (предполагает праведность и готовность идти за своей правдой до конца), «Не всегда правда лучшая стратегия» (ситуационное использование правды).

Результаты дисперсионного анализа позволили нам выявить влияние этнической, гендерной и языковой принадлежности на восприятие семантических пространств, что в свою очередь может быть основой для поведенческой реализации субъективных стратегий ведения переговоров. Было выявлено, что знание русского языка может быть источником смещения стратегической ориентации с «Не всегда правда лучшая стратегия» на «Правда только правда». Так, показатель пренебрежения стратегией использования правды в переговорах выше всего у

традиционных узбекских женщин и меньше всего выражен у мужчин русской национальности, склонных к непоколебимому следованию за правдой в переговорах. Такая тенденция может быть связана с наличием «горькости» в правде, что заставляет при необходимости отказываться от нее.

Благость мотивов утаивания правды можно проследить и по результатам оценки роли «Муллы» (священник), где наблюдается склонность женщин традиционной узбекской группы приписывать роли неискреннюю стратегию, что можно объяснить ориентацией на душевное благополучие ближнего в узбекской культуре, где ситуативная неискренность воспринимается как более положительная стратегия, нежели непреклонная правда, приводящая к болезненным последствиям.

Таким образом было выявлено, что положение оцениваемых ролей в семантическом пространстве может быть обусловлена социально-демографическими факторами: пол, возраст, этническая принадлежность и язык. Одной из наиболее перспективных направлений, которые стоило бы продолжить в рамках нашего исследования — это влияние языкового контекста и групповой принадлежности на стратегические решения при ведении переговоров, изучение которого уже в расширенной выборке может стать хорошей основой для теоретического и прикладного развития направления психология переговоров.

1. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. — М.: Институт психологии РАН, 2005.
2. Митина О. В., Эркинова М. Б. Психосемантический анализ представлений о правде, лжи и их категорий в Узбекистане // Цифровые технологии на службе педагогики и психологии. 2021. С. 149–153.
3. Митина О.В., Петренко В.Ф. Политическая психология: психосемантический подход. — М.: Социум, 2018.
4. Мокшанцев Р. И. Психология переговоров. — М.: ИНФРА-М, 2002.
5. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. — СПб.: Питер, 2005.

Нуркова В.В.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, РАНХиГС

Гофман А.А.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Уроки Уханя: сравнение образов будущего до и после пандемии COVID-19

Проспективная автобиографическая память, пандемия Covid-19, "новый пессимизм", сужение временной перспективы, линия жизни будущего

В настоящее время аналитики прогнозируют многочисленные негативные психологические последствия пандемии КОВИД-19: сужение горизонта прогнозирования, «новый пессимизм», рост пассивности и эгоцентризма, обесценивание и негативизацию прошлого опыта, фрагментацию «нарративного я» и разрыв преемственности истории жизни, социальные фобии и изоляционизм, общее снижение психологического и субъективного благополучия (Holman, Grisham, 2020; Huebner, Agya, 2020). Однако ряд исследований, проведенных на пике пандемии, ставят под сомнение подобные прогнозы. Например, в предпринятом нами интернет-опросе (Нуркова, Гофман, 2020), респонденты называли по три наиболее вероятных события будущего (данные периода с 20.04 до 20.05 2020 г.). Наиболее частотными оказались резко негативные события «бедность, безработица» и «экономический кризис». Отмечалось резкое сужение перспективы будущего. При этом, на уровне группового анализа наблюдалась нейтрализация общей эмоциональной оценки будущего, значение среднего приближалось к нулю. Анализ индивидуальных различий показал, что сужение и негативизация временной перспективы как закономерная реакция на ситуацию пандемии, могут быть существенно смягчены за счет субъективного усиления позитивной значимости текущего момента.

В то время как в большинстве стран мира пандемия КОВИД-19 далека от завершения, в КНР констатировали победу над вирусом. Таким образом, мы имели уникальную возможность протестировать правомерность тех предположений, которые были сформулированы для пост-пандемийного мира на представителях этой страны, раньше других перешедшей на следующий этап. В данном исследовании мы сравнивали данные, полученные графической методикой «Линия жизни будущего», где от респондентов требовалось создать схематический образ будущего, располагая прогнозируемые события на листе бумаги относительно оси времени, отмечая время событий и их предполагаемую валентность, в двух замерах. Первый сбор данных был проведен в октябре-ноябре 2019 г. (N=138), а второй — в январе-феврале 2021 г. (N=109). Респондентами выступили резиденты провинции Хубэй, КНР, проживающие в близости от города Ухань. При сравнении двух выборок мы констатировали отсутствие признаков негативизации будущего. Вопреки гипотезе сужения горизонта прогнозирования, представители пост-пандемийной выборки продлили протяженность ожидаемого будущего более, чем на два десятилетия. Они также значительно снизили частоту упоминания событий категории «чужие болезни» и

в 30% случаев включили в образ своего будущего лишь изредка встречавшееся в пре-пандемийной выборке событие «мирная смерть». Более того, те участники из обеих выборок, которые закончили Линию жизни будущего событием «мирная смерть», не снижали общую позитивность будущего и в два раза чаще прогнозировали высоко позитивные рекреационные события категории «путешествия» по сравнению с теми, кто вовсе не указывал события своей смерти и в шесть раз чаще, чем участники, включавшие свою смерть в Линию жизни будущего, но приписывавшие ей отрицательную валентность. Новая феноменология образа будущего после пандемии КОВИД-19 будет обсуждена в функциональной перспективе с учетом возможной культурной специфики китайской выборки.

1. Нуркова, В. В., Гофман, А. А. Взгляд в будущее из самоизоляции / В. В. Нуркова, А. А. Гофман // Новые вызовы неопределенности: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Новосиб. гос. ун-т. — ИПЦ НГУ Новосибирск, 2020. — С. 67–69.
2. Holman, E.A. When time falls apart: The public health implications of distorted time perception in the age of COVID-19 / E.A. Holman, E.L. Grisham // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. — 2020. — 12(1). — P.63–65.
3. Huebner, C. The new pessimism: how COVID-19 has made young people lose faith in their own agency / C. Huebner, D. Arya // LSE COVID-19 blog. — 2020. — URL: <https://blogs.lse.ac.uk/covid19/2020/09/11/the-new-pessimism-how-covid-19-has-made-young-people-lose-faith-in-their-own-agency> (дата обращения: 01.06.2021).

Исследование поддержано грантом РФФИ N 19-29-07069

Представления о самореализации и образ самореализованной личности у взрослых

Самореализация, представления о самореализации, образ высоко самореализованной личности

Проблема самореализации личности в современном мире продолжает оставаться достаточно актуальной, что во многом связано с отсутствием единой стройной концепции данного феномена (Леонтьев, 1997). В зарубежной и отечественной психологии проблема самореализации рассматривалась в работах А. Адлера, К. Хорни, Э. Фромма, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, К.А. Альбухановой-Славской, Д.А. Леонтьева, А.К. Исаева, С.И. Кудинова, Л.А. Коростылевой и др. Д.А. Леоньев определяет самореализацию личности как опредмечивание ею своей сущности (Леонтьев, 2000); Л.А. Коростылева — как осуществление личности самой себя в жизни и повседневной деятельности (Коростылева, 2005). Тема самореализации особо актуальна и в повседневной жизни — широко распространены группы, программы обучения, популярная литература и сама идея важности самореализации, особенно среди молодого поколения.

Проблема: каков образ высоко самореализованного человека у взрослых различного пола и возраста? Выборка: 69 человек (12 мужчин и 57 женщин) от 20 до 72 лет ($M=39,2$, $SD=13,6$), имеющие средне-специальное/высшее образование. Метод: авторский опросник для изучения представлений респондентов о самореализации. Состоял из трех блоков (личностные особенности, эмоциональная сфера и поведение человека с высокой самореализацией), в которых характеристики каждой сферы были представлены в виде дихотомий («безответственный-ответственный», «агрессивный-миролюбивый и др., всего 30), элементы которых располагались на крайних значениях шкалы (от 1 до 7 баллов).

Так, отвечая на вопрос о том, каков высоко самореализующийся человек в своей деятельности (поведенческий аспект в структуре представлений), испытуемые более высокие баллы давали характеристикам «доводящий до конца» ($M=5,6$), «деятельный» ($M=5,5$) «профессиональный» ($M=5,4$), «опытный» ($M=5,2$), «быстрый» ($M=5$) самостоятельный ($M=4,4$), «нацеленный результат» ($M=3,9$), «рискующий» ($M=3,8$). Более неоднозначные оценки получили такие характеристики как «сотрудничающий» ($M=3,6$) и «гибкий» ($M=3,5$).

Отвечая на вопрос о самоощущении и чувствах высоко самореализованного человека, испытуемые чаще описывали его как «увлеченный» ($M=5,4$), «вдохновленный» ($M=5,3$), «уверенный» ($M=4,8$), «полный сил» ($M=4,6$), «дружелюбный» ($M=4,4$), «спокойный» ($M=4,1$), «серьезный» ($M=4$). Наиболее низкие оценки респонденты дали таким характеристикам, как «свободный» ($M=3,5$) и «эмоциональный» ($M=3,5$).

Женщины более высоко в сравнении с мужчинами отмечают в своих представлениях о высоко самореализованном человеке его «ответственность» ($U=215$, $p<0,036$) и «эффективность» ($U=202$, $p<0,023$).

С возрастом респонденты оказались связаны следующие характеристики представления о самореализации: чем старше респонденты, тем больше они отмечают «нацеленность на результат» ($R=0,381$, $p\leq 0,016$), «неравнодушие» ($R=0,306$, $p\leq 0,01$), «прогрессивность» ($R=0,3$, $p\leq 0,012$), «миролюбивость» ($R=0,244$, $p\leq 0,042$). В то же время как, чем младше респондент, тем чаще он представляет человека с высокой самореализацией как «уставшего» ($R=-0,279$, $p\leq 0,02$) и меньше отмечают его «эффективность» ($R=-0,292$, $p\leq 0,014$) и выше — нацеленность на процесс. Также, чем старше респонденты, тем чаще они отмечают в образе высоко самореализованного человека «профессионализм» ($R=0,325$, $p\leq 0,007$) и «опытность» ($R=0,29$, $p\leq 0,015$).

Таким образом, представления о высоко самореализованной личности оказались неоднородны у респондентов разного пола и возрастов.

1. Леонтьев Д.А. Самореализация // Человек: философско-энциклопедический словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Наука, 2000. С. 322—324.
2. Леонтьев Д.А. Что такое экзистенциальная психология? // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М: Смысл, 1997 б. С. 40—54.
3. Коростылёва Л.А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере / Людмила Алексеевна Коростылёва. — СПб.: Речь, 2005.

Исследование выполнено при поддержке гранта президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-6263.2021.2

Особенности восприятия нейтральных экспрессий у лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта

Эмоциональный интеллект, восприятие экспрессий, восприятие привлекательности

Вопрос о связи эмоционального интеллекта (ЭИ) с более низкоуровневыми процессами зрительного восприятия является малоизученным. Большинство исследований в этой области проведено с использованием экспрессивных лиц-стимулов в задаче на распознавание эмоций. Данная задача может являться слишком простой даже для участников с низким ЭИ, поэтому встает вопрос об усложнении методики исследования. В научной литературе было неоднократно показано, что объективно нейтральные лица могут восприниматься как эмоциональные (Барабанщиков, Хозе, 2012). Этот феномен связывается с гиперчувствительностью системы распознавания эмоций, которая приводит к реагированию на сходство различных морфотипов лиц с определенными экспрессиями. Взаимосвязь проявлений данного феномена с уровнем ЭИ ранее не исследовалась, хотя представляет большой интерес. Так как задача распознавания экспрессий в объективно нейтральных стимулах является неадекватной, встает необходимость выбора другой задачи. Подходящим вариантом может быть задача оценки привлекательности, так как в литературе показана ее тесная связь со считываемой экспрессией: радостное выражение лица приводит к повышению оценок привлекательности, а негативные экспрессии — к их снижению (Golle et al., 2014). Мы предположили, что испытуемые с различным уровнем ЭИ будут по-разному оценивать привлекательность нейтральных лиц.

Метод. В эксперименте участвовало 49 человек (20 м, 29 ж) в возрасте 18–35 лет. Для эксперимента были отобраны 10 фотографий: пять мужских и пять женских лиц с нейтральной экспрессией. Для каждой фотографии были созданы 8 модификаций: были сокращены и увеличены межглазные расстояния, а также уменьшены и увеличены расстояния между носом и губами. Перечисленные искажения могли сочетаться во всех возможных вариациях. Таким образом, было подготовлено 90 стимулов (10 лиц X 9 вариантов модификаций). Каждая фотография предъявлялась в центре экрана на 2 секунды, после чего испытуемый должен был оценить привлекательность лица по шкале от 1 до 9. После эксперимента испытуемые проходили тест ТЭИ (Сергиенко и др., 2019).

Результаты. Способность к распознаванию эмоций обратно коррелирует со средней оценкой привлекательности лиц, $r(49) = -.419, p = .003$. Другие ветви способностей (использование эмоций, понимание эмоций, управление эмоциями) и общий показатель ЭИ не связан с оценками привлекательности лиц. Средний балл привлекательности, который давали участники из группы с низкой способностью к распознаванию эмоций ($M = 4.89, SD = .57$) и участники из группы с высокой способностью ($M = 4.09, SD = .76$) статистически значимо различался, $t(24) = 3.051, p = .005$.

Одно из возможных объяснений результата заключается в том, что высокая способность к распознаванию эмоций может приводить к более частому восприятию экспрессий в нейтральных лицах. При этом нейтральные лица могут чаще восприниматься как негативные, что подтверждается наличие феномена PRNE («perceived resting negative emotion»), который заключается в том, что объективно нейтральные, расслабленные лица часто воспринимаются как раздраженные, угрюмые или надменные (Hester, 2019). Для проверки этого предположения необходимы дальнейшие исследования.

1. Барабанщиков В. А., Хозе Е. Г. Конфигуративные признаки экспрессий спокойного лица // Экспериментальная психология. — 2012. — Т. 5. — №. 1. — С. 45–68.
2. Сергиенко, Е. А., Хлевная, Е. А., Ветрова, И. И., & Мигун, Ю. П. Эмоциональный интеллект: разработка русскоязычной методики ТЭИ (Тест эмоционального интеллекта) // Психологические исследования. — 2019. — Т. 12. — №. 63. — С. 5.
3. Golle J., Mast F. W., Lobmaier J. S. Something to smile about: The interrelationship between attractiveness and emotional expression // Cognition & emotion. — 2014. — Т. 28. — №. 2. — С. 298–310.
4. Hester N. Perceived negative emotion in neutral faces: Gender-dependent effects on attractiveness and threat // Emotion. — 2019. — Т. 19. — №. 8. — С. 1490.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07392\19

Ментальная регуляция психических состояний

Регуляция, психическое состояние, сознание, ментальный опыт, значение, смысл, рефлексия, репрезентация, система Я

Введение. Изучение психических состояний человека закономерно «приводит» исследователя к проблеме их регуляции. Возникающие психические состояния субъекта требуют актуализации различных механизмов регуляции, начиная от социальных, заканчивая психофизиологическими и физиологическими.

Проблема исследования. В психологических исследованиях саморегуляции акценты в большей степени смещены к описанию результатов, «опорой» которых являются психологические качества субъекта, а вектором процесса регуляции — деятельность или поведение (Дикая, 2003; Ильин, 2005; Леонова, 2020; Моросанова, 2020 и др.). В тоже время ведущими в «осознанном» регуляторном процессе являются ментальные механизмы и структуры сознания: невозможно представить направленного целевого действия без участия сознания в саморегуляции. К наименее разработанной в теоретических построениях, связанных с регуляцией состояний человека, является ментальная составляющая: недостаточно рассмотрен вклад структур сознания в регуляцию состояний, их роль, значение и функции в регуляторном процессе, специфика влияния отдельных структур на регуляцию, их синергия и взаимоотношения в ходе саморегуляции и др. Анализ многолетних результатов исследований взаимоотношений структур сознания и психических состояний (Прохоров, 2009; 2016; 2020; Прохоров, Чернов, 2019) показывает, что ментальная регуляторная система выполняет управляющую функцию по отношению к состояниям субъекта, её воздействия опосредуются внешними факторами (ситуации/события, пространство культуры, образ жизни, половые и возрастные особенности, временные факторы и пр.) вкпе с операциональными действиями и обратной связью, а также с психологическими свойствами личности (темперамент, характер, способности и др.) и психическими процессами (когнитивные и метакогнитивные, мотивационные и др.). Ментальные структуры представляют собой организацию, входящую в субъективный (ментальный) опыт человека. Отношения между компонентами субъективной ментальной системы в регуляторном процессе, представляются следующими: субъективный (ментальный) опыт интегрирует смысловые структуры сознания, отражающие значимость для субъекта ситуаций жизнедеятельности. Существенным звеном ментальной регуляции является воплощение смысла в значениях, что приводит к связыванию значения (объекта, предмета, ситуации и пр.) и психического состояния. Осознание необходимости в регуляции и выбор средств осуществляется благодаря рефлексии и образу собственного состояния субъекта. Переживание, включенное в ментальный опыт, изменяет смысловые структуры и психическое состояние. Регуляторный процесс опосредуется ситуациями жизнедеятельности, пространством культуры и образом жизни. Система Я, в субъективном ментальном опыте, выполняет узловую регулирующую функцию в организации включения ментальных структур в

саморегуляцию состояний, влияя на выбор операциональных средств (способы, приемы) и регуляторных действий. Операциональная сторона регуляторного процесса связана с действиями субъекта, направленными на изменение состояния, обратной связью и временными характеристиками. Интеграция и синергия составляющих сознания в субъективном (ментальном) опыте обеспечивает регуляцию состояний субъекта и его адаптивные возможности.

*Исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-29-07072.*

Взаимосвязь смысловых структур и компонентов системы Я в ментальной регуляции студентов

Ментальная регуляция, психические состояния, саморегуляция, система Я, смысловые структуры

Проблема исследования. Глубокое понимание регуляторных процессов психики создает возможности для увеличения адаптационных способностей современного человека, что является необходимым условием успешной жизнедеятельности в нашу эпоху, характеризующуюся нестабильностью и экстремальными условиями. В отечественной и зарубежной психологии на сегодня существует широкий спектр подходов и взглядов на процессы психической регуляции (Конопкин, 1995; Моросанова, 2001; Gross, 2015). При всех достоинствах существующих концепций психической регуляции наименее разработанной является ментальная составляющая. Недостаточно исследований, позволяющих более полно и глубоко раскрыть роль и вклад структур сознания в регуляторные процессы.

Концептуальная модель ментальной регуляции психических состояний была предложена А.О. Прохоровым (Прохоров, 2020). Согласно модели, процесс регуляции представляет собой структуру взаимоотношений между психическими состояниями, характеристиками сознания (репрезентации, рефлексия, переживания, смысловые структуры, составляющими субъективный опыт) и внешними факторами (ситуации, пространство культуры, образ жизни, социальная среда). Взаимодействие составляющих представлено регуляторными действиями и обратной связью. Узловую регулирующую функцию в организации включения структур сознания в саморегуляцию состояний выполняет система Я. Другой важной составной частью субъективного опыта являются смысловые структуры, которые приводят в соответствие бытие и субъекта, наполняют бытие смыслом, обеспечивая смысловое принятие жизни (Прохоров, 2020). Расширить понимание механизмов регуляции психических состояний позволят исследования, раскрывающие структуру взаимоотношений между параметрами системы Я и смысловыми структурами субъекта. Исходя из вышесказанного, целью исследования являлось изучение взаимосвязей и механизмов взаимовлияния компонентов системы Я и смысловых структур субъекта в процессе саморегуляции.

Методы исследования: тестирование, контент-анализ текстов самоотчетов, методы обработки и анализа статистических связей и различий. В исследовании приняли участие 52 студента первого года обучения.

Результаты исследования. Выявлены тесные корреляционные связи между характеристиками системы Я и общим уровнем осмысленности жизни, а также параметрами смысловых структур в части, касающейся регуляции и организации смыслового пространства, особенностями стратегий и механизмов смыслообразования личности. Самооценка и позитивное самоотношение студентов коррелируют с высоким уровнем осмысленности и осознанности. Для студентов с высоким уровнем самооценки и самоотношения характерно конструктивное

стремление найти источники смыслов во всех временных направлениях (будущем, настоящем, прошлом), а также мотивация к познанию, достижению и саморазвитию. По отношению к особенностям содержательной наполненности смыслов и ценностей студентов, значимых взаимосвязей с компонентами системы Я не выявлено. В свою очередь каждая из этих структур сознания: система Я и смысловые компоненты, связана с общим уровнем эффективности саморегуляции в различных условиях учебного процесса.

1. Прохоров, А. О. Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта / Психологический журнал. — 2020. — Том 41. — № 1, — С. 5–17. doi: 10.31857/S020595920007852–3. — Текст: непосредственный.
2. Конопкин, О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) / Вопросы психологии. — 1995. — № 1. — С. 5–12. — Текст: непосредственный.
3. Моросанова, В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции. — М.: Наука, 2001. — Текст: непосредственный.
4. Gross, J. J. Emotion Regulation: Current Status and Future Prospects. Psychological Inquiry / An International Journal for the Advancement of Psychological Theory. — 2015. — V. 26, — Issue 1. — Текст: непосредственный.

*Исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-013-00076.*

Взаимосвязь пространственно-временных характеристик при зрительном восприятии

Восприятие времени, восприятие пространства, тау и каппа эффект

Ряд исследований показывает, что пространство и время является взаимосвязанными характеристиками в сознании. В настоящее время существует два основных подхода к рассмотрению проблемы взаимодействия временных и пространственных характеристик: теория концептуальных метафор и теория величин. Согласно теории величин, измерение пространственных и временных характеристик на нейрофизиологическом уровне осуществляется единым модулем. В связи с этим, пространство и время на уровне восприятия представляют собой одну величину [2]. Однако, лингвистические наблюдения указывают на то, что существует асимметрия между пространственным и временным восприятием. Так в исследованиях Л.Бродицки показано, что пространственные лингвистические признаки оказывают значимое влияние на восприятие времени, чего не наблюдается в обратной ситуации [1,2].

В настоящей работе представлены результаты экспериментального исследования взаимосвязи пространственных и временных характеристик при зрительном восприятии. Эксперимент создавался в OpenSesame 3.2 и размещался онлайн с помощью системы JATOS. Испытуемым предъявлялись два стимула: статическая и перемещающаяся точка, время и расстояние перемещения варьировали. Фактическое расстояние перемещения составляло 62, 105, 145 и 187 px, а время 1500, 2500, 3500 и 4500 мс. Оценка испытуемым осуществлялась в условных единицах, от 0 до 100, перед началом эксперимента демонстрировался эталонный стимул с максимальной длительностью (100 ед.) и расстоянием (100 ед.). Каждому испытуемому было предъявлено 16 комбинаций пространственных и временных характеристик, а каждая комбинация предъявлялась испытуемому 17 раз в случайном порядке. В эксперименте принимали участие 18 человек, 14 женщин и 4 мужчины, средний возраст 23.7 лет. Для статистического анализа использовалась смешанная линейная регрессия, где в качестве главных эффектов использовались оценки пространства и времени, а в качестве случайных эффектов использовалась вариация оценок между испытуемыми.

Анализ данных показал, что пространственные оценки значимо обуславливают временные оценки ($R^2 = 0.662$, $AIC = 31237$, $p = 0.000$), что также оказалось верным и для временных оценок ($R^2 = 0.673$, $AIC = 31741$, $p = 0.000$). Сравнение различий двух моделей также не позволило нам выявить статистически значимых различий ($\chi^2 = 504,32$, $p = 0.98$). Таким образом, можно утверждать, что пространственные оценки в равной мере обуславливают восприятия временных, восприятие времени обуславливает субъективные пространственные измерения. Полученные результаты позволяют предположить, что оценки пространства и времени на субъективном уровне могут оцениваться единообразно через ощущение изменения или скорости.

1. Boroditsky, L. (2000). Metaphoric structuring: understanding time through spatial metaphors. *Cognition* 75, 1–28. doi: 10.1016/S0010-0277(99)00073-6
2. Bottini, R., & Casasanto, D. (2013). Space and time in the child's mind: metaphoric or ATOMic?. *Frontiers in psychology*, 4, 803. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00803>
3. Casasanto, D., Boroditsky, L. (2008). Time in the mind: using space to think about time. *Cognition* 106, 579–593. doi: 10.1016/j.cognition.2007.03.004

Рассказова М.А.
Москва, НИУ ВШЭ

Бурыченко Е.Р.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Кулиева А.К.
Санкт-Петербург, СПбГУ

Неосознаваемая детекция ошибок в задаче сравнения в условиях ложной обратной связи

Детекция ошибок, PES, post-error slowing, false feedback, ложная обратная связь, постошибочное замедление

Неосознаваемая детекция ошибок проявляется в изменении поведения вследствие совершения ошибки, например, в виде феномена послешибочного замедления (post-error slowing, или PES), который представляет собой увеличение времени реакции (BP) на пробу, следующую за ошибочно решенной пробой (Rabbitt, 1966; Danielmeier С., Ullsperger M., 2011).

В ряде исследований показано, что если внешняя обратная связь (ОС) об успешности выполнения задачи говорит испытуемому об ошибке вне зависимости от того, верный или неверный ответ он дал, то наблюдается увеличение PES, по сравнению с пробам, в которых испытуемый ответил неверно, но получил ложную положительную ОС (Sounders, Jentzch, 2012). Следовательно, PES можно рассматривать как реакцию на внешнюю ОС об ошибке, а не результат внутренней детекции ошибки.

Согласно концепции В.М. Аллахвердова (2009) когнитивная система человека одновременно и параллельно решает множество задач, и в процессе получает неспецифический эмоциональный сигнал, который свидетельствует об успешности выполнения какой-либо из задач. Постошибочное замедление может быть связано с процессом атрибуции ошибки одной из решаемых параллельно задач. В связи с этим при наличии внешней обратной связи у испытуемого нет необходимости тратить время на атрибуцию ошибки, поэтому постошибочного замедления наблюдаться не будет.

Предложенные объяснения противоречат друг другу в своих предсказаниях. Для проверки данных предсказаний был проведен эксперимент, в котором варьировалось как наличие ОС, так и ее точность.

В исследовании приняли участие 43 человека. Набор испытуемых проходил через онлайн сервис Яндекс.Толока.

Целевая задача состояла из ряда из шести цифр с одним пропуском, затем спустя время испытуемым предъявлялся второй ряд из семи цифр (пропуск заполнялся цифрой), но в этом ряду могла произойти одна замена (например, 12–4567–1264567 — нет замены, 12–4567–1244667 — есть замена). Задача испытуемого — ответить, была ли замена и сделать это как можно быстрее.

Эксперимент содержал тренировочную серию из пяти проб и основную серию из трех блоков: в первом блоке было 30 проб, во втором блоке — 60 проб, в третьем

блоке — 30 проб. Ряды цифр предъявлялись на 600 мс каждый, после стимулов предъявлялась маска. ОС предъявлялась только во втором блоке.

В исследовании использовался межсубъектный план с тремя экспериментальными группами: первой группе предъявлялась истинная ОС, второй группе предъявлялась ложная ОС (50% точной ОС, 50% ложной ОС), третьей группе вместо ОС предъявлялся набор символов «#####».

В расчетах использовалась регрессионная модель со смешанными эффектами, где в качестве случайного фактора использовался ID испытуемого.

На время реакции не оказала влияние точность в предыдущей пробе ($p = 0,310$), от этапа к этапу время реакции не менялось ($p = 0,257$). Время реакции значительно отличалось между экспериментальными группами: быстрее всего с задачей справлялась группа с точной ОС, медленнее всего — группа без ОС ($F = 21,009$, $p = 0,001$). Было обнаружено взаимодействие факторов результата в предыдущей пробе и экспериментальной группы: в эксперименте не было обнаружено послеошибочного замедления, но группа с истинной ОС продемонстрировала послеошибочное ускорение ($F = 4,636$, $p = 0,010$).

Согласно полученным результатам не удалось выявить послеошибочного замедления. Напротив, было обнаружено послеошибочное ускорение в одном из экспериментальных условий. На наш взгляд данный результат можно связать с высокой сложностью задачи (Houtman, Castellar, Notebaert, 2012). В данной исследовании точность испытуемых лежит в диапазоне 60–75%, что немногим превышает шанс случайного угадывания. Можно предположить, что точные ответы становятся относительно редким событием, что приводит к замедлению реакции после них (Notebaert et al., 2009). В дальнейших исследованиях планируется модифицировать экспериментальную парадигму, намеренно варьируя сложность задачи, для проверки данного предположения.

1. Аллавердов, В. М. (2009). Сознание — кажущееся и реальное. *Методология и история психологии*, 4(1), 137.
2. Appelgren, A., Penny, W., & Bengtsson, S. L. (2014). Impact of Feedback on Three Phases of Performance Monitoring. *Experimental Psychology*, 61(3), 224–233. doi:10.1027/1618-3169/a000242
3. Danielmeier, C., & Ullsperger, M. (2011). Post-error adjustments. *Frontiers in psychology*, 2, 233.
4. Houtman, F., Castellar, E. N., & Notebaert, W. (2012). Orienting to errors with and without immediate feedback. *Journal of Cognitive Psychology*, 24(3), 278–285. doi:10.1080/20445911.2011.617301
5. Notebaert, W., Houtman, F., Opstal, F. V., Gevers, W., Fias, W., and Verguts, T. (2009). Post-error slowing: an orienting account. *Cognition* 111, 275–279.
6. Rabbitt, P. M. (1966). Errors and error correction in choice-response tasks. *Journal of Experimental Psychology*, 71(2), 264–272. doi:10.1037/h0022853
7. Saunders, B., & Jentsch, I. (2012). False external feedback modulates posterror slowing and the f-P300: implications for theories of posterror adjustment. *Psychonomic Bulletin & Review*, 19(6), 1210–1216. doi:10.3758/s13423-012-0314-y

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00778 А

Влияние медитации открытого мониторинга на эффект намеренного забывания

Медитация, ментальная тренировка, метакогнитивная модель памяти, намеренное забывание

Согласно метакогнитивной модели памяти [1], успешность мнемических процессов зависит от результатов метакогнитивных мониторинга и контроля, которые могут быть модифицированы под влиянием систематических ментальных тренировок в виде медитаций открытого мониторинга (ОМ) [2]. Намеренное забывание (НЗ) — это метакогнитивный процесс [3], который запускается после инструкции забыть ранее предъявленную информацию. Мы предположили, что НЗ будет подвержено влиянию ОМ-медитаций.

Считается, что в парадигме «думай/не думай», эффект НЗ проявляется за счет ингибирования процессов воспроизведения [4]. Для проверки гипотезы о том, что ментальные тренировки также оказывают на них влияние, мы использовали тест Струпа, который является классическим методом оценки ингибиции когнитивных процессов [5]. Мы предполагали, что 1) систематические ОМ-медитации изменят величину эффекта НЗ и величину интерференции в тесте Струпа более эффективно, чем псевдо-медитации; 2) размеры Струп-эффекта и эффекта НЗ взаимосвязаны.

Условно здоровые добровольцы (N=61; 18–35 лет), не имеющие опыта систематических медитаций, псевдослучайным образом распределялись в 3 группы: каждая из них выполняла тест «думай/ не думай» со сбором информации о применяемых для забывания стратегиях, и тест Струпа. Затем на протяжении 43 (std=4.45, min=30, max=53) дней участники в зависимости от группы выполняли: а) 30 ОМ-медитаций, либо б) 30 псевдо-медитаций, либо в) не занимались ментальными тренировками. Далее все участники повторно проходили оба теста.

Перед статистическим анализом по результатам визуальной оценки диаграммы размаха были исключены данные 7-ми испытуемых как выбросы. Данные о величине Струп-эффекта были нормально распределены (критерий Шапиро-Уилка $p>.05$), нормальность распределения эффекта НЗ была оценена нормальными графиками Q-Q. Подтвердилась гомогенность распределения (критерий Ливиня $p>.05$) и ковариаций (критерий Бокса $p>.001$) данных. Далее обработка осуществлялась с помощью коэффициента корреляции Спирмена и двухстороннего смешанного дисперсионного анализа для каждой из зависимых переменных. Статистически значимая корреляция величин эффектов Струпа и НЗ не была обнаружена ни до, ни после интервенции: $rs(54)=.112$, $p=.444$; $rs(54)=.010$, $p=.944$, соответственно. Влияние взаимодействия типа интервенции и времени на величину эффектов Струпа и НЗ получено не было: $F(2, 51)=23.71$, $p=.35$, частичная $\eta^2=.040$; $F(2, 51)=1.85$, $p=.17$, partial $\eta^2=.068$, соответственно. Только основной эффект времени показал статистически значимую разницу в средних значениях Струп-эффекта на разных временных промежутках, $F(1, 51)=7.61$, $p=.008$, частичная $\eta^2=.130$, что может быть обусловлено эффектом тестирования.

Качественный анализ информации о применяемых стратегиях показал, что после интервенции в группе ОМ значительно реже, чем в других группах, использовались стратегии фокусировки внимания ($p=.029$, $p=.008$ относительно групп псевдо-медитации и контрольной соответственно) и значительно чаще, чем до интервенции, стали использоваться стратегии открытого мониторинга (“стремились не думать о втором слове из пары, сохраняя свое поле сознания пустым”) ($p=.039$).

Несмотря на отсутствие значимых результатов статистического анализа, качественный анализ позволил обнаружить паттерны изменения стратегий НЗ, которые могут быть связаны с полученным в рамках ментальных тренировок опытом.

1. Nelson, T. O., & Narens, L. (1994). Why investigate metacognition. *Metacognition: Knowing about knowing*, 13, 1–25.
2. Lutz, A., Slagter, H. A., Dunne, J. D., & Davidson, R. J. (2008). Attention regulation and monitoring in meditation. *Trends in cognitive sciences*, 12(4), 163–169.
3. Sahakyan, L., & Foster, N. L. (2016). The need for metaforgetting: Insights from directed forgetting. *The Oxford handbook of metamemory*, 1, 341–355.
4. Anderson, M. C., & Huddleston, E. (2012). Towards a cognitive and neurobiological model of motivated forgetting. *True and false recovered memories*, 53–120.
5. Аллавердов, М. В., & Стародубцев, А. С. (2017). Влияние положения дистрактора на эффект Струпа.

Ткачева Л.О.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Флакман М.А.
Санкт-Петербург, СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Коротаевская Е.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Психосемантическое исследование англоязычной звукоизобразительности

Психосемантика, фоносемантика, иконичность, звукоизобразительность, лексическое решение

Звукоизобразительность (ЗИ) это связь между звучанием слова и его значением. ЗИ присутствует во всех естественных языках. Предполагается, что ЗИ способствует изучению слов, поскольку облегчает их понимание без предварительного знания [1]. В нашем предыдущем исследовании на примере русского и английского языков были получены данные о том, что ЗИ слова, предъявляемые визуально, опознаются русскоязычными испытуемыми медленнее и с большим количеством ошибок, чем не-ЗИ слова [2]. Однако, мы не учитывали степень деиконизации ЗИ слов. Известно, что в процессе эволюции языка происходит утрата ЗИ, что позволяет типологизировать ЗИ слова на различные группы по критерию утраты иконичности [3]. Применяв лингвистический метод диахронической оценки, мы выделили 4 группы ЗИ слов, так что к первой группе относились наиболее явные ЗИ слова (ЗИ1), а к 4 группе — слова, практически утратившие ассоциативную связь между звучанием и смыслом (ЗИ4). Мы задались целью выяснить, как носители английского языка (N=50) опознают визуально предъявляемые английские ЗИ слова в сравнении с не-ЗИ словами, соответствующим ЗИ словам по частоте встречаемости и квази-словами, созданным с учетом законов фонотактики языка. С помощью методики Лексическое решение фиксировались показатели скорости, точности и количество ошибок опознания. Обнаружилось, что ЗИ слова на стадиях ЗИ2 и ЗИ4 опознавались медленнее и с большим количеством ошибок, чем остальные ЗИ слова и не-ЗИ слова, в то время как самые явные ЗИ слова, относящиеся к группе ЗИ1 в скорости и точности опознания не отличались от не-ЗИ слов. Основное отличие ЗИ слов, относящихся к ЗИ2 и ЗИ4 от ЗИ слов, относящихся к ЗИ1 и ЗИ3 состоит в их многозначности. В грамматике английского языка слово может быть одновременно существительным, глаголом и прилагательным, в зависимости от контекста его применения. Мы предполагаем, что именно семантическая многозначность слов, относящихся к ЗИ2 и ЗИ4, а вовсе не ЗИ, повлияла на скорость и точность их опознания. Полученные результаты свидетельствуют о том, что англоязычная ЗИ опознается иначе носителями языка, чем не носителями языка, даже владеющими им на высоком уровне. По всей видимости, причина этого кроется в отличии самих языков — русский язык относится к синтетической группе языков, в то время как английский к аналитической группе [4], что определяет особенности визуального опознания ЗИ слов носителями английского и русского языков. Благодаря

результатам этого этапа нашего исследования, мы пришли к выводам, что для того чтобы избежать семантической многозначности, для последующего ЭЭГ эксперимента необходимо использовать исключительно русскоязычные ЗИ слова, а в качестве испытуемых — носителей русского языка.

1. Blasi D.E., Wichmann S., Hammarström H., Stadler P.F., Christiansen M.H. Sound-meaning association biases evidenced across thousands of languages. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 2016, 113(39), 10818–10823.
2. Tkacheva L.O., Sedelkina Y.G., Nalsedov A.D. Possible Cognitive Mechanisms for Identifying Visually-presented Sound-Symbolic Words. *Psychology in Russia: State of the Art*, 12, 1, 2019: 188–200.
3. Флакман М.А. Универсальные черты звукоизобразительной лексики: опыт типологического сравнения / Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ» — №1 (2015). — СПб.: Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. — с. 87–92.
4. Кольцова О.Н. Аналитический и синтетический строй языков в контексте современных исследований // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2012/11/18549> (дата обращения: 21.05.2021).

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00575 «Психофизиологические индикаторы восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка».

Взаимосвязь составляющих системы Я и операциональных средств саморегуляции студентов

Психическое состояние, Система Я, способ саморегуляции, учебная деятельность

В развиваемой А.О. Прохоровым и коллегами концепции ментальной регуляции психических состояний существенная роль отводится системе Я, выполняющей узловую регулирующую функцию в организации включения ментальных структур в саморегуляцию состояний и влияющей на выбор операциональных средств и регуляторных действий [1]. На наш взгляд, система Я является центральным звеном ментальной регуляторной системы, которая представляет собой структуру взаимоотношений между характеристиками сознания: репрезентации, рефлексия, переживания, смысловые структуры, ментальный опыт [2]. Данное исследование призвано частично восполнить пробел в изучении взаимосвязи составляющих системы Я и операциональных средств саморегуляции.

В исследовании приняли участие 96 студентов 1 курса Казанского университета. Оно проводилось в 3-х формах учебной деятельности: на лекции, семинаре и экзамене. Были использованы следующие методики: 1. Типология саморегуляции психических состояний (А.О. Прохоров, А.Н. Назаров). 2 Рельеф психического состояния личности (краткий вариант) (А.О. Прохоров, М.Г. Юсупов). 3. Методика исследования самооотношения (С.Р. Пантилеев) [3]. 4. Эффективность саморегуляции состояний (А.О. Прохоров, А.Н. Назаров). 5. «Глобальный дифференциал-Я» Е.В. Гудковой [4]. Для обработки данных применялась программа SPSS 18.0.

В ходе исследования установлено, что ведущими структурами во взаимосвязи с психическими состояниями и составляющими самооотношения во всех формах учебной деятельности выступают такие способы саморегуляции как активная разрядка и размышление / рассуждение. Отметим, что помимо них, на экзамене часто используются пассивная разрядка и самовнушение. Во всех исследуемых формах учебной деятельности рассматриваемые способы саморегуляции обратно коррелируют с показателем «самообвинение», т.е. низкий уровень самообвинения достоверно связан с частым использованием студентами активной разрядки и рассуждения / размышления.

При помощи дисперсионного анализа установлено значимое взаимодействие показателей самооценности личности и «размышления», как способа регуляции состояний, в их совокупном влиянии на состояния студентов на лекции ($p \leq 0,002$). При низкой самооценности личности и редком использовании «размышления» на лекции у студентов преобладают состояния низкой психической активности. На семинаре установлено достоверное влияние взаимодействия показателей «открытости» и частоты использования «размышления», как способа саморегуляции ($p \leq 0,035$). Высокая открытость отношений человека с самим собой при частом применении активной разрядки способствует переживанию наиболее интенсивных состояний.

Во время экзамена обнаружено достоверное взаимодействие показателей самообвинения и активного применения студентами пассивной разрядки ($p \leq 0,011$) и самовнушения ($p \leq 0,05$) в их совокупном влиянии на подструктуры психических состояний. Негативные психические состояния низкой интенсивности преимущественно выявлены при высоких показателях самообвинения в сочетании с активным использованием пассивной разрядки. Наиболее оптимальные состояния обнаружены при низких показателях самообвинения и редком использовании самовнушения как способа регуляции состояний.

1. Прохоров, А. О. Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта / А. О. Прохоров // Психологический журнал. — 2020. — Т. 41. — № 1. — С. 5–17.
2. Прохоров, А. О. Роль системы Я в саморегуляции психических состояний в ходе учебной деятельности студентов / А. О. Прохоров, А. В. Чернов // Ярославский педагогический вестник. — 2020. — № 6 (117). — С. 79–87.
3. Настольная книга практического психолога / сост. С. Т. Посохова, С. Л. Соловьева. — М.: АСТ: Хранитель; СПб: Сова, 2008. — 671 с. — ISBN 978-5-17-049914-4.
4. Гудкова, Е. В. Валидизация методик изучения глобальных отношений личности к себе и к миру / Е. В. Гудкова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2009. — № 11(2). — С. 33–44.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00076.

Восприятия временных интервалов: методические принципы исследования

Временные интервалы, оценка, онтогенез, психологическая адаптация

Введение. Способность точно оценивать и воспроизводить временные интервалы зависит от многих факторов: мотивации, когнитивных особенностей, эмоций, возраста, индивидуальных различий. Малоизученным остаётся вопрос о различиях в восприятии временных интервалов при разномодальной стимуляции.

Нами ведутся исследования в двух направлениях. 1) Возрастные особенности восприятия временных интервалов. На разных этапах онтогенеза восприятие временных интервалов специфично. 2) Особенности восприятия временных интервалов как показатель психологической адаптации к экстремальным и атипичным условиям. На базе ГНЦ РФ «Институт медико-биологических проблем РАН» проходят наземные изоляционные эксперименты, моделирующие межпланетные космические полёты. Основные факторы искажения точности оценки временных интервалов — эмоциональная насыщенность момента, стресс и «сенсорный голод».

Методы. Наши исследования восприятия времени в столь разных областях объединяет методический принцип: временные интервалы оцениваются, отсчитываются и сравниваются при предъявлении стимулов в разной модальности (зрительная, слуховая, моторная) [2]. Варьируются три параметра проб. 1) Типы заданий: отмеривание заданного интервала про себя (троскратное отмеривание минуты про себя — для взрослых, отмеривание коротких интервалов — для детей); словесная оценка временного интервала; сравнение длительность экспозиции стимула с эталоном. 2) Заполнение интервалов разными стимулами: зрительными (расматривание картинок детьми и экспозиция геометрических фигур на экране для взрослых), слуховыми (песенки для детей, звучание метронома или ритмичные композиции для взрослых), моторными (прыжки, гимнастические упражнения для детей). 3) Разные временные интервалы: короткими (5–9 сек), средними (20–30 сек), длительными (50–70 сек). Внимание детей менее устойчивое, поэтому для пилотажного исследования были использованы более короткие интервалы. При обследовании испытуемых использовалась компьютерная версия методики: инструкция, стимуляция, запись реакций и ответов респондентов проводились через индивидуальные планшеты, методики оформлены в оболочке PsychoPy (в мае 2021 г. ожидается получение данных из эксперимента).

Результаты исследования временных оценок детьми. При определении длительности и скорости течения временных интервалов дети опираются на: наглядно-образное мышление, ассоциации, субъективные эмоционально насыщенные переживания и личный опыт, речевое опосредствование. Точность оценки временных интервалов взаимосвязана с интенсивностью выполняемой деятельности: чем сложнее и непривычнее задание, тем более выражена тенденция

переоценки длительности времени. Наиболее точные оценки дети дают интервалам, заполненным ритмической стимуляцией.

Результаты исследования временных оценок взрослыми в условиях изоляционного эксперимента. Экипажам изоляционных экспериментов присуща низкая структурированность и нестабильность восприятия временных интервалов. Максимальные трудности вызывает регистрация коротких интервалов, причём эти сложности носят общий характер, так как присущи и дублирующему экипажу, находящемуся в обычных условиях жизни. При этом вне зависимости от стрессовой ситуации восприятие временных интервалов остается стойким и отражает личностную особенность психической деятельности человека. Нестабильная оценка может быть связана с медленной вработываемостью или нестабильностью внутренних процессов [3].

1. Балашова Е.Ю. Восприятие времени и некоторые методические возможности его изучения в клиничко-психологических исследованиях // Клиническая и специальная психология — 2017. — Том 6. № 2. — С. 97–108.
2. Кузнецов О.Н., Алёхин А.И., Самохина Т.В., Моисеева Н.И. Методические подходы к исследованию чувства времени у человека // Вопросы психологии. — 1985. — №4. — С. 140–144.
3. Широкая М.Ю. Динамика субъективной оценки временных интервалов в профессиональной деятельности: автореф. дисс. канд.психол.наук: 09.00.03 — М., 2006. — 26 с.

Личностная регуляция принятия решений в игре «Доверие»

Принятие решений, "Trust Game", импульсивность, базовое доверие, эмоциональная креативность

Введение. Единый интеллектуально-личностный потенциал, представляющий взаимодействия свойств когнитивной и эмоционально-личностной сферы, регулирует принятие решений (ПР) посредством образования динамических регулятивных систем, в которых на верхние уровни иерархии могут выступать любые его составляющие. Представители разных профессий различаются по своим личностным характеристикам и, следовательно, по-разному преодолевают неопределенность при ПР. Важным стало выделение специфики личностного профиля у практикующих врачей и врачей скорой помощи [1, 4], в деятельности которых представлено ПР. Мы поставили целью исследования: определить специфику личностной регуляции стратегий ПР в моделируемой игровой ситуации у психологов и экономистов, которые с разных сторон могут быть знакомы с проблематикой ПР.

Постановка проблемы. Из курса теории игр экономистам известно, что лицо, принимающее решение, должно совершать рациональные выборы с ориентировкой на целевую функцию максимизации полезности, что может приводить к большему обману. Психологи не обладают этими знаниями и, возможно, будут больше доверять противнику, соответственно их выигрыш будет больше. Гипотеза: личностные свойства наряду с убеждениями личности в доброту мира будут включены в ПР; и в выборке с большей выраженностью этих свойств ПР будет более продуктивным.

Метод. Участники 73 студента; экономистов 24 ч., психологов 49; всего 36 м. и 37 ж. (Мвозраст = 20; SD = 3.5). Методики: игра «Доверие» состоит из 9 серий игр по 5–6 выборов в каждой; в качестве противников выступают компьютерные игроки (с определенными стратегиями) [3]; Опросники: Импульсивность, эмоциональной креативности Дж. Эверилла (ОЭК) [2] и базовых убеждений личности Р. Янофф-Булманны.

Результаты: согласно критерию Манна-Уитни выявлены значимые различия между психологами и экономистами: психологи больше доверяют противнику ($U = 30362.00$, $z = -2.94$, $p \leq .01$) и выигрывают больше условных монет ($U = 35274.00$, $z = -3.11$, $p \leq .05$). Экономисты чаще обманывают, меньше выигрывают условных монет и меньше размышляют над ПР ($U = 50039.00$, $z = -2.99$, $p \leq .01$). Экономисты меньше доверяют миру ($U = 237.00$, $z = -2.63$, $p \leq .01$), менее импульсивны ($U = 717.00$, $z = -2.00$, $p \leq .05$), характеризуются меньшей эмоциональной креативностью в компонентах новизны-уникальности ($U = 722.00$, $z = 1.56$, $p \leq .05$) и многообразия порождаемых эмоций ($U = 769.00$, $z = 2.33$, $p \leq .05$).

Обсуждение. Полученные результаты интерпретируются в контексте связи стратегий в игре с различиями в диспозициональных переменных. Психологи обладают большими доверием к миру и эмоциональной креативностью, чем

экономисты, что способствует проявлению доверия в игре и более эффективным стратегиям ПР.

Ограничением данного исследования является малый объем выборки, возможно при увеличении количества экономистов различия обретут иной характер.

Выводы. Личностная регуляция ПР в игре «Доверие» проявляется в том, что обладающие меньшим базовым доверием к миру экономисты чаще обманывают противника и выигрывают меньше условных монет. Психологи затрачивают больше времени на ПР, проявляя феномен инверсии импульсивности, их ПР более продуктивно при большей эмоциональной креативности и большем доверии противнику.

1. Каменев И.И., Корнилова Т.В., Разваляева А.Ю. Связи риска при принятии решений с мотивацией и саморегуляцией (на выборке медицинских работников) // Вопросы психологии. — 2018. — № 1. С. 127–137.
2. Корнилова Т.В., Шестова М.А., Павлова Е.М. Эмоциональная креативность в системе связей с эмоционально-личностной сферой и имплицитными теориями креативности // Психологический журнал. — 2020. — Т. 41. — №. 4. — С. 19–31.
3. Berg J., Dickhaut J., McCabe K. Trust, reciprocity, and social history // Games and economic behavior. — 1995. — V. 10. — N. 1. — P. 122–142.
4. Bogacheva N., Kornilova T., Pavlova E. Cognitive Representations of Medical Risks of Practicing Medical Doctors in Russia: Assessment and Correlates // Behavioral Sciences. 2020. — V. 10. — N. 6. — P. 1–11.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-29-07069.

Исследование закрытости личности на стыке различных направлений психологии

Закрытость личности, когнитивный стиль, убеждения, догматизм, потребность в когнитивном закрытии

Исследования закрытости личности широко представлены в психологической науке — социальная агрессия, готовность к принятию изменений, творчество, межличностные отношения, убеждения личности. Многообразие психологической информации о феномене закрытости личности создает иллюзию его исследованности. Несмотря на разобщенность концепций были выделены два направления в изучении закрытости личности, мало согласующихся между собой. Идея настоящей работы состояла в том, чтобы показать возможные пути их интеграции в континууме центр-периферия.

Первое направление исследований закрытости представлено работами М. Рокича, О. Харвей, Д. Ханта, Г. Шродера, Е.Т. Соколовой [1],[2][5]. Их объединяет системно-структурный взгляд на психику, описание свойств закрытых личностных систем, в том числе в связи с психопатологией; выделение доминантного конструкта или суперординаты структурной личностной организации. С учетом методологической размытости выделенного направления, исследовательских конструктов может быть несколько: Я-концепция, личностно-когнитивные концепты (схемы), аффективно-когнитивный стиль отношений Я-другой, когнитивный стиль (открытость/закрытость, абстрактность/конкретность). Среди выделенных механизмов нарушений лежат жесткость, тотальность, расщепленность, диффузность, изолированность, абсолютизованность, нарушение процессов интеграции.

Таким образом, закрытость личности является основным свойством нарушенных систем психики, ее нарастание сопровождается вовлечением центральных эго-структур, глубинных убеждений личности. Развитие закрытости личности идет по линии процессов личностного и социального развития — «дифференциации/интеграции», «слияния/разделения».

Второе направление исследований закрытости личности методологически определяется более однородным, социально-когнитивным подходом к изучению личности. Оно представлено работами Б. Альтмейера, А. Кругляски, Д. Амброса [3],[4]. Рассматривая ряд экологических факторов закрытости и не претендуя на ее глубинно-личностное объяснение, данное направление может быть условно названо «периферическим». Основные исследовательские конструкты закрытости личности: догматизм, потребность к когнитивному закрытию. Догматизм и догматичное мышление рассматриваются, как степень уверенности в своих убеждениях, и анализируются в контексте изменения социальных установок, способности к усвоению новых знаний и проявлению креативности. Потребность в когнитивном закрытии, т.е. стремление к любому ответу на какую-либо тему, в противовес неясности и неопределенности, присуща каждому человеку. Изучены эффекты

когнитивного закрытия на социальное познание, конструирование обыденных представлений и убеждений личности. Опыт социально-когнитивного подхода к изучению закрытости личности не отрефлексирован в первом подходе. Таким образом, социально-психологические модели изменения отношений, опосредованные связью суждения-убеждения, могут открыть новые пути к изучению и изменению более глубоких, ядерных форм закрытости личности.

Выводы. Закрытость личности является психологическим феноменом. Выраженность этого свойства может принимать различные формы в континууме центр-периферия. Индивидуальная выраженность свойства определяется вкладом ситуационных и личностных факторов. Базовые процессы психического развития «дифференциация/интеграция», «слияние/разделение» будут определять динамику и личностную организацию закрытой личности. Психологическими конструктами-носителями закрытости личности являются: Я-концепция, схемы познания, стили межличностных отношений, когнитивные стили, система убеждений личности, устойчивые формы личностного реагирования (черты).

1. Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2019.
2. Harvey O., Hunt D., Schroder H. Conceptual systems and personality organization. New York: Wiley, 1961.
3. How Dogmatic Beliefs Harm Creativity and Higher-level Thinking. New York: Routledge, 2012.
4. Kruglanski A. The Psychology of Closed Mindedness. New York, Hove: Psychology Press. 2004.
5. Rokeach M. The open and closed mind. New York: Basic Books, 1960.

Ментальные механизмы регуляции психических состояний студентов

Саморегуляция, учебная деятельность, психические состояния, сознание

Введение. Основная научная задача исследования находится на пересечении двух фундаментальных областей мировой психологии — саморегуляции психических состояний человека и управления учебно-познавательной деятельностью субъекта. Такие исследования редко проводятся как в отечественной, так и в зарубежной психологии. В частности, в зарубежной психологии категория психических состояний не является общепризнанной, отсюда, саморегуляция психических состояний, как проявление регуляторной функции психики человека, не является предметом специальных исследований.

Проблема исследования. На сегодняшний день основная доля исследований проводится в парадигме базовых эмоций. Исследований, посвященных саморегуляции психических состояний с позиции ментальной организации субъекта, явно недостаточно (Human-Vogel, 2006), а парциальные исследования в рамках педагогической психологии не раскрывают основные вопросы структуры, механизмов регуляции и оптимизации психических состояний в ходе учебного процесса. Основная цель исследования — выделить и описать закономерности организации структур сознания, обеспечивающих регуляцию состояний и развитие регуляторных способностей студентов.

Методы исследования. Теоретическим основанием исследования является концептуальная модель структурно-функциональной организации ментальной регуляции психических состояний (Прохоров, 2020). Реализация исследования осуществлялась через изучение ментальных механизмов саморегуляции психических состояний студентов первого курса в ходе образовательного процесса: на лекциях, семинарах и на экзаменах. Решались задачи изучения типичных способов и приемов саморегуляции состояний и регуляторных способностей в повседневных и напряженных условиях учебной деятельности; влияние ментальных структур (смысловых, рефлексивных, переживаний и др.) на саморегуляцию и регуляторные способности студентов. Для решения задач применялся банк стандартизированных психологических методик, всего 23 методики, 303 показателя. В исследовании приняли участие 105 студентов-психологов и 101 студент-математик.

Результаты исследования. Были выделены типичные состояния, характерные для лекций, семинаров и экзаменов. Показана специфика их проявлений в зависимости от форм обучения. Выявлены регуляторно-личностные свойства студентов, влияющие на саморегуляцию состояний. Установлено, что это влияние опосредуется формой и уровнем напряженности обучения, а также профилем учебной деятельности. Показаны особенности взаимосвязи между качеством предметной подготовки учащихся, регуляторными способностями и состояниями, свидетельствующие о том, что эффективность саморегуляции психических состояний студентов достоверно влияет на продуктивность сдачи семестрового

экзамена. Эта закономерность характерна для обеих выборок респондентов, как для студентов-математиков, так и для студентов-психологов. Среди психических состояний высокоэффективных студентов особую значимость имеют состояния, относящиеся к классу познавательных. Результаты изучения влияния ментальных структур (смысловых, рефлексивных, переживаний и др.) на саморегуляцию и регуляторные способности студентов первого курса позволяют сделать вывод о центральной роли характеристик сознания в регуляции психических состояний. У студентов обеих специальностей, вне зависимости от условий учебной деятельности (лекция, семинар, экзамен), выявлены ведущие четыре фактора, представляющие характеристики ментальной организации субъекта.

1. Прохоров, А. О. Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта / А. О. Прохоров // Психологический журнал. — 2020. — № 1. — С. 5–18.
2. Human-Vogel, S. Students' mental models of positive mood and self-regulation in learning / S. Human-Vogel // South African Journal of Psychology. — 2006. — № 3. — P. 613–633.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-29-07072.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

Бельских А.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Третьяков В.П.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

«Мотиваторы игровой деятельности у людей различных профессий»

Игра, игровая деятельность, мотиваторы, мотивация, обучение.

Отечественная психология сформировала целостную триаду поведенческих моделей человека: игра, обучение и труд [1]. Игры рассматривались не только, как метод развития детей, но и метод обучения взрослых.

Сейчас увеличивается количество игр в обучении в том числе и для взрослых. На сложных предприятиях, таких как энергетика, нефтяное и газовое дело начинают использоваться игровые методы обучения. Эта тенденция связана с ускорением потоков информации и, как следствие, изменением восприятия человека: оно становится более расфокусированным, более подвижным, менее сосредоточенным. Хорошая игра разработана таким образом, что позволяет долго увлекать человека, концентрировать и удерживать его внимание лучше, чем лекция, семинар или практическое занятие.

Голландский философ Й. Хёйзинга рассказал, что игра — это вид деятельности, который не нуждается во внешней мотивации. Игра — это добровольная деятельность, которая совершается ради себя самой [2].

Нас интересует проблема: что в играх является запускающим мотивацию механизмом? Цель работы: ответить на следующий вопрос: «что побуждает человека играть в игру?». Ответив на этот вопрос, мы получим мотивирующий компонент или компоненты для создания игр, которые в последствие можно использовать в обучающих целях.

Мы провели пилотное исследование, опросив 10 экспертов-геймдизайнеров разных направлений (деловые, ролевые, трансформационные, порождающие, настольные, компьютерные, квестовые игры) по вопросам сущности игры и мотивации людей в играх.

Контент-анализ структурированных интервью показал, что ключевыми мотиваторами являются — мотиватор развития — люди хотят развиваться в игре и с помощью игры (1733 символа); мотиватор творчества — люди хотят самовыражаться в игре (1675 символов); мотивация влияния — люди хотят оказывать влияние на игру (самый сильный мотиватор — 2154 символа); мотивация

избегания — желание избежать негативных последствий в игре, т.е. проиграть (2019 символов); и мотивация досуга — то желание занять своё свободное время (1892 символа).

Эти данные коррелируют с литературным обзором по теме: ключевая мотивация людей в играх — это возможность влиять на игру и проявлять свою компетентность (в игре), решая проблемы адекватной сложности [3]. Это позволило сделать нам модель мотивации игры.

В данной модели идея в том, что мозг видит игру — как интересную интеллектуальную задачу. Если эта задача не слишком проста, что вызывает напряжение, и не слишком сложна, что вызывает оптимизм в успехе, возникает внутренняя мотивация к её решению. При получении результата мозг получает удовлетворение.

Второй этап нашего исследования предполагает опрос 1000 человек разных профессий и уровня образования от 14 до 65 лет, у которых был игровой опыт в различных играх, чтобы они рассказали какие мотиваторы они испытывали в том или ином виде игр. Теоретический анализ позволил нам выделить 9 видов игр: компьютерные, мобильные, консольные, настольные, отдельно карточные, игры живого действия (с использованием тела игрока), отдельно спортивные, ролевые и деловые; и 11 типов мотиваций: цель игры, развитие, достижение, творчество, обладание, влияние, отношения, редкость, непредсказуемость, избегание, досуг. Мы найдём самые мощные мотиваторы, соотнесем их с мнением экспертов-геймдизайнеров, а также с образованием и профессией.

На основании работы будут разработаны принципы создания обучающих игр, которые будут запускать процесс внутренней мотивации, что позволит эффективнее применять их для обучения, тренинга и оценки сотрудников.

1. Третьяков В.П. 2016. Порождающие игры. Практическое руководство по применению. — Х., Изд-во «Гуманитарный центр».
2. Хёйзинга Й. Человек играющий / Йохан Хёйзинга; [пер.с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича]. 2019. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. (Азбука-классика. Non-fiction);
3. Scott Rigby and Richard M. Ryan. 2011. Glued to games: how video games draw us in and hold us spellbound. Santa Barbara. California. (New directions in media).

Верещагина Л.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Короткова Ю.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Рогов О.К.
Санкт-Петербург, ИТМО

Эргономические характеристики и ресурсы работы электромонтажников судостроительного предприятия

Эргономические характеристики и ресурсы работы электромонтажников судостроительного предприятия

В настоящее время работники сферы «человек- техника» наиболее востребованы на рынке труда, объяснение тому: научно- технический прогресс, нехватка работников в области создания технических объектов, это относится к различным отраслям народного хозяйства, в том числе и к судостроению. Известно, что на территории Российской Федерации функционирует порядка 170 судостроительных предприятий, большая часть которых обеспечивает нужды военно- морского флота страны- строятся авианосцы, подводные лодки, сторожевые катера, боевые корабли и другие военные суда, увеличивается доля гражданского судостроения, строятся туристические пароходы, танкеры для перевозки различных наливных грузов, научно-исследовательские и пассажирские суда. Некоторые заводы строят деревянные корабли, под старинные парусники и паровые суда, которые востребованы и пользуются определенным спросом.

С появлением на судах электрооборудования возникла потребность в специалистах, способных правильно его установить и закрепить. Для выполнения все увеличивающегося объема работ требуются специалисты хорошо подготовленные, заинтересованные в своей работе, не испытывающие проблем во взаимоотношении со своими руководителями, коллегами, удовлетворенные своей работой и условиями своего труда.

Цель нашего исследования заключалась в выявлении эргономических характеристик рабочего места, условий труда электромонтажников, требований работы и ресурсов, обеспечивающих эффективную работу.

Эмпирическое исследование проводилось на базе судостроительного завода в Санкт- Петербурге. В опыте приняли участие 102 человека (электромонтажники), мужчины в возрасте от 22 до 59 лет (средний возраст по группе- 36 лет), средний стаж профессиональной деятельности — 16 лет (от года до 36 лет), образование: высшее — 16 человек, средне-специальное -техническое -72 человека, 14 человек имеют среднее образование (выпускники школ). Для выявления эргономических характеристик рабочего места, содержания работы, условий труда использовались следующие психодиагностические методики: биографическая анкета, модифицированный нами для целей исследования вариант «Эргономической контрольной карты»; опросник ресурсов и требований работы (на основе РТР модели

А. Bakker, E. Demerouti, 2006); скрининговая методика оценки общей удовлетворенности жизнью (в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина, 2003).

Анализ оценки рабочего места и рабочего пространства по модифицированному варианту эргономической контрольной карты показал, что неблагоприятными факторами рабочего места электромонтажников являются: неоптимальная температура окружающей среды при работе на открытом пространстве (на палубе корабля) — летом может быть слишком жарко, а зимой- холодно. Это утверждение высказали 89 человек из 102 опрошенных, Кроме того, работников беспокоит высокий уровень шума в рабочих помещениях (от работающего оборудования). Так ответили 77 человек из 102 опрошенных. Результаты исследования требований и ресурсов работы (по методике А. Bakker, E. Demerouti) свидетельствуют о том, что ресурсами, повышающими эффективность деятельности судовых электромонтажников, являются поддержка со стороны коллег и руководства компании. Совместная работа электромонтажников в бригаде предполагает их взаимную помощь и поддержку как на работе, так и вне её. Оценка общей удовлетворенности выявила средние значения этого показателя (20 баллов из 35 возможных), что требует более тщательного анализа тех переменных, которые повысят удовлетворенность работников своим трудом.

Социально-психологические особенности сотрудников уголовно-исполнительной системы

Сотрудник уголовно-исполнительной системы, комплекс неполноценности, адекватная самооценка, личностная зрелость, социальная смелость, тревожность, установка на результат деятельности.

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) достаточно специфична: сотрудник, находясь на изолированной территории, ощущая негативное влияние криминальной среды, постоянно испытывает эмоциональные нагрузки, стрессы, в том числе и из-за повышенной ответственности за характер и результаты своей служебной деятельности.

Методологическую основу исследования составили: положение В.С. Мухиной о том, что условия развития и бытия личности могут содействовать нормативному социальному ожиданию, а могут провоцировать личность на развитие девиаций. Теория личности А. Адлера, основанная на акцентировании роли социального фактора как детерминанта человеческого поведения.

Проблемой исследования выступили социально-психологические особенности сотрудников УИС, которые могут оказывать влияние на их профессиональную деятельность.

Гипотеза: у сотрудников УИС, непосредственно контактирующих со спецконтингентом, психологические особенности будут отличаться от лиц, несущих службу, не связанную с непосредственным контактом с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными.

Для получения результатов были использованы следующие методики исследования: методика «Шкала комплекса неполноценности», методика «Тест уверенности в себе» В.Г. Ромека, методика «Самоуважение (самодостаточность)»; методика «Шкала реактивной и личностной тревожности» автор-разработчик Ч.Д. Спилберг; методика исследования самоотношения, авторы В.В. Столин и С.Р. Пантелеев; методика «Мотивация «Труд — деньги», автор О.Ф. Потемкина; методика «Оценка выраженности установки «процесс — результат деятельности», автор О.Ф. Потемкина.

Статистическая обработка и анализ полученных данных проводились при помощи программы Statistica с использованием корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции Кендалла) и факторного анализа.

В исследовании приняло участие 70 человек, из них 35 — непосредственно контактирующих со спецконтингентом, 35 — не контактирующих. 100 % составили сотрудники мужского пола.

Исследование показало следующие результаты: группа сотрудников, контактирующих со спецконтингентом, — шкала «комплекса неполноценности» имеет положительную корреляцию со шкалами «внутренняя конфликтность» и

«самообвинение», отрицательную — со шкалами «открытость», «самоуверенность», «самоценность», «самопринятие» (при $p < 0,01$).

Группа сотрудников, не контактирующих, — шкала «комплекс неполноценности» имеет положительную корреляцию со шкалами «внутренняя конфликтность», «личностная тревожность», «ориентация на денежное вознаграждение», отрицательную — со шкалой «уверенность в себе» (при $p < 0,01$).

Факторный анализ (метод главных факторов): группа сотрудников, контактирующих со спецконтингентом, — фактор «комплекс превосходства»: комплекс неполноценности, внутренняя конфликтность, неприятие себя, неуверенность в себе, застенчивость, низкий уровень самопринятия. Фактор «социальный страх»: высокий уровень тревожности, низкий уровень социальной смелости, отсутствие инициативы в социальных контактах. Фактор «интеграция в профессию»: уверенность в себе, высокая установка на процесс деятельности, высокая установка на результат деятельности.

Группа сотрудников, не контактирующих, — фактор «склонность к рефлексии»: высокий уровень личностной зрелости, внутренняя конфликтность, самообвинение, низкая самооценка. Фактор «хорошие адаптационные способности»: низкий уровень личной тревожности, самоуверенность, ориентация на труд, установка на результат деятельности, уверенность в себе, средний уровень шкалы «комплекс неполноценности». Фактор «интеграция в профессию»: высокий уровень самопринятия, ориентация на труд, установка на процесс деятельности, низкий уровень социальной смелости, отсутствие инициативы в социальных контактах.

Гипотеза подтверждена, действительно психологические особенности лиц, непосредственно контактирующих со спецконтингентом, отличаются от сотрудников, не контактирующих в ходе служебной деятельности с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными.

1. Ермолаев-Томин О.Ю. Математические методы в психологии. — 4-е изд., пер. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2012. — 511 с.

Динамика отношения к дистантному обучению у преподавателей и студентов в период пандемии.

Дистанционное обучение, метафоры, семантический контент анализ, потребности, удовлетворенность.

Пандемия COVID-19 изменила образовательную среду и методы работы в ней. Целью исследования было выявление психологических проблем, с которыми столкнулись участники образовательного процесса при переходе к онлайн обучению. Задачей стало описание динамики отношения к дистанционному обучению (ДО) в разные периоды пандемии, сравнение эмоционального отношения к ДО в группах студентов и преподавателей.

В исследовании приняли участие: 56 преподавателей (18 человек в первую волну, 26 во вторую, 12 в третью) и 71 студент (22, 31, 18 человек соответственно) ВУЗов Санкт-Петербурга. Использовался метод метафор и семантический контент анализ. Он-лайн опросы проводились в — мае-июне, ноябре-декабре 20г., апреле-мае 21г. Метафоры анализировались по направленности на учебный процесс, саморегуляцию, качество преподавания; по удовлетворенности здоровье сберегающими потребностями и потребностями в стабильности; по эмоциональной окраске восприятия ситуации.

Сравнение реакций студентов в различные волны пандемии позволяет выделить проблемы, связанные с утомляемостью и физической усталостью, что подтверждается комментариями к метафорам: “...в начале была жуткая нагрузка, нескончаемые домашние задания, от которых в прямом смысле болели глаза и голова.”, “ кружится голова”. Максимальное нарастание получила неудовлетворенность качеством преподавания. Критика работы преподавателей в третьей волне пандемии связана с ригидностью педагогов, не сумевших после первых волн адекватно отреагировать на изменение формы работы: “все что делает большинство преподавателей — говорят прочитайте методичку+сделать какое-то убогое задание”, “абсолютно бесполезные пары, которые сложно усваивать в режиме онлайн”, “слишком много вопросов и нет ответов”, “они дают большие дз на урок, ... и добавляют большое дз для самостоятельного изучения”, “ничего не получается, никто ничего не объясняет, успеваемость падает адомо”, “... заставляют платить как за очное обучение и это несправедливо”. При этом, эмоциональное отношение студентов к ДО изменилась в лучшую сторону. Третья волна пандемии показала нарастание положительных эмоциональных реакций. Возросли удовлетворенность потребностями в безопасности и стабильности и способность планировать и распределять время.

В исследованный период у преподавателей произошло нарастание эмоционально негативных реакций по отношению к ДО. Комментарии к метафорам

описывают неудовлетворенность преподавателей мерой обратной связи: “не получаешь обратной связи и сидишь в своём мини вакууме, не имея не малейшего представления о том, что происходит по ту сторону экрана”, “не понятно, что делают студенты, когда читаешь им лекцию...”,” нет обратной связи”. Обратная связь, позволяет: корректировать скорость подачи информации, оценивать адекватность реакций студентов на новый материал, подбирать темп и насыщенность материала примерами, оперативно корректировать сценарий занятия. Отсутствие обратной связи, при ДО лишает преподавателя все этих преимуществ очного образования и создает ощущение отсутствия контроля за качеством учебного процесса.

Выводы. В группе студентов эмоциональное отношение к ДО изменилось в лучшую сторону, возросли эмоционально положительные реакции, произошло привыкание к работе в дистанционном режиме. Одновременно увеличилось число критических реакций, связанных с содержанием обучения и соотношением цена-качество обучения. В группе преподавателей эмоционально положительных реакций не выявлено ни на одном из этапов пандемии, эмоционально отрицательные реакции выросли. Основной психологической проблемой преподаватели назвали отсутствие обратной связи с аудиторией. Обнаружено нарастание противоречия в отношении экономической составляющей обучения: студенты полагают, что оплата дистанционного обучения должна быть снижена, у преподавателей нарастает неудовлетворённость соотношением выросших когнитивных и эмоциональных затрат и оплатой их труда.

1. Вачков, И.В. Метафора как инструмент практического психолога / И.В. Вачков // Вестник практической психологии образования: научно-методический журнал / Ред. С.Б. Малых. — 2004. — №1 декабрь 2004. — с. 64–68.

Влияние социально-психологического климата организации на удовлетворенность трудом и мотивацию персонала

Социально-психологический климат коллектива организации, удовлетворенность трудом, мотивация персонала

Введение. В современный социально-экономический период развития общества неотъемлемой частью борьбы за рост производительности труда является создание психологического климата коллектива, от которого зависит мотивация сотрудников организации и степень удовлетворенности работой. Знание состояния психологического климата внутри коллектива, уровня удовлетворенности работой и мотивации персонала, позволяет руководителям организаций не только создавать необходимую систему мероприятий по улучшению условий в коллективе, но и гибко реагировать на те или иные изменения ситуации в организациях [3].

Постановка проблемы. На сегодняшний день исследование проблем социально-психологического климата достаточно полно и широко освещено в научной литературе. В.М. Шепель (1986) одним из первых раскрыл содержание понятия социально-психологического климата коллектива, также психологический климат изучали Грядовой Д.И., Кикоть В.Я. (2012), Попов В.И. (2006) и др. Однако, на сегодняшний день не в полной мере исследовано влияние психологического климата коллектива на удовлетворенность трудом и мотивацию персонала организации, тем самым, делая необходимым выявить и изучить взаимосвязь между показателями психологического климата коллектива, удовлетворенностью трудом и мотивацией персонала.

Методы. Для решения поставленных задач были использованы психодиагностические методики: «Диагностика климата в малой производственной группе» В.В. Шпалинского, Э.Г. Шелеста; «Диагностика личностной и групповой удовлетворенности работой» Розановой В.А.; методика «Формирование положительной групповой мотивации» В.А. Розановой.

Выводы. Статистическая обработка данных эмпирического исследования, с помощью рангового корреляционного коэффициента Спирмена, дала ряд статистически значимых сильных положительных корреляций между психологическим климатом, удовлетворенностью работой и мотивацией персонала. Учитывая полученные результаты, можно сделать вывод, что:

- 1) существует сильная положительная связь между психологическим климатом в коллективе и удовлетворенностью работой ($r=0,746$);
- 2) между психологическим климатом и групповой мотивацией существует сильная положительная связь ($r=0,762$);
- 3) между групповой мотивацией и удовлетворенностью работой существует сильная положительная связь ($r=0,802$).

Полученные данные говорят о том, что удовлетворенность работой, эффективность субъекта в труде, трудовая мотивация связаны с тем, какой психологический климат преобладает в коллективе. Чем выше психологический

климат, тем более удовлетворены работой, успешны и продуктивны сотрудники. Чем выше уровень трудовой мотивации коллектива, тем выше степень удовлетворенности, успешности, продуктивности и согласия в коллективе организации. Следовательно, развитое стремление к труду, профессиональному развитию, связано с благоприятным социально-психологическим климатом в коллективе организации.

Таким образом, эффективность персонала организации в труде, его трудовая мотивация связаны с положительным психологическим климатом. Так, сотрудники, которые успешно взаимодействовали с коллегами, положительно оценивали себя, своих коллег, довольны психологической атмосферой в своем коллективе. Сотрудники, которые обладали низкой удовлетворенностью трудом, низкой трудовой мотивацией, и маленьким стажем работы оценивали психологический климат как незначительно благоприятный.

1. Грядовой Д.И., Кикоть В.Я. Социальное управление. Теория, методология, практика / Д.И. Грядовой, В.Я. Кикоть. — Юнити-Дана, 2012 г. — 312 с.
2. Попов В. И. Некоторые проблемы определения понятия социально-политического климата // Ползуновский вестник. — 2006. — № 3. — С. 289–293.
3. Ложечкина А.Д., Николаева Е.И. Психологические особенности трудовой мотивации и ее компонентов в управлении персоналом. В сб.: Психологическое здоровье личности: теория и практика. Сб. материалов IV Всероссийской научно-практической интернет-конференции. — 2017. С. 75–80.
4. Шепель, В.М. Управленческая психология / В.М. Шепель. — М.: Экономика, 1986. — 248 с.

Социально-психологический климат в коллективе в период пандемии как фактор проявления разобщенности

Социально-психологический климат, коллектив, сплоченность, пандемия, удаленная работа, тревожность.

Введение. За последнее время в нашей стране чрезвычайно вырос интерес к проблеме социально-психологического климата в коллективе. Сейчас достаточно часто используется термин «социальная разобщенность», который позволяет дать интегральную оценку рабочему коллективу. Он отождествляется с духовной атмосферой, духом коллектива и преобладающим настроением. Интерес к данному явлению особенно возрос в начале 2020 года, так как началась пандемия коронавируса. Уже в самом начале пандемии стало понятно, что эта ситуация изменит всё общество и профессиональное сообщество.

Постановка проблемы. Проблемы в коллективах организации при дистанционной работе рассматривал в своей работе Н. А. Петухов [1]. Также, стоит сказать, что А.А. Романчук [2] рассматривал деструктивное влияние конфликтов в системе взаимоотношений в коллективе на социально-психологический климат. Л. Фестингер [3] говорил о групповой сплоченности с точки зрения межличностных взаимоотношений в трудовом коллективе.

Таким образом, важным фактором, который влияет на формирование социально — психологического климата в трудовом коллективе, остаются взаимоотношения между сотрудниками в коллективе. На основании этих данных, была поставлена следующая проблема исследования — обосновать социально — психологический климат, как фактор разобщенности трудового коллектива.

Методы. В ходе исследования применялись психодиагностические методики: «Экспресс-методика» по изучению социально — психологического климата в трудовом коллективе О.С. Михалюка и А.Ю. Шальто; определение индекса групповой сплоченности Шисора и методика диагностики ситуативной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера, Л. Ханина. Также был предложен опросник «Влияние на деятельность в период пандемии». Статистический анализ данных осуществлялся с помощью корреляционного критерия r-Пирсона и t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Результаты исследования. Анализ результатов показал, что сплоченность коллектива создается как в результате коммуникативной практики группы, так и в результате активной совместной деятельности. Групповая динамика напрямую зависит от социально-психологического климата организации. Сотрудники, значительную часть времени работающие изолировано от остальных, перестают чувствовать себя причастными к культуре коллектива, а, значит, общая сплоченность группы увеличивается уровень разобщенности.

Положительный социально-психологический климат преобладает в коллективе группы, в которую входят сотрудники, выполняющие свои обязанности непосредственно на рабочем месте совместно с другими членами группы.

Социально-психологический климат группы, находящейся на удаленной работе, не определён. На это оказал влияние формат работы, т.е. личные взаимоотношения сотрудников совсем не практикуется.

Корреляционный анализ r -Пирсона показал, что в группе, которая работает на удаленном формате, свойственна высокая тревожность и низкая сплоченность при отсутствии близкого знакомства сотрудников, если они не знают личных и деловых качеств друг друга. По t -критерию Стьюдента было определено, что уровень сплоченности между группами различается.

Проанализировав результаты исследования, были разработаны рекомендации для руководителей по преодолению разобщенности в коллективе в период пандемии, в частности, направленные на улучшение взаимоотношений в коллективе.

1. Ложечкина А.Д., Николаева Е.И. Психологические особенности трудовой мотивации и её компонентов в управлении персоналом // В сборнике: Психологическое здоровье личности: теория и практика. Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической интернет-конференции / Отв. ред. И. В. Белашева. 2017. — С. 75–80.
2. Романчук А. А. Конфликты и социально-психологический климат в трудовом коллективе /А.А. Романчук // Russian Journal of Education and Psychology. — 2011. — №2. — С. 108–110
3. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса (Электронная библиотека). — ООО «Издательство «Э», 2018. — 320 с. URL: [https:// www.litmir.me/br/?b=599933&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=599933&p=1).

Трудные рабочие ситуации и проактивное управление жизнестойкостью

Проактивное совладающее поведение; жизнестойкость; трудные рабочие ситуации; ситуация неопределенности

Трудность рабочей ситуации определяется тем, с какими ситуациями человек сталкивается в своей профессиональной жизни, как он справляется с ними и какой опыт извлекает из этого.

Выбор стратегии действий, как способа включения в ситуацию, с точки зрения экологической модели, обуславливается факторами, образующими «фильтр» подбора действий: самооценка, самоэффективность, место контроля воздействия [1]. В качестве расширения экологической модели можно рассматривать теорию соотношения ресурсов и требований к работе: Job Demands –Resources Theory (JD-R) [2]. Изменения в работе определяются в модели JD-R, как трансформация требований к работе и ресурсам, инициированное работником для достижения и/или оптимизации личных рабочих целей [3]. Это не реорганизация работы в целом, а пересмотр ее отдельных аспектов и условий в рамках функциональных обязанностей работника для достижения целей профессиональной деятельности. Создание или трансформация рабочих мест — это стратегия преодоления трудностей, которую работник использует для решения проблемной рабочей ситуации. Преодоление трудовой ситуации означает для работника возможность продолжить работу, а неудача означает потерю или изменение работы. Поэтому проблемная рабочая ситуация является критическим жизненным событием для работника, а иногда и источником стресса. Пытаясь справиться с проблемой, работнику необходимо разработать соответствующую поведенческую программу. Таким образом, критические жизненные события оказываются «естественным вмешательством» в развитие личности, в данном случае, в профессиональное развитие. Положительный или отрицательный характер эффекта зависит, от поведенческих стратегий, которые выбирает работник, в частности, от его способности к управлению жизнестойкостью.

Методы исследования: 1) «Проактивное управление жизнеспособностью в рабочем контексте» (Ден Камп Э.М., Таймс М., Беккер А.Б. и Демерути Е., 2019); 2) «Удовлетворение потребностей на работе, напряжение на работе и производительность труда: исследование дневника» (Беккер А.Б., 2019); 3) «Проактивное поведение» (Ерзин А.И., 2016).

Было установлено, что показатель "Проактивное управление жизнестойкостью" в значительной степени связан со способностью к совладанию с трудными рабочими ситуациями, по сравнению с проактивностью. Предположительно, различие заключается в том, что сама по себе проактивность отражает наличие личностного

ресурса, в то время как проактивное управление жизнестойкостью отражает именно способность к эффективному задействованию этого ресурса.

Корреляционный анализ показал, что два фактора, входящие в состав проактивности (прогнозирование последствий поведения и деструктивная проактивность), негативно связаны с управлением жизнестойкостью и сопротивляемостью многим стресс-факторам. Вероятно, именно из-за этих аспектов проактивности частота трудных рабочих ситуаций не снижается у более проактивных сотрудников.

Более проактивные респонденты более чувствительны к конфликту с коллегами как стресс-фактору, несмотря на то, что другие стресс-факторы оказывают на них меньшее влияние. Это также подчеркивает сложность в соотношении степени проактивности и поведения в трудных рабочих ситуациях.

Выводы: 1. Проактивное управление жизнестойкостью способствует более конструктивному совладанию с трудными рабочими ситуациями. 2. Деструктивная проактивность и прогнозирование последствий поведения мешают конструктивной реализации проактивного управления жизнестойкостью.

1. Bakker A.B., Demerouti E. The Job Demands-Resources model: state of the art // Journal of Managerial Psychology, Vol. 22, No. 3, 2007, pp. 309–328
2. Bakker A.B., Demerouti E. (a). Job Demands–Resources Theory / Work and Wellbeing: Wellbeing: A Complete Reference Guide. Volume III. Eds. Chen P.Y., Cooper C.L. John Wiley & Sons, Ltd., 2014, pp. 3–28.
3. Tims M., Bakker A.B., Derks D. Development and validation of the job crafting scale. Journal of Vocational Behavior. 80, 2012, pp. 173–186.

*Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-013-00947*

Факторы креативности участников фокус-групп в онлайн-формате

Фокус-группы, креативность, мотивация, социальная реклама

В последние годы проведение фокус-групп в онлайн формате приобрело большую популярность. Это позволяет значительно снизить затраты, собирать группы участников из удаленных мест, ускоряет получение результатов, что особенно важно для задач, связанных с разработкой новых продуктов, идей рекламы и т.д. Вместе с тем, поддержание высокой мотивации участников таких групп может быть проблематичным.

С. Puchta и J. Potter [2] предложили подход к проведению фокус-групп, предполагающий баланс двух направлений интервенций модератора: (1) обеспечение безопасной атмосферы в группе и принятия мнений других участников; (2) обеспечение разнообразия оценок и свободного выражения несогласия. Первое позволяет снизить тревожность участников и вовлечь их в обсуждение, второе — выявить расхождения и разнообразие мнений. Этим направлениям интервенций соответствуют два показателя психологического климата (сотрудничество и конкуренция) в модели Y.-Q. Zhu [4]. Мы предположили, что умеренно конкурентная атмосфера в онлайн фокус-группе повысит мотивацию и креативность ее участников, при условии поддержания достаточной степени сотрудничества.

Цель исследования заключалась в том, чтобы определить пути повышения эффективности креативных фокус-групп за счет оптимизации мотивационных факторов. Теоретическая модель включала в себя два показателя климата в группе (сотрудничество и конкуренция), связанных с двумя видами мотивации участников — внутренней и просоциальной. Эти переменные были потенциально связаны с творческой ценностью и убедительностью индивидуальных идей на первом этапе работы группы (анализ ситуации, генерация и оценка идей), и с аналогичными показателями групповых идей на втором этапе (совместная доработка наиболее перспективной идеи).

Всего были проведены 10 фокус-групп по 6 человек, направленных на выявление причин различного отношения к маскам как к средству защиты от коронавируса, и на выработку творческих идей социальной рекламы в поддержку ношения масок. При контрольном условии, индивидуальные идеи передавались модератору, который представлял их группе без указания авторства (режим номинальной группы). При экспериментальном условии, стимулировалась конкуренция: авторы сами представляли и обосновывали свои идеи. Групповые идеи были оценены на выборке из 210 человек.

Для оценки климата в группе использовалась шкала Y.-Q. Zhu [4], для оценки внутренней и просоциальной мотивации участников — шкала А. М. Grant [1], для оценки отношения к маскам — шкала М. О. Rieger [3], для оценки ценностных ориентаций — методика Ш. Шварца («Профиль личности»). Климат в группе и мотивации участников оценивались два раза, в конце каждого этапа работы.

Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что:

1. Климат сотрудничества в фокус-группах положительно связан с внутренней мотивацией участников этих групп.

2. Просоциальная мотивация участников фокус-групп положительно связана с творческой ценностью и с убедительностью групповых идей.

3. Качество индивидуальных идей выше в группах, участники которых в большей степени разделяют установку социальной рекламы. Этому способствует их более высокий уровень внутренней мотивации. При этом качество групповых идей выше у тех групп, в которых участники сильнее различаются по степени согласия с этой установкой.

1. Grant, A. M. (2008). Does intrinsic motivation fuel the prosocial fire? Motivational synergy in predicting persistence, performance, and productivity. *Journal of Applied Psychology*, 93(1), 48–58.
2. Puchta, C., Potter, J. *Focus Group Practice*. London: Sage Publications, 2004.
3. Rieger, M. O. (2020). To Wear or Not to Wear? Factors Influencing Wearing Face Masks in Germany during the COVID-19 Pandemic. *Social Health and Behavior*, 3(2), 50–54.
4. Zhu, Y.-Q., Gardner, D. G., & Chen, H.-G. (2018). Relationships Between Work Team Climate, Individual Motivation, and Creativity. *Journal of Management*, 44(5), 2094–2115.

Личностные и организационные и предикторы удовлетворенности трудом медицинского, образовательного и производственного персонала

Удовлетворенность трудом, личностные факторы удовлетворенности трудом, дизайн работы

Концепция удовлетворенности трудом предполагает учет как личностных (личные достижения, самореализация) так и организационных компонентов: условия труда, руководство, зарплата, и др. Вклад компонентов в интегральную оценку удовлетворенности зависит от профиля деятельности, характеристик дизайна работы и личных ожиданий в отношении содержания труда (Иванова, 2012).

Проверялась гипотеза о выраженности личностных и организационных предикторов удовлетворенности трудом медицинского, образовательного и производственного персонала (ВКР, Каторгина, 2021).

Выборка. N1 = 56 чел., медперсонал (М); N2 = 59 чел., работники образования (О); N3 = 86 чел., работники производства (П); образование высшее и средн. профессиональное, 57 — мужч., 144 — женщ., возраст: 21–60 лет; стаж работы от 3 до 20 лет, с высшим и ср. проф. образованием.

Методы. Опросник удовлетворенности трудом (Иванова и др., 2012); Шкала увлеченности работой» (UWES), Кутузова, 2006; Шкала диспозиционного оптимизма, Гордеева, 2010; Шкала базовой самооценки (CSE), адапт. — Ильина, 2019; опросник «Дизайн работы» (Morgeson, 2006), адапт. Маничев, 2016.

Результаты. Дисперсионный анализ. Различия в общей удовлетворенности трудом, а также по всем шкалам личностных: «интерес к работе», «удовлетворённость достижениями», «уровень притязаний», и организационных компонентов: «взаимоотношения», «условия труда» и др.: (П) больше (М), и (П) больше (О), ($p \leq 0,01$ — $p \leq 0,000$). Различия (М) больше (О) обнаружены только шкале «условия труда», $p \leq 0,05$.

Регрессионный анализ. Персонал (П). Личностные предикторы общей удовлетворенности трудом: «увлеченность работой», $\beta = 0,381$; $p \leq 0,000$; «диспозиционный оптимизм», $\beta = 0,269$, $p \leq 0,006$, $R = 0,498$, $R^2=0,248$, $p \leq 0,000$. Характеристики дизайна работы как предикторы общей удовлетворенности трудом: решение креативных проблем, $\beta = 0,521$; простота задач, $\beta = 0,335$; обработка информации, $\beta = 0,348$; сложность навыков, $\beta = -0,324$; узкая специализация, $\beta = -0,311$ ($p \leq 0,000$ — $p \leq 0,006$), $R = 0,715$, $R^2=0,511$, $p \leq 0,000$.

Персонал (М). Личностные предикторы удовлетворенности трудом: общая уд. — «увлеченность работой», $\beta = 0,486$; $p \leq 0,000$; $R = 0,486$, $R^2=0,236$, $p \leq 0,000$; интерес к работе — «увлеченность работой», $\beta = 0,859$; «самооценка», $\beta = 0,411$; $p \leq 0,000$, $R = 0,829$, $R^2=0,687$, $p \leq 0,000$; отношения с руководством — «увлеченность работой», $\beta = 0,820$; «диспозиционный оптимизм», $\beta = 0,232$, $p \leq 0,000$, $R = 0,910$, $R^2=0,828$, $p \leq 0,000$. Характеристики дизайна работы как предикторы общей удовлетворенности трудом: простота задач, $\beta = 0,854$; решение креативных проблем,

$\beta = 0,586$; обработка информации, $\beta = -0,469$; сложность навыков, $\beta = -0,309$; взаимодействие за пределами организации, $\beta = -0,315$ ($p \leq 0,000$ — $p \leq 0,014$), $R = 0,770$, $R^2=0,593$, $p \leq 0,000$.

Персонал (О). Личностные предикторы удовлетворенности трудом: общая уд. — «увлеченность работой», $\beta = 0,268$; $p \leq 0,000$; $R = 0,268$, $R^2=0,072$, $p \leq 0,04$; отношения с руководством — «увлеченность работой», $\beta = 0,811$; $p \leq 0,000$; «самооценка», $\beta = 0,234$; $p \leq 0,004$;» $R = 0,811$, $R^2=0,658$, $p \leq 0,000$; условия труда — «увлеченность работой», $\beta = 0,567$; $p \leq 0,000$; «диспозиционный оптимизм», $\beta = 0,289$, $p \leq 0,01$, $R = 0,576$, $R^2=0,332$, $p \leq 0,000$. Характеристики дизайна работы как предикторы общей удовлетворенности трудом: взаимозависимость, $\beta = 0,624$; узкая специализация, $\beta = 0,318$; значимость задач, $\beta = -0,310$; автономия в принятии решений, $\beta = -0,294$; простота задач, $\beta = 0,234$; ($p \leq 0,000$ — $p \leq 0,04$), $R = 0,683$, $R^2=0,466$, $p \leq 0,000$.

Выводы. Большая выраженность диспозиционных предикторов у работников бюджетных сфер (медицина, образование) при более низкой оценке удовлетворенности трудом по сравнению с производственниками отражают компенсаторную функцию личностных диспозиций при оценке удовлетворенности работы. Различия в характеристиках дизайна работы как предикторов удовлетворенности трудом у персонала организаций разного профиля объясняются спецификой их профессиональной деятельности.

1. Иванова Т. Ю., Рассказова Е. И., Осин Е. Н. Структура и диагностика удовлетворённости трудом: разработка и апробация методики. Организационная психология, 2012. 2(3). С. 2–15.

Распределенное лидерство и удовлетворенность работой в agile-командах

Распределенное лидерство, удовлетворенность работой, agile-команды

Распределенное лидерства в проектных командах обеспечивает большую производительность, качество выполняемых задач, жизнеспособность команды по сравнению с вертикальным руководством (Wu, 2020). Удовлетворенность работой опирается на реализацию проактивного потенциала членов команды и связано не только с зарплатой и условиями труда, но главным образом, с личностными компонентами: смыслом работы, достижениями, профессиональной самореализацией (Иванова, 2012; Scott-Young, 2019). Вклад компонентов в интегральную оценку удовлетворенности зависит от роли в команде, персональной ответственности и личностных диспозиций (Gamboa, 2009).

В исследовании проверялась гипотеза о показателях распределенного лидерства как предикторах удовлетворенности работой в agile-командах.

Выборка. N = 196 программистов и лидеров команд (scrum-master/project owner/manager/coach), использующих Scrum- фреймворк; возраст: от 25 до 39 лет; стаж работы в IT: 2–17 лет; 141 — мужч., 55 — женщ.; всего 31 команда.

Методы. Опросник распределенного лидерства (Shared Professional Leadership Inventory for Teams (SPLIT), Grille, 2015), включает 4 шкалы распределенного лидерства: в задачах; в отношениях; во внедрении изменений; в поддержке коммуникаций. Опросник «Уровень развития scrum-команды» (Applebaum, 2018), адапт. каф. эрг. и инж. психологии, 2020, измеряет 4 уровня развития команды, использовались 3 шкалы: лидерство и уверенность; взаимозависимость; обратная связь. Методика «Удовлетворённость трудом» (Иванова, 2012), Методика «Диагностическое обследование работы» (Бондаренко, 2010), шкалы: смысл работы; ответственность за результаты работы; знание реальных результатов. Шкала личностной инициативности» (Frese, 1997), Маничев, 2019.

Результаты. Регрессионный анализ. Показатели распределенного лидерства (РЛ) как предикторы личностных компонентов удовлетворенности. Осознаваемый смысл в работе — предикторы (В): лидерство в задачах, 2,628; лидерство в отношениях, 1,903; во внедрении изменений, 0,860; в поддержке коммуникаций, 0,867 ($p \leq 0,000$ — $p \leq 0,004$), $R = 0,873$, $R2_{ск} = 0,671$. Ответственность за результаты работы — пред. (В): поддержка коммуникаций, 1,804; лидерство в задачах, -1,022; ($p \leq 0,000$ — $p \leq 0,001$), $R = 0,715$, $R2_{ск} = 0,635$. Знание реальных результатов трудовой деятельности — пред. (В): лидерство в задачах, 2,025; лидерство в отношениях, 2,404; внедрение изменений, 1,151; ($p \leq 0,000$ — $p \leq 0,001$) $R = 0,853$, $R2_{ск} = 0,733$.

Показатели распределенного лидерства как предикторы организационных компонентов удовлетворенности. Удовлетворенность заработной платой — пред. (В): лидерство в задачах, 2,658; поддержка коммуникаций, 1,074; лидерство в отношениях, 1,276; ($p \leq 0,000$), $R = 0,750$, $R2_{ск} = 0,556$. Удовлетворенность условиями и организацией труда — пред. (В): лидерство в задачах, 2,571; поддержка

коммуникаций, 1,278; лидерство в отношениях, 0,896; ($p \leq 0,000$ — $p \leq 0,027$), $R = 0,705$, $R2_{ск} = 0,489$. Удовлетворенность руководством — предикторы (В): лидерство в задачах, 2,348, $p \leq 0,000$, $R = 0,714$, $R2_{ск} = 0,635$. Удовлетворенность коллективом — пред. (В): лидерство в задачах, 1,759, $p \leq 0,000$; поддержка коммуникаций, 1,181; $p \leq 0,001$, $R = 0,767$, $R2_{ск} = 0,584$.

Выводы. Выраженность распределенного лидерства диагностируется при помощи опросника SPLIT — шкалы «задачи», «отношения», «изменения», «коммуникации». Распределенное лидерство в agile-командах обеспечивает удовлетворенность работой, особенно в отношении личностных компонентов — осознаваемого смысла работы, ответственности за результаты и других.

1. Grille A., Kauffeld S. Development and Preliminary Validation of the Shared Professional Leadership Inventory for Teams (SPLIT)// Psychology, 2015. №6. P. 75–92
2. Scott-Young, C.M., Georgy, M., & Grisinger, A. (2019). Shared leadership in project teams: An integrative multi-level conceptual model and research agenda. International Journal of Project Management, 37, 565–581.
3. Wu, Q., Cormican, K., & Chen, G. (2020). A Meta-Analysis of Shared Leadership: Antecedents, Consequences, and Moderators. Journal of Leadership & Organizational Studies, 27, 49–64.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Проактивное поведение в современном дизайне работы» № 19-013-00947.

Профессиональная мотивация педагогов дошкольного образования

Мотивация, мотив, мотивационная сфера личности

Одной из фундаментальных проблем современной психологии труда является проблема профессиональной мотивации. Накопленные эмпирические данные свидетельствуют о том, что у представителей различных профессий обнаруживается специфика мотивов деятельности, определяющая успешность процесса профессионализации личности [2, 3].

На современном этапе развития общества система образования переживает этап активной модернизации, что, в свою очередь, предвещает ряд новых требований к преподавателям, таких как компетентность в рамках своей сферы деятельности, педагогическое мастерство, а также заинтересованность и профессиональная мотивированность, максимальное включение в педагогический процесс и самореализация в новых условиях трудовой деятельности [1]. Актуальность исследования профессиональной мотивации педагогов дошкольного образования обусловлена высокой социальной значимостью их профессиональной деятельности.

С целью исследования специфики профессиональной мотивации педагогов дошкольного образования нами было проведено исследование, в котором приняли участие педагоги дошкольных образовательных учреждений. Гипотеза: для педагогов дошкольного образования ведущими мотивами являются мотивы нематериального характера. Исползованные методы исследования: методика «Возможность реализации мотивов» Доминяк В.И.; методика диагностики личности на мотивацию к успеху, к избеганию неудач Т. Элерса; математико-статистические методы обработки данных.

Значение реализации мотива «Ощущение свободы, самостоятельности в принятии решений» ниже, чем личная значимость для педагогов дошкольного образования. Работодатель хочет контролировать весь процесс деятельности педагога, включая его взаимодействие с детьми и их родителями и не готов предоставлять свободу в принятии решений. Дошкольные образовательные организации — это, в основном, бюджетные учреждения у них есть нормативная база, которая жестко регламентирует требования к персоналу, к оформлению документов. Значение реализации мотива «Возможность наиболее полной самореализации» ниже, чем личная значимость. Для повышения уровня мотивации педагогов важно создавать условия для самореализации, учитывая при этом индивидуальные потребности. Большую роль для реализации указанного мотива играет своевременное и соразмерное поощрение со стороны руководителя педагогов за достижения в профессиональной деятельности. С учётом небольшого масштаба исследуемой организации для большинства педагогов реализация мотива «Продвижение и карьерный рост» труднореализуема, и работники имеют относительно немного возможностей для карьерного роста. Значение реализации мотива «Общение с коллегами» ниже, чем личная значимость. Педагоги

дошкольного образования стремятся быть в центре всех дел коллектива, помогать другим, оказывать большее влияние на молодых коллег, осуществляя наставничество. Для педагогов дошкольного образования важны теплые отношения в коллективе, признание и одобрение коллег, руководства. Для них одним из эффективных видов мотивирования является благодарность от руководства организации, всеобщее уважение.

Поведение педагога дошкольного образования определяется не одним мотивом, а их совокупностью. Говоря о профессиональной мотивации педагога, нельзя не отметить направления работы с родителями, детьми. От мотивации детей, уважительного отношения родителей к педагогу зависит профессиональная мотивация педагога дошкольного образования. Позитивное функционирование дошкольной образовательной организации напрямую зависит от того, как организована система мотивации сотрудников.

1. Голиков Н.А. Социально-психологическое сопровождение деятельности педагога: условия, способы, технологии реализации // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 2. С. 210–219.
2. Карпов А. А. Современная организационная психология. М., 2018.
3. Thompson, C., Gregory, J.B. Managing Millennials: A Framework for Improving Attraction, Motivation, and Retention // The Psychologist-Manager Journal. — 2012 — Vol. 15 — pp 237–246.

Профессионально важные качества разработчиков программного обеспечения

Профессионально важные качества, информационные технологии, разработчики программного обеспечения, метод контент-анализ, экспертная оценка

На сегодняшний день в условиях бурного развития информационных технологий происходит значительные изменения профессиональной деятельности субъекта. Информационные технологии внедряются во все отрасли жизнедеятельности человека (образование, наука, медицина, экономика и др.). Степень развитости информационных технологий является ключевым фактором успешности любой организации. Специалисты, работающие в сфере информационных технологий, функционируют в динамической среде, для которой характерны гибкость, высокий уровень неопределенности, быстрый темп деятельности и требования к новизне. Кроме того, новые методологии разработки программного обеспечения повышают требования к профессиональной подготовке данных специалистов. Следовательно, изучение профессионально важных качеств IT-специалистов в данном контексте приобретает значимый характер. Под профессионально важными качествами понимаются такие свойства специалиста, которые необходимы для успешного выполнения профессиональных задач в конкретном виде труда (Климов и др., 2015). В группу IT-специалистов входит множество профессий, таких как СТО (технические директоры), IT — архитекторы, product — project -менеджеры, data — инженеры, data -scientists, QA инженеры, тестировщики, UX — UI — дизайнеры, backend-, frontend-, full-stack- разработчики и др.

Целью нашего исследования является изучить профессионально важные качества разработчиков программного обеспечения. Были поставлены следующие задачи: выявить профессионально важные качества с помощью составленной анкеты; на основе данных, полученных с помощью метода контент — анализ, создать матрицу ПВК для дальнейшей экспертной оценки; определить степень согласованности экспертных оценок, используя коэффициент конкордации.

Нами были собраны предварительные данные о профессионально важных качествах разработчиков программного обеспечения. На данном этапе были опрошены 121 разработчик, которые программирует на различных языках (Python, C#, C++, Java, JavaScript, Go, Ruby, Scala, PHP, HTML, Bush, Swift, SQL и др.). В выборку вошли специалисты, которые разрабатывают не только визуальную часть программы, но и программно — аппаратную часть сервиса. Возраст респондентов лежит в диапазоне от 18 до 46 лет (средний показатель — 25 лет). Стаж работы от 5 месяцев до 19 лет. Средний стаж работы — 4 года.

К профессионально важным качествам разработчиков программного обеспечения относятся: внимательность (способность долго концентрировать свое внимание, внимательность к деталям); коммуникативность; усидчивость; умение взаимодействовать с командой; навыки поиска и обработки информации; высокий

уровень логического мышления; способность к быстрому обучению и самообучению; стрессоустойчивость; креативность; аналитическое мышление; трудолюбие; любопытство; алгоритмическое мышление; критическое мышление; способность к саморефлексии; эмоциональный интеллект; абстрактное мышление; способность к прогнозированию; гибкость мышления; нацеленность на результат; умение планировать время; ответственность; инициативность; внутренняя мотивация; открытость к новому опыту; системное мышление; умение принимать решения; толерантность к неопределенности.

Для снижения размерности выделенных профессионально важных качеств мы использовали метод экспертной оценки. В качестве экспертов в данном исследовании выступают технические директора, руководители команд разработок, тимлиды. Далее будет рассчитываться коэффициент конкордации и анализироваться согласованность экспертных оценок.

Таким образом, исследование позволит выявить наиболее важные профессиональные качества разработчиков программного обеспечения. В свою очередь, эти результаты могут способствовать оптимизации профессионального отбора.

1. Климов Е. А., Носкова О. Г., Солнцева Г. Н. Психология труда, инженерная психология и эргономика: учебник для академического бакалавриата //М.: Издательство Юрайт. — 2015. — С. — 622

Связь инновационных характеристик личности студентов с предпочтением организационной культуры

Инновационность, толерантность к неопределенности, креативность, организационная культура,

Инновационность — это личностная особенность человека, которая проявляется как стремление человека реализовывать новые идеи и подходы в деятельность организации. В нашем эмпирическом исследовании была выдвинута гипотеза о предполагаемой связи инновационных индивидуально-личностных характеристик студентов с предпочтением ими той или иной организационной культуры. На основе анализа научных публикаций были выделены личностные характеристики, которые наиболее часто употребляются при описании инновационного поведения: инновационность, толерантность к неопределенности, креативность..

Для измерения инновационных черт личности и предпочитаемого типа организационной культуры был использован ряд методик: тест диагностики инновационности субъекта М. Кёртона, шкала толерантности к неопределенности Д. Мак-Лейна в адаптации Е. Г. Луковицкой, метод оценки креативности Д. Джонсона (в адаптации Е. Е. Туник), опросник организационной культуры (Р. Куинна и К. Камерона OCAI). В исследовании, которое проводилось в режиме *on line*, приняли участие 180 студентов в возрасте от 20–24 лет из разных вузов России.

Обработка данных с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена показала, что инновационность как черта личности обнаруживает сильный уровень связи с предпочтением студентами адхократической организационной культуры ($r = 0,72$), более низкие коэффициенты корреляции инновационности наблюдаются с предпочтением других типов культур: рыночной ($r = 0,36$), клановой ($r = 0,22$), бюрократической ($r = 0,22$). При подробном анализе количества выраженных инноваторов по типам организационных культур можно видеть следующее: из предпочитающих адхократическую культуру, дающую наибольшую свободу для творчества, 87% являются, согласно М. Кёртону, выраженными инноваторами; сопоставимое число можно наблюдать при рассмотрении рыночной культуры — 83% инноваторов; в клановой — инноваторов 57%; в бюрократической — их всего 15%. Эти результаты позволяют сделать вывод о том, что люди, склонные к инновационному поведению, оказывают предпочтение не только адхократической культуре, которая, согласно определению, в наибольшей степени способствует проявлению творческой свободы человека, но и другим типам организационных культур (это относится прежде всего к рыночной и клановой, в меньшей степени к бюрократической).

Анализ средних значений инновационных характеристик групп студентов разных типов организационной культуры, показал следующее (значимость различий проверялась с помощью U-критерия Манна-Уитни):

Самый высокий средний балл уровня креативности по методике Д. Джонсона обнаружили студенты, предпочитающие адхократическую организационную культуру — 31 балл из 40 максимальных по шкале, в клановой и рыночной — соответственно 23 и 24 балла, студенты бюрократической культуры — 18 баллов.

Средние результаты по тесту толерантности к неопределённости (ТН) Д. Мак-Лейна показали, что наиболее высокий уровень ТН обнаружен в группе, предпочитающих адхократическую культуру, (47 баллов); на втором месте находятся клановая (35 баллов) и рыночная (31 баллов) культуры; у тех, кто предпочитает бюрократическую культуру, значения этой характеристики оказались в зоне интолерантности.

Результаты исследования показали, что наша исходная гипотеза о влиянии индивидуально-личностных характеристик на предпочтение организационной культуры нашла подтверждение. Люди с выраженными инновационными характеристиками наиболее часто предпочитают адхократическую культуру, так как в ней есть возможности для проявления творческой свободы и поиска новых подходов. Но нельзя не отметить, что некоторые люди с выраженной инновационностью и креативностью выбирают в качестве предпочитаемых и другие типы культур (обычно рыночную и клановую), что говорит о том, что и эти организационные культуры по мнению респондентов обладают определенной привлекательностью для реализации их инновационного потенциала.

Исследование влияния стилей управленческой деятельности на эффективность работы организации

Стили руководства, темперамент, управленческий код, «руководитель-подчиненный», взаимоотношения в коллективе, мотивация достижения, нервно-психическое напряжение

Введение. В настоящее время роль менеджмента выходит на первый план и возникает настоятельная потребность такой организации рабочего процесса, которая бы гарантировала эффективное участие каждого работника предприятия в делах всего коллектива. Улучшить качества управленческой деятельности может стиль руководства, являющийся основанием повышения конкурентоспособности, эффективности производства и управления взаимодействующих лиц в организации [3].

Постановка проблемы. Зарубежные исследователи, среди которых И.Адизес [1], утверждают, что если руководитель хочет преуспеть в адаптации стиля к ситуации, а также иметь хорошее управление, его организации нужен не только один хороший руководитель, но и группа руководителей. Исследователи Г.М.Бурканова [2] и Н.Г.Терещенко [4] уделяют внимание изучению взаимосвязи стиля управления с другими субъективными и объективными факторами, которые могут влиять на эффективность деятельности предприятия.

Актуальность данной темы сделало необходимым и обоснованным изучить влияние стиля управления на важные аспекты работы организации. Таким образом, проблемой исследования является выявление зависимости состояния взаимоотношений в коллективе, уровня комфорта сотрудников и их мотивации достижения от личности руководителя в формировании эффективной работы организации.

Методы. Для диагностики показателей были выбраны следующие психологические методики: тест И. Адизеса «Стили руководства», «Личностный опросник ЕРІ» Г. Айзенка, «Методика определения направленности личности — на достижение успеха/ избегание неудачи» А. А. Реана. «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири и «Шкала нервно-психического напряжения» Т.А. Немчина.

Выводы. В ходе анализа с помощью коэффициента г-Пирсона было определено, что при преобладании у менеджеров стиля руководства типа «Предприниматель», который является творческой личностью, рядовые сотрудники имеют агрессивный тип взаимоотношений с другими, они прямолинейны и строги в оценке окружающих. А у менеджеров со стилем руководства типа «Интегратор», который характеризуется способностью объединять людей и обеспечением мотивации членов коллектива, рядовые сотрудники имеют подчиняемый тип взаимоотношений.

Также выявлена закономерность, что у менеджеров со стилем руководства типа «Администратор», который направлен на контроль всей работы, рядовые сотрудники имеют боязнь неудачи. Стоит сказать, что обнаружена склонность к экстраверсии у руководителей со стилем управления «Производитель». Нестабильные

руководители, с темпераментом холеричного или меланхоличного типов, имеют чаще в подчинении послушных конформных сотрудников, которые имеют склонность к частой усталости. Ещё одним выводом стало то, что психофизиологическому напряжению могут быть подвергнуты как подчиненные агрессивного типа, так и альтруистического.

По завершению работы были составлены рекомендации для оптимизации работы руководителей, которые должны повлиять на эффективность функционирования организации.

Полученные данные могут быть использованы для диагностики и анализа степени личностной ориентированности руководителя в профессиональной деятельности, а также прогноза эффективности реализации управленческих функций в деятельности организации.

1. Адизес И. Идеальный руководитель: Почему им нельзя стать и что из этого следует: пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — 262 с.
2. Бураканова Г. М. Эффективное управление / Г. М. Бураканова // Вестник экспертного совета. — 2016. — № 1(4). — С. 31–36.
3. Ложечкина А.Д., Ництитенко С.В., Белый Е.Л. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ В ОРГАНИЗАЦИИ // В сборнике: Психологическое здоровье личности: теория и практика. Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической интернет-конференции / Отв. ред. И. В. Белашева. — 2017. — С. 120–126.
4. Терещенко Н.Г. Ценности руководителей организации / Н. Г. Терещенко // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2016. — Т. 5. — № 2(15). — С. 268–271.

Факторы проактивности при трудоустройстве у начинающих психологов-консультантов

Трудоустройство выпускников вузов, психологи-консультанты

В исследовании "Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты", проведённом НИУ ВШЭ в 2007 году опрашивалась молодёжь в возрасте от 17 до 26 лет. На вопрос "Что помогает найти хорошую работу?" 63% дали ответ "высокая квалификация", 52% — "полезные связи" и только 28,6% — "инициативность и предприимчивость" [3].

В аналитическом отчёте НИУ ВШЭ 2019 года анализируются мотивы трудовой занятости студентов во время обучения в вузе. Согласно полученным результатам лишь 25% студентов работают для получения опыта, 8 % — для приобретения полезных связей [4].

Согласно данным опроса ВЦИОМ (2019) 55% считают, что трудоустроиться выпускник может только с большим трудом, 20% считают, что сделать это после окончания вуза практически невозможно [2].

Исходя из имеющихся данных проблему можно обозначить следующим образом: 1) Рассогласование между представлениями о том, что является фактором успешного трудоустройства и теми намерениями, которые реализует молодёжь (связи и квалификация важны, но мало кто во время учёбы их приобретает целенаправленно). 2) Низкая оценка роли предприимчивости и инициативности в процессе поиска работы.

Исходя из проблемы, мы обозначаем цели исследования: 1) Оценить вклад различных факторов в активность выпускников-психологов при поиске работы. Сопоставить эти факторы с теми, которые, согласно предположениям выпускников больше всего способствуют реализации активной стратегии трудоустройства. Выявить расхождения между данными и субъективной оценкой. 2) Сопоставить представления выпускников вуза и ретроспективный опыт профессионалов с опытом относительно тех факторов, которые способствуют успешному трудоустройству.

Теоретической основой исследования является модель Blumberg&Pringle, включающая в себя три блока детерминант выполнения деятельности: способности, готовность, возможность [1]. К блоку способности в нашем случае относятся: опыт в консультировании, дополнительное обучение, самоэффективность и толерантность к фрустрации. К блоку возможности: компоненты окружающей среды (финансовое положение, близость окончания учёбы, наличие полезных связей). К блоку готовность: мотивация к началу деятельности (желание). Критерии активности: ищет/нет выпускник сам клиентов, берёт ли деньги за консультации, использует ли активные стратегии трудоустройства (предлагает сам свои услуги).

Для работы с выборкой выпускников-психологов планируется использовать опросные методы: Опросник самоэффективности Шварцера, Ерусалема, "Контроль за действием" Ю. Куль; разработанные авторские анкеты для оценки предшествующего опыта, компонентов окружающей среды, субъективных представлений о том, что помогает получить хорошую работу).

Для работы с выборкой психологов с опытом планируется разработка анкеты с вопросом о том, что помогло им получить хорошую работу, и также методику для оценки текущей удовлетворенности работой).

Планируется получить подтверждение или опровержение следующих основных гипотез: 1) инициативность и предприимчивость сыграют большую роль, нежели субъективно оценивается студентами в среднем (это касается как сравнения с опросом профессионалов с опытом, так и студентов здесь и сейчас). 2) установка "инициативность помогает получить хорошую работу" теснее связана с удовлетворённостью, чем полезные связи и т.д. поскольку человек сам выбирает работу.

1. Blumberg M., Pringle C. The missing opportunity in organizational research: Some implications for a theory of work performance // *Academy of Management Review*. 1982. (7). P. 560–569
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Петухов В.В. (2007), Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты, центр социального прогнозирования и маркетинга, http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1812&T=m
3. Рудаков В.Н., Рощина Я.М., Битокова Л.А. (2019) «Изменения стратегий, мотиваций и экономического поведения студентов и преподавателей российских вузов» № 1 (133)

Вертикальное развитие лидеров в условиях нестабильности и неопределенности

Лидер, вертикальное развитие, индивидуальный профиль лидера, нестабильность, неопределенность

Последнее время мир существенно изменился. На смену стабильности и определенности пришла неопределенность и изменяющиеся условия. Современный бизнес-ландшафт, представляющий собой VUCA-Мир, который можно представить как аббревиатуру английских слов «volatility» (нестабильность), «uncertainty» (неопределенность), «complexity» (сложность) и «ambiguity» (неоднозначность) безусловно влияет на современного лидера, предъявляя новые вызовы, заставляя подстраиваться, искать пути решения задач все возрастающей сложности.

В связи с этим возникает вопрос поиска и внедрения такой модели развития лидеров, применение которой обеспечил бы современному менеджеру оптимальное существование в сложных VUCA условиях.

Неудивительно, что существенно возрос последнее время интерес к теме вертикального развития лидерства. взрослого человека исследовалось с разных точек зрения: одна из самых ранних и широко известных, теория Маслоу, рассматривала эволюцию потребностей с базовой потребности в физическом выживании и безопасности до реализации потенциала, который мы называем самоактуализацией. Признанные лидеры в сфере развития взрослого человека, концентрировались на ценностях (Грейвс, Бек и Коуэн), идентичности (Левингер), нравственном развитии и этике (Коулберг), зрелости эго (Кук-Гройтер), смыслообразования (Жиган) и логике действий (Торберг) [1,2,3,4]. Все эти концепции объединяет тем, что эти авторы выделили общие для всех людей уровни развития. Переход от одного уровня развития к другому часто стимулируется ощущением ограниченности текущего способа построения смысла и понимания повседневной жизни. Необходимость решать новые задачи требует от человека более полного понимания самого себя, других и мира в целом, давая возможность вырастать в более объемные и сложные версии самих себя, при этом сохраняя внутренние кольца, т.е. более ранние этапы, которые уже пройдены.

По мере такого поэтапного роста лидер начинает шире смотреть на себя и на мир, находить новые способы решения проблем, лучше различать системы и взаимосвязи, принимать различные точки зрения и лучше справляется со сложностью, неоднозначностью и парадоксом. Такой поэтапный рост раньше называли «развитием взрослого человека», а в последнее время он получил название «вертикальное развитие». Для определения логики действия лидера на данном этапе развития применяется LDP исследование — индивидуальный Профиль Развития Лидерства.

LDP сочетается с другими инструментами, позволяющими проанализировать ценности человека, особенности характера, предпочитаемые роли в команде и ведущие стили обучения, а также темперамент, интеллектуальные способности и

способность к эмпатии. Полученный по итогам тестирования индивидуальный Профиль помогает человеку разобраться в своих ментальных установках, формирующих понимание мира, и обуславливающих способы поведения и подходы к решению проблемам; оценить сегодняшний потенциал взаимодействия с той средой, в которой он живет и работает; способность эффективно действовать в ситуации неоднозначности, неопределенности и сложности с максимальным сохранением здоровья и внутренних ресурсов.

1. Дон Бек, Тедди Ларсен, Сергей Солонин и др. Спиральная динамика на практике. Модель развития личности, организации и человечества Альпина Паблишер. Москва, 2019. — 382 с.
2. Киган, Роберт Неприятие перемен. Как преодолеть сопротивление изменениям и раскрыть потенциал организации / Роберт Киган, Лайза Лейхи; пер. с англ. М. Попова и М. Бобровой; [науч. ред. Е. Пустошкин]. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. — 361 с.
3. Кук-Гройтер С. Девять уровней развития эго. Подробное описание теории вертикального развития и смыслообразования. Cook-Greuter, S. (2013).
4. Rooke, D. and Torbert, W.R. (2005). Seven transformations of leadership. Harvard Business Review, 83(4), pp.66–76.

Регуляторные предикторы прокрастинации на рабочем месте

Прокрастинация, трудовая прокрастинация, уклонение, киберслекинг, саморегуляция

Прокрастинация — откладывание дел на более поздний срок (Steel, 2007). Традиционно ее изучают в рамках диспозиционного и ситуативного подходов (Sirois, 2017), но возможен третий подход, где прокрастинация рассматривается как черта личности, которую изучают с учетом контекста ее проявления (Metin, 2019). Так, разработана проблема академической прокрастинации, начинаются исследования в сфере здоровья и финансовых вопросах (Steel, 2007), но практически отсутствуют работы по трудовой прокрастинации, хотя она обходится работодателям в \$ 8875 ежегодно (Metin, 2019). Прокрастинация на работе может иметь две стратегии — уклонение от рабочего процесса и киберслекинг. Уклонение выражается в фантазировании, длительных перерывах, отвлеченных беседах, киберслекинг — в использовании интернета во время работы для личных нужд, например, онлайн-шопинг. Для предотвращения финансовых издержек организаций и индивидуальных санкций (снижение заработной платы и др.) важно выявить факторы, влияющие на трудовую прокрастинацию. Саморегуляция, как способность управлять своим поведением, является значимым предиктором общей прокрастинации (Steel, 2007; Руднова, Корниенко, 2020), можно предположить, что она выступит предиктором и для откладывания на рабочем месте.

Организация исследования. Выборка: 180 человек от 19 до 65 лет ($M=33,6$, $SD=10,94$), 36% мужчины. Все участники имеют доступ к сети интернет в рабочее время. Методики: опросник “Прокрастинация на рабочем месте” Б. Метина и Шкала общей прокрастинации Лэя К., сокращенный вариант опросника “ССПМ — 2013”.

Результаты. Общая прокрастинация коррелирует с Уклонением ($r=0,74$, $p\leq 0,01$) и Киберслекингом ($r=0,48$, $p\leq 0,01$), а все показатели саморегуляции отрицательно связаны с показателями прокрастинации ($-0,31\leq r\leq -0,58$, $p\leq 0,01$). В ходе иерархического регрессионного анализа зависимыми переменными выступили Уклонение и Киберслекинг, независимыми — Пол и Возраст (1 этап), показатели саморегуляции (добавлены на 2 этапе) и Общая прокрастинация (добавлена на 3 этапе). Итоговые модели объясняют 62% дисперсии Уклонения ($F=39,46$, $p\leq 0,001$) и 32% Киберслекинга ($F=11,5$, $p\leq 0,001$). На первом этапе значимый вклад принадлежит Возрасту (для Уклонения $b=-0,37$, для Киберслекинга $b=-0,43$, $p\leq 0,001$). На втором — для Уклонения значимый вклад продемонстрировали Планирование ($b=-0,14$, $p\leq 0,05$), Моделирование ($b=-0,21$, $p\leq 0,01$), Программирование ($b=-0,20$, $p\leq 0,01$), Оценивание результатов ($b=-0,31$, $p\leq 0,001$); для Киберслекинга значимыми предикторами стали Возраст ($b=-0,30$, $p\leq 0,001$) и Оценивание результатов ($b=-0,18$, $p\leq 0,05$). На третьем этапе значимый вклад для Уклонения ($b=0,53$, $p\leq 0,001$) и Киберслекинга ($b=0,28$, $p\leq 0,001$) показала Общая прокрастинация, также Оценивание результатов для Уклонения ($b=-0,23$, $p\leq 0,001$) и Возраст для Киберслекинга ($b=-0,27$, $p\leq 0,001$).

Вывод. Показатели саморегуляции могут выступать предикторами для Уклонения от рабочего процесса и Киберслекинга как стратегий прокрастинации на рабочем месте, но, их значимость может снижаться, если прокрастинация характерна сотруднику как черта личности.

1. Руднова Н.А., Корниенко Д.С. Регуляторные и мотивационные предикторы прокрастинации (на выборке студентов 1–4 курсов) // Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации. М: Знание-М, 2020. С. 239–247.
2. Steel P. The Nature of Procrastination: A Meta-Analytic and Theoretical Review of Quintessential Self-Regulatory Failure // *Psychological Bulletin*. 2007. V. 133. №1
3. Sirois F. Procrastination, Health, and Health Risk Communication // *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. 2017.
4. Metin U.B., Taris T.W., Peeters M.C. W., Korpinen M., Smrke U., Razum J., Kolářová M., Baykova R., Gaioshko D. Validation of the Procrastination at Work Scale: A seven-language study // *European Journal of Psychological Assessment*. 36(5). Pp. 767–776.

Ранний этап профессионализации: копинг-стратегии в трудных рабочих ситуациях и их личностные предикторы

Копинг-стратегия, предиктор, трудная ситуация, ранняя профессионализация

Большинство молодых специалистов испытывают сложности с трудоустройством и не удовлетворены условиями труда. По данным Росстата, лишь 28% молодежи (15–24 лет) являются занятыми [1]. При этом, 6,4 тыс. человек в возрасте 20–29 лет являются безработными. В то же время, компании, ориентированные на развитие в долгосрочной перспективе, уделяют особое внимание молодежи, которая является носителем оригинальных и прогрессивных взглядов: ее стремление к новому открывает путь к инновациям, к прорывным технологиям, к успеху. 76% компаний привлекают молодежь на стажировки и практики, однако по их окончании 44% молодых специалистов снова выходят на рынок труда [2]. Повышенные затраты собственных ресурсов, неподконтрольность и неопределенность ситуации, необходимость быстрого реагирования на ее условия, затруднения в прогнозировании, трудности принятия решения требуют от молодых специалистов определенного вида реагирования, выбора продуктивной копинг-стратегии для предотвращения будущих стрессоров и достижения конечной цели — трудоустройства.

В исследовании определялись предикторы совладания с трудной ситуацией у молодых специалистов на раннем этапе профессионализации. Респонденты (74 человека) прошли поведенческое STAR-интервью для выявления трудных ситуаций. Из их числа 64 респондента сталкивались с трудностями на рынке труда, такими как отказ до или после собеседования, провал испытательного срока, стажировки, увольнение. Эти респонденты были опрошены по методике 16-ФЛО (личностные особенности) и опроснику COPE (используемые копинг-стратегии).

Посредством кластерного анализа было показано, что используемые молодыми специалистами копинг-стратегии делятся на два кластера: продуктивные и непродуктивные. Это соотносится с данными других исследований [3].

В результате регрессионного анализа были выявлены личностные предикторы непродуктивных и продуктивных копинг-стратегий.

Непродуктивные копинг-стратегии (отрицание, мысленный и поведенческий уход от проблемы, использование успокоительных) скорее всего будут выбраны теми, кто обладает низким уровнем эмоционально-волевых особенностей: низкой нормативностью, жесткостью, подчиненностью, тревожностью, эмоциональной неустойчивостью.

Продуктивные стратегии (активное совладание, позитивное переформулирование и юмор) будут использоваться теми, кто обладает высоким уровнем радикализма, уверенности в себе и экспрессивности. Эти копинг-стратегии являются реактивными, так как представляют собой попытки противодействия трудной ситуации, а в случае, если ситуация произошла, то смягчения ее вреда и адаптации к ней.

Продуктивные стратегии, связанные с эмоциональным аспектом (поиск эмоциональной социальной поддержки, концентрация на эмоциях), скорее всего, будут использоваться теми, кто обладает высоким уровнем тревожности, напряженности и социабельности.

Продуктивные стратегии, связанные с подавлением конкурирующей деятельности и планированием, вероятнее, предпочтут личности, обладающие высокой нормативностью, чувствительностью, смелостью и импульсивностью. Данные продуктивные стратегии являются проактивными, так как предполагают ответственность, саморегулируемое преодоление трудной ситуации и имеют ориентацию на цель.

Таким образом, в результате исследования было показано, что при совладании с трудной рабочей ситуацией молодые специалисты используют четыре группы копинг-стратегий (непродуктивные и продуктивные — реактивные, эмоционально-ориентированные, проактивные) и для каждой из этих групп существуют свои личностные предикторы.

1. Ситуация на рынке труда // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/situaz.pdf>
2. 72% жителей России смогли найти работу после стажировки // Работа.ру. URL: <https://press.rabota.ru/72-zhiteley-rossii-smogli-nayti-rabotu-posle-stazhirovki>
3. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. 10(1). С.82–118

Проактивность в профессиональной карьере

Проактивность, профессиональная карьера, карьерный потенциал, организационный контекст

В современной действительности все больше внимания уделяется новым формам профессиональной карьеры, которые предполагают иные показатели успешности, требуют от человека демонстрации новых форм поведения и личностных качеств, которые интегрируются концептом проактивности (proactivity) в карьере.

Проактивность как свойство личности, как тенденция влиять на изменения в окружающей среде [3], подразумевает предвосхищающие действия, приводящие к изменениям в поведении человека [4] и может обеспечивать реализацию успешной карьеры. Попытки построить интегральную модель проактивной карьеры с включением показателей успешности карьеры, а также их биографических предикторов ранее не предпринимались.

Задачей эмпирического исследования являлось описание структуры профессиональной карьеры на основе фактов биографии человека. Проверялась гипотеза о том, что существует такая структура предикторов успеха профессиональной карьеры, которая включает особые личностные и поведенческие характеристики работника (карьерный потенциал работника), а также особенности организационного контекста. В исследовании участвовало 301 человек, 201 из которых являются работниками логистической компании и 100 человек — врачи разного профиля, сотрудники крупного медицинского центра. Показатели карьерной успешности и биографические предикторы исследовались с помощью авторского опросника из 324 вопросов, раскрывающего различные стороны биографии человека [1]. В качестве инструмента для валидации использовались Шкала психологического благополучия К. Рифф [2] и Шкала оценки корпоративных компетенций логистического предприятия.

Анализ полученных данных позволил выделить шкалы показателей успешности (Успех карьеры и Удовлетворенность профессией) и шкалы биографических предикторов успеха: блок карьерного потенциала (Настойчивость, Адаптивность, Влияние), блок управления карьерой (Цели карьеры, Профессиональная мобильность), блок организационного контекста (Справедливость организации, Удовлетворенность организацией, Организация как фактор успеха). Построена модель характеристик профессиональной карьеры сотрудников логистической компании (N=201) и модель профессиональной карьеры для объединенной выборки (N=301).

Потенциал карьеры работника и организационный контекст влияют на удовлетворенность профессией (как субъективный показатель карьерной успешности) опосредованно при помощи медиаторов — показателей проактивного поведения в управлении карьерой (ориентация на карьерные цели и профессиональная мобильность).

Объективный успех карьеры прямо не связан с потенциалом карьеры работника и характеристиками организационного контекста, что соответствует представлению о проактивности в карьере. Модератором связи объективного успеха с карьерным потенциалом работника является компетентность работника в организации решения рабочих задач.

Структура профессиональной карьеры характеризует проактивное поведение представителей различных профессиональных групп. Выявленные характеристики организационного контекста способствуют проявлению проактивности даже в условиях функционально-иерархических организаций.

1. Старикова М.А., Маничев С.А. Разработка интегрального биографического опросника предикторов успешности карьеры / М.А. Старикова, С.А. Маничев // Петербургский психологический журнал. — 2019. — № 28. — С. 1–41.
2. Шевеленкова, Т.Д. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методологическое исследование) / Т.Д. Шевеленкова // Психологическая диагностика. — 2005. — №. 3. — С. 95–130.
3. Bateman, T.S., Crant, J.M. The proactive component of organizational behavior / T.S. Bateman, J.M. Crant // Journal of organizational behavior. — 1993. — Vol. 14. — P. 103–118.
4. Grant, A.M., Ashford, S.J. The dynamics of proactivity at work / A.M. Grant, S.J. Ashford // Research in Organizational Behavior. — 2008. — Vol. 28. — P. 3–34.

Психологические факторы безопасности в профессиональной деятельности ИТ организаций

Психологическая безопасность, субъективное благополучие, ценности, цели, мотивы, корпоративная культура, ИТ-специалисты

Введение. В условиях высокой степени изменчивости области ИТ-деятельности актуальна проблема недостатка психологической безопасности сотрудников для обеспечения комфортных условий деятельности персонала. Обеспечение психологической безопасности становится приоритетной ценностью, необходимой для обеспечения субъективного благополучия, здоровья и профессионального развития специалиста. При анализе количества научных работ позволил выделить четыре группы наиболее часто встречающихся факторов психологической безопасности: устойчивость личности при различных отрицательных явлениях; свойства личности, которые обеспечивают ее защиту от деструктивных влияний благодаря внутренним ресурсам сопротивляемости личности; переживания индивидом позитивных психических состояний и отсутствия беспокойства, тревожности; показатели эффективности деятельности, в которую включена сама личность [1,2,3].

Целью эмпирического исследования было изучить психологические факторы безопасности, влияющие на особенности поведения личности в профессиональной деятельности ИТ специалистов. В исследовании приняло участие 102 ИТ-специалиста, 68% мужчин, средний возраст 34 года и средний стаж 11 лет. Изучались показатели: психологическая безопасность (анкета «Оценка психологических факторов безопасности в деятельности ИТ-специалистов»); мотивы (опросник «Возможность реализации мотивов», автор Доминик В.И.); цели (опросник «Жизненные цели», Дисси Э., Райан Р., в адаптации: Ключевой Н.В., Чиркова В. И.); ценности (методика ОСАИ, К. Камерона и Р. Куинна); субъективное благополучие («Шкала субъективного благополучия», Соколова М.В.). Использовались математико-статистические методы обработки: описательная статистика, сравнительный, корреляционный и регрессионный анализы.

Результаты исследования и их обсуждение. У мужчин ИТ-специалистов выше уровень психологической безопасности. У женщин отмечается высокий уровень напряженности в профессиональной ИТ-, их основные дестабилизирующие факторы «высокая цена ошибки» и «наказуемость инициативы». Важными аспектами в профессиональной деятельности для ИТ-специалистов являются: ценности — автономность, личностный рост, материальный успех, безопасность и защищенность и здоровье; личностными мотивами: ощущение свободы, самостоятельности в принятии решений; возможность самореализации; профессиональные мотивы - удовлетворение от достижения цели и процесса деятельности. Клановая культура характерна для данного вида деятельности. Большинство специалистов имеют высокий уровень субъективного благополучия и обладают позитивной самооценкой,

оптимистичны, общительны, уверены в своих способностях, что свидетельствует об их психологической безопасности

Выводы Субъективное благополучие влияет на уровень психологической безопасности. Мотивационно-ценностные характеристики связаны с психологической безопасностью. Мотивационные ожидания влияют на ощущение психологической безопасности на рабочем месте и ИТ-деятельность. Чем больше корпоративная культура организация соответствует мотивам и ценностям ИТ-специалистов, тем выше их оценка уровня психологической безопасности рабочего места и профессиональной среды.

Практическая значимость исследования — привлечение и удержание ИТ-специалистов, у которых ценностно-мотивационные характеристики совпадают с ценностями и мотивационной структурой организации для обеспечения психологической безопасности.

1. Зотова О. Ю. Теоретический обзор современных исследований и концепций психологической безопасности // Ярославский педагогический вестник. 2016, 6, 247–253.
2. Куликова Е. А. Психологические аспекты безопасности трудовой деятельности // Концепт, 2019. 9, 3–9.
3. Nahrgang J.D, Morgeson F.P, Hofmann D.A. Safety at work: A meta-analytic investigation of the link between job demands, job resources, burnout, engagement, and safety outcomes//Journal of Applied Psychology, 2011, 96, 71– 94.

Роль перфекционизма и феномена самозванца в увлеченности работой и субъективном благополучии

Перфекционизм, феномен самозванца, увлеченность работой, субъективное благополучие

Перфекционизм и феномен самозванца являются распространенными психологическими характеристиками сотрудников современных организаций (Vergauwe et al., 2015). В большинстве случаев перфекционизм рассматривается как чрезвычайно высокие личностные ожидания в сочетании с излишней тревожностью по поводу соответствия этим ожиданиям и заключается в стремлении предъявлять к своей деятельности исключительно высокие требования (Kanten & Yesiltas, 2015). Перфекционизм часто связан с так называемым “феноменом самозванца”. Эта личностная диспозиция описывает сотрудников с высокими результатами деятельности, которые не могут принять собственные значимые достижения и испытывают страх перед тем, что коллеги узнают, что они не настолько хороши в профессиональной сфере, как кажутся окружающим (Matthews & Clance, 1985). Феномен самозванца у работающих лиц тесно связан со страхом неудачи, страхом успеха и низкой оценкой себя как сотрудника, что в значительной мере влияет на отношение к карьере и поведение на рабочем месте (Neureiter & Traut-Mattausch, 2017). Исследования подтверждают тот факт, что данный феномен ограничивает возможность полного развития профессионального потенциала и продвижения по карьерной лестнице (De Vries, 2005).

Целью настоящего исследования стало изучение предсказательной роли перфекционизма и феномена самозванца в увлеченности работой и субъективном благополучии сотрудников российских организаций. В исследовании приняли участие 359 работающих взрослых. Респонденты заполняли онлайн анкету, которая включала шкалы перфекционизма, феномена самозванца, увлеченности работой, субъективного переживания счастья и удовлетворенности жизнью.

Результаты исследования показывают, что феномен самозванца оказался позитивно связанным как адаптивным перфекционизмом, так и с дезадаптивным перфекционизмом. Серия множественных регрессионных анализов указала на то, что стандарты являются позитивным, а феномен самозванца и расхождение — негативными предикторами увлеченности работой и субъективного благополучия. Характер взаимосвязей между перфекционизмом, феноменом самозванца, увлеченностью работой и субъективным благополучием определяет статистически значимые тенденции. Обнаруженные закономерности могут быть использованы в практике психологического и организационного консультирования с целью удержания в профессии и помощи в построении успешной карьеры лицам, демонстрирующим высокие результаты деятельности. В качестве перспектив исследования можно рассматривать лонгитюдный подход с необходимостью контроля как объективных показателей организационного благополучия (карьерный рост, денежный доход), так и субъективных переменных (уровень стресса и др).

1. De Vries M. The dangers of feeling like a fake //Harvard business review. — 2005. — Т. 83. — №. 9. — С. 108.
2. Kanten P., Yesiltas M. The effects of positive and negative perfectionism on work engagement, psychological well-being and emotional exhaustion //Procedia Economics and Finance. — 2015. — Т. 23. — С. 1367–1375.
3. Matthews G., Clance P. R. Treatment of the impostor phenomenon in psychotherapy clients //Psychotherapy in Private practice. — 1985. — Т. 3. — №. 1. — С. 71–81.
4. Neureiter M., Traut-Mattausch E. Two sides of the career resources coin: Career adaptability resources and the impostor phenomenon //Journal of Vocational Behavior. — 2017. — Т. 98. — С. 56–69.
5. Vergauwe J.L., Wille B., Feys M., De Fruyt F. Fear of being exposed: The trait-relatedness of the impostor phenomenon and its relevance in the work context //Journal of Business and Psychology. — 2015. — Т. 30. — №. 3. — С. 565–581.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00743.

ОТ ОБРАЗА К МЫСЛИ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Л.М. ВЕККЕРА

Аверьянова В.А., Щербакова О.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Вклад когнитивных и эмоциональных особенностей реципиента в понимание имплицитных смыслов вербальных текстов

Понимание, чтение, вербальный текст, имплицитный смысл, психометрический интеллект (IQ), эмоциональный интеллект (EQ), «полезависимость-полнезависимость» (ПЗ/ПНЗ), «широта диапазона эквивалентности» (ШДЭ), Theory of Mind (ТоМ)

В классических исследованиях понимания имплицитных смыслов подчеркивается неоднородность процесса понимания и значимость когнитивных и эмоциональных характеристик реципиента для его реализации [1, 2]. Вопрос о роли психометрического и эмоционального интеллекта, а также ТоМ в понимании имплицитных смыслов привлекает современных исследователей, однако количественные подтверждения связи данных параметров с пониманием обнаружить не удается [3, 4].

Мы предположили, что рассмотрение смысла текста как структуры и анализ реконструкции отдельных элементов данной структуры реципиентом позволят описать понимание текста как совокупность операций и приблизиться к ответу на вопрос о роли в нем когнитивных (IQ, ПНЗ, ШДЭ, ТоМ) и эмоциональных (EQ) особенностей реципиента. Мы использовали методы психологии и лингвистики; в качестве стимульного материала был выбран художественный рассказ со сложной уровневой структурой имплицитных смыслов. Выборка: 30 респондентов (24–53 г., $M_e = 40,5$), с полным средним образованием. Сбор данных включал 6 стадий: «Стандартные прогрессивные матрицы» Дж. Равена, АКТ-70, модификация методики «Свободная сортировка объектов» В. Колги, «Reading the Mind in the Eyes» (адапт. Е.Е. Румянцевой), опросник «ЭМИн» Д.В. Люсина и полуструктурированное интервью на понимание текста. Протоколы интервью оценивались экспертами по критериям полноты понимания и представленности структурных элементов имплицитных смыслов в обработке текста реципиентом. Ожидалось, что будут наблюдаться различия в успешности реконструкции отдельных элементов смысла текста респондентами с различными когнитивными и эмоциональными особенностями.

По результатам регрессионного анализа статистически значимых прямых связей между показателями когнитивных и эмоциональных особенностей и полнотой понимания выявлено не было. Однако были обнаружены непрямые связи, например, IQ с реконструкцией повторов абстрактных смыслов ($r = .365$, $p = .047$) и контрастов

абстрактных смыслов ($r=.369$, $p=.045$), со способностью выделить ключевую тему текста ($r=.369$, $p=.045$), а также с общим количеством различных структурных элементов в вербальном отчете респондента ($r=.525$, $p=.003$), что возможно объяснить в рамках понимания теста Дж. Равена как отражающего способность к систематизированной интеллектуальной деятельности и построению закономерностей. Была обнаружена связь ПНЗ с реконструкцией смысла интертекстуальных включений ($r=.462$, $p=.01$), что согласуется с пониманием полнезависимости как способности выйти за рамки рассматриваемой ситуации и переструктурировать ее. Связи были выявлены и для компонентов EQ, например, для контроля экспрессии и реконструкции смысла вербальных образов ($r=.553$, $p=.002$), что можно связать с выделяемой в других исследованиях значимостью сформированности эмоциональной саморегуляции для понимания многозначных текстов [5]. Кроме того, было обнаружено, что полнота понимания имплицитных смыслов связана с количеством элементов структуры имплицитных смыслов текста, реконструированных реципиентом ($r=.772$, $p\leq.001$).

Т.о., можно говорить о непрямом вкладе когнитивных и эмоциональных особенностей в понимание текстов и актуальности учета структуры имплицитных смыслов текста при изучении его понимания.

1. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. — М.: Смысл, 1998.
2. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии: Учеб. пособие для вузов. — СПб.: Питер, 2004.
3. Андриющенко Е.А., Гольштейн Ю.Р., Щербакова О.В. Полнота понимания многозначных текстов у лиц с различными уровнями эмоционального интеллекта и модели психического // Вопросы психологии. — 2020. — Т. 66. — № 6. — С. 1–12.
4. Shcherbakova O.V., Nikiforova E.A. Fables comprehension in healthy adults: does IQ matter? // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. — 2018. — Vol. 15. — № 2. — P. 222–230.
5. Щербакова О.В. Когнитивные механизмы понимания комического: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009.

Поддержано грантом Правительства РФ №14.W03.31.0010.

Понимание иконических текстов абстрактного и конкретного содержания

Чтение, феномен понимания, образные структуры мышления, иконический текст, абстрактное и конкретное содержание

Для успешного понимания смысла текста реципиенту необходимо сформировать полную и точную ментальную репрезентацию прочитанного, т.е. выполнить взаимобратимый мысленный перевод знания со словесного языка на язык образных структур (Веккер, 1998). Обилие иллюстраций в современных текстах иконического формата ставит вопрос о том, как заданные внешне образные элементы могут повлиять на данный процесс. Результаты нашего предыдущего исследования продемонстрировали, что иконические тексты понимаются читателями хуже вербальных в случаях работы со сложным по содержанию материалом (Блинова, Щербакова, 2021). Мы предположили, что данная закономерность может быть связана со степенью обобщенности изложенных в тексте идей: вероятно, что по аналогии с понятиями высокой степени абстрактности (Холодная, 2002), работа с текстами высокообобщенного содержания предполагает большую актуализацию индивидуальных чувственно-сенсорных образов представления, которая может быть нарушена заданными внешне образными компонентами.

Для проверки данной гипотезы нами был проведен эксперимент. Участникам ($N = 26$; 65% — ж.; 18–29 лет, $M = 21.1$) предлагалось прочитать два иконических текста. Текст абстрактного содержания, «Равновесие Нэша», раскрывал логику одноименной концепции, представленной в теории игр. Текст конкретного содержания, «Базовые асаны йоги», включал в себя информацию об основных позах, используемых в практике йоги. После чтения каждого из текстов участникам предлагалось выполнить проверочные задания, включающие (1) распознавание вербальных и иллюстративных элементов текстов, присутствующих в исходном материале; (2) оценку смыслового соответствия высказываний содержанию стимульных текстов; (3) перенос усвоенных знаний в новый контекст для решения практических задач. Для анализа полученных данных использовался t -критерий Уэлча.

По результатам сравнительного анализа не было выявлено значимых различий в успешности узнавания респондентами иллюстративных компонентов текстов разного содержания ($t(50) = -1.178$, $p = 0.245$). Вербальные компоненты распознавались участниками значительно лучше ($t(50) = 3.235$, $p = 0.002$) при работе с текстом абстрактного содержания (Мабстр. = 13.85, Мконкр. = 12.12). При этом оценки смыслового соответствия высказываний содержанию текстов, напротив, оказались более точными ($t(50) = -5.132$, $p \leq 0.001$) при чтении участниками текста конкретного содержания (Мабстр. = 7.02, Мконкр. = 9.00). Тестовые задания, требующие применения усвоенных знаний для решения проблемных ситуаций, также значительно лучше выполнялись респондентами ($t(50) = -3.113$, $p = 0.003$) при работе с текстом конкретного содержания (Мабстр. = 4.81, Мконкр. = 6.12).

Полученные данные позволили заключить, что содержание текста «Равновесие Нэша» было усвоено участниками на поверхностном уровне: при более точном выполнении перцептивной задачи распознавания элементов текста задания, требующие анализа смыслового состава материала, выполнялись респондентами значительно хуже, чем при работе с текстом «Базовые асаны йоги». Данная закономерность подтверждает нашу гипотезу и может указывать на то, что в случае работы с текстом абстрактного содержания наличие заданных извне образных компонентов отвлекало внимание участников и препятствовало конструированию ими собственных ментальных репрезентаций, необходимых для понимания смысла прочитанного. Отсутствие аналогичных тенденций для текста конкретного содержания может быть объяснено большим соответствием внешних и внутренних образных моделей содержания текста, основанным на наличии определенных физических референтов описываемых в материале объектов и процессов.

1. Блинова Е.Н., Щербакова О.В. Когнитивные механизмы понимания вербальных иконических текстов // Психологический журнал. — 2021. — Т.42, №1. — С. 66–79.
2. Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. — М.: Изд-во «Смысл», 1998. — 685 с.
3. Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. 2-ое изд, перераб. и доп. — СПб.: Питер, 2002. — 272 с.

Исследование пространственных и модальностных характеристик образов воображения.

Локализация образа воображения, модальность образа, "воображаемый компаньон".

Теоретическое обоснование работы. В соответствии с концепцией Л.М.Веккера (1974) базовой характеристикой любого психического образа является феномен внешней проекции: образ создается «в голове», а проецируется вовне, в пространство внешнего мира, где локализуется отображаемый объект. Веккер доказал это утверждение на примере перцептивных образов, которые локализуются там, где находится объект восприятия. Однако Веккер не успел экспериментально исследовать проблему локализации вторичных образов (представлений памяти и воображения), хотя описал специфику пространственно-временных и модальностных характеристик образов представлений памяти. Проблема их локализации осталась открытой.

Авторы попытались решить эту проблему на материале частного вида вторичных образов, так называемых, образов «воображаемых компаньонов» (далее — ВК). Создание ВК — это частный вид повседневного фантазирования детей и взрослых. Субъект воплощает для себя ВК в виде образа представления в ситуациях, когда ему необходима помощь и поддержка понимающего партнера, образ которого всегда локализуется вовне по отношению к субъекту. При этом субъект четко осознает, что этот партнер — продукт воображения, и это является признаком психической нормы.

Организация исследования: участвовало 80 успешных студентов ВУЗов Санкт-Петербурга ($m = 40$), приехавших из 53 городов РФ (7 из Санкт-Петербурга). Метод — глубинное полуструктурированное (14 блоков вопросов) многоэтапное интервьюирование с аудиозаписью.

Цель работы — показать, что образы ВК можно изучать на основе принципов анализа, разработанных Л.М.Веккером. Гипотеза той части исследования, которая будет обсуждаться в докладе: опираясь на концепцию Л.М.Веккера об базовых характеристиках любого психического образа, мы предположили, что образ ВК также должен обладать пространственно-временными, модальностными и интенсивностными характеристиками.

Результаты. 1. При обработке материалов интервью разработан шаблон графической схемы, позволяющей зафиксировать пространственные и модальностные характеристики образа ВК каждого участника. Для пространственных характеристик создана система условных обозначений, позволяющая графически закрепить: 1) местоположение субъекта, 2) локализацию образа ВК в момент его появления и траекторию его перемещений по отношению к субъекту, 3) пространственные величины расстояний (в метрах). Метрические

характеристики локализации и величину ВК удалось измерить благодаря тому, что субъекты всегда используют в качестве системы внешних координат ту предметно-пространственную ситуацию, где находится сам субъект и актуализируется его ВК.

Для модальностных характеристик был использован код из трех цветов: образ ВК обозначался цветным кругом, окрашенным в цвет, соответствующий модальности образа. Если образ ВК был визуальным, то круг был голубого цвета, если аудиальным, то круг был желтым, если тактильным — то красным. Если образ ВК был полимодальным, то на схеме это отображалось двумя или тремя вложенными друг в друга кругами соответствующих цветов.

2. Анализ полученных схем позволил установить, что именно модальность образа ВК обуславливает место его пространственной локализации: 1) тактильные образы ВК располагаются в непосредственном соприкосновении с телом субъекта, 2) аудиальные образы ВК находятся всегда сбоку головы субъекта, а визуальные — всегда на расстоянии в поле зрения субъекта.

Выводы. Субъект создает образ ВК как воображаемого партнера-помощника в затруднительной социально-психологической ситуации, поэтому характеристики образа всегда соответствуют потребностям субъекта. Если он нуждается в опоре и поддержке, то обычно в образе ВК есть тактильная модальность. Если субъекту нужен наставник, способный дать авторитетный совет, ВК представлен в аудиальной модальности. Если субъект находится в ситуации выбора, то обычно размещает образ своего ВК в контексте видимого поля актуальной ситуации, поэтому ВК представлен в визуально.

Сравнительный анализ концепций Л.М. Веккера, Б.Ф. Ломова и Н.А. Бернштейна

Инвариант, теорема Э. Нётер, стадии формирования перцептивного образа, антиципация, уровни организации движений

Ленинградская психологическая школа известна широким применением естественнонаучной парадигмы, поэтому некоторые авторы составляют иерархические системы таким образом, что к ним может быть применена система геометрических инвариантов пространства. К таким системам относятся иерархии уровней антиципации Б.Ф. Ломова и уровней организации движений Н.А. Бернштейна.

В физике инвариантом называется физическая величина, не изменяющаяся с течением времени при каком-либо процессе. Обычно физические инварианты связаны с законами сохранения. Согласно теореме Э. Нётер законы сохранения тесно связаны с той или иной симметрией в пространстве или времени [5].

Ещё одной областью, использующей понятие инварианта, является математика. Существуют так называемые геометрические инварианты пространства — уравнения, которые остаются неизменными от одной системы отсчёта к другой. Выделяют следующие виды геометрических инвариантов: метрический, инвариант подобия, аффинный, проективный, топологический [2,4].

Согласно взглядам Веккера, формирование перцептивного образа проходит несколько чётко выраженных этапов, каждый из которых имеет определённые характеристики. Веккер также связывал стадии формирования перцептивного образа с системой геометрических инвариантов. Данная схема выглядит так:

1. Стадия разомкнутого контура соответствует топологическому инварианту
2. Стадия «аморфного пятна» соответствует проективному инварианту
3. Стадия различения резких перепадов кривизны соответствует аффинному инварианту
4. Стадия глобально-адекватного восприятия соответствует инварианту подобия
5. Стадия адекватного воспроизведения формы соответствует метрическому инварианту [3]

Таким образом, получается, что геометрические инварианты в учении Веккера — это своего рода психологическая «теорема Нётер», которая позволяет объяснить «симметрию» в психических явлениях. Подобно тому, как согласно теореме Нётер в физике существует связь между законами сохранения и свойствами времени и пространства, так и Веккер связывал геометрические инварианты с фазовыми изменениями в перцептивном образе.

Антиципация — это психический процесс, обеспечивающий возможность принимать те или иные решения с определённым временно-пространственным упреждением событий. Ломов выделяет пять уровней антиципации [6]. Гипотетическая связь уровней антиципации с геометрическими инвариантами пространства выглядит следующим образом:

- Субсенсорный уровень соответствует топологическому инварианту
- Сенсомоторный уровень соответствует проективному инварианту
- Перцептивный уровень соответствует аффинному инварианту
- Уровень представлений соответствует инварианту подобия
- Уровень речемыслительных процессов соответствует метрическому инварианту

Бернштейн использовал естественнонаучные принципы при создании своей иерархии уровней организации движений. Он считал, что движения могут принадлежать к одному из пяти возможных уровней [1]. Уровни организации движений гипотетически связаны с геометрическими инвариантами пространства следующим образом:

- Уровень А соответствует топологическому инварианту
- Уровень В соответствует проективному инварианту
- Уровень С соответствует аффинному инварианту
- Уровень D соответствует инварианту подобия
- Уровень Е соответствует метрическому инварианту

Дальнейшее развитие данной идеи может идти в направлении поисков подобных аналогий в работах других психологов Ленинградской школы.

1. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990.
2. Вейль Г. Классические группы, их инварианты и представление. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947.
3. Веккер Л. М. Восприятие и основы его моделирования. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964.
4. Гуревич Г.Б. Основы теории алгебраических инвариантов. М.; Л.: ОГИЗ, 1948.
5. Концепции современного естествознания. под ред. Л.А. Михайлова, СПб.: Питер, 2012.
6. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Понятийные способности и эффективность совладающего поведения

Л.М. Веккер, понятийные способности, трудная ситуация, концептуализация, совладающее поведение

Одна из важнейших идей, впервые сформулированных Л.М. Веккером в рамках «единой теории психических процессов», заключается в том, что понятийное мышление, как высший уровень познавательного развития личности, является ведущим механизмом организации психических качеств в структуре индивидуальности. Развивая эти идеи Веккера, можно предположить, что характеристики понятийного опыта определяют особенности понимания, оценки и интерпретации происходящего, выступая в качестве основы эффективности социального поведения человека, в том числе совладающего поведения.

Понимание роли понятийных способностей в регуляции совладающего поведения требует некоторых уточнений.

1. Необходимость учета специфики трудной жизненной ситуации. Особенности трудной ситуации определяют характер и интенсивность совладающих стратегий: насколько ситуация привычна для человека или нова, ожидаема или экстремальна, контролируем или неконтролируема и т. д. Следовательно, для организации совладающего поведения имеет значение то, как человек воспринимает и понимает трудную ситуацию.

2. Особенности концептуализации трудной жизненной ситуации. Концептуальная модель ситуации связана с формированием многомерного ментального пространства, предполагающего наличие разнообразных контекстов, вариативных интерпретаций, разных уровней обобщения, то есть в процессе концептуализации самим субъектом создаются предпосылки для выбора способа поведения (Холодная, Хазова, 2018).

Можно предположить, что за счет оперативных изменений концептуальной модели трудной ситуации совладающее поведение приобретает качество мобильности.

3. Гибкость и вариативность стратегий совладающего поведения. Критерий эффективности совладающего поведения — это способность гибко и вариативно использовать разные стратегии совладания в зависимости от оценки как специфики трудной ситуации, так и своих психологических возможностей. В свою очередь, совладающее поведение является гибким и вариативным в зависимости от меры сложности концептуальной модели трудной ситуации, которая определяется уровнем сформированности понятийных способностей.

4. Понятийные способности как основа выбора эффективных стратегий совладания. В одном из наших исследований респонденты с высоким уровнем понятийных (conceptual) способностей были склонны в большей мере использовать стратегию Решение проблем, однако одновременно они более активно обращались к

социальным стратегиям (Социальная поддержка, Принадлежность, Профессиональная помощь) (Холодная, Волкова, 2018).

В другом нашем исследовании была показаны различия в регулирующей роли разных видов понятийных способностей — категориальных (categorical), и концептуальных (generative) — относительно выраженности разных стратегий совладания (методика «Юношеская копинг-шкала»): показатели категориальных способностей не коррелировали ни с одной из 18 стратегий совладания, тогда как показатели концептуальных способностей обнаружили значимые корреляционные связи со стратегиями Самообвинение, Общественные действия, Религиозная поддержка (Холодная, Алексапольский, 2010).

Можно предположить, что понятийные (прежде всего концептуальные) способности позволяет применять широкий спектр стратегий совладания, активно используя преимущества эмоциональных и социальных копингов.

Таким образом, понятийные способности обеспечивают качественно новую форму понимания (концептуализации) происходящего и качественно новый способ саморегуляции совладающего поведения.

1. Холодная М.А., Алексапольский А.А. Интеллектуальные способности и стратегии совладания // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 4. С. 59–68.
2. Холодная М.А., Волкова Н.Э. Понятийные способности как фактор осознания ресурсных возможностей разных стратегий совладания // Мир психологии. 2018. № 2 (94). С. 191–201.
3. Холодная М.А., Хазова С.А. Феномен концептуализации как основа продуктивности интеллектуальной деятельности и совладающего поведения // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 5–17.

Механизмы патологической и нормативной неологизации с позиций теории психики Л.М. Веккера

Неологизмы, шизофрения, афазия, органические заболевания головного мозга, информационная теория психики, речь и мышление

Неологизмы являются не только признаком психопатологии (шизофрении и афазии) [4], но и неотъемлемым свойством развития живого языка в норме. Это доказывают литературный и поэтический русский язык [2], маргинальные системы словообразования (диалекты, просторечие и др.), а также всевозможные окказионализмы [3]. Интерес к ним в лингвистике настолько велик, что вызвал даже появление специальной дисциплины — неологии. При этом различия патологических и нормативных механизмов неологизации пока остаются нераскрытыми.

Материалы и методы. Для их исследования использовалась методика «Цветоструктурирование» [5] — стилизованный рисунок птицы (части которой нередко напоминали различных птиц и животных, например, хохолок, как рога оленя, а крылья, как у орла, клюв колибри и т.д.) требовалось раскрасить, а потом придумать подходящее название каждому из возможных гибридов птицы на основе списка из 11 пар слов (олень — орел, цапля — колибри и др.). Контроль когнитивного фактора включал 4 теста. В выборку вошли две клинические группы (шизофрении — Ш и органических заболеваний головного мозга — ОЗГМ) и контрольная — Норма (по 25 человек в каждой), сопоставимые по возрасту (от 18 до 60 лет), образованию и полу. Измерение частоты различных характеристик неологизмов проводилось по 42 параметрам. Для оценки межгрупповых различий применялся точный метод Фишера и U-критерий Манна Уитни, а для связей — коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты и выводы. Общими для всех групп способами неологизации оказались: 1) видоизменения морфологической структуры заданных слов; 2) когнитивные трансформации образов и анализ объективных свойств гибрида, обозначаемых по-новому; 3) новые названия на основе содержательных (от ситуативных и конкретно-чувственных до абстрактно-философских и нравственных) ассоциаций с птицей-химерой; 4) номинации на основе формальных (звуковых, зрительных, тактильно-кинестетических, в том числе артикуляторных) ассоциаций с образами самих слов. С позиций теории психики Л.М. Веккера [1] такое разделение не случайно, оно отражает соответственно четыре базовые функции речи: 1) как символического процесса кодирования, перекодирования и передачи информации в коммуникации; 2) как одного из двух неотъемлемых языков мышления; 3) как универсального интегратора психики, связывающего психические структуры самого разного уровня и отношения между ними путем словесного кодирования; 4) как собственно психического процесса, включающего разнородные по модальности образы слов. Актуализация этих функций речи в процессах неологизации обнаружила свою специфику при шизофрении и ОЗГМ в отличие от нормы.

Значимые отличия III-группы ($p_{0,05}-0,01$) касались в основном семантических аномалий при всех способах производства новых слов. Это и нарушения семантической связи между исходными и производными словами при морфологических преобразованиях (1), и меньшая опора на базовые признаки объективных образов при их вербальном обозначении (2), и большая частота формальных (звуковых) ассоциаций в названиях (3). Именно эти механизмы лежат в основе непрозрачности шизофренических неологизмов. Здоровые испытуемые при всех морфологических преобразованиях заданных слов стремились сохранить их узнаваемость. А при ОЗГМ отличия неологизмов ($p_{0,05}$) указывали на дефицитарность когнитивной обработки как зрительного образа, так и морфологической структуры заданных слов. Таким образом, основу патологической неологизации составили расстройства словесно-образного мыслительного взаимоперевода отношений, в терминах теории Веккера.

1. Веккер Л.М. Психические процессы: в 3 т. — Т. 2. Мышление. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.
2. Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986.
3. Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского. М.: АСТ, Corpus, 2013.
4. Случевский Ф.И. Атактическое мышление и шизофазия. Л.: Медицина, 1975.
5. Чередникова Т.В. Психодиагностика нарушений интеллектуального развития у детей и подростков: Методика «Цветоструктурирование». СПб: Речь, 2004.

Дефицит понимания переносного смысла как интеллектуальная черта поколения

Понимание, переносный смысл, понятийное мышление, когнитивные дефициты, интеллектуальные навыки.

Понимание переносного смысла считается одним из признаков понятийного мышления как самой сложной формы психического отражения действительности, дающей доступ к инвариантным признакам явлений и раскрывающей сущностные связи между ними [1]. Навык понимания переносных смыслов формируется постепенно и характеризует зрелость интеллектуальной системы человека. Сложности в понимании переносного смысла считаются маркером когнитивного дефицита и часто проявляются при различных видах психических патологий.

Тем не менее, в последние годы в ряде работ было показано снижение навыка понимания переносного смысла у взрослых здоровых испытуемых, несмотря на высокий уровень их психометрического интеллекта и образовательный статус. Так, в одном из исследований [5] было обнаружено, что при интерпретации смысла притч только 6,5% ответов характеризовались высоко обобщенным пониманием основной идеи текста, основанным на выделении значимых связей и отношений и способностью полностью реконструировать смысловой инвариант. Большинство (61,4%) ответов характеризовались пониманием притч на более низком житейском уровне, основанном на привязке к привычным паттернам взаимодействия между людьми и повседневному опыту. При этом 32,1% ответов были основаны на подмене внутритекстовых связей собственной проективной продукцией и демонстрировали крайне низкий уровень понимания. В другой работе [1] на аналогичном материале были получены сходные результаты (23% высоко обобщенных интерпретаций).

Сложности в реконструкции смысла выявляются и при использовании иного стимульного материала. Было показано наличие множественных когнитивных затруднений при понимании вербальных шуток как разновидности текстов с переносным смыслом [4]; сами респонденты связывали наличие таких затруднений с недостатками собственного дискурсивного мышления и несформированностью соответствующих интеллектуальных навыков. В другом исследовании [2] было выявлено, что при понимании художественного рассказа с имплицитным смыслом наивысшего уровня понимания достигли лишь 7% респондентов, а в целом по выборке наблюдалось заметное смещение в сторону низких и средних уровней понимания. Любопытно, что респонденты, получившие низкие баллы за понимание, оценивали стимульный текст как простой по содержанию. Наконец, в работе Т.Е. Исаевой было выявлено, что даже при понимании текста без переносного смысла и основанного на простом изложении фактов, респонденты оказывались не способны реконструировать значимые смысловые связи [3]. Как и в предыдущем исследовании, их метакогнитивные оценки собственной успешности были при этом устойчиво высокими.

Все описанные результаты хорошо согласуются друг с другом. Т.к. они были получены с использованием различных типов стимулов на различных выборках испытуемых, а для анализа данных привлекались разные эксперты, можно говорить о недостаточной сформированности навыка понимания переносного смысла как одной из черт интеллектуального портрета поколения современных молодых людей. Вероятно, когнитивные дефициты такого рода являются следствием масштабных социокультурных трансформаций, среди которых особую роль играют системные сдвиги внутри национальной образовательной системы и распространение новых интеллектуальных практик.

1. Андрущенко Е.А., Гольштейн Ю.Р., Щербакова О.В. Полнота понимания многозначных текстов у лиц с различным уровнем эмоционального интеллекта и модели психического // Вопросы психологии. — 2020. — Т.66. — №6. — С. 66–80.
2. Аверьянова В.А., Щербакова О.В. Связь когнитивных и эмоциональных особенностей с пониманием имплицитных смыслов вербальных текстов // Материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов «Психология XXI века», 21–23 апреля 2021 года, Санкт-Петербург. — 2021. — С. 63–64.
3. Исаева Т.Е., Щербакова О.В. Взаимосвязь полноты понимания текста и выраженности интернет-зависимого поведения // Материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов «Психология XXI века», 21–23 апреля 2021 года, Санкт-Петербург. — 2021. — С. 52–54.
4. Щербакова О.В. Несмешно и непонятно: восприятие жанровых особенностей анекдота современными молодыми взрослыми // Вопросы психолингвистики. 2019. — №1 (39). — С. 165–181.
5. Shcherbakova O.V., Nikiforova N.A. Fables Comprehension in Healthy Adults: Does IQ Matter? // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. — 2018. — Vol. 15. — N 2. — P. 222–231.

Поддержано грантом Правительства РФ №14.W03.31.0010.

Гаркуша С.А., Дейнека О.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Апробация опросника отношения к экономической глобализации

Отношение, глобализация, апробация опросника

В последние годы наблюдаются тенденции международной дезинтеграции. Справедливость данного утверждения иллюстрируются такими событиями как BREXIT, торговые и санкционные войны, выход ряда государств из международных договоров. Пандемия COVID-19 (по причине которой не только существенно сократились международные пассажиропотоки, но и отметился рост протекционистских мер, принимаемых правительствами государств) усилила имеющиеся тенденции кризиса глобализации. Согласно традициям системного подхода, развиваемого в рамках Санкт-Петербургской школы психологии, можно предполагать, что подобные радикальные изменения на макроуровне могли оставить свой след на микроуровне. Однако русскоязычной методики, позволяющей исследовать отношение к ключевым аспектам экономической глобализации (рынок труда, туризм, экономическое законодательство, сфера услуг и образования, рынок товаров и сфера производства) в настоящее время нет.

Нами был разработан инструментарий «Отношение к экономической глобализации» по алгоритму, предложенному О. С. Дейнека [1]. Разработка проходила в несколько этапов. Первый этап — анализ научных публикаций, затрагивающих тематику экономической глобализации, а также изучение международных договоров, конвенций и уставов международных организаций с целью получения концептуальных опор опросника. На втором этапе было сформулировано 34 утверждения о различных аспектах экономической глобализации. Утверждения отражали 2 основные противоположные ориентации: «открытость экономической глобализации» (21 утверждение), «ориентация на суверенитет» (13 утверждений). Для фиксации степени согласия с утверждениями была избрана 7-балльная шкала Лайкерта. На третьем этапе было проведено первое пилотажное исследование, в котором приняли участие 45 студентов и выпускников факультета психологии СПбГУ (25 женщин и 20 мужчин от 21 до 31 года). Также была проведена предварительная оценка надежности и конструктивной валидности опросника при помощи эксплораторного факторного и кластерного анализа. Результаты проведенного пилотажного исследования были представлены на конференции «Психология XXI века»[1]. Затем на 4-м этапе, были внесены изменения в опросник на основании полученной обратной связи по итогам первого пилотажного исследования. Также было сокращено число утверждений в опроснике

до 33-х. На 5-м этапе было проведено второе пилотажное исследование, в котором приняли участие 56 студентов и выпускников различных университетов из разных регионов России (40 женщин и 16 мужчин от 18 до 33 лет). Была проведена оценка надежности и конструктивной валидности инструмента по итогам второго пилотажного исследования. В результате проверки опросника на внутреннюю согласованность методом Альфа Кронбаха индексы по заложенным шкалам «Открытость к процессам глобализации» и «Ориентация на суверенитет» составили более 0,8, что свидетельствует о высокой надежности опросника. Полученная при помощи кластерного анализа структура данных второго пилотажного исследования оказалась близкой к той структуре, которая была получена в первом пилотажном исследовании.

Таким образом, по итогам проведенных пилотажных исследований можно говорить о высокой внутренней согласованности и конструктивной валидности опросника. Для дальнейших кросс-культурных исследований опросник переведен на английский и испанский языки.

1. Дейнека О. С. Многофакторный опросник в диагностике социально-экономического сознания // Психология. Экономика. Право. — 2013. — №. 2. — С. 23–26.
2. Гаркуша С.А. Результаты разработки опросника отношения к экономической глобализации // Психология XXI века. Психологические исследования: от теории к практике. Сборник тезисов участников международной научной конференции молодых ученых 21–23 апреля 2021 г. / Под ред. А.В. Шаболтас. СПб.: Скифия-принт, 2021. — С. 194–195.

Образ политический партий у граждан современной России

Образ политических партий, доверие, авторитет, Единая Россия

Психолого-политическая роль политических партий заключается в том, чтобы быть важным звеном между властью и народом (Карнышев, Жуков, 2017). Только политическое общество в лице своих партий является обязательным и единственным «производством» для граждан страны смысла, ценностей и целей жизни, необходимых для преодоления негативных психических состояний (А.И.Юрьев).

Образ политических партий исследовался нами с помощью онлайн опроса, в котором участвовало 1330 респондентов из 82 регионов Российской Федерации. Методический инструментарий исследования включал метод незаконченных предложений, метод свободных ассоциаций, модифицированный семантический дифференциал, метод ранжирования политических партий (основанный на результатах единого дня голосования 2020 г. в 10 регионах РФ) и политических институтов. Дополнительно применялся метод ранжирования политических ценностей, тест удовлетворенности жизнью Динера, экспресс-опросник финансового благополучия и опросник образа страны.

Согласно результатам проведенного частотного анализа материала проективных методик, авторитетным партиям присущи такие черты как честность, справедливость, открытость, забота о народе, доверие, правдивость, ответственность и уважение к людям. В свою очередь, политическая партия, согласно ассоциациям респондентов, перестает пользоваться доверием у населения, если ее представители дают неоправданные обещания, обманывают, негативно относятся к населению, коррумпируются и бездействуют. Исследование образа партии «Единая Россия» показало преобладание негативных характеристик партии власти в обычном сознании граждан (выявлено 224 положительных, 584 негативных и 476 нейтральных характеристик). Доверие политическому институту «Президент РФ» коррелирует с доверием парламентской четверке партий. Среди тех, кто демонстрирует доверие Президенту и ведущим партиям, больше тех, кто считает себя материально благополучным, и тех, у кого позитивный образ России. Политические предпочтения в отношении партий оказались статистически значимо связаны со структурой политических ценностей. Респонденты, у которых в системе ценностей доминирует ценность «порядок», выражают больше доверия и уважения Единой России, ЛДПР и КПРФ и не выражают поддержку Партии Роста и партии «Новые Люди». Респонденты, продемонстрировавшие запрос на политическую ценность «равенство», больше доверяют партии ЛДПР. Психологический портрет сторонников ЕР содержит доминирующую ориентацию на ценность порядка, высокий показатель удовлетворенности жизнью, позитивный образ страны и проявления гражданской гордости. Респонденты, отдающие предпочтение «Единой России» поддерживают такие политические институты, как армия, правоохранительные органы, парламент и Президент РФ. Демографический портрет сторонников партии «Единая Россия» включает в основном на тех, у кого нет

высшего образования, есть дети, фиксируется финансовое благополучие. Оппозиционно настроенные респонденты по доминирующим политическим ценностям делятся на два контура: справедливость / свобода. Количество респондентов (312), отметивших доминирующую ценность «справедливость» больше, чем отметивших (167) «свобода», что позволяет сделать вывод о преимущественно левых взглядах у данной группы респондентов. Обратная связь между показателями рейтинга партии «Единая Россия» и политической ценностью «справедливость» подтверждает, что среди оппозиционно настроенных респондентов больший запрос на справедливость, чем на свободу. Респонденты, имеющие более высокие показатели по шкале субъективного финансового благополучия, а также более позитивный образ страны, лучше относятся к институту политических партий.

1. Карнышев А.Д, Жуков К.С. Политическое соперничество: психологические и технологические ресурсы. Изд. 2-е, доп. Иркутск: «Форвард». 2017. 415 с.
2. Юрьев А.И. Научно-практическая история кафедры политической психологии. URL: <http://www.yuriev.spb.ru/faculty/faculty-history> (дата обращения 20.04.2021).

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 19-013-00725

Взаимосвязь социальной ответственности, протестной и политической активности молодежи

Социальная активность, политическая активность, социальная ответственность, протестная активность

Весьма актуальным в последнее время становится вопрос об изучении социальной ответственности, условий ее формирования у субъектов социального действия. Социальный аспект в категории «ответственность» выражается как степень готовности личности к выполнению своих обязанностей и при этом понимание уровня последствий (социальных, экономических и психологических и т.д.) от своих действий. В эмпирическом исследовании приняли участие 121 человек, студенты СГУ и СГМУ. Использовались следующие психодиагностические методики: многомерно-функциональная диагностика «ответственности» (ОТВ-70) (совместно с О.В. Мухлыниной), Опросник «Протестная активность личности» (ПАЛ) (Гусейнов А.Ш.), методика на определение выраженности видов социальной активности Р.М. Шамионов и др.; анкета «Социальная ответственность», шкала авторитаризма правого толка Б. Альтмейера (в адаптации Н.А. Дьяконовой).

Цель исследования — установить взаимосвязь между социальной ответственностью и протестной активностью молодежи.

Получены следующие результаты корреляционных взаимосвязей: социальная ответственность и эмансипация ($r = -0,383$), положительная взаимосвязь. Такие люди демонстрируют стремление к независимости, возвышенным ценностям и идеалам; открытость миру, ассертивность, общительность, стремление к расширению круга контактов. Между социальной ответственностью и шкалой оппозиции опросника ПАЛ можно наблюдать обратную взаимосвязь ($r = -0,271$). Эта категория людей проявляет неприязненное отношение к окружающим, если они других политических взглядов, национальности. Могут наблюдаться конфликты с людьми, к которым испытываются негативные чувства, более типично открытое противопоставление себя другим, неприязнь, противодействие. Неудовлетворенность жизнью, отношениями, внутриличностный конфликт и дезадаптивность, а также эмоциональная неустойчивость, раздражительность, вспыльчивость, грубость и обиды, связанные с ощущением несправедливости по отношению к себе. Низкий коммуникативный потенциал, сниженная способность к саморегуляции и самоконтролю; неспособность преодолевать трудности и фиксация на неудачах.

Получена обратная корреляционная взаимосвязь между социальной ответственностью и шкалой эскапизма ($r = -0,236$), предполагается, что чем ниже уровень социальной ответственности молодежи, тем для них больше характерен выбор в сторону отвлечения от реальности, который не требует эмоционального напряжения. Для таких людей характерен отказ от активного овладения миром и сниженная потребность к созданию чего-то нового; высокий уровень социальной тревожности, непринятие себя, чувствительность к мнению других, склонность к беспокойству. Низкие регуляторные умения, слабость воли, ведомость, склонность к

внешнему контролю, экстремальность, внутриличностный конфликт, отчуждение, подчиненность внешним обстоятельствам и другим людям.

Отрицательная корреляционная взаимосвязь между социальной ответственностью и политической активностью дает основание предположить, чем выше уровень социальной ответственности молодежи, тем больше они склонны к аполитичному поведению. Они стараются не высказываться о политике негативно, даже если у них проявляется элементы политического нигилизма. Наблюдается пассивность, безразличие и безучастность к деятельности партий, нейтральное отношение к политической борьбе, к участию в выборах, к общественной жизни, участвуют по большей части, потому что привлекают. Таким образом, первоначальная гипотеза, основанная на предположении о том, что с повышением социальной ответственности политическая активность тоже повышается, по результатам исследования на нашей выборке — не подтвердилась.

1. Коряковцева О.А. Концептуальные основы развития общественно-политической активности молодежи в постсоветской России // Научные ведомости. Серия История. Политология. 2016. № 8. Вып. 38. С. 156–162.
2. Селезнева А.В., Попова С.Ю. Социальная активность молодежи: состояние проблемы и перспективы развития // Образование личности. 2018. № 2. С. 96–103.
3. Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 18-18-00298)*

Корниенко Д.С.
Москва, РАНХиГС

Балева М.В.
Пермь, ПНИУ

Ячменева Н. П.
Москва, РАНХиГС

Толерантность к неопределенности и ориентация на материализм в связи с экономическим поведением студентов

Толерантность к неопределенности, материализм, экономическое поведение

В качестве одного из направлений современных исследований в области экономической психологии можно выделить исследования личностных коррелятов экономического (финансового) поведения (Кузина, 2004), за счет которых происходит уточнение прогнозов в области экономических решений. В качестве таковых исследуются не только модели личности, такие как Большая пятерка (Гагарина, Неврюев, 2020), но и, например, соотношение мотивов потребления и сбережения. Целью работы является выявление вклада толерантности к неопределенности, описывающей специфику реагирования на изменяющиеся и плохо предсказуемые условия, а также ориентации на материализм (Donnelly, 2012) в субъективную оценку финансового состояния.

На выборке из 299 студентов (средний возраст 20,2, 81% девушки) измерялись: ориентация на материальные ценности (включая показатели успеха, счастья и удовлетворенности жизнью) и центрированность на материальных ценностях (Хашенко, 2016), толерантность (ТН) и интолерантность (ИТН) к неопределенности по опроснику С. Баднера (Корнилова, Чумакова, 2014); субъективная оценка собственного финансового состояния (социальный статус, размер расходов и доходов, оценка способности к самообеспечению, наличие кредитных карт).

В результате корреляционного и регрессионного анализов было установлено следующее. Оценка самообеспечения обнаружила положительную связь с ориентацией на счастье и отрицательную — с ТН. Положительными предикторами расходов оказались возраст и ориентация на материальный успех, а отрицательными — ориентация на материальное счастье и ИТН. Более старший возраст, ориентация на успех и низкая ориентация, на счастье, оказались предикторами более высоких доходов. Использование кредитных карт обнаружило отрицательную связь с ТН. Самооценка социального статуса коррелировала с большей ориентацией на успех и меньшей ориентацией на счастье. Регрессионные модели объяснили от 3 до 12% дисперсии. Таким образом, толерантность в целом обнаруживает связи с ориентацией на материализм и оценкой собственного финансового состояния, но ее вклад является сравнимым или меньшим в сравнении с вкладом других характеристик. Люди, избегающие сложных и противоречивых ситуаций, в большей степени ориентированы на то, чтобы рассматривать материальные блага и обладание ими как показатель успеха, а люди, устойчивые к неопределенности, рассматривают финансовое и материальное благосостояние как

способствующие счастью и удовлетворенности жизнью. Устойчивость к неопределенности приводит к снижению оценки возможности материально обеспечивать себя и к снижению вероятности использования кредитных карт. Можно полагать, что устойчивые к неопределенности студенты склонны более разумно оценивать собственные финансовые возможности и в меньшей степени прибегать к инструментам займа.

В целом можно утверждать, что в сравнении с толерантностью к неопределенности ориентация на материальные ценности вносит больший вклад в финансовое поведение студентов.

1. Гагарина М.А., Неврюев А.Н. Особенности отношения к денежному долгу у студентов и экономическое поведение в вузе // АНИ: педагогика и психология. — 2020. — №4 (33). — С. 70–75.
2. Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. — 2014. — № 1. — С. 92–110.
3. Кузина О.Е. Экономико-психологическое моделирование финансового поведения населения // Психология. Журнал ВШЭ. — 2004. — № 3. — С. 83–105.
4. Хашенко В. А. Адаптация русскоязычной версии опросника ориентации на материализм // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. — 2016. — Т. 1. — №. 2. — С. 79–98.
5. Donnelly G., Iyer R., Howell R. T. The Big Five personality traits, material values, and financial well-being of self-described money managers // Journal of Economic Psychology. — 2012. — Vol. 33. — № 6. — P. 1129–1142.

Методология изучения феномена молодежного экстремизма

Методология изучения экстремизма, приверженность к экстремизму, уязвимая группа, молодежь

Методологическая основа изучения феномена экстремизма так же неоднозначна, как и историко-психологический подход к данному явлению. Авторы разных теорий возникновения экстремизма схожи во мнении, что грамотный анализ способен ответить на его фундаментальные вопросы: что такое экстремизм? Как он возникает? И какие меры позволяют снизить его влияние? Мы хотели бы особенно подчеркнуть последний вопрос, так как часто исследователи формулируют его некорректно. Говоря о превентивных мерах борьбы с экстремизмом, они выступают за избавление от него, что в корне неверно, так как экстремизм существует неотделимо от государства и общества.

Многочратно проводимые исследования в различных областях научного знания демонстрируют неоднозначные выводы касательно данного явления. Рассмотрение приверженности молодых людей к экстремистской деятельности через активную и пассивную вербовку в интернет среде, определило неоднозначность негативного влияния. Правонарушители используют для привлечения внимания молодежи те же психологические механизмы, что и любая организованная группа [3]. Не получив однозначного ответа, мы решили подойти к проблеме с другой стороны: что в сознании молодых людей способствует их отклику на экстремистские влияния? Ряд проанализированных работ [4] и проведенных исследований [1–2] позволил сформулировать важные для понимания экстремизма выводы: он не зависит от какой-либо конфессии; едва ли возможно составить универсальный психологический портрет экстремизма; склонность к экстремистским действиям обусловлена ригидными, консервативными взглядами и низкой степенью доброжелательности.

Тенденция к распространению экстремистской идеологии, как несогласия с действующей системой, продолжает активно вовлекать все большие слои населения. Предыдущие наши исследования строились на гипотезе, что более вовлекаемыми в экстремистскую деятельность являются молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет, в силу слабой сформированности критического мышления, податливости и идеи самовыражения. На данный момент мы ставим перед собой новую задачу, обследование другой возрастной группы, более уязвимой — от 25 до 35 лет. Ее незащищенность базируется на двух важных постулатах: во-первых, в данной группе люди обладают тем, что боятся потерять (семья, работа и др), во-вторых, у них сложились личностные политические и социальные взгляды.

В реалиях современной картины мира запрос на изменение методологической основы феномена экстремизма как никогда актуален. Поэтому мы ставим перед собой задачу не просто изучить психологические особенности молодежи и сделать выводы из ряда имеющихся данных, а провести качественно новое комплексное

исследование, учитывающее как оценку окружающей действительности, так и отношение к ней молодых людей.

1. Кузнецова А.С., Хавыло А.В. Взаимосвязь взглядов экстремистской направленности с психологическими чертами личности у молодежи // *Ананьевские чтения* — 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) материалы международной научной конференции. Санкт-петербургский государственный университет. — Санкт-Петербург, 2020. — С. 495–496
2. Кузнецова А.С., Цаплина А.В. Отношения студенческой молодежи к представителям иных национальностей и религий // *Социализация человека в современном мире в интересах устойчивого развития общества: Междисциплинарный подход: сборник материалов Международной научно-практической конференции*, Калуга, 18–20 мая 2017 года. — Калуга: ФБГОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского», 2017. — С. 68–72
3. Кузнецова А.С., Хавыло А.В. Психологические инструменты влияния на молодёжь интернет-контента экстремистской направленности // *Вестник Калужского университета*. — Калуга, 2020. — № 1 (46). — С. 118–120
4. Свешникова Н.О. Психологические особенности лиц, совершающих преступления экстремистской направленности. *Хрестоматия по политической психологии*. — Санкт-Петербург: Петрополис, 2019. — С. 253–263

Влияние цифровых технологий на финансовое поведение россиян

Цифровые технологии, финансовое поведение, финансовая тревожность, экономическая безопасность личности, финансовая уверенность после COVID-19.

В условиях развития цифровой экономики возникает потребность в изучении финансового поведения, меняющегося под воздействием цифровых технологий. Пандемия COVID-19 не только усилила экономическую и политическую ситуацию неопределенности во всем мире, но и спровоцировала ускорение темпов внедрения цифровых технологий во все сферы жизни людей. В связи с этим возникает необходимость определения социально-психологических факторов трансформации финансового поведения потребителей товаров и услуг под воздействием таких глобальных изменений.

Метод. Исследование посвящено изучению предпочтений цифровых технологий и их влиянию на финансовое поведение российских граждан. Была разработана и апробирована анкета «Влияние цифровых технологий на финансовое поведение» на российской выборке в период относительной экономической стабильности после двух волн заболеваемости вирусом COVID-19. В анкету вошли авторская методика предпочтений цифровых технологий, шкала финансовой тревожности (О.В.Медяник) [1], методика экспресс-диагностики экономических установок (О.С.Дейнека, Е.В.Забелина) [2]. Для выявления самых надежных шкал опросника, мы воспользовались эксплораторным факторным анализом, который подтвердил оптимальность выбранных шкал 11-ти факторной модели конструкта опросника. В факторную матрицу вошли следующие факторы: фактор финансовой тревожности, финансовой неопределенности, использования цифровых технологий, восприятия страхового риска, инвестиционного и кредитного поведения, рыночной активности, управления личными финансами. Надежность опросника проверялась коэффициентом Альфа Кронбаха который получился равным 0.930. Таким образом, соответствие модели из 62 утверждений было определено как хорошее.

Характеристика выборки. В мае 2021 года был проведен онлайн-опрос 1047 респондентов (465 мужчин, 578 женщин). Большинство респондентов выборки (62,78%) — граждане в возрасте 26–45 лет. Из них определили свой субъективный доход как средний 58,09%. Работают в коммерческом секторе — 34,35%, в бюджетной сфере — 13,78 %.

Результаты и обсуждение. Результаты данных исследования показали, что российские граждане стали активно использовать онлайн-приложения банков и онлайн-кошельки для повседневных платежей. В период пандемии большинство респондентов перешли на покупку еды, одежды, техники, парфюмерии через интернет-магазины. Респонденты отметили факт удобства при сравнении цен на различные товары в онлайн-магазинах перед покупкой. Корреляционный анализ данных опросника показал появление новых моделей финансового поведения с появлением цифровых технологий. Например, появился новый потребитель — digital

consumer («цифровой потребитель»). Как правило, это те граждане, которые чаще используют цифровые технологии (любят сравнивать цены на различных платформах перед покупкой, оплачивают регулярные платежи (оплаты ЖКХ, телефона, штрафов и т.д.) только онлайн, считают свой уровень финансовой грамотности относительно высоким). Также, был определен тип «благополучного цифрового потребителя» (successful digital consumer) (благодаря специальному онлайн приложению откладывают часть ежемесячного дохода на долгосрочные цели и ведут контроль своих доходов и расходов; открывают инвестиционные счета и спокойны относительно своего финансового будущего, так как регулярно делают сбережения). Но все же достаточно большое количество потребителей испытывают еще большие трудности в адаптации к новым технологиям, который связаны с низким уровнем финансовой грамотности и страхом перед мошенническими действиями в интернет-пространстве.

1. Медяник, О. В. (2021). Влияние финансовой тревожности на страховое поведение россиян в условиях пандемии COVID-19. Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 13(4), 354–373. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.401>
2. Дейнека О.С., Забелина Е.В. Результаты разработки шкального многофакторного опросника для экспресс-диагностики экономических аттитудов. Психологические исследования, 2018, 11(58), 9. <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1555-deyneka58.html>

Проблемное поле психологических исследований медиаобраза в информационном пространстве.

Медиаобраз, информационное пространство, медиакommunikации, медиавоздействие

Современные исследования медиакommunikации активно развиваются и существенно расширяется арсенал методических приемов для анализа медиавоздействия. Этому способствуют три группы факторов. Во-первых, в научном осмыслении коммуникации произошел «иконический поворот» (термин Г.Бема), пришедший на смену «лингвистическому повороту». В исследованиях смещается акцент с «вербального текста» на «медиаобраз». При этом интересным представляется анализ соотношения этих понятий с реальностью. Вербальность провозглашалась как гласность реальности. Медиаобраз же может не только не совпадать с реальностью, но и замещать ее или же превосходить. Во-вторых, человечество в целом и отдельно взятые страны и регионы переживают эпоху глобальных вызовов, что существенным образом отражается на таких сферах как политика, экономика, социальность и культура. Виртуализация и медиатизация практически всей общественной жизни способствует усилению роли образов в видении прошлого, настоящего и будущего (Мельник, Свешникова, 2020; Евтухова, Свешникова, 2020; Нестик, 2014). Пристальное внимание исследователей обращено к осмыслению переживания бытия личности и общностей разного уровня и роли медиавоздействия. В-третьих, в последнее пять лет наблюдается динамичность развития и усложнение информационной среды, информационно-коммуникационных технологий (Анисимова, Самуйлова, 2015).

Многие исследования касаются проблемы доверия современным коммуникационным средствам, качественных аспектов информации в различных медиа, характера регулирования информационных потоков и содержания медиаконтента. Например, ведется анализ динамики доверия различным информационным источникам (исследование РИА новости, ВЦИОМ), факторов доверия (в частности, влияние значимых событий), особенностей аудитории и пр. Исследования 2015–2018 г.г., проведенные Reuters, Die Welt и ряда других фиксируют изменения в предпочтении платформ и мессенджеров для получения информации.

Приведенные данные позволяют предположить, что особенности медиаобраза во многом определяются характером медиа. Все описанные факторы предполагают и существенные изменения в подходах к анализу медиаобразов, и к методическому оснащению психологических исследований типологии медиаобразов, характера их воздействия, механизмов и эффектов. Важной составляющей исследований является анализ функций медиаобраза, направленности его воздействия, временной ориентации, реалистичности. Все это в совокупности позволит выявить специфику наблюдаемых медиаобразов, актуальное и потенциальное репрезентации действительности, прогнозировать доверие информации, определять характер

формирования обратной связи в медиакommunikации институтов, организаций, персоналий и общества.

1. Анисимова Т. В., Самуйлова И. А. Коммуникация как научное направление политической психологии // Вестник СПбГУ. Сер.16.2015. Вып.1. С. 90–97.
2. Мельник Г.С., Свешникова Н.О. Медиаобраз России как стратегический ресурс государства // Коммуникации в эпоху цифровых изменений. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 16–20 ноября 2020) / под ред. проф. А.Д. Кривоносова. — Paris: L’Harmattan; СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. — 328 р. 2020. С. 130–132.
3. Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты // Вопросы психологии. 2014. No 1. с 1–11

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Медиаобраз России в контексте национальной безопасности», №19-013-00725

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И РАННЕЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

Аникина В.О., Пионова К.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Использование шкалы KID для оценки представлений матери о развитии её ребенка в младенческом возрасте

Материнство, представления о ребенке, отношение к ребенку, младенческий возраст, развитие младенца

Образ будущего ребенка начинает строиться в сознании женщины с момента идентификации беременности. Со временем образ ребенка постепенно обретает конкретные черты, развивается эмоциональное отношение к ребенку, формируется привязанность к плоду и затем младенцу, появляются представления о нем, которые часто опираются на установки, которые существуют у матери относительно материнства и детского развития [2].

Согласно существующим системам классификации и руководящим принципам, развитие в младенчестве в значительной степени зависит от качества взаимодействия между ребенком и значимым, близким взрослым [4]. При этом, обнаружены значимые связи между отношением матери к ребенку, представлениями о нем и его развитием и уровнями сенсорного развития, навыков самообслуживания и активной речи у детей в раннем возрасте [1]. Для оценки развития детей может использоваться как экспертная оценка, которую проводит специалист, так и оценка самой матерью. Наиболее часто используемой опросной шкалой для родителей является русская версия Кентской шкалы оценки развития младенцев (Kent Infant Development Scale; KID Scale), которая позволяет оценить представления матери о развитии ее ребенка [3]. Данная шкала была использована в данном исследовании, которое является частью более крупного лонгитюдного исследования. Цель — анализ представлений матери о психическом развитии ее младенца.

Выборка: 13 матерей, зачавших естественным путем ($M(sd)=31,54(4,22)$ лет), с нормальным сроком родоразрешения ($M(sd)=40,08(1,38)$), по финансовому положению относящих себя к среднему классу, в среднем имеющие высшее образование, с младенцами в возрасте от 4 до 9 месяцев ($M(sd)=6,5(1,87)$). Результаты: было обнаружено, что 4 матери (31%) оценили, что их ребенок отстает в развитии, 4 матери (31%) оценили ребенка как нормально развивающегося и 5 матерей (38%) оценили ребенка как опережающего развитие. При этом наиболее развитыми областями психического развития у младенцев является «Познание» (54%) и «Движение» (46%). Наименее развитыми областями психического развития матери считают «Язык» (38%) и «Самообслуживание» (62%). Обсуждение: наши данные несколько отличаются от результатов исследования, проведенного в Москве,

545 родителей детей в возрасте от 2 до 16 месяцев, которые показали, что у 48,62% (n=265) общее развитие соответствует возрасту; 29,54% (n=161) опережают и 21,83% (n=119) отстают в развитии. Самый высокий процент детей с отставаниями в развитии был отмечен в областях «моторное развитие» и «самообслуживание» [3]. Отставания в области самообслуживания являются схожими. Планируется увеличить выборку, выделить в ней группу женщин, использовавших вспомогательные репродуктивные технологии, изучить связи между представлениями о развитии ребенка и характеристиками матерей, их привязанностью и отношением к детям. Выводы: Шкала KID является одним из наиболее часто используемых инструментов оценки представления о развитии ребенка младенческого возраста и в нашем предварительном исследовании выявила специфическое распределение данных по общему развитию детей, при этом часть результатов согласуется с предыдущими исследованиями.

1. Савеньшева С. С., Чижова В. Ф. Материнское отношение как фактор психического развития ребенка раннего возраста //Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2013. — №. 3.
2. Филиппова Г.Г. Психология материнства: учеб. пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 240 с.
3. Психологическое консультирование детей и родителей: учебное пособие / под ред. В. О. Аникиной. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. — 336 с.
4. Martini J. et al. Infant, maternal, and familial predictors and correlates of regulatory problems in early infancy: The differential role of infant temperament and maternal anxiety and depression //Early Human Development. — 2017. — Т. 115. — С. 23–31.

Данное исследование проводится в рамках гранта РФФИ № 20-013-00859А.

Реакции на фрустрацию у детей, воспитывающихся в замещающих семьях

Дети, замещающие и биологические семьи, реакция на фрустрацию

Введение. Существует немало исследований, подтверждающих положительное влияние жизни в замещающей семье на показатели развития и поведения детей с опытом депривации. Однако у многих приемных детей фиксируются нарушения в области психического развития, включая трудности установления и поддержания близких отношений с заботящимся взрослым (Nelson, 2014), которые сложно корректируются и могут становиться угрозой для стабильности размещения в семье. Так, частыми причинами для отказа от воспитания детей-сирот в замещающих семьях являются их поведенческие и эмоциональные нарушения, включая агрессию и проявление насилия (Selwyn, 2014). В качестве одной из причин агрессии выступает фрустрация, вызванная возникновением препятствий для удовлетворения потребностей личности (Dollard, 1939), например, в виде необходимости привыкания к правилам жизни в новой семье, отсутствием положительного опыта взаимодействия и др. Целью настоящего исследования является изучение показателей реакций на фрустрацию у здоровых детей и детей с ОВЗ, воспитывающихся в замещающих семьях.

Методы. В исследовании приняли участие приемные дети, воспитывающиеся в замещающих семьях, в количестве 158 человек (78 здоровых, 80 с ОВЗ), а также 125 детей из биологических семей (63 здоровых, 62 с ОВЗ). Исследование проводилось с помощью теста фрустрационных реакций С. Розенцвейга. Анализ данных осуществлялся с использованием двухфакторного ковариационного анализа (MANCOVA) и множественных сравнений по Бонферрони.

Результаты. Анализ данных показал изменения показателей в связи с принадлежностью детей к типу семьи проживания ($F(7, 272)=25.211, p\leq 0.001, \eta^2=0.394$) и особенностями развития ($F(7, 272)=2.090, p=0.045, \eta^2=0.051$). Среднегрупповые значения показателя препятственно-доминантного типа реакции для группы типично развивающихся детей как в замещающих, так и в биологических семьях выше, чем для приемных и биологических детей с ОВЗ ($0.020\leq p\leq 0.067$); среднегрупповые значения импунитивных реакций для группы типично развивающихся детей из замещающих семей ниже, чем для приемных детей с ОВЗ ($p=0.065$); среднегрупповые значения коэффициента групповой конформности для типично развивающихся детей из биологических семей выше, чем для биологических детей с нарушениями развития ($0.048\leq p\leq 0.054$).

Выводы. На основании полученных данных можно заключить, что у приемных детей отмечаются сниженные показатели коэффициента групповой конформности, являющегося индикатором социальной адаптированности; дети с нормой развития,

как в замещающих, так и в биологических семьях, в ситуациях возникновения неудачи склонны фиксироваться на препятствии, по сравнению с детьми с ОВЗ; приемные дети с нарушениями в развитии в затруднительных обстоятельствах склонны демонстрировать реакции импунитивного направления и рассматривать неудачи как нечто незначительное или неизбежное. Результаты проведенного исследования подтверждают представленные в литературе данные о большей выраженности патологической симптоматики у приемных детей по сравнению с детьми из биологических семей; у детей с ОВЗ по сравнению с типично развивающимися детьми. Полученные данные могут использоваться в программах подготовки и сопровождения замещающих родителей с целью повышения качества взаимоотношений и обучения распознаванию ситуаций фрустрации, провоцирующих проявления агрессии у их воспитанников.

1. Dollard, J. Frustration and aggression / J. Dollard, N. E. Miller, L. W. Doob, O. H. Mowrer, R. R. Sears. — New Haven: Yale University Press, 1939.
2. Nelson, Ch. A. Romania's Abandoned Children: Deprivation, Brain Development, and the Struggle for Recovery / Ch. A. Nelson, N. A. Fox, Ch. H. Zeanah. — Cambridge, USA: Harvard University Press, 2014.
3. Selwyn, J. Beyond the Adoption Order: challenges, interventions and adoption disruption: Research report / J. Selwyn, D. Wijedasa, S. Meakings. — UK: University of Bristol, 2014.

Особенности детско-родительских отношений, как социально-психологический фактор, обуславливающий развитие соматоформных расстройств

Детско-родительские отношения, соматоформные расстройства, семья, социально-психологические факторы

Соматоформные расстройства характеризуются частыми жалобами на соматическую симптоматику, которые не подтверждаются объективными данными медицинского обследования и требованием дальнейших дополнительных обследований. Распространенность соматоформных расстройств среди общей популяции составляет около 50% (от 0,5% до 50%) (Великанова Л.П., Шевченко Ю.С., 2005; Hilderink P.H., Collard R., Rosmalen J.G.M., Oude Voshaar R.C., 2012; Haller H., Cramer H., Lauche R., Dobos G., 2015), чем в менее возрастной категории находятся пациенты, тем больше распространенность (Hilderink P.H., Collard R., Rosmalen J.G.M., Oude Voshaar R.C., 2012). Среди пациентов общесоматической практики распространенность соматоформных расстройств колеблется от 10 % до 67% (Великанова Л.П., Шевченко Ю.С., 2005; Малкина-Пых И.Г., 2005).

Сложности в оказании специализированной медицинской помощи пациентам с соматоформными расстройствами возникают из-за их скептически настроенного представления об причинах их заболевания. Это является одной из причин отсутствия эффективного оказания специализированной медицинской помощи. Попытки лечить пациента, страдающего соматоформным расстройством, будут всегда безуспешны, если лечащий врач не выяснит причины возникновения заболевания.

В настоящее время существует множество факторов оказывающих влияние на развитие соматоформных расстройств, различная комбинация которых в каждом отдельном случае может привести к возникновению соматоформного расстройства [1]. Одним из значимых факторов, обуславливающим развитие соматоформных расстройств является детско-родительские отношения.

В представленной многофакторной модели соматизации Холмгородовой А.Б. [2], включающей макросоциальный, семейный, личностный, интерперсональный и симптоматический уровни, показано, что для соматоформных пациентов характерно воспитание в дисфункциональной родительской семье. В таких семьях наблюдается высокий критичность по отношению к детям, отсутствие доверия к другим людям, фиксация на негативных переживаниях и стремлением выглядеть благополучными, а также низкий уровень социальной поддержки.

Среди одних из частых факторов, оказывающих влияние на соматические симптомы в детстве, являются конфликты в родительской семье OR = 1,26, 95% ДИ: 1,05–1,50 [3]. Среди семейных факторов риска развития соматоформных симптомов и соматоформных расстройств являются: соматизация родителей, органическое заболевание близкого человека, психопатология близких членов семьи, неблагополучный семейный климат, травматические переживания в детстве и

небезопасная привязанность [4]. Большинство предполагаемых семейных факторов риска связаны со многими другими психическими расстройствами у детей и поэтому в большинстве своем неспецифичны. Дальнейшие лонгитюдные исследования, в которых учитываются сопутствующие заболевания и другие предполагаемые факторы риска, необходимы для выявления конкретных семейных факторов риска развития соматоформных симптомов и соматоформных расстройств.

Родительская семья и особенности детско-родительских отношений играют важную роль в возникновении и течении соматоформных расстройств. В настоящее время требуется дополнительные исследования для дальнейшего изучения особенностей детско-родительских отношений у пациентов с соматоформными расстройствами с учетом влияния широко спектра факторов: отношения с каждым из родителей, отсутствие братьев или сестер, взаимоотношения между сиблингами, отсутствие одного из родителей, воспитания в полной семье или неполной семье, насилие в семье и т.д.

1. Риф, В. Соматоформные и диссоциативные (конверсионные) расстройства: этиология и анализ условий возникновения // Клиническая психология / Под ред. М. Перре, У. Бауманна. СПб.: Питер, 2002. — С. 1135–1144.
2. Холмогорова, А.Б. Эмоции и психическое здоровье в социальном и семейном контексте (на модели соматоформных расстройств). [Электронный ресурс] / А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гараян, П. Шайб, М. Виршинг // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 1. URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (дата обращения: 12.04.2021).
3. Cerutti, R. A comprehensive approach to understand somatic symptoms and their impact on emotional and psychosocial functioning in children. / R. Cerutti, V. Spensieri, C. Valastro, F. Presaghi, R. Canitano, V. Guidetti // PLoS One. — 2017. — Vol. 12. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5298337/> (дата обращения: 12.04.2021).
4. Schulte, I.E. Familial risk factors for the development of somatoform symptoms and disorders in children and adolescents: a systematic review / I.E. Schulte, F. Petermann // Child Psychiatry Hum Dev. — 2011. — Vol. 42. — P. 569–583.

Стресс и копинг-стратегии у беременных женщин во время пандемии коронавируса

Беременность, пандемия коронавируса, стресс, копинг-стратегии

С марта 2020 года по настоящее время (май 2021) года эпидемиологическая ситуация в связи с пандемией коронавируса остаётся крайне напряженной для всех стран мира. Пандемия COVID-19 оценивается как стрессовая ситуация, способная приводить к дестабилизации психических и физических процессов в организме (Ward, T.C.S.; Kanu, F.A.; Robb, S.W, 2016); затрагивает все без исключения группы населения, особенно уязвимые для стресса (Brooks et al., 2020). К этой группе относятся беременные женщины в связи с происходящими в этот период в организме значительными гормональными и физиологическими изменениями, влияющими на её эмоциональное состояние. Известно, что эмоциональный стресс во время беременности является фактором риска неблагоприятных последствий для матери и ребенка, включая преждевременные роды, низкий вес младенца при рождении, расстройства эмоционального спектра у матери и задержку в развитии у младенца (Field, 2017).

Однако, на данный момент ещё нет достаточного количества исследований, чтобы оценить все возможные физиологические и психологические последствия стресса, связанного с пандемией COVID-19, для беременных.

Цель нашего исследования: изучение переживаний, связанных со стрессом, и копинг-стратегий у беременных женщин в ситуации пандемии COVID-19.

Методики: Шкала личностной тревожности и реактивной тревоги Спилбергера (в адапт. Ханина), Шкала оценки влияния травматического события, методика изучения Способов совладающего поведения Лазаруса (в адапт. Крюковой), анкета, направленная на выявление степени влияния стрессоров, связанных с пандемией. Исследование проводится он-лайн.

Мы представляем некоторые первичные результаты анализа данных 83 беременных женщин. Высокую ситуативную тревогу демонстрируют более 21% беременных женщин, при этом при распределении значимости стрессоров в нашей выборке наибольшую обеспокоенность вызывают изменения в системе здравоохранения в связи с пандемией (46%) женщин, тревожатся по поводу политической ситуации в стране (38,5%) женщины, беспокоятся за здоровье своих близких (31%), по поводу изменения финансовой ситуации в семье (30%), за состояние здоровья своего ребенка (16,8%) женщин и наименьшее количество высказывает беспокойство по поводу собственного здоровья (12%). Признаки высокого риска ПТСР (по Шкале оценки влияния травматического события (Impact of Events Scale-Revised) присутствуют у 10% женщин, среди симптомокомплексов

наиболее выраженным оказался процесс избегания, включающий попытки смягчения или избегания переживаний, связанных с травматическим событием

Выводы

1. Беременные женщины в ситуации пандемии коронавируса испытывают выраженное беспокойство в отношении внешних обстоятельств (изменения в системе здравоохранения, политическая ситуация и финансовая безопасность) и значительно меньшее беспокойство по поводу здоровья как собственного, так и будущего ребенка.

2. Около 10% женщин демонстрируют клинически выраженные признаки ПТСР с наиболее выраженными симптомами отрицания и избегания травмирующей ситуации.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций для оказания комплексной психофизиологической помощи беременным женщинам с целью профилактики нарушений психического здоровья матери и ребёнка.

1. Ward, T.C.S.; Kanu, F.A.; Robb, S.W. Prevalence of stressful life events during pregnancy and its association with postpartum depressive symptoms //Arch. Women's Ment. Health, 2016, P. 161–171.
2. Brooks, S.K., Weston, D., Greenberg, N., Psychological impact of infectious disease outbreaks on pregnant women, 2020
3. Field, T., 2017. Prenatal anxiety effects, 2017, P. 120–128.

Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 20-04-60386.

Особенности эмоционального тона во взаимодействии с близким взрослым у детей с ДЦП в домах ребенка и семьях

Младенцы, ранний возраст, ДЦП, депривация, эмоции на лицах, функциональные способности

Введение. Церебральный паралич — это группа перманентных нарушений развития движений и поддержания позы, которые приводят к ограничениям активности человека. Эти нарушения вызваны непрогрессирующими повреждениями развивающегося мозга плода или младенца и часто сопровождаются нарушениями чувствительности, восприятия, интеллекта, коммуникации, поведения (Rosenbaum, 2007). Важнейшим трендом в исследовании данной области является понимание сочетания нарушений и осложнений, обусловленных повреждениями ЦНС и средовых факторов, связанных с его социально-эмоциональным опытом. Исследование типично развивающихся детей, проживающий в условиях дома ребёнка, в качестве основной детерминанты влияющей на отклонения в развитии и эмоциональные нарушения считают отсутствие полноценного взаимодействия с взрослым (Sparling, 2005, St Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008). В научной литературе практически не представлены работы, посвященные выражению эмоций на лицах детей с ДЦП в раннем возрасте, большинство исследований эмоциональной сферы затрагивают более поздние возрастные периоды (Belmonte, 2019; Rudebeck, 2020; Belmonte — Darraz, 2021) или рассматривают смешанные группы детей с особыми потребностями. Отсутствуют данные сравнительных исследований особенностей проявления эмоций у детей с ДЦП, воспитывающихся в различных условиях сиротского учреждения. Целью данного исследования является изучение особенностей эмоционального тона у детей с ДЦП, воспитывающихся в домах ребёнка традиционного и семейного типа, а так же в биологических семьях. Опираясь на исследования со схожей проблематикой и методическим аппаратом, мы предполагаем, что характеристики и динамика эмоционального тона детей в различных ситуациях взаимодействия с близким взрослым определяются не только фактом наличия нарушения у ребенка, но и качеством его социально-эмоционального окружения (Солодунова, 2015), и изменяются с возрастом детей.

Методы. Выборку исследования составляют дети в возрасте от 0 до 5 лет с диагнозом «детский церебральный паралич» (ДЦП) из домов ребёнка семейного (ДРС, n=30) и традиционного (ДРТ, n=30) типа, и из биологических семей (БС, n=30). Эмоциональный тон у детей определяется по результатам оценки видеозаписей проявления эмоций и поведения в эпизодах взаимодействия ребёнка и близкого взрослого (свободная игра, два последовательных разлучения и воссоединения) с использованием метода «Оценка эмоций матери и ребёнка» (Dyadic Affect Manual; Osofsky, Muhamedrahimov, 1998). Функциональные особенности детей изучаются с помощью «Индекса функциональных способностей» (Мухамедрахимов, Истомина, Пальмов, 2000). Для анализа показателей эмоционального тона использовался

дисперсионный анализ (MANCOVA; независимые факторы — условия проживания, уровень функциональных способностей) с ковариатой в виде возраста детей.

Результаты исследования свидетельствуют о различиях эмоционального тона у детей с нарушениями развития в зависимости от условий проживания (ДРС и ДРТ), которые в большей степени проявлялись у детей с высоким уровнем функциональных способностей ($p < 0.05$). При продолжении сравнительного исследования с подключением результатов детей с ДЦП из биологических семей мы ожидаем большие различия показателей эмоционального тона у детей из ДРТ и БС, по сравнению с различиями у детей из ДРС и БС.

Заключение. Полученные в исследовании данные позволяют представить недостающие в научной литературе данные об эмоциональном развитии детей раннего возраста с ДЦП. Наблюдаемое в России уменьшение числа сиротских учреждений и развитие институтов замещающих семей с предпочтительным приемом типично развивающихся детей приводит к тому, что процент детей с нарушениями, в том числе с ДЦП, проживающих в учреждениях, увеличивается. Данные об особенностях эмоционального реагирования в различных ситуациях взаимодействия с близким взрослым могут расширить понимание эмоциональных потребностей детей с ДЦП и специфику оказания им ранней помощи как в учреждениях, так и в семьях.

1. Мухамедрахимов Р.Ж., Пальмов О.И, Истомина Л.А. Индекс функциональных способностей (Functional Ability Index) / Unpublished manuscript.2000.
2. Солодунова М.Ю., Мухамедрахимов Р.Ж. Развитие эмоций у детей раннего возраста в условиях депривации // Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Под ред. Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2015. 670 с.
3. Osofsky J. D., Muhamedrahimov R. J., Hammer B. A. Dyadic Affect Manual. Unpublished manuscript, 1998.
4. St Petersburg — USA Orphanage Research Team. The Effects of Early Social-Emotional and Relationship Experience on the development of Young Orphanage Children // Monographs of the Society for Research in Child Development. 2008.

Игнатенко Н.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Мухамедрахимов Р.Ж.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Самарина Л.В.
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Институт Раннего Вмешательства

Комиссарчук Е.Д.
Санкт-Петербургский Институт Раннего Вмешательства

Оценка эффективности Денверской модели раннего вмешательства для детей с РАС в российских семьях.

Расстройства аутистического спектра, Денверская модель раннего вмешательства, взаимодействие

Проблема психологического сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) в настоящее время приобретает все большую актуальность. По официальным данным ВОЗ РАС выявляется у 1 из 160 детей. Однако, с нашей точки зрения, это заниженные показатели, поскольку во многих странах, в том числе и в России, статистика по выявлению РАС у детей не ведется.

Хотя причины возникновения РАС до сих пор окончательно не выяснены и продолжают обсуждаться, ранняя диагностика и вмешательство позволяют семье создать условия для удовлетворения потребностей ребенка и его оптимального развития. Одной из признанных программ помощи является Денверская модель раннего вмешательства (Early Start Denver Model, ESDM). Комплексная программа ESDM, предназначенная для детей раннего возраста до 48 месяцев, относится к категории натуралистических поведенческих вмешательств, основанных на данных об этапах развития ребенка (Naturalistic Developmental Behavioral Interventions, NDBI). Программа включает в себя учебный план развития, определяющий навыки, которым ребенку необходимо обучиться по достижению определенного возраста, а также набор учебных процедур. Этот план может быть реализован командой специалистов и/или родителями, в формате групповых или индивидуальных занятий, для вмешательства используется естественная среда. Данная программа направлена на развитие навыков у ребенка при глубоком и всестороннем участии родителей, их межличностном взаимодействии с ребенком, с поддержкой совместной деятельности и проявления положительных эмоций. Эффективность данной программы подтверждена в международных исследованиях [1,2], однако до настоящего времени в России такой работы не проводилось. Целью настоящей работы является изучение эффективности ESDM на российской выборке, в том числе по показателям взаимодействия родителей и детей с РАС.

В исследовании принимают участие 30 семей, имеющих детей с РАС от 1,5 до 4 лет, включенных в 9-месячную программу раннего вмешательства ESDM. Отбор семей осуществлялся путем проведения первичной диагностики с использованием метода оценки аутистических проявлений у детей (ADOS-2). Для изучения

особенностей ребенка и семьи используются метод оценки уровня развития навыков ребенка; опросник опыта семьи, воспитывающего ребенка с РАС (Autism Family Experience Questionnaire); метод оценки взаимодействия родителя и ребенка (Parent Child Early Relational Assessment, PCERA; Clark, 1985). Этот метод представляет собой анализ видеозаписи игрового взаимодействия родителя и ребенка и позволяет оценить характеристики психологического взаимодействия со стороны родителя, ребенка и диады в целом. Для исследования эффективности программы проводится сравнительное изучение психологических особенностей ребенка и семьи до начала раннего вмешательства и после ее окончания. В группу сравнения включены 30 семей с типично развивающимися детьми от 1,5 до 4 лет.

Результатом данной работы будет научная информация об эффективности раннего вмешательства для детей с РАС, воспитывающихся в российских семьях. Полученная научная информация может быть основанием для широкого распространения в России научно обоснованной программы помощи семьям, воспитывающим детей с РАС. Использование программ с доказанной эффективностью позволит семьям формировать оптимальный образовательный маршрут для детей с РАС и получать эффективную раннюю помощь.

1. Dawson G., Rogers S., Munson J., Smith M., Winter J., Greenson J., Donaldson A., Varley J. Randomized, controlled trial of an intervention for toddlers with autism: The early start Denver model // *Pediatrics*. — 2010. — № 1 (125). — С. e17–e23.
2. Rogers SJ, Estes A, Lord C, Munson J, Rocha M, Winter J, Greenson J, Colombi C, Dawson G, Vismara LA, Sugar CA, Helleman G, Whelan F, Talbott M. A multisite randomized controlled two-phase trial of the early start Denver model compared to treatment as usual // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. — 2019. — № 9 (58). — С. 853–865.

Кагарманов Д.И.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Мухамедрахимов Р.Ж.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Сергиенко Е.А.
Москва, ФГБУН ИП РАН

Факторная структура компонентов модели психического у детей, воспитывающихся в семьях биологических родителей

Дети, модель психического, факторная структура

Модель психического (Theory of Mind; ToM), как способность ребенка к восприятию, пониманию и атрибуции психических состояний себя и другого, определяется как внутренняя концептуальная структура, интенсивно развивающаяся в дошкольном возрасте и определяющая процесс социализации [1]. Большинство исследований модели психического проводятся в лабораторных парадигмах, которые характеризуются недостаточной экологической валидностью. Актуальными остаются оценка модели психического при помощи опросников и разработка универсальных внелабораторных методов. Показательно, что данные о ребенке, полученные от взрослых и родителей, показывают высокую надежность в качестве оптимальной меры модели психического [3]. Данная работа направлена на выделение показателей модели психического и структуры их связи у детей по результатам широко используемых в психологии развития методов оценки психического развития, в т. ч. в раннем возрасте.

Выборку составили дети в возрасте до 4-х лет без медицинских и биологических факторов риска нарушения развития, воспитывающиеся в семьях биологических родителей Санкт-Петербурга (n=82). Оценка их развития проводилась по методу BDI (Battelle Developmental Inventory; Newborg et al., 1984). Выделение среди пунктов данной шкалы характеристик, соответствующих показателям модели психического, было экспертно проведено одним из авторов работы (Е.А.С.), и содержало пункты личностно-социального развития детей. Для изучения структуры связи данных показателей был проведен эксплораторный факторный анализ.

В результате анализа была получена трехкомпонентная факторная структура, объясняющая 74,4% дисперсии. Первый фактор составили характеристики социальной активности детей (например, участвует в новых действиях и ситуациях — 0.835; делится идеями с другими детьми и соглашается с их идеями — 0.813). Во второй вошли характеристики общения со сверстниками (например, имитирует в игре других детей — 0.882; инициирует социальные контакты с другими детьми в игре — 0.836). Третий фактор включает характеристики, связанные с привлечением для понимания собственных психических состояний значимого внешнего лица (призывает взрослых обратить внимание на его действия — 0.732; изображает взрослых, героев сказок, мультфильмов и т.д. в игре — 0.716).

Выделенные в данной работе факторы могут быть рассмотрены как компоненты модели психического, связанные с общей социальной активностью,

взаимодействием со сверстниками и значимым другим (взрослым). В исследовательской литературе модель психического чаще всего рассматривают как развивающуюся по нескольким когнитивно-эмоциональным векторам: пять ступеней развития понимания в онтогенезе [4]; когнитивные и аффективные репрезентации [2]; понимание обмана, эмоций, ментального и физического мира [1]. Специфика предложенной нами трехкомпонентной факторной структуры представляет собой рассмотрение ТоМ не как отдельных уровней понимания ментального, а как системы понимания психических состояний в социальном взаимодействии со взрослыми и детьми.

1. Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека // М.: Изд-во «Институт психологии РАН». — 2009. — 415 с.
2. Kalbe, E., Schlegel, M., Sack, A. T., Nowak, D. A., Dafotakis, M., Bangard, C., ... & Kessler, J. (2010). Dissociating cognitive from affective theory of mind: a TMS study. *cortex*, 46(6), 769–780.
3. Tahiroglu, D., Moses, L. J., Carlson, S. M., Mahy, C. E., Olofson, E. L., & Sabbagh, M. A. (2014). The Children's Social Understanding Scale: Construction and validation of a parent-report measure for assessing individual differences in children's theories of mind. *Developmental psychology*, 50(11), 2485.
4. Wellman, H. M., & Liu, D. (2004). Scaling of theory-of-mind tasks. *Child development*, 75(2), 523–541.

Казаева Е.А.

Екатеринбург, ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Абакумова Е.А.

Екатеринбург, ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Шабардина О.Г.

Салехард, МАОУ «Обдорская гимназия»

Социализации детей с РАС с использованием метода АВА-терапии

Социализация; АВА-терапия; расстройство аутистического спектра.

На современном этапе развития психологии и дефектологии, все больше внимания уделяется вопросу об изучении социализации и формирования личности в условиях дизонтогенеза (нарушения в развитии). Следовательно, изучение процесса социализации в условиях дизонтогенеза приобретает особое значение. Для ребенка с расстройством аутистического спектра, исходя из анализа теоретических и практико-ориентированных научных трудов, социализация является сложным и комплексным процессом.

В качестве основного метода коррекционной работы с детьми РАС в рамках нашего исследования был выбран метод АВА-терапии (поведенческая терапия или метод прикладного анализа поведения АВА (Applied behavior analysis)). АВА-терапия — это интенсивная обучающая программа, которая основывается на поведенческих технологиях и методах обучения. АВА как научная дисциплина изучает влияние факторов в окружающей среде на поведение и манипулирует этими факторами, чтобы изменить поведение человека. Конечная цель АВА — дать ребенку средства осваивать окружающий мир самостоятельно [2].

В рамках исследования были использованы следующие методики: Анкетирование для родителей «Социализация ребенка»; Шкалы адаптивного поведения Вайнленд; «Сделаем вместе» Р.Р. Калининой. Результатом констатирующего эксперимента является создание индивидуального профиля социального развития ребенка по результатам длительного наблюдения (модифицированная методика Г.Б. Степановой, Е.Н. Денисовой, Е.Г. Юдиной). В исследовании приняли участие 5 испытуемых в возрасте от 2,5 лет до 4 лет (2 ребенка раннего возраста, 3 ребенка дошкольного возраста с расстройством аутистического спектра), мальчики, что статистически сопоставимо с данными по гендерному распределению детей с аутизмом, приводимыми в научной литературе [1]. На момент исследования других диагнозов у испытуемых выявлено не было. Для оценки состояния высших психических функций, навыков функционирования, психологической оценки детей использовались также методы наблюдения, клинической беседы, оценка продуктов деятельности и т.д. Для объективности полученной информации также были использованы данные, полученные от различных специалистов: учителя-логопеда, воспитателя, учителя-дефектолога, родителей, тьютора. Также были использованы данные медицинской документации.

В рамках проведенного исследования было установлено, что начальный уровень социализации детей с РАС является недостаточным. В качестве критериев, определяющих готовность к коррекционной работе, были использованы следующие показатели: степень выраженности нарушений аутистического спектра; степень развития навыков взаимодействия и коммуницирования. Показатели динамики по данным критериям являются основой для разработки индивидуального образовательного маршрута. Модель воспитания и обучения детей с РАС, разработанная и реализованная в рамках исследования, является комплексной системой, позволяющей обеспечить адаптивность образовательных целей и задач к уровню и особенностям психофизического и личностного развития ребёнка с РАС. Обучение в рамках АВА-терапии направлено на формирование навыков для наиболее активного взаимодействия с окружающим миром и людьми. Проведенное исследование является перспективным и позволяет продолжить работу в следующих направлениях: разработка специализированных методов, технологий и форм социализации детей с РАС; разработка содержания психолого-педагогической коррекционной работы для разных групп детей с РАС.

1. Казаева, Е. А., Токарева, Ю. А., Саваникова, Н. С. Особенности психолого-педагогического сопровождения родителей в условиях инклюзивного образования // Стратегические ориентиры современного образования: сборник научных статей. 2020. С. 203–208.
2. Шрамм, Р. Детский аутизм и АВА: АВА (Applied Behavior Analysis): терапия, основанная на методах прикладного анализа поведения. — Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2014. — 208 с.

Особенности эмоционального состояния и социально-психологической адаптации женщин, воспитывающих недоношенного ребенка

Эмоциональное реагирование, фрустрационная толерантность, психологические защиты, стратегии поведения, родительские установки и психо- социальная адаптация женщин, воспитывающих недоношенного ребенка.

Введение. По данным различных литературных источников, нарушение эмоционального состояния переживают от 30 до 50% женщин в период беременности и родов, которое может переходить даже в стрессовое расстройство, если имеются осложнения в родах или у новорожденного выявляются те или иные проблемы со здоровьем, особенно рождение недоношенного или маловесного ребенка [Баранов А.А., Махмутова Р.К., Шрейбер Т.В., 2018; Мухамедрахимов Р.Ж., 2003].

Нормальное неосложненное родоразрешение женщины продолжает оставаться актуальной проблемой современного акушерства и клинической перинатальной психологии [Махмутова Р. К., Шрейбер Т. В., 2017; Еремина Ю. А., 2017]. Психологический подход к проблеме профилактики угрозы невынашивания ребенка и высокая значимость психо-эмоционального состояния женщины для благополучного психического развития недоношенного ребенка — актуален и практически значим.

Цель нашего исследования: выявить особенности эмоционального состояния и социально-психологической адаптации женщин, воспитывающих недоношенного ребенка. Психологическая программа коррекции эмоционального состояния женщин, и их психологической адаптации при воспитании недоношенного ребенка, была направлена на формирование адаптивных копинг-стратегий и формирование гармоничной модели материнства [Ранк О., 2009].

Обследовано 20 женщин-матерей в 2-х группах сравнения. 1 группа сравнения: женщины в возрасте $29 \pm 2,5$ лет, воспитывающие недоношенного ребенка (масса при рождении — 1500 ± 500 г) в периоде младенчества, с диагнозом «Перинатальная энцефалопатия, острый период» (G-93 по МКБ-10). 2 группа — 10 женщин-матерей в возрасте $30 \pm 1,7$ лет, воспитывающие нормально рожденного ребенка (масса при рождении — 2500 ± 900 г) в периоде младенчества, с аналогичным диагнозом.

Методы исследования. Проводились клинико-психологическое интервью, клиническая беседа и наблюдение. Психодиагностические методы исследования: «Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд» (1978); «16 факторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла»; «Методика PARI. Тест-опросник изучения родительских установок, Шефер Е.С. и Белл Р.К.»; опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой, 2004); метод рисуночных ассоциаций С.Розенцвейга (в модификации Н.В. Тарабриной, 1973).

Результаты исследования. У матерей, воспитывающих недоношенного ребенка отмечены: достоверно более высокая эмоциональная чувствительность ($p \leq 0,05$), что

определяет тоже их эмоциональную неустойчивость; преобладает интрапунитивный (ΣI), необходимо-упорствующий (ΣNP) тип эмоционального реагирования в ситуации фрустрации, с высоким значением самообвинительных реакций (i) низкой фрустрационной толерантностью, низкой групповой адаптацией ($p0,05$), что достоверно снижает социально-психологическую адаптацию матерей, воспитывающих недоношенного ребенка; независимо от группы сравнения преобладают копинг-стратегии «бегство-избегание» ($p0,005$), что обуславливает пассивность, стремление уйти от активных межличностных контактов и решения проблемы; отмечается достоверное снижение показателей жизнестойкости и социально-психологической адаптации по психологическим параметрам: высокая дезадаптация, высокий эмоциональный дискомфорт, высокое самопрятие, высокое прятие других; формируются негармоничные стили родительского взаимодействия, как «опасение обидеть» ($p\leq 0,005$) и «чрезмерная забота» ($p\leq 0,005$), чем у матерей, воспитывающих детей с нормальной массой тела при рождении. Программа психологической коррекции «Семейное благополучие — здоровье детей» направлена на стабилизацию эмоционального состояния матери, осознания основ детско-родительских отношений, формирования адаптивных копинг-стратегий и повышения психологической адаптации.

1. Баранов, А.А. Материнско-детское эмоциональное взаимодействие как фактор формирования психосоматических расстройств у детей раннего возраста // Вестник Марийского государственного университета. — 2018. — №1. — С. 128–134;
2. Еремينا Ю. А. Ранний материнский копинг и его взаимосвязь с психосоциальным развитием ребенка в возрасте от одного года до трех лет // Ped. Rev. 2017. №2 (16).- с.37–47.
3. Мухамедрахимов, Р.Ж. Мать и младенец: Психологическое взаимодействие. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. — 288 с.
4. Махмутова Р. К., Шрейбер Т. В. Эмоциональное благополучие женщин в связи с особенностями их самоактуализации // Развитие ребенка в семье. Серия: Семья и дети в современном мире. СПб.: Социально-гуманитарное знание, 2017. С. 45–52.
5. Ранк О. Травма рождения и ее значение для психоанализа / Пер. с нем.— М.: «Когито-Центр», 2009.— 239 с.

Эмоциональное выгорание матерей детей младенческого и раннего детского возраста

Синдром эмоционального выгорания, родительство, материнство, родительское эмоциональное выгорание

Большинство исследований эмоционального выгорания связаны с профессиональной идентичностью, однако, в последнее время увеличивается количество публикаций, в которых данный феномен переосмысливается в контексте материнской идентичности [1, 2]. Интерес к проявлениям эмоционального выгорания матерей оправдан, так как психоэмоциональные нарушения у женщин серьезная угроза здоровью как матери, так и ребенка.

Синдром родительского выгорания (И. Н. Ефимова, 2013) — это многомерный феномен, который включает негативные эмоциональные переживания и дезадаптивное поведение матери и отца, составляющие основу родительско-детского взаимодействия. Проявления эмоционального выгорания: аффективные (раздражительность, неуравновешенность, эмоциональная усталость, появление страхов), когнитивные (ухудшение концентрации внимания и памяти, снижение работоспособности), физические (усталость, неспособность расслабиться, общее физическое недомогание) и поведенческие симптомы (конфликтность, проявление агрессии в адрес ребенка, членов семьи).

Цель настоящего исследования: разработать и научно обосновать модель оказания амбулаторной психологической помощи женщинам с синдромом эмоционального выгорания. Одной из задач исследовательского этапа выступает: выявить проявление эмоционального выгорания у матерей, воспитывающих детей младенческого и раннего детского возраста, результаты, которой и будут представлены в данной работе.

Методика исследования: «Родительское выгорание» (И. Н. Ефимова) [1].

Выборку исследования составило 84 матери (из них 31 женщина, воспитывающая детей младенческого возраста (группа 1) и 53 женщины, воспитывающих детей раннего детского возраста (группа 2).

Результаты данного этапа исследования можно резюмировать в следующих выводах:

1. Проявления эмоционального выгорания матерей в группе 1: редукция родительских достижений ($39,0 \pm 5,5$), что соответствует низкому уровню, эмоциональное истощение ($16,2 \pm 7,4$) — средний уровень, деперсонализация ($3,8 \pm 2,8$) — низкий уровень; проявления эмоционального выгорания у матерей в группе 2: редукция родительских достижений ($35,6 \pm 7,0$) — низкий уровень, эмоциональное истощение ($17,0 \pm 9,1$) — средний уровень, деперсонализация ($5,0 \pm 4,1$) — низкий уровень. Тенденция к проявлению эмоционального истощения отражает уменьшение внутреннего эмоционального контейнера матерей. Эмоциональное перенапряжение и истощение матерей во взаимодействии с ребенком может сопровождаться отсутствием интереса к естественным проявлениям

ребенка, а также проявлениями эмоциональной лабильности у матерей, раздражительностью в ответ на эмоциональные реакции и требования ребенка.

2. Различия в проявлении эмоционального выгорания в группах матерей, воспитывающих детей младенческого и раннего детского возраста, выявлены в проявлении редукции родительских достижений. Редукция родительских достижений преобладает у матерей из группы 1 ($p \leq 0,01$). Матери детей младенческого возраста чаще усложняют свои действия, связанные с уходом за ребенком. Низкий уровень проявления редукции родительских достижений, как в группе 1 матерей, так и в группе 2, свидетельствует о том, что мамы не склонны опрощать свои действия по уходу за ребенком, а наоборот, с большой внутренней требовательностью относятся к выполнению своих родительских обязанностей.

1. Ефимова, И. Н. Возможности исследования родительского «выгорания» / И. Н. Ефимова // Вестник МГОУ — Серия «Психологические науки». — 2013. — № 4 — С. 31–39.
2. Ефимова, И. Н. Личностные характеристики и особенности эмоциональных и поведенческих проявлений родителей в связи со степенью их эмоционального выгорания / И. Н. Ефимова // Российский научный журнал. — 2013. — № 4 (35). — С. 206–215.

Сравнительное изучение эмоциональных переживаний, родительских установок и отношения к семейной роли матерей детей с РАС, с ДЦП и с типичным развитием

Матери детей с РАС, матери детей с ДЦП, родительский стресс

Увеличение количества детей с расстройствами аутистического спектра (РАС), приводит к необходимости создания научно обоснованных программ помощи их семьям. Результаты исследований показали, что наличие у ребенка нарушений в развитии является стрессовым фактором для всей семьи и приводит к перестройке прежнего уклада жизни, внутрисемейных отношений и оказывает негативное влияние на психологическое состояние родителей (Шабанова, 2013; Mitchell et al., 2010); авторы находят, что самый высокий уровень стресса демонстрируют именно родители детей с РАС (Dabrowska et al., 2010; Zheng et al., 2019). Это объясняется как неопределенностью в постановке диагноза и характером самого нарушения, так и отсутствием единой системы помощи семьям детей с РАС.

Наше исследование посвящено изучению эмоциональных переживаний, родительских установок и отношения к семейной роли матерей детей с РАС в сравнении с матерями детей с ДЦП и с типичным развитием. Участники — 41 мать. Методики: Индекс родительского стресса (PSI-4, Abidin, 2012), Шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера (Прохорова, 2004), Шкала депрессии А. Бека (BDI-II, Балашова, 1987), Опросник родительских установок PARI (Карелин, 2007), Личностный дифференциал (Фетискин и др., 2002).

Результаты. Матери детей с РАС, как и матери детей с ДЦП, имеют высокий уровень родительского стресса, тревожности и депрессивных переживаний по сравнению с матерями типично развивающихся детей. Матери детей с РАС оценивают своих детей как менее привлекательных и активных в отличие от матерей детей с ДЦП и типично развивающихся детей, а также как более несамостоятельных в отличие от последних. Они более ориентированы на излишнюю строгость в воспитании и в меньшей степени на чрезмерную заботу о ребенке, а также менее удовлетворены ролью хозяйки по сравнению с матерями типично развивающихся детей. Они более склонны побуждать ребенка к вербализации, по сравнению с матерями детей с ДЦП ($p,05$ для всех показателей). Результаты корреляционного анализа показали, что чем выше уровень стресса, тревожности и депрессивных переживаний у матерей детей с РАС, тем у них больше строгости в воспитании, они больше поощряют высказывание ребенком собственного мнения и меньше подавляют его волю, и тем больше у них неудовлетворенность ролью домохозяйки. Мы предполагаем, что регуляция поведения ребенка с РАС, которое характеризуется навязчивостью, стереотипностью и непредсказуемостью, требует введения в жизнь семьи четких правил, сочетающих определенную строгость и умение договариваться с ребенком, учитывая его желания и потребности; т.е. приводит к выработке определенных стратегий совладания. Матери детей с ДЦП при наличии высокого

уровня родительского стресса, тревожности и депрессивных переживаний склонны устанавливать партнерские отношения с ребенком, позитивно оценивают своих детей и менее раздражительны.

Выводы. Матери детей с РАС и детей с ДЦП по-разному справляются со стрессом, связанным с наличием нарушения у ребенка, что может быть обусловлено различиями в характере этих нарушений, и формируют разные стратегии совладания с этой травмирующей ситуацией.

1. Шабанова Е.В. Особенности системы детско-родительских и супружеских отношений в семьях, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2013. №3. С. 80–86.
2. Dabrowska A., Pisula E. Parenting stress and coping styles in mothers and fathers of pre-school children with autism and Down syndrome // Journal of Intellectual Disability Research. 2010. Vol. 54. P. 266–280.
3. Mitchell D., Hauser-Cram P. Early childhood predictors of mothers and father's relationships with adolescents with developmental disabilities // Journal of Intellectual Disability Research, 2010. Vol. 54(6).
4. Zheng L., Grove R., Eapen V. Predictors of maternal stress in pre- school and school-aged children with autism //Journal of Intellectual & Developmental Disability. 2019. Т. 44. Vol. 2. P. 202–211.

Раннее развитие недоношенных детей с экстремально-низкой массой тела при рождении с позиции биопсихосоциальной модели здоровья

Недоношенные дети, ранний возраст, психическое развитие, Международная классификация функционирования, жизнедеятельности и здоровья (МКФ), матери недоношенных детей, детско-родительское взаимодействие, эмоциональные состояния, экстремально-низкая масса те

Несмотря на то, что развитие недоношенных детей раннего возраста в связи с биологическими факторами (масса тела при рождении, пол, срок гестации) достаточно часто становилось предметом исследования, полученные данные неоднородны [1,2]. В литературе имеется недостаточное количество данных о связи таких факторов как внутриутробная гипотрофия, и постнатальная задержка физического развития на показатели психомоторного развития у недоношенных детей в раннем возрасте [3]. Имеющиеся данные направлены на отсроченную оценку качества жизни детей, рождённых раньше срока, или же оценку исходов, ориентированную на диагноз (расстройство аутистического спектра, проблемы социализации и др.) [3]. Сегодня одним из наиболее широко используемых экспертных методов психодиагностики нейрокогнитивного развития является методика Бэйли — 3 (The Bayley Scales of Infant and Toddler Development—Third Edition (Bayley-III), Bayley N.; 2006). Оценивая универсальность использования Bayley-III, стоит отметить, что данная методика применима для детей с атипичным онтогенезом, но на данный момент инструмент пока ещё не прошёл процедуру стандартизации на российской выборке детей, в том числе недоношенных, что требует введения дополнительных диагностических шкал для повышения надежности его использования.

Наряду с рассмотрением биологических факторов в подходе к решению проблемы восстановления течения нормального развития важным является изучение вопросов детско-родительского взаимодействия, изучение влияния эмоционального состояния матерей, уровня переживаемого ими стресса, депрессии и тревоги на последующее функционирование их глубоко недоношенных детей [4]. Вместе с тем в литературе недостаточно дифференцированы представлены области раннего развития детей, родившихся раньше срока в связи с особенностями эмоционального состояния их матерей. Лишь единичные работы представляют данные комплексной оценки биологических, психологических и социальных факторов развития на амбулаторном этапе помощи детям младенческого и раннего возраста с ЭНМТ при рождении, реализуемые на основании Международной классификации функционирования (International Classification of Functioning, Disability and Health), что обуславливает актуальность исследования раннего психического развития недоношенных детей с ЭНМТ при рождении с позиции биопсихосоциальной модели [5].

В исследовании примут участие недоношенные дети, рождённые в период с 22-й по 37-ю неделю беременности с массой тела ≥ 500 грамм при рождении в возрасте от 6 месяцев до 3-х лет без внутрижелудочковых кровоизлияний выраженной степени и без кистозных форм перивентрикулярной лейкомаляции. Предполагаемый объём выборки >50 детей с ЭНМТ при рождении. Оценка психомоторного функционирования недоношенных детей раннего возраста будет проводиться при помощи методик: Бэйли — 3 (The Bayley Scales of Infant and Toddler Development—Third Edition (Bayley-III), Bayley N.; 2006); "Ages and Stages Questionnaires" (Squires J. et al., 2009); Для оценки эмоционального состояния матерей недоношенных детей раннего возраста: «Шкала депрессии Бэка» (Beck, Steer, & Brown, 1996); Шкала тревоги Спилбергера — Ханина (Spielberger, C.D. et al., 1983); Гейдельбергская шкала стресса (The Heidelberg Stress Scale, Stasch, 2006); Шкалы опросника Т. Ахенбаха для взрослых (18–59 лет); PSI-K-36 — индекс родительского стресса/ краткая версия (Parenting Stress Index/Short Form) (Abidin RR., 1995). Для оценки поведенческих стратегий взаимодействия ребенка и матери будет использоваться методика «Мюнхенская шкала интеракционной диагностики» (Parousek, 1996).

Предполагается, что новые экспериментальные данные об особенностях раннего психического развития недоношенных детей с ЭНМТ при рождении, а также о качестве их детско-родительских взаимоотношений в связи с характеристиками эмоционального состояния их матерей, найдут своё широкое применение в развитии практики сопровождения детей, рождённых крайне преждевременно.

1. Breeman L.D., Jaekel J., Baumann N., Bartmann P., Wolke D. Attention problems in very preterm children from childhood to adulthood: the Bavarian Longitudinal Study, *The journal of child psychology and psychiatry*, Vol. 57(2), P. 132–140. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcpp.12456>
2. Caravale B., Tozzi C., Albino G., Vicari S. Cognitive development in low risk preterm infants at 3–4 years of life // *Archives of Disease in Childhood — Fetal & Neonatal Edition*, 2005. Vol. 90 (6), P. F474-F479
3. Korzeniewski S.J., Allred E.N., Joseph R.M., Heeren T., Kuban K.C.K., O’Shea T.M., Leviton A. Neurodevelopment at Age 10 Years of Children Born 28 Weeks With Fetal Growth Restriction. *Pediatrics*.2017; 140(5):0697.e.1–0697.e.16. <https://doi.org/10.1542/peds.2017-0697>.
4. Андрущенко Н.В., Мухамедрахимов Р.Ж., Крюков Е.Ю., Иова А.С., Аринщина И.А., Аникина В.О., Потешкина О.В., Солодунова М.Ю., Черного Д.И. Особенности эмоционального состояния матерей в аспекте их раннего взаимодействия с недоношенными детьми. *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*. 2019;119(5):148–153. <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119051148>
5. Squarza C, Picciolini O, Gardon L, Gianni ML, Murru A, Gangi S, Cortinovis I, Milani S and Mosca F (2016) Learning Disabilities in Extremely Low Birth Weight Children and Neurodevelopmental Profiles at Preschool Age. *Front. Psychol.* 7:998. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00998

Наследов А.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Мирошников С.А.
Санкт-Петербург, ООО "Лонгитюд"

Ткачева Л.О.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Разработка шкал для психодиагностики риска РАС у детей 3–4 лет

Скрининг; маркеры психического развития; РАС; конструирование шкал; дети 3-4 лет

Расстройство аутистического спектра (РАС) является серьезной социально-биологической проблемой в связи с его широкой распространенностью и негативными исходами. Используя психометрический подход, мы разрабатываем короткую шкалу для дифференциации 3–4-летних детей, подверженных риску развития РАС.

Исследование проводилось в форме онлайн-опроса специалистов, работающих с детьми, на основе специально разработанного опросника аутизма, состоящего из 85 заданий, с несколькими вариантами ответов на каждое задание. Таким образом, каждый ребенок оценивался по 434 пунктам с использованием дихотомической шкалы (0 — нет, 1 — да). Сбор данных осуществлялся 17 специалистами, занимающимися психолого-педагогическим сопровождением детей в различных дошкольных образовательных учреждениях и консультативных центрах. Принадлежность ребенка к группе условной нормы (Норма), задержки психического развития (ЗПР) или РАС была определена специалистами до начала обследования. Всего было обследовано 324 ребенка в возрасте от 3 до 4 полных лет, из них 116 детей с РАС, 131 ребенок группы Норма и 77 детей с ЗПР. Для 409 из 434 пунктов, ответы на одну из двух альтернатив (0 — нет, 1 — да) составляли не более 95% для выборки РАС, был многократно циклически применен факторный (ФА) и дискриминантный (ДА) анализ. Эта процедура была направлена на выявление факторной структуры со следующими характеристиками: а) факторы обеспечивают высокую точность идентификации группы РАС; б) каждая переменная имеет факторную нагрузку не ниже $|0,40|$, причем только на один фактор; в) каждый фактор образует достаточно надежную шкалу (альфа Кронбаха $> 0,80$); г) каждый фактор имеет четкую содержательную интерпретацию (Наследов, и др., 2019; Nasledov, et al. 2021). В результате была получена 4-факторная структура из 40 пунктов (в порядке убывания вклада в разделение групп РАС — не РАС): 1) "Эмоции" (11 пунктов), как ограничения в способностях ребенка выражать и распознавать эмоции; 2) «Сенсорные нарушения» (10 пунктов), особенности поведения, связанные с сенсорной дезинтеграцией; 3) "Коммуникация" (9 пунктов), нарушения общения и социальных навыков ребенка; 4) "Гиперактивность" (10 пунктов), чрезмерные движения, двигательная расторможенность и беспокойное поведение. Чувствительность шкал (точность выделения группы РАС) составила 86,2%, а специфичность (точность выделения группы «не РАС») — 89,9%. Проведена кросс-

валидизация шкал с использованием ДА: модель предсказания для 3-леток проверялась на 4-летках (точность 88,4%), и наоборот (точность 88,4%); модель предсказания для мальчиков проверялась на девочках (точность 91,8%), и наоборот (точность 83,8%). Корреляции шкал в группе РАС слабые, от 0,064 до 0,298, индивидуальная изменчивость по ним асинхронна: возможны частые случаи выраженности РАС только по одной-двум шкалам.

С использованием 2-этапного кластерного анализа были выделены 3 кластера РАС: 1) «Типичное РАС» (51,7%) — ярко выраженные сенсорные, эмоциональные и коммуникативные нарушения; 2) «Гиперактивное РАС» (20,7%) — меньше, чем в предыдущем, сенсорных нарушений, но ярко выраженная гиперактивность; 3) «Нечеткое РАС» (27,6%) — близкое по профилю шкал к группе ЗПР, отличаясь от нее более выраженными сенсорными нарушениями. Анализ ошибок предсказания принадлежности к группам показал, что почти все ошибки (33 из 37, или 89,1%) относятся к различению групп ЗПР (48,6%) и «Нечеткое РАС» (40,5%), и в основном — это мальчики (28 из 33, или 84,85%). Таким образом, дальнейшее совершенствование шкал для диагностики риска РАС связано с дополнением шкалы заданиями, направленными на различение групп РАС и ЗПР.

1. Наследов А., Мирошников С., Ткачева Л. Психодиагностика риска задержки психического развития детей дошкольного возраста. Монография — М.: Мир науки, 2019.
2. Nasledov, A.; Miroshnikov, S.; Tkacheva, L.; Miroshnik, K.; Uld Semeta, M. Application of psychometric approach for ASD evaluation in Russian 3–4-year-olds. Mathematics 2021 (In Press).

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00312.

Изучение отношения к беременности и к будущему ребенку у женщин, использовавших вспомогательные репродуктивные технологии

Бесплодие, вспомогательные репродуктивные технологии, беременность ЭКО

Актуальность исследований, посвященных психологическим проблемам беременных женщин, зачавших ребенка с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), связана с увеличением количества бесплодных пар и, соответственно, ростом потребности в эффективных методах лечения бесплодия. Обзор литературных источников показывает, что эффективность ВРТ зависит не только от развития медицинских технологий, физиологической возможности организма матери выносить и родить здорового ребенка [1], но и от ее психологического состояния [4], психологические и медицинские факторы взаимно влияют друг на друга. В работах последних лет показано, что женщины, в течении иногда довольно длительного времени имевшие проблему бесплодия, претерпевшие различные методы его лечения и процедуру ВРТ, характеризуются целым рядом особенностей при наступлении долгожданной, так дорого доставшейся им беременности. Авторы находят, что бесплодие и его длительное лечение отрицательно влияют на эмоциональное состояние женщины, у них наблюдаются невротические, депрессивные, ипохондрические, диссоциативные, адаптационные расстройства, а также тревожные и самообвинительные переживания [3, 4]; показатели настроения, самочувствия и активности у них ниже, чем у беременных женщин, зачавших естественным путем. Во время процедуры ЭКО большая часть пациенток клиник репродукции демонстрируют признаки дистресса, что снижает качество жизни женщин и может влиять на эффективность лечения и стать причиной прекращения лечения [4, 5]. В исследованиях также показано, что течение беременности у женщины очень тесно связано с такими психологическими факторами как опыт взаимодействия со своей матерью в детстве, готовность к материнству, отношения в ее собственной семье и отношение к своему будущему ребенку [2]. Однако такие исследования у женщин с ВРТ малочисленны. Это и определило направленность нашего исследования.

Целью настоящего исследования является изучение взаимосвязей отношений с родителями и к будущему ребенку у беременных женщин, использовавших вспомогательные репродуктивные технологии. Методы исследования: семантический дифференциал с понятиями «Мой ребенок» и «Я как мать» (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002); рисунок «Я и мой ребенок» (Филиппова, 2002); тест отношений беременной (Добряков, 2010); шкала оценки пренатальной привязанности (Condon, 2015); биографический опросник (Чикер, 2002); анкеты с медицинской и социально-демографической информацией. Мы предполагаем, что существуют различия в отношениях с родителями и к будущему ребенку у беременных женщин, зачавших естественным путем и использовавших ВРТ и что

отношения с родителями у женщин взаимосвязаны с их отношением к будущему ребенку.

1. Иакашвили С.Н., Самчук П.М. Особенности течение и исход одноплодной беременности, наступившей после экстракорпорального оплодотворения и переноса эмбриона, в зависимости от фактора бесплодия // Эл. научн. ж. Современные проблемы науки и образования. 2017. № 3. 8 с.
2. Котова А. В. Исследование стиля переживания беременности у женщин с разным опытом отношений со своей матерью в детстве // Сборник материалов Всероссийской юбилейной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии. Москва, 2013. С. 25–26.
3. Петрова Н. Н., Подольхов Е.Н., Гзгзян А.М., Ниаури Д.А. Психические расстройства и личностно-психологические особенности у женщин с бесплодием при лечении ЭКО // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 2013. №2. С. 42–49.
4. Рябова М. Г. Психологические особенности женщин при лечении бесплодия методом экстракорпорального оплодотворения // Вестник Тамбовского государственного университета. 2014. Т. 19. Вып. 1. С. 121–123.
5. Соловьева Е. В. Выявление факторов риска психоэмоциональных нарушений у пациенток в программах ВРТ // Материалы XXX Ежегодной международной конференции РАРЧ: «Репродуктивные технологии сегодня и завтра». Москва, 2020. С. 145–146.

Данное исследование проводится в рамках гранта РФФИ № 20-013-00859А.

Потребности и ожидания родителей детей раннего и дошкольного возраста с нарушениями развития в программах помощи ребенку и семье

Потребности родителей, ожидания родителей, семейно-центрированный подход, нарушенное развитие

Обращение к потребностям и ожиданиям родителей представляется крайне важным в процессе построения и реализации программы помощи, что находит свое отражение в теоретических положениях семейно-центрированного подхода (Bailey et al., 1986; Kokorelias et al., 2019). Это необходимо, с одной стороны, для разработки индивидуального плана обслуживания семьи, который является основным регулирующим проведение программы документом, а с другой, — для построения партнерства с родителями, понимания, как они переживают опыт воспитания ребенка с особыми потребностями (Мухамедрахимов, 2003; Bailey et al., 1986; Hanson, 2013).

Данное исследование было направлено на изучение потребностей и ожиданий родителей (58 респондентов), воспитывающих детей с нарушениями развития, в семейно-центрированных и медицинских реабилитационных программах помощи, а также их связи с различными социально-демографическими характеристиками детей и родителей и с опытом сопровождения в программе.

Методы исследования: социально-демографическая анкета; опросник потребностей и ожиданий родителей, посещающих программы помощи ребенку и семье, разработанный на основе опросника потребностей семьи Bailey и Simeonsson.

По результатам исследования было обнаружено, что в наибольшей степени родители испытывают потребности в таких областях, как общая информация и взаимодействие с ребенком. Детальный анализ продемонстрировал, что наиболее высказываемыми потребностями родителей являются: умение привлекать ребенка к повседневным делам/рутинам; информация о сервисах/услугах после прекращения данной программы; информация об особенностях развития ребенка; оценка динамики развития ребенка и обратная связь от специалиста; понимание потребностей ребенка, его коммуникативного поведения. Родители склонны в меньшей степени испытывать потребности в психологической помощи и совместных консультациях с другими членами семьи.

Данных по изучению ожиданий родителей от программ помощи и специалистов недостаточно. В исследовании было обнаружено, что родители в наибольшей степени высказывают ожидания в том, что программа поможет им лучше понимать особенности и потребности ребенка, научиться использовать игры/упражнения для развития ребенка в повседневной жизни в домашней среде, а специалист проявит отзывчивость и теплоту и будет проводить оценку развития ребенка по поставленным целям программы.

При этом, потребности родителей не зависят от типа посещаемой программы помощи, но ожидания сопряжены с получаемым родителями опытом: в сравнении с

семьями, которые сопровождаются в семейно-центрированных программах, родители, посещающие медицинские программы, в большей степени ожидают, что специалист в программе помощи будет занимать авторитарную позицию, а встречи/занятия будут проводиться только в центре и не ожидают, что им может быть оказана психологическая поддержка

Высказываемые потребности и ожидания родителей не связаны с их уровнем образования, семейным положением и полом ребенка, но коррелируют с трудоустройством, уровнем дохода, диагнозом и возрастом ребенка, наличием других детей в семье, продолжительностью сопровождения в данной программе помощи и историей обращения в другие программы.

1. Мухамедрахимов Р.Ж. (2003). Мать и младенец: психологическое взаимодействие. СПб.: Речь. 287 с;
2. Bailey, D. B., Simeonsson, R. J., Winton, P. J., Huntington, G. S., Comfort, M., Isbell, P., Helm, J. M. (1986). Family-focused intervention: A functional model for planning, implementing, and evaluating individualized family services in early intervention. *Journal of Early Intervention*, 10(2), 156–171;
3. Hanson M.J. (2013). Communicating and collaborating with families. In M.J. Hanson, & E.W. Lynch (Eds). *Understanding families: Approaches to diversity, disability, and risk*. Paul H Brookes Publishing;
4. Kokorelias, K. M., Gignac, M., Naglie, G., & Cameron, J. I. (2019). Towards a universal model of family centered care: a scoping review. *BMC health services research*, 19(1), 564.

Особенности отношений родителей к детям с РАС

Расстройства аутистического спектра, социальное взаимодействие, поведение родителей, принятие ребенка, ресурсы развития

Одним из основных симптомов детей с РАС является нарушение социального взаимодействия. Помощь в развитии социального взаимодействия предполагает основополагающую роль родителей. В то же время особенности ребенка, в частности, его отстраненность, трудности вступления в контакт, понимания его проявлений, интерпретации обратной связи и т.д. создают препятствия для адекватного взаимодействия родителей с детьми с РАС. В результате родители непроизвольно начинают избегать контактов с ребенком, поскольку не получают ожидаемых реакций, а с имеющимися не в состоянии справиться. Так родители могут становиться дополнительным фактором риска, затрудняющим развитие социального взаимодействия и, соответственно, абилитацию ребенка с РАС [1]. Возникает необходимость нахождения ресурсов для преодоления этой ситуации. Для этого необходимо понимание специфики отношения родителей к ребенку с РАС и особенностей их поведения.

Целью данного исследования было выявление особенностей отношения к ребенку у матерей, воспитывающих детей с РАС.

В выборку вошли 27 матерей, воспитывающих нормотипичных детей, и 14 матерей, воспитывающих детей с РАС. Исследование осуществлялось с помощью шкалы депрессии Бека и опросника родительских отношений Варги-Столина. Статистическая обработка данных была сделана с помощью программы STATISTICA 6.0.

С помощью опросника родительских отношений были обнаружены значимые различия между матерями нормотипичных детей и матерями детей с РАС по шкале «Принятие» ($p=0,001$) и «Маленький неудачник» ($p=0,001$). Матери в контрольной группе значимо в большей степени принимают своих детей и видят позитивную перспективу их развития. Статистически значимые различия между группами были обнаружены также по шкале «Симбиоз» ($p=0,001$). Показатели по этой шкале у матерей детей с РАС выше, чем у матерей нейротипичных детей. Матери детей с РАС стремятся к симбиотическим отношениям с ребенком, ощущая себя с ним единым целым, пытаясь удовлетворить все его потребности, оградить от трудностей и неприятностей. Это происходит на фоне постоянной тревоги за ребенка, который воспринимается как маленький и беззащитный. В то же время матери детей с РАС чаще, чем матери нейротипичных детей, не принимают своего ребенка и чаще склонны воспринимать неприспособленным, неудачливым, с низкими способностями; нередко родитель испытывает по отношению к ребенку досаду, раздражение, обиду и недоверие. Это состояние является очень тяжелым, дисгармоничным, способствующим наличию постоянного негативного эмоционального фона у матерей детей с РАС. Действительно, в нашей выборке показатели выраженности депрессии по шкале Бека у матерей детей с РАС значимо

выше ($p=0,001$). Матери, находящиеся в таком состоянии, с высокой вероятностью не могут способствовать эффективному взаимодействию и построению здоровой коммуникации с ребенком, что усугубляет его состояние.

Непринятие ребенка, отсутствие видения перспективы будущего и для ребенка, и для самой матери, преобладание негативного эмоционального состояния не способствует выстраиванию эффективного взаимодействия с ребенком, что приводит к еще большему отстранению ребенка, пребыванию его в собственном мире и одновременно усиливает родительское отчуждение.

Воспитание ребенка с РАС предполагает изменение основных жизненных целей, ценностей и стремлений, что ведет к личностным переменам родителей. Важным аспектом взаимодействия родителей с ребенком с РАС является принятие ребенка с его особенностями. Родители, которые принимают и учитывают особенности ребенка, могут иметь больше возможностей для удовлетворения собственных потребностей и потребностей ребенка. В результате повышается качество взаимодействия с ребенком в семье, что повышает его готовность и способность к социальному взаимодействию.

1. Crowell, J. A., Keluskar, J., Amanda Gorecki. Parenting behavior and the development of children with autism spectrum disorder. *Comprehensive Psychiatry*, 2019, Volume 90, Pages 21–29

Петрова Н.В.

Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПБГМУ им. И.П.Павлова Минздрава России

Вагнер К.В.

Санкт-Петербург, СПб ГБУЗ "Детский городской многопрофильный специализированный клинический центр высоких медицинских технологий"

Катыешева А.А.

Санкт-Петербург, СПб ГБУЗ "Детский городской многопрофильный специализированный клинический центр высоких медицинских технологий"

Каган А.В.

Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО ПСПБГМУ им. И.П.Павлова Минздрава России

Адаптация питания и рутины кормления у недоношенных детей в младенческом возрасте

Нарушения питания и кормления, недоношенные дети, экстремально-низкая масса тела при рождении (ЭНМТ), ранний возраст, Международная классификация функционирования, жизнедеятельности и здоровья (МКФ), детско-родительское взаимодействие, шкалы кормления

Нарушения питания и кормления относятся к базовым экзистенциальным проблемам, с особой остротой встающих у детей, родившихся до срока, дополнительно ограничивая их возможности роста и развития. Можно отметить целый ряд факторов, изначально осложняющих адаптацию питания и кормления недоношенных детей: низкие массо-ростовые показатели, задержку формирования сосательного и глотательного рефлекса, гастроэзофагальный рефлюкс в связи с незрелостью ЦНС и желудочно-кишечного тракта, а также более частые аномалии его развития, некротизирующий энтероколит, бронхо-легочную дисплазию. Несмотря на осуществляемую для детей с экстремально низкой и низкой массой тела при рождении (ЭНМТ) поддержку грудного вскармливания, они могут длительно получать парентеральное и зондовое питание смесями на основе коровьего молока, при этом у этих детей чаще наблюдается непереносимость белка коровьего молока [1].

Особую сложность в процессе реабилитации представляет сочетанный характер нарушений у недоношенных детей, имеющих неврологические заболевания и высокие риски нарушений развития. Расстройства и нарушения питания и кормления у этой группы детей представляет собою вызов для мультидисциплинарной команды, работающей с семьей ребенка, родившегося до срока [2]. Необходимо отметить, что наряду с соматическими проблемами, наблюдаемыми в процессе кормления (нарушение глотания, риск аспирации, снижение возможностей моторной регуляции и сенсорной интеграции информации, связанной с приемом пищи), а также проблемами, связанными с нерациональной организацией процесса кормления, большую роль играют психологические нарушения, наблюдающиеся на оси взаимодействия ребенок-близкий взрослый [3,4]. Успешность помощи, связанной с адаптацией питания и рутины кормления, во многом зависит от идентификации ключевых проблем [5].

Вместе с тем диагностические инструменты мало приспособлены для описания специфики сочетанных нарушений питания и кормления у недоношенных детей младенческого возраста, имеющих неврологические заболевания (ДЦП, неврологические синдромы вследствие генетических заболеваний и врожденных пороков развития ЦНС), возникающих во время кормления у ребенка или же излишне трудоемки для их применения в клинической практике. В используемых клинических шкалах не отражены аспекты детско-родительского взаимодействия, приводящие к нарушениям кормления.

С целью совершенствования ранней помощи и комплексной реабилитации недоношенных детей, нами проведено исследование, в которое было включено 57 детей в возрасте от 6 месяцев до 3 лет, из них 26 мальчиков и 32 девочек, имеющих нарушения питания и кормления. Все дети проходили обследование у специалистов мультидисциплинарной команды, в которую входили педиатр-врач ФРМ, невролог, физический терапевт, эрготерапевт, логопед и психолог. Для оценки питания и рутины кормления проведен клинический анализ, а также использована шкала Оценки способности глотания (The Mann assessment of swallowing ability, MASA, Mann et al. 2002). Оценка детско-родительского взаимодействия во время кормления проводилась на основании видеофрагментов пробного кормления при помощи адаптированного варианта Шкалы кормления (Feeding Scale, Chatoor et al., 1997, 2004).

На основании полученных данных было выделено три ведущих проблемы, лежащие в основе нарушений питания и кормления: 1) проблема позиционирования (кормление лежа, кормление с запрокинутой головой и т.д.) и технологии кормления; 2) проблемы oro-моторной и oro-сенсорной дезинтеграции ребенка (нарушение глотания, нарушение синхронизации дыхания и глотания, утомляемость, аспирация, отвращение к текстуре или низкой чувствительность к принимаемой пище); 3) проблемы детско-родительского взаимодействия (установки родителей, эмоциональное состояние родителей, ритм кормления, низкая чуткость к детским сигналам).

Разработаны дифференцированные подходы к оказанию междисциплинарной помощи, связанной с адаптацией питания и кормления, ориентированные как на ребенка, так и на близкого взрослого

1. Poets C.F., Wiechers C., Rüdiger M. Optimale Entlassung sehr unreifer Frühgeborener. Aktuelle Evidenz und eigenes Vorgehen. *Monatsschrift Kinderheilkunde*. 2019; 167: 26–33. <https://doi.org/10.1007/s00112-018-0596-x>
2. Als H., McAnulty G.B. The Newborn Individualized Developmental Care and Assessment Program (NIDCAP) with Kangaroo Mother Care (KMC): Comprehensive Care for Preterm Infants// *Current Womens Health review*. 2011; 7 (3): 288–301.
3. Андрущенко Н.В. Психопатология в детском возрасте. Часть 1. Регуляторные расстройства в младенческом и раннем возрасте: учеб. — метод. пособие. — СПб.: Изд-во С.Петербург. ун-та, 2016
4. Комарова О.Н., Хавкин А.И. Психогенно обусловленные расстройства приема пищи у детей раннего возраста и способы их коррекции // *Российский вестник перинатологии и педиатрии*. 2015. №2. Том 60. 108–113
5. Chatoor, I., Getson, P., Menvielle, E., Brasseaux, C., O'Donnell, R., Riversa, Y. & Mrazek, D. A. A Feeding Scale for Research and Clinical Practice to Assess Mother-Infant Interactions in the First Three Years of Life. *Infant Mental Health Journal*.1997; 18: 76–91.

Плотникова Е.В.
Санкт-Петербург, СПб ГБУЗ "Детский городской многопрофильный
специализированный клинический центр высоких медицинских технологий"

Андрущенко Н.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Биличенко С.В.
Санкт-Петербург, СПб ГБУЗ "Детский городской многопрофильный
специализированный клинический центр высоких медицинских технологий"

Катышева А.А.
Санкт-Петербург, СПб ГБУЗ "Детский городской многопрофильный
специализированный клинический центр высоких медицинских технологий"

Опыт междисциплинарного сопровождения и комплексной реабилитации детей раннего возраста, родившихся до срока

Комплексная реабилитация, ранняя помощь, недоношенные дети, ранний возраст, психическое развитие, Международная классификация функционирования, жизнедеятельности и здоровья (МКФ), матери недоношенных детей, экстремально-низкая масса тела при рождении.

В последние годы в Российской Федерации отмечен рост детской инвалидности [1], напрямую связанный с переходом на международные критерии живорожденности детей, родившихся до срока. При этом в структуре детской инвалидности детей в возрасте до 4 лет ведущие позиции занимают болезни нервной системы и психические расстройства [2]; один из путей снижения которых связывают с изменением средовых факторов [3]. Разработка научно-обоснованной ранней помощи и комплексной реабилитации детей, родившихся до срока представляет собой значимую проблему, решение которой невозможно без междисциплинарного взаимодействия. В Санкт-Петербурге с этой целью в 2019 г. на базе Детского городского многопрофильного специализированного клинического центра высоких медицинских технологий создана многоуровневая система реабилитации, основанная на катамнестическом наблюдении за детьми родившимися до срока, имеющих перинатальную патологию. В отделение реанимации новорожденных в год поступают около 1600 новорожденных. Из них 27% представляют дети, родившиеся с экстремальной (ЭНМТ) и очень низкой массой тела (ОНМТ), нуждающихся в длительном сопровождении и реабилитации. Обеспечена преемственность между отделениями реанимации и интенсивной терапии новорожденных, отделениями патологии новорожденных и собственно катамнестическим направлением, структурно представленными клиническими подразделениями больницы. Множественный характер нарушений детей требует внедрения инновационных методов и принципа междисциплинарности в их восстановительном лечении и сопровождении.

В 2020 г. в отделение катамнеза поступило 579 детей. Из них болезни нервной системы имеют 541 ребенок (94,7%). Недоношенных младенцев было 355 (97 детей с ЭНМТ, 103 ребенка с ОНМТ, 130 с низкой массой тела при рождении, 25 детей с

массой тела в диапазоне от 2500 до 2800 г). Двигательные нарушения, угрозу развития детского церебрального паралича отмечали у 425 детей (67,7%), диагноз ДЦП установлен у 31 ребенка старше года (17,5%). Бронхо-легочная дисплазия отмечена у 101 ребенка (28,4%). Патология органа зрения, в частности, ретинопатия недоношенных у 244 детей (68,7%). Нарушения функции слухового анализатора у 15 детей (4,2%); задержка речевого развития у 12 детей (3,3%). Все дети получают необходимое обследование, восстановительное лечение и комплексную реабилитацию, осуществляемую силами мультидисциплинарной реабилитационной команды (МРК), в которую входят: врач педиатр, врач невролог, врач ЛФК, травматолог-ортопед, рефлексотерапевт, эрготерапевт, психолог, специальный педагог, логопед и другие специалисты. Внедрена практика междисциплинарного сопровождения и комплексной реабилитации на основе применения Международной классификации функционирования. Особое внимание уделяется психологическому консультированию и сопровождению членов семей (в основном, матерей ребенка с перинатальными повреждениями ЦНС). Вместе с тем, многие аспекты ранней помощи этой особой группе детей требуют дальнейшего совершенствования. Остаются нерешенными вопросы ранней стандартизированной диагностики общего развития, необходимой как для планирования реабилитации, так и для оценки ее эффективности. Требуется дальнейшей разработки система оценки средовых факторов, к которым относятся установки и поведение матери, близких членов семьи ребенка с перинатальной патологией во взаимодействии с ним, значимых для последовательного перехода на международные стандарты планирования и осуществления реабилитации.

1. Состояние здоровья детей современной России / А.А. Баранов, В.Ю. Альбицкий, Л.С. Намазова-Баранова, Р.Н. Терлецкая // М., 2020, 112 с.
2. Методологические и практические принципы формирования многоуровневой системы реабилитации детей 0–4 лет / А.В.Каган, Е.В.Плотникова, А.С.Симаходский, Л.Д.Севостьянова// Профилактическая и клиническая медицина. 2020; 4 (77):60–67.
3. Андрущенко Н.В., Мухамедрахимов Р.Ж., Крюков Е.Ю., Иова А.С., Аринщина И.А., Аникина В.О., Потешкина О.В., Солодунова М.А., Черного Д.И. Особенности эмоционального состояния матерей в аспекте их раннего взаимодействия с недоношенными детьми. Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019; 119 (5):148–153.

Влияние родительских отношений на роды: результаты лонгитюдного исследования.

Эпигенетика, материнские эффекты, беременность, роды, новорожденный.

К числу важнейших задач здравоохранения относится оказание родовой помощи для формирования положительного опыта беременности и родов. Вероятность того, что материнские отношения могут быть полезными и конструктивными во время беременности и родов, в значительной степени игнорируется в медицинском подходе. Предлагается изучать «роды без осложнений» не как нечто физиологически данное, а как нечто достижимое с учетом физиологии, психологии и социальных отношений. Безопасные роды рассматриваются с точки зрения «материнских эффектов» (МЭ). Цель: определить существует ли динамическая связь между отношениями матери и положительным опытом родов с учетом состояния роженицы и новорожденных.

Место проведения: ГБУЗ СПб «Городская поликлиника 38» Женская консультация № 35, Школа материнства и отцовства. Родовые эпикризы получены из родоводов Санкт Петербурга в период с 2016 по 2017 год.

Участники: 158 матерей в третьем триместре и 25 отцов. Самая многочисленная группа: 26–30 лет (м-47.8%, о-45.8% от выборки).

Процедуры и методы: Участники добровольно посещали занятия в Школе материнства и отцовства, в группах по 4–6 человек. Опрос проводился с помощью «Теста отношения беременных» Добрякова И.В. Беременные женщины посетили шесть занятий. После родов проанализированы 116 родовых эпикризов по медицинским показателям родов и состояния матери и новорожденных. Собранные данные разделены на два профиля: “Роды без осложнений” и “Роды с осложнениями”. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена установил значимую связь между признаками “Роды без осложнений” и “Отношение беременной женщины к отношению отца ребенка”: в частности: “Из — за беременности отец моего ребенка стал внимательнее и теплее ко мне” (.261**; $p \leq 0,05$). Сравнительный анализ методом хи-квадрат Пирсона выявил статистически значимые различия по признаку: «Из-за беременности отец моего ребенка стал внимательнее и теплее ко мне»: у выбравших данное утверждение в 64.5% случаев роды протекали без осложнений; у не выбравших — в 35.5% случаев.

Результаты: Подтверждена прямая, высокого уровня связь переменных «Роды без осложнений» и «Из — за беременности отец моего ребенка стал внимательнее и теплее ко мне».

Обсуждение: Собранная информация (Ракова, 2020) использовалась для психологической подготовки родителей к родам и профилактики послеродовой депрессии. Недостаточность информации о беременности и родах приводит к психологическим проблемам (Bouse, et.al, 2007), отсутствуют признаки существенной разницы в изменчивости физических и эмоциональных симптомов между будущими отцами и матерями (Bruno et al., 2020). В свете изучения МЭ

(Ракова, 2018), выявлен один из определяющих факторов для положительного прогресса родов и здоровья новорожденных: «семейный образ жизни». МЭ проявляются каждый раз, когда материнское поведение влияет на адаптацию потомков, регулируя фенотип в соответствии условиями среды (Uller, 2019).

Выводы. Результаты данного исследования могут быть использованы для мониторинга родового комплаенса и прогнозирования результатов родов. Изменения в социальной среде, в частности, в отношениях между беременной женщиной и ее партнером, влияет на процесс родов и состояние новорожденного. В широком смысле изучение МЭ “семейный образ жизни” определяет долгосрочные инвестиции в подготовку среды для новой жизни.

1. Bruno, A., Celebre, L., Mento, C., Rizzo, A., Silvestri, M.C., De Stefano, R., Zoccali, R.A., & Muscatello, M.R. (2020). When fathers begin to falter: A comprehensive review on paternal perinatal depression. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(4), 1139. <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/4/1139>
2. Boyce, P., Condon, J., Barton, J., & Corkindale, C. (2007). First-time fathers' study: Psychological distress in expectant fathers during pregnancy. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 41(9), 718–25. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/17687657/>
3. Ракова, Г.Н. (2018). Особенности «материнских эффектов» фенотипичной передачи в перинатальном периоде (обзор литературы). *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, 18(2), 92–101. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35234149>. 18(3), 102–105. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36272120>.
4. Rakova, G. N. (2020) The Influence of Parental Relationships on Childbirth: Results of a Longitudinal Study. *Journal of Prenatal and Perinatal Psychology and Health* 34(5), 394–410.
5. Uller, T. (2019). *Maternal Effects*. Oxford Bibliographies. <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199941728/obo-9780199941728-0121>.

Самарина А.А.
Санкт-Петербург, АНО ДПО ИРАВ

Самарина Л.В.
Санкт-Петербург, АНО ДПО ИРАВ

Мухамедрахимов Р.Ж.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Эффективность раннего вмешательства для пар «мать-младенец» при нарушении пищевого поведения у детей

Дети, пищевое поведение, матери, чувствительность, программа раннего вмешательства, эффективность

Введение. Результаты научных исследований свидетельствуют, что недостаточная чувствительность матерей, связанная в т.ч. с повышенным уровнем тревоги, депрессии, нарушениями здоровья ребенка, ведет к нарушению процесса кормления детей (Chatoor, 2016), которое обычно проявляется в перекармливании и недокармливании ребенка. При перекармливании (мать кормит младенца чаще и больше, чем он может переварить) ребенок срыгивает большое количество пищи, развивая к ней чувство отвращения и тревоги. При недокармливании (мать плохо распознаёт сигналы голодного ребёнка и не кормит его своевременно) ребёнок перестаёт понимать телесные сигналы голода и уменьшает количество принимаемой еды, развивая дистрофию или низкую массу тела (Biber, 2014). Недостаточная чувствительность матери и нарушение кормления могут привести к дополнительным нарушениям развития ребенка (Feeding Disorder of Caregiver-Infant Reciprocity, DSM-V).

Программы раннего вмешательства способствуют улучшению функционирования матери и ребенка, при этом изучение эффективности вмешательства по показателям пары «мать-младенец» является актуальной темой научных исследований, в т.ч. при нарушении процесса кормления ребенка. Настоящая работа направлена на изучение влияния программы раннего вмешательства на чувствительность и компетентность матери во время кормления и, соответственно, снижение выраженности у ребенка нарушений пищевого поведения.

Метод. Выборку исследования составляют матери и их дети младенческого и раннего возраста с нарушениями пищевого поведения, проходящие два вида программы вмешательства: основную (20 пар), направленную на повышение родительской чувствительности при участии в 10 групповых встречах на базе ICDP (International Child Development Program; Хундейде, 1999) и в 10 встречах по улучшению oro-фасциальных навыков ребенка (Rogge, 2013); и программу сравнения (20 пар), связанную с консультациями матери по вопросам кормления ребенка. Изучение выделенных групп предполагается провести до, в процессе и после вмешательства. Для исследования матерей и детей будут использованы методы наблюдения, анализа видеозаписи, экспертного обследования и вопросники, оценивающие чувствительность матерей, их компетентность во время кормления

ребенка, выраженность нарушений пищевого поведения у детей, взаимодействие в паре «мать-ребенок» во время типичного приема пищи, уровень развития ребенка.

В результате лонгитюдного сравнительного изучения основной группы и группы сравнения предполагается получить научную информацию о положительном изменении чувствительности, компетентности и поведения матерей во время кормления детей младенческого и раннего возраста, а также данные о снижении нарушений пищевого поведения и улучшении развития детей, в связи с основной программой вмешательства.

Заключение. Полученные результаты позволят представить недостающие в научной литературе данные об эффективности раннего вмешательства для матерей и детей с нарушениями пищевого поведения, и, в целом, расширить информацию о научной обоснованности современных программ раннего вмешательства. В связи с утверждением Концепции развития ранней помощи (распоряжение Правительства РФ №1839-р, 31.08. 2016), данные изучения эффективности разрабатываемых (или адаптируемых) программ соответствуют правительственной рекомендации по разработке и организации ранней помощи в субъектах Российской Федерации.

1. Хундейде К. Направляемый диалог: пособие для программы ICDP по развитию чувствительности / Санкт-Петербургский институт раннего вмешательства, 1999. — 117 с.
2. Biber D. Frühkindliche Dysphagien und Trinkschwächen: Leitfaden für Diagnostik, Management und Therapie im klinischen Alltag. Springer; Auflage: 2. Aufl. 2014, 201 с.
3. Chatoor I. Fütterstörungen bei Säuglingen und Kleinkindern: Diagnose und Behandlungsmöglichkeiten. Stuttgart: Klett-Cota. 2016. 203 с.
4. Rogge E. Neurofunktions!therapie in der Praxis (NF!T®): "Die Zunge hat keine Ohren!". modernes lernen, 2017, 272 с.

Актуальность изучения взаимосвязи отношений с отцом в детстве и собственного опыта родительства у молодых мужчин

Отцовство, детско-родительские отношения, фигура отца, значимая мужская фигура, отношение к ребёнку

Последние несколько десятилетий интерес исследователей к отцовской фигуре возрастает, что связано с социальными изменениями, в частности — со структурными изменениями в модели семьи, а также с переоценкой роли отца в психическом развитии ребёнка. Во многих странах необходимость следования патриархальным устоям была поставлена под сомнение, что привело к иному распределению ответственности в семье, в частности — в воспитании детей, и к изменениям в представлениях о роли отца, его вовлечённости в отношения с ребёнком. Отечественные и зарубежные источники сходятся в мнении о том, что представления о фигуре отца стали более широкими и разнообразными: от жёсткой патриархальной позиции главы семьи, авторитетного лидера, до максимальной эмоциональной заинтересованности в воспитании детей [1].

Теоретические разработки в отношении отцовства, роли отца в основном лежат в русле психоанализа, в истории развития которого можно пронаблюдать смену взглядов на фигуру отца: от практически полного игнорирования до концепции отца как Третьего [2]. Исходя из психоаналитических постулатов качество отношений ребёнка с отцом в детстве имеет влияние на взрослую жизнь, а значит — и на собственное отцовство взрослого ребёнка.

Современные исследования приводят всё больше данных о значимости отца в воспитании и развитии ребёнка. В частности, в различных исследованиях делаются выводы о важности формирования привязанности отца к ребёнку, о значении вовлечённости отца во взаимодействие с ребёнком, об уникальности и специфичности влияния отца на психическое развитие ребёнка, а также о том, что позитивный отцовский образ может влиять на эмоциональное благополучие и формирование пороловой идентичности подростков [1].

Эмпирических исследований о связи детских взаимоотношений с отцом и собственного отцовства мужчины — крайне мало, несмотря на то что идея о существовании такой связи достаточно очевидна. Среди имеющихся исследований большая часть направлена именно на изучение отношения к отцовству мужчин, выросших без отца.

В настоящее время проводится набор данных для исследования о взаимосвязи отношений с отцом и собственного опыта отцовства у молодых мужчин. В данном исследовании примут участие не менее 80 молодых отцов. Целью исследования является выявление специфики первого опыта отцовства в связи с отношениями мужчины с собственным отцом или иной значимой мужской фигурой в детстве.

Объектом исследования является первый опыт отцовства, предметом — взаимосвязь первого опыта отцовства и отношений мужчины с собственным отцом в детстве.

Главная гипотеза исследования сформулирована следующим образом: существует взаимосвязь между отношениями мужчины с отцом или иной значимой фигурой в детстве и первым опытом собственного отцовства.

В качестве методов используются следующие: методика «Представления об идеальном родителе» (Р.В. Овчарова, Ю.А. Дегтярёва), личностный семантический дифференциал Осгуда (адап. НИИ Бехтерева), опросник РВ1 (пер. Холмогорова А.Б.), методика «Семейные эмоциональные коммуникации» (Холмогорова А.Б., Воликова С.В.), «Шкала любви и симпатии» (З.Рубин, модиф. Гозман Л.Я., Алёшина Ю.Е.), опросник ОДРЭВ (Е. И Захарова).

Исследование заключается не только в рассмотрении аспекта наличия или отсутствия отца в детстве мужчины, но и в изучении специфики и качества взаимоотношений с отцом или иной значимой мужской фигурой при их наличии, что делает исследование актуальным.

Полученные в ходе исследования данные могут расширить знания по данному вопросу, а также иметь практический выход: выявив связь трудностей вхождения в новую роль отца, принятия ребёнка со взаимоотношениями с отцом в детстве, можно выявить группы риска и разработать рекомендации для них.

1. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка М: Форум — 2011. — 112 с.
2. Гулина М.А. Ипостаси и трансформации образа отца в психоанализе // Консультативная психология и психотерапия. — 2018. Т. 26. № 1. — С. 129–145.

Развитие интегративной (интрапсихической и межперсональной) детской психотерапии в России.

Интегративная детская психотерапия, субъектность, самость, диалог.

Вопросы психического здоровья детей и подростков совершенно оправдано относятся к сфере национальной безопасности современного общества. Анализ методов детской психотерапии и изучение их эффективности являются актуальной задачей, стоящей как перед наукой, так и перед обществом в целом. Эффективная психотерапевтическая помощь ребенку не может быть осуществлена без учета специфики детской психики, её особой зависимости от социального окружения, малой дифференцированности, трудности обращения, в силу слабой развитости, к самосознанию ребенка, особому, лежащему в сфере невербальной коммуникации, языку. Все это обосновывает необходимость развития детской психотерапии не как формы преломления уже известных методов в психотерапии, а как особого метода со своими теоретическими и практическими опорами.

В описанном выше ключе уже более 20-ти лет идет развитие интегративной (интрапсихической и межперсональной) детской психотерапии. Интегративная детская психотерапия — метод психотерапии, ориентированный на младенцев, детей и подростков, в центре которого стоит понимание ребенка как активного творца и участника построения отношений с другими, миром и самим собой, он является феноменологическим и исходит из внутренней субъектности психической реальности ребенка. Решение основной задачи развития ребенка, а именно — создание среды, в которой диалог является основной формой выражения межчеловеческой связности, возможно через интеграцию в едином психотерапевтическом процессе интрапсихического, межперсонального и системного фокусов психотерапии. Основной задачей, интегрирующей все три фокуса психотерапии, является реализация потребностей ребенка.

В центре интегративного подхода стоит работа с самостью ребенка, именно она строит фундамент для формирования его идентичности (А.В.Локтионова, В. Цимприх, 2016). В подходе разработаны специфические фокусы и методы работы со значимыми взрослыми и системами отношений ребенка. Основными целями психотерапевтических встреч с родителями является проработка дефицитов, конфликтов, незавершенных гештальтов и травм, которые блокируют взрослых в их способности отвечать на потребности ребенка и строить с ним надежные отношения, работа с «внутренним ребенком» родителя, открывающая чуткость к детскому миру, создание новых корригирующих сцен взаимодействия на совместных встречах с ребенком (В. Цимприх 2004).

Системный фокус интегративной психотерапии связан с работой над здоровой триадой, расширенной семейной системой и значимыми социальными средами ребенка. Основатель интегративного метода психотерапии в Европе — Хилларион Петцольд, автор 78 книг и 10 монографий по различным аспектам развития самости и становления идентичности. Главным достижением его творчества является

создание связей между методическими подходами современных школ психотерапии, современными исследованиями младенцев (Д.Стерн, 2018), открытиями нейробиологии о работе мозга и создание метатеории на основе феноменологии и герменевтики с последовательной разработкой практики интегративного подхода в психотерапии.

Интегративный метод для работы с детьми создали в конце 90-х гг. Д. Рам, К. Кирш, Э. Гарбе в Германии, Н. К. Бернштайн в Швейцарии, В. Цимприх, Э. Фрошмайер в Австрии. Обучение первой группы российских специалистов у австрийских коллег стартовало в 2000 году и продолжалось 5 лет. На его основе в 2000 г. возник Институт Интегративной Детской психотерапии и практической психологии «Генезис». В партнерстве с Венским институтом повышения квалификации ÖKids и кафедрой общей и клинической психологии КГМУ, осуществляется подготовка психотерапевтов, развиваются и адаптируются идеи подхода к российской действительности, исследуется эффективность метода (Симоненко И.А. 2015).

1. Локтионова А.В., Цимприх В. Интегративная (интрапсихическая — интересубъективная — системная) психотерапия младенцев, детей, подростков. — В., 2016. — 130 с.
2. Симоненко И. А. Системно-генетическая модель психотерапии ребенка с психосоматическим расстройством: дис. ... д-ра психол. наук / И. А. Симоненко. — СПб., 2015.
3. Стерн Д. Межперсональный мир младенца. — СПб., 2006. — 376 с.
4. Petzold H. G. Praxis der Integrativen Kindertherapie. — Junfermann: Paderborn, 1996. — Bd. 2.
5. Zimprich V. Die Einbeziehung der Familie in die Kinder-und Jugendlichenpsychotherapie: ein interpersonelle Arbeitsansatz / Vera Zimprich // Kinder und Jugendlichen Psychotherapie — ein eigenständigersatz innerhalb der Psychotherapie PPP. — Wien, 2004.

Чувствительность взрослых при взаимодействии с детьми раннего возраста в домах ребенка и замещающих семьях РФ

Дети, ранний возраст, дом ребенка, замещающая семья, качество взаимодействия

Введение. Известно, что при проживании ребёнка в условиях учреждения развитие детей и особенности их взаимодействия с сотрудниками зависят, в целом, от качества социально-эмоционального окружения в учреждении [4]. Согласно данным литературы, при последующем размещении в замещающую семью ключевое значение для адаптации и развития ребенка в незнакомых ему ранее семейных условиях имеет чувствительность замещающего родителя, его отзывчивостью и эмоциональная доступность [1]. Целью настоящего исследования является сравнительное изучение качества взаимодействия с детьми раннего возраста со стороны близких взрослых в домах ребёнка и российских замещающих семьях.

Метод. В исследовании приняли участие близкие взрослые, ухаживающие за детьми в возрасте от 8 до 56 месяцев (средний возраст $23,7 \pm 11,0$ месяцев) в домах ребенка семейного типа (ДР; групповые сотрудницы в возрасте $49,8 \pm 8,8$; $n = 61$), замещающих (ЗС; замещающие родители, $41,8 \pm 7,2$; $n = 40$) и биологических семьях (БС; матери, $31,0 \pm 5,4$; $n = 44$). Изучение характеристик поведения близких взрослых во взаимодействии с детьми проводилось с помощью процедуры видеозаписи свободной игры (145 случаев, из них 82 случая взаимодействия с мальчиками и 63 — с девочками) с последующим анализом поведения в соответствии со шкалами методики ORCE [3]. Оценка качества взаимодействия со стороны взрослых производилась по трём шкалам: «Чувствительность/отзывчивость к нестрессовым проявлениям ребенка», «Интрюзивность», «Позитивное отношение».

Результаты. Для анализа результатов оценки поведения близких взрослых из трех групп был проведен многомерный дисперсионный анализ (MANOVA) с включением переменных «возраст ребёнка» и «возраст взрослого» в качестве ковариат. Выявлено, что в ЗС чувствительность взрослых ниже, чем у матерей в БС ($3,1 \pm 0,18$ и $3,7 \pm 0,24$; $p = 0,082$), тогда как интрюзивность выше, по сравнению с показателями как биологических матерей ($2,4 \pm 0,14$ и $1,7 \pm 0,18$; $p = 0,009$), так и сотрудниц ДР ($2,4 \pm 0,14$ и $1,7 \pm 0,15$; $p = 0,004$). Межгрупповое сравнение значений показателя «Положительное отношение» значимых различий между тремя группами не выявило ($p > 0,10$).

Заключение. Данные исследования свидетельствуют, что замещающие матери реже чувствительно и своевременно реагируют на сигналы ребёнка и следуют за его инициативой и чаще игнорируют желания ребёнка в ходе взаимодействия, навязывая собственную линию поведения, по сравнению с биологическими матерями и сотрудницами домов ребенка семейного типа. Согласно опыту сопровождения замещающих семей (приемных и усыновителей) в США и странах Западной Европы, научно обоснованные программы раннего вмешательства в значительной мере способствуют улучшению чувствительности и снижению интрюзивности родителей и, соответственно, формированию у детей организованных паттернов привязанности

[2]. Полученные в настоящей работе данные свидетельствуют о необходимости внедрения и распространения в Российской Федерации научно обоснованных программ сопровождения замещающих семей на наиболее ранней стадии принятия ребенка в семью.

1. Juffer F., Bakermans-Kranenburg M. J., and van IJzendoorn M. H. (eds). Promoting Positive Parenting: An Attachment-based Intervention. New York, NY: Taylor & Francis. 2007. 258 p.
2. Dozier M., Bernard K. Attachment and Biobehavioral Catch-up: Addressing the needs of infants and toddlers exposed to inadequate or problematic caregiving. *Current Opinion in Psychology*, 2017. — Vol. 15, P. 111–117.
3. NICHD Early Child Care Research Network Characteristics of infant child care: Factors contributing to positive caregiving. *Early Childhood Research Quarterly*. 1996. P. 269–306.
4. St. Petersburg–USA Orphanage Research Team. The effects of early social emotional and relationship experience on the development of young orphanage children. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2008. p. 262.

Исследование поддержано грантом РФФИ №20-013-00249/21 «Изучение нейрогуморальных показателей развития у детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях»

Анализ лицевой экспрессии детей, воспитывающихся в детском доме, в ситуациях взаимодействия с взрослыми и сверстниками

Детский дом, лицевая экспрессия, умственная отсталость лёгкой степени, смешанные специфические расстройства психологического развития

Опыт пребывания ребенка в детском учреждении (дом ребенка, детский дом) влияет на речевое и когнитивное развитие детей, их коммуникативные навыки [1–3]. Проведен сравнительный анализ речи детей дошкольного возраста с разным уровнем интеллектуального развития, воспитывающихся в детском доме и семье [4], в работе показано, что при взаимодействии с взрослым дошкольники используют более сложные реплики, чем при взаимодействии со сверстниками. Цель данного исследования — определить особенности лицевой экспрессии детей с умственной отсталостью лёгкой степени и смешанными специфическими расстройствами психологического развития, воспитывающихся в детском доме, в ситуациях взаимодействия с взрослым и сверстниками.

В исследовании приняли участие 78 детей 5–7 лет: из детского дома — дети с типичным развитием (ТР — здоровые по заключению психиатра, $n = 8$), смешанными специфическими расстройствами психологического развития (СР — F83 по МКБ-10, $n = 20$), с умственной отсталостью лёгкой степени (УО — F70 по МКБ-10, $n = 12$); растущие в семьях — с ТР ($n=25$) или СР ($n = 13$).

Произведена видеозапись 5-минутных фрагментов взаимодействия детей с взрослым (экспериментатором) и между собой в модельных ситуациях: игра, диалог, беседа по картинке. Анализ лицевой экспрессии детей проводила группа экспертов ($n=6$), автоматический анализ осуществляли в программе «FaceReader 8.0» (Noldus, Нидерланды).

Согласно ответам экспертов, все дети при взаимодействии с взрослым чаще демонстрировали положительные эмоции, реже — отрицательные; максимальное количество ответов экспертов «доволен», «улыбается» — для группы ТР детей из семей. При взаимодействии со сверстниками все ТР дети (из семей и детского дома) чаще, чем дети с УО и СР, демонстрировали положительные эмоции (85% и 90% ответов экспертов — для детей с ТР из детского дома и семей, соответственно; 66% и 72% — для детей с СР из детского дома и семей; 65% — для детей с УО); ТР дети из детского дома чаще, чем дети других групп, сердились.

Автоматическая оценка мимической экспрессии детей показала, что при взаимодействии с взрослым все дети большую часть времени проявляли нейтральное (спокойное) состояние — 45% времени для детей с УО, 55% и 57% — для детей с СР из детского дома и семей, соответственно, 57% и 60 % — для ТР детей из детского дома и семей. Все дети проявляли больше мимической экспрессии, соответствующей состоянию радости, при взаимодействии со сверстниками, чем при взаимодействии с взрослым. При взаимодействии со сверстниками мимические проявления, соответствующие страху, агрессии, отвращению чаще демонстрировали дети из детского дома, чем дети из семей.

В работе на основании использования программы «FaceReader» и экспертного анализа определена специфика лицевой экспрессии детей в разных ситуациях взаимодействия, показаны особенности детей с УО и СР, воспитывающихся в детском доме, по сравнению с ТР детьми.

1. Bick, J., Fox, N.A., Zeanah, C., Nelson, C.A. (2015). Early deprivation, atypical brain development, and internalizing symptoms in late childhood. *Neuroscience*, 342, 140–153.
2. Фролова О.В., Ляко Е.Е. Коммуникативные навыки пяти-семилетних детей с нарушениями развития и умственной отсталостью // *Этнопсихолингвистика*. — 2019. — № 2. — С. 190–206.
3. Черного Д.И., Мухамедрахимов Р.Ж. Динамика психического развития детей первого года жизни в связи с длительностью пребывания в учреждении // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. — 2013. — Т. 12, № 3. — С. 52–60.
4. Фролова О.В., Ляко Е.Е. Акустические характеристики речи детей в диалогах со взрослым и сверстником: детский дом — семья, типичное развитие — интеллектуальные нарушения // *Комплексные исследования детства*. — 2020. Т. 2, № 2. С. 98–108.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (№18-013-01133).

Сравнительное лонгитюдное исследование дневного ритма секреции кортизола у детей в замещающих семьях

Дети, секреция кортизола, замещающие семьи, сиротские учреждения

Введение. Проведенные к настоящему времени исследования детей с ранним опытом институционализации свидетельствуют о нарушении у них дневного ритма секреции кортизола во время проживания в условиях сиротского учреждения и в долгосрочном периоде — после перевода ребенка в замещающую семью (Gunnar et al., 2001; Koss et al., 2015; Kroupina et al., 2012).

Изучение долгосрочных последствий влияния раннего депривационного опыта показало, что в течение первых двух лет пребывания в замещающей семье у ребенка наблюдаются значительные улучшения показателей физического, социального и поведенческого развития (Izendoorn, Juffer, 2006), однако положительные изменения дневного ритма секреции кортизола не отмечаются. Было обнаружено, что при помещении ребенка, имеющего ранний опыт проживания в сиротском учреждении, в семью и прослеживании его развития при пребывании в семье через 1 и 6 месяцев (Kroupina et al., 2012), а также через 2, 8, 16 и 24 месяцев (Koss et al., 2015), положительной динамики изменений в секреции кортизола обнаружено не было. Однако было показано, что при участии замещающей семьи в программе раннего психологического сопровождения положительные изменения дневного ритма секреции кортизола можно наблюдать сразу после окончания программы, например, через 3 месяца (Dozier et al., 2006). Таким образом, можно заключить, что качество социального окружения играет значимую роль в секреции кортизола у детей.

Следует отметить, что результаты освещенных исследований представлены на основе изучения групп детей международного усыновления в США. В указанных выше исследованиях дети имели опыт пребывания в нескольких замещающих семьях, или тяжелый опыт условий тотальной депривации сиротских учреждений в Румынии. При этом дети, воспитывающиеся в замещающих семьях РФ и имеющие опыт пребывания в сиротских учреждениях РФ, отдельно не изучались.

Целью настоящего исследования является сравнительное изучение дневного ритма секреции кортизола в лонгитуде у детей, воспитывающихся в российских замещающих семьях: на начальном этапе проекта и через 3–4 месяца.

Метод. В исследование включены дети в возрасте от 8 до 48 месяцев, воспитывающиеся в замещающих семьях (приемных и семьях усыновителей) Санкт-Петербурга. Для изучения секреции кортизола проводился сбор биологического материала слюны в утренние (в течение 30 минут после пробуждения) и вечерние (перед сном) часы.

Результаты. Собранный эмпирический материал исследования находится на стадии анализа данных. В результате исследования будет получена важная научная информация о влиянии помещения ребенка на воспитание в замещающую семью с

учетом влияния длительности пребывания ребенка в семейных условиях на дневной ритм секреции кортизола.

1. Gunnar, M.R., & Vazquez, D.M. Low cortisol and a flattening of expected daytime rhythm: Potential indices of risk in human development // *Development and Psychopathology*, 2001. — Vol. 13 (3). — P. 515–538.
2. Dozier M., Manni M., Gordon M.K., Peloso E., Gunnar M.R., Stovall-McClough K.C., Eldreth D., Levine S. Foster children's diurnal production of cortisol: An exploratory study. *Child Maltreatment*. 2006;11(2):189–197
3. Koss K.J., Hostinar C.E., Donzella B., Gunnar M.R. Social deprivation and the HPA axis in early development. *Psychoneuroendocrinology*. 2014;50:1–13.
4. Kroupina M.G., Fuglestad A.J., Iverson S.L., Himes J.H., Mason P.W., Gunnar M.R., Miller B.S., Petryk A., Johnson D.E. Adoption as an intervention for institutionally reared children: HPA functioning and developmental status. *Infant Behavior and Development*. 2012;35(4):829–837
5. Van IJzendoorn M.H., Juffer F. The Emanuel Miller Memorial Lecture 2006: Adoption as intervention. Meta-analytic evidence for massive catch-up and plasticity in physical, socio-emotional, and cognitive development. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2006;47(12):1228–1245

Исследование поддержано грантом РФФИ №20-013-00249/21 «Изучение нейрогуморальных показателей развития у детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях»

Особенности наблюдаемого поведения детей, переведенных из типичного дома ребенка в замещающие семьи.

Дети, наблюдаемое поведение, опыт институционализации, замещающие семьи

Введение. Депривация социально-эмоциональных потребностей детей в условиях сиротских учреждений негативно влияет на их последующее развитие [1]. В литературе показано, что дети в замещающих семьях (ЗС) с опытом институционализации (ОИ) чаще сверстников без ОИ демонстрируют проблемы поведения [2, 3], которые чаще всего изучаются с помощью опросников для родителей [2]. Целью данной работы являлось изучение наблюдаемых особенностей поведения детей с ОИ, переведенных в российские ЗС.

Метод. Участниками исследования стали 18 замещающих семей с детьми, имевшими опыт проживания в типичном доме ребенка (9 мальчиков, 9 девочек; ср. время в учреждении — 12.8(7.7) мес., ср. время в семье — 22.9(11.5) мес.). Наблюдение за поведением детей проводилось с помощью метода оценки поведения ребенка во время посещения семьи незнакомым для ребенка членом исследовательской группы (Child's Behavior during Home Visit; Muhamedrahimov & Palmov, 2007) на двух этапах: 24 месяцев (N=12; возраст 43.8(15.3)) и 25–48 месяцев в ЗС (N=8; 55(14.2)). Для анализа использовался ANCOVA с ковариатой в виде возраста перехода ребенка в семью.

Результаты свидетельствуют о значимых различиях отдельных характеристик поведения как на разных этапах обследования, так и в связи с полом детей (для всех случаев $p < .05$). На этапе 24 мес. в семье девочки проявляют больше заботы к матери, а также реже используют мать для регулирования состояния, чем мальчики; дети чаще используют маму для успокоения в первые 3 минуты визита незнакомца; мальчики проявляют больше беспокойства, чаще обращаются к маме за успокоением, чем на этапе 25–48 мес. в семье. В период 25–48 мес. в семье девочки, по сравнению с мальчиками, демонстрируют больше беспокойства.

Обсуждение. Данные литературы сообщают о нарушениях поведения у детей с ОИ, которые сохраняются после перевода в семью [2, 3]. В прошлых исследованиях наблюдалось усиление беспокойства и заботы о матери с возрастом и более выраженное проявление неразборчивого дружелюбия и вызывающего поведения у девочек [3]. В данной работе выявлено улучшение показателей поведения после двух лет в ЗС, что может указывать на то, что в течение первых двух лет дети проходят период адаптации и подстройки к новой семье. Большинство изменений в поведении на разных этапах проживания в семье наблюдается только у мальчиков. Поведение девочек отличается более частым проявлением заботы о матери в первые два года и более выраженным беспокойством со второго по четвертый год жизни в семье.

Выводы. Результаты исследования показали отличия в наблюдаемых характеристиках поведения в связи с полом детей, а также выявили большее количество проблем поведения в первые годы проживания детей в ЗС, что указывает на необходимость разработки и внедрения эффективных программ сопровождения

замещающих семей с детьми с ОИ, которые бы учитывали особенности имеющих у детей трудностей поведения и их динамику.

1. McCall R. B. et al. Early caregiver–child interaction and children’s development: Lessons from the St. Petersburg-USA Orphanage Intervention Research Project //Clinical child and family psychology review. — 2019. — Т. 22. — №. 2. — С. 208–224.
2. Muhamedrahimov, R. J., Agarkova, V. V., Vershnina, E. A., Palmov, O. I., Nikiforova, N. V., McCall, R. B., & Groark, C. J. Behavior problems in children transferred from a socioemotionally depriving institution to St. Petersburg (Russian Federation) families //Infant Mental Health Journal. — 2014. — Т. 35. — №. 2. — С. 111–122.
3. Агаркова, В. В. Особенности наблюдаемого поведения детей в возрасте 5–8 лет с опытом и без опыта институционализации / В. В. Агаркова, Р. Ж. Мухамедрахимов // Психология — наука будущего: Материалы VII Международной конференции молодых ученых «Психология — наука будущего», Москва, 14–15 ноября 2017 года. — С. 20–24.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №20-013-00249/20 «Изучение нейрогуморальных показателей развития у детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях».

Особенности детско-отцовских отношений в семье ребенка с гастродуоденитом

Отношения с отцом, младший школьный возраст, гастродуоденит

Исследование взаимосвязи психосоматического здоровья ребенка и особенностей его семейного окружения традиционно сфокусировано на изучении роли матери в данном процессе. Эмоциональная связь матери и ребенка вносит значительный вклад в поддержание здоровья или формирование психосоматических нарушений в детском возрасте. Однако, на наш взгляд, отношения с другими близкими для ребенка людьми, в частности с отцом, могут также выступать фактором защиты его психосоматического здоровья либо участвовать в психогенезе психосоматических расстройств.

Цель исследования: изучение психологических особенностей детско-отцовских отношений в семьях детей с гастродуоденитом. Мы предполагаем, что отношение болеющего ребенка к отцу имеет ряд специфических характеристик, отличных от отношения здоровых детей, и также отношение отца к ребенку отличается в семьях детей болеющих и здоровых.

В исследовании приняли участие 99 семей, возраст родителей 28–39 лет (ср.возраст = 35), детей 7–10 лет (ср.возраст = 8,2), 48 детей (26 мальчиков и 22 девочки) имели диагноз К29.8 «Дуоденит» и К29.9 «Гастродуоденит неуточненный», 51 ребенок (21 мальчик и 30 девочек) являлись условно здоровыми. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью следующих методик: «Эмоциональная экспрессивность отца» А.Б. Холмогоровой, О.Г. Калины, «Семейная социограмма» Э.Г. Эйдемиллера, «Семья животных» А.Л.Венгера (для исследования ребенка); опросник «Анализ семейных взаимоотношений (АСВ)» Э.Г. Эйдемиллера, проективная методика «Семейная социограмма» Э.Г. Эйдемиллера (для исследования отца). Для статистического анализа были использованы методы описательной статистики, сравнительной статистики, факторный анализ. Статистический анализ данных производился с помощью программы SPSS v.19.

Согласно результатам исследования, психологические особенности отношения к отцу у детей с гастродуоденитом отличаются от таковых у соматически здоровых детей и характеризуются негативным образом отца ($p=0,04$), эмоциональным дистанцированием с отцом (что больше характерно для мальчиков ($p=0,027$)) и снижением его авторитета в семье (33% болеющих детей в качестве самого главного члена семьи называют бабушку/дедушку, 25% — себя, и только 15% — папу, распределение в выборке здоровых детей 13%, 10% и 40% соответственно).

Для выборки мальчиков и девочек обнаружено, что мальчики с гастродуоденитом имеют более негативный отцовский образ и большую дистанцию с ним в сравнении со здоровыми мальчиками, в то время как для девочек характерно преобладание образа отца, связанного с тревогой, но без эмоциональной дистанции с ним.

Также выявлена специфика в отношении отца к ребенку с гастродуоденитом, включающая эмоциональное дистанцирование ($p=0,049$), трудности исполнения функций контроля ($p=0,035$), снижение отцовской авторитетности (51% отцов болеющих детей ставят на место главного члена семьи ребенка, 33% — представителя старшего поколения, и только 2% — себя, при этом 45% отцов здоровых детей считают, что власть в их семье принадлежит супружеской чете, 25% считают главными себя, и 7% — кого-то из старшего поколения).

Факторный анализ параметров стилей воспитания в семьях болеющих детей показал наличие нескольких стилей воспитания, характерных для группы отцов. Первый стиль воспитания получил название «тревожная неуверенность» (24% дисперсии), второй — «инфантилизация» (13,5%), третий — «эмоциональное отвержение» (13%). Выявлены гендерные особенности отцовского стиля воспитания: для отцов болеющих мальчиков наиболее характерен стиль воспитания «тревожная неуверенность с втягиванием в супружеский конфликт» (26%) и «инфантилизация» (16%), для отцов болеющих девочек — «неустойчивый стиль» (23,5%) и «тревожная неуверенность» (16%).

Таким образом, в семьях детей с гастродуоденитом отмечается эмоциональная дистанция между отцом и ребенком, снижение отцовской авторитетности, нарушение супружеских отношений, а также специфические стили воспитания, что может являться мишенями психологической коррекции при работе с данными семьями.

1. Калина О.Г., Холмогорова А. Б. Роль отца в психическом развитии ребёнка. — М., 2011. — 112 с.
2. Симоненко, И.А. Привязанность и её влияние на здоровье и развитие ребенка. Психотерапия привязанности в детском возрасте: Монография. — Курск. — 2014. — 242 с.
3. Энциклопедия психодиагностики. Психодиагностика семьи. / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара, 2009. — 695 с.

Сравнительный анализ достижений в речевом развитии детей раннего возраста с типом отношения к родительству у их матерей

Речевое развитие, ранний возраст, жизнеспособность семьи, отношение к материнству

По мере возникновения трудностей в овладении речью детьми раннего возраста семья встречается с кризисной ситуацией, требующей психологической работы. Осознание «инаковости» ребёнка влечет за собой эмоциональный стресс, негативные переживания, депрессивные состояния. Некоторые семьи преодолевают кризисную ситуацию самостоятельно, другим требуется помощь в активизации психологических ресурсов в процессе ее преодоления. Одним из таких ресурсов является жизнеспособность семьи [1], а одним из параметров ее проявления, на наш взгляд, выступает отношение к родительству (материнству).

Мы предположили, что достижения ребёнка раннего возраста в речевом развитии (в формировании вербальных средств общения) в ходе реализации программ психолого-педагогического сопровождения семьи связаны с отношением к родительству: в семьях с позитивным отношением к родительству, проявленным в рисунках матерей детей раннего возраста, ребёнок с отклонениями в овладении речью проявляет лучшую динамику речевого развития по сравнению с семьями с негативным или неоднозначным отношением к материнству.

С этой целью проверки данной гипотезы применялись: методика диагностики психоречевого развития ребёнка раннего возраста Е.В. Шереметьевой [3] (в начале и в конце реализации программы), рисуночная проективная методика «Я и мой ребёнок» Г.Г. Филипповой [2]. В исследовании приняли участие 10 семей, обратившиеся за помощью в социально-реабилитационный центр «Здоровье» (г. Челябинск), отметившие трудности в речевом развитии детей раннего возраста и принявшие участие в реализации программ по формированию средств общения у детей.

Методика Е.В. Шереметьевой позволила осуществить дифференциацию неговорящих детей. В начале реализации программы по формированию средств общения [4] у 2 детей была выявлена задержка речевого развития темпового характера, у 8 детей — отклонения в овладении речью, в том числе: 4 — нерезко выраженные, 2 — умеренно выраженные, 2 — резко выраженные. Методика Г.Г. Филипповой позволила определить по формальному и содержательному признаку следующие типы отношения к материнству: 1 тип — благоприятная ситуация, 2 тип — незначительные симптомы тревоги, неуверенности, конфликт, 3 тип — тревога и неуверенность, 4 тип — конфликт с ситуацией материнства. По формальному признаку 1 тип выявлен у 5 женщин, 2 тип — у 2 женщин, 3 тип — у 2 женщин, 4 тип — у 1 женщины. По содержательному признаку 1 тип выявлен у 2 женщин, 2 тип — у 4 женщин, 3 тип — у 3 женщин, 4 тип — у 1 женщины. Также было выявлено, что специфические симптомокомплексы у большинства родителей

(8 чел.) сочетают в целом позитивные характеристики («благоприятная ситуация») с элементами негативных («трудности общения»: 2 чел., «эмоциональная холодность»: 2 чел., «тревожность»: 3 чел., «чувство неполноценности»: 2 чел., «депрессивность» — 1 чел.). У 2 матерей в симптомокомплексе отношения к родителю преобладают негативные характеристики.

По итогам реализации программ по формированию средств общения удалось достичь значимых результатов в речевом развитии детей. На момент окончания программы количество детей с резко выраженными ООР сократилось с 2 до 1, с нерезко выраженными — с 4 до 3, 2 ребенка вышли в темповую задержку речевого развития (вместо ООР), 1 ребенок показал норму речевого развития. Таким образом значимую (в плане перехода от одного типа к другому) динамику в развитии проявили 5 детей, у остальных детей динамика в развитии также была, но оказалась не существенной (дети остались в пределах того же типа речевого развития по результатам итоговой диагностики). Оказалось, что динамику показали дети, в чьих семьях был определен 1 и 2 тип отношения к материнству, что подтверждает нашу гипотезу о взаимосвязи положительного отношения к родительству как показателю жизнеспособности семьи и успехами в освоении средств общения ребёнком раннего возраста с отклонениями в овладении речью.

В целом, мы можем отметить, что во всех рассмотренных рисунках встречаются симптомокомплексы отношения к себе и к ребёнку, которые могут осложнять естественный ход его речевого развития и коррекционную работу по развитию речи и формированию средств общения в семье. Между тем у каждой семьи есть ресурсы жизнеспособности, открывая и задействуя которые можно достичь высоких результатов в преодолении отклонений речевого развития у детей.

1. Махнач, А.В. Тенденции в изучении семьи и характеристик состава, связанных с ее жизнеспособностью / А.В. Махнач // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. — 2019. — № 2. — С. 37–50.
2. Филиппова, Г.Г. Психология материнства: учеб. пособ. / Г.Г. Филиппова. — Москва: Юрайт, 2020. — 212 с. — ISBN: 978-5-534-06007-2.
3. Шереметьева, Е.В. От рождения до первой фразы: тернистый путь к общению: монография / Е.В. Шереметьева. — Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2019. — 282 с. — ISBN 978-5-907210-36-3.
4. Шереметьева, Е.В. Особенности речевых и неречевых средств общения в коммуникативном взаимодействии «родитель — ребёнок раннего возраста с отклонениями в овладении речью» / Е.В. Шереметьева, Е.Г. Щелокова, Л.М. Лапшина, И.М. Пидал // Современные проблемы науки и образования. — 2018. — № 4. — URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27932> (дата обращения: 15.06.2021).

Особенности планирования беременности и отношения к ребенку у женщин, использовавших для зачатия вспомогательные репродуктивные технологии

Беременность, планирование беременности, отношение к ребенку, вспомогательные репродуктивные технологии

Физические, гормональные и социальные изменения, происходящие с женщиной в период беременности, могут изменять ее эмоциональное состояние, а также отношение к себе, к будущему ребенку и миру в целом. Многими авторами [1, 2, 4] отмечается тенденция к довольно высокому уровню психоэмоционального стресса (тревожности, напряженности, проявлению депрессивной симптоматики, психосоматической патологии и пр.) у женщин, имеющих длительный опыт бесплодия, его медикаментозного лечения и многочисленных безуспешных попыток зачатия. Для планирования беременности они обращаются к специалистам, проходят длительное, сложное лечение; некоторым требуется несколько попыток ВРТ. Ряд исследователей отмечают специфику в отношении к ребенку у женщин, использовавших вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), а именно: эйфорическую доминанту, идеализацию его образа и при этом игнорирование шевелений плода и завышенные ожидания в отношении ребенка [3]; и чем больше попыток ВРТ, тем более это отношение искажено. В связи с этим особое значение приобретает исследование психологического функционирования, особенностей планирования беременности и отношения к будущему ребенку у женщин, использовавших ВРТ. Методы: Шкала психологического функционирования (Achenbach, T., Rescorla, L., 2003, в адаптации Е.Р. Слободской); «Шкала оценки пренатальной привязанности (Condon J., 1993); Тест отношений беременной (ТОБ, Добряков И.В., 2010); Родительские оценки детей» (Ланцбург М.Е., Дудина А.А., 2014).

Предварительные результаты представлены по 29 женщинам: 17 женщин с естественной беременностью (ЕСБ) (29,2±3,6 лет) и 12 использовавших для зачатия ВРТ (33,9±4,7 лет); различия по возрасту между данными группами значимые ($p \leq 0,001$). У женщин с ЕСБ беременность в среднем наступила спустя 13,1 недели, а в группе ВРТ — 5,3 года. Инициаторами беременности в 37,5% случаев женщины с ЕСБ указывают себя и в 62,5% обоих партнеров. В группе ВРТ 28,6% женщин в качестве инициатора отмечают себя, 14,3% мужа и 57,1 % отмечают инициаторами обоих членов пары. 100% выборки группы ВРТ и 70,6% в группе с ЕСБ готовилось к беременности (посещали специалиста, принимали лекарства, изменили образ жизни). ТОБ показал, что и в группе ВРТ, и в группе с ЕСБ превалирует оптимальный тип гестационной доминанты. Наименее выражен депрессивный тип у ЕСБ и гипогнозический у группы ВРТ. Эйфорический и тревожный тип гестационной доминанты наиболее выражен у группы ВРТ ($p=0,05$). Не было обнаружено значимых различий по показателям качества привязанности и интенсивности чувств по отношению к ребенку. «Родительские оценки детей» показали, что женщины с

ЕСБ отмечают у своих детей все пять качеств более выраженными на момент беременности по сравнению с показателями в данной части методики у группы ВРТ. При этом, в группе ВРТ ниже, чем у ЕСБ, средние показатели по уровням развития качеств у ребенка, которые бы удовлетворяли женщину. Выводы: согласно первичному анализу наблюдаются некоторые особенности у женщин из группы ВРТ от группы с ЕСБ, связанные с планированием беременности и отношения к ребенку. Необходимо количественное увеличение выборки.

1. Аникина В.О., Блох М.Е., Савенышева С.С. Эмоциональное состояние женщин, использующих вспомогательные репродуктивные технологии: обзор современных зарубежных исследований // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №6
2. Маленова А.Ю., Кытькова И.Г. Отношение женщин в ситуации ЭКО к беременности, ребенку, материнству // Педиатр. 2015. №4.
3. Соловьева Е.В. О материнском отношении к детям раннего возраста, зачатым посредством экстракорпорального оплодотворения [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 4
4. Verhaak CM, Smeenk JM, Evers AW, Kremer JA, Kraaijaak FW, BraatDD. Women's emotional adjustment to IVF: a systematic review of 25 years of research. // Hum Reproduction Update. 2007.

Данное исследование поддержано грантом РФФИ № 20-013-00859А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Рунец О.В.
Москва, ФГБУН ИП РАН

Гипотетическая модель профессии «приемный родитель»

Желательные личностные качества, приемный родитель, приемная семья, включенность в семью, вовлеченность во взаимодействия

Проблема воспитания детей, оставшихся без попечения родителей в приёмной семье, относится к числу междисциплинарных. В ее решении участвуют специалисты из разных областей науки и практики — юридической, экономической, педагогической, включая специалистов-психологов. Научные исследования, посвященные вопросам создания и функционирования приёмных семей, показали многообразие подходов, среди которых можно выделить социально-психологический, мультимодальный, экзистенциально-гуманистический, ресурсный и ряд других (А.А. Алдашева, Л.А. Головёй, М.Е. Зеленова, Т.Е. Котова, Е.В. Куфтяк, А.И. Лактионова, А.В. Махнач, Р.Ж. Мухамедрахимов, В.Н. Ослон, Ю.В. Постылякова, Г.В. Семья, Н.Н. Толстых, и др.). Наблюдаемое разнообразие подходов в значительной степени приводит к нарушению целостности образа приёмной семьи, что в значительной степени затрудняет понимание специфики деятельности приёмного родителя. При этом эмпирических психологических исследований в данной области не так много, а имеющиеся работы, как правило, имеют узко прикладной характер.

Широкое распространение в современной России формы семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, (ею охвачены около 90% данной категории детей) де-факто позволяет говорить о возникновении особой социальной общности — сообщества опекунов и попечителей, а те семьи, где опека или попечительство осуществляются на возмездной основе, рассматриваются как профессиональные.

Была сделана попытка описания деятельности приемного родителя как формы трудовой занятости методом составления аналитической профессиограммы, позволяющей строить гипотетические модели новой профессии (Иванова, 2012). Профессия «приемный родитель» рассматривается с позиций системного подхода. Выделены основные индикаторы компетентности, учет которых необходим в практике отбора и профессиональной подготовки приемных семей (Алдашева, Зеленова, Рунец, 2015). Проанализирована специфика труда приёмных родителей по сравнению с другими воспитателями, которая заключается в самостоятельном ответственном принятии решений в процессе воспитания детей-сирот приёмными

родителями, самостоятельном определении способов и приёмов воспитания ребёнка, формировании траектории его развития. Показано, что реализация целей, задач и функций приёмного родителя предполагает профессиональную включённость и вовлечённость в воспитательный процесс, на основе единства позиций родителя и социального воспитателя. Выделяются следующие профессионально важные качества как: социальная ответственность, психологическая активность, помогающее поведение, доверие к себе и миру, умение выстраивать субъект — субъектные взаимоотношения с приёмным ребенком, направленность на другого, понимание психологических границ, принятие решений на основе морально-нравственных ценностей. Компетентность включает готовность и способность профессионального приёмного родителя использовать имеющиеся у него знания для принятия эффективных решений по воспитанию приёмного ребёнка.

Были определены «нежелательные» качества личности приемного родителя: эмоциональная холодность; нечувствительность к границам дозволенного; безразличие, понимаемое как равнодушие; безучастное отношение к другим людям; отсутствие, необходимых для взаимодействие с приёмным ребёнком как субъектом воспитания, навыков общения, обеспечивающие взаимодействие с приёмным ребёнком как субъектом воспитания.

1. Алдашева, А. А. К вопросу о построении профессиограммы специалиста "замещающий родитель" с позиций системного подхода / А. А. Алдашева, М. Е. Зеленова, О. В. Рунец // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Ярославль, 20–22 октября 2015 года. — Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2015. — С. 129–131.
2. Иванова, Е. М. Психологическая системная профессиография. Монография / Е. М. Иванова. — Москва: Пер Сэ, 2012. — 208 с. — ISBN 5929201099.

ГЗ № 0138-2021-0010

Психологическая устойчивость как проявление толерантности личности

Психологическая устойчивость личности, толерантное взаимодействие, модусы толерантности, эмоциональная стабильность, нервно-психическая устойчивость

Актуальность исследования составляющих психологической устойчивости (экзо-проявлений — на уровне межличностного взаимодействия; эндо-проявлений — на уровне внутри личностной системы) как разнонаправленных проявлений толерантности в настоящее время обусловлена глобальными вызовами и изменениями в социуме: цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, переходом к переселениям, неконтролируемыми миграционными потоками, кризисами ряда социальных институтов и др., апеллирующими не только к основам построения межличностных, социальных и международных отношений, но и к стабильности, адаптационному потенциалу и безопасности самой личности.

Анализ составляющих конструкта толерантности показал, что толерантность характеризуется комплексом взаимосвязанных критериев, которые соответствуют комплементарным позициям авторов по вопросу о ее сущности. А.Г. Асмолов выделяет когнитивный, эмоциональный и практически-действенный критерии толерантности [1]. Г.У. Солдатова рассматривает толерантность через призму четырех основных аспектов: систему позитивных установок, психологическую устойчивость, совокупность индивидуальных качеств, систему личностных и групповых ценностей [2]. Системное влияние психологической устойчивости на уверенность и независимость человека в отношениях с другими людьми, снижение враждебности, открытость общения, терпимость, чувство социальной принадлежности, статус в группе и социуме, структурирование устойчивых социальных ролей, удовлетворяющих субъекта [3], позволяет отнести ее к внутреннему проявлению толерантности.

В своем исследовании мы исходим из позиции, что толерантность — это интегративная характеристика личности, участвующая в реализации функции поведенческой и деятельностной регуляции, являющаяся важным компонентом жизненной позиции личности, способствующая сохранению личностной целостности, проявляющейся в психологической устойчивости личности в ситуациях негативного воздействия [4]. Наше исследование было направлено на определение связей между внешними и внутренними модусами толерантности.

Обнаруженная в нашем эмпирическом исследовании (183 респондента) взаимосвязь параметров толерантности к другим, параметров сопротивляемости воздействию со стороны, устойчивости к неопределенности и личностно-характерологических параметров доказывает наличие системных координаций между внешними и внутренними модусами толерантности как интегративного личностного конструкта. Причем координации могут приводить как к положительным эффектам (между принятием партнера по общению и эмоциональной стабильностью, между чертами женственности в системе отношений

и уровнем общей и этнической толерантности, между чертами мужественности и эмоциональной устойчивостью), так и отрицательным (между терпимостью к другим и способностью к самостоятельному принятию решения и размышлению над проблемой в эмоционально напряженной обстановке; между чертами характера, обусловленными органическими поражениями ЦНС и коммуникативной толерантностью; между психологической склонностью к правонарушениям, преобладанием черт мужественности в системе отношений и уровнем общей толерантности и толерантности как черты личности; между экстравертированной направленностью личности и толерантностью как личностной чертой). Это обусловлено как сложностью самого конструкта толерантности, мультифакторно детерминированного, так и противоречиями личностного развития, связанными со стабилизацией личностных свойств, с поиском баланса между конформностью и автономностью. Со сложностью конструкта толерантности, ее систематизирующим характером и стремлением к индивидуализации (многозначность коэффициента относительности при сопоставлении респондентских групп по параметрам толерантности), связаны и невысокие значения коэффициентов корреляции между экзо-проявлениями — на уровне межличностного взаимодействия, и эндо-проявлениями — на уровне внутри личностной системы психологической устойчивости.

1. Асмолов, А. Г. Толерантность: различные парадигмы анализа/Толерантность в общественном сознании России./ А.Г. Асмолов. М.: Смысл, 1998.-246с.
2. Солдатова, Г.У. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности./ Г.У. Солдатова.- М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012.- 112с.
3. Kreitler S. Towards a consensual model in personality psychology // *Personality and Individual Differences*. Volume 147, 1. 2019, P. 156–165. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.03.009>
4. Белашева, И.В. Толерантное поведение как критерий психологического здоровья личности/ И.В. Белашева. // *Мир науки, культуры, образования*. — 2014.- №6. — С. 243–244.

Управление ментальными моделями профессиональной деятельности обучающихся в вузе

Ментальные модели профессиональной деятельности, качественные различия, управление развитием обучающихся

Понятие управления развитием человека в психолого-педагогический тезаурус ввел Б.Г. Ананьев (1935), а в отношении процесса обучения — В.А. Якунин (Якунин, 1988). «Ментальные модели» служат основой эффективного управления (Furlough & Gillan, 2018). Сравнение ментальных моделей, сложившихся на определенный момент у обучающихся и у тех, чье обучение достигло высокого уровня (это может быть и «идеальная модель»), позволяет выявить качественные и структурные различия (Белых, Сокольский, 2021), которые можно использовать для коррекции учебных планов, методов и методик обучения, персонального и группового психологического консультирования.

Основной метод исследования: построение семантического пространства профдеятельности. Методика: заданный вариант решетки Дж. Келли. Элементы: различные аспекты профессиональной деятельности, конструкты: предполагаемые результаты.

Выборка 1.1: курсанты 3 курса инженерно-технического факультета направления подготовки «Пожарная безопасность» СПбУ ГПС МЧС России, 33 человека. Выборка 1.2: пожарные 1 пожарно-спасательной части Петроградского района. Количество: 10 человек. Выборка 2.1: студенты Лечебного факультета СЗГМУ имени И.И. Мечникова, 18 человек. Выборка 2.2: врачи СПбГБУЗ «Городская поликлиника №14», 2-е терапевтическое отделение, 4 человека.

Результаты и обсуждение. В выборках 1.1 и 1.2 выявлено по три фактора, причем на 1 месте у тех и у других — эффективность тушения пожара, но у профессиональных пожарных в содержании фактора значимое место занимает минимизация материального ущерба, а у курсантов — снижение травматичности и гибели пожарных. У пожарных второй фактор по содержанию отражает усилия, направленные на спасение жизни и здоровья, а у курсантов основное содержание второго фактора — минимизация ущерба. Расположение объектов в пространстве факторов подтверждает специфику дифференциации профессиональных обязанностей теми и другими. В выборках 2.1 и 2.2 получено 4 и 3 фактора соответственно. Все факторы студентов нагружены представлениями о необходимости усилий, которые студенты приписывают почти всем видам деятельности. Они группируют цели в зависимости от усилий, удовлетворения, самопрезентации и общения с пациентами. Классификация целей врачей: квалифицированная помощь, стресс и значимость для пациента.

Выводы. 1. Ментальные модели обучающихся и профессионалов по когнитивной сложности примерно одинаковы, однако отличаются структурой и содержанием. 2. Ментальные модели обучающихся имеют заметное влияние учебной деятельности. 3. Группировка целей профессиональной деятельности и

соответствующих этим целям элементов профессиональной деятельности во многом близки, однако курсанты направления «Пожарная безопасность» недостаточно дифференцируют средства, которые должны быть направлены на различные цели. Студенты лечебного факультета проецируют специфику учебной деятельности на будущую профессиональную деятельность. 4. Возможность управления ментальными моделями профессиональной деятельности следует из результатов их качественного сравнения и выделения тех аспектов, которые имеют неточную коннотацию, отличающуюся от профессионально выверенных моделей.

1. Белых С.Л., Сокольский А.А. Психолого-педагогический ресурс ментальных моделей профессиональной деятельности для специальности «пожарная безопасность» // Психолого-педагогические аспекты подготовки кадров к профессиональной деятельности в экстремальных условиях: Сб. н. тр. Междунар. науч.-практ. конф.-и. СПб.: Изд-во: СПбУ ГПС МЧС России, 2021. С.301–310.
2. Якунин В.А. Обучение как процесс управления: психологические аспекты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 159с.
3. Furlough, C. S., & Gillan, D. J. (2018). Mental Models: Structural Differences and the Role of Experience. *Journal of Cognitive Engineering and Decision Making*, 12(4), 269–287.
4. Trumpower, D.L., & Sarwar, G. S. (2010). Formative structural assessment: Using concept maps as assessment for learning. In *Proceedings of the Fourth International Conference on Concept Mapping* (Vol. 2, pp. 132–136).

Белых С.Л.
Санкт-Петербург, СПбГУПС МЧС России

Каспер Н.В.
Москва, ГУЗ

Рукавишникова Е.Л.
Москва, РГАУ МСХА им. К.А. Тимирязева

Способность к воссозданию визуального образа по тактильному восприятию как профессионально важное качество специалиста по ландшафтному дизайну

Способность к воссозданию визуального образа по тактильному восприятию, профессионально-важное качество, ландшафтный дизайн

Различные приемы организации архитектурно-ландшафтной среды на практике (Kasper, N.V. и др. 2019), предполагают у проектировщика не только наличие эстетического вкуса, способности к созданию художественного образа, техники выполнения проектов, но и наличие способностей, связанных с пространственным мышлением.

Создание ландшафта предполагает умение работать с географическими и/или пространственными данными (Каспер Н.В., Морозов Г.В., Таранов С.Б. 2019). Кроме того, обучение ландшафтных дизайнеров, как и архитекторов, требует особой организации образовательного процесса (Ильвицкая С.В. 2015).

Способность к воссозданию визуального образа по тактильному восприятию (Белых С.Л., Мильчакова С.И. 2008) является интеллектуальным качеством, преимущественно связанным с пространственным мышлением, при этом она формируется в раннем и дошкольном детстве, опираясь на разнообразный сенсорный опыт ребенка и его общую физическую активность, поэтому является детерминантой будущих увлечений, интересов, эстетических предпочтений и профессионального самоопределения.

Выборка: студенты (бакалавриат) направления подготовки «Ландшафтная архитектура» ГУЗ и РГАУ МСХА им. К.А. Тимирязева, 37 человек. Методики: 1. Анкета отношения к выбранному направлению проф. образования; 2. Авторская методика «Способность к воссозданию визуального образа по тактильному восприятию» (Белых С.Л., Мильчакова С.И., 2008), взрослый вариант; 3. Процедура эстетической оценки фотографий стилей ландшафтного дизайна с помощью модифицированного СД; 4. Экспертная оценка.

Результаты и обсуждение. Сопоставление экспертной оценки и эстетических предпочтений респондентов показало, что результаты студентов РГАУ МСХА имеют больше расхождений с экспертами, чем студентов ГУЗ и большую вкусовую вариативность. Сопоставление эстетических предпочтений респондентов с уровнем и типом ошибок способности к воссозданию визуального образа по тактильному восприятию показало, что студенты РГАУ МСХА имеют большее количество ошибок по экспериментальной методике, чем студенты ГУЗ. Сопоставление полученных данных с характером профессионального образования, возрастом,

обоснованиями выбора направления профессионального образования и наличием и степенью увлеченности различными хобби показало, что способность к воссозданию визуального образа по тактильному восприятию имеет высокие различительные способности.

Основные выводы: эстетические предпочтения студентов, обучающихся по профилю «Ландшафтный дизайн», а также основания выбора профессионального образования и хобби обусловлены уровнем диагностируемой способности и типом ошибок при ее диагностике.

1. Каспер Н.В., Морозов Г.В., Таранов С.Б. 2019. ГИС в архитектуре и градостроительстве // Архитектура и строительство в России. №4(232). С.112–113.
2. Белых С.Л., Мильчакова С.И. Способность к воссозданию визуального образа по тактильному восприятию и ее операционализация // Психологический журнал. 2008. № 3. С. 120–127.
3. Саркисов С.К., Ильвицкая С.В., Петрова Л.В., Булгакова Е.А. 2015. Инновационные технологии в контексте творческого обучения архитекторов // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. № 4. С.45–51.
4. Kasper, N.V., Bazilevich, A.M., Plyina, E.A., & Golyshev, E.A. (2019, December). Architectural environment for young children's habilitation. In IOP Conference Series: Materials Science and Engineering (Vol. 698, No. 3, p. 033016). IOP Publishing.

Психологическая безопасность как фактор сохранности личности в системе служебной деятельности: на примере профессионального сообщества муниципальных служащих

Психология служебной деятельности, сохранность личности, муниципальные служащие, профессиональная деятельность, психологическая поддержка

Проблема сохранности личности профессионала в контексте психологической безопасности особенно актуальна для представителей профессий, где человеческий фактор имеет первостепенную роль. Риски для личности определяются специфическими условиями деятельности и реальными возможностями, потребностями и ценностями человека [1].

К специфике деятельности современных муниципальных служащих относятся:

1. Ориентация на процесс осуществления функций, конкретных операций (коммуникативных, интеллектуальных, технических). Осознание цели деятельности — либо отсутствует, либо быстро утрачивается.
2. Жесткая регламентация посредством норм и стандартов, нарушения которых могут оказаться необратимыми для карьеры [2].
3. Ограниченные возможности вертикального карьерного роста и неудовлетворенность материальной поддержкой в виде достойного «социального пакета» препятствуют повышению качества кадрового состава муниципальной службы и развитию системы в целом.
4. Консерватизм. В каждом коллективе годами поддерживаются специфические традиции и модели поведения, которые обеспечивают внутреннюю стабильность и ригидный характер реагирования на изменения внешней среды [3].
5. Высокая частота изменений условий деятельности органов местного самоуправления задается на законодательном уровне (федеральном, региональном), требует новых подходов к организации служебной деятельности и приводит к существенному увеличению нагрузки на персонал муниципальной службы.
6. Необходимость внешнего субъект-субъектного взаимодействия. Необходимость гибко и корректно реагировать на обращения граждан осознавая статус представителя муниципальной власти — важный критерий компетентности муниципального служащего несмотря на тенденции к снижению роли «человеческого фактора» (МФЦ, платформа ГосУслуги, сайты органов власти).

Эти особенности активизируют механизмы психологической защиты. В первую очередь, избегание — стремление как можно реже вступать в контакт руководством/подчиненными с целью избавиться от необходимости открыто обсуждать конфликтные ситуации, брать ответственность за непопулярные решения,

выполнять несогласующиеся с собственной позицией поручения. Среди рядовых служащих достаточно распространенным механизмом является возрастная регрессия — состояние, не позволяющее справиться с решением элементарной задачи.

Руководители высшего звена, как правило, испытывают большее давление со стороны системы, чем линейные руководители и рядовые служащие за счет более высокого уровня ответственности и более жестких санкций за нарушение норм или за недостаточную эффективность. «Кто я — человек или функция?» — ключевой вопрос, на который они не находят ответа.

Эти и другие личностные проблемы представителей муниципального профессионального сообщества требуют комплексного решения. В частности, очевидна необходимость поиска адекватных путей организации психологической поддержки, включая профилактику формирования выученной беспомощности и ранних симптомов эмоционального выгорания.

1. Елисеева И. В. Понятие «муниципальная служба»: терминологический аспект. Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 5. — URL: <http://e-koncept.ru/2019/193037.htm>.
2. Федеральный закон "О муниципальной службе в Российской Федерации" от 02.03.2007 N 25-ФЗ (с последними изменениями). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/.
3. Ханнан М.Т., Фримен Дж. Экология организационных популяций. Вестник С.-Петербургского ун-та. Сер. Менеджмент. — 2004. — Вып. 3. — С.143–185.

Жизнестойкость как фактор совладания со стрессом у студентов медицинского ВУЗа в период пандемии

Жизнестойкость, стресс, механизмы психологической защиты, методы преодолевающего поведения, тревожность, пандемия

Всемирной Организацией Здравоохранения мировая пандемия COVID-19 была объявлена 11 марта 2020 года. По данным организации здравоохранения США CDC (Centers for Disease Control and Prevention) по состоянию на 10 мая 2021 года количественный прирост диагнозов «тревожность» и «депрессия» у взрослых людей составляет более 20% относительно тех же показателей в январе 2019 года. Причиной подобного скачка в выявленных диагнозах считают пандемию COVID-19 [1]. Работники сферы здравоохранения находятся в зоне максимального риска. Медики, в том числе и студенты медицинских вузов, находятся под влиянием как физического стресса, так и психологического стресса из-за постоянной угрозы заражения [2]. Анализ исследований подтверждает актуальность рассмотрения жизнестойкости в качестве фактора совладания со стрессом [3–4].

Цель: изучить структуру жизнестойкости у студентов медицинского вуза в период пандемии. Гипотеза исследования: жизнестойкость является одним из факторов совладания со стрессом у студентов медицинского вуза в период пандемии.

Выборка: 31 студент медицинского университета. Методики: тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой; методика Индекс Жизненного стиля Р. Плутчика в адаптации Л.И. Вассермана; методика «Модели преодолевающего поведения С. Хобфолла в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой; тест уровня тревожности Ч. Спилбергера в адаптации Ю.Н. Ханина; тест уровня тревожности PSM-25 в адаптации Н.Е. Водопьяновой.

Результаты. Для выявления структуры жизнестойкости у студентов-медиков проводился факторный анализ данных психологической диагностики с помощью IBM SPSS 23. Выявлено, что структура жизнестойкости образована 7 факторами с дисперсией 79%. Показатель жизнестойкости вместе со всеми его шкалами вошли в первый биполярный фактор. На одном полюсе данного фактора помимо показателей жизнестойкости находятся: механизм психологической защиты — отрицание и модель преодолевающего поведения — ассертивные действия. На другом полюсе — уровень личностной тревожности и переживания стресса, механизмы психологической защиты (регрессия и замещение) и модель преодолевающего поведения — избегание. Первый фактор можно интерпретировать как «ресурсы совладания со стрессом». Показатель жизнестойкости образует один полюс другого биполярного фактора, на противоположном полюсе которого показатели гиперкомпенсации и импульсивных действий. Остальные пять факторов не включают ни один из показателей жизнестойкости и образованы комплексами механизмов психологической защиты, моделей преодолевающего поведения, тревожностью и переживанием стресса. Результаты исследования могут быть

использованы психологическими службами учебных заведений и силовых структур, занимающимися подготовкой и обучением медицинского персонала.

1. Centers for Disease Control and Prevention. Anxiety and Depression: Household Pulse Survey. COVID-19 Data from NCHS. <https://www.cdc.gov/nchs/covid19/pulse/mental-health.htm>
2. Temsah, M.-H., Al-Sohime, F., Alamro, N., Al-Eyadhy, A., Al-Hasan, K., Jamal, A., Al-Maghlouth, I., Aljamaan, F., Al Amri, M., Barry, M., Al-Subaie, S., Mohammed Somily, A. The psychological impact of COVID-19 pandemic on health care workers in a MERS-CoV endemic country / M.-H. Temsah, F. Al-Sohime // *Journal of Infection and Public Health*. Volume 13, Issue 6. 2020. pp. 877–882. <https://doi.org/10.1016/j.jiph.2020.05.021>
3. Sadeghpour, M., Fereydooni-Modghadam, M., Namnabati, M. The Impact of Kobasa and Maddi Hardiness Model on Stress and Hardiness of Iranian Pediatric Nurses: A Clinical Trial Study [Электронный ресурс] // *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research* — 2021. Vol. 26, Issue 1. pp. 42–46 <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8074733/>
4. Mund, P. Hardiness and Culture: A Study with Reference to 3 Cs of Kobasa [Электронный ресурс] / P. Mund // *International Research Journal of Management, IT and Social Sciences*. — 2017. Vol. 4. No. 2. — <https://sloap.org/journals/index.php/irjmis/article/view/456>

Особенности самоотношения государственных гражданских служащих с разным уровнем психовременной зависимости

Самоотношение, психовременная зависимость, представление о себе, принятие, активность, позитивность

Управление временем является одной из важных способностей, для реализации человеком себя, в том числе и в профессиональной деятельности. Эффективность использования времени предполагает разрешение противоречия между желанием субъекта управлять своим временем и реальностью — когда время управляет им. Особую актуальность в этом случае приобретает феномен психовременной зависимости, которая с нашей точки зрения представляет собой навязчивое стремление субъекта контролировать своё время (его наличие, отсутствие или ограничение), желая управлять им, рационально планируя день (неделю, месяц, год), испытывая дискомфорт в ситуациях когда он не может точно следовать своему временному плану (даже по независящим от него причинам), что ухудшает его психическое состояние и настроение, негативно влияя на работоспособность и переживание благополучия.

В исследовании предполагали, что психовременная зависимость государственных гражданских служащих взаимосвязана с особенностями их отношения к себе; служащие с разным уровнем временной зависимости будут различаться доминирующими видами самоотношения. Изучению этих вопросов и послужило наше исследование.

В обследовании приняли участие 125 государственных гражданских служащих (стаж работы на госслужбе от 5 до 10 лет), проходивших повышение квалификации на базе ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» (г. Ханты-Мансийск). В качестве психодиагностических методик использовали авторские разработки: «Шкала психовременной зависимости личности» и опросник «Отношение к себе».

На основании результатов, полученных по методике «Шкала психовременной зависимости личности», обследованная выборка была разделена на три группы.

Первая группа – госслужащие оценки которых по данной шкале отклоняются в сторону высоких значений (n=55 госслужащих). Это субъекты, которым присуще ощущение того, что время их торопит (подгоняет), они чувствуют зависимость от времени. Их поведение и деятельность подчинены идее — «надо успеть», что негативно влияет на психическое состояние и настроение, ограничивая адаптационные способности. Ведущая установка: «время управляет мной»

Вторая группа – служащие оценки которых по данной шкале отклоняются в сторону низких значений (n=33 госслужащих). Это субъекты с отсутствием чёткого планирования времени, либо оно возникает спонтанно (определяется актуальной необходимостью). Они не стремятся контролировать и планировать своё время, часто используя его нерационально. Считают, что управляют своим временем, распоряжаясь им по своему усмотрению.

Третья группа — служащие, у которых показатель по шкале психовременная зависимость выражен на среднем уровне ($n=37$ госслужащих). Субъекты, гибко планируют своё время, способны легко изменить свой распорядок как по своему желанию, так и по требованиям ситуации. Они, не испытывают дискомфорта при нехватке, избытке или отсутствии времени, или когда нарушается их временной распорядок. Считают, что контролируют своё время стараясь использовать его рационально, но избегая крайностей — либо когда время начинает торопить и подгонять субъекта, либо дискомфорта вызванного наличием свободного времени.

В ходе исследований нами были установлены доминирующие виды отношения к себе у государственных гражданских служащих с разным уровнем психовременной зависимости. Так, у служащих с высокими значениями по шкале психовременной зависимости выражено «пассивно-негативное отношение» к себе. Показатель «величины активности» самоотношения (включая «уровень притязаний» и «установку на саморазвитие») выражен умеренно (5–6 стэнов), тогда как показатель «величины позитивности» на низком уровне (3 стэна). Ведущее значение при этом имеют показатели по шкалам «представление о себе» и «принятие себя», которые находятся на низком и пониженном уровне (3–4 стэна). У служащих с низкими значениями по шкале психовременной зависимости выражено «позитивное отношение к себе», при сниженной активности. Показатели «величины активности» («уровень притязаний» и «установка на саморазвитие») выражены на среднем уровне (5–6 стэнов), тогда как «величина позитивности» — на высоком уровне (9 стэнов), ведущее значение при этом играют показатели «позитивное представление о себе» и «принятие себя» (10 и 9 стэнов, соответственно). У обследованных с умеренно выраженной временной зависимостью все показатели по шкалам методики «Отношение к себе» («уровень притязаний», «установка на саморазвитие», «представление» и «принятие себя») находятся на повышенном уровне — в диапазоне от 7 до 8 стэнов. Это позволяет определить их отношение к себе как «активно-позитивное».

В ходе корреляционного анализа установлены значимые взаимозависимости показателя психовременная зависимость с показателями по шкалам методики «Отношение к себе как профессионалу». Заслуживает внимания значимые взаимозависимости с показателями по шкале «представление о себе» (-0,43) и «положительный — отрицательный образ себя» (-0,45). Соответственно снижение критичности самооценивания (показатель «образ себя»), присущее служащим с низкой психовременной зависимостью, приводит к повышению принятия себя, что выражается в более положительном образе самого себя (человек меньше человек видит в себе недостатков) и сопровождается более позитивным отношением к себе. Тогда как усиление критичности, наоборот способствует снижению показателей «принятие себя» и «представление о себе» (отмечается у служащих с высокой психовременной зависимостью), что выражается в более негативном самоотношении. Таким образом, наше предположение о том, что психовременная зависимость взаимосвязана с особенностями отношения к себе, нашло своё эмпирическое подтверждение. Соответственно, регуляция психовременной зависимости может выступать одним из способов формирования активно-позитивного самоотношения, что на наш взгляд, благоприятно скажется на

профессиональной деятельности государственных гражданских служащихи качестве жизни в целом.

Соответственно, изменяя отношение ко времени, гибко контролируя его использование, регулируя свою психовременную зависимость возможно изменить самоотношение в сторону активности и позитивности, что благоприятно скажется на профессиональной деятельности государственных гражданских служащихи качестве жизни в целом.

Взаимосвязь социально-психологических установок и черт личности военнослужащих контрактной службы

Личностные особенности, социально-психологические установки, черты личности, профессиональная деятельность, военнослужащие

На современном этапе развития российского общества можно наблюдать изменение иерархии ценностей, мотивов, установок и т.д. людей, в связи с происходящими процессами глобализации. Социально-психологические установки, которыми обладает человек, напрямую связаны с эффективностью выполнения им тех профессиональных задач, из которых состоит его профессиональная деятельность; они являются одним из механизмов регуляции поведения человека, определяющим причины поступков и проявлений. Деятельность сотрудников правоохранительных органов отличается целым рядом специфических особенностей и предъявляет к личности определенные требования. Проблема исследования обусловлена недостатком работ, направленных на изучение взаимосвязи социально-психологических установок и черт личности военнослужащих в рамках возрастного и акмеологического подходов.

Нами было проведено эмпирическое исследование, базирующееся на принципах: системности, детерминизма, развития, сознания и деятельности; методический инструментарий: «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потемкиной, 1993 г.; «Мотивационный профиль» Ричи Ш, Мартина П. 2004 г.; 16 PF Кеттелла (форма А), в адаптации В.И. Похилько, А.С. Соловейчика, А.Г. Шмелевым 1987 г.

Базой исследования выступило Управление Сибирского округа войск национальной гвардии Российской Федерации города Новосибирска. Выборка составила: военнослужащие контрактной службы — 141 респондент, в возрасте от 22 до 47 лет, военная выслуга лет — от 3 до 23 лет. Согласно логике исследования, выборка была дифференцирована на три группы: ЭГ-1 (N=48) — 21–28 лет, ЭГ-2 (N=50) — 29–36 лет, ЭГ-3 (N=43) — 37–45 лет, на основании возрастной периодизации Ю.Н. Карандашева (Карандашев Ю.Н., 1997) и Приказу Минобороны РФ от 21 апреля 2009 г. № 200 [1].

Применение статистического критерия Н-Краскела-Уоллеса, показало наличие достоверных различий по 18 шкалам из 20, методик, отражающих социально-психологические установки, что подтвердило возможность деления выборки на группы и отсутствие различий по чертам личности военнослужащих, что указывает на устойчивость их конфигурации на протяжении всей службы. Далее методом корреляционного анализа (rs-Спирмена) осуществляется поиск взаимосвязей между обозначенными параметрами отдельно на каждой группе. Наиболее сильные значимые связи, отличающиеся по группам, были выявлены следующие:

в ЭГ-1: «Потребность в высокой заработной плате и материальном вознаграждении» — «С» ($r = -0,440$ при $p \leq 0,002$); «В» — «Ориентация на

свободу» — ($r = -0,472$ при $p \leq 0,001$) — Ориентация на эгоизм» ($r = 0,387$ при $p \leq 0,007$).

в ЭГ-2: «Потребность в высокой заработной плате и материальном вознаграждении» — «С» ($r = 0,381$ при $p \leq 0,006$); «Хорошие условия работы и комфорт» — «L» ($r = -0,483$ при $p \leq 0,000$); «Потребность в социальных контактах» — «F» ($r = 0,369$ при $p \leq 0,008$). «Ориентация на власть» — «А» ($r = -0,470$ при $p \leq 0,001$).

в ЭГ-3: «Потребность в разнообразии, переменах и стимуляции» — «В» ($r = 0,400$ при $p \leq 0,008$) — «L» ($r = 0,394$ при $p \leq 0,009$); «Самосовершенствование» — «Q1» ($r = -0,561$ при $p \leq 0,000$); «Интересная и полезная работа» — «Н» ($r = -0,392$ при $p \leq 0,009$); «Ориентация на альтруизм» — «А» ($r = 0,438$ при $p \leq 0,003$).

Таким образом, были получены данные, свидетельствующие о том, что социально-психологические установки во взаимосвязи с чертами личности военнослужащих изменяются в зависимости от возраста и выслуги лет ($r = 0,712$ при $p \leq 0,000$). Молодым людям в большей степени свойственна ориентация на свободу и эгоизм, потребность в высокой заработной плате и материальном вознаграждении; в первой половине взрослости — на хорошие условия работы и комфорт, потребность в социальных контактах; ориентация на власть; во второй половине взрослости — потребность в разнообразии, переменах и стимуляции, ориентация на альтруизм.

1. Информационно-правовой портал: [сайт]. — 2009 — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95845/> (дата обращения: 05.06.2021). — Текст: электронный.

Особенности мотивации достижений и локуса контроля у специалистов-консультантов по продажам

Мотивация достижений, локус контроля, мотивация профессиональной деятельности

В настоящее время переоснащение предприятий в связи с повсеместной роботизацией, автоматизацией и внедрением искусственного интеллекта помогает решить важнейшую управленческую задачу — повышение производительности труда. Однако производственные задачи любой индустрии сфокусированы на человеке, важнейшим ресурсом и предмете внимания руководителей, которые часто констатируют, что при одинаковых условиях работники с приблизительно одинаковыми социально-демографическими характеристиками систематически демонстрируют разные результаты. Различия в успешности выполнения производственных задач могут быть детерминированы мотивацией у специалистов. Поэтому одной из актуальных проблем психологии является задача выявления особенностей мотивации к продуктивной деятельности успешных работников.

Специалисты-консультанты по продажам организации ООО «КантенВельт», приблизительно одного возраста, имеют одинаковые условия труда, однако, часть работников показывает устойчивую динамику успешности в профессиональной деятельности, а вторая — регулярно не достигает положительных результатов в работе. Целью исследования было выявление особенностей мотивации достижений, внутренней и внешней мотивации и локуса контроля у специалистов-консультантов по продажам.

Мотивация достижения проявляется в стремлении индивида успешно выполнять поставленные задачи, несмотря на всевозможные трудности на пути их достижения [3]. Характеристики локуса контроля позволяют прогнозировать условия, способствующие или мешающие совершению действия, выявить зависимость поведения от подкреплений. Диагностические критерии интернальности и экстернальности, на основе шкалы Дж. Роттера были разработаны Е.Ф. Бажиным с соавторами. [1] Г. Замфир выделил три компонента мотивации профессиональной деятельности (внутренняя и внешняя (положительная и отрицательная) мотивации), определяющие чувство удовлетворения от работы, степень влияния внешнего стимулирования [2].

Выборку составили 60 человек (30 успешных специалистов организации ООО «КантенВельт» и 30 — неуспешных). Средний возраст — 30 лет. Психодиагностические методики: тест-опросник А. Мехрабиана для измерения мотивации достижения (в модификации М.Ш. Магомед-Эминова), тест-опросник субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера (адаптация Е.Ф. Бажиной, С.А. Голькиной, А.М. Эткинды), методика для диагностики мотивации профессиональной деятельности К. Замфир (в модификации А.А. Реана), социально-демографическая анкета. Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с использованием описательных статистик и корреляционного анализа (коэффициент корреляции Кендалла).

Результаты исследования показали, что успешные специалисты имеют тенденцию к более высоким показателям по шкалам общей интернальности, интернальности в области достижений, интернальности в области неудач и интернальности в области производственных отношений. Наибольшее различие в результатах у успешных и неуспешных специалистов, наблюдалось по шкале интернальности в области достижений. У успешных специалистов доминирует внутренняя мотивация в профессиональной деятельности, обуславливающая потребность в общественной и личной значимости и в удовлетворенности от процесса труда. Корреляционный анализ выявил отрицательные корреляционные взаимосвязи между уровнем достижения успеха и внешней отрицательной мотивацией и интернальностью в области производственных отношений. Вероятно, при высокой мотивации достижений успешных специалистов снижается значимость отношений в коллективе, чувствительность к наказанию и критике. Высокий уровень конкуренции среди специалистов по продажам не коррелирует с дружескими отношениями среди сотрудников. Полученные данные можно использовать при разработке программ стимулирования в компаниях, занимающихся продажами.

1. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. Опросник уровня субъективного контроля (УСК). Москва: Смысл:1993, 16 с.
2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы — СПб: Питер, 2011. — 508 с.
3. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; 2003. 860 с.

Психология профессиональной деятельности в условиях Арктики и регионов Крайнего Севера

Арктика, психология профессиональной деятельности, стресс

В постановлении правительства РФ от 30 марта 2021 г. № 484 социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации рассматривается как одно из важнейших. Профессиональная деятельность в Арктической зоне Российской Федерации, нуждается в психологическом обеспечении деятельности, повышение качества жизни и защищённости персонала в регионе. Комплекс климато-геофизических, экологических, производственных и социально-бытовых факторов Арктической зоны, создающих определённый и существенный риск для возникновения нарушений здоровья лиц, подвергающихся их воздействию (низкие температуры воздуха, длительный период стояния снега, сильные ветры, недостаток солнечной инсоляции, низкая абсолютная влажность воздуха, колебания плотности атмосферного кислорода, геомагнитные бури, длинный световой день в летний период и короткий — в зимний и др.). Особые условия жизнедеятельности в Арктике снижают успешность и повышают стресс человека.

Психологические причины стресса отличает отсутствие непосредственной угрозы для здоровья и жизни человека, но более затяжной характер воздействия. Симптомы: когнитивные (тревожность, ухудшение памяти, потеря способности к самоорганизации, пессимизм и подавленность, нерешительность и др.); эмоциональные (капризность, раздражительность, ощущение одиночества и бесполезности, враждебность и др.), поведенческие (потеря интереса к работе, замкнутость и недоверие, переоценка ценностей и др.).

Результаты исследований персонала в Арктической зоне: психическое выгорание, психоэмоциональное напряжение, конфликтность и агрессивность, чувство социальной изоляции, социальный дисинхроз. Субъективная реакция (отношение) к стресс-факторам имеет более важное значение, чем непосредственное воздействие этих факторов. Актуальность психологического обеспечения профессиональной деятельности и жизни в Арктической зоне.

Специалистам приходится жить и работать в экстремальных условиях. Специфика этих условий, а также государственная важность решаемых в Арктике профессиональных задач предъявляет к психике человека особые требования, направленные на поддержание необходимого уровня работоспособности и функционального состояния в процессе выполнения профессиональных обязанностей в различных условиях с сохранением физического и психического здоровья работников. Отметим, что адаптация человека в условиях Арктики достигается путём напряжения и сложной перестройки различных систем организма, провоцирующих заболевания.

Задача любого работника — научиться создавать оптимальную для конкретных условий деятельности во времени и пространстве стратегию преодоления стресса и профилактики риска его развития. Человек может обратиться к своим личностным ресурсам: телесным, душевным и духовным. К своему здоровью надо относиться как к ценности. Работнику необходимы знания о своем организме с целью оптимизации его жизнедеятельности. Конструктивной адаптации специалиста в Арктике способствуют следующие психологические факторы профессиональной деятельности: включенность в коллектив; позитивное общение; душевная близость; удовлетворенность взаимоотношениями; активная мотивация преодоления; отношение к стрессам как к возможности приобрести личный опыт и возможности личностного роста; сила «Я концепции», позитивное самоуважение, адекватная самооценка; активная жизненная установка (чем активнее отношение к жизни, тем больше психологическая устойчивость в стрессовых ситуациях; позитивность и рациональность мышления; эмоционально волевые качества); умение контролировать ситуацию (степень ее воздействия на человека оценивается адекватно); использовать методы или способы достижения желаемых целей (мастерство, способность, успешность); знание интерактивных техник изменения себя и окружающей ситуации; информационная активность и деятельность по преобразованию ситуации взаимодействия личности и стресс ситуации; способность к когнитивной структуризации и осмыслению ситуации; жизнь, наполненная смыслом, жизнестойкость.

1. Симонова Н.Н. Психология вахтового труда на Севере. Архангельск: Поморский университет, 2016. 359 с.

Факторная структура методики М. Савикаса и Э. Порфели «Шкала карьерно-адаптационных способностей» на российской выборке подростков

Шкала карьерно-адаптационных способностей, российская форма, старший подростковый возраст

Шкала карьерно-адаптационных способностей М. Савикаса и Э. Порфели (Career Adapt-Abilities Scale, CAAS) — широко используемый во всем мире инструмент оценки адаптационных ресурсов, которыми человек может располагать в процессе построения карьеры и которые он может использовать для решения незнакомых, сложных и неопределенных проблем, связанных с профессиональными задачами развития, профессиональными переходами и профессиональными потрясениями [1]. Учёные из 13 стран проделали большую работу по адаптации данной методики, и в настоящее время она продолжает активно апробироваться по всему миру. Конструкт карьерной адаптируемости, операционализированный на различных культурных выборках, включает четыре универсальных концептуальных фактора: заинтересованность, контроль, любознательность и уверенность. Проведенные по всему миру исследования подтвердили факторную структуру методики как на выборках подростков, так и взрослых респондентов. При этом показатели надежности шкал методики в различных версиях варьировались от приемлемых до высоких значений.

Цель настоящего исследования заключалась в проверке психометрических характеристик методики на российской выборке подростков. Мы ожидали, что факторная структура российской версии будет аналогична оригинальной версии методики, а показатели внутренней согласованности субшкал и общего показателя карьерной адаптируемости будут не ниже приемлемых значений (не менее 0.60).

Исследование проводилось на выборке 367 российских учащихся старших классов (235 девушек и 132 юношей) в возрасте 16–19 лет. Методики: Международная форма Шкалы карьерно-адаптационных способностей состоит из 24 пунктов, которые путем суммирования дают общий балл, диагностирующий собственно карьерную адаптируемость, а также поровну разделены на четыре субшкалы, которые измеряют ресурсы адаптируемости [1]. Методика была переведена на русский язык в три итерации тремя независимыми переводчиками. Для выявления индивидуально-психологических особенностей учащихся, определяющих мотивационно-процессуальную сторону профессионального выбора применялась методика И.М. Кондакова «Опросник профессиональных установок подростка» и «Тест мотивации выбора профессии для 7–11 классов» Л.А. Ясюковой.

С использованием конфирматорного факторного анализа подтверждена структура методики (анализировалась модель с 4 латентными факторами первого порядка и одним латентным фактором второго порядка) — хи-квадрат ($df=242$) =368.63; CFI=0.93; RMSEA=0.051; SRMR=0.056 (90% интервал от 0,04 до 0,06). Все субшкалы методики (α от 0.73 до 0.82), включая интегративную шкалу ($\alpha=0.91$),

продемонстрировали хорошие оценки внутренней согласованности. Все показатели методики карьерно-адаптационных способностей статистически значимо положительно взаимосвязаны, в первую очередь, с профессиональной и учебной мотивацией, и со статусной мотивацией. Корреляции с другими видами мотиваций отсутствуют. Положительные корреляции на высоком уровне значимости выявлены также с эффективными профессиональными установками (оптимизмом в отношении профессионального будущего и высокой самооценкой) и, напротив, отрицательные с неэффективными профессиональными установками (нерешительностью и зависимостью в профессиональном выборе).

Таким образом, данные по апробации «Шкалы карьерно-адаптационных способностей» на российской выборке подростков соответствуют теоретическому конструкту карьерной адаптируемости. Степень соответствия модели эмпирическим данным, факторные нагрузки и показатели надежности сопоставимы с результатами международной проверки методики в 13 странах [1]. Дальнейшие исследования будут связаны с оценкой психометрических характеристик методики на взрослой выборке респондентов.

1. Savickas M.L., Porfeli E.J. Career Adapt-Abilities Scale: Construction, reliability, and measurement equivalence across 13 countries // Journal of Vocational Behavior. 2012. № 80. С. 661–673.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-013-00741

Динамика базовых показателей профессионального становления будущих психологов

Профессиональное становление, студент, психолог, направленность, идентичность, личность

В период обучения в вузе в качестве показателей успешности профессионального становления личности будущих психологов выделяют стремление к овладению будущей профессией, гуманистическую направленность, сформированную профессиональную идентичность, а также личностные профессионально-важные качества. Однако проблема профессионального становления будущего специалиста психолога в высшем учебном заведении требует дальнейшего исследования, поскольку постоянно предъявляются новые требования к качеству подготовки специалистов с высшим образованием.

Цель исследования — анализ динамики базовых показателей профессионального становления личности студентов-психологов различных курсов. Для реализации цели было проведено эмпирическое исследование на базе ФГАОУ ВО «СевГУ» Гуманитарно-педагогический институт. Выборку составили студенты направления подготовки 37.03.01 «Психология» 1 и 3 курсов.

Анализ сформированности профессиональной направленности показал, что выявленные уровни профессиональной направленности не имеют статистически значимых различий у студентов первого и третьего курсов (опросник Т.Д. Дубовицкой). Анализ личностной направленности позволил (опросник Т.Н. Даниловой) определить, выявить статистически значимые различия по эгоцентрическому типу направленности практического психолога ($\varphi^*_{эмп} = 2.362$, при $p=0,01$), то есть у студентов 1 курса эгоцентрический тип направленности практического психолога выше, чем у студентов 3 курса. Изучение типов профессиональной идентичности студентов по опроснику статусов профессиональной идентичности (А.А. Азбель, А.Г. Грецов) показало, что среди студентов первого курса больше студентов со сформированной профессиональной идентичностью по сравнению с третьекурсниками ($\varphi^*_{эмп} = 2.715$, при $p=0,01$), а для студентов третьего курса характерен мораторий профессиональной идентичности ($\varphi^*_{эмп} = 2.746$, при $p=0,01$). Скорее всего, первокурсники совершили на момент исследования осознанный выбор дальнейшего профессионального развития, «кризис профессионального выбора» у них позади. В отличие от студентов 1-го курса, у третьекурсников эйфория выбора направления подготовки и поступления, зачисления позади. Поэтому среди них больше, по сравнению с первокурсниками, обучающихся, характеризующихся мораторием. По результатам диагностики по методике «Пятифакторный личностный опросник в адаптации В. Орла, И. Сенина» установлено, что у студентов 1 и 3 курсов преобладают одни и те же личностные факторы (экстраверсия, привязанность, самоконтроль, эмоциональная неустойчивость, экспрессивность.), статистической значимости различий не выявлено. В ходе анкетирования было выявлено, что в начале профессионального

становления представления об учебе и профессии не взаимосвязаны между собой, в процессе обучения у студентов происходит расширение круга профессиональных интересов.

Обобщение эмпирического материала, полученного в результате диагностического исследования, позволяет отметить следующее:

1. Для большей части студентов 1 курса ведущим типом профессиональной идентичности является сформированная идентичность, для большей части студентов 3 курса — мораторий (кризис выбора). Эгоцентрический тип направленности практического психолога характерен для студентов 1 курса. Личностные качества находятся на примерно одинаковом уровне сформированности у студентов первого и третьего курсов.
2. В начале профессионального становления представления об учебе и профессии не взаимосвязаны между собой, в процессе обучения у студентов происходит расширение круга профессиональных интересов.

Полученные эмпирические результаты свидетельствуют о том, что процесс профессионального становления студента-психолога, развитие ассоциированных с ним психологических характеристик нуждается в постоянном целенаправленном формировании, стихийного развития недостаточно, о чем свидетельствует отсутствие выраженной позитивной динамики сформированности профессиональной направленности у студентов первого и третьего курсов.

Психологическая безопасность педагогов высшей школы в условиях цифровизации образования

Глобальные риски, цифровизация образования, психологическая безопасность, угрозы.

Психологическая безопасность личности в образовательной среде является одним из актуальных направлений исследований в современной психологии [3;4]. Психологическая безопасность чаще всего рассматривается как состояние психологической защищенности личности перед различными угрозами окружающей среды [2]. В работах отечественных психологов подробно описаны психологические риски образовательной среды вуза [1;5] Однако недостаточно внимания уделяется изучению влияния глобальных социальных и экономических рисков Индустрии 4.0 на психологическую безопасность субъектов образовательной деятельности. В 2020 году пандемия COVID-19 являясь глобальной угрозой и вызовом для всего человечества, способствовала ускорению процессов цифровизации в образовании за счет повсеместного внедрения дистанционного обучения. К глобальным угрозам Индустрии 4.0, которые могут негативно сказаться на психологической безопасности педагогов высшей школы в период четвертой промышленной революции, можно отнести: высокую конкуренцию за рабочие места, краткосрочные трудовые контракты, низкую оплату труда, необходимость быстрого освоения сложных цифровых технологий и обновления знаний.

В эмпирическом исследовании, реализованном в 2021 году, приняли участие 50 преподавателей, работающих в высших учебных заведениях на территории Российской Федерации. Был использован метод устного нарративного интервью, который позволил выявить индивидуальные и коллективные траектории в представлениях педагогов о психологической безопасности образовательной среды в условиях цифровизации образования. Выявлено, что представления преподавателей о психологически небезопасной образовательной среде, связаны с угрозой потери работы и дохода, а также с угрозой увеличения рабочей нагрузки. Представления педагогов о психологически безопасной образовательной среде связаны с восприятием гарантированности будущей занятости, с высоким качеством межличностных отношений с коллегами и руководством, с позитивным восприятием цифровых технологий.

Глобализация и цифровизация экономики оказывает беспрецедентное влияние на все сферы занятости, в том числе и на образование. Распространение онлайн обучения и продолжающаяся цифровая трансформация образования и экономики диктует необходимость разработки новых моделей обеспечения психологической безопасности педагогов высшей школы. Результаты нарративного интервью преподавателей показали, что обеспечение психологической безопасности является комплексной задачей, направленной на создание климата психологической безопасности в образовательной среде высшего учебного заведения. Климат психологической безопасности должен включать в себя совокупность психологических, экономических, юридических и социальных условий,

способствующих поддержанию оптимального уровня защищенности педагога высшей школы не только от внутриорганизационных угроз, но и от возможных угроз связанных с цифровизацией образования.

1. Арендачук И. В. Психологические риски образовательной среды вуза //Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. — 2014. — Т. 3. — №. — С. 48–53.
2. Баева И. А. Психологическая защищённость и психологическая безопасность современного человека. Доклад на конференции «Психолог и общество: диалог о взаимодействии». Москва, 12 февраля 2008 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.web.ruscenter.ru/conf2/baeva.doc>.
3. Баева И. А. Психологическая безопасность образовательной среды в структуре комплексной безопасности образовательной организации //Казанский педагогический журнал. — 2017. — №. 6 (125). — С. 12–17.
4. Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Толстов С. Н. Обеспечение социально-психологической безопасности субъектов образования //Вопросы психологии. — 2015. — №. 5. — С. 46–55.
5. Лактионова Е. Б. Основные подходы к проблеме рисков в образовательной среде //Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена. — 2008. — №. 52. — С. 41–53.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00952

Представление о здоровье как жизненной ценности у студентов с различной выраженностью локуса контроля

Здоровье, жизненные ценности, локус контроля, интернальность, экстернальность, психология здоровья

В современном мире люди все чаще обращают внимание на свое здоровье, ежегодно увеличивается распространение популяризированных психологических знаний о взаимосвязи физических недомоганий, психоэмоционального состояния и образа жизни человека. Однако осознание важности своевременного сохранения здоровья преимущественно приходит к людям лишь в критических ситуациях, когда проблемное состояние организма влечет разрушительные последствия для привычного уклада жизни индивида [1].

Ценностное отношение к здоровью является одной из центральных категорий в активно развивающейся психологии здоровья. Особое внимание исследователей уделяется изучению психологических факторов, влияющих на профилактику заболеваний и стрессовых состояний [1, 2, 3]. Понимание здоровья как жизненной ценности способствовало бы проявлению у людей истинной потребности в соблюдении здоровьесберегающего поведения в целях профилактики критических состояний организма. Рассмотрение малоизученного вопроса формирования ценностного отношения к здоровью может осуществляться сквозь призму концепции локуса контроля [4].

Целью нашего исследования было выявление феномена здоровья в системе жизненных ценностей студентов в зависимости от их локуса контроля. Гипотеза исследования заключалась в том, что студенты-интерналы определяют здоровье как жизненную ценность в большей степени, чем экстерналы.

Эмпирическое исследование проводилось на факультете свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета. Выборку составили студенты бакалавриата (71 человек: 64 девушки, 7 юношей) в возрасте от 17 до 24 лет. Респондентам было предложено заполнить опросник «Отношение к здоровью» (Никифоров Г.С., Дудченко З.Ф.). Для изучения данных был проведен межгрупповой и внутригрупповой анализ значимости различий на уровнях $p_{0,01}$ и $p_{0,05}$, а также качественный анализ данных. В содержательный анализ включались те параметры, частота которых была равна или превышала 5% от общего числа приведенных ответов. Для математико-статистической обработки был использован непараметрический критерий X^2 (хи-квадрат).

Результаты исследования выявили, что в группах выраженных интерналов и экстерналов статистически значимо на уровне $p_{0,01}$ доминирует такая жизненная ценность, как «самореализация в профессиональной среде». Ко второму месту среди качественно лидирующих жизненных приоритетов обе группы отнесли «семью». Категория здоровья в структуре жизненных ценностей как интерналов, так и экстерналов статистически значимо не проявилась, однако качественный анализ показал различие между группами. Более осознанное отношение к здоровью имеют

студенты с интернальным локусом контроля, принимающие ответственность за реализацию или отсутствие здорового поведения на себя, а не на внешние факторы. На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что среди исследуемой выборки не сформировано достаточное понимание ценности здоровья, которое способствовало бы осуществлению здорового поведения в профилактических целях. Можно предположить, что степень помощи в формировании и коррекции ценностного отношения к здоровью может видоизменяться в зависимости от локуса контроля личности. Особое внимание стоит уделять формированию здоровья как ценности у экстерналов, что может осуществить посредством психологических тренингов, консультирования, а также в формате психообразовательных лекций и семинаров.

1. Березовская Р.А. Исследования отношения к здоровью: современное состояние проблемы в отечественной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 1. С. 221–226.
2. Дудченко З.Ф. Психологическое обеспечение здорового образа жизни личности // Здоровая личность / под ред. Г.С. Никифорова. — СПб: Речь, 2013. — С. 356–367.
3. Никифоров Г.С. Психология здоровья. СПб, 2006. 461 с.
4. Rotter, J. B. (1966). Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*, 80(1), 1–28.

Особенности психологического экспертного оценивания при работе с фотоматериалом

Экспертное оценивание, поведенческие признаки, эволюционные стратегии поведения, фотоматериал

Умение оценивать текущее психологическое состояние и вытекающее из него последующее поведение другого человека является одним из важнейших для эффективного взаимодействия в рамках социальной структуры. Базой такого умения выступают: врожденная склонность, а также постепенно накапливающийся и обобщающийся опыт социального взаимодействия человека с другими людьми в самых разноплановых ситуациях. Интерес к диагностике психологических особенностей человека по его внешности и поведению имеет длительную историю. Из ориентированных на практику разработок можно назвать физиогномику, масштабные исследования П. Экмана, работы Д. Наварро, исследования невербального поведения В.А. Лабунской и др. По ходу десятилетий экспертный инструментарий психолога-практика постепенно проходил стадии физиогномики, проксемики, регистрации отдельных внешних проявлений, видеофиксацию и анализ супербыстрых мимических движений. В настоящее время есть острая нехватка в таких интерпретационных сферах, которые были бы: 1) субъективно просты в понимании и использовании психологом, 2) обеспечивали возможность обоснованной интерпретации конкретных поведенческих проявлений. Цель исследования — выявления типовых способов оценки состояния другого человека, а также поведенческих признаков, опираясь на которые эксперт выносит то или иное решение. Выборка на этапе пилотажного исследования составила 51 человек. В связи с непростыми условиями ограничений, вызванных пандемией, эта группа оказалась разнородной (пол, возраст, образование и т.д.). Испытуемым последовательно предъявлялись отобранные в интернете фотографии людей, находящихся в стрессовой ситуации. Испытуемый в произвольной форме записывал особенности психологического состояния он «увидел» в персонаже с указанием внешних признаков. При обработке учитывались в качестве особенности определения типа «активный», «уверенный», «испытывает страх», «усталый»; в качестве признаков — «улыбка», «наклон головы», «яркий жест», прижатые локти и т.п. Дополнительно учитывались: «неподвижно сидит», «рассказывает», «думает над ответом». В настоящий момент предварительные статистики получены по ответам испытуемых на первые три фотографии нашего набора. Фотографии максимально отображают три базовые эволюционно сформировавшихся стратегии преодоления стрессовой ситуации: фото 1 — «атака», стремление расширить свое влияние, занять новую территорию, и т.п.; фото 2 — «самозащита», стремление удержать свои позиции, противостоять оппоненту; фото 3 — «бегство», стремление минимизировать потери,

стать незаметным, чтобы не побуждать агрессию в свой адрес. Важный результат исследования – испытуемые склонны называть свойства состояния персонажей, но опираются на свое «общее впечатление» о нем. Реальные поведенческие индикаторы при этом игнорируются, а индикаторы состояния и действия отсутствуют в половине ответов. В ответах отчетливо проявились области тела персонажа. Ответы, фиксирующие голову, составили 44% от всего числа индикаторов состояния; части остального тела — 56%. Общие результаты: 1. все части тела служат индикаторами стратегии его поведения человека; 2. наиболее подвижной и выразительной, информативной частью тела являются руки: «движение» (рука прижата к телу, руки сцеплены и т.п.) и «функция» — жестикуляция, поведенческий смысл (указующий жест, агрессивная жестикуляция и т.д.); 3. второй индикатор — глаза: условное «движение» глаз и их поведенческая функция — «взгляд».

При статистической обработке на уровне тенденций обнаружилось: испытуемые-мужчины точнее и полнее описывают стратегию «атаки», испытуемые-женщины — стратегию «бегства»; в группе с 18–23 лет чаще отмечают поведенческие индикаторы состояния персонажей; в группе с 24–43 лет более полные и точные ответы по всем остальным переменным; испытуемые-психологи полнее, чем не психологи, описывали особенности психического состояния и его поведенческие индикаторы, они точнее в констатации признаков стратегий «атака» и «бегство».

1. Лабунская В.А. Невербальное поведение — Ростов-на-Дону, 1986.
2. Наварро Д. Опасные личности. Как их вычислить и деть манипулировать собой — М., 2014.
3. Экман. П. Узнай лжеца по выражению лица СПб., 2010

Особенности реализации программы профилактики криминальной зараженности несовершеннолетних в условиях пенитенциарной системы

Пенитенциарные учреждения, криминальная зараженность, криминализация, несовершеннолетние, элементы криминальной субкультуры, тренинг

В последние годы наблюдается сложная ситуация с распространением криминальной субкультуры в интернет-пространстве, что повышает общий уровень криминализации населения и, в особенности, несовершеннолетних. Многие из подростков, попадающих в пенитенциарные учреждения, уже проявляют признаки высокой криминальной зараженности, и требуются значительные усилия со стороны сотрудников, чтобы избежать процесса взаимозаражения внутри учреждения.

В целях повышения эффективности этой работы сотрудниками межрегионального отдела психологической работы ГУФСИН по Свердловской области была разработана тренинговая программа для несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных, которая прошла апробацию на базе Кировградской воспитательной колонии.

Программа направлена на структурные компоненты криминальной зараженности: система знаний о криминальной (тюремной) субкультуре, принятие и разделение криминальных ценностей, следование им в поведении. Мишенями программы являются элементы криминальной субкультуры: жаргон, негативное отношение к сотрудникам полиции, татуировки, романтизация тюремной жизни, использование криминальных прозвищ, ориентация на криминальных авторитетов, знание и принятие арестантского уклада, правил тюремной жизни.

Методологической базой программы является когнитивно-поведенческий подход, где ведущий, в определенной степени, является образцом, подкрепляет «правильное» поведение участников. Работа направлена на осознание участниками убеждений, обуславливающих правонарушающее поведение, их дискредитацию и когнитивное переконструирование. Центральной идеей является освоение и активное применение алгоритмов просоциального поведения, формирование критического мышления, осознанность проявлений эмоциональной сферы.

Групповая динамика, являющаяся одной из целей в процессе тренинговой работы, предполагает сплочение участников группы, что является потенциальным риском. О.Б. Шредер указывает, что механизм вовлечения в криминальную субкультуру это «своего рода тайное единство». Близкое общение, особенно в среде криминальной зараженных подростков может привести к эффекту обращения к криминальным ценностям. В связи с этим, несмотря на то, что мишенью является развенчание мифов о привлекательности криминальной субкультуры, основное внимание уделяется усилению просоциальных факторов, осмыслению личных выгод и расстановки собственных приоритетов в принятии жизненно важных решений.

Необходимое условие эффективности программы — создание условий для понимания и выражения своих эмоций. Именно сбой в этой сфере личности зачастую

лежат в основе совершения преступлений. Поэтому освоение своей эмоциональной сферы, понимание того, какие мысли лежат в их основе является важной частью программы и представлена преимущественно творческими упражнениями, эмоциональными градусниками (метафорическими шерингами в начале и конце занятия), специально организованными дискуссиями.

В программе отсутствуют выраженное начало и завершение, предлагается круговое проведение и возможность включения участников на любом этапе, в связи с особенностями условий, где не всегда удастся обеспечить закрытую тренинговую группу.

Важно интегрировать личный опыт подростков, их интересы и содержание программы. Ведущим выделяются тема и целевые ориентиры занятия. Однако, важно, чтобы озвучиваемые ожидания участников от темы оправдывались и были получены ответы на интересующие вопросы на текущем либо последующем занятиях. Это создает ощущение управления участниками содержанием тренинга, дает возможность сформировать внутреннюю ответственность.

1. Шредер О.Б. Профилактика деструктивных явлений и проявлений криминальной субкультуры среди несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях//Прикладная юридическая психология.2018.№3.URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-destruktivnyh-yavleniy-i-proyavleniy-kriminalnoy-subkultury-sredi-nesovershennoletnih-osuzhdennyh-soderzhaschihsya-v> (дата обращения: 14.06.2021).

Проблема психологического благополучия субъектов образовательного процесса военных вузов: заявления и факты

Психологическое благополучие, субъекты образовательного процесса, военные вузы, психологическое здоровье

Динамичность и непредсказуемость векторов развития современного социума, безусловно, предъявляет новые вызовы и требования к психологическому здоровью его членов во всех проявлениях — психологической культуре, эмоциональной устойчивости, психологическому благополучию и др.

Вооруженные силы как особый социальный институт не только отражают общие социальные тенденции, но и имеют отличительные особенности (иерархичность и жесткость межличностного взаимодействия, строгая регламентация жизнедеятельности, существенные ограничения, связанные с деятельностью службы по защите государственной тайны, множественные депривационные факторы и др.), что, безусловно, актуализирует проблему сохранения и поддержания оптимального уровня психологического благополучия всех его субъектов.

Рассматривая психологическое благополучие как показатель психологического здоровья, в основе которого лежит субъективное отражение восприятия и оценки функционирования личности с точки зрения вершины ее потенциальных возможностей в ретроспективе и перспективе, была оценена динамика психологического благополучия у отдельных категорий личного состава (с 2016 по 2021 год). Объем выборки — 413 человек (курсанты, преподаватели, научные сотрудники). В качестве инструментария применялась методика «Шкала психологического благополучия» — русскоязычный вариант опросника «The scales of psychological well-being» (в адаптации В.В. Жуковской и Е.Г. Трошихиной). В ходе исследования

Так, у курсантов выявлена нестабильно-регрессирующая динамика психологического благополучия в период обучения в вузе. Субъективными факторами, обуславливающими психологическое благополучие курсантов, являются «свобода», «среда», «отношения в группе», «отношения с командирами», «семейно-личностные отношения», «учеба». Наиболее сложными периодами курсанты называют второй-третий и пятый курсы обучения, что отражается в первую очередь на таких показателях как «автономия» и «самоприятие», определяемых рядом специалистов как характеристики психологического здоровья. Являясь отражением самостоятельности, независимости, творческой активности, наличия смыслов и целей, эти показатели свидетельствуют о неудовлетворенности курсантов собой, трудностях в реализации собственного потенциала, негармоничности внутреннего мира [1].

У преподавателей и научных сотрудников обнаружена стабильно-регрессирующая динамика показателей психологического благополучия. Среди факторов, определяющих психологическое благополучие у данной категории можно

выделить «личный рост», «свободу», «здоровье», «семейно-личностные отношения», «отношения в коллективе». Наиболее сложными, кризисными моментами для самооценки психологического благополучия является внутригодовые пики нагрузки — окончание календарного года (подведение итогов научной работы, редакционно-издательской деятельности, деятельности военно-научных школ, сессии и др.) и окончание учебного года (подведение итогов методической и военно-научной работы, насыщенная конференциальная деятельность, участие в конкурсах, сессия, общая физическая и психологическая усталость и др.).

Таким образом, психологическое благополучие субъектов образовательного процесса военного вуза в первую очередь обнаружило значимые связи с показателями ограниченности ресурсов (социальных, информационных, бытовых, материальных и др.). К сожалению, приходится констатировать факт, что несмотря на декларируемые тенденции развития образовательного пространства и гуманизацию военного образования в целом, наблюдаются обратные тенденции, сопровождающиеся ужесточением требований к личности, ее профессионализму, условиям учебной и профессиональной деятельности. Как постоянный, так и переменный состав военных вузов оказывается день ото дня всё более «зажат» рамками нормативно-правовых актов различного уровня, проверок комиссий, инспекций, служб ЗГТ и ФСБ, персональным отношением начальников и командиров. В этой связи проблема поиска решений сложившейся ситуации представляется не просто актуальной, а жизненно необходимой.

1. Петровская М.В. Динамика психологического благополучия курсантов военных вузов как показателя психологического здоровья [Текст] / М.В. Петровская, А.С. Желтухина, // Профессиональная подготовка субъектов образовательного процесса в современном вузе: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. — Ульяновск: Зебра, 2020. — С.260–270.

Профессиональная мотивация и стресс у сотрудников многофункциональных центров

Мотивы профессиональной деятельности, профессиональный стресс, выгорание, вовлеченность, персонал

Введение. Сегодня основную роль в получении гражданами государственных услуг играют многофункциональные центры, предоставляющие услуги по принципу «одного окна». Для их персонала характерна высокая напряженность труда, усиленный контроль со стороны топ-менеджмента, коммуникативные и информационные стрессы, что способствует нарастанию усталости, потере интереса и снижению продуктивности, текучести кадров [1]. Персонал многофункциональных центров испытывает нужду в эффективном управлении профессиональными ресурсами своих работников [2].

Постановка проблемы. Однако сегодня исследований в этой сфере опубликовано чрезвычайно мало [1, 2]. Поэтому целью нашей работы стало изучение особенностей профессиональной мотивации и стресса у специалистов многофункциональных центров г. Ростова-на-Дону.

Методы и результаты. Респондентами стали 70 сотрудников МФЦ. Методики: Опросник «Возможность реализации мотивов профессиональной деятельности в организации» (ВРМ) В.И. Доминьяка; шкала оценки профессионального стресса Вайсмана; опросник профессионального выгорания Маслач (адаптация Н.Е. Водопьяновой); опросник оценки вовлеченности Gallup Q12.

Дескриптивный анализ показал, что организация в наибольшей степени реализует профессиональные мотивы работников: Общение с коллегами; Управление другими; Ощущение собственной полезности. В наименьшей степени реализуются мотивы: Материальный достаток; Азарт соревнования; Ощущение успеха, Самореализация.

Степень профессионального стресса и общий уровень выгорания в организации имеют средний уровень. Показатель вовлеченности достаточно высок; однако выделяется несколько «зон недовольства», где большой процент работников демонстрирует низкую вовлеченность, связанную с отсутствием признания заслуг, отсутствием поддержки в карьерном развитии.

Подтвердилась гипотеза о существовании множественных взаимосвязей между субъективной оценкой возможности реализации мотивов труда у персонала МФЦ и выгоранием (Эмоциональное истощение: $r = -0,45$, при $p \leq 0,01$; Деперсонализация: $r = -0,40$, при $p \leq 0,01$), общим уровнем профессионального стресса ($r = -0,31$, при $p \leq 0,01$) и вовлеченностью ($r = 0,48$, при $p \leq 0,01$). Интересно, что реализация мотива Материальный достаток отрицательно коррелирует с Эмоциональным истощением ($r = -0,44$, при $p \leq 0,01$) и Деперсонализацией ($r = -0,32$, при $p \leq 0,01$) и положительно взаимосвязана с вовлеченностью ($r = 0,36$, при $p \leq 0,01$). Применение U-критерия Мана-Уитни позволило подтвердить гипотезу о более низком уровне профессионального стресса у сотрудников с низким уровнем эмоционального

истощения; у этой же группы выше показатели по вовлеченности и реализации мотивов.

Отдельная группа сотрудников (40 человек) была продиагностирована на пике пандемических ограничений; мы сравнили их с основной группой (70 респондентов), которая проходила тестирование в период снятия ограничений и возобновления работы МФЦ. Такие мотивы профессиональной деятельности, как Ощущение стабильности, надёжности; Управление, руководство другими; Ощущение свободы, самостоятельности; Ощущение собственной полезности в острый период пандемии оказались выражены намного слабее, в этот же период вовлеченность сотрудников также низка, а показатели профессионального стресса значимо выше.

Выводы. У сотрудников многофункциональных центров наблюдаются некоторые мотивы трудовой деятельности, нереализуемые в данной организации. Субъективная оценка возможности реализации трудовых мотивов взаимосвязана с выгоранием и профессиональным стрессом. В период локдауна выраженность некоторых трудовых мотивов и вовлеченности снижена, а уровень стресса и выгорания повышен.

Практическая значимость исследования связана с намерением МФЦ г. Ростова-на-Дону использовать его результаты для разработки рекомендаций руководителям отделов многофункциональных центров.

1. Сабына Е.Н. О некоторых аспектах эмоционально-психологического состояния государственных и муниципальных служащих // Экономика Профессия Бизнес. 2020. №3. С.74–80.
2. Буянова В.В. Профилактика синдрома эмоционального выгорания у работников многофункционального центра // сб. мат. Международной конференции «53-и Евсевские чтения». — Саранск: МГПИ им. М.Е. Евсевьева, 2017. — С. 61–66.

Изучение смысложизненных ориентаций педагогов

Педагоги, смысложизненные ориентации, психологическая устойчивость

На современном этапе образовательной системы изменяются требования к субъектам профессиональной деятельности во всех сферах. Одной из таких сфер является сфера образования, в которой наблюдаются процессы реформирования и модернизации, в центре которых стоит личность педагога и обучающегося. По словам Э.Ф. Зеера [2] система смысложизненных ориентаций, являясь психологической характеристикой зрелой личности, выражает содержательное отношение человека к социальной действительности. Целью нашего исследования является изучение особенностей смысложизненных ориентаций субъектов образовательного процесса с различным стажем профессиональной деятельности. Таким образом, в исследовании мы предполагаем, что изменение СЖО отражается на ситуационных реакциях личности как индикаторов переживания психологического кризиса у субъектов образовательного процесса в зависимости от стажа профессиональной деятельности.

В исследовании приняли участие 60 педагогов города Кургана, с различным стажем профессиональной деятельности (30 педагогов со стажем работы до 10 лет и 30 педагогов со стажем работы более 20 лет). В исследовании нами были использованы: Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева [3] и методика «Переживание психологического кризиса личностью» «ППК» С.В. Духновского [1]. При описании результатов исследования был проведен сравнительный анализ двух выборок по стажу профессиональной деятельности, в частности: 30 педагогов со стажем до 10 лет и 30 педагогов со стажем более 20 лет.

На основании исследования установлено следующее. У педагогов со стажем профессиональной деятельности до 10 лет преобладают «Цели в жизни» и «Локус контроля — Жизнь». При низких значениях по шкале «Локус контроля-Я». У педагогов со стажем профессиональной деятельности от 20 лет преобладают «Цели в жизни» и «Процесс жизни». На последнее место педагоги так же ставят «локус контроль — Я». В целом, можно сказать, что педагоги вне зависимости от стажа профессиональной деятельности видят свою жизнь осмысленной и осознанной, с четко сформулированными целями, оценивая достигнутые результаты в жизни положительно.

По результатам методики «Переживание психологического кризиса личностью» «ППК» С.В. Духновского можно сказать, что для педагогов как со стажем до 10 лет, так и со стажем более 20 лет профессиональной деятельности характерна «психологическая устойчивость» личности. Так же у педагогов со стажем более 20 лет проявляется «реакция отрицательного баланса» — это ситуационная реакция. У педагогов со стажем до 10 лет преобладает «реакция эмоционального дисбаланса». Эта реакция проявляется достаточно резкими изменениями в сфере социальных контактов. Вне зависимости от стажа профессиональной деятельности педагоги в состоянии переживания психологического кризиса дают реакцию

дезорганизации (педагоги со стажем до 10 лет — $15,5 \pm 3,2$; педагоги со стажем более 20 лет — $16,4 \pm 3,8$). Реакция дезорганизации проявляется в тревожности.

Выводы: 1. Смысложизненные ориентации личности являются определенным базовым звеном, с помощью которого индивид выстраивает социальные и личные отношения. 2. Вне зависимости от стажа профессиональной деятельности педагогам характерна психологическая устойчивость. Индикаторами переживания профессионального кризиса являются ситуационные реакции личности — реакция дезорганизации и реакция демобилизации, проходящие на непатологическом уровне.

1. Духновский С.В. Психология отношений личности: Монография — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014
2. Зеер, Э.Ф. Кризисы профессионального становления личности [Текст] / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк // Психологический журнал. — 2012. — № 6. — С. 35–44.
3. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. — М.: Смысл, 2003.

О содержании представлений о психологическом благополучии у сотрудников пенитенциарной системы

Психологическое благополучие, представления сотрудников, семантический дифференциал, шкалирование

В отечественной психологии изучение проблемы благополучия человека началось сравнительно недавно. Изучением данного феномена занимались Р. М. Шамионов, А. В. Воронина, В. А. Петровский, И. А. Джидарьян, Д. А. Леонтьев, С. А. Шапиро, П. П. Фесенко и др. Наряду с понятием «психологическое благополучие» исследователи ведут речь о «субъективном благополучии», поскольку, как отмечает Л. В. Куликов, что «все внешние факторы благополучия при любых объективных характеристиках по самой природе психики не могут действовать на переживание благополучия непосредственно, но лишь через субъективное восприятие и субъективную оценку, которые обусловлены особенностями всех сфер личности» [1]. Другими словами, переживание психологического благополучия или неблагополучия зависит от системы субъективных значений, посредством которых субъект оценит обстоятельства своей жизни и свое актуальное состояние, от его представлений о признаках и условиях психологического благополучия.

Профессионализация сотрудников пенитенциарной системы начинается на этапе поступления для дальнейшего обучения в ведомственный вуз, в задачи которого входит всесторонняя подготовка к процессам исполнения наказания в виде лишения свободы наряду с ресоциализацией и исправлением осужденных. Обучение организуется параллельно с прохождением службы, что обуславливает многозадачный характер деятельности, приближая условия обучения к профессиональной деятельности сотрудников, выполняющих множество функций при работе в практическом учреждении.

Поскольку на разных этапах профессионализации представления сотрудников об интересующем нас феномене могут быть различными, было организовано сравнительное исследование соответствующих представлений, у курсантов ведомственного вуза (1 курс, n=41; 3 курс, n=38; 5 курс, n=39) и сотрудников при выполнении профессиональной деятельности (n=38).

В соответствии с принципами семантического дифференциала нами были разработаны 20 дихотомичных шкал, противопоставляемые значения полюсов которых мы просили связать респондентов с возможностью достижения и переживания психологического благополучия. Шкалы семантического дифференциала были составлены нами с целью отражения характеристик и условий психологического благополучия личности, которые мы связали с 4 сферами.

Сферу личных интересов и особенностей описывали 8 шкал, отражающих характеристики и условия жизнедеятельности самого человека (здоровый образ жизни — наличие «вредных» привычек; наличие физической активности — отсутствие физической активности; есть хобби — нет хобби; высокая самооценка —

низкая самооценка; критичный склад ума — позитивное мышление; способность увидеть «плюсы» в происходящем — способность увидеть «минусы» в происходящем; эмоциональные проявления — эмоциональная сдержанность; чувствительность — бесчувственность).

По результатам выборов опрошенных нами сотрудников складывается впечатление, что психологически благополучный человек занимает довольно активную позицию в своей жизни, реализуя ее не только в физической активности и хобби, но и в ходе поддержания здорового образа жизни. Он в контакте со своими чувствами и способен их проявлять, что, наряду с развитым конструктивным и позитивным мышлением, обеспечивает ему высокую самооценку своих возможностей.

Шкалирование признаков, имеющих отношение к сфере межличностных, дружеских отношений, влияющих на достижение психологического благополучия осуществлялось по 2 — есть друзья — нет друзей; возможность поговорить с кем-то «по душам» при желании — отсутствие необходимости поговорить с кем-то «по душам». Нужно сказать, что дружеские отношения включаются в условия достижения психологического благополучия нашими респондентами. Другими словами, благополучному человеку есть с кем при необходимости поговорить «по душам», открыть свои мысли и эмоции в условиях дружеского общения.

Семейные отношения как фактор психологического благополучия описаны в 4 шкалах: наличие своей семьи — «холостой» образ жизни; наличие детей в семье — отсутствие детей в семье; наличие понимания и поддержки в семье — дефицит понимания и поддержки в семье; обсуждение рабочих «вопросов» в семье — запрет на обсуждение рабочих «вопросов» в семье.

Оказалось, что семейные отношения преимущественно рассматриваются сотрудниками в качестве условия, влияющего на их психологическое благополучие. Среди признаков семейных отношений, его обеспечивающих, наличие понимания и поддержки в семье, членам которой можно рассказать о своих мыслях и чувствах даже по поводу событий на работе. При возникновении готовности к созданию собственной семьи сотрудники будут склонны рассматривать в качестве условия своего психологического благополучия появление детей и создание отношений не только супружеских, но и детско-родительских.

Следующая сфера, отношения в которой могут влиять на актуальное состояние сотрудника — это область рабочих отношений, которые измерялись нами с помощью 6 шкал: только деловые отношения на работе — приятельские отношения на работе; вежливое обращение к коллегам — панибратское обращение к коллегам; трудности с реализацией трудовых функций — понятность и реализуемость трудовых функций; наличие похвалы в качестве поощрения деятельности — редкость похвалы, негативная оценка деятельности; эмоционально напряженный характер общения на службе — конструктивность общения по служебным вопросам; «Дело превыше всего!» — «Важнее всего люди!».

В данной сфере получены наименее очевидные результаты, нежели чем по остальным сферам оценки. Здесь были выбраны и панибратское отношение, и редкость похвалы, и в целом лиц, затруднившихся с выбором полюса шкалы оказалось больше, чем по остальным сферам.

В результате был сделан вывод о необходимости факторизации полученных данных с целью обнаружения менее очевидной структуры оценки сотрудниками психологического благополучия и условий его достижения.

1. Куликов, Л. В. Детерминанты удовлетворенности жизнью / Л. В. Куликов // Общество и политика. — Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. — С. 476–510. — ISSN: 0205–9592.

Психологический тренинг как метод профилактики профессионального выгорания ординаторов

Профессиональное выгорание, методы профилактики, ординаторы

Среди специальностей с высоким риском профессионального выгорания (ПВ), первое место занимает профессия медицинского работника. Наиболее уязвимой их частью считаются junior doctors (JD) или ординаторы, ввиду наличия дополнительных дистресс-факторов: вынужденного совмещения учебы и работы; финансовой нагрузки; подчиненной позиции в устоявшемся коллективе и опыта буллинга — что увеличивает риск эмоционального неблагополучия. Так, 30% JD испытывают тревогу, а 13% симптомы депрессии высокой степени выраженности. Недостаток времени и нежелание обращаться за помощью ввиду риска последующего буллинга приводит к использованию контрпродуктивных копингов, отмечается, что до 55% JD употребляют алкоголь. Сложившийся «порочный круг» приводит к ухудшению качества профессиональных навыков; невозможности создания и поддержания альянса с пациентом, к отказу от дальнейшей работы [2]. Одним из направлений профилактики ПВ выделяют метод психологических тренингов, так, по данным самоотчета врачей Рочестера и Норвегии, интенсивный тренинг привел к снижению уровня ПВ [3]. Качественный опрос JD Австралии позволил определить 4 приоритетные проблемные темы: сложности на рабочем месте; опыт нарушения границ; стратегии улучшения состояния; препятствия на пути обращения за помощью [1]. На базе ГБУЗ г. Москвы «НИИ СП им. Н.В. Склифосовского ДЗМ» весной 2021 года была подготовлена и проведена серия пилотных тренингов на основе данных тем и произведенного анализа актуального запроса JD. В качестве практической задачи 84% JD стремились ознакомиться с «психологическими техниками снижения стресса на рабочем месте и улучшения навыков саморегуляции», а 57% и 58% соответственно, освоить алгоритм общения с пациентами «при установлении контакта», «склонными к конфликтам». Среди доминирующих тем особенно выделялись: «слишком эмоционально реагирую на негативные события в процессе лечения пациентов», «испытываю много негативных эмоций из-за необходимости общаться с пациентами и родственниками», 31% и 37% отметили, что сталкивались с ними часто.

Тренинг включал четыре встречи. На первом занятии участникам тренинга была предложена когнитивная модель аффективных расстройств в качестве инструмента самонаблюдения в ситуациях профессионального взаимодействия; На втором занятии оценивался вклад когнитивных искажений в процесс общения с пациентами. Было выявлено, что 100% ординаторов, несмотря на высокую психологическую образованность, отмечали у себя наличие когнитивных искажений, мешающих взаимодействию; На третьем занятии были освоены алгоритмы «сообщения плохих новостей» (утраты, ввиду специфики базы), «начала общения» и работы с лицами в аффективно заряженном состоянии; произведено ознакомление с различными приемами слушания; На четвертом — происходило освоение техник, направленных

на формирование навыка эмоциональной саморегуляции. Рассматривались релаксационные техники, конструкт *mindfulness*. После каждого занятия — собиралась обратная связь, позволяющая выделить темы для дальнейшего включения в структуру тренинга и произвести его первичную оценку, 100% JD оценили пользу и качество полученных знаний. Среди пожеланий отмечалось дальнейшее добавление сходных алгоритмов для взаимодействия с коллегами, кураторами.

1. Forbes M. et al. Barriers to the psychological well-being of Australian junior doctors: a qualitative analysis//BMJ. 2019. Vol. 9(6). E027558. doi: 10.1136/bmjopen-2018-027558
2. Kerrien M. et al. Prévalences des troubles anxieux, de l'humeur et de la souffrance au travail des internes de médecin//Presse Med. 2015. Vol. 44(4 Pt 1). P. 84–91. doi: 10.1016/j.lpm.2014.06.042
3. West C. et al. Interventions to prevent and reduce physician burnout: a systematic review and meta-analysis//Lancet. 2016 Nov 5; 388(10057):2272–2281. doi: 10.1016/S0140-6736(16)31279-X

Разработка методики оценки уровня криминальной зараженности несовершеннолетних в УИС

Криминальная зараженность, опросник криминальной зараженности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных (ОКЗНПОО), несовершеннолетние, уголовно-исполнительная система

В настоящее время отмечается широкое распространение элементов криминальной субкультуры в социуме и рост общего уровня криминальной зараженности населения. Эффекты криминальной зараженности проявляются в деформациях правового сознания и поведения, и имеют значительное пролонгированное воздействие на рецидивную преступность.

Одной из актуальных задач, стоящих перед психологами пенитенциарной системы, является профилактика криминальной зараженности среди несовершеннолетних, содержащихся в пенитенциарных учреждениях. Многие подростки еще на этапе поступления в учреждения уголовно-исполнительной системы проявляют признаки высокой криминальной зараженности. Своевременное выявление таких детей позволяет нивелировать процесс взаимозаражения подростков, которые в силу своих социально-психологических, возрастных особенностей проявляют повышенную идеологическую виктимность. Данное обстоятельство делает необходимым создание валидного и надежного диагностического инструмента. Сотрудниками межрегионального отдела психологической работы ГУФСИН России по Свердловской области, был разработан «Опросник криминальной зараженности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных».

Методика создавалась по технологии разработки тестов, описанной Н.А. Батуриным и Н.Н. Мельниковой [1].

На первом этапе было реализовано определение исходного теоретического концепта, структурные компоненты криминальной зараженности (система знаний о криминальной (тюремной) субкультуре, принятие и разделение криминальных ценностей, следование им в поведении). Проведен опрос экспертов с целью оценки маркеров криминальной зараженности, в которые вошли: знание, понимание и использование криминального жаргона; наличие криминального прозвища и использование криминальных прозвищ в процессе общения; наличие знаний о значении тюремных татуировок, желание их нанести и наличие самих тюремных татуировок; негативное отношение к сотрудникам полиции и запрет на обращение к ним за помощью; превозносительное отношение к отбыванию наказания в местах лишения свободы и др. На основании маркеров были сформулированы пункты методики. Для профессиональной редакции полученный набор утверждений был направлен в учреждения, где содержатся несовершеннолетние. Сотрудникам, непосредственно контактирующими в ходе профессиональной деятельности с несовершеннолетними, предлагалось оценить каждый вопрос по критериям понятности и соответствия оцениваемому маркеру.

Проведено несколько этапов апробации пилотажных версий методики, респондентами выступили 3609 несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях УИС, а также состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. Проверка валидности и надежности методики осуществлялась посредством расчета коэффициентов дискриминации и α -Кронбаха. Критериальная валидность методики изучалась с использованием метода экспертных оценок. Была разработана анкета экспертной оценки, в которой сотрудникам, работающим с несовершеннолетними, предлагалось оценить криминальную зараженность каждого из них по выделенным параметрам. Стандартизация шкал методики, оценивающих компоненты криминальной зараженности, была проведена с использованием расчета предметно-ориентированных норм. На текущий момент методика включает 5 шкал, среди которых две направлены на оценку достоверности результатов (шкала лжи и шкала согласованности ответов) и три шкалы для оценки когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов криминальной зараженности. Опросник содержит 28 пунктов.

Проведенные расчеты позволяют с достоверностью судить о том, что представленная методика является валидным и надежным инструментом, обеспечивающим возможность с достаточной точностью оценивать уровень криминальной зараженности несовершеннолетних.

1. Батурин Н.А., Мельникова Н.Н. Технология разработки тестов: часть I // Психология. Психофизиология. 2009. №30 (163). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-razrabotki-testov-chast-i> (дата обращения: 19.11.2020).

Психологическое сопровождение профессиональной деятельности актера

Профессия актера, творческий потенциал, индивидуально — психологические особенности актерской личности, психологические барьеры, профессиональная среда, проектирование карьерного пути

Для профессиональной актерской деятельности характерна высокая психологическая цена. Сложность сценического перевоплощения, неопределенность творческого процесса, особый психологический тип творческой личности актера, специфика профессиональных взаимоотношений внутри творческого коллектива (Савостьянов, 2007).

Новые тенденции профессиональной театральной жизни являются мощным вызовом для эффективного профессионального развития современного актера на современном этапе. Кризис театральной культуры, организационное реформирование театра, приоритет коммерческих планов, чрезмерно стремительная динамика профессиональных театральных процессов, актуальность самостоятельного проектирования карьерного пути — все эти факторы усиливают психологическое давление на представителя актерского труда. Вместе с тем, доказано, что, именно, формирование определенных личностных качеств и убеждений являются теми психологическими условиями, обеспечивающими более полное раскрытие творческого потенциала, способность актера справляться с профессиональными трудностями (Сергиенко, 2019).

Развитие целенаправленной любознательности и воображения расширяют творческий диапазон актера. Выявлено, что у современных актеров способность к богатому воображению снижена. По мнению авторов, это связано с социокультурными изменениями (Собкин, 2012). Подготовка спектакля в современных условиях как «пробег на короткую дистанцию». Актеры не получают ценный опыт развития собственной психики, как профессионального инструмента своего труда.

Противоречия между типологическими индивидуально-психологическими особенностями актеров и спецификой профессиональной среды создают проблемы профессиональной деформации, риски для удовлетворенности трудом и психологического благополучия. Альтруистическая направленность профессии, высокая эмоциональная включенность актеров в свой труд, чувствительность, потребность в признании вступают в конфликт со стрессовыми условиями профессиональной среды. Субъективная оценка, конкуренция за право на роль, нестабильная занятость, зависимость от репертуарной политики и т.п. Возникновение конфликтов, маргинальных проявлений среди актеров, в большей степени связано не с творческими аспектами, а с психологическими трудностями, возникающими по ходу профессиональной деятельности (Мадонова, 2008).

Особого внимания заслуживает вопрос проектирования актерами карьерного пути в современных условиях. Эффективное самопродвижение в публичной

профессии зависит от навыков коммуникации, от способности формулировать задачу и держать ее перспективу, формировать позитивный психологический настрой и т.п. Театральное образование фокусируется исключительно на готовности, связанной с художественной стороной профессии. Но, как показывает опыт успешных актеров, именно, наличие soft — skills создает условия для успешного творческого осуществления.

Психологическое сопровождение, психологическое консультирование, регулярные тренинги в контексте деятельности современного театра способны обеспечить необходимый тренаж и эффективное развитие психофизики и мышления актера, являются актуальным ресурсом в рискованных и сложных профессиональных ситуациях.

1. Мадонна, Е.Н. Социально-психологические особенности театральных конфликтов и их профилактика: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Мадонна Елена Николаевна. — М., 2008. — 172 с.
2. Савостьянов, А.И. Общая и театральная психология: учеб. пособие для студентов вузов / А.И. Савостьянов. — СПб: КАРО, 2007. — 256 с.
3. Собкин, В.С. К вопросу о диагностике актерской одаренности: социально-психологические аспекты / В.С. Собкин, Т.А. Феофанова // Труды по социологии образования. Т. XVI. Вып. XXVIII / под ред. В.С. Собкина. — М.: Институт социологии РАО, 2012. — С. 217–236.
4. Сергиенко Е.Л. Психологические детерминанты эффективности профессиональной деятельности актера театра: Дис. ...канд. психол. наук.: 19.00.03. Ярославль: Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2019, 224 с.

Экзистенциальный аспект влияния психотравмирующих ситуаций профессиональной деятельности на сотрудников МЧС России

Экзистенциальные проблемы, психотравмирующие ситуации, пожарные, сотрудники МЧС России

Профессиональная деятельность пожарных характеризуется высокой социальной ответственностью, риском потери здоровья и жизни, создавая предпосылки к развитию экзистенциального кризиса. Личностная и эмоциональная вовлеченность субъекта, проявляющаяся как экзистенциальное присутствие в профессиональном взаимодействии, описаны Р. Ассаджиоли, Р. Лэйнгом, Р. Мэй, К. Роджерсом и др. В критические моменты жизненные выборы человека определяются экзистенциальными ценностями и приводят к интрапсихическим конфликтам: между неизбежностью смерти и желанием жить; свободой и ответственностью; осознанием одиночества и желанием любить; потребностью в смысле жизни и его отсутствием в равнодушном мире. Неправильный выбор, бегство от ответственности вызывают экзистенциальную тревогу, страхи или чувство вины, влияя на психическую устойчивость личности и на ее адаптационные возможности. По мнению Н.В. Гришиной [1], «экзистенциальные проблемы имеют универсальный характер — они одинаковы для всех людей и постоянно присутствуют в жизни человека», независимо от того, осознает он эти проблемы или нет. Они имеют также фундаментальный характер, затрагивая глубинные вопросы человеческого существования, влияя на психологическое благополучие и соматическое здоровье индивида.

Объект исследования: 83 сотрудника МЧС России (пожарные), средний возраст ($30,3 \pm 5,3$) лет, стаж службы в МЧС ($8,6 \pm 4,2$) лет. Предмет исследования: частота встречаемости психотравмирующих ситуаций в профессиональной деятельности пожарных и вызываемые ими экзистенциальные страхи. Для исследования использовались 2 авторских анонимных анкеты: «Частота встречаемости психотравмирующих ситуаций в профессиональной деятельности пожарных» (ответы суммировались в процентах по каждой группе вопросов) и «Экзистенциальные страхи» (ответы ранжировались в порядке убывания их значимости).

Максимально часто пожарные сталкиваются с опасной близостью открытого огня (56% опрошенных), гибелью и ранением взрослых пострадавших (34%), обрушением горящих конструкций (25%), электротравмой (17%), испытывают страх за свою жизнь (23%), страх при работе на высоте (15%), в замкнутом пространстве (14%), переживают по поводу унижающих обвинений, высказанных публично (10%). 50% опрошенных постоянно чувствуют моральную поддержку со стороны своей семьи и 25% — со стороны сослуживцев. Однако настораживает тот факт, что 28% лиц лишь иногда могут рассчитывать на помощь близких, 53% — на помощь друзей, при этом 22% пожарных никогда не поддерживают семья и коллеги.

Большинство сотрудников МЧС России боятся погибнуть, оставив свою семью без кормильца. 2-е место занимает страх стать инвалидом и вина за то, что не успел спасти ребенка. На 3-м месте — страх не успеть спасти товарища. Далее следуют страхи собственной смерти — сгореть на пожаре, задохнуться в замкнутом пространстве, разбиться, упав с высоты, утонуть. Наименее значимым является страх неоказания помощи взрослому, страх услышать обвинения в трусости и профессиональной непригодности.

Таким образом, в процессе сопровождения служебной деятельности необходимо обращать особое внимание на психологический климат в семье и коллективе, степень социальной поддержки сотрудников МЧС России. При оказании психологической помощи важно помнить, что экзистенциальные проблемы не требуют «устранения», их смысл — в «проживании». Каждая экзистенциальная проблема, подобно кризисной ситуации, имеет конструктивное и деструктивное решение. Конструктивной альтернативой смерти является способ жизни, обеспечивающий полноту бытия, когда работа, долг и ответственность за людей становятся удовольствием, а все стороны человеческой жизни находятся в гармонии. Удовлетворенность жизнью способствует снижению страха смерти.

1. Гришина, Н.В. Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов / Н.В. Гришина // Вестник Санкт-Петербургского Государственного университета. Сер. 12. Вып. 4. — 2011. — С. 109–116.

Специфика базовых убеждений психологов экстремального профиля

Базовые убеждения, психологи экстремального профиля, специфика

Базовые убеждения — внутренние, устойчивые представления человека о себе и мире, влияющие на его мышление, поведение и эмоциональное состояние. Специфика деятельности психологов экстремального профиля требует от специалистов работать на пределе своих возможностей, в тяжелых условиях и сталкиваться с горем и смертью других людей, что может трансформировать их личность и мировоззрение. Таким образом, является важным изучение базовых убеждений у психологов экстремального профиля, поскольку от этих факторов напрямую зависит эффективность их деятельности. В исследовании участвовало 4 группы: экспериментальная группа (ЭГ) — 33 психолога экстремального профиля (возраст 23–54 лет; стаж работы от 3 мес. до 15 лет); контрольная группа (КГ) — 30 психологов других областей деятельности (возраст 22–50 лет; стаж работы от 2 мес. до 18 лет); волонтеры (В) — 19 студентов-добровольцев (возраст 17–21 год); студенты (С) — 20 студентов-психологов (возраст 21–22 года). Психодиагностический инструментарий — методики «Диагностика ранних дезадаптивных схем Дж. Янга» (РДС) [3], «Шкала базисных убеждений Р. Янофф-Бульман» (ШБУ) [4] и составленная Тарасовой А.А. и Бахметьевой К.С. анкета для оценки субъективного представления психологов об изменении их базовых убеждений в процессе профессиональной деятельности.

Анализ с применением метода U Манна-Уитни показал значимые различия ($p \leq 0,05$) между ЭГ и КГ по ранним дезадаптивным схемам «Неразвитая идентичность» ($p=0,000$), «Покорность» ($p=0,046$) и «Жесткие стандарты» ($p=0,002$), при этом в ЭГ схемы «Неразвитая идентичность» и «Покорность» развиты меньше, но сильнее выражена схема «Жесткие стандарты». Между ЭГ и С найдены отличия по показателям «Жесткие стандарты» ($p=0,351$), «Самопожертвование» ($p=0,182$) и «Грандиозность» ($p=0,171$), а между ЭГ и В по «Эмоциональная депривированность» ($p=0,238$), «Самопожертвование» ($p=0,316$), «Жесткие стандарты» ($p=0,113$), «Удача» ($p=0,173$), «Убеждения о контроле» ($p=0,057$). Необходимо отметить, что ЭГ имеет более низкие показатели по ранним дезадаптивным схемам и более высокие показатели по позитивным базовым убеждениям. Корреляционный анализ показателей методик и таких факторов, как возраст, стаж работы и количество выездов на ЧС в ЭГ показал следующие результаты: возраст специалистов и схемы «Дефективность» ($r=0,352$; $p=0,05$), «Неразвитая идентичность» ($r=0,392$; $p=0,05$); стаж специалистов и схема «Жесткие стандарты» ($r=-0,509$; $p=0,01$). Между показателями методики ШБУ и анкеты были получены следующие отрицательные

взаимосвязи: «Доброжелательность окружающего мира» и показатели анкеты «Справедливость» ($r=-0,407$; $p=0,05$), «Контролируемость» ($r=-0,395$; $p=0,05$), «Закономерность» ($r=-0,384$; $p=0,05$), «Самоценность» ($r=-0,447$; $p=0,01$), «Удача» ($r=-0,426$; $p=0,05$); «Образ Я» и показатель анкеты «Доброжелательность окружающего мира» ($r=-0,416$; $p=0,05$); «Удача» и показатель анкеты «Самоценность» ($r=-0,384$; $p=0,05$); «Убеждения о контроле» и показатели анкеты «Самоценность» ($r=-0,367$; $p=0,05$) и «Контроль» ($r=-0,497$; $p=0,01$). Для исследования структуры базовых убеждений был применен факторный анализ в объединенной выборке ($n=102$) по методикам РДС и ШБУ. Выделены 4 фактора: 1 фактор — самоконтроль (49% дисперсии), 2 фактор — негативное отношение к миру (8% дисперсии), 3 фактор — инфантильность (6% дисперсии), 4 фактор — нарушенные границы (5% дисперсии). Для сравнения средних показателей по факторам между группами был проведен однофакторный дисперсионный анализ. В результате получились следующие уровни значимости достоверности различий: фактор 1 ($p=0,008$), фактор 2 ($p=0,000$), фактор 3 ($p=0,002$), фактор 4 ($p=0,002$). При этом между ЭГ и КГ есть значимые различия по фактору 4 (выше в ЭГ) — нарушенные границы, в который входят ранние дезадаптивные схемы «Грандиозность», «Поиск одобрения» и «Покинутость».

Таким образом, специфика базовых убеждений психологов экстремального профиля заключается в том, что они больше убеждены в том, что должны добиваться успеха, более требовательны к себе; они имеют более развитую индивидуальность, меньше подвержены сильной эмоциональной вовлеченности, при этом у них менее выражены убеждения в необходимости получать одобрения от других людей, понравиться и избегать конфликтов, они менее подвержены конформизму и больше способны противостоять мнению окружающих.

1. Казенная, Е. В. Личность в экстремальных условиях своей профессии: актуализация вопроса о смысле жизни // Актуальные проблемы психологического знания. — 2012. — № 1 (22). — С. 34–43.
2. Касьяник П. М., Романова Е.В. Диагностика ранних дезадаптивных схем. — СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2013. — 120 с.

Доминирующие стресс-факторы в процессе адаптации к срочной воинской службе

Эмоциональный стресс, стресс-факторы, адаптация, военнослужащие срочной службы

Военнослужащие постоянно сталкиваются со значительными психическими и физическими нагрузками. В условиях военной системы деятельность человека рассматривается как деятельность, направленная на выполнение боевой задачи, индивидуальность уходит на второй план. Ситуация адаптации к условиям воинской службы часто вызывает трудности у призывников и эмоциональный стресс.

Обязательная воинская служба изначально является стрессогенным фактором, так как практически исключает свободу выбора. В процессе воинской службы появляется целый ряд ограничений и запретов, что приводит к возникновению эмоциональных переживаний, следовательно, снижается эффективность выполнения служебно-воинских и боевых задач. При этом сложнее процесс адаптации протекает у лиц, перенёсших заболевание центральной нервной системы, имеющих слабый адаптационный потенциал, дефекты в физическом развитии, сложные взаимоотношения в семье.

Цель настоящего исследования — выявить доминирующие стресс-факторы в процессе адаптации к срочной воинской службе. Выборку исследования составили 109 военнослужащих срочной службы воинской части г. Волгограда. Нами был применён метод контент-анализа ответов респондентов на вопросы авторской анкеты. Были выбраны следующие стресс-факторы: участие в боевых действиях; боязнь быть убитым; убийство человека, в том числе по приказу; физическое и моральное насилие; невозможность отстоять свою честь и достоинство; подчинение; вынужденное бездействие; ситуация неопределённости; ситуация оценки (контрольные занятия, публичные выступления, проверки); стрельба; некачественная медицинская помощь; предательство любимой девушки (жены); одиночество; лишение комфорта (домашней еды, употребления алкоголя и курение, свободы); разлука с близкими людьми; тревога за близких людей.

Анализ полученных ответов продемонстрировал, что доминирующими стресс-факторами являются: тревога за близких людей (77%), вынужденное бездействие в ситуациях демонстрации другими людьми мнимого превосходства (72%), нежелание выделяться из общей массы людей (72%), страх получить некачественную медицинскую помощь (65%), опасение войны (62%), лишение комфорта (непосредственно любимой еды (61%), предательство девушки (жены) (57%), разлука с близкими (52%).

Стоит отметить, что наименьший эмоциональный дискомфорт вызывает участие в стрельбах (только для 3% респондентов является стресс-фактором) и перспектива быть убитым на войне (для 4% опрошенных стресс-фактор), что

объясняется повышенной склонностью к риску в юношеском возрасте и ранней взрослости. Также только для незначительной части респондентов (5%) стресс-фактором является лишение алкоголя, но при этом ограничение курения вызывает эмоциональное переживание у большего количества призывников (29%).

Таким образом, были выявлены доминирующие стресс-факторы, влияющие на адаптацию юношей к армейской службе и жизни. На основании полученных результатов были выявлены главные направления в работе по преодолению последствий эмоционального стресса у военнослужащих срочной службы, так как именно психологические особенности каждого человека влияют на успешность служебной, учебно-боевой и боевой деятельности.

Противодействие деструктивным тактическим медиа в войсках национальной гвардии

Информация, тактические медиа, деструктивное воздействие, войска национальной гвардии

В настоящее время возможность управлять информационным контентом приобретает все большее значение в связи с увеличением объема информации, количества средств и скорости ее передачи конечному потребителю. Соответственно актор владеющий инструментарием управления информацией может направить развитие социальных процессов в нужном ему направлении, в том числе деструктивном. Военнослужащие войск национальной гвардии выступают непосредственным объектом деструктивного информационного воздействия в связи с тем, что представляют собой средство обеспечения государственной и общественной безопасности. В тоже время развитие информационных технологий, социальных сетей, мессенджеров объективно выводит личный состав Росгвардии за пределы контролируемого информационного пространства [1]. В настоящее время широкое распространение в качестве эффективного средства донесения информации непосредственно до конечного потребителя получили тактические медиа (ТМ). Исходя из этого возникает объективная проблема, заключающаяся в необходимости разработки эффективного инструментария противодействия деструктивному информационному влиянию ТМ на личный состав войск национальной гвардии.

В научном сообществе до настоящего времени не сформировано устоявшееся определение термина «тактические медиа», так он трактуется как — самостоятельная часть социальных медиа, целью которых является преимущественно развитие революционного потенциала [2], сетевые тактические медиа, которые деструктивны и отличаются оппозиционностью [3] и др. В настоящее время в качестве основных сетевых ресурсов, являющихся базой для функционирования ТМ, используются мессенджеры Telegram, Facebook, Instagram, Twitter, TikTok, видеохостинг YouTube и др.

Отличительными особенностями ТМ деструктивного толка являются: создание для достижения определенной цели или для продвижения оппозиционного лидера; дублирование на различных сетевых ресурсах для комплексного охвата аудитории; оперативность, краткость и большая частота подачи информации; ориентация на молодежную среду.

Так как борьба с деструктивными ТМ, основанная на запретах малоэффективна, необходимо использовать принцип замещения информации, подразумевающий создание ТМ, действующих в интересах войск национальной гвардии и функционирующих на аналогичных принципах. В настоящее время в данном направлении проведена значительная работа, Росгвардия имеет свои аккаунты и

каналы на большинстве сетевых ресурсов. В то же время результаты этой работы недостаточно эффективны. Это можно определить по такому критерию оценки, как количество подписчиков, которое на порядок ниже, чем у деструктивных ТМ.

Предлагаются следующие меры повышения эффективности функционирования ТМ войск национальной гвардии: выход и функционирование на максимальном количестве сетевых ресурсов; изменение способов подачи информации в сторону оперативности реагирования на социальные явления, увеличения частоты размещения, минимизации объема информационных сообщений с одновременным смысловым насыщением; адресация информации различным возрастным категориям 14–18, 19–24 и 25–30 лет; расширение информационного поля за рамки ведомственного функционирования.

Таким образом, создание и развитие ТМ войск национальной гвардии позволит повысить качество информационного противодействия деструктивным ТМ.

1. Забарин А. В. О проблеме обеспечения информационно-психологической безопасности личного состава войск национальной гвардии Российской Федерации / А. В. Забарин // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. — 2020. — № 4. — С. 4–11.
2. Мельник Г. С. Тактические медиа в деструктивных технологиях протеста / Г. С. Мельник // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. — 2015. — № 3. — С. 83–91.
3. Виноградова С. М. Стратегическая коммуникация и тактические медиа: оппоненты или попутчики? / С. М. Виноградова // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. — 2017. — № 2(11). — С. 44–49.

Алёшичева А.В., Самойлов Н.Г.
Рязань, ФДПО, ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России

Психологическое здоровье личности бывших спортсменов, получивших высшее медицинское образование

Психологическое здоровье, личность, врач, спортсмен.

Введение. Гармонично сочетать получение высшего образования и спортивную деятельность практически не удастся. В этой связи многие студенты-спортсмены вынуждены бросать занятия спортом, поступая в медицинский университет. Добровольное осознанное окончание занятий спортом облегчает переход спортсмена к новому образу жизни, но это не исключает тех проблем, с которыми сталкиваются молодые люди, посвятившие большую часть своей жизни спорту [1, 2, 3]. Меняется социальная среда, социальная роль и отношение к себе, наблюдается деадаптация в отношении различных функциональных систем организма.

Цель исследования — установить проявления компонентов психологического здоровья личности врачей-ординаторов, оставивших спортивную карьеру в пользу получения медицинской профессии. Гипотеза исследования. После окончания занятий спортом у врачей-ординаторов больше выражены функциональные изменения, по сравнению с теми врачами, кто никогда не занимался спортом и просто получал высшее медицинское образование.

Организация и методы исследования. В исследовании приняли участие 90 человек врачей-ординаторов из ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России. Средний возраст респондентов — 26 лет. Психодиагностика осуществлялась с применением следующих методик: опросник Г. Айзенка «Самооценка психических состояний личности» и опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90). Участники исследования были разделены на 2 группы: первая (n=45) — это врачи-ординаторы, которые на момент поступления в вуз, занимались спортом, однако в процессе обучения они оставили спортивную деятельность в пользу получения медицинской профессии; вторая группа (n=45) — это врачи-ординаторы, которые никогда не занимались спортом и в течение шести лет только осваивали медицинскую профессию. Для проверки гипотезы был использован критерий Краскела-Уоллиса с применением компьютерной программы IBM SPSS (версия 24.0).

Результаты исследования. Тревожность и агрессивность у респондентов из первой группы достоверно выше, чем у респондентов из второй группы (тревожность — 8,75 и 8,23 балла, $p \leq 0,001$; агрессивность — 10,09 и 8,98, $p \leq 0,001$).

Достоверные различия получены по шкале «соматизация» (группа 1–0,69, группа 2–0,64, $p \leq 0,001$), «обсессивность-компульсивность» (группа 1–0,94, группа

2–0,77, $p \leq 0,05$), «враждебность» (группа 1–0,80, группа 2–0,55, $p \leq 0,03$) и «паранойальность» (группа 1–0,78, группа 2–0,61, $p \leq 0,001$).

Обсуждение полученных результатов исследования. Психическое напряжение в спорте повышает проявления состояний агрессии, враждебности, тревоги и даже через длительный промежуток времени подобные проявления отрицательно сказываются на психологическом здоровье личности. В этой связи возникает острая необходимость создания специальных программ психологического сопровождения для бывших спортсменов, которые выбрали для себя путь становления в сфере здравоохранения.

Выводы. 1. Врачи-ординаторы после прекращения занятий спортом обладают более высоким уровнем выраженности негативных качеств и состояний личности, что отрицательно сказывается на психологическом здоровье их личности. 2. С целью сохранения и укрепления психологического здоровья личности бывших спортсменов и одновременно молодых специалистов в сфере здравоохранения необходимо разрабатывать и внедрять комплексные программы поддержки. Это позволит сбалансировать трудности перехода к новому виду деятельности и образу жизни.

1. Коваленко, Н. Проблемы спортсменов, связанные с их социальной самоидентификацией, трудностями в получении полноценного образования и необходимостью адаптации к обычной жизни после окончания спортивной карьеры / Н. Коваленко // Наука в олимпийском спорте. — 2015. — № 4. — С. 74–87.
2. Brewer, B. W. Athletic identity: Hercules' muscles or Achilles heel? / Brewer B. W., Van Raalte J.L., Linder D.E. // Intern. J. of Sport Psychology. — 1993. — Vol. 24. — P. 237–254.
3. Lally, A. Identity and athletic retirement: A prospective study / A. Lally // Psychology of Sport and Exercise. — 2007. — Vol. 8. — P. 85–99.

Здоровьесберегающее городское пространство как инструмент реализации права на город

Город, здоровье, здоровьесберегающее пространство, молодежь

Активное развитие городов выступает новым вызовом для городского населения. Несомненно, городская инфраструктура предлагает широкий спектр возможностей для реализации потребностей и интересов разных социальных групп, в том числе и молодежи. Торговые центры, университеты, кинотеатры, музеи и т.д. способны удовлетворить запросы и молодого поколения, а их отсутствие становится причиной пространственной мобильности (Антонова Н.Л. и др., 2020). Вместе с этим город становится зоной риска для здоровья. Согласно исследованиям, образ жизни горожан связан с употреблением фастфуда, что становится причиной избыточного веса, в городах выше риск заболеваний сердечно-сосудистой системы и развития хронических заболеваний (Мамедов М.В. и др., 2013).

Одной из целевых установок нашего исследование стал анализ представлений студентов о здоровьесберегающей среде крупного промышленного города. Для реализации этой цели в апреле-мае 2021 года мы провели 20 полуструктурированных интервью со студентами 1–2 курсов бакалавриата Уральского федерального университета. Всего опрошено 6 юношей и 14 девушек.

Материалы исследования свидетельствуют, что здоровьесберегающее пространство (инфраструктура, а также ее доступность и привлекательность для реализации практик сохранения и развития здоровья) города Екатеринбурга оценивается не очень высоко: «...мало спортивных площадок, мало зелени и много парковок, много машин и мусора...» (жен., 20 лет). Студенты отмечают, что здоровьесберегающее пространство характеризуется не только численностью медицинских учреждений, но и наличием условием для здорового образа жизни: «... я бы занялась утренними пробежками, но живу в спальном районе с высотными домами-коробками, парка нет, бегать негде, спортивная площадка только на школьном стадионе, но там больше школьники занимаются» (жен., 19 лет). Проблематику планирования новых спальных районов поднял каждый второй информант, утверждая, что на этапе проектирования должны быть сразу определены рекреационные зоны со спортивными сооружениями и скверы для пешеходных прогулок.

Особое внимание в ходе интервью опрошенные студенты уделили влиянию городской среды на психическое здоровье. Во-первых, по оценкам информантов, звуковой ландшафт города вызывает тревожность и ведет к стрессам: «звуковая реклама в центре города очень навязчивая, мне это мешает, хочется поскорее выбраться» (жен., 18 лет); Во-вторых, цветовая палитра города унылая и серая: «серый город, дома все одинаковые, наводят грусть и печаль, особенно зимой, когда и солнца мало» (жен., 19 лет).

В соответствии с концепцией «Право на город», провозглашенной А. Лефевром (Лефевр А., 2015), здоровьесберегающее пространство можно определить как

базовое условие функционирования и развитие городских общностей, как право на здоровый образ жизни. Информанты готовы не только стать потребителями города, но и включиться в производство здоровьесберегающего пространства. Каждый третий опрошенный принимает участие в субботниках, деревья еще в школе сажал (муж., 20 лет). Информанты также отметили, что готовы использовать экологичные виды транспорта для повседневных перемещений (самокаты, велосипеды), принять участие в информационных и агитационных мероприятиях, нацеленных на здоровьесбережение и экологическую активность. По мнению одного из опрошенных, коллективные виды практик реализуют психотерапевтическую и коммуникационную функции: «способствуют сохранению психического здоровья, когда ты понимаешь, что не один, вместе с другими ты делаешь город лучше, чище, здоровее» (жен., 18 лет).

В целом молодое поколение стремится к сохранению и развитию своего здоровья, демонстрируя ответственное поведение, стремясь создать здоровьесберегающее пространство города.

1. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Полякова В.В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443—462. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597>
2. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
3. Мамедов М.Н., Евдокимова А.А., Токарева З.Н., Деев А.Д., Шальнова С.А., Оганов Р.Г. Оценка распространенности факторов риска в случайной городской выборке мужчин и женщин // Международный журнал сердца и сосудистых заболеваний. 2013. Т.1. №1. С. 52–60.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-411-660012 р_а.

Предвзятость зрительного внимания как биомаркер психоэмоционального стресса

Тревожность, асимметрия ЭЭГ, внимание.

Эмоциональный стресс — феномен осознания, возникающий при сравнении между требованием, предъявляемым к личности, и ее способностью справиться с этим требованием. Отсутствие баланса в этом механизме вызывает возникновение дистресса (Ильин, 2001). Учебная деятельность, экзамены и зачеты являются основным источником стресса для современных студентов ВУЗа, что, в свою очередь приводит к развитию высокого уровня тревоги и тревожности у молодых людей. Показано, что тревожность явление не только эмоциональное, но оно включает в себя также когнитивные, мотивационные и психофизиологические составляющие, формирующие те или иные формы поведения (Соловьева, 2012). Предвзятость внимания способствует поддержанию состояния тревоги у человека (Lauren, White, Henderson, 2017).

Цель исследования — связь между асимметрией биоэлектрической активности фронтальных зон мозга и предвзятым вниманием к негативной зрительной информации в парадигме «Dot-probe test». Анализировали данные 60 испытуемых-студентов ВУЗа, 19±1 лет. Методы: психометрическое исследование уровня тревожности по шкале Спилбергерра, проба на смещение внимания — dot-probe test пробы на определение времени появления эмоционального и нейтрального стимула — temporal-order judgment (TOJ) tasks; регистрация ЭЭГ фоновой активности мозга и при выполнении когнитивных заданий; мониторинг показателей LF/HF и индекса напряжения регуляторных систем на основе данных анализа вариабельности сердечного ритма (BCP).

Для анализа отобраны данные испытуемых с высоким уровнем тревожности, (n=36). По данным сенсомоторных реакций испытуемые были разделены на группы: группа (n=18) с предвзятостью внимания к тревожной зрительной информации во всех когнитивных заданиях, достоверно быстрой реакцией на точечные стимулы — цели после предъявления эмоциональной (угрожающей) зрительной информации (M=401, SD=57 мс), по сравнению с реакцией на точечные стимулы — цели после нейтральной информации (M=417, SD=45 мс, $t = 2.4$, $p = 0,01$) и достоверно меньшим средним временем реакций в пробе на определение времени появления угрожающих стимулов (M=773, SD=119 мс), по сравнению со средним временем реакций в пробе на определение времени появления нейтральных стимулов (M=855, SD=140 мс, $t = 4.3$, $p = 0,0004$, $t = 7.2$, $p = 0,000001$). Вторую группу (контрольная) составили участники исследования (n 18) с соответствующими данными: M=380, SD=38 мс и M=381, SD=38 мс, $t = 0.4$, $p = 0,7$ и M=748, SD=158 мс, M=757, SD=154 мс, $t = 0.3$, $p = 0,7$, $t = 0.05$, $p = 0,9$. По данным BCP анализа для первой группы: LF/HF M=2,1, SD=0,3, индекс напряжения регуляторных систем M=96, SD=22; для контрольной группы LF/HF M=1,1, SD=0,1, индекс напряжения регуляторных систем M=81, SD=21, $t = 6.2$, $p = 0,00001$ соответственно. Испытуемые «со смещением зрительного

внимания к угрожающей информации» имели выраженную асимметричную активность ритма α -диапазона фронтальных зон коры мозга; значения спектральных мощностей ритма α -диапазона слева превышали значения справа, что позволяет предположить наличие выраженной активности правых фронтальных зон коры мозга у данных испытуемых, ($Z = 2.7$, $p = 0,005$). Вывод: смещения внимания можно рассматривать как биомаркер тревожности связанной с психоэмоциональным стрессом.

1. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. — СПб.: Питер, — 2001. — 752 с.
2. Соловьева С.Л. Тревога и тревожность: теория и практика. Медицинская психология в России // Электронный научный журнал. — 2012. — 1. URL: http://medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer14.php (дата обращения: 30.05.2016).
3. Lauren K. Behavioral inhibition, anxiety, and attention biases to threat and positive information / Lauren K. White Heather A. Henderson // Child development, 2017. — V. 88. — N. 1. — P. 141–155

Алекситимия, как психологический фактор, обуславливающий развитие соматоформных расстройств

Алекситимия, соматоформные расстройства, психологический фактор

В последние годы наблюдается рост психических и поведенческих расстройств в современном обществе, которые оказывают значимое влияние на систему здравоохранения по всему миру. Данная тенденция влечет за собой серьезные экономические и медико-социальные последствия. Воздействие неблагоприятных факторов, таких как вооруженные конфликты, миграция и, что более актуально, влияние пандемии, оказывает негативное бремя на психическое здоровье людей. При этом опережающими темпами возрастают показатели заболеваемости и распространенности депрессии, невротических расстройств, одними из которых являются соматоформные расстройства.

Для соматоформных расстройств характерно повторение физических симптомов наряду с постоянным требованием медицинских обследований, несмотря на повторные отрицательные их результаты и заверения врачей, что симптомы не имеют соматической природы. Пациенты отказываются принимать объяснения причин психологического характера своих проблем, для них присуще демонстративное поведение, которое возникает позже развития основных симптомов и является результатом неудовлетворенности взаимоотношениями с врачами [1].

В возникновении соматоформных расстройств выделяют следующие концепции [2]: психоаналитическая концепция; концепция специфического эмоционального конфликта; концепция профиля личности; концепция десоматизации-ресоматизации; концепция нервизма; теория стресса; концепция алекситимии. Наибольший интерес представляет собой феномен алекситимии, который играет одну из ведущих ролей в формировании и течении соматоформных расстройств [3].

Под алекситимией понимают неумение говорить о своих эмоциях, бедный эмоциональный словарь и неразвитость рефлексивного компонента. Алекситимию принято рассматривать с позиции следующих подходов: биологического, социального и теории о травматической ситуации. Несмотря на множество подходов к исследованию феномена алекситимии, у пациентов с соматоформными расстройствами, вопрос об этиопатогенезе остается открытым.

В исследовании Duddu V. была изучена взаимосвязь алекситимии со стилем атрибуции и отношением к болезни у пациентов с соматоформными расстройствами и депрессивными нарушениями [4]. В результате исследования уровень алекситимии среди групп пациентов статистически не различался, однако был значительно выше, чем в группе здоровых. По сравнению со здоровыми испытуемыми, пациентам с соматоформными и депрессивными расстройствами было труднее идентифицировать телесные ощущения и чувства. Приведенные данные свидетельствуют о том, что пациенты с соматоформными расстройствами и депрессивными нарушениями имеют трудности в выражении чувств по сравнению

со здоровыми индивидами, однако не позволяют дифференцировать уровень алекситимии между группами пациентов. Изучение факторов, влияющих на формирование алекситимии у пациентов с соматоформными расстройствами, было представлено в работе F.P. Gil [5]. Целью исследования было изучение взаимосвязи между стилем привязанности, родительскими отношениями и алекситимией у пациентов с соматоформными расстройствами. В ходе полученных данных установлено, что у 88% пациентов с соматоформными расстройствами была выявлена патологическая привязанность и ее взаимосвязь с алекситимией. Предикторами алекситимии являлись безразличное отношение со стороны отца (OR=1,85; 95% CI [1.01–3.45], $p \leq 0,05$), шкала депрессии Бека (OR=1,07; 95% CI [1.01–1.16], $p \leq 0,05$) и глобальный индекс тяжести SCL-90 (OR=1,09; 95% CI [1.01–1.16], $p \leq 0,05$). Полученные данные свидетельствуют о влиянии особенностей семейных отношений в детстве на развитие алекситимии у пациентов с соматоформными расстройствами.

Приведенные результаты свидетельствуют об актуальности дальнейшего изучения феномена алекситимии у пациентов с соматоформными расстройствами. Проведение дальнейших исследований, направленных на изучение этиопатогенеза алекситимии у пациентов с соматоформными расстройствами, позволит эффективнее подходить к проведению лечебно-диагностических и профилактических мероприятий.

1. Фролова, Ю.Г. Медицинская психология: учеб. пособие / Ю.Г. Фролова. — 2-е изд., испр. — Минск: Выш. шк., 2011. — 383 с.
2. Байкова, И.А. Психосоматические расстройства (классификация, клиника, диагностика, лечение): учеб.-метод. пособие / И.А. Байкова. — Минск: Бел. ГИУВ, 1999. — 27 с.
3. Alexithymia: Advances in Research, Theory, and Clinical Practice / O. Luminet, M.R. Bagby, G.J. Taylor. - Cambridge: Cambridge University Press, 2018. — 372 p.
4. Duddu, V. Alexithymia in somatoform and depressive disorders / V. Duddu, M.K. Isaac, S.K. Chaturvedi // Journal of Psychosomatic Research. — 2003. — Vol. 54. — P. 435–438.
5. Gil, P.F. Relationship between attachment style, parental bonding and alexithymia in adults with somatoform disorders / P.F. Gil, C.E. Scheidt, D. Hoeger, M. Nickel // Int J Psychiatry Med. — 2008. — Vol. 38. — P. 437–451.

Барьеры здорового питания

Психология здоровья, барьеры здорового поведения

По данным ВОЗ рацион питания — это основной, поддающийся изменению, детерминант хронических заболеваний. Результаты современных исследований показывают, что изменение рациона питания может влиять не только на здоровье человека в короткий период настоящего времени, но и на развитие различных заболеваний в будущем [1]. Именно поэтому понимание всех аспектов пищевого поведения важно для борьбы с эпидемиями ожирения, сердечно-сосудистых заболеваний и диабета.

Удовлетворение биологических потребностей организма в питательных веществах не является единственной целью питания у человека. Потребление пищи у человека может являться средством: разрядки психоэмоционального напряжения, социализации, самоутверждения, поддержания определенных ритуалов или привычек, удовлетворения эстетических потребностей, компенсации неудовлетворенных потребностей и тд. [2]. Пищевое поведение включает в себя установки, формы поведения, привычки и эмоции, касающиеся еды, которые индивидуальны для каждого человека. Выбор пищи зависит от комплекса физиологических, психологических и социокультурных факторов [2].

Изучение причин, препятствующих здоровому питанию, является не менее важным вопросом для решения проблем здоровья населения. Барьеры здорового питания могут быть связаны с социально-экономическим статусом человека, характеристиками окружающей среды, культурными особенностями, референтными группами и так далее [3]. Например, жители районов с более широким доступом к высококалорийной пище и фаст-фуду, демонстрируют более высокий риск неправильного питания и ожирения. [5] Социальная среда влияет на выбор продуктов питания через социальные нормы, социальную поддержку и ролевое взаимодействие. Исследования показывают, что частота семейных обедов положительно связана с потреблением детьми и подростками полезных продуктов, таких как фрукты, овощи, зерновые продукты и с низким потреблением жареной пищи, фастфуда и тд [5].

Немаловажную роль играют внутриличностные барьеры здорового питания. Известно, что низкие знания в области питания и неадекватные кулинарные навыки человека могут являться препятствиями для употребления фруктов и овощей [3]. Важную роль играет мотивация человека, его отношение к еде, наличие навыков саморегуляции. Известно, что плохая саморегуляция связана с более высоким индексом массы тела и является фактором риска развития ожирения [4]. Пищевое поведение может оцениваться как гармоничное или девиантное в зависимости от множества параметров, в частности — от места, которое занимает процесс приема пищи в иерархии ценностей человека [2].

Несмотря на многоаспектность пищевого поведения, каждый отдельный фактор, влияющий на потребление пищи, важен для полноценного изучения проблем

питания и разработки способов борьбы с хроническими заболеваниями. Вне зависимости от того, что во многом наши пищевые привычки зависят от факторов окружающей среды, психологические факторы пищевого поведения нельзя недооценивать.

1. Рацион, питание и предупреждение хронических заболеваний: доклад Совместного консультативного совещания экспертов ВОЗ/ФАО. Издательство: Библиотечный каталог ВОЗ, Женева, 2002. — С. 6–14.
2. Малкина-Пых, И. Г. Терапия пищевого поведения: Справочник практического психолога / И. Г. Малкина-Пых. Издательство: ЭКМО, 2009. — С. 4–30. — Текст : электронный // — URL: <https://www.litres.ru/irina-malkina-pyh/terapiya-pischevogo-povedeniya/> (дата обращения: 30.05.2021)
3. Nurgul Fitzgerald, Kim J Spaccarotella Barriers to a Healthy Lifestyle: From Individuals to Public Policy — An Ecological Perspective // Journal of Extension. 2009 — Текст : электронный // — URL: https://www.researchgate.net/publication/228377917_Barriers_to_a_Healthy_Lifestyle_From_Individuals_to_Public_Policy_-_An_Ecological_Perspective (дата обращения: 30.05.2021)
4. Ulrike Alexandra Ruzanska, Petra Warschburger Intuitive eating mediates the relationship between self-regulation and BMI — Results from a cross-sectional study in a community sample // 2019 — Текст : электронный // — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30851691/> (дата обращения: 30.05.2021)
5. Dena R. Herman, Marion Taylor Baer, Elizabeth Adams, Leslie Cunningham-Sabo, Nelida Duran, Donna B. Johnson & Elizabeth Yakes Life Course Perspective: Evidence for the Role of Nutrition // 2014 — Текст : электронный // — URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10995-013-1280-3> (дата обращения: 30.05.2021)

Особенности взаимосвязи саморегуляции, копинг-стратегий и акцентуаций характера в период восстановления после операции

Акцентуация характера, осознанная саморегуляция, копинг-стратегии

Акцентуацией (АХ) называется чрезмерность проявления некоторых черт характера или темперамента. Основываясь на ранее выполненном исследовании о специфике регуляторных профилей у лиц с различными АХ (Плахотникова, 2004), в исследовании проверялась гипотеза о том, что осознанная саморегуляция (СР) и копинг-стратегии могут выступать специальными ресурсами выздоровления у пациентов с различными АХ в послеоперационном периоде. Мы предположили, что выявление взаимосвязей между регуляторными, личностными и стратегическими показателями, позволит сформировать группы с различной динамикой восстановительного периода после операции.

Выборка. 114 пациентов после операции, средний возраст $55,76 \pm 12,7$, из них мужчины 67 человек, женщин 47. Использовались опросники: акцентуаций личности (Леонгард, Шмишек, 2000), способов совладающего поведения (Вассерман, 2009), стилей саморегуляции поведения ССПМ (Моросанова, Кондратюк, 2020),

Результаты и обсуждение. Респонденты с демонстративной АХ (36% от общей выборки) характеризуются высоким гармоничным профилем СР с высокими развитыми процессами и свойствами. Они используют конструктивные копинг-стратегии планирования решения проблем (53,47), положительной переоценки (50,86), поиска социальной поддержки (50,69), самоконтроля (50,56). Возможно предположить, что в этой группе сроки восстановления будут соблюдаться, поскольку пациенты могут воспользоваться как регуляторным ресурсом, так и способностью находить и использовать поддержку специалистов.

Представителей застревающей АХ (39%) отличает гармоничный профиль на среднем уровне СР. Пациенты избегают таких копинг-стратегий как дистанцирование (47,62), конфронтация (47,77), предпочитают искать социальную поддержку (49,77), проводить внутреннюю работу по положительному переформулированию (49,33) и планировать свои решения (49,33). В период восстановления данной группе необходимо формировать инициативность, гибкость мышления и поведения при переходе с одной деятельности на другую и не бояться конфликтов.

Пациенты с возбудимой АХ (13%) имеют гармоничный профиль на среднем уровне СР. Практически все показатели этого профиля сравнимы с аналогичными показателями у демонстративной АХ, кроме процесса Оценка результатов (4,10). Это может затруднять коррекцию поведения. Действительно, представители данной группы сильнее всех дистанцируются (59,85), конфронтируют (57,00), используют стратегию бегства (49,46) и чаще других переоценивают себя (53,38). Соответственно, пациентам необходимо отслеживать результаты

восстановительного периода, адекватно оценивать свои физические способности, снижать частоту конфронтаций и меньше изолироваться.

Педантичная АХ (22%) обладает наименьшим потенциалом соблюдения сроков восстановления. Представители этой групп требуют особого подхода в период реабилитации. При гармонично низком профиле СР у них нет реальной возможности опереться на ресурсы СР достижения цели. Кроме того, они используют неэффективные стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями. В восстановительном периоде, предпочтительно опираться на те конструктивные копинги, которые хорошо развиты в этой группе: опора на социальную поддержку (51,55), ответственность (47,32). Особое внимание следует уделить развитию осознанной СР.

Выводы. Выявленные взаимосвязи АХ, осознанной СР и стратегий совладания в трудных жизненных ситуациях, позволят создавать эффективные реабилитационные программы для своевременного восстановления пациентов после операций.

1. Вассерман, Л.И. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. Пособие для врачей и медицинских психологов НИПНИ им В. М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия. — 2009. — 38.
2. Леонгард К. Акцентуированные личности / Пер. с нем. — Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс». — 2000. — 544.
3. Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г. Опросник В.И. Моросановой "Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020" // Вопросы психологии. — 2020. — № 4(66). — 155–167.
4. Плахотникова И.В., Моросанова В.И. Регуляторная роль отдельных личностных качеств в индивидуально-типических проявлениях саморегуляции произвольной активности / Журнал прикладной психологии. — 2004. — № 1. — 31–39.

Влияние дистанционного формата обучения на психологическое благополучие и здоровье младших школьников

Младшие школьники, здоровье, благополучие, дистанционное обучение

Изменения, происходящие в мире в период 2020–2021 гг., меняют привычный образ жизни и вынуждают адаптироваться к новым формам работы, обучения, досуга и пр. Новой реальностью становится дистанционный формат обучения. Целью проведенного исследования было выявление субъективных представлений младших школьников о дистанционном и традиционном формате обучения и его влиянии на психологическое благополучие и здоровье учащихся. В исследовании приняли участие младшие школьники в количестве 49 человек (средний возраст 9–10 лет, из них мальчиков: 25 мальчиков, 24 девочек) и их родители в количестве 55 человек (средний возраст — 42 года, из них 15 — мужчин, 40 — женщин).

В младшем школьном возрасте дети способны учитывать одновременно несколько точек зрения, прослеживать происходящие изменения. Личный опыт имеет наивысшее значение для умозаключений ребенка. С учетом того, что опыт традиционного («очного») и дистанционного («заочного») обучения находятся в активной временной перспективе, то учащиеся смогли сравнить эти два формата. В результате исследования было выявлено:

1. Время выполнения заданий в дистанционном формате увеличилось у 80% учеников и составило от 3 и более часов в день. В связи с тем, что у большинства детей еще не сформирована способность к самоорганизации, произошло нарушение сроков выполнения заданий и увеличение времени нахождения за компьютером (ноутбуком/планшетом) и в Интернете. Так, 90% учащихся посещают сайты для развлечения, а также играют в компьютерные игры, при этом затрачивая больше времени, чем планировали.

2. Произошли изменения в режиме дня: 65% учеников считают, что лучше соблюдали режим дня, когда ходили в школу, школа выступала системообразующим компонентом дня.

3. Диагностика здоровья младших школьников по показателям физической активности, эмоционального состояния (радостного позитивного настроения), комфортного процесса получения знаний, а также качества сна позволяет сделать выводы о том, что физическая и эмоциональная составляющая значительно выше в традиционном формате, то есть ребята субъективно оценивают свое здоровье выше в обычном учебном формате. Опрос родителей по факторам здоровья детей указывает на: снижение физической активности (72%); снижение настроения отметили 32% родителей (28% родителей отметили улучшение настроения); снижение умственной активности отметили 40% родителей и только 12% повышение.

4. Преимущество дистанционного обучения в возможности более позднего подъема и более высоких оценок, в том числе благодаря родителям. Однако, с другой стороны, выявлено, что учебные задания младшими школьниками воспринимаются

как субъективно сложные для понимания младших школьников, отмечен рост усталости от занятий и снижения интереса к учебной деятельности у 70% учеников.

5. Наиболее значимые потребности для младших школьников: «живое» общение с друзьями и учителями (100%), прогулки и школы, с ее классами и переменами. Субъективное благополучие детей в дистанционном обучении существенно снизилось.

Таким образом, дистанционное обучение кардинальным образом влияет на снижение психологического благополучия и здоровья младших школьников. Выявленные ограничения заключаются в том, что: во-первых, отсутствует возможность непосредственного взаимодействия учителя и ученика, т.к. процесс обучения, это не только передача информации, но и процесс формирования ценностно-культурной общности, со своими правилами, традициями, событиями; во-вторых, присутствует субъективное ощущение младших школьников о «фрагментарности» знаний и «недоученности материала»; в-третьих, замедляется формирование навыков самоорганизации, самоконтроля и сотрудничества учеников. В качестве положительных моментов стоит отметить: большую включенность родителей в учебную деятельность ребенка, формирование цифровых навыков младших школьников. Данные особенности следует учитывать при формировании психологического сопровождения школьников [1].

1. Никифоров Г.С., Гофман О.О. Психолог здоровья в школе//Сборник научных статей по материалам III Конгресса «Психическое здоровье человека XXI века». Москва, 2020, с. 256–258

Особенности сбора эмпирического материала при проведении психодиагностики онкобольных на различных стадиях заболевания

Эмпирический материал, онкологическое заболевание, проведение психодиагностики, рак молочной железы, рак предстательной железы

Уменьшение роста числа пациентов со злокачественными образованиями и увеличение продолжительности и качества их жизни является первостепенной задачей не только современной медицины, но и комплексной междисциплинарной проблемой [1,2].

Контуром данного локального исследования послужило проведение на базе Челябинского областного клинического центра онкологии и ядерной медицины обширного исследования, в рамках которого изучается связь психологических особенностей пациентов и течения заболевания.

Респондентов можно разделить на пять групп:

1) пациентки в возрасте от 29 до 80 лет (средний возраст 55 лет) с морфологически верифицированным люминальным раком молочной железы IV стадии, получающие специальную противоопухолевую терапию по радикальной программе;

2) пациентки в возрасте от 26 до 80 лет (средний возраст 55 лет) с раком молочной железы, находящиеся на различных стадиях заболевания (I, II, III), гормонозависимые, находящиеся под наблюдением онколога с момента постановки диагноза до 6 месяцев с благоприятным (стабилизация, ремиссия) течением болезни;

3) пациентки в возрасте от 26 до 80 лет (средний возраст 55 лет) с раком молочной железы на различных стадиях заболевания (I, II, III), гормонозависимые, находящиеся под наблюдением онколога с момента постановки диагноза до 6 месяцев с неблагоприятным течением болезни (рецидив, генерализация, прогрессия);

4) пациенты в возрасте от 45 до 80 лет (средний возраст 55 лет) с раком предстательной железы, находящиеся на различных стадиях заболевания (I, II, III, IV) с благоприятным (стабилизация, ремиссия) течением болезни;

5) пациенты в возрасте от 45 до 80 лет (средний возраст 55 лет) с раком предстательной железы, находящиеся на различных стадиях заболевания (I, II, III, IV) с неблагоприятным течением болезни (рецидив, генерализация, прогрессия).

При взаимодействии с пациентами психологами используется индивидуальная форма сбора данных, в основе которой лежит формирование мотивации через установление доверительного контакта, помощь в понимании и заполнении опросных методик.

Если при работе с пациентами второй и третьей группы эффективность сбора эмпирической базы высока (46 из 48 повторно опрошенных успешно справились с

опросными методиками), то эффективность взаимодействия с тремя оставшимися группами находится на низком уровне (43 из 86 — в первой группе, 15 из 29 — в четвертой и 16 из 31 — в пятой).

Причины отказов можно классифицировать следующим образом: 1) наличие реальной опасности для жизни при уже установленном диагнозе, в том числе, при наблюдении у врача длительностью более года (характерно исключительно для четвертой и пятой группы респондентов); 2) отсутствие веры в возможности медицины и принятие фатальности заболевания при проговариваемых врачом перспективах и отсутствии отказа от продолжения курса лечения вне зависимости от реального хода течения болезни (характерно для трёх проблемных групп респондентов); 3) неприятие вмешательства психолога в личное пространство пациента, характеризующееся убежденностью в корыстном умысле действий сотрудника психологической помощи; «попытка залезть в мой карман при знании реальной картины болезни» (характерно для трёх проблемных групп респондентов с преобладанием первой); 4) сознательное нежелание оказать помощь людям, попавшим в схожую экстремальную ситуацию; «почему если мне плохо, то другим должно быть хорошо» (характерно для четвертой и пятой).

1. Bray F., Ferlay J., Soerjomataram I., Siegel R.L., Torre L.A., Jemal A. Global cancer statistics 2018: Globocan estimates of incidence and mortality worldwide for 36 cancers in 185 countries // *A Cancer Journal for Clinicians*. 2018. Vol. 68 (6). P. 394–424. URL: <https://doi.org/10.3322/caac.21492>.
2. Матреницкий В.Л. Забытая психоонкология: о необходимости психотерапии и психосоциальной реабилитации в профилактике рецидивов и метастазов онкозаболеваний // *Клиническая онкология*. 2018. Т. 8, № 1 (29). С. 46–52.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00434.

Осознанность (mindfulness) как совладающее со стрессом поведение

Осознанность (mindfulness), стресс, совладающее со стрессом поведение

В современном арсенале стратегий когнитивной психотерапии существенное внимание уделяется практикам формирования осознанности (mindfulness), ведущим к снижению психопатологических симптомов, повышению субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью. Эффективность техник доказана во многих исследованиях, однако это касается той категории клиентов, кто способен приложить усилия к работе над формированием соответствующих навыков.

Диспозициональная осознанность (т.е. присущая человеку как психологическая черта) также ассоциирована с общим благополучием и стрессоустойчивостью. Выдвигаются предположения, что осознанность функционирует как одна из стратегий совладающего со стрессом поведения, позволяющая эффективно совладать со стрессовыми ситуациями, а ее направленное формирование, по сути, является созданием копинга (Gibbons, 2016). В одном из исследований на обширной выборке показано, что копинг фокусирования на решении проблемы опосредует влияние осознанности на снижение негативных аффективных состояний, однако его вклад невелик (Finkelstein-Fox et al., 2019). Авторы заключают, что осознанность имеет самостоятельное значение как особый тип совладающего со стрессом поведения.

Другие данные указывают на опосредование взаимосвязи осознанности и стресса как эффективными, так и неэффективными копинг-стратегиями; показано, что в ситуации напряжения более осознанные респонденты менее катастрофически прогнозируют события, а также в меньшей степени используют стратегии избегания (Weinsteina et al., 2009).

В настоящем исследовании взаимосвязи диспозициональной осознанности, уровня стресса и копинг-стратегий. Выборка включила 88 участников, из них 24 мужчины, возраст респондентов от 18 до 30 лет (средний возраст — 20,5 лет). Использовали методики: пятифакторный опросник осознанности (FFMQ), методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э.Хайма, методика для исследования стрессоустойчивости: тест самооценки стрессоустойчивости (С. Коухена и Г. Виллиансона).

Для трех продуктивных копинг-стратегий осознанность показала значимую положительную связь только с оптимизмом ($r=0,39$ при $p<0,05$, коэффициент корреляции Пирсона), но не с проблемным анализом и сотрудничеством. Из непродуктивных копинг стратегий обратная связь с осознанностью выявлена для негативных когнитивных оценок происходящего, заключающихся в том, что человек уверен в невозможности разрешения его проблем, либо в незнании им путей такого

разрешения; и для изоляции, отстранения от решения проблемы ($r=-0,23$; $r=-0,28$ при $p<0,05$). С помощью частных корреляций показано, что как продуктивные, так и непродуктивные копинг-стратегии, имеющие значимую связь с осознанностью, в значительной мере опосредуют ее связь с уровнем стресса.

Таким образом, получены аналогичные более ранние исследования данные, согласно которым более оптимистичный прогноз, большая уверенность в своей способности справиться с ситуацией и готовность контактировать с ситуацией выступают составными частями осознанного реагирования, повышающими устойчивость к стрессу. С другой стороны, отсутствие взаимосвязей осознанности с большинством копингов позволяют предположить ее специфичность в ряду стратегий совладающего поведения.

1. Gibbons C. (2016). Mindfulness — As a coping strategy // *Eisteach*, Vol. 15 (2), 14–18.
2. Finkelstein-Fox L., Park C.L., Riley K. E. (2019). Mindfulness' Effects on Stress, Coping, and Mood: A Daily Diary Goodness-of-Fit Study // *Emotion*. №6. P. 1002–1013
3. Weinsteina N., Brown K.W., Ryan R.M. (2009). A multi-method examination of the effects of mindfulness on stressattribution, coping, and emotional well-being *Journal of Research in Personality*. №43.P. 374–385.

Евстафеева Е.А.
Томск, Челябинск, НИ ТГУ, ФГБОУ ВО "ЧелГУ"

Циринг Д.А.
Томск, Челябинск, НИ ТГУ, Финансовый университет при Правительстве РФ

Кузнецова А.И.
Челябинск, НИ ТГУ

Взаимосвязь базисных убеждений и компонентов ментального здоровья у женщин больных раком молочной железы на разных стадиях

Онкопсихология, рак молочной железы, базисные убеждения, ментальное здоровье

Актуальность исследования обусловлена высоким распространением рака молочной железы среди женщин во всем мире и необходимостью изучения психологических аспектов лечения онкобольных пациенток. Одним из дополнительных критериев, связанным с прогнозом выживаемости и течения заболевания у онкобольных, является оценка качества жизни, одним из параметров которого является ментальное здоровье пациентов [1]. В рамках данного исследования качество жизни рассматривается как совокупность переживаний и отношений больного или здорового человека, связанных с субъективным пониманием ценности здоровья и потребностями в самореализации, в том числе и в условиях болезни [3].

Базисные убеждения человека относятся к таким психологическим факторам, определяющим психологическую адаптацию человека к травмирующему воздействию онкологического заболевания [2]. Поэтому базисные убеждения женщин больных раком молочной железы на разных стадиях на фоне онкозаболевания могут оказывать влияние на субъективное восприятие компонентов ментального здоровья.

Цель исследования: выявить взаимосвязь базисных убеждений и компонентов ментального здоровья у женщин больных раком молочной железы на разных стадиях (далее — с РМЖ). Выборка: женщины в возрасте от 26 лет до 80 лет (1 стадия — 66 чел., 2 стадия — 55 чел., 3 стадия — 16 чел., 4 стадия — 23 чел.). У всей выборки женщин в течение 6 месяцев диагностирован рак молочной железы: люминальный тип опухоли. Всем пациенткам выполнено хирургическое вмешательство в плане радикального лечения. Методы: шкала базисных убеждений (М.А. Падун, А.В. Котельникова); опросник SF-36 для исследования компонентов ментального здоровья.

В результате корреляционного анализа обнаружена взаимосвязь между базисными убеждениями и компонентами ментального здоровья у женщин с РМЖ. Выявлены достоверные связи между субшкалой «Образ Я» и показателями жизненной активности ($r=0,194$; $p=0,014$), ролевого функционирования, обусловленного эмоциональным состоянием ($r=0,270$; $p=0,001$), психического здоровья ($r=0,228$; $p=0,004$). Чем больше женщины с РМЖ убеждены в собственной

ценности и значимости, тем выше они оценивают свое ментальное здоровье. Показатель «Доброжелательность окружающего мира» значимо положительно коррелирует с компонентами: жизненная активность ($r=0,168$; $p=0,034$), социальное функционирование ($r=0,181$; $p=0,023$), ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием ($r=0,166$; $p=0,036$), психическое здоровье ($r=0,230$; $p=0,003$). Доверие женщин с РМЖ миру способствуют улучшению ментального здоровья. Убеждения женщин с РМЖ в возможности контролировать происходящие с ними события имеют прямую связь с параметром «ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» ($r=0,220$; $p=0,005$). Уверенность женщин с РМЖ в том, что они могут контролировать жизненные события увеличивает степень удовлетворенности своим эмоциональным состоянием. Базисные убеждения об удаче имеют связь с показателями жизненной активности ($r=0,180$; $p=0,023$), ролевого функционирования, обусловленного эмоциональным состоянием ($r=0,217$; $p=0,006$), психического здоровья ($r=0,263$; $p=0,001$). Чем удачливее себя считают женщины с РМЖ, тем выше их оценка эмоционального состояния. Полученные эмпирические данные могут стать важными знаниями для улучшения ухода за пациентками больными раком молочной железы.

1. Ионова Т.И. Значение исследования качества жизни в современном здравоохранении // Качество и жизнь. 2019. 1(21), стр.3–8.
2. Падун М.А., Котельникова А.В. Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. — 206 с.
3. Психологическая структура качества жизни больных эпилепсией: пособие для врачей и мед. психологов / М-во здравоохранения и соц. развития Рос. Федерации, С.-Петербург. науч.-исслед. психоневрол. ин-т им. В. М. Бехтерева; [Л. И. Вассерман и др.]. — Санкт-Петербург: СПбНИПНИ, 2008. — 44 с.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00434

Клинико-психологические особенности отношения к здоровью у студентов, перенесших COVID-19

COVID-19, отношение к здоровью, трудная жизненная ситуация

Малоконтролируемые риски инфицирования COVID-19, соматогенная витальная угроза, вариабельность течения болезни, ее исходов, последствий порождает чувства неподконтрольности, неопределенности, беспомощности, тревогу, напряжение, что обуславливает необходимость быстрого реагирования и оценивания собственных ресурсов в преодолении трудностей позволяют нам рассматривать заболевание COVID-19 как трудную жизненную ситуацию. Несомненно, отношение к здоровью у переболевших коронавирусной инфекцией претерпевает изменения на основе нового жизненного опыта.

Мы предполагаем, что преобразования ценностно-мотивационной сферы личности и трансформация личностного смысла здоровья активизируют деятельность по его сохранению и укреплению [1]. Отметим, что субъекту личностный смысл здоровья представлен посредством механизма эмоциональной индикации [4]. Особо значима рефлексия, обеспечивающая коррекцию и реализацию индивидуального субъективного опыта сохранения здоровья [1]. Атрибутивные процессы позволяют индивиду редуцировать неопределенность, непредсказуемость ситуации заболевания, способствуют пониманию, соответствующей стратегии поведения по сохранению здоровья. Параллельно жизнестойкость обеспечивает оценку личностью негативного события как менее стрессовых на основе вовлеченности, контроля и принятия [2].

Целью нашего исследования выступает выявление психологических особенностей отношения к здоровью у студентов, перенесших COVID-19.

В нашем исследовании использовался клинико-психологический метод — психодиагностическое (управляемое, частично стандартизованное) интервью, цель которого заключается в выявлении особенностей клинического течения заболевания, наличие осложнений, степень тяжести, наличия госпитализации и т.д.). Экспериментально-психологический метод включает использование следующих психодиагностических методик: тест жизнестойкости (Д.А. Леонтьев, Е.И. Расказова), шкала тревоги Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина); опросник «Уровень рефлексивности» А.В. Карпова; «Базовые потребности» Э. Деси и Р. Райана в адаптации Т.Д. Василенко; опросник оптимизма — ШОСТО (М.Селигман, русская адаптация Т.О. Гордеевой, В.Ю.Шевяховой, методы статистического анализа (пакет фирмы StatSoft STATISTICA 10.0 для Windows). Общий объем выборки составил 40 человек. Выборку составляют студенты Курского государственного медицинского университета.

Изучение клинико-психологических особенностей отношения к здоровью у студентов, перенесших COVID-19, выявило, что в данной группе студентов значимо снижено удовлетворение базовой потребности в компетентности; они не чувствуют себя эффективными в осуществлении самостоятельной деятельности по

поддержанию здоровья. Эмоциональная индикация представлена высоким уровнем личностной тревожности и ситуационной тревоги, что указывает на дискомфорт, напряженность, беспокойство, склонность воспринимать угрозу в широком диапазоне ситуаций. Отметим, что студенты, переболевшие COVID-19, в меньшей степени подвержены эмоциональным нарушениям тревожного спектра. У студентов, перенесших COVID-19, выявлено ограниченное использование механизмов рефлексии, и как результат — недостаточная внутренняя переработка и осмысление травмирующих событий, затруднение корректировки опыта сохранения здоровья, по сути, формирование ценностного отношения к здоровью [3]. Для студентов наиболее типичным является пессимистический атрибутивный стиль, с характерной для него недооценкой роли собственной активности, использованием эмоциональных, пассивных копинг-стратегий, таких как, игнорирование, бегство или отрицание [2]. Студенты сравниваемых групп обладают одинаковыми уровнями характеристиками всех компонентов жизнестойкости, т.е. ситуация заболевания COVID-19 не актуализирует жизнестойкость как потенциала личности в совладании с трудной жизненной ситуацией. Таким образом, полученные результаты позволяют выделить мишени психокоррекционной и психотерапевтической помощи людям, перенесшим COVID-19.

1. Березовская, Р. А. Исследования отношения к здоровью: современное состояние проблемы в отечественной психологии / Березовская Р. А. — Текст: электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2011. — №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-otnosheniya-k-zdorovyu-sovremennoe-sostoyanie-problemy-v-otechestvennoy-psihologii> (дата обращения: 15.06.2021).
2. Гордеева, Т.О. Диагностика оптимизма как атрибутивного стиля (опросник СТОУН) / Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин, В.Ю. Шевяхова — М.: Смысл, 2008. — 154 с.
3. Карпов, А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики / А. В. Карпов // Психологический журнал. — 2003. — №5. — С. 45–57.
4. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. — М.: Смысл, 2003. — 487 с.

Особенности переживания вторичного бесплодия у женщин репродуктивного возраста

Вторичное бесплодие, переживание, репродуктивная функция

Проблема бесплодия не теряет своей актуальности, несмотря на достижения современной медицины. Сегодня известны разные формы нарушения репродуктивной функции женщин. В центре нашего внимания вторичное бесплодие у женщин репродуктивного возраста. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), вторичное бесплодие определяется как "неспособность женщины родить ребенка из-за ее неспособности либо забеременеть, либо доносить и родить живого ребенка" уже после того, как у нее либо была предыдущая беременность, либо она смогла ранее доносить и родить живого ребенка [1, 2, 3].

Проблема исследования заключается в том, каковы особенности переживания вторичного бесплодия у женщин репродуктивного возраста. Цель исследования: изучить особенности переживания вторичного бесплодия в контексте жизненного пути. Методы исследования: структурированное интервью и психодиагностические методы: тест «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева, проективная методика исследования жизненного пути личности «Линия жизни» в варианте, разработанном Т.Д. Василенко, модифицированный восьмицветовой тест Люшера.

В результате статистической обработки результатов исследования жизненного пути личности («Линия жизни» Т.Д. Василенко), получены статистически значимые различия ($p\text{-level}=0,028$). Анализируя события в сфере здоровья у женщин с диагнозом вторичное бесплодие, можно отметить, что они более ориентированы на состояние своего здоровья, чем женщины с нормально протекающей первой беременностью. Ситуация вторичного бесплодия является сензитивной для рефлексии событий, связанных со своим здоровьем. Вторичное бесплодие для женщины несёт особый смысл, а установка на неспособность реализации себя как матери накладывает отпечаток на весь её жизненный путь и личность в целом. Контекст жизненного пути влияет на особенности переживания вторичного бесплодия у женщин в настоящий момент времени, трансформируя жизнь женщины в негативном ключе. Жизненный путь личности наполняется негативным смысловым переживанием ситуации невозможности реализации материнской роли, переживаниями относительно состояния здоровья, снижением перспективы жизни и ориентацией на прошлое. Анализируя смысловой компонент переживания вторичного бесплодия (тест СЖО Д.А. Леонтьева) получены различия между группами женщин с нарушением репродуктивной функции и нормой по параметрам «Общая осмысленность жизни» ($p\text{-level}=0,001$); «Процесс жизни» ($p\text{-level}=0,035$); «Цели в жизни» ($p\text{-level}=0,04$); «Локус контроля-жизнь» ($p\text{-level}=0,029$). У женщин с нарушением репродуктивной функции отмечается тенденция к контролю своей жизни, свободе выбора, в отличие от женщин с нормально протекающей беременностью. При исследовании временного компонента переживания ситуации вторичного бесплодия (методика «Линия жизни» Т.Д. Василенко) получены

значимые различия по показателям «точка настоящего» ($p\text{-level}=0,003$) и «временная ориентация на прошлое» ($p\text{-level}=0,041$). Негативный опыт беременности, ситуация невозможности реализации социальной роли матери сказывается на оценке точки настоящего, которое характеризуется низким аффективным зарядом.

Выводы. 1. Контекст жизненного пути личности выступает фактором нарушения репродуктивной функции у женщин, имеет особенности у женщин с диагнозом вторичное бесплодие и характеризуется значительным сужением перспективы будущего, низким эмоциональным зарядом настоящего этапа жизненного пути. 2. Переживание ситуации вторичного бесплодия имеет особенности и включает в себя смысловой, эмоциональный, когнитивный и временной компоненты.

1. Айвазян Е.Б., Арина Г.А., Николаева В.В. Телесный и эмоциональный опыт в структуре внутренней картины беременности, осложнённой акушерской и экстрагенитальной патологией. // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 2002. №3. С.3–13.
2. Давыдовский, И. В. Патологическая анатомия и патогенез болезней человека [Текст]. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Медгиз, 1956–1958. — 2 т.; 26 см. Т. 1: Инфекционные болезни. — 1956. — 662 с.
3. Дубоссарская З.М. Проблемы репродуктивного здоровья с позиций перинатальной психологии // Медицинские аспекты здоровья женщины. — 2010. — № 1(28) [Электронный ресурс]. URL: <http://woman.health-ua.com/article/304.html>

Физическое и психологическое здоровье студентов магистратуры в России

Физическое здоровье, психологическое здоровье, студенты, магистратура, биопсихологический возраст

Сегодня многие специалисты в России стремятся получить степень магистра для продвижения по карьерной лестнице, поэтому студентами часто становятся зрелые люди и люди пенсионного возраста. Для них обучение является дополнительной нагрузкой на психическое и физическое здоровье, так как у многих магистрантов есть семьи, постоянная работа, дополнительная социальная активность [1]. Данные факторы могут влиять на показатели биопсихологического возраста [3].

Так, результаты зарубежных исследований среди взрослых мужчин и женщин [4] показали, что, действительно, существует связь между состоянием здоровья и физическим и психологическим качеством жизни. Причем на основании проведенного мной теоретического исследования было выяснено, что до настоящего времени в российской науке в рамках образовательного процесса отдельно не изучена категория студентов, получающих степень магистра, во взрослом и зрелом возрастах.

Методы. В этом исследовании для определения биологического возраста использовались артериальное давление, задержка дыхания, статический баланс и масса тела.

Затем для каждого человека был определен ожидаемый биологический возраст, характеризующийся средним биологическим возрастом в пределах конкретной возрастной группы, проживающей в настоящее время в России. Ожидаемый биологический возраст рассчитывали по формулам В.П. Войтенко: для мужчин = $0,629 \times \text{календарный возраст} + 18,56$; для женщин = $0,581 \times \text{календарный возраст} + 17,24$ [2].

Психологический возраст определялся от 0 до 100, то есть на сколько лет он психологически себя оценивает.

Также использовались методы математической статистики (Statistica 12): t-критерий, коэффициент корреляции Пирсона.

Испытуемые: 389 человек (мужчины от 23 до 87 лет, женщины от 22 до 82 лет) — лица, получающие степень магистра (202 человека) и лица, имеющие высшее образование, но в настоящее время не обучающиеся (187 человек).

Статистическая обработка полученных данных показала, что мужчины 36–60 лет ($p \leq 0,01$) и женщины 36–55 лет ($p \leq 0,05$), получающие степень магистра, имеют более худшие показатели биологического возраста, чем те, которые в настоящее время нигде не учатся. То есть у взрослых студентов биологический возраст выше, чем календарный возраст, однако показатели психологического возраста у студентов указывают на ощущение себя более опытными.

Таким образом, обучение для взрослых людей становится дополнительной нагрузкой на физическое здоровье, так как помимо получения высшего образования

они работают, содержат свои семьи. Данные результаты обращают внимание взрослых магистрантов на то, что им следует более внимательно относиться к своему физическому состоянию. В свою очередь, необходимо понимать, что на состояние здоровья их организма и на среднюю продолжительность жизни может положительно влиять наличие ресурсных занятий и здоровый образ жизни.

1. Зинатуллина А.М. Влияние обучения на биопсихологический возраст в различных возрастных группах // Биопсихологический возраст профессионалов: результаты и перспективы исследований: коллективная монография / под редакцией Т.Н. Березиной. М., 2019. С. 46–56.
2. Berezina, T.N.; Rybtsova, N.N.; Rybtsov, S.A. Comparative Dynamics of Individual Ageing among the Investigative Type of Professionals Living in Russia and Russian Migrants to the EU Countries. *European Journal of Investigation in Health Psychology and Education*. 2020, № 10 (3), p. 749–762.
3. Crosswell, A.D.; Suresh, M.; Puterman, E.; Gruenewald, T.L.; Lee, J.; Epel, E.S. Advancing Research on Psychosocial Stress and Aging with the Health and Retirement Study: Looking Back to Launch the Field Forward. *The Journals of Gerontology Series B Psychological Sciences and Social Sciences*. 2020, № 75 (5), p. 970–980.
4. Jungae, K. Effect of Subjective Health Perception and Mental Health Status on the Quality of Life in the Late Middle Age. *International Journal of Advanced Culture Technology*. 2020, № 8 (2), 18–27.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00058.

Психологическое благополучие в «третьем возрасте»: результаты кросс-секционного исследования

Психологическое благополучие, «третий возраст», апатия, депрессия, удовлетворенность жизнью, субъективное переживание счастья

Термин «третий возраст» был введен для характеристики жизненного периода, начинающегося по достижению человеком 50-летнего возраста, который, как правило, является периодом относительно хорошего здоровья и активной социальной вовлеченности, но постепенно сменяется периодом упадка функциональных способностей и нарастания физической и психологической зависимости от окружающих. Специалисты отмечают, что в «третьем возрасте» наиболее благоприятной траекторией развития является так называемое «успешное старение», характеризующееся сохранением активной жизненной позиции, включенностью в повседневную общественную деятельность, ориентацией на внутренние представления и стремлением к реализации личных интересов и потребностей (Стрижицкая, 2017).

В силу научной и практической значимости проблемы психологического благополучия в «третьем возрасте» целью настоящего исследования стало изучение факторов риска для психологического благополучия у лиц 50 и старше лет.

Выборку исследования составили 188 респондентов (52 мужчины и 136 женщин) в возрасте от 50 до 83 лет ($M = 61.59$, $MD = 60$, $SD = 7.89$). Среди них большинство отметили наличие партнера ($n = 102$) и детей ($n = 136$). Кроме того, респонденты указали их уровень образования (неполное среднее или среднее общее образование, $n = 43$; среднее профессиональное или высшее образование, $n = 113$; два и более высших образования и/или ученая степень, $n = 32$) и социальной активности (работают/работают на пенсии, $n = 82$; не работают, вышли на пенсию, $n = 67$; не работают и не вышли на пенсию, $n = 55$). Участники исследования заполнили шкалу апатии А.А. Золотаревой, краткую форму гериатрической шкалы депрессии Дж. Шейха и Дж. Йесаважа в адаптации В.С. Остапенко, шкалу субъективного счастья С. Любомирски в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева и краткую форму индекса удовлетворенности жизнью для «третьего возраста» Э. Барретта в переводе А.А. Золотаревой. Для оценки факторов риска был использован множественный регрессионный анализ, выполненный в статистическом пакете IBM SPSS 27.0.

Первая регрессионная модель, оценивающая факторы риска для удовлетворенности жизнью, объясняла 65.3% дисперсии и была статистически значимой ($F(2, 185) = 173.90$, $p \leq 0.001$). В этой модели депрессия ($\beta = -0.75$, $p \leq 0.001$) выступила негативным предиктором удовлетворенности жизнью. Вторая модель, оценивающая факторы риска для субъективного переживания счастья, объясняла 46.7% дисперсии и также была статистически значимой ($F(2, 185) = 81.20$, $p \leq 0.001$). В этой модели апатия ($\beta = -0.15$, $p = 0.036$) и депрессия ($\beta = -0.58$, $p \leq 0.001$) выступили негативными предикторами субъективного переживания счастья.

Таким образом, апатия и депрессия являются статистически значимыми факторами риска для психологического благополучия в «третьем возрасте». В предыдущих работах российских специалистов к субъективным факторам благополучного старения было отнесено эффективное совладание с психотравмирующими жизненными событиями, гибкая субъективная возрастная идентичность, характеризующаяся позитивным самовосприятием возраста, и способность оценивать себя моложе своего фактического возраста (Сергиенко, Харламенкова, 2018). Обнаруженные в настоящем исследовании закономерности также могут внести вклад в изучение проблем и ресурсов благополучного старения в российских реалиях.

1. Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 3. С. 243–257. doi: 10.21638/11701/spbu16.2018.303
2. Стрижицкая О.Ю. К вопросу об эмпирическом исследовании геротрансцендентности // Интернет-журнал «Мир науки». 2017(а). Т. 5. № 6. Доступ: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN617.pdf>

Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект № МК-541.2020.6 «Апатия как фактор психологической дезадаптации во взрослом возрасте»).

Базисные убеждения и эмоциональные схемы в связи с обсессивными проявлениями

Обсессивные проявления, обсессивно-компульсивное расстройство, ОКР, пандемия, локдаун, тревожность, базисные убеждения, дезадаптивные убеждения, эмоциональные схемы

Современное общество находит в ситуации переживания эпидемии коронавируса. Внедрение санитарно-эпидемиологических способов борьбы повлияло на рост встречаемости обсессивно-компульсивного расстройства (далее — ОКР). В ситуации локдауна думая о чистоте и безопасности, люди потеряли ощущение стабильности, возросла тревога о будущем, замедлился процесс адаптации к изменениям. В эволюционном контексте и при осмыслении собственных ценностей человек размышляет о стратегиях оценки и контроля эмоций; формирует эмоциональные схемы реагирования [1]. Дополнительным фактором тревожности выступают дезадаптивные (базисные) убеждения человека о себе и о мире [2].

Возникает вопрос о связи базисных убеждений и эмоциональных схем в зависимости от выраженности обсессивных проявлений.

Выборка состоит из 104 человек (18–45 лет): 30 человек с ОКР и 30 — без. Используются методы: шкала базисных убеждений Р. Янофф-Бульман, шкала эмоциональных схем Р. Лихи, шкала обсессивно-компульсивных расстройств Йеля-Брауна. Полученные данные обработаны в программе Statistica 8 с помощью: U-критерия Манна-Уитни, коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты сравнительного анализа: 1) лица без ОКР убеждены в доброжелательности и безопасности мира. В самооценке добры, достойны удачи и уважения; 2) лица с ОКР обесценивают собственные мысли, оценивают как неправильные, неуместные, бесконтрольные.

Результаты корреляционного анализа: 1) у лиц без ОКР выявлено 10 взаимосвязей. Прямые корреляции: убеждение о контроле и обесценивание эмоций; образ «Я» и низкая эмоциональная экспрессивность. Контроль происходящего доступен. Понимание собственного эмоционального опыта затруднено. В эмоционально значимых ситуациях сложно определяется ценность. Истинные эмоции открыто не демонстрируются. Обратные корреляции между: образ «Я» и недостаточная осмысленность эмоций, чувство вины за собственные эмоции, страх потери контроля при переживании сильных эмоций, прогнозируемая длительность эмоций, склонность к руминациям; доброжелательность мира и чувство вины за собственные эмоции, страх потери контроля при переживании сильных эмоций; убеждение о контроле и склонность к руминациям. Люди доверяют окружающему миру, он безопасен. Переживание эмоций естественно. Болезненные размышления о возникновении, способах совладания отсутствуют. Нет страха потерять контроль над мыслями, но обнаруживается потребность в контроле событий.

2) У лиц с ОКР выявлено 8 взаимосвязей. Прямые корреляции: обесценивание эмоций и справедливость; образ «Я» и удача; низкая эмоциональная экспрессивность

и удача. Оценка собственного эмоционального опыта сложна, ведь удача распределяется "по справедливости". Эмоции открыто не показываются, т. к. есть риск потерять удачу. Обратные корреляции: доброжелательность окружающего мира и инвалидация эмоций другими, обвинение других; образ «Я» и чувство вины за собственные эмоции, склонность к руминациям. Миру доверять нельзя: в небезопасном мире эмоции других не принимают, обесценивают и игнорируют.

Даже при малом осознании собственной ценности и достоинстве такие мысли неуместны. Сами мысли тяготят, проявляются в болезненных переживаниях и желании совладать с ними.

Выводы. 1) лица без ОКР склонны оценивать мир положительно. Мысли и эмоции о мире, о себе, о других естественны и не требуют. Люди не склонны к болезненным размышлениям, но мотивированны отслеживать события; 2) лица с ОКР не уверены в доброжелательности мира, благополучии. Не готовы опираться и доверять собственному эмоциональному опыту. Сами эмоции скрывают и испытывают вину за них. Мысли воспринимают как угрозу неверности и невероятности оценки реальности. Результаты исследования дополняют и подтверждают актуальные теоретические, практические представления о научной проблеме.

1. Лихи Р. Терапия эмоциональных схем. СПб.: Питер, 2019. 500 с.
2. Чиркова В.С. Взаимосвязь иррациональных убеждений и эмоциональных схем в когнитивной сфере личности (теоретический анализ) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12–1. С. 107.

Исследование эффективности применения игрового метода на подвесном оборудовании «Дом Совы» в реабилитации детей с нарушением осанки

Развитие произвольных движений, сенсомоторная интеграция, игровая терапия, познавательно-исследовательская активность

Нарушения осанки весьма распространенное заболевание у детей, по данным современных исследований различные формы этого состояния, в зависимости от возраста и степени тяжести встречаются у 10–80 процентов школьников (Нигамадянов и др., 2019). Одним из самых распространенных методов профилактики и коррекции нарушений осанки является лечебная физкультура. При всех преимуществах лечебной физкультуры в практической работе с детьми специалисты нередко сталкиваются с проблемами, связанными с нежеланием детей выполнять упражнения, особенно, это касается детей дошкольного и младшего школьного возраста.

В программах реабилитации на базе Детского поликлинического отделения №37 Красносельского района, Санкт-Петербурга используются различные средства лечебной физкультуры: классическая гимнастика, упражнения с использованием циклических и силовых тренажеров, ЛФК в воде и т.д. В 2020 году был открыт зал сенсомоторной интеграции «Дом Совы» с целью расширить возможности реабилитационного процесса и добавить в трудоемкий процесс занятия ребенка-игровой компонент. Игровой метод позволяет решить вопрос, связанный с мотивацией ребенка, когда необходимая нагрузка дается в процессе выполнения игровых заданий, упражнения являются средством достижения поставленных целей и выполняются с интересом и удовольствием (Мамина, Юдина, 2020). Подвесное оборудование позволяет осуществлять дополнительную стимуляцию вестибулярной и проприоцептивной системам, обеспечивает статическую нагрузку, мышечный тонус при удержании равновесия, а это особенно важно при работе с детьми с нарушениями опорно-двигательного аппарата (Лупандина-Болотова и др., 2015).

Занятия с детьми проходило в группе 4–5 человек. Стандартный курс занятий соответствует аналогичному курсу лечебной физкультуры 8–16 занятий, 2–3 раза в неделю.

Для сопоставления эффективности занятий лечебной физкультурой были выбраны две группы детей 5–7 лет, с диагнозом нарушение осанки, грудной и поясничный отдел (деформации 1–2 степени). Всего в исследовании участвовало 20 человек (8 мальчиков и 12 девочек), равномерно распределены в экспериментальной и контрольной группе. Контрольная группа проходила стандартный комплекс занятий в зале ЛФК, для экспериментальной группы был разработан цикл игровых

занятий с учетом требований к нагрузке на определенные группы мышц в сенсорно-динамическом зале. Всего 16 занятий для каждой группы.

В качестве оценки эффективности использовались показатели силы мышц спины и силы мышц живота; анкеты для родителей включали данные наблюдений за моторными навыками (ловкость и координация ребенка), данные наблюдений за эмоциональной сферой (контроль эмоций, произвольное управление); решение детьми сенсомоторных задач до начала курса и после его прохождения. Задачи были разработаны специально для оценки сенсомоторной сферы и распределялись по блокам, соответствующим уровням движений по Н.М. Бернштейну (Бернштейн, 1947).

При сопоставлении результатов в группе ЛФК и группе, занимающейся на оборудовании «Дом Совы» были получены следующие результаты: обнаружен прирост эффективности в экспериментальной группе по сравнению с контрольной у всех детей (уровень E). Дети стали лучше запоминать движения, понимать инструкции, выстраивать цепочки действий. Были отмечены положительные изменения, в отдельных случаях (например, второй блок (уровень C) — траектория и точность в пространстве, движения в координатах собственного тела (уровень B) (критерий Вилкоксона, $p \leq 0,05$). При оценке силы мышц спины и силы мышц живота был обнаружен средний прирост по силе мышц в экспериментальной группе по сравнению с контрольной группой (t-критерий Стьюдента, $p \leq 0,05$).

По результатам исследования можно сделать следующие выводы: размер выборки небольшой, при этом, дети в экспериментальной группе показали значимо более высокие результаты по силе мышц, эффективное решение сенсомоторных задач по сравнению с контрольной группой.

1. Бернштейн Н.А. О построении движений. М., 1947
2. Нигаматьянов Н.Р., Цыкунов М.Б., Иванова Г.Е., Лукьянов В.И. Изучение осанки у детей школьного возраста по данным оптической топографии спины. Вестник травматологии и ортопедии им. Н.Н. Приорова. 2019;4:43–45. <https://doi.org/10.17116/vto201904143>
3. Лупандина-Бологова Г. С., Тайбулатов Н. И., Игнатов Д. А., Намазова-Баранова Л. С., Поляков С. Д., Перевозчикова Е. П. Функциональные нарушения при деформациях позвоночника и методы их коррекции. Вопросы современной педиатрии. 2015; 14 (2): 201–206. doi: 10.15690/vsp.v14i2.1287
4. Мамина Т, Юдина Е. Метод «Совопрактика». Сенсомоторная интеграция. — Спб: Нестор-История, 2020.-156 с.

Барнаул, ООО "Клинический лечебно-реабилитационный центр "Территория здоровья"

Мартынова В.П.

Барнаул, ООО "Клинический лечебно-реабилитационный центр "Территория здоровья"

Ларина А.В.

Барнаул, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Назарова Н.В.

Нейropsychологический анализ нарушений высших психических функций у пациентов, после перенесённой новой коронавирусной инфекции COVID-19

COVID-19, нейропсихологическая диагностика, высшие психические функции

В условиях продолжающейся пандемии COVID-19 число пациентов, у которых выявляются последствия заболевания постоянно растет. Помимо пораженной дыхательной, сердечно-сосудистой систем и дисфункций других жизненно важных органов, у пациентов отмечаются неврологические и психологические последствия, в том числе нарушения высших психических функций (ВПФ) [1]. Пациенты после перенесенного COVID-19 сталкиваются со значительными трудностями возвращения к привычной жизни. В данном исследовании была поставлена цель выявить с помощью синдромного анализа нейропсихологические нарушения у пациентов, перенесших COVID-19.

Исследование проводилось на базе КЛРЦ «Территория здоровья». В исследовании приняли участия 63 пациента перенёсших COVID-19 и направленных на второй этап медицинской реабилитации не позднее 30 дней с момента выписки из инфекционного госпиталя. Все пациенты перенесли коронавирусную инфекцию в средней и тяжелой степени и имели клинически подтверждённую пневмонию. Средний возраст составил $48 \pm 5,2$ из них 49 женщин (77,7%) и 14 мужчин (22,3%). Методы исследования включали следующие пробы: методика 10 слов, пиктограмма, корректурная проба, отсчитывание, простые аналогии, копирование фигур, таблицы Шульте, проба на динамически-пространственный праксис.

В результате проведенного исследования у всех пациентов в разной степени выраженности были выявлены нейропсихологические симптомы: 1. Повышенная истошаемость психических процессов, снижение темпа деятельности на протяжении всего обследования. Пациенты допускали большое количество ошибок к концу выполнения методик (корректурная проба, таблицы Шульте); 2. Нарушения произвольного внимания, его концентрации и удержания, что также прослеживалось на протяжении всего обследования; 3. Вторичные нарушения кратковременной памяти на фоне нарушения произвольности психической деятельности (кривая запоминания у пациентов в большинстве случаев принимает форму плато); 4. Инертность, ригидность мыслительных процессов при сохранности категориальности и образности мышления; 5. Затруднение построения произвольного речевого высказывания, что самостоятельно описывается пациентами как необходимость приложения дополнительных усилий чтобы сформулировать

предложение, трудности припоминания конкретных слов и профессиональных терминов; 6. Нарушение произвольной регуляции психической деятельности: сложности построения, удержания и переключения программы в пробах на динамически-пространственный праксис. А также нарушение регуляции эмоций, повышенная раздражительность. Изменения эмоционально-личностной сферы носят скорее вторичный характер и связаны не только с нейропсихологическими и соматическими нарушениями, но и с внутренней картиной болезни.

Таким образом, на основании анализа полученных данных, мы можем говорить о том, что у пациентов после перенесенного COVID-19 вышеописанные симптомы складываются в механизм со структурой характерной для нейропсихологического синдрома и имеют общие черты с синдромами, выделенными А.Р. Лурия — префронтальным медиобазальным и префронтальным конвекситальным. Подтверждение уязвимости префронтальных отделов описывается в исследованиях, которые выявили присутствие вируса COVID-19 в клетках лобных долей головного мозга [2]. Учитывая вышесказанное, мы можем предположить, что возможный нейропсихологический синдром имеет, как функциональную, так и органическую природу.

Полученные результаты с применением синдромного анализа не только дают нам представление о влиянии вируса COVID-19 на ВПФ, но и ставят перед нами новые вопросы, требующие проведения дальнейших лонгитюдных исследований о временной устойчивости и механизмах синдрома.

1. Никифоров В.В., Суранова Т.Г., Чернобровкина Т.Я, Янковская Я.Д., Бутова С.В. Новая коронавирусная инфекция (Covid-19): клинико-эпидемиологические аспекты // Архивъ внутренней медицины. 2020. №2 (52).
2. Ravindra K Garg. Spectrum of Neurological Manifestations in Covid-19: A Review. Department of Neurology, King George Medical University, Lucknow, Uttar Pradesh — 226 003 India. Year:2020 Vol.68/Page:560–572

Проявления тревожности и стрессоустойчивости у российских и китайских студентов, обучающихся дистанционно

Дистанционное образование, студенты, тревожность, стрессоустойчивость

В связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 Всемирная организация здравоохранения была вынуждена объявить пандемию. Это привело к ряду последствий, оказавших существенное влияние на жизнедеятельность большинства людей мира. Участники образовательного процесса, как педагоги, так и студенты, столкнулись с рядом проблем, связанных с адаптацией к новому формату обучения и перестройкой режима своей жизнедеятельности [2; 3]. В ряде исследований были выделены факторы, оказавшие негативное влияние на их жизнедеятельность и психоэмоциональное состояние: 1) увеличение объема учебных заданий; 2) необходимость использования компьютера и мобильных устройств в течение длительного времени и, вследствие, ухудшение показателей здоровья; 3) эмоциональная депривация, включающая в себя недостаток реального общения со сверстниками и педагогами; 4) потеря чувства времени [1].

Цель данного исследования — выявить специфику тревожности и стрессоустойчивости российских и китайских студентов в период обучения в дистанционном формате. В исследовании приняли участие 80 российских и китайских студентов Российского университета дружбы народов в возрасте от 18 до 25 лет. Были использованы следующие методики: 1) Шкала тревоги Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина; 2) Опросник «Самочувствие, активность, настроение» В.А. Доскина, Н.А. Лаврентьевой, В.Б. Шарая и М.П. Мирошникова; 3) Краткая шкала стрессоустойчивости (КШСУ) Е.В. Распопина. С исследованием были применены методы статистического анализа: U-критерий Манна-Уитни и метод ранговой корреляции Спирмена

По результатам исследования выявлено, что у российских и китайских студентов обнаружены значимые различия по показателям тревожности и стрессоустойчивости, а также по всем составляющим функционального психоэмоционального состояния. Уровень ситуативной тревожности китайских студентов значимо выше, чем у российских студентов, а уровень личностной тревожности китайских студентов значимо ниже, чем у студентов из России. Высокий и средний уровни стрессоустойчивости продемонстрировали 55% китайских студентов и 27,5% русских студентов. Значимые взаимосвязи определены между показателями самочувствия, активности, настроения и показателями тревожности и стрессоустойчивости у российских студентов. Показатели психоэмоционального состояния китайских студентов не связаны с их стрессоустойчивостью. Это может свидетельствовать о том, что китайские студенты переносят стрессовые ситуации более стойчески. на основе проведенного исследования можно сформулировать следующие рекомендации: 1) повышение уровня стрессоустойчивости, особенно у российских студентов; 2) разрабатывать и внедрять в практику психологического сопровождения учебного процесса техники

снижения личной и ситуативной тревожности; 3) необходимо разработать систему наставничества для иностранных (в том числе и китайских) студентов внутри учебной группы [4]; 4) внедрение техник тайм-менеджменты и двигательной активности в период дистанционного обучения существенно снизит психоэмоциональное напряжение.

1. Водопьянова Н.Е., Гофман О.О., Густелева А.Н., Сережин Д.В. Анализ трудностей дистанционного обучения студентов и поиск путей совладания с ними // В сборнике: Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации. Материалы международной научно-практической онлайн-конференции. 2020. С. 419–434.
2. Михайлова О.Б., Фаренникова Е.С. Особенности психологического самочувствия представителей различных профессиональных групп в период пандемии COVID-19 // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №4, <https://mir-nauki.com/PDF/67PSMN420.pdf>
3. Садыкова Р. Х. Дистанционное обучение студентов: реалии и опыт // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2020. — № 9 (сентябрь). — С. 41–56.
4. Kudinov S.I., Kudinov S.S., Mikhailova O.B., Kudinov V.S., Imomberdieva N.M. DIFFERENT SELF-ATTITUDE INDICATORS IN STUDENTS AND THEIR SELF-REALIZATION IN A UNIVERSITY. International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2020. T. 8. № 3.

Исследование психологического пола в парах с различным репродуктивным анамнезом, ожидающих рождения ребенка

Беременность, психологический пол, феминность, маскулинность, андрогинность, ВРТ, ЭКО

Аннотация. В текущей публикации рассмотрены данные, полученные в результате исследования психологического пола в парах, в которых беременность наступила в естественном цикле или с помощью методов ВРТ. Исследование показало преобладание андрогинности у мужчин и женщин как в группе физиологически наступившей беременности, так и в группе беременности с применением ВРТ.

Особенности взглядов на характеристики мужественности и женственности, значительно различающихся в зависимости от религиозных взглядов, исторических событий, в 60х годах привели к пересмотру позиций относительно сущности психологических понятий «маскулинности» и «феминности», под которыми стали понимать уже не черты личности, а предписываемое культурой полороловое поведение, которое можно оценивать по степени выраженности маскулинных и феминных характеристик (Лопухова, 2008). Следующим важным шагом явилось революционное предложение А. Константинополь и С. Бем считать маскулинность и феминность не континуальными, а ортогональными аспектами личности (Бем, 2004). Изучение конструкта маскулинность — феминность является частью исследования психологической готовности к материнству у женщин с различным репродуктивным анамнезом. Одной из гипотез выступило предположение о связи психологического пола и репродуктивного здоровья женщин, а также супружеской адаптации / дезадаптации, ведущей к конфликту, способному повлиять на возможность наступления беременности в естественном репродуктивном цикле. Задача исследования заключалась в изучении выраженности феминности / маскулинности в парах с различным репродуктивным статусом.

Исследование проводилось на базе ГПЦ №1 г. Санкт-Петербурга. Выборка представлена 160 беременными женщинами и 142 мужчинами-партнерами. Возрастной диапазон исследуемых женщин составил 18–44 года, мужчин 18–50 лет. Респонденты были разделены на две группы, первая группа — пары, в которых беременность наступила с помощью ВРТ, вторая группа — пары, беременность в которых наступила в естественном цикле. Для исследования был использован Фрайбургский личностный опросник (в данной работе описана только шкала XII «маскулинность-феминность») и опросник «Диагностика психологического пола». Для математико-статистической обработки данных использовался критерий t-Стьюдента для зависимых выборок и дисперсионный анализ.

Полученные в результате анализа опросника психологического пола данные указывают на распределение двух исследуемых групп в интервале, соответствующем андрогинности. Однако в группе партнеров, в которой беременность наступила с помощью методов ВРТ, выраженность маскулинности и феминности более сглажена и находится в близком друг к другу диапазоне (от -0,2 до +0,4, $p \leq 0,03$); показатели в группе с физиологической беременностью расположены по противоположным полюсам (от -0,4 до +0,6, $p = 0,02$). При анализе шкалы XII опросника FPI данные также располагаются в диапазоне андрогинности, однако имеют статистически значимое отличие по полу, маскулинность в группе мужчин (вне зависимости от группы) более выражена ($t = -0,55$, $p 0,5$). Таким образом, партнеры двух сравниваемых групп не обнаруживают статистических различий по исследуемому показателю — преобладающий психологический пол как у мужчин, так и у женщин с различным репродуктивным анамнезом — андрогинность.

1. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОСПЭН, 2004.
2. Лопухова О.Г. Сравнительный анализ современных гендерных представлений: общие и культурноспецифические особенности содержания гендерных моделей // Психологические проблемы развития личности в современных социокультурных условиях: Сб. статей / Под ред. О.Г. Лопуховой. Казань: ТГПУ, 2008. С. 51–71.

При поддержке Федерального гранта № 20 -013-00759 А

Диспозициональная устойчивость и трудные жизненные ситуации учащихся в период «становящейся взрослости»

Благополучие, «становящаяся взрослость», устойчивость, трудная жизненная ситуация

Молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет проживают период «становящейся взрослости». Они формируют идентичность, присваивают социальные роли и психологически взрослеют (Arnett, 2000). Обучение является одним из вариантов того, как молодые люди проживают этот период (Arnett, 2000). Они оказываются уязвимыми для психических заболеваний (Conley et al., 2020). Личностные черты и трудные жизненные ситуации влияют на благополучие (Битюцкая, 2020). Поэтому цель исследования состояла в том, чтобы изучить динамические связи между тремя переменными.

Предполагалось, что диспозициональная устойчивость является модератором между благополучием и ТЖС как личностным вызовом. Модель медиации проверялась с помощью корреляционного анализа и качественного контент-анализа. Также были сформулированы семь исследовательских вопросов о ТЖС и различиях по полу и ступени образования. Использовались русскоязычные адаптации оригинальных шкал: шкала удовлетворённости жизнью Динера, спектр психического здоровья, индекс личного благополучия взрослых, шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург, шкала устойчивости Коннор-Дэвидсона (Нартова-Бочавер и др., 2013; Осин и др., 2020); были составлены открытые вопросы.

В исследовании участвовали 205 русскоязычных студентов в возрасте от 18 до 30 лет ($M_{\text{возраст}} = 23,56$; $SD_{\text{возраст}} = 2,83$). В количественной части исследования респондентов разделили на группы в зависимости от пола и ступени образования. В качественной части респондентов разделили на две группы по медиане диспозициональной устойчивости.

Между устойчивостью и всеми шкалами благополучия существует умеренная корреляционная связь: $r_s = 0,422$, $r_s = 0,599$, $r_s = 0,462$, $r_s = 0,448$, $p \leq 0,01$. Способность справиться с ТЖС оказалась выше у более устойчивых респондентов: $\chi^2 = 38,21$, $p \leq 0,01$.

В качественной части анализировались пять тем: Академические/Социальные/Эмоциональные ТЖС, Ресурсы/Препятствия для совладания с ТЖС. Статистически значимые различия обнаружены по двум, которые менее выражены среди устойчивых — это Социальные ($\chi^2 = 8,87$, $p = 0,05$) и Эмоциональные ТЖС ($\chi^2 = 26,3$, $p = 0,01$).

Более устойчивые легче находят друзей в учебном коллективе. Они реже испытывают тревогу и лучше управляют своими эмоциями. В остальных темах различия не обнаружены. Академическая нагрузка влияет на всех. Социальная поддержка является основным ресурсом, в то время как личностные качества мешают справиться с ТЖС. Различия по полу обнаружены по шкалам устойчивости

и психологического благополучия Варвик-Эдинбург, различия по степени образования — по всем параметрам. Хотя эти данные требуют дальнейшей проверки из-за неэквивалентности групп.

Итак, устойчивость вносит вклад в общую способность справляться с трудностями, что положительно сказывается на состоянии психологического благополучия.

1. Битюцкая Е. В. Структура и динамика образа трудной жизненной ситуации / Е. В. Битюцкая // Вопросы психологии. — 2020. — №3(66). — С. 116–131.
2. Нартова-Бочавер С. К. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых / С. К. Нартова-Бочавер, М. Б. Подлипняк, А. Ю. Хохлова // Клиническая и специальная психология. — 2013. — №2(3). — С. 1–14.
3. Осин Е. Н. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ / Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2020. — №1. — С. 117–142.
4. Arnett J. J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties / J. J. Arnett // American Psychologist. — 2000. — Vol. 55, №5. — P. 469–480.
5. Conley C. S. Honest, open, proud—college: Effectiveness of a peer-led small-group intervention for reducing the stigma of mental illness / C. S. Conley, C. G. Hundert, J. L. Charles, B. M. Huguenel, M. Al-khouja, S. Qin, D. Paniagua, P. W. Corrigan // Stigma and Health. — 2020. Vol. 5, №2. — P. 168–178.

Исследование подготовлено при поддержке РФФИ (проект № 20-513-05014)

Н.В. Краинский об энергетической психологии

Краинский Н.В., энергетическая психология, выдающиеся ученые

Николай Васильевич Краинский (1869–1951) — выдающийся русский ученый с мировым именем, доктор медицинских наук, профессор, один из основоположников отечественной психиатрии. В 1893 г. окончил медицинский факультет Императорского Харьковского университета. Уже будучи признанным научным авторитетом в 43 года заканчивает физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Проявлял разностороннюю эрудицию в областях клинической психиатрии, психологии, нейростологии, биохимии мозга, электрофизиологии, биофизики. В совершенстве владел английским, немецким, французским и сербским языками. Его отдельные статьи и монографии неоднократно публиковались на европейских языках. Его приоритетные мысли о роли энергетического начала в психической жизни человека были высказаны им в 1897 году в статье «Закон сохранения энергии в применении к психической деятельности человека». В последующем они получили развитие в монографии ученого «Энергетическая психология» (1905). Ключевые акценты этой работы заключаются в следующем.

Жизнь есть поток, и жизненные процессы можно рассматривать только как особую форму физико-химических процессов, т. е. как жизненную энергию. Смерть не означает прекращение жизни, а лишь ее трансформацию. Наша психическая жизнь есть непрерывный процесс образования психической энергии. Через рецепторы органов чувств осуществляется восприятие и трансформация энергии из внешнего мира. Душевная деятельность является проявлением психической энергии. Все психические явления от рефлекторных до высших должны быть сведены к законам физики и химии. Психологи и представители естественнонаучных дисциплин должны подать друг другу руки и совместно вступить на путь, открывающий новые перспективы в познании человека.

К раскрытию темы энергетической психологии Краинский обращается в целом ряде своих работ: Учение о памяти с точки зрения теории психической энергии (1903); Энергетика и анализ ощущений (1907); Теория познания с точки зрения энергетической психологии (1970); Энергетика живого организма с точки зрения современных физико-химических теорий (1911); Энергетическая теория сновидений (1912); Математические основы естествознания (1927); Теория нервного процесса (1936); Основы естествознания в связи с теорией нервно-психического процесса (1943).

Пахомова Я.Н.
Томск, Челябинск, ФГБОУ ВО "ЧелГУ", НИ ТГУ

Циринг Д.А.
Томск, Челябинск, НИ ТГУ, Финансовый университет при Правительстве РФ

Важенин А.В.
Челябинск, ФГБОУ ВО ЮУГМУ Минздрава России

Уровень субъективного контроля женщин с раком молочной железы, проживающих в сельской местности

Уровень субъективного контроля, рак молочной железы, локус контроля

Проблема выживаемости и эффективности лечения при раке молочной железы является актуальной и социально значимой задачей современной науки и практики. Интернальность в восприятии болезни и объяснении происходящего может способствовать сохранению здоровья женщин, сыграть положительную роль в течение заболевания.

Понятие «интернальность» используется для обозначения степени уверенности человека в том, что он сам управляет результатами происходящих событий в своей жизни, сам является причиной собственных успехов, а также лично несёт ответственность за случившиеся неудачи (Циринг, Евстафеева, 2020). Интернальность и экстернальность являются двумя крайними точками одного континуума и говорят об особенностях такого личностного свойства, как уровень субъективного контроля.

Цель исследования: изучить особенности уровня субъективного контроля у женщин с раком молочной железы, проживающих в сельской местности и промышленном мегаполисе. Методы исследования: «Опросник субъективного контроля» (Дж. Роттер), анкета для сбора данных о социальных показателях, методы математической обработки данных (U-критерий Манна-Уитни). В исследовании приняли участие 80 женщин с раком молочной железы, проживающие на территории промышленного мегаполиса (N=60) и сельских поселений (N=20), находящиеся на стационарном лечении в ГБУЗ «Челябинский областной клинический центр онкологии и ядерной медицины».

Согласно полученным данным, жители сельской местности имеют более высокий показатель по шкале общей интернальности, чем пациентки, проживающие в мегаполисе ($p=0,029$). Женщины, живущие в селе, в большей степени убеждены, что они сами управляют своей жизнью, признают свою ответственность за неё, считают, что большее число значимых событий их жизни является результатом их собственных действий. Женщины с раком молочной железы, проживающие в селе, отличаются высоким уровнем интернальности в области неудач ($p=0,042$), в семейных взаимоотношениях ($p=0,014$), нежели женщины из мегаполиса. Локус контроля в ситуации неудачи предполагает уверенность человека в том, что он несёт ответственность за происходящие неурядицы. Женщинам мегаполиса свойственно приписывание вины в ситуации неудачи другим людям, внешним обстоятельствам или невезению, игнорирование собственных ошибок. Женщины из сельской

местности склонны брать на себя ответственность за произошедшее событие, возникшую проблему и последующее её решение. Интернальность в семейных взаимоотношениях предполагает ощущение и признание ответственности за события, происходящие в семье. Женщины с раком молочной железы, проживающие в сельской местности, склонны считать себя ответственными за события семейной жизни, а женщины, проживающие в мегаполисе, — партнёра.

Таким образом, в результате проведённого исследования были обнаружены значимые различия по показателям общей интернальности, интернальности в семейных отношениях и в области неудач. Женщины, проживающие в сельской местности, интерпретируют происходящие с ними значимые жизненные события как результат своей собственной деятельности, а не сложившихся обстоятельств. Им свойственно брать на себя ответственность в сфере собственных неудач, а также за события своей семейной жизни. Представленные данные получены в результате проведения первого среза лонгитюдного исследования психологических факторов риска заболевания злокачественными новообразованиями. В ходе реализации лонгитюдного исследования планируется выявить является ли уровень субъективного контроля психологическим фактором выживаемости и течения болезни у женщин с раком молочной железы.

1. Циринг Д.А., Евстафеева Е.А. Личностные характеристики, копинг-стратегии и качество жизни женщин, больных раком молочной железы // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. 4 (72). С. 87–91.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 20-013-00824).*

Пономарева И.В.
Томск, Челябинск, НИ ТГУ, ФГБОУ ВО "ЧелГУ"

Циринг Д.А.
Томск, Челябинск, НИ ТГУ, Финансовый университет при Правительстве РФ

Кузнецова А.И.
Томск, Челябинск, НИ ТГУ, ФГБОУ ВО ЮУГМУ Минздрава России

Миرونченко М.Н.
Томск, Челябинск, НИ ТГУ, ФГБОУ ВО ЮУГМУ Минздрава России

Обзор исследований психологических особенностей больных онкологическими заболеваниями различных локализаций

Онкопсихология, локализация онкологического заболевания, течение болезни, психологические предикторы

Во всем мире отмечается рост онкологических заболеваний. Аналитические прогнозы, проведенные специалистами Международного агентства по изучению рака (IARC) показывают, что к 2030 году показатель роста новых случаев опухолей достигнет 22,2 миллионов.

На сегодняшний день в России рак по-прежнему остается одним из наиболее прогностически неблагоприятных болезней, несмотря на постоянный поиск научных методов лечения данной патологии. Подобная ситуация показывает необходимость комплексного, междисциплинарного изучения данной проблемы и рассмотрения других возможных причин возникновения данной патологии. Серьезным ограничением подобного рода исследований в медицине и в психологии является то, что фокус внимания ученых, как правило, направлен на конкретную локализацию онкологического заболевания. Чаще исследования охватывают психологические и иные особенности на смешанных выборках онкобольных.

По данным психологических исследований, проведенных в США и Великобритании, у онкологических пациентов в наибольшей степени диагностируется расстройство тревоги и депрессия. Самый высокий уровень дистресса выявлен у пациентов с диагнозом рак легких и рак мозга. Самый низкий уровень дистресса выявлен у пациентов с диагнозом рак предстательной железы, толстого кишечника. При этом не обнаружено связь уровня дистресса от стадии заболевания и пола пациента (J.C. Holland, M. Watson, 2013).

Другие исследования обнаруживают различия в личностных характеристиках у больных с диагнозом рака различных локализаций. Так, у больных раком молочной железы выявляется фрустрационная неголерантность, рак прямой кишки — агрессивное беспокойство, рак мочевого пузыря — эмоциональную неустойчивость (А.Н. Великолуг, 1997). Обнаруживаются отличия в характерологических особенностях онкобольных в сравнении со здоровыми людьми. В первом случае доминируют более высокие показатели тревожности и эмотивности, низкие — возбудимости, демонстративности и экзальтированности. Кроме того, больные раком молочной железы и кожи отличаются высокой эмотивностью, раком

легкого — более низким уровнем тревожности и дистимности, рака желудка — высоким уровнем дистимности, меланомой — высоким уровнем педантичности и застраваемости (Л.Н. Касимова, Т.В. Жилиева, 2009).

На сегодняшний день в России проводятся исследования группы ученых, изучающих больных раком различной локализацией по отдельным параметрам, а именно: личностных особенностей, качества жизни, отношение к болезни и ее причины, готовности пациента к диагнозу, ранняя диагностика заболевания, картина протекания заболевания, отношение к лечению и др. (Т.Ю. Семиглазова, К.О. Кондратьева, В.А. Чулкова, З.С. Котова и др., 2017). В том числе имеются некоторые психологические исследования по отдельным локализациям на разных этапах лечения заболевания и учетом стадии заболевания (Е.В. Пестерева, Н.Б. Шиповникова, 2017; В.А. Чулкова, 2017). Все данные исследования показывают на наличие психологической травматизации в результате заболевания, что требует оказания профессиональной психологической помощи больным.

В данный момент проводятся научные исследования психологических факторов выживаемости и течения болезни у больных злокачественными новообразованиями (на примере изучения женщин с раком молочной железы в ходе лонгитюдного исследования), изучаются психологические факторы риска заболевания злокачественными новообразованиями у женщин, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности (Д.А. Циринг, А.В. Важенин, Е. А. Сергиенко, М.Н. Миронченко, Е.А. Евстафеева, И.В. Пономарева и др. 2019, 2020) [1].

Анализ современного состояния исследований в онкопсихологии демонстрирует наличие локальных данных о психологических факторах возникновения и течения онкозаболеваний отдельных локализаций, в мировой исследовательской практике отсутствуют исследования, в которые были бы включены одновременно несколько нозологий из перечня часто встречающихся в популяции. Фундаментальная наука и практика требует масштабных исследований по количеству респондентов, больных злокачественными новообразованиями, количеству изучаемых в исследовании локализаций, а также с расширенной системой психологических характеристик, рассматриваемых в качестве предикторов течения болезни. Это позволит российской психологической науке выйти на лидирующие мировые позиции в области онкопсихологии.

1. Tsiring D.A., Evstafeeva E.A., Ponomareva I.V., Sizova Y.N. Subject and personal particularities of women having various stages of breast cancer // Electronic Journal of General Medicine. 2019. Vol. 16 (6). Article No: em150. <https://doi.org/10.29333/ejgm/112266>.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 21-18-00434).*

Психологическое благополучие и социальный интеллект в подростковом возрасте

Психологическое здоровье, психологическое благополучие, социализация, социальный интеллект, подросток, общение, лидерство

Введение: социальный интеллект развивается позднее, чем эмоциональная составляющая коммуникативных способностей человека, при этом именно через взаимодействие с социальной действительностью человек определяет себя как психологически благополучный. Формирование социального интеллекта стимулируется началом школьного обучения и особенно актуальным становится в подростковом возрасте, когда ведущим типом деятельности является общение. В этот период увеличивается круг общения ребенка, развиваются его сензитивность, социально-перцептивные способности, способность переживать за другого без непосредственного восприятия его чувств, способность к децентрации [1].

Постановка проблемы: наличие социального интеллекта и лидерских качеств необходимо для овладения подростком регуляцией поведения во взаимодействии с окружающими людьми, успешной адаптации к межличностным взаимоотношениям и социализации в целом

Так целью является изучение связей социального интеллекта и его возможных проявлений через лидерство в группах более и менее психологически благополучных подростков.

Методы исследования: теоретический и эмпирический анализ данных, полученных при помощи следующих методик: «Шкала психологического благополучия Рифф» в адаптации Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко, «Социальный интеллект» (модификация методики Холла), диагностика лидерских способностей (Е.Жариков, Е.Крушельницкий) [2]. Так же методы математической обработки данных: корреляционный анализ по Спирмену, U- критерий Манна-Уитни.

Результаты и их обсуждение. При сравнении социального интеллекта и лидерских способностей подростков с разным уровнем психологического благополучия выяснили, что подростки, чувствующие себя более благополучными значимо отличаются по следующим показателям: «Саморегуляция», «Навыки взаимодействия», «Лидерские способности», «Позитивные отношения», «Автономия», «Управление средой», «Личностный рост», «Психологическое благополучие», «Самопринятие», «Цели в жизни». Связи показателей социального интеллекта, психологического благополучия и лидерских качеств имеют ряд количественных и качественных различий в группах подростков с разным уровнем психологического благополучия. У более благополучных подростков, на фоне более выраженных качеств лидерских и социального интеллекта практически не обнаружено корреляций между указанными единицами анализа, в отличие от подростков, оценивающих себя менее психологически благополучными.

Можно предположить, что задатков к тому, чтобы быть лидером у подростков с более высоким уровнем психологического благополучия больше, они более

коммуникабельны, автономны, умеют брать ответственность на себя, более способны к саморегуляции, умеют ставить цели перед собой и их добиваться, но при этом высокий уровень психологического благополучия позволяет им не стремиться к лидерству, а стремиться к самопознанию и самопринятию.

В то время как для подростков с менее выраженным уровнем психологического благополучия более характерны связи показателей психологического благополучия с социальным интеллектом и лидерскими качествами, что может говорить о том, что, развивая такие характеристики как самосознание, самомотивация, самопринятие, личностный рост, позитивные отношения, подросток будет чувствовать себя более психологически благополучным. В то же время именно через проявления себя как лидера, у подростка с менее выраженным уровнем психологического благополучия развиваются самоконтроль, самомотивация и получает он навыки эффективного взаимодействия.

1. Хлебодарова, О.Б. Научные подходы к изучению социального интеллекта в психологии / О.Б. Хлебодарова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2011. — № 11 (34). — Т. 2. — С. 139–140.
2. Шевеленкова, Т.Д. Психологическое благополучие личности [Текст] / Т.Д. Шевеленкова, Т.П. Фесенко / Психологическая диагностика. — 2010. — №3. — С. 95–121.

Проблемы и задачи психология здоровья в условиях пандемии Ковид-19

Психология здоровья, Ковид-19, исследования, контекст, гендер

Пандемия короновиральной инфекции стимулировала множество психологических исследований. Направления, содержание, парадигмы и вклад в решение практических задач были проанализированы на основе ряда наиболее цитируемых зарубежных статей, содержащих мета анализ.

Так, критическая психология здоровья подчеркивает необходимость изменения методологии в условиях с нахождения всех участников исследования в ситуации воздействия общего стрессора. Перенос исследований в превалирующий онлайн-формат поставил новые этические проблемы. Для решения этих проблем были разработано руководство по этике для студентов и руководителей в области психологии здоровья сообществ и критической психологии здоровья (Graberg, 2020).

Опираясь на мета-анализ исследований предыдущих эпидемий, ученые призывают политиков и чиновников здравоохранения иметь в виду, что 1) люди не осознают степень риска своего поведения; 2) они всячески будут избегать изоляции, даже если это может повредить другим людям. Это нужно учитывать при построении коммуникаций с населением, при согласовании индивидуальных и коллективных интересов, при оценки экономических потерь и безработицы (Van Bavel et al., 2020).

Говоря о теории и принимая концепт реципрокности социального и ситуационного контекстов и индивидуального поведения, важно понимать динамичность современного контекста. Исследования различий этих контекстов могли бы объяснить разное восприятие индивидуальной и коллективной угрозы Ковид-19, воспринимаемого коллективного контроля, доверия к лидерам и ожиданий относительно того, как вакцинация повлияет на все аспекты жизни.

Примером международного проекта, интегрирующего кросс-культурные, лонгитюдные и интегративные методы исследования является PsyCorona, давший возможность исследовать психологические процессы в критический момент кризиса. В нем фиксируются в динамике убеждения, страхи, надежды, мотивационные состояния и культурные нормы, предсказывающие приверженность социальному дистанцированию. По нему можно отслеживать напряженность, нарастающую в обществе с течением времени, включая разочарование и усталость от изоляции, изменения в субъективном благополучии, в нормах, установках и ценностях.

Большинство исследований Ковид-19 в области клинической психологии здоровья сосредоточилось на копинг-механизмах для снижения остроты проблем психического здоровья. Социальная психология — на механизмах формирования и управления группами взаимопомощи, социальной сплоченности, предотвращению формирования «козлов отпущения», виноватых за распространения вирусной инфекции. Психология общественного здоровья сфокусировалась на продвижение позитивных поведенческих изменений.

Критическая психология здоровья особое внимание уделила возрастным, классовым и гендерным факторам, которые в процессе пандемии сделали уязвимые группы еще более уязвимыми. Особо подчеркивается влияние пандемии на здоровье и безопасность женщин, мигрантов и пожилых людей, которым был ограничен доступ к репродуктивным клиникам, к плановому лечению онкологических заболеваний и помощи при инсультах. Многие кризисные центры и убежища для женщин были лишены финансирования, что ограничило возможности получения экстренной защиты в ситуации партнерского насилия (Brooks S. et al, 2020).

Для российского контекста важен критический анализ состояния здравоохранения после оптимизации; уровня экономической и психологической помощи; дезинформации о ковид-19, распространяемой посредством различных каналов СМИ; низкого темпа вакцинирования; высокого уровня смертности, особенно среди медперсонала.

1. Graber, R. (2020). Guidance on Conducting and Supervising Community-Oriented Psychology Research During COVID-19.
2. Van Bavel et al. (2020) Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic responses/Nature Human Behaviour
3. Brooks, S. et al (2020). The Psychological Impact of Quarantine and How to Reduce It: Rapid Review of the Evidence. The Lancet; 395:912–920.

Партнерское насилие и конфликтность в отношениях на разных этапах пандемии COVID-19

Стресс, тревожность, конфликтность, партнерское насилие, пандемия COVID-19

Повышение уровня насилия в партнерских отношениях в условиях пандемии COVID-19 констатировали во всем мире (Fraser, 2020). Предлагаются следующие объяснения эскалации насилия: 1) в условиях социальной изоляции люди сильнее реагируют на стресс, при этом привычные ранее копинг-стратегии стали им недоступны (Salari, 2020); 2) неопределённость и отсутствие личного пространства усилили межличностное давление; 3) ухудшение материального положения, безработица, потеря бизнеса; 4) пострадавшие были лишены возможности сепарироваться в убежищах.

При длительном воздействии пандемии и реакции на него в виде «коронавирусного синдрома» (Соловьева и др., 2020) возможны изменения в восприятии пандемии, уровне тревожности, конфликтности и насилия в близких отношениях.

Для отслеживания динамики изменений нами был применен кросс-секционный дизайн с участием 2-х сопоставимых по социально-демографическим переменным выборок (участницы ки 18–40 лет, состоящие в партнерских отношениях) на разных этапах пандемии. Общее число участников составило 111 человек, они заполняли гугл-формы анкеты по оценке влияния пандемии, шкалы реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, шкалы дифференциальной оценки отношений (А. Волковой), модифицированной комбинированной шкалы насилия (К. Hegarty). Если первая выборка мая 2020 года проходила в условиях пика заболеваемости, неготовности системы здравоохранения, дефицита средств индивидуальной защиты, неясности методов лечения новой инфекции усиливала нарастающую тревогу, то вторая группа заполняла методики в феврале 2021 года. В этот этап было зафиксировано минимальное с сентября число заразившихся за месяц, продолжалась вакцинация, улучшались протоколы лечения.

При сравнении двух выборок по шкале насилия был выявлен более высокий уровень психологического и экономического насилия и снижение уровня физического и сексуального насилия во второй выборке. Анализ взаимосвязей в выборках показал, что ситуативная тревожность отрицательно связана с оценкой отношений ($r=-0,548$; $p=0,000$), ($r=-0,598$; $p=0,000$); оценка отношений отрицательно связана с насилием ($r=-0,450$; $p=0,001$), ($r=-0,508$; $p=0,000$). На первом этапе пандемии наблюдался более высокий уровень реактивной тревожности, оценка уровня благополучия отношений была значительно ниже, чем в феврале 2021 года, что указывает на высокую конфликтность в отношениях в мае 2020 года. В феврале 2021, во время проведения второго измерения, режим изоляции был снят, многие вернулись на работу и учёбу, началось поэтапное возвращение к привычной жизни, что положительно повлияло на отношения респондентов. Факторный анализ по

обсем выборках показал, что фактор «Алкоголь-наркотические вещества» прямо связан с насилием в отношениях.

Результаты демонстрируют, что стресс пандемии оказал сильное влияние на состояние тревожности, качество отношений и повышение конфликтности в них в мае 2020 года. Проведенный контент-анализ отношения респондентов к различным аспектам пандемии выявил как негативные, так и нейтральные и даже положительные изменения, возникшие под воздействием пандемии.

По мере адаптации к пандемии произошло снижение контактных видов насилия. Разнонаправленность реакций, разных форм насилия и отношения к пандемии внутри выборок демонстрирует большую роль субъективной составляющей в оценке пандемии на разных ее этапах.

1. Fraser, E. (2020) Impact of COVID-19 Pandemic on Violence against Women and Girls, VAWG Helpdesk Research Report No. 284. London, UK: VAWG Helpdesk.
2. Salari, N., Hosseini-Far, A., Jalali, R. et al. Prevalence of stress, anxiety, depression among the general population during the COVID-19 pandemic: a systematic review and meta-analysis. *Global Health* 16, 57 (2020).
3. Соловьева Н.В., Макарова Е.В., Кичук И.В. «Коронавирусный синдром»: профилактика психотравмы, вызванной COVID-19. *РМЖ*. 2020;9:18–22.

Субъективный контроль здоровья у женщин с раком молочной железы впервые обратившихся за медицинской помощью

Онкопсихология, рак молочной железы, локус контроля, субъективный контроль здоровья

Главным фактором эффективного лечения любого заболевания является ранняя диагностика. Особую важность ранняя постановка диагноза, а значит, своевременное начало лечения приобретает при злокачественных новообразованиях. Излечение онкологических болезней на поздних стадиях заболевания является редким исключением. Наряду с ошибками и несвоевременной диагностикой онкологических заболеваний со стороны медицинского персонала, очень часто большой онкологическим заболеванием поздно обращается за медицинской помощью по различным причинам: невнимательное отношение к своему здоровью, страх перед диагнозом, попытки самостоятельного лечения, психологические особенности личности больного. Одной из важных психологических характеристик личности, способствующих ранней диагностики, может выступать интернальный локус контроля, или умение контролировать свою жизнь и брать ответственность за нее. По мнению Сирота Н.А., Ялтонского В.М., интернальный локус контроля является личностным ресурсом, на основе которого формируется адаптационное поведение и от которого во многом зависит выбор варианта адаптации к социальной среде [1]. Автор данного понятия Д. Роттер описывал субъективный контроль (локус контроля) как определенную степень восприятия людьми событий, зависящих либо от собственного поведения (интернальный локус контроля) или от других людей, судьбы, удачи (экстернальный локус контроля). Многочисленными исследованиями доказано, что люди с интернальным локусом контроля проявляют большую когнитивную активность, более эффективно преодолевают стресс и проявляют более высокий уровень социальной адаптации, чем «экстерналы» [2].

Цель нашего исследования — выявить особенности субъективного контроля здоровья у женщин с раком молочной железы, впервые обратившихся за медицинской помощью. Выборка респондентов: женщины (N=132), впервые обратившиеся за медицинской помощью, которым был поставлен диагноз — люминальный рак молочной железы I, II или III стадии. Возраст женщин от 26 до 80 лет (M=55,4). Методы исследования: опросник уровня субъективного контроля (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд).

При диагностике показателей субъективного контроля были получены результаты по шкале интернальности в отношении здоровья и болезни, свидетельствующие о том, что для женщин с РМЖ, впервые обратившихся за медицинской помощью характерен экстернальный локус контроля. Данные женщины считают, что здоровье и болезнь — это результат случая, и часто надеются на то, что выздоровление придет в результате действий других людей, прежде всего врачей, и не связан с их собственной активностью, заботой о своем здоровье. Причем экстернальность наиболее всего проявляется у женщин, у которых диагностирована

III стадия заболевания ($M=-2$), тогда как для женщин на II стадии болезни этот показатель составляет $-0,55$, для женщин на I стадии $0,25$. Таким образом, можно предположить, что женщины, больные раком молочной железы самостоятельно не инициируют медицинские обследования, не проявляют когнитивной активности в информировании о болезни, ее симптомах, дожидаясь, когда их направят врачи. Женщины не связывают результаты своего поведения и раннюю постановку диагноза, а значит своевременное начало лечения онкологической болезни. На основе полученных данных можно предположить, что экстернальный локус контроля может выступать фактором риска поздней диагностики онкологического заболевания, в частности рака молочной железы.

1. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. — 1994 — №1. — С. 63–74.
2. Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. Psychological monographs. — 1966. — 80(1). pp.1–28.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект №19-18-00426).*

Теоретическая модель интегрального показателя здоровья специалистов МЧС России

Интегральный показатель здоровья, работоспособность, стрессоустойчивость, адаптивность, выносливость, медико-психологическая реабилитация.

Актуальность разработки теоретической модели интегральной оценки здоровья специалистов МЧС России связана, во-первых, с недостаточной изученностью проблемы интегральной оценки здоровья специалистов, принимающих участие в аварийно-спасательных мероприятиях, во-вторых, с практической необходимостью организации и проведения своевременных профилактических и восстановительных мероприятий, направленных на сохранение здоровья специалистов МЧС России. Существующие методики расчета интегрального показателя здоровья [1, 2] не могут быть полностью применимы для оценки состояния специалистов МЧС России, так как в них не учитываются особенности профессиональной деятельности в экстремальных условиях и соответствующие требования к функциональному состоянию и адаптационным возможностям специалистов.

Специфика деятельности специалистов МЧС России характеризуется высоким уровнем стресса и предъявляет повышенные требования к адаптивным возможностям организма и психики. С точки зрения адаптационного подхода, мерой профессионального здоровья специалиста МЧС России являются приспособительные возможности организма и его способность адекватно реагировать на экстремальные нагрузки, сохраняя возможность безошибочного и эффективного выполнения своих профессиональных обязанностей. Таким образом, здоровье рассматривается как такое состояние функциональных систем организма и психики, которое обеспечивает возможность эффективного выполнения профессиональных обязанностей и решения служебных задач в сложных стрессогенных условиях деятельности без перенапряжения или срыва регуляторных механизмов. В контексте данного исследования мы определяем здоровье как оптимальное функциональное состояние, которое может быть охарактеризовано с помощью таких параметров как: работоспособность, стрессоустойчивость, адаптивность, выносливость. Данные параметры играют важную роль в реализации профессиональной деятельности в экстремальных условиях и выражают различные аспекты функциональных состояний специалистов.

Работоспособность характеризует степень функциональной готовности организма и психики к выполнению целенаправленной деятельности на требуемом уровне эффективности в заданные временные промежутки. Показателями работоспособности являются психофизиологические особенности, динамические характеристики когнитивных процессов, мотивационные установки. Стрессоустойчивость отражает способность успешно решать задачи в

экстремальных или эмоционально напряженных условиях деятельности без вреда для здоровья. Данный параметр связан как с особенностями вегетативной нервной системы, так и с психологическими свойствами (например, тревожность, оптимизм, жизнестойкость и др.). Выносливость — способность организма переносить высокие физические и психические нагрузки на протяжении длительного времени, сохраняя согласованность психофизиологических систем организма и оптимальную работоспособность. Выносливость определяется преимущественно функциональными возможностями систем организма (дыхательной, сердечно-сосудистой и др.) и мотивацией. Адаптивность — степень функциональной готовности организма осуществлять адаптационные перестройки, приспосабливаться к изменяющимся условиям и характеру деятельности. Важными индикаторами адаптационных возможностей являются показатели вариабельности сердечного ритма, а также подвижность нервных процессов.

Таким образом, теоретическая модель интегральной оценки здоровья специалистов МЧС России может включать в себя такие взаимосвязанные параметры оптимального функционального состояния как работоспособность, стрессоустойчивость, адаптивность и выносливость, которые в свою очередь могут быть измерены на физиологическом, психофизиологическом и психологическом уровнях. Дальнейшее эмпирическое исследование позволит уточнить содержание и взаимосвязь указанных характеристик.

1. Соколов А.В., Калинин Р.Е., Стома А.В. Теория и практика диагностики функциональных резервов организма. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. — 176 с.
2. Судаков К.В. Дезинтеграция функциональных систем при эмоциональном стрессе: стратегии реабилитации // — Руководство по реабилитации лиц, подвергшихся стрессорным нагрузкам. — М.: Медицина, 2004. — с. 21–39.

Ценность здоровья в сознании самоактуализирующейся личности

Здоровье, ценность здоровья, самоактуализация личности.

С развитием цивилизации многие жизненные процессы претерпевают огромные изменения. Так, если для первобытного человека «выжить» означало буквально не умереть с голоду, то есть вся его деятельность была направлена на удовлетворение базовых (физиологических) потребностей, то в современном обществе для успешной социализации следует обладать совершенно другими навыками — коммуникабельностью, профессиональным самоопределением и многими другими, которые способствуют всестороннему развитию личности.

Осознание ценности здоровья и реалистичная оценка состояния своего здоровья является важным аспектом самосознания личности. Так как современное общество нуждается в человеке инициативном, способном в полной мере реализовать свой духовный и личностный потенциал, резонно предположить, что высокая ценность здоровья будет способствовать самоактуализации личности. Именно поэтому в своем исследовании мы поставили задачу выяснить, каким образом ценность здоровья связана с самоактуализацией личности. При этом под самоактуализацией личности вслед за А. Маслоу мы понимаем «идеальный предел, к которому она приближаются» [3, 4].

В проведенном нами эмпирическом исследовании приняли участие 182 человека в возрасте 17–25 лет. Гипотеза исследования — здоровье является одной из приоритетных жизненных ценностей самоактуализирующейся личности. Методы исследования: самоактуализационный тест — САТ (Л.Я. Гозмана и др.) [1]; методика диагностики системы ценностей KVS-3 [5]. В качестве статистических методов анализа данных использовались: корреляционный анализ Ч. Спирмена, дисперсионный анализ Р. Фишера.

Выявлена положительная корреляционная зависимость между значимостью здоровья (методика диагностики системы ценностей KVS-3) и шкалами САТ: опоры ($r=0,23$; $p\leq 0,001$), ориентации во времени ($r=0,15$; $p\leq 0,03$), гибкости поведения ($r=0,33$; $p\leq 0,001$), ценностных ориентаций ($r=0,16$; $p\leq 0,02$), взгляда на природу человека ($r=0,24$; $p\leq 0,001$), спонтанности ($r=0,17$; $p\leq 0,01$), контактности ($r=0,26$; $p\leq 0,001$), синергий ($r=0,14$; $p\leq 0,04$), познавательных потребностей ($r=0,20$; $p\leq 0,005$), креативности ($r=0,31$; $p\leq 0,001$) и интегральным показателем САТ ($r=0,46$; $p\leq 0,001$). Проведенный анализ позволяет утверждать, что высокий уровень самоактуализации преимущественно имеют студенты, которые поставили здоровье на одно из первых трех мест в иерархии жизненных ценностей. Корреляционные связи значимости здоровья и параметров самоактуализации свидетельствуют о том, что личность, высоко оценивающая значимость здоровья, имеет творческую направленность, проявляет гибкость в реализации своих ценностей, способна к быстрому и адекватному реагированию в изменяющейся обстановке.

Проведенное эмпирическое исследование позволяет утверждать, что здоровье является одной из приоритетных жизненных ценностей самоактуализирующейся личности. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, самоактуализирующаяся личность обладает высокой культурой здоровья. Это говорит о необходимости повышения культуры здоровья личности с целью реализация личностного потенциала современного человека.

1. Гозман Л.Я., Кроз М.В., Латинская М.В. Самоактуализационный тест. М.: РПА, 1995. 52 с.
2. Ждан А.Н. История психологии. Изд-ва МГУ, 1990.С. 181.
3. Каширский Д.В. Психология личностных ценностей: дисс. ... д-ра психол. наук. М.: РГГУ, 2014. — 550 с.
4. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997. 430 с.
5. Шмойлова Н.А. Ценностное отношение к собственному здоровью как показатель психологической гармонии личности // Мир науки, культуры, образования. — 2009. — № 5. — С. 287–289.

ПСИХОЛОГИЯ КРИЗИСНЫХ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Аноцкая Е.М., Кузнецова Е.А.
Санкт-Петербург, СПбГУ

К вопросу о психологических факторах риска партнерского насилия в немоногамных романтических отношениях

Партнерское насилие, романтические отношения, этическая немоногамия, полиамория

В настоящее время партнерское насилие становится предметом обсуждения как СМИ, так и ученых различных направлений: повышается исследовательский интерес в социологии, психологии, криминологии и других науках [1]. Исследуются эффективные методы психотерапевтической работы с пострадавшими и технологии психокоррекционной и психопрофилактической работы с авторами насилия [2]. Наравне с этим происходит постепенный переход партнерских отношений к либеральной модели и все чаще появляются упоминания о немоногамных отношениях как добровольно принятой форме романтических взаимоотношений между людьми. В Российской Федерации теоретический и эмпирический опыт осмысления этической немоногамии сравнительно мал.

В работе была предпринята попытка исследовать психологические факторы риска партнерского насилия в моногамных и немоногамных отношениях. Основная гипотеза исследования заключалась в существовании различий в проявлениях партнерского насилия в моногамных и немоногамных романтических отношениях, а также в существовании психологических факторов, способных внести вклад в развитие цикла насилия в немоногамные романтические отношения. Методами исследования явились: онлайн-опрос о проявлениях партнерского насилия, психологические методики для выявления исследуемых характеристик (“Тест на выявление семейных установок”, “Опыт близких отношений”, “Опрос доминирующего поведения в конфликтной ситуации Томаса-Килмана”), анализ таблиц сопряженности, сравнительный и дискриминантный анализ. Всего в исследовании приняли участие 100 человек, все этапы исследования прошли 39 женщин в возрасте 18–36 лет, находящихся на момент исследования в моногамных или немоногамных романтических отношениях в течение трех и более месяцев. Выборка исследования была набрана в сети Интернет путем прохождения пользователями социальных сетей вступительной онлайн-анкеты для участия в исследовании.

В результате анализа частот было выявлено, что партнерское насилие в немоногамных отношениях встречается статистически достоверно реже, чем в моногамных отношениях ($\chi^2=4,179$, $p\leq 0,05$), однако не выявлено различий в проявлениях партнерского насилия среди сравниваемых групп. Дискриминантный

анализ исследуемых переменных не выявил значимых предикторов возникновения партнерского насилия в немоногамных отношениях. Сравнительный анализ двух исследуемых групп показал статистически значимо более низкую выраженность традиционных семейных установок у девушек, состоящих в немоногамных отношениях, ($t=2,123$, $p\leq 0,05$) и более выраженную стратегию поведения в конфликтах “Сотрудничество” ($t=2,352$, $p\leq 0,05$). Таким образом, в немоногамных отношениях был выявлен более низкий уровень партнерского насилия, более низкая склонность участников к ориентированным на патриархальную модель семейным установкам, и более высокая склонность к сотрудничеству в конфликтных ситуациях. Полученные результаты согласуются с данными исследований в вопросах поведенческих стратегий разрешения конфликтов, а также в меньшей приверженности традиционным семейным установкам как возможной предпосылке перехода к немоногамным отношениям.

1. Смолеников П. С. Специфика репрезентации проблемы гендерного неравенства в современных российских медиа // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации: 4-й молодежный конвент УрФУ.— Екатеринбург, 2020. — 2020. — С. 49–53.
2. Ходырева Н. В., Ходырева А. Ю. Исследование кризисных центров и организаций, работающих по проблеме гендерного насилия в Северо-Западном регионе // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. — 2020. — №. 19. — С. 59–76.

Картина мира и способы совладания с трудными ситуациями у людей юношеского возраста, переживших травму потери в подростковом периоде

Травма утраты, картина мира, копинг-стратегии

Изучение влияния перенесенной психической травмы на изменение картины мира убедительно показало наличие такой связи в исследованиях взрослой выборки. Вместе с тем переживание психической травмы в подростковом возрасте, характеризующемся становлением Я-концепции, несомненно, влияет на формирование личностных характеристик. В связи с этим было проведено исследование, целью которого являлось изучение картины мира и способов совладания с трудными ситуациями у юношей и девушек с опытом переживания утраты близкого человека в подростковом периоде. Выборку составили 54 человека в возрасте от 17 до 24 лет, имеющих соответствующий опыт. Средний возраст респондентов — $20 \pm 1,69$ лет.

Используемые методы: анкетирование, методика «Шкала базисных убеждений» в адаптации М.А. Падун и А.В. Котельниковой, опросник «Способы совладающего поведения» в адаптации Л.И. Вассермана с соавт.

Согласно результатам анализа анкеты, большинство респондентов пережили утрату близкого родственника более трех лет назад. Из общего числа респондентов, считающих, что они нуждались в поддержке, оказана она была в 67,6% случаях, удовлетворены ею 64% опрошенных. С помощью таблицы сопряженности была обнаружена связь скорости возвращения к привычной жизни с потребностью в социальной поддержке ($\chi^2=8,91$; $p=0,012$), а также с удовлетворенностью поддержкой ($\chi^2=12,14$; $p=0,016$). При длительном переживании утраты потребность в помощи выше, однако, оказанное содействие в этом случае часто оценивается как недостаточное.

42,6% юношей и девушек, столкнувшихся в подростковом возрасте с утратой, имеют негативные представления относительно доброжелательности мира и 51,9% относительно его справедливости, при этом образ Я, собственная удачливость, а также степень своего влияния на исход событий оценивается положительно.

Также было выявлено, что в зависимости от степени близости с усопшим различается уровень убежденности в доброжелательности мира ($\chi^2=16,43$; $p=0,037$). При потере более близкого человека уровень этой характеристики ниже. Также выделена связь между убежденностью в контролируемости мира и наличием предвестников смерти ($\chi^2=6,10$; $p=0,047$), а также скоростью возвращения к привычной жизни ($\chi^2=16,17$; $p=0,003$). Респонденты, которые до сих пор не оправились от происшедшего, отмечают низкий уровень убежденности в контроле.

Относительно репертуара копинг-стратегий исследуемой группы можно заключить, что он достаточно разнообразен, так как не выявилось ни одного в значительной степени игнорируемого способа поведения. При этом выявлена

тенденция к частому использованию стратегии бегства-избегания. Согласно другим исследованиям, в юношеском возрасте наиболее часто используются самоконтроль, принятие ответственности, планирование решения, позитивная переоценка, а также поиск социальной поддержки (Бочарова, 2015). Таким образом, можно предположить, что предпочтение стратегии избегания — особенность данной выборки.

Корреляционный анализ выявил статистически значимые связи между стратегиями совладания и базисными убеждениями. Положительные корреляционные связи выявлены между показателями «доброжелательность мира» и «поиск социальной поддержки» ($r=0,358$; $p=0,008$), «положительная переоценка» ($r=0,318$; $p=0,019$); «справедливость мира» и «поиск социальной поддержки» ($r=0,441$; $p=0,001$), «положительная переоценка» ($r=0,408$; $p=0,002$) и «планирование решение проблемы» ($r=0,366$; $p=0,007$). Отрицательная связь обнаружена между «доброжелательностью мира» и «бегством-избеганием» ($r=-0,459$; $p=0,001$).

В целом исследование показало, что почти половина молодых людей, переживших в подростковом возрасте утрату, убеждены в недоброжелательности и несправедливости мира. Такие характеристики картины мира у респондентов оказались связаны с особенностями ситуации ухода близкого в прошлом, оказанной поддержкой и используемым респондентами копингом «бегство-избегание».

1. Бочарова Е.Е. Стратегии совладающего поведения личности различных возрастных групп // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. №5 (49). С. 580–588.

Психологические аспекты до- и послетестового консультирования в связи с тестированием на ВИЧ-инфекцию

Тестирование на ВИЧ-инфекцию, лица живущие с ВИЧ, консультирование

Введение. По экспертным данным в глобальную эпидемию ВИЧ-инфекции во всем мире вовлечено 68 млн человек [Цит. по 1]. Перед современной системой здравоохранения стоят проблемы адекватной диагностики, лечения и профилактики ВИЧ-инфекции. Эти проблемы, а также вопросы до- и послетестового консультирования [2, 3, 4] в связи с тестированием на ВИЧ-инфекцию, выходят за рамки собственно медицинской сферы и связаны с широким кругом психологических факторов, детерминант и механизмов.

Постановка проблемы. Участие одного из авторов (СНД) в совместном проекте МЗ РФ и UNAIDS, Voluntary counselling and testing (VCT) [5], обусловило интерес к дальнейшему изучению психологических аспектов до- и послетестового консультирования в связи с тестированием на ВИЧ-инфекцию. Важнейшими представляются вопросы формирования приверженности антиретровирусной терапии лиц, живущих с ВИЧ, и психологическое консультирование лиц, имеющих риск инфицирования.

Методы. Теоретический анализ и обобщение научной литературы, пособий и методических рекомендаций, посвященных до- и послетестовому консультированию в связи с тестированием на ВИЧ-инфекцию, а также проблемам диагностики, лечения и профилактики ВИЧ-инфекции.

Результаты. Комплексный подход в формировании приверженности антиретровирусной терапии связан с попытками интегрировать деятельность психологов в работу Центров по профилактике и борьбе со СПИДом. Отмечаются сложности, возникающие в связи с определением сферы ответственности психолога (профессиональной и этической), а также показателей эффективности его деятельности. До- и послетестовое консультирование в связи с тестированием на ВИЧ-инфекцию, а также последующее психологическое сопровождение ВИЧ-инфицированных и лиц группы риска занимает ключевое место в деятельности психологов. Такая деятельность предполагает: оценку психоэмоционального состояния пациента и возможных психопатологических проявлений (суицидальных тенденций, наркозависимости и т.п.), социальной ситуации развития и семейного окружения, привлечение различных форм поддержки, паллиативную и экстренную помощь.

Обсуждение. До- и послетестовое консультирование имеет разные цели: в первом случае — это обеспечение пациента «ориентировочной основой действия» (по П.Я. Гальперину), дающей возможность принять решение о целесообразности тестирования на ВИЧ; во втором — цели зависят от результата теста. При отрицательном результате — это осознание пациентом поведения, приведшего к потребности в тестировании, и закрепление опыта посещения учреждения; при

положительном — работа с актуальным состоянием в ситуации болезни на фоне подготовки к антиретровирусной терапии.

Выводы. Выявлено, что процесс послетестового консультирования в ситуациях с разным результатом на ВИЧ имеет сходную структуру, однако качественно различается по содержанию и основным психологическим задачам. Формальные и содержательные аспекты психологического консультирования ВИЧ-инфицированных пациентов и пациентов в группах риска требуют комплексной систематизации и пересмотра с учетом современных реалий.

1. Устинов А. С. и др. Употребление психоактивных веществ и депрессия у больных ВИЧ-инфекцией, приверженных и прервавших антиретровирусную терапию //Неврологический вестник. Журнал им. ВМ Бехтерева. — 2016. — Т. 48. — №. 2. — С. 5–11.
2. Беляева В. В. Консультирование как модель оказания помощи при ВИЧ-инфекции //Медицинская кафедра. — 2004. — №. 2. — С. 186–189.
3. Беляева В. В., Покровский В. В., Кравченко А. В. Консультирование при ВИЧ-инфекции. Пособие для врачей различных специальностей //Москва. — 2003. — 77 с.
4. Крупицкий Е. М. и др. Взаимосвязь между поведением, связанным с высоким риском ВИЧ-инфицирования, и выраженностью психопатологических расстройств у больных героиновой наркоманией в Санкт-Петербурге //Русский журнал СПИД, рак и общественное здоровье. — 2006. — Т. 10. — №. 1. — С. 60–68.
5. Were W. et al. Home-based model for HIV voluntary counselling and testing //The Lancet. — 2003. — Т. 361. — №. 9368. — С. 1569.

Особенности когнитивного оценивания и способов совладания с трудными жизненными ситуациями молодежи г. Карачаевск и г. Владикавказ

Когнитивное оценивание, этнокультурные особенности совладания, трудные жизненные ситуации, осетины, карачаевцы, Северный Кавказ.

Изучение психологических факторов поведения человека в трудной жизненной ситуации (далее –ТЖС) активно развивается. Для нас важным остается изучение процесса когнитивного оценивания трудной ситуации, т.е. восприятия, интерпретации и отношения к трудной ситуации. Субъект при этом оценивает свои ресурсы для преодоления трудной ситуации, подконтрольность условий, эффективность используемых им копингов. Т.е. в зависимости от того как изменяется ситуация, человек может корректировать модель совладающего поведения [1].

Мы предполагаем наличие культурной специфики когнитивного оценивания ТЖС и реагирования на нее у представителей различных этносов [2]. Для Центра экстренной психологической помощи МЧС России этот вопрос остается актуальным в рамках организации психологической помощи представителям различных этносов. Целью исследования является определение специфики реагирования на ТЖС у представителей народов Северного Кавказа. В данном сообщении представлена часть результатов, связанных с когнитивным оцениванием и способами совладания с ТЖС осетинской и карачаевской молодежью.

Выборка: студенты Северо-Осетинского государственного университета г.Владикавказ, n=169 и Карачаево-Черкесского государственного университета г.Карачаевск, n=167; возраст 17–24 года. Процедура сбора данных: письменный опрос с использованием стандартизированных методик «Когнитивное оценивание ТЖС» [1], «Опросник способов копинга» [3]. Процедура обработки данных: сравнение средних значений двух этносов по категориям когнитивного оценивания, способам копинга по критерию Манна-Уитни подгрупп мужчин (осетины n=75, карачаевцы n=78) и женщин (осетинки n=92, карачаевки n=89); корреляционный анализ по коэффициенту Спирмена.

Анализ средних значений по когнитивному оцениванию у мужчин показал высокие значения по критериям Перспектива будущего, Активное реагирование. При этом статистически значимые различия имеются в использовании оценки Трудность прогнозирования ($p \leq 0,05$): значение средней выше у карачаевцев ($M=3,1$). Карачаевцы, в отличие от осетин, оценивают ситуации как трудные, прогноз развития которых неясен. Имеются значимые различия в использовании способов копинга: планомерное решение проблемы осетины используют активнее ($M=1,85$), чем карачаевцы ($M=1,69$). Анализ средних значений в женской подгруппе выявил

высокие значения по когнитивным оценкам: Перспектива будущего, Сильные Эмоции. Значимые различия — Перспектива будущего, Неподконтрольность, Трудности прогнозирования ($p \leq 0,01$). У карачаевок вызывает трудность ситуация, развитие которой сложно прогнозировать ($M=4,3$) и контролировать ($M=3,6$). При этом у осетинок вызывают трудность ситуации, несущие угрозу их будущему ($M=4,5$). Обе подгруппы чаще используют копинг: Фантазирование и Планомерное решение.

Результаты корреляционного анализа: в ситуациях, требующих активных действий осетины направляют когнитивные и поведенческие усилия на решение ситуации, а карачаевцы — переосмысливают ситуацию, ищут возможности и преимущества. У карачаевок со снижением контроля усиливается надежда на внешние силы, для осетинок снижается вероятность позитивного переосмысления ситуации. В ситуациях, вызывающих сильные негативные эмоции осетинки используют самоконтроль, а карачаевки — пассивный копинг. При необходимости активного реагирования девушки используют активные формы копинга или уменьшение дистанцирования.

Выводы: можно говорить о наличии культурных особенностей в реагировании на ТЖС. Выявленные особенности позволят в дальнейшем описать паттерны поведения, характерные для представителей осетин и карачаевцев.

1. Битюцкая Е.В. Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А.Н. Леонтьева//Вестник Московского университета. Серия 14. Психология.2013.№ 2.С. 40–56;
2. Курилова Е.В., Битюцкая Е.В., Логачева Е.А. Коллективные формы совладания с трудными жизненными ситуациями//Сборник материалов XVIII Международных Чтений памяти Л.С. Выготского. Москва: Левь. 2017. — Т. 2 С. 95–101;
3. Битюцкая Е. В. Опросник способов копинга: методическое пособие. М.:ИИУ МГОУ,2015.-80 с.

Пахомова Я.Н.
Томск, Челябинск, ФГБОУ ВО "ЧелГУ", НИ ТГУ

Гладков Ю.О.
Томск, Челябинск, ФГБОУ ВО "ЧелГУ", НИ ТГУ

Миرونченко М.Н.
Томск, Челябинск, НИ ТГУ,
ФГБОУ ВО ЮУГМУ Минздрава России

Базисные убеждения и жизненные ориентации у пациенток с раком молочной железы

Базисные убеждения, жизненные ориентации, рак молочной железы

Несмотря на повышение уровня выживаемости после лечения онкологических заболеваний в последние годы, рак остается опасным для жизни диагнозом, который оказывает глубокое эмоциональное воздействие даже спустя годы после окончания лечения. Различные психологические исследования среди женщин с раком молочной железы предоставляют возможность использовать полученные данные в работе с пациентами для повышения качества их жизни.

Цель данной работы: выявить взаимосвязь базисных убеждений и жизненных ориентаций у женщин с раком молочной железы. Исследование проводилось на базе ГБУЗ «Челябинский областной клинический центр онкологии и ядерной медицины», в исследовании приняли участие женщины с раком молочной железы на разных стадиях заболевания (N=191). Методики исследования: Шкала базисных убеждений (адаптация М.А. Падун, А.В. Котельниковой), Тест жизненной ориентации (адаптация Д.А. Циринг, К.Ю. Эвниной).

Изучение базисных убеждений во взаимосвязи с жизненными ориентациями — индивидуальными особенностями личности, отражающими уровень оптимизма или пессимизма, — (Циринг, Эвнина, 2013), позволит расширить представления о процессах совладания с ситуацией заболевания и обогатить имеющуюся информацию о характере течения заболевания. Согласно М. А. Падун и А. В. Котельниковой, «базисные убеждения — это обобщенные, имплицитные, устойчивые представления человека об окружающем мире, собственном Я и об отношениях между Я и миром» (Котельникова, Падун, 2012). В ситуации онкологического заболевания обнаруживается высокая значимость системы базисных убеждений. По мере совладания со стрессом система базисных убеждений восстанавливается, однако теперь она отличается от прежней, той, что была до столкновения с травмирующей ситуацией онкологического заболевания.

В результате проведенного эмпирического исследования было обнаружено, что в большей степени у женщин с раком молочной железы выражено убеждение о доброжелательности окружающего мира окружающего мира (M=35,141), по сравнению с другими базисными убеждениями. В результате проведенного корреляционного анализа с помощью критерия г-Спирмена были обнаружены значимые взаимосвязи между всеми показателями базисных убеждений и жизненными ориентациями. Так, чем выше и ярче убеждение о том, что мир

доброжелателен по отношению к человеку, тем выше оптимизм, который согласно ряду исследований, является предпосылкой к выздоровлению ($r=0,359$, $p=0,0001$). Убеждение о справедливости окружающего мира отражает взгляды индивида на принципы распределения удач и несчасть. Чем больше выражено убеждение в том, что хорошие и плохие события распределяются между людьми по принципу справедливости, тем выше уровень оптимизма ($r=0,263$, $p=0,0001$). Убеждение о ценности и значимости собственного Я так же положительно взаимосвязано с оптимизмом ($r=0,476$, $p=0,0001$). Убежденность индивида относительно себя в терминах «везения — невезения» составляет показатель базисного убеждения об удаче, положительно взаимосвязанного с оптимизмом ($r=0,572$, $p=0,0001$). Чем выше показатель убеждения индивида о контроле, о том, что он может контролировать происходящие с ним события и поступать так, чтобы ситуация складывалась в его пользу, тем выше уровень оптимизма ($r=0,493$, $p=0,0001$). В своей интерпретации мы можем также отметить, что чем выше уровень оптимизма у испытуемых, тем выше выраженность базисных убеждений.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были обнаружены положительные взаимосвязи между базисными убеждениями и жизненными ориентациями женщин с раком молочной железы. В перспективе планируется проведение анализа особенностей базисных убеждений и жизненных ориентаций на разных стадиях заболевания с целью определения динамики психологических изменений в процессе лечения.

1. Падун М. А., Котельникова А. В. Психическая травма и картина мира. Теория, эмпирия, практика. М.: Институт психологии РАН. 2012.
2. Циринг Д.А., Эвина К.Ю. Вопросы диагностики оптимизма и пессимизма в контексте теории диспозиционного оптимизма. Психологические исследования, 2013, 6 (31), 6.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00426).

Стратегии российских медиа в период эпидемии COVID-19 и психологические последствия

Медиа, неопределенность, коронавирус, гиперреальность, общество риска, свобода, безопасность, самоизоляция, double bind, регионы России

Пандемия коронавируса стала «черным лебедем». Для многих ситуация оказалась очень травматичной. Невозможность прогнозирования развития событий, социальная изоляция, экономические проблемы, бытовые неудобства способствовали нарастанию состояний тревоги, страха и стресса. Исследователи отмечают, что отображение стрессовой ситуации в субъективной картине мира не менее важно, чем сама стрессовая ситуация в плане влияния на психологическое и психическое состояние человека. Поскольку в первую волну эпидемии велика была неопределенность происходящего и практически отсутствовала возможность обращения к собственному опыту и опыту знакомых, на первый план вышла медийная коммуникация, которая создавала картину мира в период эпидемии. СМИ способствуют конструированию образа опасности или ее отсутствия, через медиа поставляется информация о распространении пандемии, необходимых мерах.

Цель исследования: выявить стратегии СМИ, применяемые при освещении темы COVID-19, и способствующие конструированию образа реальности в ситуации пандемии. Методы исследования: дискурс-анализ новостных сообщений ряда государственных («Вести», «Российская газета», «Москва24», «Вести Новосибирск», «Вести Урал», «Аргументы и Факты Урал») и независимых («Эхо Москвы», «Радио Свобода», «Lenta», «Дождь», «Тайга», «NGS», «Znak Екатеринбург» и «E1») СМИ в первую волну эпидемии (с 22 января по 19 июля 2020 года). Анализировалась динамика, заголовки и содержание публикуемых новостных сообщений. Нас интересовали общий смысл текста, заложенные идеи, заголовки, лиды, метафоры, гиперболы, преуменьшение, сравнения, использование цифр, визуальное оформление.

Показаны различия в стратегиях государственных и независимых СМИ. Государственные СМИ проявляют значительный оптимизм, определенность по поводу быстрого и успешного выхода из эпидемии. Борьба России с коронавирусом преподносится как успешная, а система здравоохранения как эффективная. Деятельность врачей оценивается как героический военный подвиг. В целом, преобладает успокаивающий дискурс: «не нужно паниковать и переживать», «все под контролем» и «мы успешно выходим из эпидемии». Формируется образ не очень серьезной опасности, что заметно контрастирует с вводимыми жесткими ограничениями, контролем и штрафами: если вирус не так страшен и система здравоохранения готова к эпидемии, то почему нужно нарушать привычный ход жизни? Г. Бейтсон описывал такую коммуникативную ситуацию как double bind, при которой субъект получает на разных уровнях коммуникации взаимно противоречащие указания: не стоит бояться вируса, но нельзя вести себя по-прежнему. Не ясно, на какое из посланий нужно реагировать и нельзя выйти из

данной коммуникативной ситуации. Можем предположить, наличие разного рода психологических и иных проблем вследствие разных сигналов, посылаемых государственными СМИ и властными органами. Возможные «шизофренические симптомы» (по Бейтсону): высмеивание темы коронавируса вместо серьезного отношения (гебефреническая реакция); избегание темы и нежелание соблюдать меры (эскапизм); построение конспирологических теорий (параноидная реакция).

Дискурс независимых СМИ — критический. В содержании и заголовках новостей отмечается непоследовательность мер властей и их реализация на практике; публикуются подробности историй болезни умерших, условия пребывания в ковидных госпиталях; подвергается сомнению статистика новых выявленных случаев заражения COVID-19 и смертности. В формулировках заголовков новостей в независимых СМИ можно наблюдать растерянность, отсутствие четкой позиции и неготовность оценивать релевантность вводимых властями мер. Эта неопределенность позиции транслируется читателям.

Таким образом, государственные медиа транслируют успокаивающий дискурс, а независимые — скорее обеспокоенный, критический, алармистский. При этом ситуация такова, что оба подхода могут приводить к негативным психологическим последствиям.

1. Бейтсон Г. К теории шизофрении // Экология разума. М. Захаров, 2000. С. 232–234.

Изучение психологических ресурсов у подростков с ортопедическими заболеваниями

Психологические ресурсы, подростки, ортопедические заболевания

Сохранение психологического здоровья подростков с ортопедическими заболеваниями требует изучения психологических ресурсов. В данном исследовании под психологическими ресурсами мы понимали эмпирически измеряемые индивидуально-психологические и социально-психологические параметры, выраженность которых оказывает влияние на меру психологической адаптированности подростков в ситуации ортопедического заболевания и хирургического лечения.

Целью исследования было раскрытие ресурсной роли социально-психологических и индивидуально-психологических характеристик у подростков с различными ортопедическими заболеваниями в трудной жизненной ситуации, связанной с заболеванием и сложным восстановительным лечением. В исследовании, приняли участие пациенты детской ортопедической клиники 126 (человек) и их родители, а также здоровые подростки (30 человек) и их родители. Основные группы были сформированы на основании клинико-психологического обследования. В них вошли подростки с врожденными и приобретенными ортопедическими заболеваниями, сходными клиническими характеристиками и сохранными возможностями интеллектуального развития. Психодиагностическое обследование включало измерение общего уровня интеллектуального развития с помощью методики Слоссона, применение клинико-биографического структурированного интервью для выявления объективных характеристик жизненной ситуации подростков с ортопедическими заболеваниями; изучение социально-психологических характеристик: параметров родительского отношения к болезни ребенка (ДОБР)(В.Е.Каган, И.П.Журавлева); изучение эмоциональных реакций в ситуации фрустрации (тест фрустрационной толерантности С. Розенцвейга); изучение уровня воспринимаемой социальной поддержки с помощью многомерной шкалы восприятия социальной поддержки (С.Зимет); выявление особенностей самоотношения (опросник В.В. Столина-С.Р. Пантелеева). Для изучения механизмов психической адаптации применялись опросник «Индекс жизненного стиля» (Плутчика-Келермана в адаптации Вассермана) и опросник Амирхана (адаптация Ялтонского, Сироты), для оценки выраженности травматических переживаний применялось полуструктурированное интервью для оценки травматических переживаний детей и подростков (Тарабрина, Щепина, Макачук).

Изучение ресурсной роли социальной поддержки показало, что подростки, страдающие различными ортопедическими нарушениями, одинаково позитивно воспринимают поддержку со стороны семьи. Было показано, что у подростков с приобретенными ортопедическими нарушениями, высокий уровень социальной поддержки со стороны ближайшего социального окружения согласуется с активными копинг — стратегиями. Родительское отношение к болезни ребенка у

подростков с ортопедическими заболеваниями, отличается широким репертуаром реагирования. Было показано, что реалистичная оценка заболевания и большая включенность родителей в процесс преодоления трудностей больным ребенком может способствовать формированию сознательных стратегий преодоления трудностей у их детей. Однако эти стратегии не являются достаточно эффективными с точки зрения психической адаптации при высокой стрессовой нагрузке в условиях госпитализации. Изучение ресурсной роли индивидуально-психологических характеристик показало, что у подростков с ортопедическими заболеваниями, конструктивные реакции эмоционального реагирования в стрессовой ситуации, способствуют включению как эффективных так, и недостаточно эффективных, с точки зрения редукции симптомов травматического стресса, копингов в адаптационный процесс. Была изучена ресурсная роль психометрического интеллекта в совладании с трудностями у подростков с ортопедическими заболеваниями в ситуации сложного восстановительного лечения. Было показано, что высокий уровень интеллектуального развития, может выступать в качестве модератора эмоционального реагирования, обеспечивая выбор оптимальных способов совладания в трудной жизненной ситуации в связи с ортопедическим заболеванием. Высокий уровень социальной поддержки со стороны ближайшего социального окружения и характеристики родительского отношения к болезни ребенка, поддерживая активные стратегии преодоления трудностей, способствуют формированию положительного самоотношения у больных подростков и могут выступать в качестве личностноразвивающего ресурса.

1. Пятакова Г.В. Психологические ресурсы поддержания психического здоровья у детей с ортопедическими заболеваниями //В сборнике: Междисциплинарные подходы к изучению психического здоровья человека и общества. Материалы научно-практической конференции (19 октября 2018 г. Москва): Сборник материалов под ред. Г.П.Костюка:-2019.- М. «КДУ», «Университетская книга».- Ч. 1. — С. 121–128.
2. Пяткова Г.В., Окочешникова О.В., Виссарионов С.В. Копинг-стратегии как адаптационный и личностноразвивающий ресурс у подростков с ортопедическими заболеваниями // Современные проблемы науки и образования. — 2020. — № 5.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=30225>.

Выполнено при поддержке РФФИ, грант №17-29-02321

Взаимосвязь психопатологических симптомов и ранних дезадаптивных схем у людей, переживших насилие в детском и подростковом возрасте

Насилие, ранние дезадаптивные схемы, психопатологические симптомы, детский возраст, геномная нестабильность.

Изучение последствий совершенного насилия — обширная область психологических исследований, которая на протяжении долгого времени не получала достаточного внимания со стороны научной общественности. В последние годы в обществе оформляется нарратив, обеспечивающий выжившим возможность обсуждать психотравмирующий опыт, не боясь стигматизации.

Любой вид насильственного воздействия на индивида не проходит бесследно: насилие оказывает непосредственное влияние на когнитивную и аффективную сферы, личностное и социальное функционирование. Ведётся поиск эпигенетических и нейробиологических коррелятов психологической травматизации [1]. При этом, чем раньше случилась психологическая травма, связанная с насилием, тем более грозными будут последствия. Так, для детей характерно формирование ранних дезадаптивных схем в качестве защитного паттерна поведения [2].

Данное исследование является пилотажным и направлено на предварительную оценку взаимосвязи ранних дезадаптивных схем и психопатологических симптомов у людей, переживших насилие в детском и подростковом возрасте.

В исследовании приняли участие 102 человека, 91 женщина и 11 мужчин, средний возраст 24 года. Используются следующие методики: опросник ICAS-T-R для получения сведений о совершенном насилии; YSQ-S3R (в адаптации Касьяник П.М.) для диагностики ранних дезадаптивных схем; симптоматический опросник SCL-90-R для выявления психопатологической симптоматики.

Согласно данным по методике ICAS-T-R, респонденты могут быть распределены на три группы. Первую группу составили 46 респондентов, испытавших физическое насилие в возрасте 5–13 лет, 80 % из которых со стороны близких родственников (отца, матери, бабушки). Во вторую группу вошли 33 респондента, переживавших эмоциональное насилие в возрасте от 5–13 лет. Среди них 75% — со стороны отца/дедушки/брата или матери/бабушки, 25% — со стороны бывших друзей. Третью группу составили 23 девушки, испытавших попытки или акт сексуального насилия.

Обозначенные группы респондентов обладают общими РДС — покинутость и социальное отчуждение, т.е. для жертв насилия в целом характерно чувство изолированности, ощущение непохожести на других, а также убежденность, что отношения с людьми ненадежны. Помимо этого, для каждой группы удалось выделить специфические РДС. Для первой группы: дефектность и уязвимость, которые взаимосвязаны ($p=0.01$) с межличностной сензитивностью и соматизацией. В настоящее время для них характерны чувство неполноценности, самоосуждение; жалобы на ощущение дисфункции внутренних систем. Для второй группы: РДС

зависимости и жестких стандартов взаимосвязаны с депрессивными переживаниями и соматизацией. Две противоречивые схемы, одна из которых «заставляет» прислушиваться к другим, а другая предъявляет завышенные требования к себе и окружающим, связаны с соматическим дискомфортом и физической болью, а также со снижением интереса к жизни. Третья группа характеризуется сформированными схемами недоверия и негативизма, которые взаимосвязаны с симптомами ОКР и межличностной сензитивностью.

Таким образом, пережившим насилие в детстве и подростковом возрасте свойственны как общие РДС, так и специфические — в зависимости от вида пережитого насилия. Получены предварительные данные в пользу наличия взаимосвязи между РДС и психопатологической симптоматикой. Следующим этапом планируется изучить генетические и нейробиологические корреляты последствий психологической травматизации в детстве и подростковом возрасте.

1. Jiang, S., Postovit, L., Cattaneo, A., Binder, E. B., & Aitchison, K. J. (2019). Epigenetic Modifications in Stress Response Genes Associated With Childhood Trauma. *Frontiers in psychiatry*, 10, 808. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2019.00808>
2. Петрова Е.А. Детские психотравмы: проблема отсроченного влияния на личность взрослого человека // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 79. 96–100.

Исследование поддержано Грантом Президента Российской Федерации (проект МК-1199.2020.6).

Чечурина К.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Пестерева Е.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Вагайцева М.В.
Санкт-Петербург, ФГБУ «НМИЦ онкологии им Н.Н. Петрова МЗ России

Личностные особенности людей, занимающихся волонтерской деятельностью с онкологическими пациентами

Волонтерская деятельность, онкологическое заболевание, личность волонтера, мотивация волонтерской деятельности

Волонтерская деятельность является социально одобряемой формой активности и отвечает потребности человека быть важным и значимым. Одним из направлений этой деятельности выступает помощь людям, находящимся в ситуации онкологического заболевания. Учитывая, что в современном обществе много страхов перед онкологическими заболеваниями, возникает вопрос о том, кто занимается добровольной помощью онкологическим пациентам.

Цель: изучение личностных особенностей людей, занимающихся волонтерской деятельностью с онкологическими пациентами.

Методы: авторская анкета, направленная на выявление мотивов и смыслов волонтерской деятельности; опросник травматических ситуаций (LEQ) [2]; опросник «Отношение к жизни, смерти и кризисной ситуации» А. А. Бакановой [1].

Выборка: 21 волонтер и 21 неволонтер (люди, не занимающиеся волонтерской деятельностью). Возраст респондентов — от 18 до 56 лет, при анализе учитывался возрастной критерий: сопоставлялись результаты респондентов от 18 до 34 лет и от 35 до 56 лет.

Результаты: Ведущим мотивом волонтерской деятельности для 57,1% (12 чел.) волонтеров является наполнение жизни смыслом; наряду с этим, у волонтеров до 35 лет также преобладает мотив самореализации, а у волонтеров от 35 до 56 лет — жизненный принцип помощи тем, кто находится в худшем положении. Неволонтеры в 47,6% (10 чел.) случаев выражают желание стать волонтером, при этом у них наблюдается готовность к организационной волонтерской деятельности, но присутствуют страхи, связанные с контактом с больным человеком (страх привязаться к больному человеку, страх заразиться негативными эмоциями).

Исследование травматических ситуаций (LEQ) показывает, что волонтеры и неволонтеры встречаются в жизни с одинаковыми по содержанию травматическими событиями. Однако у неволонтеров число травматических событий выше, также у них выше индекс травматичности ($p=0,001$) и показатель влияния травматических событий на их жизнь ($p=0,034$).

Изучение отношения к экзистенциальным данностям (опросник А. А. Бакановой) выявляет у волонтеров более осмысленное отношение к жизни и смерти: у них, по сравнению с неволонтерами, выше показатели по шкалам «Принятие

изменчивости жизни» ($p=0,047$), «Отношение к смерти» ($p=0,03$), «Наличие смысла в кризисной ситуации» ($p=0,02$).

Таким образом, у волонтеров индекс травматичности и показатель влияния травматических событий на их жизнь ниже, чем у неволонтеров. При одинаковых по содержанию травматических событиях, встречающихся в жизни волонтеров и неволонтеров, отношение к жизни и смерти волонтеров более осмысленное.

1. Слотина Т.В. Психология личности. — СПб.: 2008. — 304 с.
2. Тарабрина Н.В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч.2. Бланки методик / Тарабрина Н.В. — Москва: Когито-Центр, 2019. — 76 с.

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКА

Артеменко А.В., Шингаев С.М.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности эмоционального интеллекта как профессионально важного качества представителей социономических профессий

Эмоциональный интеллект, профессионально важные качества, профессия социономического типа, коммуникативные навыки, организаторские способности, профессиональный стандарт, образовательный стандарт.

В связи с протекающими процессами социально-экономического развития страны возрастает число представителей социономических профессий. Данный вид деятельности определяет необходимость сочетания таких профессионально важных качеств (далее — ПВК) как: эмпатия, эмоциональная устойчивость, внимательность к своим чувствам и чувствам других, наблюдательность, коммуникативные и организаторские способности [1]. Эмоциональный интеллект (далее — ЭИ) становится важным фактором успешного развития личности не только в обществе, но и в профессии.

Мы считаем, что для представителей социономических профессий ЭИ играет весомую роль и является важным аспектом развития ПВК. Основная гипотеза исследования: уровень развития ЭИ связан с уровнем развития ПВК студентов — будущих представителей социономических профессий. Также мы предполагаем, что уровень развития ЭИ оказывает значимое влияние на уровень развития ПВК (коммуникативные навыки и организаторские способности).

Исследование проводилось на базе СПбГУ. На основном этапе диагностики участвовали 149 человек — студенты и магистранты СПбГУ различных направлений подготовки. Из них 118 девушек и 31 юноша. Возраст респондентов варьировался от 17 до 37 лет. Сбор эмпирических данных проводился с применением методик: тест ЭмИн Д. В Люсина; опросник (SREIT) Н. Шутте; опросник эмоциональной эмпатии А. Мехрабиана; личностный опросник Айзенка; (КОС-2); авторская анкета А.В. Артеменко, С.М. Шингаев; большая пятёрка» личностных качеств А. Г. Грецов.

Результаты исследования показали, что ЭИ и его компоненты: «понимание эмоций» и «управление ими» имеют статистически значимую связь с показателями «коммуникативные навыки» (экстраверсия, доброжелательность, открытость к новому опыту, сознательность) и «организаторские способности» ($p \leq 0,01$; $r \geq 0,3$). Люди, обладающие в большей степени развитым ЭИ (понимание эмоций и управление ими), могут быть более эффективны во взаимодействии и сотрудничестве с коллективом.

Обнаружение большого числа корреляций послужило основанием для проведения линейного регрессионного анализа ЭИ и ПВК.

1. Было обнаружено статистически значимое влияние предикторов «Сензитивность к отвержению», «Присоединение», «Управление эмоциями» и «Межличностный эмоциональный интеллект» на зависимую переменную «Коммуникативные навыки» ($R^2=0,56$; $p0,01$). 56% дисперсии зависимой переменной «Коммуникативные навыки» объясняется влиянием предикторов.

2. Было обнаружено статистически значимое влияние предикторов «Сензитивность к отвержению», «Присоединение», «Управление эмоциями» (по методике Шутте и Люсина) и «Межличностный эмоциональный интеллект» на зависимую переменную «Организаторские способности» ($R^2=0,495$; $p0,01$). 50% дисперсии зависимой переменной «Организаторские способности» объясняется влиянием предикторов.

Выявленное влияние может быть объяснено тем, что развитие коммуникативных навыков и организаторских способностей полно описывается триадой коммуникативных свойств — эмпатией, тенденцией человека к взаимодействию, сближению во время контакта, его чувствительностью к обратной связи от собеседника, которые связаны со способностями к пониманию и управлению эмоциями.

Авторская анкета позволила изучить представления студентов об ЭИ и ПВК. По результатам контент-анализа было установлено, что респонденты определяют ЭИ как способность личности, которая помогает понимать (98%) свои эмоции и эмоции других людей, управлять (48%) ими и адекватно реагировать на различные эмоциональные проявления (35%), а также успешно адаптироваться к окружающей среде (35%) и гармонично социализироваться в обществе (46%).

Таким образом полученные данные подтвердили особенность феномена и необходимость его включения в профессиограммы представителей социномических профессий.

1. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Дэниел Гоулман; пер. с англ. А.П. Исасвой. — 7-е изд. — М.: Манн, Иванов и Фебер, 2019. — 544 с.

Степень вовлеченности студентов в условиях цифровизации образовательного процесса

Вовлеченность, цифровизация, студенты, нейросети

Проблема вовлеченности студентов исследуется с 1984 года (Astin, 1984). Вовлечение студентов в образовательный процесс широко обсуждается и становится предметом исследования, что связано не только со стремлением улучшить обучение в целом, но и с проблемой дистанционного образования, которое становится более актуальным в связи с пандемией. Ученые, исследующие вовлеченность студентов в образовательный процесс, указывают на их активность, личный вклад в обучение, то есть рассматривают студента как субъекта учебной деятельности (Киуру, Попова, 2018; Гофман, 2003; Литвинова, Киселева, 2016; Малошонок, 2013 и др.).

Наше исследование направлено на изучение вовлеченности студентов в образовательный процесс в условиях дистанционного обучения. В исследованиях приняли участие студенты КФУ различных профилей. Исследование проводилось во время лекционных и семинарских занятий, реализованных в системе Microsoft Teams с использованием системы цифрового мониторинга «Экзамус» (нейросеть, обученная анализировать по лицевой экспрессии информацию о мимике и пантомимике человека, находящегося у монитора). Вовлеченность, на основе анализа научной литературы, определялась через совокупность таких состояний, как безучастие /увлечение, равнодушие/заинтересованность, пассивность/активность, вялость/бодрость, отрешенность/соучастие, отвлечение/сосредоточенность, рассеянность/ внимательность, желание закончить занятие/желание продолжить занятие, которые оценивались параллельно с нейросетью самими студентами. Замеры производились примерно каждые 10 минут в течении двух пар (10.10–11.40; 11.50–13.20).

Студенты демонстрировали различную динамику вовлеченности в течении занятий. Ряд студентов стабильно удерживали интерес к занятию, хотели продолжения пары. Но также встречались данные, показывающие сильное варьирование вовлеченности на занятиях. В течении 10 минут безучастность, равнодушие, отрешенность, рассеянность сменялись на увлеченность, заинтересованность, соучастие и внимательность. Динамика вовлеченности не всегда была привязана к началу или концу занятий, спад вовлеченности студентов не всегда приходился на конец пары, когда возможны усталость и утомление. Мы полагаем, что изменения связаны с содержанием и форматом образовательного процесса. Начало пары сопровождается пассивностью, отвлеченностью, на завершении каждой пары вовлеченность увеличивается, а именно отмечается высокая заинтересованность, внимательность, желание продолжить занятие. Сильное варьирование значений вовлеченности было выявлено в середине пар, когда студенты каждые 10 минут демонстрировали различную степень вовлеченности в образовательный процесс.

Таким образом, динамика вовлеченности студентов определяется рядом показателей, относящихся к временному континууму и содержанию занятий. Задачей нашего исследования было определить, сохраняется ли вовлеченность студентов в образовательный процесс в условиях удаленного обучения, когда отсутствует непосредственный контакт субъектов учебной деятельности.

1. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. /И. Гофман; под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. — Москва: Институт социологии РАН, 2003. — 752 с.
2. Киуру, К.В., Попова, Е.Е. Проблема студенческой вовлеченности в процесс обучения в условиях онлайн-образования / К.В. Киуру, Е.Е. Попова // Проблемы современного педагогического образования. — 2018. — № 59. — С. 380–384.
3. Литвинова, Е.Ю., Киселева, Н.В. Структурная модель вовлеченности обучающихся в непрерывное образование / Е.Ю. Литвинова, Н.В. Киселева // Социальная психология и общество. — 2016. — № 3. — С. 5–17.
4. Малошонок Н.Г. Измерение студенческой вовлеченности: основные методы и их ограничения / Н.Г. Малошонок // Социология. — 2013. — № 36. — С. 177–199.
5. Astin A. Student involvement: a developmental theory for higher education / A. Astin // Journal of College Student Development. — 1984. — № 4. — P. 297–308.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Психологическая модель вовлеченности субъектов учебной деятельности на основе нейросетевого анализа в цифровой образовательной среде», № 20-04-60201

Специальные регуляторные ресурсы успешности по русскому языку в средней школе

Осознанная саморегуляция, исполнительные функции, успешность по русскому языку, специальный ресурс

Уверенное владение родным языком является значимым фактором достижения образовательных целей. Уровень грамотности напрямую связан с возможностями продолжения обучения выпускников и перспективами профессионального развития.

Последние годы учителя высказывают беспокойство по поводу общей тенденции у обучающихся к снижению уровня владения русским языком. Исследования выявили многочисленные факторы, способствующие и препятствующие этой тенденции. С уверенностью можно утверждать, что регуляторные компетенции, в частности, осознанная саморегуляция достижения целей (СР) и исполнительные функции (ИФ) (executive functions) вносят значимый положительный вклад в успешность овладения нормами родного языка на протяжении всего периода школьного обучения (Моросанова и др., 2020, Velitchkovsky et al, 2019). Однако, остается открытым вопрос специфики совместного вклада СР и ИФ в эту успешность. Вопрос оценки успешности по родному языку до настоящего времени остается дискуссионной проблемой как в отечественной, так и в зарубежной психологии (Pinkstone, 2021).

Целью исследования является эмпирическая верификация ресурсного подхода к осознанной саморегуляции, где СР и ИФ рассмотрены в качестве специальных ресурсов успешности по русскому языку у учащихся в средней школе.

Выборка. Участники исследования: учащиеся школ в возрасте 13–15 лет (N=286): 7 кл. (N=147) и 9 кл. (N=139).

Методы. 1. Опросник «Стиль саморегуляции учебной деятельности (ССУД-М 52). 2. Задание Эриксона (ИФ подавление интерферирующих стимулов), задача «Буква-цифра» (ИФ переключение внимания), задача N-Back (ИФ рабочая память). 3. Матрицы Равена — для оценки флюидного интеллекта. 4. Успешность по русскому языку: годовая оценка и языковые компетенции (по Е.Д. Божович) по различным разделам русского языка (орфография, пунктуация, лексика, синтаксис и т. д.).

Структурная модель, основными компонентами которой выступили СР, ИФ, языковые компетенции, интеллект и годовая оценка по русскому языку, выявила специфический вклад регуляторных предикторов в успеваемость по русскому языку. Модель показала высокую согласованность теоретических предположений и эмпирических данных ($\chi^2/df = 1,19$; $p = 0,04$; $GFI = 0,92$; $CFI = 0,95$; $RMSEA = 0,029$; $PCOSE = 0,99$). Оба регуляторных фактора вносят опосредствующий вклад в успеваемость. Вклад СР через интеллект составил 17% дисперсии. ИФ влияет на итоговый балл посредством вклада в языковые компетенции ($\beta = .96$). Влияние последних на годовую оценку, в свою очередь, достигает 60% дисперсии.

СР и ИФ образуют единую иерархическую систему регуляторных компетенций: вклад ИФ в саморегуляцию составил 35% дисперсии, подтверждая предположения исследователей, что метакогнитивные уровни СР и ИФ тесно связаны в своем развитии (Roebbers, Feurer, 2016). Полученные результаты раскрыли специфику СР как специального ресурса достижения успешности по предмету русский язык. Развивая регуляторные компетенции — планирование, моделирование, оценку результатов и т.д., мы вносим вклад в интеллект и годовую оценку по предмету русский язык. Акцент на развитии памяти, внимания, концентрации внимания, способствует улучшению языковых компетенций по конкретным разделам родного языка.

1. Моросанова В., Бондаренко И., Фомина Т. Вклад исполнительных функций и осознанной саморегуляции в успешность по русскому языку в средней школе // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2019. — № 12(4). — 54–66.
2. Pinkstone J. Teachers give better grades to good boys and girls, study claims / The Telegraph // 20.05.2021
3. Roebbers C., Feurer E. Linking Executive Functions and Procedural Metacognition Child Development perspective. — 2016. — № 10(1). — 39–44.
4. Velichkovsky B., Bondarenko, I., Morosanova, V. The relationship between executive functions and language competences in middle school children // Psychology in Russia: State of the art. — 2019. — № 12(1).

Эффективность образовательных технологий смешанного типа в высшем образовании: анализ результатов отечественных исследований

Образовательные технологии смешанного типа, высшее образование, эффективность

Цифровизация отечественного образования и широкое применение современных образовательных технологий смешанного типа актуализировала проблему их эффективности в высшем образовании. Цель исследования — систематизация научной информации о проблеме эффективности современных образовательных технологий смешанного типа и опыте ее определения в отечественных вузах. Методология и методики исследования. Аналитический обзор отечественных научных публикаций. Проанализировано 219 источников, изданных с 2010 г. Для реализации поставленной цели авторы применили методы контент-анализа, сравнительно-сопоставительного и контекстологического анализа, обобщения и систематизации, аналитической группировки.

Анализ отечественных публикаций позволил выделить два основных направления. Первое направление представлено исследованиями, основной целью которых выступает экспериментальное подтверждение эффективности в реализации отдельных образовательных технологий смешанного типа: технология модульного обучения с применением системы управления обучением MOODLE [1], технология электронных междисциплинарных проектов [3], технология «перевернутый класс» [4] и др. Как правило, исследователи выбирают в качестве экспериментальной базы малую выборку в объеме академической группы, изучающей одну дисциплину или группу дисциплин в рамках одного учебного модуля. Второе направление представлено исследованиями, ориентированными на поиск и анализ организационно-педагогических и психолого-педагогических условий, определяющих эффективность применения современных образовательных технологий. В результате в условиях информатизации высшего образования экспериментально определено оптимальное соотношение долей применения в обучении традиционных и электронных образовательных технологий, которое должно быть поддержано на уровне 30% и 70% соответственно. Описан опыт применения балльно-рейтинговой системы как средства наиболее объективной оценки качества работы обучающихся при реализации модели смешанного обучения [2]. Определены организационные и педагогические условия эффективного сочетания очного и дистанционного форматов обучения для технических специальностей. На основе анализа опыта реализации программ дополнительного профессионального образования выявлены механизмы повышения эффективности образовательного процесса с использованием моделей смешанного обучения, а именно, усиление эмоциональной составляющей при трансляции учебной

информации с опорой на презентацию материала в структурно-логических схемах и применение каскадного метода обучения. Изучена специфика академической активности студентов с использованием в образовательном процессе цифрового контента и мультимедийных технологий [5].

Таким образом, анализ показал, что отечественные исследования носят, в большей степени, «точечный» характер в изучении эффективности образовательных технологий смешанного типа и ориентированы, преимущественно, на выявление отдельных свойств в интеграции гуманитарных и цифровых образовательных технологий.

1. Иванова О.В. Опыт использования технологии модульного обучения в вузе средствами MOODLE // Образовательные технологии. 2014. №3. С. 87–99.
2. Киреев Б.Н. Использование балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов в «смешанном» обучении // Вестник НИЦ МИСИ: Актуальные вопросы современной науки. 2018. № 14. С. 5–12.
3. Красавина Ю.В., Шихова О.Ф. Метод электронных междисциплинарных проектов как эффективная форма организации самостоятельной работы студентов вуза // Образование и наука. 2017. Т. 19. №1. С. 160–176.
4. Леган М.В. Организация и оценка качества смешанного обучения магистрантов по модели «перевернутый класс» // Качество. Инновации. Образование. 2017. № 3 (142). С. 9–16.
5. Малошенок Н.Г. Взаимосвязь использования Интернета и мультимедийных технологий в образовательном процессе со студенческой вовлеченностью // Вопросы образования. 2016. №4. С. 59–83.

Психологические особенности очной формы обучения в период пандемии

Образовательный процесс, очная форма обучения, психологические особенности, пандемия

Согласно докладу «Высшее образование: уроки пандемии» самым главным вызовом, в полной мере коснувшимся образовательные организации высшего образования стали психологические сложности обучающихся. В докладе было отмечено, что в ситуации пандемии эмоциональные проблемы и психические расстройства обучающихся усугублялись, изменилось их просоциальное поведение [1].

Необходимость решения психолого-педагогических вопросов образования и разрешения проблем личностного характера была отмечена на видеоконференции Специальной группы министров образования, проведенной ЮНЕСКО в начале марта 2020 года [2]. В ходе обсуждения состояния дел в различных странах в период пандемии было отмечено, что: внимание должно уделяться не только принятию решений по внедрению дистанционного формата обучения, но и оказанию педагогам и обучающимся как академической, так и эмоциональной поддержки; поддержанию уровня мотивации педагогов, обучающихся и их родителей (законных представителей) [2].

Среди десяти рекомендаций созданной ЮНЕСКО Специальной группы министров образования [2] по обеспечению непрерывности образовательного процесса в экстремальной ситуации отмечено: уделение приоритетного внимания решениям психосоциальных проблем; оказание помощи педагогам в подготовке базовых условий, необходимых для обеспечения непрерывности процесса обучения; определение продолжительности единиц дистанционного обучения на основе навыков саморегуляции обучающихся; поддержание ритма обучения в соответствии с уровнем саморегуляции и метакогнитивных навыков обучающихся; поддержание социальных связей [2].

В конце 2020 года Центром экстренной психологической помощи МЧС России был проведён анализ суицидальных инцидентов с личным составом в системе МЧС России. Согласно полученным выводам, в ситуации пандемии необходимость соблюдения мер безопасности и самоизоляции, изменение привычного уклада жизни большинства населения существенно повлияло на общее психологическое самочувствие как населения в целом, так и личного состава МЧС [3].

В период пандемии Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России стал одним из тех университетов, которые не допустили ни одного пропуска учебных занятий, перейдя на удалённый формат работы в виде вебинаров. Для анализа затруднений адаптации обучающихся к дистанционным условиям образования нами было проведено исследование [4, 5].

Исследование психологических особенностей перевода очной формы обучения в дистанционный формат в период пандемии показал: в начальном периоде пандемии

одним из главных вызовов, с которым столкнулись образовательные организации высшего образования, стали психологические сложности обучающихся; в период пандемии многие участники образовательного процесса столкнулись с проблемами личностного характера; прямой перенос лекций со слайдовым сопровождением из аудитории в вебинарную комнату может быть оправдан крайней мерой экстренного перевода на дистанционный формат обучения и должен стать основой для постановки важной психолого-педагогической проблемы для новой цифровой дидактики; проблемы психологического характера в адаптации к дистанционному формату обучения детерминируют разработку систем мер психологической поддержки участников образовательного процесса [4, 5].

1. Высшее образование: уроки пандемии. [Авт. коллектив: М.О. Абрамова и др.]. URL: http://www.tsu.ru/upload/iblock/аналитический%20доклад_для_МОН_итог2020_.pdf (дата обращения: 14.06.2021).
2. Обучение продолжается: ЮНЕСКО объединяет международные организации, гражданское общество и партнеров из частного сектора в широкую Коалицию по вопросам образования. URL: <https://ru.unesco.org/news/obuchenieprodlzhaetsya-yunesko-obedinyayet-mezhdunarodnye-organizacii-grazhdanskoe-obshchestvo> (дата обращения: 13.04.2021).
3. Письмо МЧС России от 07.04.2021 № М-4-855 Анализ гибели (смерти) личного состава в системе МЧС России и анализ суицидальных происшествий с личным составом МЧС России за 1 квартал 2021 года
4. Проблемные вопросы качества профессионального образования при применении дистанционных образовательных технологий в очной форме обучения / Р.Е. Булат, Х.С. Байчорова, А.Ю. Лебедев [и др.] // Человеческий капитал. 2021. № 3(147). С. 97–113. DOI 10.25629/НС.2021.03.09.
5. Психолого-педагогические ресурсы повышения готовности обучающихся к образовательному процессу в условиях электронной информационно-образовательной среды / Р.Е. Булат и др. // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2020. № 3. С. 172–178.

Особенности индивидуального стиля саморегуляции студентов медицинского университета

Индивидуальный стиль саморегуляции, студенты

Изучение уровня развития и осознанности процессов самоорганизации становится важным в студенческом возрасте, максимально благоприятном для обучения и профессиональной подготовки. Индивидуальный стиль саморегуляции является предпосылкой формирования стиля деятельности, поскольку характеризует планирование и программирование достижения цели, значимые условия окружающей действительности, оценку и коррекцию собственной активности для получения субъективно приемлемых результатов.

Цель исследования: изучение особенностей осознанной саморегуляции личности. Методика: «Стиль саморегуляции поведения ССП-98» (В. И. Моросанова, Е. М. Коноз). Эмпирическая база: 50 студентов 1 курса медико-психологического факультета Гродненского государственного медицинского университет (29 девушек и 21 юноша в возрасте 17–20 лет).

Результаты и их обсуждение. У половины студентов (54%) 1 курса обнаружено преобладание среднего уровня осознанной саморегуляции, низкий и высокий уровни у 22% и 24%, соответственно. Для студентов характерно достаточно осознанное планирование деятельности, реалистичность, детализированность и устойчивость планов и целей деятельности. Однако, необходимо отметить: 1. Недостаточно развита способность выделять значимые условия для достижения целей в текущей ситуации, гибко менять программу действий. 2. Недостаточная сформированность потребности продумывать способы поведения для достижения целей, детализированность и развернутость программы действий, импульсивность действий в определённых ситуациях. 3. Недостаточная развитость и адекватность самооценки, сформированность и устойчивость субъективных критериев оценки успешности достижения результатов. 4. Недостаточная пластичность регуляторных процессов, что может проявляться в неспособности быстро оценить изменение значимых условий и быстро перестроить программу действий. 5. Незрелость регуляторной автономности, зависимость от мнений и оценок окружающих.

Контрастные особенности осознанной саморегуляции могут привести к ухудшению результатов деятельности, возникновению трудностей и неудач в выполнении деятельности. В целом, для студентов медицинского университета на этапе адаптации к новым условиям характерна недостаточная осознанность и взаимосвязанность в структуре индивидуальной регуляции регуляторных звеньев. Студенты не в полной мере гибко и адекватно реагируют на изменение условий деятельности, у них пока не сформирован такой стиль саморегуляции, который позволяет компенсировать влияние особенностей личности для достижения успехов в учебной деятельности.

Выявленные особенности развития студентов требуют активной работы и коррекции на начальном этапе обучения в вузе. Актуальным представляется

психолого-педагогическое сопровождение студентов, направленное на формирование особенностей саморегуляции произвольной активности, способствующее развитию самостоятельности, гибкости, надёжности.

1. Морсанова, В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека / В. И. Морсанова. — М.: Наука, 2001. — 192 с.

Роль дидактической игры в процессе обучения российских дошкольников китайскому языку

Дидактические игры, речевые умения, дошкольник, китайский язык

Дидактические игры имеют большой педагогический потенциал и активно применяются в образовательном процессе с давних времен. Особенно важна их роль при изучении иностранных языков. Игра способствует развитию речевой инициативы, усиливает коммуникативную направленность обучения. Дети погружаются в особую атмосферу и неосознанно включаются в познавательную деятельность [3]. Под дидактической игрой понимаются учебные занятия, организуемые в виде игр с соблюдением принципов активного обучения, соответствующих правил, фиксированной структуры игровой деятельности и системы оценивания, что дает возможность осуществлять задачи воспитания и обучения через доступную и привлекательную для детей форму деятельности [2]. Анализ литературы показал, что проблема обучения китайскому языку некитайских детей младшего возраста с помощью дидактических игр требует теоретико-эмпирической разработки, с тем чтобы установить влияние дидактических игр на развитие речевых умений у дошкольников [4, 5].

В 2020 г. мы провели пилотажное исследование в школе китайского языка «ШэнТан» и в партнерском детском саду. Цель исследования — выявить, какие виды дидактических игр используются для речевого развития детей. Ход исследования: опрос педагогов, посещение занятий по изучению китайского языка дошкольниками. Было опрошено 12 учителей китайского языка, вопросы касались отношения педагогов к применению дидактических игр в учебном процессе, видов этих игр, частоты и эффекта использования их на занятиях, условий организации игр и др.

По результатам опроса установили, что уроки обычно проводятся в маленьких группах (≤ 4 человек) или индивидуально (1 на 1). В основном, используются 2 вида учебных пособий для детей («Простой шаг в китайский язык для детей», изд. ВLCU., 2012, 8 т.; «Учитесь у меня китайскому языку», изд. Народное образование, 2009, 2 т.).

Почти все учителя используют дидактические игры на уроках, чаще всего, это словесные и ролевые игры, игры-загадки, игры-диалоги, пазлы и др. В игровых ситуациях дети более активные, с интересом выполняют задания и легче запоминают учебный материал. При этом дети отдают предпочтение динамическим играм, потому что они в большей степени соответствуют их живой натуре. Например, пальчиковые игры, «найти друзей» и др.

Пилотажное исследование показало, что для речевого развития дошкольников при изучении китайского языка учителя применяют дидактические игры, но не всегда этот выбор соответствует поставленной задаче урока, возрастным и психофизиологическим особенностям детей. При организации дидактической игры важно учитывать возраст, опыт, интересы, симпатии воспитанников [1], соблюдать дидактические принципы наглядности, доступности, научности, связи теории с

практикой, преемственности и др., чтобы результат применения игр способствовал развитию речевых умений дошкольников.

1. Голованова Н. Ф. Педагогика: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Н. Ф. Голованова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 377 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-00845-6.
2. Кругликов В. Н. Активное обучение в техническом вузе: Теоретико-методологический аспект: дис. и автореф. д.п.н. 13.00.01 / В. Н. Кругликов; Санкт-Петербургский государственный университет — СПб, 2000. — 424 с.
3. Дьяченко Л. А. Ролевая игра в процессе обучения иностранному языку / Л. А. Дьяченко // Проблемы современной науки и образования. — 2015. — № 34. — С. 146–150.
4. Насибулина П. Б. Трудности при обучении китайской письменности и пути их преодоления / П. Б. Насибулина // Проблемы педагогики. — 2018. — № 2 (34). — С. 38–42.
5. Рычагова Е. С. Педагогические условия развития диалогической речи в процессе общения детей четырех-пяти лет в игре: автореф. дис. кан. пед. наук: 13.00.01 / Рычагова Елена Сергеевна; Ин-т психолого-пед. проблем детства РАО. — Москва, 2012. — 23 с.

Динамика духовных ориентаций личности студентов деонтологического профиля в период обучения в вузе

Духовные ориентации личности, студенты вуза, деонтология

Особое место в становлении ценностной системы личности занимает период обучения в вузе, так как это сензитивный период для формирования духовно-нравственных ориентиров в контексте профессионального развития. В этой связи подготовка в условиях вуза специалистов, профессиональным ядром которых является деонтология, обретает особую важность. Компетенции подготовки в вузе будущих специалистов деонтологического статуса нацелены на формирование «деонтологического менталитета», который подразумевает развитие ценностно-смысловой сферы личности студентов, интериоризацию просоциальных ценностей, формирование человекоориентированности [1; 2].

Весной 2021 года нами было проведено исследование, в котором проверялось предположение о том, что в период обучения в вузе происходит динамика духовно-нравственных ориентаций личности студентов деонтологического профиля, которая проявляется в смене духовных ориентиров. При этом мы исходили из понимания духовно-нравственных ориентаций как сложного образования в структуре ценностно-смысловой сферы личности, включающего духовную и нравственную составляющие. Духовная составляющая духовно-нравственных ориентаций личности представлена смыслообразующим вектором и определяет цель, поиск смыслов, их преобразование.

В исследовании приняли участие студенты Социально-психологического института КемГУ. Выборку составили 110 респондентов получающих образование деонтологического профиля — по специальности «клиническая психология», по направлениям «психология» и «социальная работа». 73 студента обучались на первых курсах, 37 — на выпускных курсах. В исследовании применена методика «Духовный дифференциал» предложенная Г.А. Аминовым и коллегами на основе культурологических разработок о духовной личности и теории семантического дифференциала Ч. Осгуда. Авторы включили в методику 3 шкалы: духовная сила, духовная красота и духовная активность. Первичные результаты были подвергнуты сравнительному анализу с расчетом критерия Стьюдента.

Сравнение показателей шкал методики «Духовный дифференциал» студентов первокурсников и студентов выпускников позволяет говорить о динамической смене духовных ориентаций у будущих специалистов деонтологического статуса в период обучения в вузе. Ориентация на духовную красоту достоверно выше у студентов-первокурсников ($M = 13,43$ против $M = 11,51$; $p = 0,001$), а ориентация на духовную силу — у студентов-выпускников ($M = 13,54$ против $M = 10,89$; $p = 0,003$). Данная динамика видится нам закономерной как в контексте возрастного развития, так и профессионального. Студенты младших курсов еще скромны в своих профессиональных претензиях, склонны ориентироваться на старших, в том числе опытных профессионалов, испытывают благодарность к окружающим за вклад в их

становление. Студенты старших курсов сильны духом, верят в добро, миролюбивы и благоразумны, контролируют свое поведение в социуме и самостоятельно делают свой жизненный выбор, то есть им хватает ресурса для поддержки, как самих себя, так и нуждающихся других.

Учет конкретной специальности и направления подготовки студентов выявил специфику динамической смены духовных ориентаций личности респондентов. Особенность динамики обнаружена у студентов направления «социальная работа». Первокурсники данного направления, как и других направлений, ориентированы на ценности духовной красоты, а вот старшекурсники ориентированы на ценности духовной активности, а не духовной силы. Выпускники направления «социальная работа» отличаются не силой, а скорее твердостью духа, настроены преодолевать трудности, проявлять решительность, настойчивость, и при этом готовы уважать старших и соблюдать субординацию в отношениях. Выявленные преобразования в духовной составляющей духовно-нравственных ориентаций личности студентов деонтологического профиля могут быть использованы в организации психолого-педагогического сопровождения процесса профессионального развития выделенной категории обучающихся в условиях образовательной среды вуза.

1. Аршинова Е. В., Билан М. А. Динамические аспекты интернализации профессиональных ценностей будущих специалистов деонтологического профиля // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 106–116. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-106-116>
2. Аршинова Е. В., Билан М. А., Браун О. А., Янко Е. В. Ценностные составляющие Я-образа студентов деонтологического профиля подготовки в процессе обучения в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 387–396. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-387-396>

Гусева Н.А.
Санкт-Петербург, ЧОУ ВО "Институт специальной педагогики и психологии"

Крайнюков С.В.
Санкт-Петербург, СПб ГАОУ ВО "СПбГИПСР"

Бондарева М.О.
Санкт-Петербург, СПб ГАОУ ВО "СПбГИПСР"

Новикова И.А.
Санкт-Петербург, СПб ГАОУ ВО "СПбГИПСР"

Психические состояния и ранние дезадаптивные схемы у студентов вузов в период пандемии COVID-19

Пандемия COVID-19, тревога, депрессия,

Введение: В настоящее время еще немного работ, которые не только фиксируют возрастание тревожно-депрессивной симптоматики в условиях пандемии, но содержат попытки выявления личностных детерминант реагирования [1].

Цель исследования: выявить связи выраженности субъективной трудности и тревожно-депрессивной окраски переживания ситуации пандемии и активизации ранних дезадаптивных схем (РДС). Основная группа — 90 человек, студенты очного и очно-заочного отделения, в возрасте от 18 до 33 лет, средний возраст 21,5 лет, 85% женщин и 15% мужчин. В контрольную группу были отобраны респонденты, которые работают или временно не работают, группа выровнена по полу и возрасту, условиям проживания (метраж помещения на человека, наличие/отсутствие детей), общая выборка — 71 человек. Исследование проводилось в апреле 2020 года. Методы: Авторская анкета; Схемный опросник (J.E. Young, 2005; в адаптации П.М. Касьяника с соавт., 2016). Интегративный тест тревожности (Бизюк А.П. с соавт., 2005); Шкала депрессии А.Бека (взрослый вариант). Сравнительный анализ (U-критерий Манна-Уитни), корреляционный анализ (r-критерия Пирсона), IBM SPSS Statistics v21

Результаты: В основной группе достоверно чаще респонденты находятся на чем-то иждивении. В остальном статистически достоверных отличий не выявлено, что позволяет предполагать, что особенности психических состояний и характера проживания ситуации самоизоляции у молодых людей не вызваны родом занятий (обучением или работой). В основной группе выявлена тесная взаимосвязь ($p \leq 0,01$) между субъективной легкостью адаптации к ситуации пандемии, выраженностью депрессии, а также всех компонентов тревоги как ситуативной, так и личностной. Средняя выраженность депрессивных тенденций в группе соответствует легкой депрессии, при этом группа неоднородна, половина группы не имеют признаков депрессии, тогда как вторая половина имеет признаки легкой (10%), умеренной (25,5%), выраженной (10%) и тяжелой (4,5%) депрессии. Схожая ситуация наблюдается в отношении тревожности: среднее значение соответствует 5 стенайнам, при этом половина опрошенных относится к группе повышенной тревожности. Таким образом, выявляется группа студентов (примерно половина

опрошенных), которая демонстрирует на моменте адаптации к новой социальной ситуации риск тревожно-депрессивных расстройств.

Легкость проживания ситуации наиболее тесно отрицательно связана ($p \leq 0,01$) с количеством метров в помещении на человека, то есть в маленьком помещении и при большой скученности людей, сложнее переносить ситуацию самоизоляции, более выражены признаки тревоги и депрессии. Интересны связи между субъективной легкостью переживания ситуации с активизацией ранних дезадаптивных схем (РДС). Наиболее тесные обратные связи ($p \leq 0,01$) обнаружены с РДС "покинутость", "уязвимость", "негативизм". Схемы "покинутости" и "уязвимости" связаны с отсутствием стабильной заботы и защиты в раннем опыте, что негативно влияет на самооценку и навыки самоподдержки. "Негативизм" складывается под влиянием пессимистичной картины мира окружающих ребенка людей, и их фиксации на ошибках, что впоследствии закрепляется в личности человека.

Выводы: Пандемия спровоцировала у значительной части студентов вузов развитие тревожно-депрессивных симптомов, при этом их выраженность связана с условиями проживания, не связана с родом занятости. В наибольшей степени трудность переживания пандемии определяется схемами покинутости, уязвимости, негативизма. Учет РДС важен для разработки личностно-ориентированных подходов к помощи студентам.

1. Крайнюков С.В., Бондарева М.О., Гусева Н.А., Новикова И.А. Влияние ранних дезадаптивных схем на отношение к пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 //Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Материалы международ. научно-практической конференции. Москва, 18–19 ноября 2020 г. / Под ред. Холмогоровой А.Б.и др.. — М. ФГБОУ ВО МГППУ, 2020 — с.90–93

Преподаватели и студенты о невербальной коммуникации в условиях онлайн-обучения

Невербальное взаимодействие, педагогическая коммуникация, онлайн-обучение.

Невербальная коммуникация — это общение без слов, передача информации при помощи жестов, мимики и других визуальных и голосовых сигналов, влияющих на то, как сообщение передается преподавателем и интерпретируется студентом. Но всегда ли в онлайн-обучении это важно? Или достаточно только информации по учебному курсу? Обращается ли внимание коммуникантов на такие компоненты невербального взаимодействия, как поза, одежда, мимика преподавателя, окружающие его предметы?

Проблема невербальной коммуникации в психолого-педагогических исследованиях изучается в разных аспектах. Так, устанавливается роль контекста в интерпретации невербальных сигналов [1], определяется влияние невербального поведения педагога на мотивацию и эмоциональное состояние обучающихся [2] и др. Однако роль невербальной коммуникации в онлайн-обучении рассмотрена недостаточно широко. В этой связи мы провели пилотажное исследование в рамках инициативного исследовательского проекта «Невербальная коммуникация в условиях онлайн-обучения».

Цель исследования — выявление отношения преподавателей и студентов к невербальной коммуникации в онлайн-обучении, а также имеющихся проблем в этом спектре деятельности педагога. Методы исследования — анкетирование, контент-анализ результатов опроса. Описание выборки. 110 студентов 3–4 курсов различных направлений бакалавриата СПбГУ и других вузов; 20 преподавателей из Санкт-Петербурга, Москвы, Элисты.

Результаты изложены в соответствии со следующими задачами: 1) Установить, на какие средства невербальной коммуникации во взаимодействии с преподавателем в онлайн-среде обращают внимание студенты. 2) Определить, учитывают ли преподаватели средства невербальной коммуникации в учебном процессе. 3) Выявить, какие трудности они испытывают в процессе онлайн общения со студентами.

Результаты опроса студентов показали, что при встрече с преподавателем онлайн-курса они обращают внимание на мимику (77%), жесты (61%), голос и интонацию (45%), окружающее пространство (25%), внешний вид (22%), одежду (16%), позу (11%), направление взгляда (10%); 10% студентов констатировали, что преподаватели не включают камеру. Для 85% студентов невербальная коммуникация в онлайн-обучении важна, 10% затруднились ответить, 5% ответили «нет».

Большинство преподавателей (80%) уделяют внимание средствам невербальной коммуникации при подготовке к занятиям онлайн: жестам (30%), внешнему виду (25%), организации пространства (25%), модуляциям голоса и мимике (по 15%). Не придают значения невербальной коммуникации 10% опрошенных и «не знают, что это такое» также 10%. Среди трудностей преподаватели отметили отсутствие

зрительного контакта из-за выключенных камер студентов (50%), недостаток живого общения (20%), статичность и неудобство своей позы (10%), технические проблемы (10%), шаблонность мышления (5%). Нет трудностей у 5% опрошенных.

Общим в ответах респондентов является то, что входит в круг вопросов педагогической риторики, и это касается не только построения высказывания, но и всех невербальных средств воздействия на слушателей. Отличаются ли эти средства от тех, которые используются в живом учебном процессе, — это вопрос дальнейшего исследования. Полученные результаты позволяют сделать вывод о необходимости более детального изучения проблемы невербальной коммуникации в условиях онлайн обучения в виду ее значимости как для преподавателей, так и для студентов.

1. Шатохина В.А. Контекст как смыслообразующий фактор невербальной коммуникации//Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы первой международной научно-практической конференции. Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева. 2010. Н. Новгород. 2010. С.671–672
2. Pogue and K. AhYun (2006). The effect of teacher nonverbal immediacy and credibility on student motivation and affective learning//Communication Education. Vol. 55. PP. 331–344

Возможности метафорических ассоциативных карт в условиях практико-ориентированной подготовки будущих педагогов

Педагогическая деятельность, ресурс, метафорические ассоциативные карты

Организация современной практико-ориентированной подготовки будущих педагогов физической культуры связана с внедрением таких новых технологий, направленных на формирование субъектной позиции студентов, как метафорические карты.

В рамках реализации научно-исследовательской работы «Проектирование трансдисциплинарных образовательных ресурсов в условиях практико-ориентированной подготовки будущего педагога физической культуры» нами разработан авторский комплект метафорических ассоциативных карт «Учитель — это ...», в соответствии с алгоритмом, предложенным Н.Е. Милорадовой и Г.В. Поповой [1].

Работа с МАК для будущих педагогов физической культуры является, как отмечает Е.В. Казанцева [2], «пусковым механизмом самоорганизации», приобретение новых «смыслов будущей педагогической деятельности», «осознание себя в педагогической деятельности». Метафорические ассоциативные карты «Учитель — это ...» состоит из 50 карт, которые включают изображения детей и взрослых в «эмоционально положительных и отрицательных ситуациях» и ситуации, которые не отражают однозначной модальности. Также комплект метафорических карт включает в себя карты с высказываниями, которые включают в себя цитаты и авторские высказывания таких великих педагогов, как А. Дистервег, А.Я. Коменский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский и др. Высказывания представлены, как в полном виде, так и с деформацией текста (пропущены слова или словосочетания, отражающие смысловую ценность высказывания).

Извлекая карту, студенты начинают реагировать на изображение на карте, актуализировать собственные ассоциации, связанные с педагогической деятельностью, так как «ресурсная функция МАК позволяет человеку зафиксировать возможности, обрести веру в свои внутренние силы и увидеть новые горизонты» [2]. Моделирование реальности будущей педагогической деятельности в процессе использования МАК «Учитель — это ...» направлено на формирование представлений студентов о будущей профессии как «диалоге», «сотрудничестве». Так, техника «Иногда/часто учитель бывает таким» позволяет запустить процесс психологического «восстановления», принять «опыт» общения с собственными учителями. Упражнения – диптихи (например, «Учитель-реальный» — «Учитель-идеальный»), упражнения — триптихи (например, «Учителя прошлого» — «Учителя настоящего» — «Учителя будущего») в сочетании с работой по деформированным текстам позволяют в значительной мере трансформировать стереотипы о современной педагогической деятельности в представлениях студентов. На финальном этапе работы с метафорическими картами формулируются заключительные утверждения, стимулируется рефлексия «себя в будущей

профессии». В высказываниях студентов фиксируются и впоследствии обсуждаются в группе установки, связанные с будущей педагогической деятельности, изменение смысловых и ценностных акцентов.

Таким образом, использование МАК «Учитель — это...» обогащает психологическое содержание практико-ориентированной подготовки будущих педагогов. Так, будущая профессия становится лично значимой, обретает новые смыслы и вследствие этого наполняется новым содержанием.

1. Милорадова, Н.Е. Об алгоритме создания новых колод метафорических ассоциативных карт / Н.Е. Милорадова, Г.В. Попова. Текст : непосредственный // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. — 2016. — №3. — С. 149–161.
2. Казанцева, Е. В. Метафорические ассоциативные карты как «магическая» психотерапевтическая практика / Е. В. Казанцева. — Текст : электронный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2017. — № 1 (январь). — 0,5 п. л. — URL: <http://e-koncept.ru/2017/170023.htm>.

Педагогический дизайн в высшем образовании

Педагогический дизайн (instructional design, learning experience design) — это систематизированный подход к созданию новых образовательных решений с использованием когнитивной психологии, педагогики (андрагогики), эргономики и других наук, изучающих особенности человеческого восприятия и познания, принципы обеспечения эффективности обучения. Цель педагогического дизайна — планирование и создание ситуаций, которые расширяют возможности обучения. Чаще понятие «педагогический дизайн» используется в отношении онлайн-обучения, дистанционных курсов. Но сегодня педагогический дизайн определяют как замысел, композицию, проект, описание, решение любого образовательного продукта. К.Г. Кречетников определяет педагогический дизайн как свод правил, позволяющих создавать эффективные педагогические условия или учебные материалы [1]. А.Ю. Уваров дает следующее определение педагогического дизайна: «Систематическое (приведенное в систему) использование знаний (принципов) об эффективной учебной работе (учении и обучении) в процессе проектирования, разработки, оценки и использования учебных материалов» [2].

Педагогический дизайн — относительно молодая область науки и практики, крайне актуальная сегодня. Актуальность подтверждается повышением частоты упоминаний в педагогических текстах, увеличением количества публикаций, как зарубежных, так и отечественных, практической целесообразностью: педагогический дизайн позволяет найти новые решения как в отборе содержания, так и в проектировании образовательных технологий и информационного сопровождения образовательных курсов. Принципы педагогического дизайна Р. Ганье универсальны как для создания рабочей программы учебной дисциплины, так и для разработки плана занятия: в аудитории или дистанционно. Педагогический дизайн включает огромное количество компонентов: от оформления презентаций и выбора видеоматериалов (или их создания) до проектирования фонда оценочных средств.

Знания в области педагогического дизайна необходимы любому преподавателю высшей школы, так как позволяют ему решать следующие задачи [3]: проводить оценку потребностей в обучении; выбирать подходящий подход к обучению; разрабатывать рабочую программу в определенном формате (очном, дистанционном, смешанном), выбирая методы обучения и образовательные технологии; создавать учебно-методические материалы; взаимодействовать со участниками образовательных отношений; оценивать эффективность результатов обучения.

Педагогический дизайн, как новую отрасль педагогической теории и практики, предлагают включать в качестве отдельных курсов и спецкурсов в подготовку преподавателей высшей школы, педагогических работников общего образования [5]. В НИУ ВШЭ разработана программа учебной дисциплины «Педагогический дизайн», подобные курсы существуют в других организациях высшего профессионального образования (например, в Томском государственном университете). Автором настоящей публикации была проведена серия семинаров и

вебинар о концептуальных основах и практических возможностях педагогического дизайна для педагогических работников. Элементы педагогического дизайна были включены в программы «Педагогика» и «Педагогика высшей школы». Назрела необходимость включения курса педагогического дизайна и в программы СПбГУ. Это позволит повысить качество обучения, эффективность педагогической деятельности.

1. Кречетников К.Г. Педагогический дизайн и его значение для развития информационных образовательных технологий [Электронный ресурс]. URL: <http://ito.edu.ru/2005/Groitsk/2/2-0-9.htm> (дата обращения: 23.05.2021)
2. А.Ю. Уваров. Педагогический дизайн. — М., 2003
3. СБЕР УНИВЕРСИТЕТ, словарь терминов: URL: <https://sberbank-university.ru/edutech-club/glossary/910/> (дата обращения: 23.05.2021).
4. Абызова, Е.В., Педагогический дизайн: понятие, предмет, основные категории //Теоретические основы педагогики

Проблемы декомпозиции компетенций и создания фонда оценочных средств в рабочих программах преподавателя высшей школы

Декомпозиция компетенций, индикаторы, фонд оценочных средств

С 2021 г. в соответствии с требованиями ФГОС ВПО 3++, все образовательные программы СПбГУ и входящие в них рабочие программы должны включать индикаторы достижения компетенций, которые образовательная организация устанавливает самостоятельно. Индикаторы достижения компетенций являются обобщенными характеристиками, уточняющими и раскрывающими формулировку компетенции. Индикаторы должны быть сопоставимы с трудовыми функциями и (или) трудовыми действиями (профессиональный стандарт), но не равны им. Определение индикаторов осуществляется преподавателем — автором-разработчиком рабочей программы.

Индикаторы могут быть представлены в виде конкретных действий, выполняемых выпускником, освоившим данную компетенцию. В соответствии с ФГОС ВПО 3++, планируемые результаты обучения соответствуют приобретаемым в результате освоения дисциплины (или ООП в целом) компетенциям. Индикаторы достижения компетенции позволяют оценить фактический результат обучения на основе определения уровня сформированности компетенции. Индикаторы достижения компетенции переводят компетенцию на уровень конкретных действий, которые должен показать обучающийся для того, чтобы подтвердить, что он освоил компетенцию. Формулировки индикаторов должны быть такими, чтобы они позволяли оценить фактический результат обучения — уровень сформированности компетенции. Без измерения нет управления (воздействия), компетентностный подход только тогда даст положительный результат, когда каждая компетенция будет являться проверяемой и измеряемой [1].

Декомпозиция компетенции включает этап выделения элементарных компонентов компетенции (знаний, умений, навыков, признаков проявления) для достижения возможности измерения уровня сформированности компетенции по ее составляющим на заданном этапе образовательного процесса. Для каждой компетенции в процессе декомпозиции формулируются результаты обучения и индикаторы ее достижения, формулировка которых подразумевает возможность проверки на основе фонда оценочных средств дисциплины. Здесь мы используем модель обратного дизайна образовательного процесса [2;3]:

Шаг 1: определить результаты обучения по дисциплине в целом или в ее отдельном модуле на основе требований ФГОС ВПО 3++, (их может быть 3–5).

Шаг 2: обозначить оценивающие мероприятия, по которым может быть определено, что результаты обучения достигнуты. Разработать соответствующий диагностический инструментарий.

Шаг 3: обосновать необходимое содержание обучения, технологии, средства и формы обучения, обеспечивающие достижение необходимых результатов обучения на основе перечисленных оценивающих процедур.

При формулировании индикаторов следует придерживаться следующих правил [2]: Использовать глаголы только несовершенного вида (объяснять, а не объяснить). Использовать только один глагол, определяющий действие. Избегать глаголов широкой семантики, определяющих действие, результат выполнения которого сложно проверить (знать, понимать, быть в курсе). Соблюдайте преемственность между результатами (индикаторами).

Индикаторы достижения компетенций должны быть измеряемы с помощью компонентов фонда оценочных средств. Преподавателю необходимо не только переосмыслить цели и результаты образовательной деятельности в рамках своей дисциплины, описать их на языке компетенций, но и осуществить декомпозицию компетенций, разработать индикаторы достижения и фонд оценочных средств. Это требует от преподавателя определенного уровня методической подготовки и знания основ педагогической квалитметрии. Рассмотрим на конкретном примере.

Наименование категории (группы) универсальных компетенций: системное и критическое мышление.

Код и наименование универсальной компетенции уровня бакалавриат: УК-1. Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач.

Код и наименование индикатора достижения универсальной компетенции:

УК 1.1. Выделяет базовые составляющие задачи;

УК 1.2. Находит информацию, необходимую для решения поставленной задачи;

УК 1.3. Предлагает возможные варианты решения задачи;

УК 1.4. Оценивает достоинства и недостатки вариантов решения;

УК 1.5. Грамотно, логично, аргументированно формирует собственные суждения и оценки...

Задания фонда оценочных средств:

1. Определите основные части кейса...

2. Найдите информацию, необходимую для решения кейса...

3. Предложите 2 варианта решения кейса...

4. Оцените вариант решения кейса, предложенный другим студентом...

5. Сформулируйте основные преимущества своего варианта решения...

1. Борисова, Е.В., Шестакова, М.А., Декомпозиционные компетентностно-ориентированные задания в квалитметрии образовательных достижений студентов вузов, //Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2014. — № 9, Стр. 278–281

2. Велединская, С.Б., Дорофеева, М.Ю. Организация учебного процесса по технологии смешанного обучения. Материалы XI Международной научно-методической конференции «Новые образовательные технологии в вузе»/Уральский Федеральный университет, 2014. URL: <http://hdl.handle.net/10995/24760> (дата обращения: 23.05.2021).

3. Осипов М.В. Проектирование образовательного процесса в идеологии «обратного дизайна» // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19488> (дата обращения: 23.05.2021).

Интеграция личностных факторов получения дополнительного образования в зрелом возрасте

Пожизненное образование, личностные особенности, интеграция, менеджмент, взрослые

В современной социокультурной ситуации концепция пожизненного образования все шире реализуется на практике (Бурак, 2019). Однако психологические аспекты выбора и успешного освоения программ дополнительного обучения взрослых людей изучены преимущественно с позиции какого-либо одного фактора, например, мотивации. Наблюдается размытость представлений об интегральных личностных особенностях тех, кто вовлечен в процесс дополнительного образования. Особенно ограничен личностный портрет слушателей программ дополнительного образования в сфере менеджмента.

Цель проведенного нами исследования заключалась в определении интегральных личностных факторов получения дополнительного образования взрослых в сфере менеджмента.

В основу методологии исследования был положен личностно-деятельностный подход, объединяющий структуру психологических свойств и регуляторные возможности личности в организации профессиональной и учебной деятельности. К исследованию из разных регионов России было привлечено 418 человек в возрасте от 28 до 40 лет, имеющих высшее образование. Все участники исследования успешно прошли дополнительное обучение на двухгодичной программе EMBA в Высшей школе менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. Методический комплекс объединял личностный опросник Р. Кэттелла (16-PF), опросник И. Майерс–К. Бриггс (МВТИ), опросник М. Белбина. Для математико-статистического анализа применялись методы описательной статистики и эксплораторный факторный анализ.

Факторизация полученных эмпирических результатов позволила выявить двенадцать интегральных факторов с общей дисперсией 68,7%. В семи из них обнаружена интеграция личностных свойств, командных ролей, способов организации поведения и социального взаимодействия.

Первый, наиболее мощный, фактор, обозначен как «экстравертированность». Он описывает личностную структуру обучающихся, склонных к ориентации на внешний мир, на установление обширной социальной коммуникации, на уверенное преодоление барьеров в общении. Второй фактор — «исполнительская ответственность» — характеризует значимость социальных норм для регуляции взаимодействия с окружающими людьми, установку на нормативные суждения в оценке информации, приверженность выработанным правилам. Третий фактор — «социальная чувствительность» — объединяет эмоциональную чувствительность и приверженность традициям со склонностью к суждениям на основе объективной логики и субъективной системы ценностей. В четвертом факторе — «системность мышления» — объединились сенсорные и интуитивные способы сбора информации,

образность мышления и способность к генерированию новых идей в командном взаимодействии. Пятый фактор — «недостаточная самоорганизация» — интегрирует показатели личностного самоконтроля и организационных способностей. В шестом факторе объединились показатели предпочитаемых ролей в командном взаимодействии и доминирования в группе, позволяющие описать его как «эгоцентрическое лидерство». Последний фактор «аналитичность» — отражает способность тщательно анализировать полученную информацию, устанавливать причинно-следственные соотношения, выявлять закономерности при решении командных проблем. Остальные факторы обладают меньшими весами и очерчивают самостоятельную роль отдельных личностных показателей.

Таким образом, личностный потенциал успешного дополнительного обучения в сфере менеджмента определяется такими интегральными составляющими, как экстравертированность, исполнительская ответственность, социальная чувствительность, аналитичность и системность мышления, недостаточная самоорганизация и эгоцентрическое лидерство. Полученные результаты отражают целесообразность комплексного исследования личностных особенностей взрослых, обучающихся на программах EMBA. Интеграция личностных коммуникативных, интеллектуальных, эмоциональных, регулирующих особенностей со способами организации поведения и предпочитаемыми ролями в командном взаимодействии соответствует реальным требованиям как профессионального обучения, так и современного менеджмента.

1. Бурак И. Д., Разумова Т. О. Дополнительное профессиональное образование как фактор развития человеческого капитала: вопросы теории. Вестник Московского университета. 2019. Серия 6. Экономика, 5, 3–14.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 20-013-00427.

Звягина А.А.
Санкт-Петербург, ООО «Российский Красный Крест»

Баранова А.Ю.
Санкт-Петербург, ООО «Российский Красный Крест»

Гречухина В.В.
Санкт-Петербург, ООО «Российский Красный Крест»

Самсонова Н.Г.
Санкт-Петербург, ООО «Российский Красный Крест»

Опыт применения метафорических ассоциативных карт в работе с детьми с нарушениями опорно-двигательного аппарата по развитию жизнестойкости

Метафорические ассоциативные карты, профилактика суицидального поведения, нарушения опорно-двигательного аппарата

На современном этапе актуальна проблема профилактики, медицинской, психолого-педагогической и социальной реабилитации детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата (НОДА), в частности детей с диагнозом детский церебральный паралич (ДЦП). Основной задачей системы обучения и воспитания детей с двигательными нарушениями является их социальная адаптация и интеграция в общество (Левченко И.Ю., 2012).

Важно проводить профилактику суицидального поведения и развитие жизнестойкости у детей с НОДА. Чувство безнадежности и несостоятельности, в сочетании с импульсивностью, склонностью к застреванию и самооценкой, не соответствующей реальным возможностям, трудностями формирования пространственно-временных представлений могут, по нашему мнению, увеличивать риск суицида среди детей и подростков данной категории [1]. На этом фоне, для нас становится значимо помочь ребенку сформировать позитивное представление о себе и о своем будущем, сформировать видение и план собственной жизни, за счет чего, предположительно, удастся снизить уровень тревожности у детей с ДЦП.

Примером такой работы может быть применение метафорических ассоциативных карт при обсуждении будущего в работе с детьми с НОДА, в частности с ДЦП. Нами были выбраны метафорические карты «Картина мира» (автор — Громова Е., художник — Громов А.), в состав которой входят колоды «Картина мира», «Чувства», «Действия». Выполнению данного упражнения предшествовала беседа о будущем, о предоставлении детей о себе сейчас и через 5–10 лет. Зачастую обучающимся это давалось сложно, но было значимо так как именно отсутствие представлений о будущем, недостаток позитивных ожиданий от будущего может быть фактором, который увеличивает риск суицидального поведения у детей с ОВЗ.

Цель упражнения: формирование позитивного образа будущего у детей с НОДА. Задачи: выяснение актуальных представлений ребенка или группы детей о будущем; актуализация чувств и эмоций, вызываемых мыслями о дальнейшей жизни;

проектирование будущих адаптивных действий, помогающих построить позитивный образ будущего и себя в этом будущем

Эти задачи были реализованы в упражнении за счет следующих шагов: выбор вслепую карты из колоды «Картина мира» и описание ее изображения исходя из актуального видения ребенком предстоящей жизни (например, после окончания школы, после сдачи экзаменов, после утраты значимых отношений); выбор карты из колоды «Чувства» осуществляется для описания чувств, вызываемых мыслями о будущем и/или о жизненной ситуации, складывающейся в настоящем; из колоды «Действие» ребенок выбирает вслепую карту, чтобы найти новый паттерн поведения, чтобы описать как прописанное действие будет способствовать наиболее успешной адаптации в сложной жизненной ситуации, которую ребенок ожидает или уже проживает.

На данном этапе психолог также может организовать групповое обсуждение, позволяющее детям услышать и предложить дополнительные пути решения и расширить поведенческий репертуар, выбрав для себя наиболее подходящие «Действия» в данных условиях.

Занятие проводилось как в индивидуальной, так и в групповой форме, эффективность его выполнения зависит от сплоченности группы и психологической безопасности в конкретном детском коллективе. В результате выполнения упражнений ученики сообщили о том, что видят перспективы для себя в будущем, продумали план возможных действий при различных вариантах развития событий и уже активно начали применять их в своей жизни. Данный вид профилактической работы помогает детям с НОДА сформировать позитивный образ себя и своего будущего, а также позволяет специалистам провести наблюдение с целью оценки эффективности применяемых методов коррекционной работы.

1. Шипицына Л. М., Мамайчук И. И. Психология детей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата: учебное пособие для вузов / Шипицына Л. М., Мамайчук И. И. — М.: Владос, 2004. — 368 с.

Феномен авторитаризма у преподавателей школ и студентов педагогических вузов России.

Авторитаризм, интолерантность к неопределенности, конвенционализм, агрессия, высшее образование

В педагогике существует определение одного из стилей преподавания как авторитарного. Этот стиль связан с преувеличением роли преподавателя, для которого характерна чрезмерная требовательность, без учета уровня развития и личных качеств учеников. Такой стиль подавляет инициативу, а сам процесс преподавания осуществляется методами принуждения [3]. Теоретические основы проведенного исследования находятся в области теории авторитарной личности Т. Адорно [1] и Б. Альтмайера. Для Б. Альтмайера авторитарная личность по Адорно имела избыточное количество черт, другое дело — авторитарный последователь, ведь ни один авторитет не обретает силу без тех, кто за ним следует [4]. Характерными чертами авторитарного последователя становятся: подчинение власти, агрессия и конвенционализм. Конвенционализм стал одним из углов изучения авторитарной личности, и его выражение крайне сходно с проявлением нетолерантности к неопределенности [2].

Проблема исследования заключалась в недостаточной изученности уровня авторитаризма у будущих и нынешних преподавателей школ. Таким образом, цель исследования заключалась в сборе информации о выраженности авторитарных черт личности и показателя толерантности к неопределенности, а также поиск статических и динамических особенностей этих показателей.

Всего было проведено два исследования с общей методологией. Испытуемым предлагалось заполнить две ключевые методики: «Шкала авторитаризма правильного толка Б. Альтмайера» под редакцией Н.А. Дьяконовой и «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой

Выборку первого исследования составили 870 студентов из 21 педагогического вуза России (80 мужчин, 790 женщин) от 16 до 34 лет ($M=19,92$; $SD=2,04$). Выборку второго исследования составили 64 преподавателя российских школ (5 мужчин, 59 женщин) от 20 до 74 лет ($M=35,5$; $SD=10,8$). Обработка данных проходила при помощи языка программирования R и программной среды RStudio.

Корреляционный анализ показал теоретически предсказанную взаимосвязь шкалы авторитаризма с интолерантностью к неопределенности. У студентов она составляет 0,43, а у преподавателей 0,72 ($p\text{-value}0,00$), что демонстрирует качественную разницу между студентами и состоявшимися педагогами.

Глобальное рассмотрение распределения показателей уровня авторитаризма у студентов педагогических вузов показало наличие нескольких пиков. Можно предположить, что произошло наложение двух различных по характеру выборок: среднеавторитарных респондентов ($m=135$) и высоко авторитарных ($m=166$). Возможно, среднеавторитарные респонденты изначально шли в преподавание из гуманистических побуждений, включающих в себя признание ценности каждой

личности и восприятие её изначально положительной, в то время как высокоавторитарные респонденты в меньшей степени обладают гуманистической направленностью и могли выбрать работу преподавателя, ориентируясь на другие причины.

Также отмечен статистически значимый рост уровня авторитаризма от первого к последнему году обучения (перелом происходит между вторым и четвёртым курсом). Возможно, это показатель «интериоризации» правил и желания повсеместно использовать выработанный шаблон обучения.

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. Под общей редакцией д. филос. н. В. П. Култыгина /Т. Адорно, Р. Н. Сэнфорд, Э. Френкель-Брюнсвик, Д. Дж. Левинсон — М.: Серебряные нити, 2001. — 416 с.
2. Корнилова Т.В. Толерантность к неопределенности и эмоциональный интеллект при принятии решений в условиях подсказки /Т. В. Корнилова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — Т. 11. № 4. — С. 19–36
3. Реан А.А., Бордовская Н.В., Розум С.И. Психология и педагогика. Учебник для вузов (Серия «Учебник нового века»). СПб.: Питер, 2000 (1 изд.) — 2010 (12 изд.) — 432 с.
4. Altemeyer B. Reducing prejudice in right-wing authoritarians /M. P. Zanna & J. M. Olson (Eds.)// Ontario symposium on personality and social psychology. — 1994. — Vol. 7, pp. 131–148

Проблемы построения учебного текста в школьных учебниках

Учебный текст, оформление учебного издания, дизайн учебной книги.

В современном российском школьном образовании происходят значительные преобразования, обусловленные запросами и требованиями общества к будущим специалистам, которые должны выйти на рынок труда и быть готовыми к новым реалиям. В психолого-педагогической литературе подчеркивается, что «наиважнейшей ценностью современного общества становится человек, способный к поиску и освоению новых знаний, принятию нестандартных решений» [1].

Одним из важнейших навыков будущего специалиста становится поиск и работа с большим массивом данных. В освоении этого навыка важную роль играет учебный текст. Несмотря на изменения, которые происходят в образовании, дизайн учебного текста и оформление бумажных и электронных учебных пособий не претерпевают особых трансформаций. По нашему мнению, это может привести к снижению роли учебной книги в образовательном процессе и её места в учебной деятельности учащегося.

Исследования PISA [2] демонстрируют, что результаты российских школьников по читательской грамотности значительно снизились по сравнению с предыдущими проверками. Данный навык проверяет способность обучающихся в поиске, извлечении информации, её интерпретации и критическом осмыслении. Для изменения подобной тенденции необходимо пересмотреть традиционные способы построения учебного текста, как на бумажных носителях, так и на электронных.

Нам представляется важным исследовать не только структуру построения текста, но и роль учебника в учебной деятельности обучающегося. В нашем исследовании предполагалось, что учащиеся стали меньше уделять времени работы с учебником из-за линейности построения текста, традиционности, консервативности. Это заставляет учеников меньше работать с бумажным носителем учебной информации и уходить в информационное поле (интернет). Там они восполняют пробелы с помощью информации, которая построена в соответствии с поведенческим опытом пользователей, что в свою очередь притягивает их внимание.

Для проверки гипотезы были использованы полуструктурированные интервью и опросы учащихся школ, как государственных, так и частных, из разных регионов России. Всего в опросе приняли участие 100 человек. Все вопросы были разделены на три категории: роль учебной книги, время работы с книгой, удовлетворенность дизайном и оформлением учебника.

В результате было выяснено, что 76% учащихся из нашей выборки не удовлетворены дизайном и оформлением современных школьных пособий. 13% школьников положительно оценивают дизайн учебных книг и часто ими пользуются.

11% — вовсе не используют учебник в образовательных целях из-за линейности текста, отсутствия визуального сопровождения.

Дети из образовательного центра Сириус, направлений «Математика» и «Физика» в целом удовлетворены форматом учебника, но выразили пожелание большей визуализации учебного материала. Также было выяснено, что 73% учащихся из нашей выборки предпочитают искать информацию в интернет-источниках, так как, по их мнению, там она предоставлена в большем количестве, но что более важно для учащихся — в более удобном формате.

Изменения дизайна и оформления учебной книги в современной школе актуально и необходимо, поскольку данные изменения могут повысить эффективность работы учащихся с учебной книгой. [3] Для этого необходимо пересмотреть традиционные способы построения учебного текста с учетом когнитивных, психологических особенностей обучающихся и их пользовательского опыта в сети.

1. Душина Е. В., Лутошлива Е. С. Тенденции и черты современного образования / — Текст : непосредственный // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2009. — № 5. — С. 78–80.
2. Основные результаты международного исследования образовательных достижений учащихся PISA-2018. — М.: Центр оценки качества образования ИСМО РАО, 2019.
3. Андреева В. А., Шарафадина К. И. Разработка и реализация системной дизайн-концепции учебной книги по русскому языку для польских гимназий // Текст. Книга. Книгоиздание. — 2017. — №13. — С. 91–98.

Изучение психологических особенностей адаптации иностраннных студентов

Адаптация, психологические особенности, иностранные студенты, высшее образование.

В последнее время высшее образование в России все больше становится привлекательным для выпускников школ из различных стран мира. Особым интересом пользуются программы управления персоналом у выпускников китайских школ. В образовательном процессе, независимо от национальной и языковой принадлежности на первый план выходит не просто обучение студентов предметным знаниям, умениям, навыкам, а и развитие личности обучающегося как активного деятеля, имеющего соответствующую структуру потребностно-мотивационной сферы, в частности вовлеченность/отчужденность, активность/пассивность, удовлетворенность/неудовлетворенность происходящим.

Иностраннные студенты, получающие высшее образование по направлению подготовки — управление персоналом, оказываются в одной группе с людьми разных социальных категорий, социального статуса, системой ценностей и установок поведения. Поэтому после поступления в высшее учебное заведение особенно актуальна проблема адаптации китайских студентов. Скорость и степень адаптации во многом влияют на успешность обучения, психологический комфорт, удовлетворенность личности новым профессиональным выбором, и, в конечном счете, на эффективность функционирования всей системы высшего образования.

В исследовании на выявление психологических особенностей адаптации у студентов приняли участие 87 человек — 1 выборка, русские студенты 1–3 курсов (45 человек); 2 выборка, китайские студенты 1–3 курсов (42 человека).

Были использованы следующие методики: Краткий отборочный тест (КОТ); Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛЮ-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина; Тест-опросник самооотношения В.В. Столина, С.Р. Пантелеева.

По методике Краткий отборочный тест (КОТ), были получены следующие результаты: В выборке 1 уровни интеллектуального показателя оказались следующими: уровень ниже среднего выявлен у 16,6% испытуемых, низкий — у 18,8% испытуемых, средний уровень — у 29,2%, уровень выше среднего — у 20,8%, высокий уровень — у 14,6% испытуемых. В выборке 2: уровень ниже среднего выявлен у 20% испытуемых, низкий — у 56% испытуемых, средний уровень — у 24%, уровни выше среднего и высокий у испытуемых не выявлен. Приведем результаты по Многоуровневому личностному опроснику. У студентов 1 выборки доминирует высокий уровень адаптивных способностей, у студентов 2 выборки — низкий. То есть лучше всего адаптированы к условиям обучения в учебном заведении студенты 1 выборки. У студентов 1 и 2 выборки доминирует низкий уровень нервно-психической устойчивости, отмечается в обеих выборках доминирование среднего уровня коммуникативных способностей и моральной нормативности. У студентов 1 выборки доминирует средний уровень личностно-адаптационного потенциала,

адаптивных способностей, у студентов 2 выборки — низкий. По методике определения самооотношения были получены следующие результаты. Ярко выражен у студентов 1 и 2 выборок признак по шкале самопринятия (76% и 80% соответственно) и шкале самоинтерес (80% и 81% соответственно). Уровень явно не выражен у 1 и 2 группы исследования по шкале самообвинение (по 37%). По остальным шкалам (параметры «самоуверенность», «отношением других», «саморуководство», «самопонимание») выявлен средний уровень. Ярко выражен у всех групп исследования признак по шкале самоуважения (76% и 80% соответственно) и самоинтереса (80% и 81% соответственно). По остальным двум шкалам — шкала аутосимпатии (72% и 76% соответственно) и шкала «ожидаемое отношение от других» (по 66%) признак также является выраженным. В результате можно констатировать, что студенты 1 выборки имеют более высокие показатели интегрального интеллектуального показателя, чем студенты 2 выборки, у которых хуже проходят процессы адаптации к обучению и они имеют более низкий уровень моральной нормативности.

1. Лагереv, В.В. Адаптация студентов к условиям обучения в техническом вузе и особенности организации учебно-воспитательного процесса с первокурсниками // Содержание, формы и методы обучения в высшей школе: обзор, информ. — М., 1991. — № 3.

Особенности иерархической организованности ценностных ориентаций студентов с различным уровнем социального интеллекта

Ценности, ценностные ориентации, социальный интеллект

В связи с постоянными изменениями, происходящими в социокультурной действительности, важное значение необходимо уделять процессу ценностного самоопределения, формированию ценностей, имеющих гуманистическую направленность, развитию социального интеллекта студентов. Актуальность рассматриваемой проблемы определяется недостаточной изученностью возможностей для целенаправленного воздействия на развитие ценностных ориентаций, социального интеллекта студентов в процессе обучения в ВУЗе. В научной литературе так же недостаточно данных об особенностях взаимосвязи ценностных ориентаций и социального интеллекта студентов.

Ценностные ориентации образуют сложную иерархическую систему, которая, являясь компонентом структуры личности, регулирует формы реализации активности человека и выступает внутренним источником жизненных целей (Яницкий, 2000). Социальный интеллект рядом авторов трактуется как система интеллектуальных способностей, связанных с познанием, пониманием, прогнозированием поведения людей, определением эмоциональных состояний и невербальных реакций (Гилфорд, 1965, Михайлова, 1996).

Исследование проводилось в Социально — психологическом институте Кемеровского государственного университета, в котором приняли участие 120 студентов в возрасте от 19 до 22 лет. Использовались Методика диагностики социального интеллекта Дж. Гилфорда, Опросник Ценностные ориентации М. Рокича, методы математической статистики (корреляционный анализ, метод сравнения средних величин по t-критерию Стьюдента).

Анализ результатов исследования позволяет сделать следующие выводы.

1. В иерархической организованности наиболее значимыми для студентов деонтологического профиля подготовки являются конкретные жизненные ценности (любви, здоровья, семейной жизни, обеспеченной жизни, наличия друзей), а также уверенности в себе, свободы (ценности-цели). Среди ценностей-средств доминируют воспитанность, ответственность, жизнерадостность, самоконтроль, широта взглядов, образованность, честность. Отвергаются ценности признания, счастья других, красоты природы, искусства, творчества, развлечений, продуктивной жизни, мудрости (ценности — цели); а так же непримиримости к недостаткам, высокие запросы, исполнительность, смелость в отстаивании своих взглядов, эффективность в делах (ценности — средства).

2. Существует особенности взаимосвязи ценностных ориентаций и социального интеллекта у студентов, а именно: чем выше показатели социального интеллекта, тем значимее ценности познания, продуктивной жизни, развития, творчества, независимости, рационализма, широты взглядов. Чем ниже показатели социального интеллекта, тем значимее ценности семейной жизни, аккуратности, воспитанности, ответственности.

3. Существуют следующие особенности в иерархии ценностей у студентов с различным уровнем социального интеллекта. Ценности познания, независимости, смелости в отстаивании своего мнения, интересной работы являются достоверно более значимыми для студентов с уровнем развития социального интеллекта выше среднего. Ценности познания, продуктивной жизни, развития более значимыми являются для студентов со средним уровнем социального интеллекта. Ценности наличие хороших и верных друзей, счастливая семейная жизнь, аккуратность и чистоплотность, воспитанность, ответственность являются более значимыми для студентов с уровнем социального интеллекта среднеслабым.

Выявленные различия в иерархической организованности ценностных ориентаций личности с различным социальным интеллектом позволяют разработать программы по целенаправленному воздействию на развитие ценностных ориентаций и социального интеллекта у студентов в период обучения в ВУЗе.

Самооценка и уровень притязаний младших подростков с легкой степенью умственной отсталостью

Самооценка, притязания, младшие подростки, умственная отсталость.

С целью исследования уровня самооценки и притязаний у младших подростков с легкой степенью умственной отсталости нами обследовано 60 детей с данным диагнозом, средний возраст 10–11 лет. Контрольную группу составили 60 нормативно развивающихся детей, средний возраст 10–11 лет. Использована методика Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан.

В ходе сравнения по Т-критерию Стьюдента показателей самооценки по всем шкалам методики (ум, авторитет у сверстников, здоровье, красота, уверенность в себе, умения, учеба, характер) установлены статистически достоверные различия ($p < 0,05$), свидетельствующие о более высоком уровне самооценки и притязаний у детей с легкой умственной отсталостью.

Так, средний показатель самооценки у них составил 69,07, средний показатель уровня притязаний — 74,77. В контрольной группе 60,18 и 62,07, соответственно.

Отметим, что эти показатели не выходят за пределы установленного методикой диапазона реалистической (адекватной) самооценки (за исключением показателей самооценки по шкалам «здоровье» — 75,88, «характер» — 76,09). Однако с учетом специфики актуальных особенностей и возможностей детей с интеллектуальной недостаточностью могут быть интерпретированы применительно к ним как завышенные.

Высокая, слабо дифференцированная самооценка, сочетающаяся с повышенными слабо дифференцированными притязаниями и с незначительным расхождением между притязаниями и самооценкой, могут свидетельствовать о личностной незрелости, невосприимчивости к своим ошибкам и замечаниям окружающих. Это подтверждается и данными, полученными нами посредством использования метода наблюдения: младшие подростки с легкой умственной отсталостью проявляют отчетливую тенденцию к поведенческим проявлениям, не соответствующим актуальной социальной ситуации. Что связано с непризнанием авторитетов также с непризнанием авторитетов, характерным отсутствием «борьбы мотивов» [2], качеством реакций умственно отсталого ребенка на социальные воздействия и биологические вредности (Никольская Т.А., 1989), нарушением механизмов приема, переработки, хранения и использования информации (Лубовский В.И., 1963) — в том числе, информации социального характера.

Показатели по разным шкалам самооценки различаются статистически недостоверно, наиболее высоко дети с легкой степенью умственной отсталости оценивают свое здоровье и характер, наименее высоко — уверенность в себе.

Нормативно развивающиеся дети наиболее высоко оценивают себя по шкале «здоровье», наименее высоко — по шкале «умения, учеба».

Расхождение между самооценкой и уровнем притязаний в группах обследованных детей различается: для детей с легкой степенью умственной

отсталости составляет 2 балла, для нормативно развивающихся детей — 6 баллов. Тем не менее, эти различия не выходят за пределы диапазона 1–7 баллов, который указывает: притязания не являются стимулом личностного развития младших подростков. Возможно, это связано с общими возрастными психологическими особенностями.

При этом в группе нормативно развивающихся детей показатель расхождения стремится к более высокому диапазону значений (к нижней его границе, составляющей 8 баллов), что демонстрирует тенденцию к формированию у подростков контрольной группы стремления и способности ставить значимые для себя цели.

Отсутствие такой тенденции у обследованных детей с интеллектуальной недостаточностью наряду с завышенными показателями самооценки требуют разносторонней психолого-педагогической работы, ориентированной на формирование реальной, а не псевдокомпенсаторной самостоятельности, ответственности, заинтересованности в различных областях деятельности, развития и саморазвития.

1. Слепович Е. С., Гаврилко Т. И., Поляков А. М. Психология ребенка с аномальным развитием как практика психологии Выготского: подходы к построению и трансляции// Психологическая практика: Проблемы и перспективы. Минск, 2002
2. Шипова Л.В. Нарушения поведения умственно отсталых подростков. Учебное пособие. — Саратов, 2016. — 63 с.
3. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2004, 672с.
4. Ананьев, Б.Г. Избранные психологические труды: в 2-х т. — М.: Изд-во Педагогика, 1980. — Т. 1: Избранные психологические труды. — 486 с., с. 124

Эмоциональное благополучие как фактор личностно-профессиональной самореализации педагога

Эмоциональное благополучие, самореализация, личностная самореализация, профессиональная самореализация, профессиональные деформации педагога

Современные реалии характеризуются происходящими в обществе преобразованиями, связанными с повышением требований к интеллектуальным, психоэмоциональным, физическим возможностям человека. В особенности это касается современного образовательного пространства, в котором все отчетливее предъявляются новые требования к профессиональным обязанностям педагога, возлагая на него ответственность за качество образования, развитие и воспитание подрастающего поколения. С одной стороны, это значительно расширяет возможности как для личностной, так и для профессиональной самореализации специалиста, а с другой — увеличивает интеллектуальную и эмоциональную нагрузку на педагога, приводит к переутомлению и профессиональному выгоранию. В этой связи становится актуальным определение факторов, способствующих развитию личностно-профессиональной самореализации педагогов.

На наш взгляд, наиболее оптимальным является рассмотрение самореализации в русле деятельностного подхода с акцентом на значимости социального самоосуществления человека (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, К.А. Абульханова-Славская и др.). В контексте деятельностного подхода, личностно-профессиональная самореализация рассматривается как сознательный целенаправленный процесс раскрытия внутреннего потенциала человека и опредмечивания сущностных сил личности, обеспечивающий успешность его самовыражения в профессиональной и в личностной сферах жизнедеятельности.

Изучению факторов самореализации личности посвятили свои труды Д.А. Леонтьев., К.А. Абульханова-Славская, Л. А. Коростылева, С.И. Кудинов, К.В. Архипочкина, А.А. Орел, А.Н. Веряскина и др. Применительно к педагогу на современном этапе развития психологической науки мы можем говорить о комплексе внешних и внутренних факторов.

К наиболее значимым внешним факторам относятся социально-психологические условия, обеспечивающие свободу творческого самовыражения педагога.

К внутренним факторам большинство авторов относят установки, мотивы, ценности, креативность и саморегуляцию личности. Вместе с тем, ряд авторов (Костакова, Белоусова, 2014) среди внутренних факторов самореализации личности выделяют эмоционально-личностный компонент, который выражается в позитивном психоэмоциональном настрое, радости и удовлетворении от процесса и результатов собственной деятельности, проявлении эмоциональной толерантности к временным профессиональным неудачам и трудностям. Данная эмоциональная составляющая относится к более широкому понятию «эмоциональное благополучие» личности.

Вопросам эмоционального благополучия в отечественной литературе посвящены труды М.И. Лисиной, Г.А. Урунтаевой, О.А. Идобаевой и др. Авторы приводят различные трактовки, рассматривая эмоциональное благополучие как: стабильное эмоционально-позитивное состояние личности, источником которого считается удовлетворение базовых потребностей (Лисина, 1997); результат «правильного» завершения цикла эмоционального переживания (Данилова, 2009); ключевой фактор в позитивном направлении развития личности, проявляющийся в оптимальной интенсивности психологических защит, низком уровне тревожности и достаточном адаптационном потенциале личности (Идобаева, 1998); многомерное явление, определяющее эмоциональное самочувствие, являющееся показателем успешности эмоциональной регуляции человека, неразрывно связанное с психологическим благополучием (Никулина, 1998).

Вышесказанное указывает на то, что позитивный эмоциональный фон выступает фактором успешной самореализации учителя, в то время как негативный эмоциональный фон выступает барьером профессиональной самореализации личности педагога. Более того, чем более явно проявляется негативный эмоциональный фон, тем быстрее происходит формирование симптомов выгорания и развитие профессиональных деформаций педагога (Давыдова, 2019).

В связи с этим нам видится перспективной идея изучения специфики самореализации педагогов в современных условиях и определения ее взаимосвязи с эмоциональным благополучием. Это может послужить основой для разработки программ психопрофилактического сопровождения педагога на всех этапах профессионального становления.

1. Давыдова Н.И. Особенности самореализации педагогов на разных стадиях эмоционального выгорания: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Москва, 2019. — 22 с.
2. Данилова О. Ю. Психологические условия формирования эмоционального благополучия личности: дис. ... канд. психол. наук. — Новосибирск, 2007. — 279 с.
3. Идобаева О. А. Психолого-педагогическая модель формирования психологического благополучия личности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2013. — 51 с.
4. Костакова И.В., С.С. Белоусова (Григорьева) Психологическая основа профессиональной самореализации личности//Национальный психологический журнал. —2014. —№ 3(15). —С. 84–89.
5. Никулина Д. С. Подходы к определению эмоционального благополучия // Известия ЮФУ. Технические науки. — 2008. — № 6. — С. 73–76.

Научное наследие М.С. Певзнер в пространстве современной дефектологии (к 120-летию со дня рождения)

Дизонтогенез, дефектология, аномальные дети, специальная психология, олигофрения, задержка психического развития

Мария Семеновна Певзнер (14.04.1901–03.08.1989) выдающийся представитель детской психиатрии и дефектологии. В 1924 г. окончила медицинский факультет Московского университета. Работала детским психиатром. Поворотным пунктом ее научной биографии стало работа с 1931 г. в Экспериментальном дефектологическом институте под руководством Л.С. Выготского, что определило содержание и направленность ее дальнейшего научного творчества. Идеи Л.С. Выготского воплотились М.С. Певзнер в собственных изысканиях реализуемых рамках Института дефектологии (ныне Институт коррекционной педагогики РАО), с которым она была связана всю жизнь.

Сфера научных интересов М.С. Певзнер чрезвычайно широка. Ее можно по праву считать один из пионеров исследования психопатий в подростковом возрасте. Изучение сформированных личностных расстройств в зрелом возрасте не вызывает таких трудностей как процесс их исследования в онтогенезе, где общие законы формирования личности сложно переплетены с феноменами дизонтогенеза. Только через несколько десятилетий подобные исследования перестанут быть единичными. Важно подчеркнуть, что изучение формирования психопатий у детей проводилась в контексте более широкой проблемы патологии поведения.

Наибольшую известность получили исследования М.С. Певзнер этиопатогенеза и клиники умственной отсталости. Е разработана собственная классификация олигофрений, которой пользуются по сей день дефектологи и клиницисты. Основной пафос работ этого цикла состоит в идее о том, что умственная отсталость не представляет собой феномен остановки в развитии, а имеет свой возрастной психогенез. Эти исследования оказали серьезное влияние на теорию и практику обучения и воспитания детей с интеллектуальными нарушениями.

Исследования олигофрении требовало также и разработки проблемы дифференциальной диагностики умственной отсталости от сходных состояний, что в середине 60-х годов стало особенно актуальным в связи с изысканиями в области проблемы временной задержки психического развития у детей. В исследованиях этой формы дизонтогенеза М.С. Певзнер приняла самое деятельное участие, что в итоге привело к формированию не только новых разделов специальной психологии и коррекционной педагогики, но и послужило основой для создание нового типа коррекционных школ. Последнее обстоятельство сыграло немаловажную роль в

судьбах тысяч детей, которые не были ошибочно отнесены к категории умственно отсталых.

В начале 70-ых г. М.С. Певзнер публикует ряд работ, адресованных родителям, воспитывающих детей с отклонениями в развитии. Подобные рода работы были редкостью в то время, ибо особого потенциала в процессе семейного воспитания детей с атипичным развитием специалисты не видели. М.С. Певзнер одна из первых стала рассматривать детско-родительские отношения как потенциал коррекционно-развивающей работе, а родителей как объект психологической помощи. Ее публикации в доходчивой форме знакомили родителей с особенностями психического развития аномальных детей, их потенциальными возможностями и тем самым закладывали оптимистическое отношение родителей к своему ребенку [1].

В конце 70-х годов М.С. Певзнер стала инициатором проведения комплексных клинико-психологических, психолого-педагогических, а также медико-генетических исследований разных вариантов коморбидных нарушений в развитии. Интерес к комплексным дизонтогенезам был обусловлен точно подмеченной тенденцией постепенного численного роста детей с полиформными нарушениями в развитии в сравнении с моноформными патологиями онтогенеза, что в конечном счете должно было привести к серьезному преобразованию как предметного содержания дефектологии, так и самой практики обучения аномальных детей. Творческое наследие М.С. Певзнер лежит в основе оригинальных научных школ культурно-исторической дефектологии и детской психиатрии.

1. Власова Т. А., Певзнер М. С. Дети с отклонениями в развитии. М.: Просвещение, 1973. 173 с.

Неопределенность как фактор понимания в учебной деятельности

Понимание, неопределенность, энтропия

Понимание как предмет психологического и педагогического исследования в последнее время приобретает все большую актуальность. Возрастающий интерес связан с опытом дистанционного обучения, через который проходят школы и университеты в последний год. Этот опыт высветлил ряд проблем, которые влияют на понижение эффективности понимания учебного материала без прямого взаимодействия учителя и ученика, а также учеников между собой. Классические подходы к изучению понимания ориентированы на поиск факторов, влияющих на понимание. Среди таких факторов авторы выделяют мотивацию, личностный смысл знания, личностные качества ученика и учителя, индивидуальный опыт, с которым ученик приходит в обучение. Современные исследования в ключе классических подходов подчеркивают недостаточную разработанность методов, позволяющих точно оценить успешность понимания учебного материала, характеристики учебной задачи, повышающие понимание, способ презентации материала, обусловленный индивидуальными характеристиками ученика и учителя. Однако в последнее время начинают развиваться новые подходы к исследованию понимания, которые рассматривают понимание как стремление к преодолению неопределенности. К этому направлению можно отнести работы Рубинштейна (Рубинштейн, 1999), Франка (Frank, 2013), Заславски, (Zaskavski, 2005).

В настоящем исследовании понимание рассматривается как стремление к снятию неопределенности через феномен «энтропии» (Шадриков, 2021, Кияткина, 2020). В онтогенезе и филогенезе человека мы можем наблюдать постоянное стремление уменьшать неопределенность, упорядочивать окружающий мир. Понимание выступает одним из механизмов упорядочивания окружающего мира. Мера неупорядоченности окружающего мира, в свою очередь, определяется как «энтропия». Ситуация обучения представляет собой постоянный поиск и разрешение неопределенности. Ученик в своем обучении движется от неупорядоченной среды к упорядоченной, что обуславливается систематическим нарушением равновесия в его внутреннем мире. Тогда целью обучения, направленного на понимание, становится нарушение этого равновесия таким образом, чтобы возникающая неопределенность вызывала интерес ученика, но не приводила к фрустрации и потере интереса к учебе. Педагогическое воздействие, как и понимание учеником учебного материала носит индивидуальный характер и обуславливается как опытом ученика, в который встраивается новое знание, так и личностными чертами учителя и ученика. Исследования понимания через энтропию позволяют рассматривать субъекта понимания как необратимую динамическую систему, тогда индивидуальность педагогического воздействия может объясняться степенью устойчивости этой системы (Шадриков, 2021). Учитывая многообразие факторов, влияющих на процесс

понимания в учебной деятельности, авторами предлагается построение вероятностной модели понимания через энтропию учебной задачи.

Теоретический анализ позволяет предположить возможность создания новых методов в исследовании успешности понимания учебного материала через измерение энтропии учебной задачи. Одной из первых задач в данном направлении исследования авторы выделяют разработку стимульного материала, позволяющего измерить меру энтропии задачи, а также инструментов оценки меры понимания учебного материала. Для разработки такого стимульного материала важно определить критерии энтропии учебной задачи, которая создает стремление разрешить неопределенность, но не фрустрирует ученика так, что это приводит к потере интереса. Центральной задачей исследования является изучение связи между энтропией учебной задачи и успешностью понимания в педагогической ситуации.

1. Кияткина А.Д. Неопределенность как мотивация учения и фактор понимания учебного материала. Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы: сборник материалов Всероссийской научной конференции. ЯрГУ, Филигрань, 2020.
2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Москва: Питер, 1999.
3. Шадриков В.Д. Понимание: концептуальные модели. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
4. Frank, S. L. Uncertainty reduction as a measure of cognitive load in sentence comprehension. *Topics in Cognitive Science*, 2013. 5(3), P. 475–494
5. Zaslavsky, O. Seizing the Opportunity to Create Uncertainty in Learning Mathematics. *Educ Stud Math* 60, 2005. P. 297–321

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-313-90043

Формирование социальных навыков у детей с расстройством аутистического спектра в общеобразовательном учреждении

Психолого-педагогическая работа по формированию социальных навыков, дети с расстройством аутистического спектра, стратегия поведенческого подхода.

Дети с расстройствами аутистического спектра (далее РАС) относятся к категории обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, вопросы обучения и воспитания которых приобретают всё большую актуальность в связи с модернизацией системы образования. Особой потребностью обучающихся этой категории детей является их уровень сформированности социальных навыков. Значительная их часть, став взрослыми, не может самостоятельно без посторонней помощи интегрироваться в социальную жизнь и оказывается в стороне от общества. По этой причине вопросы социализации таких детей становятся всё более актуальными. Возвращение человека с ограниченными возможностями в социальную жизнь — это важная задача современного общества. Для ребёнка с ограниченными возможностями она может быть решена в ходе специально организованного обучения, когда акцент делается на особенностях развития обучающегося и на его личность.

На основе теоретического анализа научных положений отечественных и зарубежных педагогов и психологов (М.Р. Битянова, С.Д. Забрамная, Д.Н. Исаев, Е.И. Казакова, В.В. Ковалев, М.С. Певзнер, С.Я. Рубинштейн, Г.Е. Сухарева, И.И. Мамайчук, Л.М. Шипицына и др.), ФГОС образования обучающихся с РАС, примерной АООП образования обучающихся с РАС были сделаны следующие выводы:

- понятие «расстройство аутистического спектра» определяет такой дисгармоничный вариант дизонтогенеза, при котором наблюдается наличие стойкого дефицита способностей поддерживать и инициировать социальное взаимодействие и отсутствие сформированности социальных навыков;
- обучающиеся с расстройством аутистического спектра испытывают большие трудности в обучении и социализации в результате несформированных социальных навыков. Но при создании определённых психолого-педагогических условий, возможно, их успешное обучение и социализация;
- психолого-педагогические условия, необходимые для успешного формирования социальных навыков организуются в процессе психолого-педагогического сопровождения и реализуются на занятиях с психологом.

Теоретические выводы стали основой для проведения эмпирического исследования, которое проводилось в три этапа: на констатирующем этапе исследования была проведена психолого-педагогическая диагностика уровня сформированности социальных навыков у детей с расстройством аутистического

спектра с помощью диагностических методик: анкета «Лист оценки жизненных компетенций», блок «социальные навыки» А.В. Хаустова; «Карта наблюдений «Социограмма» (форма РАС — 1)», блок «социальная приспособленность» на основе третьего издания по Х.С. Гюнцбургу.

На формирующем этапе исследования была разработана и апробирована коррекционная программа по формированию социальных навыков у детей с РАС. Разработка и апробация программы опирается на особенности развития детей с РАС, которые заключаются в том, что у этой категории обучающихся отсутствует мотивация к какому-либо взаимодействию с другими людьми. Они не могут самостоятельно организовать в себе желание подойти и попросить о помощи. Для развития данного навыка мы использовали стратегию поведенческого подхода, АВА-терапии (Applied behavior analysis), структурирование времени и пространства (ТЕАССН), в том числе использование визуального расписания.

На контрольном этапе исследования была проведена повторная психолого-педагогическая диагностика развития уровня сформированности социальных навыков, которая показала результативность использования коррекционной программы. По результатам диагностики на контрольном этапе исследования все дети показали позитивную динамику развития. При правильно созданных психолого-педагогических условиях по формированию социальных навыков у детей с РАС на контрольном этапе исследования мы можем наблюдать, что формирование и генерализация ключевого навыка «обращение с просьбой» благотворно влияет и на развитие других более сложных социальных навыков и приспособленностей. Это играет основную роль в интеграции ребенка в общеобразовательную среду и облегчает социализацию ребенка.

1. Битянова М. Р. Организация психологической работы в школе. — М.: Совершенство, 1997. — 298 с.
2. МакКланнахан Л.И., Крантц П. Расписание для детей с аутизмом: обучение самостоятельному поведению. — М.: СигналЪ, 2003. — 130 с.
3. Мамайчук И.И. Психокоррекционные технологии для детей с проблемами в развитии. — СПб.: Речь, 2006. — 400 с.
4. Обучение и воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья. Методические рекомендации. Библиотека федеральной программы развития образования. — Издательский дом «Новый учебник», 2005. — с.
5. Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с расстройствами аутистического спектра. Методическое пособие / Под общ. ред. А.В. Хаустова. — М.: ФРЦ ФГБОУ ВО МГППУ, 2016. — 125 с.

Особенности смысложизненных и ценностных ориентаций и мотивации профессиональной деятельности студентов помогающих профессий

Смысложизненные и ценностные ориентации; мотивация профессиональной деятельности; уверенность в себе; студенты-медики; студенты-психологи; ценностно-смысловая сфера; помогающие профессии; профессиональная идентичность.

Профессиональная деятельность — одна из основных сфер самореализации человека, его интеллектуального, личного и творческого потенциала. Поэтому выбор профессии всегда является сложной задачей для молодого человека и определяется особенностями его ценностно-смысловой сферы личности.

Согласно трудам многих ученых (И.В. Абакумова [1], Леонтьев [2] и др.), юность является основным периодом, завершающим формирование ценностно-смысловой сферы личности, а получение высшего образования в этот период несомненно вносит весомый вклад в развитие жизненных ценностей, становление профессиональной идентичности, расширение мировоззрения молодежи.

Медицина и психология являются сферами профессиональной деятельности, призванными в первую очередь оказывать помощь людям с ориентацией на общечеловеческие, гуманитарные ценности, с необходимостью быстро принимать решения, с высоким уровнем социальной и нравственной ответственности, а иногда и самоотверженности.

В этой связи необходимо более детально рассмотреть ценностные аспекты мотивации профессиональной деятельности, а именно особенности смысложизненных и ценностных ориентаций в процессе профессионального становления студентов медицинских и психологических специальностей.

С этой целью было проведено анкетирование и применены: «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев); «Методика ценностных ориентаций» (М. Рокич); «Мотивация профессиональной деятельности» (К. Замфир, модификация А.А. Реана), «Уверенность в себе» (С. Райзас), U-критерий Манна-Уитни. В качестве объекта выступили студенты-медики (РостГМУ) и студенты-психологи (ЮФУ) 2 курса очной формы обучения, получающие первое высшее образование.

Анкетирование показало, что выбор профессии врача более, чем в 26% случаев обусловлен семейными традициями и установками, при этом мотив «помощи другим» у студентов-врачей отсутствует. Выбор профессии психолога определяется мотивами альтруизма и самореализации. Однако к середине образовательного процесса 10% студентов обеих групп еще не определились и примерно 5% студентов-врачей не собираются в дальнейшем работать по получаемой специальности.

Статистически значимыми для студентов-психологов являются мотивы профессиональной деятельности: «возможность самосовершенствования», «возможность сделать карьеру» и «высокая зарплата»; для студентов-медиков: «профессия — одна из важнейших» и «личная ответственность за результат».

Смысложизненные ориентации студентов статистически не различаются, но в зависимости от профессиональной направленности меняется их структура: для студентов-медиков первостепенно наличие целей в будущем и их соотношение с достигнутыми результатами, а для студентов-психологов главное — осознание того, что они могут самостоятельно контролировать свою жизнь и соотносить свои решения с достигнутыми результатами. Структура терминальных и инструментальных ценностей студентов отличается как на качественном уровне, так и на количественном уровне. Студентам обеих групп присущ гармоничный комплекс мотивов профессиональной деятельности, характеризующийся преобладанием внутренней мотивации, что указывает на равную степень нацеленности студентов на профессиональную деятельность. Студенты-медики имеют статистически более высокий уровень уверенности в себе, чем студенты-психологами, что в том числе обусловлено особенностями их будущей профессиональной деятельности.

Подводя итог рассмотрению особенностей студентов помогающих профессий, можно сделать следующий вывод: медицина и психология — профессии, в первую очередь нацеленные на помощь людям, а студенты данных специальностей в процессе обучения приобщаются к ценностям профессии и формируют свою профессиональную идентичность, что выражается в особенностях их смысложизненных и ценностных ориентаций.

1. Абакумова И.В. Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе (Психолого-дидактический подход). — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003. 480 с.
2. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 2007. 487 с.

Адаптивная стратегия урока как способ индивидуализации образовательной деятельности обучающихся с ОВЗ.

Индивидуализация, адаптивная стратегия урока, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья, взаимодействие учителя и психолога.

Адаптация образовательной программы к индивидуальным потребностям обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), обусловленным спецификой их индивидуального психосоциального развития, представляет собой непростую задачу для современного педагога в инклюзивном образовании. Подчеркнем, что успешность индивидуализации образовательной деятельности обучающихся как приведение ее в соответствие с их особыми образовательными потребностями в существенной мере определяется продуктивным взаимодействием педагогов образовательной организации. Только совместно ими может быть создана педагогически целесообразная, адекватная индивидуальным образовательным потребностям конкретного ребенка с ОВЗ, а значит «дружественная» ему, среда.

Как показало наше исследование, полноценное включение ребенка с ОВЗ в образовательную деятельность вместе с детьми, имеющими нормативное развитие, определяется сложным сочетанием многообразных факторов, таких, как особенности эмоционально-личностного, познавательного, речевого, физического развития, и соответствующими этим особенностям коррекционно-развивающими мерами.

Понимая смысл диагностики и коррекции как способов индивидуализации образования в ходе психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ, мы предложили технологию взаимодействия учителя и психолога на разных его этапах. Ее реализация основана на создании и внедрении в работу образовательных организаций диагностических программ нового типа, которые обеспечивают успешное решение коррекционно-развивающих задач в коллегиальном поле профессиональных усилий этих специалистов.

Совместно изучая особенности индивидуального психосоциального развития конкретного ребенка с ОВЗ, педагог и психолог: применяют общие правила фиксации проявлений учебного поведения обучающегося, совместно проводят их качественный анализ и интерпретацию; выстраивают иерархию его реальных трудностей, препятствующих достижению запланированных образовательных результатов; определяют первоочередные для данного ребенка проблемы и индивидуальные способы их разрешения. Таким образом, обеспечивается преобразование диагностических данных об обучающемся в педагогические задачи, что является обоснованным педагогическим механизмом индивидуализации его обучения. Как справедливо отмечает Т. А. Соловьева, в традиционной системе обучения детей с ОВЗ индивидуализация их обучения, позволившая бы учесть индивидуальные отличия в психосоциальном развитии детей, осложнена условиями фронтального обучения (Соловьева, 2018).

Наше исследование показало, что эффективным инструментом трансформации фронтальной стратегии обучения в гибкую стратегию, характеризующуюся

«настройкой» всех педагогических инструментов к особенностям индивидуального психосоциального развития конкретного ребенка, является адаптивная стратегия. Под адаптивной стратегией урока мы понимаем упорядоченную систему отдельных его элементов, взаимосвязь которых обеспечивается предметным содержанием и логикой освоения обучающимся с ОВЗ универсальных учебных действий с учетом особенностей индивидуального психосоциального развития ребенка. В результате такой взаимосвязи урок как система приобретает новые качества — вариативность и гибкость. Обучение адаптивной стратегии педагогов и психологов предполагает развернутую пошаговую проективную деятельность, в ходе которой они осваивают ряд профессионально важных умений, определяющихся как целевыми ориентирами и предметным содержанием урока, так и особенностями индивидуального психосоциального развития ученика как совокупности его дефицитов и ресурсов.

Таким образом, в процессе обучения педагогов технологии разработки и реализации адаптивной стратегии урока мы даем возможность встать им на исследовательскую позицию, прогнозировать как собственное профессиональное поведение, так и учебное поведение школьника с ОВЗ. Учитель анализирует все структурные компоненты урока с позиции обеспечения «включенности» обучающихся с ОВЗ в образовательный процесс и дает оценку изменениям в иерархии имеющихся у ребенка трудностей учебного поведения.

1. Соловьева Т.А. Системный подход к организации процесса включения младших школьников с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательную среду//Соловьева Татьяна Александровна/ М., 2018.–160 с.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант «Индивидуализация образовательной среды как фактор развития инклюзивных процессов в обучении и воспитании детей с ограниченными возможностями здоровья, проживающих на городских и сельских территориях», № 20-013-00811 А

Леньков С.Л.
Москва, ФГБУ "Российская академия образования"

Рубцова Н.Е.
Москва, АНО ВО "Российский новый университет"

Низамова Е.С.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Структура психологической готовности к исследовательской деятельности

Психологическая готовность, научное исследование, структура, рефлексивность, академическая мотивация, толерантность к неопределенности

Изучением психологической готовности занимались многие авторы, в числе которых Б.Г. Ананьев, О.Б. Дмитриева, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, К.К. Платонов, и др. (обзор дан, например, [2]). Вместе с тем, подобные исследования имели либо фундаментальный характер, либо затрагивали конкретные виды профессиональной деятельности, среди которых деятельность исследователя встречалась редко. Цель исследования состояла в том, чтобы на основе уточнения психологического содержания исследовательской деятельности выявить структуру психологической готовности к такой деятельности и на примере магистрантов определить закономерности формирования данной структуры.

На основе анализа соотношения между предметным и операциональным содержанием труда описаны признаки, определяющие психологическую специфику разновидностей профессиональной деятельности. В соответствии с целью исследования нас интересует «информационный» тип, который связан с обработкой информации, включающий в себя мнемические, имажитивные, логические действия, выполняемые исследователями [1].

Успешность профессиональной деятельности предопределяется особенностями психологической готовности субъекта к труду, которая является системным явлением и имеет целостную структуру [2]. Для раскрытия закономерностей готовности магистрантов к проведению исследований изучались ее компоненты: структура академической мотивации, толерантность к неопределенности и рефлексивность. Выборку составили 73 магистранта вузов, расположенных в городах Москва, Санкт-Петербург, Тверь. Возраст испытуемых — от 18 до 35 лет.

Выбор методики для диагностики мотивации учебной деятельности магистрантов определился в пользу опросника «Шкалы академической мотивации» Р. Валлеранда, в адаптации Т.О. Гордеевой (2014 г.). Для измерения уровня развития рефлексивности применялась методика А.В. Карпова (2003 г.). Толерантность к неопределенности оценивалась методикой С. Баднера (перевод Г.У. Солдатовой) (2008 г.).

Для выявления влияния рефлексивности на показатели академической мотивации и толерантности к неопределенности выборку разделили на три группы, соответствующие уровням рефлексивности: группа 1 ($n = 17$) включила испытуемых, показавших рефлексивность ниже 118 баллов; группа 2 ($n = 37$) — испытуемых,

показавших рефлексивность в диапазоне от 118 до 133 баллов; группа 3 (n = 17) — испытуемых, показавших рефлексивность выше 133 баллов.

В структуре психологической готовности магистрантов к исследовательской деятельности выявлены следующие закономерности. Сильное влияние, объясняющее 11,3% общей дисперсии, рефлексивность оказывает на показатель академической мотивации «Амотивация», характеризующий отсутствие интереса к учебе и ощущения осмысленности учебно-профессиональной деятельности. При возрастании рефлексивности уровень амотивации убывает практически линейно. Далее по силе влияния рефлексивности (8,6% общей дисперсии) оказался источник снижения толерантности к неопределенности «Неразрешимость». Закономерность имеет вид инвертированной U-образной кривой.

Полученные результаты не только подтверждают важность формирования психологической готовности к проведению исследований на этапе обучения в магистратуре, но и конкретизируют причинно-следственные связи между рефлексивностью и показателями академической мотивации и толерантности к неопределенности.

Нам представляется целесообразной организация для магистрантов специальных дополнительных психологических тренингов по совладанию с неопределенностью, акцентирующих внимание на работе именно с данной проблемой.

1. Ленков С.Л., Рубцова Н.Е. Функциональная природа сознания: возможности интеграции субъектно-информационного и метасистемного подходов // Мир психологии. 2018. №2 (94). С.123–135.
2. Рубцова Н.Е. Структура психологической готовности к профессиональной деятельности интегративного типа / В книге: Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: Сб. материалов Всеросс. симпозиума психологов. / Под общей ред. Д.В. Сочивко. 2019. С. 508–514.

Концепция индивидуальности Б. Г. Ананьева как основание в деятельности психологической службы вуза

Антропологическая психология, индивидуальность, психологическая служба, переживание, значение, смысл

Б. Г. Ананьев является ярким представителем антропологический подхода, который пронизывал его теоретические поиски и все прикладные разработки, проводившиеся под его руководством и опиравшиеся на его научные идеи. В соответствии с этим принципом система образования в вузе должна стать «антропоцентричной», то есть ориентированной на развитие индивидуальности студентов и ее психологических ресурсов во всех проявлениях — начиная с индивидного, психобиологического уровня и кончая высшим личностным.

Согласно такому подходу целью обучения в вузе является не только приобретение студентами необходимой профессиональной компетентности, но прежде всего расширение и усложнение внутренних возможностей человека, достижение интеграции всех его разноуровневых свойств в структуре индивидуальности.

Наши многолетние эмпирические исследования в Новосибирском государственном техническом университете, которые были начаты по инициативе Б. Г. Ананьева и на начальных этапах проводились под его непосредственным руководством, полностью подтвердили его теоретические представления о механизмах развития индивидуальности.

Эти исследования включали изучение отдельных подструктур индивидуальности студентов (когнитивной, аффективной и коммуникативной) а также их динамики под влиянием обучения в вузе на основе комплексного подхода и использования лонгитюдного метода исследования. Анализ результатов этого исследования показал, что эффективность функционирования упомянутых выше подструктур в образовательном процессе зависит от координации внутри каждой из них трех основных компонентов: переживаний, вбирающих в себя образно-эмоциональный опыт субъекта, механизмов концептуализации и способов ценностно-смысловой обработки информации, включающей как предметное содержание отдельных учебных дисциплин, так и различные формы и виды коммуникации в образовательном пространстве. Координации в этом динамическом ядре индивидуальности студентов (переживания — значения — смыслы) обеспечивают продуктивное усвоение знаний, умений и навыков, если говорить об овладении профессиональными компетенциями, и в целом — формируют внутренний опыт и внутренний мир студентов. По мере развития индивидуальности студентов в вузе элементарные стихийные координации между указанными выше компонентами динамического ядра должны сменяться отношениями субординации: все более явной должна становится регулирующая функция ценностно-смысловых образований по отношению к концептуальной и аффективной переработке поступающей информации. Этот развивающийся сложный конгломерат

координаций и субординаций способствует формированию внутреннего мира индивидуальности. Однако, как показали результаты наших эмпирических исследований, в ситуации естественного созревания механизмов координации и субординации переживаний, их когнитивной переработки и соответствующих им смыслов в стихии образовательного процесса вуза возникает много затруднений и противоречий, которые не находят конструктивного разрешения из-за недостаточности рефлексивного мышления студентов и приводят к остановке развития или формированию неэффективных способов переработки информации и деструктивных стереотипов индивидуального поведения.

В выделенной динамической «единице» анализа индивидуальности система переживаний, значений и смыслов — стягиваются воедино свойства человека как индивида, личности и субъекта деятельности со стороны их представленности во внутреннем мире.

Предложенная выше модель динамического ядра индивидуальности, являющаяся развитием теоретических представлений Б. Г. Ананьева о внутреннем мире человека, позволяет определять типы и траектории формирования индивидуальности студентов в вузе и оказывать им необходимую психологическую помощь. Психологическая служба является, на наш взгляд, особым подразделением в вузе, которое восполняет недостаток его развивающего потенциала и способствует формированию индивидуальности студентов в контексте их профессионального становления.

Особенности мотивов изучения русского языка у иностранных студентов

Иностранные студенты, русская гуманитарная культура, мотивы изучения русского языка.

С каждым годом увеличивается количество иностранных студентов, приезжающих в Россию получать профессию на русском языке. Однако русский язык не следует рассматривать только как инструмент коммуникации в процессе обучения. При изучении в вузе русского языка как иностранного будет недостаточно, следуя известной теории Гарднера и Ламберта (Gardner and Lambert, 1972), реализовывать только мотивы «интегативности» и «инструментальности», то есть освоить с помощью изучаемого языка утилитарные цели, связанные, прежде всего, с технологической составляющей профессии. Целью преподавания русского языка как иностранного является не только формирование коммуникативных навыков студентов, но и развитие личности, принимающей ценности русской гуманитарной культуры.

Предметом данного локального исследования, входящего в систему опытно-экспериментальной работы по проблеме приобщения иностранных студентов к ценностям русской гуманитарной культуры, стал анализ мотивации изучения русского языка иностранными студентами. Выборка — 52 иностранных студента подготовительных факультетов Военной академии связи им. С.М. Будённого и ДОП РКИ СПбГУ. Из них: Китай (N= 15), Израиль (N= 12), Вьетнам (N= 8), Иран (N= 4), Таджикистан (N= 4), Азербайджан (N= 2), Камерун (N= 2), Чад (N= 2), Гвинея (N= 2), Эсватини (N= 1).

Для получения социально-демографической информации проведены: авторская анкета, изучение документации и индивидуальные беседы. Для диагностики мотивов использовался модифицированный опросник «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» (А.А. Реан, В.А. Якунин, 2003) — 30 пунктов. Вопросы в анкете составлены таким образом, чтобы охватить три наиболее важных мотива: профессионально-познавательный мотив, социальный мотив, узколичный мотив. Данные мотивы, заключенные в варианты ответов к каждому вопросу, представлены в равном соотношении (2:2:2). Поскольку методика ориентирована на иностранных студентов, начинающих изучать русский язык (1–2 месяца изучения), во избежание недопонимания сути вопроса предусмотрен подстрочный перевод на английский язык.

Данные опроса показывают, что большая часть иностранных студентов (55 %) имеют профессионально-познавательные мотивы обучения. Им свойственны такие познавательные побудители, как интерес к русскому языку, любознательность, стремление к творческой деятельности. У 32 % студентов преобладают социальные мотивы: удовлетворение ожиданий близких людей, желание пользоваться авторитетом среди сверстников. 13 % студентов свойственны узколичные мотивы: желание заводить новые знакомства, стремление получать стипендию.

Результаты проведенного исследования констатируют достаточно высокий уровень мотивации иностранных студентов к изучению русского языка как иностранного, их интерес и предрасположенность к русской гуманитарной культуре. Следует отметить и убедительную выраженность профессионально-познавательных мотивов даже в самом начале их обучения в России. Преобладание профессионально-познавательных мотивов, несомненно, свидетельствует о высокой заинтересованности иностранных студентов в освоении избранной профессии. Но, на наш взгляд, мера причастности личности к обществу, мера её профессиональной реализации определяются не столько прагматическими устремлениями, сколько ценностным самоопределением. Именно формирование у иностранных студентов ценностного отношения к достижениям русского народа в области науки, техники, искусства, к значимым событиям русской истории, к выдающимся историческим личностям, воплотившим положительные черты русского национального характера, позволит качественно изменить уровень их образования в российском вузе.

Цифровые технологии в образовательном процессе

Образование, цифровизация, цифровые технологии

В настоящее время все большее значение приобретает цифровизация в разных сферах, в том числе в образовании. Цифровое образование претерпевает трансформацию, вызванное глобализационными процессами перехода к цифровому обществу.

Цифровые технологии — это основа современного образования, а также внедрения инновационных решений в практическую деятельность. Так, в альманахе перспективных профессий в педагогической сфере «Атлас новых профессий» представлены разработчик образовательных траекторий, организатор проективного обучения, тьютор, игромастер, модератор, ментор стартапов, координатор образовательной онлайн-платформы и др. [1].

Потенциал цифрового образовательного процесса обеспечивается разными группами и технологиями:

- информационно-коммуникационные технологии (цифровые инструменты, программно-технические средства, графические редакторы и др.);
- специализированные цифровые образовательные технологии (обучающие игровые квесты, интерактивная доска, тренажеры);
- производственные технологии, в т.ч. цифровые, направленные на формирование универсальных и профессиональных компетенций;
- педагогические технологии (технологии обучения), предполагающие использование информационно-коммуникационных технологий или основанные на их использовании [2].

Наряду с вышеперечисленными группами технологий, в образовательном процессе можно использовать и такие технологии как онлайн курсы, видеолекции и презентации, в т.ч. видеоуроки, электронную библиотеку, образовательные платформы вуза, электронные, интерактивные атласы, 3D-модели, онлайн-тестирование по учебным дисциплинам, интерактивные онлайн-игры, форум, видеоконференции, чат, цифровые истории, электронные рабочие тетради, дневники, журналы, интеллект-карты или ментальная карта и др.

Отметим некоторые способы организации учебного процесса:

- виртуальный класс — технология дистанционного обучения, при котором участники и преподаватель имеют возможность взаимодействовать между собой, передавая и анализируя информацию с использованием сети Интернет;
- деловая игра — вид симуляции, которая включает игровые элементы: сюжет, интерактивность, обратную связь, а также правила и игровые процессы;

- микрообучение — обучение, при котором образовательный контент подается небольшими частями, каждая из которых имеет одну конкретную цель, и ее выполнение занимает немного времени;
- симуляционное обучение — интерактивный метод развития навыков и умений, при котором происходит моделирование реальных ситуаций, процессов, событий;
- перевернутое обучение — ключевая модель смешанного обучения, в которой обучающийся самостоятельно изучает теоретический материал, а на практических занятиях закрепляет изученную информацию вместе с преподавателем.

Цифровые технологии имеют множество положительных моментов. Но, следует сказать, что сами по себе информационно-коммуникационные технологии не являются средством, способным полностью решить проблему образования. К сожалению, они не формируют у обучающихся целостную картину мира. Автоматизированные системы способны передавать массовые знания и навыки, но не могут заменить «живое» обучение. Его задачей будет не передача общедоступных сведений, а формирование сложных надпредметных компетенций, связанных с развитием творческого мышления.

На наш взгляд, наиболее эффективным является смешанное или гибридное обучение (*blended learning*), сочетающее электронное обучение с взаимодействием с реальными преподавателями.

Для того чтобы снизить риски при цифровом обучении необходимо организовывать комплексный мониторинг образовательного процесса; повышать квалификацию педагогов с целью формирования новых компетенций, обеспечивающие мотивационную и практическую готовность в реализации цифровой среды; проведение научно-практических конференций с целью обмена опытом.

Таким образом, цифровые технологии обеспечивают обучающимся непрерывность образования, т.е. обучение на протяжении всей жизни и персонализированный подход к обучению.

1. Атлас новых профессий. — М.: Агентство стратегических исследований, 2014. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf
2. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения / под науч. ред. В.И. Блинова. — М.: Издательство «Перо», 2019. — 72 с.

Педагогика творчества в условиях электронного обучения

Креативность, креативная педагогика, электронная информационно-образовательная среда

Введение. Педагогика творчества является одной из традиционных областей научного педагогического знания, сложившихся в нашей стране. Связь творчества, деятельности и воспитания, а также отношение к обучающемуся как к субъекту творчества были исследованы С.Л. Рубинштейном [3]; Л.С. Выготским была выявлена необходимость культивирования творческого воображения учащихся, поскольку от этого зависит их способность постижения будущего и планирования собственного поведения в соответствии с ним [2]; роль развития общих способностей учащегося для осуществления творческой деятельности в конкретной области была доказана Б.Г. Ананьевым [1]. Эти и другие концепции, составляющие теоретико-методологическую основу педагогики творчества, находят свое отражение и в современных психолого-педагогических исследованиях, объектом которых является развитие творческого потенциала, творческих способностей, креативности обучающихся.

Постановка проблемы. Исследователями отмечается рост интереса к педагогике творчества в современных исследованиях [6; 7]. Причиной его называют естественное стремление педагогического сообщества к борьбе против стандартизации образования, вызванной повсеместным внедрением электронного обучения, которое представляет собой «организацию образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников» (ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») [4].

Ситуация усугубилась из-за пандемии COVID-19, поскольку электронное обучение оказалось фактически единственным средством обеспечения непрерывности образовательного процесса. Данное противоречие — между необходимостью преодоления негативных последствий стандартизации электронного обучения средствами педагогики творчества и возможностью развитию креативности обучающихся только средствами электронного обучения — послужило отправной точкой нашего исследования.

Методы и результаты исследования. В 2020–2021 гг. мы провели анкетирование среди 113 студентов социогуманитарных направлений бакалавриата из нескольких вузов Санкт-Петербурга. Средний возраст участников — 20 лет. Цель — выявление педагогических условий развития креативности студентов средствами электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС) вуза.

Методы исследования — анкетирование, организованное в электронном формате (Google Forms); методы статистического анализа с использованием программы SPSS Statistics.

В результате удалось уточнить связи между компонентами креативности, развиваемой средствами ЭИОС вуза, а также выявить наличие слабой положительной корреляции между предметным показателем, измеряемым с помощью методики «Индекс цифровой компетентности» (методика Г.У. Солдатовой и др.), и когнитивным показателем (методика С. Медника) компонентов креативности.

Обсуждение. Выявленная корреляция позволяет предположить, что главным педагогическим условием развития креативности обучающихся средствами электронной информационно-образовательной среды является сформированность их цифровой компетентности (способности выбирать и применять информационно-коммуникационные технологии в различных областях жизнедеятельности [5]). Данное положение представляется отголоском концепции Б.Г. Ананьева о необходимости развития общих способностей учащегося для осуществления творческой деятельности в конкретной области — с учетом терминологии применяемого сегодня компетентностного подхода и принятия универсального (общего) характера цифровой компетентности.

Выводы. Изучение, применение и развитие традиционных концепций педагогики творчества является одним из актуальных направлений педагогических исследований сегодня в связи с тем, что задействование теоретико-методологического инструментария именно этой области науки позволяет минимизировать негативные последствия повсеместного внедрения электронного обучения, ускорившегося в условиях пандемии COVID-19.

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания — Москва: Питер, 2010. — 282 с.
2. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: Психологический очерк. — Москва: Государственное издательство РСФСР, 1930.
3. Селиванова Л. Н. Педагогические взгляды С. Л. Рубинштейна: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. — Смоленск, 1998. — 182 с.
4. Федеральный закон 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 30.05.2021). Ст. 16.
5. Цифровая компетентность подростков и родителей: результаты всероссийского исследования: [монография] / Г. У. Солдатова [и др.]; Фонд Развития Интернет, Фак. психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. — Москва: Фонд Развития Интернет: Google, 2013. — 143 с.
6. Чапаев Н. и др. Креативная педагогика: проблемы, противоречия, пути их разрешения // Образование и наука. — 2011. — №. 10. — С. 30–40.
7. Graham P. Reimagining creativity—critically, ethically, and practically: a critical response to Kapitzke and Hay //A companion to research in education. Springer, Dordrecht. — 2013. — С. 289–292.

Субъективное восприятие времени младшими школьниками с синдромом дефицита внимания и гиперактивности

Младшие школьники с СДВГ, восприятие времени, СДВГ

Восприятие играет особую роль в становлении и развитии психики ребёнка: будучи тесно взаимосвязанным со сквозными психическими процессами (по Л.М. Веккеру), во многом определяет характер познания и осознания себя и окружающего мира в статике и динамике. В том числе, в контексте психического времени, тесно связанного со становлением и развитием успешивных процессов.

В последние годы значимо возросло число детей с верифицированным диагнозом СДВГ [1,2]. У школьников с такой особенностью часто наблюдаются проблемы в учебной деятельности, школьной успешности в целом. И восприятие ими времени может иметь в этом существенное значение.

С целью поиска взаимосвязи между восприятием времени и школьной успешности младшего школьника с СДВГ нами обследовано 80 обучающихся 1–4 классов с этим диагнозом.

Для решения задач исследования использован ряд психодиагностических методик: «Индивидуальная минута» для определения восприятия времени; «Корректурная проба» и «Тэппинг-тест» для оценки работоспособности; «Анкета оценки уровня школьной мотивации Н. Лускановой» для определения заинтересованности в обучении. Также проанализирована академическая успеваемость учеников. Для обработки полученных данных использован пошаговый метод множественной линейной регрессии. В качестве основного зависимого параметра использовались результаты измерения восприятия времени у детей.

Показатель «восприятие времени» у опрошенных детей с СДВГ в среднем составил 35 секунд, то есть школьники воспринимают одну минуту в два раза быстрее по сравнению со средней нормой. Наиболее высокий показатель (40 секунд) отмечен у обучающихся в третьем классе.

Исследование типа нервной системы показало, что среди младших школьников с СДВГ наиболее распространён средне-слабый тип. При этом дети с более сильным типом нервной деятельности допускают меньшее количество ошибок в выполнении учебных заданий и демонстрируют более высокие показатели восприятия времени. Следовательно, более точно определяют продолжительность событий, из-за чего основная единица учебного процесса (урок) воспринимается в соответствии с ожидаемым регламентом, а не кажется гораздо более длительной, как в ситуации ускоренного восприятия времени.

Среди обследованных детей самый высокий уровень школьной мотивации установлен у первоклассников. Высокий уровень выявляется и в 4 классе. Аналогичное распределение показателей установлено и в ходе оценки работоспособности по параметру точности. Очевидно, это объясняется большей заинтересованностью в выполняемой деятельности, что приводит к меньшему количеству ошибок. Данное умозаключение соответствует имеющимся в науке

данным о взаимосвязи качества деятельности детей с СДВГ с уровнем их интереса по отношению к тем или иным задачам.

Тем не менее, при статистическом анализе полученных данных предположение о взаимозависимости заинтересованности в обучении и академической успеваемости не подтвердилось. Равным образом, как и о взаимозависимости между оценками и восприятием времени — возможно, следствие специфики оценивания по модели «зачет/незачет» в 1 и 2 классах.

По параметрам концентрации, устойчивости и продуктивности при исследовании работоспособности более высокие показатели отмечены у обучающихся 3 класса, наиболее низкие — 1-го класса.

Математический анализ показывает, что восприятие времени у младших школьников с СДВГ имеет положительную корреляцию с результатами тэппинг-теста и показателем точности корректурной пробы. Это подтверждает выдвинутую нами частную гипотезу о взаимосвязи между восприятием времени и отдельными параметрами психической работоспособности.

Полученная информация может быть использована педагогами-психологами, методистами и учителями в организации образовательной работы с младшими школьниками с СДВГ (планировании и реализации уроков и иных учебных и внеучебных занятий, выборе методов и приёмов обучения и т.д.)

1. Максакова Л. В. Синдром дефицита внимания и гиперактивности // Педагогическое мастерство: материалы X Междунар. науч. конф. — Москва: Буки-Веди, 2017. — С. 115–118
2. Hooven J.T., Fogel B.N., Waxmonsky J.G. et al. Exploratory study of barriers to successful office contacts for attention deficit hyperactivity disorder // ADHD Atten. Def. Hyp. Disord., 10, 2018. — P. 237–243

Профессиональные типы личности белорусских и российских студентов сферы управления

Профессиональный тип, профессиональная направленность, профессиональная среда, студенты

Успешно конкурировать на сложном и динамичном рынке труда сможет молодой специалист, не только владеющий профессиональными компетенциями, но и обладающий сформированной профессиональной направленностью.

В эмпирическом исследовании профессиональной направленности личности приняли участие 117 будущих специалистов в сфере управления, из них 55 белорусских и 62 российских студента. Диагностика осуществлялась с помощью опросника Дж. Голланда «Профессиональная направленность личности».

Полученные результаты показали, что профессиональные типы у студентов представлены неравномерно. Доминирующими профессиональными типами у белорусских студентов выступают социальный, предприимчивый и артистический типы, выраженные по 18% каждый. На втором месте располагается конвенциональный тип (16%), третье место занимают реалистический и интеллектуальный типы (по 15%).

У российских студентов преобладает артистический тип, отмеченный у 22% опрошенных. На втором месте находится предприимчивый тип, его указали 18% респондентов. Третье место занимает социальный тип (16%), четвертое — реалистический и интеллектуальный типы (по 15%). Наименее выраженным оказался конвенциональный тип, его выбрали 14% респондентов.

Преобладание артистического типа у будущих менеджеров может быть связано не столько с проявлением артистизма, сколько с ориентацией на такие стороны предстоящей профессиональной деятельности, которые позволяют проявиться образному мышлению и воображению, а также реализуют потребность в самовыражении.

Применение U критерий Манна-Уитни показало наличие значимых различий в проявлении в артистического ($p \leq 0,01$) и социального ($p \leq 0,05$) типов личности у белорусских и российских студентов исследуемой выборки. Полученные результаты могут быть связаны со спецификой обучения и личностными характеристиками респондентов двух университетов.

Для успешной профессиональной деятельности будущих специалистов важно подобрать им оптимальную профессиональную среду. Поскольку в профессиограммах «Менеджер» и «Управленец» доминирующим профессиональным интересом выступает предпринимательский интерес, а дополнительным — социальный [2], важно выявить суммарный показатель проявления соответствующих профессиональных типов.

Для представителей предприимчивой профессиональной среды этот показатель включает данные предприимчивого, социального и конвенционального типов [3] и составляет у белорусских студентов 52%, у российских — 48%. Для социальной среды, где суммируются данные социального, артистического и предприимчивого профессиональных типов [3] это составляет 54% у белорусов и 56% у россиян. Полученные данные позволяют прогнозировать успешную деятельность в соответствующей профессиональной среде.

Изучение профессиональных типов выступает предпосылкой грамотного развития профессиональной направленности студентов. В качестве путей можно предложить ряд мероприятий, среди которых: психологическое просвещение; диагностика профессионально важных качеств личности и компонентов профессиональной направленности; психологическое консультирование по вопросам профессионального роста; разработка профессионального прогноза и рекомендаций по его реализации [3]. Оптимальная профессиональная направленность позволит ориентировать студентов на дальнейшее профессиональное развитие.

1. Полещук Ю. А., Бойко С.И. Применение типологии Джона Голланда на этапе профессиональной подготовки (на примере белорусских и российских студентов социономических профессий) // Диалог. 2020. № 4. С. 63–72.
2. Профессиограммы «Менеджер», «Управленец» // Романова, Е. С. 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы / Е. С. Романова. СПб.: Питер, 2003. С. 199–202, 379–383.
3. Holland, J. L. Making vocational Choices: A Theory of Vocational Personalities and Work Environments. North Florida: Psychological Assessment Resources, 1997. 303 p.

Параметры временной перспективы и ее связь с эмоциональным состоянием студентов ВУЗа

Временная перспектива личности, эмоциональное состояние, личностное становления личности.

Одна из важнейших составляющей психического функционирования, связанная с субъективным благополучием и успешным функционированием человека в постоянно развивающемся мире, — это временная перспектива личности. Этот конструкт выражает взаимообусловленность субъективного прошлого, настоящего и будущего, выполняет сложные интегративные процессы, соединяя воедино аффективные и мотивационные компоненты личности (Ермолова Е.О., 2020). Стремительно изменяющиеся условия среды позволили нам в полной мере обозначить актуальность проблемы психологического времени и временной перспективы личности, в частности, ссылаясь на многочисленные исследования в данном направлении (Белогой К.Н., Морозова И.С. и др., 2018).

Временная перспектива является изначально неосознаваемым феноменом, однако оказывает влияние на поведение и жизнь в целом, определяя принятие прошлого, понимание настоящего, построение планов на будущее. Особенно актуально понимание особенностей временной перспективы в период интенсивного профессионально — личностного становления личности, реализуемого во время обучения в ВУЗе. Именно в этот период, используя ресурсы прошлого и имея в виду свое будущее, молодой человек должен максимально эффективно скоординировать свое настоящее.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения сбалансированной временной перспективы, как показателя личностного развития будущих профессионалов в процессе обучения в ВУЗе.

Целью нашего исследования явилось исследование взаимосвязи временной перспективы с эмоциональным состоянием студентов психологической специальности. Использовали методики: опросник «Временная перспектива» Ф.Д. Зимбардо, методика «Семантический дифференциал времени» (Л.И. Вассерман., Е.А. Трифонова и К.Р. Червинская), шкала «Депрессия» А.Т. Бека, шкала «Безнадежность» А.Т. Бека, методика «Шкала оценки ситуативной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилберга в адаптации Ю.Л. Ханина. В исследовании приняли участие 98 студентов психологической специальности, обучающихся в Новосибирском Государственном Медицинском Университете. Из представленных 98 человек — 13 юношей и 85 девушек. Возраст испытуемых составил от 20 до 26 лет (средний возраст — $22,4 \pm 4,2$ года). Подсчитывался коэффициент корреляции по Ч. Спирмену, уровень значимости — $p < 0,05$.

Выявлена обратная взаимосвязь между уровнем депрессии и такими компонентами времени как его эмоциональная окраска ($r = -0,22$), величина ($r = -0,37$) и ощущаемость ($r = -0,22$). Также показаны обратные взаимосвязи чувства

безнадежности и эмоциональной окраски времени ($r=-0,27$), величины времени ($r=-0,36$) и ощущаемости времени ($r=-0,21$). Как соматические, так и когнитивно-аффективные проявления в структуре депрессии обратно связаны с эмоциональной окраской времени (соответственно, $r=-0,41$; $r=-0,21$), его величиной ($r=0,4$; $r=-0,37$) и ощущаемостью ($r=-0,25$; $r=-0,21$).

Негативное прошлое прямо связано с аффективно-когнитивным компонентом депрессии ($r=0,20$), фаталистическое настоящее — с ощущением безнадежности ($r=0,22$) и ситуативной тревожностью ($r=0,26$), обратно связано с эмоциональной окраской времени ($r=-0,19$). Ориентация на будущее обратно связана с ощущением безнадежности ($r=0,41$), а гедонистическое настоящее обратно связано с ощущаемостью времени ($r=0,2$) и его величиной ($r=-0,33$).

Полученные результаты соответствуют положениям концепции временной перспективы Ф. Зимбардо и психосемантической модели психологического времени. Интерес представляют результаты об обратной связи временной перспективы гедонистического настоящего с ощущаемостью и величиной времени — снижение этих компонентов, по нашим данным соответствует проявлениям депрессии, в то время как в подходе Ф. Зимбардо высокое гедонистическое настоящее представляет собой компонент благоприятной временной перспективы. Можно предполагать, что для студентов ВУЗа с ведущей учебной деятельностью погружение в настоящий момент в плане получения удовольствия, отказа от планирования будущего в ущерб текущим удовольствиям является компенсаторной стратегией, позволяющей избегать решения жизненных проблем, что может вести к усилению депрессивных проявлений либо являться их результатом.

1. Белогай К.Н., Морозова И.С., Медовикова Е.А., Сахарчук Н.Ю., Тупикина Г.Г. Особенности временной перспективы личности студентов с различным уровнем осознанной саморегуляции на этапах обучения в вузе // Вестник Новосибирского Педагогического Университета. — 2018. — №8–5. — С. 57–72.
2. Ермолова И.М., Штрахова А.В. Временная перспектива и переживание безнадежности в структуре внутренних форм суицидального поведения // Вестник Южно-Уральского Государственного Университета. — 2015. — №4–8. — С. 39–51.

Личностные особенности родителей в замещающих семьях

Семья, родительство, замещающее родительство, сиротство

Устройство в семью детей, оставшихся без попечения кровных родителей на сегодняшний день считается оптимальным решением проблемы сиротства в нашей стране. Тем не менее практика передачи ребенка приемным семьям далека от совершенства и имеет целый ряд неразрешенных проблем [1]. Одна из них — отсутствие единого, достаточно надежного и научно обоснованного механизма отбора и подготовки кандидатов в замещающие родители. Для совершенствования подобных механизмов необходимо изучение психологических особенностей людей, берущих детей-сирот в свою семью на воспитание. Замещающее родительство представляет собой сложно организованную систему. В ней объединены личностные особенности приемных родителей и их отношение к проблемам детей-сирот, которые реализуется в процессе взаимодействия с приемными детьми и позволяют выполнять все родительские функции [2].

Цель исследования заключалась в выявлении наиболее значимых личностных особенностей приемных родителей в замещающих семьях. Предполагалось, что замещающие родители менее склонны к эгоцентрическим ориентациям и у них более выражена конформность, чем у родителей без опыта принятия ребенка в семью. Предметом исследования стали личностные особенности родителей. Объектом — эгоцентрические ориентации и конформность родителей с разным опытом замещающего родительства.

В исследовании участвовали 52 родителя, преимущественно матери. Они были распределены на две группы по 26 человек: с опытом воспитания приемных детей и без такого опыта. Методический комплекс включал в себя «Тест эгоцентрических ассоциаций» в адаптации Т.Н. Пашуковой и многофакторную личностную методику Р.Б. Кеттелла (модифицированный вариант). В процессе статистической обработки эмпирического материала использовались процедуры дескриптивного анализа, (среднегрупповые значения, стандартные отклонения, значения моды), проверялась нормальность распределения показателей, использовался U-критерий Манна-Уитни.

Как показали результаты исследования, по эмоциональным, коммуникативным, интеллектуальным и регуляторным личностным характеристикам замещающие родители близки родителям без опыта приема детей на воспитание. Тревожность составила $5,50 \pm 1,646$. в группе замещающих родителей и $5,25 \pm 1,706$. — в группе обычных родителей, экстраверсия — $5,38 \pm 2,076$. и $5,64 \pm 1,806$. соответственно, эмоциональная чувствительность — $5,12 \pm 1,526$. и $5,28 \pm 1,876$. соответственно. Родителей обеих групп сближает индекс эгоцентризма: $12,92 \pm 8,36$ в группе замещающих родителей и $14,23 \pm 7,86$ в группе обычных родителей. Отсутствие статистически достоверных различий по этим показателям может говорить о том, что родители, ориентированные на принятие чужих детей в семью, обладают тем же личностным базисом, что и обычные родители.

В то же время замещающие родители имеют специфические личностные особенности. Они больше ориентированы на семью — $9,62 \pm 7,676$. и $4,85 \pm 5,316$. соответственно (при $p \leq 0,01$) и на детей-сирот — $4,85 \pm 6,706$. и $1,69 \pm 6,616$. (при $p \leq 0,01$). Для них характерно более выраженное намерение относительно принятия таких детей на воспитание. Замещающие родители более склонны к оптимистической позиции — $7,77 \pm 4,136$. и $5,85 \pm 4,046$. (при $p \leq 0,05$). Склонность к жизнеутверждающим суждениям позволяет планировать повторное принятие ребенка-сироты в семью. Обнаружена тенденция к более выраженной конформности в группе замещающих родителей по сравнению с теми, у кого нет опыта замещения: $5,91 \pm 1,806$. и $6,31 \pm 1,696$. соответственно (при $p \leq 0,14$). При этом повышенная конформность у замещающих родителей сочетается с большим количеством ожиданий по отношению к приходу ребенка в семью.

Таким образом, показана общность и специфичность личностных особенностей замещающих родителей. Это может быть использовано при индивидуальном консультировании кандидатов в замещающие родители.

1. Боулби Дж., Привязанность, — М.: Гардарики, 2003 г. С. 447
2. Шипицина Л.М., Психология детей сирот, — СПб: изд-во С.-Петербургского университета, 2005 г. С.627

Особенности ценностной сферы студентов с различным уровнем саморегуляции поведения.

Ценности, ценностная сфера, саморегуляция поведения, личность

Изучение саморегуляции поведения в современной психологии является одним из важных направлений исследований, т.к. она обеспечивает эффективность жизнедеятельности индивида в различных сферах его жизни. По словам О.А. Конопкина: «от степени совершенства процессов саморегуляции зависит успешность, надежность, продуктивность, конечный исход любого акта произвольной активности» [2, с. 7]. В контексте социальных взаимоотношений данная проблема приобретает особое значение, т.к. взаимодействие с различными элементами социума, в большинстве своем, предполагает соблюдение множества требований, предъявляемых к индивиду. Возникает необходимость изучения природы взаимосвязи процессов саморегуляции с различными компонентами личности, в частности ценностной сферой как основой для формирования личностной направленности. Значимые личностные ценности направляют человека при реализации различных форм активности, «входят в структуру его убеждений ...становятся основой выбора собственных поступков» [1, с. 40], что доказывает их тесную взаимосвязь с процессами саморегуляции поведения.

На основании вышесказанного было проведено эмпирическое исследование. В качестве выборки были привлечены 63 студента Челябинского государственного университета (39 чел.) и Курганского государственного университета (24 чел.) в возрасте от 18 до 21 года, из них 12 юношей и 51 девушка. Цель исследования: изучение особенностей ценностной сферы студентов с различным уровнем саморегуляции. Гипотеза исследования: у студентов с различным уровнем саморегуляции существуют различия в значимых ценностях. Методы исследования: тестирование и методы статистической обработки (Н-критерий Краскела — Уоллиса). Для проведения тестовых опросов использовалась методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности и «Стиль саморегуляции поведения ССП-98» В.И. Моросановой.

По результатам методики В.И. Моросановой выборка разделилась на группы с низким (19 чел.), средним (20 чел.) и высоким (24 чел.) уровнем саморегуляции. Далее, с помощью методики Ш. Шварца были получены ценностные портреты выделенных групп. При сравнении показателей значимых ценностей были получены статистически достоверные различия в выраженности ценностей «Конформность» ($H=6,631$, $p=0,036$) и «Самостоятельность» ($H=8,762$, $p=0,013$). Различия были найдены на уровне индивидуальных приоритетов т.е. уровне ценностей, наиболее часто проявляющихся в социальном поведении личности [1].

Средние значения ценности «Конформность» ниже у группы с высоким уровнем саморегуляции ($M=1,52$), чем со средним ($M=2,05$) и с низким ($M=2,07$) уровнями. Это говорит о том, что группы с низким и средним уровнями при реализации собственной активности более подвержены влиянию со стороны

референтной группы. Данные испытуемые, регулируя свое поведение, предпочитают руководствоваться нормами окружения, пассивно соглашаясь с ними, а не собственными убеждениями при осуществлении регуляции своего поведения.

Ценность «Самостоятельность» как самостоятельность мышления и выбора способов действия [1, с. 28–29] показала противоположный результат. Наибольшие значения у группы с высоким уровнем саморегуляции ($M=2,88$) по сравнению с группами со средним ($M=2,58$) и низким ($M=2,25$) уровнями т.к. именно в ситуациях самостоятельного, автономного выбора, возрастает роль способности контролировать свои действия для достижения поставленных целей, т.е. способности к саморегуляции поведения.

Таким образом, полученные результаты подтверждают наше предположение о связи процессов саморегуляции с компонентами личности, в частности ценностной сферой. Полученные данные подтверждают гипотезу о существовании различий у студентов с различным уровнем саморегуляции.

1. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — СПб.: Речь, 2004. — 70 с.
2. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.

Уровень исследовательского потенциала студентов разной профессиональной направленности

Исследовательский потенциал, студенты, профессиональная направленность

С каждым годом растет количество научных открытий, внедряются новые технологии во все сферы жизни человека, что требует высокого уровня научно-исследовательской и профессиональной подготовки молодых специалистов. Динамичность, технологизация современного мира и, соответственно, социальный заказ актуализирует изучение исследовательского потенциала студентов, а также факторов и предикторов его развития в образовательной среде вуза.

Анализ теоретико-методологических основ изучения исследовательского потенциала (ИП) позволяет нам определить данную категорию как совокупность ресурсов человека, которые могут содействовать достижению поставленных целей исследователя при условии содействия этому внутренних мотивов и характерных черт самой личности и внешних факторов в виде дополнительного стимулирования в различных составляющих образовательной сферы [1]. Исследовательский потенциал содержит в себе три функциональных блока, определяющих эффективность исследовательской деятельности: мотивационный, когнитивный и поведенческий компоненты.

В психолого-педагогической литературе выделен целый комплекс взаимосвязанных факторов, обуславливающих развитие исследовательского потенциала студентов, в том числе фактор профессиональной направленности. В этой связи нами было проведено исследование с целью изучения уровня исследовательского потенциала у студентов разной профессиональной направленности. Гипотезой стало предположение, что студенты деонтологического и технического профиля обучения имеют количественные и качественные различия исследовательского потенциала. Методами исследования выступили: психодиагностика — «Методика оценки исследовательского потенциала» Н.В. Бордовской и соавторов [1], метод математической статистики — сравнительный анализ с расчетом критерия Стьюдента. Выборка исследования включила 110 студентов II–IV курсов двух вузов Кузбасса. Соответственно, в первую группу (ЭГ 1) вошли 55 студентов, обучающихся в КемГУ по направлениям «психология», «клиническая психология», «социальная работа», а во вторую (ЭГ 2) — 55 обучающихся в КузГТУ по направлениям «химическая технология», «прикладная информатика», «строительство».

Результаты проведенного исследования показали, что общий уровень ИП студентов обеих групп соответствует среднему уровню (М в ЭГ 1– 4,8 и М в ЭГ 2– 5,6). При этом статистически значимых различий показателей ИП студентов двух групп не обнаружено. Однако сравнительный анализ показателей компонентов ИП выявил, что уровень развития поведенческого компонента достоверно выше в группе студентов технической направленности (М в ЭГ 1– 3,8 и М в ЭГ 2–5,3 при $p \leq 0,01$). Таким образом, если уровень развития мотивационного и когнитивного компонентов

у студентов двух групп близок и соответствует среднему, то уровень развития поведенческого компонента ИП студентов деонтологической направленности интерпретируется как низкий.

На основании анализа результатов можно сказать, что студенты технической направленности в большей степени готовы к самостоятельной научно-исследовательской деятельности, тогда как студенты деонтологической направленности могут испытывать затруднения в реализации своего исследовательского потенциала. В целом, содержательные характеристики исследовательского потенциала студентов разной профессиональной направленности имеют как сходства, так и различия. Перспективы дальнейшего исследования проблемы связаны с изучением не только внутренних (психологических) факторов развития исследовательского потенциала студентов, но и внешних факторов, например, особенностей образовательной среды и политики вуза.

1. Бордовская Н.В., Костромина С.Н., Розум С.И., Москвичева Н.Л. Исследовательский потенциал студента: содержание конструкта и методика его оценки // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 2. С. 89–103.

Сорокин В.М.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Кац Е.Э.
Санкт-Петербург, ГБОУ №755 Санкт-Петербурга "Региональный Центр аутизма"

Шукин А.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Феноменология детства в контексте психопатологии развития. К 130 — летию со дня рождения Г.Е. Сухаревой

Детский аутизм, детство, психического недоразвитие, эволюционный подход

11 ноября 2021 года исполняется 130 лет со дня рождения выдающегося отечественного психиатра Груни Ефимовны Сухаревой, наследие которой оказало сильнейшее влияние не только на сам факт формирования детской психиатрии, как самостоятельной клинической дисциплины, но и на многие смежные науки такие как психотерапия, клиническая и специальная психология, коррекционная педагогика и др.

Становление детской психиатрии в начале XX века во многом представляется закономерным на фоне особого интереса к феноменологии детства в научно-культурном дискурсе того времени. Именно в это время наблюдается активное развитие детской психологии, этнографии, психоанализа, педологии, специальной психологии, дефектологии и ортопедагогике. Особых успехов достигли теория и практика дошкольного воспитания, в рамках которой парадигма созревания и ухода сменилась представлениями о развивающем воспитании. Теория М. Монтессори была разработана и прекрасно себя зарекомендовала в работе с особыми детьми и далее была распространена на здоровых детей. Проникновение эволюционных идей в психиатрию сыграло ключевую роль в появлении психопатологии развития и детства. Важной заслугой Г.Е. Сухаревой была разработка эволюционно-биологической концепции психической патологии у детей. Одним из ее положений является идея о том, что в процессе протекания психических заболеваний у детей, кроме деструктивных компонентов, защитных механизмов, имеет место и формирование позитивных новообразований, характерных для возрастного онтогенеза психики.

Разработанная Г.Е. Сухаревой собственная классификация форм психического недоразвития у детей, имеет и по сей день особое теоретико-методологическое и практическое значение для клинической и специальной психологии, коррекционной педагогики и реабилитологии. Ею отмечалось, что устойчивое снижение интеллекта является общим свойством олигофрении, но социальный прогноз, направление и содержание коррекционно-воспитательной и лечебной работы определяются формами умственной отсталости. Именно это обстоятельство прежде всего должны учитывать психологи, олигофренопедагоги и родители. Груня Ефимовна указывала, что при всем удобстве использования стандартизированных методов исследования интеллекта, они не отражают потенциальных возможностей ребенка, как важнейшей характеристики его психического развития. За несколько десятилетий до появления

термина инклюзивное обучение, Г.Е. Сухарева высказывала идею о психотерапевтической пользе совместного обучения детей с отклонениями в развитии и здоровых детей.

Отдельно следует упомянуть исследования Г.Е. Сухаревой феномена детского аутизма. В 1925 г. ею было представлено описание клинических случаев, которые в современной детской психопатологии называются ранний детский аутизм. Подчеркнем, что сделано это было за два десятилетия до публикаций Л. Каннара и Х. Аспергера! Описанные симптомы Г.Е. Сухарева назвала «шизоидной», а позже «аутистической психопатией». Через много лет эта же симптоматика будет фигурировать в работах Л. Каннера и Х. Аспергера. Особенно важно отметить, что в 1926 г. результаты своих исследований детского аутизма Г.Е. Сухарева опубликовала на немецком языке в международном журнале Психиатрии и невропатологии. Остается только догадываться, почему ее статья осталась незамеченной. Тем не менее, через 70 лет С. Вольф (S. Wolff) перевела статью Г.Е. Сухаревой на английский язык, и представила ее научной общественности как автора первой публикации по проблеме аутизма, что не может не вызывать законной гордости.

Среди многочисленных публикаций Г.Е. Сухаревой, которые фиксируют этапы ее научного творчества и отражают эволюцию взглядов ученого, следует особо выделить ее «Клинические лекции по психиатрии детского возраста» — трехтомное издание, входящее в золотой фонд отечественной науки и по сей день служащее ценным источником знаний для психиатров, психологов и дефектологов.

Влияние внешней и внутренней академической мотивации на мотивационные смыслы базовых индивидуальных и метаценностей студентов, обучающихся консультативной психологии

Внешняя и внутренняя академическая мотивация, уточненная теория базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца, мотивационный континуум ценностей, ценностно-смысловые основания подготовки психологов-консультантов

Подготовка психологов-консультантов, ориентированная не только на профессиональные знания и мастерство, но и на принятие ценностно-смысловых оснований профессии (например, в опыте Ф.Е. Василюка [3]), в эпоху стандартизации и регламентации программ высшего образования принадлежит к исчезающим образцам ценностно-рациональных педагогических систем [4]. Каковы мотивационные смыслы базовых индивидуальных и метаценностей студентов, начавших обучение сегодня? Способны ли на них повлиять преподаватели младших курсов путем «работы» с академической мотивацией?

Концептуальная основа: уточненная теория базовых индивидуальных ценностей и модель мотивационного континуума ценностей Ш. Шварца [5]; представления о внешней и внутренней мотивации в рамках теории самодетерминации Э. Диси и Р. Райана [1].

Цель: выявить влияние (в т.ч. совокупное) внешней и внутренней академической мотивации на мотивационные смыслы базовых индивидуальных, укрупненных и метаценностей студентов-психологов. Выборка: 100 студентов 1–2 курсов факультета консультативной и клинической психологии МГППУ. Методики: «Шкала академической мотивации (ШАМ)» [1] и «Портретный ценностный опросник-пересмотренный (PVQ-R) [5].

Двухфакторный дисперсионный анализ (критерий Ливиня отмечал равенство дисперсий в подвыборках, применение метода по отношению к зависимым переменным было корректно [2]) предсказуемо показал влияние внутренней мотивации на одну (из 4) укрупненную ценность «Открытость изменениям» ($p=0,004$) и на составляющие ее «Самостоятельность мысли» ($p=0,000$), «Самостоятельность поступков» ($p=0,026$), «Стимуляцию» ($p=0,010$); а влияние внешней — на конфликтующую с ними ценность «Сохранение» ($p=0,000$) и на входящие в нее «Скромность» ($p=0,008$), «Конформизм-Правила» (0.000), «Конформизм-Межличностный» (0.000), «Безопасность-Общественная» (0.029). «Самоутверждение» испытало совокупное влияние обоих факторов (2x2) на уровне значимой тенденции ($p=0,070$), а входящая в нее «Власть-Доминирование» — их значимое влияние ($p=0,010$). Противоположная ценность «Самоопределение» подверглась влиянию мотивации внутренней ($p=0,057$) и внешней ($p=0,007$) по отдельности, как и входящая в нее «Благожелательность-Чувство долга»: внутренней ($p=0,011$) и внешней ($p=0,036$). Наконец, оба фактора влияли на обе метаценности:

совокупно (2x2) на «Избегание тревоги, самозащиту» ($p=0,032$), а внутренняя ($p=0,003$) и внешняя ($p=0,023$) по отдельности — на «Рост и развитие, свободу от тревоги».

Таким образом, только высокий уровень (или доминирование) внутренней академической мотивации, а не «традиционная» для администрации и преподавателей младших курсов «работа» лишь с внешней, способен влиять на «профильные» для психолога-консультанта мотивационные смыслы ценностей («Открытость изменениям», «Самоопределение» и отчасти «Самоутверждение») в рамках объединяющей их метаценности «Рост и развитие».

1. Гордеева, Т. О. Опросник «Шкалы академической мотивации» / Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин // Психологический журнал. — 2014. — Т. 35, № 4. — С. 96–107.
2. Сороков Д. Г. Практикум по методам психологического исследования: учебное пособие. — Москва, 1996. — 96 с.
3. Сороков Д. Г. «Концепция развития факультета психологического консультирования» Ф. Е. Василюка в контексте типологии педагогических систем и мировых образовательных трендов // II Междунар. конф. по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Ф. Е. Василюка: сб. материалов. — Москва, 2020. — С. 225–229.
4. Сороков Д. Г. Современные трансформации смысловых оснований и антропологические риски в подготовке психологов-консультантов (в контексте научно-педагогического наследия Ф. Е. Василюка) // II Междунар. конф. по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Ф. Е. Василюка: сб. материалов. — Москва, 2020. — С. 230–233.
5. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2012. — Т. 9, № 1. — С. 43–70.

Вербальная готовность соблюдения моральных норм младших подростков в решении моральных дилемм

Моральная дилемма, морально-этическое сознание, норма взаимопомощи, норма честности/ответственности, норма справедливости

Духовно-нравственное состояние общества в любой стране определяется уровнем морально-этического сознания граждан. Особое внимание во все эпохи закономерно уделялось детям и подросткам, так как этот период является наиболее благоприятным для развития моральных чувств.

За последние 20–30 лет мир изменился кардинально и продолжает меняться, обуславливая изменения во всех сферах жизни. В современном российском обществе исследования начала XXI века свидетельствуют о негативных явлениях, наблюдаемых в духовно-нравственной сфере, в том числе, среди молодёжи — аномия, снижение ценности ряда моральных качеств — альтруизма, бескорыстия, взаимопомощи, честности и др.» [А.В.Юревич,2018].

Современные подростки при всех традиционных характеристиках — зарождающееся чувство взрослости, обретение идентичности — являют собой новый тип личности, так как формирование личностных характеристик осуществляется в качественно новых условиях. Противоречие между зарождающимся типом личности и старыми методами взаимодействия взрослых и детей, особенно в эпоху цифровизации требует своего разрешения. Для этого необходимо понимание морально-этических установок, которые «живут» в сознании личности и определяют её жизнедеятельность.

В связи с этим было проведено изучение вербальной готовности младших подростков следовать моральным нормам взаимопомощи, честности и ответственности за проступок, справедливости при распределении благ на основе решения моральной дилеммы просоциального типа и асоциального типа с помощью методики «Как поступить», [Даниленко, Карабанова О., Ковалёва Г.С. и др., 2013]. Школьникам были предложены три моральные дилеммы, связанные с нормой взаимопомощи, честности/ответственности за проступок и справедливости при распределении благ. Один из вопросов был направлен на выяснение личностной позиции респондента по каждой из предложенных ситуаций: «Если бы ты оказался на месте персонажа, который делает выбор, что сделал бы ты (помог в уборке или отказал, признался в проступке или не признался, сказал бы правду в случае несправедливого распределения благ или промолчал)?»

В результате были получены следующие данные:

- по норме взаимопомощи анализ ответов свидетельствует о том, что согласились бы помочь товарищам в уборке 70–80% школьников, причём, чем младше возраст, тем больше отзывчивость. Меньше всего отказов отмечается среди

младших школьников (2%), но выявлен достаточно большой процент ухода от прямого ответа (18%). Это может говорить о трудности принятия решения даже на словах. Среди шестиклассников наибольшее количество человек, избегающих принятия решения при необходимости проявить просоциальное поведение — 22%.

- по норме честности/ответственности получены данные о 63–72%, младших подростков, теоретически готовых признать свою вину за проступок; 8–13% выразили отказ соблюдать норму даже на словах; 18–29%, «уходят» от ответа, причём более всего «отказников» среди пятиклассников. Это может объясняться опасением прямо высказать отказ нарушить норму, а также формальным подходом к заданию или недостаточно развитой рефлексией.
- по норме справедливости 23% четвероклассников, 15% учащихся пятых классов и 38% шестиклассников выбирают вариант «промолчал» в случае незаслуженного поощрения, то есть они вполне осознанно идут на нарушение нормы. Готовы сказать правду в ситуации несправедливости 41–59% школьников, а 19–26% выбрали ответ «Не знаю», причём больше всего таких среди пятиклассников.

Таким образом, наиболее принятой в среде 10–12 летних школьников оказалась моральная норма взаимопомощи, а наименее представленной - норма справедливости при распределении благ. Считаем перспективным дальнейшее изучение морально-этического сознания младших подростков на уровне психологических процессов, лежащих в основе подобных моральных убеждений, так как это позволит понять многие поведенческие паттерны подростков в будущем.

1. Даниленко О.В., Ермакова И.В., Карабанова О.А., Ковалёва Г.С., Логинова О.Б., Нурминская Н.В., Нурминский А.И. Результаты внедрения инструментария и процедур оценки качества начального общего образования в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами. М.: Российская академия образования, 2013. 46 с.
2. Юревич А. В. Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского общества [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник.- 2018.- N4.- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/empiricheskie-otsenki-nravstvennogo-sostoyaniya-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 15.06.2021).

Мотивация учения студентов-первокурсников медицинского факультета при разных формах обучения

Мотивация учения; дистанционное обучение; смешанная форма обучения; обучающиеся медицинских специальностей

Специалисты медицинского профиля обладают широким спектром знаний и специфическим набором компетенций. Успешное обучение по медицинской специальности требует серьезной устойчивой мотивации, являясь одним из наиболее сложных направлений подготовки кадров. И хотя выбор этой специальности чаще всего осуществляется абитуриентами осознанно, в первый год обучения в процессе адаптации к вузу и новым требованиям мотивация обучающихся отчетливо оформляется в контексте их приоритетов, понимания своей будущей роли, ожиданий и соответствия им реальных условий обучения.

Формат обучения, подвергавшийся в течение последних двух лет постоянным изменениям, несомненно, также влияет на готовность обучающихся уделять время и силы учебе и на их удовлетворенность ей. Согласно некоторым данным, для вовлечения студентов в учебный процесс при дистанционном и смешанном формате обучения наиболее важным оказывается наличие у них внутренней мотивации, а не внешней [1].

В связи с вышеизложенным была сформулирована цель исследования — сравнение мотивации учения студентов-первокурсников медицинского факультета при разных формах обучения.

Исследование проводилось методом поперечных срезов; в нем приняли участие 227 респондентов (75 юношей, 152 девушки): 1-ая группа — 48 человек, обучающихся в очном формате (2016 г.), 2-ая группа — 76 студентов — в дистанционном/онлайн формате (2020 г.), 3-ая группа — 103 студента — в смешанном (очно-дистанционном) формате (2021 г.). Данные собирались в конце весеннего семестра.

Были использованы Методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевской) и анкета для получения информации о социально-демографических характеристиках респондентов. Данные анализировались с помощью критерия У-Манна-Уитни.

Выявлено, что во всех трех группах преобладающими мотивами учебной деятельности являются профессиональные, т. е. начиная с первого курса студенты-медики стремятся к профессиональному становлению. При этом сравнение иерархии мотивов у студентов, обучающихся в разных форматах, показало следующее. У студентов, обучающихся очно, по сравнению со студентами, обучающимися в дистанционном/онлайн формате, в большей степени выражены коммуникативные мотивы ($p=0,043$). Несмотря на то что студенты во второй группе имели опыт очного взаимодействия в первом семестре, а с переходом на дистанционный формат прошло не так много времени, потребность во взаимодействии с однокурсниками у них отошла на второй план.

Также для первой группы оказалось более значимым по сравнению со второй ($p=0,007$) и третьей ($p=0,029$) творческое выражение в ходе учебной деятельности. Сравнение мотивов обучающихся в 2020 и 2021 гг. продемонстрировало, что профессиональные мотивы были в большей степени выражены у тех, кто осваивал программу в смешанном формате, чем у студентов, которые были вынуждены в связи с пандемией перейти на дистанционный формат. Возможно, на такие результаты могла повлиять ситуация пандемии в мире.

Стоит отметить, что выявленная разница в мотивах учения может быть обусловлена не только спецификой формата обучения, но и иными факторами — личностными особенностями участников исследования, актуальной социально-экономической ситуацией, сложившейся на тот период, когда они проходили опрос, и др. Однако наше исследование вслед за работой А.С. Афанасьевой показывает, что содержание мотивации деятельности студентов все же отличается в зависимости от условий обучения — традиционного или дистанционного [2]. Т. о., вышесказанное наводит на размышления о важности формата обучения для формирования тех или иных мотивов учения и задает направления дальнейших исследований в этой области.

1. Кононыхина О.В. Мотивация студентов при дистанционном обучении // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. 2–1(53). С. 107–111.
2. Афанасьева А.С. Содержание и специфика мотивации учебной деятельности студентов дистанционной формы обучения: автореферат дис. ... к.п.н.: 19.00.07. Ярославль, 2018. 25 с.

Осознанная саморегуляция достижения целей и карьерно-адаптационные способности в профессиональном саморазвитии учащихся

Осознанная саморегуляция, карьерно-адаптационные способности, саморазвитие, учащиеся

Исследования осознанной саморегуляции человека как психологического ресурса профессионального саморазвития в условиях колоссальных изменений рынка труда, увеличивающейся неопределенности и неизбежной трансформации современного мира профессий актуальны и востребованы не только с точки зрения решения фундаментальных проблем общей психологии, психологии саморегуляции и профессиональной психологии. Результаты наших исследований имеют также практическое значение для обеспечения педагогов, психологов, hr-специалистов, работодателей современным методическим инструментарием для решения вопросов профессионального самоопределения с учетом регуляторных и карьерно-ориентируемых психологических ресурсов, способствующих профессиональному развитию школьников и студентов. Осознанная саморегуляция понимается как когнитивно-личностный метаресурс выдвижения целей и управления их достижением для решения разнообразных задач жизнедеятельности [2]. Карьерная адаптивность рассматривается как способность решения задач профессионального развития с использованием карьерно-адаптационных ресурсов. Они проявляются в заинтересованности в профессиональном будущем, с принятием на себя ответственности за свою карьеру, с проявлением любознательности в отношении профессиональных возможностей, с уверенностью в самоэффективности и успешной реализации своих профессиональных устремлений [4].

308 учащихся 10–11 классов (189 девушек 119 юношей в возрасте 15–19 лет) приняли участие в обследовании, с использованием следующих методик: опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020» [3]; «Шкала карьерно-адаптационных способностей» М. Савикаса и Э. Порфели, русскоязычная адаптация [1]; «Опросник Большой пятерки — 2» К. Сото и О. Джона, русскоязычная адаптация [5].

Выявленные статистически значимые взаимосвязи показателей осознанной саморегуляции и карьерно-адаптационных способностей с показателями черт большой пятерки согласуются с имеющимися в литературе многочисленными данными о связи личностных особенностей как с осознанной саморегуляцией, так и с карьерно-адаптационными способностями. Все показатели осознанной саморегуляции положительно коррелируют с показателями карьерно-адаптационных способностей и личностными диспозициями (преимущественно, при $r_{0.01}$). Полученные результаты свидетельствуют о существенном вкладе осознанной саморегуляции в формирование карьерно-адаптационных способностей и ставят вопрос об опосредующем влиянии личностных особенностей механизмами саморегуляции на их развитие.

1. Кондратюк Н.Г., Бурмистрова-Савенкова А.В., Моросанова В.И. Шкала карьерно-адаптационных способностей М. Савикаса и Э. Порфели: психометрические характеристики русскоязычной версии // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика — 2021. — в печати.
2. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности. // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. — 2021. — № 1. — С.4–37.
3. Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020» // Вопросы психологии. — 2020. — №4. — С. 155–167.
4. Savickas M.L., Porfeli E.J. Career Adapt-Abilities Scale: Construction, reliability, and measurement equivalence across 13 countries // Journal of Vocational Behavior. — 2012. — № 80. — P. 661–673.
5. Shchebetenko S., Kalugin A.Y., Mishkevich A.M., Soto C.J., John O.P. Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory-2: Evidence from the Russian version // Assessment. — 2020. — Vol. 27. — №30. — P. 472–486. doi:10.1177/1073191119860901

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-013-00741

Коммуникативная компетентность педагогов в условиях инклюзивного образования в детском саду

Коммуникативная компетентность, инклюзивное образование, детский сад

Введение. Современное инклюзивное образование предполагает не только создание особых условий для детей, имеющих особые образовательные потребности, но и новый уровень профессиональной компетентности педагогов, реализующих данную гуманистическую парадигму в условиях детского сада.

Постановка проблемы. Коммуникативная компетентность — понятие социальное, включающее знание культурных ценностей общества и личностное, имеющее в своей основе и индивидуальные особенности педагога [1]. Проблема заключается в том, что реализация инклюзивного образования требует расширения круга компетенций педагогов дошкольных образовательных организаций во взаимодействии с субъектами образовательного процесса [2]. Проблемные зоны работы педагогов включают высокий уровень эмоциональной стрессогенности, увеличение объема формализма в деятельности и резкое увеличение количества детей с особыми образовательными потребностями, вызванное модернизацией системы образования [3]. Таким образом, актуальность данной проблемы заключается в противоречии между требованиями к эффективной реализации инклюзивного образования и недостаточным уровнем инклюзивной, в частности, коммуникативной компетентности субъектов воспитательно-образовательного процесса.

Методы: наблюдение, беседы, опрос, анкетирование педагогов-психологов ДОО на базе районного методического объединения Ленинского района г. Екатеринбурга

Результаты и обсуждение: В условиях инклюзивного образования в современном детском саду резко расширяется круг участников воспитательно-образовательного процесса, включающий кроме воспитанников с ОВЗ, их родителей и педагогов, также различных специалистов, тьютеров, медицинских работников и представителей социально-уязвимых групп лиц. Поэтому педагогам детского сада необходимо:

- достигать коммуникативного продукта, используя языковую и невербальную тактику в соответствии с коммуникативными навыками детей с особыми образовательными потребностями и членов их семей;
- научить других участников образовательного процесса взаимодействовать с ребенком с ОВЗ и его родителями;
- постоянно повышать уровень своего профессионализма для сотрудничества со всеми специалистами, работающими над реализацией индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся.

В сложившейся ситуации большая часть педагогов в условиях инклюзивного образования имеет коммуникативные трудности, которые заключаются в следующем:

1. снижение уровня внутренних личностных ресурсов педагогов, необходимых для эффективного взаимодействия;
2. необходимость использования различных методов социализации воспитанников при наличии большого количества детей с различными формами нарушений психофизического здоровья в условиях переполненности групп;
3. сложность коммуникации между родителями нормативно развивающихся детей и детей с ОВЗ.

Выводы: Таким образом, можно сделать вывод, что проблема коммуникативной компетентности педагогов в условиях инклюзивного образования в детском саду является очень значимой для качества образовательного процесса и требует решений на организационном, методическом, психологическом и личностном уровнях.

1. Кирилова, С.А. Влияние коммуникативной компетентности на эффективность профессиональной деятельности в сфере образования // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: материалы Всерос. науч.-практич. конференции с международ. участием: Чебоксары, 2021. — С. 87–89. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45580705_56771218.pdf
2. Гостева, Л.З. Коммуникативная компетентность как одна из составляющих профессионализма педагога в условиях инклюзивного образования / Л.З. Гостева, Ю. В. Бадалян // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2021. — № 2–5 (70). — С. 85–90. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45575387_51544473.pdf
3. Кузнецова, Е.В. Социально-коммуникативная компетентность педагогов дошкольного образования // Вопросы педагогики. — 2020. — № 4–1. — С. 145–148. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42700198_15730416.pdf

Особенности пространственного гнозиса и восприятия ритма леворукими школьниками

Леворукость, левшество, восприятие ритма, зрительно-пространственные представления, начальная школа

Введение

Созревание всех структур мозга, развитие пространственного восприятия и восприятие ритма представляет собой сложный процесс. У леворуких детей сложности в формировании пространственного гнозиса проявляются в трудности различения правых и левых сторон, худшем выполнении пространственных задач, наблюдаются зеркальные ошибки. Вторично осложняется процесс письма, так как он затрагивает деятельность всех участков коры головного мозга [1]. Восприятие ритма осложняется повышенным торможением, что ухудшает восприятие временных промежутков.

Метод

На базе ГБОУ г. Москвы «Школа №2107» в 2019–2021 годах было обследовано 102 учащихся начальных классов: 86 леворуких и 16 праворуких (в связи со сложной эпидемической обстановкой в 2020 г. набор группы праворуких детей был задержан). Использовались нейропсихологические пробы: графическая проба на динамический праксис, тест на реципрокную координацию, копирование с перешифровкой, проба Хэда, копирование стола и куба, пробы на оценку и воспроизведение ритмов [2].

Результаты

Пространственный гнозис у леворуких детей.

Выражены правополушарные ошибки (89% детей), регуляторные ошибки (29%). 61% детей выполняет программу нормативно или с единичными сбоями и упрощениями, что может говорить о нормативном формировании блока регуляции и контроля. Слабо сформировано понимание пространственных отношений, на письме это проявляется неудержанием строки, выходом за линии (87%). Самые частые ошибки — линейные дизметрии (84%), зрительно-пространственные ошибки при рисовании куба (75%) и стола (68%), предметы чаще изображаются плоскими. Часты и топологические ошибки (59%). Дети путают левую и правую сторону (63%).

Восприятие ритма у леворуких детей.

Персеверации в пробах — у 46% детей. Лучше дети выполняли пробу по воспроизведению ритма по инструкции (71%), хуже всего справлялись с оценкой ритмов по образцу (61%). Справилось с пробой воспроизведение ритмов по образцу 67% детей.

Результаты сравнительного анализа леворуких учеников 1 и 4 класса: правополушарные ошибки, недостаточность пространственных представлений в обеих группах без значимых различий. Первоклассники совершают значимо больше пространственных ошибок, чем четвероклассники. Недостаточность функций первого блока мозга (нейродинамические показатели) и истощаемость у первоклассников выражена значимо чаще ($p=0,016$ и $p=0,027$).

Результаты сравнительного анализа праворуких и леворуких первоклассников: у леворуких детей квази-пространственный фактор развит слабее, чем у праворуких ($p=0,032$), хуже сформировано понимание активных конструкций ($p = 0,046$) и пассивных конструкций ($p=0,039$). Различия в показателях зрительно-пространственных функций не обнаружены. Метрические ошибки и ошибки перспективы присутствуют у 56% леворуких и 41% праворуких. Пространственные ошибки, неполное трехмерное изображение — у 75% леворуких и 53% праворуких. Недостаточность функций первого блока мозга (нейродинамические показатели) у леворуких выражены чаще ($p=0,005$).

Ограничение этих результатов — недостаточность группы сравнения (праворукие сверстники). К окончанию начальной школы значительных улучшений зрительно-пространственного восприятия не наблюдается, дети также совершают пространственные ошибки, хотя нейродинамические показатели улучшаются, что свидетельствует о важности своевременной коррекции пространственного восприятия леворуких детей при их высоких компенсаторных возможностях.

1. Андреева В.А. Коррекционная работа по развитию графомоторных навыков у леворуких детей младшего школьного возраста, 2016.
2. Ахутина Т.В. Методы нейропсихологического обследования детей 6–9 лет, 2017.

Исследование гендерных особенностей тревожности у обучающихся 4-х классов в связи с их мотивами обучения

Тревожность, младшие подростки, адаптация к обучению в среднем звене

Одна из задач работы школьного психолога — психологическое сопровождение обучающихся при переходе из начальной школы в среднее звено. Процесс адаптации к обучению в пятом классе часто бывает сопряжен с повышением уровня тревожности у младших подростков [1]. Тревожность как состояние связана с переживанием эмоций напряжения, беспокойства, снижением чувства уверенности, негативным влиянием на продуктивность учебной деятельности.

В данной публикации представлены выборочные результаты комплексного исследования эмоциональных, личностных, познавательных особенностей обучающихся 4-х классов. Цель исследования — определение психологической готовности детей к обучению в среднем звене. В нем приняли участие 82 ученика 4-х классов, обучающиеся по общеобразовательным программам начального общего образования. Среди них 39 девочек и 43 мальчика в возрасте 10–11 лет.

Исследование тревожности младших подростков осуществлялось с помощью методики «Личностный опросник Кеттелла в модификации Л. А. Ясюковой» (фактор О). Для изучения осознаваемых учащимися мотивов обучения применялся опросник «Учебная мотивация для учащихся 5–8 классов» (Карпова Г. А). Статистический анализ полученных данных проводился с помощью критерия Манна–Уитни (U), критерия Спирмена (rs).

В общей выборке обучающихся 4 классов выявлено 24% детей со сниженным уровнем тревожности, 47 % — со средним уровнем тревожности. Повышенный уровень тревожности выявлен у 22% обучающихся, высокий — у 7% детей. В подвыборке мальчиков выше количество учеников со сниженным уровнем тревожности (33% — мальчики, 15% девочки). Сопоставимо количество обучающихся со средним уровнем тревожности (44% — девочки, 49% — мальчики). В подвыборке девочек выше количество обучающихся с повышенным (28% — девочки, 16% — мальчики) и высоким уровнем тревожности (13% — девочки, 2% — мальчики). Сравнительный анализ гендерных различий тревожности показал более высокий уровень значений в подвыборке девочек (Mм=2,09, Mд=3,05, Uэсп.= 519 при Uкр= 587 при $p \leq 0,01$; Uкр= 660 при $p \leq 0,05$).

Сравнительный анализ подвыборок девочек и мальчиков с разными уровнями тревожности показал отсутствие значимых различий по основным исследуемым мотивам обучения. Исключение составил мотив саморазвития — он преобладает у девочек с повышенным уровнем тревожности, по сравнению с мальчиками с повышенным уровнем тревожности (Mм=3,8, Mд=5,9 Uэсп.= 30,5 при Uкр= 26 при $p \leq 0,01$; Uкр= 36 при $p \leq 0,05$).

Установлена связь между тревожностью девочек и мотивами саморазвития (rs = 0.33), а также познавательными мотивами (rs = 0.419). В подвыборке мальчиков

оказалась значима связь между тревожностью и эмоциональными мотивами обучения ($r_s = 0.312$).

Результаты исследования показали повышенную выраженность тревожности у девочек, что не подтверждает данные о большей выраженности тревожности у мальчиков в младшем школьном возрасте с дальнейшей тенденцией к сглаживанию различий в подростковом возрасте [1]. Для учениц с повышенным уровнем тревожности учеба значима как источник саморазвития, возможность расширять свой кругозор, развивать личность. Чем выше уровень тревожности у мальчиков, тем значимей для них чувство уважения и принятия по отношению к педагогу, доброжелательная обстановка на уроках. Результаты исследования могут быть использованы в разработке рекомендаций для педагогического коллектива и родителей обучающихся.

1. Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / А. М. Прихожан. – Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. — 304 с.

К вопросу о структуре и содержании установки к неопределенности студентов и учителей-дефектологов

Устойчивость к неопределенности; структура; аффективный, когнитивный, поведенческий компоненты; студенты-дефектологи; учителя-дефектологи.

Переход к инклюзивному образованию актуализирует у учителей-дефектологов проблему психологии человека, столкнувшегося с неопределенностью. Результаты исследований источников, феноменологии порождаемых ею переживаний, индивидуально и социально-психологических последствий, способов преодоления убеждают обратить внимание профессионального сообщества на подготовку будущих специалистов в сфере специального образования. Конструктивное решение неопределенности обеспечивается не только сформированными профессиональными компетенциями, но и личностной готовностью дефектолога находить гуманные и продуктивные решения непредвиденных затруднений деятельности. Считаем, что личностная готовность предполагает наличие зрелой установки устойчивости к неопределенности, а ее формирование — понимание структуры, степени выраженности взаимосвязанных компонентов, динамики и механизмов становления в профессиогенезе.

В 2016–2018 гг. проведено исследование, участниками которого стали студенты ($n=187$) и учителя-дефектологи ($n=101$). Использовались методики: «Толерантность к неопределенности» (ТкН) (Д. Маклейн в адаптации Е.Г. Луковицкой), «Новый опросник толерантности к неопределенности» (НОТкН) (Т.В. Корнилова); корреляционный, кластерный, факторный методы статистической обработки данных.

Рассмотрим некоторые результаты. В студенческой выборке плотность корреляционных связей между переменными обеих методик достигла 62% (17 значимых ($p \leq 0,01$; $p \leq 0,001$) связей из 24 возможных), что свидетельствует о достаточно высоком уровне ее целостности. Выявленные корреляции значений, например, шкалы «Принятие решений» со шкалами методики ТкН — «Общий показатель толерантности как отношения» ($r=0,43$); «Отношение к новому» ($r=0,26$); «Отношение к сложным задачам» ($r=0,33$), «Отношение к неопределенным ситуациям» ($r=0,46$), «Предпочтение неопределенности» ($r = 0,53$), «Избегание неопределенности» ($r = 0,21$). Их интерпретация приводит к пониманию того, что готовность студентов действовать в неожиданной ситуации тем выше, чем более позитивно они относятся к неопределенности, чем в большей степени стремятся к новому в своей жизни, чем более сложную задачу решают, более свободно чувствуют себя в неординарной ситуации, предпочитают изменения рутине, принимая неопределенность. Наряду с этим они могут быть нетерпимыми к изменениям.

В выборке учителей плотность корреляционных связей достигла 79%. Обнаружены новые связи между шкалой «Предпочтение толерантности» и шкалами «Межличностная интолерантность к неопределенности» ($r=-0,20$; $p \leq 0,05$) и «Интолерантность к неопределенности» ($r=0,28$; $p \leq 0,001$). У учителей появляется

тенденция — с одной стороны, стремится к новому, к гуманному взаимодействию, с другой — становится монологичными, прямолинейными; предпочитающими предсказуемость, не принимающими вариабельность; ориентированными на принятие поспешных решений, зачастую не учитывающими реального положения дел, стремящимися к очевидным отношениям с другими людьми.

Кластеризацией данных всей выборки (N=288) выявлены аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты. Первый кластер объединяет данные по шкалам методики ТкН, соответствующих аффективному компоненту. Второй (когнитивный) и третий (поведенческий) образованы шкалами методики НОТкН.

Результаты факторного анализа (N=288) — полнота факторизации 73,29% дисперсии, собственные значения факторов, их график, коррелирующие и аффилированные с каждым фактором переменные — подтвердили выявленную трехфакторную структуру.

Резюме: устойчивость к неопределенности студентов и учителей-дефектологов можно изучать на уровне установки, имеющей аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты. Установке как студентов, так и учителей-дефектологов характерен достаточно высокий уровень целостности. В обеих группах уменьшение выраженности межличностной нетерпимости связано с ростом значений по всем шкалам, характеризующим аффективный компонент устойчивости к неопределенности, что свидетельствует о соответствии студентов и учителей эталонным характеристикам профессии дефектолога. Студенческая установка отличается доминированием аффективного компонента, у учителей — гармоничностью, базирующуюся на когнитивном и поведенческом компонентах.

Полученные знания о выявленной структуре установки устойчивости к неопределенности, характере взаимосвязи компонентов, динамике развития в профессиональном формировании могут быть использованы в учебном процессе для ее целенаправленного формирования, предполагаем, более быстрыми темпами.

1. Марищук Л. В., Юхновец Т. И. Психологическое содержание проблемы неопределенности человека в профессии // Науч. исслед. и образование 2016. № 3. С. 3–8.
2. Психологические особенности детей и подростков с проблемами в развитии. Изучение и психокоррекция / Под ред. У.В. Ульянковой. СПб.: Питер, 2007. 304 с.

ПСИХОЛОГИЯ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ И РИСКОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ

*Gimenez G.E., Tkacheva L., Barrado B.
Zaragoza, University of Zaragoza*

Severe crimes affect bullying in Costa Rican Schools

Bullying, crime rate, victimization

Peer physical victimization in school is a huge social problem due to negative prolonged consequences for the health and psychological well-being for the both victims and bullies possibly extending throughout their life span. Previous research has showed connections between bullying at school and different factors of macro and micro levels, among them community crime, adverse neighborhood and school insecurity, previous victimization, poverty and income inequality [1–3]. Though no study examined associations between bullying at school and severe crime rates such as homicide and drug trafficking. Aiming to investigate those associations we chose Latin-American country Costa Rica, a sadly famous region where violence is a serious issue, to carry out the research. As we found earlier, the degree of urban concentration played a key role in explaining homicide rates in Costa Rica, taken that the greater the urban concentration, the greater the increase in homicide rates [4]. Thus we combined information on severe crime rates such as homicides and drug trafficking, the data on socioeconomic characteristics of 154 districts with the data on bullying, school climate, and characteristics of student–teacher relationships in 205 schools, retrieved from the Programme for International Student Assessment Questionnaire (PISA). In total 6866 adolescents were surveyed. The probit model was estimated for the multidimensional data set, where bullying was a dependent variable, as for predictors we used student-level factors, such as gender, lack of respect from teachers to students, the disciplinary climate, the teacher support; school-level factors, such as sport activities and economic, social and cultural status of school; district-level factors, such as the social development in the districts where the schools were situated. A methodological approach was applied, that helped us to deal with unobserved heterogeneity, using fixed effects [5]. We found that attending schools situated in adverse districts with higher crime rates increased the probability of being bullied at school, whereas attending schools with high economic, social, and cultural status, which offered sports activities for students and which were situated in the districts with a high level of social development, decreased the possibility of being bullied by peers in school. These results suggest that school-based bullying is affected by crime at the neighborhood level and that effective interventions beyond school level are needed to ensure the safety of students inside of schools.

1. Schwartz, D., & Proctor, L. J. (2000). Community violence exposure and children's social adjustment in the school peer group: The mediating roles of emotion regulation and social cognition. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 68, 670–683. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-006X.68.4.670>
2. Finkelhor, D. (2008). *Childhood victimization: Violence, crime, and abuse in the lives of young people*. New York, NY: Oxford University Press.
3. Elgar, F. J., Pickett, K. E., Pickett, W., Craig, W., Molcho, M., Hurrelmann, K., Lenzi, M. (2013). School bullying, homicide and income inequality: A cross-national pooled time series analysis. *International Journal of Public Health*, 58, 237–245. <http://dx.doi.org/10.1007/s00038-012-0380-y>
4. Gimenez G., Tkacheva L.O., Svitkova K., Barrado B. (2021). Cities and Violence: an Empirical analysis of the Costa Rica. *Dados: revista de ciencias sociais*, 64(1), C. e20190127. <https://doi.org/10.1590/dados.2021.64.1.225>
5. Gimenez, G., Tkacheva, L., Barrado, B. (2020, October 29). Are Homicide and Drug Trafficking Linked to Peer Physical Victimization in Costa Rican Schools?. *Psychology of Violence*. Advance online publication. <http://dx.doi.org/10.1037/vio0000358>

Этнопсихологические особенности социальной перцепции подростков с девиантным поведением

Этнопсихология, подростки, девиантное поведение, социальная перцепция

В связи с массовыми переездами людей, принадлежащих к какой-либо этнической группе, становится актуальной задача обследовать их психическое состояние. При этом возникают трудности при выявлении нормы в различных этнических группах. Нормы, которыми располагает современная патопсихология, в основном адекватны для жителей центральной России, а для жителей других регионов нашей страны на данный момент эмпирических данных не накоплено. В связи с этим отмечается необходимость рассматривать психологические феномены и проблемы в этнокультурном ключе (Пузыревский, 2012). Особенно актуальной является данная проблематика для диагностики подростков из различных этнических групп. Анализ научно-методической литературы по теме этнопсихологических особенностей подростков показал, что в большинстве исследований данные характеристики у представителей различных этнических групп на территории страны не рассматриваются и не принимаются в учет при психологическом анализе (Стефаненко, 2014). Для получения эмпирических данных о психологических особенностях подростков с девиацией поведения в различных этнических группах было решено провести сравнительный анализ психологических характеристик подростков, проживающих в сибирской и европейской частях России, что и определило цель настоящего исследования — изучить психологические особенности социальной перцепции подростков Тувы с девиантным поведением.

В настоящей работе приводятся данные пилотажного исследования, проведенного в 2019 году, где приняли участие 60 подростков в возрасте от 14 до 16 лет: по 15 человек из выборки контрольных групп — подростков с нормативным поведением (обучавшихся в общеобразовательных школах и отнесенных классными руководителями к данной группе), а также по 15 человек из выборки экспериментальных групп — подростков с девиантным поведением (состоявших на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по причине совершения им правонарушений) из Санкт-Петербурга и Каа-Хемского района Республики Тува. Для реализации цели исследования были использованы клинико-психологический метод (авторское структурированное интервью) и экспериментально-психологический метод, представленный четырьмя методиками: «Hand-test»; методика «Незаконченные предложения»; Тематический апперцептивный тест (ТАТ); Методика «Подростки о родителях» (ПоР).

Анализ результатов попарного сравнения групп подростков с нормативным и девиантным поведением, проживающих в Санкт-Петербурге и Туве показал, что подростки с нормативным поведением из Тувы позитивнее относятся к своим родителям (и к матери, и к отцу) — воспринимают их как менее директивных и агрессивных, чем подростки с нормативным поведением из Санкт-Петербурга. У них наблюдается более позитивное отношение к окружающим, причем как к

сверстникам, так и к учителям; характерна более положительная оценка как своего прошлого опыта, так и настоящего; прогнозы на будущее более оптимистичны и будущее представляется для них более определенным.

При сравнении групп подростков с девиантным поведением Тувы и Санкт-Петербурга было выявлено, что для первых характерна оценка отца как менее враждебного, чем в сопоставляемой группе. У них выявлена более высокая оценка собственных способностей, а также тенденция к более оптимистичному прогнозированию будущего и вероятности решения собственных проблем. У подростков с девиантным поведением из Санкт-Петербурга отношение к людям в целом оказывается более положительным, в то время как отношение к сверстникам — более негативным, чем у подростков Тувы с девиантным поведением.

Таким образом, в пилотажном исследовании было выявлено, что существуют этнопсихологические отличия в социальной перцепции как между подростками с нормативным, так и с девиантным поведением из Тувы и Санкт-Петербурга.

1. Пузыревский В.Ю. Этнокультурные стили мышления и образование. СПб.: Лема, 2012. 172 с.
2. Стефаненко Т.Г. Энопсихология. 5-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2014. 352 с.

Эмпирические исследования как основа проектирования программ профилактики кибербуллинга

Кибербуллинг, кибервиктимность, личность, профилактика

Введение. У академических психологов и психологов-практиков есть много идей и конкретных продуктов для профилактики кибербуллинга, психологическом сопровождении жертв и свидетелей киберагрессии. Многими авторами отмечается важность поиска индивидуальных личностных ресурсов, которые могут снижать риск кибервиктимности, а также могут смягчать негативные последствия и желание мстить в ответ (Kowalski et al., 2014; Карауш, 2020). Личностные предикторы дают понимание мотивации кибербуллинга. При выстраивании программ профилактики кибербуллинга можно опираться на результаты многочисленных психологических исследований его предикторов. Важной стратегией взаимодействия науки и практики (тип А) является ситуация, когда проверенные в экспериментальных ситуациях данные используются при проектировании и создании практически важных технологий (Журавлев & Ушаков, 2011). Уже на основе практики спроектированных с учетом эмпирики программ включается вторая стратегия (тип Б) взаимодействия науки и практики, а именно систематический сбор и обработка сведений о результатах практического применения программ.

Вместе с тем, необходимо отметить дефицит эмпирических исследований кибербуллинга, полученных на российских выборках школьников и, особенно, студентов. Неясно, насколько сопоставимы личностные предикторы кибербуллинга и традиционного буллинга. Данное исследование — попытка спроектировать общий план профилактики кибервиктимности с опорой на эмпирическое исследование личностных предикторов на репрезентативной выборке студентов.

Выборка и методики. Исследование проводилось в 2019–2020 годах на выборке студентов ($n=220$) университетов города Перми. В выборке есть сильный уклон по фактору пола (ж — 157, м — 43). Исследование проводилось в групповой форме, в учебных аудиториях образовательных организаций. Для диагностики кибервиктимности использовалась анкета S. Hinduja, J.W. Patchin (адаптирована А.С.Голубовская). Для диагностики личностных черт использовалась русскоязычная версия опросника Big Five Inventory (адаптирована С.А.Щебетенко).

Результаты. В результате пошагового регрессионного анализа были построены модели для предсказания кибервиктимности используя шкалы как личностных черт, так и их аспектов. В первой модели (9,3% дисперсии) добросовестность негативно ($\beta = -0,197$), а нейротизм ($\beta = 0,145$) и открытость опыту ($\beta = 0,148$) позитивно предсказывают кибервиктимизацию у студентов ($R^2=0.093$, $F(3,178)=6.06$, $p\leq 0.01$). Во второй модели (17,3% дисперсии) пять достоверных эффектов: энергичность ($\beta = 0,313$) и депрессивность ($\beta = 0,271$) с положительным влиянием, а факторы ответственности ($\beta = -0,199$), организованности ($\beta = -0,188$) и общительности ($\beta = -0,165$) с негативным влиянием ($R^2=0.173$, $F(5,177)=7.44$, $p\leq 0.01$).

Обсуждение результатов. Регрессионные модели показывают разнонаправленную картину личностных предикторов кибервиктимности. Для жертв характерна негативная эмоциональность и открытость новому опыту при сильно сниженной добросовестности. Очевидно, что эффективность превентивных программ кибервиктимности будет зависеть от возможности системных воздействий, сразу по трем направлениям.

Значимость фактора нейротизма для эмпирического предсказания кибервиктимности обосновывает профилактические программы на основе развития эмоционального интеллекта и эмпатии (Extremera et al., 2018). Эмоциональный интеллект выступает как важное условие оптимальной связи между провоцирующим стимулом и агрессивным поведением. Управление эмоциями гнева, мести, страха, печали, беспомощности, чувства вины снижает риск виктимизации в Интернете. Кроме того, развитый эмоциональный интеллект и опыт прощения способствует совладанию с уже сформировавшимися негативными последствиями опыта кибербуллинга. Людям с низким уровнем эмоционального интеллекта трудно понять ситуации с точки зрения других собеседников, и поэтому они, как правило, менее чутки к их переживаниям и неуспешны в коммуникации.

Вместе с тем, усилия по формированию эмоционального интеллекта без внимания к факту сниженной добросовестности кибержертв не будут иметь эффекта. Необходимо развивать ответственность и организованность. Развитие добросовестности может реализовываться через постепенное, систематическое развитие нравственных чувств и ценностей средствами психологического просвещения и развития волонтерского движения и киберменторства. Следует поощрять идеи совместной ответственности при решении проблем буллинга и кибербуллинга внутри класса/группы, факультета/школы (Slonje, Smith & Frisén, 2013).

Добросовестность следует развивать в тесном сотрудничестве с родителями. Высокую степень эффективности показывают стратегии с активным посредничеством с родителями по взаимному обучению Интернет-этикету и безопасному использованию Интернета.

Не стоит упускать из виду важность фактора «открытость новому опыту» для формирования кибервиктимности. Нацеленность на новый опыт, в том числе и в пространстве Интернета, может выступать как важный личностный ресурс, поддерживающий профилактику кибервиктимности если направленность этого опыта будет смещена в сторону интернет-компетентности, продуктивности и цифровой социализации.

Системная психологическая работа по созданию условий развития личностных ресурсов в группах риска кибервиктимности должна одновременно формировать эмоциональный интеллект и добросовестность с опорой на интересы и кибернавыки. Необходимо добиваться системности, непрерывности и целостности профилактической деятельности с учетом полученных эмпирических свидетельств.

1. Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Теория и практика психологии: взаимодействие и противоречия // Вестник практической психологии образования. 2011 № 2 (27). с. 15–20.
2. Карауш И.С., Куприянова И.Е., Кузнецова А.А. Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков. Суицидология. 2020; 11(1): с.117—129.

3. Extremera, N., Quintana-Orts, C., Mérida-López, S., & Rey, L. Cyberbullying victimization, self-esteem and suicidal ideation in adolescence: Does emotional intelligence play a buffering role? // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. P. 367.
4. Kowalski RM, Giumetti GW, Schroeder AN, et al. (2014) Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological Bulletin* 140(4): c. 1073–1139.
5. Slonje, R. Smith P.K., Frisen, A., (2013) The nature of cyberbullying and strategies for prevention. *Comput. Hum. Behav* 29 (1), c. 2320–2327

Изменение психического состояния бездомных в процессе психологической помощи и социальной реабилитации в условиях Приюта

Бездомность, тревожность, депрессия, стресс

Психологическая служба — самое молодое подразделение Консультационной службы Ночлежки. В начале работы основной задачей психологов Ночлежки была помощь специалистам по социальной работе в получении более полного представления о клиенте, взятом на сопровождение, его проблемах и личностных особенностях. Позже добавились краткосрочные консультации, долгосрочное консультирование, адаптационные группы, группы обучения саморегуляции, тренинги.

Методы: В период с июля 2020 по март 2021 года проводилось исследование динамики психических состояний у бездомных, живущих в социально-реабилитационном приюте. Обследование проводилось в двух срезах: через 2 недели после заселения в Приют, и через 3 месяца после проживания в Приюте. Всего в обследовании приняли участие 62 человека. Исследовались показатели восприятия стресса (по методике шкале восприятия стресса (ШВС-10), тревожности (по методике интегративный тест тревожности (ИТТ), депрессивные признаки (по шкале депрессии Бека). Достоверность изменений определялась с помощью Т-критерия Вилкоксона.

Результаты: Общий балл восприятия стресса в первом срезе $29,6 \pm 4$ балла, при повторном срезе средний балл составляет $28,7 \pm 3,4$ балла. Средние баллы и в начале и после 3 месяцев проживания соответствуют баллам по методике, характерном для пациентов с невротическими расстройствами ($29,2 \pm 5,7$, выборка 23 чел) и немного превышает средние по выборке условно здоровых взрослых ($24,7 \pm 6,7$, выборка 175 человек) [1]. По субшкале "перенапряжение" на первом срезе среднее значение по группе составляет 19,1 при повторном замере 17,3 балла (Тэмп=25, при $p \leq 0,05$). Средние значения и в первом и во втором срезе выше средних по нормативной выборке, которые составляют 13 баллов. Снижение перенапряжения в восприятии жизненной ситуации после проживания в Приюте три месяца может рассматриваться как закономерное. Общий показатель депрессии по шкале Бека при первом срезе составляет $19 \pm 14,5$. При первом замере в группу риска развития клинической депрессии попали 47% жильцов, при повторном замере в группе риска осталось 21%. При повторном замере средний балл уменьшился и составил $14,2 \pm 10$ баллов. Изменения в сторону уменьшения выраженности депрессивных тенденций у обследованных жильцов Приюта статистически достоверны (Тэмп=40,5, при $p \leq 0,05$). Общий индекс тревожности по методике Интегративный тест тревожности снизился к повторному замеру на 5,1 пункт (изменения закономерны, статистически достоверны, Тэмп=3, при $p \leq 0,01$). В структуре тревожности наиболее значительные изменения произошли по следующим показателям: Эмоциональный дискомфорт

(Тэмп=41, при $p \leq 0,05$). Астенический компонент (Тэмп=40,5, при $p \leq 0,05$), люди начинают чувствовать себя менее истощенными и уставшими. Фобический компонент тревожности сократился наиболее существенно и однозначно (Тэмп=16,5, при $p \leq 0,01$), у клиентов выявляется заметно меньше страхов.

Таким образом, на момент заселения в Приют бездомные люди имеют выраженные признаки переживания сильного стресса, тревожные проявления и депрессивные признаки. Комплексная социально-психологическая помощь бездомным в условиях социально-реабилитационного приюта, включающая проживание в безопасных условиях, помощь специалистов по социальной работе и юристов, психологическая помощь приводит к закономерному изменению психического состояния клиентов в сторону восприятия ситуации менее стрессовой, снижению признаков тревожности (страхов и астении), а также уменьшению депрессивных тенденций.

1. Абабков В. А., с соавт. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/validizatsiya-russkojazychnoy-versii-oprosnika-shkala-voSprinimaemogo-stressa-10> (дата обращения: 29.05.2021)

Максимов Д.В.
Тверь, ГБУЗ Тверской области "Областной ОКПНД"

Шаболтас А.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Шаповалова В.Г.
Тверь, ФГБОУ ВО ТвГУ

Исследование суицидального риска у подростков с инструментальным и соматическим самоповреждающим антивитаальным поведением

Суицидальный риск, инструментальное и соматическое самоповреждающее антивитаальное поведение

Самоповреждающее антивитаальное поведение достаточно широко распространено среди подростков. Е.Н. Чуева (2017 г.) отмечает, что пик самоповреждающего антивитаального поведения обнаруживается в возрасте 13–18 лет, что, вероятно, связано с возрастным кризисом и неконструктивными попытками совладать с переживаемыми трудностями [1, 3].

Любая форма самоповреждающего антивитаального поведения является потенциально опасной для здоровья человека, однако статистические данные о частоте суицидальных попыток у подростков с инструментальным и соматическим самоповреждающим антивитаальным поведением отсутствуют [2]. В связи с этим возникает необходимость сравнительного анализа суицидального риска у подростков с данными формами самоповреждающего антивитаального поведения.

Целью исследования выступило сравнение уровня суицидального риска у подростков с инструментальным и соматическим самоповреждающим антивитаальным поведением. Мы предполагаем, что подростки с преобладающей инструментальной формой самоповреждающего антивитаального поведения имеют более высокий уровень суицидального риска, чем подростки с преобладающей соматической формой самоповреждающего антивитаального поведения.

Выборку составили: 20 подростков в возрасте от 13 до 18 лет, из них 10 респондентов имеют суицидальную попытку в анамнезе (2-я группа), у остальных (10 человек) — не было зарегистрировано суицидальных попыток (1-я группа). У всех респондентов регистрируется самоповреждающее антивитаальное поведение (порезы).

В процессе исследования были использованы следующие методы и методики: метод психофизиологической диагностики психического состояния «CurrentMentalState» (CMS) для оценки уровня суицидального риска; «Шкала причин самоповреждающего поведения» Н.А. Польской для выявления форм самоповреждающего антивитаального поведения; Методы математической статистики (критерий Манна-Уитни).

Были установлены достоверные различия по показателю «SC» (ПАК CMS) ($U=0$, при $p\leq 0,05$), по «Соматическим самоповреждениям» ($U=14,5$, при $p\leq 0,05$), по «Инструментальным самоповреждениям» ($U=0$, при $p\leq 0,05$). Соответственно,

респонденты, имеющие суицидальную попытку в анамнезе, имеют более высокий уровень суицидального риска, а также более высокие показатели по инструментальному и соматическому самоповреждающему антивитальному поведению.

Соответственно, уровень суицидального риска зависит от преобладающей формы самоповреждающего антивитального поведения, а также характера и степени тяжести наносимых самоповреждений. В частности, при соматическом самоповреждающем антивитальном поведении наносятся поверхностные, наружные повреждения собственному телу (нарушение анатомической целостности кожных покровов и/или слизистых оболочек). В случае инструментальной формы самоповреждающего антивитального поведения индивид с помощью режущих приборов наносит более глубокие повреждения, которые могут сочетаться, переходить во внутренние повреждения тела (растяжения, разрывы связок).

Таким образом, гипотеза, выдвинутая в начале нашего исследования, нашла своё подтверждение. Данная работа имеет практическую значимость: изучение суицидального риска у подростков с данными формами самоповреждающего антивитального поведения позволит построить терапевтический прогноз, что предоставит возможность подобрать соответствующие приемы психотерапевтической, психологической, педагогической работы и профилактические мероприятия.

1. Польская Н.А. Эмоциональная дисрегуляция в структуре самоповреждающего поведения / Н.А. Польская // Консультативная психология и психотерапия. — 2018. — Т. 26. — № 4 (102). — 65–82 С. — URL: doi: 10.17759/cpr.2018260405 (дата обращения: 02.06.2021)
2. Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии: автореф. дис. кан.психол.наук.: спец. 19.00.04. / Н.А. Польская; МГППУ. — М., — 2017. — 423 С.
3. Чуева Е.Н. Самоповреждающее поведение детей и подростков / Е.Н. Чуева // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. — 2017. — № 1 (29). — 71–77 С.

Исследование связи между отношением к смерти и экзистенциальной исполненностью

Смерть, экзистенциализм, отношение к смерти, экзистенциальная исполненность

В последнее время в России участились случаи суицида и суицидального поведения среди молодежи. Зачастую это связано с экзистенциальной исполненностью, а конкретно с его удовлетворенностью своей жизнью или его внутренним согласием [1]. Экзистенциальная исполненность берет свои истоки в психологии В. Франкла. Можно охарактеризовать это понятие как описание качества жизни человека, его удовлетворённость своей жизнью, соответствие жизненного осмысления его решениям и поступкам [3, с. 212–215].

Смерть — естественный процесс природы, который мы наблюдаем постоянно. Тема отношения к смерти тесно связана с экзистенциальной психологией, смерть является одним из ключевых мотивов экзистенциализма. Однако до сих пор не исследована связь между отношением к смерти и параметрами экзистенциальной исполненности [2, с. 23–34]. Мы решили предположить, что по крайней мере, некоторые из них, могут иметь корреляции с отношением человека к смерти.

В нашем исследовании мы использовали следующие методики: опросник «Шкала экзистенции» (А. Лэнгле); опросник «Отношение к смерти» (Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. и др.); опросник «Страх личной смерти» (Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. и др.); опросник «Отношение к смерти» (Кулагина И.Ю., Сенкевич Л.В.). Выборку исследования составили 50 человек в возрасте от 23 до 30 лет.

На основании проведенного анализа были обнаружены следующие значимые корреляции:

1. Показатели шкалы «Самотрансценденция» находят положительную корреляционную связь с показателями шкалы «Отношение к смерти» ($r_s = 0,532$ при $p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что чем больше человек способен быть эмоционально уязвимым, осознавать глубокие внутренние отношения, иметь высокий уровень эмпатии, сочувствовать, иметь большую полноту своих эмоциональных состояний, тем более адекватно и позитивно человек будет относиться к смерти. Он не будет бояться смерти и способен принимать ее как данность и неделимую часть со своей жизнью.

2. Показатели шкалы «Свобода» находят положительную корреляционную связь с показателями шкалы «Отношение к смерти» ($r_s = 0,459$ при $p \leq 0,05$). Это говорит о том, что чем больше человек самостоятелен в принятии решений и если он способен обретать в этом уверенность, тем более позитивно человек будет относиться к смерти, не боится её принимать как неотъемлемую часть своей жизни.

3. Показатели шкалы «Персональность» находят положительную корреляционную связь с показателями шкалы «Отношение к смерти» ($r_s = 0,445$ при $p \leq 0,05$). Это говорит о том, что чем более полно человек воспринимает мир и свою причастность к этому миру, тем более позитивно человек будет относиться к смерти.

Так же если человек адекватно воспринимает самого себя через эмоции и мысли — он не будет бояться смерти и способен принимать ее как часть своей жизни.

4. Показатели шкалы «Исполненность» находят положительную корреляционную связь с показателями шкалы «Отношение к смерти» ($r_s = 0,472$ при $p < 0,05$). Это говорит о том, что чем более человек способен справиться с самим собой и с встречающимися внешними ситуациями, а также прийти к осмысленной своей жизни, быть внимательным и трепетным к собственным потребностям, тем более позитивно человек будет относиться к смерти, не бояться её и принимать как неотъемлемую часть своей жизни.

1. Гаврилова Т. А. Теория управления ужасом смерти: содержание и критика // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. № 4(18). С. 84–95;
2. Лэнгле А. Дотянуться до жизни... Экзистенциальный анализ депрессии: Сборник статей / А. Лэнгле; пер. с нем. О. Ларченко. — М.: Генезис, 2017. — 127 с.
3. Франкл В. Доктор и душа: логотерапия и экзистенциальный анализ / В. Франкл. — М.: Альпина нон-фикшн, 2020. — 344 с.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Алексеева О.С.
Москва, ФГБНУ "Психологический институт РАО"

Бурдукова Ю.А.
Москва, ФГБОУ ВО МГППУ

Ржанова И.Е.
Москва, ФГБНУ "Психологический институт РАО"

Снижение памяти у детей с опухолями головного мозга

Память, когнитивный дефицит, опухоли головного мозга

Когнитивный дефицит, который возникает у пациентов с опухолями головного мозга, является серьезной проблемой, связанной с ухудшением качества жизни. У многих пациентов, прошедших лечение, наблюдается снижение функций памяти, внимания, а также общее снижение интеллекта. Установлено, что когнитивный дефицит может возникнуть не только в результате имеющегося локального поражения мозга, но и вследствие самого лечения (Bergo et al., 2015). Для определения возможных стратегий нейропсихологической реабилитации пациентов, представляется необходимым более точное определение картины когнитивного дефицита и его возможные причины.

Целью настоящего исследования стало определение факторов, оказывающих влияние на снижение кратковременной и долговременной памяти у детей с опухолями головного мозга.

В выборку исследования вошли 129 детей, имеющих в анамнезе опухоль головного мозга ($M = 11,9$ лет; $SD = 3,3$). Клиническая группа была разделена на три части в соответствии с локализацией поражения. Контрольную группу составили 154 нормотипичных ребенка ($M = 10,9$ лет; $SD = 2,5$). Для оценки кратковременной памяти, долговременной памяти и общего интеллекта использовался Тест Кауфманов КАВС-II (Kaufman, Kaufman, 2004).

Нормотипичные дети имеют значимо более высокие баллы по кратковременной и долговременной памяти, общему баллу интеллекта по сравнению с детьми из клинической группы. Дети с опухолями pineальной области имеют значимо более низкие показатели по шкале долговременной памяти, чем дети с опухолями мозжечка и теменно-височных отделов коры. Ранее высказывалось предположение, что опухоли pineальных областей могут приводить к дефициту памяти через поражение белого вещества таламо-кортикальных путей (Law et al., 2011; Gempt et al., 2017). Применение регрессионного анализа позволило выявить, что значимыми предикторами снижения показателей интеллекта и долговременной памяти у детей с

опухолями мозжечка является применение химио-лучевой терапии и период восстановления. Одним из возможных объяснений может быть то, что лучевая терапия повреждает проводящие пути от мозжечка к коре, и степень повреждения коррелирует со степенью когнитивного дефицита (Liguoro et al, 2020). У детей с опухолями теменно-височных отделов коры влияние оказывает возраст ребенка на момент проведения операции: чем позже сделана операция, тем выше когнитивные показатели. Значимых предикторов снижения когнитивных функций у детей с опухолями пинеальной области обнаружено не было.

Выводы. 1) Показатели интеллекта, кратковременной и долговременной памяти у детей с опухолями головного мозга ниже, чем у типично развивающихся детей. 2) Дети с опухолями пинеальной области имеют значимо более низкие показатели долговременной памяти по сравнению с детьми, имеющими другую локализацию опухоли. 3) Для детей с поражениями мозжечка, задней черепной ямки и теменно-височных отделов коры выявлены значимые предикторы снижения долговременной памяти и интеллекта.

1. Bergo, E. Neurocognitive functions and health-related quality of life in glioblastoma patients: a concise review of the literature [Text] / E. Bergo, G. Lombardi, I. Guglieri, E. Capovilla, A. Pambuku, V. Zagonel // *European Journal of Cancer Care*. — 2015. № 3. P.1–13.
2. Gempt, J. Factors influencing neurocognitive function in patients with neuroepithelial tumors [Text] / J. Gempt, N. Lange, S. Bette et al. // *Scientific Reports*. — 2017. № 7. P. 1–10.
3. Kaufman, A.S. Kaufman Assessment Battery for Children / A.S. Kaufman, N.L. Kaufman. Circle Pines, MN: American Guidance Service, 2004.
4. Law, N. Cerebello-thalamo-cerebral connections in pediatric brain tumor patients: Impact on working memory [Text] / N. Law, E. Bouffet, S. Laughlin et al. // *NeuroImage*. — 2011. №56. P. 2238–2248.
5. Liguoro, I. Possible association between the integrity of cerebellar pathways and neurocognitive performance in children with posterior fossa tumors / I. Liguoro, T. Zilli, M. Maieron // *Pediatric Blood and Cancer*. — 2020. №.67.

Направленность самоосуществления и психоэмоциональное благополучие в юношеском возрасте

Самоосуществление, направленность самоосуществления, психоэмоциональное благополучие, юношеский возраст

Юношеский возраст — период поиска ответа на вопрос о смысле жизни, освоения сложных механизмов внутренней регуляции собственного поведения. Проблема самоосуществления в это время становится всё более актуальной. Можно выделить три способа, или формы самоосуществления: самовыражение, самореализацию и самотрансценденцию. Под самовыражением понимается самопроявление, демонстрация себя, под самореализацией — продуктивное использование, реализация своего потенциала в социально значимой области, под самотрансценденцией — стремление к смыслу, посвящение себя чему-то или кому-то. Самоосуществление может быть направлено на себя или на других (включая дело). Если изобразить это в виде шкалы Я — Другой, то чем ближе к полюсу Я, тем более представлены интересы собственной личности, чем ближе к полюсу Другой, тем больше доминируют внешние интересы. Первый вектор самоосуществления можно обозначить как индивидуалистический (эгоцентрический), второй — как социоцентрический, или «самоотверженное служение» (Голованова, Дерманова, 2018).

Способы самоосуществления во многом определяют и определяются психоэмоциональным благополучием личности. Данное понятие мы рассматриваем как объединяющее удовлетворенность жизнью и базовые эмоциональные характеристики (тревожность, устойчивые эмоциональные состояния).

Мы поставили перед собой цель — выявить взаимосвязи параметров психоэмоционального благополучия с направленностью самоосуществления. Для изучения психоэмоционального благополучия использовалась методика оценки психического состояния (Л.А. Курганский, Т.А. Немчин), интегративный тест тревожности, Шкала удовлетворённости жизнью Э. Динера, анкета самооценки удовлетворенности разными сферами жизни. Для изучения самоосуществления использовалась авторская анкета «Варианты и направленность самоосуществления». В этой анкете испытуемого просили отметить значимость предложенных форм поведения в баллах от 1 до 7, где один балл означает, что это совсем неважно, а 7 — очень важно, а также насколько им это удастся (по той же семибалльной шкале). После каждого вопроса предлагалось пояснить, почему это для него важно (или неважно), выбрав наиболее подходящую из предложенных объяснительных категорий, в которых фиксировалась направленность данного действия. Все пояснения были предварительно отобраны с помощью контент-анализа из ответов на открытые вопросы в пилотажной группе испытуемых. В исследовании приняли участие 96 десятиклассников школ г. Санкт-Петербурга.

Результаты корреляционного анализа параметров психоэмоционального благополучия и векторов самоосуществления показали следующее. Направленность

на других оказалась связанной с удовлетворенностью жизнью ($r=0,265$, $p0,01$) и отдельными ее сферами (семья, отдых, положение в коллективе, жизненные перспективы ($p0,01$)). Чем в большей степени признается важность той или иной формы поведения исходя из возможности таким образом помочь другим, внести вклад в общее дело, тем выше удовлетворенность жизнью и некоторыми ее сферами, и наоборот. Социоцентрический вектор обнаруживает отрицательную связь с общим уровнем тревожности ($r=-0,249$, $p0,05$) и эмоциональным дискомфортом ($r=-0,240$, $p0,05$). Это вполне объяснимо. Тревожность порождает неуверенность в себе, напряженность в межличностных отношениях, обуславливает склонность воспринимать окружающий мир как заключающий в себе опасность и угрозу. В таком состоянии сложно иметь в виду других людей в ходе самоосуществления. Учёт других оказался сопряжен с интересом ($r=-0,353$, $p0,01$) и повышенным эмоциональным тонусом ($r=-0,242$, $p0,05$).

Таким образом, те юноши и девушки, у которых преобладает направленность самоосуществления на других, в большей степени удовлетворены жизнью, разными ее сферами, увлечены, не испытывают эмоционального дискомфорта.

1. Голованова Н. Ф., Дерманова И. Б. Самооценка эффективности самоосуществления как фактор психологического благополучия личности // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2018. — № 3. — С. 85–92.

Самоотношение как предиктор совладающего поведения в младшем школьном возрасте

Самоотношение, трудные жизненные ситуации, совладающее поведение, младший школьный возраст

Введение. Младший школьный возраст представляет собой этап в жизни ребенка, наделенный новыми социальными конструктами, задачами, регламентом и требованиями, взаимодействие с которыми нередко может вызывать напряжение, фрустрацию, стресс, трансформируясь в трудную жизненную ситуацию. Совладание с трудностями обеспечивает успешность протекания адаптации и обуславливает психологическое благополучие младшего школьника [1]. Самоотношение в младшем школьном возрасте активно развивается посредством самопознания и вовлеченности в окружающий мир, личностной рефлексии, самоконтроля, произвольности и внутреннего плана действий. Младшие школьники способны оценить себя, свои силы и возможности с ориентиром на социальное мнение/оценку, так и самостоятельно, с позиции собственных наблюдений [3]. В зависимости от того, насколько развиты будут компоненты самоотношения, будут выбраны стратегии совладающего поведения. Самоотношение может выступить предиктором совладающего поведения, способствующим решению трудностей, использованию адаптивных копинг-стратегий.

Проблема. Большое количество исследований посвящено изучению как самоотношения, так и совладающего поведения, но остается недостаточно теоретически и эмпирически освещенным в отечественной психологии вопрос необходимости учета изучения самоотношения как личностного ресурса совладающего поведения в младшем школьном возрасте.

Обсуждение и выводы. Самоотношение и его компоненты связывают с психологическим благополучием, где самоотношение может выступать как ресурсный конструкт для совладания и способствовать облегчению протекания стресса или трудной ситуации [2; 5; 4]. Самоотношение, в силу имеющегося спектра трудных жизненных ситуаций, может варьироваться от положительного к нейтральному и отрицательному. В совладании со многими трудностями устойчивое самоотношение может способствовать успешному протеканию данного процесса и рассматриваться в качестве личностного ресурса.

Таким образом, самоотношение — это результат интеграции знаний о себе, жизненных навыков, отражающих меру принятия ребенка другими и его собственное видение своей эффективности во взаимодействии с миром, на чем основывается отношение к себе. Младший школьник может переживать разного рода сложности, связанные с социализацией и развитием, а в зависимости от содержания самоотношения будет более или менее эффективно совладать с этими сложностями. Данное предположение, имеющее теоретическую обоснованность, задает перспективу дальнейших эмпирических исследований.

1. Хачатурова М. Р., Нартова-Бочавер С. К. Функциональность домашней среды как ресурсе совладающего поведения // Материалы VI Международной конференции «Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии» (г. Ереван, 13–15 октября 2017 г.). / Под общей редакцией Г. М. Аванесян. — Ереван: ЕГУ, 2017. — С. 661–666.
2. Gu J., Strauss C., Bond R., Cavanagh K. How do mindfulness-based cognitive therapy and mindfulness-based stress reduction improve mental health and wellbeing? A systematic review and meta-analysis of mediation studies // Clinical Psychology Review. — 2015. Vol. 37. — pp. 1–12. DOI:10.1016/j.cpr.2015.01.006
3. Harter S. Identity and self development / In S. Feldman & G. Elliott (Eds.), At the threshold: The developing adolescent. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. — pp. 352–387.
4. Kreibich A, Hennecke M, Brandstätter V. The Effect of Self-Awareness on the Identification of Goal-Related Obstacles // European Journal of Personality. — 2020. Vol. 34 (2). — pp. 215–233. DOI:10.1002/per.2234
5. Sutton A. Measuring the Effects of Self-Awareness: Construction of the Self-Awareness Outcomes Questionnaire // Europe's journal of psychology. — 2016. Vol. 12 (4). — pp. 645–658. DOI: 10.5964/ejop.v12i4.1178

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-313-90075

Различающееся родительское отношение к потомкам в детстве и взрослости

Различающееся родительское отношение, родительско-детские отношения, сиблинговые отношения, потомки

Первоначально исследования различающегося родительского отношения (РРО) проводились в семьях с малолетними детьми и подростками, позже началось изучение РРО к взрослым сиблингам. Лонгитюдного исследования феномена не существует до настоящего времени.

С раннего возраста родительско-детские отношения могут различаться по близости, поддержке и контролю [1], при этом восприятие РРО у детей и родителей не всегда совпадает [2]. Неэквивалентное обращение с детьми наиболее заметно выражено, если родители испытывают проблемы в браке или кто-либо из сиблингов серьезно болен. Родители по-разному ведут себя с первенцами, средними и младшими детьми, особенности личностных характеристик и поведения сиблингов также могут вызывать различные ответные реакции родителей. Как правило, если ребенок склонен к агрессивному поведению, родители контролируют его в большей степени, чем остальных детей; миролюбиво настроенные дети вызывают у родителей позитивные эмоциональные реакции. В семьях с разнополыми сиблингами в силу гендерных особенностей их поведения и культурных норм дифференцированное отношение родителей более выражено, чем в семьях с однополым потомством.

Показано, что родители с большей вероятностью будут дифференцированно относиться к потомкам в период их взрослости, нежели в детстве [1]. Обычно и отцы и матери могут сказать с кем из взрослых детей они эмоционально ближе и кого готовы выбрать в качестве доверенного лица; матери по некоторым данным наиболее близки к младшим и наименее — к средним детям [3]. Оба родителя с большей вероятностью отдадут предпочтение дочерям; потомкам, достигшим нормативного статуса; детям, разделяющим убеждения родителей; и детям, оказывающим им поддержку [4].

Потомки всех возрастов враждебны друг к другу, когда родитель оказывает предпочтение кому-либо из них [5]. В то же время негативные последствия РРО могут не наступить, если сиблинги считают, что РРО объективно оправдано. Последствия РРО, воспринятого в детстве, проявляются в дальнейшей жизни. Взрослые, считающие, что в детстве они не пользовались преимуществом в семье, не поддерживают близких отношений с родителями, а воспоминания о РРО в детстве связаны с качеством сиблинговых отношений сильнее, чем восприятие текущего РРО в средней взрослости.

Таким образом, различающееся родительское отношение — важный контекст родительско-детских и сиблинговых отношений. Основные закономерности и последствия феномена сходны как для несовершеннолетних, так и для взрослых потомков.

1. Suito, J.J. Within-Family Differences in Parent–Child Relations Across the Life Course / J. J. Suito, J. Sechrist, M. Plikuhn, S.T. Pardo, K. Pillemer. — Текст: непосредственный // *Current Directions in Psychological Science*. — 2008. — Т. 17, вып. 5. — С. 334–338. — Рез. англ. — Библиогр.: с. 337 (22 назв.).
2. Kowal, A.K. Shared Understanding of Parental Differential Treatment in Families / A.K. Kowal, J.L. Krull, L. Kramer — Текст: непосредственный // *Social Development*. — 2006. — Т. 15, вып. 2. — С. 276–295. — Рез. англ. — Библиогр.: с. 293 (37 назв.).
3. Suito, J.J. Mothers’ Favoritism in Later Life: The Role of Children’s Birth Order / J. J. Suito, K. Pillemer — Текст: непосредственный // *Research on Aging*. — 2007. — Т. 29, вып. 1. — С. 32–55. — Рез. англ. — Библиогр.: с. 52 (69 назв.).
4. Aldous, J. The understanding heart: Aging parents and their favorite children / J. Aldous, E. Klaus, D. M. Klein. — Текст: непосредственный // *Child Development*. — 1985. — № 56. — С. 303–316. — Рез. англ. — Библиогр.: с. 316 (18 назв.).
5. Stocker, C.M. Sibling relationships in older adulthood: Links with loneliness and well-being / C. M. Stocker, M. Gilligan, E. T. Klopach, K. J. Conger, R. P. Lanthier, T.K. Neppl, C. W. O’Neal, K. A. S. Wickrama — Текст: непосредственный // *Journal of Family Psychology*. — 2020. — Т. 34, вып. 2 — С.175–185. — Рез. англ. — Библиогр.: с. 183 (76 назв.).

Системно-эволюционный подход к изучению феномена одиночества в подростковом и раннем юношеском возрасте

Одиночество, саморегуляция, синергетика, система, самоорганизация

Изучение проблемы одиночества представляется актуальным предметом современных научных исследований. В настоящее время наблюдается качественное изменение понимания современным молодым человеком своего места в мире, возрастает количество неблагоприятных, стрессовых и психотравмирующих ситуаций. В результате осознания своей неповторимости, уникальности, непохожести на других, в подростковом и раннем юношеском возрасте происходит усиление переживания чувства одиночества. Синтез научных знаний на современном этапе развития психологической науки позволяет по-новому увидеть и спрогнозировать возможные варианты индивидуального развития переживания одиночества в процессе субъектной регуляции.

В работе использованы методы теоретического исследования: теоретический анализ, моделирование. В процессе исследования проанализированы научные материалы для выбора направления методологического обоснования в изучении особенностей субъективного переживания одиночества в подростковом и раннем юношеском возрасте в процессе субъектной регуляции. Регуляторные процессы конкретного человека имеют индивидуальную специфику, которая обуславливается не только его индивидуально-психическими особенностями, но и требованиями окружающей действительности. В ходе изучения влияния процесса саморегуляции на особенности субъективного переживания одиночества используются основные положения следующих концепций: осознанной саморегуляции деятельности как фактора интеграции и изменения О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, Г.С. Прыгин [3].

Развитие современной науки представляет осмысление все более сложных системных организаций [2]. Учитывая данные условия, в качестве исходной теоретической основы при разработке поливариантной модели особенностей субъективного переживания одиночества у подростков и юношей с различными типами саморегуляции была взята системно-эволюционная концепция личности В.В. Белова [1]. Построение в психологии новой функциональной парадигмы на основе синергетики, как науки о сложных самоорганизующихся системах, позволяет рассматривать личность в ходе ее жизнедеятельности с точки зрения постепенного усложнения систем от гомеостатических к целеустремленным, от них к целенаправленным, затем через самодетерминирующиеся к саморазвивающимся системам [1]. В рамках данной концепции мы можем понимать одиночество как личностное образование в контексте его форм, проявлений и условий развития, а личность как высший уровень саморазвивающихся систем в процессе эволюции. На основе самоорганизации система сама может выбирать путь своего оптимального развития, активно взаимодействовать со средой, изменять ее в направлении, которое обеспечивает наиболее успешное функционирование системы. Личность на этапе взросления как самоорганизующаяся система активно стремится к преобразованию

и саморазвитию, а одиночество как психический феномен, особенно остро проявляющийся в подростковом и раннем юношеском возрасте, преобразуется как в конструктивном, так и неконструктивном плане эволюции системы.

Системно-эволюционный подход открывает новый путь к изучению личности в контексте особенностей переживания одиночества в подростковом и раннем юношеском возрасте с нескольких сторон: во-первых, рассматривая личность как саморазвивающуюся систему высшего порядка в процессе эволюции, мы учитываем альтернативность условий и путей ее развития; во-вторых, опираясь на синергетику, мы выделяем содержательные аспекты переживания одиночества как личностного образования и формы его самодетерминации на этапе взросления.

1. Белов В.В. Концепция личности в акмеологии лидерства: системно-эволюционный подход / Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2017. № 4. С. 43–57
2. Делокаров К.Х. Системная парадигма современной науки и синергетика. Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 110–118
3. Прыгин Г.С. Психология самостоятельности: монография — Ижевск, Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2009. — 565 с.

Мир глазами ребенка цифрового поколения

Психологичное здоровье, цифровое поколение, картина мира, семантический дифференциал, факторный анализ

«В современном мире наблюдается кризис детства». «Современные дети агрессивны и своевольны». «Современные дети ничего не читают и ничего не хотят знать». Выше представлены некоторые ответы респондентов на вопрос о современных детях. А если вспомнить какими репортажами изобилуют средства массовой информации об агрессивном и порой жестоком поведении современных детей, то так и хочется вспомнить А. Пушкина: «Ужасный век, ужасные сердца». С одной стороны действительно современные дети оказались в сложной ситуации. Они растут в новом мире, в мире с новой системой ценностей, в мире с новым нормативным пространством. У детей, живущих в мегаполисах, существенно изменились и способы познания мира и социализации в нем. Практически исчезло понятие «двор», который был одним из важнейших социальных институтов предыдущей эпохи. Именно на улице, во дворе дети предыдущего поколения учились взаимодействовать со сверстниками и «чужими» взрослыми, разрешать конфликты, дружить. Современные дети больших городов и мегаполисов лишены такой свободы познания окружающего мира. Они практически лишены возможности самостоятельно проводить время на улице без контроля взрослых, взрослые активно вмешиваются в детские конфликты, пытаются разрешить их за детей. Они больше времени проводят не в реальном мире, а в виртуальном; общение в социальных сетях дает им возможность определять их круг общения. Теперь они сами могут решать с кем им общаться, а с кем — нет, и в случае конфликтной ситуации партнера по общению можно просто «расфрендить», решив, таким образом, проблему.

В рамках отечественной психологии показано, что развитие детей и формирование их как личности неразрывно связано с формированием уникальных представлений об окружающем мире. Эти представления определяются особенностями среды, основаны на сборе и анализе представлений о ней, и в своей совокупности складываются в личную точку зрения — субъективную картину (Мухина, 1999). Картина мира конструируется личностью в ходе его развития; она определяет стратегии жизнедеятельности и мировосприятие, и видоизменяется в процессе взаимодействия с миром. По мнению Ф. Василюка любое живое существо “изначально вживлено в мир, связано с ним материальной пуповиной своей жизнедеятельности. Этот мир, оставаясь объективным и материальным, не есть, однако, физический мир, то есть мир, как он предстает перед наукой и физикой, это — жизненный мир. Жизненный мир и является, собственно говоря, единственным побудителем и источником содержания жизнедеятельности обитающего в нем существа (Василюк, 1995). Такая значимая картины окружающего мира для формирования, развития и жизнедеятельности личности и

определила цель нашего исследования. В исследовании изучается содержание картины мира современных детей, проживающих в мегаполисе.

В исследовании приняло участие 123 школьника из Москвы. Все респонденты ученики 1–5 классов; все дети имеют свободный доступ к информационным средствам и активно пользуются ими. В качестве методологической основы эмпирического исследования был использован психосемантический подход. Для этого респондентов просили оценить понятие «Мир вокруг меня» в 16 семантических шкалах по 10-балльной шкале:

Полученные данные были подвержены процедуре факторного анализа с последующим варимакс вращением. Было выделено три фактора, на которые приходится 64,3% общей дисперсии признаков. Первый выделенный фактор объединил такие шкалы как добрый, красивый, огромный, дружелюбный, объемный, цветной, много друзей. Выделенные прилагательные отражают позитивное, спокойное восприятие окружающего мира, мира дружелюбного по отношению к детям, наполненного большим количеством друзей. В целом фактор может быть обозначен как фактор восприятия мира как дружелюбного. Во второй фактор вошли такие шкалы как холодный, тусклый, грустный, закрытый, тревожный, непонятный, грязный. В целом прилагательные отражают восприятие мира как неопределенного и тревожащего и может быть назван как фактор неопределенности окружающего мира. Третий фактор, на который приходится наименьшая доля дисперсии признаков, объединил только две шкалы — быстрый и громкий, который отражает восприятие окружающего мира, как информационно насыщенного. Таким образом, изучение окружающего мира глазами детей, живущих в мегаполисе, показало, что дети воспринимают окружающий мир, в первую очередь, психологически комфортным для себя, при этом они признают определенную степень его неопределенности и информационной насыщенности.

Полученные результаты позволяют предположить, что у детей, относящихся к миру как к дружелюбному, цветному, наполненному друзьями, сформировано базовое доверие к миру. Именно это доверие определяет их доверие к другим людям, формирует у них чувство тождества с миром и другими, которое необходимо для его «становления тем, кем он станет, согласно надеждам других» (Erikson, 1963). А вот будут ли реализованы эти надежды — зависит от взрослых: родителей, педагогов, психологов

1. Мухина, В.С. Картина мира: индивидуальные различия / В.С. Мухина // Феноменология развития и бытия личности. — М.: Воронеж, 1999. — С. 445–452.
2. Василюк, Ф.Е. Жизненный мир и кризис: Типологический анализ критической ситуации / Ф.Е. Василюк // Психологический журнал. — 1995. — №3. — С.90–101.

Двадцать лет спустя: внутренние конфликты и вакуумы молодежи

Развитие; внутренние конфликты и вакуумы личности; ценностные, смысложизненные и карьерные ориентации; мотивационно-личностная сфера; гендер; молодежь.

Молодежь считается динамичной социальной группой, являющейся достаточно уязвимой и неустойчивой в силу возрастной специфики и социально-экономических изменений. Современные исследования показывают тенденции к снижению численности молодежи (Молодёжь России 2000–2025: развитие человеческого капитала, 2013), а также рост проблем, связанных с благополучием, безопасностью и трансформацией ценностей и смыслов на фоне критических изменений ключевых характеристик глобальной окружающей среды (например, усиливающейся неопределенности и рисков цифровизации, кризисов и пандемии).

Актуальным является вопрос влияния новых условий и вызовов на ценностные, смысложизненные и карьерные ориентации молодежи, ответ на который позволит узнать каким в настоящее время становится соотношение значимости и доступности жизненно важных сфер по сравнению с началом 2000-х годов.

Для проверки гипотезы о динамике содержания и интенсивности внутренних конфликтов и вакуумов личности как индекса расхождения ценности — доступности, а также ценностных, смысложизненных и карьерных ориентаций используются психодиагностические методики (Фанталова, 2001; Леонтьев, 2000; Чикер, 2006), статистические критерии сравнительного и корреляционного анализа с учетом гендера. Выборка включает молодежь г. Владивостока с разницей в двадцать лет (в начале 2000-х и в период 2020-х годов).

Динамика ценностей молодежи в период 2000–2020-е годы характеризуется усилением технократических и ослаблением гуманистических ориентаций, увеличением значимости индивидуалистических ценностей, в поведенческих установках молодых людей преобладают ориентации на достижение материального благополучия, успеха, самореализации, независимости, свободы и статуса при сохранении значимости таких базовых ценностей, как семья, любовь, здоровье (Скосырева и соавт., 2020). При этом отмечается наличие гендерных различий мотивационно-личностной сферы молодежи (Bubnovskaya O.V., 2013 и др.).

Доминирующие в структуре ценностных ориентаций установки отражаются на карьерных ориентациях молодежи, растет значимость карьеры, связанной с предпринимательством и менеджментом, в коммерческой, творческой и государственной сферах; профессий, способствующих самореализации, развитию предприимчивости, готовности рисковать и быстро меняться. Однако по-прежнему слабым остается представление о связи профессионального успеха и профессиональных компетенций, ценности и смыслы в области карьеры, носящие часто декларативный характер, недостаточно осознаны и дифференцированы.

Анализ мотивационно-личностной сферы студенчества разных временных периодов на основе оценки уровня выраженности ее дезинтеграции/гармонизации,

иерархий жизненно важных сфер по степени их значимости — доступности, динамики ценностных, карьерных и смысложизненных ориентаций молодежи в период 2000–2020-х годов показывает, что их трансформация, содержание внутренних конфликтов и вакуумов противоречивы. С одной стороны, сохраняется ориентация молодых людей на базовые ценности, с другой стороны усиливаются индивидуалистические тенденции, прагматизм и снижение значимости общественных ценностей. Это может свидетельствовать о том, что молодежь пытается встроиться в меняющийся мир, ищет пути адаптации к среде для обеспечения своей устойчивости, безопасности и благополучия.

1. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. — М.: Смысл, 2000. — 18 с.
2. Скосырева Н.Д., Зинич А.В., Ревякина Ю.Н. и др. Профессиональное самоопределение молодежи (сравнительный анализ 1990–2020 гг.) // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 5. — С. 247–250. — DOI 10.24411/1991–5497–2020–00949
3. Фанталова, Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. — Самара: БАХРАХ, 2001. — 20 с.
4. Чикер В.А. Психологическая диагностика организации и персонала. — СПб: Речь, 2006. — С. 85.
5. Bubnovskaya O.V. Gender Features of Motivational and Personality Sphere of the Youth // World Applied Sciences Journal. — 2013. — Т.27. № 13А. — pp. 48–52. — DOI: 10:5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.11

Взаимосвязь психологического благополучия и семейного окружения у китайских подростков

Психологическое благополучие, семейное окружение, одаренные подростки

Проблематика психологического благополучия имеет относительно недолгую историю, но интерес к ней в психологической науке проявляется все больше в разных аспектах, особенно речь идет о психологическом благополучии подростков в период взросления. В данной работе уделяется внимание психологическому благополучию китайских подростков с признаками академической одаренности, перед которыми стоит не только задача формирования личности в подростковый период, но и развития своей одаренности.

Ю. В. Бессонова рассматривает психологическое благополучие как целостное переживание, отражающее успешность функционирования индивида в социальной среде [2]. Касательно социальной среды, конечно, необходимо упоминать о семье, которая выступает в качестве социокультурной среды воспитания и развития личности ребенка. Таким образом, есть основания предположить существование взаимосвязи психологического благополучия и семейного окружения.

С целью выявления взаимосвязи психологического благополучия и оценки отношений с семейным окружением китайских академически одаренных подростков и их сверстников, в нашем исследовании была использована «Шкала семейного окружения» [1], которая включает в себя 10 показателей: сплоченность, экспрессивность, конфликт, независимость, ориентацию на достижения, интеллектуально-культурную ориентацию, ориентацию на активный отдых, мораль и нравственность, организацию и контроль. Всего 315 китайских подростков в возрасте от 13 до 15 лет приняли участие в данном исследовании, в том числе 122 китайских академически одаренных подростка, обучающихся в самых лучших группах по успеваемости из престижных школ в Китае, и 193 их сверстника, обучающихся в группах с обычным уровнем развития. С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена была обнаружена положительная взаимосвязь психологического благополучия китайских академически одаренных подростков и их сверстников с обычным уровнем развития со сплоченностью ($p \leq 0,01$), экспрессивностью ($p \leq 0,01$), ориентацией на достижения ($p \leq 0,01$), интеллектуально-культурной ориентацией ($p \leq 0,01$), ориентацией на активный отдых ($p \leq 0,01$), организацией ($p \leq 0,01$) и общей оценкой семейного окружения ($p \leq 0,01$) и отрицательная взаимосвязь с конфликтом в семье ($p \leq 0,01$).

Стоит отметить, что по сравнению с их сверстниками с обычным уровнем развития, у китайских академически одаренных подростков выявлена более значительная положительная взаимосвязь психологического благополучия со сплоченностью (у академически одаренных подростков 0,54, у их сверстников 0,41, при $p \leq 0,01$) и экспрессивностью (у академически одаренных подростков 0,48, у их сверстников 0,38, при $p \leq 0,01$). Кроме того, обнаружена более значимая отрицательная взаимосвязь психологического благополучия и конфликта в семье у

китайских академически одаренных подростков ($-0,43$, при $p \leq 0,01$) и их сверстников ($-0,36$, при $p \leq 0,01$).

В конечном счете и у китайских академически одаренных подростков и их сверстников обнаружена позитивная взаимосвязь психологического благополучия и общей оценки семейного окружения ($0,40$ и $0,38$, при $p \leq 0,01$). То есть, повышение психологического благополучия тесно связано с гармоничностью семейной атмосферы, в том числе с выражением заботы друг о друге между членами семьи, выраженностью чувства принадлежности к семье, открытостью выражения своих чувств, смягчением конфликтов, организацией семейной деятельности, активного отдыха и т.д. Предполагаем, что для китайских академически одаренных подростков и их сверстников с обычным уровнем развития одинаково важна потребность в удовлетворенности семейным окружением и воспитанием.

1. Арбатская, Е. С. Диагностика семейных дисфункций в приемной семье: методическое пособие / Е. С. Арбатская, Н. Ю. Дичина. — Иркутск: УМЦ РСО, 2017. — 44 с.
2. Бессонова, Ю. В. О структуре психологического благополучия / Ю. В. Бессонова // Психологическое благополучие личности в современном образовательном пространстве: сборник статей. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. — С. 30–35.

Проявление когнитивно-эмоционального конфликта в видеодialoge и самоотношение старшеклассников

Самоотношение, когнитивно-эмоциональный конфликт, старшеклассники

Когнитивно-эмоциональный конфликт — противоречие между сознательной (когнитивной) и эмоциональной оценкой — можно рассматривать на нескольких уровнях. На высшем личностном уровне это долгосрочное противоречие между сознательно принятыми ценностями, нормами и правилами и непосредственными потребностями, отражаемыми эмоционально. При этом взаимодействие сознания и эмоций имеет большое количество аспектов и проявляется как в ходе нормального развития личности, так и при патологии. Как известно, развитие личности подразумевает не столько развитие интеллекта и накопление человеком знаний и навыков, сколько развитие его мотивационно-эмоциональной сферы. Наиболее интенсивно такой процесс происходит в старшем школьном возрасте, когда формируется интегративное самосознание и устойчивый образ «Я», который становится одной из главных установок личности. При этом можно ожидать, что индивидуально-личностные варианты возникновения, развития и разрешения когнитивно-эмоционального конфликта будут определяться индивидуально-личностными характеристиками, в первую очередь параметрами самоотношения.

Целью данного исследования было выявить взаимосвязь проявлений когнитивно-эмоционального конфликта в зависимости от параметров самоотношения.

Проявления когнитивно-эмоционального конфликта фиксировались в видеодialoge с помощью инструмента Skype, обеспечивающего регистрацию всего процесса диалога. Для выявления наличия и степени выраженности когнитивно-эмоционального конфликта использовались формализованные интегральные экспертные оценки, которые основаны на субъективном опыте экспертов — в работе участвовало несколько опытных психологов, их оценки сводились к единому мнению. Использовалась методика «Исследование самоотношения» (ИС) С.Р. Панталева (1993), которая позволяет выявить 9 девять типов самоотношения: МИС 1 закрытость — открытость, МИС 2 самоуверенность, МИС 3 саморукводство, МИС 4 отраженное самоотношение, МИС 5 самоценность, МИС 6 самопринятие, МИС 7 самопривязанность, МИС 8 внутренняя конфликтность, МИС 9 самообвинение. Проведение методики самоотношения осуществлялось как в стандартном (бланковом) варианте (в нем приняли участие 147 человек, в том числе 72 мальчика и 75 девочек), так и в виде теле диалога (участвовало 11 человек, в том числе 6 мальчиков и 5 девочек, которые хорошо представляют всю выборку респондентов). В ходе теле диалога вопросы или утверждения произносились вслух экспериментаторов. Испытуемый также должен был развернуто отвечать вслух, а после его ответа были возможны уточняющие вопросы и реплики экспериментатора, с целью спровоцировать через социальную желательность когнитивно-эмоциональный конфликт и повышенную эмоциональность диалога. Диалог вели

опытные психологи, в обследовании добровольно приняли участие школьники 10–11 классов различных школ г. Москвы.

В среднем по группе учеников показано, что конфликт возникает практически равно вероятно на вопросы, относимые к различным шкалам МИС, несколько чаще (значимо больше, чем на вопросы шкал МИС 2, 3, 7, 8) они обнаруживались на вопросы МИС 9 — самообвинение, что, ожидаемо. Также выявлено, что конфликт возникал чаще, когда вопросы непосредственно затрагивали личность испытуемого, даже если они относились к разным шкалам МИС.

Обнаружено, что вероятность возникновения когнитивно-эмоционального конфликта тем меньше, чем сильнее выражен параметр МИС 6 — самопринятие ($r = -0.82$, $p < 0.05$). Степень выраженности других параметров МИС в личностном профиле обследованных учащихся не коррелирован (на уровне $p < 0.05$) с частотой возникновения когнитивно-эмоционального конфликта. Однако в качестве тенденции можно отметить обратную взаимосвязь выраженности МИС 5 — самооценности ($r = -0.53$) и МИС 7 — самопривязанности ($r = -0.54$) с вероятностью возникновения конфликта.

Таким образом, у учащихся с низким самопринятием, а также низкой самооценностью и самопривязанностью чаще возникают когнитивно-эмоциональные конфликты в общении.

1. Пантилеев С.Р. Методика исследования самооотношения. М.: «Смысл», 1993. 32 с

Исследования поддержаны РФФИ № 20-013-00834.

Оптимизм и стратегии социального поведения у взрослых с разным типом профессиональной карьеры

Оптимизм, стратегии самоутверждения, стратегии преодоления стрессовых ситуаций, социальный капитал, карьера, фриланс

Интенсивная динамика происходящих в стране и в мире социально-экономических изменений, которые все чаще характеризуют как дестандартизацию и флексибилизацию занятости, приводит к появлению новых форм занятости, одна из которых — фриланс, набирающий все большую популярность среди молодежи. Фриланс представляет собой нечто среднее между работой по найму и предпринимательством и отличается от классического наемного труда образом взаимодействия с работодателем и полной автономией в построении карьеры и трудовой биографии; а от предпринимательства — индивидуализмом, спецификой необходимых ресурсов и маргинальным положением на рынке труда [1]. В связи с этим встает вопрос о ресурсах стрессоустойчивости и особенностях социального поведения молодых людей, выбирающих данный тип построения карьеры. Мы предположили, что в качестве таких ресурсов могут выступать оптимизм и используемые стратегии социального поведения, которые, вероятно, будут различаться у фрилансеров и взрослых, занятых в постоянном штате организации в силу различной их значимости для выбранных типов карьеры.

В современной психологии существует два основных подхода в разработке проблемы оптимизма — рассмотрение данного феномена как диспозиции (М.Ф. Шейер, Ч.С. Карвер) и как стиля атрибуции (М. Селигман). Исследования показывают, что в их основе лежат разные измеряемые конструкты. В настоящее время широко изучены взаимосвязи оптимизма с такими психологическими характеристиками как жизнестойкость, мотивация достижения, настойчивость, энтузиазм, активный копинг и др. Однако исследований о взаимосвязях оптимизма с особенностями социального поведения практически нет. Говоря о стратегиях социального поведения, стоит отметить наличие локальных классификаций, охватывающих избранные аспекты социального взаимодействия. В данном исследовании предпринята попытка рассмотреть более обобщенные стратегии социального поведения как устойчивые соотношения его особенностей (направленности, формы, и способов использования социальных взаимодействий).

Целью исследования стало изучение оптимизма и стратегий социального поведения у фрилансеров и работающих по найму в организации. Выборка включила 60 человек возрастом от 25 до 35 лет (ср. возраст 27,5) 30 фрилансеров и 30 занятых по найму. Измерялись: уровень диспозиционного оптимизма (тест LOT М. Шейер и Ч. Карвер), уровень оптимистического атрибутивного стиля (тест Л.М. Рудиной), выраженность стратегий преодоления стрессовых ситуаций (шкала SACS С. Хофболла), выраженность стратегий самоутверждения (Н.Е. Харламенкова, Е.П. Никитин), выраженность стратегий использования социального капитала (авторская анкета).

Результаты показали, что фрилансеры более склонны к оптимистичному стилю атрибуции ($p=0,001$), к отстаиванию своих интересов и открытым социальным столкновениям. Работающие в организации специалисты более склонны к избеганию действий по разрешению трудностей или к коллективному преодолению, к непрямым действиям, нейтральному выражению себя в социальном взаимодействии и отказу от отстаивания своих интересов в столкновениях ($p\leq 0,03$).

Методом факторного анализа на основе соотношения показателей измеренных стратегий социального поведения выделено 7 типов (факторов) данных стратегий с общей совокупной дисперсией 73%. Обнаружены значимые межгрупповые различия в выраженности некоторых из них: фрилансеры более склонны к максимизации инструментального использования социального капитала ($p=0,043$); занятые по найму специалисты более склонны к неуверенным стратегиям самоутверждения ($p=0,006$), косвенному проявлению агрессии ($p=0,036$).

С помощью корреляционного анализа были найдены взаимосвязи, образованные выделенными факторами с показателями оптимизма, отражающие взаимосвязь оптимистичного атрибутивного стиля и просоциальной мотивации в общении ($p\leq 0,05$).

1. Ильин В.И., Ильина М.А. Самозанятость как социальный феномен российского общества // Рубеж. — 1999. № 13–14. С. 156–178.

Внутриличностные конфликты и профессиональное самоопределение в подростково-юношеский период развития

Внутриличностные конфликты, профессиональное самоопределение, возраст, личность, эмоциональные состояния

Значение внутриличностных конфликтов (ВК) для развития в период юности трактуется неоднозначно. Ряд авторов (Асмолов, 1990; и др.), рассматривают ВК как фактор, стимулирующий развитие; другие говорят об их негативном влиянии на эмоциональную сферу и развитие (Фанталова, 2015 и др.). ВК рассматривается как столкновение противоположных тенденций, интересов, представлений, стремлений личности. Наиболее изучены мотивационно-ценностные конфликты (МЦК) и конфликты самооценки (КСО). Профессиональное самоопределение является главной задачей подростково-юношеского периода, успешное ее решение влияет на последующую жизнь человека. Оно является сложным психологическим образованием и включает сформированность профессионального типа личности, статус профессиональной идентичности, мотивацию, наличие профессионального плана. Трудности в выборе профессии испытывает большинство подростков. (Головей с соавт., 2015 и др.).

Гипотезы: ВК могут оказывать влияние на профессиональное самоопределение личности; их влияние может быть взаимосвязано с особенностями личности и устойчивыми эмоциональными состояниями. Задачи: 1. Изучить параметры профессионального самоопределения. 2. Выявить взаимосвязи профессионального самоопределения с ВК личности, личностными особенностями и доминирующими эмоциями с профессиональным самоопределением.

Выборка: 237 учащихся школ, возраст 15 -18 лет (99 юношей, 138 девушек). Методы: Опросник профессиональной идентичности (Азбель), тест Холланда, Методики измерения КСО (Прихожан) и МЦК (Фанталова). Шкала Психологического благополучия Рифф (адаптация для подростков), тест Доминирующих эмоциональных состояний (Куликов).

Анализ результатов показал, что более чем у 43% профессиональный план не сформирован, преобладает материальная мотивация, профессиональный тип у 48,8% старшеклассников сформирован слабо, лишь у 29% статус профессиональной идентичности сформирован, 50,2% имеют статус моратория, 10% — неопределенный статус. В структуре корреляционных связей профессионального самоопределения выявлены прямые связи сформированности профессионального плана с выраженностью профессионального типа ($p = ,05$), со статусом сформированной профессиональной идентичности ($p = ,001$), обратные с неопределенной идентичностью ($p = ,001$). Сравнение показателей профессионального самоопределения в группах с разным уровнем ВК, выявило различия: в группах с высоким уровнем МЦК и КСО более низкий уровень сформированности профессионального плана ($p = ,02; ,001$), высокий уровень КСО сопровождается мораторием (кризисом идентичности). При этом КСО имеет

отрицательные связи с уровнем сформированной идентичности ($p=,001$). Статус моратория положительно взаимосвязан с суммарным индексом МЦК, и отрицательно — с наличием нейтральных зон и внутренних вакуумов в структуре МЦК (все связи $p=,001$). Регрессионный анализ показал, что предикторами моратория являются направленность на личностный рост ($\beta ,189; p=,004$) и позитивные отношения ($\beta,174; p=,006$). Предикторами выраженности профессионального типа — направленность на личностный рост ($\beta ,312; p=,000$), общий показатель психологического благополучия ($\beta — ,215; p=,001$). В другой модели в качестве независимых переменных выступали параметры профессионального самоопределения, зависимых — эмоциональные состояния. Выявлено, что сформированность профессионального типа и моратория являются предикторами активности ($\beta,0193; p=,003$) и бодрости ($\beta,231; p=,003; \beta ,197; p=,001$). Таким образом, для формирования профессионального плана важны сформированность идентичности и профессионального типа. ВК препятствуют успешному самоопределению. Значимая роль принадлежит личностному росту и позитивным отношениям.

1. Асмолов А.Г. Психология личности. М., МГУ, 1990
2. Профессиональное развитие личности: начало пути (Эмпирическое исследование). /Л.А.Головей, В.Р. Манукян, Л.В.Рыкман и др. СПб.: Нестор-История, 2015
3. Фанталова Е.Б. Диагностика и терапия внутренних конфликтов. Москва-Берлин, Директ- Медиа, 2015

Проявление жизнестойкости в трудных жизненных ситуациях в подростковом и юношеском возрастах

Подростковый возраст, юношеский возраст, жизнестойкость, повседневные трудности, копинг-поведение

Способность личности противостоять ситуациям стресса, сохраняя внутреннее равновесие, продуктивность в деятельности и в использовании изменений окружающей реальности, может быть определена как жизнестойкость (Леонтьев, Рассказова, 2011; Maddi et al., 2011). Жизнестойкость представляет собой конструкт: вовлеченность как интерес к жизни; контроль как конструктивное влияние на результат происходящего в жизни и принятие риска как убежденность в том, что всё происходящее необходимо для опыта и развития. Существует также подход Л.А. Александровой (2003), которая предложила трактовать жизнестойкость через совладание с жизненными трудностями. Изучению жизнестойкости в разные периоды развития личности посвящены работы отечественных и зарубежных исследователей (Лобза, 2019; Delahaij et al., 2010).

Наше исследование изучает жизнестойкость и способы совладания с повседневными трудностями в подростковом и юношеском возрасте. Выборка: подростки 13–14 лет (30 человек) юношество 15–17 лет (40 человек). Методы: тест жизнестойкости С. Мадди, Юношеская копинг-шкала (ACS) и анкета с вопросами о трудных жизненных ситуациях и способах реагирования на них.

Показатели жизнестойкости в подростковом возрасте (62.4 ; $\sigma = 22.25$) ниже среднего уровня и достоверно ниже ($p = .009$), чем в юношеском (71.5 ; $\sigma = 19.7$). По параметрам жизнестойкости получены достоверные различия ($p .05$): вовлеченность в действительность, ответственность за происходящее в ней и принятие жизненного опыта более характерны для юношества.

В анкете представлены наиболее частые жизненные ситуации, определенные как повседневные трудности (ссоры, одиночество, ситуации выбора, экзаменов, социальные взаимодействия), и поведенческие реакции на них — поиск правильного решения, обращение за советом, плач, попытки отвлечься и пр. Большинство реакций не являются конструктивными, условно конструктивной можно назвать попытку найти правильное решение. Выявлены различия ($p .05$) по 2 показателям из 12: подростки чаще реагируют плачем и обращаются за помощью взрослых. Слабые различия в реагировании на трудности позволили провести факторный анализ по показателям всей выборки. Выделено 3 фактора (49 % объяснительной дисперсии). Первый фактор (2.33) назван «Поиск решения» и включил с положительным знаком показатели самостоятельных действий (попытки найти правильное решение и игры в сети), с отрицательным знаком — показатели бездействия (плач и совет друзей). Во второй фактор (2.15) «Передача ответственности» вошли с положительным знаком показатели обращения к помощи взрослых, с отрицательным — показатели ухода в себя. Третий фактор «Уход от решения» (1.44) объединил с положительным знаком показатели ухода от решения ситуации.

По показателям копинг-поведения между возрастными группами получены 2 достоверных различия ($p < .05$). В юности чаще применяется как продуктивный копинг «Решение проблемы», так и непродуктивный — «Активных отдых».

Анализ взаимосвязей выявил особенности жизнестойкости в повседневных трудных ситуациях и копинг-поведения. В обеих группах с жизнестойкостью связаны показатели всех блоков копингов, однако в юношеской группе больше связей с продуктивными и социальными копингами. Различается знак связей. Если в подростковом возрасте жизнестойкость положительно связана с социальным стилем копингов, то в юношестве эти связи не так однозначны: жизнестойкость положительно связана с интересом к оценке со стороны других людей и отрицательно — со стремлением поделиться своей проблемой, получить совет. В группе подростков выявлена связь жизнестойкости с фактором «Ухода от решения» как поведенческой реакции на трудности, в юношеской таких связей нет.

Итак, жизнестойкость от подросткового к юношескому возрасту повышается. Реакция на повседневные трудности в возрастных группах не имеет ярких различий, однако в юношеском возрасте оно практически не связано с жизнестойкостью. Показатели копингов имеют многочисленные связи с жизнестойкостью, и для юношества характерны более конструктивные стратегии.

1. Александрова, Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня: Сб. научн. трудов. Вып. 2 / под ред. М.М. Горбатовой, А.В. Серого, М.С. Ясницкого. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. — С. 82–90.
2. Леонтьев, Д.А., Рассказова, Е.И. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала / Личностный потенциал: структура и диагностика. — Москва: Смысл, 2011. — 680 с.
3. Лобза, О. В. Жизнестойкость как компонент психологической безопасности личности / Вестник Прикамского социального института. — 2019. №. 2 (83). — С 75–79.
4. Delahaij, R., Gaillard, A.W.K., Karen van Dam (2010). Hardiness and the response to stressful situations: Investigating mediating processes // *Personality and Individual Differences*. Vol. 49. Iss. 5. — P. 386–390. DOI: 10.1016/j.paid.2010.04.002
5. Maddi, S. R., Khoshaba, D. M., Harvey, R. H., Fassel, M., & Resurreccion, N. (2011). The Personality Construct of Hardiness, V: Relationships With the Construction of Existential Meaning in Life // *Journal of Humanistic Psychology*. Vol. 51(3). P. 369–388. doi:10.1177/0022167810388941

Возрастные различия в отношении к смерти (подростки, юноши, взрослые)

Отношение к смерти, представления о смерти, подростки, взрослые

Формированию представлений о смерти у детей и подростков посвящено не много исследований. Преимущественно они осуществлялись в рамках психоаналитического и когнитивного подходов.

Было выявлено, что в возрасте от 0 до 5 лет активно формируется «концепция трансформации» наряду с «концепцией неизменности» (опыты Ж. Пиаже). В возрасте от 5 до 10 лет происходит формирование отдельных компонентов представлений о смерти: универсальность, необратимость, отнесенность к собственному «Я» и др. (Kastenbaum, 2000). Появляются биологически ориентированные представления о жизни, что приводит к более зрелому пониманию смерти (Slaughter, 2005). С 9–10 лет происходит переосмысление феномена смерти, в результате скачка в когнитивном развитии ребенка. Подростковый возраст отличается противоречивым отношением к смерти, но именно в этом возрасте формируется личностное отношение к смерти, которое может сохраняться до пожилого возраста (Norpe, Norpe, 1996). Остается не совсем ясным, какие изменения происходят в понимании и отношении к смерти в период с подросткового до пожилого возраста.

Цель исследования: изучение различий в отношении к смерти у подростков, юношей, взрослых. Участники исследования: 127 человек в возрасте 14–64 лет, из них 38 подростков (14–16 лет, ср. знач. 15), 41 юноша (17–19 лет, ср. знач. 17,5), 48 взрослых (23–64 года, ср. знач. 32). Методы исследования: авторская методика исследования отношения к смерти. Методы математической статистики: U — критерий Манна-Уитни, N — критерий Крускала-Уоллиса, r — коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования. В результате сравнительного анализа были обнаружены различия в особенно-стях отношения к смерти в различные возрастные периоды.

Подростки и юноши. В рациональном компоненте отношения к смерти юноши в большей степени понимают смерть как абсолютное окончание жизни. В эмоциональном компоненте юноши в большей степени принимают смерть (деструктивное принятие).

Подростки и взрослые. Обнаружены различия в основном в эмоциональном компоненте отношения. Так, взрослые характеризуются большим принятием смерти, а так же страхом смерти. В рациональном компоненте отношения к смерти взрослые в большей степени понимают смерть как абсолютное окончание жизни.

Юноши и взрослые. Не выявлено значимых различий.

В целом с возрастом смерть понимается в большей степени как завершение жизни и отсутствие ее продолжения после смерти. А также отмечаются и позитивные аспекты данного феномена.

Корреляционный анализ структуры отношения к смерти (связь рационального и эмоционального компонентов) так же позволил выявить возрастные особенности. У подростков выявлена положительная связь представления о смерти как «Абсолютный конец» и принятия смерти ($p \leq 0,01$). У юношей обнаружена положительная связь представления о смерти как «Переход в другое состояние» и страха смерти ($p \leq 0,01$). У взрослых выявлена положительная связь представления о смерти как «Естественный процесс» и принятия смерти ($p \leq 0,01$), отрицания смерти ($p \leq 0,01$).

1. Noppe L.D., Noppe I.C. Ambiguity in adolescent understandings of death // Hand-book of adolescent death and bereavement. — 1996. — P. 25–42.
2. Kastenbaum R. The psychology of death. 3-ed edition. — Springer Publishing Company, Inc., 2000. — 318 P.
3. Slaughter V. Young children's understanding of death // Australian psychologist. — 2005. — Vol. 40, №. 3. — P. 179–186.

Планы построения профессиональной и семейной карьеры у студенток региональных и столичных вузов

Семейная карьера, профессиональная карьера, вхождение во взрослость

В современном мире жизненная перспектива молодых женщин имеет широкий спектр возможностей, не ограничиваясь семейными ролями, как это было в недалеком прошлом. Соответственно актуальной исследовательской задачей становится изучение соотношения планов относительно профессиональной и семейной карьеры в жизненной перспективе молодых девушек. Мы предполагаем, что одним из важнейших условий выстраивания перспективы карьерного продвижения является мотивационная структура личности молодой женщины. Также нам представляется, что социальная ситуация развития (а именно проживание и обучение в столице или в региональном центре России), может быть связана с выбором приоритета профессиональной или семейной карьеры.

Целью данной работы стало выявление возможной связи типа планируемого карьерного продвижения (профессиональная или семейная) с мотивационной направленностью личности студенток, обучающихся в столичных и в региональных вузах.

Методы: для реализации целей исследования был разработан опросник «Профессиональная и семейная карьера (СПК)», содержащий 5 шкал — мотивационной направленности в построении карьеры, карьерного плана, локуса контроля в отношении карьеры, временной перспективы (в шкалах выделены две субшкалы для профессиональной и семейной карьеры) и шкала согласованности семейной и профессиональной карьер. (Захарова, Карabanова, Старостина, 2020; Карabanова, Захарова, Старостина, 2020). Средством анализа мотивационной структуры личности стала методика Мотивационных индукций Ж.Нюттена.

Выборка: Было обследовано 158 студенток в возрасте от 18 до 20 лет, проходящих обучение в российских ВУЗах (факультеты психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и Пензенского государственного университета) по специальностям психология и дошкольная педагогика.

Полученные результаты: Были выделены с помощью кластерного анализа три группы респонденток с учетом планирования карьерных линий во временной перспективе. В первую группу вошли студентки в высокой степени ориентированные на построение профессиональной карьеры (Профессионально-ориентированные — 22,2% девушек). Они явно отдают ей предпочтение в сравнение с семейной, видят ее перспективу более определенной и близкой. Вторую группу составили девушки, отдающие предпочтение построению семейной карьеры — 41,1% участниц (Семейно-ориентированные). Для девушек из данной группы перспектива создания семьи значимо ближе (критерий Краскала-Уоллиса 0,000; при $p \leq 0,05$), они ориентированы на рождение и воспитание детей (критерий Краскала-Уоллиса 0,000, при $p \leq 0,05$). Третья группа участниц, составившая 36,7% выборки, отличается высокой степенью неопределенности жизненной временной перспективы

(Неопределившиеся). Выборка студенток, проживающих и обучающихся в центральном регионе России распределилась почти равномерно (26,4 % — профессионально-ориентированные, 31,9% — семейно-ориентированные и 31,9% — неопределившиеся), в то время как ориентация на профессиональную карьеру у студенток регионального ВУЗа встречается существенно реже (14,5%), уступая место ориентации на построение семейной жизни (47,4%). Картину дополняет наличие значимых различий в силе выраженности мотивов построения карьеры. Мы видим, что жизнь в мегаполисе создает больше возможностей для построения профессиональной карьеры молодых женщин, что находит отражение в устремлениях девушек в период вступления во взрослость.

Были получены следующие значимые различия по основным мотивам построения карьеры у студенток центрального и регионального ВУЗов: для девушек из Пензы характерна большая выраженность мотива престижа (критерий Манна-Уитни 0,014, $p \leq 0,05$), материальной выгоды (критерий Манна-Уитни 0,010, $p \leq 0,05$) и безопасности (критерий Манна-Уитни 0,020, $p \leq 0,05$). Для девушек из Москвы мотивы интимности (критерий Манна-Уитни 0,048, $p \leq 0,05$), стремления к родительству (критерий Манна-Уитни 0,00, $p \leq 0,05$), самореализации в семье (критерий Манна-Уитни 0,00, $p \leq 0,05$) и избегания одиночества (критерий Манна-Уитни 0,014, $p \leq 0,05$) выражены значимо меньше, чем для студенток из регионального ВУЗа.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что карьерные предпочтения девушек в период вхождения во взрослость, проживающих в разных регионах России имеют свою специфичность: для студенток из региональных ВУЗов характерен приоритет семейной карьеры, а карьерные приоритеты студенток из Москвы равномерно распределены между семьей и профессиональной реализацией.

1. Захарова Е. И., Карабанова О. А., Старостина Ю. А. Представленность семейной и профессиональной карьер в жизненных планах девушек в период вхождения во взрослость // Педагогическое образование в России. — 2020. — № 6. — С. 203–210.
2. Карабанова О. А., Захарова Е. И., Старостина Ю. А. Личностные факторы построения профессиональной карьеры в период вхождения во взрослость // Национальный психологический журнал. — 2020. — Т. 4, № 40. — С. 113–124.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-013-00819 «Личностные факторы согласования семейной и профессиональной карьер в построении жизненных планов во временной перспективе молодыми людьми в период вхождения во взрослость»)

Нравственные ориентиры и проблема взросления современной молодежи

Взросление, нравственные ориентиры, нравственная ориентация.

Научные исследования взросления в современном мире становятся все более актуальными. Взросление для современного юношества не является значимым и необходимым, каковым оно было еще в девяностые годы прошлого века. Современный уклад жизни не создает предпосылок к взрослению как у шестнадцатилетних, так и у 20 летних молодых людей, в связи с чем «стремление к взрослению не проявляется выражено, а, скорее, тянется за физиологическим созреванием» [2].

Современные исследователи (Бочавер А.А., Камкин А.В., Нисская А.К., Поливанова К.Н., Терещенко В.В., Чуб И.М.) обнаруживают тенденцию к снижению интереса подрастающего поколения входить в мир взрослых. Полагаем, что современный молодой человек не желает быть взрослым именно потому, что нравственные ориентиры сегодня размыты, "в новых поколениях возникает культурная и нравственная глухота. Человек из носителя опыта превратился в носителя информации" [1]. Данные факты дают основание полагать, что удлинение детства происходит сегодня не только среди обучающихся старших классов школы, но и среди студентов университета.

Пилотное исследование проводилось в одной из школ города Нижевартовска и в Нижевартовском государственном университете. Целью пилотного исследования было, проверить гипотезу о том, что нравственные ориентиры актуального жизненного опыта и нравственная самооценка не имеют принципиальных различий в данных, полученных у обучающихся старших классов (16–17 лет) и у студентов вуза (22–24 года). В эксперименте приняли участие 53 обучающихся школ и 55 студентов университета, обучающихся по направлению "педагогическое образование".

В ходе обработки результатов полученных по методике Л.Н. Колмогорцевой «Диагностика нравственной самооценки» у обучающихся 10 классов МБОУ «СШ №11» и МБОУ «СШ №1» г. Нижевартовск было выявлено, что из 53 обучающихся 18 имеют высокий уровень (34%), 20 обучающихся — средний уровень (37,7%), 15 обучающихся — низкий уровень нравственной самооценки (28,3,7%).

Анализируя данные полученные по этой же методике было выявлено, что из 55 студентов имеют высокий уровень нравственной самооценки 4 студента (7,3%), 46 студентов — средний уровень (83,6%), 5 студентов — уровень ниже среднего (9,1%). Из полученных данных видно, что не наблюдается взаимосвязи между возрастом и уровнем нравственной самооценки.

В ходе обработки результатов по методике Н.Е. Щурковой «Размышляем о жизненном опыте» у обучающихся школ было выявлено, что 27 имеют достаточный уровень нравственной воспитанности (51%), для 11 обучающихся характерна определенная безнравственная ориентация (21%), у 15 обучающихся недостаточно сформированы нравственные отношения (28%).

При анализе результатов полученных по той же методике у студентов университета было выявлено, что 39 студента имеют достаточный уровень нравственной воспитанности (71,2%), для 7 студентов характерна некоторая безнравственная ориентация (12,6%), у 9 студентов встречается недостаточная сформированность нравственных отношений (16,2%).

Полученные данные показывают, что сложилась устойчивая нравственная ориентация "на себя", а не на других людей у половины опрошенных старшеклассников и у трети студентов, участвующих в опросе.

Таким образом, значимых различий в результатах испытуемых 16–17 лет и 22–23 лет обнаружено не было. Данные результаты дают некоторое основание полагать, что не только дети, но и юношество не торопятся входить в период взрослости, где ответственность за свои поступки нельзя переложить на другого человека, а ориентация себя "для других" является фундаментом для будущего родительства. Полученные данные могут послужить основой дальнейшего исследования проблемы взросления современной молодежи.

1. Камкин А.В. Опыт и проблемы формирования этносознания детей и молодежи в контексте программы «Истоки» // Православие. Наука. Образование. 2018. № 1(5). С. 45–53.
2. Поливанова К.Н., Бочавер А.А., Нисская А.К. Взросление пятиклассников: 1960-е vs 2010-е // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 185–205.

Предпосылки познавательных трудностей у учащихся начальных классов общеобразовательной школы

Трудности школьного обучения, зрительная память, слухоречевая память, школьники начальных классов

В последнее время все больше школьников, родителей и педагогов в общеобразовательных школах сталкиваются с трудностями школьного обучения различного характера. Согласно данным Института возрастной физиологии РАО (ФГБНУ «ИВФ РАО»), трудности в обучении отмечаются у 15–40 % школьников [1].

Согласно проведенному обзору литературы по данной теме, ранние предпосылки трудностей школьного обучения относятся к уровню предыдущего психического развития ребенка. Причинами возникновения познавательных трудностей школьного обучения являются проблемы запоминания, осмысления и обработки учебного материала из-за недостаточной сформированности основных когнитивных функций, необходимых для обучения.

Однако на настоящий момент, представлено крайне мало комплексов показателей современных методов психологической и нейропсихологической диагностики для выявления школьников с предпосылками трудностей школьного обучения и обоснования направлений развивающей работы для своевременной помощи учащимся.

С целью выявления ранних предпосылок трудностей обучения, в течении 5 лет было проведено лонгитюдное исследование 154 учащихся общеобразовательной школы с применением 12 методик психологической и нейропсихологической диагностики, которые содержали критерии познавательных трудностей обучения, особенностей развития внимания, памяти, произвольности, зрительно-моторной координации.

По результатам диагностики отдельных компонентов учебной деятельности в 4-м классе 37,6% детей группы исследования были отнесены к имеющим трудности обучения, в том числе 10,3 % обучающихся имели лингвистические трудности обучения, 12,3 % — математические, а 15 % учащихся имели сложности сразу по нескольким направлениям учебной деятельности.

Сравнительный анализ результатов исследования позволил выявить предпосылки возникновения трудностей школьного обучения. Был выделен комплекс психологических и нейропсихологических показателей, при помощи которых стало возможным разграничение предпосылок возникновения математических, лингвистических и комплексных трудностей школьного обучения [2].

Результатами исследования установлено, что предпосылки трудностей школьного обучения можно обнаружить до начала обучения и в самом начале

обучения в школе. Наиболее весомой предпосылкой всех видов трудностей школьного обучения является недостаточное развитие навыка самостоятельной работы в начале обучения в школе.

Уже в старшем дошкольном возрасте и в самом начале обучения в 1 классе можно выявить общие и специфические предпосылки различных видов трудностей школьного обучения: лингвистических, математических и смешанных. Предпосылками математических трудностей обучения являются: недостаточная способность самостоятельно выполнить задание, неумение руководствоваться системой условий задачи, сложности зрительно моторной координации. Предпосылками лингвистических трудностей обучения, помимо низкого показателя способности самостоятельно выполнить задание и неумения руководствоваться системой условий задачи, являются недостаточный уровень развития фонематического слуха, низкая прочность слухоречерого запоминания, сложности в концентрации и устойчивости внимания. Трудности смешанного типа являются наиболее сложной проблемой для учащихся, у которых, помимо всех описанных для первых двух групп сложностей, имелось сильно выраженное снижение концентрации и устойчивости внимания.

Психолого-педагогическая помощь детям с предпосылками трудностей школьного обучения должна быть направлена на формирование навыков самостоятельной работы, а также целенаправленное развитие памяти, внимания и зрительно-моторной координации.

1. Российское образование в контексте индекса человеческого капитала. Бюллетень о сфере образования // М.: Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. 2018, № 18.
2. Канторова Е.В., Горбачевская Н.Л. Предпосылки познавательных трудностей у школьников начальных классов // Психологическая наука и образование. 2020, Том 25, № 6.

Биографическая рефлексия как предиктор толерантности к неопределенности в молодости

Рефлексия, толерантность к неопределенности, молодость, ресурс

Вызовы цифрового общества в 21 веке увеличивают долю новых и непредсказуемых ситуаций в жизни людей, влияя на их психологическое благополучие. Позитивное отношение к неопределенности (толерантность к неопределенности), выраженное в стремлении к жизненным изменениям, характеризует продуктивное развитие личности, самоэффективность поведения и деятельности (Леонтьев с соавт., 2016). Толерантность к неопределенности, связанная с когнитивными процессами (Furnham & Mark, 2013), наиболее востребована в непредсказуемых ситуациях, когда личность делает жизненный выбор, но основа рефлексивного механизма этого явления остается неизвестной. Биографическая рефлексия осмыслена как вид рефлексии, проявляющейся в самоанализе событий жизни, связанных с принятием решений личности о выборе жизненного пути (Клементьева, 2016). Наиболее целесообразна биографическая рефлексия, когда человек готов к решению противоречия между желаемым и действительным, пересмотру линии жизненного развития (Köber et al., 2019).

Гипотезой настоящего исследования выступило предположение о том, что биографическая рефлексия является предиктором толерантности к неопределенности личности. Выборку составили данные, полученные от 250 человек в возрасте от 18 до 35 лет. Измерены показатели биографической рефлексии (Клементьева, 2016) и толерантности к неопределенности (Леонтьев с соавт., 2016). Связи между показателями изучены с использованием U-критерия Манна-Утны, коэффициента корреляции Пирсона, линейной регрессии.

В результате корреляционного анализа обнаружено незначительное снижение биографической рефлексии (при $p = 0.001$) и толерантности к неопределенности (при $p = 0.03$) с возрастом. Влияние хронологического возраста на показатели существует, но оно мало, что убеждают нас в том, что возраст — это показатель, демонстрирующий накопительный эффект влияния многих детерминант на качество жизни человека. Выявлено, что люди с более высоким уровнем развития биографической рефлексии демонстрируют более высокий уровень толерантности к неопределенности (при $p \leq 0.01$). В результате линейной регрессии обнаружено, что более высокий уровень биографической рефлексии увеличивал толерантности к неопределенности (качество модели при $p \leq 0,001$; $R^2 = 0.56$). То есть развитая биографическая рефлексия уменьшает эффект неопределенности жизненного выбора, когда люди испытывают сомнения и отчуждение. Выявлены различия показателей по критерию пола: биографическая рефлексия у женщин выше, чем у мужчин, а толерантность к неопределенности у мужчин выше, чем у женщин (при $p \leq 0,001$). Кроме того, биографическая рефлексия имеет наиболее высокие вклады в толерантность к неопределенности в женской выборке (качество модели при $p \leq 0,001$; $R^2 = 0.56$), чем в мужской (качество модели при $p \leq 0,03$; $R^2 = 0.37$), что

обусловлено, вероятно, большей склонностью женщин к размышлениям о своей жизни.

Полученные материалы согласуются с положениями современной психологии развития о роли рефлексивных механизмов в саморазвитии личности и о когнитивных детерминантах принятия решения в неопределенных ситуациях и на эмпирическом уровне обосновывают наше предположение об использовании биографической рефлексии как ресурса в формировании позитивного отношения к новым и непредсказуемым ситуациям. Развитая биографическая рефлексия позволяет молодым людям адекватно оценить свою способность управлять жизненным путем, а также ясно осознать границы этого контроля. В целом более рефлексивные молодые люди готовы принимать новый опыт, жизненные изменения, чем люди с низким уровнем биографической рефлексии. Используя биографическую рефлексия как ресурс в формировании позитивного отношения к неопределенности, молодые люди принимают ответственность за жизненные выборы в неопределенных ситуациях, снимая тревогу и укрепляя уверенность в себе. Таким образом, высокий уровень развития биографической рефлексии является условием позитивного отношения личности к новым и непредсказуемым жизненным ситуациям.

1. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия как ресурс саморазвития взрослых людей // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 1. С. 14–23. doi:10.17759/chp.2016120102.
2. Köber C., Kuhn M.M., Peters I., Habermas T. Mentalizing oneself: detecting reflective functioning in life narratives // Attachment & Human Development. 2019. Vol. 21. no. 4. pp. 313–331. doi: 10.1080/14616734.2018.1473886
3. Furnham A., Marks J. Tolerance of Ambiguity: A Review of the Recent Literature // Psychology 2013. Vol.4, no.9, pp. 717–728. doi: 10.4236 / Psy.2013.49102

Анализ эмоциональной речи детей 7–8 лет: пилотное исследование

Ребенок, эмоциональная речь, значения частоты основного тона, нарушения слуха

Изучением отражения эмоционального состояния в характеристиках голоса и речи занимаются многие исследователи [например, 1]. Проявление эмоций зависит от возраста, пола говорящего, культурной среды, особенностей воспитания. Настоящая работа является частью кросс — лингвистического исследования по распознаванию эмоционального состояния ребенка на материале русского и Тамильского языков.

Целью работы явилось определение акустических характеристик эмоциональной речи русских детей 7–8 лет. В исследовании приняли участие 10 детей (5-мальчиков, 5-девочек). Запись речи проведена в условиях школы СПб. Проводили запись речи с параллельной видеозаписью поведения ребенка [2], осуществляли определение порогов слуха, проверку фонематического слуха, определение частоты сердечных сокращений (ЧСС) и дихотическое тестирование (для 5 детей). Записывали диалог ребенка с экспериментатором, затем ребенка просили произносить дважды эмоционально окрашенные фразы, в разных эмоциональных состояниях «радость — нейтральное (спокойное состояние) — печаль — страх — гнев». Анализ речи проведен в звуковом редакторе “Cool Edit Pro”. Считали значения частоты основного тона (ЧОТ) по фразе, ЧОТ максимальные, ЧОТ минимальные, значения интенсивностей. Статистическую обработку данных проводили в программе “Statistica 10” с использованием непараметрических критериев.

Результаты исследования показали, что пол ребенка связан с значениями ЧОТ (высотой голоса): минимальными значениями для состояния гнева, максимальными — радости и нейтрального состояния; с значениями интенсивности — средними для состояния страха, максимальными — для гнева и радости, минимальными — для состояния печали (множественный регрессионный анализ). Пороги слуха у 8 детей соответствовали норме, у двух детей (мальчиков) — были более высокими на высоких частотах. Показана зависимость между порогам слуха и акустическими характеристиками речи: значениями ЧОТ средней (для состояния гнева и страха), минимальными значениями ЧОТ — для состояния страха и спокойного состояния. Зависимость между ведущим полушарием по речи и характеристиками эмоциональной речи детей не выявлено.

Анализ акустических характеристик речи показал, что состояние радости характеризуется наибольшими значениями ЧОТ, спокойное нейтральное состояние — минимальными значениями ЧОТ. Для состояния гнева выявлены высокие значения интенсивности, для состояния печали — наименьшие. Для состояния страха определены высокие значения ЧОТ, но ниже чем для состояния радости и выше, чем для состояния гнева.

Таким образом, в работе определена связь между акустическими характеристиками эмоциональной речи детей, их полом и порогами слуха. Акустический анализ показал различие в акустических характеристиках речевого материала, характеризующего разные эмоциональные состояния.

Продолжением исследования будет являться увеличение выборки детей, дополнительные исследования, направленные на выявление связи между психофизиологическими показателями ребенка и отражением его эмоционального состояния в характеристиках спонтанной и «актерской» речи, а также анализ мимических экспрессий и поведения детей при разных эмоциональных состояниях в специализированных программах

1. Коллективная монография. Голосовой портрет ребенка с типичным и атипичным развитием / под ред. Е.Е. Ляксо, О.В. Фролова. Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений (Санкт-Петербург). 2020 г. — 204с.
2. Lyakso, E. E., Ruban, N., Frolova, O. V., Gorodnyi, V. A., Matveev, Y. N.: Approbation of a method for studying the reflection of emotional state in children's speech and pilot psychophysiological experimental data. International Journal of Advanced Trends in Computer Science and Engineering 9(1), 649–656 (2020).

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ–ИНД-а
(проект 19-57-45008).*

Особенности социального пространства молодежи в условиях Арктического региона

Социальное пространство, референтная группа, социальная ситуация развития, юношеский возраст

Динамичность социальной и политической жизни указывает на неизбежное изменение социального пространства каждого индивида. Всё большая доступность информационного пространства, его безграничность, также оказывает влияние на формирование и развитие личности. Позитивное отношение к окружающей действительности позволяет развить здоровые психосоциальные структуры личности, а также расширить социальное пространство и определить своё место в жизни. Современная ситуация развития вынуждает индивида использовать имеющиеся у него способности как для самореализации, так и для личностного роста (Марцинковская, 2010). Социальное пространство формируется через изменение текущей социальной жизни, а также через пространственные отношения идентичности по отношению к членам референтной для него группы (de Naan, 2011).

Особую роль в формировании и развитии социального пространства молодежи Арктического региона играет национальная политика государства в Арктической зоне. Мурманская область — это регион с экстремальными природно-климатическими условиями (низкой температурой воздуха зимой, коротким световым днем зимой и длинным летом, частыми перепадом атмосферного давления), которые делают организм человека более чувствительным к социальным и экономическим трансформациям (Кобзева, 2019).

Исследование проходило на базе ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет». В нем приняли участие 258 респондентов в возрасте от 18 до 21 года. Отношение к персональному хронотипу диагностировалось методикой «Значимые сферы социального пространства», наиболее значимые и важные для индивида группы изучались анкетой «Референтные группы».

Юноши положительно относятся ко всем составляющим социального пространства. Наибольшее доверие они демонстрируют к своему социальному окружению (93%), себе и своей деятельности (85%). Личностные связи являются самыми значимыми в системе их социального взаимодействия, поэтому формируя собственное социальное пространство они принимают и перенимают ценности и модели поведения своего социального окружения. В этот возрастной период важным становится сохранение собственной независимости.

Доминирующей референтной группой в юношеском возрасте является семья (6,6+2,4), поэтому юноши ориентированы на социальные нормы и ценности, принятые в семье, им важно мнение родителей и родственников по широкому кругу вопросов. Семья, в большей степени, определяет социальный статус и социальную мобильность респондентов. Доверительные отношения у юношей чаще складываются с приятелями по интересам (4,2+1,8), чем с одноклассниками (1,1+3,2).

Таким образом, социальное взаимодействие является важным фактором формирования социального пространства молодежи. В этот возрастной период кардинального изменяется система взаимоотношений индивида с самим собой и внутри его референтных групп, формируются новые ценностные ориентации. Социальное окружение помогает принимать важные для респондентов решения, а также формирует все структурные компоненты социального пространства.

1. Кобзева, О. В. Социальная идентичность подростков Арктического региона / О.В. Кобзева. — Текст : непосредственный // Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития: материалы международной научной конференции, Москва, 22–23 апреля 2019 / Российский государственный гуманитарный университет; под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой. — Москва: Изд-во РГГУ, 2019. — С. 100–104.
2. Марцинковская, Т. Д. Теоретико-методологические исследования соотношения процессов социализации и индивидуализации / Т. Д. Марцинковская. — Текст : непосредственный // Концепция социализации и индивидуализации в современной психологии: монография / Т. Д. Марцинковская. — М.; Обнинск: ИГ-СОЦИОН, 2010. — С. 264–282.
3. de Haan, M. J., Leander, K.M. The construction of ethnic boundaries in classroom interaction through social space / M. J. de Haan, K. M. Leander. — Text : electronic // Culture and Psychology. — September 6, 2011. — URL: // <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1354067X11408136#>

Особенности когнитивно-стилевых характеристик личности, защитно-совладающего поведения и компонентов ментальной репрезентации в поздней юности и средней зрелости

Когнитивно-стилевые характеристики личности, совладающее поведение, механизмы психологической защиты, ментальная репрезентация

Когнитивные стили как устойчиво предпочитаемые личностью способы восприятия, мышления и действия являются, на наш взгляд, важными для изучения в сфере вопросов психологии личности. Остается дискуссионным вопрос о роли ситуационных факторов и когнитивных особенностей личности в выборе способов совладания, а экспериментальные данные о когнитивных механизмах совладающего поведения, об особенностях проявления человека в зависимости от условий ТЖС крайне малочисленны.

Поэтому, одной из задач нашего исследования было определить возрастные особенности в предпочтениях по когнитивно-стилевым характеристикам личности, защитно-совладающему поведению и компонентам ментальной репрезентации трудной жизненной ситуации.

Участники исследования — 169 человек (120 женщин и 49 мужчин) от 18 до 35 лет, средний возраст 25,37 (SD=5,49). В группу «поздняя юность» вошли 64 человека, «средняя зрелость» — 78 человек. Используемые методики. Когнитивно-стилевые характеристики личности: 1. Ригидный/гибкий познавательный контроль. Методика свободных ассоциаций Р. Гарднер и др. 2. Когнитивная простота/сложность. Для диагностики испытуемых был применен метод репертуарных решеток Дж. Келли. 3. Узкий/широкий диапазон эквивалентности. Для изучения данного стиля была выбрана методика «Свободная сортировка объектов» Р. Гарднер и др. Ментальная репрезентация трудной жизненной ситуации: 1. Словесное описание трудной жизненной ситуации. 2. Когнитивный состав понятия. 3. Проективный рисунок. Защитно-совладающее поведение: 1. Опросник способов совладания (ОСС) Р. Лазаруса и С. Фолкман (1988) в адаптации Крюковой Т.Л. и др. (2003). 2. Опросник Плутчика-Келлдермана-Конте «Индекс жизненного стиля» (ИЖС) в адаптации Л.И. Вассермана и Е.А. Трифионовой (Вассерман и др., 2005).

Обратимся к полученным результатам. Представители юношеского возраста характеризуются склонностью к широкому диапазону эквивалентности ($M=4,89$; $SD=1,13$), гибкому познавательному контролю ($M=11,39$; $SD=5,59$) и когнитивной сложности ($M=10,9$; $SD=3,36$). Участники исследования из группы «средняя зрелость» близки к полюсу узкого диапазона эквивалентности ($M=5,46$; $SD=1,41$) и имеют средние показатели по ригидному/гибкому познавательному контролю ($M=10,67$; $SD=5,43$) и когнитивной простоте/сложности ($M=10,52$; $SD=3,32$). При сравнении групп нами были обнаружены значимые различия между представителями поздней юности и средней зрелости в Узком/широком диапазоне эквивалентности ($U=3132,0$; $p=0,009$). Это означает, что узкий диапазон

эквивалентности характерен для представителей средней зрелости. Они склонны к более точной детализации происходящих событий.

В когнитивном составе понятия мы обращаем внимание на то, что реже всего представители возрастных групп дают характеристики ситуации с точки зрения временных характеристик (поздняя юность: $M=0,54$; $SD=0,95$; средняя зрелость: $M=0,84$; $SD=1,1$) и разрешимости/неразрешимости проблемы (поздняя юность: $M=0,62$; $SD=0,8$; средняя зрелость: $M=0,61$; $SD=0,8$). Чаще используются прилагательные, касающиеся силы воздействия (поздняя юность: $M=2,75$; $SD=1,68$; средняя зрелость: $M=1,89$; $SD=1,4$) и эмоционального фона (поздняя юность: $M=1,28$; $SD=1,35$; средняя зрелость: $M=1,62$; $SD=1,55$). Значимые различия касаются силы воздействия ($U=1753,5$; $p=0,002$).

В словесном описании трудной жизненной ситуации и проективном рисунке значимых различий мы не обнаружили.

Что же касается защитно-совладающего поведения, то в группе «поздняя юность» более выражены: Бегство-Избегание ($U=1948,0$; $p=0,024$) в стратегиях совладающего поведения; Регрессия ($U=1342,0$; $p=0,000$) и Проекция ($U=1899,5$; $p=0,014$) в механизмах психологической защиты. В группе «средняя зрелость» предпочтение отдается Самоконтролю ($U=2989,0$; $p=0,042$) в копинг-стратегиях. Это говорит о том, что группа более взрослых респондентов выбирает продуктивное преодоление трудностей.

Таким образом, мы видим, что существуют возрастные особенности в когнитивно-стилевых характеристиках личности, защитно-совладающем поведении и ментальной репрезентации.

Связь проактивного совладания и индивидуально-личностных показателей в период взрослости

Проактивный копинг, эмоциональное состояние, временная перспектива, субъективная удовлетворенность

Способность справляться со стрессом и трудностями считается важным показателем успешного развития во взрослом возрасте, поскольку способствует стремлению индивидов к достижению важных личных целей, а значит, и повышению уровня субъективного благополучия. Особый интерес представляет изучение способности человека распознавать будущие угрозы и использовать стратегии, которые могут помочь компенсировать эти трудности на ранней стадии, то есть стратегии проактивного копинга (Aspinwall, Taylor, 1997; Куфтяк, 2019).

В данной работе проактивное совладание определяется как процессы, которые используются для обнаружения и предотвращения вероятных угроз личным целям (Schwarzer, 2001). Согласно данной концепции, будущие стрессоры являются только потенциально угрожающими, а значит, остаются более или менее неопределенными. Важные навыки проактивного совладания включают планирование, регуляцию негативных эмоций, вызванных мыслями о стрессоре, и ментальное моделирование (Greenglass, 2002).

Настоящее исследование посвящено рассмотрению проактивного копинга в единой модели с различными личностными характеристиками и поведенческими переменными. Цель исследования: выявить возрастные особенности проактивного копинга — вклада личностных характеристик в выбор проактивного копинга. В исследовании приняли участие 144 человека в возрасте от 21 до 59 лет ($M=38,6$); 61,8 % женщины. Использовались методики: «Опросник проактивного копинга» (Е.П. Белинская, А.В. Вечерин, 2018); «Опросник позитивного и негативного аффекта» (Е.Н. Осин, 2012), Шкала удовлетворенностью жизнью (Д.А. Леонтьев, 2020), Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (А. Сырцова, 2008), Шкала психологического благополучия Рифф (Л.В. Жуковская, Е.Г. Трошихина, 2011).

Были получены следующие результаты.

1. Половозрастной анализ позволил установить, что выбор стратегии превентивного копинга связан с полом и возрастом. Отсутствие высшего образования и работы по специальности снижает уровень выраженности проактивного совладания. Мы связываем возрастные различия проактивного копинга с возрастающей ответственностью в семейной, профессиональной и творческой сферах жизни человека.

2. Результаты демонстрируют наиболее высокие положительные корреляции проактивного совладания ($p \leq 0,01$), стратегического планирования ($p \leq 0,01$) и превентивного преодоления ($p \leq 0,01$) с позитивным аффектом. То есть чем выраженной состоянии вовлеченности, высокой энергичности и концентрации личности, тем больше выраженность данных форм совладающего поведения.

3. Корреляционный анализ позволил установить, стратегия проактивного совладания отрицательно связано с негативным прошлым ($p \leq 0,05$) и позитивным прошлым ($p \leq 0,01$), в противовес получена положительная значимая связь с будущим ($p \leq 0,01$). Проактивное копинг поведение имеет ориентацию на будущее, но не на прошлое.

4. При анализе удовлетворенности и ее месте в структуре проактивного совладания обнаружена положительная корреляционная связь удовлетворенности жизнью и выбором проактивного преодоления ($p \leq 0,01$), рефлексивного преодоления ($p \leq 0,01$) и стратегического планирования ($p \leq 0,01$). Так, возможность человека реализовывать свою проактивность, выражающуюся в ответственности за жизнь и будущее, принятия своей главной роли в ней, ведет к удовлетворению.

Таким образом, поиск источников выбора проактивного совладания остается важнейшей проблемой при исследовании поведения в стрессовых ситуациях, поскольку способствует предотвращению негативных событий и создания лучших условий для достижения личных целей.

1. Куфтяк Е.В. Совладающее поведение в период взросления: соотношение механизмов психологических защит, реактивного и проактивного совладания // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 680–689.
2. Aspinwall, L.G., Taylor S.E. A stitch in time: Self-regulation and proactive coping // Psychological Bulletin. 1997. Vol. 3. P. 417–436
3. Schwarzer R. Stress, resources, and proactive coping // Applied Psychology: An International Review. 2001. Vol. 50. P. 400–407.
4. Greenglass E. Proactive coping and quality of life management / E. Frydenberg (Ed.) // Beyond coping: meeting goals, vision and challenges. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 37–62.

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 21-513-07004 МОН
РЮО_а.*

Социальная компетентность у детей младшего школьного возраста

Модель психического, социальное познание, распознавание ментальных состояний, понимание неверных мнений, младший школьный возраст.

Одним из факторов роста социальной компетентности после дошкольного возраста большинство исследователей отмечают развитие модели психического детей. Исследования развития понимания ментального мира других людей в младшем школьном и подростковом возрасте показывают, что развитие модели психического коррелирует с коммуникативными навыками, которые дети демонстрируют в повседневном общении (Rosnau et al., 2014). В младшем школьном возрасте возможность распознавать мнения других людей об их ментальных состояниях связана с пониманием и учитыванием во взаимодействии ментальных состояний других людей, с регуляцией собственного поведения и проявлением эмпатии (Liddle, Nettle, 2006).

Цель — изучение взаимосвязи модели психического и социально-эмоциональной компетентности детей 7–9 лет, оцененной родителями и педагогами. Мы предположали, что успешность распознавания эмоций и других ментальных состояний будет связана отдельными аспектами социально-эмоциональной компетентности детей по оценкам родителей и учителей.

В исследовании приняли участие 49 детей 7–9 лет (21 девочка). Развитие модели психического оценивалось с помощью тестов «Распознавание недоразумений в социальных ситуациях» (Baron-Cohen et al., 1999) и «Взгляд» (Baron-Cohen et al., 2001). Для оценки уровня социально-эмоциональной компетентности детей учителями и родителями нами был разработан опросник, направленный на оценку: понимания ментальных состояний других людей; понимания обмана и недоразумений; развития коммуникативных навыков; проявления эмпатии и другого просоциального поведения.

Результаты исследования показали достоверные взаимосвязи между оценкой социально-эмоционального развития детей родителями (общий балл опросника) и распознаванием ментальных состояний по выражению глаз ($r = 0,325$, $p = 0,023$) и пониманием неверных мнений в ситуациях недоразумения ($r = 0,284$, $p = 0,048$). Дети, лучше понимающие неверные мнения и ментальные состояния других людей воспринимаются родителями как более социально компетентные.

Корреляционный анализ показал достоверные связи между успешностью распознавания эмоций и других ментальных состояний по выражению глаз и проявлениями эмпатии по оценкам педагогов ($r = 0,297$, $p = 0,038$). Однако достоверных связей между пониманием неверных мнений детьми и их оценкой социальной компетентности педагогами не было выявлено.

Наши данные согласуются с данными других исследований: действительно, именно понимание эмоций и неверных мнений чаще всего оказываются связанными с развитием просоциального поведения (Liddle, Nettle, 2006; Rosnau et al., 2014).

Интересным, однако, является результат отсутствия достоверных взаимосвязей между пониманием неверных мнений и оценками учителей социально-эмоциональной компетентности. Вероятно, что не все дети, хорошо выполняющие тесты на модель психического, могут использовать это понимание в повседневном взаимодействии со сверстниками, которое наблюдают учителя.

Обобщая полученные результаты, мы можем заключить, что существует взаимосвязь между развитием модели психического и социально-эмоциональной компетентности (по оценкам учителей и родителей) у детей младшего школьного возраста.

1. Baron-Cohen S. et al. Recognition of faux pas by normally developing children and children with Asperger syndrome or high-functioning autism // *Journal of autism and developmental disorders*. — 1999. — Т. 29. — №. 5. — С. 407–418.
2. Baron-Cohen S. et al. Are intuitive physics and intuitive psychology independent? A test with children with Asperger Syndrome // *Journal of Developmental and Learning Disorders*. — 2001. — Т. 5. — №. 1. — С. 47–78.
3. Liddle B., Nettle D. Higher-order theory of mind and social competence in school-age children // *Journal of Cultural and Evolutionary Psychology*. — 2006. — Т. 4. — №. 3–4. — С. 231–244.
4. De Rosnay M. et al. Talking theory of mind talk: Young school-aged children's everyday conversation and understanding of mind and emotion // *Journal of child language*. — 2014. — Т. 41. — №. 5. — С. 1179–1193.

Особенности толерантности младших школьников с разным уровнем тревожности

Младшие школьники, толерантность, компоненты толерантности, тревожность

В младшем школьном возрасте происходит интенсивное формирование личности и ее нравственное развитие. Поэтому именно в этом возрасте формирование толерантности имеет огромное значение. По мнению Г. Бардиер, толерантность не выступает в качестве самостоятельного явления, а пронизывает все социально-психологические явления. Развитию толерантности младших школьников может препятствовать повышенная тревожность, связанная с освоением учебной деятельности. [1] В одном учебном коллективе могут находиться дети, которые отличаются национальностью, внешностью, коммуникативными способностями и т.д., то есть для благоприятного взаимодействия детям необходимо терпимое отношение друг к другу. [2,3]

Цель исследования состояла в изучении особенностей толерантности младших школьников с разным уровнем тревожности. В соответствии с целью исследования были сформулированы следующие гипотезы: существуют различия в как в общем уровне, так и в компонентах толерантности у младших школьников с разным уровнем тревожности; существует взаимосвязь между уровнем тревожности и компонентами толерантности у младших школьников.

Были использованы следующие методики: шкала явной тревожности СМАС А.М. Прихожан; анкета самооценки навыков толерантного поведения младших школьников (Я.А. Батрак). В исследовании принимали участие младшие школьники в возрасте 9–10 лет МАОУ «Школа №96 Эврика-Развитие» г. Ростова-на-Дону в количестве 56 человек.

По результатам диагностики уровня тревожности младших школьников респонденты были распределены в группы: младшие школьники с нормальным уровнем тревожности; младшие школьники с повышенным уровнем тревожности.

Выявление особенностей сформированности компонентов толерантности младших школьников с разным уровнем тревожности показало, что все компоненты толерантности у школьников с нормальным уровнем тревожности более развиты, в сравнении со школьниками с повышенном уровнем.

С помощью критерия Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия по таким компонентам толерантности, как коммуникативная компетентность ($U=119,500$, $p=0,029$), ценностные ориентации ($U=105,000$, $p=0,011$) и эмоциональная устойчивость ($U=92,000$, $p=0,003$). Полученные результаты свидетельствуют, что младших школьников с нормальным уровнем тревожности отличает более высокий уровень развития толерантности, что говорит о их потребности в коммуникативной и организаторской деятельности, умении быстро ориентироваться в трудных ситуациях и непринужденно вести себя в новом коллективе.

С целью проверки гипотезы о существовании взаимосвязи между уровнем тревожности и компонентами толерантности, был произведен расчет корреляционного анализа по методу Спирмена, который показал, что уровень тревожности значимо отрицательно коррелирует со всеми компонентами толерантности: «коммуникативная компетентность» ($r=-0,425$, $p=0,004$), «ассертивность» ($r=-0,416$, $p=0,005$), «эмпатия» ($r=-0,370$, $p=0,012$), «ценностные ориентации» ($r=-0,460$, $p=0,001$) и «эмоциональная устойчивость» ($r=-0,425$, $p=0,000$). Таким образом, чем выше уровень тревожности у младших школьников, тем хуже развиты коммуникативная компетентность, ассертивное поведение, эмпатия, ценностные ориентации и эмоциональная устойчивость.

Таким образом, выявленные различия в компонентах толерантности младших школьников с разным уровнем тревожности доказывают необходимость организации работы педагогами и психологами по снижению тревожности как фактора развития толерантности младших школьников.

1. Бардиер, Г.Л. Социальная психология толерантности. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 118 с.
2. Жулина, Г.Н., Васькина, В.С. Взаимосвязь учебной мотивации и школьной тревожности в младшем школьном возрасте. Таврический научный обозреватель. 2016. № 2 (7). С. 123–127.
3. Лебеденко, О.А. Особенности социального интеллекта младших школьников на этапе перехода в среднее звено школы. Гуманитарные науки (г.Ялта). 2017. № 4 (40). С. 155–161.

Особенности мотивационной сферы дошкольника в условиях форсирования познавательного развития

Мотивационная сфера дошкольника, форсирование развития

Социокультурная ситуация развития современных дошкольников включает в себя большой образовательный пласт. Стремление ускорить овладение ребёнком навыками: счётом, чтением, письмом и знаниями, начиная младшего дошкольного возраста и ранее, организовать в жизни ребёнка большое количество обучающих дополнительных занятий можно назвать форсированием познавательного развития. Однако многие семьи, вложившие так много ресурсов в дошкольное образование и обеспечившие своих детей всеми необходимыми знаниями и навыками, всё равно сталкиваются с мотивационными трудностями при поступлении в школу и начале школьного обучения.

Цель данной работы — выявление особенностей мотивационной сферы дошкольников, которая формировалась в условиях форсирования познавательного развития.

Объектом исследования стала мотивационная сфера детей старшего дошкольного возраста, предметом — специфику некоторых элементов мотивационной сферы у детей старшего дошкольного возраста, прошедших через форсирование их познавательного развития в младшем дошкольном возрасте и ранее.

Нами были выдвинуты следующие гипотезы. 1. Познавательная мотивация дошкольников, в жизни которых присутствовали элементы форсирования их познавательного развития, выражена слабее, чем познавательная мотивация детей того же возраста, чья мотивационная сфера формировалась в условиях классического дошкольного воспитания. 2. Дошкольники, познавательное развитие которых форсировалось, реже проявляют познавательную инициативу.

В исследовании приняли участие 80 человек: 40 пар мам и детей старшего дошкольного возраста, которые готовятся в следующем учебном году к поступлению в школу. Среди них 20 детей, в чьей жизни с младшего дошкольного возраста и ранее присутствовали специально организованные занятия, направленные на интеллектуальное развитие, и 20 детей, чьё дошкольное детство было наполнено в большей мере специфически дошкольными видами деятельности.

Обследование дошкольников включало проведение методик, направленных на выявление содержания мотивационной сферы, описанных в хрестоматии Г.В. Бурменской, определение иерархии мотивов в экспериментальной ситуации альтернативного выбора (В.В. Назаренко, 2006), авторская методика, направленная на выявление уровня познавательной инициативы ребёнка в совместной деятельности со взрослым. Полученные результаты были сопоставлены с данными, собранными путём анкетирования родителей, о наличии или отсутствии форсирования интеллектуального развития детей.

Старшие дошкольники, познавательное развитие которых форсировалось в младшем дошкольном возрасте и ранее, реже проявляют познавательную инициативу в совместной деятельности со взрослым в сравнении со старшими дошкольниками, чья мотивационная сфера формировалась в условиях классического дошкольного воспитания (различия присутствуют на уровне тенденции).

У старших дошкольников, которые посещали в младшем дошкольном возрасте и ранее специально организованные занятия, направленные на познавательное развитие, в экспериментальной ситуации альтернативного выбора деятельности познавательная мотивация оказалась выражена слабее, чем познавательная мотивация детей того же возраста, в чьей социальной ситуации развития в младшем дошкольном возрасте и ранее отсутствовал большой образовательный пласт ($p=0,01$, $U=106,500$).

Старшие дошкольники, чьи матери стремились форсировать их познавательное развитие, проявляют в экспериментальной ситуации альтернативного выбора деятельности более яркую выраженность игровой мотивации, чем дошкольники, чья мотивационная сфера формировалась в условиях классического дошкольного воспитания ($p=0,035$, $U=122,000$).

Таким образом, в данном исследовании были выявлены некоторые особенности мотивационной сферы детей, в жизни которых присутствовали специально организованные занятия, направленные на познавательное развитие, начиная с младшего дошкольного возраста и ранее. Можно предположить, что активное включение ребёнка данного возраста в учебную деятельность взаимосвязано с низкой выраженностью познавательной мотивации в старшем дошкольном возрасте.

1. Назаренко В.В. Экспериментальное исследование особенностей мотивационного развития современных дошкольников 5, 6 и 7 лет // Психологическая наука и образование. 2006. №3.

Отношение к природе обучающихся в подростково-юношеском возрасте

Отношение к природе, растения, подростки и юноши.

В настоящее время обществом и государством все больше осознается необходимость развития у подрастающего поколения природо-центрированного сознания. В связи с этим изучение отношения к живой природе учащихся разного возраста является актуальным.

Цель исследования: изучение отношения к природе и растениям современных школьников и студентов мегаполиса. Гипотеза исследования: имеется различия в структуре отношения к живой природе у городских подростков и юношей. В исследовании приняли участие 142 обучающихся г. Москвы: 70 восьмиклассников ($M_{шк}=14.0$, $SD_{шк}=0.44$), и 72 студента психолог1–4 курсов ($M_{ст}=20.56$, $SD_{ст}=1.32$); 98 девушек и 42 юноши.

Нами использованы методики «Натурафил» [2] и «Люди и растения» [1]. Опросник «Натурафил» оценивает структуру субъективного отношения к природе. Он включает 5 шкал (перцептивно-аффективная, когнитивная, практическая и поступочная), шкалу натуралистической эрудиции и общий балл отношения к природе. Опросник «Люди и растения» измеряет интенсивность субъективного отношения к растениям (общий балл), включает 5 шкал (Радость, Эстетика, Практика, Близость природе, Экология).

Результаты исследования. Для сравнения структуры отношения к природе школьников и студентов был проведен корреляционный анализ показателей методик «Натурафил» и «Люди и растения». Интенсивность отношения к природе школьников и студентов значимо зависит от всех шкал методики (перцептивно-аффективной, когнитивной, практической, поступочной) ($p \leq 0,01$). Однако шкала натуралистической эрудиции для школьников и студентов не зависит от всех других компонентов интенсивности отношения к природе, то есть эрудиция не связана ни с эмоциональностью отношения, ни с познавательным аспектом, ни поступками, ни практическими действиями с природными объектами, а для школьников еще и с общей интенсивностью отношения к природе. Исключением в этом случае стала связь натуралистической эрудиции студентов с познанием природных объектов, мотивацией к поиску информации о них и т.п. ($r=0,318$, $p \leq 0,01$). Студенческий возраст характеризуется независимостью эстетического и этического освоения объектов природы (перцептивно-аффективная шкала) от познавательной активности, натуралистической эрудиции и поступков в отношении природных объектов. Отношение к растениям школьников значимо связано со всеми компонентами методики «Натурафил»: шкалами перцептивно-аффективной ($r=0,319$, $p \leq 0,01$), когнитивной ($r=0,520$, $p \leq 0,01$), практической ($r=0,501$, $p \leq 0,01$), поступочной ($r=0,437$, $p \leq 0,01$), и общим показателем — интенсивностью отношения к природе ($r=0,520$, $p \leq 0,01$) и не имеет значимой корреляционной связи с натуралистической эрудицией. Это говорит, о том, что школьники целостно и мало дифференцировано

воспринимают живую природу совместно с растительный миром. Следует отметить, что отношение школьников к природе слабо зависит от теоретических знаний о ней. Общий балл отношения к растениям у студентов имеет положительные корреляционные связь с общим баллом интенсивности отношения к природе ($r=0,500$, $p \leq 0,01$), когнитивной ($r=0,364$, $p \leq 0,01$) и практической ($r=0,635$, $p \leq 0,01$) шкалами, но не связан с перцептивно-аффективной и поступочной. В целом, количество значимых корреляций между методиками «Люди и растения» и «Натурафил» у студентов меньше, чем у школьников, что свидетельствует о более дифференцированным отношении студентов к природе и растениям. Учитывая специфику отношения к природе городских подростков и юношей, возможно выстраивать более грамотно работу по экологическому воспитанию.

1. Мухортова Е.А. Новый метод экологической психологии «Люди и растения» // Молодые ученые — столичному образованию. Материалы XV Городской научно-практической конференции. М., 2016. С. 237–238.
2. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000. 456 с.

Финансирование Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (Проект № 19-013-00216).

Психологическое благополучие студентов с разным уровнем осознанности

Осознанность, психологическое благополучие, самооценка, социальная поддержка

Интерес к тематике психологического благополучия, начавшийся с работ Н. Бредберна и Э. Динера, продолжает вызывать все новые и новые исследования. Так в теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана (2008) благополучие связывается с удовлетворением базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и взаимосвязи с окружающими. К. Хефферон и И. Бонивелл (2011) указывают на важность позитивной самооценки. Предложенная К. Рифф (1989, 1995) модель психологического благополучия включает позитивные отношения с другими, автономию, управление средой, целенаправленность жизни, личностный рост и самопринятие, при этом учитывается и общий уровень психологического благополучия, равный сумме баллов по всем шкалам.

Таким образом важными предикторами благополучия выступают отношение к себе как активному и успешному строителю собственной жизни и надежные отношения с другими людьми. Исследования последних лет подтверждают связь психологического благополучия с рефлексивностью (Грибоседова, 2020), суверенностью психологического пространства (Сунцова, 2020), эмоциональной устойчивостью (Юмартова, Гришина, 2016), включенностью в социальное взаимодействие и возможностью выражения аффекта в отношениях, с социальной активностью, в том числе и в социальных сетях (Паволоцкая; Горелова, Иноземцев), межпоколенными отношениями (Стрижицкая, 2020).

Мы предположили, что осознанность, как характеристика, «базирующаяся на контроле внимания и ограничении мыслительного и эмоционального автоматизма, и характеризующаяся увеличением осведомленности о текущих психических и физиологических процессах» (Юмартова, Гришина, 2016, с. 105), может модерировать вклад оценки себя и роли взаимодействия с другими в общий уровень психологического благополучия.

В исследовании были использованы следующие методики: Шкала оценки осознанности и внимательности (ШОВ) в адаптации Н.М. Юмартовой и Н.В. Гришиной (2016); Шкала психологического благополучия К. Рифф (в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко); шкалы Дембо-Рубинштейн на определение «парциальной» самооценки; опросник уровня субъективного контроля (УСК) (Е.Ф. Бажин, Е.Л. Голынкина, А.М. Эткинд); опросник социальной поддержки SOZU-22 (в адаптации А.Б. Холмогоровой).

В исследовании приняли участие 39 респондентов (средний возраст 20,1 года, 87 % женщины), которые были разделены на 2 группы по уровню осознанности, оцененной по методике ШОВ. В группе с высокой осознанностью выявлены значимые положительные связи психологического благополучия с интернальностью в области достижений, а также с самооценкой своего интеллекта, внешней привлекательности и характера. В группе с низкой осознанностью психологическое

благополучие коррелирует не только с интернальностью и самооценкой, но и со всеми шкалами опросника социальной поддержки, а также, на уровне тенденции, с количеством друзей в социальных сетях. При этом респонденты этой группы ощущают недостаток эмоциональной поддержки от окружающих. Полученные результаты свидетельствуют о разной роли социальной включенности для респондентов с высокой и низкой осознанностью.

1. Горелова Г.Г., Иноземцев Д.В. Анализ психологического благополучия на основании параметров поведенческой активности пользователей социальных сетей // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 2 (180). С. 489–494.
2. Грибоедова О.И. Взаимосвязь рефлексивности и психологического благополучия подростков // Человеческий капитал. 2020. № 3. С. 208–219.
3. Стрижицкая О.Ю. Межпоколенные отношения и психологическое благополучие студентов: эффекты разных поколений // Мир педагогики и психологии. 2020. № 12. С. 169–175.
4. Сунцова Я.С. Психологическое благополучие женщин с разным уровнем суверенности психологического пространства // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 10–7. С. 509–513.
5. Юмартова Н.М., Гришина Н.В. Осознанность (mindfulness): психологические характеристики и адаптация инструментов измерения // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С.105–115.

Удовлетворенность образом тела у подростков в связи с параметрами Я-концепции

Подростковый возраст, образ тела, Я-концепция, удовлетворенность образом тела, образ Я, самооценка.

Образ тела является одним из немаловажных компонентов Я-концепции. Развитие данной структуры начинается с раннего возраста и достигает своего пика в подростковом периоде в связи с резкой физиологической перестройкой, вследствие чего изменяется отношение к своему внешнему виду. Удовлетворенность своим внешним видом является важным показателем гармоничного развития личности подростка, так как давление со стороны окружающих людей может негативно отражаться на самооценке, самопринятии и самоотношении подростка [1].

Целью исследования является выявление взаимосвязи удовлетворенности образом тела с параметрами Я-концепции подростков.

Выборку составили 42 подростка (22 юношей и 20 девушек) в возрасте от 13 до 14 лет, обучающиеся 8-ых классов МБОУ СОШ №2 с. Кармаскалы Республики Башкортостан. Средний возраст — 13,8 лет.

Методы: Методика самооценки и групповой оценки внешнего облика В.А. Лабунская; опросник MBSRQ Т.Ф. Кэша, Тест «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда, Методика изучения самооценки Дембо-Рубинштейн Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн.

Было выявлено, что в целом подростки нашей выборки чаще описывают себя в категории «Рефлексивное Я» ($M=2,30$) и «Социальное Я» ($M=1,59$), наименьшее число ответов дается в категории «Материальное Я» ($M=0,04$). Гендерные различия были выявлены по показателю «Физическое Я», так, девочки в меньшей степени описывают себя в данной категории по сравнению с мальчиками ($M=0,05$, $M=0,54$, $p \leq 0,05$).

54,7% подростков имеют высокий уровень самооценки ($M=75,1$), 21,4% — средний уровень ($M=55$) и 23,8% — низкий уровень ($M=45,2$).

По методике В.А. Лабунской подростки оценивают свой облик как привлекательный на среднем уровне ($M=26,61$). Наиболее высокими значениями подростки оценивают свою феминность/маскулинность ($M=27,59$). Наименьшие значения относятся к самооценке сексуальности внешнего облика ($M=24,66$).

Девочки оценивают свой внешний облик менее привлекательным по сравнению с мальчиками ($M=23,47$, $M=29,48$, $p \leq 0,05$). Мальчики в большей степени оценивают свой внешний вид как сексуальный, по сравнению с девочками ($M=28,68$, $M=20,25$, $p \leq 0,05$).

По методике Т. Кэша у девочек по сравнению с мальчиками более выражены ориентация на физическую активность ($M=3,61$ $M=2,95$, $p \leq 0,01$) и ориентация на внешний вид ($M=3,74$, $M=3,31$, $p \leq 0,05$).

Корреляционный анализ выявил взаимосвязи показателей удовлетворенности образом тела и Я-концепции подростков. Так, чем выше самооценка лица и оформления внешнего облика, тем более выражено у подростков «Материальное Я»

($p \leq 0,05$). Озабоченность лишним весом выше также при более выраженной категории «Материальное Я» ($p \leq 0,05$). Оценка физической активности имеет положительную взаимосвязь с категорией «Деятельное Я» ($p \leq 0,05$). Чем ниже озабоченность лишним весом, тем более выражено у подростков «Рефлексивное Я» ($p \leq 0,05$). Выявлены отрицательные взаимосвязи между ориентацией на физическую активность, общей удовлетворенностью параметрами тела и категорией «Перспективное Я» ($p \leq 0,05$).

Были выявлены значимые взаимосвязи между уровнем самооценки и показателями образа тела: самооценка лица, телосложения, привлекательность внешнего облика для противоположного пола, феминность/маскулинность, сексуальность внешнего вида, интегральная оценка внешнего облика ($p \leq 0,01$), оформление физического облика, выразительности поведения ($p \leq 0,05$)

Таким образом, компоненты Я-концепции, прежде всего, эмоциональный — общая самооценка, имеют в подростковом возрасте тесные взаимосвязи с различными показателями образа тела. Что касается когнитивного компонента (образ Я), то с удовлетворенностью образом тела наиболее сильно взаимосвязано «Материальное Я». В дальнейшем мы планируем проанализировать эти взаимосвязи на более представительной выборке подростков с учетом возраста и пола.

1. Ерохина Е.А. Образ тела и отношение к своему телу у подростков: семейные и социокультурные факторы влияния (по материалам зарубежных исследований) // Электронный журнал «Современная зарубежная психология». 2019. Т.8. No. 4. С. 57–68.

Эмоциональное лидерство: взаимосвязь лидерского потенциала, самоотношения и эмоционального интеллекта

Эмоциональный интеллект, эмоциональное лидерство, развитие лидерских способностей, самоотношение, самоуверенность, самоуважение, самопонимание

Сегодня, когда современный мир несет бесконечное количество разного рода вызовов, особенно для собственников бизнеса, недаром его еще называют мир VUCA, на первый план выходит феномен лидерство, как востребованная и профессионально значимая характеристика личности. Еще Б. Ананьев и А. Леонтьев определили, что профессиональная деятельность играет значительную роль в становление личности. Растущая конкуренция в условиях рыночной экономики и быстроменяющегося мира создают повышенный спрос на высококвалифицированных специалистов, особенно лидеров. М. Р. Гинзбург определил, что профессиональное и жизненное самоопределение разворачивается в жизненном поле личности, где основной функцией психологического настоящего является саморазвитие, которое включает самопознание и самореализацию. Это может означать, что у современного человека существует потребность к самореализации, достижению успеха в жизни и лидерство может способствовать этому.

Предлагаются результаты эмпирического исследования, целью которого было установить взаимосвязь между компонентами ЭИ, самоотношения и лидерскими способностями. В исследовании участвовали более 250 респондентов разных возрастных категорий, с разным управленческим и профессиональным стажем, с разным уровнем образования. Для проверки эмпирической гипотезы были использованы Опросник Д. Люсина на определение уровня ЭИ, Тест Е. Жарикова, Е. Крушельницкого «Диагностика лидерских способностей», Тест-опросник на определение самоотношения В. Столина, С. Пантелеева. К полученным данным применялись методы математической статистики. По итогам проведения анализа данных удалось установить корреляционные связи с высоким уровнем значимости (0,05/0,01) между лидерскими способностями, всеми шкалами ЭИ и некоторыми шкалами самоотношения.

На основании полученных результатов, можно утверждать, что существует связь между компонентами вышеуказанных феноменов. Развитие компонентов ЭИ, лидерских способностей и самоотношения дает профессиональная деятельность, а не управленческая. Принимая во внимание, что процесс самосовершенствования является непрерывным, можно говорить о потребности в непрерывном процессе по совершенствованию навыков и способностей лидера, которые могут стать неотъемлемой частью развития организации в целом, и стать успешной основой для самореализации людей в процессе работы. А для этого необходимо изменить подход обучения лидеров — фокус на способности личности.

1. Sarkar A. (2016), "We live in a VUCA World: the importance of responsible leadership", *Development and Learning in Organizations: An International Journal*, Vol. 30 Iss 3 April 2016 pp. 9–12
2. Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // *Вопр. психол.* 1988. № 2. С. 19–27
3. Гоулман, Д. Бояцис, Р., Макки, Э. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Альпина Бизнес Букс, 2008
4. Столин В.В. Самосознание личности. — М.: Издательство Московского Университета, 1983. — 284 с.
5. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. — Тбилиси: "Мецниереба", 1989

Возрастные и гендерные особенности генеративных предпочтений взрослых

Генеративность, генеративная направленность, ранняя зрелость, средняя зрелость, поздняя зрелость

Востребованным направлением исследований является развитие направленности на участие в той или иной деятельности во взрослом возрасте. Желания и мотивы инвестиции своих усилий в определенные сферы представляют особый интерес, поскольку рост возможностей реализации себя ставит новые вопросы о механизмах выбора сфер самореализации. Актуальным является исследование желания передать свой опыт и навыки представителям следующих поколений. Феноменом, который описывает такое желание, а также охватывает вопросы самореализации, благополучия и продуктивности, является генеративность. Генеративностью в нашем понимании является овладение умениями и навыками участия в становлении следующих поколений через межпоколенческое взаимодействие путём «инвестиции себя» в благополучие людей, которые будут жить после человека, совершившего этот вклад (Эриксон Э., 1996; Полякова М.К., 2019). Исходя из результатов зарубежных исследований, можно выделить следующие особенности генеративности: у женщин становление особенностей генеративности происходит раньше, чем у мужчин, а также зависит в большей степени от внесемейных факторов. Для становления генеративности у мужчин важным фактором является семейная среда, в которой он находится во взрослом возрасте (J.Snarey, 1987; J.Snarey, 1993; D.P. McAdams, 1992).

Данное исследование проведено с целью исследования возрастных особенностей генеративности у мужчин и женщин в зависимости от предпочтительных видов деятельности. Выборку составили респонденты 22–32 лет (N=51), 34–41 года (N=39) и 44–57 лет (N=43). Использовались методики: Лойольская шкала генеративности (LGS) в адаптации О.Ю.Стрижицкой, М.К.Поляковой (2018), Список генеративных действий (GBC), анкета, авторский опросник. Статистический анализ данных проводился с помощью χ^2 –Пирсона, U-Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента и MANOVA.

В ходе исследования респондентов просили в ответ на вопрос «если бы в жизни все зависело от Вас, чем вы предпочли заниматься?» выбрать из 16 вариантов деятельности восемь предпочтительных. Из них восемь относились к генеративным деятельности, восемь не имели генеративных особенностей. По результатам исследования было выявлено, что вариант ответа «Передать опыт следующим поколениям» значительно чаще был выбран респондентами с высоким уровнем генеративной направленности ($t=3,07$; $p=0,003$) и частотой совершения генеративных действий ($U=1733$; $p=0,04$). При этом этот вариант ответа чаще выбирали мужчины ($\chi^2=6,4$; $p=0,01$) и респонденты в поздней зрелости ($\chi^2=15$; $p=0,001$). Вариант «Написать книгу» чаще всего выбирали респонденты в ранней зрелости и реже всего в поздней ($\chi^2=12,74$; $p=0,002$). Частота генеративных действий была выше

всего у мужчин, которые выбрали вариант ответа «Воспитывать детей», и женщин, которые не выбрали этот вариант ($F=5,36$; $p=0,02$).

Таким образом, в результате исследования были выявлены особенности генеративности, показанные в зарубежных исследованиях. Так, генеративность была связана с предпочтениями проявления активности в семейной сфере у мужчин. При этом в поздней взрослости респонденты чаще выбирали ответы, которые напрямую были связаны с генеративностью.

1. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996.
2. Полякова М. К. Структура генеративности в период ранней взрослости // Петербургский психологический журнал 2019. №29. С. 38–59
3. Snarey, J., Son, L., Kuehne, V. S., Hauser, S., & Valliant, G. The role of parenting in men's psychological development. *Developmental Psychology*, 1987 (23), 593–603
4. Snarey, J. *How Fathers Care for the Next Generation: A Four-Decade Study*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1993, 403 pp
5. McAdams, D., & de St. Aubin, E. A theory of generativity and its assessment through self-report, behavioral acts, and narrative themes in autobiography. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1992 (62), 1003– 1015

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект 19-013-00812 А*

Взаимосвязь локуса ролевого конфликта, смысложизненных ориентаций, свойств личности и отношения к себе в зрелом и пожилом возрасте

Локус ролевого конфликта, самоотношение, смысложизненные ориентации, свойства личности, зрелый и пожилой возраст, пандемия covid-19.

Поздний онтогенез активно обсуждается в психологии с позиций успешного, позитивного, благополучного старения, субъективного благополучия и др.[1,3]. Однако, в ситуации временной эксклюзии пожилых людей (65+), которые оказались в группе высокого риска, особой защиты и вынужденной изоляции в связи с пандемией covid-19, происходит экзистенциальное переосмысление концепций активного старения [2].Его важнейшие критерии — контроль над собственной жизнью, удовлетворенность ею, способность к адаптации и совладанию при ограничении социальных контактов в ситуации реальной угрозы здоровью и жизни далеко не всегда могут быть реализованы. Значимость и цена самой жизни, которая выступала личностным ресурсом и придавала ей психологический смысл [4], обретает новую реальность в условиях пандемии. Пандемия covid-19 актуализировала кризисные переживания: осознание уязвимости, тревоги и страха за собственную жизнь и жизнь близких, проявляясь как в социальной и личностной дезориентации, так и в ролевых конфликтах. Исследуя две возрастные когорты (зрелый и пожилой возраст), мы предположили, что в условиях пандемии пожилой возраст более уязвим к современной ситуации, и характер взаимосвязей между показателями локуса ролевого конфликта, личностными свойствами, смысложизненными ориентациями и отношением к себе в изучаемых выборках различен.

Для проверки гипотезы были выбраны тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева; опросник «Шкала локуса ролевого конфликта» П. П. Горностая, опросник самоотношения МИС (В. В. Столина и С. Р. Пантилеева), 16-факторный опросник Кеттелла (вариант С). Исследование проведено на двух выборках (36 респондентов в возрасте 50–63года, 34 респондента — 64–80 лет).

1. В результате исследования выявлено значимое различие между группами испытуемых зрелого и пожилого возраста по шкале «Q1» Кеттелла (консерватизм — радикализм), Пожилые люди более консервативны, более устойчивы к традициям, менее склонны к переменам и восприимчивы к новым идеям, нежели люди зрелого возраста.

2. Выявлена взаимосвязь локуса ролевого конфликта со шкалами самопринятие (аутосимпатия) и самоуважение (МИС) в обеих выборках. Связь интернальности локуса контроля с самопринятием согласуется с исследованиями О. Ю. Стрижицкой (2019). В то же время, в выборке людей зрелого возраста интернальный локус ролевого конфликта дополнительно коррелирует с самоуважением и самоуководством, обуславливая более устойчивый симптомокомплекс личностных свойств.

3. В выборке респондентов зрелого возраста выявлены корреляции показателей локуса ролевого конфликта и смысложизненных ориентаций, в выборке пожилых людей подобных коррелятов не обнаружено.

4. В выборке респондентов зрелого возраста получены корреляции между локусом ролевого конфликта и свойствами личности (социальной смелостью, доминантностью и нормативностью поведения: — факторы Н, Е, G Кеттелла). У пожилых людей присутствует корреляция только между локусом ролевого конфликта и фактором I Кеттелла (мягкость, чувствительность).

5. Таким образом, мы предполагаем, что высокая плотность интеркорреляций локуса ролевого конфликта со свойствами личности, системой ценностей и отношением к себе в выборке респондентов зрелого возраста по сравнению с пожилым, дает более целостную личностную структуру, и может выступать эффективным ресурсным фактором (либо защитным механизмом) в условиях пандемии.

1. Головей Л. А., Стрижцкая О. Ю., Криулина А. В. Позитивное функционирование личности в пожилом возрасте: комплексный подход // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 9.
2. Григорьева И. А., Богданова Е. А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. 2020. Том 12. № 2. С. 187–211.
3. Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Выпуск 3. С. 243–257.

Исследование некогнитивных предикторов академической успешности старшекласников: дифференциально-регуляторный подход

Дифференциальный подход, осознанная саморегуляция, личностные черты, академическая мотивация, академическая успешность

Исследование выполнено в рамках дифференциального подхода к исследованию осознанной саморегуляции (СР) человека [1]. Его основой является концепция индивидуального стиля саморегуляции, в рамках которой были созданы представления о ее стилевых особенностях. Стилиевые особенности СР — индивидуальные особенности человека в самоорганизации его активности, которые устойчиво проявляются в различных видах деятельности и могут быть описаны индивидуальными регуляторными профилями [1]. Проблема успешности обучения и специфики ее некогнитивных предикторов активно исследуется на протяжении последних десятилетий [2]. Показан высокий позитивный вклад личностных черт, внутренней мотивации и осознанной саморегуляции в успешность учащихся старшей школы [1,3].

Цель данного исследования — выявить специфичные для различных регуляторно-типологических групп старшекласников некогнитивные предикторы академической успешности. Выборка: учащиеся 9–11 классов школ г. Москвы и Калуги (N = 355, средний возраст 15.81). Методики: 1) Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности (ССУД-М 52)» (2017); 2. Русскоязычная версия опросника «Большая пятерка — детский вариант» (адаптация С.Б. Малых и др., 2015); 3. Опросник «Отношение к учению в средних и старших классах школы» (ОУУ) (И.Н. Бондаренко, И.Ю. Цыганов, В.И. Моросанова, 2018); 4. Опросник «Шкала академической мотивации школьников (ШАМ-Ш)» (Т.О. Гордеева и др., 2017). Академическая успешность измерялась при помощи коэффициента академической успешности, рассчитанного как сумма стандартизованных показателей по мотивационным шкалам опросника отношения к учению и среднего балла успеваемости.

Проанализированы предикторы успешности в наиболее часто встречающихся в 9–11 классах регуляторно-типологических группах: 1) с гармонично-высоким профилем регуляции; 2) с акцентуированным профилем «Моделирование-Оценивание результатов»; 3) с гармонично-низким профилем. Обнаружено, что высокая успешность группы с гармонично-высоким профилем связана с общим уровнем СР ($\beta=0.36, p\leq 0.01$), регуляторно-личностным свойством инициативности ($\beta=0.36, p\leq 0.05$), познавательной мотивацией ($\beta=0.38, p\leq 0.05$) и открытостью опыту ($\beta=1.08, p\leq 0.001$). Предикторы успешности учеников с акцентуированным профилем «Моделирование-Оценивание результатов» — открытость опыту ($\beta=0.74, p\leq 0.001$), общий уровень СР ($\beta=0.44, p\leq 0.001$), добросовестность ($\beta=0.38, p\leq 0.01$), инициативность ($\beta=0.28, p\leq 0.05$), мотивация достижения ($\beta=0.62, p\leq 0.001$) и уважения родителей ($\beta=0.28, p\leq 0.05$). В группе с гармонично-низким профилем в

качестве предикторов выявлены планирование ($\beta=0.41$, $p\leq 0.01$), инициативность ($\beta=0.26$, $p\leq 0.05$), мотивация достижения ($\beta=0.56$, $p\leq 0.001$) и интроецированная мотивация ($\beta=0.29$, $p\leq 0.05$). Таким образом, обнаруживается специфика некогнитивных предикторов академической успешности старшеклассников в зависимости от типа регуляторного профиля: успешность учеников с гармонично-высоким профилем связана с саморегуляцией и познавательной мотивацией, тогда как учащимся с акцентуированным профилем необходима также опора на добросовестность, мотивацию достижения и внешнюю мотивацию. Повышение успешности учащихся с гармонично-низким профилем связано с развитием саморегуляции (планирования и инициативности), а также мотивацией достижения и интроецированной мотивацией.

1. Моросанова В.И. Развитие ресурсного подхода к исследованию осознанной саморегуляции достижения целей и саморазвития человека/ Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени / под ред. Ю. П. Зинченко, В. И. Моросановой. — М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 11–36.
2. Kriegbaum K., Jansen M., Spinath B. Motivation: A predictor of PISA's mathematical competence beyond intelligence and prior test achievement // Learning and individual differences. 2015. Vol. 43. P. 140–148.
3. Schneider M., Preckel F. Variables associated with achievement in higher education: A systematic review of meta-analyses. Psychological Bulletin. 2017. Vol. 143. no. 6. p. 565–600

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00257 А «Дифференциально-типологические профили регуляторных и личностных ресурсов академических достижений учащихся в разные периоды школьного обучения»

Контроль поведения в связи с представлениями о свободе и ответственности в подростковом возрасте

Подростковый возраст, контроль поведения, свобода, ответственность

Подростковый возраст является сенситивным периодом для развития механизмов свободы и ответственности в связи с возникающей потребностью в автономии (Леонтьев, Калитеевская, Осин, 2011). Вместе с тем, отмечается конфликтность данного периода, которую можно описать в терминах свободы и ответственности: вместе со стремление к свободе от и контролю собственного поведения, у подростка еще не сформирована внутренняя ответственность за совершаемое им поведение, поэтому вместе с желанием совершать самостоятельные выборы и решения, подросток стремится сохранить чувство защищенности. Для разрешения данного конфликта необходимы сформированные механизмы контроля поведения как индивидуального психологического уровня регуляции, реализующего индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающего соотношение внутренних возможностей и внешних целей (Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010).

Данное исследование предусматривало анализ когнитивного компонента — представлений подростков о свободе и ответственности, аффективного компонента — самоощущение свободы и ответственности и регуляторного компонента — контроль поведения.

Для изучения связи контроля поведения с представлениями о свободе и ответственности и уровнем самооценки свободы и ответственности было обследовано 113 подростков в возрасте от 12 до 17 лет, обучающихся в общеобразовательных школах Санкт-Петербурга. Методы исследования: 2 мини-сочинения на темы «Свобода» и «Ответственность»; 4 десятибалльные шкалы для изучения самооценки свободы и ответственности; методика «Стиль саморегуляции поведения — 98» В. И. Моросановой, опросник ЭМИн Д.В. Люсина, методика «Шкала контроля за действием» Ю. Куля в адаптации С.А. Шапкина.

Специфика представлений подростков о свободе и ответственности связана с возрастными задачами, а именно со становлением личностной автономии. Наиболее распространенными категориями свободы являются категория Социальная свобода (независимость от внешних влияний) (60,5%) и Свобода поведения (возможность действовать в соответствии со своими желаниями, самостоятельность в принятии решений) (52,2%), а наиболее распространенными категориями ответственности являются категории Ответственность за последствия своих действий и слов (37,2%) и Ответственность за других (23%). Представления подростков характеризуются осмысленностью понятия «свободы», то есть более целостном представлении о ней, представления об ответственности характеризуются осведомленностью о ней, то есть выделением только одной специфической стороны данного понятия.

Соотношение самооценки свободы и ответственности связано со структурой контроля поведения. Контроль поведения подростков, которые ощущают себя более

ответственными, чем свободными, характеризуется интегрированностью всех его подсистем — эмоциональной, когнитивной и волевой (35 положительных связей: 18 при $p \leq 0,01$ и 17 при $p \leq 0,05$). Подростки данной группы, сознательно регулируя свое поведение, при оценке результатов своей деятельности опираются на эмоции других людей и в зависимости от этого перестраивают систему регуляции своей активности. В свою очередь это, вероятно, приводит к повышению ощущения ответственности, но снижает ощущение собственной свободы. Контроль поведения подростков, ощущающих себя более свободными, чем ответственными, характеризуется слабой интегрированностью всех его компонентов, фактически когнитивный и эмоциональный компоненты выступают независимыми системами (15 положительных связей: 6 при $p \leq 0,01$ и 9 при $p \leq 0,05$). Более свободные подростки не учитывают чужие эмоциональные переживания при планировании, реализации и оценке своего поведения. Это приводит к противоположному результату в самооценке свободы и ответственности — ощущение свободы увеличивается, а ощущение ответственности снижается.

1. Леонтьев Д.А., Калитеевская Е.Р., Осин Е.Н. Личностный потенциал при переходе от детства к взрослости и становление самодетерминации // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. — М.: Смысл. 2011. — С. 611–641.
2. Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В. Контроль поведения как субъектная регуляция. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 352 с.

Исследование личностных проектов в юности и молодости

Личностный проект, юность, молодость, саморазвитие

Обновления современного транзитивного общества требуют от молодых людей ответственно и самостоятельно проектировать свое будущее и делать жизненные выборы. Особую актуальность в этом контексте приобретают личностные проекты (ЛП), направленные на достижение желаемого успеха (B.R. Little, 2007). ЛП изучены в рамках социально-экологического (B.R. Little, 2007 и др.), интегративного (P.A. Эммонс, 2004 и др.), деятельностного (М.В. Клементьева, 2018 и др.) подходов. Общим для них выступает изучение поведения человека как ориентированного на достижение цели. Мы полагаем, что ЛП могут выступать психологическим средством в достижении задуманного, способствуя поиску своей идентичности и личностной автономии, согласно решению возрастных задач.

Исследование проведено с целью изучения психологического содержания ЛП в юности и молодости. Выборку составили молодые люди в возрасте 16–30 лет ($N=332$). Выборка ранжирована по критерию возраста на 3 группы: юность (16–17 лет) и молодость (18–25 и 26–30 лет). Использована методика Б.Р. Литтла «Анализ личностных проектов» в авторской адаптации (Е.Ю. Рязанцева, 2019). Применяли методы анализа: контент-анализ, статистический анализ с использованием t -критерия и ϕ^* -критерия углового преобразования Фишера.

В группах: 16–17 лет, 18–25 года и 26–30 лет выделены основные темы ЛП: образование — 42%, работа — 23%, путешествия — 10%, спорт — 8%, семья — 7%, материальные приобретения — 6%, саморазвитие — 4%. Статистика различий по ϕ^* — критерию Фишера (при $p \leq 0,05$) составила 1,76. Так, в 16–17 лет в ЛП чаще $\phi^* \leq 1,86$ использована К-переменная «Образование» — 36%, «Работа» — 17% и «Материальные приобретения» — 17%. Категория «Образование» чаще употребляется как процесс завершения старого и начинание нового (окончить школу и поступить в университет), а категории «Работа» и «Материальные приобретения» больше направлены на материальную независимость. В 18–25 лет в ЛП чаще использованы: «Образование» — 38% и «Работа» — 26%. Значимо чаще $\phi^* \leq 2,13$ использована К-переменная «Образование», чем «Работа», употребляющаяся в качестве определяющей саморегуляцию. В 26–30 лет чаще использованы К-переменные: «Работа» — 43% и «Образование» — 23%. Значительно чаще $\phi^* \leq 3,55$ использована «Работа», чем «Образование», употребляющаяся в качестве определяющих самоопределение. Сравнительный анализ (с использованием t -критерия) при парном сравнении двух групп (юность — 16–17 лет, молодость 18–30 лет) показал, что с возрастом (18–30 лет) показатели ответственности ($p \leq 0,02$), вовлеченности ($p \leq 0,002$), ценности ($p \leq 0,008$) и автономии ($p \leq 0,001$) повышаются. В 16–17 лет ярко выражены показатели: трудность ($p \leq 0,02$) и видимость ($p \leq 0,01$).

Таким образом, психологическое содержание ЛП обусловлено актуальными задачами развития в юности и молодости: получение образования, реализация в профессиональной деятельности, создание семьи, саморазвитие. С возрастом (18–25,

26–30 лет) повышается степень ответственности и самостоятельности, ЛП приобретают ценность и вовлеченность в их реализацию, снижается зависимость от социокультурных ресурсов. Юношеский возраст 16–17 лет ярко проявлены социальные экспектации.

1. Клементьева М.В. Проектная деятельность как ресурс личностного развития студентов // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал, 2018. № 7 (июль). ART 2634. Объем 0.5 п.л. URL: <http://www.emissia.org/offline/2018/2634.htm>
2. Рязанцева Е.Ю. Психометрические характеристики методики оценки личностных проектов // Письма в Эмиссия.Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал, 2019. №12 (декабрь). ART 2803. Объем 0.5 п.л. URL: <http://www.emissia.org/offline/2019/2803.htm>
3. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ.: Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 416 с.
4. Little B.R., Salmela-Aro K, Phillips S.D. Personal Project Pursuit: Goals, Action, and Human Flourishing. Lawrence Erlbaum Associates Publishers. 2007. 462 p.

Возможности проективной методики «пословицы» для исследования ценностных ориентаций подростков в сфере моральных норм

Подростковый возраст, ценностные ориентации, мировоззрение, пословицы, моральная атмосфера общества, культура.

В подростковом возрасте новый уровень самосознания, формально-логическое мышление, расширение социального опыта создают необходимые условия для формирования ценностных ориентаций (ЦО) как основы мировоззрения личности и регулятора поведения подростка (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, А.А. Бодалев, Д.А. Леонтьев, А.В. Петровский, В.А. Ядов и др.).

В условиях значительных социо-экономических трансформаций российского общества актуальность исследования ценностных ориентаций подростков, несомненно, имеет теоретическую и практическую значимость.

Цель исследования: изучение ценностных ориентаций подростков в сфере моральных норм. Выборка: 360 подростков, возраст от 13,0 до 17,0 лет. Методика: авторская методика О.А. Карабановой, Т.Ю. Садовниковой «Пословицы» (Садовникова, 2005).

В пословицах закрепляются моральные нормы, выделенные на основе жизненного опыта и ценностных предпочтений многих поколений. Изменяющиеся культурно-исторические условия отражаются в фольклоре, частью которого являются пословицы В.П.Аникин (1957), В.П. Жуков (1991).

Стимульный набор разработанной проективной методики «Пословицы» включает 20 пословиц, содержание которых отражает как социально одобряемые («положительные») образцы поведения, так и накопленный в ходе развития русской культуры негативный исторический опыт. Построение процедуры диагностики в два шага: сначала определение актуальности пословиц, а затем выделение моральных норм, подразумеваемых содержанием пословицы, позволяет делать выводы о ЦО подростков. Преимущества проективных методик связаны с возможностью изучения процесса порождения смыслов, определяющих понимание пословиц респондентом и снижения вероятности социально желаемых ответов, что обеспечивает достоверность и надежность результатов исследования ценностей.

Результаты. При оценивании степени адекватности ответов подростков, пословицы были разделены, на основе критерия предметного содержания нравственных норм, на четыре сферы: «Личность-Деятельность», «Личность-Личность», «Личность-Общество», «Личность-Власть». Наиболее адекватны оказались ответы подростков при выделении моральных норм для пословиц, касающихся сферы межличностных отношений со сверстниками и сферы формирования временной перспективы. В группу наименее адекватно воспринимаемых вошли пословицы, отражающие нормы взаимодействия личности в обществе, взаимодействия с властными структурами общества.

Исследование актуальности пословиц показало: для обследованных подростков наиболее актуальными оказались пословицы, содержание которых отражает ценность взаимопомощи, заботы о других и нормы трудолюбия, заботы о собственном благополучии. Ценности справедливости, личности другого человека, важности личного вклада, хотя и признаются подростками важными, но уступают по значимости ценностям взаимопомощи, трудолюбия, заботы о других и собственном благополучии. Эти данные согласуются с выявленной в недавних исследованиях тенденцией изменения ведущих ценностей российского общества от коллективистических к индивидуалистическим. Неактуальные пословицы, кроме одной, относятся к сфере «Личность — Общество», что свидетельствует о своеобразии современной социальной ситуации развития современных российских подростков.

Полученные данные показывают, что задача освоения норм взаимодействия в обществе, построения отношений по типу принятия всей полноты ответственности взрослого еще не является актуальной для обследованных подростков. Наши результаты согласуются с представлением о российском обществе как обществе высокой социальной неопределенности и высокой нестабильности.

Использование методики «Пословицы» позволяет уточнить данные о возрастной специфике актуальных для подростков моральных норм, о тех особенностях ценностных ориентаций подростков, которые обусловлены историческим контекстом жизни подростков и особенностями их социальной ситуации развития.

1. Садовникова Т.Ю. Нравственно-ценностные ориентации подростков с различным восприятием моральной атмосферы школы. Дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2005. 258 с.

Структура личностной мобильности в позднем возрасте

Личностная мобильность, готовность к мобильному поведению, поздний возраст

Анализ отечественных и зарубежных подходов к изучению личностной мобильности в зрелом и пожилом возрасте, ее аналогов и коррелятов показал, что исследования непротиворечивы, согласуются друг с другом и позволяют определить личностную мобильность как интегративное качество, базирующееся на индивидуальных свойствах и проявляющееся в поведении и деятельности субъекта. В исследовании личностной мобильности в позднем возрасте нами были выделены три вектора изучения: мобильность как индивидуальное свойство, готовность к мобильному поведению, мобильность как жизненная стратегия (Сергеева, 2019).

Целью данного эмпирического исследования являлось определение структуры и психологических характеристик личностной мобильности как индивидуального свойства и готовности к мобильному поведению. В исследовании приняли участие 355 жителей Екатеринбурга и Свердловской области в возрасте от 50 до 80 лет. Использовались опросник формально-динамических свойств индивидуальности (В.М. Русалов); самоактуализационный тест (Л.А. Гозман, М.В. Кроз), опросник «Готовность к освоению возраст-временных изменений» (Н.С. Глуханюк, Т.Б. Сергеева), оценка уровня удовлетворенности качеством жизни (Н.Е. Водопьянова), оценка уровня развития биографической рефлексии (М.В. Клементьева); эксплораторный факторный анализ по методу главных компонент, кластерный анализ.

Были выделены восемь факторов, описывающих факторную структуру мобильности: «Качество жизни» (1), «Мотивационная готовность» (2), «Самоактуализация» (3), «Биографическая рефлексия» (4), «Интеллектуальная и психомоторная активность» (5), «Эмоциональность» (6), «Аффективная готовность» (7), «Когнитивная готовность» (8). Факторы 5 и 6 соотносятся с мобильностью как индивидуальным свойством, составляющим природное «ядро» личностной мобильности в позднем возрасте, остальные факторы — компоненты готовности к мобильному поведению. Данная структура эмпирически верифицирует исходную теоретическую модель личностной мобильности.

В результате иерархической кластеризации были выделены два кластера испытуемых, отличающихся по основным параметрам мобильности, — «Немобильные» и «Мобильные». Участники кластера «Мобильные» продемонстрировали более высокие показатели по факторам «Качество жизни», «Мотивационная готовность», «Самоактуализация», «Биографическая рефлексия», «Интеллектуальная и психомоторная активность», «Аффективная готовность». В то же время они обладали значимо меньшими показателями по факторам «Эмоциональность» и «Когнитивная готовность». Таким образом, «мобильные» удовлетворены своей жизнью в позднем возрасте, не фиксируют свое внимание на возраст-временных изменениях, спокойно относятся к ним и готовы адаптироваться, они разделяют ценности самоактуализации, склонны к

смысложизненному анализу своей биографии и жизненного пути других людей. На психодинамическом уровне их отличает высокая активность в интеллектуальной и психомоторной сфере в сочетании с невысокой эмоциональностью.

Понимание структуры личностной мобильности в позднем возрасте позволит не только выбирать более адекватные консультативные и сопровождающие инструменты, но и принимать обоснованные социально-профессиональные решения относительно данной возрастной группы.

1. Сергеева, Т. Б. Личностная мобильность человека в пожилом возрасте / Т. Б. Сергеева, Н. С. Глуханюк, Г. И. Борисов –Текст: Непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2019. — Т. 25. — № 3 (189). — С. 193–201. — Рез. англ. — Библиогр.: с. 200–201 (27 назв).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00431 «Личностная мобильность как предиктор сохранения профессионального здоровья в пожилом возрасте».

Айтрекинг исследование трудностей обучения, связанных с особенностями совместного внимания у детей с аномалиями анализаторных систем

Совместное внимание, социальное внимание, объединённое внимание, социальное познание, обучение, возрастное развитие, дошкольный возраст, атипичное развитие, окулография, айтрекер

Введение. На современном этапе исследования возрастного развития особенно актуальными становятся исследования патогенеза механизма совместного внимания. Симптомы нарушения совместного внимания связаны с целым каскадом нарушений исполнительных функций, речи и языка, имитаций, понимания чужих намерений или показателем умственного развития (Charman, Swettenham, Baron-Cohen, Baird, Cox, Drew, 2001; Smith, Ulvund, 2003; Dawson., Munson, Estes, Osterling, McPartland, Toth, 2002).

Только в единичных исследованиях отмечается, что время, затрачиваемое на совместное внимание, часто снижается у глухих детей, они реже реагируют и расширяют свою инициативу и коммуникативные действия (Mundy, 2018; Yu, Smith, 2017, 2019, 2020; Chen , Castellanos, Yu , Houston, 2019, 2020). Нарушение зрения также обычно сопровождается вторичными отклонениями. Для данной категории детей характерно своеобразие монокулярного видения: страдает точность, полнота зрительного восприятия, наблюдается неспособность выделять точное местоположение объекта в пространстве, его удаленность, выделение объемных признаков предметов, дифференциация направлений.

В связи с этим основной задачей выделение особенностей функционирования совместного внимания при дефицитарном развитии ребёнка, связанного с нарушениями отдельных сенсорных систем (нарушения слуха, зрения).

Ограничения предыдущих результатов связаны с тем, что полностью проследить специфику дефицита совместного внимания, которая была зафиксирована в основном у детей с расстройством аутистического спектра с сочетанными диагнозами и в социальном взаимодействии. Необходимо рассматривать первичные нарушения, непосредственно вытекающие из биологического характера патологии (нарушения слуха и зрения при поражении органов чувств), которые могут приводить к дефициту совместного внимания. Для этого необходимо задействовать выборку детей, имеющих нарушения в системе анализаторов (слухового, зрительного).

Предполагается проследить последствия дефицитарного психического развития, связанного с первичной недостаточностью отдельных сенсорных систем, в первую очередь зрения и слуха, на выборе доступных средств, с помощью которых ребёнок участвует в эпизодах совместного внимания, а также достигает синхронности взаимодействия со взрослым при нормативном и атипичном развитии.

Сравнительный анализ контрастных групп позволит выделить примеры компенсации дефицита совместного внимания за счет выявления как при нарушении

сенсорных систем задействуются другие сохранные анализаторы для установления эпизодов совместного внимания. Решение данной проблемы позволит выявить пути, средства и способы компенсации нарушений в развитии у детей с нарушением слуха и зрения, разработать «обходные пути» обучения и организации образовательной среды в соответствии с возможностями ребенка.

Выборка: дошкольники 5–7 лет: дети с нарушением слуха (сенсоневральной тугоухостью, класс Н90 по МКБ-10), дети с нарушением зрения (с амблиопией и косоглазием, класс Н53 по МКБ-10), типично развивающиеся дошкольники.

Методы. Айтрекер метод исследования эпизодов совместного внимания в режиме реального времени взаимодействия взрослого и ребёнка через отслеживание движений глаз (Shvarts, 2018; Yu, Smith, 2019, 2020; Chen, Castellanos, Yu, Houston, 2019, 2020).

Результаты. При помощи фиксации и анализа движения глаз дошкольников во время экспериментального взаимодействия со взрослым удалось выделить маркеры дефицита совместного внимания, вызывающие трудности взаимодействия ребёнка со взрослым и препятствующие эффективному обучению, а также препятствующих появлению синхронности и совместной локализации между движениями глаз ребёнка и взрослого как условия восприятия объекта/ситуации взаимодействия в процессе обучения. В группах дошкольников с нарушением слуха и зрения зафиксированы изменения в следующих показателях: длительности фиксаций на целевых и нецелевых сигналах; частоты фиксаций на целевых и нецелевых сигналах; распределения фиксаций; наличие мультимодальных средств установления совместного внимания; приоритет зон интереса.

При сенсорных нарушениях слуха и зрения характерным снижением скорости и объёма восприятия в детекции социальных сигналов, меняется период, когда глаза сосредоточены на объекте, сколько времени дети провели в регионе, сколько фиксаций было подсчитано.

Снижаются распознавание социальных сигналов (доля детей, заметивших социальный сигнал, время и количество до первой фиксации), меры интереса к социальным сигналам (количество фиксаций, общая длительность фиксаций). Большая продолжительность фиксации, время фиксации конкретного элемента связана с высокой когнитивной нагрузкой в детекции социальных сигналов.

Дошкольники с нарушением отдельных сенсорных систем меньше возможностей для изучения и интерпретации взгляда и других невербальных коммуникативных форм поведения на лице. Они способны следить за взглядом, но испытывают трудности с увязкой смены взгляда с информацией о психическом состоянии. Из визуальных сигналов и распределения визуального внимания, требует увязки информации о ментализации с информацией о взгляде

Преобладает мультимодальный характер совместного внимания (комбинации речи, жеста и взгляда), с помощью которых достигается синхронность взаимодействия. Изменяется способ получения и переработки информации, формированием намерений, выработка соответствующей программы действий и осуществлением этих программ: появляются нерелевантные инструкции взрослого действия, опережающие действия, необходимость повторной инструкции.

1. Charman T., Swettenham J., Baron-Cohen S., Baird G., Cox A. A. Testing joint attention, imitation, and play as infancy precursors to language and theory of mind // Cognitive Development. 2001. Vol. 15.
2. Chen C., Castellanos I., Yu C., Houston D.M. Effects of children's hearing loss on the synchrony between parents' object naming and children's attention // Infant Behavior and Development. 2019. Vol. 57.
3. Chen C.-h., Castellanos I., Yu C., Houston D.M. What leads to coordinated attention in parent-toddler interactions? Children's hearing status matters // Dev Sci. 2020. Vol. 23.
4. Dawson G., Munson J., Estes A., Osterling J., McPartland J., Toth K. Neurocognitive function and joint attention ability in young children with autism spectrum disorder versus developmental delay // Child Development. 2002. Vol. 73.
5. Mundy P. A Review of Joint Attention and Social — Cognitive Brain Systems in Typical Development and Autism Spectrum Disorder // European Journal of Neuroscience. 2018. Vol. 47(6).
6. Yu C., Smith L.B. Hand-Eye Coordination Predicts Joint Attention // Child Development. 2017. Vol. 88(6).

Работа выполнена при поддержке гранта президента МК-307.2020.6 «Айтрекинг исследование нарушений координации социального внимания в дошкольном возрасте».

Экспериментальная оценка эффективности тренинга смыслового выбора (на материале тем курсовых работ) для студентов, начавших обучение психологическому консультированию

Психология выбора, смысловой выбор, тренинг смыслового выбора для студентов-психологов, экспериментальная оценка эффективности тренинга, план Соломона, ценностно-смысловые основания подготовки психологов-консультантов

Научно-педагогическое наследие Ф.Е. Василюка по консультативной психологии в меняющихся социокультурных и образовательных условиях [5] вдохновляет нас на дидактические решения, интенсифицирующие процессы смыслообразования, трансформации и трансляции понимания ценностно-смысловых оснований профессии и образования психолога-консультанта [4].

Опираясь на концепцию «Психологии выбора» Д.А. Леонтьева [2], мы модифицировали его методику тренинга смыслового выбора и систему оценки эффективности [1].

Цель: экспериментальная оценка (план Соломона) эффективности тренинга смыслового выбора на материале тем курсовых работ (КР) для студентов-психологов. Выборка: 24 студента 1 курса факультета консультативной и клинической психологии МГППУ в составе 4 предварительно рандомизированных групп: двух экспериментальных (ЭГ1: тест О1 — воздействие Х1 (тренинг) — тест О2; и ЭГ2: нет теста — воздействие Х2 (тренинг) — тест О5) и двух контрольных (КГ1: тест О3 — нет Х — тест О4; и КГ2: нет теста 1 — нет Х — тест О6). Методики: авторские опросники качества аргументации; методика оценки субъективного качества выбора (СКВ 16) [2]. Независимые переменные — тренировка аргументации «за» и «против», модерация процесса экспериментатором; зависимые: количество аргументов по теме КР, их качественно-смысловой состав, отношение к субъективному качеству выбора темы КР — до и после тренинга.

По результатам эксперимента зафиксировано соблюдение условий плана Соломона, позволяющих повысить правомерность вывода об эффективности формирующих воздействий [3]. Проконтролированы основные угрозы внутренней (переменная фона — значимых различий между О1, О3 и О6 не выявлено; и переменная естественного развития — незначительная в пределах месяца) и внешней валидности (реактивный эффект — влияние предварительного тестирования на итоговое не выявлено), а также инструментальная погрешность (разработаны и апробированы методики определения типов аргументации и видов воздействия экспериментатора) и побочные переменные: отбора испытуемых (система рандомизации групп) и эффект тестирования (влияние предварительного тестирования на результаты повторного не выявлено).

Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) показал статистический значимый рост после тренинга смыслового выбора: общего количества ($p \leq 0,01$) и

числа смысловых аргументов ($p \leq 0,01$), а также аргументов, относящихся к смысловым и связанным с будущей научно-исследовательской работой ($p \leq 0,001$) и ориентацией на профессию ($p \leq 0,001$); а по методике СКВ 16 — переживания добровольности ($p \leq 0,05$) и гордости ($p \leq 0,05$) от выбора.

Таким образом, экспериментальная оценка результатов модифицированного тренинга смыслового выбора подтвердила его эффективность по количеству и качеству смысловых аргументов, а также по субъективной удовлетворенности качеством выбора. В перспективе — оценка эффективности иных формирующих воздействий и возможности переноса сформированного смыслового выбора на другие задачи и ситуации.

1. Леонтьев Д. А., Пилипко Н. В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. — 1995. — № 1. — С. 97–110.
2. Психология выбора: монография / Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Овчинникова, Е. И. Рассказова, А. Х. Фам. — Москва, 2015. — 610 с.
3. Сороков Д. Г. Практикум по методам психологического исследования: учебное пособие. — Москва, 1996. — 96 с.
4. Сороков Д. Г. «Концепция развития факультета психологического консультирования» Ф. Е. Василюка в контексте типологии педагогических систем и мировых образовательных трендов // II Междунар. конф. по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Ф. Е. Василюка: сб. материалов. — Москва, 2020. — С. 225–229.
5. Сороков Д. Г. Современные трансформации смысловых оснований и антропологические риски в подготовке психологов-консультантов (в контексте научно-педагогического наследия Ф. Е. Василюка) // II Междунар. конф. по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Ф. Е. Василюка: сб. материалов. — Москва, 2020. — С. 230–233.

Анализ феномена хитрости как формы социального интеллекта в старшем дошкольном возрасте

Хитрость, социальный интеллект, коммуникативная стратегия, использование хитрости, понимание хитрости.

Актуальность: недостаточная изученность данной темы в психологической литературе и ее значимость в социуме, современное общество требует позитивной социальной гибкости, которая позволит ребенку ощутить себя более уверенно в изменяющихся условиях социальной среды.

Цель: изучение особенностей развития хитрости как формы социального интеллекта.

Задачи:

1. Выявить особенности развития хитрости у старших дошкольников как форму социального интеллекта.
2. Выявить уровни развития хитрости детей старшего дошкольного возраста.
3. Развить умение замечать хитрость как форму социального интеллекта у старших дошкольников.

В начале исследования мы предполагали, что зависимость между пониманием, хитрости и умением её использовать не всегда может существовать.

«Социальный интеллект — это способность понимать людей и управлять ими, поступать мудро в человеческих отношениях» — Э.Л. Торндайк. Хитрость — это умение человека использовать различные методики, способы, приемы, которыми он, как личность, обладает, и/или которые он может приобрести, которым может научиться, для достижения своих целей непрямым путем.

Приняли участие в эмпирическом исследовании дети старшего дошкольного возраста (подготовительная к школе группа) МБДОУ Золотой Петушок в количестве 30 человек.

Были проведены три диагностики (по Чесноковой О.Б.).

Диагностика 1: Детям предлагалась серия сюжетных картинок, изучив которые, дошкольникам нужно было понять и объяснить, в чём заключается смысл хитрости как интеллектуально-коммуникативной стратегии. Было обнаружено, что понимают правильно хитрость 12 человек — 40%; поняли хитрость после одной подсказки 9 человек — 30%; не понимают хитрость 9 человек — 30%. Дети подготовительной к школе группы понимают хитрость как интеллектуально-коммуникативную стратегию не полностью. Эта способность у большинства детей выражена в меньшей степени.

Диагностика 2: Детям зачитывалась сказка о хитром плане героя, после которой были заданы вопросы. Было обнаружено, что 14 человек — 47% хитрость героя понимают; 5 человека — 17% смогли ответить правильно на поставленный вопрос после одной подсказки; 7 человека — 23% смогли ответить правильно на поставленный вопрос после двух подсказок и 4 человека — 13% так и не поняли, в чем заключался подвох. Старшие дошкольники способны понять хитрость на

вербальном уровне. Детям 6–7 лет проще понять, в чем заключается хитрость в данном задании.

Диагностика 3: Эксперимент представлял собой модификацию игры «Холодно-горячо». Один из играющих выходит из комнаты, а остальные дети — прячут предмет. Цель — найти предмет, который спрятали дети, используя наводящие подсказки. Задача детей — руководить поиском так, чтобы его ребенок смог отыскать искомый предмет. Были обнаружены различные виды хитрости. Дети пытались показывать предмет жестами, взглядом, шептать о том, где спрятан предмет. Дошкольники проявляли хитрость как интеллектуально-коммуникативную стратегию. Данные эксперимента показывают, что 19 человек — 63% в игровой/экспериментальной ситуации проявляют хитрость; 11 человек — 37% хитрость в процессе игры не проявляли.

Возможно, в жизни не используют данную способность те дети, которые в игре проявляли хитрость, а в жизни хитрят чаще и больше дети, которые не проявили в игре свою активность.

Вывод: Понимание и использование хитрости не всегда зависят друг от друга. Ребенок может жульничать и лукавить в процессе игры, но в то же время не замечать хитрости в действиях сверстника. И наоборот дети могут замечать в игре подвох, но сами не будут при этом использовать хитрость.

1. Выготский, Л.С. Вопросы детской (возрастной) психологии. Собр. соч. в 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 243–385.
2. Олпорт, Г. В. Личность в психологии: Теории личности / Г. В. Олпорт. — М.: ЮВЕНТА, 1998. — 345 с.
3. Чеснокова, О.Б. Развитие социального интеллекта в детском возрасте // Психолог в детском саду. 2004. №2. С. 15–41.
4. Чеснокова, О.Б. Развитие представлений детей о социальной причинности // Вопросы психологии. 2000. №3. С. 34–49.

Цифровая социализация как предмет исследования в психологии развития

Социализация, цифровое детство, интериоризация, психологическое (культурное) орудие

В современных условиях цифровизации общественной жизни в качестве актуальной встает задача поиска научно-обоснованной интерпретации тех объективно наблюдаемых явлений, которые не укладываются в рамки наших привычных представлений о закономерностях психического развития. По мнению авторитетных ученых, таким подходом, позволяющим стать методологическим основанием для последующих исследований и практических выводов относительно влияния цифровых технологий на ход социализации современных детей, выступает культурно-историческая психология Л.С. Выготского, и прежде всего, учение об инструментальности человеческой психики. В данном сообщении речь пойдет о тех изменениях, которые вносит цифровое опосредствование в процесс интериоризации.

Л.С. Выготский дает характеристику культурного, или психологического, орудия, которое «во-первых, вызывает к деятельности целый ряд новых функций, связанных с использованием данного орудия и с управлением им; во-вторых, отменяет и делает ненужным целый ряд естественных процессов, работу которых выполняет орудие; в третьих, видоизменяет протекание и отдельные моменты (интенсивность, длительность, последовательность и т.п.) всех входящих в состав инструментального акта психических процессов, замещает одни функции другими, т.е. пересоздает, перестраивает всю структуру поведения совершенно так же, как техническое орудие пересоздает весь строй трудовых операций. Психические процессы, взятые в целом, ... образуют новое целое — инструментальный акт» (курсив наш — М.С.) (Выготский, 1982, с. 105–106). К числу таких орудий Л.С.Выготский относил язык, различные формы нумерации и счисления, мнемотехнические приспособления, алгебраическую символику, произведения искусства, письмо и т.п. Отталкиваясь от особенностей культурного орудия, можно говорить о том, что цифровые устройства также выступают своеобразным культурным орудием.

Включение цифровых устройств в деятельность субъекта побуждает к исследованию процесса вращения, или интериоризации: обращение к выделенным Л.С.Выготским четырем этапам генеза культурных форм поведения позволяет говорить о самостоятельном значении третьей стадии развития высших форм поведения, получившей название стадии внешнего культурного приема. Таким образом есть основания предполагать, что при использовании цифровых устройств процесс интериоризации носит незавершённый характер. Однако, это предположение нуждается в тщательном эмпирическом обосновании.

Что интериоризуется в случае активного использования цифровых устройств? Если обратиться к рассматриваемой проблеме использования гаджетов сквозь призму научного подхода П.Я. Гальперина (Гальперин, 1966), то окажется, что

предметное содержание действия не претерпевает изменений — идет ли речь о решении алгебраического уравнения или задачи по физике, о сложном математическом вычислении или поиске нужной грамматической формы. Действие остается умственным, речевым, перцептивным или физическим в зависимости от того продукта, на получение которого оно направлено, но ориентировочная часть обладает некоторыми типичными особенностями в том случае, когда ребенок выполняет вышеперечисленные задания с помощью гаджетов. Ориентировочная часть действия остается во внешнем плане, а точнее говоря, внешне-речевом, она не переходит во внутренний: процесс интериоризации носит не законченный характер. Если раньше ребенок решал, припоминая, что на психологическом языке означает обращение к сведениям, ставшим достоянием ребенка, то теперь он тоже решает, но иначе, с использованием внешних опор.

Подводя итоги, можно сказать о важности исследований цифрового детства, позволяющих получить дополнительные сведения, касающиеся механизма и содержания процесса интериоризации.

1. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6-ти т. Т.1. Вопросы теории и истории психологии /Под ред. А.Р. Лурия и М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982.
2. Гальперин П.Я. К учению об интериоризации // Вопр. психол. 1966. №6. С.25–32.

Сочувствие к себе как предиктор благополучия старших школьников

Благополучие, счастье, сочувствие к себе, школьный возраст

Изучение благополучия и счастья молодежи актуально в современном динамическом мире по нескольким причинам: неуклонно растущее число депрессивных состояний, регистрируемых у молодого поколения, свидетельствует о неудовлетворенности окружающим миром и собственным местом в нем. При этом возрастает количество обязательств молодежи, растет, соответственно, и их требовательность к миру и к себе. Относительно редким явлением становится сочувствующее, понимающее отношение к себе, хотя многими авторами оно признается как необходимое условие благополучия субъекта [3].

Целью исследования является постижение взаимосвязи и аспектов влияния субъективных характеристик на благополучие и счастье лиц разного возраста. Поскольку выявлено множество связей понятия сочувствия к себе с показателями психологического благополучия [3], мы считаем возможным проанализировать влияние данного конструкта на субъективную витальность, которая в свою очередь рассматривается как отражение физического (организменного) и психологического благополучия человека (Ryan, Frederick, 1997 по [1]).

Методический инструментарий исследования представлен шкалой самосострадания (Self-Compassion Scale) К. Нефф, 2003; шкалой субъективного счастья (Subjective Happiness Scale) S. Lyubomirsky, Н. Lepper, 1999, в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина, 2003; шкалой субъективной витальности (Subjective Vitality Scale) Р. Райан, К. Фредерик, 1997, в адаптации Л.А. Александровой, Д.А. Леонтьева, 2014.

Эмпирическую базу исследования составляют подростки 16–18 лет (средний возраст 16.9). Общее количество испытуемых 60 человек, из них 23 человека (38%) — юноши, 37 человек (62%) — девушки.

Респонденты демонстрируют средний уровень субъективного счастья ($M=17.8$; $SD=5.05$). Deskриптивная статистика, применимая к шкале витальности, показала средний уровень выраженности показателя ($M=34.57$; $SD=8.89$). Таким образом, в целом респонденты демонстрируют средний уровень счастья, а также физического и психологического благополучия.

По шкалам методики сочувствия к себе максимальная выраженность обнаружена по показателю внимательности ($M=3.44$; $SD=0.81$), а минимальная – самокритики ($M=2.54$; $SD=1.07$). Все данные по методике находятся в области средних значений. Это говорит о том, что респонденты склонны непредвзято оценивать свои переживания, внимательно относиться к собственной эмоциональной сфере, без резкого осуждения собственных поступков.

Регрессионный анализ показал наличие статистически значимого влияния показателя самоизоляции на субъективную витальность ($R= .49$; $R^2= .24$; $\beta= .49$; $p=.0005$). Ощущение одиночества и непохожести собственных переживаний

трудностей на других людей снижает ощущение благополучия жизни субъекта. Мы склонны предполагать, что это может происходить из-за отсутствия ресурса социальной поддержки при предпочтении одиночества.

Ощущение субъективного счастья испытывает влияние показателя доброта к себе ($R = .52$; $R^2 = .27$; $\beta = .52$; $p = .00017$). Выявлено прямое влияние, что означает увеличение ощущения благополучия человека при добром и сострадательном отношении к собственной личности даже в случае неудачи.

Таким образом, нами выявлены такие предикторы благополучия и счастья подростков старшего школьного возраста, как самоизоляция и доброта к себе.

1. Александрова Л. А. Субъективная витальность как предмет исследования / Психология. Журнал Высшей школы экономики — 2014, т. 11 — № 1. С. 133–163.
2. Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф / Культурно-историческая психология — 2020, том 16 — № 4. С. 35—48. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160404>
3. Neff K. The development and validation of a scale to measure self-compassion / Self and Identity — 2003., Vol. 2. — № 2. P. 223—250. doi: 10.1080/15298860309027

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-6263.2021.2

Психэмоциональное состояние беременных женщин во время пандемии.

Субъективное благополучие, стресс, отношение к беременности, пандемия

Беременность является периодом расцвета женщины, поскольку в это время она готовится к главной своей роли- роли матери (вне зависимости от того, есть ли у нее уже дети или это первый ребенок). В это время она полна разнообразными переживаниями: радостью и тревогами, мечтами и ожиданиями. И в это же время женщина очень уязвима, ведь ее психика адаптируется к происходящим и будущим изменениям, и не всегда справляется с ними. Спокойствие и благополучие беременной женщины, по результатам многих исследований, зависят от ее внутреннего принятия беременности и во многом от окружения и той поддержки, которая ей оказывается со стороны близких и медиков. Психэмоциональное состояние беременной женщины, ее отношение к своей беременности, ее оценка своего благополучия напрямую влияет на течение и исход беременности и в дальнейшем на детско-материнское взаимодействие. Стресс, пережитый во время беременности, может влиять на ее течение, на способ родоразрешения, на психическое и физическое здоровье ребенка и матери. Об этом неоднократно говорится во многих исследованиях. Пандемия же поставила беременных женщин, как и весь мир, в совершенно новые условия. Ограниченность контактов, вынужденное пребывания дома, минимизация медицинского наблюдения, страх за здоровье близких, себя и ребенка — все эти факторы могут влиять на психическое и физическое здоровье будущей матери. Исследования показывают возросший уровень тревожности у всех групп населения и в частности, беременных женщин.

Изучение особенностей влияния стресса в связи с пандемией COVID -19 на течение беременности является очень важным для прогнозирования долговременных последствий для психического здоровья матери и ребенка, взаимодействия между ними, а также снижения рисков исхода беременности и осложнений во время родов. Целью настоящего исследования явилось изучение связи субъективной оценки опасений, вызванных пандемией, с отношением к беременности и уровнем стресса у женщин в разные триместры беременности во время пандемии.

В исследовании участвовали 58 беременных женщин, находящихся во 2 и 3 триместре беременности; наблюдавшиеся при женской консультации. Возраст исследуемых от 23 до 43 лет. Исследование проводилось во время т.н. второй волны пандемии (март- июнь 21), в очном формате. К психологу, собиравшему данные для исследования, женщины приходили для индивидуальных консультаций, либо для участия в группе будущих мам для подготовки к родам и материнству. Методы. Использовались следующие методики: тест отношений беременной; тест

тревожности Спилбергер-Ханина; шкала психологического стресса; шкала психологического благополучия. Также была предложена анкета с вопросами о семейном положении беременной, наличии других детей, а также субъективной оценке негативных факторов пандемии и т. д.

Мы предполагаем, что психоэмоциональное состояние беременных женщин связано с субъективной оценкой опасений, вызванных новой коронавирусной инфекцией. Уровень нервно-психического напряжения беременных связан с опасениями, вызванными пандемией, и различается на разных сроках беременности.

Наблюдения за эмоциональным состоянием беременных женщин, наблюдающихся в женских консультациях и приходящих на прием к психологу, свидетельствуют, что негативные факторы пандемии оказали в целом значительное влияние на психоэмоциональное состояние женщин во время второй волны пандемии. В связи с этим, до окончания пандемии следует направить дополнительную психологическую поддержку беременным женщинам для профилактики и коррекции нервно-психического напряжения, для формирования оптимальной материнской позиции, для рождения здоровых детей в настоящей и последующих беременностях.

1. Аникина В.О., Савеньшева С.С., Блох М.Е. Психическое здоровье женщин в период беременности в условиях пандемии.

Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 20-04-60386

ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Астраханцева А.М., Елманов Н.А.
Санкт-Петербург, НГУ им. П. Ф. Лесгафта

Психологический феномен телесности в бадминтоне

Психологическая подготовка в спорте, телесность, спортивные чувства, бадминтон, психология спорта.

Введение. Современная психология — область знания, перенасыщенная слабо упорядоченным эмпирическим и теоретическим материалом, что актуализирует проблему интеграции психологического знания (Балин В.Д., 2012). Это высказывание верно и для положения дел в психологии спорта. В нашей статье рассматривается как соотносятся между собой понятия «телесность» и «спортивные чувства» в психологии спорта и в смежной области — теории и методике физической культуры и спорта. На примере вида спорта — бадминтон.

Постановка проблемы. Изучение отдельных «спортивных чувств» в разных видах спорта началось практически сразу с возникновением самой психологии спорта (Пуни А.Ц., 1937). Но практически сразу это изучение пошло по пути количественных измерений отдельных характеристик этих «спортивных чувств». Понятие «человеческой телесности», возникшее на стыке естествознания, медицины и гуманитарного знания, является актуальным в том плане, что оно предназначено для характеристики социальных качеств человеческого тела. Человеческое тело, помимо действия общих законов жизни, подвержено влиянию закономерностей социальной жизни, которые, не отменяя первых, существенным образом модифицируют их проявление. В психологии «телесность» появилось после 1970-х гг. как интегративная категория, помогающая в междисциплинарных исследованиях, дающая этим исследованиям общеметодологический знаменатель. Т.о., телесность человека — это окультуренное тело. Тело со всеми его знаниями, умениями, навыками. Телесность не сводима к телу, она носитель тела, а тело — носитель телесности. В связи с рассмотрением телесности в психологии очень большой интерес представляет «единая теория психических процессов» Л.М. Веккера. Психология спорта изучает закономерности формирования и проявления самых различных психологических механизмов в спортивной (двигательной) деятельности. Фактически, другими словами, психология спорта изучает «двигательно окультуренное тело» (телесность).

Методы и результаты. Было проведено анкетирование тренеров по бадминтону по отдельным характеристикам телесности, специфичным для спортсмена — бадминтониста: т.н. «спортивным чувствам». В анкете представлены вопросы по девяти большим блокам «спортивным чувствам». Выборка: мужчин-21 чел.,

женщин-4 чел.; средний возраст-49 лет; средний тренерский стаж-18 лет; средний личный игровой стаж-17 лет.

Тренеры оценивали каждое «спортивное чувство» по его важности в баллах от 1-минимум до 10-максимум. Самые высокие средние показатели были выявлены у «чувства волана» и у «чувства партнера» по 9,3 балла. Самые низкие средние оценки у «чувства времени» =7,7 балла. Корреляционный анализ показал достоверно значимые корреляции между спортивной квалификацией тренера (разрядом) и «чувством волана»=0,7***; и «чувством игрового поля»=0,6**; и «чувством ракетки»=0,4*, и «чувством скорости»=0,4*. Между стаж работы тренером и «чувством ракетки»=0,5**; и «чувством волана»=0,45*. При этом возраст тренера не связан корреляционной зависимостью ни с одним из показателей. Отсутствуют значимые корреляции между оценкой «чувства времени» и библиографическими данными тренеров.

Выводы.

1. Психология спорта изучает закономерности формирования и проявления самых различных психологических механизмов в спортивной (двигательной) деятельности. Фактически, другими словами, психология спорта изучает «двигательно-окультуренное тело» (телесность).

2. Возраст тренеров не влияет на оценку ими важности «спортивных чувств».

3. Наибольшее число значимых корреляций — 4 имеет спортивная квалификация самого тренера (его разряд). Следующее по количеству (3 значимых) — образование тренера.

4. «Чувство волана» и «чувство партнера» получили самые высокие средние оценки по 9,3 балла.

1. Балин В. Д. Введение в теоретическую психологию / В. Д. Балин. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. 232 с.
2. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов / Л.М.Веккер. — М.: Смысл, 2000. — 685 с.

Отношение к себе спортсменок, занимающихся художественной гимнастикой

Самоотношение, художественная гимнастика

В настоящее время в современном обществе все чаще ведущим фактором отношений выступает внешняя привлекательность. Средства массовой информации поддерживают мнения о том, что личностная, профессиональная, социальная успешность зависит от внешнего вида человека. В профессиональной деятельности спортсменов внешность также является одним из факторов успешности. В видах спорта, где внешний вид спортсмена играет важную роль в его рейтинге и оценки его деятельности, внешняя привлекательность становится одним из слагаемых успеха.

Современная художественная гимнастика диктует серьезные требования к спортсменкам. Гимнастикой начинают заниматься с ранних лет (с 3–4 лет) и оценка тренера и детского коллектива важна для каждой спортсменки. Гимнастки должны обладать гибкостью, выносливостью, координированностью, для того, чтобы выполнять сложные движения телом и комбинации с предметами.

Важной составляющей успеха в любой деятельности является то, как индивид относится к себе, к своему Я, учитывая психологическое основание, влияющие на формирование представления человека о своем теле.

Цель исследования: определить уровень самоотношения спортсменок, занимающихся художественной гимнастикой. Методики: методика исследования самоотношения В.В. Столина, С.Р. Пантлеева (ОСО), «Образ собственного тела» (О.А. Скугаревский и С.В. Сивуха) (ООСТ), проективная методика рисунок человека (К.Маховер, Ф.Гудинаф). В исследовании принимали 34 девушки в возрасте 15–18 лет, занимающиеся художественной гимнастикой (КМС, МС). Все участницы исследования более 12 лет занимались спортом.

Результаты исследования. Описывая полученные результаты опросника ОСО, можно говорить о доминировании по шкале ожидаемого отношения других (84%). Такие характеристики личности как самопринятие, самопонимание и самоуверенность были продемонстрированы в 36–40% случаях. Данные по шкале самоуважение была показана в доминировании в 32% случаев. Согласно полученным данным по методике ООСТ в большинстве случаев, девушки участвующие в исследовании выказали неудовлетворенность своим телом (в 72% случаев). Интерпретируя данные проективной методики «Рисунок человека» можно говорить о том, что спортсменки изображали в большинстве случаев на рисунке гимнастку с «идеальной фигурой», рисунки имели инфантильный характер, отмечалась некоторая детскость в изображении человека. Описывая рисунки можно говорить о выраженных характеристиках: социальную приспособленность, легкость установления контактов с окружением, эмоциональность, повышенное внимание к себе. Полученные данные, говорят о том, что прослеживается явная тенденция к тому, что негативно оценивая себя, свое тело, у гимнасток растут ожидания от других людей, в их оценках и отношении. Можно предположить, что от оценок из вне, по

всей вероятности, складывается самоотношение и самопринятие своей индивидуальности. В силу этого компенсаторным механизмом выступает некоторая инфантильность в собственном образе. В психокоррекционной деятельности становится важным поддерживать самооценку у спортсменов, научать их осознавать свои чувства и эмоции, побуждения, стремления, осознавать свою значимость, развивать саморегуляцию и положительное принятие себя как уникального индивида в спортивной деятельности и в социуме вообще.

В качестве перспективы нашего исследования предполагается: систематизировать симптомокомплекс выявленных личностных свойств спортсменов; выявить ценностные ориентации гимнасток; сравнить полученные данные с другими выборками (другие виды спорта, гендерные различия), разработать практические рекомендации для тренеров и спортсменов с целью повышения осознанности Я-физического и совершенствования механизмов саморегуляции.

1. Аверин В.А. Психологическая структура личности / Аверин В.А.// Психология личности: учеб. пособие. — СПб.: Изд-во Михайлова В.А.,1999. — 89 с.
2. Быховская И.М. 1. «Человек телесный» в социокультурном пространстве и времени. — М., 1997. — 212 с.

Стабилизации (регуляции) психоэмоционального состояния спортсменов посредством нейросенсорной коррекции

Психоэмоциональная регуляция, билатеральная стимуляция, кожно-гальваническая реакция, биологическая обратная связь, негативные психологические установки, ментальная травма.

Введение. Спортсмены нередко переживают травматические события, которые могут послужить формированию негативных психологических установок (страх перед сильным соперником, боязнь травмирования и пр.), что может существенно повлиять на итоговую результативность, как в индивидуальных, так и в групповых видах спорта. К основным типам деструктивных реакций, способствующим повторному эмоциональному переживанию травмирующего события, можно отнести усиление тревожного состояния и эмоционального возбуждения, которые проявляются автоматически при попадании в аналогичную ситуацию (например, соревнования) и часто не поддаются контролю. Естественным, в таком случае, становится избегающее поведение, если не достаточно знаний и ресурсов совладать с травмирующими эпизодами.

Любое событие остается в памяти, и может возникнуть в виде воспоминаний, включающих в себя определенные переживания и связанные с ними физические ощущения, и, как правило, состоит из набора определенных мультисенсорных образов, которые могут послужить репереживанию. Необходимо изменить сформированную патологическую реакцию спортсмена (тремор, нарушение координации движений, общая мышечная скованность, учащенное сердцебиение и пр.).

Цель — снизить выраженность психоэмоциональных реакций на негативные психологические установки и воспоминания, повысить уровень эмоциональной устойчивости

Методы и организация пилотного исследования. Исследование проводилось на базе СПбНИИФК с участием 3 спортсменов (МС, МСМК) различных видов спорта, отмечалось нестабильное психоэмоциональное состояние, не позволяющее реализовать имеющиеся навыки в условиях соревнований, несмотря на отличные результаты в тренировочной деятельности (средний возраст 27 лет).

Метод сенсорной переработки информации (MSPI) [1] проходил в четыре этапа: 1) индивидуальный подбор слов-триггеров; 2) достижение расслабленного состояния респондента, контролируемого по ЭКС; 3) предъявление триггеров, ассоциируемых с негативными переживаниями; 4) предъявление триггеров, ассоциируемых с положительным опытом, ресурсными состояниями. Сеанс завершался автоматически, как только происходило нивелирование психоэмоциональных скачков и стабилизация состояния (по динамике ЭКС).

На экране монитора предъявлялись стимулы (слова-триггеры) на фоне билатеральной стимуляции циклически плавно смещаемыми визуальными, слуховыми и тактильными стимулами. Для оценки психоэмоционального реагирования проводилась регистрация электрокожного сопротивления (ЭКС). Задача респондента заключалась в слежении за световым сигналом.

В завершении сеанса респондентом проводилась субъективная оценка дискомфорта в ответ на первоначальную проблему, по десятибалльной шкале, где 1- не беспокоит, 10- очень сильно беспокоит (ощущения), а также по выраженности показателей ЭКС. Продолжительность отдельного сеанса обычно составляла 50–90 минут, где 15–60 минут отводилось беседе и 30 минут — взаимодействию с программно-аппаратным комплексом. Курс составлялся индивидуально для каждого спортсмена и включал 6–12 сеансов.

Результаты и их обсуждение. На фоне предъявления триггеров спортсмены отмечали наличие воспоминаний, связанных с ресурсными состояниями, что позволило осуществить перенос положительного эмоционального фона из прошлых успешных событий в предстоящие события. Полученные результаты свидетельствуют о снижении выраженности психоэмоциональных реакций на негативные воспоминания и установки, в среднем на 86 %. Спортсмены отметили снижение уровня волнения, тревожности, страха и неуверенности, что позволило им занять призовые места.

Основное положительное влияние применяемого метода у респондентов было связано со снижением выраженности психоэмоциональных переживаний и реакций, связанных с пережитым травматическим опытом. Проведение нейросенсорной коррекции успешно десенсибилизирует травматические воспоминания и снижает чувство дискомфорта в среднем на 86 %.

1. Способ снижения психологической значимости негативных психоэмоциональных установок и воспоминаний: пат. 2728268 Рос. Федерация. № 2020100109; заявл. 09.01.20; опубл. 28.07.20, Бюл. №21 (II ч.). 5 с.

Галашин В.А.
Ярославль, ЯРГУ им. П.Г.Демидова

Огородова Т.В.
Ярославль, ЯРГУ им. П.Г.Демидова

Галашина А.В.
Ярославль, ЯГПУ им. К.Д.Ушинского

Влияние мотивации достижения на стрессоустойчивость спортсмена- стрелка высшей квалификации

*Мотивация достижения, стрессоустойчивость, спорт высших достижений,
мотивация избегания неудач*

Мотивация достижения/избегания неудач является одним из важнейших факторов, определяющих успешность, а также индивидуальный стиль спортсмена. При этом в психологии спорта нет однозначного понимания этой личностной характеристики.

С одной стороны, существует мнение о «всесилии» мотива достижения, в значительной степени, определяющем успех, что спортсмены с преобладанием мотивации достижения показывают более лучшие и стабильные результаты (Д.А.Донцов 2019, М.В.Китаева, 2006, В.В.Находкин, 2007, Пилюян Р.А, 2002 и др.). Подход зарубежной психологии, который описывает В.К.Сафонов, выделяет две установки — ориентация на результат (достижение успеха) и ориентация на решение задачи (избегание неудач). На наш взгляд, именно данное направление позволяет объяснить такое сложное и важное в практическом плане явление, как взаимосвязь мотивации достижения и стрессоустойчивости спортсмена.

Целью нашего исследования является определение влияния мотивации достижения на стрессоустойчивость спортсмена-стрелка высшей квалификации. В исследовании приняли участие спортсмены-стрелки высшей квалификации (участники Олимпийских игр, Заслуженные мастера спорта, Мастера спорта России международного класса) — 21 человек. Диагностический материал включал: Модификация тест-опросника А.Мехрабиана

(М.Ш. Магомед-Эминов); тест самооценки стрессоустойчивости (С.Коухена и Г.Виллиансона).

Результаты исследования. Установлено, что среднее значение мотивации (МДср=155,6) достижения в исследовании спортсменов-стрелков высшей квалификации находится в пограничной зоне с тенденцией к мотивации избегания неудач. В соответствии с интерпретацией теста доминирование стремления к успеху находится в диапазоне от 165 до 210 и от 76 до 164 — доминирование стремления избегать неудачи. На первый взгляд, полученный результат кажется не вполне логичным. У спортсменов, составляющих элиту российского стрелкового спорта, преобладает мотивация избегания неудач? Дальнейший анализ позволил разрешить это «противоречие».

Методом корреляционного отношения (η^2) определялись детерминационные (причинно-следственные) связи между мотивацией достижения и

стрессоустойчивостью. Установлено взаимовлияние мотивации достижения и стрессоустойчивости (прямое влияние $\eta^2=0,91$, обратное влияние $\eta^2 =0,62$). Для интерпретации полученного результата важно отметить, что корреляция между этими показателями отрицательная и соответствует ($r= - 0,482$; $p=0,027$).

Таким образом, повышение мотивации достижения у спортсмена приводит к снижению стрессоустойчивости. Соревнования международного уровня, выступление в качестве представителя сборной команды страны, несмотря на большой опыт, актуализируют у спортсмена повышенное чувство ответственности, высокую эмоциональную напряженность, что приводит к повышению уровня стресса. В данной ситуации, именно мотивация избегания неудач является тем компенсаторным механизмом, позволяющим спортсмену-стрелку оптимизировать эмоциональное состояние, регуляторные функции стрессоустойчивости.

1. Донцов, Д.А., Денисова К.И. Мотивационные особенности спортсменов юношеского возраста. //Человеческий фактор, №7(127), 2019. — С.168–177.
2. Китаева, М. В. Психология победы в спорте: учебное пособие / М. В. Китаева. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. — 203 с.
3. Находкин, В.В. Мотивация достижения успеха как основа отбора в соревновательной деятельности единоборцев // Вестник ЯГУ им. М.К.Аммосова. — Том 6, №4. — 2009. — С.64–69.
4. Пилюян, Р.А. Мотивация спортивной деятельности // М.: Физкультура и спорт, 1984. — 104 с.
5. Сафонов, В.К. Психология спортсмена: слагаемые успеха/ В.К. Сафонов. Изд. 2-е, М.: Спорт, Человек, 2019. — 218 с.

Компоненты профессионального благополучия и психологическая подготовка спортсмена

Профессиональное благополучие, психологическое благополучие, психологическая подготовка спортсмена

Спортивная деятельность имеет свою специфику и своеобразие, как деятельность, требующая максимального напряжения психологических и физических ресурсов человека. Как отмечает В.К. Сафонов, спорт является единственной сферой деятельности, в которой человек сознательно стремится к максимальным нагрузкам, видя в этом единственное условие расширения своих возможностей [3]. Вместе с тем, значительные усилия спортивных психологов направлены на то, чтобы определить наилучшую стратегию психологической подготовки спортсменов. Как указывает Г. Горская, в настоящее время планирование психологического сопровождения базируется на принципах индивидуализации, учета специфики вида спорта, а также влияния на спортсменов многообразных средовых факторов как связанных, так и не связанных со спортивной деятельностью [1]. Наши исследования показали, что психологическое благополучие взаимосвязано со многими личностными характеристиками и успешностью профессиональной деятельности [2], и оно может стать концептуальным основанием для уточнения программы психологической подготовки спортсмена.

В нашем исследовании, направленном на уточнение компонентов психологического и профессионального благополучия в его практически-жизетском понимании, приняли участие 94 спортсмена в возрасте от 18 до 27 лет, использовали метод эссе с последующим контент-анализом. Были выявлены 11 категорий (580 единиц счета). Стрессоустойчивость и способность к саморегуляции (27%). Важна предстартовая саморегуляция, в процессе соревнований, после побед и поражений. Достижение цели (20%) понимается как собственно результативность, наличие мотивации достижения, направленность и постоянство тренировочной деятельности. Здоровье (15%) — как физическое здоровье, выносливость, работоспособность, грамотное распределение нагрузок, здоровый образ жизни. Позитивные и поддерживающие отношения (14%). Особо подчеркивается способность тренера давать конструктивную обратную связь. Компетентность и профессионально важные качества спортсмена (13%) — знания, умения, навыки, автоматизмы, ответственность, дисциплинированность, адаптивность, сила воли, уверенное поведение и позитивное мышление. Гармоничность личности (4%) — самопринятие, адекватная и позитивная самооценка, общий кругозор и культура личности. Автономия (2,5%) — как способность делать свой выбор, принимать решения, самостоятельность. Удовольствие от своей деятельности (2%) — как психологическая удовлетворенность и удовольствие от физической активности.

Наличие модели будущего (1,7%) — видение себя тренером, передающим опыт, человеком, создавшим свою семью. Патриотизм (0,4%) — как способность достойно представлять страну на международной арене. Финансовый достаток (0,4%) — как наличие средств для продолжения спортивной деятельности.

В качестве приоритетных предварительно определены две группы компонентов профессионального благополучия спортсменов: психологические и социально-психологические компоненты (саморегулятивные процессы, стрессоустойчивость, мотивация достижения и целеустремленность, система отношений (тренер, семья, команда, сверстники, соперники)); физические компоненты: здоровье, выносливость, работоспособность, адекватные нагрузки. Менее приоритетные, но значимые компоненты: профессионально важные качества спортсмена, развитие себя как личности. Малозначимые компоненты: автономия, удовольствие от своей деятельности, наличие модели будущего, финансовое благополучие, патриотизм.

1. Горская Г. Психологическое сопровождение подготовки спортсменов к Олимпийским играм / Г. Горская // Наука в олимпийском спорте. — 2019. — №4. — С. 41–45
2. Зиновьева Д.М., Водопьянова Н.Е., Чернов А.Ю., Панкратова Е.В. Субъектные и межличностные характеристики работников с разным уровнем психологического благополучия // Мир науки. Педагогика и психология, 2019
3. Сафонов В.К. Психология спорта как направление психологической науки / В. К. Сафонов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. — 2012. — №2. — С. 42–49

Ведение спортивных дневников в разных видах спорта

Психологическая подготовка, психология спорта, спортивный дневник, спортивная педагогика, психологическое обеспечение спорта

Введение. Дневник спортсмена является одной из форм самоконтроля при занятиях физической культурой и спортом, позволяет проводить анализ спортивной деятельности [1]. Существуют свидетельства о пользе дневниковых записей и в психологической подготовке спортсмена [2].

Постановка проблемы. В настоящее время нет общепринятых форм ведения спортивного дневника, которые доказали бы свою эффективность. Вероятно, разные виды спорта, обладая различной направленностью проявления двигательных и психологических качеств, требуют разных форм ведения дневника. Важным этапом исследования и разработки является изучение текущего состояния вопроса, поэтому изучение использования спортивных дневников в разных видах спорта является актуальным.

Выборка. В исследовании приняли участие 294 спортсмена из 47 видов спорта, квалификация от 1 разряда до МСМК. Ответы спортсменов были разделены на группы в соответствии с олимпийской классификацией видов спорта: скоростно-силовые (35 человек), циклические (61), единоборства (41), многоборья (15), спортивные игры (58), гимнастика (53), танцы/ фигурное катание (31).

Методы. Нами изучалось наличие спортивных дневников и характер записей, которые спортсмены делают в дневнике с помощью анкетирования. Респондентам предлагалось оценить, какой процент участников спортивной группы, к которой принадлежит опрашиваемый, используют спортивный дневник, и по этой переменной выявлялась значимость различий между группами видов спорта. Также был рассчитан процент упоминания наличия дневников в спортивной группе от общего числа спортсменов каждой группы видов спорта. Спортсменам, которые ведут дневник, предлагалось также оценить записи по шкале, противоположными полюсами которой являлись внешние (описание заданий, результаты) и внутренние (ощущения, чувства) характеристики. Каждый ответ был отнесен к одной из трех категорий – «внешние», «смешанные» или «внутренние», были рассчитаны процентные соотношения этих категорий внутри групп видов спорта.

Результаты и обсуждение. Были выявлены значимые различия по использованию дневников между группами видов спорта по критерию Краскелла-Уоллиса ($H = 47$, $df = 6$, $p .001$) с последующей проверкой тестом Данна с поправкой на множественные сравнения Бонферрони. Парные сравнения выявили значимые различия между циклическими видами спорта и гимнастикой ($p .05$), спортивными играми ($p .001$), и танцами ($p .01$). Также выявлены различия между спортивными играми и единоборствами ($p .05$) и скоростно-силовыми видами спорта ($p .001$).

Определены группы видов спорта, в которых практика ведения спортивных дневников не слишком распространена, это гимнастика, спортивные игры и танцы, соответственно, 58, 41 и 52% от общего количество опрошенных в группе видов спорта. Наибольшее количество дневников отмечено в группе циклических видов спорта — 93%, 83% — в скоростно-силовых видах (метания, прыжки), 80% — в спортивных единоборствах и многоборьях.

На вопрос анкеты о внешних и внутренних характеристиках записей в дневниках получен 181 ответ. Почти во всех группах видов спорта в дневниковых записях преобладают «смешанные» характеристики — 60% в гимнастике, 54% в единоборствах, 64% в многоборьях, 68% в спортивных играх, 64% в танцах, 58% — в циклических видах. Исключение составляют скоростно-силовые виды спорта, в которых все характеристики представлены почти равномерно — 29, 39 и 32% соответственно. Во всех остальных группах видов спорта, после смешанных характеристик наиболее представлены внутренние.

Выводы. Выявлена неоднородность по количеству использования спортивных дневников и распределению в дневниковых записях внешних и внутренних характеристик в разных группах видов спорта.

1. Холодов Ж.К. Теория и методика физической культуры и спорта / Ж.К. Холодов, В. Кузнецов // М.: Академия. — 2014.
2. Тиунова О.В. Схема психолого-педагогического сопровождения спортивной подготовки / О.В. Тиунова // Проблемы совершенствования физического воспитания студентов. — 2010. — С. 192–193.

Экспериментальное исследование агрессивности и психологических защит спортсменов

Агрессивность, спортсмены, психологические защиты

Введение. Проблеме агрессивности в спортивной деятельности уделяется пристальное внимание в трудах Б.Дж. Кретти (1978), В.К. Сафонова (2003), Н.Е. Невяровича (2000), Н.А. Худадова (1997).

Управление агрессивностью представляется одной из важных задач во многих видах спорта, даже там, где физический контакт поощряется, и она может быть направлена на другой объект. В ряде случаев агрессивное поведение может выступать как проявление работы защитных механизмов и служить сигналом интенсификации психологической защиты спортсмена — системы механизмов и способов психической саморегуляции сознания и поведения в экстремальных для психики условиях спортивной деятельности.

Для спортсменов характерен повышенный уровень агрессивности, контролируемый сознанием и волей, что ставит агрессивность в ранг спортивно важных психических свойств, требующих изучения и соответствующих методов спортивного воспитания.

Организация и методы исследования. Для определения степени и форм проявления агрессивности и использования различных видов психологических защит было проведено исследование с 60 спортсменами, представляющими различные виды спортивно-боевых единоборств. Исследование проводилось с использованием психодиагностических методик: опросника агрессивности Басса-Дарки, опросника Келлермана-Плутчика-Конте, опросника агрессивности А. Ассингера.

Результаты и их обсуждение. По опроснику агрессивности А.Ассингера представители спортивно-боевых единоборств показали результат $38,57 \pm 0,59$, им свойственна конструктивная агрессивность, описанное поведением не провоцируют конфликтные ситуации.

По опроснику агрессивности Басса-Дарки спортсмены продемонстрировали следующие результаты по шкалам «Физическая агрессия» ($5,97 \pm 0,25$), «Косвенная агрессия» ($4,53 \pm 0,25$), «Подозрительность» ($4,27 \pm 0,26$), «Обида» ($3,90 \pm 0,23$), «Чувство вины» ($5,78 \pm 0,26$), «Раздражение» ($5,12 \pm 0,24$), что соответствуют средним значениям, не имеют каких-либо отклонений от нормы. По шкале «Негативизм» они набрали — $3,48 \pm 0,30$ баллов, представители спортивно-боевых единоборств в меньшей степени склонны к проявлению скрытой враждебности. Свою агрессивность спортсмены предпочитают в большей степени выражать с помощью вербальных средств, показатели по шкалы «Вербальная агрессия» — $6,56 \pm 0,30$. Показатель индекса агрессивности равен — $17,05 \pm 0,54$ баллов, что ниже установленной нормы ($21,00 \pm 4,00$), показатель индекса враждебности ($8,17 \pm 0,39$) также соответствует установленной норме ($6,50 - 7,00 \pm 3,00$). Такие результаты дают основание предположить о низкой склонности спортсменов к проявлению реакций,

вызывающих негативные чувства и негативные оценки людей и событий, а использовании форм агрессивности преимущественно в тактических целях ведения поединка.

Анализ результатов диагностики степени использования спортсменами различных видов психологических защит выявил, что в наибольшей степени представители спортивно-боевых единоборств используют механизм «Рационализация» — $58,68 \pm 2,82$ баллов. Применяя механизм рационализации, спортсмены стараются оправдать неприемлемую спортивную ситуацию, объясняя неудачи внешними причинами, а успехи — личной заслугой. В наименьшей степени спортсмены используют механизм «Замещение» ($29,17 \pm 2,52$), этот защитный механизм применяется для разрешения конфликта, связанного с эмоцией гнева, следовательно, подавляется и агрессивность. Остальные механизмы психологических защит используют в равной степени, об этом свидетельствуют результаты шкал «Проекция» — $46,50 \pm 2,47$ баллов, «Компенсация» ($51,50 \pm 2,84$), «Гиперкомпенсация» ($39,83 \pm 2,92$), «Отрицание» ($51,13 \pm 2,33$), «Вытеснение» ($36,50 \pm 2,07$) и «Регрессия» ($33,50 \pm 2,33$).

Выводы. Таким образом, учёт взаимосвязей между агрессивностью и степенью использования спортсменами различных видов психологических защит позволит индивидуализировать тренировочный процесс в спортивно-боевых единоборствах и повысить их успешность в соревновательной деятельности.

1. Бызова, В.М. Отношение спортсменов к проявлению агрессии / В.М. Бызова // Ананьевские чтения – 2000: 20 лет специализации «Психология спорта»: тез. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 25–27 окт. 2000 г. / С.-Петерб. гос. ун-т, под ред. А.А.Крылова. — СПб., 2000. — С. 14–16.
2. Воронов, И.А. Психотехника восточных единоборств (Восточно-азиатская классическая концепция психологической подготовки единоборцев) / И.А. Воронов. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2006.— 432 с.
3. Кретти, Б.Дж. Психология в современном спорте / Б.Дж. Кретти. М.: Физкультура и спорт, 1978. — 224 с.
4. Марищук, Л.В. Психологические защиты и психологическая подготовка в спорте / Л.В. Марищук, Е.В. Валяк // Ученые записки: сб. рец. научн. тр. / редкол.: М.Е. Кобринский (гл. ред) и др.; Белорус. гос. ун-т. физ. культуры. — Минск: БГУФК, 2008. — Вып. 11. — 247 с.
5. Сафонов, В.К. Агрессия в спорте / В.К.Сафонов. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. — 159 с.

Коваль Т.Е.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Лукина С.М.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Ярчиковская Л.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Психологические аспекты онлайн коммуникаций в студенческом спорте

Онлайн коммуникации в спорте, электронные платформы и гаджеты для онлайн регистрации результатов в циклических видах спорта, online спортивные мероприятия по северной ходьбе

Психологические аспекты обучения в среде Интернет, массовое проведение спортивных мероприятий (соревнований и фестивалей), всепоглощающее функционирование человека в виртуальной среде несет как широчайшие возможности, так и достаточно серьезные ограничения, связанные с многократно зафиксированными рисками [1].

В психологию спорта активно вошли такие понятия как: киберпсихология, дистанционный формат тренировочного процесса, виртуальная среда, онлайн соревнования и спортивные фестивали, спортивные гаджеты. Онлайн формат создает комфортные условия для творчества, повышает творческий и интеллектуальный потенциал студентов за счет самоорганизации, умения взаимодействовать с компьютерной техникой и самостоятельно принимать ответственные решения. В то же время интернет-пространство характеризуется спецификой, которая может составить потенциальные угрозы для успешности обучения в нем.

Цель исследования — проанализировать психологические аспекты и направления развития онлайн коммуникаций в студенческом спорте. Анализ психологических особенностей онлайн коммуникаций и направления их развития в студенческой среде был проведен на кафедре физической культуры и спорта СПбГУ со студентами, занимающимися циклическими видами спорта (кроссовый бег, велосипедный спорт, лыжный спорт (лыжные гонки), спортивная ходьба, северная ходьба). Основной метод — это опрос студентов.

В результате опроса было установлено, что наиболее популярными в онлайн спортивной среде являются использование таких инструментов как: спортивные часы (Suunto, Garmin, и т.д.); фитнес-браслеты (Apple, Xiaomi и т.д.); различные сервисы для отслеживания активности спортсменов с помощью мобильных устройств (Strava, Runtastic, RunKeeper и т.д.); электронные платформы для регистрации активности спортсменов, проведения онлайн мероприятий и тренировок; беговые интернет-проекты (с сервисами для циклических видов спорта), включающие веб-издание, сервис онлайн-консультаций, платформу регистрации спортивных мероприятий и выведение результатов соревнований в виде протоколов, средства активной коммуникации участников, зарегистрированных на данном портале (NewRunners, S10.RUN и т.д.). На беговой дорожке в помещении

использовались показания датчиков с беговой дорожки. В качестве эксперимента в СПбГУ среди студентов были проведены три крупных онлайн турнира по северной ходьбе «Весне навстречу», «Марш Победы», «100 километров от Рождества до Рождества». Турниры были инициированы кафедрой физической культуры и спорта СПбГУ и проведёны в период с начала мая по конец декабря 2020 года среди студенческих клубов Российской Федерации. В турнире приняли участие 12 студенческих клубов РФ, численность участников составила 350 человек. В результате проведенного опроса, более 280 студентов, были выделены следующие психологические преимущества обучения и тренировок в киберпространстве в циклических видах спорта: возможность принять участие в массовом спортивном мероприятии, не нарушая режима самоизоляции; свободный выбор времени тренировки; возможность организовать заход в ранние утренние часы или поздние вечерние часы, свободное место участия; творческий подход к составлению своего личного маршрута; отсутствие необходимости материальных затрат на поездку, проживание и питание при проведении турнира и другие. В проведенном опросе 99% респондентов дали высокую оценку использованию онлайн коммуникаций и киберпространства. Особое внимание респондентами было уделено таким критериям, как мотивация к спортивной деятельности в период самоизоляции, повышенная ответственность к выполнению турнирных заданий, ощущение коллективного участия в тренировках и спортивных онлайн турнирах.

1. Войскунский А.Е. Киберпсихология в прошлом, настоящем и будущем / А.Е. Войскунский // Журнал практического психолога. — 2010. — № 4. — С 7–16.

Особенности эмоционально-личностной сферы спортсменов-конников

Психологические характеристики спортсменов-конников, тревожность, копинг-стратегии

Эмоциональное напряжение спортсмена-конника обусловлено широким спектром факторов: общих и специфичных для конного спорта. Это обуславливает роль психологических факторов в эффективной подготовке спортсменов-конников и профилактике состояний нервно-психической дезадаптации.

Целью исследования явилось изучение эмоционально-личностных особенностей спортсменов-конников, специализирующихся в области выездки и конкура. Задачами исследования стало выявление общего уровня невротизации, а также структуры и уровня ситуативной и личностной тревожности; выявление структурных особенностей личностей испытуемых и стратегий стресс-преодолевающего поведения спортсменов, занимающихся конным спортом; сопоставление особенностей личностно-эмоциональной сферы и стресс-преодолевающего поведения спортсменов-конников, занимающихся выездкой и конкуром, а также спортсменов-конников — профессионалов и любителей.

Всего было исследовано 62 человек: 46 — женщин, 16 — мужчин. Среди исследованных спортсменов — профессионалов: 4 мастера спорта международного класса, 15 мастеров спорта, 10 кандидатов в мастера спорта, 2 спортсмена II-го разряда. Все 30 человек спортсменов-любителей имеют II разряд. Для реализации целей и задач исследования все исследованные спортсмены-конники были разбиты на две группы: 1 — спортсмены, специализирующиеся в выездке (30 чел.), 2 — спортсмены, специализирующиеся в конкуре (32 чел.). Кроме того, сопоставление результатов исследования проводилось в группах спортсменов-любителей (выездка-15 чел., конкур- 16 чел.) и спортсменов-профессионалов (выездка-15чел., конкур-16). По социально-демографическим характеристикам данные группы спортсменов-конников сопоставимы.

Психодиагностический комплекс включал следующие методики: «Шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации» (УН), «Интегративный тест тревожности» (ИТТ), «Большая пятерка», психодиагностический опросник «Способы копинга» Р. Лазаруса.

Анализ особенностей эмоционального состояния спортсменов-конников позволил на фоне преимущественно нормативного уровня невротизации спортсменов выявить группы риска — любители, занимающиеся выездкой и профессионалы, занимающиеся конкуром, у которых значения показателей соответствуют высокой степени выраженности невротизации. Личностная тревожность у спортсменов-конников выше, чем ситуативная, причем уровень тревожности в целом выше у спортсменов, занимающихся выездкой и у любителей, по сравнению с конкурристами и профессионалами.

Анализ личностных особенностей спортсменов-конников показал, что с ростом спортивного мастерства отчетливо прослеживается тенденция к росту самосознания и кооперации. Ведущей стратегией совладающего поведения спортсменов-конников является «планирование решения проблемы». При решении проблемной ситуации конкурсты больше контролируют свои чувства (выше уровень самоконтроля), а представители группы «выездка» склонны видеть положительные стороны в затруднительной ситуации; они также чаще прибегают к использованию различных видов социальной поддержки. К использованию неконструктивной копинг-стратегии «конфронтация» в большей степени склонны профессионалы, а также конкурсты.

Анализ взаимосвязи особенностей личностно-эмоциональной сферы и стресс-преодолевающего поведения спортсменов-конников показал, что чем выше уровень самосознания спортсменов, занимающихся выездкой, тем реже они прибегают к использованию неконструктивной копинг-стратегии «бегство». Также было выявлено, что чем больше в структуре их эмоционального состояния выражен астенический компонент тревожности, тем чаще они обращаются к своему окружению за эмоциональной, информационной и действенной поддержкой.

Полученные в результате клинико- и экспериментально-психологического исследования данные могут служить основой для разработки индивидуальных программ психологического сопровождения и психокоррекции спортсменов-конников с учетом их спортивной специализации (выездка, конкур) и уровня спортивного мастерства (профессионалы, любители).

Особенности самооффективности спортсменов с травмами конечностей

Самооффективность, спортивная травма, спортсмены, спортивная деятельность

Самооффективность определяется как представления человека о собственных возможностях и уверенность в способности достигать цели в различных сферах деятельности (Бандура А., Корниленко Д.С., Фоминых А.Я.). В спортивной психологии, самооффективность выступает как наиболее точный предиктор производительности и успешности спортивной деятельности. Самооффективность в области здоровьесбережения – это профессионально важная компетенция спортсмена, так как спорт высших достижений предполагает совершенно иной уровень понимания оффективности выполняемых действий, особенно в отношении сохранения и укрепления здоровья [1]. Ситуация спортивной травмы предполагает максимальную нацеленность на восстановление и оценку успешности своей работы. Мы предполагаем, что самооффективность спортсмена в ситуации травмы имеет специфику в зависимости от уровня занятий спортом.

Выборка представлена спортсменами-мужчинами с травмами конечностей: профессиональные спортсмены (32 исследуемых) и спортсмены-любители (30 исследуемых), средний возраст — 22 г. В исследовании использовались методики: «Индекс отношения к здоровью» С.Д. Дерябо, В.А. Ясвина, 1999г., «Опросник исследования здоровьесберегающей деятельности» Н.В. Яковлевой, В.В. Яковлева, 2012г, "Уровень субъективного контроля" Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда, 1984г.

Было выявлено, что самооффективность с сфере здоровьесбережения связана с эмоциональным отношением профессионального спортсмена к здоровью, что является вполне понятным. Сильные эмоции и переживания в отношении состояния своего здоровья связаны со снижением самооффективности. Также отмечается отрицательная взаимосвязь с целеполаганием в области здоровьесбережения. При этом ряд исследователей (Корниенко Д.С., Бабаева Ю.Д.) отмечают, что самооффективность влияет на различные аспекты целенаправленного поведения: на выбор и постановку целей, интенсивность и длительность усилий по преодолению препятствий, вероятность возобновления активности после неудачи. Так, можно говорить о вероятностном снижении самооффективности в ситуации травмы из-за неясности будущего и стремлении как можно быстрее вернуться к прежней форме. Кроме того, самооффективность коррелирует с интернальностью в отношении здоровья и болезни. При этом у спортсменов-любителей, самооффективность в отношении укрепления здоровья связана только с локусом-контроля в отношении неудач. Данная особенность позволяет нам говорить, что самооффективность спортсменов занимающихся спортом профессионально опосредуется большим о

количеством показателей и соответственно требует сложной системы психокоррекционных мероприятий.

При этом, факторный анализ демонстрирует, что здоровьесбережение в ситуации травмы у профессиональных спортсменов не детерминируется представлениями об их самоэффективности. В основе лежит положительное отношение к здоровью, внутренний локус-контроля, эталоны здоровья. Спортсмены-любители же стремятся сохранять свое здоровье за счет опоры на представления об успешности своей деятельности (фактор 6 представлен компонентом «Самоэффективность в области здоровьесбережения» и объясняет 5,71% дисперсии переменных). Любительский спорт в целом имеет под собой цель укрепления здоровья и вполне логично, что здоровьесбережение детерминируется представлениями о своей успешности и эффективности. Однако отсутствие данного фактора в модели профессиональных спортсменов позволяет говорить о необходимости дополнительных исследований в этой области.

Таким образом, несмотря на то, что подчеркивается важность адекватного понимания успешности своей деятельности профессиональных спортсменов с травмами, этот компонент не всегда выступает регулятором деятельности спортсмена, в отличие от спортсменов-любителей. В связи с этим можно говорить о перспективах коррекции самоэффективности в отношении здоровья как критерия психического здоровья.

1. Донцов Д.А., Денисова К.И. Связь мотивационных и личностных параметров у юных спортсменов // Образовательные технологии. — 2019. — №4. — С. 124–136.

Взаимосвязь метакогнитивных умений и готовности тренера к профессионально-педагогическому саморазвитию

Метакогнитивные умения, саморазвитие, профессионально-педагогическая деятельность

Современный спорт высших достижений требует выдающихся способностей от тренера. Важную роль в подготовке спортсменов играет мастерство тренера, которое во многом определяется психологическими особенностями личности, способствующими достижению высоких результатов. Успехи спортсменов в большей степени зависят от знаний, умений тренера, его педагогического таланта, когнитивных навыков, управленческих, коммуникативных и других профессионально-важных качеств. Значимая роль в процессе профессионально-педагогического развития отводится метакогнитивным умениям на рефлексивном уровне, позволяющим выполнять профессиональные задачи максимально результативно. В связи с этим, целью нашего исследования является выявление взаимосвязей показателей метакогнитивных умений с компонентами профессионально-педагогического саморазвития тренеров.

В исследовании приняли участие тренеры ($n=53$) в возрасте от 22 до 60 лет по различным видам спорта, имеющие стаж профессиональной деятельности от 1 года до 34 лет. В исследовании использовались методики «Диагностика уровня парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию» и методика «Рефлексивные умения (метакогнитивный уровень)» Е.В.Савченко [1], методы математической статистики (коэффициент корреляции Спирмена).

По результатам исследования была выявлена сильная достоверная (при $p<0,05$) взаимосвязь между общим уровнем развития метакогнитивных умений и мотивационным компонентом ($r=0,46$), когнитивным компонентом ($r=0,42$), нравственно-волевым компонентом ($r=0,39$), гностическим компонентом ($r=0,41$), организационным компонентом ($r=0,49$) готовности к психолого-педагогическому совершенствованию и показателем способности к самоуправлению в педагогической деятельности ($r=0,40$). Корреляционный анализ показал значимые взаимосвязи между умениями организовывать процесс решения проблем, регулировать собственные эмоциональные состояния, проводить мониторинг умственной активности, формировать вероятностные модели решения проблем и всеми компонентами профессионально-педагогического развития. Умение прогнозировать возможные ошибки и анализировать свои возможности положительно коррелирует с мотивационным компонентом ($r=0,39$), гностическим компонентом ($r=0,28$), организационным компонентом ($r=0,31$) и способностью к самоуправлению в педагогической деятельности ($r=0,33$). Положительные связи обнаружены между умением планировать процесс решения проблем и мотивационным компонентом ($r=0,31$), нравственно-волевым ($r=0,31$), организационным компонентом ($r=0,29$) и способностью к самоуправлению в педагогической деятельности ($r=0,34$). В результате исследования не были выявлены взаимосвязи между умением критично

оценивать свои интеллектуальные способности и компонентами профессионально-педагогического саморазвития.

Полученные данные свидетельствуют о том, что тренерам с достаточно высокими показателями уровня метакогнитивных умений свойственны анализ, оценка и коррекция профессиональной деятельности, готовность к восприятию, переработке и накоплению информации в ходе своего профессионального саморазвития, умение быстро ориентироваться в сложившейся ситуации, способность эффективно взаимодействовать с другими в ходе профессионального саморазвития. В свою очередь развитие профессионально-педагогических компонентов саморазвития позволит формировать и анализировать модель проблемы, контролировать собственное эмоциональное состояние, планировать действия для решения проблемы, реализовывать план и стратегию в действиях, проводить детальный анализ возможных вариантов разрешения проблемы.

Выводы. Полученные результаты подтверждают, что развитие метакогнитивных умений имеет важное значение в профессиональной деятельности тренеров и способствуют саморазвитию его личности.

1. Савченко Е.В. Диагностика рефлексивных умений на метакогнитивном уровне рефлексивной компетентности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 97–108.

Влияние агрессивности на игровую эффективность вратарей высокой квалификации в хоккее

Свойства личности; психодиагностика; амплуда; сравнение; хоккей

Для хоккея агрессивность является одной из основополагающих психологических особенностей, и составляет незаменимую часть игрового стиля большинства нападающих и защитников. Однако стоит понимать, что игровой процесс вратаря кардинально отличается от них и имеет в приоритете свои специфические особенности [1;4]. Проблема индивидуальных особенностей личности, и их влияния на игровую эффективность подводят нас вопросу модельных характеристик, без которых невозможен отбор и развитие спортсменов высочайшего уровня [3;5]. В данной работе ставится задача исследовать влияние агрессивности, как одной из важнейших особенностей личности хоккеиста, на игровую эффективность вратарей, для дальнейшей разработки модели личности вратаря высокого уровня.

В исследовании применялся тест на уровень агрессивности Басса-Дарки, методы математической статистики (корреляционный анализ), а также анализ 7 параметров игровой статистики в соревновательной деятельности. Исследование проводилось на 20 вратарях высокой квалификации, участвующих в чемпионатах Российских хоккейных лиг.

Результаты проведенного исследования показывают, что уровень агрессивности и уровень враждебности оказывает огромное влияние на результативность вратарей высокого уровня. Однако наиболее важно отметить, что и уровень агрессивности, и уровень враждебности имеют обратную корреляцию с рядом показателей игровой эффективности.

Больше всего влиянию уровня агрессивности и уровня враждебности подвергнуты такие значимые в профессиональной деятельности вратаря параметры, как количество и процент отраженных и шайб, а также количество успешных голевых передач ($p \leq -0.5$). Так же вратари с низким уровнем агрессии, чаще выигрывают в играх с буллитными сериями ($p \leq -0.5$). Таким образом можно увидеть, что менее агрессивный вратарь успешнее проявляет себя в ситуациях, где необходим высокий уровень техники и концентрации. Однако совершенно другую ситуацию можно наблюдать с показателями враждебности. Исследуя уровень враждебности, была найдена средней силы связь с таким значимым показателем, как количество игр сыгранных в «сухую», т. е. без забитых шайб ($p \leq 0.5$). Так же выявлена слабая связь с числом одержанных побед. Это говорит в первую очередь, о том, что более враждебно настроенные вратари активнее защищают свою позицию. Что может свидетельствовать о наличии слабой тенденции к разделению вратарей по уровню их враждебности.

На основе описанных выше данных, можно точно сказать, о том, что менее агрессивные вратари показывают более высокие результаты в игровой деятельности.

Это так же коррелирует с полученными ранее данными, согласно которым, вратари обладают самым низким уровнем агрессивности и враждебности среди всех игровых амплуа в хоккее [2]. Таким образом можно точно говорить о пониженном уровне агрессивности и враждебности, как о профессионально значимых особенностях хоккейного вратаря высокого уровня. А также о наличии некоторого оптимального уровня агрессивности и враждебности, находящихся под контролем субъекта деятельности.

1. Мельников В.М. Теоретические подходы к построению психологической модели идеального спортсмена / В.М. Мельников, И.А. Юров. — М.: Спортивный психолог, 2013. — 64 с.
2. Макаров А.Ю.; Сопов В.Ф. Особенности индивидуально-психологических свойств личности хоккеистов различных амплуа. — Спортивный психолог — 2019, — 47 с.
3. Серова, Л.К. Спортивная психология: профессиональный отбор в спорте: учеб. пособие для вузов /Л. К. Серова. — 2-е изд., испр. и доп.-М.: Издательство Юрайт, 2017. — 161 с
4. Сопов В.Ф. Теория и методика психологической подготовки в современном спорте. Методическое пособие / В.Ф. Сопов. — М.: Физическая культура и спорт, 2010. — 120.
5. Юров, И.А. Эмпирическое исследование спортивной индивидуальности / И.А. Юров. — т.5, № 3 — М.: Эмпирическая психология, 2012. — 126 с.

Особенности психологического обеспечения национальной команды РФ по плаванию

Диссоциативный комплекс «Триада риска», высококвалифицированные спортсмены, факторы успешности спортивной деятельности

Российское плавание после очевидного спада на протяжении последнего десятилетия, перешло в стадию активного роста, что сегодня подтверждается высокими достижениями наших пловцов на международной арене. С одной стороны, это связано с приходом нового поколения в спортивное плавание, большим притоком в спортивные школы талантливых молодых спортсменов, с другой, существенным улучшением методик подготовки на основе современного научно-методического сопровождения и организации тренировочного процесса. Важным компонентом научно-методического сопровождения и организации тренировочного процесса национальной команды РФ по плаванию является психологическое обеспечение деятельности высококвалифицированных спортсменов.

В наших исследованиях, проведенных на спортсменах национальных сборных команд (n=101) с помощью комплексного и системного анализа, были показаны психологические причины и условия успешности, а также идентифицированы факторы риска неблагоприятного влияния на деятельность спортсмена. Эмпирически было установлено, что только оптимальный уровень согласованности параметров самооценки и притязаний способствует успеху, а их рассогласованность — низкая самооценка и высокие неадекватные притязания — приводит к психической дезадаптации, одной из ее форм является диссоциативный комплекс «Триада риска», оказывающий существенную помеху в достижении спортсменами успеха [1].

Цель исследования — разработать и экспериментально обосновать практические рекомендации для повышения эффективности психологической подготовленности высококвалифицированных спортсменов-пловцов. Задачи исследования: на основе выявленных факторов психической дезадаптации и диссоциативного комплекса «Триада риска» разработать практические рекомендации для коррекции методики психологической подготовки высококвалифицированных спортсменов.

Результаты исследования: в исследовании были систематизированы и описаны проявления личностных особенностей спортсменов с позиции неуспешности и комплекса «Триада риска» [1]. «Триада» здесь означает три взаимосвязанные составляющих: рассогласование уровней самооценки и притязаний, повышенная тревожность, а «риск» указывает на угрозу возникновения неблагоприятных факторов в реализации потенциала спортсмена. Данному комплексу сопутствуют такие компоненты как высокая мотивация и уровень субъективного контроля.

Анализ диссоциативного комплекса параметров отдельных психических образований «Триада риска» позволил сформировать психологические инструменты для купирования неблагоприятных изменений в деятельности

высококвалифицированного спортсмена и выстроить целенаправленную, специально организованную работу в сфере психологического обеспечения спорта высоких достижений [2]. Она состоит из 4 модулей и рассчитана на обучение в течении спортивного сезона. Форма организации занятий: коллективная (команда в полном составе); малыми группами, индивидуальная. Форма проведения занятий: лекции, беседы, тренинги, индивидуальные консультации.

Такой подход позволил быстро обнаруживать «узкие места» — скрытые ошибки и корректировать их в структуре психологической подготовки спортсмена до их негативного проявления в спортивной деятельности и предотвращать возникновение возможных необратимых изменений из-за неблагоприятного сочетания данных параметров. Методика психологического обеспечения спортсменов была апробирована на спортсменах юношеской сборной команды РФ в 2020 году, что в конечном итоге положительно сказалось на их спортивных результатах.

1. Сохликова В.А. Психологические модели успешности выступления высококвалифицированных спортсменов на основе самооценки и уровня притязания // автореф. дисс. ... канд. психолог. наук: 19.00.01 / Сохликова Валерия Александровна. — М., 2020. — 18 с.
2. Сохликова В.А. Самооценка спортсмена: путь к успеху/ В.А. Сохликова– СПб.: Реноме, 2021. — 175 с.

Практические аспекты передачи опыта психологической работы со спортивной командой

Спортивный психолог, программа психологической подготовки, критерии эффективности, практический опыт, подготовка кадров, повышение квалификации

Любая реализованная программа психолого-педагогического сопровождения спортивной деятельности уникальна, поскольку касается конкретных спортсменов, определённых задач этапа подготовки, сложившихся отношений, специфических условий и т.д. Воспроизведение этой же программы в других условиях или другим специалистом не гарантирует повторения прежних результатов. Однако при всей уникальности практического опыта работы [1] в нём могут быть выделены данные, имеющие универсальное значение:

1) Сложности, возникшие в спортивной подготовке и вызвавшие необходимость сотрудничества со спортивным психологом. Достаточно велика вероятность того, что он является «типовым» в данном виде спорта, для спортсменов этого уровня подготовки и т.д.

2) Организационные условия работы, предложенные психологу в данной спортивной организации. К таким условиям можно готовиться заранее, на них нужно ориентироваться, планируя собственную программу работы и её длительность.

3) Авторская логика планирования работы в предложенных заказчиком условиях. С одной стороны она объясняет последующее содержание проведённой работы, а с другой — может содержать рекомендации универсального характера.

4) Перечень модулей, включённых автором в программу, итоговые объёмы выполненных работ разного типа и динамика их соотношений по этапам работы. Данная информация важна, чтобы оптимизировать выбор необходимых и достаточных компонентов любой другой программы и прогнозировать её эффективность в зависимости от длительности внедрения.

5) Содержание каждого из используемых модулей, в частности методики, способы, упражнения, техники, методы и т.п. Эта информация позволяет расширить методический арсенал любого спортивного психолога.

6) Система оценки итоговой эффективности программы (показатели, измеряемые до и после её реализации), а также дополнительные критерии, использованные автором в качестве иллюстрации позитивных изменений. Этим опытом можно воспользоваться, планируя и реализуя собственные программы.

7) Система текущего контроля, а также принципы оперативной и этапной коррекции запланированной программы. Этими данными также можно воспользоваться в собственной практической работе.

8) Трудности практической реализации программы. Эта информация даёт возможность уже на начальном этапе планирования предусмотреть или

«профилактические» меры, или вариативность действий в случае возникновения трудностей данного типа.

9) Оперативные или новые методические решения, которые были найдены или разработаны дополнительно в связи с нетипичными обстоятельствами и ситуациями. Изложение подобного опыта способствует повышению уверенности остальных психологов в том, что они также смогут найти правильные решения в нестандартных ситуациях, расширяет их представление о вариативности и многогранности практической работе спортивного психолога с командой, позволяет отказаться от устаревших шаблонных решений и дополнить собственный методический арсенал.

10) Цифровые данные, выявленные соотношения или закономерности, касающиеся психических состояний, психологических качеств, оценок и мнений участников спортивной подготовки, фактические показатели тренировочной или соревновательной деятельности и т.п. Подобный материал расширяет представление психолога о спортивной сфере в целом, позволяет опираться в своей работе на дополнительные «модельные характеристики» и др.

Перечисленные данные позволяют рационально использовать накопленный практического опыта психологической подготовки спортсменов, проводить системный метаанализ [2], готовить обзоры эмпирических исследований и модернизировать подготовку спортивных психологов.

1. Тиунова, О.В. Организационные аспекты планирования и реализации психолого-педагогического обеспечения спортивной деятельности / О.В.Тиунова.- Текст: непосредственный // Спортивный психолог. — 2019. — №1(52). — С.4–7
2. Корнилов, С. А. Мета-аналитические исследования в психологии / С.А.Корнилов, Т.В.Корнилова. — Текст: непосредственный // Психологический журнал. — 2010. — Т. 31, № 6. — С. 5–17.

Уляева Л.Г.

Москва, АСП, МГУСИТ, МГФСО

Дефиниция "Самореализация личности в спорте"

Самореализация личности в спорте, социально-статусная самореализация, профессионально-деятельностная самореализация, индивидуально-личностная самореализация

Постановка проблемы. Ретроспективный анализ исследований проблемы самореализации в отечественной и зарубежной психологии свидетельствует о том, что развитие и становление представлений о самореализации личности осуществлялось по нескольким направлениям, каждое из которых развивалось параллельно с другими, либо зарождалось внутри предыдущих, с учетом имеющихся уже идей, внося, в то же время, собственные новые элементы.

Обсуждение. В многочисленных исследованиях самореализация личности предстает как многогранное и многоуровневое психическое явление. Многогранность самореализации выражается в многочисленности сторон, которыми она характеризуется: виды, структура, этапы, стратегии, механизмы, качество и др.

Многоуровневость самореализации заключается в ее специфике, связанной с различными уровнями овладения и совершенствования себя в деятельности.

Самореализация личности наиболее полно проявляется в ведущей деятельности, в том числе — в профессиональной деятельности. Спорт в этой связи предоставляет большие возможности для самореализации личности. Достижение успехов в нем связано со следующими его особенностями: 1) соревновательным и состязательным характером спортивной деятельности; 2) постоянным совершенствованием физических данных, психофизических свойств, психологических качеств спортсмена; 3) зрелищностью и привлекательностью спорта для зрителей и др. Спортсмен может быть удовлетворен или не удовлетворен своими достижениями, что будет определять качество переживания самореализации. Основанием для этого выступает понимание значимости (ценности) и возможности (наличие условий) для самореализации личности.

В качестве структурных ресурсных компонентов самореализации личности в спорте мы выделяем следующие: мотивационно-ценностный, когнитивный, эмоционально-регулятивный, конативный (поведенческий) (Уляева, 2020).

Этапы самореализации личности в спорте обусловлены этапом спортивной подготовки («спортивно-оздоровительный, начальная подготовка, тренировочный этап, совершенствование спортивного мастерства, этап высшего спортивного мастерства») на котором находится спортсмен.

Уровни самореализации личности в спорте связаны, с одной стороны, с имеющимся спортивным разрядом, а с другой, с уровнем спортивных соревнований, в которых спортсмен участвует и занимает призовые места (региональные, Всероссийские, Международные, Олимпийские игры и др.).

В качестве видов самореализации личности в спорте могут выступать следующие: социально-статусная самореализация — стремление и возможность находиться, благодаря спорту, в центре внимания окружающих, чувствовать их уважение, общаться с интересными и значимыми людьми; профессионально-деятельностная самореализация — стремление и возможность регулярно тренироваться, развивать и накапливать свой спортивный потенциал, не подводить команду, быть лучшим на соревнованиях, показывать высокие результаты на спортивных соревнованиях; индивидуально-личностная самореализация — стремление и возможность благодаря занятиям спортом быть здоровым, сильным, хорошо выглядеть, интересно и с пользой проводить время (Уляева, Дубовицкая, Шашков, 2021).

Заключение. Дефиниция «самореализация личности в спорте» предстает как интегративное психическое явление, знаменующее собой процесс (развитие, накопление и реализация личностного потенциала – система внутренних ресурсов) и результат достижения личностью значимых целей и успехов в спортивной деятельности (разряд, рекорд, занятое место), обеспечивающее осознание ею своей уникальности и ценности, обретение нового статуса и смысла своей жизни.

Взаимосвязь самоэффективности (self-efficacy) и психологического благополучия у спортсменов разного уровня профессионализма

Self-efficacy, самоэффективность, спортсмены

Самоэффективность является одним из наиболее точных предикторов производительности и успешности в спортивной деятельности и относится к убеждениям спортсменов в способности выполнять алгоритмы действий и реализовывать модели поведения, необходимые для достижения желаемых результатов. Важность изучения понятия самоэффективности и его связей с личностными особенностями, открывается нам с точки зрения повышения эффективной работы спортсмена, его достижений, способности оценивать себя и свои результаты и как следствие конкурентоспособности. Зачастую исследования данной области связаны с установлением источников самоэффективности, к которым относят опыт, образные представления, а также физическое и эмоциональное состояние спортсменов (Ross-Stewart & Short, 2009). Well-being, в свою очередь, рассматривается как показатель качества жизни, успешность жизненной адаптации, связанный с профессиональным успехом.

Методы. Для выявления уровня представлений о собственной эффективности (спортивной самоэффективности) мы использовали опросник «Самоэффективности в отношении регулярных тренировок (Bandura А., 2006 в переводе Корниенко Д.С., Фоминых А.Я.). Показатель well-being в нашем исследовании рассматривается как характеристика переживания человеком субъективного благополучия, счастья и удовлетворенности жизнью. В качестве основной методики мы использовали скрининговый опросник Е.Динера (Diener E. et al., 1985), состоящей из 5 утверждений, направленных на оценку испытуемым качества своей жизни в целом по отношению к определенному идеалу: 1) В целом, моя жизнь близка к тому, что я считаю идеальным. 2) У меня отличные условия для жизни. 3) Я удовлетворен своей жизнью. 4) На сегодняшний день я преуспел во всем, что важно в жизни. 5) Если бы я мог прожить жизнь заново, я бы почти ничего не стал менять. Испытуемые оценивали свое согласие с данными утверждениями по шкале Ликерта от 1 до 5. Дополнительно мы задали 3 вопроса, направленных на выявление степени удовлетворенности личной жизнью и карьерой. Выборка исследования приняли участие 62 спортсмена разного уровня (29 женщин, 33 мужчины) в возрасте от 19 до 38 лет. Для оценки взаимосвязи переменных использовались коэффициенты ранговой корреляции Спирмена. Половые различия оценивались путем сопоставления средних (по t-критерию Стьюдента) и дисперсий (по F-отношению).

Результаты. Взаимосвязи самоэффективности с well-being (WB) достаточно тесные. Корреляции между суммарным баллом self-efficacy и удовлетворенностью жизнью и составляют 0,63, отдельные шкалы WB (удовлетворенность своей жизнью, субъективное восприятие успеха и нежелание менять прошлое) также значимо

коррелируют с самооффективностью — коэффициенты корреляции 0,35; 0,69 и 0,61 соответственно, $p < 0,001$ во всех случаях.

Гендерных различий в структуре связей не обнаруживается — и мужчины, и женщины, имеют стабильно высокое представление о собственных возможностях в отношении спортивной деятельности, а также имеют довольно высокую удовлетворенность жизнью.

Групповое сравнение (по уровню профессионализма) показало, что уровень самооффективности выше в группе профессионалов (стаж 10–16 лет). Профессионалы также имеют более высокий уровень удовлетворенностью жизнью и профессиональным успехом, однако они ниже оценивают степень удовлетворенности личной жизнью.

Структура корреляционных связей внутри групп немного различна. Спортсмены, имеющие стаж менее 6 лет, связывают самооффективность с комфортными условиями жизни, субъективным восприятием успеха. В группе спортсменов, чей стаж насчитывает 7–10 лет, самооффективность связана с ощущением удовлетворенности жизни в целом. В группе профессионалов (10 и более лет) self-efficacy оказывается связанна с утверждением о правильности собственного выбора.

Подводя итоги, можно сказать, что в представлениях о спортивных возможностях значительное место занимает степень удовлетворенности жизнью в отношении окружающего мира и себя в нем.

1. Bandura A.. Guide for constructing self-efficacy scales. In F. Pajares & T. Urdan (Eds.), *Self-efficacy beliefs of adolescents*. — 2006. V. 5. —P. 307–337. Greenwich, CT: Information Age Publishing
2. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., & Griffin S. The Satisfaction with Life Scale // *Journal of Personality Assessment*. — 1985. — V. 49. — P. 71–75.
3. Ross-Stewart L., Short S. E. The frequency and perceived effectiveness of images used to build, maintain, and regain confidence // *Journal of Applied Sport Psychology*. — 2009. — T. 21. — №. S1. — P. S34-S47.

Психологическая оценка эффективности детских программ адаптивной физической культуры

Нарушения психического развития, адаптивная физическая культура, нейропсихологический подход

Адаптивная физическая культура (АФК) является одной из эффективных технологий абилитации детей с нарушениями психического развития (НПР) и наиболее естественной сферой инклюзии. Движение, моторика — это ведущая форма активности ребёнка, основа формирования психических процессов, физических и социальных навыков, развития в целом.

Б.Г. Ананьев определил аспекты психомоторных свойств: локомоции, мышечный тонус, особенности статического и динамического тремора, мышечное напряжение, точность движений рук и ног. Особо выделены графические движения (Ананьев, 2001). С точки зрения детской нейропсихологии, выделяются три категории двигательной активности ребёнка: общие характеристики двигательной сферы, предметно-бытовые и предметно-игровые навыки, праксиса (Цветкова, 1998).

Методы. Нейропсихологический подход представляется надёжным методологическим основанием для оценки эффективности программ АФК в абилитации детей с НПР. АФК гармонично включает в себя базовые принципы нейропсихологической коррекции: эти две коррекционно-развивающие техники объединены учётом потенциала сенсорного и моторного опыта в развитии памяти, мышления и воображения. В отличие от психометрического, нейропсихологический подход к диагностике делает акцент на самом процессе деятельности (Глозман, 2012). Это особенно актуально в оценке уровня развития ребёнка.

В 2020–2021 г. было проведено исследование динамики показателей психомоторного и психического развития детей с НПР, принявших участие в программах АФК «Адаптивный батут» и «Адаптивный скалодром», организованных АНО «Школа героев» на базе батутно-развлекательных парков «Небо» (Москва). В исследовании приняли участие 79 детей: 6–13 лет, преимущественно мальчики (82%), с диагнозами F-84.0, F-84.1, Q-90. Задачи были сугубо прикладными — оценить эффективность этих программ АФК и определить критерии включения детей в инклюзивные группы. Дети обследовались психологами и физиологами перед началом цикла занятий и по его завершению (через 2 месяца). Физиологическое исследование моторных функций включало оценку силы мышц рук, равновесия и баланса, координации движений, способности к дифференцированию параметров движения и моторную реакцию на сигнал.

Параметры психологической диагностики: особенности контакта, проявления негативизма, критичность, удержание инструкции, нейродинамические особенности, инертность, импульсивность утомляемость, истощаемость, уровень сформированности речи, внимание, пространственные и зрительно-пространственные представления и соматогнозис, зрительно-моторная координация, разные виды праксиса, реципрокная координация, зрительная и слухо-речевая

память, понимание эмоций. Использовались стандартные и модифицированные нейропсихологические пробы (Ахутина, 2016).

Результаты. Положительная динамика наблюдалась по ряду параметров: дети значимо лучше стали поддерживать контакт, общаться, проявления негативизма сгладились, реакции стали менее острыми, выраженность негативизма стала ниже. Значимо снизился показатель инертности, дети легче включались в задания и переключались между задачами, в целом следование инструкции стало им проще. Наблюдались тенденции к снижению импульсивности и повышению показателей моторного развития.

По результатам пилотажного исследования, программы АФК представляются эффективной техникой абилитации детей с НПП, однако значимо улучшаются скорее социально-коммуникативные показатели; собственно нейропсихологические и показатели психомоторного развития требуют более продолжительной коррекции.

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания — СПб.: Питер, 2001. — 288 с.
2. Ахутина Т.В. Методы нейропсихологического обследования детей 6–9 лет. — М.: Изд-во В. Секачев, 2016. — 280 с.
3. Глозман Ж.М. Нейропсихологическое обследование: качественная и количественная оценка данных. — М.: Смысл, 2012. — 264 с.
4. Цветкова Л.С. Методика нейропсихологической диагностики детей. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. — М.: «Российское педагогическое агентство», «Когито-центр», 1998. — 128 с.

Спортивная одарённость детей дошкольников и младших школьников в условиях спортивной деятельности

Дети, спортивная одаренность, психологическое сопровождение, спортивная подготовка

Введение. Спортивная одарённость как цель обучения и развития детей еще не получила широкого практического применения. Между тем это одна из наиболее высоких форм спортивной деятельности, которая в силу своих специфических особенностей воздействия на ребенка заслуживает большего внимания со стороны специалистов и работников физической культуры психолого-педагогической сферы.

Актуальность проблемы определяется, в широком смысле, значимостью и важностью достижения как индивидуально — психологического, так и социально-политического, спортивно-гуманистического эффекта от развития массового детско-юношеского спорта. В узком смысле, решение вопросов спортивной одарённости, отбора, ориентации призвано способствовать более их эффективному развитию с учетом специфических задач каждого направления.

Цель исследования: теоретически обобщить и обосновать особенности развития спортивной одарённости детей дошкольного и младшего школьного возраста условиях спортивной деятельности.

Методы исследования: теоретические — анализ, обобщение, абстракция, сравнение; эмпирические — беседа, наблюдение.

Обсуждение. В последнее время проблемы, связанные со спортивной одарённостью детей активно обсуждаются на страницах периодической печати, в научных изданиях, форумах и на симпозиумах. Интерес к данному феномену обусловлен фундаментальной значимостью этой категории, от концептуального осмысления которой ожидается решение многих ключевых проблем спортивной науки, спортивной психологии и спортивной педагогики, физической культуры, да и других наук[1,2,3] Но, несмотря на то, что исследование спортивной одарённости детей имеет уже многолетнюю историю, прежде всего, психолого-педагогическую, но нет единства не только в определении понятия «спортивная одарённость», нет и единой теории одарённости детей, которая бы имела целостное представление их одарённости. На наш взгляд, несмотря на пристальное и длительное рассмотрение феномена одарённости, недостаточно изучена сама сущность одарённости, подходы к диагностике, целенаправленному процессу формирования и развития одарённости личности различного возраста и пола[4,5,6].

Выводы. Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что старший дошкольный и младший школьный возраст, даёт прекрасные возможности для развития специальных способностей к спортивной деятельности. И от того, насколько были использованы эти возможности, во многом будет зависеть психофизический и творческий потенциал взрослого человека.

1. Ананьев Б.Г. Задачи психологии искусства. Художественное творчество. Сборник. — Л., 1982, с.236–242.
2. Белова Е.С. Одаренность малыша: раскрыть, понять, поддержать. — М.: Флинта, 1998. — 144 с.
3. Ловягина А.Е. Теоретические и прикладные проблемы психологического сопровождения спортсмена / Вестник С.-Петерб. ун-та, Сер. 16. 2013. Вып. 1. С. С. 29–39.
4. Яковлев Б.П. Одарённость детей: психолого-педагогический аспект.- Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры»», 2012.-317с.
5. Яковлев Б.П., Богданова С.В. Психическая нагрузка в спортивной деятельности //Теория и практика физической культуры.-М.:1996-№2.с.39–40.

Исследование копинг-стратегий в стрессовых ситуациях у студентов-спортсменов

Копинг-стратегии, совладающее поведение, стрессовые ситуации, студенты-спортсмены.

В современном мире с его нестабильной социально-экономической и политической ситуацией, растущими информационными и эмоциональными нагрузками, от человека требуется навыки для быстрой адаптации к стремительно меняющимся условиям жизни. Умение приспосабливаться, быть гибким, эффективным, совладать с собой в стрессовых ситуациях — важные и жизненно необходимые качества современного человека. Наиболее подверженной влиянию социума и негативных факторов является студенчество, как одна из многочисленных социальных групп.

Студенты спортивных вузов совмещают два вида деятельности: учебную и спортивную. Соответственно, количество стрессогенных факторов увеличивается, что является потенциальной угрозой для психологического здоровья и личностного благополучия.

В момент прохождения сессии, конкретно в ситуации экзамена, происходит оценка степени её стрессогенности, что оказывает влияние на выбор стратегий и стилей совладания. Однако значительное влияние на выбор копинг-стратегий оказывает и личностный фактор [3], включающий личностные особенности и психологические качества, проявляющиеся в ситуации экзамена. Т. Л. Крюкова акцентирует внимание на том, что совладающее поведение запускается определенной ситуацией, «ситуационным фактором» [2].

Целью нашей работы являлось исследование копинг-стратегий в стрессовых ситуациях у студентов-спортсменов. Выборку составили 40 студентов-спортсменов 1 и 3 курса колледжа Воронежского государственного института физической культуры. Исследование проводилось в течение учебного года и в период сессии. Использовались методики «Шкала психологического стресса PSM 25» [1] и Тест-опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» [1]. Статистический анализ данных проводился с помощью Т-критерия Стьюдента. Сравнительный анализ полученных результатов показал, что до экзаменационной сессии студенты-спортсмены 1 и 3 курсов показали низкий уровень психологического стресса (74,95 баллов и 70,6 баллов соответственно), что говорит о психологической адаптированности к учебным нагрузкам в течение года. Процесс обучения в колледже не является для данных респондентов ярко выраженной стрессовой ситуацией. Во время экзаменационной сессии студенты-спортсмены, как первого, так и третьего курсов характеризуются средним уровнем психологического стресса (114,24 и 92,74 баллов соответственно).

Таким образом, уровень психологического стресса во время сессии увеличивается у студентов-спортсменов первого курса ($T=-18,640$, при $p0,001$) и у студентов-спортсменов 3 курса ($T=-6,526$, при $p0,001$). Сравнительный анализ

уровня психологического стресса студентов-спортсменов 1 и 3 курсов выявил, что до экзаменационной сессии они не отличаются по данному критерию, однако во время сессии у студентов 1 курса данный показатель более выражен ($T=3,648$, при $p0,01$).

Результаты исследования копинг-стратегий показали, что 25% испытуемых используют копинг, направленный на решение актуальных задач. Они более внимательны и сосредоточены на проблеме, лучше распределяют своё время, собраны и готовы прилагать усилия для поиска новых ресурсов и разрешения возникших затруднений. Избегание, как стратегию используют 35% студентов-спортсменов. Такая копинг-стратегия характеризуется попыткой избежать контакта со стрессовой ситуацией и дистанцироваться от решения проблем. «Отвлечение» и «Социальное отвлечение», используемые респондентами, связаны со стремлением человека обратиться за помощью и поддержкой к окружающим людям с целью снять излишнее психическое напряжение.

Копинг-стратегии, ориентированные на эмоции применяют 40% студентов-спортсменов. В стрессовой ситуации они погружаются в свои переживания, нерешительны и не знают как действовать в сложных условиях. Испытывают сильное нервное напряжение и раздражение, но при этом делятся своими переживаниями с друзьями, одноклассниками и семьей, что несколько снимает давление в стрессовой ситуации.

Во время сдачи экзаменационной сессии у студентов-спортсменов независимо от курса обучения в колледже увеличивается уровень стресса, который проявляется в сложности контроля эмоций, физиологических нарушениях, отсутствии внимательности и сосредоточенности в процессе выполнения важных заданий и в снижении адаптационных возможностей. У большинства студентов-спортсменов в стрессовых ситуациях доминируют копинг-стратегии ориентированные на эмоции 40% и избегание 35%, что не даёт возможности для эффективного решения задач и адаптации к стрессовой ситуации.

1. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса / Н.Е. Водопьянова –Санкт-Петербург: Питер, 2009. — 336 с.
2. Крюкова Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения /Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы: сб. науч.статей. — Москва, 2008. — С. 138–152.
3. Церковский А.Л. Современные взгляды на копинг-проблему / Вестник ВГМУ. — 2006. Т. 5. — №3. — С. 112–121.

Балин В.Д.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Сферическая модель психики в свете трехкомпонентной системы классификации психологического знания

Категории, явления, ценности, эндопсихика, экзопсихика, мезопсихика, метапсихика.

Есть тенденция рассматривать психологию как набор категорий, что «заужает» ее предмет. Предлагаемый подход берет за основу атрибуты науки (здесь — понятия). Мы «расщепляем» исходное понятие на составляющие. [2]. Тогда можно рассматривать психологическое понятие, во-первых, как категорию, и как психическое явление, имеющее свою цену, во-вторых, и в-третьих. В итоге имеем три блока.

Категориальная психология. Психика — инструмент познания с помощью категорий. Их шесть уровней.

- 1) общенаучные $\frac{3}{4}$ (пространство-время, материя-энергия, информация.);
- 2) протопсихологические $\frac{3}{4}$ действие, мотив, образ;
- 3) метапсихологические — сочетание протопсихологических;
- 4) макропсихологические $\frac{3}{4}$ Образ, Действие, Мотив, Отношение,

Переживание;

5) базисные $\frac{3}{4}$ формы психического отражения, психические явления, сознание, личность, деятельность, психическое развитие;

6) частные $\frac{3}{4}$ в совокупности базисные: а) память, эмоции, ощущения, мышление; б) процессы, состояния, свойства; в) переживание, познание, отношение; г) направленность, темперамент, характер, способности; д) действие, цель, мотив; е) созревание, формирование, филогенез, онтогенез.

Категории и явления сходятся на уровне частных категорий: ощущение, восприятие и т.п. с одной стороны частные категории, с другой $\frac{3}{4}$ психические явления.

Психология психических явлений. Психика — инструмент адаптации к среде. Явления делятся по принадлежности к одной из сфер. Эндопсихика — ядро целостной психики. Здесь формируются состояния, эмоции, чувства и такая форма сознания, как «самость». Подчиняется влиянию вегетативной нервной системы. Выполняет защитную функцию. Экзопсихика — внешний слой целостной психики. Управляет взаимодействием со средой, содержит ощущение, восприятие, «миросознание». Подчиняется влиянию центральной нервной системы. Биологическая функция — индикация свойств среды. Мезопсихика — средний слой психики. Функция — совмещение возможностей организма с требованиями среды.

Подчиняется влиянию двигательной системы. Формирует мышление, волю, речь и «самосознание» [2].

Есть четвертая сфера $\frac{3}{4}$ метапсихика. Это социально-психологические явления.

Обоснование схемы: все органы человека развиваются из трех зародышевых листков — энтодермы, мезодермы и эктодермы. Им ставят в соответствие вегетативный, соматический и центральный отделы нервной системы. Каждый отдел — субстрат для своей психической сферы.

У явлений есть физиологические механизмы. У категорий их нет.

Содержательно-ценностная (аксиологическая) психология. Психика имеет свое содержание. У содержания есть ценность. В основном данный аспект рассматривается искусством и литературой. В границах психологии искусства изучаются сюжеты, роли, амплуа.

Пример ценностного подхода — классификация эмоций Б.И. Додонова. Им описываются альтруистические, коммуникативные, глорические и т.п. эмоции [4].

Ценностью обладают ощущения, мышление, характер, деятельность и т.п. К сожалению, в отечественной психологии это направление плохо представлено.

Поведение индивида произвольно. В поведении же больших групп людей просматриваются общие черты. Есть классификация типов поведения, описанная Ж. Польти: все сюжетные линии сводятся к 36 позициям [3,5]. Многовековая практика литературного творчества уже произвела селекцию наиболее существенных тем, представленных в описаниях.

Поведение формируется под влиянием диспозиций, описанных Келлерманом: истерия, паранойя, пассивность, и т.д. [6].

Диспозиции противостоят сюжетам, находясь с ними в балансе. Все четыре слоя изоморфны друг другу.

Предлагаемая схема позволяет, как мы надеемся, упорядочить имеющееся психологическое знание.

1. Балин В.Д. Психическое отражение. СПб, 2001.
2. Балин В. Д. Теоретическая психология. М, 2020.
3. Луначарский А.В.Тридцать шесть сюжетов//«Театр и искусство», 1912, №34.
4. Додонов Б. И. Эмоции как ценность. М, 1978.
5. Cécile De Bary. Georges Polti, ou l'anticipation du théâtre potentiel // Poétique: Revue de théorie et d'analyse littéraires, No. 138, 2004.
6. Emotion: Theory, Research a experience. Vol.1, New York, etc, 1980.

Взаимодействие микроорганизмов при формировании социальных структур

Микроорганизмы, осцилляции, социум, когерентность, частотный спектр, социальные амёбы, взаимодействие

Изменения структуры общества всегда сопровождается сложными взаимоотношениями участвующих сторон (Толпыгина, 2017). Каждый имеет право избирать и быть избранным, но практика показывает, что существует немало препятствий для реализации возможностей. Социальная жизнь основана на взаимодействии членов сообщества, в поведении которых реализуются кооперация и конкуренция, обостряющиеся в периоды переустройств. Создание социальных структур у микроорганизмов не является исключением и сопровождается динамичными изменениями отношений участников. Современные методы позволяют получить объективные характеристики их взаимодействия на разных этапах этого процесса. Показателем является осцилляторная активность (Греченко и др., 2019). Для опытов выбрали социальных амёб *Dictyostelium discoideum*, которые большую часть жизни существуют в виде одиночных организмов, но кооперируются, организуя объединения, когда пищи становится мало. Сотни тысяч микроорганизмов устремляются к месту с повышенным содержанием аттрактанта, формируя псевдоплазмодий, из которого создается плодовое тело. При этом часть клеток погибает, принеся себя в жертву, но оставшиеся, примерно 80%, превращаются в споры, получая возможность продолжить род (Ostrowski, 2019).

Методика. Регистрация электрической активности производилась стеклянными электродами, заполненными 1 М КСl. Фрагменты записи электрической активности подвергались спектральному анализу в среде статистической обработки R 3.0. Для анализа уровня синхронизации между разными зонами сообщества микроорганизмов вычислялись коэффициенты фазово-временной и временной когерентности. Длительность оцифрованных участков 3 с. Обработано 52 записи регистраций от *D. discoideum* на разных этапах ее существования.

Результаты. Регистрация электрических полевых потенциалов показала следующее: для “толпы” микроорганизмов, продвигающихся к “центру”, характерна частота 12–15 Гц, причем с приближением к цели она увеличивается и в самом центре достигает 30 Гц. Одновременные регистрации из разных зон показали следующие особенности взаимодействия индивидов в зависимости от места — при локализации в общей “толпе” коэффициент частотной и частотно-временной когерентности достигает 1,0 у.е. для диапазонов 10–12, 15–17 Гц, и сохраняется в течение 10–20 с. Коэффициенты когерентности, характеризующие взаимодействие между микроорганизмами центра и “толпы”, менее 0,5 у.е. по значениям и чрезвычайно кратковременны, что говорит об отсутствии взаимодействия.

Основная борьба за место в социальной структуре связана со стадией формирования центра сообщества. Для членов центра характерна высокая степень родства и на пути проникновения в это место микробное сообщество охотно

жертвует неродственниками (Mehdiabadi et al., 2009). Электрическая активность социальных амеб, начиная от одиночного существования до формирования “толпы” и “центра”, специфична для каждой стадии поведения и отражает изменение взаимодействия между членами сообщества по мере достижения цели.

1. Толпыгина О.А. Политические партии “в поисках смысла”: специфика идеологического взаимодействия партий с избирателями // Политическая наука, 2017, №1, С.204–216.
2. Греченко Т.Н., Харитонов А.Н., Жегалло А.В. Социальные структуры и коммуникации в мире микроорганизмов // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. №. 4. С. 106—119.
3. Ostrowski E.A. Enforcing cooperation in the social amoebae // Current Biology. 2019. V.29, P.474–484.
4. Mehdiabadi N.J., Kronforst M.R., Queller D.C, and Strassmann J.E. Phylogeny, reproductive isolation and kin recognition in the social amoeba dictyostelium purpureum // evolution. 2009. V.63. P. 542–548.

Исследование выполнено по Госзаданию ФАНО РФ 0138-2021-0002

Выявление связей между психологическими показателями студентов медицинского вуза и успешностью выполнения заданий перцептивного эксперимента

Перцептивный эксперимент, типичное развитие, атипичное развитие, студенты

Цель работы — выявление особенностей психологических показателей студентов медицинского вуза до и после участия в психофизиологическом исследовании и успешностью выполнения заданий перцептивного эксперимента. В исследовании приняли участие 40 студентов Санкт-Петербургского государственного Педиатрического Медицинского Университета — взрослых носителей русского языка. Испытуемые были разделены на 2 группы. Первую группу составили обучающиеся первого и второго курсов ($n=20$, средний возраст — $19,4\pm 1,3$ года, 7 мужчин и 13 женщин); вторую группу — обучающиеся пятого и шестого курсов лечебного и педиатрического факультетов ($n=20$, средний возраст — $23,9\pm 3,5$, 2 мужчин и 18 женщин). В ходе исследования испытуемые участвовали в перцептивном эксперименте, суть которого заключалась в прослушивании аудиопоследовательностей, содержащих речь детей с типичным и атипичным развитием, а также просматривали видео тест, содержащий видеозаписи поведения детей с атипичным развитием. Для составления тестовых последовательностей, используемых при проведении перцептивного эксперимента, использованы аудиозаписи из базы данных «AD_CHILD.RU» (Lyakso et al, 2019). Исследование проведено и одобрено Этическим комитетом СПбГУ.

До начала исследования испытуемые проходили психологические тестирования — методику Спилбергера-Ханина для выявления личностной и ситуативной тревожности; методику САН (самочувствие, активность, настроение); тест тревоги Шихана; тест Зунга (шкала оценки уровня депрессии); 8-цветовой тест Люшера (отражение направленности испытуемого на определенную деятельность, настроение, функциональное состояние и наиболее устойчивые черты личности). Тест тревоги Шихана, тест Зунга и определение личностной тревожности по Спилбергеру-Ханину проводили для оценки состояния испытуемых до начала проведения исследования для возможного выявления связей между показателями депрессии и тревожности и успешностью выполнения заданий перцептивного эксперимента. Данные тесты неоднократно использовались для выявления уровня тревожности и депрессии у студентов-медиков (например, Молчанова и др., 2020; Толмачев и др., 2020). Ситуативная тревожность по Спилбергеру, тест САН и 8 цветовой тест Люшера проводились для контроля текущего психологического состояния испытуемого.

На основании результатов психологических тестирований установлено, что по данным 8 цветовой теста Люшера до начала проведения перцептивного эксперимента показатели эмоциональной напряженности студентов второй группы ниже, чем у студентов первой группы — регрессионный анализ ($R^2=0.112$

$F(1,38)=4.811$ $p=0.034$ $Beta=-0.335$). Данные результаты подтверждаются дискриминантным анализом ($F(4,35)=2.446$ $p=0.0646$ Wilks' — $\Lambda=0.875$). По результатам других психологических тестирований значимых различий между группами выявлено не было. Установлены связи между психологическими параметрами испытуемых и успешностью выполнения заданий перцептивного эксперимента: показатели теста Люшера в конце исследования связаны с распознаванием состояния ТР детей, значения шкалы САН (самочувствие в начале исследования) — с распознаванием возраста АР детей; показатели теста Зунга — с распознаванием возраста ТР детей, показатели теста Шихана — с распознаванием состояния ТР детей, распознаванием возраста ТР детей.

1. Молчанова Ж. И., Исрафилова А. М., Бекилова Д. Р. Исследование показателей тревоги и депрессии у студентов Ханты-Мансийской государственной медицинской академии. Научный медицинский вестник Югры, 2020, №3, с.22–27
2. Толмачев Д.А., Сабрекова К.А., Аблинова Н.Г. Исследование показателя тревожности у студентов медицинских вузов. MODERN SCIENCE. 2020. №4–3, с.296–299
3. Lyakso E., Frolova O., Kaliyev A., Gorodnyi V., Grigorev A., Matveev Y. (2019) AD-Child.Ru: Speech Corpus for Russian Children with Atypical Development. Lecture Notes in Computer Science, vol 11658. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-26061-3_31

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №19-78-00057.

Напряжение сюжета в модифицированном варианте анкеты «36 сюжетов»

36 сюжетов, напряжение сюжета, перфекционизм

Несколько лет ведется разработка анкеты "36 сюжетов" в лаборатории психофизиологии СПбГУ. Основа анкеты содержит подход Ж. Польти, В рамках диссертационной работы соискателя ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.02 "Психофизиология" Жуковой Д.И., анкета «36 сюжетов» обосновывается как пригодная для оценки дисфункциональной личностной черты — перфекционизм. Исследование проводилось на студентах ВУЗа, в количестве 40 человек (19–21 год).

Методы исследования. 1. Психологические методы исследования: опросник определения уровня невротизации и психопатизации (УНП), тест включенных фигур Готтшалдта, опросник Плутчика Келлермана Конте — методика Индекс жизненного стиля, калифорнийский психологический опросник (СРІ), анкета «36 сюжетов» (В.Д. Балин, И.А. Горбунов, В.М. Коваль). 2. Психофизиологические методы исследования: а). Регистрация электроэнцефалограммы.

б). Методы изучения состояния зрительной системы. Регистрация критической частоты слияния мельканий и электроокулограммы. Измерение полей зрения: критическая частота слияния мельканий (КЧМ), регистрация движений глаз, пупиллометрия и пупиллография, частота произвольных движений глаз (ЧДГ), периметрия, определение объема поля зрения.

в). Регистрация кожно-гальванической реакции (КГР). Измерение температуры: регистрация КГР, терморегуляция.

г). Исследование деятельности сердечно-сосудистой системы: вариационная пульсометрия, кардиоинтервалограмма, корреляционная ритмограмма, автокорреляционный анализ, спектральный анализ, лингвистический анализ ЭКГ.

д). Исследование деятельности дыхательной системы: пневмография, спирометрия, оценка функционального состояния дыхательной системы с помощью проб Штанге и Генчи.

е). Методы изучения координации движений: тест для определения умения поддерживать баланс (равновесие), ходьба, тремор, изучение проприоцептивных функций.

ж). Изучение скоростно-силовых параметров движений: динамометрия, измерение времени простой сенсомоторной реакции (ПСР), реакция выбора (дизъюнктивная реакция), реакция на движущийся объект, измерение максимальной частоты движений (теппинг-тест), электромиография (ЭМГ).

Обработка данных осуществлялась в программе «StatSoft STATISTICA 8».

Результаты корреляционного анализа взаимосвязей между ведущим сюжетом и личностными характеристиками психически здоровых испытуемых, психофизиологическими показателями позволили создать новую анкету, Исходили из таких постулатов.

1. Анкета должна измерять последовательность поступков человека, складывающихся в сюжет, а не отношение человека к проблеме. Как мы знаем, люди склонны думать об одном, говорить о другом, а поступать не так, как думают и говорят. Человек не всегда осознает свои действия, особенно если рассматривать последовательность поступков в длительных временных промежутках. Так что, судить по поступкам о человеке надежнее, чем по его словам.

2. Второй постулат состоит в том, что нужен «полный» набор факторов, описывающих поведение человека. Список факторов, предлагаемых в известных тестах, получен искусственно, с помощью главным образом различных статистических процедур (тесты Кеттелла, ММРІ, СРІ и другие им подобные). Нет полной уверенности в том, что 16, например, факторов теста Кеттелла отвечают принципу полноты или достаточности при описании разных аспектов поведения.

3. При создании анкеты исходили, таким образом, из того, что следует взять некий перечень сюжетов, который давно известен. Только их описание надо «перевести» на язык психологических понятий. Выбирая известное описание сюжетов, исходим из того, что какое бы драматическое произведение ни взяли, основная сюжетная линия будет все равно соответствовать, в общих чертах, одному из 36 сюжетов. Или их сочетанию. В качестве исходной точки берем классификацию тридцати шести драматических ситуаций Жоржа Польти, которая в литературе давно описана. Данные сюжеты показывают пути достижения цели и цену, которую платит психика за тот или иной стиль поведения.

Взятое из литературы описание сюжетов было преобразовано в анкету «36 сюжетов». Испытуемому предлагается опросный лист, в котором перечисляются основные признаки поведения, соответствующие каждому сюжету. Каждый испытуемый оценивает в 10-балльной системе то, насколько его поведение соответствует тому или иному сюжету или его компоненте (элементу ситуации). Таким образом, испытуемый характеризовался 36 числами, каждое из которых соответствует степени выраженности у него черт поведения, типичного для каждого сюжета [1, 2].

Этапы создания анкеты. Можно назвать такие этапы его создания: а) поиск исходной формы теста на основе литературных исследований; б) формализация процедуры эксперимента с использованием 10-балльной шкалы; в) подсчет коррелятов исходной формы теста с перечисленными ниже всевозможными психофизиологическими и психологическими показателями; г) «вербализация обнаруженных корреляционных связей с представлением результатов в виде групп вопросов (9 вопросов на каждый сюжет); д) проведение дополнительного исследования на новой группе испытуемых с целью корректировки вопросов; е) проведение нового исследования на новых выборках с целью дальнейшего уточнения смысла вопросов. ж) расчет психометрических показателей анкеты с целью формирования окончательного варианта анкеты, готового к применению другими исследователями.

Опишем процесс создания новой анкеты более подробно.

Законы формирования вопросов.

В новой анкете представлены 36 групп вопросов, каждая из которых соответствует исходной форме из 36 сюжетов, но вопросы уже более точно соответствуют психологическому портрету каждого сюжета. В каждой группе вопросов есть такие части: 1. Психофизиологический пласт (включает в себя оценку степени выраженности активации трех блоков мозга — корковая активация, вегетативная активация и двигательная активация). Такая группа вопросов нужна для того, чтобы оценить соотношение трех блоков активации, не производя исследований с использованием аппаратуры, что не всегда возможно. 2. Психологический пласт, содержащий вопросы, касающиеся степени выраженности основных психологических черт, соответствующих каждому сюжету. 3. Социально-психологический пласт. Оценивает влияние на поведение социальных воздействий.

После того, как были подсчитаны корреляции между множеством психологических, психофизиологических и социально психологических показателей с параметрами первого варианта анкеты, были составлены вопросы для нового варианта анкеты. Поскольку новая анкета не была подвергнута стандартизации, то ее целесообразно называть анкетой. Каждый сюжет определялся 9 вопросами. Смысл работы состоял в том, что для формирования поведения, соответствующего каждому сюжету, в психике должна сформироваться некая Функциональная Система, обеспечивающая организацию поведения, соответствующее такому сюжету. Таким образом, каждый вопрос имел такой смысл:

1. Коровые показатели (корковое влияние)
2. Вегетативные показатели (вегетативное влияние);
3. Двигательные показатели (влияние двигательной активации на поведение);
4. Степень невротизации;
5. Степень психопатизации;
6. Перфекционизм
7. Социальное влияние. Наиболее высокая корреляция индекса данного сюжета (первый вариант анкеты) с некоторым показателем CPI, (считалось, что наиболее высокая корреляция лучше всего характеризует данного испытуемого по шкалам CPI), она наиболее характерна для данного испытуемого по данному сюжету;
8. Наиболее характерный механизм психологической защиты для данного сюжета;
9. Вопрос на определение степени «полезависимости-полenezависимости».

Сформировав таким образом вопросы для нового варианта опросника-анкеты, сопоставили его с исходным вариантом анкеты. Всего в новом варианте анкеты стало $36 \times 9 = 324$ вопроса. Были подсчитаны коэффициенты корреляции между двумя вариантами анкеты. Оказалось, что в большинстве случаев корреляции отсутствуют, изменяясь в пределах от $-0,42$ до $+0,35$. Причем, в нашей таблице корреляций всего 2 значимых коэффициента корреляции, из 36 возможных, (они и указаны выше). Другими словами, индикаторы двух вариантов анкеты измеряют разные параметры. Теперь надо задаться вопросом: «А что же измеряют два разных анкеты?» Для этого надо посмотреть на характер вопросов каждой анкеты. В раннем варианте анкета определяет играемую роль в момент проведения замера. В новом варианте анкеты определяли, в сущности, конституционную предрасположенность испытуемого к поведению, соответствующему тому или иному сюжету, т.е. решали, какой сюжет

наиболее характерен для данного испытуемого, если исходить из его природных особенностей. Таким образом, получаем представление о том, какую роль человек может играть, а какую он вынужден играть на самом деле. Вполне возможно, что разница между тем, что человек может делать и тем, что он делает на самом деле, и есть источник внутреннего конфликта у конкретного человека. Такую разницу предлагаем назвать как «напряжение сюжета».

Другими словами:

$HC = S_n - S_c$, где

S_n — индекс выраженности сюжета в его новом варианте,

S_c — индекс выраженности сюжета в исходном варианте

HC — напряжение сюжета. Может принимать как положительные, так и отрицательные значения.

1. Балин В.Д., Жукова Д.И., «Разработка опросника «36 ролевых сюжетов»» // Вестник психофизиологии (Psychophysiology News) / Международное научное психофизиологическое содружество (International Scientific Psychophysiological Society) / Д.И. Жукова, В.Д. Балин // ISSN 2227–6157. Выпуск №4–2019 г., Санкт-Петербург, стр. 79–85
2. Жукова Д.И., «Опросник «36 ролевых сюжетов» в психофизиологической диагностике типов поведения индивида» // Национальное здоровье (National Health). Политематический сетевой научный журнал (ISSN (Он-лайн) 2410–8952) ISSN 2412–9062 (Print) от 25.12.2019 Выпуск №4–2019 г.

Экспериментальное исследование эмоционального отклика молодых людей на идентичные стимулы в тактильной и зрительной модальности

Эмоциональный отклик, тактильная, зрительная модальность, молодой возраст

Введение. Исследование эмоционального отклика на различные стимулы имеет значение для изучения эмоциональной сферы в возрастном аспекте, также оно расширяет наши представления о кроссмодальном, универсальном эмоциональном отклике (в контексте перцептивных универсалий по Е.Ю.Артемьевой). Широкое распространение пользования интернетом для разных целей (образовательных, коммуникативных и других) требует более детального знания об уникальности-универсальности (единообразии) восприятия реалистических или виртуальных стимулов.

Постановка проблемы. Работа — часть исследования эмоционального отклика на тактильные стимулы при психической патологии, пока оценена типичность-уникальность эмоционального отклика на тактильные стимулы у нормотипичных молодых лиц. По словам Б. Г. Ананьева, прикосновение — это "фундаментальное явление человеческой деятельности". Первая часть работы — оценка эмоционального отклика на тактильные стимулы при непосредственном ощупывании стимулов без зрения. Введение локдауна не позволило завершить обследование, мы перевели работу в плоскость кроссмодального оценивания эмоционального отклика на тактильные стимулы, предъявляемые зрительно по интернету. Предполагалось наличие и универсальности, и специфичности эмоционального отклика в связи с ассоциированием тактильного стимула с разными по степени значимости и знаку отношения фигурами и/или событиями.

Материал и методы исследования. 2 выборки молодых людей, учащихся старших классов школы и первых курсов вузов, 1 выборка — 32 испытуемых 15–17 лет (ЭОТ — эмоциональный отклик на тактильные стимулы), 2 выборка — 27 человек 15–23 лет (ЭОЗИ — эмоциональный отклик на те же стимулы, предъявленные зрительно через интернет).

Методика: Стимулы: 7 стимульных карточек с различными поверхностями (1- жесткая поверхность губки; 2-ворсовое полотенце с каплями воска; 3-пузырчатая упаковочная пленка; 4-наждачная бумага; 5- мягкий мех; 6-гладкая пластиковая поверхность; 7-фольга). Процедура проведения. Испытуемому предлагалось ощупать каждый стимул и оценить степень его приятности по шкале от 1 до 5. Затем снова предъявляются все стимулы и требуется последовательно выбрать из них тот, который ассоциируется с отдыхом; экзаменом; самим собой; материнской и отцовской фигурой. Для ЭОТ стимулы предъявлялись на ощупь, для ЭОЗИ — те же стимулы предъявлялись по интернету, т.е. уже в зрительной модальности.

Параметры оценки: средний балл эмоционального отклика (приятности) по каждому стимулу в ЭОТ и ЭОЗИ, средний балл эмоционального отклика, ассоциированный с отдыхом; экзаменом; самим испытуемым; матерью и отцом также в обеих выборках.

Основные результаты. Среднему баллу по эмоциональному отклику групп ЭОТ и ЭОЗИ различались достоверно только для двух стимулов: 6 (гладкая пластиковая поверхность), где показатель ЭОТ достоверно выше ($p \leq 0,01$) показателя ЭОЗИ и 7 (фольга), где обратное соотношение, показатель ЭОТ достоверно ниже ($p \leq 0,05$) показателя ЭОЗИ. Возможно, такое разногласие определяется наличием цвета и других визуальных характеристик, недоступных при тактильном ощупывании и значимых при зрительном восприятии тех же стимулов. Интересно, что и в словесном ассоциировании ответы ЭОТ и ЭОЗИ для этих стимулов существенно различались. По иерархии стимулов по баллу эмоционального отклика обе выборки совпадали только для высоких 1–2 места (5 — мягкий мех и 3 — упаковочная пузырчатая пленка), в остальных позициях выборки не совпадали.

Ассоциативные выборы стимулов к позициям: отдых; экзамен; я сам, мать, отец в группах ЭОТ и ЭОЗИ в основном совпадали, достоверно отличались выборы карточек, ассоциированных с отдыхом ($p \leq 0,01$) и с отцовской фигурой ($p \leq 0,05$).

Резюме. Результаты указывают на определенные универсалии эмоционального отклика на тактильные стимулы при тактильном и зрительном их предъявлении, при наличии ряда несовпадений. Для выявления базовых причин такого несовпадения необходимо расширение выборки, более подробный анализ вербального сопровождения ассоциаций, введение клинической выборки.

Жизненные ориентации трудоустроенных и не работающих женщин с раком молочной железы

Ориентации, рак молочной железы, уровень пессимизма, уровень оптимизма, онкологические заболевания

В последние десятилетия наблюдается рост заболеваемости злокачественными опухолями. На этом фоне большое значение приобретают исследования психологических факторов, которые могут оказывать влияние на возникновение заболевания и его протекание. Так как влияние психологических особенностей личности на течение онкологического заболевания по-прежнему остается малоизученным, то в связи с этим актуально рассмотреть жизненные ориентации женщин с диагнозом рак молочной железы.

Целью исследования является изучение особенностей жизненных ориентаций у трудоустроенных и не работающих женщин с диагнозом рак молочной железы.

Гипотеза: уровень оптимизма и пессимизма у женщин с диагнозом рак молочной железы имеет отличительные особенности в зависимости от рабочего статуса.

В качестве методики исследования выступил тест жизненной ориентации (адаптация Д.А. Циринг, К.Ю. Эвниной). Тест направлен на изучение уровня оптимизма, представляя собой утверждения, часть из которых характеризуют положительное представление о будущем (оптимистические), часть — отрицательные (пессимистические), что позволяет исследовать разные полюса данной проблемы. Утверждения формулировались в соответствии с теорией, разработанной М.Ф. Шейером и Ч.С. Карвером, по образцу изначально существующих вопросов с учетом этнопсихологического фактора, что наряду с внутренней согласованностью методики обеспечивает ее конструктивную валидность.

Исследование проводилось на базе Челябинского областного клинического центра онкологии и ядерной медицины. В исследовании приняли участие 186 человек с диагнозом «рак молочной железы» с 1 по 4 стадии. Из них работающие — 95 респондентов, не работающие, пенсионеры — 91.

Под жизненными ориентациями понимаются жизненные цели и средства их реализации [1]. Е. Ю. Коржова понимает жизненные ориентации как общие субъект-объектные ориентации, которые человек проявляет относительно ситуации своей жизнедеятельности [2]. Согласно М.Ф. Шейеру и Ч.С. Карверу, оптимизм рассматривается как обобщенные положительные ожидания индивида, которые можно в большей или меньшей степени распространить на всю его жизнь; пессимизм описывает отрицательные обобщенные ожидания индивида относительно будущего [3].

Согласно полученным данным, выраженность пессимизма была обнаружена у не работающих женщин ($p=0,005$). Выраженность оптимизма по сравнению с не работающими выше у трудоустроенных женщин ($p=0,005$). Это может говорить о том, что наличие работы дает женщине уверенность, стабильность, эмоциональную устойчивость, независимость в материальном плане, самодостаточность. Рабочая деятельность может быть для женщины поддержкой, так как она чувствует свою причастность к ней, реализуясь профессионально и её жизнь, при этом, не ограничена наличием болезни. Не работающие женщины наоборот могут быть более уязвимы, столкнувшись с болезнью. Это может сказаться на их самооценке и усилить чувство зависимости от других, привести к появлению чувства ущербности по сравнению со здоровыми людьми и тем самым к погружению в болезнь и застреванию на ней.

Полученные данные могут быть использованы в психологической реабилитации женщин с диагнозом рак молочной железы, для улучшения качества их жизни и социальной реабилитации, для повышения эффективности лечения и выздоровления.

1. Яковук Т.И. Характеристика жизненных ориентаций молодежи в постсоветской действительности // *Doctrina. Studia społeczno-polityczne*. 2004. №1. С.153–160.
2. Грачев А.А. Организационная среда и реализация жизненных ориентаций работника // *Психологический журнал*. 2009. Том 30. №3. С. 28–38.
3. Циринг Д.А., Эвнина К.Ю. Вопросы диагностики оптимизма и пессимизма в контексте теории диспозиционного оптимизма // *Психологические исследования*. 2013. Т. 6. № 31. С. 6.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 21-18-00434*

Нейродинамические особенности мальчиков 13–14 лет в зависимости от соматотипа

Мальчики, нейродинамика, соматотип

Психофизиологические работы, посвящённые изучению сенсомоторной реакции, краткосрочной механической памяти и других параметров проводятся на протяжении многих десятков лет. Однако остается актуальным вопрос индивидуально-типологических различий психофизиологических и нейродинамических особенностей, которые могут послужить основой для профилактической работы, профессиональной и спортивной ориентации.

Цель исследования — изучить нейродинамические особенности мальчиков 13–14 лет разных соматотипов [1].

В исследовании приняли участие 152 мальчика 13 до 14 лет. Были изучены такие показатели, как простая слухо-моторная реакция (ПСМР), простая зрительно-моторная реакция (ПЗМР) и сложная зрительно-моторная реакция (СЗМР). Достоверность результатов оценивалась с помощью критерия Стьюдента. Обследуемые были разделены на группы в зависимости от конституционального типа: микросоматический (Ми) (34 %), мезосоматический (Ме) (46 %) и макросоматический (Ма) (20 %) типы.

Изучение ПЗМР позволило установить, что мальчики микросоматического типа превосходили сверстников других соматотипов по скорости реагирования на зрительный раздражитель, что свидетельствует о более высокой скорости проведения возбуждения по рефлекторной дуге. Данный показатель статистически значимо увеличивался в ряду «Ми-Ме-Ма». По количеству ошибок подростки микросоматического типа допускали достоверно больше ошибок, что свидетельствует о более низком качестве выполняемой работы во время реагирования на зрительный раздражитель по сравнению с другими соматотипами.

В ряду «Ми-Ме-Ма» у мальчиков наблюдалось достоверное снижение показателя ошибки средней экспозиции при выполнении ПЗМР, что свидетельствует о более стабильной реакции и оптимальном уровне функционирования центральной нервной системы мальчиков макросоматического типа.

Анализ показателей ПСМР позволяет установить достоверное увеличение среднего значения времени реакции и инверсионное изменение количества ошибок, ошибки средней и в ряду «Ми-Ме-Ма». Наибольший показатель среднего времени реакции и меньшее число ошибок имеют мальчики макросоматического типа, они обладают низкой скоростью реакции на звуковой стимул. Обследуемые микросоматического типа обладают высокой скоростью простой сенсомоторной реакции на звуковой стимул и большим числом ошибок.

Основным критерием силы нервных процессов принято считать работоспособность ЦНС, выражающуюся в способности выдерживать длительное и концентрированное возбуждение или действие очень сильного раздражителя, которые не переходят в состояние запредельного торможения [2]. Использование

СЗМР в качестве характеристики силы и лабильности нервных процессов в результате смены цветового сигнального значения позволило выявить особенности протекания нервных процессов и оценить скорость выполнения рефлекторных реакций.

Анализ данного показателя позволил выявить, что у мальчиков макросоматического типа среднее время реакции было статистически значимо выше по сравнению с представителями микросоматического типа. Количество ошибок и ошибка средней у обследуемых макросоматического типа было статистически значимо меньше по сравнению с другими соматотипами.

Таким образом выявлено, что нервная система мальчиков микросоматического типа является более лабильной, при лучшей скорости реакции было допущено большее количество ошибок, тогда как подростки макросоматического типа, имея меньшую скорость реакции, допускали меньшее количество ошибок, что свидетельствует о более устойчивых показателях функционирования нервной системы.

1. Айзман Р.И., Айзман Н.И., Суботялов М.А. Психофизиологические основы профориентации учащихся. — Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2009. — 112 с.
2. Михайлова Л.А., Орлова С.Н. Особенности нейродинамических процессов у студентов с различным типом работоспособности нервной системы // Современные проблемы науки и образования. — 2016. — № 2.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=24155> (дата обращения: 19.06.2021).

Психофизиологические нетраспортные окуло-кардиографические предикторы индивидуальных особенностей субъекта

Нетраспортные предикторы, ценностные установки, окулометрия, айтрекеры, кардиометрия, кардиокод

В результате проведенных исследований было обнаружено, что получаемые с помощью айтрекеров окулографические и кардиометрические с помощью кардиокода данные о характере рассматривания респондентами особым образом подобранных визуальных стимулов позволяют выявлять тех респондентов, у которых в момент тестирования преобладающими оказываются различного рода негативные переживания. Было установлено, что одним из значимых показателей таких состояний может служить повышенное внимание респондента к деталям стимулов с отрицательной эмоциональной окраской (лица охваченных негативными переживаниями людей, геометрические фигуры черного, серого, коричневого цвета, драматические сюжеты, изображения различного рода опасностей). Также было установлено, что для работы в условиях недоверия респондента к процедуре тестирования можно использовать выявленные корреляции между доминирующим негативным эмоциональным состоянием испытуемого и его чрезмерной фиксацией на текстовой части стимулов [1,2].

Проведенные исследования дали возможность утверждать, что показателями настороженности, тревожного самоконтроля может служить повышенное внимание к символическим обозначениям власти, лидерства, персонального превосходства в сочетании с преимущественной фиксацией взгляда на сегментах, олицетворяющих скрытность, сдержанность, а также стремление к покою и безопасности. Неочевидным для самого респондента признаком преобладания у него указанного состояния является чрезмерная по сравнению со среднестатистическими показателями фиксация его внимания на сегментах, олицетворяющих разного рода границы (например, как это было в нашем случае, на самой красной черте под надписью «за черту нельзя!») [3,4,5].

Методы исследования. Для проверки нашего предположения были использованы айтрекеры GP-3 с рабочей частотой 60 Гц. Для уточнения характера аффективных составляющих реакции на визуальные стимулы применялся компьютерный кардиорегистратор Кардиокод. Основным фиксируемым нами окулографическим показателем было выбрано время фиксации взгляда на заданных экспериментаторами, но заранее испытуемому неизвестных фрагментах визуального стимула. С помощью стандартного для указанного типа айтрекеров программного обеспечения в автоматическом режиме оценивалась удельная длительность таких фиксаций (в процентном отношении к общему времени демонстрации стимула). В качестве показателя преобладания в саморегуляции испытуемого парасимпатической или симпатической нервных систем использовался вегетативный

индекс напряженности Р.М. Баевского, расчет которого в кардиографах указанного типа производится автоматически.

В исследовании в общей сложности приняло участие 148 человек в возрасте от 17 до 68 лет. Перед тестированием респондентам давалось задание смотреть туда, куда они сами хотят, но только в пределах экрана айтрекера. После завершения тестирования с каждым респондентом проводилась посттестовая беседа. В это время демонстрировались и обсуждались записи движения глаз респондента, его состояние, возможные объяснения полученных окулокардиометрических данных. После завершения работы со всеми испытуемыми общая статистическая обработка полученных данных для всей выборки осуществлялась с помощью профессионального стандартного пакета STADIA 8.0.

Результаты и их обсуждение. Полученные результаты подтвердили наше предположение о том, что введенные в число визуальных стимулов элементы с неочевидным для испытуемых смыслом, но с устойчивыми ассоциациями с определенными ценностями, качествами и установками могут выполнять роль нетраспорентных («непрозрачных», неочевидных) психофизиологических предикторов индивидуальных особенностей респондентов как субъектов жизнедеятельности. Например, комплексным предиктором отношения к себе как к человеку слабому, испытывающему сильные внутренние противоречия служат демонстрируемые одним и тем же респондентом предпочтительные фиксации внимания на фотографии охваченного ужасом ребенка, квадратах темных цветов, на опасной зоне под скалой, таких противоречащих друг другу требований к работе, как «быстро» и «без ошибок», на фразе «я — человек» и расположенных справа обращенных вверх острием треугольниках животных неблагообразного вида.

Выводы. В результате проведенного исследования получены подтверждения предположения о том, что элементы с неочевидным для испытуемых смыслом, но с устойчивыми ассоциациями с определенными ценностями, личностными качествами и установками могут выполнять роль нетраспорентных («непрозрачных», неочевидных) психофизиологических предикторов индивидуальных особенностей респондентов как субъектов жизнедеятельности. Подобные предикторы позволяют оценивать принадлежность тестируемого к определенным личностным типам и его склонность даже к таким формам сценарного поведения, которые сам респондент может считать социально неодобряемыми.

1. Огнев А.С., Лихачева Э.В. О возможности использования айтрекера для инструментальной диагностики субъектных характеристик личности. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 8–1. С. 176–180.
2. Огнев А.С., Петровский В.А., Лихачева Э.В. Окулометрические проявления психологических установок респондентов в отношении восприятия визуального контента // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2018. № 2. С. 41–48.
3. Zernov V.A., Lobanova E.V., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Dymarchuk D.D., Yesenin D.S., Mizin N.V., Ognev A.S., Rudenko M.Y. Cardiometric fingerprints of various human ego states // *Cardiometry*. 2019. № 15. С. 38–42.
4. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнев А.С., Пырра Р.В. Специфика использования айтрекеров в сочетании с фокусированным

интервью при аттестации сетевого контента // Человеческий капитал. 2021. №1 (145). С. 73–82.

5. Дымарчук Д.Д., Есенин Д.С., Лихачева Э.В., Мизин Н.В., Николаева Л.П., Огнев А.С. Окулометрические проявления феномена отраженной субъектности // Человеческий капитал. 2021. №3 (147). DOI: 10.25629/HC.2021.03.

Оценка психологического статуса подростков, обучающихся в профильном и специализированном классах

Подростки, дезадаптация, типы обучения, профильное образование, психологический статус, тревожность, стрессоустойчивость

Профильное образование представляет собой систему специализированной подготовки старшеклассников, направленную на более индивидуализированный процесс обучения. Оно отвечает реальным запросам и ориентациям учеников старшей школы, которое способствует обеспечению осознанного выбора детей своей профессиональной деятельности. Включает в себя специализированные классы с внеурочной деятельностью, которая предусматривает обязательную организацию деятельности ребенка после уроков, что влечет за собой повышенную учебную нагрузку. Как правило, это глубокое погружение в спец. предмет, или подготовку к олимпиадам, конкурсам и конференциям различного уровня, что может привести к перегрузке обучающихся и к срыву адаптационных возможностей.

Исследование проводилось на базе Аэрокосмического лицея им. Кондратюка, города Новосибирск. С целью изучения психологического статуса подростков в условиях повышенной учебной нагрузки, была сформирована выборка школьников в возрасте 15–17 лет (9–10 класс), обучающихся в профильных и специализированных классах.

В ходе исследования были использованы следующие методики:

- Методика «Оценка уровня тревожности» (Ч.Д. Спилберг, Ю.Л. Ханин)
- Методика «Оценка стрессоустойчивости» (Т. Холмс, Р. Рэй).

Результаты методик показали достоверные различия между классами.

Специализированный класс показал более высокий уровень тревожности и низкий уровень стрессоустойчивости, по сравнению с профильным, как у девятого так и у десятого класса. Подростки, обучающиеся в специализированных классах, характеризуются напряжением, беспокойством, что может вызывать у них нарушение внимания и памяти, так же переживаниями за свою деятельность, так как возрастают конкурентные отношения со сверстниками, это сказывается на их обучаемости и взаимоотношениях.

В соответствии с полученными данными составлены рекомендации родителям обучающихся, психологу и преподавателям по безопасности образовательного процесса.

1. Айзман Р.И., Айзман Н.И., Суботялов М.А. Психофизиологические основы профориентации учащихся. Новосибирск: НГПУ, 2009. 112 с.
2. Суботялов М.А. Шульгина Н.С., Куприна Н.С. Функциональные и психофизиологические особенности школьников, обучающихся в условиях специализированного и профильного классов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (20). с. 81–87

Связь самооценки идентификации с природой и особенностей активации мозга

Идентификация с природой, экологически значимые стимулы, полушарная активность, ЭЭГ

Согласно структурно-эволюционному подходу связь человека с природой была условием его выживания (Grinde, Patil, 2009). Антропогенное влияние на биосферу изменило ситуацию принципиально, однако с позиций генетически заложенного свойства биофилии идентификация с природой (ИП) рассматривается как значимый компонент ментального благополучия и ощущения счастья (Caradi et al., 2014). С другой точки зрения проэкологическое поведение предлагается рассматривать как целенаправленное поведение человека согласно его осозанным мотивам деятельности (Beery, Wolf-Watz, 2014). Следовательно, является ли связь человека с природой результатом опыта или обучения, географического места проживания или присутствует как врожденное свойство, остается актуальным вопросом.

Ранее нами было показано, что при самооценке впечатления от просмотра специально созданных фильмов о природных ландшафтов или техногенной среды мегаполиса для пожилых респондентов была характерна более выраженная реакция с полярными эмоционально-эстетическими и мотивационно-активационными оценками в сравнении с впечатлением молодых людей (Разумникова, Варнавский, 2017), что скорее согласуется с гипотезой обучения и переходу современного человека от чувства биофилии к урбанофилии (Sanchez et al., 2013).

В связи с такими противоречивыми точками зрения целью настоящей работы стало выяснение соотношения ИП и нейрофизиологических коррелятов восприятия экологически значимых стимулов.

В исследовании приняли участие 12 студентов университета в возрасте 19–23 года.

Для выяснения субъективной оценки ИП использовали методику «Идентификация с природой» (Клейтон и др., 2019).

Для анализа полушарной активации мозга, асимметрия которой связывается с доминирующей мотивацией приближения или избегания, применяли 19-ти канальную регистрацию ЭЭГ в состоянии покоя с открытыми глазами (ФОГ) и при просмотре фильмов природного (ЭКО+) и урбанистического (ЭКО-) содержания. С использованием программы WinEEG на основе быстрого преобразования Фурье вычисляли показатели мощности в 7 частотных диапазонах от дельта до гамма.

В результате корреляционного анализа суммарных показателей мощности ЭЭГ и значений ИП обнаружена значимая положительная взаимосвязь для высокочастотных диапазонов: с мощностью бета2 и гамма осцилляций в фоне и с альфа2 в ситуации ЭКО- (0,60R_s0,72 при 0,008p<0,04). Анализ регионарных особенностей этих связей показал, что на частоте альфа 2 диапазона они представлены в лобной части коры, преимущественно правого полушария, а на частоте бета2 диапазона смещены в заднюю часть коры с максимально широким

представлением этих связей в фоновом состоянии и их сохранении в центрально-височно-теменных областях в ситуации восприятия экологически значимых стимулов.

Таким образом, получены доказательства взаимосвязи ИП с преднастройкой активации мозга и с правополушарной реакцией восприятия техногенных стимулов, отражающей мотивацию избегания.

1. Клейтон С., Ирхин Б.Д., Нартова-Бочавер С.К. (2019). Идентификация с природой в России: валидизация метода и связь с заботой о людях и растениях. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 16 (1), 85–107.
2. Разумникова О.М., Варнавский И.Н. (2017). Особенности эмоционального отношения к природным и техногенным ландшафтам в молодом и пожилом возрасте. *Валеология*, 4, 55–61.
3. Beery T.H., Wolf-Watz D. (2014). Nature to place: Rethinking the environmental connectedness perspective. *Journal of Environmental Psychology*, 40, 198–205.
4. Capaldi C.A., Dopko R.L., Zelenski J.M. (2014). The relationship between nature connectedness and happiness: a meta-analysis. *Front. Psychol.* 976–993.
5. Grinde B., Patil G. G. (2009). Biophilia: does visual contact with nature impact on health and well-being? *International journal of environmental research and public health*, 6(9), 2332–2343.
6. Sanchez M.P.M., de la Carza A.G., Rangel M.L.S. (2013). Study about the emotional valence of environmental concepts using affective priming technique. *Int J Psychol Res.* 6(2), 50–58.

Психофизиологические особенности специалистов МЧС России

Психофизиологические особенности, специалисты МЧС России, профессиональная деятельность, психофизиологический статус

В процессе выполнения профессиональной деятельности специалисты МЧС России подвергаются воздействию разнообразных внешних факторов, что может негативно влиять на высшую нервную деятельность (ухудшение внимания и памяти, снижение скорости реакции и др.), что отражается на их работоспособности и эффективности профессиональной деятельности. Таким образом, актуальным и важным является выявить особенности психофизиологической сферы специалистов МЧС России для своевременного проведения необходимых мероприятий.

В исследовании приняли участие 322 специалиста МЧС России (пожарные, спасатели, водители пожарных машин, пилоты, инспектора пожарной безопасности и ГИМС, оперативные дежурные и другие). Средний возраст $36,4 \pm 9,7$; стаж работы по профессии $9,8 \pm 8,8$. Исследование проводилось с помощью Устройства психофизиологического тестирования УПФТ-1/30-«Психофизиолог», включающего методики вариационная кардиоинтервалометрия (ВКМ), простая зрительно-моторная реакция (ПЗМР), простая зрительно-моторная реакция в ответ на начало движения (ПЗМР ДС), простая слухо-моторная реакция (ПСМР), сложная зрительно-моторная реакция (СЗМР), сложная зрительно-моторная реакция с выбором в 3 этапа (СЗМР 3), сложная зрительно-моторная реакция на световые комбинации (СЗМР СК), оценка подвижности нервных процессов (ФПНП), реакция на движущийся объект (РДО), теппинг-тест (ТТ), статическая треметрия (СтТрем), динамическая треметрия (ДинТрем). Для исследования структуры психофизиологических особенностей специалистов МЧС России применялся факторный анализ (метод «Главных компонент», вращение «Варимакс»). Получено 25 факторов с собственным значением более 1 и объясняющих более 80 % совокупной дисперсии. Критерием включения в фактор являлось значение факторной нагрузки 0,5 и более. Так как показатели, нагружающие каждый фактор, имеют схожее направление, то при помощи корреляционного анализа (Спирмен) определили взаимосвязь между показателями, входящими в разные факторы ($p \leq 0,05$).

Оценка полученных результатов позволила определить психофизиологические особенности специалистов МЧС России: 1. Свойства нервных процессов: возбуждение, торможение, подвижность (СЗМР 3) — реакция и поведение человека при изменении условий окружающей среды; 2. Активация ЦНС по зрительному анализатору (ПЗМР) — утомление, работоспособность и общее функциональное состояние; 3. Активация ЦНС по слуховому анализатору (ПСМР) — оценка скорости протекания нервных процессов, стабильность реакции на звуковой стимул; 4. Работоспособность в условиях повышенной концентрации внимания (СЗМР); 5. Сила нервных процессов (ТТ) — скорость включения в новую деятельность и способность к длительному выполнению деятельности без снижения ее

эффективности; 6. Реакция на движущийся объект (РДО) — оценка скорости и точности реагирования, способность к восприятию изменений пространственно-временных событий; 7. Двигательная реакция (ПЗМР ДС) — утомление, функциональное состояние, подвижность нервной системы; 8. Реакция выбора (СЗМР СК) — скорость реакции, обнаружение и анализ сигнала из «ненужных» помех; 9. Функциональная подвижность нервных процессов (ФПНП) — успешность восприятия и мышления, концентрация и переключение внимания, способность оперировать пространственными образами; 10. Точность воспроизведения движений в статике (СтГрем) и динамике (ДинГрем) — точность движений и их пространственная характеристика в неподвижном состоянии и в процессе движения, тонкая сенсомоторная координация и функциональное состояние.

Полученные результаты имеют большое практическое значение, так как могут быть использованы при разработке и проведении соответствующих психопрофилактических/психокоррекционных мероприятий, а также позволяют вывести статистические нормативные показатели на выборке специалистов МЧС России с дальнейшим описанием принципов интерпретации по каждой методике, что даст возможность прогнозировать вероятность возникновения негативного психофизиологического статуса специалистов МЧС России.

1. Егорова М.С. Психология индивидуальных различий. — М.: Планета детей, 1997. — 328 с.
2. Филиппов М.М. Психофизиология функциональных состояний: Учеб. пособие. — К.: МАУП, 2006. — 240 с.

Проявление эмоционального возбуждения в мимической активности при восприятии знакомых и незнакомых лиц

Распознавание лица, узнаваемость лица, эмоциональная реакция, эмоциональное возбуждение, мимика, мимическая активность, система кодирования лицевых движений FACS, FaceReader, судебная психологическая экспертиза

В последнее десятилетие активно разрабатываются автоматизированные экспертные системы, направленные на регистрацию и анализ сокращений мимических мышц человека по видеоизображению [1]. Одной из актуальных прикладных задач является оцифровка и распознавание мимических проявлений эмоций человека [4]. Исходя из нейрокультурной модели П. Экмана, переживание конкретной эмоции сопровождается уникальным паттерном мимических реакций, которые описываются с использованием международной системы кодирования лицевых движений FACS [2, 3].

Эксперимент проводился на базе Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. В исследовании принял участие 41 студент (8 юношей, 33 девушки от 18 до 24 лет.). Стимульный материал представлял собой три блока фотографий лиц людей: 1) люди, которые лично знакомы участнику (4 фото) — «Знакомые»; 2) публичные, легко узнаваемые люди (4 фото) — «Известные люди»; 3) незнакомые люди (8 фото) — «Незнакомые». В каждом блоке количество фотографий женщин и мужчин было равным. Из выбранных фотографий было сформировано четыре видеоряда с рандомизированным порядком предъявления стимулов. Для анализа видеоизображения был использован FaceReader — коммерчески доступное ПО для автоматического анализа выражения лица на основе системы кодирования действий лица (FACS).

В качестве основного анализируемого показателя был использован параметр Возбуждение (Arousal), который характеризует общую мимическую активность лица при восприятии стимула и отражающий общий уровень возбуждения.

Для проверки гипотезы о различиях в уровне эмоционального возбуждения (Arousal) при неоднократном восприятии стимулов различной степени узнаваемости был проведен двухфакторный дисперсионный анализ.

Обнаружен эффект сочетанного влияния категории стимула и порядка предъявления стимула на уровень эмоционального возбуждения: Категория стимула $F=2,517$, Предъявление: $F = 27,362$ ($p \leq 0,0001$), Категория стимула*Предъявления $F=8,31$ ($p \leq 0,0001$).

Для определения характера полученных зависимостей был проведен *post hoc* анализ с применением *t*-критерия Стьюдента с поправкой Бонферрони.

При восприятии стимулов каждой категории мимическая активность при первом предъявлении стимула значимо отличалась от активности при последующих предъявлениях ($p \leq 0,001$).

Выявлены значимые различия уровня мимической активности при восприятии стимулов различных категорий только при первом предъявлении стимулов:

активность при восприятии стимулов категории «Знакомые» значимо выше по сравнению с реакцией на категория «Известные личности»: $t = 6,854$, $p \leq 0,0001$. Одновременно с этим мимическая активность при восприятии стимулов категории «Незнакомцы» значимо выше по сравнению с категорией «Известные личности»: $2,877$, $p \leq 0,05$.

Выполненное исследование позволило выявить особенности реагирования людей при восприятии визуальных стимулов различной субъективной значимости. При первом восприятии ряда стимулов участники проявляют различный уровень мимической активности в зависимости от категории стимула. Наиболее сильную реакцию вызывают фотографии людей, с которыми участники эксперимента знакомы лично. При последующих предъявлениях ряда стимулов данное различие перестает наблюдаться и общий уровень мимической активности снижается до определенного минимального значения.

Выявленные эффекты имеют как прикладное значение для разработки данного метода в контексте судебно-экспертной практики, так и представляет самостоятельный теоретический интерес.

1. Хавыло А. В. [и др.]. Компьютерные методы оценки общей мимической активности при восприятии субъективно значимой информации (в контексте задач судебной психологической экспертизы) // Вестник калужского университета. № 1 (4). С. 12–23.
2. Allen M. Facial Action Coding System 2017.
3. Ekman P., Friesen W. V., Hager J. C. Facial Action Coding System — Investigator's Guide / P. Ekman, W. V. Friesen, J. C. Hager, 2002.
4. Leonova E. [и др.]. Mimic indicators of mental processes during forensic psychological expertise: assessment and analyzing methods 2019. С. 69.

Алборова А.В.
Владикавказ, СОГПИ

Дреева С.В.
Владикавказ, ФГБОУ ВО СОГУ

Психологические факторы доверия в межэтнических отношениях

Доверие, межэтнические отношения, межэтнические установки, этническая идентичность.

Проблемы гармонизации межэтнических отношений являются значимыми и актуальными для поликультурного общества. В современной науке межэтнические отношения рассматриваются в аспекте воздействия на них исторических, политических, культурных, экономических, социальных и психологических факторов. Выявление ситуативных, социально-демографических, личностных факторов формирования и поддержания доверия в современном социуме является важной задачей, стоящей перед учеными, в частности, занимающихся проблемами социального капитала общества. Факторы доверия в отношениях рассматриваются в работах И.В. Антоненко, Е.П. Ильина, А.Б. Купрейченко Т.П. Скрипкиной и др. Кросс-культурные особенности доверительных отношений изучают такие отечественные и зарубежные ученые как С.Д. Гуриева, М.М. Борисова, Дж. Коулмен, А.Н. Татарко, Ф. Фукуяма и др.

Доверие является своего рода состоянием, часто возникающим под воздействием предшествующего опыта, определяющее готовность человека к проявлению реального поведения по отношению к объекту [1. с. 30]. Мы предположили, что в качестве психологических факторов, влияющих на доверие в межэтнических отношениях, можно выделить особенности этнической идентичности и межэтнические установки этнофоров. Этническая идентичность представляет собой диспозицию, которую можно охарактеризовать как установку на принадлежность к определенному этносу [2. с. 144]. Межэтнические установки проявляются в отношении и готовности к взаимодействию с другими этническими общностями в различных сферах жизнедеятельности.

Нами были опрошены 90 респондентов — представители трех этнических групп: русские, осетины, чеченцы. В исследовании использовалась методика Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко, оценивающая валентность и определенность этнической идентичности, степень выраженности гражданской идентичности и межэтнические установки [3. с.15]. Также в исследовании использовалась авторская шкала, измеряющая уровень доверия респондентов к этноконтактным группам (осетинам,

русским, чеченцам, ингушам, кабардинцам, балкарцам, грузинам, армянам и дагестанцам).

Результаты опроса показали, что у представителей русской национальности общий показатель доверия к другим этническим группам, значимо выше, чем у осетин и чеченцев (различия значимы при $p \leq 0,05$). В целом, по всей выборке было выявлено, что у 57,8% опрошенных уровень межэтнического доверия низкий, у 16,6% — средний уровень межэтнического доверия, 25,6% респондентов характеризуются высоким уровнем доверия к другим этническим группам.

Сравнительный анализ средних значений по критерию Стьюдента показал, что у респондентов с низким уровнем межэтнического доверия значимо ниже выражена позитивность этнической идентичности, общероссийская идентичность и значимо выше тревожность в межэтническом взаимодействии, по сравнению с респондентами с высоким уровнем межэтнического доверия (при $p \leq 0,05$). Также выявлено, что положительное отношение к другим этническим группам и готовность к взаимодействию с другими национальностями в различных социальных ситуациях значимо более выражена у респондентов с высоким уровнем межэтнического доверия (при $p \leq 0,01$).

Таким образом, можно сказать, что факторами межэтнического доверия выступают позитивность этнической идентичности, выраженность общероссийской идентичности, низкая тревожность в межэтническом взаимодействии и межэтнические установки, выражающиеся в позитивном отношении к другим этническим группам и готовности к взаимодействию с ними.

1. Борисова М.М. Социальные представления молодежи о доверии: дисс. ... канд-та псих. наук: 19.00.05 — СПб. 2018. — 219 с.
2. Почебут Л.Г., Мейжис И.А. Социальная психология. Изд-во «Питер», СПб., 2010. — 665 с. ISBN 978-5-49807-556-3.
3. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. Учебно-методическое пособие. Изд-во ВШЭ. М., 2011. — 237 с.

Социально-психологическая адаптация лиц, освободившихся от наказания в уголовно-исправительных учреждениях

Социально-психологическая адаптация, уголовно-исправительные учреждения, адаптация осужденных, бывшие заключенные, социализация в обществе

Введение. Нахождение в изоляции от внешнего мира и общества в целом приводит к тому, что в момент освобождения из уголовно-исправительных учреждений у бывших заключенных отсутствуют социальные связи с семьей, родственниками, друзьями, коллегами по работе. Ежедневно подчиняясь строгим правилам нахождения на территории исправительных учреждений, люди теряют свою самостоятельность и привыкают к отсутствию заботы о себе и своем окружении, что впоследствии приводит к возникновению у них цели идти по пути наименьшего сопротивления, результатом чего может стать совершение новых преступлений. С целью предупреждения новых преступлений бывшими заключенными особенное значение приобретает их социально-психологическая адаптация к нормальной жизни в современном обществе.

Постановка проблемы. Социально-психологическая адаптация бывших заключенных является сегодня особенно актуальной темой, поскольку в социальном обществе они сталкиваются со множеством проблем, а именно: разрыв социальных связей; трудоустройство; отсутствие жилья; наличие стойких психологических изменений, вызванных специфическими особенностями тюремного заключения и изоляции от внешнего мира. Все эти проблемы, при отсутствии их качественного и своевременного решения, приводят к тому, что бывшие заключенные возвращаются к характерному для них ранее асоциальному поведению, в результате чего вновь попадают в места лишения свободы.

Методы исследования: анализ теории и практики; обобщение; анализ отчетной документации; анализ социологических исследований и их результатов.

Обобщение результатов. Рассматривая вопрос о системе работы с лицами, освобожденными из мест лишения свободы, следует отметить, что на федеральном уровне отсутствует четкое нормативное правовое регулирование вопросов их адаптации. Вопросами социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, занимаются различные государственные структуры. Исходя из этого, возникают вопросы о координации их работы и критериях оценки эффективности [1].

В результате проведения исследования было установлено, что одной из наиболее острых проблем социальной адаптации бывших заключенных, является поиск места работы. Отказ работодателем в приеме на работу в связи с наличием судимости, в лучшем случае вынуждает бывших заключенных зарабатывать временными заработками, в худшем — побуждает идти на преступления.

Отсутствие работы приводит бывших заключенных к злоупотреблению алкоголем. Так, исследование показало, что за 2020 год 2 409 преступлений в Свердловской области совершены ранее судимыми лицами в состоянии алкогольного опьянения (12,5%), 198 — в состоянии алкогольного опьянения в быту (14,7%) [2].

Отметим, что в Свердловской области ежегодно проводится мониторинг социально-профессионального состава и трудовых намерений граждан, содержащихся в учреждениях исполнения наказаний, в котором в 2021 году приняли участие 374 осужденных, готовящихся к освобождению, из 6 учреждений области.

Рассмотрим результаты ежегодного мониторинга:

- после освобождения в адаптации нуждаются 71,8% осужденных;
- 23,7% участников мониторинга намерены социализироваться и искать работу самостоятельно;
- лишь 4,5% участников намереваются осваивать новые профессии и заниматься поиском работы [2].

В целом отметим, что лица, освобождаемые из мест лишения свободы, являются особой социальной группой, состоящей преимущественно из мужчин трудоспособного возраста, которые без оказания им необходимой социальной и психологической помощи не имеют возможности успешно интегрироваться в общество, не способны отказаться от совершения рецидивных преступлений, и представляют определенную опасность для населения.

1. Ананьев О.Г. Ресоциализация и социальная адаптация в уголовно-исправительной системе: учебное пособие / О.Г. Ананьев, Г.В. Щербаков. — Рязань: Академия ФСИН, 2018. — 176 с.
2. Киселева О.В. Психологические аспекты подготовки осужденных к постпенитенциарной социальной адаптации / О.В. Киселева // Инновационная наука. — 2017. — № 3–1. — С. 245–247.

Некоторые аспекты вынужденной самоизоляции у московских студентов в период начала пандемии Covid-19

Пандемия Covid-19, студенты, самоизоляция, ограничительные меры

Прошлый год поставил перед человечеством много вызовов — новая болезнь, физическое и психическое выгорание, сложная экономическая и экологическая обстановкой, усталость от неопределенности ситуации и жесткости барьеров (Марцинковская, 2020).

В конце апреле 2020 года нами было организовано исследование среди студентов 1–2 курсов очного и очно-заочного отделения одного из московских вузов. На вопросы авторской анкеты ответило 92 (77 девушек и 15 юношей) респондента от 18 до 37 лет (средний возраст 22 года). Участникам исследования было предложено письменно ответить на 16 вопросов, анкетирование проводилось дистанционно посредством сети Интернет. Ниже представлены некоторые результаты исследования пребывания студентов в ситуации самоизоляции и ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19 в начале 2020 года.

Интересовались информацией в СМИ о распространении коронавируса в стране и мире 78,3% респондентов, из них 83,8% ответили, что доверяли полученной информации. Не следили за информацией о ситуации с Covid-19 21,7% студентов. Таким образом, в представленной выборке преобладало заинтересованное отношение к ситуации с пандемией, большая часть респондентов доверяла информации, транслируемой СМИ. Однако так же было несколько ответов, которые можно назвать мнением ковид-диссидентов. Одобрили введение ограничительных мер и режима самоизоляции в стране для предотвращения распространения коронавируса 56,5% респондентов. Неоднозначно отнеслись 30,5% студентов. Высказались отрицательно 13% участников исследования. Наиболее популярными мерами предотвращения заражения и распространения вируса среди участников исследования оказались использование средств индивидуальной защиты и дезинфицирующих средств — 89,3%. На втором месте — соблюдение самоизоляции, минимизация социальных контактов — 84,8%. Среди участников исследования на момент анкетирования только 7 человек (7,6%) понесли непосредственный урон, связанный с COVID-19 (6 заболеваний и 1 увольнение с работы). Стоит отметить, что потерпевшие в той или иной мере негативно отнеслись к ситуации вынужденных ограничений свободы по отношению к себе и близким, связанным с последующим карантином и контролем со стороны органов власти. При этом подчеркнули, что лично допустили бы нарушения ограничительные предписания, если бы сочли себя здоровыми, но сочли возмутительным поведение людей, которые нарушали режим карантина и самоизоляции. Таким образом, некоторые участники исследования декларируют политику двойных стандартов. Однако в большинстве случаев респонденты демонстрировали ответственное отношение к сложившейся ситуации и выбрали тактику превентивных мер. Наибольшие опасения в связи с пандемией в будущем, респонденты высказали в отношении экономического благополучия,

психологического состояния, и глобальной модернизации многих привычных сервисов и сферы услуг. При этом были и те, кто предположил, что его жизнь после пандемии изменится в лучшую сторону.

Большинство респондентов столкнулись с бытовыми и материальными затруднениями, социальной изоляцией и прочими сложностями, многие отнеслись с пониманием и сочли обоснованными ограничительные меры несмотря на то, что на момент проведения анкетирования статистика заболеваемости и смертности была в разы ниже, чем в последующие периоды. Стоит подчеркнуть, что участники исследования стойчески восприняли временный запрет на массовые культурные и спортивные мероприятия, развлечения, однако остро реагировали на отсутствие возможности получить плановую медицинскую помощь, ряд бытовых услуг и минимизацию или полное прекращение живого общения с родственниками и друзьями. Студенты отмечали усталость, раздражение и снижение эмоционального фона от социальной изоляции и прибывания дома, сложности в самоорганизации и изменения в режиме дня, другие, напротив, подчеркивали, что качество их жизни повысилось, в связи с освободившимся временем, ранее затрачиваемом на дорогу на учебу и работу.

1. Марцинковская Т.Д. Личностные границы пространства и времени в ситуации депривации по COVID-19 // Вопросы психологии. — 2020. — № 4. С. 104–113.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 19-18-00516

Возможности игры-головоломки как методики для исследований группового копинга

Трудная ситуация, задача, цель, групповой копинг, имитационная игра, головоломка, пентамино

Под групповым копингом понимается совместное преодоление группой общей для ее участников трудной или стрессовой ситуации [1]. Кроме того копинг может быть направлен на достижение общей для членов группы трудной цели. При этом трудность и стрессогенность ситуации не тождественные понятия. Главная характеристика трудности связана с необходимостью высоких усилий, что может по-разному переживаться.

Отметим, что в ряде исследований показана специфичность группового копинга, его несовпадение с индивидуальными способами совладания, о которых сообщают участники групп [1, 2]. Однако зачастую для изучения группового копинга используются опросники, структура которых во многом повторяет способы, описанные для индивидуального совладания. В данной работе мы анализируем возможности групповой имитационной игры, моделирующей условия достижения участниками общей трудной цели.

Согласно инструкции, группе из трех человек необходимо собрать из предложенных двенадцати деталей пентамино три одинаковые фигуры. Т.е. общая групповая цель задается инструкцией и заключается в сборе головоломки, имеющей единственно верное и для большинства участников трудно находимое решение. В течение игры участники дважды заполняют бланк опросника, направленного на диагностику субъективных оценок актуальной игровой ситуации. Время игры фиксируется. С разрешения участников ведется видеозапись и протокол реплик. Дебрифинг, который проводится после игры, направлен на обсуждение ведущего с участниками их реакций, групповых процессов и др.

Данная методика позволяет изучить групповой копинг на основе 1) наблюдения за игрой участников; 2) контент-анализа их реплик во время игры; 3) анализа динамики субъективных оценок игроков в течение игры (по опроснику), а также их ответов на вопросы дебрифинга.

По результатам проведенных 64 игр (192 участника) выделены групповые и индивидуальные показатели копинг-процесса: количество манипуляций с деталями пентамино, количество предложенных (и поддержанных) решений, содержание реплик, роли, копинг-стратегии, тактика лидера, эмоциональный фон, автоматические реакции (последние — на основе обсуждения с участниками зафиксированных в протоколе реплик).

Особую ценность методика имеет для изучения динамических аспектов копинга. Так, выявлено, что эффективность процесса группового копинга (успешность достижения цели за короткий срок) связана с наличием объективно верных (но изначально не очевидных для участников) способов решения. К ним относятся: понимание успешных ходов и разработка стратегии их реализации,

использование приемов зарисовки решения на бумаге, принятие подсказки ведущего [2]. Факторами групповой динамики, также способствующими достижению общей цели, являются взаимная поддержка лидера и помощников, согласованное принятие решения участниками.

Неуспешным путем решения задачи является длительное использование «проб-ошибок» без анализа эффективности реализованных ходов и без выработки стратегии. Кроме того, к факторам неэффективного копинг-процесса относятся: оценка участниками ситуации как безвыходной (тупик), при которой поисковая активность блокируется; состояние спешки, при котором игроки не могут выделить время на обдумывание и обсуждение стратегии, в результате времени тратится больше, а решение не найдено; интерпретация подсказки как подвоха; конкурентные или конфликтные отношения в группе. Интересно, что разработанная и принятая группой стратегия, являющаяся объективно неверной, приводит в итоге к успешному достижению цели, поскольку позволяет продолжать попытки целенаправленных действий.

Таким образом, данная игра позволяет определять и сопоставлять групповые и индивидуальные стратегии совладания, факторы их эффективности, а также изучать динамические аспекты копинга.

1. Белинская Е.П., Икрамова А.А. Взаимосвязь совместного копинга и уровня групповой сплоченности при выработке группового решения // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. № 3. Т. 3. С. 82–87.
2. Битюцкая Е.В., Кавтарадзе Д.Н. Имитационная игра-головоломка как модель решения трудной жизненной задачи // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 14. Психология. 2019. № 2. С. 3–26.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00838

Позитивная и негативная амбивалентность перфекционизма в детерминации социальной активности учащейся молодежи

Перфекционизм, социальная активность, учащаяся молодежь

Социальная активность, согласно мнению исследователей, следует интерпретировать как особую форму связывания, координации и интеграции доступных для личности видов деятельности, проявляющейся как полидеятельностное образование, наделенное характеристиками полинаправленности, разноразностности и избирательности функционального проявления в развертывании социальной деятельности (Арендачук И.В., 2018; Бочарова Е.Е., 2019; Шамионов Р.М., 2018). Опираясь на данные многочисленных исследований (Hewitt P., Flett G., 1991; Грачева И.И., 2006; Ильин Г. С., 2011; Jerrim J., 2014 и др.), можно полагать, что перфекционизм является собой социально-психологическое образование, включающее конфигурацию позитивных и негативных проявлений устремленности человека к совершенству, функциональное проявление которого специфицируется в разных сферах социальных практик личности как субъекта жизнедеятельности (Бочарова Е.Е., 2020). В этой связи вполне обосновано наше обращение к изучению роли перфекционизма в детерминации полинаправленных форм социальной активности.

Цель исследования — изучение позитивной и негативной амбивалентности перфекционизма в детерминации социальной активности учащейся молодежи (N = 236) средний возраст которой соответствует 18,22 (SD = 0,87); преимущественно женского пола (72,7%), среди которых: студенты вузов г. Саратов (n = 118) и старшеклассники общеобразовательных школ г.Саратов, Саратовской области (n = 118), средний возраст которых соответствует 16,43; (SD = 0,53). Методики и методы исследования. Анкета, направленная на выявление различных форм социальной активности (min=1 балл; max=5 баллов) (Бочарова Е.Е., 2018); Для изучения перфекционистских тенденций личности применена «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта в адаптации И. И. Грачевой (Грачева И.И., 2006) (перфекционизм, ориентированный на себя; перфекционизм, ориентированный на других; социально-предписанный перфекционизм). Применены методы описательной статистики, сравнительного и множественного регрессионного анализа Multiple Regressions по методу Stepwise — Forward (прямой, пошаговый) с применением программного пакета «Statistica for Windows».

Результаты. Зафиксирован факт предпочтения молодежи реализации социальной активности в полинаправленных формах: досуговая, интернет-сетевая, образовательно-развивающая (tСт. от 2.58 до 3.23; $p \leq 0.1$). Анализ соотношения выраженности параметров перфекционизма молодежи свидетельствует о доминировании интернального локуса перфекционизма: молодые люди в большей мере склонны проявлять стремление к самоизменению, реализации своего личностного потенциала, ориентируясь при этом на субъективно завышенные цели и критерии, оценки (стандарты) их достижения. Согласно данным регрессионного

анализа, перфекционизм, ориентированный на себя выступает фактором актуализации духовной ($\beta = 0.61$) и социально-экономической ($\beta = 0.55$) форм социальной активности, ограничивая при этом деятельность в образовательно-развивающей форме активности ($\beta = -0.39$). Можно полагать, что в условиях экономического кризиса молодые люди сосредоточены на улучшении своего социально-экономического статуса. Социально-предписанный перфекционизм выступает фактором ограничения деятельности в образовательно-развивающей ($\beta = -0.35$) и протестной ($\beta = -0.22$) формах активности и, напротив, выступает фактором актуализации деятельности в субкультурной форме активности ($\beta = 0.27$). Можно полагать, что опасения молодых людей их несоответствия социальным ожиданиям значимых Других блокирует проявление их образовательных и оппозиционных инициатив. Выводы. Полученные результаты свидетельствуют об амбивалентной роли перфекционизма в детерминации различных форм социальной активности молодежи.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00298)

1. Бочарова Е. Е. Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, вып. 4. С. 333–345.
2. Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00298)

Особенности долгового поведения в условиях пандемии COVID-19

Долговое поведение, пандемия COVID-19, поколения, заимствование, одалживание, исполнение обязательств

Пандемия COVID -19 оказала значительное влияние на образ жизни людей по всему миру. Изменения затронули разные сферы жизнедеятельности: многие виды деятельности (профессиональная, учебная) перешли в онлайн-режим, изменения произошли и в сфере экономического поведения.

Частота покупок в обычных и интернет-магазинах оказалась статистически значимо связана с опасениями по поводу здоровья в отношении следующих товаров: аптеки и средства гигиены, лекарства и медицинские принадлежности (положительная корреляция), а экономические опасения обратно связаны с частотой покупки электроники, бытовой техники, платных онлайн-развлечений. Больше всего респондентов беспокоило здоровье близких и потеря работы [1].

Мы предположили, что будут наблюдаться изменения и в долговом поведении респондентов, для проверки гипотезы было проведено сравнение двух выборок респондентов.

Выборка 1: с 2013 по январь 2019 года, до начала пандемии COVID-19, N=390 респондентов (159 мужчин, 217 женщин, 14 пол не указали), представители разных поколений, из них данные о реальном долговом поведении были получены для 205 респондентов. Среди респондентов было 117 «незаемщиков» и 88 заемщиков; среди заемщиков было 17 должников и 71 плательщик без задолженностей. Выборка 2: в 2020 году мы набрали выборку из 390 респондентов (201 мужчина, 189 женщин), соответствующих по возрасту (представителям разных поколений) респондентам из выборки 1; из них 210 «незаемщиков», 179 заемщиков; среди заемщиков 40 должников и 139 плательщиков без задолженностей. Методы: анкета, включающая вопросы по социально-демографическим данным и опыте заимствования, «Опросник долгового поведения» [2]. Для респондентов выборки 2020 дополнительно были получены данные о том, как на них повлияла пандемия COVID-19 и опросник «Отношение личности к эпидемиологической угрозе» Т.А. Нестика [3].

Результаты. Согласно полученным данным, у поколений беби-бумеров, X, Y наблюдаются сходные изменения готовности к долговому поведению во всех сферах: одалживании, заимствовании и исполнении обязательств. По сравнению с респондентами, обследованными до начала пандемии, наблюдаются достоверно более высокие значения (t-критерий Стьюдента, $p < 0,01$) по шкале «осуждение заемщиков», конативным компонентом которой является неготовность давать в долг и достоверно более низкие значения по шкалам «рациональность долгового поведения» и «избегание долгов», описывающих, соответственно, готовность к заимствованию и исполнению обязательств. Для выявления взаимосвязей долгового поведения и переживания угрозы COVID-19 обратимся к результатам корреляционного анализа. Избегание заимствования положительно взаимосвязано со страхом экономических

последствий пандемии, то есть, чем больше человек опасается ухудшения своего материального положения и экономической ситуации в целом, тем меньше он готов брать в долг. Рациональность долгового поведения положительно взаимосвязана с жизнеспособностью в условиях пандемии и сопереживанием другим. То есть, чем выше сопереживание людям, уязвимым к заражению или сильнее всего пострадавшим во время эпидемии, а также уверенность в своей способности справиться с трудностями во время пандемии, тем больше готовность к исполнению долговых обязательств. Осуждение заемщиков положительно связано со страхами заражения себя, других и экономическими последствиями и обратно с жизнеспособностью, социальным оптимизмом и самоэффективностью. То есть, чем больше человек боится заражения себя и других ковидом, а также экономических последствий, тем меньше он готов давать деньги в долг. Чем выше уверенность в способности справиться с трудностями во время пандемии, как самому, так и за счет солидарности общества, а также оказать влияние на ход пандемии, тем больше человек готов давать деньги в долг. Данные связи указывают на то, что отношения, возникающие при заимствовании и одалживании, являются не только экономическими, а затрагивают целый спектр социально-психологических отношений: к себе, к миру и к другим людям. Исследование выполнено при поддержке РФФИ, Грант № 19–29–07463)

1. Eger L., Komárková L., Egerová D., Mičík M. The effect of COVID-19 on consumer shopping behaviour: Generational cohort perspective. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2021. V. 61. 102542.
2. Гагарина М.А. Долговой менталитет: экономико-психологическое исследование. М.: ИПРАН, 2021.
3. Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11. № 4. С. 87–104.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, Грант № 19-29-07463)

Психологический портрет современной матери: из опыта практической деятельности педагога-психолога

Родительские установки, воспитательное поведение, нарушенная родительская позиция

Психологическая практика показывает, что проблема отношений родителей и детей сохраняет свою актуальность, на что указывает статистика обращений клиентов за психологической помощью. Так, в период с 2014 по 2020 год к педагогу-психологу центра психологической и логопедической помощи «Гармония» обратилось более 1000 человек, из них каждый четвертый — с запросом на коррекцию поведения ребенка с целью оптимизации отношений в семье. Это послужило поводом для детального исследования психологического портрета матерей, которые являлись инициаторами обращения к специалисту.

Эмпирическое исследование длилось в период с 2017 по 2021 год и имело целью выявить особенности нарушенной родительской позиции матерей. В исследовании приняло участие 145 женщин в возрасте от 25 до 45 лет. Им были предложены следующие диагностические методики: методика изучения родительских установок (PARI; Е.С. Шефер) и Р.К. Белл) в адаптации Т.В. Нещерет и методика Эйдмиллера Э.Г. и Юстицкиа В.В. «Анализ семейных взаимоотношений».

Было установлено, что испытуемые матери склонны опасаться за свой родительский авторитет в глазах своих детей, и имеют весьма противоречивые родительские установки, суть которых сводится к следующему: «Ты имеешь свободу слова, но не имеешь свободы действия».

Противоречивость родительских установок матерей неминуемо находит свое воплощение в их воспитательном поведении. Так, большинство испытуемых матерей (72 %) предпочитают не привлекать своих детей к домашнему труду, многое позволяют своему ребенку, не хотят или не могут установить какие-либо рамки в его поведении. Почти половина матерей испытывают воспитательную неуверенность, сомневаются в себе и по любому поводу готова утверждать: «Я — плохая мать!». В связи с этим они чрезмерно вовлечены в жизнь своих детей, принимают за них решения и контролируют их поведение, ставя свою самооценку в зависимость от их успехов и не оставляя им права на ошибку. Причем матери даже весьма успешных детей по-прежнему склонны считать себя «плохими матерями».

Психологический портрет современных матерей дополняется тем, что половина из них предпочитают обходиться без санкций («если ты наказываешь ребенка, то ты плохая мать»), ограждают ребенка от необходимости нести ответственность за свои действия, способствуя его инфантильности.

Для половины матерей (47 %) в эмоциональном отношении к детям характерно их деление на сильных («как мать») и слабых («как отец»). Как правило, основанием для этого служит отрицательный опыт их взаимоотношений с мужчинами. Кроме того, каждая третья мать видит в своем ребенке то, что категорически не приемлет в себе, и пытается искоренить в нем эти нежелательные качества под эгидой воспитания.

Таким образом, на основе диагностических критериев нарушенной родительской позиции матерей выявлено, что 32 % современных матерей сами являются источником явных проблем в отношениях с детьми. Имея весьма заниженную самооценку, они пытаются компенсировать ее «за счет» своих детей, подменяют их потребности своей потребностью в принятии и одобрении. Тратя на это много моральных сил, они не получают желаемого результата и в состоянии отчаяния обращаются за помощью специалиста, зачастую полагая, что проблема кроется в ребенке. При этом справедливости ради необходимо сказать, что большинство из них соглашаются с результатами диагностического исследования и готовы к дальнейшему сотрудничеству со специалистом.

Взаимосвязь уровня развития умственных способностей старших дошкольников, детско-родительских отношений и использования детьми цифровых устройств

Умственные способности дошкольников, цифровые устройства, детско-родительские отношения.

За последнее десятилетие значительно увеличилось число детей, активно использующих различные цифровые устройства[2]. Однако исследования, посвященные влиянию цифровых устройств на развитие дошкольников немногочисленны, что определяет актуальность данной проблематики.

Целью нашего исследования было изучение связи между уровнем развития умственных способностей старших дошкольников, использованием ими цифровых устройств и детско-родительскими отношениями. Мы предположили, что позиция родителей по отношению к развитию ребенка сильнее связана с уровнем развития умственных способностей старших дошкольников, чем время, проведенное ребенком с гаджетом (экранное время).

В исследовании приняли участие 125 детей, посещающих детские сады Подмосковья (67 мальчиков и 58 девочек), а также их родители.

Были использованы следующие методики: уровень развития интеллектуальных способностей оценивался с помощью методик, созданных под руководством Л.А. Венгера («Эталоны», «Перцептивное моделирование», «Схематизация», «Систематизация»)[3]; использование ребенком цифровых устройств изучалось с помощью модифицированной методики «Регламент использования ребенком гаджетов» (Борцов М.В., Некрасова С.Д.) [1]; для выявления отношения родителей к развитию ребенка применялся опросник родительской позиции (Пороцкая Е.Л., Спиридонов В.Ф.)[4]; уровень развития невербального воображения диагностировался методикой «Дорисовывание фигур» (О.М. Дьяченко) [3]. Корреляционный анализ данных осуществлялся в программе IBM SPSS Statistics V.26.

Результаты исследования подтвердили нашу гипотезу. Детско-родительские отношения играют более значимую роль в развитии умственных способностей старших дошкольников, чем время, проведенное дошкольником с цифровыми устройствами.

Обнаружена статистически значимая положительная связь между суммарным показателем умственного развития, уровнем развития воображения и позицией родителей по отношению к развитию. Если родители считают необходимым учитывать возрастные возможности детей, видят ценность в амплификации детского развития, то их дети демонстрируют более высокий уровень развития умственных ($r=0,41$ при $p=0,01$) и творческих ($r=0,47$ при $p=0,01$) способностей.

Между общим суммарным показателем умственного развития и использованием цифровых устройств в качестве поощрения была получена слабая, но статистически значимая отрицательная связь ($r=-0,39$ при $p=0,01$). Чем чаще

родители используют цифровые устройства в качестве поощрения ребенка, тем ниже показатели его умственного развития и, наоборот.

Не было выявлено никакой связи между экранным временем ребенка и уровнем развития умственных (интеллектуальных и творческих) способностей. Это касалось как общего суммарного показателя, так и уровня развития восприятия, наглядно-образного и словесно-логического мышления, а также воображения.

Данные согласуются с современными исследованиями, которые свидетельствуют о том, что цифровые устройства сами по себе практически не оказывают влияния на детское развитие, необходимо учитывать более широкий контекст их использования [5].

1. Борцова М. В., Некрасов С. Д. Ребенок и гаджеты: практикум. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020.
2. Денисенкова Н.С., Красило Т.А. Развитие дошкольников в эпоху цифровой социализации // Современное дошкольное образование. — 2019. — №6(96). — С. 50–57. DOI: 10.24411/1997–9657–2019–10058.
3. Диагностика умственного развития дошкольников / Л.А. Венгер, В.В. Холмовская, Н.Б. Венгер и др. — М.: Педагогика, 1978. — 248 с.
4. Пороцкая Е.Л., Спиридонов В.Ф. Выявление представлений родителей о развитии дошкольника // Вопросы психологии. 2004. №4. С.31–39.
5. Rössler, P., Hoffner, C. A., & Zoonen, L. (Eds.). (2017). The International Encyclopedia of Media Effects. doi:10.1002/9781118783764.

Фаббинг в дружеских и романтических отношениях

Фаббинг, близкие отношения, дружеские отношения, романтические отношения, психологическая дистанция

Развитие информационных технологий и научно-технический прогресс оказывают влияние на общение и взаимодействие между людьми. Результатом этого влияния стало, в том числе, возникновение таких феноменов, как: фаббинг, FOMO. Фаббинг — пренебрежение собеседником посредством отвлечения на смартфон или иной гаджет в процессе общения [1]; будучи социально-психологическим феноменом, он проник во все сферы человеческих взаимоотношений, оказывая на них негативное влияние. Среди исследователей идет активная дискуссия: фаббинг — новая социальная норма или патология? Исследуются факторы фаббинга, а также его проявление в близких партнерских отношениях, в романтических отношениях, в детско-родительских отношениях. Более изученным представляется влияние фаббинга на романтические отношения, при этом аспект его влияния на дружеские отношения изучен крайне мало, несмотря на то, что именно среди подростков и молодежи он получил большее распространение.

Проблема: Существует ли специфическое влияние фаббинга на характеристики дружеских и романтических отношений? Цель — изучить особенности влияния фаббинга на характеристики дружеских и романтических отношений. Основная гипотеза: существует специфическое влияние проявлений фаббинга на характеристики дружеских и романтических отношений.

Выборка: 90 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет: 46 юношей (Средний возраст — 22) и 44 девушки (Средний возраст — 20). Респонденты были разделены на триады, включающие в себя респондента, его романтического партнера и друга одного пола. Методы: Шкала «Фаббинг» (Phubbing Scale, Karadag E. et al, 2015, апробирована Крюковой, Екимчик, Крыловой, 2019); Методика «Фаббинг партнера» (Partner phubbing, J.A. Roberts, M.E. David, 2015, апробирована Екимчик, Крыловой, 2019); Методика «Шкала любви и симпатии» (Rubin's Love and Liking Scale, Z. Rubin, 1970, адаптирована Гозманом, Алешиной, 1985); Методика «Включенность Другого в шкалу собственной Я-концепции» А. Арона, Э. Арон, и Д. Смоллан (IOS — Inclusion of Otherin in the Self Scale, 1992), методы статистического анализа данных.

Были получены следующие результаты. Все изучаемые референты: фаббинг, фаббинг партнера, симпатия, любовь, общие эмоциональные отношения и близость; как в общей выборке, так и в отдельных ее группах: респондентов об романтических и дружеских отношениях, романтических партнеров и друзей; выражены умеренно. При этом дисперсионный анализ не выявил влияния вида отношений (дружеские, романтические) на личные фаббинга респондентом и оценку его у партнера по общению в дружеских либо романтических отношениях. Следовательно, фаббинг в равной мере проявляется в романтических и дружеских отношениях, характеризуя в целом поведение в межличностном общении современного человека.

Далее было проанализировано влияние фаббинга на качества близких отношений: дружеских и романтических. Установлена отрицательная предикция фаббинга партнера близости в обоих типах отношений ($R^2=0.08$; $p=0.002$ $\beta=-0.28$). Проявления фаббинга в виде постоянной проверки уведомлений, переписок и ленты социальных сетей заставляют фабблируемого партнера (того, кем пренебрегают) чувствовать себя покинутым и отвергнутым при осознании, что виртуальная переписка и Интернет важнее живого общения с ним, что приводит к психологическому дистанцированию между партнерами [2].

В то же время было выявлено отрицательное влияние любви на фаббинг партнера в обоих типах отношений ($R^2=0.17$; $p=0.000$ $\beta=-0.42$). Респонденты с невыраженной любовью, низким ее уровнем склонны к преувеличению фаббинга партнера ввиду особенностей восприятия партнера. Увеличение интенсивности любви к партнеру наоборот снижает оценки фаббинга партнера, даже когда он имеет место быть, что объясняется спецификой отношения. Так субъективный образ партнера в целом более позитивный и идеализированный, чем реальный, что может приводить к игнорированию фаббинга со стороны партнера [3].

Таким образом, фаббинг проявляется как в дружеских, так и в романтических отношениях в равной мере, негативно влияя на психологическую дистанцию между партнерами. Интенсивность чувства любви и идеализация партнера способствуют позитивной оценке его поведения в целом, снижая негативный эффект фаббинга.

1. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А. Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Том 27. № 3. С. 61–76. doi:10.17759/cpp.2019270305
2. McDaniel B. T., Coyne S. M. “Technoferece”: The interference of technology in couple relationships and implications for women's personal and relational well-being // Psychology of Popular Media Culture. 2016. Vol. 5.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования FZEW-2020-0005

Связь субъективного благополучия личности и качества близких партнерских отношений

Субъективное благополучие, близкие отношения, близость, привязанность, уважение, удовлетворенность отношениями

Проблема стабильности и поддержания близких партнерских отношений (включая супружеские), в настоящее время остается актуальной. С одной стороны, современные молодые люди и девушки при выборе партнера опираются на собственные предпочтения и чувства, а не из соображения социально-экономических выгод, они сами определяют форму отношений (официальный брак, пробный брак, романтические отношения, свободные отношения, гостевой брак и т.д.), не опасаясь осуждения со стороны общества. С другой стороны, стабильность и устойчивость отношений, их длительность сокращается, так как они могут свободно разрываться по желанию одного из партнёров или по взаимной договоренности. Отличительной особенностью современных близких партнерских отношений является то, что они сохраняются, пока субъект ощущает в них субъективное благополучие и удовлетворенность самими отношениями (Современная семья: переосмысление контекстов..., 2020). Субъективное благополучие — это широкая категория феноменов, суть которых в эмоциональной реакции людей, в их удовлетворенности отдельными сферами жизни и / или качеством жизни в целом (Diener, 1999). Парадоксальность ситуации в том, что при этом близкие отношения относят к числу основных детерминант субъективного благополучия личности. Качество близких партнерских можно описать с помощью следующих характеристик: близость, привязанность, уважение и удовлетворенность отношениями. Таким образом определяется проблема исследования: как связано субъективное благополучие личности с качеством близких партнёрских отношений, каким образом эта связь определяет длительность и поддержание отношений. Соответственно цель исследования — характеризовать связи субъективного благополучия с качествами близких партнерских добрачных гетеросексуальных отношений.

Выборка: 50 человек (25 мужчин и 25 женщин) в возрасте от 19 до 28 лет (Средний возраст — 23), состоящие в отношениях от 1 года до 6 лет, не состоящие в браке. Методы: «Шкала субъективного благополучия», адаптация М. В. Соколовой, 1996), «Персональная оценка близости в отношениях» (PAIR) М. Шефера и Д. Ольсона (Personal Assessment of Intimacy in Relationships, 1981), «Самооценка генерализованного типа привязанности», адаптация Т.В. Казанцевой, 2011), «Опыт близких отношений», адаптация Т.В. Казанцевой, 2011; «Уважение в близких отношениях» (Respect in close relationships: J. R. Frei and P. R. Shaver, 2002), Шкала оценки отношений, адаптация О.А. Сычева, 2016; методы статистического анализа.

Результаты: обнаружены разнонаправленные корреляционные связи между компонентами субъективного благополучия и качеством близких отношений. У респондентов с высоким уровнем удовлетворенности отношениями субъективное благополучие выше ($r=-0.53$; $p\leq 0.000$). Избегание близости (характеристика

ненадежного типа привязанности к партнеру) снижает субъективное благополучие ($r=0.71$; $p\leq 0.000$), что также находит свое отражение в нарастании напряженности (чувствительности) ($r = 0.760$; $p\leq 0.000$), психоэмоциональной симптоматике ($r = 0.29$; $p \leq 0.04$), изменениях настроения ($r = 0.37$; $p\leq 0.01$), неудовлетворенности повседневной деятельностью ($r=0.41$; $p\leq 0.003$).

Установлено, что уважение к партнеру по близким отношениям повышает субъективное благополучие личности ($r = -0.44$; $p \leq 0.001$), стабилизирует настроение ($r = -0.37$; $p\leq 0.01$), снижает значимость социального окружения ($r=-0.34$; $p\leq 0.02$) и ипохондрию ($r = -0.357$; $p\leq 0.011$).

Обнаружены связи между интеллектуальной близостью и субъективным благополучием ($r=0.41$; $p\leq 0.004$), психоэмоциональной симптоматикой ($r=0.60$; $p\leq 0.000$), самооценкой здоровья ($r = 0,48$; $p \leq 0,000$), удовлетворенностью повседневной деятельностью ($r=0.34$; $p\leq 0.02$). Субъективное неблагополучие характерно для респондентов с интеллектуальной близостью. Под интеллектуальной близостью понимается в данном случае стремление понять и быть понятым партнером, совместное рефлексирование отношений. Анализ отношений, стремление выяснить отношения снижает субъективное благополучие респондента, что может свидетельствовать о значимости, напряженности отношений и наличии в них противоречий. Интеллектуальная близость является очень важной для динамики партнерских близких отношений мужчины и женщины, которая и проявляется в преодолении обнаруженных противоречий.

Таким образом, корреляции качеств близких отношений и субъективного благополучия личности амбивалентны: одни характеристики его повышают, а другие снижают, дестабилизируя в итоге сами отношения.

1. Современная семья: переосмысление контекстов: коллективная монография // Отв. ред. С.А. Хазова, О.А. Екимчик. — Кострома: Костромской государственный университет, 2020. 264
2. Diener E. Subjective Well-being: Three decades of progress / E. Diener, E. M. Suh, R. E. Lucas, H. L. Smith // Psychological Bulletin. — 1999. — Vol. 125 (2). — P. 276–302.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования FZEW-2020-0005

Психологическое время и субъективное экономическое благополучие у представителей малого бизнеса в сфере «зеленой» экономики

Психологическое время, субъективное экономическое благополучие, предприниматели, зеленая экономика

Предприниматели как активная социальная группа наиболее остро ощущает изменения времени жизни в информационном обществе. Необходимость жить и работать в условиях «систематической иллюзии временного давления» может приводить к снижению уровня субъективного благополучия, в том числе в экономической сфере. Особый интерес представляют те предприниматели, которые основывают свой бизнес на экологических технологиях (в отрасли «зеленой» экономики).

Под психологическим временем понимается восприятие, представление, переживание и отношение личности к физическому времени жизни, обусловленное социальными, историческими, глобальными условиями жизнедеятельности человека и определяющее его поведение (Забелина, 2021). Субъективное экономическое благополучие как представление о том, насколько комфортно человек чувствует себя в экономической сфере (Дейнека, 1999; Хашченко, 2011) часто диагностируется через субъективную оценку уровня дохода (например, Verbic & Stanovnik, 2006).

В исследовании приняли участие 141 человек из Челябинской области. Одну группу респондентов составили 109 представителей малого и среднего бизнеса различных сфер деятельности (оптовая и розничная торговля, образование, туризм, консалтинг, производство и др.) в возрасте от 24 до 68 лет (средний возраст 34,9), 42% мужчины. В другую группу вошли 32 предпринимателя, работающих в сфере «зеленой экономики» (умные технологии мониторинга и контроля загрязнений окружающей среды, восстановления экосистем и т.д.) в возрасте от 32 до 62 лет (средний возраст 49,3), 82% мужчины.

Применяемые методики: Шкала ценности времени как экономического ресурса Ж. Узюнье, Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, Аттitudы ко времени Ж. Нюттена, Шкала полихронных ценностей А. Блюдорна, Шкала уровня субъективного дохода А. Фёнэма.

Результаты сравнения показателей психологического времени в двух группах предпринимателей выявили различия по шкалам: отношение к настоящему ($p=0,037$), отношение к будущему ($p=0,017$), временная перспектива будущего ($p=0,012$), а также гедонистическое настоящее — на уровне тенденции ($p=0,141$). «Зеленые» предприниматели более реалистично и тревожно воспринимают события настоящего и будущего, более склонны строить прогнозы, а также готовы отказываться от сегодняшних удовольствий ради будущих выгод.

Для группы «зеленых» предпринимателей вклад в субъективное экономическое благополучие ($R=0,560$, $R^2=0,313$; $F=6,388$; $p=0,005$) вносит позитивное отношение к настоящему ($\beta=-0,915$) и негативное отношение к будущему ($\beta=0,594$). Для

предпринимателей, не связывающих свой бизнес с «зеленой» экономикой, вклад элементов психологического времени в субъективное экономическое благополучие меньше ($R=0,376$, $R^2=0,142$; $F=5,687$; $p=0,005$). В его формировании участвуют ориентация на негативное прошлое ($\beta=-0,437$) и фаталистическое настоящее ($\beta=0,311$).

Таким образом, отдельные компоненты психологического времени (отношение к настоящему и будущему, временная перспектива будущего и гедонистическое настоящее) играют важную роль в предпринимательском выборе сферы «зеленой» экономики, в также специфически влияют на уровень их субъективного экономического благополучия.

1. Дейнека О. С. Экономическая психология: социально-политические проблемы. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. — 240 с.
2. Забелина Е. В. Психологическое время и экономическое сознание: социально-психологический анализ: дис. ...д-ра психол. наук: 19.00.05. — Челябинск, 2021.- 338 с.
3. Хашенко В. А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. — 2011. — Т. 4, № 1. — С. 106–127.
4. Verbic M., Stanovnik T. Analysis of Subjective Economic Well-Being in Slovenia // Eastern European Economics, 2006. — Vol. 44. — Issue 2. — P. 60–70.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-413-740009

Социальный статус в представлении бездомных

Бездомные, социальное пространство, статус, образ мира, представление

Введение. Исследование субъективной картины воспринимаемого человеком мира является одной из актуальных и значимых с научной и практической точек зрения задач, стоящих перед социальной психологией. Ее решение открывает множество перспектив в изучении причин и условий регуляции поведения. В настоящее время теоретическими ресурсами исследования социального пространства могут являться работы А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко («социально-психологическое пространство личности»), С.К. Нартовой-Бочавер («субъективное пространство»), концепции Ш. Страйкера, Л. Смит-Ловин, описывающие взаимодействие людей через призму их статусов в сообществах.

Постановка проблемы. Исследование представления о социальном статусе как части репрезентируемой картины социального мира является центральной задачей нашего исследования. Социальный статус играет существенную роль в организации взаимодействия, поскольку характеризует социальные возможности людей. Л. Смит-Ловин предполагает, что социальный статус обладает двумя функциями — интерактивной и идентифицирующей. Высокий социальный статус указывает на способность к решению большого числа проблем и затруднений. Кроме того, он репрезентирует возможности социальной власти — способность человека влиять на действия и решения других людей. Идентифицирующая функция статуса играет важную роль в построении представления о социальном пространстве. Статус выступает категорией, применяемой для описания взаимодействия субъекта с окружающими людьми. Статус идентифицирует социальную группу, а также положение человека в ней, воспринимается частью Я-концепции.

Организация исследования. Нами изучались субъективные представления о социальном статусе у людей, не имеющих постоянного места жительства. Обращение к этой категории обусловлено их положением в социальной структуре общества, слабой изученностью их субъективных представлений о социальном мире.

Целью исследования выступало изучение представлений о социальном статусе у людей без постоянного места жительства. Предметом изучения выступала интерактивная и идентифицирующая функции статуса.

Методом измерения выступало интервью, собирающее мнения о статусе у бездомных. Выборку составили 30 человек в возрасте от 30 до 65 лет (80% — мужчины), обратившиеся в государственные учреждения социальной помощи г. Санкт-Петербурга.

Результаты. Качественный анализ интервью показал, что интерактивная составляющая статуса в представлении бездомных репрезентирована полярно. 24 человека (80% опрошенных) считают себя низкостатусными (не обладающими

способностью влиять на поступки и решения других людей), а 6 человек (20% опрошенных), приписывают себе высокий статус. Идентифицирующая составляющая статуса изучалась посредством определения категорий лиц и социальных групп, с которыми взаимодействует бездомный. У 12 человек (40%) опрошенных, социальный статус формировался в диадах, еще у 6 (20%) — в малых группах знакомых им людей. Только у 3 (10%) человек статус идентифицировал место в социальной организации. 6 человек (20%) не смогли определить свой социальный статус.

Выводы. Ограничившись этими сведениями о воспринимаемом бездомными социальном статусе, сформулируем выводы. Представленные результаты являются недостаточно точными в силу малого объема выборки. Вместе с тем они свидетельствуют о специфике социального пространства бездомных, показывают что объем взаимодействия ограничен малой группой, а межличностные отношения устанавливаются по отношению к одному-двум близким людям. Низкий социальный статус и поверхностность взаимодействия ухудшает социальные возможности бездомных. Увеличение объема выборки позволит уточнить и расширить интерпретацию результатов. Сопоставляя эти данные с восприятием социальных статусов другими категориями людей мы сможем выявить архитектуру понятий и категорий которыми оперируют люди, конструируя свое представление о социальном пространстве.

Исследование поддержано Российским научным фондом (грант № 17-18-01278)

*Иванова А.А.,
Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ*

*Агисова Ф.,
Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ*

*Сауткина Е.В.,
Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ*

*Кабанова В.С.,
Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ*

*Патракова Н.А.,
Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ*

*Ивандэ К.
Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ.*

Разработка российской шкалы проэкологического поведения

Проэкологическое поведение, разработка шкалы, психология среды

В связи с ухудшением экологической ситуации, на сегодняшний день все большую актуальность в мире приобретают исследования в области проэкологического поведения. Проэкологическое поведение (англ. pro-environmental behaviour) определяется как поведение, направленное на то, чтобы снизить вред, наносимый окружающей среде, или оказать на нее благоприятное воздействие (Steg, Vlek, 2009). Проэкологическое поведение социо-культурно и исторически детерминировано, — стандарты его определения изменяются в зависимости от контекста и времени (Schultz, Kaiser, 2012).

Результаты исследований проэкологического поведения, проведенных в России, показывают, что шкалы проэкологического поведения, разработанные в других культурах (в основном, это Северная Америка и Европа), не полностью могут быть применены в российском контексте (Иванова, Агисова & Сауткина, 2020). В частности, они показывают, что некоторые виды поведения, входящие в эти шкалы, не рассматриваются в России как проэкологические, другие виды поведения не распространены в России в связи с отсутствием поддерживающих их программ и политик, и что существующие шкалы не включают в себя некоторые виды проэкологического поведения, распространенные в России. Наше исследование призвано заполнить этот существенный пробел, и ставит целью разработку и валидацию российской шкалы проэкологического поведения.

В соответствии с поставленной целью, в рамках исследования будут решаться следующие задачи:

1. Проанализировать имеющиеся научные подходы к изучению проэкологического поведения и его детерминант.
2. Подготовить методический инструментарий разработки шкалы проэкологического поведения, а также для изучения его детерминант.

3. Выявить особенности проэкологического поведения в контексте современной России, и создать шкалу проэкологического поведения, доказав ее валидность, согласованность и надежность для использования в России.

В докладе будут представлены результаты разработки многофакторной шкалы проэкологического поведения. Будет рассмотрен метод разработки шкалы начиная с анализа интервью с населением (N = 42) и экспертами (N=13) о видах проэкологического поведения, актуальных в России. Выделенные в результате интервью, виды проэкологических действий были дополнены на основании анализа литературы, рассматривающей проэкологическое поведение в России. Далее был сформирован широкий список поведения (89 видов) релевантного для российского контекста. Для корректировки формулировок пунктов шкалы были проведены когнитивные интервью с гражданами (N = 8). Данные виды поведения были исследованы методом онлайн-опроса на российской выборке (N=500). По результатам опроса были выделены проблематичные вопросы для шкалы, например, с асимметрией ответов. После исключения проблемных вопросов пункты шкалы были исследованы методом факторного анализа для формирования финальной версии многофакторной шкалы проэкологического поведения. Сформированная версия протестирована на репрезентативной выборке (N=400) для подтверждения факторной структуры шкалы, а также исследована ее тест-ретестовая надежность (N=100).

Новизна исследования обоснована созданием российской шкалы проэкологического поведения, соответствующей социо-культурному, политическому и экономическому контекстам страны. Эта шкала, отражающая условия жизни россиян, позволит получать надежные научные данные в сфере психологии среды, что повысит уровень российских научных исследований в этой актуальной и быстро развивающейся на сегодняшний день области психологической науки.

Результаты исследования будут представлять интерес как в России, так и за ее пределами, т.к. они поднимают вопрос о культурно-специфических факторах проэкологического поведения и его измерения. Создание и валидация первой в России шкалы проэкологического поведения сможет способствовать развитию исследований проэкологического поведения и его детерминант в нашей стране и на русскоязычном постсоветском пространстве.

1. Schultz, P. W., & Kaiser, F. G. (2012). Promoting pro-environmental behavior. In S. D. Clayton (Ed.), *Oxford library of psychology. The Oxford handbook of environmental and conservation psychology* (p. 556–580). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199733026.013.0029>
2. Steg, L., & Vlek, C. (2009). Encouraging pro-environmental behaviour: An integrative review and research agenda. *Journal of Environmental Psychology*, 29(3), 309–317. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.10.004>
3. Иванова А.А., Агисова Ф.Б., Сауткина Е.В. Проэкологическое поведение в России: адаптация шкалы Кэмерона Брига и связь с экологической обеспокоенностью// *Психологические исследования*. 2020. 13 (70), 7.

Социальные представления современной молодежи о любви

Социальные представления, структура социальных представлений, социальные представления о любви, молодежь.

С течением времени меняются научные подходы к объяснению природы любви, описание ее объекта, понимание роли любви в обществе и представления о любви в сознании людей. Эти изменения происходят по разным причинам: изменяется историческая реальность, в которой живет человек, объем его знаний о мире, нормы морали, принятые в обществе. Естественно предположить, что меняются и социальные представления молодежи о любви, которые в свою очередь, могут влиять на поведение молодых людей, их ценности.

Категория любви включает в себя различные ее виды: родительскую любовь, половую, братскую, любовь к делу и др. В данном исследовании изучаются социальные представления молодежи о половой любви, являющейся основой отношений между мужчиной и женщиной, детерминантой создания супружеских отношений и одним из условий существования семьи.

Исследование проводилось в январе-марте 2019 года. Исследовательскую выборку составили 70 человек (35 мужчин, 35 женщин) в возрасте 18 -30 лет, студенты и выпускники высших учебных заведений г. Москвы, проживающие в г. Москве и Московской области.

Сбор эмпирического материала проведен с помощью метода свободного ассоциативного эксперимента. На данном этапе исследования всем участникам было предложено написать по пять ассоциаций к слову «Любовь». Полученные данные были обработаны с помощью методики анализа структуры социальных представлений П. Вержеса (Verges, 1992).

Результаты исследования. Сравнительный анализ содержания и структуры социальных представлений выявил следующее:

Ядро представлений женщин о любви включает в себя такие понятия как: «взаимопонимание», «счастье», «самоотдача», «поддержка», «доверие», «радость», «ответственность», «взаимоважение», «эмоции», «необходимость». В буферной зоне — «привязанность», «боль», «ласка».

Ядро представлений мужчин о любви составляют такие понятия как: «счастье», «доверие», «чувства», «взаимопонимание», «верность», «радость», «секс», «поддержка», «забота», «боль», «ответственность», «взаимость», «основа жизни», «отношения». В буферной зоне у мужчин — «уважение», «нежность», «переживания», «стремление что-либо делать», «мечта», «интерес».

Сравнительный анализ содержания и структуры социальных представлений выявил следующее: в ядре социальных представлений как мужчин, так и женщин доминируют такие ассоциации, как «взаимопонимание», «счастье», «доверие», «радость», «ответственность». Также надо отметить и различия: в ядро представлений о любви у мужчин входят такие категории как «сексуальные отношения» и «верность», в то время как у женщин они не попадают даже в

периферию. С другой стороны, в ядре представлений женщин о любви фигурирует такие категории как «самоотдача» и «необходимость», которые не встречаются у мужчин.

Также надо отметить, что в представлениях молодых мужчин и женщин о любви отражены прежде всего эмоциональные переживания (эмоции, радость, чувства, переживания, боль). В то же время в представлениях мужчин содержатся ассоциации, отражающие активные, действенные проявления любви (забота, верность, секс, стремление что-либо делать). В целом, и мужчины, и женщины склонны положительно оценивать любовь и связывать ее с субъективным ощущением счастья: категория «счастье» имеет самый высокий ранг и самую большую частоту встречаемости в обеих матрицах представлений.

1. Vergès P.L'Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une representation // Bulletin de psychologie. 1992. Tome XLV. No. 405. P. 203–209

Финансовый самоконтроль и прокрастинация у молодежи

Личность, финансовое поведение, финансовый самоконтроль, прокрастинация

Темпоральные характеристики ситуации (скорость социальные процессов и временные промежутки, в которых принимаются денежные решения) являются значимыми факторами финансовой активности личности [2, 3].

Финансовое поведение изучается в психологии через поиск его детерминант и регуляторов. Одним из таких регуляторов считается финансовый самоконтроль, например, в ситуации заемного поведения личности, наличия проблемной задолженности [4]. Проблема самоконтроля активности связана с феноменом своевременности [1]. Темп жизни диктует необходимость соблюдения временных рамок. Человек, зная о наличии этих рамок, распределяет время и ресурсы, но в ситуации многозадачности и напряжения, может отложить выполнение дел на какое-то время [5]. В психологии проблема прокрастинации изучается через поиск ее детерминант и последствий (Я.И. Варваричева, Н.В. Боровская, В.С. Ковылин, К. Лэй, П. Стил, др.). При выполнении финансовых обязательств или обращении с деньгами прокрастинация, связанная с осознанным выбором индивидов откладывать необходимые дела, не выполняя дела вовремя, может привести к негативным последствиям (например, к пропуску значимых для сберегательной и инвестиционной активности сроков, накоплению долгов, к нерациональному распоряжению деньгами).

Рассмотрим связь финансового самоконтроля молодежи с уровнем прокрастинации. Выборку составили студенты в возрасте от 18 до 25 лет — 40 человек (17 юношей и 23 девушки). Средний возраст 21 год. Данные были получены при помощи Шкалы прокрастинации для студентов (Procrastination Scale for Student Population С. Lay) и опросника «Финансовый самоконтроль личности» (Дёмин А.Н., Киреева О.В., Педанова Е.Ю.)

На первом этапе изучались компоненты финансового самоконтроля: планирование расходов, захваченность процессом покупок, финансовая выдержка, готовность к сбережениям, когнитивная проработка финансовых решений. Наиболее выраженными у респондентов являются финансовая выдержка и планирование расходов. В наименьшей степени выражен показатель «захваченность процессом покупок». Для опрошенных характерны сдерживание потребительской активности, низкий уровень эмоциональной вовлечённости в процесс покупок, высокий контроль над расходованием денег.

На втором этапе выявлено, что большинство респондентов имеют опыт откладывания выполнения дел. 26 респондентов имеет средние значения уровня прокрастинации. 8 человек показали высокие значения. 6 человек имеют низкий уровень прокрастинации.

С помощью коэффициента корреляции Пирсона выявлены значимые связи между некоторыми показателями финансового самоконтроля и уровнем прокрастинации. Респонденты, у которых отмечается высокий уровень прокрастинации, наблюдается низкий уровень некоторых показателей финансового самоконтроля (низкая готовность к сбережениям ($r = -0,40$ при $p \leq 0,01$), способность планировать, распределять расходы во времени) ($r = -0,41$ при $p \leq 0,01$). Юноши и девушки, склонные к откладыванию выполнения необходимых дел, чаще всего имеют проблемы с планированием, распределением расходов во времени, а также трудности с накоплением сбережений. Отлынивание и постоянное промедление, свойственное такой личности, отражается на успешности решения финансовых вопросов как в сфере потребительской, так и сберегательной активности. Откладывание принятия финансовых решений и выполнения определённых задач по приумножению или распоряжению деньгами может повлечь существенные негативные последствия в уровне материального благосостояния личности и ощущение внутреннего дискомфорта, что нуждается в дальнейшем исследовании.

Результаты данного исследования могут быть использованы в тренингах личностного роста и консультирования по вопросам финансовой культуры и грамотности. Развитие навыков осознания временных рамок, умения планировать свою деятельность может способствовать своевременному выполнению финансовых обязательств и рациональному финансовому поведению.

1. Абульханова, К. А. Личность как субъект жизненного пути / К. А. Абульханова // *Время как фактор изменений личности*. Минск: ЕГУ, 2003. — С. 24–65.
2. Дёмин, А. Н., Дёмина, И. В. Проблема адаптации человека к скорости социальных процессов / Дёмин, А. Н., Дёмина, И. В. // *Человеческий капитал*. — 2020. — Выпуск №10 (142). — С. 80–88.
3. Дёмин, А. Н., Киреева, О. В., Педанова, Е. Ю. Психологическая обусловленность сроков погашения кредитов / А. Н. Дёмин, О. В. Киреева, Е. Ю. Педанова // *Южно-Российский журнал социальных наук*. — 2019. — Т. 20, № 4. — С. 210–222.
4. Дёмин, А. Н., Киреева, О. В., Педанова, Е. Ю. Финансовый самоконтроль и выбор способов совладания с кредитной задолженностью / А. Н. Дёмин, О. В. Киреева, Е. Ю. Педанова // *Мир науки. Педагогика и психология*. — 2020. — №4. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/57PSMN420.pdf>
5. Ковылин, В. С. Теоретические основы изучения феномена прокрастинации / В. С. Ковылин // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. — 2013. — С. 22–41.

Качество отношений с супругом и вовлеченность в интернет-среду у женщин в период зрелости

Супружеские отношения, Интернет вовлеченность, близость, субъективная оценка отношений

Сейчас существует тенденция перехода в дистанционный, виртуальный режим общения и работы с использованием ресурсов Интернета, особенно, это характерно для современных женщин в возрасте от 30 лет, особенно, в период актуального материнства. В то же время современные ученые предупреждают об опасности Интернет пространства для психологического благополучия семьи, отношений между супругами (Kimberly S. Young, Alvin Cooper, Eric Griffiths-Shelley и др., 2000; Ахмедова, 2014). В нашем исследовании мы предположили, что вовлеченность в Интернет среду имеет связь с качеством отношений с супругом у женщин в период зрелости.

Методический комплекс: анкета для изучения особенностей использования Интернета и его влияния на качество отношений между супругами на основе методики по изучению проблемного использования Интернета В.Н. Колесникова, Ю.И. Мельник, Л.И. Тепловой, 2019; Методика «Опыт близких отношений» (К. Бреннан и Р. К. Фрейли, 2000, Т.В. Казанцева, 2008); Методика «Включенность Другого в шкалу собственной Я-концепции» (Э. Арон, Д. Смоллан, 1992, Т.Л. Крюкова, О.А. Екимчик, 2018); Шкала оценки отношений (Hendrick, Hendrick, 1997, О.А. Сычев, 2016); Шкала удовлетворенности жизнью (E. Diener и др., 1985, Елшанский др., 2015); Методика скрининговой диагностики интернет-аддикции Л.Н. Юревой, Т.Ю. Большот, 2005.

Выборка: 36 женщин, состоящие в супружеских отношениях, из которых 18 относятся к периоду ранней зрелости (от 20 до 25 лет) и 18 средней зрелости (от 29 до 47 лет).

Были получены следующие результаты. По результатам используемых методик у респондентов нашей выборки не было выявлено компьютерной зависимости ($20,1 \pm 0,8$). Женщины включены в интернет среду, активно её используют, но не на экстремально высоком уровне. Они мало испытывают сомнений по поводу надежности своего партнера и у них не возникает дискомфорта при сближении с ним (тревожность относительно привязанности ($4,5 \pm 0,5$), избегание близости ($4 \pm 0,4$)). Женщины воспринимают партнера как часть себя, при этом, сохраняя небольшую дистанцию, то есть отсутствует абсолютное слияние в паре. При этом, были обнаружены связи между шкалой тревожности относительно привязанности и шкалой интернет зависимости ($r=0,4$; $p=0,17$), а также между шкалой избегания близости в отношениях, включенностью Другого в Я-концепцию ($r = -0,62$; $p=0$) и шкалой оценки отношений ($r = -0,731$; $p=0$). При изучении характера этой связи была

обнаружена зависимость шкалы тревожности в отношении привязанности от уровня Интернет зависимости ($\beta = 0,397$; $p = 0,017$; $R^2 = 0,158$; $n = 36$). После деления выборки на группу с высокой и низкой вовлеченностью в Интернет средним медианным способом было обнаружено, что внутри группы женщин с более низкими значениями была обнаружена зависимость от интернет вовлеченности включенности Другого в свое Я ($\beta = -0,571$; $p = 0,013$; $R^2 = 0,326$), а у группы с более высокими значениями — шкалы оценки отношений ($\beta = -0,461$; $p = 0,05$; $R^2 = 0,212$).

Таким образом, вовлеченность в интернет-среду у женщин действительно имеет связь с качеством их отношений с супругом, в частности обнаружено влияние на избегание близости и субъективную удовлетворенность браком уровня Интернет вовлеченности.

1. Kimberly S. Young, Alvin Cooper, Eric Griffiths-Shelley, James O'Mara, and Jennifer Buchanan. Cybersex and Infidelity Online: Implications for Evaluation and Treatment // *Sexual Addiction and Compulsivity: The Journal of Treatment & Prevention*, 2000. No. 7. Issue 1–2. P. 59–74.
2. Ахмадеева Е.В. Виртуальное пространство как угроза психологической безопасности семьи // *Вестник Башкирск. ун-та*. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-prostranstvo-kak-ugroza-psihologicheskoy-bezopasnosti-semi> (дата обращения: 05.04.2021).

Трудовые мигранты и принимающее население: социальная дистанция в условиях пандемии COVID-19

Трудовые мигранты, принимающее население, социальная дистанция, COVID-19

В условиях пандемии COVID-19 наблюдается тенденция интенсификации проявления проблем трудовых мигрантов в новых для них условиях жизнедеятельности, обостряются межэтнические отношения и конкуренция на рынке труда (Константинов, Осин; 2020). В последнее столетие вопросы, связанные с исследованием различных аспектов взаимоотношений представителей принимающего (коренного) населения и различными категориями мигрантов (иммигрантов/беженцев) получили широкое освещение в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых (Солдатова, 1998; Hainmueller, Hopkins, 2014; Schmitt et al, 2014 и др.). В этой связи, анализ роли социальной дистанции во взаимодействии представителей принимающего коренного населения и трудовых мигрантов, на наш взгляд, обладает потенциалом, необходимым для понимания ряда проблем, возникающих в ходе адаптационного процесса. Термин «социальная дистанция» (Bogardus, 1925), под которым понимается дефиниция, характеризующая соотношенность (близость, отчужденность) различных социальных групп и отдельных субъектов в социальном пространстве при помощи механизмов социального контроля.

В декабре 2020 года — январе 2021 года нами было проведено исследование, в котором приняли участие 610 человек в возрасте 17–69 лет проживающих в России на территории трех российских регионов (Республика Мордовия, Пензенская и Свердловская области) из которых 354 являлись представителями принимающего населения и 256 испытуемых — трудовые мигранты.

Для определения социальной дистанции была использована «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса. Сравнение полученных данных с результатами диагностики, которая осуществлялась мае-июне 2020 года, позволило установить, наличие тенденции к увеличению социальной дистанции между представителями принимающего населения и китайцами (с 32% в 2020 году до 44% в 2021 году) увеличилось количество испытуемых, готовых принимать их в качестве туристов. 11% не хотели их видеть в России вообще (2020 год) и 23% представителей принимающего населения не желают видеть китайцев в 2021 году вообще.

Аналогичные тенденции проявившиеся в дистанцировании представителей принимающего населения актуальны по отношению к узбекам: 2020 год — 30% рассматривают их как интуристов, а 10% не хотят их видеть вообще и 2021 год — 42% опрошенных рассматривают их только как интуристов и 16% не хотят их видеть в России).

В ходе диагностики было установлено что среди трудовых мигрантов выявлена наиболее короткая дистанция между своим этносом и представителями русской нации 2020 год: 53% приезжих хотят быть с представителями принимающего населения в тесном родстве посредством брака, 14,5% мигрантов хотят видеть

русских в кругу своих друзей. 2021 год: 42% приезжих хотят быть с представителями принимающего населения в тесном родстве посредством брака, 16,5% мигрантов хотят видеть русских в качестве своих друзей.

Анализ ответов респондентов на вопросы, касающиеся пандемии COVID-19, позволил определить основные тенденции связанные с отношением трудовых мигрантов и представителей принимающего населения друг к другу. Если в 2020 году с утверждением «За время эпидемии COVID-19 отношения между трудовыми мигрантами и местным населением ухудшились» соглашались 31% опрошенных представителей принимающего населения согласилась, то в 2021 году, аналогичную позицию продемонстрировали 62%.

Для выявления степени переживания страха, связанного с коронавирусной инфекцией проводилась диагностика с помощью методики «Шкала страха COVID-19» D.K. Ahorsu и др., (в адаптации Reznik et al., 2020). Была обнаружена корреляционная связь между уровнем социальной дистанции по отношению к трудовым мигрантам и уровнем выраженности страха у представителей принимающего населения («Шкала страха COVID-19»). Установлено, что наибольшая социальная дистанция свойственна лицам с высоким уровнем выраженности страха и увеличенной социальной дистанцией ($r_s = 3,224$ при $p \leq 0,01$).

1. Константинов В. В., Осин Р. В. Отношение принимающего населения к трудовым мигрантам: представления, взгляды, социальная дистанция // Нижегородский психологический альманах. –2020. — No2. — С.15.
2. Солдатова Г. В. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. — 389 с.
3. Bogardus E. S. Measuring social distance. J. of Applied Sociology. 1925, pp. 299–308.
4. Hainmueller J., Hopkins D.J. Public Attitudes toward Immigration. Annu. Rev. Polit. Sci. 2014, 17, 225–249.
5. Krieger N. Methods for the Scientific Study of Discrimination and Health: An Ecosocial Approach. Am. J. Public Health 2012, 102, 936–944.
6. Schmitt M. T., Branscombe N. R., Postmes T., Garcia A. The consequences of perceived discrimination for psychological well-being: A meta-analytic review. Psychol. Bull. 2014, 140, 921–948.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-013-00445 «Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России: условия, факторы и механизмы»

Гендерные различия в интенсивности использования и профилях социальной сети

Социальные сети, гендерные различия, профиль социальной сети

Социальные сети позволяют решать не только вопросы межличностной коммуникации, но и самопрезентации. При этом обнаруживаются гендерные различия в количестве пользователей, что приводит к тому, что Instagram считается преимущественно женской, а Facebook мужской социальной сетью (Digital, 2021). Рассматривая использование социальных сетей в контексте самопрезентации можно полагать наличие различий в представлении информации мужчинами и женщинами в социальных сетях (Курьшева, 2015; Саторова, 2020).

Выборку составили 201 студент, 92 мужчины и 109 женщин (ср.возраст 22,3), пользователи социальной сети ВКонтакте. Методики: Шкала интенсивности использования социальной сети (Ellison и др., 2007) для исследования временного показателя использования социальной сети. Анкета навязчивости использования социальной сети (Elphinston и др., 2011) для измерения потребности нахождения в социальной сети и склонности к зависимости. Авторская анкета для выявления наполнения профиля в социальной сети.

При анализе уровня интенсивности использования социальных сетей было обнаружено значимое различие между мужчинами и женщинами (хи-квадрат = 7,49; $p \leq 0,001$). Так, мужчины меньше используют социальные сети (33%), а женщины склонны к частому и интенсивному использованию социальных сетей (67%). В тоже время при сравнении навязчивости в использовании социальных сетей значимого различия не обнаружено. В отношении характеристик поведения в социальных сетях было обнаружено различие в частоте публикаций между мужчинами и женщинами (хи-квадрат = 14,71; $p \leq 0,01$). Мужчины делают больше ежедневных публикаций (67%) и редких публикаций (59%), тогда как женщины склонны делать публикации 2–3 раза в неделю (71%) и ежемесячно (81%). Значимое различие обнаружено и в содержании публикуемой информации (хи-квадрат = 17,28; $p \leq 0,01$). Мужчины публикуют текстовую информацию, тогда как 64% женщин публикуют информацию содержащую текст, фото, видео. Независимо от гендера 60% размещаемых фотографий являются изображениями пользователя. Анализируя содержание публикаций (постов) обнаруживаются гендерные различия (хи-квадрат = 24,73; $p \leq 0,001$). Женщины, чаще размещают разнообразную информацию, а мужчины о происходящем в жизни (46% и 54%). Внутригрупповые предпочтения проявились в том, что мужчины размещают информацию о себе (21%), а женщины о ситуациях в жизни (28%). Обнаружено различие в подписках на группы и сообщества социальной сети (хи-квадрат = 25,42; $p \leq 0,001$). Несмотря на то, что и мужчины и женщины подписываются на группы соответствующие их интересам (90% и 61%

соответственно), женщины также подписываются на группы связанные с эмоциональными переживаниями и настроением (18%).

Подводя итог можно утверждать что несмотря на большее использование социальных сетей женщинами, не обнаруживается различие в зависимости от социальных сетей. Существенно различается опыт пользования социальными сетями. Женщины регулярно размещают информацию и используют социальные сети для демонстрации разнообразных сторон своей жизни, своей личности и в большей степени ориентированы на эмоционально -насыщенную информацию. Мужчины, несмотря на меньшую интенсивность использования социальных сетей склонны к регулярному размещению текстовой информации о происходящем в жизни.

1. Курышева О.В. Гендерные различия в стратегиях и тактиках самопредъявления / О.В. Курышева, А.В. Вознесенская // Природные системы и ресурсы — N 2 (12). — 2015. — с. 122–131.
2. Саторова А.С. Самопрезентация в социальной сети студентов университета / А.С. Саторова, Е.Г. Корнильцева // Культурологические чтения — 2020. Культурный код в эпоху глобализации: цифровизация общества и образования. — 2020. — с. 307–311.
3. Digital 2021: Global overview report (2021), URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (дата обращения: 15.06.2021).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00775.

Гендерные различия в эмотивной лексике

Языковая картина человека, эмотивная лингвистика, оценочные высказывания

Предметом исследования выступили гендерные различия в оценочных высказываниях в нехудожественных текстах. Цель исследования состояла в сопоставительном количественном и качественном анализе высказываний, включающих одну из основных лексем, используемых при описании эмоциональных процессов. В исследовании применялись методы и методики корпусной лингвистики. Материалом исследования послужили автобиографии, биографии, дневники, записные книжки, мемуары, записки, личные письма, тексты электронной коммуникации — блогов, конференций, смс-сообщений, форумов, представленные в Национальном корпусе русского языка [Национальный корпус...]. Подкорпус авторов женского пола имеет объем 876 документов, 8110951 слово. Подкорпус авторов мужского пола имеет объем 4712 документов, 48006725 слов. Собирались статистические данные о частоте мужчинами и женщинами восьми лексем: эмоция, чувство, предчувствие, состояние, настроение, ощущение, волнение, переживание. Учитывались частоты как отдельных единиц, так и биграмм, состоящих из притяжательных местоимений и существительных. В ходе сбора эмпирических данных с помощью поисковых запросов в НКРЯ были определены абсолютные частоты словоупотреблений, а также вычислены относительные частоты, как соотношение абсолютных частот с объемом корпуса автора соответствующего пола. Всего обнаружено 46201 вхождение.

Результаты. В текстах авторов-женщин эмотивная лексика более употребительна. Выражено различие по частоте использования женщинами лексем переживание (в 1,88) эмоция (в 1,71), волнение (в 1,50). Особенно выражено различие в биграммах, включающих притяжательное местоимение мой. Их больше оснований относить к самоописаниям. У женщин чаще встречается словосочетание «моё настроение» (в 2,60), «моя эмоция» (в 1,86) «моя эмоция» (в 1,50). Не выражены различия в словосочетаниях мое ощущение, переживание, предчувствие. Полученные данные хорошо согласуются с выявленными нами ранее лингвистическими особенностями. В текстах женщин заметно чаще, чем у мужчин, встречаются оценочные высказывания. Это относится как к качествам, которые притягивают к субъекту, так и к качествам, которые отталкивают [Куликов, 2020]. Важно также отметить, что частота словоупотреблений, относящихся к эмотивной лексике, в обыденных и научных описаниях существенно отличается. Подтверждением служат результаты анализа тенденций развития психологии на основе выявления динамики частоты использования психологических терминов. С. Б. Потемкин, Л. А. Хасин, П. Л. Хасина, Е. В. Щедрина составили частотный словарь психологических терминов по корпусу научных публикаций журнала «Вопросы психологии», старейшего научного периодического издания по психологии в нашей стране, за период 1980–2010 гг. [Потемкин и др., 2015]. В перечень наиболее частотных психологических терминов не вошли такие, как душа, душевность, дух

(термин духовность входит), ценность (термин ценностный входит), состояние, настроение, волнение, страдание, страсть, любовь, ненависть. В научных текстах чувство, переживание, эмоция не имеют по частоте существенных различий. Вместе с тем, в обыденной лексике картина иная: чувство, настроение, ощущение имеют существенно большее словоупотребление, чем эмоция.

1. Куликов Л.В. Половые различия в оценочных высказываниях о субъекте //Сборник «Личность и вызовы современности: интерпретация проблем различными научными школами». Майкоп — Краснодар. 2020. С. 299–302.
2. Национальный корпус русского языка <http://ruscorpora.ru/> Дата обращения 15.05.2021.
3. Потемкин С. Б., Хасин Л. А., Хасина П. Л., Щедрина Е. В. Анализ тенденций развития психологии на основе выявления динамики частоты использования психологических терминов // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 95–103.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках
научного проекта № 21-011-31276\21*

Карта научного наблюдения в исследовании экономического поведения коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации

Экономическое поведение, субъективное благополучие, жизненные ценности, экономические attitudes, коренные малочисленные народы Арктической зоны Российской Федерации

Непосредственное влияние на все общественные процессы, в том числе и на экономическое поведение личности, независимо от происхождения и места проживания, оказывают различные факторы и предикторы. Несмотря на многочисленные концепции, анализирующие различные аспекты экономического поведения, существует дефицит научных теорий, объясняющих трансформацию экономического поведения коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Арктической зоне Российской Федерации на современном этапе. Становится очевидным, что в нынешних условиях и применительно к коренному населению Арктики классические теории анализа экономического поведения (Д. Канеман, 1934; В.Смит, 1927 и др.) утрачивают свой гносеологический и эвристический потенциал. Назрела необходимость разработки новой программы исследования трансформации экономического поведения и механизмов, обеспечивающих позитивный вектор изучаемого процесса, которая учитывала бы особые условия жизнедеятельности и специфику психологии человека из числа коренных малочисленных народов, проживающих в Арктической зоне. Задача настоящего исследования — на основе анализа эмпирических результатов, полученных с помощью анкетирования и интервьюирования, разработать карту научного наблюдения — алгоритм изучения экономического поведения коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации в местах их традиционного проживания.

В период 2019–2020 гг в эмпирическом исследовании приняли участие 263 респондентов (долганы — 32, ительмены — 2, коряки — 8, ненцы — 106, нивхи — 25, ханты — 5, чукчи — 24, эскимосы — 5, эвены — 31, саамы — 25). Интервью были проведены с 56 респондентами, в том числе ненцев и хантов — 24, чукчи и эскимосы — 20, эвены и коряки — 12.

В результате выявлены и теоретически обоснованы уникальные показатели экономического поведения: рациональность и низкая значимость финансовых ресурсов и инфантилизм в отношении к ним. Для объективизации эмпирических данных и в соответствии с дедуктивно-корреляционным характером исследования идентифицирован уровень субъективного благополучия КМН АЗРФ: субъективное благополучие большинства респондентов из числа коренных малочисленных народов Севера, проживающих в разных субъектах Российской Федерации, находится на среднем уровне, при этом коряки и эвены демонстрируют более высокий уровень субъективного благополучия, нивхи и ненцы — менее удовлетворены жизненными обстоятельствами. Обнаружены связи между

психологическим временем и экономическими аттитюдами: сочетание негативного прошлого, гедонистического и фаталистического настоящего в структуре психологического времени является тревожным признаком, свидетельствующим о пассивной жизненной позиции части выборки, недостаточной ответственности перед будущим (страхом будущего), склонности к занятию потребительской позиции по отношению к структурам власти, неверием в свои силы для изменения ситуации к лучшему. В целях поиска модели, задающей позитивную траекторию трансформации экономического поведения, исследованы действующие и возможные правовые формы организации традиционного хозяйства. Сформулированные в ходе исследования выводы позволяют интерпретировать особенности формирования и трансформации экономического поведения КМНС, а в перспективе могут

использоваться при проектировании моделей экономического поведения и механизмов, обеспечивающих позитивный вектор, с учетом специфики существования КМНС в глобальном информационном пространстве, «обществе потребления» (Забелина и др., 2021).

Не смотря на то, что выборка репрезентативна, методы исследования валидны и представленные выводы являются объективными, в процессе обработки данных были зафиксированы факты случайного рандомного выбора ответов, сокрытия или искажения некоторых важных с позиций исследования фактов. В качестве дополнительного метода получения адекватной цели исследования информации предложено использовать карту научного наблюдения, а также перечень условий для ее применения. Научное наблюдение — исходный метод научного познания, связанный с преднамеренным, организованным, систематическим, целенаправленным восприятием предметов и явлений внешнего мира с целью решения определенных научных задач. Научное наблюдение отличается чётко поставленной целью, систематичностью, использованием различного рода приборов и средств для фиксации количественных измерений и оценок качества поступившей информации. Это метод эмпирического познания позволяет получить первичную информацию об объектах и обеспечивает объективность, воспроизводимость, точность и однозначность результатов исследования (Некрасова и др., 2008).

Основные принципы наблюдения в отечественной психологии основаны на трудах таких ученых как Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев. Эти принципы составляют методологическую базу применения метода наблюдения в эмпирических психологических исследованиях и предполагают возможность изучения разных уровней психического отражения на основе выявления их регулирующей роли в деятельности.

Карта научного наблюдения экономического поведения включает 4 блока вопросов, ответы на которые исследователь фиксирует, находясь непосредственно в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов АЗ РФ. В блоке 1 сформулированы вопросы, касающиеся личного и экономического статуса жителей (социальный портрет, национальность, образование, спектр профессий, стандартный режим дня, источники доходов семьи, удовлетворённость доходом, основные расходы семьи, сегментация расходов, «покупательский профиль»).

В блоке 2 сформулированы вопросы, касающиеся экономических аттитюдов (наличие сбережений, пользование банковскими услугами, цели сбережений,

наличие кредитов, цели кредитования, наличие дебетовых/кредитных банковских карт, способы решения финансовых трудностей)

Блок 3 включает вопросы, позволяющие выявить показатели субъективного благополучия и специфику психологического времени, в частности отношения к будущему (основные факторы финансовой устойчивости, показатели материального достатка, критерии благополучия, наличие движимого имущества, наличие недвижимого имущества, планы на будущее).

Блок 4 направлен на выявление жизненных ценностей (отношение к деньгам, этническая идентичность, отношение к предпринимательству, представление о семье, о будущем своих детей).

Важным является соблюдение условий, при которых включённое научное наблюдение будет эффективным: 1) длительность; 2) учёт экспертного мнения; 3) систематическая фиксация информации; 4) заинтересованность (Фазнахт, 1985).

Основой эмпирического исследования экономического поведения коренных малочисленных народов Арктической зоны является анкетирование, которое интегрирует стандартизированные опросники, а также метод структурированного интервью. Полевые исследования и полученные в процессе выводы, актуализируют применение в качестве дополнительного метода карту наблюдений — алгоритм действий исследователя непосредственно в местах проживания коренных малочисленных народов АЗ РФ.

Анализ результатов анкетирования и интервью будет интерпретирован с учетом полученных с помощью включенного наблюдения данных.

Таким образом, корректировка программы исследования трансформации экономического поведения коренных малочисленных народов АЗ РФ, посредством включения научного наблюдения в диагностический инструментарий, обеспечит получение объективных данных и, следовательно, представит возможность моделировать и прогнозировать поведение коренных народов в различных жизненных ситуациях.

1. Некрасова Н.А., Некрасов С.И., Садикова О.Г. Н20 Тематический философский словарь: Учебное пособие. — М.: МГУ ПС (МИИТ), 2008. — 164 с.
2. Фазнахт Г. Наблюдение и эксперимент // Общий практикум по психологии: метод наблюдения. Часть I / Ред. М.Б. Михалева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 53–55.
3. Zabelina, E.V., Kurnosova, S.A., Koptseva, N.P., Luzan, V.S., Shchukina, K.E. (2021). Economic behaviour strategies of the Northern small-numbered indigenous peoples and their impact on the subjective well-being. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 14(6), 797–809. DOI: 10.17516/1997–1370-0761.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-013-00394 «Трансформация экономического поведения коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации в условиях глобализации»

Леоненко Н.О.
Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена

Потапова М.В.
Челябинск, ФГАОУ ВО "ЮУрГУ (НИУ)"

Ибатуллин А.А.
Екатеринбург, ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Потапова Ю.В.
Омск, ФГБОУ ВО "Омск"

Доминирующие интересы подростков к контенту блогосферы

Социальное поведение подростков, сетевая коммуникация, структурирование времени подростками

Предметом исследования выступило выяснение предпочтений подростков и юношей в современной блогосфере. Материалом исследования послужили результаты интернет-опроса 744 подростков и юношей Уральского Федерального округа в возрасте от 12 до 18 лет, 51% женского пола, 49% мужского пола.

На вопрос «Перечислите, пожалуйста, блогеров, на которых Вы подписаны в любой из социальных сетей» 61 человек ответили, что ни на кого из блогеров не подписаны. Выявлен большой перечень имен блогеров, которым отдано предпочтение. Наиболее популярными у девушек оказались Брайн Мапс (в контенте преобладают пародии, смешные видео, бытовые ситуации, приготовление пищи), 5,97%; Анастасис (видеоклипы, обсуждение проблем с комплексами, «распаковка» — демонстрация покупок, комментарии, обсуждение, советы различного рода), 4,05%; Адушкина Катя (видеоблогер, танцор, певица), 3,40%; Масленников Дима (видеоблогер, лайфхаки, посещение мистических мест, заброшенных домов и т.п.), 3,40%; Гридин Кузьма (видеоблогер, обсуждение новостей в форме диалога, показ различных бытовых ситуаций, комментирование видео), 2,98%. Девушки проявляют интерес к тем блогерам, с которыми проще себя идентифицировать. Чаше, чем у юношей, встречаются девушки-блогеры — в частности, Катя Адушкина с романтическим стилем исполнения песен и Анастасис — веселая, уверенная в себе видеоблогер. Можно согласиться с выводом Н.В. Амяга [1991], что блоги дают хорошую возможность для блогеров в их самопрезентации и самохарактеризации.

Популярными у юношей оказались Куплинов Дмитрий (летсплей), 7,36%; Топлес Ян (научно-популярный контент) 4,60%; Литвин Михаил (видеоблогер и стример), 3,07%; Масленников Дима (видеоблогер, лайфхаки, посещение мистических мест, заброшенных домов и т.п.), 2,45%; сайт «itpedia» (обсуждение компьютерных игр, «железа» для компьютеров), 2,45%. Юноши чаще писали о сайтах, посвященных играм, их прохождению. Блогеры, на которых подписаны многие молодые люди, связаны с миром компьютерных игр. Заметен повышенный интерес к контенту, который дает острые ощущения.

Для ответа на вопрос «Насколько Вы загружены разными видами активности и обязанностей в своей повседневной жизни?» были предложены для выбора две

альтернативы: «Каждый мой день полностью расписан на дела обязательные (связанные с учёбой/работой), дополнительные занятия и хобби, поэтому свободного времени практически не имею» и «Я выполняю лишь необходимый минимум задач в своей основной деятельности (учёба, работа), постоянных увлечений не имею, поэтому занятость регулирую по своему усмотрению, всегда по-разному». Всего о полностью загруженном дне и отсутствии свободного времени заявили 381 участник исследования (47,7%). Блоги, популярных у этой группы молодых людей, имеют развлекательный характер: прохождение видеоигр с комментариями, обсуждение вопросов, касающихся игровой индустрии, а также аккаунты современных молодых музыкантов, которые размещают на своих каналах новые клипы. При этом следует отметить, что многие видео данных блогеров подчеркнута эмоциональны, причем в них демонстрируются как позитивные, так и негативные эмоции (встречаются элементы пугающего характера, мистические локации, «заброшки», по которым путешествует блогер, элементы хоррор-игр). Другим полюсом является включение типичных бытовых ситуаций (проверка «лайфхаков», пробы приготовления различных блюд).

К доминирующим интересам молодых людей можно отнести:

- компьютерные игры, их обзоры, прохождения вместе с блогером;
- показ бытовых ситуаций и реакции блогера на них;
- популярное изложение научных знаний;
- ситуации, в которых есть признаки непознанного, необъяснимого, мистического.

1. Амяга Н.В. Самораскрытие и самопредъявление личности в общении / Н.В. Амяга // Личность. Общение. Групповые процессы. — М., 1991. — С. 37–74.

Преодоление проявлений выученной беспомощности у лиц с ограниченными возможностями здоровья в рамках групповой работы

Выученная беспомощность, инвалидность, опосредствование

В общественном сознании современности можно выделить два негласно транслируемых критерия «социальной нормальности» — это трудоустройство и создание семьи. Закономерно, данные «критерии» присутствуют в предметном поле ориентиров и проблемных вопросов взрослых с ОВЗ, особенно в возрасте от 25 (+/- 2) до 35 лет. Однако их решению и реализации часто мешает спонтанно сформировавшаяся у определенной категории инвалидов «выученная беспомощность», незаметная им самим.

В 2017–2020 году автором статьи в сотрудничестве с Центром молодежных инициатив г. Сургута реализовался проект для молодежи с ОВЗ «Сам себе работодатель», посвященный обсуждению содержания проблемы трудоустройства инвалидов, поиску средств и вариантов ее решения. Целевой аудиторией проекта стали молодые инвалиды в возрасте 21–35 лет, в количестве 12–15 человек, различных нозологических групп.

Методы и процедура. Методическое обеспечение работы составили групповая беседа, моделирование ситуаций, детализации проблемы. Работа с группой осуществлялась в режиме — одна встреча в две недели.

Результаты. В процессе регулярных встреч и ненавязчивого общения в качестве «как будто свой» удалось обеспечить выход на предметное обсуждение вопросов, связанных с самостоятельностью, материальной независимостью, желаемым будущим, проблемами трудоустройства. В контексте проведенных бесед проявилась следующая картина представлений о работе и трудоустройстве:

1) трудоустройство и работа воспринимаются как синонимы: иметь работу — значит быть трудоустроенным на конкретном месте работы;

2) в вопросе трудоустройства доминирует экстернальная позиция, проявляющаяся в таких словах, как «не берут», «не дают», «обязаны», «должны» (взять на работу — В.М.);

3) в качестве причин для принятия себя на работу рассматривается наличие образования, отдельных практических навыков (напр., «печатать могу»), обязанность по закону;

4) в качестве причин отказа в трудоустройстве называется инвалидность, особенности заболевания (напр., эпилепсия), предвзятое отношение к инвалидам;

5) вариант самозанятости рассматривается как непригодный для инвалидов, потому что «опасно», «потом должен будешь», «еще квартиру отберут», «кто обратиться к инвалиду!».

Названные представления, как правило, являются стереотипными, спонтанно присвоенными от старшего поколения и ближайшего окружения. Как только то или

иное убеждение переводилось в предметную плоскость и разбиралось по критериям «причины, условия, этапы положительного и отрицательного сценариев», участники сами начинали предлагать допустимые в их случае варианты поиска работы или самозанятости. Так, на одной из встреч обсуждалась сумма, которую бы хотелось иметь участникам в год. Вначале была названа вызывающая по своему значению сумма 1 000 000 р., но после отсутствия ожидаемой критикующей реакции ведущего сумма была уменьшена до 500 000 р. По результатам совместных расчетов получилось, что за вычетом годовой суммы гарантированной пенсии для получения указанной суммы нужно дополнительно около 3000 р. в день. Таким образом, вопрос встречи конкретизировался для каждого в «как я могу заработать около 3000 р. в день?» и участники под направляющие вопросы ведущего стали предлагать и анализировать доступные каждому варианты.

Обсуждение и выводы. Опыт проведенного проекта показал наличие у указанной выборке взрослых с ОВЗ признаков выученной беспомощности в вопросе трудоустройства и занятости. Локус решения этого вопроса отдается внешним условиям, в виде гарантирующих законов, усилий социальных органов, благосклонности работодателей. Социально-психологическое опосредствование субъектной позиции человека с инвалидностью относительно собственной занятости и других значимых для него вопросов является той подлинной профессиональной помощью, в которой нуждается эта категория лиц [1].

1. Стахнева Л. А. Понимание субъекта и субъектности в современной психологии // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-subekta-i-subektnosti-v-sovremennoy-psiologii> (дата обращения: 30.05.2021).

Влияние языковой и этнической принадлежности на стереотипы обыденного сознания в Узбекистане

Обыденное сознание, картина мира, стереотип

Узбекистан — страна, развивающаяся быстрыми темпами, стремится соответствовать международному уровню. Одной из ведущих реформ в сфере образования, является популяризация иностранных языков, среди всего населения, в частности молодёжи. Базируясь, на теоретические положения теории культурно исторического развития психики Л. С. Выготского [2], концепции языковой личности Ю. Н. Караулова [3], мы можем предположить, что, усваивая новые языки, личность перенимает картину мира, ценности, тех народов, язык которого усваивается. С другой стороны, для Узбекистана, является приоритетным сохранение своей культурной самобытности. Возникает проблема, развиваясь в сфере популяризации обучения иностранных языков, не утратить самобытность узбекской культуры. Многие происходящие изменения в обществе, находят своё отражение в обыденном сознании. Посредством обыденного сознания обыватель, строит свою картину мира, на которую опирается при принятии решений, при выборе моделей поведения [1, 4]. Изучая обыденное сознание жителей Узбекистана, представленное в семантическом пространстве, позволит зафиксировать, во-первых — категории, которые являются призмой, через, которую происходит восприятие мира обывателем. Во — вторых, определить сложившиеся представления об архетипических ролях общественно-бытовой практики.

Цель исследования — выявить особенности обыденного сознания жителей Узбекистана, представленные в семантическом пространстве на материале фразеологизмов узбекского и русского языков.

В исследовании принимало участие 170 респондентов. 20 узбеков билингвов, заполнявших методику на русском и узбекском языках, 74 узбекоязычных и 76 русскоязычных респондентов. Возраст респондентов от 18–57 лет.

Данные собирались с помощью авторской методики множественной идентификации на узбекском и русском языках.

В ходе исследования, при проведении факторного анализа были выделены пять факторов, объясняющих 52,5% общей дисперсии. Факторы получили следующие названия: Макиавеллизм, Трудлюбие, Зависимость (несостоятельный дурак), Нормативность поведения, Прямолинейность. Был проведён однофакторный дисперсионный анализ. Выявлено, наличие значимых различий среди мужчин и женщин, в оценке ролей по всем факторам.

При заполнении методики билингвами на русском и узбекском языках, их оценки архетипических ролей значимо менялись по всем факторам, кроме Трудлюбие. Выявлено, что оценки архетипических ролей между узбеками

билингвами заполняющих на русском и узбекоязычной выборкой, имеют больше значимых различий (31), по сравнению с узбеками билингвами, заполняющих на русском с русскоязычными (2).

Также было выявлено, что между мужчинами и женщинами в узбекоязычной группе, имеются меньше значимых различий при оценке архетипических ролей, чем между мужчинами и женщинами русскоязычной выборки. Когда билингвы заполняли методику на русском и узбекском языке, их представления идеал был ближе к этнической роли Русский, чем Узбек. Роль Священник в русскоязычной выборке, оценивался позитивнее, чем в узбекоязычной. Роль Государственного чиновника, имеет негативную коннотацию, роль Военнослужащего имеет положительную коннотацию, роль Учителя ближе к негативной коннотации.

В рамках полученных результатов можно сделать следующие основные выводы: стереотипы, имеют половую обусловленность; язык в определённой степени влияет на оценки стереотипов обыденного сознания; усвоение второго языка, влияет на восприятие и построение картины мира и становится в большей степени схожим с картиной мира усвоенного нового языка; мужчины и женщины, в узбекоязычной выборке, меньше различаются в своих оценках стереотипов, чем мужчины и женщины в русскоязычной выборке.

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
2. Выготский, Л. С. История развития высших психических функций. М.: Юрайт, 2019. 336 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
4. Улыбина Е. В. Обыденное сознание: структура и функции. М.: Смысл, 2001. 266 с.

Особенности когнитивного стиля и личностных конструктов обучающихся с разным социометрическим статусом

Когнитивный стиль, полезависимость — полenezависимость, личностные конструкты, социометрический статус обучающегося

Введение. Исследования когнитивной сферы индивида приобретает все более актуальный характер. Под когнитивным стилем понимают своеобразие в процессах переработки информации, и типологизацию индивида в связи с особенностями организации его когнитивной сферы. Личностный конструкт — внутренняя схема, через призму которую индивид воспринимает реальность. В рамках этой теории выделяют понятия когнитивной простоты и сложности: под когнитивной простотой, обычно, понимается низкий уровень дифференцированности когнитивных конструктов, под когнитивной сложностью — высокий уровень дифференцированности (Торлопова Н.В., 2017), однако в настоящее время понимание понятий когнитивной простоты-сложности расширяется, в связи с междисциплинарностью исследований (Коломейцев Е.А., 2020; Штеба А.А., 2020)

Постановка проблемы. Несмотря на существование определенных традиций в области изучения социального познания весьма мало исследований данной проблемы с учетом социально-психологических компонентов. Наше исследование как раз направлено восполнение этого пробела.

Методы и результаты исследования. Для проверки гипотезы о наличии особенностей в когнитивном стиле и личностных конструктах студентов с разным социометрическим статусом использовались: метод репертуарных решеток Дж. Келли, методика «Включенные фигуры» Готтшальдта, метод социометрии и статистический критерий Манна-Уитни. Выборку исследования составили 210 студентов вузов и колледжей Приволжского региона.

Обсуждение и выводы. Используя метод социометрии мы выявили группы испытуемых с разным социометрическим статусом. Далее были измерены параметры когнитивного стиля при помощи методики «Включенные фигуры» Готтшальдта, на анализе которых был сделан вывод, что студенты с низким социометрическим статусом полenezависимы по сравнению со обучающимися, имеющими средний социометрический статус ($U_{эмп} = 78$ при $p \leq 0,01$).

Для выявления личностных конструктов был использован метод репертуарных решеток Дж. Келли. Была проведена сортировка выделенных испытуемыми конструктов по категориям: «уникальные» и «повторяющиеся». Выявлено, что у студентов с высоким и средним социометрическим статусом количество повторяющихся конструктов примерно равно количеству уникальных конструктов или превышает их. То есть эта группа испытуемых обладает высоким потенциалом воспроизводимости при изменении внешних условий, что, может приводить к упрощенному восприятию объективной действительности. В то же время совокупность «повторяющихся» конструктов у студентов с низким социометрическим статусом уступает количеству «уникальных» конструктов ($U_{эмп}$

= 84 при $p \leq 0,01$), что позволяет нам свидетельствовать о когнитивной сложности данной группы испытуемых.

Таким образом, студенты с низким социометрическим статусом в рамках нашего исследования продемонстрировали полнезависимый когнитивный стиль и когнитивную сложность. Мы можем предположить, что такое сочетание может способствовать непредсказуемости поведения данной обучающихся.

1. Коломейцев Е.А. Языковая личность билингва: когнитивная сложность и интеллект [Текст] / Е.А. Коломейцев // Казанская наука. 2020. № 10. С. 126–133
2. Торлопова Н.В. Когнитивная сложность межличностного восприятия как показатель коммуникативной компетентности старших дошкольников [Текст] / Н.В. Торлопова, Н.А. Низовских // Концепт. 2017. № 5. С. 177–183.
3. Штеба А.А. Когнитивная сложность языковой категоризации смешанных эмоций [Текст] / А.А. Штеба // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 10 (153). С. 147–150.

*Исследование подготовлено при поддержке РФФИ, грант № 19-011-00118а
«Инкорпорация идей нейронауки в эпистемологию искусства: генезис, когнитивные
основания и значение для философии науки»*

Эксперимент как метод диагностики идентичности

Идентичность, социальная, персональная идентичность, когнитивная ориентация, поведенческий выбор, эксперимент, ингруппа.

Феномен идентичности включает проблематику когнитивной ориентации (Нисбетт, 2011; Мышкина, 2020), механизмов поведения личности, социальной зрелости (Гудзовская, 2014), отношения к цели и результату деятельности, объясняет социальное поведение человека через поведенческий выбор. Поведенческий выбор — стремление «достроить» целостность личности при сохранении основных ее качеств в субъективно трудной жизненной ситуации (Федоров, 2014). В поведенческом выборе реализуется система убеждений, ценностей как содержание идентичности. Это позволяет экспериментально исследовать идентичность через социальное поведение, поведенческие выборы.

Методы. Исследование проходило в гугл-форме (январь-март 2021). 1) тестирование: с/т «Сходство» WISC Векслера (формирование группы «интеллектуальная N»); с/т № 4 методики А.В. Захаровой (выявление когнитивной ориентации), тест «Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда в модификации Т.В. Румянцевой (выявление вербальных маркеров социальной и персональной идентичности). Ограничения по времени не фиксировались. 2) эксперимент «Тир» (модифицированная версия исследования социальной идентичности С.Аша-В.С.Мухиной) (выявление устойчивого поведенческого выбора выигрыша себе/группе как показателя социальной/персональной идентичности) в двух последовательных ситуациях: первичный выстрел (с1); в воображаемом присутствии значимого Другого (с2). Анализировались данные устойчивого выбора выигрыша (группе/себе) в обеих ситуациях эксперимента с использованием углового преобразования Фишера. Выборка: 86 человек (15 мужчин, 76 женщины), 20–25 лет (24,7), русскоязычные. Результаты. Выявлены значимые различия ($p=0,05$) в показателях просоциальности выбора («группе-группе») у «коллективистов» и «индивидуалистов»: 36,4% и 63,6%. Выявлен фактор влияния значимого Другого на поведенческий выбор ($p=0,05$): у «коллективистов» просоциальность выбора возрастает (36,4% в с1 и 56,7% в с2), у «индивидуалистов» снижается (63,6% в с1 и 43,3% в с2). Категории «человек (как часть человечества)» и «человек (как признак индивидуальности)» присутствуют у «коллективистов» (46,7 и 10,0) и «индивидуалистов» (45,5 и 4,5). У 20,5% «индивидуалистов» с устойчивым выбором «себе» отсутствуют вербальные маркеры социальной идентичности (социальные роли) ($f^*_{эмп.} 2,41$ при $p=0,01$). Обсуждение. Устойчивый показатель идентичности — когнитивная ориентация (коллективистская/индивидуалистическая), влияет на стабильность поведенческого выбора. Категория «человек» — вербальный маркер имплицитной социальной идентичности (Tajfel, 2010). В структуре идентичности «коллективистов» преобладает социальная идентичность в виде социальных ролей и ингруппы «человечество». В структуре идентичности «индивидуалистов» —

персональная идентичность и ингруппа «человек как уникальность, часть социальной группы». Для «коллективистов» образ значимого Другого — фактор расширения социальной идентичности, увеличения устойчивости просоциального выбора как ответственности и заботы о группе. Поведенческий выбор «индивидуалистов» устойчив («себе»), не зависит от воображаемого присутствия значимого Другого. Выводы. Примененный комплекс (методики и эксперимент «Тир») выявляет когнитивную ориентацию, вербальные маркеры идентичности и поведенческий выбор как стабильные критерии идентичности и рассматривается надежным методом ее диагностики.

1. Нисбетт Р., Пенг К., Чой И., Норензаян А. Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. 68 с.
2. Мышкина, М.С. Когнитивная ориентация в содержании идентичности школьников//Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. –2020. –Том 9. — № 3А. С. 114–122.
3. Гудзовская, А.А. Психология социальной зрелости. Самара, 2014. 256 с.
4. Федоров, И.А. Природа личности и культура конструирования жизненного сценария//Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2014. — № 6 (134). С. 17–23. 5. Tajfel, H. Social identity and intergroup relations/H. Tajfel, Cambridge University Press. — 2010. — № 7.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00567

Один за всех или все за одного? Социальное доказательство и влияние меньшинства как факторы готовности к участию в благотворительности

Альтруизм, просоциальное поведение, социальное доказательство, благотворительность, готовность к помощи

Изучение альтруистического и просоциального поведения можно рассматривать в качестве одной из ключевых задач социальной психологии. Отзывчивость к нуждам близких, взаимодействие в малых группах, волонтерская и благотворительная деятельность приобретают важное значение в последнее десятилетие, и критическое — в условиях, требующих координированных действий общества, например, при эпидемии коронавирусной инфекции.

Изучение вклада различных групповых эффектов при принятии решения о просоциальном поступке представляет значительный исследовательский и прикладной интерес. Была поставлена задача оценить влияние эффекта социального доказательства (Cialdini, 2001), заключающегося в склонности личности учитывать информацию о поведении других людей при планировании собственных действий, а также было сконструировано во многом обратное ему условие «влияния меньшинства» для оценки эффекта, который может оказывать информация о поведении небольшого числа людей.

Респондентам требовалось оценить свою готовность к оказанию благотворительной помощи, выражавшуюся в размере денежного пожертвования, которое они готовы были осуществить на нужды трех благотворительных организаций — «Теплый Дом», «AdVita» и «Ночлежка». В зависимости от экспериментального условия испытуемым предъявлялись различные описания сложившейся в благотворительной сфере ситуации и размеры типичных пожертвований.

Условие «социального доказательства» было сформировано путем создания информационного сообщения о том, что 75% спонсоров фонда осуществили пожертвования на сумму от 200 рублей. В свою очередь, в условии «влияния меньшинства» была приведена информация о том, что 5% спонсоров сделали пожертвования на сумму от 5000 рублей. Контрольное условие не включало никакой дополнительной информации о популярных и непопулярных размерах пожертвований.

Непосредственный эффект экспериментальной манипуляции был обнаружен только для одного благотворительного фонда — «Ночлежки». В условии «влияния меньшинства» наблюдалось снижение готовности жертвовать крупные суммы денег, получены значимые различия с условием «социального доказательства» ($\chi^2 = 3.66$, $p = .05$, $N = 201$). Таким образом, большая часть испытуемых из группы «влияния меньшинства» была готова пожертвовать меньшие суммы, чем испытуемые в группе сравнения. В условии «социального доказательства» отклонений от результатов, полученных в контрольной группе, обнаружено не было.

Полученный результат указывает на недостаточную эффективность упоминания очень крупных сумм денег для потенцирования пожертвований и на скорее негативное влияние на готовность к помощи. В литературе в качестве эффективных предлагаются более скромные референтные суммы для пожертвований (Goswami, Urminsky, 2016). Проявления эффекта социального доказательства не приводят к повышению готовности оказывать помощь, и, по-видимому, могут обуславливать ее снижение в условиях диффузии ответственности.

Результаты проведенного исследования позволили продемонстрировать ряд особенностей готовности к оказанию помощи в различных условиях. Роль многих факторов, способных оказать сильное и разнонаправленное влияние на характер просоциального поведения в области благотворительности, ещё нуждается в уточнении, что может стать предметом дальнейших исследований.

1. Cialdini, R.B. Harnessing the science of persuasion / R.B. Cialdini // *Harvard Business Review*. — 2001. — V. 79, № 9. — P. 72–81.
2. Goswami, I. When should the ask be a nudge? The effect of default amounts on charitable donations / I. Goswami, O. Urminsky // *Journal of Marketing Research*. — 2016. — V. 53, №. 5. — P. 829–846.

Связь негативных аффектов в близких отношениях с «темными» чертами партнеров

Бликие отношения, чувства и эмоции, позитивные и негативные аффекты, «тёмные» черты личности, психопатия, нарциссизм, макиавеллизм

Бликие отношения со значимым человеком являются ценной составляющей жизни личности в любом возрасте. Мы предполагаем, что «темные» черты партнёров (макиавеллизм, психопатия, нарциссизм) могут снижать качество близких отношений партнеров, провоцируя негативные чувства и эмоции по отношению друг к другу. Основное ядро «тёмной» триады — это дефицит эмоциональной поддержки, а также применение манипулятивных стратегий (Егорова, Ситникова, Паршикова, 2015; Корнилова и др., 2015). Эмоциональная поддержка, прямая коммуникация в паре — важные качественные характеристики близких отношений (Крюкова и др., 2019), тогда как ее нехватка, тяжелые, амбивалентен эмоции в отношениях снижают уровень удовлетворенности ими партнеров, усиливают дисфункциональность отношений (Григорова, 2013).

Проблема: как черты «темной триады» личности связаны с эмоциями, переживаемыми в близких отношениях им самим и другим партнером? Выборка: 84 человека или 42 пары: 42 мужчины 18–38 лет ($M=24$ года) и 42 женщины 18–38 лет ($M=22$ года) в отношениях 1–11 лет. Методы: авторский опросник позитивных и негативных эмоций в близких отношениях, в котором мы просили партнеров оценить частоту переживания предложенных нами эмоций по шкале от 1 до 10; Опросник «Темная дюжина» (Р. К. Jonason, G. D. Webster, 2010), апробация Т.В. Корниловой и др., 2015. Статистический анализ с помощью программы SPSS-21 методами критерия U-Манна-Уитни, корреляционного и регрессионного анализа.

Результаты. Значимых различий в специфике эмоций, испытываемых партнерами в близких отношениях, выявлено не было. Среди всех «темных» черт у партнеров были выявлены различия только в уровне Нарциссизма: у женщин данная оказалась выражена сильнее ($U=1321$, $p \leq 0,006$). При этом, чем сильнее различия в нарциссизме партнёров и их партнёрш, тем меньше в отношениях у них возникает такое чувство, как Удивление/изумление ($R=-0,236$, $p \leq 0,030$).

Результаты регрессии показывают, что выраженность Психопатии у мужчин ($\beta=-0,329$, $p \leq 0,025$), снижает Радость и счастье их партнёрш. Данная черта также связана с наиболее сильными проявлениями негативных эмоций в близких отношениях. Чем выше у обоих партнеров выражена Психопатия, тем чаще в близких отношениях они испытывают Печаль и горе ($R=0,214$, $p \leq 0,016$), Гнев и раздражение ($R=0,210$, $p \leq 0,019$), Отвращение и неприязнь ($R=0,180$, $p \leq 0,044$), Страх и испуг ($R=0,215$, $p \leq 0,016$). Макиавеллизм обоих партнеров связан с большим переживанием ими Гнева и раздражения ($R=0,198$, $p \leq 0,027$).

Таким образом, черты «тёмной» триады партнёров в близких отношениях повышают частоту переживания ими негативных эмоций в близких отношениях. Интересно, что с повышением выраженности «темных» черт (Психопатия и Макиавеллизм), у партнеров увеличивается частота переживания негативных эмоций ими самими. И только темная черта мужчин Психопатия имеет негативно влияет на радость и счастье в близких отношениях для их партнерш. Также интересно, что Нарциссизм партнеров не получил значимых взаимосвязей с их негативными аффектами.

1. Григорова Т. П. Совладание с деструктивной привязанностью в романтических отношениях взрослых // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 1. С. 110–116.
2. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 26.05.2021).
3. Корнилова Т.В. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина»/ Т.В. Корнилова, С.А. Корнилов, М.А. Чумакова, М.С. Талмач // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 2. С. 99–112.
4. Крюкова Т. Л. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях / Т. Л. Крюкова, О. А. Екимчик, Т. П. Опекина. — Кострома: Костром. гос. ун-т, 2019. — 340 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства высшего образования и науки FZEW-2020-0005

Доброта и гедонизм у молодежи мигрантов из Центральной Азии с разным типом этнической идентичности

Этническая идентичность, мигранты, этнонигилизм, этнофанатизм, этноизоляция, ценности

Любая этнокультура представляет собой органическую целостность. В ее основе лежат культурные универсалии. Эта картина мира включает компоненты, с помощью них можно изучить ценностную сторону этноса. Культурная ценность этнической идентичности может обуславливать процесс становления личности, а также процесс ее индивидуализации и единство со своим народом [1]. Принятие личностью внутри себя осознанных потребностей выступает необходимым условием образования личностных ценностей. Ценностные ориентации являются значимой психологической составляющей в структуре этнической идентичности [2, 3].

Цель: выявить особенности культурных ценностей доброта и гедонизм у молодежи мигрантов из Центральной Азии с различным типом этнической идентичности.

Выборка: 158 молодых людей из числа мигрантов Центральной Азии.

Методы: «Типы этнической идентичности» (Г.У.Солдатова, С.В. Рыжова) [3], «Ценностный опросник» Ш.Шварц.

Результаты: Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что у мигрантов из Центральной Азии доминируют две культурные ценности — доброта ($M=4,239$) и гедонизм ($M= 4,02$). Математическая обработка эмпирических данных свидетельствует о том, что для респондентов с типом этнической идентичности этнонигилизм, в сравнении с молодыми людьми с этнофанатизмом важнее такая ценность как доброта ($p=0,001$). Можно предположить это связано с тем, что для мигрантов с этнонигилизмом свойственно нейтральное отношение к этнической проблематике, поэтому они могут быть более благожелательны в отношении других этнических групп.

Для мигрантов с типом этнической идентичности этноэгоизм также более важной является доброта в отличие от этнофанатизма ($p=0,003$). Эта ценность сфокусирована на благополучии в повседневном взаимодействии с окружением, для доказательства своего превосходства, молодые люди с этноэгоизмом могут быть склонны демонстрировать снисходительность к представителям другой культуры [4].

Молодые люди с типом этнической идентичности этноизоляция также считают важной эту ценность, в отличие от этнофанатизма ($p=0,014$). Для таких молодых людей может быть свойственно обособление от других этнических и опора на представителей своей этнической группы, поэтому для них является значимым сохранение благополучия людей, с которыми они взаимодействуют.

Второй доминирующей ценностью, которую отмечают мигранты является гедонизм. Достоверно значимой данная ценность является для молодых людей с типом этнической идентичности этнонигилизм в сравнении с мигрантами с

этнофанатизмом ($p=0,001$). Это можно объяснить тем, что молодые люди с этнонигилизмом не воспринимая свою жизнедеятельность сквозь этническую проблематику имеют и предпочитают получать больше возможностей для наслаждения жизнью.

Данная ценность в том числе является более достоверно важна для молодых людей с типом этнической идентичности этноэгоизм, в сравнении с молодыми людьми с этнофанатизмом ($p= 0,001$). Это может быть связано с тем, что для первых молодых людей свойственно восприятие через призму собственной культуры, но при этом для них остается важным получение удовольствия от жизни [5].

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что молодые люди с такими типами этнической идентичности как этноэгоизм, этноизоляция и этнонигилизм в большей степени ориентированы на группу в которой они проживают, несмотря на их отношение к этническим вопросам они ориентированы на доброжелательное отношение к окружающим и получение удовольствия.

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
2. Аполлонов И.А., Карнаушенко Л.В., Тучина О.Р. Этнокультурные нормы и ценности в формировании самопонимания молодежи. Краснодар, 2009.
3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 40–63.
4. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
5. Миронов А.В. Этническая идентичность как фактор формирования самоотношения личности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11.

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-013-00949 А
Культурно-этнические детерминанты самостоятельности-личностной
беспомощности молодежи России и стран ближнего зарубежья (на материале
мигрантов из Центральной Азии)*

Value orientations and gender peculiarities of modern women's career building

Value orientations, career strategies, women's glass barriers

Value orientations can affect the speed and direction of social change, act as standards or criteria of life, as well as being a motivation for action. [1], [3] The policy of the organization is also one of the key factors in career building in the organization. The presence of "glass barriers" in the organization affects the nature of the relationship of employees among themselves and with management, affects the prospects and opportunities for career advancement. The perception of organizational climate and policies of the organization by the employee affects the quality of the work performed, self-realization in the professional sphere and understanding of the prospects for development in the organization. [2]

The main purpose of this study was to investigate the relationship between preferred value orientations and career strategies of working women. Sample of the study: the study involved working women from 22 to 45 years with at least 6 months of work experience. The average age of the sample was 30 years old. (MD=30). A total of 72 respondents living in St. Petersburg took part in the study.

Research methods: value orientations were measured with the help of the Schwartz Value Questionnaire technique (S.H. Schwartz, 1994). Glass barriers — with the help of "Glass Phenomena" questionnaire developed at the Department of Social Psychology, SPbSU. The career strategies used by women were identified using the Women's Career Strategies questionnaire developed at the Department of Social Psychology, SPbSU in 2020. Organizational policies were measured using the "Organizational Policy Questionnaire" methodology (Kacmaer K.M., Carlson D.S., 1997). Socio-demographic data on respondents were collected using questionnaires.

Data processing: descriptive statistics; r-Pearson correlation analysis; multivariate analysis of variance (MANOVA); factor analysis by principal component method.

Links between women's leading value orientations and preferred career strategies were found. It was found that as a woman's professional experience increases, she is more likely to encounter unfair policies in the organization, with regard to wages, incentives and career advancement. In turn, the specifics of the organization's policies correlate with all of the glass barriers. This may suggest that organizations are guided by unspoken policies regarding salaries, promotions, and rewards despite the seniority of female employees. Focusing on the value of "tradition," in which a woman considers it important to respect, accept customs and ideas that exist in the culture, is associated with strategies in which family and children remain a priority for women, and career is not so important aspect of life. Women, one of whose value orientations is to achieve personal success, do not use the strategy in which realization in the family is more important than the professional one. When oriented toward the value of "independence," they do not set limits and "bars" for

themselves, above which they cannot "rise. Women who want to enjoy life try to adjust circumstances to themselves, making arrangements at work and at home in order to have time to fulfill work and household responsibilities. Acting in everyday life according to this value, women do not strive to achieve informal influence in an organization and do not strive to have time to do everything and everywhere. It can be said that these women try to maintain a balance between their personal and professional lives. As a result of the study we were able to identify 6 factors — groups. These are "glass barriers", which included women who face glass barriers at work; "preferred career strategies" — orientation to achieve career successes; "power achievers" — striving for power and career achievements; "self-stimulation" — orientation to a rich, full of vivid emotions life; "Comfortable achievement" — women's orientation toward a comfortable life and meaningful career success; and "career individualists" — women who value benevolent, well-being-oriented interaction with others while being quite strongly oriented toward independent judgment and decision-making.

1. Schwartz S. Value orientations: measurement, antecedents and consequences across nations. // Jowell R., Roberts C. Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey, 2007. 272.
2. Kacmar K. Michele, Carlson Dawn S. Further validation of the perceptions of politics scale (POPS): a multiple sample investigation. Journal of Management 1997. Vol. 23, No 5, 627–658.
3. Golovakha, E. I. Life perspective and value orientations of personality / E.I. Golovakha // The psychology of personality in the works of domestic psychologists. — SPb.: Peter, 2002. (Golovakha, Ye. I. Zhiznennaya perspektiva i tsennostnyye orientatsii lichnosti / Ye.I. Golovakha // Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov. — SPb.: Piter, 2002)

The reported study was funded by RFBR, project number № 19-013-00686 A.

Межличностные отношения со сверстниками в ранней молодости (на примере девушек-студенток ВУЗов)

Период ранней молодости, студенты, отношения со сверстниками, общение, онлайн-коммуникация, переживание.

К студентам обращены высокие ожидания современного общества РФ. Общение с друзьями, их внимание и понимание является важным психологическим ресурсом, особенно в ситуации растущей вариативности траекторий жизненного пути молодых людей (А.Г. Асмолов, В.В. Краснова, А.Б. Холмогорова, С.В. Молчанов, Е.В. Иоффе, И.С. Клецина, А.И. Ключко, Е.В. Кумыкова).

Цель исследования: изучить характер отношений со сверстниками в период ранней молодости.. Выборка: 134 девушек — студенток вузов, возраст от 18 до 25 лет ($M=20,3$; $SD=2,08$). Методики: 1. Опросник The Inventory of Parent and Peer Attachment, авторы G. Armsden, M. Greenberg (1987), 2. Авторский опросник предпочтения онлайн-коммуникации, 3. методика «Незавершенные предложения» (модифицированный вариант).

Результаты. Около половины девушек-студенток (48,5%) считают свои отношения со сверстниками надежными и безопасными, включая высокую степень доверия и эмоциональной близости при низком уровне переживания отвержения со стороны значимых сверстников; выделена «группа риска», имеющая трудные отношения со сверстниками (14%).

Для оценки предпочтения онлайн-общения мы использовали разработанный в сотрудничестве с М.А. Андриановой (Андрианова, 2021). Мы опирались на теорию самораскрытия С. Джуард (Амяга, 1998) и исследования общения подростков в Интернете зарубежными коллегами P. Valkenburg, J. Peter (2007). Воспринимаемая глубина онлайн-коммуникации понимается как детальность, полнота и искренность освещения какой-то определенной темы. Ширина онлайн-коммуникации понимается как возможность самораскрытия респондентов при обсуждении широкого круга тем (чувства, секреты, беспокойство о внешности, отношения, одиночество, секс). Опросник включает 7 высказываний о восприятии глубины онлайн-коммуникации, 2 высказывания о восприятии широты онлайн-коммуникации и 1 высказывание о восприятии самопредъявления в Интернете. Степень согласия с высказываниями оценивается с помощью 5-балльной шкалы Лайкерта. Для обобщенной шкалы предпочтения онлайн-общения получен показатель надежности альфа Кронбаха 0.898.

Выявлена значительная вариативность выраженности предпочтения онлайн-общения у студенток вузов. Предпочтение онлайн-коммуникации непосредственному общению связано с актуальным ощущением одиночества, переживанием изолированности и непонимания в отношениях со сверстниками.

Анализ незавершенных предложений позволил выделить шесть категорий, характеризующих смысловую структуру общения со сверстниками в восприятии студенток вузов: 1. коммуникация (обмен информацией, мыслями, опытом), 2.

эмоциональный ресурс (обмен эмоциями, источник сил), 3. часть жизни (необходимость, социализация), стресс (неловкость, тревога), 4. ценность близких отношений (помощь, поддержка, качественно другой уровень отношений), а также 5. позитивный и 6. негативный опыт общения. Было выполнено экспертное кодирование выраженности выделенных категорий с целью возможности количественного анализа данных с использованием статистических методов (Андреанова, 2021). Методом корреляционного анализа выявлена внутренняя структура представлений девушек об отношениях со сверстниками, ядром которой являются пережитый опыт и вызываемые общением эмоции (позитивные или негативные).

Анализ регрессий показал влияние опыта общения в прошлом на восприятие актуальных отношений со сверстниками.

Получены новые данные об отношениях со сверстниками и особенностях общения со сверстниками у современных девушек-студенток вузов. Апробирована разработанная методика предпочтения онлайн-общения в период ранней молодости.

Примечание: данные собраны в дипломной работе М.А. Андреановой (МГУ, 2021), выполненной под руководством автора.

1. Амяга Н.В. Методики для диагностики личностной представленности человека в общении // Журнал практического психолога, 1998, № 1, с. 42–53.
2. Андреанова М.А. Характер отношений со сверстниками как фактор переживания одиночества и отношения к собственному телу в ранней молодости. // Дипломная работа. Москва, МГУ, 2021. 72 с.

Индивидуальные языковые особенности как маркер карьерного потенциала личности

Карьерный потенциал, карьерный капитал, диагностирование личности по тексту, LIWC

В современных решениях для оценки персонала все больше используются платформы для проведения видео-интервью по заданным сценариям. Для таких интервью сервисы предлагают автоматизированные инструменты по упрощению анализа: перевод речи в текст, обогащение информации при помощи автоматического распознавания эмоций, а также распознавания личных и рабочих качеств человека, поэтому предполагается перспективным понимание оснований такой оценки, анализа и выделения признаков речи, которые связаны с успешностью и карьерным капиталом. В связи с этим можно выделить, какие особенности языка связаны с достижением успеха и потенциалом. Для прогнозирования успешности вводится понятие карьерного потенциала как совокупности ресурсов, необходимых для достижения успеха в работе, которые проявляются в карьерном капитале. Это ресурсы трех типов: человеческий капитал (компетентность), социальный капитал и психологический капитал (понимание и вера в себя, стремление к развитию).

Методы и методики. В работе использовались материалы интервью (выборка 59 человек), 21–30 лет, прошедших вступительные испытания на должность юриста и ассистента директора. И выборка 33 человека, 21–40 лет со стажем работы от полугода в разных областях, которые проходили и интервью и тест на карьерный капитал. Первая группа (59 человек) была собрана в полевых условиях, интервью состояло из вопросов о жизненном опыте, элементов поведенческого интервью и проективных вопросов, нацеленных на раскрытие карьерного потенциала. Вторая часть выборки (33 человека) отправляла видеозапись с ответами на те же вопросы, затем заполняла опросник на измерение карьерного капитала, составленный по модели Тиины Джокинен, в которой рассматриваются 3 типа карьерных ресурсов: “Знаю почему”: мотивация, уверенность в себе на протяжении определенного карьерного пути, ценности, смыслы и интересы связанные с профессиональной реализацией. “Знаю как”: знания, опыт, навыки межличностного общения и специфические профессиональные знания. “Знаю кто”: социальный капитал — профессиональные связи как внутри фирмы, так и вне. Речевой материал обеих частей выборки анализировался в программе для подсчёта и анализа слов Джеймса Пеннебейкера LIWC, с помощью которой выделялись языковые особенности, характерные для групп испытуемых, исследовалась их связь с показателями опросника и социально-демографическими характеристиками. Математико-статистические методы обработки данных: ранговый коэффициент корреляции Спирмена, критерий Манна-Уитни для сравнения групп.

Результаты исследования показали, что знание себя и стремление к развитию (психологический компонент карьерного капитала) связано с более редким

употреблением слов из категорий “работа”, “беспокойство”, с более частым употреблением слов “стимул”, “деньги”, и с большим количеством слов.

Нетворкинг (социальный компонент карьерного капитала) связан с частым употреблением местоимений “мы” и “они”, слов из категорий “деньги”, “уверенность” редким употреблением “вы”, слов из категорий “работа”, “действие”.

Обладание знаниями, умениями и навыками, необходимыми для работы (человеческий капитал) связано с частым употреблением слов из категории “стимул” (к которой относятся все глаголы и слова, связанные с побуждением к действию, такие как: вперёд, давай и т.д.), с небольшим количеством слов. Люди, которые добиваются успехов в карьере благодаря нетворкингу, меньше говорят о действиях; а те, кто ориентирован на профессионализм, используют в речи больше глаголов и слов, образованных от них.

Экспертная оценка потенциала оказалась связана с другими языковыми категориями, отличными от тех, которые говорят о высоком карьерном капитале. При оценке потенциала кандидата в полевых условиях оказалось, что кандидаты, использующие часто местоимение “я”, короткие и частотные слова, отрицание и редко употребляющие модальные глаголы: хочу, могу, надо, воспринимаются как люди с меньшим карьерным потенциалом.

1. Jokinen T., Brewster C., Suutari, V. Career Capital during International Work Experiences: Contrasting Self-Initiated Expatriate Experiences and Assigned Expatriation // The International Journal of Human Resource Management. 2008. Vol. 19(6). P. 979–998.

Выраженность параметров эмпатии при уровнях суеверности и стереотипии

Компоненты фашизма, авторитарная личность, параметры эмпатии, студенты.

Введение. Настоящие тенденции к увеличению категорического мышления может вести к стереотипии и ригидности мышления, его «окаменению», отсутствию гибкости. «Склонность к перенесению ответственности за поступки на внешние неподконтрольные человеку инстанции» может проявляться в период пандемии как сильного внешнего фактора. Отсутствие контроля над течением заражаемости в обществе приводят к повышению мистификации и ухода в религию, склонности к суевериям [4].

Постановка проблемы исследования. Иррациональные начала в личности являются фундаментом роста структуры подверженности антидемократии [2]. Это часто неосознаваемые, бесконтрольные влечения (З. Фрейд), комплексы (К.Юнг), которые складываются в архитектуру приверженности фашизма.

Необходимо найти ингибитор, который разобщает структуру авторитарной личности. Было предположено, что таким фактором снижения фашизации личности является эмпатия, но эта гипотеза была опровергнута [3].

Организация процедуры и методы исследования.

Для диагностики эмпатии была выбрана методика В. В. Бойко «Диагностика уровня эмпатических способностей» [1].

Для выявления признаков авторитарной личности была использована методика Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсона, Р. Сэнфорд «Шкала фашизма» [4].

В качестве испытуемых выступили студенты первого курса (в общем количестве — 125 человек).

В целях изучения выраженности параметров эмпатии общая выборка была разделена на три группы, выделенных на основании показателей суеверности и стереотипии (Е): 19 человек (низкий), 84 человека (средний) и 22 человека (высокий) — уровни.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате статистической обработки были получены следующие значимые различия групп для U-критерия Манна-Уитни. Чем выше стереотипия, тем выше параметры эмпатии. При сравнении низкого и среднего уровней суеверности и стереотипии (далее — Е) были обнаружены значимые различия по таким параметрам эмпатии как Интуитивный канал эмпатии ($p \leq 0.1$) и Установки, способствующие эмпатии ($p \leq 0.05$). При сравнении среднего и высокого уровня Е — одно значимое различие групп: увеличение Интуитивного канала эмпатии ($p \leq 0.1$). При сравнении низкого и высокого уровня Е — два значимых различий групп: рост Эмоционального ($p \leq 0.05$) и Интуитивного ($p \leq 0.001$) каналов эмпатии.

В.Г. Николаев компонент Е описывает следующим образом: «Вера во внешние (мистические или фантастические) детерминанты индивидуальной судьбы; склонность к суевериям; ригидность мышления; нетерпимость к неопределенности;

предрасположенность к примитивным и упрощенным интерпретациям человеческого мира» [цит. по 4].

Установленные результаты подтверждают найденную закономерность о деструктивном влиянии иррационального в эмпатии [3]. Низкоуровневые каналы в эмпатии являются субстратом, который предрасполагает к упрощению реальности у личности. Интуитивный и эмоциональный каналы эмпатии являются неосознанными в структуре личности, и их базовое расположение в нижележащих уровнях бессознательного, сказывается на увеличении суеверности, мистификации мышления. В. Райх пишет, что природа фашизма именно в подсознании: «В чистом виде фашизм представляет собой совокупность всех иррациональных характерологических реакций обычного человека» [цит. по 2]. Следовательно, и эмпатия как проявление иррациональных установок, тоже способствует увеличению фашизма.

Выводы. Исходя из представленных результатов, можно наблюдать рост параметров эмпатии при выраженности суеверности и стереотипии. А именно низкоуровневых параметров: интуитивного и эмоционального каналов эмпатии. Их бессознательная природа, трудно осуществимый контроль и экспликация («развертывание» их процесса), превращает их в катализаторы антидемократической подверженности личности. Для снижения деструктивного воздействия этих параметров эмпатии, необходимо развивать высокоуровневые процессы в эмпатическом взаимодействии, повышать осознанность и контроль в акте эмпатии.

1. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. — М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1996. — 472 с.
2. Райх В. Психология масс и фашизм. М.: АСТ; 2004. 539 с.
3. Смирнов А. А., Соловьева Е.В., Структура антидемократической подверженности при уровнях общей эмпатии студентов // Научный журнал, 2021 г. — Ярославль: "Ярославский психологический вестник", No 1 (49), 2021. — С. 38–47.
4. Николаев В.Г. Личность авторитарная. Культурология. XX век. Энциклопедия. / гл. ред., сост. С. Я. Левит. — Санкт-Петербург: Университетская книга; ООО «Алетейя», Т.1. 1998, 447 с.

Титова О.И.
Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, Сибирский юридический институт МВД России

Аликулова Ф.Э.
Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева

Титов А.К.
Долгопрудный, МФТИ

Факторы социального взаимодействия у субъектов фемининного и андрогинного типа: отличительные особенности

Социальное взаимодействие, фемининность, маскулинность, андрогинность, гендер, гендерное взаимодействие

Научная проблема изучения социального взаимодействия людей с разным гендерным типом обусловлена дефицитом этого направления гендерных исследований в психологии. Целью данного этапа стал поиск факторов социального взаимодействия для людей с разным гендерным типом.

Проведен опрос (N=473) с использованием авторской шкалы маскулинности и фемининности [1] и опросника, характеризующего взаимодействие по параметрам: эмоциональность/рациональность, осознанность/спонтанность, ориентация на свои цели/ориентация на других людей, доминирование/подчинение, принципы взаимодействия, частота конкуренции и партнерства, сдержанность/непосредственность, инициативность/реактивность, следование принципам/ситуативность, оценка по статусу/оценка по поступкам и др.

В ходе проведения факторного анализа по методу главных компонент, без вращения (SPSS Statistic 27.0), получено 14-факторное решение для андрогинного типа (98 чел. с высокой маскулинностью и высокой фемининностью), описывает 72,16 % дисперсии, и 15-факторное решение для фемининного типа (94 чел. с высокой фемининностью и низкой маскулинностью), описывает 75,98 % дисперсии.

Для андрогинного типа наиболее значимыми регуляторами в социальном взаимодействии выступают факторы: 1) эмоционально — соревновательного взаимодействия с доминирующей позиции и рациональной оценкой партнера, в соответствии с собственными устоями (вес 4,59); 2) нравственно-объективного подхода во взаимодействии (усиливается с возрастом и уровнем фемининности) (вес 3,23); 3) стихийного взаимодействия путем полагания на инициативу партнера и следования социальным нормам (вес 3,14).

Анализ содержания переменных в структуре данных факторов позволяет понять, что у представителей андрогинного типа с ростом склонности к доминированию во взаимодействии, возрастает и осознанность в своих действиях, и наоборот спонтанность связана с подчинением другим людям. Также с возрастом увеличивается нравственность, в связи с чем уменьшается склонность к оцениванию других людей по тому, к какой группе они принадлежат в обществе.

Для фемининного типа наиболее значимыми в социальном взаимодействии стали факторы: 1) осознанного отношения во взаимодействии с опорой на нормы и склонностью подчинять партнера (вес 4,15); 2) зависимости от действий партнера с

использованием взаимодействия как средства достижения личных целей (вес 4,06); 3) эмоционально сдержанного и спланированного взаимодействия с учетом социального статуса партнера, с различными моделями отношений в разных сферах жизни (вес 3,43).

Содержание переменных, включенных в данные факторы, показывает, что у людей, чья профессия связана с людьми, техникой и неживой природой, взаимодействие протекает с подчинением других людей, при этом они опираются на общепринятые нормы. По второму же фактору видно, что склонность к подчинению сопровождается безынициативностью, однако существует зависимость от отношения людей. В третьем факторе наиболее значимым показателем является оценка других людей по тому, к какой группе они принадлежат в обществе, что влечет за собой снижение эмоциональности взаимодействия и партнерства.

В ходе сравнения конкретных компонентов, определяющих содержание факторов, их коэффициентов, отражающих силу влияния в качестве регуляторов социального взаимодействия, для изучаемых групп респондентов были выявлены следующие отличительные особенности, противоположные по своей психологической сути.

1) В социальном взаимодействии андрогинный и фемининный типы отличаются силой взаимного влияния отношений в разных сферах жизни, целью взаимодействия, готовностью к партнерству. Люди андрогинного типа более готовы к партнерству, их взаимодействие более специфично по сферам жизни, мало осознанно и мало рационально, в то время как у фемининного типа взаимодействие спланировано, эмоционально сдержано, строится с учетом социального статуса партнера по взаимодействию.

2) Андрогинный и фемининный типы отличаются в склонности к доминированию и подчинению во взаимодействии, а также по степени его осознанности и спланированности. Люди андрогинного типа более стихийны во взаимодействии, полагаются на инициативу партнера, люди фемининного типа — более осознанно относятся к взаимодействию, проявляют большую склонность подчинять партнера.

3) В ситуациях взаимодействия андрогинный и фемининный типы отличаются уровнем инициативности и доминирования. Андрогинный тип людей более склонен к эмоционально-соревновательному взаимодействию, к доминирующей позиции и рациональной оценке партнера, а фемининный тип — к взаимодействию, в котором партнер выступает как средство достижения личных целей.

1. Титова О.И. Разработка шкалы маскулинности и фемининности социальной группы (на основе модели Г. Хофстеде) // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы: сборник материалов Всероссийской научной конференции. ЯрГУ, 8–10 октября 2020 г. / отв. ред. А. В. Карпов. — Ярославль: ЯрГУ; Филигрань, 2020. С. 556–560.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00757.

Социальное представление студентов о пандемии Covid-19: штрихи к портрету поколения

Пандемия covid-19, социальное представление, студенческая молодежь, поколение

Осенью 2020 г., в разгар «второй волны» пандемии в Москве, на факультете социальной психологии МГППУ было проведено исследование разных сторон отношения студентов к пандемии Covid-19, имевшее практическую цель выявить причины несоблюдения многими студентами масочного режима и других правил поведения во время пандемии и определить направления работы по повышению нормативности поведения молодых людей в этой сфере. Частью этого исследования было изучение социального представления студентов о пандемии.

В исследовании был использован метод прототипического анализа П. Вержеса [1]. Молодые люди, студенты бакалавриата нескольких факультетов Университета (n=365), должны были последовательно написать (в гугл-форме, по интернету, анонимно) 5 первых пришедших в голову ассоциаций к словосочетанию «Пандемия Covid-19». Анализ массива этих ассоциаций позволил выявить структуру социального представления студентов о пандемии. В его ядро в соответствии с логикой и процедурой прототипического анализа были включены ассоциации, которые, во-первых, в данной группе назывались чаще всего (частота упоминания выше медианного значения по группе), а, во-вторых, упоминались в числе первых (ранг ниже среднего значения по группе). Другие возможные сочетания частоты и ранга составили три оставшиеся зоны социального представления (две буферные и периферическую).

О чем свидетельствует полученная структура и содержание социального представления студентов московского вуза о пандемии Covid-19? В зону ядра вошли 8 ассоциаций. Если убрать «формальные» (болезнь, вирус, ковид), то остальные можно разделить на две неравные группы. Более многочисленную составили ассоциации, так или иначе связанные с ограничениями пространства жизнедеятельности Карантин (локдаун, локаут) и Дом (квартира, 4 стены). Во вторую вошли ассоциации, отражающие вызванные пандемией негативные эмоциональные переживания (стресс, депрессия, страх).

Это то, что мы видим в так выявленном социальном представлении студентов о пандемии. Но обращает на себя внимание не только то, что можно в нем увидеть, сколько (и даже в больше степени) то, чего в нем нет, а именно заботы о жизни и здоровье других людей, включая даже близких родственников (о последнем написал только один из участников исследования). Нет в них и отражения хоть сколько-то активной, деятельной позиции, пусть даже не обязательно альтруистической.

В 60–70-е гг. в лаборатории психологии личности Психологического института, руководимой Л.И. Божович, проводились исследования направленности личности подростков. В те годы подростков с сугубо индивидуалистической (эгоистической) направленностью можно было пересчитать по пальцам. Понятно, что коллективизм в своем «социалистическом» виде сегодня себя изжил, но сохраняется общественная

потребность в заботе не только о себе, но и о других людях. И цивилизованный мир постепенно все больше понимает, что человечество погибнет, если люди не будут думать и заботиться не только о себе, но и о других. И казалось бы, именно студенты — передовой отряд молодежи — должны в наибольшей степени эту тенденцию выражать.

Ответы на вопросы небольшой анкеты, которая также была включена в исследование, разделили выборку практически пополам на две части: на тех студентов, кто полагает целесообразным в период пандемии введение жестких мер с жестким же внешним контролем за их исполнением (речь шла о масочном режиме), с одной стороны, и на тех, кто считает правильным каждому самостоятельно решать: соблюдать или не соблюдать масочный режим, — с другой. Иными словами, 50 % студентов московского гуманитарного вуза явили откровенно патерналистскую установку, в соответствии с которой за нормативность поведения в период пандемии должен отвечать не лично каждый человек, а кто-то другой.

Итак, исследование социального представления о пандемии Covid-19 высветило такие штрихи к портрету современного российского студенчества, как сконцентрированность на своих личных переживаниях, ограничениях, эгоизм, с одной стороны, и патернализм значительной части студенческой молодежи — с другой.

1. Verges P. L'Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. 1992 Tome XLV. No. 405 P. 203–209.

Экономическая активность трудоспособного населения в период пандемии

Экономическая активность, трудоспособное население, влияние пандемии

В ситуации экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, актуальной становится проблема экономической активности трудоспособного населения, которая рассматривается как свойство субъекта, проявляющееся в степени интенсивности и инициативы во взаимодействии личности и объектов экономической действительности

Цель исследования — выявить особенности экономической активности у представителей трудоспособного населения в период пандемии.

Выборку исследования составили 142 представителя среднего возраста от 24 до 55 лет (Уральский регион).

В исследовании использовался Опросник экономической активности [1], анкета для определения влияния на физическое, эмоциональное состояние, профессиональную жизнь, финансовое положение, социальную жизнь, личную жизнь, будущее региона и др. С целью анализа взаимосвязи отношения к пандемии и экономической активностью респондентов был проведен корреляционный анализ Спирмена.

По данным корреляционного анализа, респонденты, отмечающие сильное влияние пандемии на свое физическое состояние, проявляют интерес к экономической жизни страны и мира ($r=-0,356$, $p=0,0001$), стремятся отслеживать происходящие в ней изменения ($r=0,317$, $p=0,0001$), считают себя информированными в этих вопросах ($r=0,334$, $p=0,0001$) и не упускают возможности обсудить со знакомыми новости в экономике ($r=0,174$, $p=0,036$).

Чем выше испытуемые оценивают влияние пандемии на свое эмоциональное состояние, испытывают тревогу и депрессию, тем больше у них интерес к экономической жизни страны и мира ($r=-0,257$, $p=0,002$), выше стремление отслеживать изменения в этой сфере ($r=0,378$, $p=0,0001$), выше информированность в этих вопросах ($r=0,402$, $p=0,0001$) и желание обсудить со знакомыми новости в экономике ($r=0,221$, $p=0,008$).

Чем выше испытуемые оценивают влияние пандемии на свое финансовое состояние, тем больше у них интерес к экономической жизни страны и мира ($r=-0,194$, $p=0,019$) и выше стремление следить за экономическими событиями ($r=0,228$, $p=0,006$), тем больше уверенность в том, что успех в финансовых делах напрямую зависит от активности человека ($r=0,221$, $p=0,008$) и приходит только к активным ($r=0,225$, $p=0,007$).

Испытуемые, отмечающие сильное влияние пандемии на свою социальную жизнь (отношения с друзьями, знакомыми), проявляют интерес к экономической жизни страны и мира ($r=-0,305$, $p=0,0001$), стремятся отслеживать изменения в ней ($r=0,271$, $p=0,001$), считают себя информированными в этих вопросах ($r=0,220$, $p=0,008$).

Чем выше испытуемые оценивают влияние пандемии на свою личную жизнь (отношения с близкими), тем больше у них интерес ($r=-0,310$, $p=0,0001$) и стремление отслеживать изменения, происходящие в экономической жизни страны и мира ($r=0,218$, $p=0,008$), соответственно выше информированность в этих вопросах ($r=0,274$, $p=0,001$) и желание обсудить со знакомыми новости в экономике ($r=0,165$, $p=0,047$).

Чем выше испытуемые оценивают опасность Covid-19, тем больше у них интерес ($r=-0,274$, $p=0,001$) и стремление отслеживать изменения, происходящие в экономической жизни страны и мира ($r=0,467$, $p=0,0001$), сильнее желание первым узнавать ($r=0,167$, $p=0,045$) и желание обсуждать новости в экономике ($r=0,280$, $p=0,001$), больше уверенность в том, что успех в финансовых делах приходит только к активным людям ($r=0,225$, $p=0,007$).

Испытуемые, озабоченные распространением Covid-19 больше проявляют интерес ($r=-0,270$, $p=0,001$) и стремятся отслеживать изменения, происходящие в экономической жизни страны и мира ($r=0,423$, $p=0,0001$), хотя и первым узнавать об изменениях в экономической жизни страны ($r=0,200$, $p=0,016$) и обсуждать их со знакомыми ($r=0,337$, $p=0,0001$), они уверены в том, что успех в финансовых делах приходит только к активным людям ($r=0,255$, $p=0,002$).

1. Забелина Е.В., Честюнина Ю.В. Результаты разработки методики для исследования экономической активности // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2020г. Т. 20. № 3. С. 307–314

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-413-740019

Исследование представлений о будущем в условиях неопределенности: межпоколенный аспект

Образ будущего; когнитивный, эмоциональный, поведенческий аспект представления о будущем, поколение Y, поколение Z; социальная идентичность.

Важнейшим фактором жизни россиян в кризисные годы стала стремительно возросшая неопределенность, характеризующаяся неясностью настоящего и непредсказуемостью будущего, недостатком знаний о текущих событиях и условиях, в которых будет протекать их деятельность. Сегодня в жизнь вступает новое поколение, не знающее, что такое реальный социализм или «лихние 90-е», глубоко погруженное в Интернет и другие современные коммуникации. Отсутствие ясных и четких перспектив сужает временной диапазон планирования ими тех целей и перспектив, которых они хотели бы достигнуть, не позволяет предметно соотнести собственные цели и перспективы развития страны.

Фундаментальной задачей нашего исследования является концептуализация, эмпирическое изучение и анализ социально-психологических предикторов репрезентации будущего подростками и молодежью в условиях неопределенности. Мы рассматриваем представление о будущем как специфический тип установки, включающий когнитивный, аффективный и поведенческий аспекты. В качестве когнитивного аспекта формирования образа будущего мы рассматриваем представления о рисках коллективного и индивидуального будущего, включающего коллективные цели и планы, ожидания, мечты, страхи. В качестве эмоционального аспекта представления о будущем предполагается исследование модальности чувств в отношении будущего и оптимизм-пессимизм в отношении будущего. Поведенческий аспект репрезентации будущего определяется нами через изучение стимулов ответственного социального поведения в ситуации неопределенности. В результате предполагается создание интегративной модели формирования образа будущего подростков и молодежи в когнитивном, эмоциональном и поведенческом измерениях.

В качестве отдельной задачи мы выделяем исследование общего и специфичного в представлении поколений Y и Z о будущем, поскольку сопоставление поколений в плане репрезентации образа будущего могло бы косвенно свидетельствовать о динамике этого явления в молодежной среде. Анализ поколенческих сдвигов достаточно часто используется российскими исследователями для понимания динамики социальных процессов в обществе (Шанин Т., 2005; Радаев, 2019). Важным моментом в классификации поколений является понимание того, что она должна учитывать исторические условия конкретной страны. Применительно к России исследователи отмечают наличие достаточно четких вех, к которым можно отнести: Великую Отечественную войну, период оттепели, застоя, перестройку и либеральные реформы, период стабилизации. В рамках данного исследования наиболее релевантной является классификация, предложенная в работе В. Радаева, выделяющая шесть основных возрастных групп.

Для нашего исследования наибольший интерес представляет выделенное им поколение периода стабилизации (миллениалы, или поколение Y), чье взросление проходило в стабильный и относительно благополучный период — 2000–2016 гг., а также поколение Z (или центиниалы), что только начинает вступать в период своего взросления, родились представители этого поколения в начале 2000-х гг. Несмотря на близость по возрасту и по условиям политической и экономической социализации, представители поколений Y и Z, различаются по отношению к экологическим ценностям, образу прошлого и будущего (Нестик Т.А., Ролдугина В.Н., 2018), ответственности (Емельянова Т. П., 2020).

Таким образом, в результате реализации проекта предполагается создание интегративной модели формирования образа будущего подростков и молодёжи, а также выявление динамики репрезентации образа будущего.

1. Радаев, В. Миллениалы: Как меняется российское общество. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики. — 2019. — 224 с.
2. Шанин Т. История поколений и поколенческая история / Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / под ред. Ю.А. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение. — 2005. — С. 17–38.
3. Нестик Т.А., Ролдугина В.Н. Образ будущего России у представителей поколения Z // Человек и мир. 2018. Т. 2. № 2. С. 75–87
4. Емельянова Т. П., Белых Т. В. Ответственность молодежи по отношению к старшим и будущим поколениям // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2020. № 2. С. 34–45

Подготовлена при поддержке РФФИ, проект 21-011-33011 «Представление подростков и молодежи о будущем в условиях неопределенности»

Doing & Undoing Gender: применение гендерных стратегий при построении карьеры женщинами в России

Гендерный разрыв, гендерное неравенство, гендерные стратегии, подчеркивание гендерных различий, стирание гендерных различий

В ситуации всемирного экономического кризиса, связанного с пандемией, возрос индекс гендерного разрыва, что свидетельствует об усилении гендерного неравенства, и, соответственно, гендерной ассимиляции в обществе [1]. Несмотря на то, что в России общее количество образованных, квалифицированных, здоровых, работающих женщин значительно выше, чем мужчин, женщины сталкиваются с неравномерностью в распределении заработной платы и ощущают разрыв в доходах, редко достигают руководящих должностей, не представлены на высоком управленческом уровне, исключены из политической жизни. Гендерный разрыв наиболее ярко проявляется, прежде всего, в профессиональной сфере, где важны не только полученные знания, навыки и квалификация работников, но и реализация креативного потенциала сотрудника [2]. Одним из способов сокращения гендерного разрыва может являться использование гендерных стратегий при построении карьеры.

Цель исследования состояла в выявлении и изучении особенностей гендерных стратегий построения карьеры российскими женщинами как способа сокращения гендерного разрыва.

Использованы следующие методологические подходы к рассмотрению гендерного неравенства в организационном контексте: «Гендер в организации» («Gender in organization») [3], «Организация, актуализирующая гендер» («Gendered organization») [4], концепция гендерных стратегий «Подчеркивание гендерных различий» и «Стирание гендерных различий» («Doing & Undoing Gender Strategies»)[5].

Основной метод качественно-количественного исследования — полуструктурированное интервью. Гендерный режим организации оценивался через индивидуально-поведенческий, нормативный и структурный компоненты. Для оценки индивидуально-поведенческой компоненты были использованы две разработанные авторами шкалы: шкала поведения, подчеркивающего пол («Doing Gender»), и шкала поведения, направленного на «стирание пола», нейтрализацию гендерных различий («Undoing Gender»); обе шкалы описывали поведение женщин на рабочем месте (мужчины в рамках данного исследования участие не принимали).

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 51 женщина, в возрасте от 22 до 60 лет ($M \approx 33.3$ года), среди которых 100% имеют высшее образование, 92% проживают в Санкт-Петербурге, остальные, 8% — в крупных городах России. Исследование проводилось в период 2019–2020 гг. научным коллективом кафедры социальной психологии СПбГУ.

Основные результаты: подтверждено существование гендерных стратегий как способа преодоления гендерного разрыва в организации; выявлены и описаны

особенности применения российскими женщинами гендерных стратегий при построении своей карьеры. Стратегия «Подчеркивание гендерных различий» (Doing Gender) используется чаще, чем стратегия «Стирание гендерных различий» (Undoing Gender). Тем не менее, охват применения стратегии Undoing Gender был значительно шире и вариабельнее. Те женщины, что использовали сочетание гендерных стратегий («Doing & Undoing Gender»), оценивали себя как «сильных игроков», подчеркивали высокую субъективную удовлетворенность своей жизнью (наличие семьи и детей), а также отмечали успешное построение своего карьерного пути в отличие тех, кто использовал только одну из стратегий. Сочетание гендерных стратегий может способствовать наиболее оптимальному продвижению женщин по карьерной лестнице и преодолению гендерного разрыва в организации.

1. The Global Gender Gap Report 2020 by World Economic Forum, 2020. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2020>
2. Duberley J., Cohen L. Gendering career capital: An investigation of scientific careers // Journal of Vocational Behavior. 2010. Vol. 76. N. 2. P. 187–197.
3. Broadbridge A. 25 years of retailing; 25 years of change? Reflecting on the position of women managers. // Gender in Management: An International Journal, 2010. Vol. 25. N. 8. P. 649–660.
4. Acker J. Inequality regimes: Gender, class, and race in organizations // Gender and society, 2006. Vol. 20. N. 4. P. 441–464.
5. Deusch F. M. Undoing gender // Gender & Society. 2007. V. 21. N. 1. P. 106–127.

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-013-00686 А.

Соотношение приверженности к гражданской активности и субъективного благополучия провинциальной молодежи

Социальная активность, субъективное благополучие, личность, гражданская активность

Введение. Субъективное благополучие является важнейшим регулятором социального поведения. Эта регуляция осуществляется за счет того, что влияет на внутреннюю мотивацию личности. Удовлетворенность жизнью, базовых потребностей и переживания положительных эмоций связаны с приверженностью к различным формам социальной активности (Шамионов, 2020), но их вклад в их вариации неоднороден. Субъективное благополучие и неблагополучие характеризуют степень согласования или рассогласования личности со средой на множестве уровней — начиная с физиологического и заканчивая культурным (Шамионов, 2017). Очевидно, различные формы активности могут быть соотнесены с разными уровнями согласования личности со средой. Среди различных форм активности молодежи особое значение для общественного функционирования и развития имеет гражданская активность. Она предполагает инициативное участие в таких формах деятельности, которые направлены на преобразование общества и выражение своей и коллективной гражданской позиции по вопросам общественной жизни, включая участие в выборах, в различных гражданских инициативах, экологических, культурных или благотворительных акциях. Цель данного исследования — изучить соотношение приверженности к гражданской активности и характеристик субъективного благополучия — удовлетворенности базовых потребностей, жизнью, счастья и социальной фрустрированности. Выборку составили молодые люди в возрасте 17–35, средний возраст $M=21,2$, $SD=2,95$ (мужчин 35,4%, женщин — 64,6%), имеющих среднее и высшее образование в количестве 295 человек. Методика. Используются анкета, включающая прямое шкалирование приверженности к гражданской активности, Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера [30] в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина, Шкала субъективного счастья (Нар) С. Любомирски и Х. Леппер в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина, Шкала удовлетворенности базовых потребностей (M.M.Johnston, S.J.Finney), методика социальной фрустрированности Л.И. Вассермана в нашей модификации.

Результаты. В результате корреляционного анализа установлена взаимосвязь приверженности к гражданской активности с общим показателем социальной фрустрированности ($r=-0,17$, $p\leq 0,01$). Это свидетельствует о том, что гражданское участие связано с отсутствием социальной фрустрации, удовлетворенностью основными сферами социальной жизни. Если учесть тот факт, что социальная фрустрация также связана с гражданской идентичностью ($r=-0,39$, $p\leq 0,01$), можно предположить, что она является демотивирующим фактором приверженности и к стране, и к участию в ее устройстве и жизни через институциональные (в легитимных формах) структуры.

Взаимосвязь приверженности к гражданской активности и базовой потребности в компетентности ($r=0,13$, $p\leq 0,01$) свидетельствует о высокой значимости для гражданского участия стремления к эффективности в какой-либо деятельности, в ее результативности. Между тем, отсутствует связь с автономией, что не согласуется с результатами исследований Е. Deci и R. Ryan (2000). Возможно, это связано с во многом сохраняющимися коллективистскими ценностями в обществе, о чем свидетельствует ранее обнаруженная нами связь общей активности и культурным измерением коллективизма ($r=0,15$, $p\leq 0,05$).

Наконец, приверженность к гражданской активности связана с удовлетворенностью жизнью ($r=0,18$, $p\leq 0,01$). Это говорит о высокой значимости общей оценки своей жизни с точки зрения ее соответствия внутренним (усвоенным в процессе социализации) критериям благополучности. Исходя из результатов регрессионного анализа, показатели субъективного благополучия личности объясняют порядка 27% вариаций приверженности к гражданской активности.

Таким образом, переживание своей самоэффективности, способности решать бытийные задачи, представление о своей жизни как благополучной, низкая фрустрированность социальных потребностей личности являются необходимыми условиями (факторами) гражданской активности. При этом инициативность, в целом субъектная позиция, связанность с другими и переживание счастья не связаны с этой формой социальной активности.

1. Шамионов Р.М. Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия молодежи // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 176–195. DOI: 10.17223/17267080/77/9
2. Deci E.L., Ryan R.M. The "what" and "why" of goal pursuits: Human need sand the selfdetermination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11. P. 227–268. DOI:10.1207/S15327965PLI1104_01
3. Шамионов Р.М. Уровни детерминации субъективного благополучия личности // Ананьевские чтения — 2017: Преемственность в психологической науке: В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов. Материалы традиционной международной научной конференции, 2017. С. 137.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 18-18-00298.

Особенности волевой регуляции якутов

Воля, волевая регуляция, личность, культурно-историческая психология, кросс-культурная психология, саморегуляция, самоконтроль, самооценка

Исследования свидетельствуют о важной роли волевой регуляции в реализации различных видов деятельности человека [1], [3]. Тем не менее, в науке до сих пор не сложились единого взгляда на природу и происхождение волевой регуляции [3]. В отечественной психологии наибольшее развитие получил культурно-исторический подход к воле, как высшей психической функции, задача которой состоит в овладении личностью своими психикой и поведением для реализации жизненно значимых целей [1]. Соответственно воля имеет социальное происхождение и определяется культурными, в частности, этнокультурными факторами. Это предположение получило свое подтверждение в кросс-культурных исследованиях: народы РФ значимо отличаются по показателям волевой регуляции [2]. Тем не менее, вопрос о природе этих различий остается открытым и нуждается в дальнейшем исследовании, в частности, в расширении географии. Соответственно целью данной работы является исследование особенностей волевой регуляции якутов в сравнении с русскими.

Были обследованы две группы, составленные из представителей якутов, проживающих в г. Якутск (50 человек), и русских, проживающих в г. Москве (50 человек). Группы были уравнены по полу и возрасту (средний возраст — 23,9 лет), и состояли из студентов вузов.

Для диагностики индивидуальных особенностей волевой регуляции респондентов использовались следующие методики: субшкала «Контроль за действием при планировании» из опросника «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НАКЕМР-90) в адаптации С.А. Шапкина (1997); «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г.С. Никифоров, В.К. Васильева и С.В. Фирсова) (Ильин, 2003), формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо-Рубинштейн в адаптации В.А. Иванникова, Е.В. Эйдмана (1990).

Для проверки наличия различий и сходств между группами использовался непараметрический тест Манна-Уитни.

Были обнаружены значимые различия между группами по показателям социального ($U=3711,00$; $p \leq 0,01$) и поведенческого самоконтроля ($U=4136,00$; $p \leq 0,05$), различия по эмоциональному самоконтролю — на уровне тенденции ($U=4223,00$; $p \leq 0,1$). Якуты превосходят русских по всем этим показателям: эмоциональный самоконтроль (якуты: $M=12,81$; $SD=3,40$; русские: $M=11,50$, $SD=3,10$), поведенческий самоконтроль (якуты: $M=16,30$; $SD=4,10$; русские: $M=15,30$, $SD=3,90$) и социального самоконтроля (якуты: $M=16,10$; $SD=3,60$; русские: $M=14,50$; $SD=3,60$).

Также были обнаружены значимые различия между группами по показателям самооценки волевых качеств: средний балл самооценки волевых качеств у якутов

($M = 1196,7$; $SD = 113,9$) ниже, чем у русских ($M = 1287,2$; $SD = 122,5$) ($U = 87,00$; $p = 0,001$). Русские значительно превосходят якутов по самооценкам 13 из 20 волевых качеств: целеустремленный ($p \leq 0,01$), инициативный ($p \leq 0,01$), обязательный ($p \leq 0,01$), принципиальный ($p \leq 0,01$), упорный ($p \leq 0,01$), энергичный ($p \leq 0,01$), самостоятельный ($p \leq 0,01$), ответственный ($p \leq 0,01$), деловитый ($p \leq 0,01$), решительный ($p \leq 0,01$), настойчивый ($p \leq 0,01$), организованный ($p \leq 0,01$), уверенный ($p \leq 0,01$). В свою очередь, представители якутской национальности значительно превосходят русских по самооценкам 1 из 20 волевых качеств: спокойный ($p \leq 0,01$).

Значимых различий по методике «Шкала контроля за действием» (Ю. Куль) обнаружено не было (якуты: $M = 6,83$; $SD = 2,74$; русские: $M = 5,59$; $SD = 2,72$).

В целом обнаруженные различия хорошо согласуются с данными других исследований [2]. Якуты, подобно другим народам, проживающим в условиях, приравненных к крайнему северу (тувинцы, коми), по уровню самоконтроля превосходят русских-москвичей. Вместе с этим москвичи превосходят якутов, как и корейцев, проживающих в ДФО РФ, по уровню самооценок волевых качеств личности. Таким образом, полученные результаты расширяют существующие представления об исследуемой реальности и позволяют выделить «волевые измерения» национальной культуры: ориентация на действие, самоконтроль, волевая самооценка.

1. Иванников В.А., Шляпников В.Н. Особенности волевой регуляции у представителей разных этнокультурных групп // Экспериментальная психология. 2019. Том 12. № 1. С. 70–84. doi:10.17759/exppsy.2019120106
2. Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Монроз А.В., Шляпников В.Н. Эйдман Е.В. Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.
3. Шляпников В.Н. Уроки зарубежной психологии воли // Актуальные проблемы психологического знания. 2019. №3–4. С.83–93.

Отношение студентов разных профилей к своей культуре

Культура, идентичность, этнос, этническая идентичность

Предполагается, что люди, расширяя свои представления о мире, знания о других языках, культурах, обычаях и традициях, увеличивают своё положительное отношение к другим языкам и народностям и тем самым уменьшают этноцентризм (Гавриченко, Марцинковская, 2017; Кончаловская, Юрченко, 2018).

Для проверки этого предположения нами было проведено исследование, целью которого было определить отношение современных студентов разных специальностей к своей культурной группе.

Выборку составили 3 группы студентов: 1) будущие педагоги английского и немецкого языков, обучающиеся на лингвистическом факультете МИГУ-МАСИ (20 чел. от 19 до 22 лет); 2) будущие психологи, обучающиеся на психологическом факультете МИГУ-МАСИ (20 чел. от 19 до 22 лет); 3) будущие педагоги-математики и специалисты ИКТ, обучающиеся на факультете начального образования МПГУ (20 чел. от 23 до 27 лет). Все респонденты были осведомлены о целях исследования и дали своё согласие на обработку своих персональных данных.

Определить отношение к культуре у трёх групп респондентов позволила методика «Особенности этнической идентичности» Г.Р. Хузеевой (Марцинковская, 2015b).

Результаты методики продемонстрировали, что 23% студентов (где 5,7% лингвистов, 5,8% психологов и 11,5% математиков) устраивает Москва и Россия в качестве настоящего и будущего места жительства. Ещё 23% будут удовлетворены любым другим городом России (5,8% лингвистов, 3% психологов и 14,2% математиков). То есть 46% респондентов (11,5% лингвистов, 8,8% психологов и 25,7% математиков) хотели бы жить в России. 37% студентов (14,2% лингвистов, 11,4% психологов и 11,4% математиков) нацелены на дальнейший переезд в другие страны.

Анализ результатов методики показал, что наиболее довольна своей культурой группа педагогов-математиков. Именно они больше нацелены остаться жить в России и дают наибольшее количество ответов на вопрос, в чём им помогает их культура. Также математики указывают большее число положительных характеристик при описании своего народа. Можно предположить, причинами активной и положительной презентации своей культуры являются: старший возраст данной группы респондентов по сравнению с другими группами, и, вероятно, уже определённая с местом жительства, карьерными планами и построением собственной семьи и удовлетворённость от ранее совершённого выбора. Психологи не показали особенно ярко отношение к родной культуре, но стоит отметить, что желание данной группы переехать в другие страны преобладает над желанием жить в России. Вероятно, это вопрос ещё юного возраста респондентов, отсутствия своей собственной семьи, а также наличие возможностей для изменения места жительства. Лингвисты показали активный интерес к переезду в другие страны, дали наибольшее

количество культурных характеристик при ответе на вопрос, в чём им помогает культура. Они также больше склонны полагать, что их родная культура не мешает им. Лингвисты дают большее число отрицательных описаний своего народа по сравнению с другими группами и, парадоксально, также большее число описаний, характеризующих ценности родной культуры.

Таким образом, в процессе расширения представлений о мире, знаний о других языках, культурах, обычаях и традициях у респондентов увеличивается положительное отношение к другим языкам и народностям и уменьшается этноцентризм. А также расширяется понимание своей собственной культуры: осуществляется видение не только положительных аспектов родной культуры, но и отрицательных.

1. Гавриченко О.В., Марцинковская Т.Д. Культура как образующая идентичности // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 11.
2. Кончаловская М.М., Юрченко Н.И. Особенности идентичности студентов-лингвистов как представителей одного профессионального сообщества // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 1(11). С. 99–116.
3. Марцинковская Т.Д. (Ред.). Идентичность и социализация в современном мире. Сборник методик. М.: МПГУ, 2015b.

Адмакина Т.А.
Санкт-Петербург,

Воспитательные искажения у матерей, проживающих отдельно от ребенка в условиях развода и судебного спора

Психогенная индукция, судебный спор о праве на воспитание ребенка

Отдельно проживающим родителем после развода, как правило, является отец. Однако, последнее время участились случаи, когда ребёнок остаётся жить у папы. Как правило, в подобных ситуациях мы имеем дело с психогенной индукцией — явлением, при котором значимый взрослый влияет на мнение ребенка, навязывает свою позицию, формируя негативный образ второго родителя [1]. Отцы разрушают привязанность ребёнка к мамам, фактически, совершая эмоциональное насилие [2].

Были исследованы 80 матерей, имеющих судебный спор по воспитанию ребенка в условиях развода. Средний возраст женщин — 32,5 года. Выборка поделена на две части: 1) 35 матерей, вынужденно проживающих отдельно от детей, и не согласные с таким положением дел; 2) 45 матерей, проживающих совместно с детьми.

Применялась методика «Анализ семейных взаимоотношений» (авторы — Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В.) [3]. Для сравнительного анализа использовался t-критерий Стьюдента.

Было обнаружено, что у матерей из 1 группы больше положительных ответов на вопросы шкал «расширение родительских чувств» ($M_1=3,5$, $M_2=2,4$ $t=3,1$, $p\leq 0,01$), «предпочтение женских качеств» ($M_1=2$, $M_2=0,8$ $t=3,4$, $p\leq 0,01$).

Рассмотрим содержание шкал, чтобы понять в чем их специфика. Мама, проживающая отдельно от ребёнка, чаще соглашается со следующими высказываниями опросника: «Когда я думаю о том, что когда-нибудь мой сын (дочь) вырастет и я буду ему (ей) не нужна, у меня портится настроение», «Мне бы хотелось, чтобы мой сын (дочь) не любил(а) никого, кроме меня» и пр. Расширение сферы родительских чувств — феномен, при котором родитель хочет, чтобы ребенок был чем-то большим, ему навязываются роль и задачи, которые должен выполнять партнёр (супруг, мужчина). Другими словами, за счет ребенка удовлетворяется потребность в любви и привязанности. Отношения с ребенком становятся исключительными для родителя. Такая мать стремится отдать «всю себя», «всю любовь».

Вариантов интерпретации обнаруженного факта много. Остановимся на двух. Мама, насильно оторванная от сына/дочери, чувствует острую нехватку эмоциональной близости с ним/ней. В борьбе за родительские права её фокус сконцентрирован лишь на связи с ребёнком. Поэтому она гипертрофирует любовь и привязанность к нему. Либо женщина, ещё будучи в браке, была настолько

поглощена любовью и теплыми чувствами к ребенку, что это привело к разрыву отношений с мужем. Отстраненный мужчина «восстанавливает» справедливость (или «добирает» любовь) за счёт удержания сына/дочери рядом с собой. В данном случае расширение сферы родительских чувств у мамы является не следствием судебного спора, а причиной семейного конфликта.

Другая шкала методика — «предпочтение женских качеств» — складывается из следующих вопросов: «Большинство мужчин легкомысленнее, чем женщины», «Мужчины более склонны к супружеской измене, чем женщины» и пр. Положительные ответы на вопросы являются показателем того, что матери присущ негативный образ мужчины, который она транслирует в сферу воспитания. Когда отец удерживает ребёнка при себе, то он сеет в нём ненависть ко второму родителю. Таким образом он разрушает привязанность. Мама, испытывая на себе колкость, грубость и агрессию ребёнка, который раньше в неё души не чаял, преисполняется гневом к бывшему супругу. Поэтому его образ демонизируется. Либо образ мужчины в сознании женщины изначально был проблемный и искаженный, что привело к эскалации семейного конфликта и тягостному разводу.

Таким образом, требуются дополнительные данные для мало вариативной точечной интерпретации. Полученные результаты исследования могут быть использованы в работе эксперта-психолога, а также для психологической помощи женщинам, подвергшимся отчуждению и вынужденной разлуке с ребенком в условиях развода.

1. Харитонова Н.К., Сафуанов Ф.С., Вострокнутов Н.В., Русаковская О.А. Методологические основы проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при спорах о праве на воспитание детей. Методические рекомендации для экспертов // Теория и практика судебной экспертизы. 2014, № 3(35), С. 93–106.
2. Kruck E. Parental Alienation as a Form of Emotional Child Abuse: Current State of Knowledge and Future Directions for Research // Family Science Review, Volume 22, Issue 4, 2018. pp. 141–163
3. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2008. 672 с.

Возможности информационно-психологического воздействия новостного видеоконтента на правосознание водителей транспортных средств

Информационно-психологическое воздействие, правосознание, правовая социализация, водитель транспортного средства, видеоконтент

Сохраняет актуальность проблема совершенствования правосознания и правомерного поведения водителей как наиболее активных участников дорожного движения. При этом усиливается роль средств массовой коммуникации, охватывающих внимание большой аудитории и выступающих современной новостной площадкой. Заметным познавательным эффектом обладают видеосюжеты, транслируемые российским информационным каналом «Россия 24» и освещающие факты правонарушений в сфере безопасности дорожного движения.

Функция психологического влияния данного видеоконтента обсуждена с руководителями подразделений Госавтоинспекции, повышающими квалификацию в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова в февралемарте 2021 года и выступившими в роли экспертов.

Сотшемся на результаты анализа репортажа «Погоня за пьяным лихачом в Кургане едва не стоила инспектору жизни — Россия 24», размещенного на официальном YouTube канале Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (далее — ВГТРК). Поясняя, какое положительное информационно-психологическое воздействие на правосознание участников дорожного движения с наибольшей степенью вероятности окажет просмотр видео, большинство опрошенных выразили надежду на расширение представлений будущих водителей о недопустимости и опасности управления транспортным средством в психофизиологическом состоянии опьянения (66,67 % ответов).

Согласно мнению респондентов рассматриваемый видеоматериал также призван вызвать у зрителя мысль о необходимости внесения поправок в нормативные правовые акты (46,67 % ответов), способствовать формированию внутренней готовности к правомерному поведению и недопущению вождения в состоянии опьянения (40%).

Не меньший интерес представляет сюжетная линия новости «По Кирову ездит водитель без прав, которого невозможно остановить — Россия 24», раскрывающая динамику и неблагоприятный характер правовой социализации главного действующего лица (видео размещено на официальном YouTube канале ВГТРК).

Признавая полезность репортажа, в перечень желательных дополнений к его содержанию опрошенные включили комментарий из уст лиц подрастающего поколения, подтверждающий разумность и привлекательность соблюдения Правил дорожного движения Российской Федерации (далее — ПДД). Отметим, что популяризация примеров следования ПДД в подростково-юношеской среде соотносится с сущностью социально-психологического механизма подражания и возрастными закономерностями становления личности.

Одновременно, респонденты предположили, что у части молодежной аудитории может сохраниться желание копировать отрицательные действия, связанное с привлекательностью игровой манеры совершения деликта, а рассказ о негативных последствиях правонарушения, скорее всего, впечатлит людей, психологически готовых к саморазвитию. Кроме того, восприимчивость к смысловым элементам видеорепортажа во многом определяется системой ценностей личности, через призму которых происходит интерпретация разъясняемой схемы поведения правонарушителя.

Уместно здесь привести основанное на зарубежных данных суждение о наличии прямой зависимости, проявляющейся в коммуникативной ситуации, между эффективностью психологического воздействия и когнитивной активностью его объекта, а именно готовностью человека к познанию и интеллектуальной переработке поступающих сведений (Латынов В.В., 2012).

В завершение подчеркнем целесообразность реализации комплексного подхода в оказании оптимального информационно-психологического воздействия на правосознание водителей, включающего плодотворную деятельность совокупности институтов правовой социализации.

1. Латынов В.В. Критерии и факторы эффективности психологического воздействия [Электронный ресурс] // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под редакцией А. Л. Журавлева, Н. Д. Павлова. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 74–96. Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. URL: <http://www.iprbookshop.ru/47552.html> (дата обращения: 14.05.2021).

Психологические основы анализа «символов» в серийных преступлениях

Значение, символ, серийные преступления, личность серийного преступника

Психология серийного преступления и серийного преступника тема актуальная, но в то же время малоисследованная. Подтверждением этого выступает тот факт, что процент раскрываемости серийных преступлений невелик (чаще всего раскрытие связано с фатальной ошибкой, допущенной самим преступником), в то время как их жестокость порой поражает. Безусловно, в психологии предпринимаются активные попытки систематизации данных о личности серийного преступника, попытки построения поисковых психологических портретов и пр., но, к сожалению, существенного эффекта это не дает. Причина, в том числе, заключается в отсутствии эмпирических исследований как психологических особенностей личности серийного преступника, так и психологического содержания серийного преступления, в виду недоступности или малой доступности серийных преступников в качестве объекта исследования.

Серийное преступление, как никакое иное, связано с самовыражением личности преступника. Алгоритмизированность и стереотипность действий преступника в ходе совершения каждого преступления серии несет для него определенное значение, смысл и позволяет удовлетворить жизненно важную потребность. В отличие от преступлений, которые имеют конкретную цель, причину и могут не совершаться в отсутствии таковых, серийные преступления носят иррациональный характер и совершаются вне цели и причины, как своеобразный способ взаимодействия с реальным, как правило, социальным миром, проявления себя в нем.

В этом ключе возникает вопрос — в каких сферах жизнедеятельности можно обнаружить подобные механизмы. По нашему мнению, в качестве такой сферы может выступать, например, искусство. Именно через искусство человек способен проявлять свое иррациональное, даже при условии оформления образа в рамки, приемлемые обществом. Поэтому произведения искусства наполнены символами, несущими определенный смысл и значение для автора. При составлении психологического портрета серийного преступника тоже предпринимаются попытки интерпретации символов, которые могут скрываться за тем, что преступник оставил на месте преступления, каким образом он его совершил, каким образом осуществил выбор жертвы и т.д. Смыслы и значения символов помогут интерпретировать психологическую составляющую преступления, личностные особенности преступника, его мотивы и пр., а также позволят найти подход при проведении следствия, если преступник обнаружен. Безусловно, идея провести аналогию между созданием произведения искусства и серийным преступлением, может вызывать скептическое отношение, однако мы все же попробуем провести параллель.

Так, например, в триптихе Иеронима Босха «Сад земных наслаждений» изображения фонтана жизни, скомпрометированного совой (символом тьмы,

духовной слепоты и ереси), символизирует процветающую греховность людей, а обилие ножей необратимость жестокого и мучительного наказания за нее. Аналогичный подтекст мы можем наблюдать во многих серийных убийствах — когда преступник видит себя в роли того, кто несет возмездие за неправильный с его точки зрения образ жизни (Джек-потрошитель, Битцевский маньяк, Ангарский маньяк и пр.).

Схожесть проявления себя в социуме серийных убийц и творческих личностей не была исследована ранее, в связи с чем делать какие-то конкретные выводы рано. Изучение данного вопроса представляется перспективным, так как более детальное изучение символики в моделях поведения и самовыражения личностей, в действиях которых имеются проявления механизма самореализации серийного убийцы, может помочь правильной интерпретации психологической составляющей преступления, составлении верного психологического портрета преступника и поиске наиболее эффективного подхода при проведении следствия.

1. Косякова В.А. Код Средневековья. Иероним Босх. — Москва: ООО «Издательство АСТ», 2020. — 432 с.

Регуляция поведения у молодых женщин, практикующих самоповреждение

Самоповреждение, самоповреждающее поведение, регуляция, эмоциональная регуляция

Такую форму саморазрушающего поведения как несуицидальное самоповреждение (англ. non-suicidal self-injury, NSSI) значительная часть исследователей, ассоциирует с подростковым возрастом [1], [3] [5]. Однако по свидетельству специалистов, в последнее время, данная девиация получила значительное распространение и среди людей более старшего возраста. Среди тех, кто попадает в поле зрения медиков и правоохранителей особенно много молодых женщин. По результатам нашего обследования, среди этого контингента большинство (до 70%) тех, кто познакомился с практикой самоповреждения еще в детстве, в период расцвета в России таких деструктивных молодёжных субкультур как эмо и готы. Подобное отклонение возникает под воздействием стрессов определенного рода и превратилось в своего рода девиантную практику. В большинстве случаев, с клинико-психологической точки зрения, самоповреждение у такого контингента имеет компульсивный и навязчивый характер. В эпидемиологическом смысле данный вид саморазрушения имеет высокую «контагиозность», распространяется по средствам передачи информации в социальных сетях [4]. Практика самоповреждения расширяет и возрастные рамки. Практика самоповреждения становится нормой поведения для значительного количества в том числе молодых женщин. Изучение данной группы населения, позволило выдвинуть предположение о том, что у молодых женщин, практикующих самоповреждения, нарушена эмоциональная регуляция поведения. В нашем исследовании приняли участие 124 женщины (от 21 года до 32 лет, средний возраст 24,5 года): 71 из них совершают или совершали длительное время (не менее 1-ого года) самоповреждающие действия и 53 женщины с нормативным просоциальным поведением. Самоповреждающее поведение было представлено систематическими порезами рук и ног, в отдельных случаях эпизодическими ударами и прижиганием своего тела. Женщины основной выборки были активными участниками дискурсивных интернет сообществ, где одной из основных тем обсуждения было самоповреждение, что позволило выявить их, организовать с ними взаимодействие и провести исследование. В качестве инструментов изучения нами были выбраны диагностические средства, направленные на измерение регуляторно-личностных свойств отражающих когнитивные и эмоциональные уровни регуляции поведения, а так же такого явления как импульсивность. В исследовании были использованы: опросник Моросановой В. И.; опросник «Характеристики эмоциональности»; русскоязычная версия опросника ERQ (Emotion Regulation Questionnaire); а также адаптированная нами на русский язык сокращенная версия шкалы импульсивности UPPS-P созданная в 2001г. С. П. Х. Уайтсайдом и Д. Р. (Urgency, Premeditation (lack of), Perseverance (lack of), Sensation Seeking «UPPS»).

При сравнении средних показателей, было обнаружено что молодые женщины практикующие самовреждение более склонны ($p \leq 0,01$) к использованию такой стратегии эмоциональной регуляции как «подавление экспрессии» (ERQ). Они отличаются большей ($p \leq 0,01$) эмоциональной возбудимостью, интенсивностью и длительностью эмоций, хуже владеют такими показателями саморегуляции поведения, как «моделирование» ($p \leq 0,05$), «оценивание результатов» ($p \leq 0,01$), «гибкость» ($p \leq 0,01$), чем женщины из контрольной группы. Они значительно ($p \leq 0,001$) отличаются по уровню импульсивности и склонны под влиянием как положительных, так и отрицательных эмоций совершать опрометчивые поступки и действовать резко и не обдуманно под влиянием внезапно возникшего импульса. В целом надо отметить что у них выражены эмоционально незрелые и дисфункциональные механизмы регуляции поведения.

В группе женщин с саморазрушающим поведением прослеживается тенденция с возрастом уменьшать использование такого стиля саморегуляции, как «самостоятельность» ($p \leq 0,05$), в то время как в контрольной группе с возрастом намечается тенденция ($p \leq 0,05$) к понижению такого проявления импульсивности как «поиск ощущений» и в том числе снижается потребность в рискованном поведении. Уровневый анализ показал, что такой стиль как «гибкость» в основной группе сильно снижен [2]. В контрольной группе можно обнаружить иную картину: использование благополучными женщинами значимо выраженного у них стиля регуляционного поведения «оценка результата», с одной стороны ($p \leq 0,01$), положительно взаимосвязана с когнитивной переоценкой. С другой, ее использование позволяет снизить ($p \leq 0,01$) импульсивность в виде позитивной срочности и неусидчивости, уменьшить «отрицательное влияние эмоций» и «интенсивность эмоций» ($p \leq 0,01$). Таким образом в целом следует говорить о нарушении эмоциональной регуляции поведения, преобладании эмоционально нестабильных показателей и снижении регулятивной роли когнитивной сферы у женщин с самоповреждающим поведением.

1. Левковская О.Б., Шевченко Ю.С. Несуицидальное самоповреждающее поведение в подростковой среде: современные объяснительные подходы. Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2014; Vol. 14.; 2: 124–132.
2. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // Психол. журн. 1995. № 4. С. 2635.
3. Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии: автор. дис. ... докт. псих. наук. М. 2017; 432.
4. Польская Н.А., Якубовская Д.К. Влияние социальных сетей на самоповреждающее поведение у подростков. Консультативная психология и психотерапия. 2019; 27.; 3: 156—174. doi: 10.17759/cpp.20192703010.
5. Muehlenkamp J.J., Claes L, Havertape L, Plener PL. International prevalence of adolescent non-suicidal self-injury and deliberate self-harm. Child Adolesc Psychiatry Ment Health. 2012; 6: 10. doi: 10.1186/1753–2000–6–10.

Социально-психологические основы исследования проблемы воздействия

Взаимодействие, воздействие, виды воздействия, ситуация воздействия

В последние годы, развитие судебно-психологической экспертизы показывает значительное расширение диапазона экспертных понятий, с которыми приходится сталкиваться психологу-эксперту. Одним из таких понятий является понятие «воздействие» (Сафуанов Ф.С., Макушкин Е.В. 2017; Кудрявцев И.А., Чинова Д.С., 2011).

Анализ теоретических работ в области психологии воздействия, позволяет рассматривать его как процесс влияния на состояние, мысли и чувства субъекта (группы субъектов). Конечным результатом воздействия всегда является формирование изменений психики или поведения человека. При этом, данный процесс не является односторонним, поскольку подразумевает возможность субъекта сопротивляться подобному влиянию (Холопов А.В., 2014).

Несмотря на значительный интерес юристов к данному явлению, в психологии понятие воздействия не является однозначным и имеет значительное количество видов и форм проявления, таких как влияние, суггестия, гипноз, управление, воздействие и т.д. К примеру, понятие влияния является более широким понятием по отношению к понятию воздействия. В свою очередь, понятие воздействия является уже более направленным и ориентированным на конкретный результат и т.д.

Однако, понятие воздействия в экспертной практике определенным образом отличается от психологического воздействия, с которыми нам приходится сталкиваться в обыденной жизни. В связи с исследованием таких видов воздействия нами были использованы анкетные методы. В частности, анкеты «Виды психологического воздействия» и «Ситуации. Экспертная оценка», разработанные на основе теоретического анализа проблемы. В анкете были использованы открытые вопросы, которые по ходу проведения исследования систематизировались и разбивались на определенные категории. В качестве категориальной основы для анализа полученных данных, нами была использована классификация, предложенная Е.Л. Доценко и Е.В. Сидоренко (Доценко Е.Л., 2003; Сидоренко Е.В., 2001). В процессе исследования приняло участие 60 человек. В задачу исследования входило изучение тех видов воздействия, с которыми сталкиваются курсанты в процессе учебной деятельности.

Результаты исследования. Согласно полученным данным, можно сделать вывод о том, что наиболее часто встречающимися формами воздействия в процессе учебной деятельности являются аргументация и просьба. Несколько более часто встречаются самопродвижение и формирование благосклонности. Практически не используются курсантами такие формы воздействия как принуждение и нападение. С другой стороны, к воздействиям, с которыми приходится сталкиваться самим курсантам, можно отнести: просьбу, аргументацию и формирование благосклонности.

Несколько реже — пробуждение импульса к подражанию и нападению. С остальными видами воздействия курсанты практически не сталкиваются.

Интересным является тот факт, что исследование бытового воздействия в процессе учебной деятельности с помощью авторской анкеты «Ситуации», показало, что данный процесс зависит от специфики внешних условий. Так, в частности, оказалось, что если доминирующими в быту являются просьба (50%), аргументация (30%) и внушение (9%) и, в несколько меньшей мере, нападение и манипуляция (4%), то в структуре учебных взаимоотношений — это такие виды воздействия, как аргументация (69%), заражение (9%), формирование благосклонности (8%), манипуляция (7%), просьба (5%). Остальные виды воздействия практически не используются.

Таким образом, само понятие психологического воздействия в современной психологии носит универсальный характер и определяется через целую совокупность структурных составляющих, к которым можно отнести манипуляцию, внушение, заражение, просьбу, принуждение, а также ряд других средств воздействия, редко описываемых в литературе. Также в процессе исследования было выявлено, что особенности воздействия в определенной мере зависят не только от особенностей субъекта или объекта воздействия, но и от специфики ситуации.

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб.: Речь, 2003. 304 с.
2. Кудрявцев И.А., Чижова Д.С. Методологические основы и принципы судебно-психологической экспертизы воздействия: аналитический обзор. М.: ФГУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2011. 24 с.
3. Сафуанов Ф.С., Макушкин Е.В. Экспертная психолого-психиатрическая диагностика способности к саморегуляции обвиняемых и потерпевших по делам о психическом воздействии // Прикладная юридическая психология. № 3. 2017. С.6–16.
4. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2001. 256 с.
5. Холопов А.В. Научные методы и технические средства в судебном следствии: монография. М.: Юрлитинформ. 2014. 248 с.

Мотив экстремистской деятельности как предмет судебной психолого-лингвистической экспертизы

Мотив, мотивация, религиозно-мотивационный менталитет личности экстремиста.

Введение. Квалифицирующим психологическим признаком материалов экстремистского содержания выступает их побудительная сила для потенциального/реального субъекта восприятия. В ходе исполнения 32 судебно-психологических экспертиз по постановлениям следователей и судей нами была сконструирована гипотетическая модель мотива участия в экстремистской/террористической деятельности — религиозно-мотивационный менталитет экстремистского типа личности [1]. Теоретической основой разработки данной модели выступила структурно-стадиальная концепция мотива как сложного интегрального психологического образования проф. Ильина Е.П. (1995)[2].

Материалы и методы. Предметом экспертиз 2017–2020 г.г. выступили тексты, сконструированные осужденными за участие в террористической деятельности сторонниками ИГ и переданные другим лицам в вербальной и визуальной форме с целью вербовки. Контент- и психосемантический анализ высказываний материалов одной из последних экспертиз (11 стр. формата А4) свидетельствует о массивном психологическом воздействии на знание и подсознание читателя/зрителя с целью склонения его к участию в активной террористической деятельности в рядах незаконных бандформирований ИГ. Высказывания психосемантически относящиеся ко всем основным мотиваторам целостной структуры мотива принятия идеологии и практики радикального Ислама как основного условия участия в агрессивных действиях и поступках направленных против большой социальной группы лиц «противники ИГ», а именно, частота актуализации в его сознании (n~35):

- потребностей: 1) в безопасности сторонников ИГ от преследования законной власти; 2) в реализации права исповедования радикального Ислама;
- мотивационная установка на 1) объединение мусульман для воссоздания всемирного халифата; 2) на идентификацию с боевиками ИГ;
- долженствование как 1) требование сгруппироваться для защиты ИГ; 2) требование всесторонней подготовки для организации терактов на территории России; 3) требование участвовать в джихаде против России;
- предпочтение- побуждение к выбору только и исключительно правовой системы ИГ в противовес правовой системе традиционного Ислама;
- псевдоэтический контроль 1) демонизация образа России, акцент на аморальности общественных отношений и общественных институтов в РФ; 2) негативная оценка условий существования мусульман в России;
- оценка возможностей борьбы с врагами ИГ — определение базовых психологических характеристик мусульманина для участия в джихаде против России;

- оценка психоэмоционального состояния — определение комплекса отрицательных эмоций, которые удерживают от помощи и поддержки ИГ;
- прогноз последствий: 1) количественный рост сторонников ИГ; 2) поражение врагов ИГ, причинение им смерти;
- цели вступления в ряды боевиков ИГ: 1) нанесение максимального ущерба инфраструктуре РФ; 2) содействие установлению власти ИГ во всемирном масштабе посредством объединения мусульман всего мира под эгидой ИГ и их активного участия в джихаде.

Заключение. Гипотетическая структура мотива участия в экстремистской/террористической деятельности, сформированная в исследуемых авторских текстах переданная через визуальный и аудиальный каналы восприятия на рациональном и иррациональном уровне психического отражения, содержит все основные компоненты, обеспечивающие его побудительную, селективную и направляющую функции. Предложенная методология повышает доказательственную силу заключения СПЭ материалов экстремистского содержания и обеспечивает индивидуализацию меры уголовной ответственности их авторов и распространителей.

1. Ермолин А.В. Психодиагностика религиозно-мотивационного менталитета личности/Психология девиантного поведения: междисциплинарные исследования и практика: сб. научных трудов Первой международной научной школы (Казань, 26–27 мая 2016 г.)/под ред. А.И. Ахметзяновой.–Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2016. С.54–58.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2000. — 512 с.

Направления информационно-психологической защиты сотрудников органов внутренних дел

Информационно-психологическое воздействие, информационно-психологическая защита, сотрудники органов внутренних дел

Органы внутренних дел как оплот общественной безопасности и правопорядка являются приоритетным объектом информационно-психологического воздействия со стороны различных деструктивных сил. По оценкам специалистов непрерывное деструктивное информационно-психологическое воздействие на сотрудников ОВД (далее — сотрудники) в режиме 24/7 осуществляют субъекты надгосударственного, межгосударственного государственного, негосударственного и внутригосударственного уровня. Такое воздействие ведется в дистанционном (СМИ, социальные медиа, мессенджеры и т.д.) и контактном формате, прямо или косвенно, непосредственно или опосредствованно, по индивидуальной, групповой и массовой схемам (). Несмотря на это проблема информационно-психологической защиты сотрудников теоретически не разработана и не выведена на уровень соответствующих технологий.

Целью данной статьи является определение сущности и основных направлений информационно-психологической защиты (ИПЗ) сотрудников.

Методами достижения поставленной цели избраны анализ научной литературы, документов и практической служебной деятельности должностных лиц и подразделений, призванных обеспечивать ИПЗ.

Результаты исследования. Изучение научной литературы, руководящих документов в исследуемой области, деятельности руководителей и подразделений по информации и связям с общественностью ОВД (Бережкова, 2017;) позволил сформулировать дефиницию ИПЗ. Под информационно-психологической защитой мы понимаем сложную, комплексную, многоуровневую деятельность различных субъектов, нацеленную на предупреждение, пресечение и ликвидацию последствий деструктивного информационно-психологического воздействия.

Установлено, что ИПЗ сотрудников осуществляется на государственном, ведомственном, групповой и персональном уровнях. Она осуществляется по целому комплексу направлений, в частности, по правовому, информационному, организационному, психолого-педагогическому. Во всех этих направлениях проявляется выраженный психологический аспект.

Так, в рамках правового направления важной задачей является создание системы правовых координат служебной деятельности сотрудников, фундамента их уверенности в том, что их действия, осуществляемые в правовых рамках, надежно защищены законом.

Организационное направление призвано элиминировать у сотрудников «эффекта витринности», когда они ощущают, что постоянно находятся на виду у окружающих, и все их личные дела и поступки становятся достоянием любого

наблюдателя. Это достигается за счет ограничения личной информации о сотрудниках в открытых источниках.

В русле информационного направления психологический аспект проявляется в блокировании запрещенной законом информации, используемой различными субъектами для выведения сотрудников из эмоционального равновесия, порождения у них страха, неуверенности, сомнений и т.д.

Психолого-педагогическое направление нацеливается на формирование внутреннего механизма информационно-психологической защиты сотрудников — их информационно-психологической устойчивости.

Таким образом, чтобы обеспечить информационно-психологическую защиту сотрудников органов внутренних дел, необходимо осуществлять целостный и согласованный комплекс правовых, информационных, организационных и психолого-педагогических мер на государственном, ведомственном, групповом и персональном уровнях.

1. Бучакова М. А., Дизер О. А. Защита чести и достоинства, деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2017. — № 3(70). — С. 16–19.
2. Бучакова М.А. Персональные данные и их защита в условиях цифровизации общества // Алтайский юридический вестник. — 2021. — № 2 (34). — С. 44–48.
3. Костюк А. В., Примакин А. И. Информационно-психологическая безопасность личности: проблемы и подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2018. — № 3 (79). — С. 227–230.
4. Технологии защиты сотрудников органов внутренних дел от негативного информационно-психологического воздействия / А.Г.Караяни, Ю.М. Караяни, Б.Ю, Дерешко, В.Л. Ситников: монография. — СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021.
5. Технологии взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации: учебное пособие / Э. В. Намруева, О. И. Ильянова. — М.: Академия управления МВД России, 2021. —100 с.

Влияние мнения анонимной номинальной группы на оценку интернет-публикаций участниками социальных сетей

Групповое давление, психологическое влияние, номинальная группа, социальная сеть, оценка интернет-публикаций

В начале и середине XX в. состоялась серия психологических экспериментов, посвященных изучению природы подчинения человека мнению других людей (М. Шериф (1935); С. Аш (1951); С. Милгрэм (1963); Р. Джонс (1967); Дж. Эллиот (1968); Ф. Зимбардо (1971)) и др.

В этих экспериментах было доказано, что человеческое восприятие, оценки, мышление, принятие решений, поведение подвергается существенной модификации в случае воздействия мнений, оценок и действий других людей.

Во всех этих экспериментах групповое мнение было представлено реальными или вымышленными людьми (подставными группами или другими экспериментируемыми), находящимися в непосредственном или опосредствованном (по телефону) взаимодействии, наделенными конкретными характеристиками.

А какое влияние способно оказать мнение анонимной номинальной группы на оценку интернет-публикаций пользователями социальных сетей? Поставив цель выяснить это, мы сформулировали гипотезу о том, что мнение анонимных пользователей социальных сетей по оценке публикаций окажет влияние на оценку этих публикаций другими пользователями.

Случайным образом (методом «Монета») для проведения эксперимента была выбрана социальная сеть — ВКонтакте.

Методом исследования была избрана анонимная подставная группа, чье мнение в эксперименте было представлено количеством просмотров, лайков, перепостов и комментариев, обозначенных под публикациями.

Исследовательскую выборку составили 44 интернет-пользователя — студенты 3 курса одного из московских вузов (25 юношей и 19 девушек). Средний возраст экспериментируемых составлял 19 лет. Участники эксперимента были случайным образом разбиты на 4 экспериментальные группы.

Экспериментальным материалом стали два стихотворения одного и того же автора, схожие по тематике, стилю и размеру: 1) «Я не знаю, где быть, а где небыль» (№1) и «Уйдут из памяти моей» (№2).

Ход эксперимента и обсуждение результатов. Стихотворения представлялись членам экспериментальных групп парами в виде скриншота публикации на странице ВКонтакте с разными для каждой группы значениями просмотров, лайков, комментариев и перепостов. Членам ЭГ1 стихотворение №1 было представлено, как получившее 342 просмотра, 14 лайков и 2 комментария, а стихотворение №2, как имеющее 58 тысяч просмотров, 898 лайков, 58 репостов и 16 комментариев.

Экспериментируемым предлагалось оценить, какое стихотворение им нравится больше. Из 11 членов группы 8 (72,7%) человек оценило более высоко стихотворение №2, отметив его «легкий стиль», «близость по духу», «реальность и теплоту воспоминаний» и т.д.

Членам ЭГ2 эти же стихи были представлены с обратными значениями. У стихотворения №1 было прописано 86 тыс. просмотров, 896 лайков, 112 комментариев и 96 репостов, а стихотворение №2 имело 64 просмотра, 8 лайков и по одному репосту и комментарию. В результате из 14 членов группы 9 человек (64,2%) нашло более привлекательным стихотворение №1, аргументируя выбор тем, что в нем «отражены настоящие чувства», «более глубокие формы», «лучше рифма» и т.д.

В третьей и четвертой экспериментальных группах изучалось, какая из управляемых переменных (количество просмотров, лайков, репостов или комментариев) влияет на оценку публикаций в большей степени. Членам ЭГ3 были выданы публикации, в которых у стихотворения №1 было 28 тыс. просмотров, по 11 комментариев и лайков, а у стихотворений №2 — 218 просмотров, 193 лайка, 11 комментариев и 58 репостов. 6 из 9 экспериментируемых (66,7%) оценили выше стихотворение №2, отметив его душевность и лаконичность). У членов ЭГ4 стихотворение №1 имело 321 просмотр, 192 лайка, а стихотворение №2 — 28 тыс. просмотров, по 11 лайков и комментариев. 4 из 10 экспериментируемых (60%) оценили более высоко стихотворение №1, указав его чувственность, логичность и простоту.

Таким образом, в ходе проведенного пилотного исследования были выявлены следующие тенденции: 1) мнение неизвестных людей, выраженное в каких-либо действиях с публикациями (просмотр, лайк, репост, комментарий) оказывает заметное влияние на оценку интернет-публикаций пользователями социальных сетей, 2) при этом большее влияние на эту оценку оказывают лайки, как эмоционально насыщенное действие.

1. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013. — 740 с.

Николаева Д.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Вартамян Г.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Куркова Е.В.
Санкт-Петербург, ФКУ Колпинская ВК
УФСИН России по г.Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Концепция собственного будущего несовершеннолетних осуждённых

Концепция собственного будущего, деструктивное поведение, несовершеннолетние

Теоретический анализ литературы показывает, что одними из актуальных тем исследований в настоящее время являются понятие будущего и его влияние на жизненный путь, а также механизмы и закономерности возникновения деструктивного поведения подростков. Активно исследуется зависимость будущего от личностных особенностей, уровня мотивации, ценностных ориентаций и самооценки [2]. Взаимосвязь этих тем обнаруживается в исследованиях, показывающих, что деструктивные подростки характеризуются низким уровнем целеполагания, сниженной ориентированностью на смысл жизни, несформированностью рефлексивности [3]. Так, С.В. Горбатов установил различия в концепции собственного будущего, т.е. системе представлений человека о своем будущем, основанной на его жизненных целях и ценностях, между подростками с отклоняющимся и нормативным поведением [1]. Несомненно, актуальность теме придает и ежегодный рост числа подростков, вовлекающихся в деструктивное поведение. Однако проблема концепции собственного будущего до сих пор остается малоизученной.

Цель исследования — изучить особенности концепции собственного будущего осужденных подростков.

Для достижения поставленной цели мы использовали следующие методики: «Ценностные ориентации» М. Рокича, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, методику изучения временной перспективы Ф. Зимбардо. Исследование проводится в настоящее время и представлено расширенным психодиагностическим пакетом, однако, в данной публикации мы представим его часть.

В исследовании принимают участие две группы подростков в возрасте от 14 до 18 лет: осужденные подростки и подростки с нормативным поведением.

Выявлено, что наиболее значимыми терминальными ценностями для осужденных подростков (N=30) являются «Счастливая семейная жизнь», «Здоровье» и «Жизненная мудрость», а наименее — «Удовольствие» и «Творчество. Среди инструментальных ценностей наиболее значимыми являются «Воспитанность» и «Аккуратность», а наименее — «Рационализм» и «Непримиримость к недостаткам». Можно предположить, что для осужденных подростков значимыми терминальными ценностями становятся наименее доступные для реализации в настоящий момент, а наиболее значимыми инструментальными ценностями — ценности, социально

желательные и одобряемые в настоящий момент, необходимые для обеспечения жизнедеятельности в учреждении. У 33 % осужденных по шкале «Процесс» и у 27 % по шкале «ЛК-жизнь» показатели ниже нормы, что может свидетельствовать о неудовлетворенности жизнью в настоящем и убежденности в невозможности ее контролировать. Изучение временной перспективы позволило выявить высокие и средние показатели по шкалам «Негативное и позитивное прошлое», средние и низкие по шкалам «Гедонистическое и фаталистическое настоящее» и средние по шкале «Будущее». Это означает, что осужденные, как правило, ориентированы на прошлое и будущее и в меньшей степени — на настоящее. Безусловно, описанные результаты могут быть связаны с текущей ситуацией подростков, однако, мы не можем исключить влияния других факторов и обстоятельств, требующих изучения.

Дальнейший сравнительно-сопоставительный анализ с группой школьников с нормативным поведением, корреляционный анализ особенностей концепции собственного будущего и склонности к деструктивному поведению позволят сформулировать окончательные выводы. Результаты проведенного исследования могут лечь в основу для разработки программ психологического сопровождения и реабилитации осужденных подростков, а также быть использованы для проведения исследований по столько актуальной и значимой теме.

1. Горбатов С. В. Концепция собственного будущего как фактор регуляции поведения несовершеннолетних: Автореф. канд. дис. СПб., 2000.
2. Жданова С.Ю., Особенности представлений о будущем у лиц студенческого возраста // Пермский государственный университет, 2009.
3. Мельникова, М. Л. Сравнительный анализ структурных компонентов смыслового будущего у подростков / М. Л. Мельникова // Педагогическое образование в России. — 2017. — № 7. — С. 157–163.

К вопросу о лингвистических особенностях речи при эмоциональном напряжении

Эмоциональное напряжение, семантическая структура речи, лексическая структура речи, грамматический строй речи.

В современной психологической и юридической практике остро стоит проблема верификации лжи при показаниях участников уголовного процесса. На настоящий момент не известно ни одного признака, напрямую связанного с неискренностью и ложью [1]. Не существует общепризнанной методики верификации лжи. Исследователями отмечается, что, «учитывая состояние научно-исследовательских разработок в области свидетельских показаний, в настоящее время установление достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы на строго научной основе невозможно» [2, С. 68]. Тем не менее, это не отменяет необходимость поиска таких признаков, прямых или косвенных. В качестве косвенных маркеров неискренних свидетельских показаний можно рассмотреть комплекс физиологических, поведенческих и речевых признаков и неслучайность их возникновения у свидетелей в определённых ситуациях при проведении опроса. Одним из возможных вариантов поиска косвенных маркеров будет являться определение связи эмоционального напряжения и лингвистических индикаторов, проявляющихся в речи опрашиваемого.

Э.Л. Носенко сформулированы признаки изменения структуры речи человека в состоянии эмоционального напряжения [3].

Опираясь на данные признаки, в ходе пилотажного полевого исследования мы на примере единичного случая опроса свидетеля, уже обладающего опытом негативного контакта с правоохранительными органами и поэтому, предположительно, более устойчивого к стрессовым ситуациям, проверили неслучайность изменения его речевых характеристик в состоянии эмоционального напряжения.

Данные о респонденте: мужчина, 34 года, образование среднее специальное, ранее судим по ч.3 ст. 158 УК РФ (кража с незаконным проникновением в жилище), в местах лишения свободы наказание не отбывал.

Была выдвинута гипотеза: эмоциональное напряжение респондента вызывает значимые изменения его речевых характеристик.

Методы исследования: включённое наблюдение, нарративное интервью, контент-анализ, χ^2 -критерий с поправкой на непрерывность Йетса ($\chi^2_{кр}=3,841$ для $p \leq 0,05$, $df=1$).

Процедура. Респондент опрошен в отделе полиции по факту реального преступления в статусе свидетеля. 1. Респондент отрицает своё знание о преступлении; 2. Исследователь задаёт вопрос-стимул, провоцирующий

эмоциональное напряжение (ставит под сомнение процессуальный статус респондента); 3. Респондент продолжает отрицать своё знание о преступлении. 4. Контент-анализ двух дискурсов респондента, сравнение речевых характеристик.

В ходе исследования установлено следующее.

Грамматический строй речи респондента не изменился: количество существительных и глаголов по сравнению с прилагательными и наречиями не увеличилось ($\chi^2=0,15$).

Количество слов-паразитов ($\chi^2=2,07$), неологизмов и парафазии (отсутствуют) в речи респондента не возросло. Семантически нерелевантные повторения фраз, частей фраз, одного слова, слогов не возникли ($\chi^2=0,28$). Для речи незавершённость (опущение части слова) не была характерна ($\chi^2=2,45$). В семантическом плане, слов, усиливающих резкость в оценках, не увеличилось ($\chi^2=0,38$), всеохватные слова не преобладали ($\chi^2=0,51$).

Однозначно утверждать, что лексически речь респондента упростилась, нельзя: если разница между присутствием односложных слов в обоих дискурсах респондента несущественна ($\chi^2=2,7$), то в совокупности односложных и двусложных слов были обнаружены статистически значимые различия на 5% уровне ($\chi^2=5,86$).

Таким образом, можно заключить, что анализ речевых характеристик как самостоятельный инструмент диагностики эмоционального напряжения в полевых условиях представляется спорным.

1. Экман П. Психология лжи. СПб.: Питер, 2012. 460 с.
2. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы. Информационное письмо // Электронный журнал «Психология и право». 2016. Том 6. № 3. С. 61–78.
3. Носенко Э.Л. Изменение характеристик речи при эмоциональной напряженности // Вопросы психологии. 1978. № 6. С. 76–85.

Научное издание

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2021
Материалы международной научной конференции
19–22 октября 2021 года

Подписано в печать 15.11.2021.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 65,75.
Заказ 7412.

Издательство и типография «Скифия-принт»
197198 С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, д. 10, лит. З.